РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. МАЙ. 1877 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Константина Владиміровича **Чевкина**, † 1875 г.; геліографическій снимокъ съ портрета, писаннаго академикомъ Тюринымъ, исполненъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, художникомъ г. Скамони.

При одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины» будетъ помѣщенъ портретъ покойнаго Московскаго митрополита Филарета, гравюра на мѣди академика И. П. Пожалостина.

Продолженіе изслѣдованія А. Н. Попова: Отечественная война 1812 г. будетъ напечатана въ слѣдующей, іюньской книгѣ «Русской Старины».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая.

Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». T. I, Спб. 1873. 620 экз. Т. II, вып. 1-й, 1875 г.—500 экз. Ц. за оба тома 5 р.

Петръ Великій въ иностранной литературѣ. Подробн. каталогъ иностр. сочиненій о Россіи (Rossica), находящихся въ Имп. публичн. библіотекѣ, въ Спбургѣ. Сост. по случаю 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго, по матеріаламъ гр. Корфа Р. Минцлофъ. Спб. 1872. In-8°. XV и 691 стр. Ц. 3 р.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. V. Письма Имп. Александра I и др. особъ Царств. дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ (1775). Бумаги кн. Н. В. Репнина. Государств. доходы и расходы въ царств. Екатерины II. Дипломатич. документы къ исторіи Россіи въ XVIII ст. изъ дѣлъ саксонск. королевск. архива въ Дрезденѣ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну Никитѣ Петр.—Спб. 1870.—Т. VI. Письма адмирала Чичагова къ Имп. Александру I. Бумаги гр. П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Госуд. доходы и расходы въ царств. Екатерины II. Бумаги кн. Н. В. Репнина. Записка кн. А. А. Чарторижскаго Имп. Александру I (1807). Дипломатич. документы къ исторіи Россіи въ XVIII в. изъ саксонск. госуд. архива. Спб. 1870.—Т. VII. Бумаги Имп. Екатерины II, хранящіяся въ архивѣ м-ства иностр. дѣлъ. Собр. и изд. академикомъ П. П. Пекарскимъ. Ч. I. (1744—64). Спб. 1871.—Т. VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, собр. и привед. въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Ч. II-я. Спб. 1871.—Т. IX. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ (1782). Переписка о несостоявшемся бракѣ Густава-Адольфа IV съ в. к. Александрою Павловною. Переписка гр. П. А. Румянцева съ гр. Н. И. Панинымъ (1765—71). Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ гр. Н. Н. Новосильцеву. Изъ переписки Ив. Ив. Шувалова. Спб. 1872.—Т. X. Бумаги Имп. Екатерины II, хранящіяся въ архивѣ м-ства ин. дѣлъ, собр. и изд. П. П. Пекарскимъ. Ч. II (1765 — 71). Спб. 1872.—Т. XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Собраны и изд. А. Ѳ. Бычковымъ. Спб. 1873.—Т. XII. Дипломатич. переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ (1762—69), изъ англ. государств. архива и архива м-ства ин. дѣлъ. Спб. 1873. — Т. XIII. Бумаги Имп. Екатерины II изъ архива м-ства иностр. дѣлъ. Ч. III (1771—74), собр. Я. К. Гротомъ. Спб. 1874. — Т. XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для составленія проекта новаго Уложенія, изд. Д. В. Полѣновымъ. Ч. III. Спб. 1874.—Т. XV. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. Донесенія барона Мардефельда, прусск. посла при Петрѣ I. Бумаги кн. Репнина за время константинопольскаго посольства. Спб. 1875.—Т. XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ. Спб. 1875.—Т. XVII. Переписка Имп. Екатерины II съ Фалькопетомъ. Спб. 1876.—Т. XVIII. Дипломатическая переписка австрійск. посла при Имп. Петрѣ III-мъ, гр. Мерси-д'Аржанто (1762), собран. С. Татищевымъ и изд. Г. Ѳ. Штендманомъ. Спб. 1876.—Цѣна каждому тому по 3 р.

Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодич. изданіяхъ и сборникахъ Имп. академіи наукъ, а также сочиненій, изданныхъ академіею отдѣльно со времени ея основанія по 1872 г. включительно. Ч. 1-я: Сочиненія на нѣмецк. языкѣ. Спб. Ч. 2-я: Сочиненія на русскомъ языкѣ. Спб. 1875. Ц. по 1 р. 50 к. за часть.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. Спб. 1871. Ц. 45 к.—Спб. 1874 («Записки Имп. Академіи Наукъ», т. XXIV). Ц. 70 к.

Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Юлія Иверсена. Спб. 1874. 210 экз.

Собраніе древнихъ памятниковъ искус-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1877.

Russkaia starina

Состав. А. Шарлемань.

Высочайшій рескриптъ Главному Управленію Общества Попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Не смотря на всѣ усилія сохранить миръ, война оказалась неизбѣжною, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Съ объявленіемъ войны настало время Обществу Попеченія о больныхъ и раненыхъ — исполнить святое свое призваніе и обратить всѣ силы и всѣ средства, какими оно располагать можетъ, на служеніе нуждамъ и болѣзнямъ воиновъ, подвизающихся на полѣ брани.

Не сомнѣваюсь, что Главное Управленіе, равно какъ и всѣ мѣстные комитеты и всѣ члены общества, въ разныхъ краяхъ нашего отечества, соединятъ свои усилія къ достиженію священной нашей цѣли.

Нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ будутъ велики и многообразны; но Я знаю, какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда наше храброе войско идетъ стать грудью противъ врага, за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ собратій, — не оскудѣетъ дающая рука и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое и малое, равно цѣнно предъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во едино, во имя Христово.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, но и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, встрѣчая грядущія событія, молю Бога, да благословитъ Онъ труды и жертвы всѣхъ и каждаго на благое и великое дѣло!

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано: «МАРІЯ».

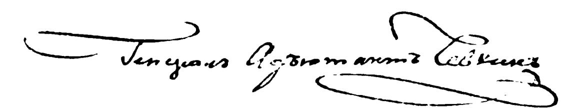
Въ Зимнемъ дворцѣ.
Апрѣля 12-го дня 1877 года.

Россія съ восторгомъ откликнулась на манифестъ Монарха, призывающій на брань противу враговъ церкви Христовой; русское-ли сердце не откликнется на слова Государыни Императрицы призывающія насъ на подвиги любви христіанской и милосердія, завѣщанныхъ міру его Спасителемъ!

„Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое и малое, равно цѣнно предъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во едино, во имя Христово".

Эти святыя слова, несомнѣнно, отзовутся въ русскомъ сердцѣ — бьющемся въ груди вельможи или простолюдина, отъ чертоговъ богачей до лачугъ бѣдныхъ тружениковъ.

Редакція „Русской Старины" спѣшитъ предложить какъ своимъ подписчикамъ, такъ всѣмъ и каждому, доставлять посильныя пожертвованія свои въ контору редакціи, изъ которой они, при спискахъ жертвователей, будутъ препровождаемы въ Главное Управленіе Общества Попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1877 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1876 г.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

КОНСТАНТИНЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЧЕВКИНЪ.

Біографическій очеркъ.

1803—1875.

3-го (15-го) ноября 1875 г., телеграфическая депеша изъ Ниццы принесла печальное для русскаго общества извѣстіе о послѣдовавшей въ этомъ городѣ кончинѣ генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина.

Извѣстіе это встрѣтило отголосокъ почти во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Положительно почти всѣ наши журналы и газеты почтили память усопшаго сочувственными отзывами о его дѣятельности, такими, какіе лишь немногимъ изъ государственныхъ людей выпадаютъ на долю.

Дѣятельность эта точно выходила изъ ряда обыкновенныхъ,— какъ по своей многосторонности, такъ, особливо, по замѣчательной энергіи, неутомимости и добросовѣстности К. В. Чевкина. Послѣднія проявленія ея на поприщѣ государственной службы еще свѣжи въ памяти соотечественниковъ и почтены не только высочайшими наградами, но и общею данью уваженія всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были ея свидѣтелями или соучастниками. Оглянувшись на прежнюю службу покойнаго Константина Владиміровича, мы убѣдимся, что онъ, единственно своими способностями, почти съ самой школьной скамьи, не имѣя сильныхъ связей, сталъ выдаваться изъ среды своихъ сверстниковъ и успѣлъ заслужить довѣріе и уваженіе своихъ начальниковъ и товарищей; чѣмъ далѣе расширялся кругъ его дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ случаевъ выказать какъ прирожденныя свои способности, такъ и обширность познаній, которыхъ не переставалъ увеличивать, постоянно слѣдя за наукою.

Для полной біографіи Чевкина еще не наступило время — и онъ, и его дѣятельность слишкомъ близки къ намъ. Но, предоставляя этотъ благодарный трудъ будущему поколѣнію, мы полагаемъ полезнымъ и необходимымъ собираніе и печатаніе возможно полныхъ матеріаловъ для таковой біографіи.

Редакція «Русской Старины» считаетъ это дѣло своею обязанностію и тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ приступаетъ къ ея исполненію, что въ полномъ ея распоряженіи находится большое собраніе бумагъ, касающихся жизни и дѣятельности К. В. **Чевкина**; оно передано издателю-редактору «Русской Старины» самимъ Константиномъ Владиміровичемъ предъ послѣднимъ его путешествіемъ за границу—26-го іюня 1875 г.

Какъ эти бумаги, такъ и мноніе другіе, имѣющіеся у насъ подъ рукою печатные и рукописные матеріалы, позволяютъ намъ представить вниманію читателей полный очеркъ жизни и дѣятельности Константина Владиміровича Чевкина, принадлежащаго къ числу наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ государственныхъ людей новѣйшаго времени [1]).

Фамилія Чевкиныхъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ нашихъ дворянскихъ родовъ. Чевкины, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими фамиліями [2]), ведутъ свое происхожденіе отъ Касожскаго князя Редеди или Редеги, погибшаго, какъ извѣстно изъ исторіи, въ 1022 г. въ единоборствѣ съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ сыномъ св. князя Владиміра.

По древнимъ лѣтописямъ русскимъ и по справкамъ, наведеннымъ, въ прежнее время, въ архивахъ: разрядномъ и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, видно, что двое сыновей Редеди, взятые въ плѣнъ княземъ Мстиславомъ, приняли христіанскую вѣру, названы во св. крещеніи Юріемъ и Романомъ, и находились на службѣ при великомъ князѣ. Правнукъ Романа Редедича, Михаилъ Юрьевичъ Соро-

---

[1]) Печатая этотъ біографическій очеркъ и желая придать ему наиболѣе полноты, редакція «Русской Старины» обращается съ покорнѣйшею просьбою, ко всѣмъ лицамъ, близко знавшимъ покойнаго Константина Владиміровича или обладающимъ документами, касающимися его общественной дѣятельности,—подѣлиться своими свѣдѣніями съ нашимъ изданіемъ.

При этомъ редакція обязывается: всѣ доставляемые ей, по означенному предмету, рукописные матеріалы, по миновеніи въ нихъ надобности, въ полной сохранности возвращать владѣльцу—въ случаѣ изъявленнаго имъ на то желанія.

[2]) Астафьевы, Бѣлеутовы, Викентьевы, Глѣбовы, Кокошкины, Колтовскіе, Лаптевы, Лопухины и нѣкоторыя другія.

воумъ, имѣлъ сына Глѣба, а правнукъ Глѣба Михайловича, Василій Леонтьевичъ Суворъ, имѣлъ сына Андрея Чевку. Отъ него и пошелъ родъ Чевкиныхъ, представители коего, по свидѣтельствамъ архивнымъ, «служили Россійскому престолу дворянскія службы стольниками, и въ иныхъ знатныхъ чинахъ; жалованы отъ государей на помѣстья грамотами и другими почестьми монаршихъ милостей» [1]).

Родитель Константина Владиміровича, родомъ изъ дворянъ Нижегородской губерніи, вступивъ въ военную службу при Екатеринѣ II, принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго; затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу и кончилъ свою карьеру дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, въ должности Подольскаго гражданскаго губернатора. Женившись на польской дворянкѣ Крщановской (въ первомъ бракѣ бывшей за Глазенапомъ), онъ имѣлъ отъ нея двоихъ сыновей, Александра и Константина, и дочь Анну.

Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ родился въ Каменецъ-Подольскѣ, въ 1803 г. О первыхъ лѣтахъ его дѣтства мы не имѣемъ свѣдѣній, но судя по послѣдующей жизни и дѣятельности,—нравственныя начала въ его воспитаніе положены были хорошія. Когда наступило время отдать мальчика въ учебное заведеніе, то онъ, вѣроятно, по вліянію его матери — польки, отправленъ былъ въ процвѣтавшій тогда, въ Петербургѣ, пансіонъ отцовъ-іезуитовъ. Подъ руководствомъ этихъ педагоговъ ему, къ счастію, пришлось пробыть лишь непродолжительное время — во всякомъ случаѣ не долѣе своего 13-ти лѣтняго возраста, такъ какъ въ 1816 г. іезуиты, по высочайшему повелѣнію, были изгнаны изъ предѣловъ Россійской имперіи.

Отданный затѣмъ въ Пажескій корпусъ, Константинъ Владиміровичъ занялъ первое мѣсто въ числѣ отличнѣйшихъ воспи-

---

[1]) Гербъ Касожскаго князя Редеди, присвоенный роду Чевкиныхъ, представляетъ бѣлый (серебряный) щитъ (или поле) съ изображеніемъ краснаго грифа, на заднихъ лапахъ, обращеннаго въ правую сторону. Щитъ увѣнчанъ шлемомъ съ дворянскою короною, на поверхности которой находится шапка красная съ горностаевою опушкою и павлиньими перьями. Наметъ на щитѣ серебряный, подложенный краснымъ.

По объясненію Гербовника; поле бѣлое означаетъ чистоту; звѣрь грифъ красный—воинскую храбрость; на княжеской шапкѣ павлиній хвостъ значитъ высокое намѣреніе.

танниковъ и, достигнувъ званія камеръ-пажа, былъ фельдфебелемъ корпуса. На выпускномъ экзаменѣ онъ оказался первымъ по наукамъ и, 31-го марта 1823 года, вступилъ на службу, 19-ти лѣтъ отъ роду, прапорщикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

Прикомандированный сначала къ военно-топографическому депо — вѣроятно, для упражненія и усовершенствованія въ картографическихъ работахъ, онъ, уже черезъ четыре мѣсяца, былъ переведенъ въ гвардейскій корпусъ, при штабѣ котораго въ теченіи около четырехъ лѣтъ занималъ должность начальника квартирмейстерскаго отдѣленія. Во время нахожденія въ этомъ званіи, Чевкинъ впервые имѣлъ случай выказать свои замѣчательныя способности къ практической дѣятельности, принимая участіе въ военномъ обозрѣніи Тверской губерніи (съ 9-го марта по 8-е октября 1823 г.).

Управляя квартирмейстерскимъ отдѣленіемъ штаба гвардейскаго корпуса, Константинъ Владиміровичъ до такой степени былъ заваленъ текущею перепискою, что ему почти не оставалось времени для участія въ жизни современнаго общества и для занятій чѣмъ нибудь постороннимъ. Это невольное, временное поглощеніе канцелярскою дѣятельностію спасло его, можетъ быть, отъ той катастрофы, которая разразилась при вступленіи на престолъ императора Николая Павловича и была причиною гибели столь многихъ даровитыхъ молодыхъ людей. Вращаясь, по обязанностямъ службы, въ кругу гвардейской молодежи, Чевкинъ былъ близко знакомъ съ нѣкоторыми изъ вліятельнѣйшихъ декабристовъ и не разъ слышалъ отъ нихъ намеки на существовавшее тайное общество и его дѣятельную пропаганду. «Я,—разсказывалъ намъ въ послѣдствіи Константинъ Владиміровичъ,—конечно, былъ настолько сообразителенъ, чтобы понять неосуществимость ихъ замысловъ, но, кромѣ того, не доставало и времени, чтобы вникать въ ихъ теоріи и слушать ихъ предположенія, которыя поэтому и пропускались мною мимо ушей».

Въ первое время царствованія императора Николая Павловича, — за исключеніемъ похода съ частію гвардейскихъ войскъ въ Москву, на коронацію — обычное теченіе службы Чевкина въ продолженіи 13-ти мѣсяцевъ не нарушалось; но, уже въ началѣ февраля 1827 г., ему пришлось на время оставить обычныя свои занятія. Внезапно возгорѣлась война съ Персіею, и

одновременно съ этимъ появились доносы на командовавшаго нашими войсками на Кавказѣ, извѣстнаго А. П. Ермолова, который обвинялся въ различныхъ яко-бы упущеніяхъ и котораго старались даже выставить виновникомъ помянутой войны. Для изслѣдованія основательности этихъ доносовъ, а равно и для разбора пререканій, возникшихъ между Ермоловымъ и генераломъ Паскевичемъ, начальствовавшимъ частію войскъ, противопоставленныхъ персіянамъ, командированъ былъ въ Грузію начальникъ главнаго штаба Е. И. В—ва, баронъ (въ послѣдствіи графъ) Иванъ Ивановичъ Дибичъ. Нуждаясь, при выполненіи возложеннаго на него затруднительнаго и щекотливаго порученія, въ надежномъ сотрудникѣ, Дибичъ выбралъ для этого Чевкина, съ которымъ, въ февралѣ 1827 г., и отправился въ Тифлисъ.

По возвращеніи, вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ, изъ означенной командировки, въ маѣ того же года, Чевкинъ не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ получилъ приказаніе состоять при генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба, графѣ Сухтеленѣ, отправлявшемся въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, назначенный для военныхъ дѣйствій противъ персіянъ.

Съ этого времени начинается его боевое поприще.

Война была уже въ полномъ разгарѣ и, подобно всѣмъ нашимъ азіятскимъ войнамъ, представляла не столько затрудненій въ одержаніи побѣдъ надъ нестройными полчищами непріятеля, сколько въ борьбѣ съ природою и климатическими условіями, а особенно — въ необходимости дѣйствовать на обширномъ раіонѣ враждебной страны съ относительно весьма небольшими силами, какими располагалъ новый главнокомандующій, генералъ Паскевичъ. Не смотря однако на всѣ трудности, война съ Персіей покрыла новымъ блескомъ русское оружіе.

Константинъ Владиміровичъ, впервые вступившій здѣсь на настоящее поприще военнаго человѣка, съ честію выдержалъ эти начальные опыты, этотъ основной закалъ боевой жизни, участвуя во многихъ встрѣчахъ съ врагомъ. Іюля 2-го 1827 г., находясь въ отрядѣ генерала Красовскаго, онъ въ первый разъ попалъ въ огонь, въ дѣлѣ противъ кавалеріи Гассанъ-хана, при д. Джангили, на рѣчкѣ Абарани — дѣлѣ, окончившемся бѣгствомъ персіянъ въ ущелья близъ горы Алагезъ; а съ 10-го по 17-е сентября находился при войскахъ Паскевича, подступившихъ къ

крѣпости Сардаръ-Абаду: здѣсь, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, онъ производилъ рекогносцировку непріятельскихъ укрѣпленій, присутствовалъ при открытіи траншей и, за оказанныя при этомъ храбрость и усердіе, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

Въ концѣ сентября того же года, находясь, вмѣстѣ съ непосредственнымъ начальникомъ своимъ, графомъ Сухтеленомъ, въ главномъ отрядѣ Паскевича, онъ принималъ участіе въ осадѣ и взятіи крѣпости Эривани—послѣдняго оплота персіянъ въ горахъ Арменіи, а затѣмъ—въ походѣ на Тавризъ и при занятіи этого города русскимъ отрядомъ.

Когда, устрашенное грознымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, персидское правительство изъявило готовность къ заключенію мира, то для предварительныхъ переговоровъ посланъ былъ изъ Тавриза въ Дейкарганъ графъ Сухтеленъ. Чевкинъ находился въ числѣ лицъ его сопровождавшихъ и, по опредѣленіи мирныхъ условій, отправленъ былъ, 26-го ноября, съ донесеніемъ объ этомъ къ государю императору.

По возвращеніи въ Петербургъ, Константинъ Владиміровичъ снова назначенъ былъ состоять при начальникѣ главнаго штаба, И. И. Дибичѣ, который вполнѣ успѣлъ оцѣнить его обширныя способности и усердіе и съ этихъ поръ старался постоянно имѣть его при себѣ.

Между тѣмъ, отношенія наши къ Турціи, становившіяся все болѣе и болѣе натянутыми, къ 1828 году кончились полнымъ разрывомъ. Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ самъ принять участіе въ открывшейся кампаніи и, 25-го апрѣля, выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи князя Витгенштейна, сосредоточенной на р. Прутѣ и готовившейся вступить въ турецкіе предѣлы. За двѣнадцать дней до отбытія государя изъ столицы, отправленъ былъ въ Дунайскую армію графъ Дибичъ, съ инструкціями и приказаніями объ открытіи военныхъ дѣйствій. Уѣзжая туда, онъ взялъ съ собою Чевкина, которому, такимъ образомъ, пришлось присутствовать при переходѣ нашихъ войскъ черезъ р. Прутъ, у д. Водолуй-Исаки.

Отсюда 7-й корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Воинова, направленъ былъ къ Браилову и приступилъ къ осадѣ этой крѣпости. Осадою, какъ извѣстно, руко-

водилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Чевкинъ находился здѣсь съ 2-го по 20-е мая, а затѣмъ отправленъ былъ къ войскамъ 3-го корпуса и принималъ участіе въ переправѣ ихъ черезъ Дунай, у м. Сатунова, 27-го мая. Переправа эта, совершавшаяся въ присутствіи самого императора, окончена была блистательно: войска, громимыя сильными непріятельскими батареями, соперничали между собою въ отвагѣ и самоотверженіи; начальники и солдаты жаждали отличиться въ этой первой схваткѣ съ врагомъ. Среди столь многихъ храбрыхъ, Константинъ Владиміровичъ былъ замѣченъ самимъ государемъ, который тогда же, на самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣло, лично удостоилъ его назначеніемъ къ себѣ во флигель-адъютанты.

Послѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, авангардъ 3-го корпуса, ввѣренный начальству генерала Ридигера, двинулся къ крѣпости Кистенджи, овладѣніе которою было для насъ необходимо для того, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ морской портъ, дающій возможность флоту подвозить военные и продовольственные запасы для сухопутныхъ войскъ. Главная квартира государя, при которой теперь находился К. В. Чевкинъ, послѣдовала за авангардомъ генерала Ридигера.

Послѣ нѣсколькихъ дней бомбардированія, крѣпость сдалась. Главная квартира перенесена была, затѣмъ, сначала въ Базарджикъ, потомъ въ Козлуджи и, наконецъ, къ Генибазару, въ окрестности Шумлы, куда уже стекались съ разныхъ сторонъ войска, предназначавшіяся для осады этой первоклассной крѣпости. Ближайшее ознакомленіе съ трудностями, которыя представляло овладѣніе Шумлою, послужило поводомъ къ сильнымъ пререканіямъ въ главной квартирѣ. Князь Витгенштейнъ настаивалъ на отступленіи. Дибичь былъ противнаго мнѣнія и требовалъ наступательныхъ дѣйствій. Для обсужденія того и другаго предложенія, собранъ былъ военный совѣтъ, послѣ котораго государь рѣшилъ произвести общее наступленіе къ крѣпости, для того, чтобы раскрыть силы непріятеля и занять новую позицію въ болѣе близкомъ разстояніи отъ передовыхъ турецкихъ окоповъ.

Наступленіе предпринято было по утру, 8-го іюля. Во время этого движенія, Чевкинъ состоялъ при графѣ Дибичѣ, который, съ 7-мъ корпусомъ, шелъ впереди всѣхъ прочихъ войскъ. Непріятель былъ оттѣсненъ съ своихъ передовыхъ позицій и укрылся

подъ стѣнами заднихъ верковъ. Съ нашей стороны, для обезпеченія себя отъ турецкихъ вылазокъ, приступлено было къ сооруженію, на окружающихъ Шумлу высотахъ, цѣлаго ряда взаимно другъ-друга обороняющихъ редутовъ.

Вскорѣ, впрочемъ, пришли къ убѣжденію, что осада Шумлы, во всякомъ случаѣ, будетъ продолжительна, трудна и не представляетъ вѣрныхъ шансовъ на успѣшные результаты.

Непріятель нѣсколько разъ предпринималъ вылазки противъ осадныхъ войскъ, но каждый разъ былъ отражаемъ съ урономъ. Наконецъ, начальникъ турецкихъ войскъ въ Шумлѣ, Гуссейнъ-паша, измѣнилъ свою тактику и, отказавшись отъ переходовъ въ наступленіе, рѣшился, повидимому, просто «отсиживаться», стараясь сколь возможно продлить осаду, которая должна-бы была въ конецъ истомить русскія войска.

21-го іюля 1828 г., государь, въ сопровожденіи лишь немногихъ, самыхъ приближенныхъ лицъ, оставилъ нашу укрѣпленную позицію подъ Шумлой и отправился къ Варнѣ, осаждаемой отрядомъ генералъ-адъютанта графа Сухтелена, а оттуда, моремъ, отъѣхалъ на время въ Одессу.

Чевкинъ оставался при главной квартирѣ, подъ Шумлою, еще около двухъ мѣсяцевъ, принимая участіе въ большинствѣ военныхъ дѣйствій, происходившихъ подъ стѣнами этой крѣпости; но 27-го августа отправленъ былъ съ донесеніемъ къ государю, уже возвратившемуся къ войскамъ, осаждавшимъ Варну, гдѣ, до прибытія начальника главнаго штаба, прикомандированъ былъ къ особѣ его величества, для военной переписки.

Пребываніе его тутъ не посвящено было однако исключительно письменнымъ занятіямъ. Нѣсколько разъ приходилось мѣнять перо на шпагу. 15-го и 16-го сентября, во время дѣйствій противъ турецкихъ корпусовъ Омера-Вріоне и Али-паши, при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, а равно при взятіи приступомъ приморскаго бастіона, 25-го сентября, Чевкинъ находился въ рядахъ сражавшихся войскъ.

Послѣ покоренія Варны, Константинъ Владиміровичъ, оставленный при графѣ Дибичѣ, управлялъ его походною канцеляріею и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ войскамъ, осаждавшимъ Силистрію. Дождливая и холодная погода, разрушительно вліявшая на войска, заставила князя Витгенштейна отказаться отъ

дальнѣйшей осады и отступить въ Дунайскія княжества. Отступленіе отъ крѣпости произведено было, относительно говоря, довольно благополучно, вслѣдствіе разумныхъ мѣръ, принятыхъ графомъ Дибичемъ, съ которымъ Чевкинъ, 17-го ноября, прибылъ въ Яссы, а въ исходѣ того же мѣсяца вернулся въ Петербургъ.

Кампанія 1828 г., кромѣ званія флигель-адъютанта, доставила Чевкину два чина за отличіе: будучи подъ Шумлою въ числѣ штабсъ-капитана, онъ былъ произведенъ въ капитаны, а подъ Варною—въ полковники.

При наступленіи зимы, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ хотя не были окончательно прекращены, но производились въ не столь обширныхъ размѣрахъ. Войска, послѣ тяжелой кампаніи и значительныхъ потерь, нуждались въ отдыхѣ и укомплектованіи; къ тому же и самъ главнокомандующій, князь Витгенштейнъ, недовольный ходомъ дѣлъ, просилъ объ увольненіи его, за разстройствомъ здоровья, отъ начальствованія надъ дѣйствующею арміею. Прошеніе его было принято и главнокомандующимъ назначенъ графъ Дибичъ, который, въ началѣ февраля 1829 г., отправился къ расположеннымъ въ Молдавіи и Валахіи войскамъ, взявъ съ собою своего надежнаго и теперь почти уже неразлучнаго сотрудника, Чевкина. По прибытіи, 15-го февраля, въ Яссы, графъ занялся приготовленіями къ новому походу. На долю Константина Владиміровича досталось при этомъ, конечно, не мало работы.

Кампанія 1829 года открылась движеніемъ главныхъ силъ нашихъ къ Силистріи, въ окрестности которой онѣ и прибыли 5-го мая. Здѣсь, построенные русскими войсками, во время предшествовавшей осады, редуты оказались занятыми непріятелемъ, который воспользовался ими для усиленія своей передовой оборонительной линіи. Графъ Дибичъ немедленно сдѣлалъ распоряженія для изгнанія оттуда турецкихъ войскъ и оттѣсненія ихъ въ самую крѣпость. Атака, поведенная съ разныхъ сторонъ нашими штурмовыми колоннами, не смотря на упорное сопротивленіе турокъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: непріятель принужденъ былъ отступить въ свои внутренніе окопы и, вслѣдъ за тѣмъ, крѣпость была обложена со всѣхъ сторонъ. Чевкинъ, находившійся при войскахъ, овладѣвшихъ передовыми укрѣпленіями, до 24-го мая

оставался подъ стѣнами Силистріи, противъ которой повелась теперь правильная и настойчивая осада.

Силистрія имѣла слишкомъ важное значеніе для непріятеля, и потому великій визирь Решидъ-паша, командовавшій турецкою арміею, сосредоточенною въ Шумлѣ, всячески старался помѣшать осадѣ и, если возможно—заставить русскихъ снять ее. Съ этою цѣлью предпринимаемы имъ были диверсіи на сообщенія наши съ Варною, при чемъ преимущественно усилія его направлялись на м. Козлуджи и противъ ген. Рота, занимавшаго м. Праводы.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Решидъ-паша, съ сорокатысячною арміею, вновь вышелъ изъ Шумлы, намѣреваясь разбить стоявшіе между нею и Силистріею русскіе отряды и заставить нашего главнокомандующаго снять осаду послѣдней крѣпости. Получивъ объ этомъ извѣстіе, графъ Дибичъ рѣшился самъ идти ему на встрѣчу, оставивъ подъ Силистріею лишь необходимый для продолженія осады корпусъ войскъ, который ввѣренъ былъ имъ начальству генерала Красовскаго.

30-го мая 1829 г. произошла блистательная для насъ встрѣча съ непріятельскою арміею, подъ Кулевчею, гдѣ турки были совершенно разбиты и потеряли почти всю артиллерію. При преслѣдованіи ихъ, отряды генераловъ Рота и князя Мадатова заняли съ боя нѣсколько редутовъ впереди самой Шумлы и, затѣмъ, главная квартира графа Дибича перенесена была къ с. Инжикіой, находящемуся въ окрестностяхъ означенной крѣпости.

Чевкинъ, состоя при главнокомандующемъ, участвовалъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, и затѣмъ — въ сшибкѣ 29-го іюня, при одной изъ вылазокъ Шумлинскаго гарнизона. Во время переправы черезъ р. Камчикъ и при достопамятномъ переходѣ Балканскихъ горъ, равно какъ при занятіи Адріанополя, онъ постоянно находился при графѣ Дибичѣ и, такимъ образомъ, былъ участникомъ всѣхъ наиболѣе выдающихся событій турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ. По заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, Чевкинъ былъ отправленъ (5-го сентября) графомъ Дибичемъ въ Петербургъ, къ государю, съ донесеніемъ о счастливомъ окончаніи войны.

Заслуги Константина Владиміровича во время кампаній въ Европейской Турціи были щедро награждены императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Кромѣ нѣсколькихъ полученныхъ прежде отличій,

онъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и единовременною денежною наградою въ четыре тысячи червонцевъ; а менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ этого, за привезенное имъ извѣстіе о заключеніи мирныхъ условій—арендою въ 1,000 р. на 12 лѣтъ.

Взысканный монаршими милостями, пріобрѣвшій всѣ шансы на блестящую служебную карьеру, Константинъ Владиміровичъ въ это самое время началъ ощущать признаки сильнаго разстройства здоровья, заставившіе его просить о разрѣшеніи поѣздки за границу. Повидимому, онъ заявлялъ объ этомъ еще въ началѣ 1829 года—сколько можно судить по ниже приведенному письму къ нему одного изъ самыхъ близкихъ къ государю Николаю Павловичу лицъ написанному въ отвѣтъ на письмо Чевкина, послѣ битвы подъ Кулевчею. Этотъ отвѣтъ доказываетъ, между прочимъ, какъ, уже въ то время, покойный императоръ цѣнилъ Чевкина: ему предоставлялись всевозможныя удобства и льготы, при предполагавшейся поѣздкѣ за границу, и изъявляли готовность исполнить всѣ его желанія.

(Переводъ съ французскаго). «Какъ благодаренъ я, мой милый другъ, К. В., за любезное письмо, написанное мнѣ вами; вѣрьте, что я цѣню, какъ знакъ живѣйшей дружбы, то вниманіе, которое вы мнѣ оказали, доставивъ такія прекрасныя подробности о достопамятномъ днѣ 30-го мая, непосредственно послѣ того, что сами раздѣляли всѣ труды и всю славу этого дня. Я ничего не говорю вамъ объ этой побѣдѣ: мы всѣ поражены, всѣ внѣ себя отъ радости! Что касается меня, то я вдвойнѣ радъ: и такъ наше оружіе отомщено за тѣ сомнѣнія, которыя хотѣли на него набросить, и достойный нашъ графъ Дибичь оказался побѣдителемъ интригъ, такъ же какъ и визиря.—Я не могу похвастать тѣмъ, что скакалъ верхомъ отъ баталіона, идущаго въ штыки, къ эскадрону, рубящему басурмановъ, или къ батареѣ, громящей ихъ своимъ огнемъ; поэтому не могу, подобно вамъ, выставить усталость храбраго воина объясненіемъ краткости моего письма; а между тѣмъ надо кончить это письмо; причина моя—тоже усталость, но это усталость писаря, который въ теченіи шести дней покидалъ свою канцелярію лишь для принятія скудной пищи, предписанной выздоравливающему. Но прежде, чѣмъ кончить, я долженъ сказать, что письмо ваше ходило по рукамъ; оно было прочитано императо-

ромъ, великими князьями, великою герцогинею Веймарскою и пр. и пр. — и всѣ были въ восхищеніи... Блудовъ, по высочайшему повелѣнію, сдѣлалъ изъ сего письма извлеченіе, которое будетъ опубликовано въ газетахъ. Достаточно ли этого, для вашего авторскаго самолюбія—если оно у васъ есть? Но довольно объ этихъ второстепенныхъ предметахъ; поговоримъ о другомъ, объ интересахъ гораздо важнѣйшихъ. Во первыхъ, императоръ поручилъ мнѣ васъ привѣтствовать, а затѣмъ разрѣшилъ мнѣ передать вамъ, что если только вы нуждаетесь въ поѣздкѣ на воды, то можете заявить объ этомъ теперь же и вамъ немедленно даны будутъ и разрѣшеніе, и средства всякаго рода. Его величество интересуется вами; описаніе страданій, которыя вы начинаете ощущать, заставляютъ его опасаться, что они, по свойствамъ своимъ, могутъ требовать употребленія быстро-дѣйствующихъ средствъ и, въ такомъ случаѣ, онъ не желаетъ, чтобы вы, для того чтобы продолжать свои полезныя услуги въ настоящую минуту, поставили себя навсегда въ невозможность оказывать новыя. Я пишу главнокомандующему обо всемъ, что императоръ говорилъ мнѣ по этому предмету, и полагаю, что лучшимъ средствомъ облегчить вамъ поѣздку въ Вюрцбургъ, или другое мѣсто, было бы послать васъ сначала къ намъ, въ качествѣ вѣстника о какомъ либо счастливомъ событіи; а отъ насъ вы направитесь, куда вамъ будетъ угодно. Эту мысль я тоже поставляю на его благоусмотрѣніе. Крюкъ, который я предлагаю вамъ сдѣлать, — великъ, но не дуренъ»...

Подобное внушеніе, написанное близкимъ къ государю лицомъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ согласовалось съ желаніемъ самого графа Дибича, который, по благорасположенію своему къ Константину Владиміровичу, всегда готовъ былъ воспользоваться случаемъ для того, чтобы вознаградить его заслуги и усердіе.

Сколь ни заманчивы были предложенія, изложенныя въ приведенномъ нами письмѣ,—Константинъ Владиміровичъ, не смотря на болѣзненные припадки, остался при войскахъ, какъ намъ извѣстно, до самаго окончанія кампаніи.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, Константинъ Владиміровичъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиною двора Ея И. В—ва. графинею Екатериною Ѳоминичною Томатисъ, съ которою прожилъ 45 лѣтъ въ полнѣйшемъ счастіи и любви. Къ несчастію,

почти одновременно съ заключенiемъ имъ брачнаго союза, усилились и болѣзненные припадки, получившiе скоро столь зловѣщiй характеръ, что Константинъ Владимiровичъ, въ маѣ 1830 года, вынужденнымъ нашелся обратиться къ тому же приближенному къ государю лицу и напомнить ему о милостивыхъ предложенiяхъ относительно заграничной поѣздки, сдѣланныхъ годъ тому назадъ. Деликатность К. В. Чевкина заставила его однако поставить вопросъ объ этомъ такъ, чтобы милостями императора ему не пришлось пользоваться даромъ, но чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, употребить и время отпуска на пользу государственную. Это видно изъ слѣдующаго письма К. В. къ помянутому нами выше лицу:

(Переводъ съ французскаго). «Вы припомните, конечно, любезный генералъ, что въ прошломъ году, вскорѣ послѣ сраженiя при Кулевчѣ, я, черезъ ваше посредство, получилъ милостивое удостовѣренiе его величества, что какъ только здоровье мое потребуетъ путешествiя за границу,—мнѣ стоитъ лишь сказать и тогда немедленно будутъ мнѣ даны и разрѣшенiе и средства всякаго рода. Я повторяю здѣсь ваши собственныя выраженiя. Въ то время военныя дѣйствiя еще продолжались и какъ долгъ мой, такъ и желанiя мои воспрещали мнѣ воспользоваться новымъ знакомъ милости, которою удостаивалъ меня нашъ августѣйшiй государь. По окончанiи войны, я прибылъ въ Петербургъ съ извѣстiемъ о подписанiи мира; но въ то время, женитьба моя, а еще болѣе,—злокачественная лихорадка, не перестававшая меня мучить, препятствовали мнѣ помышлять о путешествiи въ дурное время года. Въ настоящее же время, при приближенiи весны, я чувствую, что здоровье мое, болѣе чѣмъ когда либо, требуетъ, чтобы я совершилъ путешествiе. Съ одной стороны, состоянiе моего тѣла, грозя постояннымъ ухудшенiемъ, можетъ повести къ роковымъ послѣдствiямъ, если я не поспѣшу воспользоваться моими еще непреклонными лѣтами, чтобы прибѣгнуть къ сильнымъ ортопедическимъ средствамъ, примѣняемымъ въ послѣднiе года, особенно во французскихъ лечебницахъ; съ другой же стороны—лихорадка, которая не перестаетъ меня изнурять и которая въ послѣднiе дни повергла меня въ состоянiе полнаго истощенiя силъ, требуетъ, чтобы я провелъ нѣкоторое время въ болѣе тепломъ климатѣ. Вотъ двойная причина, принуждающая меня къ крайней необходимости съѣздить за границу и прибѣгнуть къ

благосклонному обѣщанію, которымъ удостоилъ меня его величество.

«Осыпанный уже благодѣяніями императора, я стыжусь прибѣгать къ новымъ милостямъ, не бывъ въ состояніи ничего сдѣлать, чтобы заслужить ихъ; къ несчастію, совершенное неимѣніе собственнаго состоянія вынуждаетъ меня къ этому тѣмъ сильнѣе, что, будучи принужденъ оставлять на содержаніе моей жены то небольшое жалованіе, которое получаю ежегодно, я не могу предпринять мое путешествіе иначе, какъ на средства, которыя получу отъ щедротъ его величества; а самая дорога, равно какъ и леченіе, по необходимости, должны будутъ обойтись весьма дорого. Въ столь тяжкомъ положеніи, я чрезвычайно желалъ бы имѣть по крайней мѣрѣ возможность извлечь пользу изъ моего путешествія, доказавъ при этомъ случаѣ всю мою преданность и все мое усердіе къ службѣ моему августѣйшему благодѣтелю и государю. Желанія мои были бы вполнѣ удовлетворены, если бы я могъ получить какое либо порученіе, совмѣстимое съ потребностями моего здоровья; въ такомъ случаѣ, содержаніе, которое я получалъ бы отъ министра иностранныхъ дѣлъ, доставило бы мнѣ возможность испрашивать отъ щедротъ его величества лишь болѣе ограниченное вспомоществованіе. Такимъ образомъ я достигъ бы своей главной цѣли — чтобы не докучать и не быть въ тягость, прибѣгая къ милостямъ, которыхъ никоимъ образомъ не могъ заслужить».

Просьба Константина Владиміровича удовлетворена была совершенно согласно его желаніямъ. Какъ разъ въ означенное время представился и удобный къ тому случай. Воспослѣдовавшая кончина великаго герцога Баденскаго Лудвига могла (какъ предвидѣлъ государь) вызвать пререканія между его наслѣдникомъ и Баварскимъ правительствомъ, по случаю притязаній послѣдняго на часть Баденскихъ земель. На Чевкина возложено было офиціальное порученіе поздравить новаго великаго герцога съ вступленіемъ на престолъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конфиденціально, ему поручено было стараться устранять все, что могло бы возбудить распри и неудовольствія между помянутыми германскими дворами и склонять великаго герцога Баденскаго къ уступчивости, тамъ, гдѣ Баварія имѣла неоспоримыя права. При отправленіи Чевкина за границу ему вручена была соотвѣтствующая его порученію

инструкція отъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде; въ концѣ инструкціи этой приписано было слѣдующее:

— «По окончаніи вашего порученія, Его И. В—во уполномочиваетъ васъ, милостивый государь, продлить свое пребываніе за границею для того, чтобы употребить всѣ способы къ поправленію вашего здоровья. Желая доставить вамъ къ этому средства и предполагая, что вамъ придется пользоваться водами на югѣ Франціи, Его И. В—во соизволилъ назначить вамъ, сверхъ вашего военнаго содержанія, ежегодный окладъ въ двѣ тысячи рублей [1]) и назначилъ васъ состоять при посольствѣ въ Парижѣ. Графъ Поццо-ди-Борго [2]) увѣдомляется объ этомъ въ прилагаемомъ къ сему письмѣ, которое вы, милостивый государь, соблаговолите вручить ему. Если, во время пребыванія вашего во Франціи, вамъ представится случай собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи французской арміи, а равно и обо всемъ, касающемся военнаго дѣла, то Его И. В—о съ удовольствіемъ приметъ эти сообщенія. Онъ совѣтуетъ вамъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ крайне осмотрительно, сообразуясь при изслѣдованіяхъ вашихъ съ совѣтами и указаніями нашего посланника, сообщая ему полученные результаты и, въ особенности, не предпринимая ничего, не получивъ его одобренія».

Согласно данному ему порученію, Константинъ Владиміровичъ, въ маѣ 1830 г., отправился въ Карлсруэ, гдѣ дипломатическую свою миссію окончилъ вполнѣ удачно и заслужилъ этимъ новое высочайшее одобреніе, выраженное ему черезъ помощника Нессельроде, князя Ливена, въ письмѣ отъ 18-го августа 1830 года.

Едва успѣлъ Чевкинъ окончить свое дипломатическое порученіе въ Карлсруэ и съѣздить въ Парижъ, куда тѣмъ временемъ прибыла къ нему и супруга его, какъ получилъ высочайшее повелѣніе — отправиться въ Берлинъ и состоять при графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, посланномъ къ Прусскому королю для переговоровъ относительно расположенія русско-прусской обсерваціонной арміи на Рейнѣ, въ виду возможности враждебныхъ столкновеній съ новымъ правительствомъ Франціи. Въ Берлинѣ онъ оставался около трехъ мѣсяцевъ и только въ декабрѣ 1830 г.

---

[1]) Кромѣ того, на подъемъ пожаловано ему 600 червонцевъ.

[2]) Нашъ посолъ въ Парижѣ.

могъ уѣхать въ Парижъ, для выполненія возложенныхъ на него порученій по военной агентурѣ. Что здѣсь онъ тоже не предавался отдыху, доказательствомъ тому служитъ пространная записка о военныхъ силахъ Франціи, привезенная имъ, въ февралѣ 1831 г., въ Петербургъ и представленная имъ государю, передъ отъѣздомъ къ дѣйствующей арміи, въ Польшу.

Въ сентябрѣ 1830 г., до отъѣзда его изъ Парижа въ Берлинъ, онъ обрадованъ былъ рожденіемъ сына, котораго, въ честь своего державнаго покровителя, наименовалъ Николаемъ и всеподданнѣйше просилъ государя о соизволеніи на воспріятіе новорожденнаго отъ купели. Тотъ же высокопоставленный пріятель, увѣдомляя Константина Владиміровича о согласіи императора на его просьбу, писалъ ему:

(Переводъ съ французскаго). «Примите, милый другъ, искреннія мои поздравленія по случаю счастливаго событія, доставившаго вамъ наслѣдника—не говорю: вашего состоянія—я желалъ бы ему менѣе скуднаго—но вашихъ талантовъ и отличныхъ качествъ, которыхъ никто лучше не знаетъ и никто лучше не умѣетъ цѣнить, какъ я. Императоръ съ удовольствіемъ принимаетъ на себя роль воспріемника вашего сына и предоставляетъ вамъ выборъ лица, которое должно быть его представителемъ при обрядѣ крещенія,—будетъ-ли то посланникъ, или всякій другой, кого вы пожелаете: посылаю вамъ по этому поводу, съ курьеромъ, формальную депешу, въ которой указываю на графа Поццо-ди-Борго, какъ долженствующаго замѣнить его величество; это на тотъ случай, если вы сочтете нужнымъ предъявить ему какую-либо «бумагу» или если изберете его»....

Недолго пришлось Константину Владиміровичу наслаждаться семейными радостями. Оторванный отъ жены и сына служебными занятіями въ Берлинѣ, онъ, въ декабрѣ 1830 г., вернулся (какъ выше сказано) въ Парижъ, но едва пробылъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, какъ опять вытребованъ былъ въ Россію, опять брошенъ въ тревоги и труды боевой жизни.

Разразилась варшавская революція; войска наши съ разныхъ сторонъ вступали въ польскіе предѣлы. Графъ Дибичь-Забалканскій, отъѣзжая изъ Петербурга, просилъ государя о немедленномъ вызовѣ Чевкина и прикомандированіи его къ главной

квартирѣ дѣйствующей арміи. Изъ этого видно, на сколько важнымъ и полезнымъ лицомъ считалъ его фельдмаршалъ.

Здоровье Чевкина на столько, повидимому, уже поправилось, что не воспрепятствовало ему принимать участіе въ открывшейся кампаніи, до самаго окончанія оной.

По прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, онъ засталъ главную квартиру въ м. Шеницѣ, около котораго графъ Дибичь сосредоточилъ войска свои, послѣ безплодныхъ дѣлъ въ окрестностяхъ Праги. Отсюда, какъ извѣстно, фельдмаршалъ двинулся было къ устью рѣки Вепржа, намѣреваясь переправиться черезъ Вислу и перенести центръ тяжести войны на лѣвый берегъ этой рѣки; но узнавъ о движеніи польской арміи на наши сообщенія и терпя недостатокъ въ продовольствіи, долженъ былъ отказаться отъ своего плана и двинулся опять на сѣверъ, къ гор. Сѣдльце, угрожая флангу и тылу войскъ Скржинецкаго. Около Сѣдльца, армія наша опять оставалась довольно продолжительное время въ бездѣйствіи, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Бездѣйствіе это только разъ было нарушено наступательнымъ движеніемъ противъ поляковъ и дѣлами у с. Куфлева и мѣстечка Минска.

Во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ и дѣлахъ Чевкинъ принималъ участіе и на него были возлагаемы фельдмаршаломъ разныя довѣренныя порученія; при движеніи же главной арміи нашей на соединеніе съ гвардейскимъ корпусомъ, онъ находился въ авангардѣ, предводимомъ генераломъ графомъ де-Виттомъ, и участвовалъ въ дѣлѣ при м. Нурѣ, кончившемся совершеннымъ пораженіемъ польскаго отряда Лубенскаго, а затѣмъ — и въ кровавомъ бою подъ Остроленкою, гдѣ были на голову разбиты главныя силы непріятеля, состоявшія подъ начальствомъ Скржинецкаго.

Успѣхи военныхъ дѣйствій въ Польшѣ далеко, однако, не соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ и до такой степени помрачили военную репутацію графа Дибича, что императоръ Николай Павловичъ рѣшился замѣнить его фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, который, помимо неоспоримыхъ способностей и извѣстной степени энергіи, пользовался и благосклонностію счастія—одинаково важнаго какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ.

Дибичь, безъ того уже физически и нравственно разстроенный преслѣдовавшими его, въ послѣднее время, неудачами, не могъ вынести этого удара своему самолюбію. Пораженный извѣстіемъ о назначеніи новаго главнокомандующаго арміею, онъ подвергся сильному припадку свирѣпствовавшей въ эту эпоху холеры, который чрезъ нѣсколько часовъ унесъ его въ могилу. Чевкинъ до послѣдней минуты не оставлялъ одра болѣзни своего начальника и друга; на его рукахъ, какъ онъ самъ намъ разсказывалъ, Дибичь и скончался.

Сильнаго и неизмѣннаго покровителя лишился въ покойномъ фельдмаршалѣ Константинъ Владиміровичъ; но онъ не принадлежалъ къ числу людей, держащихся одною протекціею, и уже достаточно проявилъ свои многосторонніе способности и блестящія качества для того, чтобы, съ перемѣною начальствующихъ лицъ, сохранить за собою свое почетное положеніе.

Съ прибытіемъ новаго главнокомандующаго, графа Паскевича-Эриванскаго, онъ оставался при немъ,—вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія,—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при покойномъ фельдмаршалѣ. Находясь въ составѣ главной квартиры, онъ участвовалъ въ переправѣ нашей арміи черезъ Вислу, у Осѣка, при движеніи ея къ Варшавѣ, въ авангардныхъ дѣлахъ при Неборовѣ (24-го іюля) и Болимовѣ (2-го августа), а также въ разныхъ рекогносцировкахъ и стычкахъ подъ стѣнами Варшавы.

25-го и 26-го августа 1831 г. во время кровавыхъ штурмовъ на варшавскія укрѣпленія, Константинъ Владиміровичъ находился въ рядахъ солдатъ и, вмѣстѣ съ ними, 27-го августа, вступилъ въ покоренный городъ. Затѣмъ, съ 15-го по 28-е сентября онъ находился въ походѣ въ воеводствѣ Плоцкомъ, въ преслѣдованіи и оттѣсненіи въ предѣлы прусскіе остатковъ польской арміи; потомъ, при занятіи крѣпости Модлина и обратномъ движеніи въ Варшаву, откуда, въ исходѣ сентября, отправленъ былъ съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ.

Во время польскаго похода, умѣньемъ Чевкина владѣть перомъ пользовались столько же, какъ и его военными способностями. Такъ, напримѣръ, обширная и замѣчательно обстоятельная реляція о штурмѣ и покореніи Варшавы вся написана была имъ и подверглась лишь незначительнымъ измѣненіямъ.

За заслуги, оказанныя въ продолженіе польской кампаніи,

Константинъ Владиміровичъ пожалованъ былъ вновь арендою [1]), орденомъ св. Станислава 2-й ст., со звѣздою, и чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту его величества.

Свѣдѣнія, собранныя Чевкинымъ о французской арміи, во время пребыванія въ Парижѣ, доказали его основательность и способность къ такого рода занятіямъ и потому, по окончаніи военныхъ дѣйствій, ему высочайше повелѣно снова отправиться въ Парижъ. Обширныхъ размѣровъ укрѣпленія, по мысли Тьера возводимыя вокругъ французской столицы, видимо интересовали государя и, потому, Чевкину поручено было обратить особенное вниманіе на эти фортификаціонныя работы, не выпуская, конечно, изъ виду и другихъ, интересныхъ въ военномъ отношеніи, предметовъ.

Свѣдѣнія, доставляемыя Константиномъ Владиміровичемъ, были столь полны и занимательны, что государь оставался вполнѣ доволенъ ими. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить слѣдующее письмо къ Чевкину отъ управлявшаго главнымъ штабомъ, графа А. И. Чернышева (15-го апрѣля 1832 г.):

(Переводъ съ французскаго). «Ваше превосходительство. Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я ваши депеши отъ 24-го января, 26-го февраля и 15-го марта сего года, и имѣлъ счастіе представлять ихъ его императорскому величеству, который изволилъ прочесть ихъ съ большимъ вниманіемъ.

«Его величество поручилъ мнѣ выразить вамъ свое полное удовольствіе по этому поводу и просить васъ такъ же ревностно продолжать свои изслѣдованія, имѣющія цѣлью дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя мы уже имѣемъ о всемъ касающемся военной организаціи Франціи, оборонительныхъ укрѣпленій, возводимыхъ въ окрестностяхъ Парижа, и новыхъ открытій въ области военнаго искусства».

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ донесеній Чевкина, въ 1832 г., касалось солдатскаго ружья, заряжающагося съ казенной части и не имѣющаго ни шомпола, ни замка. Изобрѣтатель этого ружья, нѣкто Роберъ (Robert), заявляя, что ружье это обходится дешевле обыкновеннаго, прочно, легко, удобно чистится и, при

[1]) На 12 лѣтъ, по 1,000 р. ежегодно.

малѣйшемъ навыкѣ въ обращеніи съ нимъ, можетъ дать до 12-ти выстрѣловъ въ минуту,—предлагалъ продать свой секретъ нашему правительству.

Графъ Чернышевъ, за неимѣніемъ какихъ-либо болѣе подробныхъ свѣдѣній, предложилъ Константину Владиміровичу войти въ непосредственныя сношенія съ изобрѣтателемъ, находившимся въ Парижѣ, и сообщить о помянутомъ ружьѣ свое мнѣніе. Это и было исполнено.

Затѣмъ, дальнѣйшимъ комментаріемъ къ судьбѣ, постигшей у насъ это изобрѣтеніе, можетъ служить сдѣланная на отношеніи графа Чернышева, отъ 5-го января 1832 г., слѣдующая собственноручная помѣта К. В. Чевкина:

— «Писано графу Чернышеву 1-го (13-го) мая 1832 г., тоже 7-го (19-го) мая, № 246».

Затѣмъ, карандашомъ приписано Константиномъ Владиміровичемъ, уже въ іюнѣ 1875 г., слѣдующее:

— «И посланъ полный Mémoire sur le fusil Robert, оставленный, не смотря на мои настоянія, безъ должнаго вниманія. Этимъ армія наша устранила себя на четверть столѣтія отъ пути улучшеннаго оружія, по которому достигаетъ цѣли лишь нынѣ, издержавъ десятокъ милліоновъ рублей».

По возвращеніи, въ 1832 г., изъ Парижа, Константинъ Владиміровичъ, пріобрѣвшій уже значительную опытность какъ въ теоретической, такъ и въ практической части военнаго дѣла, назначенъ былъ членомъ комитета, занимавшагося важными вопросами по пересмотру «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи». На сколько сужденія Константина Владиміровича и здѣсь принимаемы были во вниманіе, доказывается тѣмъ, что при пререканіяхъ, возникшихъ по вопросу: кому, въ случаѣ смерти или внезапной болѣзни главнокомандующаго, слѣдуетъ временно вступать въ его права? — мнѣніе Чевкина [1]), противъ котораго, за исключеніемъ одного лишь члена [2]), стоялъ весь комитетъ, было однако, утверждено государемъ.

---

[1]) Чевкинъ полагалъ, что, въ такомъ случаѣ, мѣсто главнокомандующаго долженъ временно заступить начальникъ главнаго штаба арміи, а не старшій изъ корпусныхъ командировъ. Мнѣніе это онъ подкрѣплялъ весьма основательными и вѣсскими доводами.

[2]) Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ Веймарнъ.

Участіе Чевкина въ занятіяхъ означеннаго комитета продолжалось не долго. Въ концѣ того же 1832-го года, до свѣдѣнія правительства дошли извѣстія о политическомъ заговорѣ нѣкоторыхъ грузинскихъ князей и дворянъ. Хотя рѣшительные и дѣятельные розыски начальствовавшаго войсками на Кавказѣ, барона Розена, удостовѣрили, что революціонные замыслы помянутыхъ лицъ вовсе не раздѣляются большинствомъ грузинскаго дворянства,—но императоръ Николай Павловичъ, признавая эти замыслы важными не столько по послѣдствіямъ, которыя они могли имѣть, сколько потому, что и въ такомъ отдаленномъ краѣ стала обнаруживаться наклонность къ переворотамъ, находилъ необходимымъ: строжайшимъ и подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ привести въ точную извѣстность тайныя связи этихъ людей, способы, коими они дѣйствовать полагали, и самыя причины, побудившія ихъ къ противу-государственнымъ намѣреніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ желалъ знать, не состоитъ-ли частное покушеніе грузинъ въ связи съ какимъ-либо особымъ злонамѣреннымъ предпріятіемъ, внутреннимъ или внѣшнимъ. Для вящшаго же утвержденія грузинскаго дворянства въ чувствахъ преданности, государь призналъ не безполезнымъ воспользоваться предстоявшимъ общимъ собраніемъ сего дворянства въ Тифлисѣ, дабы удостовѣрить оное, черезъ нарочно присланнаго отъ его величества генерала, въ постоянномъ высочайшемъ благоволеніи за вѣрность и усердіе къ престолу, оказанныя какъ въ семъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

Изъ числа лицъ, считавшихся вполнѣ способными исполнить означенныя высочайшія предначертанія, выборъ палъ на Чевкина. Его проницательность и житейскій тактъ могли служить ручательствомъ тому, что онъ съумѣетъ оцѣнить мѣру опасности и не станетъ какими-либо крутыми и неразумными мѣрами, къ которымъ столь охотно прибѣгаютъ люди неблагонамѣренные, раздувать въ пожаръ незначительную искру.

Представленная Константиномъ Владиміровичемъ всеподданнѣйшая записка о правилахъ, какими онъ предполагалъ руководствоваться при производствѣ порученнаго ему слѣдствія, — кромѣ новаго доказательства разумности и основательности его соображеній, свидѣтельствуетъ и о гуманности его чувствъ. Запи-

ска эта, по ея прочтеніи, была государемъ вполнѣ одобрена. Результатомъ поѣздки Чевкина въ Тифлисъ императоръ остался тоже весьма доволенъ и, за отличное исполненіе порученія, пожаловалъ ему, 6-го іюня 1833 г., орденъ св. Станислава 1-й степени.

9-го апрѣля 1834 г., Константинъ Владиміровичъ назначенъ былъ начальникомъ штаба вновь учрежденнаго корпуса горныхъ инженеровъ. Съ этимъ назначеніемъ начинается новая эпоха въ его дѣятельности.

Примѣчаніе. Продолженіе печатанія настоящаго очерка мы откладываемъ на неопредѣленное время въ виду необходимости пересмотра спеціалистами собранныхъ нами свѣдѣній о дѣятельности К. В. Чевкина какъ по горному вѣдомству, такъ и по службѣ его въ званіи главноуправляющаго путями сообщеній и публичными зданіями. **Ред.**

Портретъ К. В. Чевкина

1873 г.

Приложенный къ этой книгѣ „Русской Старины“ портретъ Константина Владиміровича Чевкина исполненъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ художникомъ г. Скамони. Это геліографическій снимокъ съ живописнаго поясного портрета, писаннаго съ натуры извѣстнымъ талантливымъ портретистомъ, академикомъ г. Тюринымъ въ 1873 году; портретъ былъ вполнѣ одобренъ покойнымъ Чевкинымъ и нынѣ принадлежитъ его родственнику сенатору Руд. Ив. Брауншвейгу.

РОССІЯ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

1778 г.

Путешествіе Уильяма Кокса.

II [1]).

Тверь.—Дорога до Петербурга.—Деревни.—Внутренность избы.—Новгородскіе крестьяне. — Новгородъ. — Петербургъ. — Представленіе императрицѣ. — Придворныя увеселенія. — Какъ проводитъ время императрица. — Жизнь въ Петербургѣ. — Зима. — Характеристика Потемкина. — Взглядъ автора на Екатерину II. — Отвѣты императрицы на предложенные авторомъ вопросы о русскихъ тюрьмахъ. — Взглядъ автора на Екатерину II. — Взглядъ автора на реформы Петра I. — Крестьяне. — Мѣщане и купцы. — Русское духовенство. — Академія наукъ. — Академія художествъ. — Кадетскій корпусъ и Смольный институтъ.— Шлиссельбургъ. — Народный праздникъ. — Выѣздъ изъ Петербурга.

Тверь дѣлилась тогда на старый и новый городъ. Старый городъ, расположенный на другомъ берегу Волги, почти весь состоялъ изъ деревянныхъ избъ; новый — только что обстраивался, на деньги, пожертвованныя императрицей, послѣ страшнаго пожара, уничтожившаго его въ 1763 году. Широкія и длинныя улицы шли прямо отъ площади. Нѣкоторые каменные дома были совершенно окончены. Въ одномъ изъ нихъ нѣмецъ устроилъ гостинницу, въ которой остановились англичане, хотя въ ней еще не было почти никакой мебели. Въ Твери путешественниковъ задержала починка экипажа; они воспользовались этимъ для осмотра города и окрестностей. Авторъ перечисляетъ вкратцѣ учебныя заведенія въ Твери и предметы преподаванія. Помимо духовной семинаріи на 600 воспитанниковъ, здѣсь „была школа для мѣщанскихъ дѣтей, учрежденная императрицей въ 1776 году, на 200 воспитанниковъ, гдѣ обучали чтенію, письму,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 309—324.

счетоводству и ремесламъ; затѣмъ, дворянскій институтъ, открытый въ 1779 году, съ помѣщеніемъ на 120 воспитанниковъ, гдѣ учили иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, фортификаціи, тактикѣ, практической философіи (natural philosophy), музыкѣ, верховой ѣздѣ, танцамъ и т. д.".

Изъ Твери англичане отправились на Торжокъ и Вышній-Волочокъ, представлявшіе собою обычную смѣсь деревянныхъ и каменныхъ зданій. Затѣмъ, дорога пошла болотомъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчались полуразвалившіеся мосты безъ перилъ. Здѣсь, на песчанныхъ возвышенностяхъ, выступавшихъ изъ болота, авторъ видѣлъ много деревень, а равно полей и огородовъ (Several villages, as well as fields and gardens), огороженныхъ деревянными палисадами въ 12 фут. высоты и представлявшихъ живописное зрѣлище. Авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить по этому поводу, что обычай огораживать деревни кольемъ (with stakes) очень старый, такъ какъ между самыми ранними русскими законоположеніями встрѣчается запрещеніе огораживать города и деревни палисадами [1]).

За нѣсколько станцій отъ Новгорода, путешественникамъ повстрѣчался идущій въ Петербургъ обозъ чумаковъ, расположившихся на ночь. „Множество воловъ лежало по обѣимъ сторонамъ дороги. Царившая кругомъ тишина нарушалась по временамъ громкимъ ревомъ животныхъ и пѣснями чумаковъ; мракъ лѣсной пустыни оживлялся пламенемъ многочисленныхъ костровъ, вокругъ которыхъ сидѣли или лежали чумаки: иные варили кушанье, другіе спали на голой землѣ". По одеждѣ и пріемамъ, авторъ готовъ былъ принять ихъ за шайку кочующихъ татаръ.

Встрѣча эта нѣсколько нарушила безконечное однообразіе почтовой дороги, которая тянулась по прямой линіи на цѣлыя сотни верстъ и производила томительное впечатлѣніе на путешественниковъ. Лѣсъ былъ все также вырубленъ на нѣсколько сажень по обѣимъ сторонамъ. Изрѣдка попадались деревни; всѣ онѣ были похожи между собою и состояли изъ одной улицы; всѣ зданія имѣли продолговатую форму, и къ избѣ неизмѣнно примыкалъ сарай съ навѣсомъ. Внутреннее расположеніе и обстановка русскихъ избъ были также мало разнообразны, какъ и ихъ внѣшній видъ: тѣ-же палати, лавки по стѣнамъ, деревянные столы, глиняные горшки на полкахъ, и т. п. Вездѣ по рединѣ избы висѣла лампада и сосудъ съ св. водой; иконы, грубо писанныя на деревѣ, большею частью не имѣли никакого человѣческаго подобія.

---

[1]) Извѣстіе объ этомъ запрещеніи взято авторомъ изъ Haygold, vol. I, p. 357.

При ночлегахъ въ деревняхъ англичане опять встрѣтили такое же отсутствіе всякаго комфорта и постелей, какъ и въ русскихъ деревняхъ между Смоленскомъ и Москвою. Особенно поражали ихъ свѣсившіяся съ палатей головы, руки и ноги спавшихъ тамъ людей, такъ что „намъ,—говоритъ авторъ,—никогда не видавшимъ подобнаго зрѣлища, ежеминутно казалось, что они свалятся на полъ". Невыносимый жаръ отъ натопленной печи и удушающее зловоніе въ избахъ, гдѣ иногда спало до двадцати человѣкъ, тяжело дѣйствовали на непривычныхъ иностранцевъ. Въ курныхъ избахъ, разумѣется, бывало еще хуже, между тѣмъ нельзя было открыть ни оконъ, ни дверей, вслѣдствіе сильной осенней стужи.

Въ наружности новгородскихъ крестьянъ автора особенно удивляла съ перваго взгляда толщина ихъ ногъ, такъ что, — говоритъ онъ,—„я, вѣроятно, пришелъ бы къ заключенію, что у нихъ какія-то необыкновенныя ноги, еслибы много разъ не присутствовалъ при ихъ туалетѣ. Помимо двухъ паръ шерстяныхъ чулокъ, они укутываютъ ноги суконными и холщевыми онучами, въ нѣсколько аршинъ длиною, и на всю эту массу тряпья натягиваютъ еще иногда громаднѣйшіе сапоги".

Новгородскіе крестьяне, по словамъ автора, жили безбѣдно и не имѣли недостатка въ „здоровой" пищѣ. Изъ приводимаго имъ перечня русскихъ крестьянскихъ кушаньевъ, мы видимъ, что ѣда была та же, что̀ и теперь: ржаной хлѣбъ—изрѣдка бѣлый,—овощи, грибы, разнаго рода пироги, свинина, соленая рыба; затѣмъ—похлебка, сильно заправленная солью, лукомъ или чеснокомъ. Квасъ былъ въ такомъ же ходу, какъ и въ настоящее время; водка употреблялась нерѣдко въ такомъ-же непомѣрномъ количествѣ.

Деревни въ описываемой мѣстности показались англичанамъ несравненно лучше тѣхъ, какія они видали подъ Москвой: крестьяне жили съ бо̀льшими удобствами и видно было знакомство съ нѣкоторыми ремеслами; курныя избы почти не встрѣчались и окна были не такія крошечныя... „Однако,—замѣчаетъ авторъ,—не смотря на эти несомнѣнные признаки усиливающейся цивилизаціи, отсталость русскаго народа отъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ русскихъ деревняхъ, мнѣ самому случалось видѣть не мало примѣровъ крайней дикости нравовъ. Такъ, напримѣръ, во многихъ семьяхъ отецъ женитъ своего восьми или девяти-лѣтняго сына на дѣвушкѣ гораздо старше его, съ цѣлью, какъ они говорятъ, имѣть въ домѣ лишнюю работницу; между тѣмъ, самъ сожительствуетъ со своей снохой и нерѣдко имѣетъ отъ нея дѣтей"... Такимъ образомъ, „въ иныхъ домахъ оказывались двѣ хозяйки: одна—законная жена

хозяина, которая по годамъ могла быть его матерью, и другая, выдаваемая за жену сына, но въ сущности сожительница отца"... Авторъ имѣлъ возможность убѣдиться въ несомнѣнности приводимаго имъ факта, какъ изъ личныхъ наблюденій, такъ и со словъ лицъ, занимавшихъ различное общественное положеніе. Онъ добавляетъ, однако, что подобные случаи далеко не такъ часты, какъ прежде, и выражаетъ надежду, что они окончательно исчезнутъ съ развитіемъ цивилизаціи въ Россіи. Не менѣе возмущалъ англичанъ деревенскій обычай совмѣстнаго спанья мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и нерѣдко въ самыхъ первобытныхъ костюмахъ... Удивлялись они земнымъ поклонамъ и униженному обращенію русскихъ крестьянъ съ людьми, выше ихъ стоящими по своему общественному положенію.

Авторъ считаетъ склонность къ пѣнію одною изъ самыхъ отличительныхъ чертъ русскаго народа. „Ямщики,—говоритъ онъ,—поютъ не переставая отъ начала станціи до конца; солдаты поютъ, выступая въ походъ; крестьяне поютъ чуть ли не за всякимъ дѣломъ; кабаки оглашаются пѣснями; не разъ, среди вечерней тишины, слышалъ я какъ неслись пѣсни изъ окрестныхъ деревень"... „Мнѣ говорили, — продолжаетъ авторъ, — что сюжетъ пѣсни нерѣдко имѣетъ прямое отношеніе къ прошлому пѣвца или къ его настоящему, и что они обращаютъ въ пѣсни свои бесѣды и споры съ окружающими, прилаживая ихъ къ извѣстнымъ мотивамъ. Такимъ образомъ, какъ бы это ни казалось страннымъ, но я положительно пришелъ къ заключенію, что они распѣваютъ свои обыденные разговоры" [1]).

Новгородъ издали показался путешественникамъ очень красивымъ и значительнымъ городомъ, благодаря множеству церквей и монастырей; но близкое знакомство съ нимъ разочаровало ихъ.

Городъ былъ окруженъ землянымъ валомъ со старыми башнями, въ правильномъ другъ отъ друга разстояніи. Валъ занималъ очень незначительную окружность; но и тутъ было много порожней земли и пустыхъ домовъ. Въ ближайшей равнинѣ, за валомъ, виднѣлись разбросанные въ одиночку монастыри и церкви, древній княжескій дворъ, и другія зданія, нѣкогда входившія въ составъ обширной слободы, протянутой на нѣсколько верстъ, но въ данное время уже исчезнувшей. Обѣ половины города, Торговая и Софійская, соединялись мостомъ, на половину каменнымъ, на половину деревяннымъ. Торговая сторона представляла собою безформенную массу деревянныхъ зданій отличную отъ простыхъ деревень только по огромному количеству

[1]) Такое объясненіе народной пѣсни не должно удивлять насъ: Коксъ жилъ въ такое время, когда во всей Европѣ существовало болѣе или менѣе превратное представленіе о народной поэзіи. Н. В.

церквей и монастырей, — этихъ печальныхъ памятниковъ прошлаго величія и благосостоянія древняго Новгорода. Между тѣмъ, попадавшіяся на каждомъ шагу полуобработанныя поля, окруженныя высокими палисадами, и большія пространства земли, поросшія крапивой, краснорѣчиво свидѣтельствовали о настоящемъ упадкѣ города. Каменное зданіе на краю города, воздвигнутое казною подъ канатную и парусную фабрику, и нѣкоторыя другія кирпичныя постройки казались особенно великолѣпными по сравненію съ окружающими лачугами. На Софійской сторонѣ находился соборъ св. Софіи, старый архіепископскій домъ, съ лѣстницей, придѣланной снаружи, новый дворецъ, еще неоконченный, и нѣсколько другихъ каменныхъ зданій; все же остальное пространство стояло впустѣ, покрытое развалинами, поросло крапивой и сорными травами...

Дорога отъ Новгорода до Петербурга шла по ровной и однообразной мѣстности; нигдѣ не видно было ни пригорка, ни долины. Послѣдняя деревня на этомъ пути—Ижора—имѣла самый жалкій видъ; кругомъ разстилалась непроглядная пустыня... Но черезъ нѣсколько верстъ уже можно было замѣтить близость столицы: лѣсная дичь смѣнилась обработанными полями, тряская дорога—превосходнымъ шоссе; стали попадаться красивые дома и дачи... вотъ началась и длинная аллея, за которою виднѣлся Петербургъ.

Петербургъ, въ 1778 году, по словамъ Кокса, все еще имѣлъ видъ только что возникающаго города, не смотря на тѣ улучшенія, какія были сдѣланы въ немъ послѣ Петра I, и, главнымъ образомъ, въ царствованіе Екатерины II. Улицы были очень широки; изъ нихъ три самыя главныя, примыкавшія къ адмиралтейству, тянулись на нѣсколько верстъ; нѣкоторыя были вымощены; другія — выстланы досками. Хотя дома стояли довольно тѣсно и на иныхъ улицахъ даже примыкали другъ къ другу,—однако Петербургъ въ общихъ чертахъ всетаки походилъ на остальные русскіе города и былъ построенъ такъ же безпорядочно. Во многихъ мѣстахъ, особенно на Васильевскомъ острову, деревянные дома, мало чѣмъ отличавшіеся отъ простыхъ избъ, перемѣшивались съ громадными кирпичными зданіями [1]). Лучшія постройки находились въ „Ливонской“ и Московской частяхъ, на южной сторонѣ Невы и около адмиралтейства, гдѣ были сосредоточены дома вельможъ, представлявшіе собою обширную груду зданій, хотя они были далеко не такъ великолѣпны и велики, какъ многіе

---

[1]) Авторъ замѣчаетъ, что въ Петербургѣ, на сколько ему извѣстно, только два каменныя зданія: Мраморный дворецъ и Исаакіевскій соборъ, еще не оконченный въ то время; по его мнѣнію, иностранцы, вѣроятно, потому принимаютъ кирпичные дома за каменные, что они здѣсь оштукатурены и выбѣлены.

изъ видѣнныхъ авторомъ въ Москвѣ. Изъ зданій на сѣверной сторонѣ Невы особенно выдавались: крѣпость, академія наукъ, академія художествъ... Оба берега Невы соединялись понтоннымъ мостомъ, который разводился, когда шелъ ледъ, такъ что въ это время сообщеніе между различными частями Петербурга совершенно прекращалось.

Памятникъ Петру I на Адмиралтейской площади еще не былъ открытъ во время пребыванія автора въ Петербургѣ. Строитель памятника, Фальконетъ, долго не могъ отыскать камня для пьедестала. Наконецъ, въ окрестностяхъ Петербурга ему удалось открыть огромную скалу, полупогруженную въ болото... „Издержки и трудность перевозки не были препятствіями для Екатерины II. По ея повелѣнію, болото было осушено, дорога проложена въ лѣсу, по топкой почвѣ, и камень, вѣсившій по крайней мѣрѣ 1,500 тоннъ (около 100,000 пудовъ), доставленъ въ Петербургъ... Все это было сдѣлано въ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ".—Авторъ ставитъ въ упрекъ Фальконету слишкомъ старательную отдѣлку пьедестала, такъ какъ, по его мнѣнію, скала, оставленная по возможности въ своемъ первоначальномъ видѣ, была бы несравненно эффектнѣе.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, англичане удостоились чести быть представленными императрицѣ. „Перваго октября 1778 г., утромъ, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами,—пишетъ авторъ,—мы сопровождали во дворецъ англійскаго министра, сэра Джемса Гаррисъ, сгарая нетерпѣніемъ увидѣть Екатерину II. По счастью, это былъ день тезоименитства великаго князя и дворъ былъ въ полномъ парадѣ... Въ пріемной мы встрѣтили многочисленное собраніе, состоящее изъ иностранныхъ пословъ, русской знати и военныхъ чиновъ въ ихъ различныхъ мундирахъ; всѣ ждали появленія императрицы, которая въ это время находилась у обѣдни въ дворцовой церкви. Мы немедленно отправились туда. Императрица стояла на самомъ видномъ мѣстѣ, за желѣзной рѣшеткой; за нею стоялъ великій князь съ своей супругой, а позади толпились придворные. Императрица часто наклоняла голову и благочестиво крестилась. Передъ концомъ службы мы вернулись въ пріемную и помѣстились у дверей. Наконецъ, около двѣнадцати часовъ, мимо насъ потянулся длинный рядъ придворныхъ обоего пола, идущихъ по-парно, что возвѣщало приближеніе государыни. Императрица шла одна, подвигаясь впередъ тихимъ и торжественнымъ шагомъ, съ гордо приподнятой головой, и безпрестанно кланялась на обѣ стороны. При входѣ, она остановилась на нѣсколько секундъ и привѣтливо разговаривала съ иностранными послами, которые приложились къ ея рукѣ. Очередь дошла до насъ; мы были пред-

ставлены по одиночкѣ вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ и также удостоились поцѣловать руку императрицы. Екатерина II, по своему обычаю, явилась одѣтая въ русскомъ нарядѣ: свѣтлозеленомъ шелковомъ платьѣ съ короткимъ шлейфомъ и въ корсажѣ изъ золотой парчи, съ длинными рукавами. Она казалась сильно нарумяненною, волосы ея были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной уборъ весь унизанъ бриллiантами. Особа ея очень величественна, хотя ростъ ниже средняго; лицо полно достоинства и особенно привлекательно, когда она говоритъ. Ея величество вышла изъ прiемной тѣмъ же медленнымъ шагомъ; никто изъ придворныхъ не послѣдовалъ за нею. Великiй князь и княгиня, проводивъ императрицу до дверей, удалились въ свои апартаменты, гдѣ у нихъ былъ прiемъ въ этотъ день; но мы не могли видѣть его, по этикету русскаго двора, такъ какъ не были предварительно представлены ихъ высочествамъ въ частной аудiенцiи.

„Около шести часовъ вечера мы отправились на придворный балъ. Когда мы вошли, общество уже собралось въ передней комнатѣ, а съ появленiемъ ихъ высочествъ всѣ перешли въ обширную бальную залу.

„Великiй князь открылъ балъ менуэтомъ, который протанцовалъ съ своей супругой; затѣмъ онъ подалъ руку одной изъ присутствующихъ дамъ, великая княгиня—одному изъ кавалеровъ, и они исполнили одновременно менуэтъ въ двѣ пары. Такая же честь была оказана еще нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ представителей русской знати; между тѣмъ, къ танцующимъ присоединилось множество другихъ паръ. За менуэтомъ слѣдовали польки, а тамъ началась англiйская кадриль. Въ это время вошла императрица; она была еще богаче одѣта, чѣмъ утромъ, на головѣ блестѣла маленькая бриллiантовая корона.

„При появленiи императрицы танцы немедленно остановились; великiй князь съ супругой и нѣкоторые изъ присутствующихъ поспѣшили къ ней на встрѣчу. Екатерина II поговорила нѣсколько словъ съ знатнѣйшими вельможами и сѣла на небольшомъ возвышенiи; затѣмъ, дождавшись возобновленiя танцевъ, удалилась въ сосѣднюю комнату. Мы бросились слѣдомъ за ея величествомъ въ числѣ другихъ придворныхъ и столпились у стола, за которымъ она сѣла играть въ карты. Партнёрами ея были: герцогиня Курляндская, графиня Брюсъ, сэръ Джемсъ Гаррисъ, Потемкинъ, Разумовскiй, Панинъ, Репнинъ и И. Чернышевъ....

„Въ теченiе вечера великiй князь и княгиня подошли къ играющимъ, и съ четверть часа постояли у карточнаго стола; императрица

нѣсколько разъ вступала съ ними въ разговоръ. Она, повидимому, мало обращала вниманія на карты, и все время безцеремонно и весело разговаривала съ своими партнерами и стоявшими возлѣ вельможами. Около десяти часовъ ея величество удалилась въ свои внутренніе апартаменты; вскорѣ послѣ того кончился балъ"...

Придворные балы, по словамъ автора, начинались тогда между шестью и семью часами. Императрица обыкновенно являлась около семи. Если собраніе было немногочисленно, то карточный столъ ея ставился въ бальной залѣ; великій князь и княгиня въ этихъ случаяхъ также садились играть въ вистъ. При парадныхъ балахъ императрица играла въ карты въ одной изъ смежныхъ комнатъ, какъ описано выше.

„Богатство и пышность русскаго двора,—говоритъ авторъ,—превосходитъ самыя вычурныя описанія. Слѣды древняго азіятскаго великолѣпія смѣшивались съ европейскою утонченностію. Огромная свита придворныхъ всегда слѣдуетъ за императрицей или предшествуетъ ей. Роскошь и блескъ придворныхъ нарядовъ и обиліе драгоцѣнныхъ камней далеко оставляютъ за собою великолѣпіе другихъ европейскихъ дворовъ. На мужчинахъ французскіе костюмы; платье дамъ съ небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и съ короткими шлейфами. Сообразно модѣ, господствовавшей въ Парижѣ и Лондонѣ зимою 1777 года, петербургскія придворныя дамы носили очень высокія прически и безпощадно румянились. Изъ различныхъ предметовъ роскоши, отличавшихъ русскую знать, ничто такъ не поражаетъ насъ, иностранцевъ, какъ обиліе драгоцѣнныхъ камней, блестѣвшихъ на различныхъ частяхъ ихъ костюма. Въ большей части европейскихъ странъ эти дорогія украшенія (кромѣ немногихъ знатнѣйшихъ или самыхъ богатыхъ лицъ) составляютъ почти исключительную принадлежность женщинъ; но въ Россіи мужчины въ этомъ отношеніи соперничаютъ съ женщинами. Многіе изъ вельможъ почти усыпаны бриллiантами: пуговицы, пряжки, рукоятки саблей, эполеты—все это съ бриллiантами; шляпы ихъ нерѣдко унизаны бриллiантами въ нѣсколько рядовъ; звѣзды изъ бриллiантовъ здѣсь не кажутся чѣмъ-то особеннымъ. Страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ, повидимому, распространена и между низшими слоями общества; даже въ семьяхъ средней руки они не составляютъ рѣдкости; на простой русской мѣщанкѣ можно иногда видѣть уборъ или поясъ, богато украшенный жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями...

„Императрица въ высокоторжественные дни обыкновенно надѣваетъ на себя очень дорогую бриллiантовую корону и двѣ орденскія ленты,

перекинутыя черезъ плечо, съ ожерельями этихъ орденовъ и двумя звѣздами, приколотыми на корсетѣ, одна надъ другою".

Во время пребыванія автора въ Петербургѣ, ему случилось быть зрителемъ на двухъ публичныхъ обѣдахъ, удостоенныхъ присутствіемъ императрицы. 2-го декабря, въ праздникъ Семеновскаго полка, императрица, считавшаяся его командиромъ, угощала офицеровъ обычнымъ параднымъ обѣдомъ. На императрицѣ былъ Семеновскій мундиръ—зеленый, отороченный золотымъ кружевомъ и сшитый на фасонъ амазонки. Когда кончилась церемонія прикладыванія къ рукѣ, принесли вино; ея величество раздала стаканы офицерамъ, которые при этомъ низко кланялись. Затѣмъ всѣ перешли въ сосѣднюю комнату и сѣли за столъ. Императрица помѣстилась по срединѣ, сама разливала супъ и была въ высшей степени внимательна къ своимъ гостямъ. По окончаніи обѣда, продолжавшагося около часу, императрица немедленно удалилась.

Другое подобное торжество было устроено для андреевскихъ кавалеровъ. На императрицѣ было зеленое бархатное платье, подбитое и отороченное горностаемъ, и бриллiантовое орденское ожерелье; одежда кавалеровъ отличалась пышностью, но была черезчуръ блестящая и безвкусная: верхнее платье подбито серебряной парчей, кафтанъ изъ серебряной же парчи, жилетъ и панталоны золотаго глазета и красныя шелковыя чулки; шляпа à la Henri IV, осыпанная бриллiантами, украшалась плюмажемъ изъ перьевъ. Орденъ св. Андрея былъ пожалованъ тогда немногимъ знатнѣйшимъ лицамъ, такъ что за обѣдомъ присутствовало всего двѣнадцать андреевскихъ кавалеровъ: Потемкинъ, два Орловыхъ, Голицынъ, Панинъ, Разумовскій, Иванъ Чернышевъ, Воронцовъ, Александръ и Левъ Нарышкины, Минихъ и Бецкій. Церемонія угощенія была та же, что и на праздникѣ Семеновскаго полка. Императрица была очень привѣтлива и держала себя, какъ всегда, съ большимъ достоинствомъ. Иностранные послы и блестящая свита придворныхъ присутствовали на обѣдѣ въ качествѣ зрителей. Многіе изъ нихъ удостаивались вниманія императрицы.

Два или три раза въ зиму при дворѣ устраивались маскарады, куда допускались лица всѣхъ сословій. Авторъ видѣлъ одинъ изъ такихъ маскарадовъ, на который было приглашено до 8,000 душъ обоего пола, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Двадцать роскошно иллюминованныхъ комнатъ дворца были открыты для публики. По срединѣ одной изъ залъ, въ которой обыкновенно давались придворные балы, устроено мѣсто для танцевъ особъ высшаго полета, огороженное низкой рѣшеткой. Другая изящно убранная зала овальной формы, называемая „большой залой Аполлона", отведена для танцевъ

лицъ, не имѣющихъ доступа ко двору, мѣщанъ и т. п. Остальныя комнаты,—гдѣ подавался чай и разныя прохладительныя — были заняты карточными столами. Все переполнилось громадной толпой, которая постоянно двигалась взадъ и впередъ. Гостямъ предоставлено было на выборъ оставаться въ маскахъ или снять ихъ. Представители дворянства явились въ домино, лица низшаго сословія—въ русскихъ національныхъ костюмахъ, нѣсколько пріукрашенныхъ. Это была какъ-бы выставка одеждъ, носимыхъ въ данное время различными обитателями Россійской имперіи, что представляло такое разнообразіе пестрыхъ фигуръ, какого не создавала самая причудливая фантазія въ маскарадахъ другихъ странъ. Многія купчихи были украшены дорогимъ жемчугомъ, расколотымъ для бо̀льшаго эффекта на половинки...

„Около семи часовъ появилась императрица съ великолѣпною кадрилью, состоящею изъ восьми дамъ и стольких же кавалеровъ. Императрица и сопровождавшія ее дамы были въ самыхъ пышныхъ греческихъ нарядахъ; кавалеры были одѣты римскими воинами, съ шлемами, богато украшенными алмазами. Изъ дамъ особенно выдавались герцогиня Курляндская, Репнина и графиня Брюсъ; изъ кавалеровъ Иванъ Чернышевъ и Потемкинъ. Императрица шла впереди, опираясь на руку Разумовскаго. Обойдя нѣсколько комнатъ и два или три раза залу Аполлона, она сѣла играть въ карты. Часть публики послѣдовала за нею и размѣстилась, какъ могла, въ почтительномъ разстояніи отъ карточнаго стола. Около одиннадцати, императрица, по обыкновенію, удалилась въ свои апартаменты".

Въ подражаніе двору устраивались роскошные балы и маскарады у частныхъ лицъ, хотя не такіе многочисленные, такъ какъ на нихъ приглашались только особы высшаго сословія. Авторъ описываетъ подобный маскарадъ у шведскаго посланника, барона Нолькена, на которомъ присутствовала Екатерина и ея дворъ.

Рядомъ съ торжествами и придворными увеселеніями императрица устраивала въ эрмитажѣ по четвергамъ частные балы и ужины для своихъ приближенныхъ. Иностранные посланники и вообще иностранцы допускались только въ исключительныхъ случаяхъ. Авторъ слѣдующимъ образомъ передаетъ ходившіе въ его время слухи объ этихъ собраніяхъ. „Мнѣ говорили, — пишетъ онъ,—что въ нихъ изгнаны всякаго рода церемоніи, насколько это совмѣстимо съ невольнымъ уваженіемъ къ великой монархинѣ. Прислуга удалена; ужинъ подается на маленькихъ столикахъ, незамѣтно выдвигаемыхъ изъ-за потайныхъ дверей. Въ различныхъ комнатахъ, на стѣнахъ, прибиты правила, которыми должно руководствоваться это избранное общество и клонившіяся главнымъ образомъ къ изгнанію этикета... Значеніе нѣкоторыхъ пра-

вилъ было объяснено мнѣ лицомъ, участвовавшимъ на этихъ собраніяхъ... Одно изъ правилъ, писанное на французскомъ языкѣ, удержалось въ моей памяти: „Asseyez vous, où vous voulez et quand il vous plaira, sans qu'on le repète mille fois“ [1]).

Автору удалось также собрать кое-какія свѣдѣнія о повседневной жизни императрицы, которыя онъ и сообщаетъ своимъ читателямъ. „Императрица,—пишетъ онъ,—встаетъ обыкновенно около шести часовъ утра и до восьми или десяти занимается дѣлами съ своимъ секретаремъ. Въ десять начинается туалетъ ея величества; пока ей убираютъ голову, она принимаетъ министровъ и дежурныхъ адъютантовъ и отдаетъ имъ свои приказанія. Около одиннадцати къ ней приводятъ внуковъ: Александра и Константина, или она сама идетъ навѣстить ихъ. Затѣмъ императрица принимаетъ великаго князя и княгиню; за столъ она обыкновенно садится до часу; общество ея за обѣдомъ состоитъ изъ девяти или десяти человѣкъ. Ихъ высочества обѣдаютъ съ императрицей три раза въ недѣлю, и тогда число приглашенныхъ доходитъ до восемнадцати. Императрица отличается рѣдкою умѣренностью, и никогда не остается за столомъ долѣе часу; затѣмъ она уходитъ въ свои апартаменты и около трехъ большею частью бываетъ въ эрмитажной библіотекѣ. Въ пять часовъ она отправляется въ театръ [2]) или на частный концертъ; въ тѣ дни, когда нѣтъ пріема при дворѣ. она проводитъ вечеръ за картами со своими приближенными. Она рѣдко ужинаетъ и до одиннадцати уже въ постели“.

Англичанамъ жилось очень весело, благодаря гостепріимству петербургской знати, не уступавшей въ этомъ отношеніи москвичамъ. „Едва,—говоритъ авторъ,—представляли насъ какому нибудь важному или достаточному лицу, какъ уже съ нами обращались совсѣмъ по домашнему. Многіе вельможи держатъ открытый столъ; сдѣланное однажды приглашеніе дѣлается навсегда. Единственная формальность, требуемая въ настоящемъ случаѣ, заключается въ томъ, что гость долженъ справиться утромъ: будетъ ли хозяинъ обѣдать дома въ этотъ день или нѣтъ; если оказывалось, что будетъ, то гость могъ не стѣсняясь явиться прямо къ столу. Чѣмъ чаще бывали мы за этими радушными обѣдами, тѣмъ становились болѣе дорогими гостями и какъ будто сами дѣлали одолженіе, а не принимали его“.

Обѣды были большею частью сервированы на французскій ладъ,

---

[1]) Садитесь, гдѣ хотите и когда вздумается, не заставляя повторять себѣ это тысячу разъ.

[2]) Въ описываемое время, по словамъ автора, на счетъ императрицы содержались итальянская опера, труппа русскихъ и французскихъ актеровъ; зрители допускались безденежно.

съ большимъ вкусомъ; все подавалось въ изобиліи; вино подливали гостямъ не переставая. Кушанья были самыя разнообразныя. Русскіе, по словамъ автора, хотя и переняли всѣ тонкости французской кухни, однако не пренебрегали ни своими національными кушаньями, ни англійскимъ ростбифомъ... Обѣдъ начинался обыкновенно въ три часа; послѣ обѣда все общество переходило въ другую комнату пить кофе.

У многихъ изъ дворянъ бывали вечера, отличавшіеся такою-же безцеремонностью; гости обыкновенно собирались около семи; нѣкоторые играли въ вистъ, макао, мушку и т. п.; иные занимались разговорами, другіе танцовали. Ужинъ подавали въ десять; общество расходилось обыкновенно между одиннадцатью и двѣнадцатью часами. Авторъ говоритъ, что на такого же рода вечерахъ они имѣли возможность бывать изо дня въ день и что если бы имъ вздумалось ежедневно посѣщать одинъ и тотъ же домъ, то они были бы встрѣчены съ тѣмъ же неизмѣннымъ радушіемъ. Въ виду всего этого, авторъ находитъ, что изо всѣхъ видѣнныхъ имъ столицъ—въ Петербургѣ всего лучше живется иностранцамъ, за исключеніемъ развѣ одной Вѣны.

Понравилась автору и русская зима, которая заняла его своею новизною. Онъ подробно описываетъ зимнія одежды русскихъ высшаго и низшаго сословія, удивляется, что простой народъ продолжалъ свои обычныя занятія, а извощики сновали по улицамъ съ своими санками, „повидимому“ не обращая никакого вниманія на морозъ; особенно поражали его прачки, полоскавшія бѣлье на Невѣ. Онъ не могъ достаточно налюбоваться „огромными кострами изъ цѣлыхъ бревенъ, разведенными на дворцовомъ дворѣ (court-yard) и наиболѣе людныхъ пунктахъ города; пламя высоко поднималось надъ крышами домовъ, освѣщая яркимъ свѣтомъ окружающую мѣстность и живописныя группы столпившихся у огня русскихъ въ ихъ азіятскихъ одеждахъ и съ длинными бородами“.

Не проходило дня, чтобы авторъ не направлялъ своей утренней прогулки къ Невѣ. „Ничто,—говоритъ онъ,—не можетъ быть оживленнѣе и занимательнѣе зимнихъ сценъ на Невѣ... Множество экипажей и саней, безчисленные пѣшеходы, безпрестанно двигались взадъ и впередъ по рѣкѣ; тутъ и тамъ виднѣлись собравшіяся или разсѣянныя группы. Въ одномъ мѣстѣ устроены катки для катающихся на конькахъ; нѣсколько дальше, въ огороженномъ пространствѣ проѣзжали лошадей; тамъ — толпа зрителей смотрѣла на бѣгъ. Ледяныя горы представляли собою не менѣе красивое зрѣлище, благодаря деревьямъ, которыми они были украшены, и быстро мелькавшимъ фигурамъ любителей этого рода увеселенія, почти безпрерывно спускавшимся съ горъ въ извѣстные часы дня“.

Около Рождества, на Невѣ, у крѣпости, устроена была обычная трехдневная ярмарка съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ въ столицу со всѣхъ концовъ Россіи. Рынокъ этотъ, судя по описанію автора, представлялъ полное подобіе нынѣшней Сѣнной въ это же время года, помимо дешевизны [1]).

Къ сожалѣнію, авторъ, такъ живо описавшій внѣшнюю сторону Екатерининскаго двора, придворныя увеселенія, жизнь русскаго дворянства въ столицѣ и даже отчасти уличную петербургскую жизнь,— почти не касается личностей того времени. Объясненіе этому мы встрѣчаемъ въ примѣчаніяхъ къ пятому изданію настоящаго сочиненія, гдѣ авторъ прямо говоритъ, что о многомъ „умалчивалъ изъ благоразумія", не желая печатать о нѣкоторыхъ личностяхъ при ихъ жизни. Такъ, любопытная характеристика Потемкина напечатана имъ только въ 1802 году, послѣ смерти Екатерины и Потемкина [2]). Мы считаемъ нелишнимъ привести, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, эту характеристику, такъ какъ авторъ лично зналъ „великолѣпнаго князя Тавриды" и бывалъ у него въ домѣ.

Авторъ начинаетъ съ краткой біографіи Потемкина, разсказываетъ исторію его повышенія и перечисляетъ огромные получаемые имъ доходы, добавляя, что для Потемкина они оказывались недостаточными, при его непомѣрныхъ тратахъ, карточной игрѣ, дикихъ и дорого стоющихъ фантазіяхъ.

„Во время путешествій князя Потемкина,—пишетъ авторъ,—впереди его ѣхалъ англичанинъ-садовникъ съ 600 помощниковъ, и съ невѣроятною быстротою разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться князь, хотя бы на одинъ день. Являлись дорожки, усыпанныя пескомъ и окаймленныя цвѣточными клумбами, сажались деревья и кусты всякаго рода и величины. Если князь жилъ дольше одного дня, то увядшія растенія замѣнялись свѣжими, привозимыми иногда изъ далекихъ мѣстъ, когда по близости не оказывалось лѣсу".

Потемкинъ любилъ украшать себя брилліантами и находилъ дѣтское удовольствіе въ пересыпаніи ихъ съ руки на руку или же раскладывалъ ихъ разными фигурами. Онъ тратилъ также не мало денегъ на любовницъ, а еще болѣе на постройку дворцовъ, въ которыхъ никогда не жилъ и которыми пользовался только для устройства ка-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, фунтъ мяса стоилъ тогда $2^1/_4$ коп., свинины—$2^3/_4$ коп., баранины—$3^1/_4$ коп., гусь стоилъ 22 коп., поросенокъ—$17^1/_2$ коп. и все остальное соразмѣрно съ этимъ.

[2]) См. прим. II т. «Travels into Poland, Russia», etc. пятое изданіе 1802 г., стр. 367—374.

кого нибудь великолѣпнаго пиршества. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, онъ тянулъ изъ государственнаго казначейства огромныя суммы; ни одно изъ его требованій не встрѣчало отказу.

Потемкинъ былъ топорно сложенъ и отличался геркулесовскими размѣрами и силой. Физическій недостатокъ въ одномъ глазу придавалъ ему отталкивающій и мрачный видъ. При первомъ знакомствѣ, онъ чувствовалъ себя неловко и казался застѣнчивымъ и скромнымъ. Въ полузнакомомъ или чуждомъ для него обществѣ онъ былъ молчаливъ и сдержанъ, но съ людьми близкими бывалъ любезенъ и веселъ, ловко насмѣхался и передразнивалъ съ большимъ искусствомъ. На раутахъ и балахъ онъ нерѣдко стоялъ особнякомъ и казался погруженнымъ въ свои мысли. Тревожное состояніе ума, вѣчно занятаго грандіозными проектами, выражалось въ непроизвольныхъ движеніяхъ тѣла. Хотя желать ему уже было нечего и онъ пресытился всѣми удовольствіями, но былъ въ постоянномъ безпокойствѣ, благодаря непомѣрному честолюбію, и постоянно мечталъ о какомъ нибудь новомъ повышеніи.

Онъ очень любилъ всякія религіозныя церемоніи, восхищался великолѣпіемъ православной церкви и былъ знатокомъ св. писанія. Когда бывалъ недоволенъ дворомъ или возмущался составлявшимися противъ него интригами, то собирался поступить въ монастырь. Комната съ билліардомъ, служившая пріемной, находилась рядомъ съ его спальней; она была постоянно переполнена людьми всякаго званія и всевозможныхъ націй. „Въ одно и то же время,—говоритъ авторъ,—мнѣ случалось видѣть у него министровъ, генераловъ, высшихъ вельможъ, артистовъ и простыхъ ремесленниковъ; англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, шведовъ, датчанъ, персовъ, грузинъ, турокъ, калмыковъ и татаръ". Гости, по желанію, могли заняться какой угодно игрой, такъ какъ въ пріемной стояло множество столовъ съ шахматами, триктракомъ и т. п. Потемкинъ обыкновенно обѣдалъ въ три часа; затѣмъ уходилъ въ спальню отдыхать. Проснувшись, онъ опять являлся къ гостямъ, иногда одѣтый, иногда же въ халатѣ и туфляхъ и нерѣдко безъ чулокъ. Онъ садился у котораго либо изъ столовъ, слѣдилъ за игрой или разговаривалъ.

Съ русскими вельможами онъ обращался очень высокомѣрно, но былъ внимателенъ и даже любезенъ съ иностранцами, особливо при болѣе близкомъ знакомствѣ. Къ прислугѣ Потемкинъ относился добродушно и не терпѣлъ когда ихъ били „по русскому обычаю"...

Въ ѣдѣ князь Таврическій отличался рѣдкою прожорливостью. Помимо обычныхъ блюдъ, которыя онъ пожиралъ съ одинаковымъ аппетитомъ, какъ самыя дорогія, такъ и самыя простыя, онъ еще

постоянно лакомился пирожками и бисквитами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ даже у постели.

По природѣ и привычкѣ Потемкинъ былъ въ высшей степени лѣнивъ и безпеченъ и часто пренебрегалъ важнѣйшими дѣлами; но въ крайнихъ случаяхъ его дѣятельность проявлялась также своеобразно, какъ и его нерадивость. Онъ разставался съ своею роскошною жизнью въ Петербургѣ и отправлялся въ какое нибудь далекое мѣсто, въ простой кибиткѣ, скакалъ день и ночь, сломя голову, какъ простой курьеръ. Въ подобныхъ путешествіяхъ онъ питался исключительно крестьянской пищей: чернымъ хлѣбомъ, чеснокомъ, солеными огурцами, пока не достигалъ мѣста назначенія, гдѣ снова принимался за свой обычный образъ жизни.

Потемкинъ постоянно увлекался самыми несообразными и дорогостоющими планами и былъ всегда окруженъ прожектерами, которые всячески надували и проводили его.

Онъ всѣми способами поощрялъ торговлю и промышленность, покровительствовалъ наукамъ и особенно изученію греческой литературы [1]). Онъ отличался быстрымъ пониманіемъ и рѣдкою памятью, имѣлъ общее, хотя поверхностное понятіе о литературѣ. Его начитанность ограничивалась французской беллетристикой, русскими духовными писателями и переводами классиковъ, особенно Плутарха; но масса свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ лицъ различныхъ профессій, съ которыми онъ сталкивался, была изумительна... [2]).

Къ личности Екатерины II авторъ постоянно относится съ очевиднымъ пристрастіемъ: обаяніе, производимое ею на окружающихъ, блескъ ея царствованія—оказали свое вліяніе и на безпристрастнаго историка. Онъ безусловно поклоняется ей; нигдѣ мы не встрѣчаемъ и тѣни критическаго отношенія къ ея дѣйствіямъ и распоряженіямъ; масса проектовъ, которыми отличалось ея царствованіе, имѣетъ въ его глазахъ значеніе совершоннаго дѣла; онъ уже заранѣе рисуетъ картину блестящихъ результатовъ этихъ проектовъ для русскаго на-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Потемкинъ взялъ на себя издержки по изданію нѣкоторыхъ классиковъ, предпринятому извѣстнымъ ученымъ Маттеи, котораго каталогъ греческихъ рукописей синодальной библіотеки до сихъ поръ признается наилучшимъ.—Другимъ подобнымъ любителемъ классической литературы былъ князь Юсуповъ. См. «Travels into Poland, Russia» etc. 1784 г. 1-е изд., стр. 343.

[2]) Напоминаемъ читателямъ, что въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. напечатана обширная біографія князя Потемкина, въ которой приведено много отзывовъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ-современниковъ великолѣпнаго князя Тавриды. (См. томъ XIII, стр. 20—40; 159—174; т. XIV, стр. 217-266). Тѣмъ же не менѣе, характеристика его, сдѣланная Уильямомъ Коксомъ, представляетъ нѣсколько новыхъ чертъ, тонко подмѣченныхъ наблюдательнымъ путешественникомъ.

рода. Здѣсь авторъ даже не всегда чуждъ извѣстныхъ натяжекъ, какъ мы увидимъ ниже. Особенно замѣтно это въ вопросѣ объ уголовномъ законодательствѣ и крѣпостномъ правѣ. Факты, возмущавшіе самого автора, находятъ у него оправданіе въ предразсудкахъ русскаго народа; Екатерина II является какъ бы пассивнымъ лицомъ. Между тѣмъ, авторъ относится совершенно иначе когда дѣло — какъ ему кажется — не касается Екатерины II. Такъ, онъ приводитъ вполнѣ основательные доводы противъ панегиристовъ императрицы Елисаветы Петровны, восхвалявшихъ ее за отмѣну смертной казни. „Я пріѣхалъ въ Россію,—говоритъ авторъ,—съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ этой странѣ никого не наказываютъ смертью, и былъ впервые разочарованъ въ этомъ однимъ иностранцемъ, къ которому обратился съ вопросомъ: существуетъ ли смертная казнь въ Россіи?—„Пожалуй, что не существуетъ,—возразилъ онъ,—преступниковъ не обезглавливаютъ и не вѣшаютъ, но ихъ нерѣдко засѣкаютъ до смерти“. Авторъ имѣлъ случай увидѣть на дѣлѣ справедливость этихъ словъ: въ бытность его въ Россіи, въ одну зиму три человѣка умерло въ Петербургѣ отъ кнута [1]). Такимъ образомъ, прославленная отмѣна смертной казни кажется автору совершенно фиктивной. „Правда,—говоритъ онъ,—русскіе уголовные законы буквально не присуждаютъ преступниковъ къ казни, но въ дѣйствительности ведутъ къ тому же результату“.... „Если вспомнимъ, что многіе преступники умираютъ подъ кнутомъ или отъ послѣдствій его [2]), что нѣкоторые не выдерживаютъ трудностей далекаго пути отъ Петербурга до Сибири, остальные погибаютъ преждевременно отъ нездоровыхъ условій рудника, то по неволѣ должны считать судьбу этихъ несчастныхъ своего рода—смертною казнью, только медленною.... По общему вычисленію, вѣроятно, оказалось бы, что, не смотря на видимую мягкость русскихъ уголовныхъ законовъ, въ сущности не меньшее число преступниковъ подвергается смертной казни въ Россіи, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ способъ наказанія принятъ законодательствомъ.

„Хвалители Елисаветы Петровны,—продолжаетъ авторъ,—конечно, усумнились бы въ ея прославленномъ милосердіи, еслибы вспомнили, что она не думала уничтожать пытку при допросахъ лицъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ... Пытка была уничтожена только съ вступленіемъ

---

[1]) См. Account of the prisons and hospitals in Russia, Sweden etc. London. 1781 г., стр. 2.

[2]) Авторъ замѣчаетъ, что не число ударовъ причиняетъ смерть, а способъ, какимъ они даются: «При мнѣ,—говоритъ онъ,—одинъ убійца былъ наказанъ 333-мя ударами кнута; я видѣлъ его три недѣли спустя въ тюрьмѣ: онъ уже почти оправился и казался здоровымъ». См. тамъ же.

на престолъ нынѣшней императрицы.... Однако,—замѣчаетъ при этомъ авторъ,—предразсудки русскихъ, относительно необходимости пытки, такъ глубоко укоренились, благодаря незапамятному обычаю, что со стороны императрицы требовалась большая осторожность, чтобы не возбудить неудовольствіе непосредственной отмѣною безчеловѣчнаго обычая.... Мудрый законодатель всегда относится съ уваженіемъ къ народнымъ предразсудкамъ, какъ бы они ни были нелѣпы и неразумны"....

Согласно заранѣе составленному плану, авторъ старался по возможности познакомиться съ русскими тюрьмами и госпиталями въ тѣхъ городахъ, гдѣ ему случалось бывать; особенно же интересовали его столичныя мѣста заключенія. Императрица, узнавъ объ этомъ, тотчасъ открыла автору свободный доступъ во всѣ петербургскія мѣста заключенія. Съ ея разрѣшенія, авторъ подалъ, черезъ И. Чернышева, цѣлый списокъ вопросовъ, касающихся русскихъ тюремъ. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ императрица приказала отвѣтить наиболѣе просвѣщеннымъ губернаторамъ (между прочими Сиверсу [1]); на другіе—она удостоила отвѣтить сама. Послѣдніе вопросы и отвѣты авторъ сообщаетъ цѣликомъ своимъ читателямъ:

Вопросы о русскихъ тюрьмахъ, поданные императрицѣ [2]).	Отвѣты, продиктованные императрицею ея секретарю и посланные автору.
1. Существуетъ ли общій планъ для строенія тюремъ, ихъ внутренняго распредѣленія, и находятся ли онѣ за городомъ и при текущей водѣ?	1. «До сихъ поръ не было общаго плана для строенія тюремъ, правильнаго ихъ распредѣленія и локальнаго состоянія».
2. Какія приняты мѣры, чтобы содержать заключенныхъ въ чистотѣ и предупреждать заразы?	2. «Нѣтъ никакихъ положеній относительно чистоты, какъ нѣтъ ихъ относительно строенія и локальнаго состоянія тюремъ. Вслѣдствіе злоупотребленія, благопріятнаго для тюремныхъ, ихъ во многихъ мѣстахъ пускаютъ въ бани. По всѣмъ вѣроятіямъ, одна стужа предупреждаетъ заразы».
3. Существуютъ ли тюремныя больницы?	3. «Не вездѣ».

[1]) Сиверсъ сообщилъ автору много свѣдѣній о русскихъ тюрьмахъ и полиціи. См. «Account of the prisons and hospitals in Russia, Sweden» etc. London 1781 г., стр. 24.

[2]) См. «Travels into Poland, Russia, Sweden etc. by W. Coxe. London. 1784 vol. II, pp. 85—87.

4. Отдѣлены ли маловажные преступники отъ важныхъ и отдѣлены ли послѣдніе другъ отъ друга?

4. «Хотя старые законы предписываютъ, чтобы преступники, которые судомъ на смерть осуждены, содержались въ особомъ покоѣ, называемомъ покаянной, однако нигдѣ нѣтъ горницъ этого рода».

5. Позволяютъ ли заключеннымъ покупать спиртные напитки и тюремщикамъ продавать ихъ?

5. «Всякіе съѣстные припасы продаются въ тюрьмахъ; но тюремщикъ не можетъ продавать спиртныхъ напитковъ; и это по двумъ причинамъ:

«Во первыхъ потому, что спиртные напитки могутъ продаваться только тѣми, которые берутъ на откупъ продажу ихъ отъ казны.

«Во вторыхъ, что очень необычайно, ни въ одной изъ тюремъ нѣтъ тюремщиковъ [1]), хотя законы упоминаютъ о нихъ».

6. Надѣваютъ ли желѣзы на женщинъ?

6. «Законы умалчиваютъ объ этомъ пунктѣ. Слѣдовательно, гдѣ этотъ обычай практикуется, его надо включить въ число многихъ другихъ злоупотребленій. Ces abus sont pour la plupart autant de cloux, qu'il faut tirer du corps politique de l'état, où on les trouve» [2]).

7. Смягчается ли когда нибудь судьба преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, въ случаѣ ихъ исправленія? Носятъ ли они какое нибудь позорное клеймо и снимаютъ ли его съ нихъ при хорошемъ поведеніи?

7. «Преступники, осужденные на публичныя работы, ссылаются; за убійство имъ клеймятъ лицо раскаленнымъ желѣзомъ и т. п.; на нѣкоторыхъ надѣваютъ желѣзы, другимъ вырываютъ ноздри; они не получаютъ никакого облегченія, кромѣ случаевъ общей или частной амнистіи».

---

[1]) Тюремныхъ стерегутъ солдаты.

[2]) «Эти злоупотребленія большею частью—тѣ же гвозди, которые приходится вырывать, гдѣ видишь, изъ политическаго тѣла государства». Авторъ приводитъ мѣсто это въ подлинникѣ на французскомъ языкѣ, считая его непереводимымъ.

8. Существуютъ ли опредѣленные сроки и мѣста въ различныхъ провинціяхъ для судебнаго слѣдствія надъ преступниками?

8. «Законы устанавливаютъ для этого опредѣленные сроки, но такъ какъ въ одномъ и томъ же судѣ рѣшается множество всякихъ дѣлъ и процессовъ, то уголовные суды бываютъ очень медлительны въ своихъ дѣйствіяхъ» и т. д.

Вмѣстѣ съ отвѣтами императрицы, авторъ помѣстилъ составленный ею краткій планъ преобразованія тюремъ подъ заглавіемъ:

„Новый планъ русскихъ тюремъ для введенія во всѣхъ губерніяхъ“.

1. „Раздѣлить тюрьмы на гражданскія и уголовныя.

2. „Уголовную тюрьму слѣдуетъ раздѣлить на три части. Первая для подсудимыхъ; вторая—для лицъ, которыя къ временному содержанію въ тюрьму приговорены; третья—для преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, вѣчное содержаніе въ тюрьму или публичныя работы.

3. „Каждую часть раздѣлить на два отдѣленія: одно для мужскаго пола, другое для женскаго пола“.

4) „Тюрьму слѣдуетъ строить за городомъ, на вольномъ воздухѣ, при водѣ“ [1]).

Авторъ не сообщаетъ, когда былъ написанъ императрицей приведенный здѣсь „Новый планъ русскихъ тюремъ“; но принимая въ соображеніе, что планъ этотъ находится въ непосредственной связи

[1]) Въ другомъ сочиненіи автора, не разъ упоминаемомъ нами, «Account of the prisons and hospitals in Russia», etc. pp. 29—30, мы встрѣчаемъ нѣсколько иную редакцію этого плана.

«Предполагаемый планъ русскихъ тюремъ (для введенія въ новыхъ губерніяхъ). Тюрьму строить за городомъ, на вольномъ воздухѣ и, если возможно, при текущей водѣ. Каждую тюрьму раздѣлить на двѣ части: одну для мужскаго пола, другую для женскаго пола. Въ каждой части будетъ три отдѣленія:

1) «Для подсудныхъ.

2) «Для лицъ, приговоренныхъ къ временному заключенію.

3) «Для преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, ссылкѣ въ Сибирь или вѣчному заключенію.

«Въ каждой тюрьмѣ устроить больницу, которая будетъ содержаться на счетъ казны; подходящее лицо назначается губернаторомъ провинціи для еженедѣльныхъ посѣщеній тюрьмы. Оно должно главнымъ образомъ заботиться о чистотѣ» и т. д.

Въ 1781 году одна такая образцовая провинціальная тюрьма уже строилась въ Твери. См. «Account of the prisons and hospitals» etc., p. 21.

съ вопросами автора и какъ бы вытекаетъ изъ нихъ, мы невольно приходимъ къ такой догадкѣ: не былъ ли онъ составленъ на-скоро императрицей подъ впечатлѣніемъ вопросовъ автора? [1]). Въ послѣдствіи, основныя положенія „Новаго плана“ были подробно разработаны и вошли въ „Проектъ устава о тюрьмахъ“, собственноручно писанный Екатериною II въ 1787 году [2]). Также врядъ-ли можно признать случайнымъ то соотношеніе, которое мы находимъ между „Отчетомъ о тюрьмахъ и госпиталяхъ въ Россіи, Швеціи“ и т. д., изданномъ авторомъ въ 1781 году, и „Проектомъ устава о тюрьмахъ 1787 года“. Въ своемъ „Отчетѣ“ авторъ указываетъ на крайне дурныя гигіеническія условія многихъ русскихъ тюремъ: недостатокъ свѣта, воздуха, дурную вентиляцію и т. п.; нигдѣ не было особаго помѣщенія для больныхъ; женщины рѣдко отдѣлялись отъ мужчинъ; преступники всякаго рода помѣщались вмѣстѣ: несостоятельные должники—вмѣстѣ съ ворами и убійцами; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ заключенные питались исключительно подаяніями; особыхъ тюремщиковъ не полагалось и т. д. Эти же самыя злоупотребленія поставлены на первомъ планѣ въ „Проектѣ устава о тюрьмахъ“; на нихъ главнымъ образомъ обращено вниманіе императрицы и предполагается рядъ мѣръ для ихъ устраненія.

Такимъ образомъ, при указанныхъ нами данныхъ, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что вышеприведенные „вопросы“ автора и его „Отчетъ о русскихъ тюрьмахъ“ оказали свою долю вліянія на прославленный проектъ преобразованія русскихъ тюремъ. Наконецъ, врядъ-ли императрица могла дойти чисто-теоретическимъ путемъ до сознанія необходимости тѣхъ или другихъ улучшеній, такъ какъ многія подробности, вѣроятно, были неизвѣстны ей.

Авторъ не особенно возмущается дурными условіями русскихъ тюремъ, потому что таково было большинство тюремъ въ западной Европѣ; онъ даже какъ бы удивляется сравнительно незначительной смертности въ русскихъ тюрьмахъ и старается объяснить это разными причинами [3]). Онъ собственно относится неодобрительно только къ русскимъ законоположеніямъ о несостоятельныхъ должникахъ,—которые иногда содержались въ тюрьмѣ значительное время за самыя

---

[1]) Къ сожалѣнію, намъ извѣстна только часть вопросовъ; тѣ изъ нихъ, на которые отвѣчали начальники губерній, вовсе не приведены авторомъ.

[2]) Подлинникъ «Проекта устава о тюрьмахъ» хранится въ Спб. въ государственномъ архивѣ. Онъ цѣликомъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1873 г., томъ VIII, стр. 66—86.

[3]) См. «Account of the prisons and hospitals» etc., стр. 25.

ничтожныя суммы (какіе-нибудь два рубля) и выкупались случайно щедростью постороннихъ лицъ,—приводитъ примѣры злостнаго банкротства и примѣръ двухъ мальчиковъ 14-ти и 15-ти лѣтъ, содержавшихся въ тюрьмѣ, въ видѣ заложниковъ, за долги своихъ отцовъ.

Затѣмъ авторъ остается неизмѣнно объективнымъ и нигдѣ, ни единымъ словомъ, не рѣшается осудить Екатерину II, убѣжденный, что все пойдетъ иначе, когда будутъ приведены въ исполненіе предполагаемыя ею реформы. Такъ, онъ сообщаетъ совершенно спокойно, что въ такомъ-то мѣстѣ видѣлъ двухъ мальчиковъ, лѣтъ четырнадцати, убѣжавшихъ вслѣдъ за своихъ отцами изъ деревни, съ цѣпями и колодкой на шеѣ, вѣсившими семь пудовъ; или что въ Кронштадтѣ въ числѣ каторжниковъ содержатся бѣглые крестьяне, иногда остающіеся тамъ пожизненно, если ихъ не вытребуютъ обратно помѣщики. Въ одной тюрьмѣ авторъ встрѣтилъ помѣщика, приговореннаго къ вѣчному заключенію вслѣдствіе того, что онъ засѣкъ до смерти нѣсколькихъ крестьянъ, и приводитъ это какъ доказательство, что въ Россіи такого рода преступленія не всегда „проходятъ безнаказанно" [1]). Даже такой крупный фактъ, какъ закрѣпощеніе крестьянъ въ Малороссіи, приводитъ автора къ скромному заключенію, что въ этомъ случаѣ „императрица безсознательно становится въ разрѣзъ съ общимъ принципомъ, положеннымъ въ основу ея правленія, а именно—постепеннымъ расширеніемъ привиллегій и свободы низшаго класса общества" [2]).

Авторъ искренно убѣжденъ, что великая государыня, заявившая своимъ планомъ преобразованія тюремъ насколько она снисходитъ „къ страданіямъ самыхъ жалкихъ жертвъ общественнаго правосудія, еще болѣе увѣковѣчитъ свою память, воздвигнувъ славное зданіе народнаго счастья"…. „Многія злоупотребленія,—говоритъ авторъ,—уже устранены новыми учрежденіями, многія, еще существующія, будутъ устранены, если императрица успѣетъ привести въ исполненіе все задуманное ею… Но не слѣдуетъ предполагать, что нравы націи могутъ внезапно измѣниться, или что даже самые неограниченные государи въ состояніи уничтожить обычаи, освященные вѣками… Достаточно и того, если злоупотребленія на столько осла-

[1]) См. «Account of the prisons and hospitals» etc., p. 12. Авторъ сообщаетъ при этомъ, что рядомъ съ дверью тюрьмы, гдѣ содержался этотъ помѣщикъ, изъ привязанности къ нему, поселилась его 70-ти-лѣтняя няня, въ жалкой лачугѣ, едва защищавшей ее отъ непогоды. Старуха не захотѣла разстаться съ своимъ питомцемъ и всячески прислуживала ему. Получивъ отъ автора какую-то незначительную монету, она тотчасъ отдала ее заключенному.

[2]) См. «Travels into Poland, Russia», etc. III vol. 5-th. ed. 1800, p. 151.

блены, на сколько это мыслимо ожидать въ странѣ, гдѣ существуетъ такая огромная несоразмѣрность положеній и состоянія и гдѣ безусловное рабство крестьянъ дѣлаетъ крайне труднымъ, если не вполнѣ невозможнымъ, скорое водвореніе безпристрастнаго и неподкупнаго правосудія".

Авторъ сравниваетъ состояніе Россіи въ XVIII вѣкѣ, по отношенію къ значительной массѣ народа, съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась бо̀льшая часть Европы въ XI и XII вв. „Много,—говоритъ онъ,—было писано о значительной цивилизаціи, введенной Петромъ I въ Россіи... Мы вполнѣ признаемъ справедливость расточаемыхъ ему похвалъ, относительно усовершенствованія дисциплины въ арміи, созданія флота, потому что такого рода цѣли вполнѣ достижимы для неограниченнаго монарха при извѣстной устойчивости; но думаемъ, что толки о совершенномъ переворотѣ въ народныхъ нравахъ раздуты иностранцами, никогда не бывавшими въ Россіи и составившими себѣ понятіе о Петрѣ I изъ крайне пристрастныхъ источниковъ. Хотя, быть можетъ,—продолжаетъ авторъ,—русская нація и сдѣлала значительный шагъ къ усовершенствованію, но это усовершенствованіе едва замѣтно, если мы сопоставимъ его съ образованностью другихъ націй. Однако, благодаря преувеличеннымъ разсказамъ, слышаннымъ и читаннымъ мною о великихъ успѣхахъ цивилизаціи въ Русской имперіи, я ожидалъ несравненно бо̀льшаго просвѣщенія въ нравахъ, чѣмъ нашелъ на дѣлѣ, и, признаюсь, былъ пораженъ состояніемъ варварства, въ которое до сихъ поръ погружена масса народа. Правда, знатнѣйшіе вельможи не уступятъ любому европейцу въ утонченности пріемовъ, образѣ жизни и общежитіи; но не слѣдуетъ забывать, что цивилизовать отдѣльныхъ личностей еще не значитъ цивилизовать націю"....

Крестьяне, составляющіе собою массу русскаго народа, по мнѣнію автора, на столько же отстали въ искусствахъ и ремеслахъ отъ другихъ націй, какъ и въ допетровское время. Онъ объясняетъ это отчасти и тѣмъ, что цивилизація многочисленнаго народа, разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ, не можетъ быть дѣломъ одного момента и достигается путемъ постепеннаго, незамѣтнаго прогресса... „Наконецъ,—замѣчаетъ авторъ,—общее усовершенствованіе немыслимо, пока существуетъ крѣпостное право; никакой дѣйствительной перемѣны не произойдетъ въ національныхъ нравахъ, пока народъ не пользуется личною и имущественною безопасностью. Что̀ будетъ побуждать его къ преуспѣянію въ ремеслахъ и мастерствахъ, когда онъ не можетъ пользоваться плодами своего труда и облагается податями, сообразно своей умѣлости и получаемому заработку?"

Государственные крестьяне, по словамъ автора, хотя и платили большія подати, но были въ несравненно лучшемъ положеніи нежели помѣщичьи: имущество ихъ было болѣе обезпечено; вопіющія притѣсненія скорѣе дѣлались извѣстными и противъ нихъ принимались мѣры. Между тѣмъ крестьяне, числившіеся за частными лицами, „составляли такую же неотъемлемую собственность господъ, какъ земледѣльческія орудія или домашній скотъ"…. Господинъ неограниченно пользовался ихъ временемъ и трудомъ и распоряжался ими какъ хотѣлъ… „Способъ обращенія нѣкоторыхъ господъ съ крестьянами,—говоритъ авторъ,—напоминаетъ обращеніе римлянъ съ ихъ рабами. Говорятъ, что Аттикъ заставлялъ своихъ рабовъ переписывать рукописи, которыя потомъ продавалъ по высокой цѣнѣ, и нажилъ себѣ этимъ большое состояніе. Точно такимъ же образомъ нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ посылаютъ своихъ крѣпостныхъ въ Москву и Петербургъ для обученія различнымъ ремесламъ, затѣмъ, по окончаніи ученія, держатъ ихъ въ своихъ имѣніяхъ, отдаютъ въ наймы, продаютъ по высокой цѣнѣ или берутъ съ нихъ ежегодное вознагражденіе за дозволеніе заниматься ремеслами въ свою пользу.

„Въ силу власти, дарованной помѣщику древними законами, онъ можетъ судить своихъ крѣпостныхъ или подвергнуть какому угодно наказанію, кромѣ кнута; можетъ высѣчь, запереть въ тюрьму, отправить въ исправительный домъ или сослать въ Сибирь… Правда, помѣщикъ не властенъ надъ жизнью своего крѣпостнаго… но если послѣдній умретъ отъ розогъ, то кто же осмѣлится привлечь помѣщика къ суду, особливо, если онъ человѣкъ вліятельный?… Какъ часто подобныя варварства должны оставаться невѣдомы двору и проходить безнаказанно!"… Рядомъ съ этимъ восклицаніемъ, авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что новымъ законодательствомъ положены извѣстные предѣлы непомѣрной власти помѣщика и существующія злоупотребленія устранятся современемъ, благодаря гуманнымъ и благодѣтельнымъ распоряженіямъ Екатерины II.

Матеріальное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, по словамъ автора, было далеко незавидное. По удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни, они тратили свои незначительные заработки на одежду или пропивали ихъ. Тѣ изъ нихъ, которые, вслѣдствіе исключительныхъ условій, наживали себѣ кое-какое состояніе, рѣдко измѣняли свой обычный образъ жизни и большею частью зарывали деньги въ землю, какъ это обыкновенно дѣлается въ азіятскихъ странахъ, гдѣ собственность ничѣмъ не обезпечена. „Достойно замѣчанія,—говоритъ авторъ,—что при всемъ этомъ русскіе непомѣрно жадны къ деньгамъ и, быть можетъ, не существуетъ на свѣтѣ страны, гдѣ бы купцы такъ много

запрашивали за свои товары и продавали ихъ по такой дешевой цѣнѣ, какъ въ Россіи,—что также служитъ доказательствомъ долгаго гнета, подъ которымъ они находились".

Русскихъ крестьянъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ сожалѣть не со стороны ограниченности ихъ потребностей, такъ какъ это дѣло привычки и придаетъ имъ крѣпость и выносливость, заставляетъ довольствоваться малымъ,—а со стороны ихъ унизительнаго положенія, которое сдѣлало ихъ „покорными, раболѣпными, упрямыми, безпечными и, въ извѣстномъ смыслѣ, безучастными ко всему".

Мѣщане и купцы своимъ внѣшнимъ видомъ и способомъ жизни ничѣмъ не отличались отъ обитателей самыхъ жалкихъ деревень; въ образованіи своемъ они недалеко ушли отъ простыхъ крестьянъ: очень немногіе изъ нихъ умѣли читать и писать и считали механически по счетамъ... Архангельскіе купцы, по отзыву автора, представляли собою счастливое исключеніе; они были вообще несравненно смышленнѣе, честнѣе и образованнѣе остальныхъ русскихъ торговцевъ, что̀ авторъ приписываетъ ихъ долгимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ иностранными купцами.

Умственный уровень приходскаго духовенства также показался автору крайне неудовлетворительнымъ. Многіе приходскіе священники буквально не въ состояніи были читать евангеліе; они служили и говорили проповѣди на память, такъ что уже изъ этого можно видѣть, какъ велика могла быть польза, приносимая ими прихожанамъ. „Такое невѣжество, однако, не должно удивлять насъ, — говоритъ авторъ, — если мы примемъ въ соображеніе крайне скудное содержаніе, получаемое бѣлымъ духовенствомъ въ Россіи. Помимо случайныхъ доходовъ, достигающихъ въ бѣдныхъ приходахъ до 25 руб. въ годъ и до 125 руб. въ наиболѣе богатыхъ, — все имущество приходскаго священника заключается въ деревянномъ домѣ, мало чѣмъ отличающемся отъ домовъ самыхъ неимущихъ прихожанъ, и въ небольшомъ клочкѣ земли, который онъ обработываетъ собственными руками. Во время моего пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, при постоянныхъ и почти ежедневныхъ сношеніяхъ съ русскою знатью и дворянствомъ, мнѣ ни разу не случилось встрѣтить въ посѣщаемыхъ мною домахъ ни единаго представителя бѣлаго духовенства, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣшніе приходскіе священники настолько грубы и неотесаны, что не могутъ быть допускаемы въ образованное общество"... Впрочемъ, авторъ, признавая невѣжество отличительною чертою русской церковной іерархіи, исключаетъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться случайно, и признаетъ ихъ людьми вполнѣ про-

свѣщенными и развитыми. То были церковные сановники, встрѣчаемые авторомъ за обѣдомъ у нѣкоторыхъ вельможъ, въ высокоторжественные дни.

Незавидное умственное развитіе низшихъ классовъ русскаго общества не мѣшало однако процвѣтанію наукъ и искусствъ въ столицѣ. Авторъ съ уваженіемъ относится къ русскимъ ученымъ учрежденіямъ: Вольно-Экономическому обществу, членомъ котораго онъ былъ избранъ, С.-Петербургской академіи наукъ, и придаетъ большое значеніе ученымъ экспедиціямъ, снаряжаемымъ внутрь страны по иниціативѣ императрицы, какъ, напримѣръ, Палласа, Гмелина, Гильденштедта, Георги и Лепехина. „Благодаря этимъ экспедиціямъ, — говоритъ авторъ,—врядъ ли какая другая страна обогатилась въ такое короткое время подобными превосходными изданіями, какъ Россія, относительно внутренняго состоянія, естественныхъ произведеній, топографіи, географіи, исторіи, быта, обычаевъ и языка различныхъ обитателей государства. Затѣмъ авторъ перечисляетъ нѣкоторыя другія изданія академіи, наличный составъ членовъ, описываетъ академическую библіотеку, музей естественной исторіи и нѣкоторыя видѣнныя имъ достопримѣчательности: образцы рудъ, богатыя золотыя вещи сибирскихъ могильныхъ раскопокъ, разныя національныя одежды, идолы, собраніе монетъ и т. п.

Авторъ довольно подробно описываетъ академію художествъ, ея устройство, способъ преподаванія и т. п. Онъ видѣлъ здѣсь нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской живописи и скульптуры и считаетъ ихъ вѣрными задатками будущаго преуспѣянія искусствъ въ Россіи, при бо̀льшемъ развитіи цивилизаціи. Но въ описываемое время, академія, по мнѣнію автора, не смотря на свое превосходное устройство, и не могла приносить большой пользы... „Ученики, — говоритъ онъ,—вообще дѣлаютъ значительные успѣхи, пока учатся въ академіи; многіе кончаютъ свое образованіе за границей. Однако, достойно замѣчанія, что самые способные изъ нихъ часто навсегда остаются за-границей, а если возвращаются на родину, то скоро излѣниваются, что, повидимому, составляетъ отличительную черту ихъ національнаго характера. Причина этого, вѣроятно, заключается въ недостаткѣ поощренія со стороны общества. При тщательномъ уходѣ и большихъ издержкахъ художники выращиваются императрицей на подобіе тепличныхъ растеній; но если тотъ же уходъ не приложенъ къ нимъ по достиженіи ими зрѣлости, то они неизбѣжно должны погибнуть. При всемъ своемъ желаніи покровительствовать таланту, — монархъ и немногіе изъ вельможъ, слѣдующіе его примѣру, не имѣютъ возможности распространить склонность къ произведеніямъ искусства

въ народѣ, который, по низкому уровню развитія, не въ состояніи цѣнить ихъ. Съ другой стороны, талантливые люди, не встрѣчая ни малѣйшей поддержки въ обществѣ, не могутъ имѣть того благороднаго соревнованія, которое ведетъ къ совершенствованію, и по неволѣ ищутъ службы или другаго занятія, такъ какъ не могутъ существовать своей профессіей"...

Изъ учебныхъ заведеній авторъ посѣтилъ кадетскій корпусъ [1]) и Смольный институтъ. Въ корпусѣ въ то время воспитывалось 480 дворянскихъ дѣтей и 64 мѣщанскихъ дѣтей—„изъ послѣднихъ приготовляли учителей для корпуса" [2]). Смольный институтъ уже былъ раздѣленъ на благородную и мѣщанскую половины; кромѣ того, воспитанницы дѣлились на четыре класса по цвѣту платья. Всѣхъ учили чтенію, письму, ариѳметикѣ и всякаго рода рукодѣліямъ. На мѣщанской половинѣ дѣвицъ пріучали къ домашнему хозяйству, заставляли мыть на себя бѣлье, печь хлѣбъ, готовить кушанье. „Благороднымъ" дѣвицамъ преподавали отдѣльно исторію и географію: помимо русскаго, онѣ учились языкамъ: французскому, нѣмецкому и итальянскому и брали уроки танцевъ, музыки и рисованія. Чистота французскаго произношенія у институтокъ даже удивила автора, когда ему пришлось присутствовать на представленіи двухъ французскихъ піесъ: La Servante Maitresse, разыгранной воспитанницами старшихъ классовъ, и L'Oracle—младшими. За представленіемъ слѣдовали характерные танцы, также исполненные институтками, и наконецъ — балъ и ужинъ, на которые были приглашены многія лица высшаго общества, иностранцы и нѣсколько воспитанниковъ кадетскаго корпуса.

Авторъ описываетъ и нѣкоторыя изъ петербургскихъ окрестностей: Царское Село, Ораніенбаумъ, Петергофъ и т. д.; но это описаніе настолько внѣшнее, что не представляетъ никакого интереса для русскихъ читателей, за исключеніемъ, впрочемъ, Шлиссельбурга и Шлиссельбургской крѣпости, которая была подробно осмотрѣна авторомъ. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ, недостроенный, кирпичный, одноэтажный домъ, состоявшій изъ одиннадцати комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣла около 15-ти фут. длины и 12-ти ширины. Полы были еще не настланы и зданіе осталось необитаемымъ. Домъ этотъ былъ зало-

[1]) Мы не приводимъ здѣсь подробностей, сообщаемыхъ авторомъ о кадетскомъ корпусѣ, называемомъ въ то время «Сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ», такъ какъ онъ описанъ въ книгѣ: «Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево или Народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II», изд. А. С. Воронова, 1858 г., см. стр. 29—33.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

женъ по приказанію Петра III и строился съ такою поспѣшностью, что былъ доведенъ до настоящаго положенія менѣе, чѣмъ въ шесть недѣль. Работа остановилась со смертью императора. „Постройка такого большаго зданія, въ подобномъ мѣстѣ и въ такой короткій срокъ,—замѣчаетъ авторъ,—уже сама по себѣ казалась всѣмъ таинственною; но есть полное основаніе думать, что Петръ III намѣревался запереть въ немъ свою супругу" [1]).

Шлиссельбургская крѣпость, своими мрачными стѣнами, мертвой тишиной, царившей въ ней, и одинокими часовыми, произвела самое тяжелое впечатлѣніе на автора, знакомаго съ прошлой исторіей этого печальнаго мѣста. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ далекой Англіи, онъ съ содроганіемъ вспоминалъ русскую государственную тюрьму.

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга авторъ и его спутники присутствовали на своеобразномъ пиршествѣ, которое давалось однимъ откупщикомъ, нажившимъ въ четыре года огромное состояніе. Сдавая откупъ, онъ счелъ нужнымъ, въ видѣ благодарности, устроить праздникъ народу, обогатившему его! Праздникъ устроился въ Лѣтнемъ саду, о чемъ заранѣе было извѣщено объявленіями, разосланными по всему городу. Гости собрались около двухъ часовъ по полудни. Огромный полукруглый столъ былъ заваленъ всякаго рода яствами, сложенными самымъ разнообразнымъ способомъ: высокія пирамиды изъ ломтей хлѣба съ икрой, валяной осетрины, карповъ и др. рыбы украшались раками, луковицами и пикулями. Въ различныхъ мѣстахъ сада стояли рядами бочки и бочекки съ водкой, пивомъ и квасомъ. Въ числѣ другихъ диковинъ былъ огромный картонный китъ, начиненный сушеной рыбой и другими съѣстными припасами, и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчей.

Кромѣ того, хозяинъ праздника устроилъ для народа различныя игры и увеселенія: ледяныя горы, карусели и т. п.; два шеста, около

[1]) Подтвержденіемъ этому мнѣнію можетъ служить извѣстіе, заимствованное авторомъ изъ донесенія гр. Букингамскаго къ лорду Гардвику (Hardwicke), въ которомъ говорится, что, по единогласному свидѣтельству особъ, бывшихъ при Петрѣ III во время переполоха 1762 года, Воронцова съ негодованіемъ упрекала императора за то, что «онъ не исполнилъ ея требованія, не заперъ во-время эту женщину (this bad woman), и что тогда имъ бы не пришлось переживать такого ужаснаго дня»... См. Coxe, Travels into Poland, Russia, etc. appen. vol. III 5-th ed. 1802 pp., 32—33.

Приводимое авторомъ донесеніе гр. Букингамскаго отнесено имъ къ 16-му апрѣля 1766 года; между тѣмъ сэръ Джонъ Макартней, смѣнившій гр. Букингамскаго, пріѣхалъ въ Петербургъ 1765 года. Намъ неизвѣстно: оставался ли гр. Букингамскій въ Петербургѣ до 1766 года или авторъ невѣрно помѣтилъ годъ донесенія; но во всякомъ случаѣ не имѣемъ основанія сомнѣваться въ его добросовѣстности.

двадцати футовъ высоты, виднѣлись издали своими флагами; на верхушкѣ была положена монета, въ видѣ приза, для тѣхъ, которымъ удастся достать ее.

Праздникъ казался очень оживленнымъ, такъ какъ участвующихъ въ немъ было до 40,000 душъ обоего пола. Заранѣе было объявлено, что гости послѣ первой ракеты выпьютъ по рюмкѣ водки, послѣ второй—примутся за ѣду; однако, благодаря нетерпѣнію толпы, второй сигналъ оказался лишнимъ: народъ сразу ринулся къ столамъ. Картонный китъ былъ моментально разломанъ на мельчайшіе куски; богатая парча сдѣлалась добычею грабителей. Остальная масса, не добравшись до кита по своей многочисленности, жадно принялась уничтожать горы разныхъ яствъ: одной рукой набивала рты, другою наполняла карманы. Значительная толпа собралась кругомъ бочекъ и боченковъ съ водкой и другими напитками и, черпая изъ нихъ большими деревянными ложками, напивалась вволю. Вскорѣ безпорядокъ и шумъ настолько увеличились, что англичане сочли благоразумнымъ удалиться домой. Вечеръ кончился иллюминаціей и фейерверкомъ.

Праздникъ этотъ, по словамъ автора, ознаменовался довольно печальными послѣдствіями. Многіе изъ валявшихся на землѣ пьяныхъ замерзли; немало людей погибло въ дракѣ: иные, возвращаясь по домамъ позднею порою, были ограблены и убиты въ уединенныхъ кварталахъ города. Число такихъ жертвъ, по наведеннымъ справкамъ, доходило до 400 чел. [1]).

Вечеромъ 3-го февраля 1779 года, авторъ и его спутники выѣхали изъ Петербурга и отправились въ обратный путь черезъ Финляндію. Зимняя почтовая ѣзда произвела самое пріятное впечатлѣніе на автора. Длинный рядъ саней, запряженныхъ гусемъ, незамѣтно скользилъ по мерзлому снѣгу, представляя собою живописное зрѣлище; то извивался онъ по убѣленнымъ холмамъ или погружался въ мракъ густаго лѣса, то вытягивался въ прямую линію по ледяной поверхности озеръ. По ночамъ ослѣпительная бѣлизна снѣгу, а по временамъ и сѣверное сіяніе освѣщали мѣстность таинственнымъ полусвѣтомъ; господствовавшая тишина нарушалась пѣснями ямщиковъ, которымъ вторило эхо окружающихъ лѣсовъ.....

Въ 1785 году, авторъ вторично посѣтилъ сѣверныя страны, не исключая Россіи, и, по возвращеніи на родину, напечаталъ, въ 1785—1790 гг., второе изданіе своего „Путешествія въ Польшу, Россію,

[1]) По поводу этого праздника написана императрицею Екатериною II записка къ генералъ-полицеймейстеру С.-Петербурга, Д. В. Волкову, отъ 27-го ноября 1778 г. Государыня упоминаетъ о 370 лицахъ, погибшихъ отъ пьянства. См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 744.

Швецію" и т. д. (Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark), съ третьимъ добавочнымъ томомъ; но къ сожалѣнію, этотъ добавочный томъ представляетъ для насъ мало любопытнаго [1]). Авторъ преимущественно описываетъ страны, которыя ему не удалось посѣтить въ первый свой пріѣздъ. Изъ всего, что онъ сообщаетъ намъ о Петербургѣ, мы почти не узнаемъ ничего новаго. Авторъ замѣчаетъ только, что Петербургъ значительно украсился въ его отсутствіе; указываетъ, что такія-то зданія окончены; устроены тѣ или другія набережныя; эрмитажъ соединенъ съ дворцомъ и т. п. Затѣмъ онъ подробно описываетъ картинную галлерею въ эрмитажѣ, и, восхваляя по прежнему заботливость Екатерины II о народномъ благѣ и образованіи, знакомитъ въ общихъ чертахъ своихъ читателей съ учительской семинаріей при главномъ народномъ училищѣ, открытой въ С.-Петербургѣ, 13-го декабря 1783 г. [2]). Кромѣ того авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя прибавочныя замѣтки къ статистическимъ даннымъ о доходахъ Россіи, арміи, приводитъ географическое дѣленіе Россіи на губерніи, провинціи и уѣзды. Въ этомъ же добавочномъ томѣ помѣщенъ упоминаемый въ предисловіи „Сравнительный обзоръ русскихъ открытій" (A comparative view of the Russian discoveries with those made by captains Cook and Clerke), вышедшій отдѣльной брошюрой въ 1787 году.

Третье изданіе „Путешествія въ Польшу, Россію", и т. д., во всемъ сходное съ первымъ, появилось въ 1787 году, безъ упомянутаго добавочнаго тома.

Четвертое и пятое изданія, „Путешествія", исправленныя самимъ авторомъ и наиболѣе полныя, появились въ 1792 и 1802 гг.; они отличаются нѣсколько иной группировкой фактовъ, сообразно ихъ содержанію. Къ пятому изданію приложены любопытныя примѣчанія, которыми мы воспользовались, какъ, напримѣръ, свѣдѣніями о бесѣдѣ автора съ историкомъ Миллеромъ и разговорѣ послѣдняго съ Екатериной II (см. гл. I настоящей статьи), біографіей Потемкина (гл. II). Въ этихъ же примѣчаніяхъ мы встрѣчаемъ донесеніе В. Кейта Г. Гренвилю о переворотѣ 1762 г. [3]), нѣкоторыя свѣдѣнія о Воронцовой,

[1]) Этотъ третій томъ «Travels» былъ переведенъ на французскій языкъ подъ громкимъ заглавіемъ: «Nouveau voyage en Danemark, Suède, Russie, Pologne et dans le Jutland, la Norvège, la Livonie etc. Traduit de l'anglais, Vols 1—2. Paris. 1791 г.

[2]) Подробное описаніе учительской семинаріи помѣщено въ книгѣ: «Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево или Народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II» изд. Воронова. 1858 г., стр. 98—114.

[3]) Донесеніе это напечатано въ «Сборникѣ Русскаго Историч. общества», т. XII, 1873 г. № 2, стр. 2—12.

подробности о смерти Екатерины II, описаніе похоронъ Суворова, которому было отказано въ военныхъ почестяхъ, по распоряженію Павла, и т. д.

Книга Кокса „Путешествіе въ Польшу, Россію, Швецію и Данію" была встрѣчена очень сочувственно въ Европѣ и переведена на многіе иностранные языки: нѣмецкій, французскій, голландскій, шведскій и итальянскій [1]).

Н. В.

---

[1]) Нѣмецкій переводъ: Reise durch Poland, Russland etc. von J. Pezzl. Vols 1—3, Zürich, 1785—1792, сдѣланъ очень точно съ перваго англ. изданія 1784 г. съ нѣкоторыми незначительными поправками переводчика. Для дешевизны выпущены гравюры и карты, приложенныя къ подлиннику.

Французскій переводъ, сдѣланный съ того же изданія, какъ нѣмецкій, вышелъ въ 1786 году, подъ заглавіемъ: Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemark, etc. par P. H. Mallet, Vols 1—4. Geneve, 1786. Переводъ этотъ нѣсколько сокращенъ противъ англійскаго подлинника; выпущены нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, напримѣръ, о Борисѣ, Лжедимитріи, Софьѣ Алексѣевнѣ, родителяхъ Екатерины I.... Личныя же наблюденія и разсужденія автора переданы большею частью цѣликомъ. Добавленія переводчика главнымъ образомъ относятся къ Даніи и Норвегіи, о которыхъ Коксъ, по его собственному сознанію, не могъ собрать достаточно подробныхъ свѣдѣній.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1805 г.—въ Bibliothèque geographique et instructive des jeunes gens, ou recueil de voyages interessants traduit par Breton, — «Путешествіе» Кокса появилось въ передѣлкѣ для юношества, но съ примѣсью разныхъ небылицъ о Россіи, заимствованныхъ изъ другихъ путешественниковъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1854.

X [1]).

Рано утромъ, 5-го октября, поднялась канонада. Мы побѣжали на бугоръ, но огонь такъ быстро охватилъ Севастополь, что отличить выстрѣловъ своихъ отъ непріятельскихъ не было уже никакой возможности. Густой, черный дымъ застилалъ все; отдѣльныхъ раскатовъ не было слышно, но вся масса выстрѣловъ слилась въ сплошной, оглушительный гулъ, какого, до той поры, еще, я думаю, никто изъ насъ не слыхивалъ. Князь поскакалъ въ Севастополь; мы—за нимъ.

Переправясь на Корабельную сторону, мы увидѣли, что на подъемѣ уже валялись трупы, хотя это мѣсто и было прикрыто горой. Объѣзжая первые три бастіона, мы держали путь по грядѣ откатывавшихся ядеръ: они ложились плотно одно къ другому, какъ булыжникъ на прибоѣ моря. Новыя ядра, подлетая, суетились, крутились, толкались, прочищая себѣ мѣсто.

Колонны, предназначенныя для отбитія штурма, стояли, прикрываясь какъ могли. Такимъ образомъ около госпитальной стѣнки прижался Бутырскій полкъ. Командиръ его, полковникъ Ѳедоровъ, увидѣвъ князя, подбѣжалъ къ нему, предостерегая отъ невыгоднаго направленія, которое тотъ избралъ для своего пути. Князь придержалъ лошадь, ука-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711.

зывая Өедорову, въ свою очередь, безопасныя мѣста для полка. Въ этотъ самый мигъ, ядро громаднаго размѣра, пробороздивъ предъ лошадью свѣтлѣйшаго, осыпало насъ хрящемъ твердой земли... Если-бы Өедоровъ не пріостановилъ князя, тутъ бы онъ и погибъ; но только лошадь его шарахнулась, и мы поѣхали далѣе, пробираясь на правый флангъ. Узнавъ на дорогѣ, что Корниловъ его уже объѣхалъ и возвратился на квартиру, свѣтлѣйшій направился къ нему.

У дома Корнилова дожидалась лошадь; Владиміръ Алексѣевичъ вскорѣ вышелъ и, сообщивъ князю, что французскія батареи призатихли,—проѣхалъ съ нимъ до Екатерининской пристани.

Мы еще не успѣли возвратиться на бивуакъ, какъ началось бомбардированіе съ моря. Князь поспѣшилъ на бугоръ, съ котораго мы обыкновенно дѣлали наши наблюденія, и приказалъ перемѣнить ему лошадь.

Громъ отъ безпрерывной пальбы былъ невообразимый. Тучи чернаго дыма заволакивали все видимое небо и только изрѣдка можно было уловить глазомъ темнокрасные огни, вырывавшіеся изъ жерлъ громадныхъ орудій. Всего удобнѣе намъ было разсмотрѣть громадный трехдечный корабль, который, ставъ какъ разъ въ тылу Константиновской батареи, возлѣ берега, безнаказанно громилъ ее въ хвостъ. Сначала мы были рады, что корабль, не видя скрытой за мыскомъ мортирной батареи, занялъ эту позицію, не ожидая гостинцевъ которые поднесутъ ему наши пятипудовыя мортиры и двѣ коронады. Батарея эта, устроенная на берегу бухты, была обращена жерлами орудій къ морю, именно съ тѣмъ, чтобы чрезъ мысокъ озадачить смѣльчака на случай покушенія... Но батарея молчитъ. Что же она не кончаетъ съ этимъ кораблемъ? Ждемъ съ нетерпѣніемъ его гибели, но онъ цѣлъ и невредимъ... Или командиръ батареи не видитъ врага, или на ней всѣ перебиты?

Князь послалъ меня узнать, чтó тамъ случилось, но въ нетерпѣніи, слѣдомъ за мною поѣхалъ и самъ. Что же оказалось? Въ суматохѣ, когда французы, послѣ Алминскаго дѣла, приближались къ Севастополю, Корниловъ, изъ опасенія, чтобы враги не овладѣли такими страшными орудіями, велѣлъ опрокинуть ихъ въ море!! Вотъ почему Константиновская батарея такъ много пострадала въ первый день бомбардированія.

Отъ Константиновской батареи я доѣхалъ берегомъ до батареи № 4. Здѣсь, вижу, спѣшитъ шлюбка: гребцы сильно навалились, кормчій, почтенныхъ лѣтъ отставной морской чиновникъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за падающими въ воду снарядами и лавируетъ между всплесками отъ бомбъ... Наконецъ, сталъ держать прямо куда ни попало, лишь бы поскорѣе достигнуть берега. Въ шлюбкѣ

все его семейство; двѣ дочери, подсобляя гребцамъ, напираютъ на весла. Слышу—глухой, дряхлый голосъ кормчаго:

— Спѣшите, спѣшите, дѣти! Ужъ близко... близко!.. Навались, молодцы!...

Шлюбка коснулась берега; два багра мигомъ вцѣпились въ него.

— Всѣ вонъ! торопливо крикнулъ старикъ, удерживая шлюбку багромъ.

Сѣдой, какъ лунь, онъ привлекъ на себя мое вниманіе. Его старческая, напряженная фигура, судорожно стиснутыя губы, раздутыя щеки, выражали какое-то сосредоточенное, тоскливое ожиданіе. Глаза его никуда не смотрѣли, но были налиты кровью.

На берегъ выпрыгнули всѣ, онъ—послѣдній, и шлюбка сама отошла отъ берега. „Дальше! дальше!!" кричалъ старикъ своему семейству; самъ же, оборотясь къ своей отплывавшей спасительницѣ, пристально смотрѣлъ на нее, будто чего-то ожидая.... Въ этотъ самый мигъ, ударъ снаряда и шлюбка—въ щепы. Старикъ отвернулся, точно ему только этого и нужно было, погрозилъ кулакомъ въ сторону англичанъ и сказалъ, переводя духъ:

— Опоздала, Викторія! [1]) перекрестился и пошелъ догонять свое семейство.

Некогда было мнѣ предаваться сочувствію этой простой, но глубоко трогательной сценѣ: я спѣшилъ исполнять порученія свѣтлѣйшаго, но она врѣзалась въ мою память.

Объѣхавъ береговыя батареи сѣверной стороны, свѣтлѣйшій возвратился на бивуакъ. Канонада стала притихать, дымъ началъ рѣдѣть, поврежденные корабли союзниковъ потянулись отъ берега и мы имѣли возможность присѣсть закусить. Свѣтлѣйшій былъ съ нами.. Въ эту минуту изъ Севастополя пришло извѣстіе: Корниловъ тяжело раненъ!

Всѣ мы всполошились, князь собрался опять ѣхать въ Севастополь, пославъ напередъ узнать, гдѣ онъ можетъ найти раненаго; но въ это самое время другой гонецъ доложилъ, что Корниловъ уже скончался. Глубоко пораженный, свѣтлѣйшій не вымолвилъ ни слова: но въ этомъ безмолвіи было неизмѣримо болѣе краснорѣчія, нежели могло быть въ самомъ блестящемъ панегирикѣ.

Корниловъ, до послѣдняго вздоха, принадлежалъ своему великому и святому дѣлу, и въ предсмертныхъ страданіяхъ, теряя память, не

[1]) Эта простодушная насмѣшка, можетъ быть, относилась къ главной англійской батареѣ, носившей имя королевы; но мнѣ думается, что старикъ подъ общимъ именемъ «Викторіи» разумѣлъ англичанъ вообще.

А. П.

потерялъ присутствія духа: послѣднее ему донесеніе было о томъ, что англійскія батареи также умолкли, сбитыя подобно французскимъ; при этомъ извѣстіи онъ и скончался. Вѣчная ему память!

Сколько въ день кончины Корнилова было еще въ Севастополѣ геройскихъ смертей и кончинъ праведниковъ; сколько погибло людей и непричастныхъ бою и сколько, наконецъ, отлетѣло въ вѣчность невинныхъ, младенческихъ душъ—перечесть трудно. Вотъ, между прочимъ, случай, кровавыми чертами врѣзавшійся въ мою память. Офицеръ ластоваго экипажа, спасая свою маленькую дочку, пряталъ ее повсюду: то, укладывая въ яму, не велитъ ей шевелиться; то, забѣжавъ за строенія, припрячетъ ее тамъ; то засадитъ ее въ погребъ... и повсюду казалось ему опасно. Вдругъ пришла ему счастливая мысль: на берегу бухты, въ скалистыхъ обрывахъ есть пещеры; туда бомбы не достигаютъ и дочь его будетъ въ совершенной безопасности. Схвативъ ребенка за руку, бѣдный отецъ бѣжитъ по Екатерининской площади,—а снаряды снуютъ, раздираютъ воздухъ и бороздятъ площадь. Прикрывая собою малютку, онъ достигъ берега; вдругъ, бомба—и нѣтъ малютки! Крохотные члены ея разлетѣлись по воздуху, кровь брызнула на отца... Съ волосами, поднявшимися дыбомъ, остолбенѣлый, оглушенный, онъ уставилъ глаза на ручку убитой, уцѣлѣвшую въ его плотно сжатой горсти...

— Куда дѣвалась дѣвочка? Отдайте ее мнѣ, я ее спрячу въ пещеру! кричалъ несчастный, какъ безумный бѣгая по площади.

Много разъ пробѣжалъ онъ взадъ и впередъ, махая въ воздухѣ окровавленною ручкою дочери; долго искалъ ребенка, спрашивая встрѣчныхъ... Машинально спустился къ пещерѣ, обошелъ ее кругомъ; воротился на площадь и остановился въ недоумѣніи; поднялъ еще тепленькую ручку къ небу, будто показывая, что она тамъ!... Затѣмъ, несчастный побрелъ собирать далеко разметанныя клочья тѣла своей малютки. Снаряды уже не летали, ничто не мѣшало ему... Пришла ночь; офицеръ сѣлъ на обрывъ берега, положилъ себѣ на колѣни кровавыя останки дочери: обнималъ, цѣловалъ, обливалъ ихъ слезами; такъ застало его утро. Дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

Все утихло и мы улеглись, но въ Севастополѣ не спали: за ночь производили исправленія и твердыни его сдѣлались какъ бы несокрушимыми. Съ нашимъ пробужденіемъ пробудилась и канонада и заревѣла по вчерашнему. Французскія батареи въ этотъ день еще не могли открыть огонь, такъ какъ онѣ сильно пострадали; за то 7-го октября бомбардированіе сопровождалось тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ и въ первый день. Лишь съ моря союзники не отваживались атаковывать. Съ 8-го по 13-е октября бомбардированіе продолжалось почти

съ одинаковою неослабною силою, каковою оно отличалось въ первые три дня: начинаясь съ утра, прекращалось къ вечеру. Пороху тратилось, какъ говорили, отъ 1,500 до 2,000 пудовъ въ сутки; выпускалось до 10,000 снарядовъ. Легко выговаривать цифры, но трудно выразить всю степень ужаса, охватывавшаго сердце при мысли, что громадное это количество пороха и чугуна предназначалось для посѣва смерти.

Потери въ людяхъ уменьшались день-ото-дня: они пріучились укрываться отъ снарядовъ; при всемъ томъ насчитывали выбывшими изъ строя съ 5-го по 13-е октября около 3,500 человѣкъ. Въ первый день мы потеряли около 1,000; во второй и третій уже 500, а затѣмъ по 250 человѣкъ.

Жительницы Севастополя, въ недоумѣніи и въ тяжкомъ ожиданіи, чѣмъ окончится страшная катастрофа, разразившаяся надъ городомъ, не оставались праздными ея зрительницами и спѣшили, съ своей стороны, кто чѣмъ могъ поусердствовать общему дѣлу. Однѣ поили раненыхъ; другія обмывали раны, приносили имъ бинты, ветошки или сами какъ умѣли перевязывали легкія раны. Между тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ отправкѣ раненыхъ на сѣверную сторону бухты: нѣкоторыя дамы послѣдовали за ними, и тамъ, въ отведенныхъ для госпиталя помѣщеніяхъ, онѣ съ неутомимымъ усердіемъ заботились о несчастныхъ. Въ числѣ извѣстныхъ мнѣ дамъ, кромѣ упомянутой прежде Елисаветы Михайловны Хлапониной, была Екатерина Висаріоновна Хомякова, тоже очень милая дама, жена артиллерійскаго офицера одной батареи съ Хлапонинымъ. Прилагая всѣ попеченія къ поданію помощи раненымъ, онѣ порядкомъ утомлялись и, лишь на четвертый день бомбардированія, Хлапонина, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться, вышла изъ госпиталя на чистый воздухъ. Спустясь съ крыльца, она встрѣтила носилки, на которыхъ несли раненаго, въ безсознательномъ положеніи. Съ участіемъ взглянувъ въ лицо вновь принесеннаго, она узнала въ немъ—своего мужа! Не скоро могла несчастная опомниться; силы душевныя ее оставили; машинально послѣдовала она въ госпиталь за носилками, остановилась подлѣ койки, на которую уложили раненаго Хлапонина, и какъ будто не сознавала, что̀ тутъ дѣлается. Посторонніе подавали помощь ея мужу, а она, удрученная горемъ, была въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Послѣ того она еще дней десять провела въ госпиталѣ, а потомъ рѣшилась увезти мужа въ Симферополь, откуда онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, почувствовавъ себя въ силахъ, всетаки поспѣшилъ возвратиться въ Севастополь, къ своей батареѣ.

Касательно подвоза пороху были приняты княземъ Меншиковымъ

самыя дѣятельныя мѣры. Онъ посылалъ за порохомъповсюду, гдѣ только зналъ, что есть склады; его везли, везли, но все еще было недостаточно и случалось такъ, что изъ Петербурга свѣтлѣйшему пишутъ, напримѣръ, что онъ, въ случаѣ надобности, можетъ получить порохъ изъ такихъ-то и такихъ-то складовъ,—а порохъ уже давно и взятъ свѣтлѣйшимъ и израсходованъ въ Севастополѣ. Ревностнымъ пособникомъ князя по этой части былъ полковникъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ: куда, бывало, свѣтлѣйшій его ни пошлетъ, онъ живо слетаетъ и пороху добудетъ. Помнится, по возвращеніи своемъ изъ Кіева, графъ Шуваловъ разсказывалъ намъ, что, забирая тамъ снаряды, онъ, до укладки ихъ въ приспособленныя къ тому парковыя полуфурки, приказалъ ихъ запречь для испытанія и пропустить по улицѣ; полуфурки этой пробы не выдержали: отъ продолжительной стоянки онѣ разсохлись и снаряды пришлось везти на обывательскихъ подводахъ.

XI.

8-го октября свѣтлѣйшій получилъ назначеніе быть главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами, расположенными въ Крыму. Такимъ образомъ опредѣлилось, наконецъ, его положеніе и выяснились его отношенія къ флоту и къ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ прислалъ князю груду орденовъ и знаковъ отличій для раздачи достойнѣйшимъ, изъявляя при этомъ милостивое желаніе, чтобы свѣтлѣйшій выдачи наградъ не откладывалъ.

Князь опечалился: ему казалось, что награды теперь несвоевременны. Государь, конечно, не знаетъ о томъ, что̀ происходитъ въ Севастополѣ, а то, быть можетъ, и онъ дозволилъ-бы переждать, дать пройти „страстнымъ“ днямъ неумолкающаго боя на смерть. Въ эти дни награды могли бы,—такъ думалъ Меншиковъ,—нарушить святость тѣхъ безкорыстныхъ жертвъ, которыя каждый изъ защитниковъ Севастополя спѣшилъ принесть на алтарь его спасенія.

Но дѣлать было нечего и милостивая воля императора должна быть исполнена: онъ прислалъ награды, прятать ихъ нельзя, слѣдуетъ раздать, а не то—въ Петербургѣ разумную отсрочку князя могутъ перетолковать въ превратную сторону. Да и дѣйствительно, могъ-ли кто изъ постороннихъ лицъ допустить мысль, чтобы царская награда могла когда нибудь быть несвоевременна? Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, оно такъ и было. Въ страшные дни бомбардированія нельзя было указать на особенно отличившихся: всѣ безъ различія прилагали свои усилія, на сколько ихъ хватало, чтобы постоять за Севастополь, и кого-же тутъ было отличать, когда отличались—всѣ? Не слѣдовало по-

давать и мысли защитникамъ Севастополя, чтобы одинъ изъ нихъ могъ быть лучше прочихъ, такъ какъ всѣхъ одушевляла одна и та же мысль—умирать за родной городъ. Уцѣлѣть никто не думалъ, да и мудрено было гадать на сохраненіе жизни, такъ какъ достаточно было взглянуть на эту кровавую свалку, чтобы отложить о жизни всякое попеченіе. Не ожидая награды отъ царя земнаго, каждый защитникъ ежеминутно готовъ быть предстать предъ царя небеснаго!

Такъ думалъ князь и эти мысли раздѣляли съ нимъ всѣ защитники Севастополя: Меншиковъ боялся, что ратники божіи оскорбятся предложеніемъ имъ какъ-бы платы за кровавый трудъ. Если бы каждому Севастопольцу въ эти минуты надѣть на шею чугунный крестъ и сказать: „неси его къ праотцамъ", то они всѣ съ восторгомъ приняли бы этотъ символъ страданія и спасенія. При отсылкѣ наградъ свѣтлѣйшій со вздохомъ сказалъ:

— „Простите, священныя минуты Севастополя: сегодня послѣдній день безкорыстной его защиты!"

Всѣмъ намъ тоже сдѣлалось грустно; даже Камовскій замѣтилъ: „напрасно, я бы придержалъ!" Награды были розданы; нѣкоторые ознаменовали полученіе ихъ—вспрысками.

На слѣдующій день пріѣхали къ намъ моряки и жаловались на то, что князь прислалъ награды. Одни заспорили, другіе не хотѣли брать, и ночь вообще прошла въ безпорядкахъ, спорахъ и пререканіяхъ.

Облеченный въ званіе главнокомандующаго, свѣтлѣйшій назначилъ адмирала Станюковича на мѣсто Корнилова, себя же замѣстилъ княземъ П. Д. Горчаковымъ, который во все время былъ добрымъ ему помощникомъ.

Наканунѣ перваго бомбардированія, именно 4-го октября, подошла къ Севастополю въ полномъ своемъ составѣ 12-я пѣхотная дивизія генерала Липранди. Князь расположилъ ее на позиціи впереди Чургуна и, съ цѣлію отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Севастополя, поручилъ Липранди угрожать непріятелю съ этой стороны, присоединивъ къ нему еще бригаду гусаръ, подъ командою генерала Велички, и 4 эскадрона уланъ резервной кавалеріи.

Между тѣмъ союзники, для охраненія своего тыла и Балаклавы, послѣ рекогносцировки нашей, бывшей 25-го сентября, устроили противу насъ, на высотахъ, четыре редута. Сзади были видны еще и другія укрѣпленія, но еще не оконченныя. Редуты были расположены приблизительно въ шахматномъ порядкѣ.

12-го октября свѣтлѣйшій рѣшилъ быть дѣлу. Наканунѣ онъ послалъ въ Чургунъ Вилебрандта, поручивъ ему содѣйствовать вновь прибывшимъ войскамъ своимъ знаніемъ мѣстности. Когда мы заслышали

канонаду со стороны Чургуна, князь поѣхалъ, по обыкновенію верхомъ, на мѣсто боя. Приближаясь къ мѣсту сраженія, мы встрѣтились съ Вилебрандтомъ. Онъ донесъ свѣтлѣйшему, что дѣло уже кончено и чрезвычайно успѣшно, при чемъ взяты четыре редута и истреблена англійская кавалерія. Изъ разсказовъ его о подробностяхъ этого дѣла припоминаю слѣдующее.

Къ 8-ми часамъ утра главный редутъ былъ взятъ съ бою, а остальные редуты были оставлены самими турками. Затѣмъ, гусарская бригада была послана для истребленія парка, расположеннаго близь Кадыкъоя: она сдѣлала наступленіе и встрѣтилась съ непріятельской кавалеріей, почти неожиданно, да еще и на тихомъ аллюрѣ. Эскадроны, развернувъ фронтъ другъ противъ друга въ весьма близкомъ между собою разстояніи, остановились въ нерѣшимости, что весьма понятно, если принять въ соображеніе, что ударъ атаки производится обыкновенно на карьерѣ, при которомъ увлеченіе скачки придаетъ отваги и запальчивости бойцамъ; тутъ-же враги съѣхались шагомъ и взаимно выжидали, кто первый начнетъ... Наконецъ, драгуны англійской кавалеріи бросились на нашихъ гусаръ, которые приняли ихъ жестоко: кому изъ веймарцевъ попадался драгунъ, тотъ, ухвативъ его одной рукой за что ни попало, немилосердно тесалъ саблею! Замѣчательно, что наши златоустовскіе клинки разрубали латы; при этомъ наши молодцы, поймавъ жертву, не ограничивались нанесеніемъ раны, но рубили непріятеля до тѣхъ поръ, покуда онъ не валился съ лошади. Когда, наконецъ, непріятельскіе кавалеристы высвободились изъ нашихъ когтей и разсыпались, то преслѣдовать ихъ было невозможно, такъ какъ подоспѣвшая непріятельская артиллерія открыла удачный огонь.

Кавалерія наша отступила и, пройдя широкой долиной, въ виду непріятеля, за наши резервы, къ самому перевязочному пункту, у лѣваго берега р. Черной, спѣшилась и стала оправляться. Вся эта бригада перестроилась въ резервный порядокъ, въ густую эскадронную колонну: впереди стоялъ Лейхтенбергскій, а сзади Веймарскій гусарскій полкъ. Эскадроны же резервной кавалеріи стояли гораздо впереди и лѣвѣе гусаръ, въ боевой линіи за высотами, но съ лошадей еще не слѣзали.

Казачья батарея, подъ командою князя Оболенскаго, была съ гусарами и заняла высоту впереди и правѣе долины, и тоже оправлялась. Пѣхота стояла за высотами, подъ ружьемъ. Между тѣмъ непріятель, со своей позиціи, разсмотрѣвъ, вѣроятно, что густую колонну нашей кавалеріи, а также и батарею, можно захватить врасплохъ, рѣшился воспользоваться быстротою своихъ лошадей и пустилъ въ атаку на нашихъ гусаръ англійскую кавалерію, а на батарею—фран-

цузскихъ конныхъ егерей; другихъ нашихъ войскъ непріятель не могъ видѣть. Такимъ образомъ англійская кавалерія, подъ командою Кардигана, понеслась по широкой долинѣ, эскадронъ за эскадрономъ, и такъ стремительно, что успѣла безпрепятственно проскакать нашу боевую линію. Поздно замѣтили гусары эту атаку: бросились къ лошадямъ—и только что головной эскадронъ нашъ успѣлъ выскочить впередъ, какъ уже встрѣтился съ англичанами. Бой закипѣлъ и лишь тогда подоспѣлъ второй эскадронъ. Опрокинутый непріятель ринулся назадъ, но уже до своихъ не доскакалъ, потому что уланы резервной кавалеріи ударили во флангъ заднимъ эскадронамъ, а пѣхота и артиллерія съ обѣихъ сторонъ долины приняли уносившихся такимъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ, что они всѣ тутъ же въ долинѣ и полегли.

Командиръ уланскаго полка полковникъ Еропкинъ, сильный, рослый мужчина, отличился въ этомъ дѣлѣ: стоя на позиціи, въ сторонѣ отъ своей части, онъ отъѣхалъ поодаль и разсматривалъ долину; вдругъ на него наскакалъ англійскій офицеръ, который, видя, что у Еропкина сабля въ ножнахъ, требовалъ, чтобы тотъ сдался, угрожая, въ случаѣ отказа, выстрѣломъ. Еропкинъ такъ свистнулъ англичанина кулакомъ по головѣ, что тотъ кувырнулся съ лошади. Тутъ только Еропкинъ увидѣлъ атаку, бросился къ своимъ и, ударивъ во флангъ заднихъ эскадроновъ, смялъ ихъ и тѣмъ помогъ гусарамъ отбиться. Французскіе же конные егеря, наскакавъ на казачью и еще на пѣшую батарею, стоявшую на Ѳедюхиныхъ высотахъ, порубили прислугу.

Слушая разсказы Вилебрандта, мы переѣхали р. Черную на самомъ мѣстѣ перевязочнаго пункта и тутъ глазамъ нашимъ представился богатырскихъ формъ трупъ гусара, того самаго ординарца генерала Халецкаго, который на Алмѣ взялъ въ плѣнъ французскаго полковника Ла-Гонди; трупъ унтеръ-офицера Зарубина лежалъ на бугоркѣ, раскинувшись навзничъ. Свѣтлѣйшій пожалѣлъ объ этой потерѣ: Зарубинъ былъ молодецъ.

Принявъ донесеніе, главнокомандующій, въ сопровожденіи Липранди и бригаднаго командира генерала Семякина, объѣхалъ редуты и всходилъ на тотъ, который Семякинъ съ Азовскимъ полкомъ взялъ штурмомъ. Редутъ этотъ былъ устроенъ на высокой, крутой и гладкой горѣ, на подобіе кургана, такъ что достигнуть до него было трудно. Свѣтлѣйшій достойно оцѣнилъ подвигъ и благодарилъ молодцовъ.

Возвращались мы той долиной, гдѣ полегла англійская кавалерія. Грустно было смотрѣть на распростертыхъ англичанъ, рослыхъ и красивыхъ какъ на подборъ, въ новыхъ, нарядныхъ мундирахъ. Они только что прибыли въ Крымъ, какъ бы нарочно на убой. Множество

раненыхъ лошадей бродили въ жестокихъ мукахъ: онѣ сходились въ кучки, словно дѣля между собою горе... Лошади, подобно бывшимъ ихъ всадникамъ, отличались большимъ ростомъ и красивыми формами. Свѣтлѣйшій не безъ сострадания спѣшилъ проѣхать эту плачевную картину, предлагая Липранди распорядиться погребеніемъ убитыхъ.

Липранди представилъ Семякина главнокомандующему, какъ отличнаго боеваго генерала и распорядительнаго начальника. Семякинъ возбудилъ къ себѣ расположеніе свѣтлѣйшаго, который обратилъ на него особенное вниманіе, разспрашивалъ о прежней служебной дѣятельности, и въ послѣдствіи взялъ къ себѣ въ должность начальника штаба, уважалъ, любилъ и всегда сохранялъ о немъ доброе воспоминаніе.

Ободренный успѣхомъ Балаклавскаго дѣла, свѣтлѣйшій, желая дать непріятелю понятіе о приращеніи силъ севастопольскаго гарнизона, приказалъ сдѣлать изъ Севастополя большую вылазку на Сапунъ-гору. 14-го октября, въ часъ пополудни, командиръ Бутырскаго полка, полковникъ Ѳедоровъ, съ 6-ю баталіонами при 4-хъ орудіяхъ, исполнилъ эту вылазку, но она не удалась. При встрѣчѣ съ англичанами, Ѳедоровъ былъ скоро раненъ и мы, съ большою потерею, въ особенности офицеровъ, принуждены были отступить, преслѣдуемые непріятелемъ.

Между тѣмъ главнокомандующій, расчитывая поддержать Ѳедорова, въ случаѣ еслибы ему удалось оттѣснить англичанъ, самъ отправился на позицію къ Липранди и предупредилъ его. Въ Чургунѣ мы застали тогда цѣлые табуны лошадей, доставшихся намъ наканунѣ отъ англичанъ. Уральскіе казаки водили ихъ по улицѣ, отыскивая покупщиковъ. При этомъ, разсмотрѣвъ ближе, я успѣлъ замѣтить, что лошади большею частію были или очень стары, или безобразно велики, или, наконецъ, съ такими пороками, съ которыми лошади въ нашей кавалеріи всегда бракуются.

Въ деревнѣ князь навѣстилъ раненыхъ и въ домикѣ, въ которомъ мы остановились, нашелъ раненаго картечью сардинскаго офицера Ландріани, очень красиваго кавалериста. Разспрашивая его, свѣтлѣйшій узналъ, что онъ женихъ и сокрушается лишиться ноги, которой угрожала ампутація. Главнокомандующій принялъ въ немъ участіе и, благодаря тому, ногу сардинцу отстояли.

Тутъ же, въ другой комнатѣ, мы были свидѣтелями операціи. Гвардейскій офицеръ, окончившій курсъ въ военной академіи, былъ раненъ пониже плеча штуцерною пулею; она прошла на вылетъ, но въ ранѣ остались обрывки аксельбанта и ихъ-то и вынимали изъ раны. Какъ теперь вижу прекрасныя, полныя жизни и отваги формы красиваго юноши; онъ сидѣлъ бодро на стулѣ и улыбался. На бѣлой

груди его алѣлъ кровавый зигзагъ. Въ послѣдствіи онъ умеръ отъ этой раны.

Ко времени движенія Ѳедорова на Сапунъ-гору, главнокомандующій вышелъ изъ деревни и возлѣ Чургунскаго отряда наблюдалъ за ея высотами. Хотя отрядъ у Липранди на случай былъ готовъ, но мы, заслышавъ выстрѣлы, вскорѣ увидали какъ наши по отлогостямъ уже отступали.

Въ теченіе трехъ дней, 15-го, 16-го и 17-го октября, въ дѣйствующихъ войскахъ ничего особеннаго не предпринималось. Мы ожидали прибытія двухъ дивизій 4-го корпуса и дивизіи драгунъ.

18-го октября главнокомандующій перенесъ свою квартиру въ Чургунъ и тамъ ему, впервые съ 3-го сентября, довелось ночевать подъ крышей: ровно шесть недѣль были имъ проведены на бивуакѣ.

Редутовъ, взятыхъ въ Балаклавскомъ дѣлѣ, войска наши не занимали, а ограничивались наблюденіями за ними: дѣлались разъѣзды и выставлялись посты. Для повѣрки этихъ постовъ и чтобы высмотрѣть какія и гдѣ производятся работы у непріятеля, свѣтлѣйшій послалъ однажды меня подъѣхать поближе. Забравшись довольно далеко, я увидѣлъ на полянкѣ порядочную кучку сидящихъ турокъ или татаръ, въ костюмахъ изъ верблюжьяго сукна, съ башлыками на головахъ. Оставивъ лошадь съ казакомъ за высотой, я отправился ползкомъ... Замѣтивъ въ толпѣ безпокойство, я притаился и уже растягивалъ свою подзорную трубку, чтобы хорошенько разсмотрѣть, что тутъ дѣлалъ непріятель, какъ вдругъ эти мнимые турки, широко распластавъ крылья, поднялись на воздухъ и улетѣли! Оказалось, что это была стая огромныхъ, рыжеватыхъ орловъ, собравшихся на лошадиную падаль. Какъ только они успѣвали провѣдывать о добычѣ, которую война доставляла имъ въ обиліи! до того времени ихъ нигдѣ не было видно. Удивительное чутье! „Гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы", гласитъ евангеліе. Еще на бивуакѣ, въ долинѣ рѣки Качи, появились громадные вороны, алкавшіе крови. Потомъ, ближе сѣверной стороны бухты, на военномъ кладбищѣ, появились стада собакъ, вслѣдствіе чего сдѣлано было распоряженіе объ охраненіи могилъ.

19-го, 20-го и 21-го октября, на нашу позицію непрерывно подходили войска 10-й и 11-й дивизій; подошла и драгунская дивизія генерала Врангеля. Такимъ образомъ у Чургуна собрался весь 4-й пѣхотный корпусъ, семь полковъ кавалеріи, нѣсколько сотенъ казаковъ; да еще въ авангардѣ былъ отрядъ Жабокрицкаго.

Стягивая войска въ виду непріятеля, главнокомандующій огромными силами грозилъ союзникамъ нападеніемъ съ тыла и тѣмъ вынудилъ ихъ отдѣлять значительную часть войска отъ Севастополя къ

Балаклавѣ. Этимъ князь, избравшій другой пунктъ атаки, достигалъ своей цѣли. Для главнокомандующаго было весьма важно, чтобы непріятель не проникъ замысловъ нашей арміи; поэтому свѣтлѣйшій, опасаясь лазутчиковъ, самъ поддерживалъ въ нашихъ войскахъ убѣжденіе, что готовится нападеніе отъ Чургуна.

Вообще свѣтлѣйшій былъ очень остороженъ и всегда готовилъ военныя предпріятія въ глубочайшей тайнѣ. Своими предначертаніями онъ дѣлился только съ главными участниками дѣла. Поэтому, даже самымъ близкимъ къ нему людямъ, зачастую, случалось узнавать о какомъ нибудь дѣлѣ лишь наканунѣ боя. Видя, какъ свѣтлѣйшій серьезно относится къ боевымъ распораженіямъ, никому изъ нихъ, конечно, и въ голову не приходило видѣть въ подобной его скрытности знакъ недовѣрія; мудрено-ли, что и теперь они были въ томъ же заблужденіи, какъ войска?

Главнокомандующій поручилъ мнѣ набрать провожатыхъ изъ туземныхъ жителей и раздать ихъ въ полки, что и было мною исполнено въ совершенномъ убѣжденіи, что они поведутъ части къ сторонѣ Балаклавы.

Прибывавшія войска располагались и князь спѣшилъ взглянуть на солдатиковъ окомъ наблюдателя. Пользуясь тѣмъ, что въ новыхъ войскахъ его еще никто не знаетъ, онъ ѣздилъ между кучками солдатъ, которые копошились на бивуакѣ. Видъ его, всегда скромный, казался тутъ еще скромнѣе. Чтобы удобнѣе карабкаться на высоты и оттуда наблюдать за лагеремъ непріятеля, князь ѣздилъ по окрестностямъ Чургуна на лошакѣ. Войска его не узнавали, слѣдовательно, и не стѣснялись его появленіемъ, а это князь очень любилъ. Прислушиваясь къ толкамъ въ войскахъ, можно было легко убѣдиться, что никому и въ голову не приходитъ настоящій скрытный планъ главнокомандующаго.

22-го октября, главнокомандующій, послѣ обѣда, уѣхалъ въ экипажѣ къ Севастополю, а мнѣ приказалъ передвинуть главную квартиру изъ Чургуна на Сѣверную, къ батареѣ № 4.

Между тѣмъ 10-я и 11-я дивизія къ ночи тихонько снялись съ позицій и скрытно перебрались—10-я въ Севастополь, а 11-я на Инкерманскія высоты.

— Что же это такое? подумалъ я,—вѣроятно, отмѣна?

Въ недоумѣніи бродилъ я около инженернаго домика; тамъ главнокомандующій совѣщался съ генералами. Поговариваютъ, завтра быть дѣлу, препоручается оно Данненбергу; спѣшатъ, чтобы союзники не открыли перемѣщенія нашихъ войскъ и не догадались о перемѣнѣ нашего намѣренія.

Я стою и жду у крыльца: совѣщанія кончились и свѣтлѣйшій, провожая генераловъ, сказалъ вполголоса:

— „Такъ завтра вечеромъ опять соберемся“.

Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ. На столѣ, который, по тѣснотѣ комнаты, стоялъ наискось съ угла на уголъ, была разложена карта. Князь прикоснулся къ ней и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ:

— „Ничего, братецъ, они не понимаютъ! Данненбергъ говоритъ только о своихъ какихъ-то „крестовыхъ порядкахъ“; Павловъ не понимаетъ ситуаціи и Соймонову не могу втолковать... Долженъ отложить дѣло на сутки; а тутъ, того гляди, подъѣдутъ великіе князья... я ихъ жду съ часу на часъ“.

Затѣмъ свѣтлѣйшій вкратцѣ объяснилъ планъ предстоящаго боя и я вышелъ отъ него, перебирая въ памяти всѣ предшествовавшія распоряженія главнокомандующаго, клонившіяся къ замаскированію настоящаго пункта атаки; при этомъ я вспомнилъ и о провожатыхъ. Опасаясь, чтобы не вышло какой нибудь путаницы, такъ какъ провожатые настроены къ наступленію отъ Чургуна, я рѣшился завтра напомнить генераламъ, чтобы они проводниковъ предупредили...

XII.

Окончивъ распоряженія о предстоявшемъ дѣлѣ, свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе, что завтра, 23-го октября, прибудутъ въ Севастополь великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, т. е. пріѣздъ ихъ какъ разъ совпадалъ съ кануномъ дня, назначеннаго для сраженія; не было сомнѣнія, что ихъ высочества непремѣнно пожелаютъ въ немъ участвовать. Удержать или отклонить великихъ князей отъ ихъ намѣренія будетъ невозможно, но чѣмъ это можетъ кончиться? Не успѣвъ осмотрѣться, по юношеской неопытности, ихъ высочества скорѣе другихъ могутъ подвергнуться опасности... Эти соображенія много озабочивали главнокомандующаго.

23-го октября, передъ закатомъ солнца, великіе князья прибыли въ мѣсторасположеніе нашей главной квартиры. Такъ какъ мы ожидали прибытія ихъ высочествъ, то и встрѣтили дорогихъ гостей нашихъ при выходѣ изъ экипажа. Свѣтлѣйшій проводилъ ихъ въ инженерный домикъ, который уступилъ ихъ высочествамъ, перебравшись самъ въ караулку угольщика, до того времени занимаемую мною.

Когда совершенно смерклось, я усѣлся за самоваръ, поставленный

на обломкѣ ящика. На мой огонекъ подошли товарищи и присосѣдились къ моему чайнику. Рѣчь шла о томъ, какъ-бы отклонить участіе великихъ князей въ предстоящемъ дѣлѣ . . . .
. . . .
. . . . . я пошелъ доложить главнокомандующему, что ихъ высочества непремѣнно желаютъ участвовать въ дѣлѣ.

Свѣтлѣйшій обратился къ содѣйствію генерала Философова, который, хотя и не ручался за успѣхъ своего посредничества, однакоже обѣщалъ переговорить съ великими князьями. Окончивъ свои объясненія съ генералами, командирами отдѣльныхъ частей, собиравшихся въ дѣло—свѣтлѣйшій вышелъ ко мнѣ и сказалъ шепотомъ:

— Не буди рано великихъ князей! Философовъ, можетъ быть, пособитъ... Дѣло будетъ кровопролитное и я очень безпокоюсь. Императрица, въ письмѣ, убѣдительно проситъ, чтобы я „берегъ ея дѣтей“... но скажи: какъ тутъ уберечь? Ну что, ежели, не дай Богъ, что̀ случится?!..

Раздѣляя опасенія свѣтлѣйшаго, я рѣшился всю отвѣтственность предъ ихъ высочествами принять на себя. Когда все стихло, я распорядился осѣдланіемъ лошадей и, въ ожиданіи разсвѣта, присѣлъ, совершенно готовый, въ конюшнѣ, принявъ твердое рѣшеніе не будить ихъ высочествъ...

Не довѣряя мнѣ, великіе князья, вѣроятно, не спали всю ночь, потому что, раннею зарею, были уже совершенно готовы. Когда Меншиковъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и тронулся въ путь, то увидѣлъ, что ихъ высочества, со свитою, уже ѣхали впереди его. Это встревожило свѣтлѣйшаго; однако-же онъ поспѣшилъ догнать великихъ князей, привѣтствовалъ ихъ и благодарилъ за исправность.

Заслышавъ канонаду, мы стали подгонять нашихъ лошадей. Дорогою главнокомандующій сказалъ мнѣ:

— „А диспозицію-то Соймоновъ и Павловъ такъ мнѣ и не прислали!“

Подъѣхавъ къ Инкерманской плотинѣ, мы были задержаны переходомъ черезъ нее артиллеріи — аріергарда отряда Павлова. Это — насъ, знавшихъ распоряженіе по войскамъ, весьма удивило, такъ какъ мы, по времени, полагали, что всѣ части войскъ должны были находиться на мѣстѣ боя. Кромѣ того, на плотинѣ, намъ встрѣчались уже массы раненыхъ. Они тянулись къ Инкерману и многіе изъ нихъ сопровождали свое шествіе воплями и причитаніями.

Мы совершенно недоумѣвали, какимъ образомъ на плотину уже могли поспѣть раненые, коль скоро дѣло должно было происходить верстахъ въ четырехъ, а можетъ, и пяти отъ этого мѣста? Изъ

отвѣтовъ раненыхъ мы не могли себѣ составить никакого понятія о ходѣ дѣла. Наконецъ, встрѣтили адъютанта генерала Павлова, Алабина: онъ сообщилъ намъ, что взята англійская батарея, но что и самъ онъ не могъ добиться никакого толку, такъ какъ войска Соймонова спутались съ войсками Павлова. Извѣстіе, что Соймоновъ тяжело раненъ, встревожило свѣтлѣйшаго: онъ поскакалъ на подъемъ Сапунъ-горы. Въ это время мимо насъ пронесли на носилкахъ раненаго артиллерійскаго офицера Унковскаго. Картечь прошла ему между обѣими челюстями сбоку и лишила возможности закрыть ротъ, изъ котораго торчалъ обезображенный языкъ съ запекшейся кровью. Рану эту Унковской получилъ въ ту минуту, когда открылъ ротъ для командованія. Въ послѣдствіи я видѣлъ его въ Симферопольскомъ госпиталѣ, уже поправляющимся.

На площадкѣ Сапунъ-горы, повидимому въ довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста битвы, насъ одолѣвали штуцерныя пули: изъ нашей свиты уже контузило снарядомъ адъютанта Грейга и флигель-адъютанта Альбединскаго, обоихъ въ голову.

Каждый очевидецъ Инкерманской битвы подтвердитъ, что присутствіе великихъ князей подъ боевымъ огнемъ служило важною нравственною поддержкою бодрости въ нашихъ войскахъ: одушевляя ихъ, великіе князья торопили аріергардъ, подгоняли отсталыхъ, не обращая вниманія на пули, пронизывавшія воздухъ.

Не понимая, въ какомъ положеніи дѣло, свѣтлѣйшій послалъ меня отыскать Данненберга и поразспросить его. Я поскакалъ по направленію къ верховьямъ Киленъ-балки и скоро нашелъ его. Данненбергъ стоялъ на правомъ флангѣ горячо дѣйствовавшей батареи... Лишь только я его завидѣлъ, какъ на ней взлетѣлъ зарядный ящикъ.

На мой вопросъ Данненбергъ сухо отвѣчалъ:

— Скажите главнокомандующему, чтобы онъ прислалъ мнѣ войска: у меня ничего нѣтъ; нѣтъ даже прикрытія артиллеріи и она почти вся подбита.

Въ это время, взглянувъ влѣво, я увидѣлъ пѣхоту, толпившуюся въ сторонѣ, поодаль отъ батареи. По пути, какъ туда, такъ и обратно, я встрѣчалъ непрерывныя кучки солдатъ, спѣшившія поперегъ моего направленія, лощинами, къ сторонѣ Инкермана и преслѣдуемыя штуцернымъ градомъ.

Когда я доложилъ свѣтлѣйшему отвѣтъ Данненберга, князь, подгоняя хвосты войскъ Павлова, послалъ меня вторично призвать генерала. Не доѣзжая того мѣста, на которомъ я оставилъ Данненберга, мы встрѣтились, и я передалъ ему желаніе свѣтлѣйшаго видѣть

его. Генералъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ самъ ѣдетъ къ князю, и просилъ указать ему направленіе, въ которомъ онъ можетъ найти главнокомандующаго. За генераломъ тянулась значительно пострадавшая, подлѣ него дѣйствовавшая батарея.

Когда и гдѣ главнокомандующій встрѣтился съ Данненбергомъ, этого не знаю; но посылая меня за нимъ въ третій разъ, свѣтлѣйшій сказалъ, что онъ, кажется, направился къ Севастополю. Изъ разговора съ Данненбергомъ, свѣтлѣйшій убѣдился, что дѣло проиграно, и немедленно предложилъ ихъ высочествамъ удалиться въ Севастополь: они повиновались главнокомандующему. Посылая меня за Данненбергомъ, свѣтлѣйшій увидѣлъ, что великіе князья уже въ Севастополѣ, ѣдутъ по оборонительной линіи и что по свитѣ ихъ открытъ огонь съ непріятельскихъ батарей. Онъ немедленно послалъ предупредить ихъ высочества о перемѣнѣ избраннаго ими пути.

Въѣхавъ, въ свою очередь, въ Севастополь, я никакъ не могъ сообразить, по какому направленію искать Данненберга; однако же я нашелъ его около тюремъ и сообщилъ ему желаніе главнокомандующаго, прося дождаться на мѣстѣ прибытія свѣтлѣйшаго. Данненбергъ слѣзъ съ коня и сѣлъ на камень; я же отправился въ обратный путь, къ князю, и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ нимъ... Я отъѣхалъ въ сторону, чтобы не быть свидѣтелемъ ихъ разговора, вѣроятно крупнаго, по окончаніи котораго генералъ продолжалъ свой путь во внутрь Севастополя, а князь возвратился на Сапунъ-гору.

На Саперной дорогѣ мы встрѣтили артиллерію, а на площадкѣ горы, въ безпорядкѣ, обрывки пѣхоты. Главнокомандующій самъ принялся устраивать части; тутъ мнѣ очень пригодилось знаніе пѣшаго строя и я помогалъ князю. Единственный, какъ мнѣ кажется, бывшій при одной толпѣ офицеръ подошелъ къ свѣтлѣйшему и, растерявшись, извинялся за безпорядокъ, сказывая, что командиры всѣ выбыли изъ строя и, потому, не позволитъ ли главнокомандующій, вмѣсто выбывшихъ, поставить унтеръ-офицеровъ.

— „Поставьте“, отвѣчалъ главнокомандующій.

По счастью, въ это время онъ увидѣлъ Тотлебена, который тоже хлопоталъ собирая пѣхоту. Обрадованный князь поручилъ ему распорядиться, по усмотрѣнію, прикрытіемъ отступавшихъ частей, въ особенности пострадавшей артиллеріи. Зуавы уже были въ виду и положеніе было критическое, но Тотлебенъ молодецки отстоялъ постъ.

Имѣя при себѣ саперъ, Тотлебенъ все еще надѣялся какъ нибудь укрѣпиться на Сапунъ-горѣ, чего, однако, ему не удалось; положеніе его перемѣнилось: вмѣсто того, чтобы пѣхота прикрывала его работу, ему пришлось самому прикрывать ея отступленіе.

Успокоенный присутствіемъ Тотлебена на Сапунъ-горѣ, князь возвратился въ расположеніе главной квартиры, а меня послалъ въ Севастополь къ генералу Тимоѳѣеву—узнать что̀ происходило у него, такъ ка̀къ, одновременно съ нападеніемъ нашимъ на англійскую позицію, онъ долженъ былъ совершить наступленіе отъ 6-го бастіона на французовъ.

Подъѣхавъ къ 6-му бастіону, я замѣтилъ, что солдатики наши несли на ружьяхъ и на носилкахъ большею частію все раненыхъ французовъ и на вопросъ мой: неужели наши раненые всѣ уже подобраны? получилъ въ отвѣтъ, что своихъ-то всякій подыметъ, а французика-то тоже жалко. Замѣчательно, что французы рисовались, позировались на носилкахъ, выражая или совершенную безпечность, или принимая картинное положеніе... Чудаки, до позировки-ли тутъ!

На обратномъ пути, подъ обрывами Сапунъ-горы, въ мертвомъ пространствѣ, я видѣлъ какъ начальство силилось разобрать по одиночкѣ спутавшіяся между собою части нашихъ войскъ, но мало успѣвало: тутъ и Кирьяковъ хлопоталъ. По плотинѣ непріятель еще палилъ съ Сапунъ-горы. За мостомъ, недалеко отъ фонтана и влѣво отъ дороги, собралось множество раненыхъ; ихъ спѣшили убирать и для этого ловили полуфурки, нагруженныя турами: онѣ все продирали мимо! Признаюсь, не мало труда стоило заставить фурштатовъ сбросить туры и уступить полуфурки раненымъ. Нагаекъ они не слушались, пришлось и мнѣ обнажить саблю для внушенія имъ чувствъ гуманности посредствомъ чувствительныхъ фухтелей! Туры назначались для саперныхъ работъ къ Тотлебену, такъ какъ главнокомандующій имѣлъ въ виду, въ случаѣ занятія нами Сапунъ-горы, укрѣпиться на ней. Теперь въ турахъ этихъ надобности не было и полуфурки ѣхали съ ними обратно.

По возвращеніи изъ дѣла, свѣтлѣйшій нашелъ у себя на столѣ копіи съ донесеній Соймонова и Павлова; прочитавъ, онъ приказалъ мнѣ отнести ихъ къ великимъ князьямъ.

Послѣ обѣда главнокомандующій послалъ меня навѣстить раненыхъ. Я началъ съ сарая, который былъ при батареѣ № 4; тамъ до пятидесяти коекъ, въ совершенномъ порядкѣ и чистотѣ, были заняты ранеными французами. Вмѣсто ожидаемыхъ мною стоновъ и оханья, я былъ пораженъ раскатами добродушнѣйшаго хохота. Прислушиваюсь къ разговору: товарищей забавляетъ одинъ французикъ съ отнятыми выше колѣнъ ногами. Онъ весело балагурилъ, представляя бѣшенство своего сапожника въ Парижѣ, когда тотъ узнаетъ, что ему сапоговъ уже болѣе не нужно.

Грустно мнѣ было слушать эту веселую болтовню несчастнаго.

Опрашивая страдальцевъ, я получилъ отъ всѣхъ выраженіе искренней признательности за участіе, оказываемое имъ русскими. Раненые, между прочимъ, любопытствовали знать: кто я такой? Узнавъ же, что я адъютантъ князя Меншикова и присланъ освѣдомиться о ихъ положеніи,—стали подниматься на койкахъ и выражали знаки своего почтенія, съ особымъ чувствомъ благодарности къ главнокомандующему. Замѣчательно уваженіе французовъ къ дисциплинѣ: они почитаютъ начальника и въ непріятелѣ, тогда какъ для нашего солдата будь непріятель генералъ, или рядовой—онъ разницы между ними не полагаетъ. Французъ—другое дѣло: ему непремѣнно нужно знать — какой чинъ на непріятельскомъ начальникѣ, есть ли у него ордена, чѣмъ командуетъ и т. п. и, по мѣрѣ полученныхъ имъ свѣдѣній, онъ оказываетъ непріятельскому начальнику знаки своего почтенія.

Такимъ образомъ, когда свѣтлѣйшему случалось встрѣчать плѣнныхъ французовъ, даже подъ карауломъ, они всегда отдавали ему честь. Не понимаю только, какъ они успѣвали узнавать отъ конвойныхъ, кто попадался имъ на встрѣчу, и самъ князь недоумѣвалъ, какъ французы его узнаютъ... Часто издали онъ предупреждалъ проводниковъ, чтобы они проходили мимо какъ бы не узнавая его, однако ему рѣдко удавалось попрепятствовать догадливости французовъ.

Изъ сарая, гдѣ помѣщались раненые, я направился къ Инкерману; тамъ на изволокѣ укладывали рядкомъ безконечное число раненыхъ; имъ едва успѣвали подавать пить; для перевязокъ же, просто, не хватало никакихъ средствъ. Они сами кое-какъ возились со своими ранами и терпѣливо покорялись необходимости. Дорогой я обогналъ три казенныя фуры съ тѣлами убитыхъ: трупы въ безпорядкѣ, какъ накиданныя дрова, наполняли телѣги; руки, ноги, головы мотались черезъ грядки, просовывались въ щели и стукались о колеса. Зрѣлище ужасное! Я невольно отвернулся; но солдаты, провожавшіе фуры, шутили и острили надъ неловкимъ положеніемъ труповъ, брошенныхъ въ телѣги на-скоро. Такова сила привычки видѣть убитыхъ непрерывно и ежедневно; такова безчувственность могильщиковъ. Я, напримѣръ, слышалъ такія рѣчи: „эхъ, сердечный, голова-то какъ болтается, пожалуй оторвется! А ты меня, Грузковъ, какъ повезешь хоронить, то положи сверху, чтобы попросторнѣе было!..“.

Кончился день, упитанный кровью, а сколько еще ужасовъ предстояло впереди!..

Размышляя о бѣдствіяхъ войны, я пробирался въ темнотѣ на сѣверную сторону, грустно опустивъ голову, и, не торопя лошадь, ѣхалъ ша-

гомъ. Было уже поздно; въ главной квартирѣ все утихло, когда моя лошадка остановилась у сарая. Въ конюшнѣ заржали лошади, привѣтствуя усталаго товарища; дежурный казакъ поднялся и я побрелъ къ своему уголку. Какъ кто спалъ въ эту ночь—не знаю, только всѣ притаились, никого не было слышно.

Когда я пробирался мимо бухты, то замѣтилъ въ темнотѣ чью-то высокую фигуру, стоявшую неподвижно. Я подошелъ и узналъ главнокомандующаго: поднявъ голову, онъ смотрѣлъ въ непроницаемый мракъ на Сапунъ-гору.

— „Что̀ раненые,—спросилъ онъ меня тихо,—успѣли-ли подобрать?“

— Подобрать-то, кажется, подобрали, только имъ плохо, ваша свѣтлость!—доложилъ я.

— „Да, нехорошо. Соймоновъ напуталъ, Богъ ему судья!“—заключилъ князь и опять повернулся туда, гдѣ еще не остыла свѣжая кровь.

Въ послѣдствіи, при обсужденіи причинъ потери сраженія, выяснилось, что солдаты и офицеры дрались отчаянно; каждый изъ частныхъ начальниковъ исполнилъ свой долгъ по силѣ возможности. Много было явлено одиночныхъ подвиговъ удальства; но могло ли все это утѣшить главнокомандующаго, потерявшаго столько войска, но не подавшагося ни на шагъ впередъ... Подъ гнетомъ отчаянія онъ томился грустью.

Свѣтлѣйшій, однако, не всю вину приписывалъ Соймонову, такъ какъ Данненбергъ выказалъ вполнѣ свою непрактичность въ боевыхъ распоряженіяхъ: онъ ничего не предусмотрѣлъ, ничего не предупредилъ; въ трудномъ случаѣ не нашелся, не умѣлъ выйти изъ дѣла и остался хладнокровнымъ—даже и не зрителемъ того хаоса, котораго самъ былъ причиною. Генералъ покинулъ разстроенныя войска въ страшномъ безпорядкѣ; уѣхалъ спокойно въ Севастополь, не заботясь ни о прикрытіи отступленія, ни объ устройствѣ полковъ, ни объ участи раненыхъ. Выѣхавъ изъ дѣла въ самую критическую минуту, Данненбергъ находился далеко-далеко отъ своего корпуса, когда Тотлебенъ, вовсе не причастный дѣлу, но какъ охотникъ, по одному слову главнокомандующаго, отстоялъ путь нашего отступленія.

Какъ было не сокрушаться о потерѣ такого сраженія какъ Инкерманское! При удачѣ—Чургунскій отрядъ могъ напасть на союзниковъ съ тыла... Вѣдь 60 нашихъ свѣжихъ, чудныхъ, какъ на подборъ, эскадроновъ кавалеріи, въ числѣ которыхъ 40 отличнѣйшихъ эскадроновъ драгунъ, могли ворваться въ непріятельскій станъ и сорвать осаду.

XIII.

Раннимъ утромъ, 25-го октября, главнокомандующій объѣхалъ раненыхъ, распорядился ихъ размѣщеніемъ и проѣхалъ къ Чургунскому отряду.

Здѣсь, изъ донесеній князя П. Д. Горчакова усматривалось, что онъ, за неудавшейся атакой Данненберга, не рѣшился самъ предпринять ничего серьезнаго, опасаясь тѣмъ прибавить урону этому кровавому дню.

Парламентеръ, вызванный непріятелемъ для переговоровъ о погребеніи тѣлъ убитыхъ, возвратился при насъ и разсказывалъ, что союзники въ отчаяніи, что вылазка изъ Севастополя причинила имъ много вреда.

На слѣдующій день свѣтлѣйшій объѣзжалъ бивуаки пострадавшихъ полковъ, и солдаты знакомыхъ ему частей, съ остатками офицеровъ, толпой окружали князя, наперерывъ разсказывали, что̀ каждому удалось сдѣлать въ сраженіи, и вообще всѣ были веселы вслѣдствіе сознанія, что каждый, на чью долю выпало бороться съ непріятелемъ, сдѣлалъ все, что могъ. Это можно было заключить по ихъ живымъ и чистосердечнымъ разсказамъ. Въ Тарутинскомъ полку свѣтлѣйшему передали, что когда англичане опять заняли отнятую у нихъ батарею, то наши войска столпились передъ ней и стрѣляли изъ колонны черезъ головы товарищей, такъ какъ батарея была на высотѣ. Сзади подошелъ Селенгинскій полкъ и его взялъ задоръ и онъ давай палить тоже вверхъ; но пули его, не долетая, падали на тарутинцевъ и отъ этого у нихъ бо̀льшая часть была ранена своими. Бородинцы и всѣ офицеры подтвердили это. Поэтому главнокомандующій Селенгинскаго полка не благодарилъ, а сухо упрекнулъ солдатъ. Селенгинцы и не подозрѣвали вреда, который нечаянно надѣлали тарутинцамъ.

Изъ всѣхъ слышанныхъ разсказовъ невозможно было вывести заключенія, что̀ и какъ происходило. Ясно было только одно: что отрядъ Соймонова наступалъ не по той сторонѣ балки, по которой слѣдовало. Въ тѣсномъ мѣстѣ встрѣчаясь съ непріятелемъ послѣдовательными частями, онъ по частямъ былъ и разбитъ до прибытія отряда Павлова, съ которымъ, въ его очередь, повторилось тоже самое. Разстроенныя части разсыпались по балкамъ и скатамъ Сапунъ-горы, кто куда попалъ. Поэтому возстановить дѣло не было никакой возможности.

На другой день, я, какъ знакомый съ мѣстомъ расположенія нашихъ войскъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ сопровождать великихъ князей по бивуакамъ всѣхъ отрядовъ. Мнѣ привелось быть счастливымъ свидѣтелемъ того восторга, съ которымъ ихъ высочества были встрѣчены солдатами. Мы посѣтили Бельбекъ, Инкерманъ, Чургунъ, и возвратились не рано.

Какъ ни огорченъ былъ главнокомандующій потерею Инкерманскаго сраженія, но его утѣшала бодрость духа, встрѣченная имъ въ пострадавшихъ войскахъ: свѣтлѣйшій поспѣшилъ засвидѣтельствовать объ этомъ государю императору всеподданнѣйшимъ донесеніемъ отъ 27-го октября (за № 465) и приказалъ представить себѣ списки отличившихся, для выдачи наградъ. Но неудача Инкерманскаго сраженія повліяла на упадокъ духа севастопольскаго гарнизона, а по оборонительной линіи поднялась суматоха, такъ какъ тамъ полагали, что союзники, ободренные успѣшнымъ отбитіемъ нашего нападенія, рѣшатся приступить къ штурму. Подобное настроеніе опять породило въ защитникахъ города лихорадочную дѣятельность и томительное, безпрестанное ожиданіе штурма. Вслѣдствіе этого неоднократно были фальшивыя тревоги, поднимались съ обѣихъ сторонъ канонады, губительно дѣйствовавшія на гарнизонъ; у насъ было даже нѣсколько взрывовъ пороховыхъ погребовъ. Много тратилось пороху, снарядовъ, и потеря въ людяхъ была значительная... Такъ протекли послѣдніе дни октября.

Главнокомандующій, не раздѣляя опасеній гарнизона, расчитывалъ, напротивъ, что потери союзниковъ въ Инкерманскомъ бою были на столько ощутительны, что они еще не скоро рѣшатся на какое нибудь предпріятіе. Съ этой стороны онъ былъ покоенъ, но сокрушался объ утратахъ въ гарнизонѣ, совершенно непроизводительныхъ; удерживать-же встревоженныхъ моряковъ онъ не могъ.

Подозрѣвая упадокъ духа въ союзной арміи и уныніе, поддерживаемое безнадежностью и ненастнымъ временемъ года, свѣтлѣйшій еще думалъ самъ воспользоваться этимъ: съ этой цѣлію онъ просилъ прислать ему изъ Николаева еще пѣхотныхъ войскъ: надобно было пополнить убыль въ полкахъ. Въ особенности ощущался у насъ недостатокъ въ лицахъ начальствующихъ и въ правильной организаціи штаба главнокомандующаго. Объ этомъ князю просто некогда было хорошенько и подумать; время было горячее, спѣшное. Ему приходилось поспѣвать повсюду; цѣлые дни и ночи онъ проводилъ въ движеніи; при его преклонныхъ лѣтахъ, надобно было удивляться, какъ еще его всюду доставало. Въ себѣ одномъ онъ, можно сказать, совмѣщалъ цѣлый штабъ главнокомандующаго.

Наконецъ, 1-го ноября, свѣтлѣйшій вызвалъ къ себѣ генерала Семякина и назначилъ его начальникомъ штаба, на мѣсто временно исполнявшаго эту должность полковника Герсеванова, назначеннаго, въ свою очередь, исправлять должность генералъ-квартирмейстера. Вуншъ исправлялъ должность директора канцеляріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣдывалъ продовольственною частью войскъ. Свѣтлѣйшій привыкъ съ нимъ работать и потому возлагалъ на него другія порученія, которыя Вуншъ, по мѣрѣ возможности, умѣлъ исполнять въ точности. Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ, а директоромъ канцеляріи—Александръ Дмитріевичъ Крыловъ.

Замедленіе въ этихъ распоряженіяхъ можно себѣ объяснить, какъ неимѣніемъ подъ рукою способныхъ или свободныхъ лицъ, такъ и тѣмъ, что до сихъ поръ мы были какъ на горячихъ угольяхъ, въ безпрестанномъ ожиданіи катастрофы, долженствующей рѣшить участь войны. Никто не думалъ, что война затянется; каждый день и каждую ночь мы ожидали рѣшительнаго боя; главнокомандующій не снималъ сюртука съ плечъ; сна почти не зналъ.

Пребываніе великихъ князей въ арміи требовало однако необходимой обстановки — и вотъ, за батареей № 4, на площадкѣ, устроился изрядный лагерь для чиновъ, состоявшихъ при великихъ князьяхъ, и для конвоя. Весело забѣлѣли палатки и оживилась мрачная наша жизнь. Раздались звонкіе, молодые голоса; послышались пѣсни, хохотъ; говоръ не умолкалъ; поднялась бѣготня, веселая суета; по вечерамъ появились огоньки въ палаткахъ, устраивались кружки у самоваровъ. Главная квартира какъ будто сбросила съ себя покровъ угрюмости, самый ея составъ освѣжился, помолодѣлъ. Повеселѣлъ и главнокомандующій и на его лицѣ появилась улыбка: онъ всегда любилъ молодежь съ ея свѣтлыми надеждами, любилъ ободрять молодыхъ людей, помогать имъ развиваться и радовался ихъ успѣхамъ.

Достойно удивленія было его всегдашнее умѣнье подмѣчать добрыя наклонности юноши, ухватиться за его способности и руководить имъ, непримѣтно для него самого, до тѣхъ поръ, покуда тотъ не оперится. Пріемы князя, которыми онъ развивалъ человѣка, полны были такой деликатности, такого такта, что питомецъ скоро свыкался съ мыслію, что онъ дѣлалъ все самъ, не замѣчая, что къ тому его за руку привелъ свѣтлѣйшій. Многіе даже забывали, чѣмъ были въ данномъ случаѣ обязаны исключительно ему, и случалось, что они, усвоивъ что либо отъ свѣтлѣйшаго, потомъ ему-же сообщали за свое. Князь не только не разубѣждалъ ихъ, но всегда старался поддерживать въ нихъ увѣренность въ ихъ собственныхъ способностяхъ и тѣмъ придавалъ своимъ ученикамъ чувство самоуваженія.

Когда мнѣ случалось бывать свидѣтелемъ подобной самолюбивой забывчивости, то, признаюсь, хвастливый ученикъ былъ мнѣ противенъ и я порывался уличить его, но воздерживался, понимая намѣреніе князя побудить человѣка этимъ путемъ къ самодѣятельности.

Сохраняю воспоминаніе объ одномъ человѣкѣ, который чрезвычайно благородно принималъ подобныя поощренія и всегда улавливалъ князя на словѣ, возражая ему на похвалы:

— Помилуйте, ваша свѣтлость, за что вы меня хвалите? Вѣдь вы сами указали мнѣ какъ сдѣлать!

А князь ему отвѣчаетъ, разводя руками:

— „Не помню, не помню“!

Но честный Тотлебенъ (то былъ онъ) не успокоится, бывало, а, при выходѣ, возьметъ меня за руку и говоритъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— Панаевъ, вѣдь вы помните? Князь при васъ же мнѣ толковалъ и, когда мнѣ удалось исполнить его планъ, онъ же благодаритъ за выдумку... Князь, просто, меня конфузитъ!

Когда же мнѣ не случалось бывать свидѣтелемъ доклада Тотлебена, а князь опять такимъ-же образомъ его „конфузилъ“, то онъ послѣ отыскивалъ меня и непремѣнно жаловался на свѣтлѣйшаго.

Отличный человѣкъ былъ Тотлебенъ, пріятный, обходительный и всегда веселый. Мы всѣ его очень любили и какъ только онъ, бывало, пріѣдетъ къ намъ на Сѣверную, такъ мы и спѣшимъ его окружить. Онъ не тяготился разспросами и, со свойственной ему доброй, простой и привлекательной манерой говорить, охотно отвѣчалъ каждому.

Свѣтлѣйшій не только высоко цѣнилъ Тотлебена, но душевно любилъ его больше всѣхъ въ Севастополѣ: ни прежде, ни послѣ не зналъ я человѣка, котораго бы онъ такъ любилъ, какъ Тотлебена.

И то можно сказать, что Тотлебенъ былъ счастливъ расположеніемъ и довѣренностью къ себѣ князя Меншикова. Онъ не забывалъ того, что князь подготовилъ его на славный инженерный постъ и еще продолжалъ руководить при оборонѣ Севастополя. За эту-то скромность, за безкорыстную преданность дѣлу, за заслуги при севастопольской оборонѣ, князь Меншиковъ поставилъ Тотлебена на пьедесталъ, сооруженный всѣмъ русскимъ и европейскимъ міромъ защитнику Севастополя. Самъ князь отклонился отъ почестей, предоставивъ Тотлебену пожинать лавры. На долю свѣтлѣйшаго достались клеветы, нелѣпицы, на него взведенныя,—на нихъ онъ и не возражалъ.

Тотлебенъ былъ послѣднимъ и славнѣйшимъ питомцемъ въ военной дѣятельности князя Меншикова. Наставникъ и ученикъ имѣли право гордиться другъ другомъ.

Въ лагерѣ главной квартиры пріютился и я, разбивъ себѣ палатку, а подлѣ меня помѣстился мой почтенный другъ Николай Саввичъ Мартыновъ, только что прибывшій въ распоряженіе главнокомандующаго.

Мартыновъ, человѣкъ пожилой, изъ отставки вновь поступилъ на службу артиллеріи штабсъ-капитаномъ. Добылъ себѣ турецкую, остроконечную палатку, взятую въ Балаклавскомъ дѣлѣ на редутахъ. Казацкій офицеръ, отъ котораго Мартыновъ ее пріобрѣлъ, аккуратно поставилъ палатку и, по случаю вѣтра къ ночи 1-го ноября, обложилъ полы ея каменьями и, впустивъ въ нее пріѣзжаго, наложилъ камень и на дверцу.

Уютно, на прекрасной складной кровати, улегся Мартыновъ, выражая сосѣдямъ свое благополучіе и неизреченную благодарность казаку-благодѣтелю. Кромѣ того, какъ изнѣженный сибаритъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ прекрасномъ тарантасѣ съ фордекомъ и привезъ съ собой камердинера-итальянца, стараго и преуморительнаго. Онъ помѣстилъ его въ тарантасѣ, возлѣ палатки.

Когда всѣ улеглись, вѣтеръ сталъ свѣжѣть, а послѣ полуночи пошелъ дождикъ, все сильнѣй да сильнѣй, наконецъ пріударилъ ливнемъ и разыгралась буря.

Палатка моя промокла насквозь; спасенія въ ней уже не было: ее качало, рамка трещала, коробилась и полы наваливались на меня. Вдругъ, слышу отчаянный крикъ Мартынова. Турецкая палатка влажными своими объятіями одолѣвала его и тащила къ среднему колу; высвободиться изъ ужасныхъ объятій онъ не могъ; полы, обложенныя камнями, бурею подтащило къ серединѣ... Мартыновъ звалъ на помощь своего итальянца, но тотъ отвѣчалъ изъ засады, что ему такъ хорошо въ тарантасѣ, что онъ не рѣшается вылѣзть изъ него въ такую дурную погоду и совѣтуетъ лучше своему господину идти къ нему. Но какъ же идти? Въ палаткѣ уже на четверть воды, Мартыновъ въ одномъ бѣльѣ и выкарабкаться не можетъ, двери закрутило, и парусинныхъ полъ, обремененныхъ камнями, онъ приподнять не въ силахъ. Когда разсвѣло, моя палатка не устояла: порывомъ бури сорвало и ее и всѣ до одной палатки въ лагерѣ, разомъ. По обыкновенію, и ночью одѣтый какъ днемъ, въ большихъ сапогахъ, я спрыгнулъ съ койки въ воду и бросился спасать свой тулупчикъ. Не успѣлъ сдѣлать и двухъ прыжковъ, какъ порывомъ вѣтра меня опрокинуло въ лужу и насилу-насилу я достигъ угла своего сарайчика: сунулъ туда мой неразлучный тулупчикъ... Оглядываюсь—и лагеря какъ будто и не бывало, его снесло и торчала одна только турецкая палатка Мартынова, но въ какомъ видѣ! Ее закрутило улиткообразно и совершенно

прижало къ среднему колу. Некогда было мнѣ заботиться о томъ, чтó въ палаткѣ дѣлалъ мой пріятель, я бросился на берегъ бухты: свѣтлѣйшій ночевалъ на „Громоносцѣ".

Почти на четвереньках я добрался къ берегу. Вѣтеръ рвалъ такъ, что, кажется, могъ унести меня на воздухъ и единственнымъ спасеньемъ было—лечь на землю. „Громоносецъ" былъ выкинутъ на берегъ: князь, при помощи матросовъ, спускался въ шлюбку, которую никакъ не могли удержать у борта, она металась какъ бѣшеная... Но вотъ, князь уже въ шлюбкѣ; за нимъ стали на рукахъ спускать Камовскаго, съ портфелемъ, но онъ какъ-то сорвался и упалъ въ море! Ловкіе матросы мигомъ выхватили и его и портфель. Камовскаго, почти безъ чувствъ, вынесли на берегъ; онъ совершенно окоченѣлъ; его въ сторожкѣ раздѣли, завернули въ спасенный мною тулупчикъ и едва отогрѣли пуншемъ. Онъ заговорилъ лишь черезъ часъ.

Какъ ужасны условія войны! Мы радовались этой бурѣ, потому что она крушила непріятельскія суда. Люди гибли простирая руки къ небу, а мы?.. Мы чуть не пронизывали ядрами погибавшихъ. Любопытно было посмотрѣть на печальное зрѣлище, но добраться до берега было такъ трудно, что не стоило и предпринимать поѣздки. Мы были увѣрены, что море возьметъ свое.

Князь Ухтомскій, храбрый и добрый молодой человѣкъ, рѣшился попытаться спасать погибавшихъ. Онъ отпросился у главнокомандующаго и пустился на борьбу съ бурею. Не буду говорить о томъ, какого труда стоило ему добраться до устья Качи; на выброшенной шлюбкѣ, съ казаками вмѣсто матросовъ, князь Ухтомскій, съ неимовѣрными усиліями, нѣсколько разъ достигалъ борта судна, нагруженнаго французской кавалеріей: упрашивалъ непріятелей сойти на берегъ, обѣщая имъ спасеніе... Но они не рѣшались. Между тѣмъ, шлюбка не въ состояніи была держаться, ее выбросило на сушу; князь съ казаками опять стащилъ ее въ воду, опять достигъ до судна, опять сталъ предлагать помощь—и опять напрасно! Всѣ его попытки были безуспѣшны и кавалеристы погибли въ морѣ... По странному предубѣжденію, французы полагали, вѣроятно, что въ рукахъ у русскихъ имъ будетъ хуже, нежели на днѣ морскомъ. Измученный Ухтомскій возвратился на другой день и все тужилъ о томъ, что ему не удалось спасти французскихъ кавалеристовъ.

Союзный флотъ много пострадалъ въ бурю 2-го ноября: насчитывали до тридцати судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ виду береговъ Крыма; изъ нихъ половина была судовъ военныхъ и большаго размѣра, да кромѣ того многія суда потеряли рангоутъ. На погибшихъ транспортахъ находились части войскъ, теплая одежда, снаряды, по-

рохъ. Наши суда на рейдѣ тоже порядкомъ потерпѣли: буря тащила ихъ съ якорей, наваливала другъ на друга, прижимала къ скаламъ и сажала на камни. Дѣятельность во флотѣ кипѣла; несчастные случаи были предупреждены. Безъ поврежденій не обошлось, но они были незначительны.

На другой день рано, когда утренній туманъ только что разсѣивался, мнѣ случилось быть на пароходѣ „Громоносецъ", откуда въ это время было усмотрѣно, что блокшифъ корабля „Силистрія", который былъ затопленъ на лѣвомъ флангѣ линіи загражденія рейда, вдругъ показался изъ-подъ воды. Какъ мертвецъ изъ гроба, одинъ изъ дѣдовъ черноморскаго флота поднялся со дна морскаго,—послѣ страшной бури, взглянуть на внучатъ.

„Силистріею" долгое время командовалъ Нахимовъ и когда, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, корабль состарѣлся и пришлось сдавать его въ портъ, то Павелъ Степановичъ очень сокрушался, не признавая еще дряхлости корабля „Силистрія". Теперь корабль этотъ, точно въ подтвержденіе защиты бывшаго своего командира, одолѣлъ море и всплылъ на поверхность, какъ бы доказывая этимъ свою силу.

Это зрѣлище несказанно поразило моряковъ и они вскрикнули въ удивленіи:

— „Силистрія" встаетъ изъ мертвыхъ!

Дѣйствительно, было что-то таинственно-грозное въ этомъ появленіи со дна морскаго стараго корабля и многіе дѣлали по этому поводу разныя суевѣрныя предположенія. По изслѣдованію оказалось, что корпусъ блокшифа оставался на днѣ, а всплыла лишь оторванная палуба съ бортами. Въ послѣдствіи, черезъ семь мѣсяцевъ (въ іюнѣ 1855 года), когда Нахимовъ былъ смертельно раненъ, говорили, что „Силистрія" напророчила ему смерть.

Буря 2-го ноября нанесла намъ суровую непогоду: наступило ненастье, пошли дожди, подули вѣтры, холодъ, снѣгъ, даже морозы. Союзники бѣдствовали, да и намъ было не хорошо, хотя обтерпѣлый нашъ народъ былъ привыченъ къ своему климату и умѣлъ управляться съ нимъ. Все же войска изнурялись лишеніями по недостатку подвозовъ: дороги были адскія. Люди на бивуакахъ еще кое-какъ укрывались отъ непогоды въ шалашахъ и норкахъ; но лошади въ коновязяхъ быстро изводились и кавалерія вскорѣ была не въ состояніи нести аванпостную службу. Около половины ноября главнокомандующій приказалъ отправлять кавалерію частями по деревнямъ къ сторонѣ Евпаторіи на поправку. Когда эти войска размѣстились по квартирамъ, то за Алмой, въ покинутыхъ деревняхъ, находили въ домахъ много сгнившихъ труповъ англичанъ, кучами, въ повалку. Это были раненые въ

Алминской битвѣ, не подобранные своими. По разсказамъ плѣнныхъ, захваченныхъ тогда казаками, можно было заключить, что бо́льшая часть раненыхъ притащилась къ берегу, когда флотъ уже снимался съ якоря. На призывъ ихъ никто не отозвался и они такъ и погибли: кто тутъ-же на берегу, а кто посильнѣе — тотъ забрелъ въ деревни и погибалъ здѣсь отъ ранъ и голоду, въ невыразимыхъ мученіяхъ. Когда трупы несчастныхъ были убраны, то смрадъ, внѣдрившійся въ жилищахъ, былъ такъ силенъ, что его невозможно было выносить: дома такъ и остались незанятыми войсками.

Такъ нашей многочисленной кавалеріи и не удалось получить примѣненія къ дѣлу; она составила для арміи болѣе бремя, нежели принесла пользы. Лошади обезсилѣли до того, что не въ состояніи были нести всадника; главнѣйшей тому причиною былъ, разумѣется, недостатокъ фуража.

Въ послѣдствіи думали воспользоваться лошадьми для транспортированія провіанта на вьюкахъ, но и это не удалось.

Неблагопріятное для военныхъ дѣйствій время года вынудило враговъ къ взаимному затишью. Никакихъ движеній предпринять было невозможно; грунтъ совершенно растворился, расползывался подъ ногами, налипалъ на нихъ.

Пользуясь временемъ, союзники ограждали свою позицію съ тылу и съ праваго фланга непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій и вскорѣ сдѣлали ее неприступною. Между тѣмъ, траншеями они значительно приблизились къ Севастополю и одолѣвали насъ штуцернымъ огнемъ. Для нашихъ амбразуръ потребовались заслонки, но онѣ оказались какъ-то непрактичны: представленные главнокомандующему образцы были неудовлетворительны и общаго примѣненія не получили.

Въ это время участились вылазки и легкія стычки съ непріятелемъ; какъ союзники, такъ и наши, желая воспользоваться непогодой, пускались въ маленькія предпріятія и наталкивались другъ на друга. Къ намъ, на Сѣверную, часто приводили плѣнныхъ, перебѣжчиковъ, и представляли ихъ главнокомандующему вмѣстѣ съ удальцами, ихъ захватывавшими. Офицеры, начальники вылазокъ, часто присылались къ свѣтлѣйшему для личнаго изъясненія дѣла.

Такъ тянулось время нашего тяжкаго, безотраднаго положенія. Ненастье, недостатокъ пріюта утомляли свѣтлѣйшаго; послѣ тяжкихъ трудовъ онъ не находилъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью, ни на пароходѣ, ни въ караулкѣ.—Тоска и бѣдственное положеніе войскъ, вынужденное бездѣйствіе, наконецъ, преклонныя лѣта при мучительномъ хроническомъ недугѣ, до того разстроили тѣлесныя и нравственныя силы князя, что онъ опасался окончательно слечь и пере-

могался потому только, что въ арміи не имѣлъ въ виду лица, которому могъ-бы передать свой трудный постъ.

Стараясь управляться съ тѣми лицами, которыя онъ уже приспособилъ къ дѣлу, свѣтлѣйшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожилъ ихъ силами и рабочимъ временемъ. Поэтому, избѣгая безъ особой нужды отрывать ихъ отъ дѣла, онъ часто самъ отправлялся работать къ нимъ на квартиру.

Не смотря на разбросанное помѣщеніе и отдаленность квартиръ за горами и балками, князь, послѣ вечерняго доклада, бывало, что нибудь вспомнитъ, сядетъ на лошака и отправляется: ночь, темнота, грязь, вѣтеръ, дождикъ, снѣгъ—его не останавливаютъ. Казакъ идетъ впереди съ фонаремъ; князь за нимъ пробирается, рискуя сорваться съ кручи въ оврагъ, но подобныя опасенія ему не приходили и въ голову; онъ думалъ свою думу и ѣхалъ на Сухую-балку къ Вуншу, а оттуда, совсѣмъ въ противуположную сторону—къ Семякину.

Утомляясь не по силамъ, князь самъ всегда заботился о покоѣ другихъ и дорожилъ силами каждаго. Такъ, напримѣръ, въ подобныя тревожныя ночи, онъ, бывало, даже не приказывалъ дожидаться себя шлюбкѣ, отвозившей его на пароходъ, гдѣ ему ночевать было спокойнѣе. Князь не желалъ безпокоить капитана и утомлять матросовъ и ложился на берегу въ караулкѣ, въ душномъ, маленькомъ чуланѣ.

Вскорѣ въ нашу армію на мѣсто Данненберга прибылъ баронъ (нынѣ графъ) Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1854 г. [1]).

Всеподданнѣйшее письмо кн. М. Д. Горчакова.

Фокшаны.—5-го апрѣля 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Какъ сдѣлаться достойнымъ той высокой милости и тѣхъ выраженій письма В. И. В—ва, коими вы меня осчастливили. Вотъ мысль, которая не оставитъ меня до конца жизни. Уже восемь дней что я получилъ портретъ и письмо ваше, и мнѣ все еще не вѣрится, что великій преемникъ Петра I-го удостоилъ слабыя заслуги мои толикимъ выраженіемъ своего благоволенія.—Я не въ силахъ также выразить того глубокаго впечатлѣнія, какое во мнѣ произвело милостивое воспоминаніе обо мнѣ государыни императрицы.

Войскамъ я объявилъ высочайшее благоволеніе В. И. В—ва. Изъявленіе этой новой милости оживитъ ихъ духъ и порывъ на вашихъ враговъ.

Князь Варшавскій доводитъ до свѣдѣнія В. И. В—ва предположенія свои на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій; будутъ, можетъ быть, трудныя минуты, но Богъ за васъ и Россія въ вашей рукѣ.

На счетъ укрѣпленія устьевъ Дуная, о коихъ вы изволите упоминать во всемилостивѣйшемъ письмѣ отъ 26-го марта, осмѣлюсь доложить, что временныя укрѣпленія при оныхъ никакъ не могли бы даже нѣсколько часовъ устоять противъ покушенія непріятельскихъ военныхъ судовъ, ибо около нихъ болота, на коихъ войска не могутъ двигаться и гдѣ ихъ даже держать нельзя. Эти батареи были одною приманкою непріятелю—взять безнаказанно наши орудія и хвастаться успѣхомъ. Причина сія побудила меня, еще прежде полученія всемилостивѣйшаго письма вашего, обезоружить и батарею, временно по-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 135—144; 325—336.

ставленную при устьѣ Сулины. Пусть непріятель попытается войти въ рукавъ Дуная: тамъ шансы боя въ нашу пользу.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

Фокшаны.—5-го апрѣля 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Письмо В. И. В—ва отъ 26-го марта (7-го апрѣля) имѣлъ счастіе получить въ Фокшанахъ, куда прибылъ 3-го сего апрѣля. Здѣсь нашелъ князя Горчакова, здоровье котораго не въ хорошемъ положеніи [1]). Тотъ же день получена депеша Мейендорфа, въ выпискѣ представляемая. Мейендорфъ не совѣтуетъ переходить Дунай у Видина и не ручается, что-бы въ противномъ случаѣ Австрія не была увлечена Англіею и Франціею [2]). Поэтому я вызвалъ къ себѣ Фонтона, который продолжалъ сношенія съ Сербами [3]), и приказалъ ген.-лейт. Липранди отходить къ Краіову. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предписалъ ген. Лидерсу быть готовымъ къ выступленію; ген.-лейт. Ушакову послать семь баталіоновъ 2-й бригады 14-й дивизіи къ Черноводамъ и Гирсову, расчитывая, что 7-й пѣхотной дивизіи достаточно будетъ для защиты низовьевъ Дуная; 8-й дивизіи велѣлъ стягиваться къ Каларашу.

Завтра я ѣду въ Гирсово и въ Каларашъ, съ тѣмъ, что на мѣстѣ увижу какъ дѣйствовать далѣе. Омеръ-паша стягивается, какъ слышно, къ Шумлѣ и Разграду и ожидаетъ 30,000 европейцевъ. Наша осадная артиллерія, по словамъ князя Горчакова, можетъ прибыть къ Каларашу 16-го числа, съ одною четвертью снарядовъ; продовольствіе же

---

[1]) Въ письмѣ военному министру отъ 5-го же апрѣля, князь Паскевичъ говоритъ: «здоровье князя Горчакова я нашелъ не въ блестящемъ положеніи, да и у меня были уже вчера во второй разъ лихорадочныя движенія; но завтра, рано утромъ, мы ѣдемъ съ кн. Мих. Дмитр. въ Гирсово, къ генералу Лидерсу, и оттуда въ Каларашъ».

[2]) Депеша барона Мейендорфа князю Горчакову отъ 31-го марта (12-го апрѣля): «Je déconseille la demonstration de passage près Viddin. L'Autriche qui vient de signer un nouveau protocole compromettant, serait dans ce cas poussée contre nous avec violence par nos ennemis et je ne sais si la Prusse persistera dans sa neutralité avec assez de force pour entrainer l' Autriche dans la même voie».

[3]) Въ запискѣ военному министру отъ 5-го апрѣля сказано относительно Сербовъ слѣдующее: «Дѣйств. ст. сов. Фонтону прекратить всякіе переговоры съ Сербами и пріѣхать ко мнѣ».

Императоромъ Николаемъ на запискѣ сдѣлана была отмѣтка: «Отзывъ Фонтона мнѣ кажется лишнимъ». Ред.

будетъ недѣли на три.—Движеніе отъ Гирсова начнется съ 8-го или 9-го числа; до Силистріи 7 переходовъ; мы подойдемъ 16-го [1]). Союзниковъ, по всѣмъ извѣстіямъ, ожидать должно между 15-мъ и 19-мъ (?). Планъ ихъ, по моему мнѣнію, можетъ быть тотъ, чтобы, высадивъ тысячъ 30, соединиться съ турками, бывшими въ Бабадагской области, и Омеръ-пашой, всего 70 или 80,000, и атаковать наши переправы на Дунаѣ или насъ, когда мы будемъ подъ Силистріею. Намъ придется или отходить отъ Силистріи къ переправѣ или, оставивъ противъ крѣпости одну дивизію съ 35-ю баталіонами, встрѣтить до 100,000 соединенныхъ французовъ и турковъ.

Имѣя все это въ виду, мы, можетъ быть, не успѣемъ, до прихода европейцевъ, обложить Силистрію и разбить Омеръ-пашу, который едвали выйдетъ на встрѣчу. Во всякомъ случаѣ, я думаю войска генерала Лидерса подвинуть впередъ до Черноводъ и маневрировать (?!). Замѣтить надобно, что мы не можемъ отходить далеко отъ Дуная, ибо съ Дуная получаемъ все продовольствіе, а съ собою можемъ взять только дня на 4 или на 5; слѣдственно, далекихъ движеній дѣлать не можемъ; фуражъ даже мы также должны возить съ собою, ибо доселѣ и былинки нѣтъ еще травы.

Приближеніе къ Силистріи зависѣть будетъ еще болѣе отъ возможности поставить около Силистріи мостъ, въ чемъ я еще не увѣренъ и для того изъ Гирсова ѣду въ Каларашъ.

Между тѣмъ казаки наши имѣли уже перестрѣлку съ французами и англичанами, которые высадили было 60 человѣкъ съ пароходовъ около Кистенджи; но по приближеніи казаковъ ушли на шлюбкахъ и Кистенджи остался за нашимъ казачьимъ пикетомъ. — Хорошее дѣло было у Черноводъ, гдѣ 200 казаковъ опрокинули втрое бо́льшую партію турковъ и до 40 тѣлъ положили на мѣстѣ.

Отъ генерала Сакена получилъ рапортъ, что 4 парохода подходили къ Одессѣ, внѣ пушечнаго выстрѣла, и въ виду было еще до 50-ти вымпеловъ.

Сегодня я здѣсь смотрѣлъ маршевые эскадроны 4-й легкой кавалерійской дивизіи, и нашелъ какъ людей, такъ и лошадей, въ отличнѣйшемъ видѣ; больныхъ въ пути оставлено 2, всего же 10 человѣкъ.

Припадая къ ногамъ государыни императрицы, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

---

[1]) Въ дѣйствительности войска генерала Лидерса подошли къ Силистріи только 4-го мая, все это благодаря остановкамъ и бездѣльному маневрированію, предписаннымъ княземъ Варшавскимъ. Ред.

Императоръ Николай князю Варшавскому.

С.-Петербургъ.—7-го апрѣля 1854 г.

Сегодня ночью я получилъ письмо твое, любезный отецъ командиръ, писанное изъ Фалешти 1-го (13-го) числа. — Весьма радуюсь. что ты одобрилъ движеніе къ Силистріи, ибо, кажется, время дорого и благопріятной минутой намъ воспользоваться слѣдуетъ. Симъ же, кажется, на время отдаляемъ опасность высадки на нашихъ берегахъ. Полагаю также, что ты правъ, что почелъ (нужнымъ) велѣть Липранди отступить отъ Калафата.—Лучше все имѣть подъ рукой, тѣмъ болѣе когда тамъ переходить Дунай не можемъ, не раздража австрійцевъ. Посылаю тебѣ проектъ прокламаціи христіанамъ, которую выдай сейчасъ, велѣвъ перевесть на языки, употребляемые за Дунаемъ. Теперь пора болгаръ поднять подъ ружье. Ежели сербы сами собою примутся за оружіе, то не бѣда, ибо полагать должно, что сейчасъ австрійцы войдутъ къ нимъ; они же ихъ даромъ не впустятъ, а вотъ и война, и тогда врядъ-ли австрійцы въ состояніи будутъ идти на насъ. Скорѣе полагать можно, что они озабочены будутъ удержаніемъ своего края въ порядкѣ.—Теперь дай Богъ, чтобъ осада Силистріи пошла успѣшно; ежели Омеръ-паша придетъ выручать, то тѣмъ лучше, ибо, съ Божіею помощію, мы можемъ его разбить до прибытія союзниковъ, которые только что начинаютъ прибывать въ Галлиполи. Послѣднія мѣры султана, уничтоженіе евнуховъ, говорятъ, сильно раздражило турокъ; можетъ быть, оно произведетъ возстаніе противъ него, и этимъ можно будетъ воспользоваться. Новаго покуда еще ничего не знаю. Заключенъ ли договоръ нейтралитета Пруссіею съ Австріею, сюда еще не дошло, но были большія пренія и несогласія; лишь бы король устоялъ въ своемъ намѣреніи.

Сегодня скончался здѣсь почтенный прусскій посланникъ генералъ Роховъ,—большая потеря для добраго дѣла. Онъ былъ лично намъ преданъ и весьма благомыслящъ. Не знаю кѣмъ его замѣнятъ.

Флотъ англійскій въ финляндскомъ заливѣ, ждемъ скораго нападенія; да поможетъ намъ Господь милосердный хорошо отбиться.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Да хранитъ тебя Господь. Богъ съ тобой.—На вѣки твой искренно доброжелательный

Николай.

Обними Горчакова и нашимъ всѣмъ поклонъ.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

Крѣпость Измаилъ.—11-го апрѣля 1854 г.

Христосъ воскресе, всемилостивѣйшій государь! Никогда еще не приносилъ я сего поздравленія В. И. В—ву въ болѣе тяжкихъ обстоятельствахъ.—Отъ ген.-ад. Сакена получено представляемое въ копіи донесеніе, что 29 вымпеловъ англо-французскаго флота пришли 8-го апрѣля къ Одессѣ и стали въ трехъ верстахъ. Въ то же время показываются въ Кистенджи партіи турковъ и французовъ съ артиллеріею; на счетъ же Австріи отъ барона Мейендорфа я не имѣю еще никакого отвѣта [1]). Между тѣмъ, осмотрѣвъ весь нижній Дунай отъ Гирсова до Измаила и позиціи на ономъ—я убѣдился, что въ случаѣ войны съ Австріею держаться на Дунаѣ и въ княжествахъ будетъ невозможно. Поэтому нельзя предпринять никакихъ движеній впередъ до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи.—Еслибы предложенія германскихъ державъ были такого рода, что В. В—ву не благоугодно будетъ принять ихъ,—въ такомъ случаѣ намъ совершенно необходимо имѣть по крайней мѣрѣ двѣ или три недѣли времени до разрыва съ Австріею, для занятія болѣе надежной позиціи; но, можетъ быть, лучше бы избѣжать принужденія оставить княжества, добровольно ихъ очистивъ, для того, чтобы быть сильнѣе въ нашихъ предѣлахъ, а вмѣстѣ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами [2]).

Сегодня я ѣду въ Букарестъ, откуда буду имѣть счастіе донести о здѣшнихъ дѣлахъ подробно. Припадая и пр.

Примѣчаніе. Не довольствуясь этимъ письмомъ, князь Варшавскій еще подробнѣе развилъ свои мысли о положеніи дѣлъ, по пріѣздѣ въ Букарестъ, во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 22-го апрѣля. Въ запискѣ этой встрѣчается слѣдующее любопытное заключеніе:

«Чего мы требовали отъ Турціи для христіанъ, подвластныхъ ей, то—и

---

[1]) Сообщая барону Мейендорфу, что г.-л. Липранди предписано отступить отъ Калафата, а Фонтонъ отозванъ изъ Сербіи, князь Варшавскій просилъ увѣдомить его, черезъ два дня по полученіи письма, какое вліяніе это произведетъ на Австрію; будетъ ли она съ Россіею въ войнѣ, когда будетъ въ состояніи начать дѣйствія; начнетъ ли ихъ безъ предварительнаго объявленія войны или завяжетъ переговоры и будетъ ожидать отвѣта изъ С.-Петербурга и, наконецъ, въ чемъ состоитъ протоколъ, недавно подписанный Австріею.

[2]) Предложенія князя Варшавскаго, изложенныя въ этомъ письмѣ, возбудили сильнѣйшее неудовольствіе императора Николая, высказанное въ помѣщенномъ ниже письмѣ государя отъ 17-го апрѣля 1854 г. Ред.

даже больше, она дала имъ уже. Стояли мы въ княжествахъ только чтобъ принудить Турцію къ тому, что ею нынѣ уже сдѣлано. Правда, она сдѣлала это не для насъ, но для французовъ и англичанъ—своихъ союзниковъ. Тѣмъ лучше: союзники станутъ, а можетъ быть, и дѣлаются уже ей ненавистнѣе и непріятеля, и если французы и англичане слишкомъ долго будутъ оставаться у нея въ гостяхъ,—быть можетъ, она къ намъ же прибѣгнетъ съ просьбою о защитѣ отъ нихъ.

«Въ настоящую минуту мы должны бы воспользоваться случаемъ и, не ожидая приготовляющихся намъ вопросовъ [1]), предупредить ихъ, а для того: сообщить Австріи и Пруссіи, что мы выходимъ изъ княжествъ, предоставляя западнымъ державамъ охраненіе обѣщанныхъ имъ отъ Турціи правъ для подвластныхъ ей христіанъ.

«Если Австрія и Пруссія не успѣютъ убѣдить Францію и Англію не трогать княжествъ, тогда, по крайней мѣрѣ, германскія державы, видя, что мы соглашаемся на ея требованія, не будутъ противъ насъ».

Для подтвержденія своихъ доводовъ въ пользу невозможности начать осаду Силистріи, фельдмаршалъ ссылался даже въ этой запискѣ на князя Горчакова, хотя самъ говорилъ о немъ, что князь Михаилъ Дмитріевичъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія и соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній преподастъ ему совѣтъ. Само собою разумѣется, что князь Горчаковъ, привыкшій во время многолѣтняго служенія своего при Паскевичѣ безусловно подчиняться волѣ «знаменитаго полководца», слѣпо повторялъ въ запискахъ и письмахъ военному министру доводы, приводимые фельдмаршаломъ для оправданія принятой на Дунаѣ системы бездѣйствія.—Неудивительно поэтому, что князь Горчаковъ написалъ 22-го апрѣля князю Долгорукову письмо, о которомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ упоминаетъ фельдмаршалъ:

«Ген.-ад. кн. Горчаковъ, который и до моего пріѣзда предполагалъ не осаждать Силистрію, но сдѣлать движеніе къ ней съ тою только цѣлью, чтобы сохранить какъ можно долѣе въ своихъ дѣйствіяхъ видъ чисто наступательный, въ чемъ находилъ большія выгоды, теперь, какъ это видно изъ письма его къ кн. Долгорукову, того мнѣнія, что движеніе къ Силистріи нѣсколько рискованно и что осаду теперь начать было бы невозможно».

Императоръ Николай кн. Варшавскому.

С.-Петербургъ.—13-го (25-го) апрѣля 1854 г.

Вчера вечеромъ получилъ я твое письмо, любезный отецъ командиръ, изъ Фокшанъ, отъ 5-го (17-го) апрѣля.—Крайне жалѣя, что ты успѣлъ уже имѣть лихорадку, надѣюсь на милость Божію, что не повторится, ежели будешь нѣсколько остороженъ въ кушаньи и употребишь предохранительные порошки, которыми тебя снабдилъ Мандтъ. Опасаюсь и за Горчакова, чтобъ прежній его недугъ вновь его не

[1]) Отъ Австріи и Пруссіи: 1) Предполагаемъ ли мы остаться въ оборонительномъ положеніи за Дунаемъ? 2) Когда войска наши оставятъ княжества? Баронъ Мейендорфъ писалъ кн. Варшавскому, что державы эти готовятся предложить намъ, въ видѣ ультиматума, поименованные здѣсь вопросы. Ред.

одолѣлъ, что было бы настоящее несчастіе въ теперешнюю важную минуту. Кажется мнѣ, что ты весьма здраво поступилъ рѣшась двинуться къ Силистріи и оттянуть Липранди къ Краіову. Пойдутъ ли за нимъ турки—будетъ случай ихъ заставить дорого за это заплатить.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, на врядъ-ли раньше конца мая всѣ союзныя войска могутъ быть собраны въ Царьградѣ, потому никакъ не полагаю, чтобъ они въ силахъ могли подоспѣть на соединеніе съ турками, до обложенія Силистріи, а можетъ быть, и еще позднѣе. Быть можетъ, что они будутъ дѣлать частныя диверсіи малыми высадками на лѣвомъ нашемъ флангѣ, но на врядъ-ли удаляться могутъ отъ берега моря, за невозможностію перевезти лошадей для артиллеріи и обозовъ, а еще менѣе для кавалеріи; почему эти высадки не могутъ представить большой опасности.—Важно будетъ, кажется, устроить новую переправу у Калараша, для ближайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ войсками на лѣвомъ берегу. Думаю, что двухъ дивизій 4-го корпуса, для прикрытія праваго фланга и Букареста, должно быть достаточно, такъ что, вѣроятно, найдешь возможнымъ имѣть съ собой у Силистріи не менѣе четырехъ дивизій пѣхоты. Съ этимъ можно смѣло, думаю я, встрѣтить враговъ.

Про Австрію ничего новаго и положительнаго не знаю. Говорятъ, будто новый договоръ съ Пруссіею заключенъ, объ вооруженномъ нейтралитетѣ; условій не знаю.—Здѣсь покуда все хорошо; резервы пришли; сегодня смотрю гвардію.

Письмо мое было дописано до этого мѣста, когда прибылъ курьеръ отъ Мейендорфа; хотя онъ новаго ничего не пишетъ, но вотъ одно мѣсто его письма, которое, по соглашеніи со всѣми прочими свѣдѣніями, очень важно: „Avant le 1-er Juin n. style, les alliés ne seront pas encore sur les lieux, encore sans chevaux. On en demande à Vienne 1500 pour les Français.... L'armée Turque, à ce que l'on sait ici, est dans un état déplorable et ne peut pas finir la campagne. Ainsi donc le maréchal a tout le temps de prendre Silistrie et même Roustchouk".

Вотъ его слова. Къ сему я прибавлю, что быть не можетъ, чтобъ ранѣе шести недѣль прибыло къ туркамъ противъ тебя, или англичанъ или французовъ, болѣе, много что 25,000, и то съ плохо запряженной артиллеріей и еще худшей кавалеріей. Потому—въ полѣ, т. е. въ равнинѣ, мы должны ихъ встрѣтить съ полной выгодой нашей сильной артиллеріею и славной кавалеріею. Очень полезно теперь стараться поднять болгаръ и вести партизанскую войну, хоть для того, чтобъ затруднить ихъ сообщенія между Шумлою и дунайскими крѣпостями. Повторяю, что надѣюсь на милость Божію, что намѣре-

нія наши могутъ вполнѣ исполниться, ежели теперешнимъ удобнымъ временемъ воспользоваться.

Рѣшилъ ли ты объ драгунскомъ корпусѣ и какое полагаешь дать ему назначеніе? Кромѣ пользы при арміи за Дунаемъ, онъ могъ бы тоже очень полезно обезпечивать и правый нашъ флангъ, противъ Малой Валахіи, ежели оставить тутъ же, или у Букареста, одну дивизію 4-го корпуса; а тогда двѣ могли бы взяты быть за Дунай, или къ Силистріи, или, быть можетъ, переправиться черезъ Дунай, ближе къ Рущуку, ежели на то способы въ Аржисѣ достаточно приготовлены. Кажется, все сіе зависѣть будетъ отъ того: 1) пойдутъ ли турки за Липранди изъ Калафата, 2) будетъ ли Омеръ-паша препятствовать повступленію нашему къ Силистріи. Вѣроятно, все это уже теперь объяснилось. Да поможетъ намъ Господь.

Съ Кавказа извѣстія хороши, такъ что просятъ разрѣшенія наступать до прибытія десантовъ, которые, кажется, теперь еще не скоро будутъ, а до того можно успѣть турокъ на голову разбить, тѣмъ болѣе, что они тамъ въ большомъ разстройствѣ.

У Хомутова собралось теперь 27 баталіоновъ отличныхъ, чего черезъ чуръ довольно, такъ что скоро, полагаю, можно будетъ у него взять бригаду 17-й дивизіи и перевесть въ Крымъ.

Вотъ покуда и все. — Гвардейская резервная дивизія въ такомъ превосходномъ видѣ представилась, что невозможно ничего лучше сего видѣть, ни желать.—Просто изумительно.

Богъ съ тобой, мой любезный отецъ командиръ; будь здоровъ и обрадуй насъ скоро пріятной вѣсточкой. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброжелательный Николай.

Обними Горчакова; каковъ онъ? Всѣмъ нашимъ мой поклонъ.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

Букарестъ.—15-го апрѣля 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Ночью полученъ рапортъ ген.-ад. барона Сакена о дѣйствіяхъ непріятельскаго флота противъ Одессы. Рапортъ сей я сообщилъ военному министру для всеподданнѣйшаго доклада. Кажется, что непріятель можетъ сжечь только нижній городъ, но баронъ Сакенъ въ состояніи будетъ держаться противъ ихъ десантовъ.

Письмо В. И. В—ва отъ 1-го апрѣля имѣлъ счастіе получить, и осмѣливаюсь представить при семъ записку о настоящемъ положеніи

дѣлъ [1]).—Осмотрѣвъ весь нижній Дунай, отъ Измаила до Букареста, я нашелъ войска, вездѣ гдѣ ихъ видѣлъ, въ весьма хорошемъ положеніи: люди бодры, имѣютъ здоровый видъ и духъ прекрасный. — Распоряженія князя Горчакова по части внутренняго управленія я нашелъ очень хорошими. Распоряженія военныя сдѣланы съ цѣлію наступательныхъ дѣйствій. Для исполненія ихъ, во всякомъ случаѣ, если бы даже я здѣсь не былъ, требовалось бы то же самое время какъ и теперь [2]). Въ Гирсовѣ, узнавъ о невѣрныхъ отношеніяхъ нашихъ къ Австріи, вслѣдствіе подписаннаго ею протокола, вмѣстѣ съ Англіею и Франціею, равно и о появленіи въ то же время непріятельскихъ флотовъ у Одессы,—я видѣлъ себя вынужденнымъ приготовить армію къ отступательному движенію, за Серетъ; но, въ Букарестѣ, получивъ извѣстіе, что Австрія не можетъ быть готова ранѣе

---

[1]) Приводимъ изъ этой записки отъ 15-го апрѣля отрывокъ, касающійся любимой мысли князя Варшавскаго, а именно необходимости отступленія изъ княжествъ, справедливо возбуждавшей неудовольствіе императора Николая.

«Когда я былъ въ Гирсовѣ, получено было извѣстіе, что Австрія подписала, вмѣстѣ съ Франціею и Англіею, протоколъ, съ цѣлію дѣйствовать согласно съ ними для того, чтобы принудить насъ оставить княжества.

«И такъ, если бы, въ одно время съ высадкою французовъ, Австрія объявила намъ войну и угрожала намъ съ праваго фланга и въ тылу, то нѣтъ сомнѣнія, что положеніе нашей арміи было бы такъ затруднительно, что мы принуждены были бы бѣжать изъ княжествъ (!!!) и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля, будучи преслѣдуемы всѣми силами Турціи, и тогда могли бы потерять половину арміи.

«Въ предупрежденіе столь тяжкаго положенія, благоразуміе требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества, и стать въ другой позиціи, гдѣ мы можемъ быть также сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ.

«Позиція сія должна быть за Серетомъ, даже за Прутомъ».

Въ заключеніи этой записки сказано, что около Силистріи будутъ сосредоточены, «не смотря ни на какія преграды», 8-я, 9-я и 15-я пѣхотныя дивизіи и два полка кавалеріи. «Съ сими войсками, если обстоятельства будутъ благопріятны, можно начать осаду».

[2]) Съ этимъ мнѣніемъ князя Паскевича нельзя согласиться. Уже 2-го апрѣля князь Горчаковъ писалъ генералу Лидерсу изъ Фокшанъ: «Я ожидаю сюда генералъ-фельдмаршала часъ на часъ и вѣроятно ваше высокопр—во скоро получите повелѣніе двинуться правымъ берегомъ Дуная къ Силистріи; прошу приготовиться къ сему». — Между тѣмъ, 14-го апрѣля фельдмаршалъ посылаетъ изъ Букареста приказаніе двинуться, 17-го числа, только въ Черноводы (т. е. всего на два перехода отъ Гирсова), гдѣ онъ пробылъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи до 30-го апрѣля, въ ожиданія приказанія наступать къ Силистріи.—Во всякомъ случаѣ подобный образъ дѣйствій представляетъ весьма оригинальный способъ «извлекать возможную пользу изъ настоящихъ обстоятельствъ», какъ сказано въ предписаніи генералу Лидерсу отъ 14-го апрѣля. Ред.

5-ти или 6-ти недѣль, я приказалъ войскамъ, не смотря на предстоящія затрудненія, начать движеніе къ Черноводамъ и Силистріи [1]). Конечно, въ случаѣ войны съ Австріею и десантовъ,—взятіе Силистріи не представитъ намъ большихъ выгодъ, ибо, отдаляя насъ на 90 верстъ отъ пункта высадки французовъ въ Каварнѣ или Кистенджи, оно не помѣшаетъ имъ дѣйствовать на нижнемъ Дунаѣ; а мы, взявъ даже Силистрію, въ случаѣ войны съ Австріею, должны будемъ отойти. Я рѣшился однако на наступательное движеніе потому, что оно, можетъ быть, отвлечетъ высадки на Черноморскіе берега и можетъ произвести вліяніе на турковъ.—Не скрою однако отъ В. В—ва, что, въ случаѣ войны съ австрійцами, мы будемъ въ жестокомъ положеніи.—Сдѣлавъ распоряженія по движенію войскъ, я надѣюсь, что если и не возьмемъ Силистріи, то, можетъ быть, наткнемся на турковъ; а по крайней мѣрѣ я познакомлюсь съ войсками и увижу до какой степени они способны маневрировать въ массахъ, въ виду непріятеля.—Если по причинамъ, подробно въ представляемой запискѣ изложеннымъ, мы не успѣли подступить къ Силистріи или принуждены были отойти, и впредь, до перемѣны обстоятельствъ, ограничиться положеніемъ оборонительнымъ — то я думаю, оставивъ дальнѣйшее распоряженіе князю Горчакову, самому ѣхать посмотрѣть, чтó будетъ дѣлаться у генерала барона Сакена, особливо если дѣла примутъ тамъ невыгодный оборотъ [2]).

---

[1]) Т. е. только къ Черноводамъ.

[2]) Въ упоминаемой запискѣ отъ 15-го апрѣля фельдмаршалъ находилъ, что взятіе Силистріи представляло слѣдующія затрудненія:

«1) Она сильно укрѣплена и подходъ къ ней не легокъ (!!?).

«2) Батареи наши съ лѣваго берега могутъ вредить и даже выжечь городъ, но не сбить укрѣпленія, устроенныя на возвышенностяхъ.

«3) Турки въ крѣпостяхъ хорошо защищаются, а ихъ собрано до 12,000; легкость же переправы нашей объясняется тѣмъ, что на нижнемъ Дунаѣ турки не имѣли ни одной крѣпости.

«4) Имѣя дѣло съ одними турками, еще можно надѣяться (!!!) на успѣхъ, хотя Омеръ-паша можетъ дѣйствовать такъ, что трудно будетъ производить осаду крѣпости (???). Но если онъ съ 30 или 40,000 станетъ между Силистріею, главнымъ горнверкомъ на самой большой возвышенности и другими укрѣпленіями, на пространствѣ до двухъ верстъ,—то какъ бы ни велика была убыль непріятельскаго гарнизона, онъ можетъ безпрепятственно пополнять ее, и тогда нельзя будетъ взять Силистрію, не разбивъ прежде его арміи, а разбить ее между четырьмя укрѣпленіями весьма трудно. — Но если, когда еще мы не возьмемъ крѣпости, у насъ на флангѣ появятся французы, въ соединеніи съ Омеръ-пашою, чтò можетъ составить армію въ 80 или 90,000, то наше положеніе дѣлается затруднительнымъ.

«5) Притомъ мы можемъ встрѣтить другое препятствіе, значительно увели-

Здѣсь я нашелъ давно знакомые мнѣ холодныя ночи и знойные дни, отъ которыхъ чувствую лихорадочныя движенія.

P. S. Сейчасъ получилъ я отъ графа Ридигера увѣдомленіе, что въ Царствѣ Польскомъ, какъ между жителями, такъ и въ войскахъ, все благополучно и спокойно.—Онъ счелъ нужнымъ привести въ оборонительное положеніе Новогеоргіевскую крѣпость.

Императоръ Николай — кн. Варшавскому [1]).

С.-Петербургъ.—17-го (29-го) апрѣля 1854 г.

Съ крайнимъ огорченіемъ и съ неменьшимъ удивленіемъ получилъ я сегодня утромъ твое письмо, любезный отецъ командиръ, писанное изъ Измаила 11-го (23-го) числа. Тѣмъ болѣе оно меня огорчило и поразило, что совершенно противорѣчитъ тѣмъ справедливымъ надеждамъ, которыя въ меня вселило послѣднее твое письмо, столь согласное съ моими желаніями и съ моей непремѣнной волей, тогда какъ изъ письма твоего же не вижу ни одной уважительной причины—все бросить и отказаться отъ всѣхъ положительныхъ и рѣшительныхъ выгодъ, нами не даромъ пріобрѣтенныхъ. Неужели появленіе флотовъ у Одессы, и даже потеря ея, ежели она должна послѣдовать, были не предвидѣны? Неужели Сакенъ съ 30,000 отличнаго войска, и артиллеріей и кавалеріей сильными, не можетъ и не долженъ остановить всякіе успѣхи съ той стороны, даже ежели бы и былъ на флотѣ хотя нѣсколько значительный десантъ? А сего и быть не можетъ по всѣмъ свѣдѣніямъ, мнѣ доставленнымъ и ежедневно подтверждающимся. Неужели — появленіе какихъ-то французскихъ партій съ артиллеріей у Кистенджи, тогда какъ ихъ туда просить надобно, чтобы навѣрное уничтожить? Право стыдно и подумать. И такъ, остается боязнь появленія австрійцевъ. Дѣйствительно, могло бы быть дурно мѣсяцъ тому, когда мы были слабы и войска, съ тѣмъ предвидѣніемъ приведенныя, не были еще на мѣстахъ. Но они уже тамъ. Да и нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобъ подобное нападеніе готовилось теперь, и развѣ когда бы мы двинулись къ Балканамъ, чего мы и

чивающее затрудненія: это разливъ Дуная; тогда мосты наши будутъ недостаточны, и переправа можетъ быть только на судахъ.

«Если бы пришлось встрѣтить европейскія войска въ соединеніи съ турецкими, имѣя съ фланга крѣпость, а съ тылу — рѣку въ разливѣ, съ невѣрною переправою,—то намъ уже держаться на правомъ берегу будетъ невозможно, и въ такомъ случаѣ, предупреждая сіи затрудненія, мы должны будемъ отойти».

[1]) Выдержки изъ этого письма напечатаны въ сочиненіи М. И. Богдановича: Восточная война 1853—1856 гг. Ред.

не затѣваемъ. Вчера же черезъ Берлинъ получены свѣдѣнія и еще болѣе положительныя, что они только насъ стращать хотятъ, чтобъ задержать наши успѣхи, и что они насъ не атакуютъ, и въ Сербію не хотятъ войти, боясь у себя въ тылу возмущенія. Словомъ, эта опасность дальняя и во многомъ измѣниться можетъ по нашимъ успѣхамъ. Между тѣмъ, время дорого; мы положительно знаемъ, что ни французы, ни англичане, въ силахъ и устройствѣ не могутъ примкнуть къ Омеръ-пашѣ, развѣ какъ въ іюнѣ, и, при такихъ выгодныхъ данныхъ, мы все должны бросить даромъ, безъ причинъ, и воротиться со стыдомъ!!! Мнѣ право больно и писать подобное.—Изъ сего ты положительно видишь, что я отнюдь не согласенъ съ твоими странными предложеніями, а, напротивъ, требую, чтобы ты самымъ дѣятельнымъ образомъ исполнилъ свой прежній прекрасный планъ, не давая сбивать себя опасеніями, которыя ни на чемъ положительномъ не основаны. Здѣсь стыдъ и гибель, тамъ честь и слава! А буде бы австрійцы измѣннически напали, разбей ихъ 4-мъ корпусомъ и драгунами, — станетъ и этого для нихъ. Ни слова больше; — ничего прибавить не могу.

Изъ Одессы ничего не знаю, кромѣ начатія бомбардировки 10-го (22-го) числа. Буди воля Божія: — жаль города и жителей; но и Москва горѣла, а мы были въ Парижѣ; на Бога наша надежда. Унывать было бы срамъ. Николай.

18-го (30-го) апрѣля 1854 г.

Сегодня утромъ имѣлъ я пріятное извѣстіе отъ Сакена, что, благодаря Бога, первая попытка союзниковъ нехристей отражена съ честію и славой. Спасибо Сакену и его всѣмъ подчиненнымъ, распорядились молодцами. Духъ славный, прямо русскій, и съ нимъ я надѣюсь на милость Божію, что потеря Одессы, ежели ей быть, отплатится дорого варварамъ. Чего не ожидать отъ такихъ войскъ, когда рѣшимость ими водитъ! Нѣтъ невозможнаго! Ты такъ всегда велъ дѣла, меня такъ училъ, и твоихъ уроковъ не забылъ и не забуду. Теперь ожидаю отъ тебя, что ты сіе вновь покажешь къ чести и пользѣ Россіи и къ новымъ лаврамъ на твое чело. Аминь.

Сейчасъ (получилъ) донесеніе Сакена. 13-е (25-е) число прошло безъ дѣла, и онъ употребилъ въ пользу, исправивъ поврежденную батарею и усиливъ оборону; все прекрасно и Бога благодарить должно, что потеря наша столь умѣренна, въ сравненіи жестокаго огня; почти непонятно.

Вѣроятно, что они изберутъ другой образъ атаки; по всему видно,

что у нихъ еще десантныхъ войскъ не было, какъ мы здѣсь знали. Долгорукій посылаетъ тебѣ довольно любопытное письмо Бенкендорфа, онъ тоже подтверждаетъ все, что тебѣ пишу.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Да хранитъ и наставитъ тебя Господь. Богъ съ тобой; на вѣки твой искренно доброжелательный Николай.

Ожидаю нетерпѣливо твоего донесенія, что Лидерсъ подъ Силистріею и удалось-ли устроить новую переправу у Калараша.

Ради Бога, не упускай драгоцѣннаго времени. Н.

Примѣчаніе. Письмо это было отправлено на Дунай съ зятемъ фельдмаршала, флигель-адъютантомъ маіоромъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. О пріемѣ, сдѣланномъ ему княземъ Варшавскимъ 29-го апрѣля въ Калараше, см. въ «Русской Старинѣ» 1875 г. статью: «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну». Вслѣдствіе грознаго письма государя, фельдмаршалъ немедленно двинулъ генерала Лидерса къ Силистріи и открылъ осадныя работы. См. ниже отвѣтъ кн. Варшавскаго на письмо государя отъ 29-го апрѣля 1854 года. Ред.

Императоръ Николай — кн. Варшавскому.

С.-Петербургъ.—24-го апрѣля 1854 г.

Третьяго дня вечеромъ, обрадованъ былъ полученіемъ твоего письма, любезный отецъ командиръ, изъ Букареста, отъ 15-го (27-го) апрѣля. И могло ли быть иначе, ибо все его содержаніе совершенно согласно съ моими желаніями, убѣжденіями и непремѣнной волей. Прочее, какъ и все, въ рукахъ Божіихъ! Съ тѣхъ поръ воротился изъ Берлина, вчера, племянникъ мой, принцъ Мекленбургскій, съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что никогда король на насъ не обратится, и что положительно знаетъ, что никогда Австрія не атакуетъ нашихъ границъ. Сегодня же воротился изъ Вѣны генералъ-адъютантъ Гринвальдъ. Всѣ имъ привезенныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что насъ атаковать не намѣрены, что очень рады будутъ, чтобы мы взяли Силистрію и даже Рущукъ; а императоръ велѣлъ ему мнѣ передать, что ежели-бъ турки хотѣли занять Малую Валахію, то онъ ихъ къ сему не допуститъ, а займетъ самъ. Всѣ военные въ одинъ голосъ противъ войны съ нами и были не только ласковы, но даже явно отличали Гринвальда, и въ головѣ всѣхъ Радецкій, Виндишгрецъ и Нюдженть, а Шликъ ему сказалъ, что ежелибъ была война, то откажется служить.

Между тѣмъ свѣдѣнія объ высадкѣ войскъ подтверждаютъ, что они въ большой нуждѣ, и покуда безъ лошадей и артиллеріи,—такъ

что сами говорятъ, что ранѣе, по крайней мѣрѣ, трехъ мѣсяцевъ ничего въ даль предпринимать не могутъ.

Куды какъ все это хорошо! Надо это драгоцѣнное время употребить въ пользу. Пора поднять болгаръ, сколько можно, и не мѣшало бы имъ войти въ сношеніе съ сербами. Какъ я буду нетерпѣливо ожидать дальнѣйшихъ донесеній: время самое рѣшительное.

Здѣсь покуда новаго ничего. Море чисто, льда нѣтъ и потому мы, какъ на форпостахъ, совершенно на-готовѣ. Сегодня флотъ началъ вытягиваться на малый рейдъ и благополучно сталъ по мѣстамъ. Союзный флотъ былъ въ виду Аланда, но атаки еще не было.

Жалѣю, что ты опять чувствовалъ лихорадку; ради Бога, будь остороженъ.

Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. На вѣки твой искренно доброжелательный Николай.

Обними Горчакова, нашимъ всѣмъ поклонъ.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

М. Каларашъ подъ Силистріею.—29-го апрѣля 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Письмо В. И. В—ва отъ 17-го (29-го) апрѣля привезъ мнѣ флигель-адъютантъ князь Лобановъ.—По предначертанному плану полагалось: по совершеніи переправы на нижнемъ Дунаѣ, до объясненія обстоятельствъ со стороны Австріи и намѣреній десантовъ, выжидать окончанія лѣта, а въ августѣ приступить къ осадѣ Силистріи.—Въ случаѣ же, когда бы Австрія была противъ насъ, позиціи нашихъ войскъ назначены были на Бузео, Рымникъ и за Серетомъ. Съ симъ окончательно утвержденнымъ планомъ пріѣхалъ я сюда [1]). Между тѣмъ, князь Горчаковъ совершилъ переправу, занялъ

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» 1876 г. (октябрь) «Новый планъ кампаніи на 1854 годъ, собственноручно начертанный императоромъ Николаемъ Павловичемъ». Послѣ удачно совершенной переправы черезъ Дунай, послѣдствія которой превзошли ожиданія, государь, вслѣдствіе измѣнившихся вообще обстоятельствъ, требовалъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій и немедленной осады Силистріи; это видно изъ напечатанной въ нашемъ изданіи, «Русской Старинѣ», переписки императора Николая съ фельдмаршаломъ и кн. Горчаковымъ.—Князь Варшавскій самъ въ одной изъ своихъ записокъ справедливо замѣчаетъ: «Перемѣна обстоятельствъ требуетъ и измѣненія плана дѣйствій. Одного плана въ войнѣ держаться нельзя: онъ измѣняется безпрерывно по случайностямъ войны и движеніямъ непріятеля». (Записка отъ 22-го апрѣля 1854 г.)—Между тѣмъ, въ выше напечатанномъ письмѣ отъ 29-го апрѣля, фельдмаршалъ старается оправдать нерѣшительность своего образа дѣйствій утвержденнымъ планомъ кам-

Гирсово и сдѣлалъ приготовленія къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Чтобъ не остановить сдѣланныхъ имъ приготовленій, я приказалъ отрядъ генерала Лидерса подвинуть къ Черноводамъ, предполагая подвести его къ Силистріи когда будетъ готовъ мостъ. Мостъ съ лѣваго берега оконченъ только вчера, Лидерсу приказано сдвинуться къ Силистріи и съ прибытіемъ его отряда будетъ наброшенъ другой мостъ съ острова на правый берегъ. Времени я потерялъ дня три или четыре [1]), ожидая извѣстій изъ Австріи.—Приступая къ Силистріи, я счелъ долгомъ донести о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя должны при семъ встрѣтиться, особенно если въ то же время Австрія противъ насъ. Но какъ В. В—во изволите мнѣ нынѣ сообщить, что австрійцы не атакуютъ насъ до конца іюня, и что отношенія наши съ Пруссіею лучше, чѣмъ можно было ожидать, то и осада Силистріи будетъ открыта черезъ три или четыре дня. По мнѣнію ген.-ад. Шильдера, осада продолжится менѣе двухъ недѣль [2]), или, какъ князь Горчаковъ полагаетъ, три или четыре недѣли.—Сегодня пробовали бомбардированіе города.

Я вызвалъ сюда генерала Шабельскаго, которому поручаю войска для защиты противу австрійцевъ, со стороны Молдавіи, могущихъ насъ атаковать изъ Буковины и Трансильваніи; ибо въ Каменцѣ мы ихъ не ожидаемъ. Корпусъ его будетъ состоять: изъ 6-й пѣхотной дивизіи, восьми резервныхъ баталіоновъ, въ Каменцѣ и въ Хотинѣ расположенныхъ, резервнаго кирасирскаго корпуса и 1-й драгунской дивизіи.—Можетъ быть, для распоряженій по сему предмету и мнѣ

паніи, который необходимо было давно измѣнить согласно высочайшей волѣ, ясно и настоятельно выраженной неоднократно императоромъ въ перепискѣ съ главнокомандующимъ.

[1]) Относительно стараній кн. Варшавскаго оправдать свое непростительное бездѣйствіе, слѣдуетъ замѣтить, что, въ сущности, мы потеряли даромъ все время отъ переправы черезъ Дунай, 11-го марта, до конца апрѣля, т. е. около шести недѣль, но отнюдь не три или четыре дня. Тщетно императоръ Николай требовалъ отъ своего полководца не упускать драгоцѣннаго времени, между тѣмъ какъ дунайская армія осуждена была на одно безцѣльное маневрированіе, сохраняя только для вида наступательный характеръ. Въ выигрышѣ осталась одна Австрія.

Выше было уже упомянуто о движеніи генерала Лидерса на Черноводы и далѣе къ Силистріи.

[2]) Кн. Варшавскій не упомянулъ только о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ген. Шильдеръ полагалъ овладѣть Силистріей въ скорѣйшее время, а именно: при полномъ обложеніи крѣпости; между тѣмъ, до самаго снятія осады, фельдмаршалъ не соглашался блокировать крѣпость, а при такомъ образѣ дѣйствій ускоренная атака была неосуществима, да и систематическая, постепенная атака не могла обѣщать особаго успѣха. Ред.

придется ѣхать на мѣсто; а также, можетъ быть, къ ген.-ад. Сакену, который ожидаетъ новыхъ нападеній. Здѣсь же, у князя Горчакова, все идетъ въ порядкѣ. Припадая и пр.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

М. Калараш.—3-го мая 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Имѣю счастіе принести В. И. В—ву всеподданнѣйшее поздравленіе съ успѣхомъ, одержаннымъ надъ непріятелемъ въ морѣ подъ Одессою, 30-го минувшаго апрѣля [1]). Представляя два флага, снятые съ англійскаго парохода-фрегата „Тигръ", и подлинный рапортъ ген.-ад. Сакена, поспѣшаю о здѣшнихъ дѣлахъ донести только, что отрядъ генерала Лидерса, задержанный препятствіями на пути, прибудетъ лишь завтра къ Силистріи, куда, какъ замѣчено нынѣшнюю ночь, пришло еще до 5,000 непріятельской кавалеріи.

Съ другой стороны, сейчасъ получена телеграфическая депеша барона Мейендорфа, при семъ представляемая; изъ нея видно, что, подъ предлогомъ увеличенія числа войскъ нашихъ на границахъ Австріи, она значительно усиливаетъ свою армію въ Галиціи и Трансильваніи. Мы, однако, не усиливали войскъ на границѣ австрійской и не придвигали резервовъ изъ Яссъ, гдѣ никакихъ войскъ не имѣли; слѣдовательно, полагать должно, что Австрія ищетъ только предлога къ войнѣ, оканчивая свои вооруженія.—Баронъ Мейендорфъ говоритъ, что австрійцы будутъ готовы только черезъ шесть недѣль; но кажется, что, говоря о Балканахъ, они стараются только выиграть время, вводя насъ въ заблужденіе для того, чтобы, собравъ всѣ свои силы, дать болѣе вѣсу своимъ требованіямъ. Не смотря на увеличивающіяся такимъ образомъ затрудненія, которыхъ не могу скрыть передъ В. В—мъ, я, съ прибытіемъ отряда Лидерса, начну осаду Силистріи. Она потребуетъ много времени и потому еще, что прежде всего необходимо устроить укрѣпленный лагерь и тетъ-де-понъ.

Примѣчаніе. Приступая къ осадѣ Силистріи, фельдмаршалъ располагалъ такими силами (56 бат., 30 эск., 15 сотень и 17 батарей при 52 осадныхъ орудіяхъ), какія еще никогда не были сосредоточены, въ предшествовавшія войны

---

[1]) Одинъ изъ англійскихъ пароходовъ, «Тигръ», 30-го апрѣля утромъ, вслѣдствіе необыкновенно густаго тумана, сѣлъ на мель подъ крутымъ берегомъ, у дачи Картаци, въ шести верстахъ къ югу отъ Одессы. Благодаря мѣткимъ выстрѣламъ быстро прибывшей полевой артиллеріи, сдѣлавшимъ нѣсколько пробоинъ въ пароходѣ, англичане спустили флагъ и экипажъ сдался военноплѣннымъ (капитанъ, 24 офицера и 200 нижнихъ чиновъ). Ред.

съ Портой, ни противъ одной изъ турецкихъ крѣпостей; численность этихъ войскъ постепенно возрасла до 90,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе всей осады, предпринятой княземъ Варшавскимъ противъ собственнаго убѣжденія, только благодаря настоятельному требованію императора Николая Павловича, полководецъ нашъ постоянно опасался появленія Омеръ-паши подъ стѣнами Силистріи, когда этого именно и желать надо было, чтобы разбить турокъ въ открытомъ полѣ, благодаря сосредоточенной здѣсь 90,000-й арміи. Опасенія эти были столь велики, что фельдмаршалъ совершенно отказался отъ обложенія осаждаемой крѣпости и занялся устройствомъ укрѣпленнаго лагеря къ востоку отъ Силистріи, желая создать для нашей арміи оплотъ на случай появленія здѣсь турокъ съ союзниками. Съ своей стороны, Омеръ-паша проводилъ время въ Шумлѣ въ неменьшемъ страхѣ, готовясь ежедневно получить извѣстіе о паденіи Силистріи и опасаясь появленія русскихъ войскъ предъ твердынею, служившей убѣжищемъ для его арміи въ ожиданіи прибытія англо-французовъ. Военная исторія не представляетъ втораго подобнаго примѣра двухъ главнокомандующихъ, которые, опасаясь другъ друга жесточайшимъ образомъ, не двигались бы съ мѣста. Ред.

Императоръ Николай—кн. Варшавскому.

С.-Петербургъ.—7-го (19-го) мая 1854 г.

Вчера послѣ обѣда прибылъ фельдъегерь съ твоимъ письмомъ отъ 29-го апрѣля (10-го мая), любезный отецъ командиръ, и я очень былъ обрадованъ твоимъ рѣшеніемъ приступить къ осадѣ Силистріи. Равномѣрно распоряженіе твое подчинить войска, обезпечивающія оконечность твоего праваго фланга, начальству Шабельскаго, нахожу весьма дѣльнымъ. Жалѣю только, что ты велѣлъ перевесть кирасирскій корпусъ въ Ушицу, гдѣ, кажется, мѣстность мало удобна для дѣйствія кавалеріи, которой и безъ того тамъ довольно.

Не могу повѣрить, чтобъ австрійцы дерзнули насъ тамъ атаковать, ибо навѣрное будутъ притиснуты, въ такомъ случаѣ, къ горнымъ дефилеямъ, намъ вполнѣ извѣстнымъ, и непремѣнно, съ помощію Божіею, будутъ разбиты. Думаю, что они не отважатся даже выйти изъ Трансильваніи въ Валахію, по той же причинѣ, ибо въ случаѣ неудачи рисковать будутъ быть притиснутыми къ горнымъ дефилеямъ, которыхъ, удобо-проходимыхъ, всего два, и легко могутъ пропасть. Но и это все ранѣе шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ быть не можетъ. Покуда авось, съ помощію Божіею, кончимъ съ Силистріею, ежели не въ три, то въ четыре недѣли, и тогда у насъ твердая нога на Дунаѣ. А ежели турки и первые прибывшіе союзники и осмѣлятся атаковать, то тогда тѣмъ лучше: будетъ намъ желаемый случай ихъ разбить въ полѣ. Тогда можно будетъ перейти и къ осадѣ Рущука, что не мудренѣе, быть можетъ, какъ брать Силистрію. Покуда увидимъ, подвинутся ли болгары и отъ нихъ и сербы.

Опасеніе десантовъ въ нашихъ предѣлахъ по Черному морю дѣлается нынѣ менѣе вѣроятнымъ, ибо извѣстно, съ какими неимовѣрными усиліями и трудомъ исполняется вся перевозка войскъ, и то почти безъ лошадей,—потому эти высадки, кажется, не представляютъ ожидавшейся опасности, да и кромѣ того, мы вездѣ готовы ихъ принять хорошо.

Весьма странный случай—взятіе англійскаго парохода „Тигръ" сухопутными войсками. Первый трофей надъ англичанами—на сухомъ пути.

Здѣсь у насъ покуда все хорошо. Былъ два раза въ Кронштадтѣ; и тамъ, и здѣсь, и на флотѣ, все готово къ пріему.

Удалось мнѣ отправить въ шхеры отсюда два баталіона канонерскихъ лодокъ, что̀ оборону очень усилитъ.

Покуда не было еще ничего, но, кажется, готовятся атаковать Гангеудъ.

Будь здоровъ, любезный отецъ командиръ, и обрадуй насъ скоро доброй вѣсточкой! Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброжелательный Николай.

Обними Горчакова и нашимъ всѣмъ поклонъ.

Примѣчаніе. 7-го же мая военный министръ писалъ кн. Горчакову: «Il faut un peu moins craindre les Autrichiens et alors tout marchera. Ces gaillards ne visent qu'à nous intimider et se rejouissent d'avoir atteint leur but en partie n'ayant presque pas les moyens matériels de soutenir leurs mesures. Quant aux Anglo-Français avant de parvenir jusqu'à Vous, il faut qu'ils mangent et marchent. Vous savez par expérience si c'est facile en Turquie, surtout quand on n'a ni chevaux, ni boeufs et qu'on est obligé de traverser un pays ruiné». Ред.

С.-Петербургъ.—11-го мая 1854 г.

Вчера утромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, съ англійскими флагами. Радуюсь очень, что велѣлъ приступить къ осадѣ Силистріи. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ продолжаю полагать, что лучшаго сдѣлать нельзя: пойдетъ ли осада спокойно, хорошо; выйдутъ ли турки съ союзниками на выручку крѣпости—тѣмъ лучше: будетъ тебѣ случай ихъ разбить. Отношенія къ намъ Пруссіи продолжаютъ быть очень дружны, и, какъ кажется, имѣютъ уже вліяніе на рѣшенія Австріи. До сей поры не получали мы никакихъ требованій отъ Австріи, которыми столь долго насъ стращаютъ, и, какъ кажется, они не иначе на это рѣшатся, какъ тогда только, когда, по настоянію Пруссіи, будутъ и союзнымъ державамъ сдѣланы равномѣрно предложенія уступокъ; посмотримъ, въ чемъ онѣ состоять будутъ. А до того не будемъ терять времени.

Ты мнѣ писалъ, что Шильдеръ обѣщаетъ черезъ двѣ недѣли взять Силистрію; я доволенъ буду, ежели и черезъ четыре недѣли! и то хорошо.

Мейендорфъ увѣдомляетъ, что сборы австрійцевъ на нашей границѣ, въ Вѣнѣ и въ Италіи, дѣлаются, чтобъ en imposer à la France et à la bourse. Дѣлай они дома что хотятъ, но не смѣй насъ трогать, и не думаю чтобъ рѣшились.

Отъ Сакена узналъ сегодня, что ты берешь уланскую бригаду 6-й дивизіи съ ея конною артиллеріею, а оставляешь ему резервную уланскую дивизію. Ты объ этомъ мнѣ не писалъ, и я жалѣю, что ты сдѣлалъ это, ибо у тебя и то кавалеріи очень много, а симъ отнимается кавалерія отъ своего корпуса и дивизія дробится; проще было бъ велѣть резервной уланской дивизіи воротиться къ своему корпусу. Объясни мнѣ тоже, зачѣмъ ты кирасирскій корпусъ привелъ въ Ушицу; казалось бы мнѣ, что кирасирскій корпусъ былъ бы гораздо нужнѣе вправо, на усиленіе Ридигера, ежели бы точно австрійцы что̀ затѣютъ противъ Польши, ибо у Ридигера только двѣ дивизіи кавалеріи, у тебя же пять дивизій и безъ кирасиръ.

Англичане начали подступать къ Финляндіи; было хорошенькое дѣло съ береговымъ отрядомъ нашимъ. Ожидаю атаки на Гангеудъ, гдѣ наши слабыя батареи не думаю чтобъ долго устояли; но и потеря не важна.

Здѣсь все тихо, готово и хорошо. Будь ты здоровъ, не бойся австрійцевъ, но съ помощію Божіею и съ твоими героями бей всѣхъ кто ни явится.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю; твой на вѣки искренно доброжелательный Николай.

От редакціи. Оканчивая печатаніе матеріаловъ, относящихся до Дунайской кампаніи 1854 года, за время, предшествовавшее открытію осадныхъ работъ противъ крѣпости Силистріи, необходимо, для уясненія послѣдующихъ событій, остановиться на одной особенности начатой тогда осады, обусловившей печальный исходъ всего этого предпріятія. Какъ уже выше упомянуто нами, фельдмаршалъ рѣшительно отказался обложить крѣпость. Въ запискѣ военному министру, отъ 11-го мая 1854 г. (изъ лагеря при кр. Силистріи), главнокомандующій объяснилъ это рѣшеніе слѣдующимъ образомъ: „Мы не можемъ держать всю крѣпость въ обложеніи, ибо для сего нужно было бы раздробляться на пространствѣ 15-ти верстъ, что̀

опасно сдѣлать, имѣя сильную непріятельскую армію (??!!), сосредоточенную между Базарджикомъ и Шумлою"[1]).

Подвергая критическому разбору подобнаго рода доводы и принимая во вниманіе численность русской арміи подъ Силистріею, невольно вспоминаешь при этомъ событія послѣдней французско-германской войны. Если бы германцы слѣдовали въ 1870 году стратегіи князя Варшавскаго 1854 года, то, по всей вѣроятности, имъ пришлось бы поспѣшно снять въ октябрѣ мѣсяцѣ осаду Парижа и отступить за Мозель, даже за Рейнъ. Дѣйствительно: 1) германцы, въ числѣ 122,000 пѣхоты и 24,000 кавалеріи, обложили обширный укрѣпленный лагерь, съ двухмилліоннымъ населеніемъ, при 400,000 вооруженныхъ защитникахъ, которые хотя и плохо обученные, но всетаки боевыми качествами превосходили скромныя силы Омеръ-паши въ эпоху Дунайской кампаніи. Замѣтимъ при этомъ, что нѣмецкая линія аванпостовъ имѣла 11 миль протяженія и, не смотря на то, Парижъ сообщался съ остальнымъ міромъ, во все время осады, не иначе, какъ только голубиной почтой и содѣйствіемъ воздушныхъ шаровъ; затѣмъ, 2-е) нѣмецкая 170,000-я армія держала одновременно съ этимъ, подъ Мецомъ, въ тѣсномъ обложеніи 173,000 отборныхъ французскихъ войскъ; 3-е) въ это самое время французы приступали къ формированію трехъ новыхъ армій, которыя должны были двинуться на Парижъ для освобожденія его отъ блокады. Если смотрѣть на подобную остановку съ точки зрѣнія, которую защищалъ князь Варшавскій на Дунаѣ и постоянно проводилъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ, то успѣшное рѣшеніе задачи, въ томъ смыслѣ, какъ это было выполнено германцами, казалось бы невозможнымъ.

Между тѣмъ, фельдмаршалъ, находясь въ 1854 году на Дунаѣ въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ германцы подъ Парижемъ, добровольно отказался отъ правильной осады Силистріи и длиннымъ рядомъ непростительныхъ полумѣръ открылъ врагамъ доступъ въ Крымскую окраину Имперіи. Ред.

---

[1]) Вся турецкая армія заключала въ себѣ около 104,000 человѣкъ. Изъ нихъ находились: 45,000 въ Шумлѣ, 20,000 въ Виддинѣ и Калафатѣ, 6,000 въ Варнѣ, 12,000 въ Силистріи, которые постепенно усилились до 18,000 челов.; остальныя войска были разбросаны по укрѣпленнымъ пунктамъ на Дунаѣ. Что же касается союзниковъ, то только 19-го мая (1-го іюня) бригада Канробера, въ числѣ 6,000 чел., могла быть отправлена моремъ изъ Галлиполи въ Варну. Столько же войскъ послали туда англичане изъ Скутари.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

его очерки и замѣтки.

1847—1848.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову [1]).

16-го августа 1847.

Къ получаемой тобою посылкѣ прибавилась, кромѣ обѣщаннаго еще одна вещица и ея участь интересуетъ меня почти столько же, какъ и участь Zauberin и ты никакъ не догадаешься, что̀ это такое (если еще не получилъ посылки)? Коріоланъ [2]), арранжированный въ 2 руки à la Liszt и ему же и посвященный. Рѣшительно не знаю, какъ тебѣ покажется эта арранжировка, я сдѣлалъ все что могъ. Раченія было много—ты это увидишь, когда узнаешь, что прежде арранжировки я сдѣлалъ (на 3-хъ строчкахъ лишнихъ внизу партитуры), для себя, une réduction complète [3]) всего оркестра двумя фортепіанными ключами, отъ ноты до ноты (я хотѣлъ бы, чтобъ ты взглянулъ на эту пеструю ткань нотъ), потомъ арранжировалъ на-черно, — выправлялъ долго, въ нѣсколько пріемовъ, — перебѣлилъ и, наконецъ, совсѣмъ на-чисто переписалъ для Листа. Теперь эта вещь уже давно въ его рукахъ, и на дняхъ я получу его отзывъ, чрезъ Ел. Ив. Бларамбергъ, которая, еще бывши здѣсь, въ Симферополѣ, взялась отдать мою арранжировку (еще тогда не существующую) Листу лично, вмѣстѣ съ письмомъ, съ тѣмъ, чтобъ при возвращеніи автографа Листъ далъ мнѣ нѣсколько словъ отвѣтныхъ; быть можетъ, ты упрекнешь меня, зачѣмъ я сунулся

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158; 363—368; 513—530; 683—698.

[2]) Увертюра Бетховена. В. С.

[3]) Полное извлеченіе.

къ Листу (!) съ первой своей арранжировкой для 2-хъ рукъ,—но мнѣ жалко было упустить такой прекрасный случай на сколько нибудь войти въ сношеніе съ Листомъ и, быть можетъ, сдѣлать ему нѣкоторое удовольствіе. При томъ же это было бы прекрасно, чтобъ онъ сколько нибудь узналъ меня,—на случай пріѣзда его въ Крымъ, а этотъ пріѣздъ теперь почти достовѣренъ [1]).

25-го августа 1847.

Не дальше какъ вчера—у меня былъ Дьяченко, которому, вслѣдствіе разговора о моихъ нынѣшнихъ занятіяхъ, я прочелъ, по его просьбѣ, всю Zauberin, переводя, какъ могъ, прямо изъ книги (Д. не знаетъ по нѣмецки). Онъ, разумѣется, восхитился этимъ чуднымъ для музыки сюжетомъ, а меня все время грызла мысль, какъ далеко я остался за тѣмъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать! Какъ ничтожна моя фантазія въ сравненіи съ такимъ превосходнымъ текстомъ! Но что же дѣлать! Мнѣ хотѣлось только попробовать свои силы на чемъ нибудь порядочномъ, и это бы не бѣда, что не такъ вышло, какъ я хотѣлъ, если тамъ всетаки хоть что нибудь да есть. Но я почти отчаиваюсь и въ этомъ. Мысль же писать на оркестръ пришла мнѣ отчасти вслѣдствіе твоихъ восклицаній, послѣ моихъ попытокъ въ оркестровкѣ: „Что еслибъ ты могъ писать такимъ оркестромъ что нибудь свое?“ Бѣда моя, что, избаловавъ тебя, такъ сказать, арранжировками, которыя всѣ сами по себѣ превосходнѣйшая музыка (за другія вещи я вѣдь и не принимаюсь), я какъ будто самъ побуждаю тебя сравнивать арранжировки съ собственными моими вещами, тогда какъ именно это сравненіе рѣшительно убьетъ ихъ. И странное дѣло, въ арранжировкахъ у меня совсѣмъ другой оркестръ, чѣмъ въ своей вещи, все выходитъ раціонально, одно изъ другаго, какъ въ самихъ оригиналахъ, а въ своихъ вещахъ я разбрасываюсь на какіе-то лоскуточки и ни съ чѣмъ не могу сладить, какъ должно. На каждомъ шагу я вижу въ себѣ только диллетантскія желанія, а не настоящую художническую дѣятельность! Быть можетъ, и недостатокъ серьезнаго ученія подъ хорошимъ руководствомъ тому причиною, а быть можетъ, и не то! Фортепіанною музыкою, даже и безъ твоихъ дѣльныхъ совѣтовъ, я займусь теперь какъ можно прилежнѣе (не оставляя оркестровыхъ опытовъ, это всетаки польза, руку набиваю). Арранжировокъ у меня опять заготовляется довольно, и такихъ, за которыя ты мнѣ будешь особенно благодаренъ. Изучая Листа (хотя и на одной только большой его арранжировкѣ), я

[1]) Листъ пріѣхалъ въ этомъ году въ Крымъ изъ Одессы, гдѣ бралъ ванны.
В. С.

поминутно открываю тамъ не частности, а общіе законы, которыхъ онъ держится въ арранжировкѣ и которыхъ должно держаться, при такомъ превращеніи фортепіано въ оркестръ. Одинъ изъ главныхъ акустическихъ законовъ, подмѣченныхъ мною (не знаю, замѣтилъ ли ты это), тотъ, что при внезапномъ вступленіи фаготовъ или валторнъ—какъ новое добавленіе уже бывшей гармоніи, Листъ измѣняетъ октавы въ квинты (разительный примѣръ въ Scherzo „Паст. симф.": послѣ первыхъ восьми тактовъ въ лѣвой рукѣ, представляющей фаготы—квинта, тогда какъ въ партитурѣ октавы—и много другихъ мѣстъ въ Adagio и вездѣ); по звуку это совершенно оркестровое намѣреніе. Такихъ законовъ множество и я по возможности стараюсь примѣнять всѣ ихъ къ своимъ арранжировкамъ. Оттого я смѣло надѣюсь, что арранжировка въ 4 руки увертюры Zauberflöte, надъ которой я теперь тружусь (кончено болѣе половины), выйдетъ совершенно иначе, чѣмъ всѣ мои прежнія попытки надъ этой же увертюрой, и такъ будетъ хорошо звучать на фортепіано (т. е. кромѣ вѣрности съ партитурой), что ты полюбуешься. Конечно, это былъ большой шагъ противъ Черни и проч., стараться удержать точь въ точь всѣ ноты партитуры (какъ я дѣлалъ до сихъ поръ), но это еще не настоящія арранжировки для фортепіано, которыя требуютъ бездны акустическихъ перемѣнъ противъ партитуры, и надъ этимъ-то еще надобно бездну ученія.

26-го сентября 1847.

.... Я получилъ отвѣтъ Листа изъ Елисаветграда, отъ 14-го сент. Почтовый листокъ формата почти такого, какъ этотъ листокъ, на которомъ я пишу, и весь исписанъ—(такимъ же нечеткимъ почеркомъ какъ и автографъ). Изъ отвѣта Листа (чудесно написаннаго) ты увидишь [1]):

1) что онъ совсѣмъ доволенъ письмомъ [2]). Это видно изъ всего тона его отвѣта;

2) что онъ совершенно раздѣляетъ наши съ тобой музыкальныя убѣжденія, и, что чуть ли не важнѣе всего,—

3) у него уже есть своя арранжировка Коріолана въ его портфелѣ въ Германіи. Современемъ, по напечатаніи, онъ мнѣ пришлетъ

---

[1]) Письмо Листа напечатано мною въ статьѣ: «Музыкальные автографы Имп. Публ. Библіотеки», въ «Отеч. Запискахъ», 1856 г., декабрь, стр. 24.

[2]) Письмо А. Н. Сѣрова къ Листу находится, въ копіи его собственной руки, при настоящихъ письмахъ его ко мнѣ. В. С.

чрезъ князя Долгорукаго un exemplaire annoté, какъ добавленіе къ автографу [1]).

4) изъ его словъ объ моей арранжировкѣ, конечно, видно, что онъ нашелъ тамъ кое-что, быть можетъ, и не такъ, но во всякомъ случаѣ, хвалитъ ее и, вмѣсто всѣхъ подробныхъ замѣчаній—придумалъ обратить меня къ своему переложенію (которое изъ скромности называлъ „ma version", тогда какъ мое величаетъ partition de piano!). И такъ, результатъ моей продѣлки съ Листомъ самый счастливый: 1, мы знаемъ, что есть Листовъ Коріоланъ и что онъ будетъ у насъ; 2, что онъ уважаетъ наше направленіе, которое вмѣстѣ и его собственное; 3, что теперь, гдѣ бы мы съ нимъ ни встрѣтились, мы будемъ уже старые знакомые, а такое знакомство для меня не бездѣлица; 4, черезъ князя Долгорукаго, я еще письмомъ поблагодарю Листа [2]) и такимъ образомъ еще дальше втянусь въ корреспонденцію съ нимъ и тѣмъ выиграю для себя возможность, въ послѣдствіи времени, посредствомъ него, доставить публичность своимъ трудамъ.

24-го ноября 1847.

....Съ какою грустью прочиталъ я о смерти Мендельсона! Всетаки онъ былъ лучшій музыкантъ изъ нашихъ современниковъ. Всетаки у него была порядочная доза своего собственнаго творчества (хоть и односторонняго—тененькая ниточка), не такъ какъ у Мейербера— тотъ просто славный оркестраторъ, ловкій арранжеръ чужихъ идей и весьма умный человѣкъ.

30 го ноября 1847.

На письмо Гунке [3]) отвѣтъ при семъ прилагается; главный отвѣтъ въ задачахъ, которыя я выполнилъ со тщаніемъ, какъ ты увидишь, только, пожалуйста, не вздумай искать тутъ музыки! Дай Богъ, чтобъ на этотъ разъ не было никакой ошибки противъ строгихъ, немножко педантическихъ правилъ, вотъ все мое желаніе пока. Этотъ педантизмъ въ началѣ необходимъ, и я увѣренъ, что если Гунке будетъ доволенъ моей работкой и замѣтитъ во мнѣ способность къ контрапункту, онъ тотчасъ же займетъ меня чѣмъ нибудь потруднѣе, и посерьезнѣе, чѣмъ эти, довольно легкія для меня задачи. Вообще я ожидаю для себя много хорошаго отъ такихъ серьезныхъ занятій, подъ добрымъ

---

[1]) Прошло 30 лѣтъ, но Листово переложеніе «Коріолана» и до сихъ поръ не появлялось въ печати.

[2]) Князь Аргутинскій-Долгорукій, большой любитель музыки, жившій тогда въ Крыму.

[3]) Ос. Карл. Гунке, учитель музыкальной теоріи, въ настоящее время библіотекарь петербургской консерваторіи. В. С.

руководствомъ. Примирить эту сухость съ требованіями настоящей музыки—это уже не Гункино дѣло будетъ,—это уже самое высшее, что ничѣмъ не пріобрѣтается, если не дано! Все, что ты говоришь о выгодахъ двуручныхъ переложеній фортепіанныхъ предъ 4-хъ ручными и на оборотъ, мнѣ уже нѣсколько разъ приходило въ голову. Чуть ли я уже и не писалъ тебѣ однажды, что все мое стремленіе по этой части именно—примирить эти оба, нѣсколько враждующіе между собой, рода. Нельзя не видѣть, что Листовы переложенія (всегда двуручныя, сколько намъ извѣстно [1]), не смотря на меньшую полноту противъ 4-хъ ручныхъ (хоть такихъ, какія мнѣ удавались до сихъ поръ), имѣютъ бездну преимуществъ для передачи разныхъ оттѣнковъ силы и акцентуаціи, не говоря уже о томъ, что самый недостатокъ физическихъ средствъ къ передачѣ всѣхъ голосовъ заставляетъ выбирать важнѣйшее и потому дѣлаетъ двуручное переложеніе, какъ ты замѣтилъ, болѣе характеристичнымъ, чѣмъ самое полное 4-хъ ручное. Какъ часто, напримѣръ, для того, чтобъ придать высшую степень рельефности какому нибудь теноровому голосу (иногда альтовому), Листъ прибѣгаетъ къ непомѣрно-широкимъ скачкамъ лѣвой руки, заставляя ее всею силою обрушиваться на тѣхъ нотахъ, которыя онъ хочетъ сдѣлать слышными сквозь все другое. (Разительный примѣръ этого хоть trio изъ Скерцо въ Септуорѣ [2]),—гдѣ, именно во второй половинѣ тріо, тема віолончеля, исполняемая прыгающею лѣвою рукою, рѣзко отдѣляется и отъ всѣхъ голосовъ Ripieno [3]), и отъ сильнаго дублированія мелодіи на самыхъ высокихъ октавахъ. Такихъ примѣровъ бездна и во всѣхъ арранжировкахъ Листа). Въ 4-хъ ручномъ переложеніи, вѣроятно, никто не вздумалъ бы прибѣгнуть къ этимъ скачкамъ, когда есть столько пальцевъ въ распоряженіи, которые преспокойно сыграютъ любой теноровый рисунокъ на мѣстѣ; за то отъ этого спокойствія утратится весь необыкновенно сильный напоръ на эти ноты, утратится вся энергія, вся стремительность и выйдетъ хоть и полно, но слишкомъ ровно, плоско и слабо.

15-го декабря 1847.

Можетъ быть я не совсѣмъ ловко выразилъ свою мысль объ Мейерберѣ (по поводу смерти Мендельсона [4]), но съ моимъ мнѣніемъ и ты долженъ согласиться, не смотря на всю твою антипатію къ современному нашему Баху и Генделю. Дѣло въ томъ, что, не смотря на не-

---

[1]) Въ то время не было еще 4-ручныхъ переложеній Листа, которыя, впрочемъ, несравненно менѣе двуручныхъ оригинальны и замѣчательны.

[2]) Бетховена.

[3]) Наполненія.

[4]) Отвѣтъ на мои возраженія. В. С.

достатокъ настоящей музыки, во всѣхъ сочиненіяхъ Мендельсона все-таки хоть мѣстами есть какіе-то проблески, довольно близко подходящіе къ нѣкоторымъ слабымъ сторонамъ Бетховена, хоть издали, въ искаженномъ видѣ, напоминающіе истинную музыкальную красоту, и еще ближе подходящіе къ Баху и Генделю, родникамъ, изъ которыхъ черпали и Моцартъ и Бетховенъ (переработавъ почерпнутое по своему). Ничего подобнаго и признака нѣтъ въ произведеніяхъ прогрессиста Мейербера. Онъ до того уклонился отъ прежнихъ формъ, что впалъ въ другую крайность и музыка его можетъ напоминать только кадрили и вальсы, да иногда плоскую куплетность чисто французскую—Керубини и авторовъ французскихъ комическихъ оперъ. Вообще мнѣ кажется, что Мейерберъ до-нельзя бѣденъ идеями (въ музыкальномъ смыслѣ), при большомъ богатствѣ ума и всего нужнаго, чтобъ подвинуть искусство на новую дорогу (какъ и Берліозъ); оттого онъ радъ-радъ, когда ему можно уцѣпиться за какую нибудь данную музыку, чтобъ на ней строить тѣ зданія, которыя зарождаются въ его головѣ изъ внѣшнихъ, умныхъ соображеній. Такимъ образомъ онъ ухватился за Лютеровъ хоралъ въ Гугенотахъ, за старинную французскую балладу и старинную католическую обѣдню въ Робертѣ, и обработалъ это согласно новымъ требованіямъ,—это было его дѣло; тутъ кстати пришли и умъ его и музыкальная ученость (наврядъ-ли уступающая учености Мендельсона). Въ этомъ-то смыслѣ я и назвалъ его арранжеромъ чужаго, потому что у него почти нѣтъ собственной своей музыкальной жилки, тогда какъ никто не отниметъ ее у Мендельсона. И все направленіе этихъ двухъ евреевъ совсѣмъ иное: одинъ исключительный жрецъ эффекта; а другой, кажется, закономъ себѣ поставилъ сухую безъэффектность во имя св. Баха и Генделя. А разувѣрить какого нибудь Одоевскаго и ему подобныхъ на счетъ Мендельсона трудновато. Я помню, что Одоевскій положительно выражалъ свое вѣрованіе въ великую троицу современнаго музыкальнаго міра: въ Мендельсона, Берліоза и Глинку!!! Тутъ уже и говорить нечего.

Что касается до композиторства, то все мое вниманіе, всѣ усилія сосредоточены на контрапунктѣ, который хочу завоевать во чтобы то ни стало. Безъ этого и шагу сдѣлать нельзя. Жаль только одно, что я лишился руководителя! за 2,000 верстъ нельзя имѣть учителя, когда надзоръ его нуженъ тутъ каждый часъ. Будемъ дѣлать, что можно. Поторопи отъ меня Гунке, если какъ нибудь увидишь его. Жажда моя заниматься серьезно контрапунктомъ не имѣетъ границъ. Ты прекрасно выразился, что я не выпустилъ бы живымъ изъ своихъ лапъ какого нибудь Керубини, или ему подобнаго! Зачѣмъ я раньше не чувствовалъ такъ сильно этой жажды!! Зачѣмъ я позволялъ себѣ

тратить время на пустенькихъ и безплодныхъ попыткахъ, когда надо было просто сидѣть съ учителемъ надъ самой сухой гимнастикой контрапунктической? Теперь бы ужъ я былъ поразвязнѣе и могъ бы съ пользою употребить бездну свободнаго времени!

5-го января 1848 г.

Я не могу не сообщить тебѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя мнѣ пришли въ голову во время аранжировки. Кто станетъ, напримѣръ, сравнивать музыку Оберона[1]) съ музыкой Zauberflöte (я говорю еще объ однѣхъ увертюрахъ) въ отношеніи къ чистотѣ, къ безотносительной красотѣ звука? Въ отношеніи контрапунктической обработки — такое сравненіе тоже будетъ только забавно. Веберовъ контрапунктъ передъ Моцартовымъ, просто, ничтоженъ. Особенно увертюра Zauberflöte останется на вѣки вѣковъ недосягаемымъ образцомъ обработки одного и того же мотива сквозь длинное и полное разнообразія сплетеніе звуковъ. Мастерство владѣнія контрапунктомъ здѣсь доведено до nec plus ultra, все какъ будто само собою приходитъ, шутя, а расчетъ изумительный на каждомъ шагу. Гдѣ же искать этого у Вебера, которому строгія формы контрапункта рѣшительно не давались (доказательствомъ нѣкоторыя части увертюры „Euryanthe", несносныя по своей сухости и некрасивости). И что-жъ? не смотря на дивное мастерство, на цвѣтистость инструментовки, на ослѣпительную красоту звука въ цѣломъ созданіи увертюры Zauberflöte, она, при самомъ превосходномъ исполненіи, оставитъ послѣ себя въ слушателяхъ только спокойное чувство изумленія, удивленія и, разумѣется, ту ароматную атмосферу, которая льется широкими волнами изъ всѣхъ высшихъ произведеній искусства—ma sit odor [2]).

А увертюра Оберона, даже не при высшей степени совершенства въ исполненіи, увлечетъ всякую публику и всю массу публики; въ горячемъ восторгѣ некогда будетъ вздохнуть во время исполненія, не то чтобъ подумать критиковать не совсѣмъ чистыя мелодіи, или, напримѣръ, то, что ритмъ послѣдняго мотива (много разъ повторяющагося), особенно въ аккомпаниментѣ, весьма близокъ къ самому обыкновенному танцовальному ритму французскихъ кадрилей и т. п.—никто и не вспомнитъ ни о чемъ этомъ: такъ поразительно дѣйствіе этой безподобной увертюры! Въ чемъ же секретъ этого захватывающаго дѣйствія, которое одно можетъ побѣдить такую красоту, какъ увертюра Zauberflöte? Конечно, въ драматизмѣ, т. е. въ дви-

[1]) Увертюра Вебера. В. С.

[2]) Остается запахъ.

женіи, жизни. Разумѣется, нельзя не назвать и увертюру Zauberflöte драматической, но ея драматическая идея въ общемъ только. Подробности,—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется,—развиты больше какъ musique pure [1]). Иначе было бы невозможно, даже для Моцарта, преслѣдовать одинъ и тотъ же мотивъ, и еще въ формѣ фуги (эта форма, конечно, не помѣшала драматическому развитію подробностей сюжета въ „Kyrie eleison" Реквіема или въ „Et vitam" 2-й Мессы Бетховена, но тамъ совсѣмъ другія требованія, тамъ необходима эта Beharrlichkeit [2]) на одной и той же мысли, и необходимость ея условливается предъидущимъ и послѣдующимъ. Все приводится опять къ огромному различію направленій—опернаго и ораторнаго. Для опернаго направленія форма настоящей фуги едва-ли возможна въ чемъ-нибудь. „Geharnischten" [3]) чисто лоскутокъ ораторіи (въ нашемъ смыслѣ), какъ и нѣкоторыя другія части „Волшебной флейты", объ чемъ мы уже давно говорили). Ты уже замѣтилъ въ одномъ изъ первыхъ писемъ ко мнѣ въ Крымъ, что всѣмъ фугальнымъ вещамъ, т. е. ихъ дѣйствію на слушателей, вредитъ однообразность ритма, которая наконецъ утомляетъ. Это справедливо и въ отношеніи увертюры Zauberflöte, не смотря на всѣ блистательные рессурсы, которыми Моцартъ закрылъ это однообразіе. Вообще для драматическихъ очерковъ, эскизовъ, съ полнымъ поэтическимъ смысломъ, чѣмъ должны быть увертюры какъ нѣчто отдѣльное, форма фуги такъ же мало свойственна, какъ и сценической драматической музыкѣ.

18-го января 1848 г.

Меня чрезвычайно обрадовала удачность первыхъ моихъ попытокъ въ строгомъ контрапунктѣ [4]). Это въ самомъ дѣлѣ кое-что обѣщаетъ и я, въ Петербургѣ, примусь за контрапунктъ сколько можно серьезнѣе, чтобъ хоть нѣсколько вознаградить много потеряннаго времени. Вотъ, что значитъ приниматься за все диллетантомъ-самоучкой! Даже при самыхъ хорошихъ способностяхъ, при самомъ инстинктивно-вѣрномъ вкусѣ, всетаки пойдешь не тою дорогою, какъ нужно. То, надъ чѣмъ я теперь долженъ корпѣть денно и нощно, должно было быть моею собственностью уже лѣтъ десять назадъ, и было бы, еслибъ, напримѣръ, въ училищѣ послѣдніе два, три года, вмѣсто глупѣйшей игры на віолончелѣ, я занимался контрапунктомъ хоть съ такимъ нѣмцемъ, какъ Гунке! Ты помнишь, что я чувствовалъ нѣсколько эту потреб-

---

[1]) Чистая музыка.

[2]) Упорство.

[3]) Хоръ съ инструментальной фугой въ «Волш. флейтѣ» Моцарта.

[4]) Писано вслѣдствіе одобренія О. К. Гунке. В. С.

ность учиться чему-то серьезному въ музыкѣ, копался надъ книгами,— да не надъ тѣми, которыя были нужны, и не такъ, какъ нужно. Теперь бы у меня уже не были связаны руки и не было бы такихъ противныхъ avortons [1]) какъ Zauberin! Впрочемъ, съ этой стороны я довольно въ себѣ увѣренъ (какъ и прежде я тебѣ говорилъ и писалъ) и надѣюсь, что даже черезъ годъ самыхъ пристальныхъ занятій, je manierai le contrepoint assez bien [2]). Я очень радъ, что въ нынѣшнихъ задачахъ Гунке помѣстилъ и имитаціи. Я уже давно чувствую къ нимъ какое-то особенное влеченіе и употреблю все стараніе, чтобъ развить въ себѣ это расположеніе. Для обработки chant donné [3]) разными видами контрапункта, онъ мнѣ нынче задалъ только 10 примѣровъ (5 для 3-хъ голосныхъ и 5 для 4-хъ голосныхъ) и я сдѣлаю 30 (т. е. по 3 на каждый, чтобъ chant donné переходилъ изъ верхняго голоса въ средній, а потомъ въ басъ). Жадность моя къ этимъ занятіямъ доходитъ до смѣшнаго. Я готовъ забыть все на свѣтѣ, чтобъ сидѣть и обдумывать контрапунктическія сочетанія. Пріятно-ли мнѣ было узнать, что C-moll-ную сонату [4]) будутъ играть въ университетѣ, объ этомъ, я думаю, нечего распространяться. Мнѣ жаль одно: я увѣренъ, что исполнятъ плохо, судя по тому, что я знаю самъ собой и по твоимъ замѣчаніямъ, о полководцѣ Шубертѣ и его войскѣ. Вообще мнѣ кажется, что когда я буду самъ слушать оркестръ теперь, я буду больше и больше недоволенъ всѣмъ, и дирижеромъ, и исполнителями и, въ томъ случаѣ, когда это будетъ моя оркестровка — оркестровкой. Разумѣется, то будетъ не тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Въ первое время, я буду какъ опьянѣлый отъ счастія, что все это для меня доступно, возможно (болѣе чѣмъ прежде, когда я еще не былъ въ Крыму, потому что я сдѣлалъ кое-какіе шаги въ пониманіи музыки и получилъ хоть нѣсколько права, чтобъ мнѣ дали доступъ фактическій ко всему этому). Много, много надо будетъ хлопотать, перемѣнять, учиться и учить другихъ, чтобъ приблизиться къ тому, что живетъ въ моей головѣ.

2-го февраля 1848.

Нѣтъ, я ни за что долго не останусь въ нашемъ министерствѣ! Буду стараться всѣми силами выбрать себѣ должность въ другомъ вѣдомствѣ, хоть нѣсколько болѣе отвѣчающую моимъ способностямъ.

---

[1]) Выкидышей.

[2]) Я довольно хорошо буду владѣть контрапунктомъ.

[3]) Заданной темы.

[4]) Соната Бетховена, положенная на оркестръ А. Н. Сѣровымъ, и которая, по моей просьбѣ, была исполнена въ университетскихъ концертахъ. В. С.

А то—просто убійство! Положимъ, что служить у насъ необходимо, что это единственный вѣрный и спокойный хлѣбъ, — но зачѣмъ же остановиться непремѣнно на самой трудной изъ всѣхъ отраслей гражданской службы, тогда какъ есть тысячи мѣстъ, вовсе не требующихъ такого исключительнаго вниманія, такого самоуничтоженія, какъ наши юридическія дѣла! Сколько есть должностей, въ которыхъ, при нѣкоторомъ навыкѣ (который у меня уже есть, хотя я объ немъ вовсе не заботился), можно служить и даже отличиться передъ другими, совершенно спустя рукава—одна формальность, кое-какое соображеніе, вотъ и все! А въ нашемъ министерствѣ все это еще ничего не значитъ. Надо быть чиновникомъ „au fond de son coeur" [1]), тогда только можно сдѣлать то, что требуется, чтобъ не прослыть или отъявленнымъ лѣнтяемъ, или вовсе неспособнымъ, т. е. чтобъ не отказаться отъ всѣхъ правъ на повышеніе и, значитъ, на хлѣбъ. Я еще ничего не имѣю въ виду положительнаго по другимъ министерствамъ, не знаю на что̀ именно рѣшиться, но знаю, что буду хлопотать, по пріѣздѣ въ Петербургъ, объ службѣ не по нашей юстиціи. Ты, можетъ быть, усмѣхнешься, что я такъ разносился съ бременемъ службы, когда ровно два года ничего по службѣ не дѣлалъ, но тутъ-то и сильнѣе контрастъ, что надо было 30 дней кряду не дышать никакимъ другимъ воздухомъ, кромѣ отвратительной атмосферы разныхъ служебныхъ крючковъ и плутней, копаться въ счетахъ и расчетахъ, отъ которыхъ голова кругомъ идетъ, и наконецъ исписать нѣсколько дестей бумаги, слогомъ свода законовъ! Какъ хочешь—а тяжко!

16-го февраля.

Въ похвалахъ твоихъ моимъ новымъ фортепіаннымъ арранжировкамъ я очень обрадовался, что ты нашелъ уже кое-какое умѣнье, тогда какъ прежде были видны только добрыя намѣренія и способность. Какъ я писалъ тебѣ, я много обдумывалъ послѣднія свои фортепіанныя арранжировки, и еслибъ ты не нашелъ большихъ и неожиданныхъ успѣховъ, я былъ бы въ отчаяніи за себя; но этого и быть не могло. Теперь ты согласишься со мной, что, напримѣръ, арранжировки 2-й мессы Бетховена вовсе не верхъ совершенства, что теперь я сдѣлалъ бы гораздо лучше, и что, слѣдовательно, мнѣ предстоитъ передѣлать всѣ прежнія арранжировки, чтобъ привести ихъ къ уровню послѣднихъ (начиная съ нынѣшняго года). Работа не маленькая, но необходимая. Такимъ же образомъ надо будетъ арранжировать—всего Донъ-Жуана, всю Zauberflöte (если на всѣ оперы Моцарта), всѣ симфоніи Бетховена

[1]) Въ глубинѣ сердца.

и многихъ другихъ, тогда только можно будетъ сказать, что я уже сдѣлалъ кое-что для фортепіано. Надъ фортепіанными арранжировками въ 4 руки я вожусь уже съ конца 1843 г. (слишкомъ 4 года) и только теперь довольно близко подошелъ къ тому, чѣмъ онѣ должны быть (я вѣдь въ 43-мъ же году принялся за увертюру Zauberflöte!!), сколько же времени нужно будетъ трудиться надъ оркестровками, чтобъ довести ихъ до подобной степени, противъ которой нынѣшнія мои инструментовки покажутся ребяческими попытками (въ родѣ перваго изданія фуги „Quam olim“ [1]) или увертюры изъ Entführung! Ее, бѣдняжку, надо будетъ тотчасъ же арранжировать какъ слѣдуетъ, она должна выйти безподобно моими нынѣшними способами). И, разумѣется, труды надъ оркестромъ въ милліонъ разъ замысловатѣе, сложнѣе—умѣнье тутъ пріобрѣтется еще медленнѣе, и сколько разнаго рода препятствій, тогда какъ для фортепіано все готово—садись да играй. Наконецъ, сколько усилій надобно, чтобъ овладѣть контрапунктомъ, даже при самомъ хорошемъ къ нему расположеніи—а безъ контрапункта объ сочиненіи и думать нельзя. Значитъ, работать и работать! А то претензія такъ, разомъ, „не спросившись броду, сунуться въ воду“—выдумать писать фантазію для оркестра, да еще въ высшей степени—драматическую, да еще на античный сюжетъ!! Это уже слишкомъ по дѣтски—даже и сердиться не за что, а можно только улыбнуться. Точно также и съ оперой. Гдѣ тутъ думать объ оперѣ съ нашими отъ нея требованіями! Задачи Гунке почти готовы (т. е. 1-я въ 30-ти ея видахъ, за имитаціи я еще не принимался) и я скорехонько ихъ пришлю. Дай Богъ, чтобъ имъ такъ же посчастливилось, какъ первымъ (но безъ промаховъ, я думаю, не обойдется; безъ нихъ нельзя при первыхъ шагахъ).... Одно только меня мучитъ въ артистическомъ отношеніи: это вѣчно преслѣдующая меня мысль, что всѣ люди, которымъ велѣно что-нибудь сдѣлать по искусству, отличаются спеціальностью своего направленія (Моцартъ для оперы, Бетховенъ для симфоніи и ораторіи, Листъ для фортепіано, Берліозъ для оркестра, Мендельсонъ и Бахъ для органа и т. д.), а желать соединить многихъ въ себѣ одномъ, гнаться разомъ за многими цѣлями, поминутно перемѣнять стремленія—это какъ-то не соглашается съ призваніемъ.

1-го апрѣля 1848.

Все послѣднее время я занятъ былъ службой, такъ что мало оставалось свободныхъ часовъ, однако я почти кончилъ послѣднія задачи Гунке и скорехонько ихъ пришлю. Контрапунктъ такъ для меня привлекателенъ, что я готовъ дни и ночи просиживать надъ нимъ, не

[1]) Въ «Реквіемѣ» Моцарта. В. С.

вставая съ мѣста, и удивляюсь, какъ могутъ люди называть эти занятія сухими и скучными?! Какая же сухость и скука тамъ, гдѣ все жизнь! Борьба голосовъ, которые то догоняютъ и перегоняютъ другъ друга, преслѣдуя одну и ту же мысль, то идутъ каждый своей дорогой и составляютъ вмѣстѣ красивый, полный смыслъ—что же можетъ быть интереснѣе этого? Но въ этомъ ли главная сущность музыки? И при этомъ всемъ, какъ такого рода занятія изощряютъ музыкальную способность вообще—развязываютъ руки! Какъ мы уже и прежде замѣчали, это необходимѣйшая гимнастика для всякаго, въ комъ есть хоть искорка способности къ композиторству. Безпрерывно жалѣю только объ одномъ: зачѣмъ я столько времени потерялъ, не принявшись за эти занятія. Еслибъ лѣтъ шесть я такъ занимался какъ теперь, толкъ вышелъ бы—я въ этомъ почти увѣренъ; по крайней мѣрѣ, я могъ бы теперь писать свободно фугу на любую тему и фугу красивую, потому что чувствую къ этому способность. Богъ дастъ, все еще не потеряно. Буду догонять всѣми силами то, что́ чуть-чуть отъ меня не ускользнуло. И теперь мнѣ только смѣшна кажется дерзость, безъ этой долгой, предварительной гимнастики, приниматься за что нибудь серьезное по композиторству!—Не владѣя вполнѣ тѣмъ, что нѣмцы называютъ „4-stimmiger Satz“, шагу нельзя сдѣлать въ музыкальномъ сочиненіи. А я имъ еще далеко не владѣю, но буду владѣть черезъ годъ, если будетъ возможность пристально этимъ заняться. Rien que pour s'exercer sans fin [1]) я напишу кучу фугъ для фортепіано въ 4 руки [2]), и думаю, что намъ и играть ихъ не будетъ скучно (т. е. хоть намъ двумъ—для постороннихъ будетъ не весело, потому-что фугальный родъ музыки вообще не многимъ-то по сердцу). Написавъ много фугъ и morceaux fugués для фортепіано, можно будетъ приняться и за органъ и за оркестръ, именно со стороны фуги. Прибавивъ къ контрапункту нѣкоторыя новыя соображенія по инструментовкѣ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ сдѣлать много интереснаго. И аранжировки фортепіанныя у меня не дремали. Есть кое-что новенькаго и вышло знатно (не хуже послѣдне-присланныхъ тебѣ). Въ задачахъ Гунке, конечно, еще нѣтъ ничего похожаго на фугу, но я, для себя, уже забѣжалъ впередъ и пробовалъ себя на небольшихъ фугато. Къ счастію, идетъ, и не совсѣмъ плохо звучитъ [3]).

---

[1]) Единственно для безконечнаго упражненія.

[2]) Это никогда не было исполнено.

[3]) Въ маѣ 1848 г. А. Н. Сѣровъ переселился изъ Крыма въ Петербургъ.

В. С.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТДѢЛУ ЭТНОГРАФІИ

въ 1876 г.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ М. Драгоманова. Изданіе Югозападнаго отдѣла Русскаго Географическаго общества.

Выставленное на заглавіи имя можетъ служить ручательствомъ за удачное выполненіе новаго этнографическаго труда, такъ какъ г. Драгомановъ достаточно пріобрѣлъ уваженіе мыслящей и читающей публики, какъ своими учеными статьями, помѣщавшимися въ «Вѣстникѣ Европы», такъ и превосходнымъ изданіемъ историческихъ малорусскихъ народныхъ пѣсень, предпринятымъ имъ вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ.

Нѣтъ нужды распространяться о важности этнографическихъ матеріаловъ и изслѣдованій для исторіи. Понятіе о смыслѣ и значеніи исторической науки до такой степени расширилось, что теперь едва ли найдутся мыслящіе люди, которые бы стали отвергать эту важность и утверждать, что исторія не должна переходить за предѣлы перечня внѣшнихъ политическихъ явленій да описанія внутренней государственной и народной жизни. Нѣтъ; историку важно знать не только прошлую жизнь народную по сохранившимся извѣстіямъ о ея пріемахъ, но и способы отношенія народа къ явленіямъ своей жизни, иначе—взглядъ народа на свою собственную жизнь. А это ни изъ чего такъ наглядно не открывается, какъ изъ литературныхъ памятниковъ: будутъ ли это писанныя бумаги и печатныя книги, или ходячія изъ устъ въ уста между простонародіемъ произведенія народнаго чувства, памяти и слова. Теперь уже каждый порядочный гимназистъ знаетъ, что собираніе народныхъ пѣсень, сказокъ, преданій, разсказовъ, пословицъ, поговорокъ, есть дѣло полезное для науки и просвѣщенія. Для непривыкшихъ вникать въ глубину предметовъ можетъ показаться такое занятіе очень легкимъ, каждому желающему за него взяться—подъ стать; но оно не таково въ самомъ существѣ своемъ; кто сколько нибудь съ любовію и уваженіемъ занимался этимъ

дѣломъ, тотъ знаетъ, что здѣсь представляется рядъ трудностей, и для ихъ преодолѣнія окажутся нужными значительная научная подготовка, большія матеріальныя издержки и такія умственныя усилія, которыя потребуютъ не дѣятельности любителей народности въ отдѣльности, а постоянной продолжительной работы ученыхъ корпорацій. Въ видахъ развитія этнографіи учреждено въ Русскомъ Географическомъ обществѣ Этнографическое отдѣленіе, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи, которыхъ населеніе наиболѣе представляетъ въ себѣ провинціальныхъ особенностей, учреждены были отдѣлы Географическаго общества. Югозападный отдѣлъ, находившійся въ Кіевѣ и, къ сожалѣнію, рано окончившій свое существованіе, за короткое время успѣлъ проявить свою полезную дѣятельность почтенными явленіями, изъ которыхъ послѣднее предъ нашими глазами.

Матеріалъ, собранный многими членами этого отдѣла и сведенный во едино г. Драгомановымъ, очень богатъ количествомъ и качествомъ. Трудъ редактора, по его собственнымъ словамъ, состоялъ «почти исключительно въ выборѣ и систематизаціи этого матеріала». Ни противъ выбора, ни противъ систематизаціи не можемъ сказать ничего, кромѣ живѣйшей благодарности, которую, надѣемся, раздѣлятъ съ нами всѣ, кто цѣнитъ важность подобныхъ сборниковъ. Но оцѣнивая этотъ сборникъ настолько, насколько матеріалъ, въ немъ находящійся, можетъ признаваться въ числѣ историческихъ источниковъ для занимающихся исторіею южно-русскаго края, мы замѣтимъ, что для такихъ особъ нужно было бы такое изданіе, гдѣ бы матеріалъ былъ расположенъ сообразно историческимъ перемѣнамъ, происходившимъ въ судьбѣ народа. Имъ часто бываютъ важны не цѣльные разсказы, а черты, выхваченныя изъ разсказовъ и относящіяся то къ тому, то къ другому періоду народной исторіи. Собственно, качество народныхъ произведеній таково: между ними найдется не много такихъ, которыя бы можно было пріурочить въ цѣльномъ ихъ составѣ къ даннымъ эпохамъ прошедшихъ вѣковъ; наибольшая часть ихъ содержитъ признаки прошедшаго въ наслоеніяхъ: рядомъ съ несомнѣнною чертою языческаго міра стоитъ черта близкихъ къ намъ временъ и воочію извѣстнаго всѣмъ быта; иногда черты эти такъ переплетаются между собою, что невольно ставится вопросъ: остатокъ ли это старины или черта новой жизни? Далеко не все, входящее въ область народныхъ произведеній слова, какъ и въ область народныхъ обычаевъ и пріемовъ, есть самобытное порожденіе народной жизни; иное заимствовано народомъ отъ чужихъ или случайно привнесено въ народъ извнѣ. И почтеннѣйшій г. Драгомановъ въ предисловіи къ изданію малорусскихъ преданій говоритъ: «то и дѣло встрѣчаешься съ разсказами и образами, которые взяты изъ апокрифовъ, прологовъ, Gesta romanorum, Legenda aurea и подобныхъ памятниковъ средневѣковаго полуцерковнаго мудрствованія, иногда христіанскаго, иногда еврейскаго, а иногда

магометанскаго происхожденія» и пр. Матеріалы, сведенные г. Драгомановымъ, изданы безъ объясненій, которыя бы разрѣшили читателямъ вопросы: что изъ напечатаннаго принадлежитъ народному творчеству, что̀, откуда и въ какомъ видѣ вошло въ народъ извнѣ, равнымъ образомъ: какая черта въ томъ или другомъ народномъ произведеніи принадлежитъ тому или другому періоду народной исторіи. Мы далеки ставить въ укоръ издателю: зачѣмъ онъ напечаталъ свой сборникъ въ такомъ видѣ, безъ необходимыхъ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и филологическихъ объясненій. Всякій дѣлаетъ что̀ хочетъ и сколько можетъ и желаетъ. Г. Драгомановъ всетаки принесъ почтенный вкладъ въ науку своимъ сводомъ малорусскихъ преданій. Но мы считаемъ по этому поводу не лишнимъ замѣтить, что у насъ большое изобиліе изданныхъ историческихъ матеріаловъ всякаго рода, начиная съ документовъ всѣхъ ученыхъ обществъ и коммисій и кончая замѣтками о какихъ нибудь мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ, случайно затерявшимися для науки въ мало-читаемыхъ губернскихъ періодическихъ изданіяхъ,—все большею частію печаталось только для того, чтобъ быть напечатаннымъ; объ этомъ только и хлопотали издатели, думая, что они этимъ обогащаютъ науку; но мало обращалось вниманія, чтобъ можно было легко и удобно пользоваться напечатаннымъ. Есть у насъ вполнѣ почтенныя изданія и, къ сожалѣнію, мало доступныя для пользованія ими. Укажемъ, напримѣръ, хоть на «Памятники Отреченной Литературы», изданные Н. С. Тихонравовымъ. Трудъ этотъ вполнѣ внушаетъ глубокую благодарность ученому профессору, но пользоваться имъ чрезвычайно трудно, потому что такого рода матеріалы могутъ быть удободоступны и понятны не иначе, какъ при ученыхъ объясненіяхъ. Самъ г. Тихонравовъ чувствовалъ и понималъ это и обѣщалъ написать сочиненіе по этому предмету, которое будетъ служить руководствомъ къ уразумѣнію напечатанныхъ имъ памятниковъ. Однако, мы до сихъ поръ ждемъ этого сочиненія, въ надеждѣ, что добросовѣстный и просвѣщенный профессоръ когда нибудь подаритъ имъ русскую ученую публику. На примѣръ Тихонравова мы указали вовсе не какъ на исключеніе, а какъ на одинъ изъ очень многихъ. Собственно, пора бы намъ опомниться и сознать, что изданіе историческихъ матеріаловъ всякаго рода должно предприниматься не ради самаго изданія, а для читателей, и по этому, въ видахъ удобства для чтенія, такія изданія должны появляться въ свѣтъ не иначе, какъ съ надлежащими объясненіями; изданія же текстовъ безъ объясненій надобно бы совсѣмъ прекратить, исключая такихъ, которыя, по всеобщей удобопонимаемости своего содержанія, не требуютъ объясненій. Конечно, это гораздо труднѣе; нужна же подготовка для того, чтобъ составлять объясненія;—издавая тексты безъ всякихъ объясненій, всетаки можно было прослыть дельцомъ въ наукѣ, но часто ради такой дешевой славы даются ученой публикѣ одни мыльные пузыри.

Народныя произведенія по своему общему свойству не должны были бы издаваться въ свѣтъ иначе, какъ съ учеными объясненіями. Въ противномъ случаѣ они мало окажутся понятными для тѣхъ, кто примется за нихъ, какъ за одинъ изъ источниковъ для исторіи.

Въ числѣ преданій, изданныхъ Югозападнымъ отдѣломъ Географическаго общества, есть отдѣлъ, первый по способу размѣщенія ихъ въ книгѣ,—отдѣлъ о представленіяхъ и разсказахъ, касающихся явленій природы. Многое здѣсь представляетъ слѣды глубокой древности и переноситъ насъ мысленно въ то дѣтское состояніе человѣческаго ума, когда не сознавалось еще вполнѣ различіе человѣческихъ свойствъ отъ свойствъ животныхъ и вообще предметовъ внѣшняго матеріальнаго міра; человѣкъ внѣ себя готовъ былъ находить то, что собственно было присущимъ только человѣческой природѣ. Тогда человѣкъ могъ допустить, что животныя, растенія, камни, воздушныя явленія, все, что онъ встрѣчаетъ, не лишено способности мыслить, чувствовать, говорить какъ человѣкъ. Этого мало. Человѣкъ не прочь былъ въ неразумныхъ существахъ искать болѣе духовныхъ дарованій, чѣмъ какими обладалъ самъ. Человѣку хотѣлось знать будущее, но онъ чувствовалъ въ этомъ отношеніи ограниченность своего бытія; за то готовъ былъ подозрѣвать, не обладаютъ ли животныя такимъ знаніемъ. Органы чувствъ не давали человѣку права заключить, что животныя, подобно человѣку, имѣютъ даръ слова; но человѣческому воображенію представилось, что они его имѣютъ, только самому человѣку трудно это подмѣтить,—нужна особая мудрость. Отсюда разсказы о бесѣдахъ животныхъ между собою; въ послѣдствіи оттуда возникли апологи, существующіе во всѣхъ памятникахъ человѣческаго слова. Теперь, заставляя говорить животныхъ въ апологѣ, и авторъ его и читатели знаютъ, что это иносказательная форма выраженія, а на самомъ дѣлѣ животныя не разговариваютъ. Но первоначально человѣкъ искренно вѣрилъ въ разумность животныхъ и вообще внѣшнихъ предметовъ матеріальнаго міра. Это доказывается обоготвореніемъ животныхъ, растеній и другихъ предметовъ матеріальнаго міра, общимъ чуть ли не всѣмъ языческимъ первобытнымъ религіямъ. Что̀ въ послѣдствіи считалось символомъ и человѣческимъ вымысломъ, то нѣкогда казалось человѣку неоспоримо существующимъ внѣшнимъ фактомъ. Хотя такое первобытное отношеніе человѣка къ природѣ господствовало у нашихъ предковъ уже очень давно, но слѣды его остались въ міросозерцаніи нашего простонародія до сихъ поръ, такъ какъ это простонародіе по разнымъ историческимъ причинамъ оставалось почти безъ просвѣтительнаго вліянія со стороны той части народа, которая быстрѣе другихъ успѣвала развиться. Масса простонародія вообще у всѣхъ славянскихъ племенъ пребывала въ невѣдѣніи, близкомъ къ первобытной природѣ человѣка, долѣе, чѣмъ у другихъ европейскихъ племенъ, а южно-русское племя постоянно проживало въ

условіяхъ благопріятныхъ для сбереженія зачатковъ первобытнаго міросозерцанія. Оттого-то въ малорусскихъ преданіяхъ, сообщаемыхъ г. Драгомановымъ, мы видимъ яркое указаніе на вѣру въ человѣкоподобную разумность животныхъ. Въ полночь передъ новымъ годомъ волы между собою разговариваютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ. Они предвидятъ, чѣмъ будетъ ихъ содержать хозяинъ; они пророчатъ, что этому хозяину суждено умереть въ наступающемъ году. Другой хозяинъ услыхалъ отъ своихъ воловъ еще худшее. «Можемъ теперь почивать,»—сказалъ волъ волу,—«завтра будемъ хоронить хозяина!» Въ другихъ подобныхъ разсказахъ животныя ведутъ бесѣду не только между собою, но и съ своимъ хозяиномъ. «Гдѣ будемъ ночевать?» спрашиваетъ хозяинъ своихъ воловъ. — Хоть и здѣсь, такъ мы готовы,—отвѣчаютъ волы. Другой хозяинъ также спрашиваетъ своихъ лошадей. «Гдѣ хочешь, тамъ и заночуемъ!» отвѣчаютъ лошади. Въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ мы знаемъ множество такихъ пріемовъ: казакъ говоритъ съ своимъ конемъ, чумакъ съ своими волами; надъ трупомъ убитаго казака стоитъ его конь и силится напрасно поднять его; надъ гробомъ умершаго въ степи чумака плачутъ оставленные имъ волы; тоскующее лицо обращается къ соловью, кукушкѣ, голубю, а иногда къ дереву—калинѣ, дубу, явору—какъ къ существамъ, способнымъ ему сочувствовать. Когда духовная сторона человѣка поднялась — онъ уже сознавалъ, что животное либо растеніе не способны говорить и мыслить какъ человѣкъ, но онъ все еще долго не могъ разстаться вполнѣ съ прежнею вѣрою въ человѣкоподобную разумность матеріальныхъ предметовъ, и вотъ тогда началъ себѣ человѣкъ создавать представленія, что внѣшніе предметы могутъ имѣть человѣческія свойства только тогда, когда въ нихъ превращается человѣческое существо. Знаніе себя самого было у человѣка еще до такой степени слабо, что ему не казалось невозможнымъ такое превращеніе. Явилось множество миѳовъ о превращеніяхъ: эти миѳы, какъ извѣстно, составляютъ существенную часть древнихъ миѳологій. И въ нашемъ малорусскомъ простонародіи уцѣлѣли слѣды этого духовнаго состоянія человѣка, хотя еще также дѣтскаго, но показывающаго уже нѣкоторый шагъ впередъ въ своемъ развитіи. Слѣды эти — преданія, пѣсни и разсказы о превращеніяхъ. Въ статьѣ нашей «Объ историческомъ значеніи русскаго народнаго пѣсеннаго творчества», напечатанной въ журналѣ «Бесѣда» за 1872 г., мы привели много такихъ пѣсень, гдѣ изображается какъ превращается человѣческое существо въ животныхъ, деревья, цвѣты, травы, камни и въ новомъ своемъ видѣ сохраняетъ какіе нибудь признаки, свойственные разумному существу. Въ собраніи преданій и разсказовъ, изданномъ подъ редакціею г. Драгоманова, то же является еще прямѣе и рѣзче; здѣсь встрѣчаемъ многихъ звѣрей и птицъ, превращенныхъ изъ людей, вслѣдствіе какого нибудь трагическаго потрясенія. Нѣсколько

такихъ миѳовъ относятся къ кукушкѣ. У всѣхъ народовъ эта птица возбудила къ себѣ вниманіе, и едва ли въ какой нибудь изъ европейскихъ странъ не имѣла она миѳическаго и символическаго значенія. Въ малорусской народной фантазіи она—превращенная въ птицу особа женскаго пола, но миѳъ о превращеніи успѣлъ уже разбиться на разные варіанты. По одному — она жена, убившая своего мужа и послѣ своего превращенія въ птицу наказываемая тѣмъ, что безпріютно скитается по лѣсамъ и не имѣетъ пары; по другому—она жена ужа, ставшаго человѣкомъ, не захотѣвшая ѣхать къ мужу, который отошелъ отъ ней въ свой прежній міръ, по третьему— она горемычная вдова. По пѣснямъ, какъ малорусскимъ, такъ и великорусскимъ, — она несчастливо выданная замужъ женщина, прилетѣвшая въ домъ своей матери. Въ сборникѣ Драгоманова мы встрѣчаемъ миѳы о превращеніяхъ, касающіеся другихъ птицъ. Павлинъ и пава — королевичъ и королевна, убиравшіеся къ вѣнцу и превращенные въ птицъ колдуномъ. Ласточка — превратившаяся въ птицъ супружеская чета. У ней на шейкѣ красное пятнышко; оно объясняется тѣмъ, что нѣкогда мужъ рѣзалъ что-то живое и обмазалъ пальцы кровью; жена подскочила къ нему, а мужъ тронулъ ее за шею своимъ окровавленнымъ пальцемъ. Аистъ — человѣкъ, ставшій птицею за то, что не исполнилъ Божія приказанія: отнесть въ море въ мѣшкѣ гадовъ; онъ развязалъ мѣшокъ, а гады расползлись по землѣ; за это онъ превратился въ птицу и въ новомъ своемъ видѣ истребляетъ гадовъ. Черепаха—изъ жареной курицы, которую скупая дочь припрятала отъ матери, пришедшей къ дочери въ гости. Есть превращенія уже позднѣйшаго склада, но замѣчательныя по дѣтскости вымысла: такъ, медвѣдь произошелъ изъ мельника, который хотѣлъ испугать ходившаго по землѣ Христа съ апостолами и нарядился въ тулупъ, вывороченный вверхъ шерстью: Господь за такую шалость осудилъ его быть страшнымъ косматымъ звѣремъ, и сталъ мельникъ —медвѣдь! Нѣкоторыя преданія, если смотрѣть на нихъ только основываясь на внѣшнихъ признакахъ, могутъ показаться остатками сѣдой языческой древности; но когда обсудить этотъ вопросъ, то удобнѣе признать ихъ захожими и въ не очень давнее время. Таковы, напримѣръ, преданія о песиголовцахъ, чудовищахъ въ человѣческомъ видѣ, но съ песьею головою и съ однимъ глазомъ; они ловятъ людей, держатъ взаперти, откармливаютъ, словно свиней на сало, потомъ зарѣзываютъ и съѣдаютъ. По всему видно, этотъ образъ зашелъ въ Южную Русь съ запада Европы уже въ тотъ періодъ, когда, послѣ подвиговъ Васка-де-Гама и Христофора Коломба, начался нескончаемый рядъ открытій въ неизвѣстныхъ до того времени странахъ земнаго шара. Тогда въ Европѣ ходили извѣстія о разныхъ чудовищныхъ существахъ, живущихъ будто бы въ отдаленныхъ краяхъ за морями. Вѣроятно, также съ Запада зашло въ Малороссію преданіе о морскихъ людяхъ, въ которыхъ не трудно

видѣть древле-миѳологическихъ сиренъ и нереидъ. Преданіе о табакѣ (стр. 13) зашло отъ великорусскихъ раскольниковъ; отъ нихъ, должно быть, занесена легенда объ изобрѣтеніи водки діаволомъ, издавна повторявшаяся въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, составлявшихся въ Сѣверной Руси.

Большой интересъ представляетъ образъ чорта въ малорусскихъ преданіяхъ. Малорусскій чортъ, по основѣ существа своего, не духъ злобы, а фантастическое животное, чудовищное и безобразное, похожее нѣкоторыми чертами на человѣка, но другими отличное отъ послѣдняго. У него назади хвостъ, а на ногахъ «ратицї» (бычачьи ногти), и этихъ признаковъ онъ ни за что не можетъ скрыть. Что чортъ—животное, это доказывается тѣмъ, что онъ размножаетъ свою породу какъ животное, подвергается боли и смерти. Размножаясь животнымъ способомъ, черти дѣлятся на два пола: народное вѣрованіе знаетъ чертей и чертовокъ; чертовки рождаютъ дѣтенышей, и, подобно женщинамъ, нуждаются въ повитухахъ (стр. 48, 49). Смерть поражаетъ чертей очень часто отъ громоваго удара; и волки ихъ пожираютъ, иногда и люди убиваютъ. Чортъ — хитеръ, лукавъ, шаловливъ, но часто бываетъ глуповатъ; любитъ онъ подшутить надъ человѣкомъ, заведетъ его куда нибудь въ прудъ или оврагъ, подведетъ даже подъ гибель (стр. 54), но иногда не на столько бываетъ ловокъ и сметливъ, чтобъ самого себя устранить отъ опасности. Чортъ безпрестанно подвергается нападенію отъ волковъ: это непримиримѣйшіе враги чертовской породы; во множествѣ истребляютъ они чертей и тѣмъ оказываютъ благодѣяніе человѣческому роду: еслибы волки не пожирали чертей, сколько бы ихъ наплодилось на свѣтѣ!

Однажды сидѣлъ человѣкъ на берегу рѣки и видитъ: на противоположномъ берегу сидитъ чортъ и дразнитъ человѣка. Въ это время замѣтилъ человѣкъ, что къ чорту подкрадываются волки, и закричалъ: стерегись, тебя волкъ съѣстъ! Чортъ поскорѣе прыгнулъ въ рѣку и спрятался подъ водою; чортъ—животное земноводное и можетъ пребывать въ водѣ какъ и въ воздухѣ, словно бобръ или выдра: эта способность даетъ возможность чертямъ часто спасаться отъ волковъ. Хотя черти обыкновенно не дружелюбны къ человѣческому роду и всегда рады сдѣлать человѣку какую-нибудь пакость, но спасенный отъ волковъ чортъ проникся чувствомъ благодарности къ человѣку и за спасеніе своей жизни возблагодарилъ своему избавителю, открывши ему коварство жены, которой человѣкъ довѣрялъ, считая ее вѣрнѣйшимъ другомъ; чортъ избавилъ этого человѣка отъ смерти, которую хотѣла было нанести ему злобная жена. Впрочемъ, этотъ взаимный обмѣнъ благодѣяній между человѣкомъ и чортомъ—случай исключительный; обыкновенно черти и люди враждебны между собою и если человѣкъ не всегда дѣлаетъ чорту зло, то оттого, что не умѣетъ его сдѣлать. Можно чертей

стрѣлять изъ ружьевъ, но для этого нужно знать секретъ: когда стрѣлокъ выстрѣлитъ въ чорта, чортъ скажетъ: бей еще! Неопытный стрѣлокъ выстрѣлитъ опять и тогда чортъ останется цѣлъ; послѣ того выстрѣлами его уже не проймешь; но если стрѣлокъ заранѣе знаетъ чертовскую уловку и ограничится сдѣланнымъ одинъ разъ выстрѣломъ—тогда чортъ немедленно умираетъ. Случалось, стрѣлокъ не убивалъ чорта на повалъ, но отбивалъ ему хвостъ; такой чортъ безъ хвоста называется куцымъ. Самое своеобразное свойство чертовской природы—принимать различные виды. Чортъ показывается то въ видѣ катящагося по землѣ клубка, то въ видѣ собаки или кошки (стр. 45—46), то въ видѣ тучи, то въ видѣ дитяти (стр. 44). Будучи по своей натурѣ животнымъ земноводнымъ, чортъ часто имѣетъ дѣло съ тѣми изъ людей, которые, по своему занятію, постоянно обращаются съ водою, напримѣръ, съ мельниками и рыбаками. Объ условіяхъ, заключаемыхъ мельниками съ чертями, очень много разсказовъ, и народная вѣра здѣсь такъ велика, что въ народныхъ разсказахъ часто колдунъ, знающійся съ чертями, бываетъ въ то же время мельникъ по занятію. Относительно рыбаковъ въ изданіи г. Драгоманова напечатано такое преданіе: однажды рыбаки вытащили изъ Днѣстра чудовище волосатое, черное, похожее на человѣка; какъ только притянули его къ берегу, оно сплеснуло руками, захохотало и снова бросилось въ воду (стр. 47). Всѣ такіе образы присущи не только малорусскому племени, но и разнымъ другимъ племенамъ; они указываютъ на древнѣйшій вымыселъ человѣка первобытныхъ временъ, когда фантазія создавала въ природѣ разныя чудовища и видоизмѣняла по произволу признаки дѣйствительно существующихъ тварей: очень быть можетъ, что первоначально чортъ въ человѣческой фантазіи возникъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ водятся обезьяны, и потому представляетъ много признаковъ, напоминающихъ это животное; но такой первобытный чортъ смѣшался и слился съ тѣмъ представленіемъ о духѣ злобы, искусителѣ и врагѣ человѣка, которое заходило къ народамъ съ перемѣною вѣры; новое заимствованное представленіе не могло вытѣснить прежняго и потому они оба слились въ одно. Въ малорусскомъ міровоззрѣніи ясно видны до сихъ поръ эти два слитыя между собою представленія. Рядомъ съ преданіями и разсказами, въ которыхъ чортъ несомнѣнно является чудовищнымъ животнымъ, есть и такіе преданія и разсказы, гдѣ чортъ, не теряя совершенно своего первобытнаго значенія, выказываетъ черты, занесенныя въ народъ путемъ церковныхъ вѣрованій или заимствованныя уже не въ очень давнее время съ Запада. Такимъ образомъ, встрѣчается здѣсь одно преданіе (стр. 51) о мести, устроенной чортомъ богомольному человѣку за его благочестіе, которое чорту въ человѣкѣ противно. Это—видоизмѣненное, часто повторяемое въ житіяхъ святыхъ сказаніе о томъ, какъ бѣсъ творитъ пакости боящимся

Бога и молящимся Богу. Раздраженный презрѣніемъ къ своей особѣ, чортъ снесъ въ кладовую благочестиваго мужа вещи изъ церковной ризницы, чтобъ черезъ то возбудить на него подозрѣніе въ воровствѣ церковнаго достоянія. Это напоминаетъ легенду объ Авраамія Ростовскомъ и Іоаннѣ Новгородскомъ. Черти музыканты (стр. 52)—представленіе, составившееся подъ вліяніемъ восточно-православнаго взгляда на грѣховность мірскихъ забавъ и особенно музыки. Но легенды о заключеніи человѣкомъ договора съ чертями и продажа имъ души (стр. 55), по всему видно—западноевропейскіе привносы, такъ какъ во множествѣ легендъ о бѣсахъ въ восточно-православномъ мірѣ они почти не встрѣчаются.

Изъ другихъ народныхъ преданій и разсказовъ, относящихся къ области фантастическаго, замѣчательны особенно тѣ, которые заключаютъ въ себѣ событія св. писанія ветхаго и новаго завѣта: они показываютъ способы и степень религіознаго вліянія христіанства на народъ. Народная громада въ древней Руси удалена была отъ возможности познакомиться близко съ прямымъ содержаніемъ священныхъ событій. Народъ не читалъ св. писанія, потому что не умѣлъ читать ничего, да и переводовъ въ народномъ обращеніи долго не было. Таковъ удѣлъ народа былъ во всѣхъ краяхъ русской страны, но малорусскій край былъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе великорусскаго. Во времена литовскія и польскія до XVII вѣка въ южнорусскомъ простонародіи господствовалъ глубокій мракъ и народъ только по наружности могъ считаться принадлежащимъ къ христіанской семьѣ народовъ. Невозможность черпать свѣдѣнія прямо изъ св. писанія замѣнилась распространеніемъ въ народѣ устныхъ разсказовъ, въ которыхъ историческая суть переплеталась съ вымыслами позднихъ временъ и произвольными искаженіями. Вымыслы эти всегда почти иноземнаго происхожденія. И это побуждаетъ предполагать, что распространителями такихъ устныхъ сказаній были иноземцы. Кое-что въ этой области народныхъ разсказовъ явно указываетъ на слѣды вліянія богумильской ереси: слѣды эти до того значительны, что однихъ ихъ было бы достаточно, чтобы признать вліяніе богумильскаго ученія на религіозность нашего народа, еслибъ не существовало объ этомъ никакихъ утвердительныхъ историческихъ извѣстій. Распространенію богумильскихъ міровоззрѣній, конечно, помогало то, что въ русскомъ язычествѣ до нѣкоторой степени было что-то похожее на богумильскія вѣрованія. Такъ, извѣстный разсказъ лѣтописца нашего о волхвѣ, объяснявшемъ какъ Богъ имѣлъ пренія съ сатаною, при сотвореніи человѣка, явно обличаетъ ту двойственность, какая составляла сущность всѣхъ ересей, къ разряду которыхъ принадлежало богумильство: по ученію, общему всѣмъ этимъ ересямъ, твореніе приписывалось разомъ Богу и сатанѣ; Богъ даетъ духъ, а сатана—плоть, отсюда безпрерывное бореніе духа и плоти. Та же идея совмѣстнаго творенія міра двумя враж-

дебными существами является и въ малорусскихъ преданіяхъ. Сатанаилъ— старѣйшій изъ небесныхъ ангеловъ. Богъ, вознамѣрившись творить міръ, зоветъ его быть вмѣстѣ съ Богомъ участникомъ акта творенія. «Пойдемъ, архангелъ мой, міръ творить!» приглашаетъ его Богъ.—«Пойдемъ, Боже!»— отвѣчаетъ Сатанаилъ. И пошли они надъ бездну. По Божію повелѣнію Сатанаилъ долженъ былъ спуститься въ бездну и достать оттуда горсть песку, чтобъ этотъ песокъ послужилъ зародышемъ твердой массы земли. Богъ велѣлъ ему при этомъ сказать: беру тебя, земля, на имя Господне. Но Сатанаилъ не совсѣмъ вѣрно исполнилъ порученіе, а прибавилъ къ имени Бога свое собственное имя. Онъ сказалъ: беру тебя, земля, на имя Божіе и на свое имя. Самомнѣніе Сатанаила и непослушанію Божію повелѣнія—корень дальнѣйшихъ золъ. Но Богъ милосердъ; Онъ вразумляетъ Сатанаила, приказываетъ ему снова спуститься въ бездну и достать песку, но отнюдь не прилагая своего собственнаго имени къ Божіему. Хотя Сатанаилъ, первый разъ произнесши свое имя наравнѣ съ Божескимъ, не принесъ ничего, но опытъ не вразумилъ его: Сатанаилъ опять приложилъ свое имя къ Божескому и опять воротился изъ бездны съ пустыми руками. Богъ всетаки и тогда не осудилъ непокорнаго за двукратное непослушаніе, но послалъ его снова добывать основы земли; тогда Сатанаилъ произнесъ: беру тебя, земля, на имя Господне, и уже не приложилъ своего имени. Онъ принесъ Богу горсть песку; но когда Богъ сталъ ходить по безднѣ и сѣять песокъ, Сатанаилъ сталъ облизывать себѣ руку, думая, что на ней удержится хоть не много того песку, который онъ доставилъ Богу. По мѣрѣ того, какъ посѣянная и благословленная Богомъ земля стала расти, и во рту у Сатанаила стала раздуваться та земля, что осталась отъ облизанной руки и такъ раздулась, «що й губу роспирае». Плюнь, Сатанаилъ,—сказалъ ему Богъ. Сатанаилъ сталъ плевать и харкать, и гдѣ только онъ плевалъ, тамъ являлись горы, а гдѣ онъ харкалъ, тамъ поднимались скалы. Черезъ это-то у насъ земля стала неровная. Далѣе въ легендѣ разсказывается, что Господь съ Сатанаиломъ стали «спочивать», и, когда Богъ уснулъ, Сатанаилу пришла коварная мысль утопить Бога. Онъ схватилъ Бога и хотѣлъ его кинуть въ море, но не нашелъ моря и положилъ Бога на прежнемъ мѣстѣ.

Преданія о сотвореніи человѣка и грѣхопаденіи также явно отзываются богумильскимъ вліяніемъ. Создавши человѣка, Богъ предвидѣлъ, что если дать ему жену, то отъ этого произойдетъ человѣку вредъ; Богъ разсудилъ дать человѣку лучше товарища, чѣмъ жену. Богъ предоставилъ человѣку самому добыть себѣ товарища, самъ Онъ научилъ человѣка омочить палецъ въ росу и стряхивать, но только впередъ отъ себя, а отнюдь не назадъ. Адамъ не послушалъ Бога и сталъ стряхивать омоченные въ росу пальцы назадъ отъ себя. Изъ такого встряхиванья вдругъ родилось пять чертей. Адамъ

бѣжитъ отъ нихъ, а черти бѣгутъ за Адамомъ, да обмочиваютъ пальцы въ росу и встряхиваютъ назадъ отъ себя: отъ этого являются новые черти; и расплодилось ихъ такое множество, что небо трещало; наконецъ, Богъ повелѣлъ своимъ ангеламъ гонять чертей съ неба, куда они лѣзли. Когда ихъ ангелы поразили, черти посыпались съ неба, и гдѣ изъ нихъ кто нибудь вспомянулъ Бога, тотъ въ томъ мѣстѣ и остался: одни остались на небѣ, другіе въ воздухѣ между небомъ и землею, а третьи упали на землю. Тѣ, что упали на землю, дѣлаютъ вредъ человѣку, тѣ, что остались на небѣ — раздражаютъ Бога и Богъ ихъ поражаетъ громомъ. Созданіе человѣку жены разсказывается сообразно библейскому повѣствованію, а о грѣхопаденіи говорится такъ: были въ раю яблочки, которыхъ Богъ запретилъ ѣсть. Жена увидала и прицѣпилась къ мужу: «дай, да дай!» Адамъ говоритъ: нельзя. А жена ему: «такъ-то ты меня любишь, что и яблочка жалѣешь для меня!». Адамъ сперва сказалъ: «ѣшь, только меня до грѣха не доводи», а потомъ, послѣ усильныхъ просьбъ жены, и самъ отвѣдалъ. Тогда Господь изгналъ его изъ рая, далъ ему застунъ, лопату и горсть сѣмянъ и сказалъ: «не хотѣлъ ты слушать меня, заработывай же хлѣбъ кровавымъ потомъ». Жилъ Адамъ на землѣ, дѣтей наплодилъ, но былъ здоровъ и сталъ думать: «не умру я; силенъ человѣкъ!». Но Богъ наслалъ на него болѣзнь, и Адамъ, чувствуя, что смерть близка, послалъ сына своего въ рай принести ему золотое яблочко. Сынъ принесъ ему, вмѣсто райскаго яблочка, тотъ прутъ, которымъ Богъ изгналъ Адама изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать себѣ изъ него три обруча и наложить себѣ на голову. Съ этими обручами на головѣ онъ и умеръ; изъ этихъ обручей выросло трехчастное, треблаженное древо, на которомъ въ послѣдствіи Христосъ былъ распятъ. Однажды Божія Матерь, идя со Спасителемъ, споткнулась на это древо и въ испугѣ произнесла: «о треблаженное древо, на тебѣ мой сынъ распнется!» «Правда»—промолвилъ ей сынъ. И послѣ того, сколько ни подбирали дерева на крестъ, ни на одномъ его распять не могли, кромѣ треблаженнаго древа, которое тогда уже имѣло видъ (виглядъ) креста.

Во всемъ этомъ представляется большое подобіе съ богумильскими баснями о древѣ крестномъ, написанными болгарскимъ попомъ Іереміею Адамъ, умирая, посылаетъ въ рай сына Сифа; тотъ приноситъ ему не прутъ, которымъ изгнанъ былъ Адамъ изъ рая, какъ въ малорусской легендѣ, а часть древа, за которое постигло Адама изгнаніе изъ рая. Адамъ свиваетъ себѣ изъ этого дерева вѣнецъ и умираетъ. Его хоронятъ съ этимъ вѣнцомъ на головѣ. Изъ вѣнца произростаетъ треблаженное древо, но изреченіе, приписываемое въ малорусскомъ преданіи Божіей Матери, въ апокрифѣ, относимомъ къ сочиненіямъ Іереміи болгарскаго попа, приписано Сивиллѣ, которая, во время построенія Соломонова храма, сѣла на этомъ деревѣ и, об-

жегшись, произнесла: о треклятое древо! Но тогда всѣ стоявшіе вокругъ нея люди единогласно воскликнули: о треблаженное древо, на немъ же распнется Господь! (Тихонр., Пам. Отреч. Лит., I. 311). Другія черты этихъ малорусскихъ преданій находятъ себѣ также соотвѣтствующія въ апокрифическихъ сочиненіяхъ, изшедшихъ отъ богумиловъ. Такъ, засѣваніе земли и плутовская продѣлка Сатанаила съ Богомъ является въ варіантѣ того же слова о крестномъ древѣ, только здѣсь идетъ дѣло не о сотвореніи земли, а о насажденіи рая (ibid., 306). Представленіе о томъ, что Господь не хочетъ творить жены первому человѣку, также отзывается богумильскимъ міровоззрѣніемъ, по которому половыя отношенія человѣка — есть дѣло дьявола.

Изъ многихъ ветхозавѣтныхъ преданій, особенное значеніе представляютъ сказанія о царяхъ Давидѣ и Соломонѣ; они во многомъ сходны съ ходившими по всей Европѣ въ средніе вѣка апокрифическими повѣствованіями объ этихъ лицахъ. Въ нашей литературѣ объ этомъ предметѣ существуетъ превосходное изслѣдованіе профессора Веселовскаго «славянскихъ сказаній о Соломонѣ въ связи съ западными легендами о Соломонѣ и Морольфѣ». Малорусскія преданія о Соломонѣ представляютъ много общихъ чертъ, заключающихся въ ходившихъ по свѣту сказаніяхъ о Соломонѣ, но съ примѣсью мѣстнаго простонароднаго балагурства. Разборъ этихъ преданій, какъ и другихъ, въ основѣ своей относящихся къ области ветхозавѣтной исторіи, мы предоставляемъ тѣмъ, у кого станетъ охоты заняться спеціально сравнительнымъ сопоставленіемъ этого рода мѣстныхъ преданій съ подобными у другихъ народовъ. Не можемъ не остановиться здѣсь на преданіяхъ, относящихся по содержанію къ новозавѣтной исторіи; они, по нашему мнѣнію, особенную важность представляютъ потому, что имѣютъ значеніе не однихъ только фантастическихъ измышленій, а заключаютъ въ себѣ нравственно-религіозный смыслъ, сообщаемый духомъ христіанства; народъ долго долженъ былъ довольствоваться такими измышленіями, не будучи въ состояніи усвоить болѣе правильныхъ взглядовъ изъ чтенія евангелія. Здѣсь главную роль занимаютъ разсказы о похожденіи Христа съ апостолами и со святыми, даже такими святыми, которые на самомъ дѣлѣ жили гораздо позже Христа и не могли видѣть Его во время пребыванія Спасителя на землѣ: такъ, напримѣръ, Христосъ путешествуетъ со святымъ Николаемъ. Разсказы эти всѣ вымышленные, но народъ имъ вѣрилъ и они на народъ оказывали то нравственное вліяніе, котораго не могли оказать достовѣрныя евангельскія событія жизни Христа, читавшіяся въ церкви на плохо понимаемомъ народомъ церковно-славянскомъ языкѣ. У народа образовалась своя эпопея о Христѣ, замѣнявшая евангельскую исторію. Эпопея эта состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ разсказовъ: иные, намъ извѣстные, не попали въ сборникъ Драгоманова. Не первый г. Драгомановъ обратилъ на нихъ вниманіе, не первый попытался собирать

ихъ и печатать. Еще въ 1840 г., въ Харьковѣ, А. А. Корсунъ, издавая малорусскій сборникъ: «Снпъ», помѣстилъ тамъ въ стихахъ нѣсколько такихъ разсказовъ о похожденіяхъ Христа съ апостоломъ Петромъ, но цензура не дозволила ихъ печатать со священными именами, а приказала замѣнить имя Христа какимъ нибудь миѳологическимъ именемъ, а его сопутнику дать также другое имя, которое бы не напоминало Христовыхъ апостоловъ. Г. Корсунъ переименовалъ Христа въ Бѣлбога, а Петра въ Юрка, и въ такомъ искаженномъ видѣ появились народные разсказы, одѣтые, кромѣ того, въ стихотворный размѣръ, чуждый малорусской народной поэзіи. Тѣмъ не менѣе, по смыслу содержанія они переданы вѣрно и потому не лишены значенія матеріаловъ для науки. У Драгоманова есть нѣкоторые разсказы одинакіе съ переданными г. Корсуномъ, но нѣтъ многихъ изъ тѣхъ, которые находятся у послѣдняго. Изъ помѣщенныхъ у Драгоманова есть нѣсколько варіантовъ одного и того же вымысла: содержаніе ихъ въ томъ, что Христосъ съ однимъ изъ учениковъ (по однимъ варіантамъ—съ Петромъ, по другимъ—со св. Николаемъ), странствуя по землѣ, не испытываетъ гостепріимства и вниманія къ себѣ отъ богачей, а находитъ то и другое у бѣдной вдовы, у которой есть одна только корова. Вдова радушно приняла гостей, накормила ихъ молокомъ, но когда Христосъ съ ученикомъ, простившись съ хозяйкою, пошли снова въ путь, Господь, встрѣтивши волка, приказалъ ему заѣсть у бѣдной вдовы корову, составлявшую все ея достояніе. Потомъ Христосъ приказалъ бочкѣ, наполненной золотомъ и серебромъ, катиться во дворъ къ тому богачу, который не принялъ къ себѣ Христа съ ученикомъ его. Ученикъ былъ пораженъ такою видимою несправедливостію, но потомъ, когда ученику захотѣлось пить, Господь послалъ его въ ближайшую рощу, гдѣ долженъ былъ находиться родникъ. Отправился туда ученикъ, но въ испугѣ прибѣжалъ назадъ, и разсказалъ, что тамъ весь родникъ наполненъ отвратительными гадами. «Пойдемъ дальше!» сказалъ Господь и снова сказалъ ученику, что можетъ спуститься съ горки и тамъ онъ найдетъ другой родникъ. Ученикъ отправился куда велѣлъ ему Учитель, а когда вернулся къ Христу, Господь сказалъ ему: «что онъ такъ долго замедлилъ? прошло три года, съ тѣхъ поръ, какъ ты пошелъ пить!»

Ученикъ разсказалъ, что онъ нашелъ превосходную воду; родникъ, изъ котораго истекаетъ вода, окруженъ яркими, благовонными цвѣтами, воздухъ оглашается пѣніемъ птицъ, и все такъ прекрасно, такъ восхитительно, что сказать невозможно. «Знай»,—сказалъ Господь,—«мѣсто, гдѣ ты видѣлъ родникъ, вокругъ котораго кишатъ страшные гады, называется пекломъ; оно уготовано для того богача, что насъ презрѣлъ, а то мѣсто, которое тебѣ такъ понравилось, называется раемъ: оно опредѣлено для бѣдной вдовы, которая насъ угостила! Она на семъ свѣтѣ цѣлый свой вѣкъ бѣдовала, терпѣла и плакала,

но была женщина добрая и честная: за то она по смерти будетъ счастлива въ раю». Видишь, человѣкъ,—говоритъ народное нравоученіе:—будь добръ, не уповай на земное счастье, люби бѣдныхъ и трудись: Богъ воздастъ тебѣ въ будущемъ вѣкѣ! Одна и та же мысль въ народныхъ преданіяхъ разсказана въ четырехъ различныхъ варіантахъ (стр. 110—120). Тотъ же разсказъ слыхали мы и въ Великороссіи, что показываетъ на его давность въ русскомъ мірѣ. Въ сборникѣ Драгоманова помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ Господь нашелъ на дорогѣ подкову (стр. 124), которую апостолъ Петръ не хотѣлъ поднять. Господь продалъ подкову и купилъ за пріобрѣтенныя деньги паляницу [1]), и когда Петръ, проголодавшись, попросилъ ѣсть, Христосъ нѣсколько разъ кидалъ ему куски хлѣба, которые подбиралъ его спутникъ. «Вотъ,—сказалъ Господь,—ты не хотѣлъ одинъ разъ нагнуться, чтобы взять подкову, которая дала намъ хлѣбъ, а теперь много разъ нагибаешься за хлѣбными кусками». Эта легенда, по своему содержанію, нѣмецкаго происхожденія, только у нѣмцевъ мы слыхали ее нѣсколько въ иной редакціи: въ то время, когда Петръ замечтался о величіи царствія небеснаго, Спаситель поднялъ найденную на дорогѣ подкову и, когда пришлось ему проходить черезъ городокъ, продалъ ее и за полученныя деньги купилъ вишенъ. День былъ знойный и Петръ, увидавши, что у Господа есть вишни, попросилъ себѣ. Тогда Господь сказалъ ему, что въ то время когда Петръ мечталъ о небесномъ величіи, Онъ, Христосъ, увидалъ лежавшую на дорогѣ подкову и, проходя черезъ городъ, продалъ ее, на вырученныя деньги купилъ вишенъ, а теперь вишни и пригодились. Этимъ поступкомъ Господь научилъ Петра, что не слѣдуетъ пренебрегать ничтожными вещами, встрѣчаемыми на жизненномъ пути, потому что иногда черезъ малозначительные предметы можно пріобрѣтать для себя нужное. Въ другихъ такихъ преданіяхъ нравственные взгляды, почерпнутые изъ практическихъ наблюденій народа надъ явленіями своего простонароднаго быта, примѣнены къ хожденію Христа съ учениками по землѣ. Такъ, напримѣръ, Христосъ, идя съ Петромъ, встрѣчаетъ бѣшеную собаку. Петръ испугался; Господь говоритъ: «не бойся: она тебя не тронетъ!» Потомъ встрѣчаютъ пьянаго человѣка. «Теперь свернемъ въ сторону»,—сказалъ Христосъ;—«пьяница хуже бѣшеной собаки!» (стр. 124). Въ другомъ разсказѣ Христосъ женщину поучаетъ каждый день прясть, а въ субботу все помыть въ хатѣ и хату помазать и вести свое хозяйство такъ, чтобы ея мужъ пахалъ въ сорочкѣ, а не въ тулупѣ, какъ встрѣтилъ его Господь во время работы въ полѣ (стр. 125). Мудрости Христа приписывается обычная житейская мудрость малорусскихъ поселянъ. Въ одномъ изъ такихъ же разсказовъ (стр. 123) Христосъ, по просьбѣ паробка даровать ему счастіе, велѣлъ ему жениться на безобразной дѣвушкѣ, обѣщая ему счастье; и въ самомъ дѣлѣ, когда этотъ паробокъ исполнилъ повелѣніе, то

[1]) Пшеничный хлѣбъ.

сдѣлался самымъ зажиточнымъ хозяиномъ; за то онъ ничего изъ того, что имѣлъ, долго не смѣлъ называть своимъ, а всегда называлъ жениными. Однажды, подстрекаемый себялюбіемъ, назвалъ онъ ниву свою своею; нашла туча, пошелъ градъ и выбилъ посѣянный на этой нивѣ хлѣбъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже все называлъ женинымъ, потому что счастье отъ Бога дано не ему лично, но его женѣ. Здѣсь къ христіанскимъ воззрѣніямъ примкнуло народное, вѣроятно, еще языческаго происхожденія, вѣрованіе о доброй и злой долѣ, которая дается человѣку съ дѣтства, и остается съ нимъ на всю жизнь, независимо отъ его поступковъ.

Легенды этого рода долгое время въ своей совокупности составляли и теперь составляютъ, такъ сказать, простонародное апокрифическое евангеліе. Иныя до того соотвѣтствуютъ духу евангельскаго ученія, что по существу своему не противны церковной мудрости, но есть и такія, которыя не заключаютъ въ себѣ нравственнаго смысла и искажены примѣсью народнаго балагурства. Такъ (стр. 126—127), разсказъ «о Богѣ, св. Петрѣ и цыганѣ» есть народная насмѣшка надъ цыганами, пришитая, можетъ быть случайно, къ похожденіямъ Христа со св. Петромъ. Было бы, во всякомъ случаѣ, очень полезно для этнографіи собрать эти легенды во едино, привести въ систему и освѣтить объясненіями, указывающими какъ на время появленія ихъ въ Малороссіи, такъ и на сродство ихъ съ такими же легендами другихъ народовъ. Съ этимъ трудомъ слѣдовало бы поторопиться, потому что съ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ, хотя бы даже слабаго, надобно ожидать, что эта апокрифическая эпопея о Христѣ исчезнетъ ранѣе многихъ другихъ народныхъ преданій.

Десятый отдѣлъ въ сборникѣ г. Драгоманова отведенъ для преданій «о лицахъ и явленіяхъ политическихъ» (историческихъ), т. е. такихъ, которыя прежде привыкли мы называть собственно историческими, хотя теперь, при расширеніи потребностей исторической науки, такой способъ выраженія уже не совсѣмъ пригоденъ. Относящагося ко временамъ до-казаччины, къ временамъ удѣльно-вѣчеваго періода нашей исторіи, сохранилось въ народныхъ преданіяхъ чрезвычайно мало, да и то, что удобно относить къ этимъ вѣкамъ, можетъ еще подвергаться сомнѣніямъ. Такъ, напримѣръ, преданіе о Кожемякѣ, освобождающемъ Кіевъ отъ чудовища змѣя, представляетъ подобіе съ лѣтописнымъ разсказомъ о Усмошвецѣ, побѣдившемъ печенѣжскаго богатыря, но трудно рѣшить, чтобы настоящее преданіе о Кожемякѣ было памятью объ Усмошвецѣ; напротивъ, самый разсказъ объ Усмошвецѣ могъ въ древности составиться на основаніи сказочнаго народнаго міровоззрѣнія, которое, видоизмѣняясь въ теченіи многихъ вѣковъ, выразилось въ народномъ разсказѣ о Кожемякѣ. То же можно сказать о Михашкѣ и Золотыхъ Воротахъ (стр. 249) и о Шелудивомъ Бунякѣ (стр. 224); это—произведенія народнаго былиннаго эпоса: если насъ поражаетъ сходство имени Шелудиваго Буняки нынѣшнихъ малорусскихъ пре-

даній съ собственнымъ именемъ и эпитетомъ Половецкаго хана XI вѣка, то никто не можетъ увѣрить насъ, что самое имя Боняка и эпитетъ Шелудивый, даваемый лѣтописцемъ половецкому хану, не зашли къ этому лѣтописцу отъ народа, который перенесъ на своего врага, разорявшаго его землю, старинное представленіе о какомъ-нибудь полумиѳическомъ врагѣ своемъ. Преданія о нашествіяхъ татаръ не могутъ быть отнесены даже приблизительно къ опредѣленнымъ временамъ, такъ какъ татары безпокоили Южную Русь съ половины XIII до половины XVIII вѣковъ. Насъ поражаетъ, что ни объ эпохѣ Хмельницкаго, ни о временахъ другихъ гетмановъ сплошь до Мазепы, нѣтъ ровно ничего въ отдѣлѣ, отведенномъ подъ № 10. За то времена Мазепы отражаются въ преданіяхъ. Здѣсь главную роль играетъ Палій. Народное сердце бываетъ своенравно и неудоборазгаданно въ сочувствіи къ личностямъ, о которыхъ сохраняется доброе воспоминаніе въ народной массѣ. Почему именно такія личности какъ Перебійнісъ, Морозенко, Нечай, Палій и еще такія, которыхъ невозможно отыскать по писаннымъ историческимъ матеріаламъ, стали народными героями, тогда какъ о многихъ, прославленныхъ на письмѣ и въ печати, народъ не знаетъ и, повидимому, даже знать не хочетъ—мы не беремся рѣшать, потому что какъ бы ни думали объ этомъ—всетаки не пойдемъ далѣе предположеній и догадокъ. Несомнѣнно только, что простой народъ малорусскій не чуждъ своей исторіи, только у него исторія—не та, которую выработали мы, и не такая, какая нами признается! По отношенію къ былевой правдѣ, народная исторія по большей части—вымыселъ, но это не мѣшаетъ ей быть часто правдивѣе нашей въ идеальномъ смыслѣ. Изъ нѣсколькихъ преданій о Мазепѣ и Паліѣ, напечатанныхъ въ разбираемомъ нами сборникѣ, можно сдѣлать такой выводъ: Палій—сказочный богатырь, воевавшій съ татарскою ордою. Онъ былъ «планетный чоловікъ», то есть чародѣй, умѣвшій напускать туманъ на своихъ враговъ: у него было всего пятьдесятъ казаковъ, а татарамъ показывалась несмѣтная сила. Онъ такимъ образомъ побѣдилъ и плѣнилъ татарскаго богатыря, потомъ связалъ его возжами. Но когда богатырь, бывшій также чародѣемъ, увидалъ, что у Палія войска мало,—тогда повернулся и возжи перегорѣли на немъ. Былъ тогда въ Окраинѣ «Королёкъ» проклятый Мазепа, а Палій Семенъ былъ у него генераломъ. Задумалъ Мазепа воевать съ русскимъ царемъ, и осадить его въ Москвѣ, а Палія, зная что онъ расположенъ къ русскому царю, засадилъ въ тюрьму, и сидѣлъ Палій въ тюрьмѣ тридцать лѣтъ. Когда русскому царю пришлось отъ Мазепы тѣсно, приказалъ царь привезти къ себѣ Палія. Освободили Палія; онъ былъ дряхлъ; его положили на простыню, и такъ привезли къ царю. Палій упалъ передъ царемъ на колѣни и поползъ на четверенькахъ, а царь, увидя его, самъ сталъ на колѣни и поползъ къ нему. Такъ они оба ползли другъ къ другу. Проситъ царь оказать помощь противъ Мазепы.— «Надобно,—сказалъ Палій,—выпросить у Мазепы три дни отдыха». Такъ и сдѣ-

лали. Тѣмъ временемъ стали Палія кормить, поить, привели въ силу, стали ему выбирать коня, но всякій конь, какого ни приводили къ нему, падалъ на колѣни, какъ только Палій клалъ ему руку на гриву. Наконецъ, у жида, который везъ бочку съ водою, узналъ Палій своего прежняго коня, съ трудомъ усѣлся на немъ и потомъ обставилъ знаменами все войско Мазепы. Проклятый Мазепа сидитъ въ каменномъ зданіи въ третьемъ этажѣ и пьетъ чай. Палій пускаетъ стрѣлу; стрѣла попадаетъ въ стаканъ Мазепы. Тогда Мазепа, догадавшись, что это противъ него идетъ Палій, отравился и погибъ. Послѣ того разогналъ Палій и татаръ, помогавшихъ Мазепѣ противъ русскаго царя. Но другое преданіе присоединяетъ къ исторіи Мазепы, Палія и русскаго царя еще шведа и переноситъ сцену дѣйствія въ Малороссію, къ Полтавѣ. Мазепа засадилъ своего генерала Палія въ тюрьму. Тутъ шведъ подступилъ къ Полтавѣ. Царь Петръ спрашиваетъ: «кто бы могъ отстоять Полтаву?» Семенъ Палій,—говорятъ ему.—А Палій сидитъ замурованъ въ стѣнѣ. Петръ приказалъ «отмуровать» его и призвать къ себѣ. Какъ зарядилъ Палій серебряною пулею ружье, какъ выстрѣлилъ,—такъ пуля попала въ полумисокъ, съ котораго обѣдалъ шведскій король Карлъ съ Мазепою. Бросились они бѣжать и сами себя изрубили.

Преданіе о Полуботкѣ разсказываетъ, что царь Петро приказалъ брать рекрутъ въ Украинѣ. Гетманъ Павло Полуботокъ воспротивился. Царь позвалъ его къ себѣ съ четырьмя сотнями казаковъ. Полуботокъ не велѣлъ казакамъ снимать передъ царемъ шапокъ, а приказывалъ имъ держать себя такъ, какъ прилично вольнымъ людямъ. Но когда Петръ прикрикнулъ на нихъ, то всѣ попадали, кромѣ Полуботка: только Полуботокъ не испугался царскаго гнѣвнаго крика. Царь пронзилъ ему ногу саблею и пригвоздилъ къ полу. Три дни мучили Полуботка, на четвертый день отвезли въ крѣпость; къ вечеру увидали свѣтъ въ его темницѣ; свѣчи сами около мученика загорѣлись. Царь, узнавши о такомъ чудѣ, самъ лично посѣтилъ Полуботка въ крѣпости. Полуботокъ былъ уже при смерти. Царь Петръ просилъ благословенія у этого праведнаго человѣка. Полуботокъ ударилъ его крестомъ и сказалъ: «Ты Петръ, а я Павелъ. Я умру сегодня; ты—черезъ недѣлю. Кто въ Украинѣ станетъ брать рекрутъ, тотъ будетъ проклятъ и въ семъ свѣтѣ и въ томъ». Съ тѣмъ и умеръ. Смерть постигла скоро и государя, какъ предрекъ Полуботокъ. По кончинѣ Петра вступила на престолъ его жена царица Екатерина (здѣсь разумѣетъ народъ Екатерину II-ю, которую считаетъ ошибочно женою Петра I-го). Она приказала брать рекрутъ въ Украинѣ. Такъ поступила она по наущенію Разумовскаго. Этотъ Разумовскій былъ родомъ изъ Лелишей, близь Козельца, незаконный сынъ. Сперва онъ пасъ скотъ, потомъ взялъ его къ себѣ священникъ и пріучилъ пѣть на клиросѣ; потомъ Разумовскаго повезли въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими, взятыми въ Украинѣ для царской пѣвческой. Тамъ, «чортъ его знаетъ чѣмъ и какъ» понравился онъ царицѣ. Она вывела его въ люди, сдѣ-

лала важнымъ бариномъ. И вотъ этотъ-то Разумовскій, дурной человѣкъ, посовѣтовалъ царицѣ брать рекрутъ въ Украинѣ.

Всѣ преданія и разсказы, напечатанные въ сборникѣ Драгоманова, не возбуждаютъ сомнѣній въ ихъ народномъ происхожденіи: исключеніе составляетъ одно преданіе о Полуботкѣ и Разумовскомъ, о которомъ мы только что сказали. Намъ кажется оно сочиненнымъ. Полагаемъ такъ, во первыхъ, на томъ основаніи, что въ немъ выдается за народное преданіе извѣстіе о посѣщеніи Петромъ заключеннаго въ крѣпости Полуботка, а это извѣстіе принадлежитъ «Исторіи Русовъ», ложно приписываемой архіепископу Георгію Конисскому, сочиненію, переполненному выдумками; во-вторыхъ—оно все пропитано духомъ полудворянскаго малорусскаго мѣстнаго патріотизма, воспитаннаго на псевдоконисскомъ,—патріотизма, недавно еще бывшаго въ модѣ въ средѣ малорусской публики. Въ сборникѣ Драгоманова замѣчается, что это преданіе записано г. П. А. Косачомъ. Мы не знаемъ г. Косача, но если онъ найдетъ нужнымъ, то можетъ, послѣ настоящаго нашего замѣчанія, представить доказательства народности преданія, доставленнаго имъ въ сборникъ.

Къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ относятся преданія и разсказы о гайдамакахъ, запорожскихъ казакахъ, разбойникахъ, о разныхъ мѣстностяхъ и урочищахъ, а также о могилахъ (курганахъ). Значеніе послѣднихъ всегда почти въ народномъ воззрѣніи соединяется съ ближайшимъ къ намъ по времени бытомъ казаковъ и разбойниковъ, а не съ отдаленными вѣками, совершенно потерявшимися для народнаго воспоминанія.

Двѣнадцатый отдѣлъ заключаетъ былины, которыхъ вообще немного: здѣсь замѣчательно, въ преданіи «о богатырѣ и конѣ» (стр. 253), народное вѣрованіе, что есть на свѣтѣ «прирожденные богатыри» какъ и прирожденныя вѣдьмы. Далѣе—тринадцатый отдѣлъ заключаетъ фантастическія сказки. Это самый многочисленный отдѣлъ въ сборникѣ Драгоманова. Многіе изъ разсказовъ, внесенныхъ въ этотъ отдѣлъ,—дѣйствительно сказки, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ это названіе употребляется въ литературѣ; другіе — анекдоты, образцы народной сметливости и остроумія; нѣкоторые — апологи, изъ которыхъ есть общеизвѣстные, попадающіеся во всякихъ сборникахъ басень (напримѣръ, о зайцѣ и лягушкѣ—№ 39, о лисицѣ—№№ 36. 37); иные просто, какъ говорится, не любо не слушай, а лгать не мѣшай, какъ, напримѣръ: накосили мы на масляницѣ лебеды и муравы, да построили церковь и повѣсили соломенный колоколъ, а въ немъ полстянной языкъ; какъ зазвонили на Рождество, такъ слышно на Пасху и проч.

За всѣми отдѣлами въ сборникѣ слѣдуютъ добавленія, куда вошли преданія, относящіяся ко всѣмъ предшествовавшимъ отдѣламъ, и поступившія къ редактору уже тогда, когда началось печатаніе сборника. Въ этихъ добавочныхъ матеріалахъ наше особенное вниманіе привлекаютъ разсказы, касающіеся житья-бытья народнаго въ южно-русскомъ краѣ послѣ уничтоженія сѣчи (стр.

415—424), когда духъ запорожской вольницы еще отзывался и побуждалъ удальцовъ дѣлать попытки къ заведенію жилья вновь на днѣпровскихъ порогахъ и прилежащихъ къ Днѣпру пустынныхъ пространствахъ. Вотъ, между прочимъ, любопытный разсказъ объ отношеніяхъ, въ какія ставили себя степные жители къ сосѣднимъ Украинѣ польскимъ панамъ. «На степяхъ, гдѣ нынѣ Маріупольскій уѣздъ, по могиламъ (курганамъ) проживали ватаги (атаманы) съ разбойниками, которые были изъ запорожцевъ. Степи, гдѣ теперь завелись селенія, были тогда дики, а около моря блуждали татары и нагаи. Вотъ, бывало, ватаги нарядятся купцами и поѣдутъ въ Кіевскую губернію, въ Польшу. Пріѣдутъ къ пану ляху, будто за тѣмъ, чтобъ у него покупать скотъ, шерсть и другое; панъ ихъ принимаетъ какъ гостей и отводитъ имъ для ночлега убранные покои. Дождутся ночи; тогда подъѣдутъ изъ лѣса къ панскому дому казаки и начнутъ расправляться по своему и съ панами и съ панскими сокровищами. Убьютъ пана и панью, заберутъ все ихъ богатство, а крестьянъ на волю выпустятъ. Тогда поляки очень жестоко мучили украинскій народъ. Старые люди говорятъ, что польскіе паны людьми пахали, и пропивали ихъ какъ собакъ, и чего-то не творили! А когда стали крестьянъ обращать въ свою вѣру, тогда— извѣстно, что свой за своего стоитъ—казаки пошли выручать своихъ братій и тащить ихъ въ Запорожье». Вотъ отвѣтъ самаго народа тѣмъ господамъ новымъ историкамъ, которые додумались, будто въ борьбѣ южнорусскаго народа съ Польшею вопросъ о вѣрѣ былъ не главнымъ вопросомъ, и православіе служило только благовиднымъ знаменемъ, подъ которое собирался народъ, побуждаемый въ сущности совсѣмъ иными причинами, соціальными и хозяйственными!

А вотъ не менѣе любопытное преданіе о томъ, какъ южнорусскія степи заселялись бѣглыми. «Жили помѣщики, владѣвшіе участками земли, какой кто успѣлъ занять; у помѣщиковъ были крестьяне. А какіе, вы думаете, это крестьяне? Все бродяги, которые убѣжали отъ сердитыхъ господъ и теперь пристали къ новымъ господамъ. Они имъ работали за то, что господа ихъ кормили хлѣбомъ. Начальство отыскивало этихъ бродягъ, а помѣщики вотъ какъ отдѣлывались отъ начальства. Пріѣдетъ, бывало, какой-нибудь, такъ-себѣ, лядащенькій начальникъ, старшина съ писаремъ или засѣдатель, узнавать, нѣтъ ли у помѣщика бродягъ. Помѣщикъ начальныхъ людей поитъ, кормитъ, а бродяги, что помѣщику служатъ, имъ чай подносятъ. Поѣдятъ, попьютъ—съ тѣмъ и поѣдутъ начальные люди. А какъ пріѣдетъ отыскивать бродягъ какой-нибудь важный начальникъ, то помѣщикъ запрячетъ бродягъ своихъ въ камышахъ, бурьянахъ, терновникахъ: тамъ они пересидятъ, пока начальникъ не уѣдетъ, а потомъ снова соберутся. Чорта два—кто ихъ найдетъ. А иногда господинъ поведетъ начальника на гумно, показать свое хозяйство: стоятъ стоги соломы, словно горы, смотритъ на нихъ начальникъ и ему въ голову не приходитъ, что въ этой соломѣ чортова куча бродягъ!»

Преданіе это можетъ служить объяснительнымъ извѣстіемъ въ виду мно-

гочисленныхъ указовъ о поимкѣ бѣглыхъ, которыми такъ переполнено Полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

Значительное количество добавочныхъ матеріаловъ, поступившее къ редактору уже въ то время, какъ сборникъ его началъ печататься, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что труды по собранію этнографическихъ данныхъ въ Малороссіи далеко не могутъ признаваться подходящими къ концу. Много еще предстоитъ дѣлать; были бы только дѣятели, обладающіе охотою къ дѣлу и умѣньемъ вести дѣло.

Н. Костомаровъ.

Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ. Изданіе Д. Я. Самоквасова. Варшава. 1876. XII+282. Ц. 2 р.

Рукопись этого сборника была найдена въ бумагахъ сенатора Губе и представляетъ копію съ матеріала, собраннаго по распоряженію правительства въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія и долженствовавшаго послужить основаніемъ для предполагавшагося свода законовъ сибирскихъ инородцевъ. Служа при II-мъ отдѣленіи Его Величества канцеляріи, Губе имѣлъ возможность снять копіи, а между тѣмъ, по позднѣйшимъ справкамъ, самыхъ подлинниковъ не оказалось на мѣстѣ, за смертью д. с. с. Величко, которому они были переданы для указаннаго свода. Сборникъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) обычаи калмыкъ и татаръ Бійскаго уѣзда; 2) обычаи инородцевъ Кузнецкаго округа; 3) обычаи вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ; 4) обычаи тунгузовъ; 5) обычаи бурятъ; 6) обычаи якутовъ, и 7) обычаи киргизовъ.

Понятно все значеніе такого сборника для исторіи обычнаго права инородцевъ Сибири и можно пожалѣть только, что издатель его ограничился одними замѣчаніями о важности изученія народныхъ обычаевъ. Весьма цѣнныя дополненія и замѣчанія на это изданіе сдѣланы профессоромъ Кистяковскимъ, въ его рецензіи, напечатанной въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1876, іюнь, 228—249, Кіевъ).

В. И.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ

Род. 1633 † 1714.

Эпохѣ преобразованія Россіи Петромъ Великимъ предшествовали царствованіе Θеодора Алексѣевича и правленіе Софіи Алексѣевны.—промежуточныя звѣнья, связующія старую Россію съ новою, преобразованною, они подготовили и во многомъ расчистили путь великому преобразователю. Съ удаленіемъ, при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева—важное вліяніе на государственныя дѣла пріобрѣлъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, особенно возвысившійся при правительницѣ Софіѣ Алексѣевнѣ. Вслѣдствіе личной, сильной привязанности къ нему царевны, онъ сталъ первымъ лицомъ послѣ правительницы, нося титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя"—тотъ самый, который до него носили Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Вмѣстѣ съ титуломъ, Голицынъ наслѣдовалъ отъ предшественниковъ и ихъ духъ. Подобно имъ, западникъ, любитель иностранцевъ, Голицынъ, по отзывамъ послѣднихъ, отличался образованіемъ, зналъ латинскій языкъ. Князь Василій Васильевичъ, какъ извѣстно изъ исторіи, съ честію занималъ свое высокое положеніе, и Россія многимъ ему обязана.

Съ паденіемъ царевны Софіи неминуемо долженъ былъ пасть и князь Василій Васильевичъ. Ему поставлено было въ вину: 1) „что онъ сестрѣ великихъ государей о великихъ дѣлахъ докладывалъ мимо великихъ государей и писалъ ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ обще-жъ съ великими государями ее печатать велѣлъ, безъ указа великихъ государей; и—2) бывъ посланъ въ

1689 году на крымскія юрты, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ; каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость".

У князя Василія Васильевича отнято было въ казну все имѣніе; онъ, съ женою и дѣтьми, лишенный боярства, сосланъ былъ въ Каргополь. Потомъ мѣсто ссылки мѣняли на Яренскъ, Пустозерскъ и, наконецъ, на Пинежскій волокъ, гдѣ онъ и умеръ.

Приводимъ нѣсколько документовъ, относящихся до пребыванія князя Голицына въ ссылкѣ и до точнаго свѣдѣнія о годѣ и числѣ его кончины.

Вслѣдствіе именнаго указа 24-го апрѣля 1713 года, повелѣвавшаго всѣмъ губернаторамъ прислать въ правительствующій сенатъ вѣдомости: кому, кромѣ служилыхъ людей, въ ихъ губерніяхъ и по скольку дается жалованья въ годъ — Архангелогородскій вице-губернаторъ, извѣстный „прибыльщикъ" Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, въ своемъ донесеніи правительствующему сенату, во исполненіе означеннаго указа, погодно перечисляетъ всѣхъ лицъ своей губерніи, получавшихъ жалованье, и, между прочимъ:

въ 709 году: „князь Василью Голицыну з' дѣтми пяти человѣкамъ по рублю на день—365 рублевъ;

въ 710 году: „князю Василью и сыну ево князю Алексѣю Голицыну давалось 365 рублевъ;

въ 711 году: „князь Василью и сыну ево князь Алексѣю Голицынымъ кормовыхъ 365 рублевъ;

въ 712 году: „князь Василью и сыну ево князь Алексѣю Голицынымъ—365 рублевъ;

въ 713 году: „князь Василью и сыну ево князь Алексѣю Голицынымъ генваря съ 1-го по іюль—183 рубля..." [1])

Основываясь на словахъ сочинителя „Родословной князей Голицыныхъ", сообщенной Миллеромъ Новикову и напечатанной въ Древн. Росс. Вивліоѳ., XVII, стр. 211, покойный Устряловъ полагаетъ, что князь Василій Васильевичъ Голицынъ скончался въ 1713 году (Ист. Петра Великаго, II, прим. 20). Это не вѣрно. Въ тѣхъ-же сенатскихъ дѣлахъ (кн. 8/78, л. 92) находится слѣдующее донесеніе Архангелогородскаго вице-губернатора Алексѣя Курбатова правительствующему сенату:

„Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

---

[1]) Архивъ мин. юст., сенатск. дѣла, кн. № 11/81, листы 621, 623, 631, 643 и 657. С. П.

„По вашему царскаго величества указу велѣно князю Василью Голицыну з'женою и з'дѣтми жить Двинскаго уѣзду въ Волокопинежской волости за карауломъ. И въ нынѣшнемъ, государь, 1714 году, апрѣля 21-го дня, онъ, князь Василей, въ той Волокопинежской волости умре. Сію, государь, отписку велѣлъ я подать въ канцелярію правительствующаго сената. Вашего величества нижайшій рабъ Алексѣй Курбатовъ. Мая 20-го дня 1714 года".

Того же 1714 года 29-го іюля, отъ деревни Ангута (Гангута?), съ полу-галеры „св. Наталія", генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ писалъ правительствующему сенату:

— „Высокоблагородные и превосходительные господа правительствующаго вышняго сената:

„Въ бытность мою въ С.-Питербурхе вашему превосходительству я доносилъ, что его царское величество указалъ: князь Васильеву жену Голицына и сына ево изъ ссылки слободить,—и ежели до сего моего къ вамъ писменнаго доношенія указу послать не изволили, изволите по сему моему доношенію учинить по всемилостивѣйшему его величества указу. Впрочемъ остаюсь вашего превосходительства послушный слуга. Адмиралъ Апраксинъ.

P. S. „Покорно прошу хотя на два полка извольте прислать къ намъ мундиру, понеже страмно смотрѣть какъ ободрались". (Помѣта: получено августа 8-го дня 1714 года).

На письмо Апраксина послѣдовалъ сенатскій указъ:

„1714 года августа въ 9-й день. По указу великаго государя, правительствующій сенатъ приказали: по вышеписанному письму адмирала-генерала, кавалера графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, которое писалъ онъ указомъ царскаго величества, князь Васильеву жену Голицына и сына его изъ ссылки свободить и о томъ въ Архангелогородскую губернію къ вице-губернатору, къ господину Лодыженскому [1]), послать великаго государя указъ; а о посылкѣ на полки мундира въ военную канцелярію послать вѣдѣніе.

„И по вышеписанному приговору учинено: въ Архангелогородскую губернію указъ посланъ августа 12-го дня; въ военную канцелярію вѣдѣніе послано августа 12-го жъ числа" [2]).

1873 г. Сообщ. С. Петровскій.

---

[1]) Въ это время А. А. Курбатовъ находился подъ слѣдствіемъ по обвиненію во взяткахъ и замѣненъ былъ Петромъ Ладыженскимъ.

[2]) Архивъ мин. юст., сен. дѣла, кн. ³/₅₁₃, л. 773—775. С. П.

Указъ о шведскомъ палачѣ 1747 года.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Елисаветы Петровны изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ Выборгской губернской канцеляріи.

Изъ доношенія оной канцеляріи отъ 30-го декабря 1746-го года усмотрѣно какимъ образомъ швецкій подданный палачъ Магнусъ Палме съ швецкой стороны съ пашпортами въ Выборгъ пріѣхалъ, но, по причинѣ усмотрѣнія у него тѣхъ паспортовъ фальшивыми, за подозрительнаго признанъ и слѣдовательно подъ карауломъ, по требованію швецкой земской канцеляріи, туда назадъ, яко бѣглецъ, отосланъ, откуда и паки въ Россійскую сторону бѣжалъ. А понеже онъ, палачъ, нынѣ чрезъ пріѣхавшую изъ швецкой стороны Санктъ-Михелскаго кирхъ-шпиля корнецкую жену вдову Брусинову въ Каменогорской штатгалтерской канцеляріи свое искусство въ медицынѣ письменно объявилъ и притомъ проситъ, чтобъ онъ въ подданство Ея Императорскаго Величества пока ему въ Швецію пріѣхать позволитца принятъ былъ, на что оная губернская канцелярія проситъ указу, что̀ съ нимъ, палачемъ, чинить повелѣно будетъ. Того ради Выборгской губернской канцеляріи на то чрезъ сіе въ резолюцію объявляется: что о сыскѣ такого бѣглаго палача надлежитъ всякое возможное стараніе прилагать, и ежели онъ гдѣ во Всероссійской сторонѣ найдется, то его, по вторичному требованію, помянутой швецкой земской канцеляріи немедленно въ оную подъ крѣпкимъ карауломъ отослать, не взирая на сіе его въ медицынѣ предъявленное искусство и другія чинимыя иногда отговорки, чѣмъ онъ, можетъ быть, надлежащаго ему за его преступленія наказанія избавиться похотѣлъ бы. А ежели, между тѣмъ, пріѣхавшая съ нимъ, палачемъ, въ Выборгъ женщина, Анна Крестина Скогъ, еще тамо обрѣтается, то, какъ ее, такъ и вышеозначенную за нею заступающую(ся) корнецкую жену вдову Брусинову за границу немедленно выслать же и какое Выборгская губернская канцелярія по тому исполненіе учинитъ, и что далѣе въ семъ дѣлѣ произойдетъ, о томъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ рапортовать. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. Г. Михаилъ Воронцовъ. Генваря 16-го дня 1747 года. Санктпетербурхъ.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

Письма къ нему и замѣтка Екатерины II.

XVI [1]).

С.-Петербургъ, 28-го октября 1776 г.

Дмитрій Васильевичъ. Я, прочитавъ письмо ваше отъ 4-го числа сего мѣсяца, съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ онаго, съ какимъ усердіемъ вы стараетесь соотвѣтствовать намѣренію моему о утвержденіи въ Смоленской губерніи новаго моего учрежденія. Пріятно мнѣ было читать описаніе ваше о усердіи и ревности, какъ господина правителя намѣстничества, такъ и прочихъ въ тамошнія правительства опредѣленныхъ людей, хотя же въ нѣкоторыхъ правительствахъ, по новости установленія ихъ, дѣла и не пришли еще въ порядочное теченіе, какъ-то напримѣръ въ новоучрежденныхъ городахъ, а отъ того и въ самой казенной палатѣ находятся затрудненія, за неполученіемъ еще исправныхъ вѣдомостей; но я надѣюсь, что вашимъ усердіемъ все сіе въ скоромъ времени войдетъ въ свой надлежащій порядокъ, такъ какъ надѣюсь и на то, что вы и происшедшія нѣкоторыя отъ скорости ошибки или недоразумѣнія прилежаніемъ вашимъ скоро поправите. Съ сожалѣніемъ читала я описаніе ваше о городахъ Смоленскаго намѣстничества, и для того тотчасъ потребовала присланныхъ въ коммиссію о строеніи, отъ предмѣстника вашего, плановъ, но нашла, что они къ нужному для нынѣшняго учрежденія строенію мало служатъ, и для того поручаю вамъ потребовать отъ генерала-поручика Сиверса, апробованныхъ мною въ Тверскомъ и Новогородскомъ намѣстничествахъ для присутственныхъ мѣстъ плановъ, къ коимъ примѣняясь, вы сочиня пришлите ко мнѣ на конфирмацію, а между тѣмъ, сколько вамъ надобно на поправленіе стараго или на построеніе хотя деревяннаго вновь строенія, безъ чего обойтиться не можно, на то, по полученіи отъ васъ смѣты, прикажу я отпустить деньги изъ назначенныхъ уже для каждаго намѣстничества на пять лѣтъ ежегодныхъ двадцати тысячъ рублей. Всѣ ваши на первой случай учиненныя распоряженія о Рупосовѣ и Сычовкѣ я не могу не апробовать и не похвалить васъ за то, что вы, найдя ихъ въ такомъ неудобномъ для городовъ положеніи, не публиковали въ нихъ даннаго вамъ отъ Сената нашего указа, не меньше

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г. томъ IX, стр. 163 — 174; томъ XI, стр. 478—496; изд. 1377 г. томъ XVIII, стр. 372; 576 и 744.

апробуя и то, что вы изъ Рупосова суды и правительства перевели въ Юхновъ монастырь, а для того и прикажите назначенной нарядъ, для проложенія отъ Рупосова дорогъ остановить до указа, равно и записавшихся въ оныя мѣста въ мѣщане крестьянъ освободить, по желанію ихъ, изъ мѣщанства и оставить по прежнему въ крестьянѣхъ. А какъ посланными землемѣрами для снятія дорогъ и окружныхъ межъ можетъ быть и еще найдутся нѣкоторыя неудобности въ назначенныхъ уже округахъ, то и буду я ожидать отъ васъ обо всѣхъ округахъ и городахъ[1]) точнаго свѣдѣнія, дабы уже дать единственную резолюцію.

Есть-ли вы находите способъ сдѣлать расположеніе воинскихъ командъ съ бо̀льшимъ для казны сбереженіемъ и съ выгодою для земли, то я позволяю вамъ оное учинить обще съ тамошнимъ военнымъ командиромъ; а есть-ли онъ къ тому, за какимъ либо, отъ главной команды предписаніемъ, приступить отречется, то пришлите ко мнѣ о томъ ваше мнѣніе, тоже и о судьяхъ, кои расположены по квартирамъ можетъ быть на первый случай; придумайте способъ, чтобъ они, по прошествіи хотя года, не обременяли болѣе жителей, ибо имъ квартиръ отводить ни по чему не должно. Скажите совѣстному судьѣ Смоленскаго намѣстничества, что никогда мое намѣреніе не разнствовало съ моими учрежденіями, а въ нихъ нигдѣ не сказано, чтобъ уѣздные стряпчіе вступались въ дѣла совѣстнаго суда, присланной же о томъ ордеръ отъ генерала-прокурора къ губернскому прокурору произошелъ отъ нѣкотораго недоразумѣнія, и для того онъ писалъ, что-бъ его обратно прислать.

Впрочемъ, мнѣ всегда пріятно будетъ получать отъ васъ увѣдомленія о успѣхахъ дѣлъ въ ввѣренной вамъ губерніи. Я остаюсь вамъ доброжелательна. „Екатерина“.

XVII.

(Собственноручная записка Екатерины II). Годъ не извѣстенъ.)

„Въ планѣ написано было:

О супружествахъ.

Выше сего говорено о порядкѣ гражданъ, которыхъ однако число сохраняется и умножается единымъ способомъ, согласнымъ съ православною нашею вѣрою. Сей способъ состоитъ въ супружествѣ, для утвержденія и благоденствія котораго законы человѣческіе должны предписать въ разныхъ случаяхъ точныя установленія. Въ супру-

[1]) Это слово приписано Екатериною собственноручно.

жество сіе вступаютъ для двухъ предметовъ: 1) для заимной себѣ помощи и удовольствія; и 2) ради рожденія дѣтей и ихъ воспитанія.

Изъ чего происходитъ:

А.) По первому:

а) право ко вступленію в'супружества. Отъ куда слѣдуетъ:

b) запретительныя супружества, напримѣръ, между роднею, несходство лѣтъ, малолѣтіе, старость (зачеркнуто: „старолѣтства") и проч.:

с) заемная должность супруговъ самыхъ к' себя, изъ чего проистекаетъ:

d) означеніе преступленія противо супружества, какъ-то: многоженіе, прелюбодѣйство и проч.;

е) пособствованіе имъ въ содержаніи для житія на первой случай, которому надлежитъ быть раздѣлену слѣдующимъ порядкомъ:

1) о установленіи приданаго сколько, какого и съ онымъ какъ супругу поступать;

2) о награжденіи супруговъ бездѣтныхъ, послѣ смерти котораго нибудь.

Б) По второму:

1) заимная должность родителей и дѣтей, изъ чего происходитъ:

2) со стороны родителей надлежащее воспитаніе;

3) со стороны дѣтей—сыновнее послушаніе;

4) власть отческая, точное изъясненіе и ограничиваніе оной, откуда слѣдуетъ положить:

5) какимъ образомъ отъ власти отческой свобождаются, напримѣръ: по смерти родительской, по бракосочетаніи и проч.,

но многіе родители и проч.

Все сіе написано было подъ членъ IV.

Изволь теперь сличить съ печатнымъ".

Сообщ. С. А. Рудакова.

XVIII.

Мая 13-го числа 1779 г.

Дмитри Васильевичъ! освѣдомитесь какого князя Долгорукаго обозъ въ суботу пріѣхалъ въ городъ? и дайте мнѣ знать, буде же извѣстного и Ахаровъ оплошалъ, то вышлетѣ его обратно изъ городу, Газаину на встречу, съ тѣмъ приказаніемъ, что не тому не другому въ городѣ Питербурху мѣста нету.—Екатерина.

Сообщ. Л.

Разсказы стараго лейбъ-казака [1]).

Выступая изъ домовъ своихъ въ походъ, Донцы прощаются со всѣми сосѣдями по станицѣ, просятъ ихъ о покровительствѣ остающимся семьямъ своимъ, и потомъ, слѣдуя правилу отцовъ, отправляются, въ день выхода, въ станичную церковь, куда за ними несутъ жены и дѣти всѣ бранные доспѣхи и ведутъ на церковную площадь готовыхъ въ походъ коней. У вратъ святаго храма встрѣчаетъ ихъ священникъ съ животворящимъ крестомъ Господнимъ, совершаетъ напутственное молебствіе и окропляетъ святою водою воина, доспѣхи и, коня его. Изъ церкви всѣ казаки, въ предшествіи священника, идутъ на станичное кладбище, гдѣ почіютъ ихъ отцы и братья. Здѣсь творится общая панихида по усопшимъ, и каждый воинъ, припавши къ родной могилѣ, испрашиваетъ благословеніе своихъ родителей, беретъ горсть земли, покрывающей прахъ ихъ, цѣлуетъ эту священную персь родины, съ благоговѣніемъ надѣваетъ себѣ на шею, и родная земля, на груди воина, сопутствуетъ ему во всѣхъ его походахъ и битвахъ съ врагами; а умретъ казакъ на чужбинѣ—родная земля прикроетъ прахъ его. Разсказываютъ много примѣровъ глубокой вѣры Донцовъ и въ непреложную цѣлебность родной земли. Постигнутые какимъ бы ни было недугомъ, они, вообще, весьма неохотно идутъ въ госпитали и, вслѣдствіе того, долго скрываютъ свою болѣзнь отъ начальниковъ, стараясь избавиться отъ нея какимъ либо домашнимъ врачеваніемъ; но если болѣзнь никакъ не уступаетъ, то секретно прибѣгаютъ къ послѣднему, вѣрному, по ихъ убѣжденію, средству—берутъ изъ носимаго на груди мѣшечка частичку родной земли, съ теплою молитвою размѣшиваютъ ее въ стаканѣ съ водой и выпиваютъ. Убѣжденіе въ вѣрности такого врачеванія развилось и укоренилось въ средѣ Донцовъ до непоколебимости.

Глубокая набожность Донцовъ виднѣе всего проявляется въ исконномъ обыкновеніи, что казаки каждаго донскаго полка, находясь на службѣ, всячески заботятся сдѣлать между собою складчину на пожертвованіе въ свою станичную церковь, при возвращеніи со службы въ дома, образа или другой какой вещи церковной утвари.

Всѣ эти обычаи вполнѣ соблюдаются и лейбъ-казаками.

—

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 374—377; 569—572.

Казаки чрезвычайно дорожатъ своимъ добрымъ, честнымъ именемъ. Незапятнанное имя составляетъ для каждаго изъ нихъ семейную гордость. Къ сбереженію добраго имени много способствуетъ и предоставленное каждому, ничѣмъ неопороченному, казаку право—участвовать на станичныхъ сборахъ (мірскія сходки), для выбора станичныхъ правителей и для рѣшенія экономическихъ дѣлъ станичнаго общества. Отмѣтимъ здѣсь, для примѣра какъ казаки дорожатъ своимъ добрымъ именемъ, случай, происшедшій на глазахъ нашихъ въ 1848 году: во время похода л.-гв. казачьяго полка изъ С.-Петербурга въ Варшаву, былъ въ одномъ изъ эскадроновъ этого полка унтеръофицеръ, И—въ, молодой человѣкъ, очень добрый по характеру, но впавшій въ горькое пьянство. Какихъ мѣръ не было предпринято для исправленія этого несчастнаго—и наряжали въ караулъ за рядоваго, и заставляли по нѣскольку станцій идти пѣшкомъ при эскадронѣ, и ставили подъ пики: ничто не дѣйствуетъ! Наконецъ, эскадронный командиръ придумалъ испробовать еще одно наказаніе, — хотя гораздо меньшее прежнихъ, но болѣе дѣйствующее на самолюбіе казака. Когда выступающій съ ночлега эскадронъ выстроился къ походу, эскадронный командиръ вызвалъ И—ва впередъ и приказалъ ефрейтору: вести лошадь И—ва на чумбурѣ, всю станцію, между пѣсенниками и головою эскадрона, не позволяя И—ву слѣзать съ коня и тогда, когда эскадронъ будетъ идти пѣшкомъ — что́ дѣлается на особенно длинныхъ переходахъ, чтобъ размять ноги людей и облегчить лошадей. Такое распоряженіе эскадроннаго командира попало— что̀ называется— въ самое яблоко цѣли.

„Ваше высок—діе!“ взмолился плачущій И—въ. „Какое угодно наказаніе—только не это!“

— Что́! не нравится?—

—„Да помилуйте: вѣдь послѣ этакого срамнаго наказанія, мнѣ нельзя будетъ и въ станицу свою показаться; вѣдь меня всѣ станичники, и бабы, и дѣти – засмѣютъ, да послѣ этого меня и съ станичнаго сбора сгонятъ! Подумайте, ваше высок—діе, что меня—казака—будутъ вести на чумбурѣ, словно я не умѣю ѣздить верхомъ“.

Такое глубокое отчаяніе тронуло эскадроннаго командира и онъ сказалъ: хорошо! Я избавлю тебя отъ такого стыда, и не лишу права голоса на станичномъ сборѣ. Ступай на свое мѣсто, но помни, что если еще разъ напьешься пьянъ, то весь походъ будешь идти на чумбурѣ.

И что же? съ тѣхъ поръ И—въ пересталъ пить.

—

Въ кругу лейбъ-гвардіи казачьяго полка передается много слышаннаго отъ дѣдовъ и отцовъ о разныхъ случаяхъ во время службы ихъ въ столицѣ.

Разсказываютъ, будто бы императоръ Павелъ I, производя на военномъ полѣ ученье какому-то отряду гвардейскихъ войскъ, остался имъ чрезвычайно доволенъ. Обрадованные и успокоенные удачнымъ смотромъ начальники отряда и даже старшіе офицеры разъѣхались, кому куда хотѣлось, по окрестностямъ столицы; но объ этомъ дошло до свѣдѣнія государя, и онъ, на другой день, очень раннимъ утромъ, вызвалъ снова тотъ же отрядъ, по тревогѣ, на ученье. Оставшіеся при отрядѣ младшіе офицеры, неопытные въ командованіи, такъ растерялись, что не находили ни словъ, ни голоса для команды. Тогда императоръ, приведенный въ крайнее неудовольствіе, вызвалъ впередъ своего ординарца—простаго лейбъ-казака, и велѣлъ ему командовать. Казакъ, однакожъ, не растерялся и, не зная регулярныхъ построеній, гаркнулъ громовымъ голосомъ: „корпусъ, стройся, — по вчерашнему!"

— Чтó? чтò такое?—спросилъ императоръ.

— „Приказалъ строиться по вчерашнему, такъ какъ ваше императорское величество вчера изволили остаться весьма довольными!"

Государь разсмѣялся и похвалилъ лейбъ-казака за находчивость.

—

Витязь отечественной войны, храбрый полковникъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, а потомъ генералъ и командиръ этого полка, И. Е. Е́фремовъ, часто бесѣдуя съ вновь поступившими въ полкъ людьми о подвигахъ ихъ отцовъ въ битвахъ съ французами и о милостяхъ къ полку императора Александра I, подробно объяснялъ молодымъ казакамъ всю важность совершенной казаками, подъ Лейпцигомъ, атаки на непомѣрно превосходящія полкъ силы французской кавалеріи, и говорилъ:

— „Кто бы изъ васъ задумался спасти государя? Вѣдь французы-то прямо летѣли на него, словно рой пчелиный! За то, когда Богъ помогъ намъ остановить весь этотъ рой враговъ, государь поцѣловалъ и командира, графа Орлова-Денисова, и меня, и обратясь ко всѣмъ, уцѣлѣвшимъ лейбъ-казакамъ, громко крикнулъ: „Спасибо вамъ, большое спасибо, мои молодцы! Я никогда не забуду вашего славнаго подвига!" — Потомъ, узнавши, что полкъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ храбраго и любимаго товарища, полковника Чеботарева, да много не насчитывается и людей въ рядахъ полка, государь обнажилъ свою голову и набожно перекрестился о вѣчномъ покоѣ воиновъ, положившихъ животъ свой въ славномъ бою".

—

Въ какомъ-то году, а въ какомъ—не помню, гостилъ у покойнаго государя Николая Павловича прусскій принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нынѣшній Германскій императоръ; военнымъ министромъ былъ тогда Александръ Ивановичъ Чернышевъ. Караулъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка занималъ въ то время въ Зимнемъ дворцѣ комнату, въ которой теперь стоятъ кавалергарды и конная-гвардія. Государь однажды проходилъ чрезъ эту комнату, съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, сопровождаемый военнымъ министромъ и небольшею свитою. Парными часовыми стояли лейбъ-казаки Савиничевъ и Патроновъ. Росту они были не менѣе какъ по 2 арш. 10½ вершковъ; бакенбарды имѣли въ четверть длины, съ соотвѣтственными усами; лица мужественныя, чистыя; глаза ясные, соколиные; однимъ словомъ—писанные красавцы, въ боевомъ смыслѣ. Государь остановился передъ ними и сказалъ: „Это мои вѣрные казаки! Это моя донская гвардія! Это мои...“ и, внезапно обратясь къ Савиничеву, котораго, какъ ординарца, зналъ по фамиліи, спросилъ: „не такъ ли, Савиничевъ?“

— Точно такъ, ваше императорское величество! Вы—наши, а мы ваши!—отвѣчалъ Савиничевъ густымъ басомъ.

„Александръ Ивановичъ! каковъ отвѣтъ,—сказалъ государь обращаясь къ Чернышеву: а? спасибо тебѣ, Савиничевъ, молодецъ!“

—

Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, доказывающій расположеніе императора Николая Павловича къ лейбъ-казакамъ. Случай этотъ произошелъ въ 1849 году, во время пребыванія государя въ Варшавѣ и когда фельдмаршалъ, князь Варшавскій, былъ съ войсками въ Венгріи.

Въ Варшавѣ тогда находились оба донскіе гвардейскіе полка— л.-гв. казачій и атаманскій его высочества наслѣдника цесаревича. Офицеры этихъ полковъ были—все молодежь, отлично несшая служебныя обязанности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и усердно платившая дань всякимъ варшавскимъ развлеченіямъ. Особенно любили казаки посѣщать тамошній балетъ, на горизонтѣ котораго ярко сіяли двѣ хореграфическія звѣзды—Турчановичъ и Гвоздецкая. Казачьи офицеры отдавали преимущество первой изъ нихъ, хотя она была уже мать большой семьи и, слѣдовательно, не молодыхъ лѣтъ, а Гвоздецкая, напротивъ, очень молода и очень красива; такое предпочтеніе, можетъ быть, проистекало у нихъ изъ того, что Гвоздецкая пользовалась особымъ покровительствомъ театральной дирекціи, а Турчановичъ—преслѣдовалась ею.

Было воскресенье. На театрѣ назначенъ балетъ „Жизель“. Это амплуа Турчановичъ. Всѣ казачьи офицеры условились между собою сдѣлать Турчановичъ овацію цвѣточными букетами. Случайно, но уже въ обѣденную пору, узнавши объ этомъ намѣреніи офицеровъ, коман-

довавшій (за болѣзнью генерала Янова) обоими нашими полками, флигель-адъютантъ полковникъ Василій Ивановичъ Шамшевъ, спросилъ встрѣтившагося въ паркѣ коменданта города—можно ли въ Варшавскомъ большомъ театрѣ бросать на сцену букеты цвѣтовъ? Тотъ отвѣтилъ, что никакъ нельзя, что это строго запрещено фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Такой отвѣтъ очень обезпокоилъ полковника Шамшева. тѣмъ болѣе, что все офицерство уже разбрелось по городу и не было возможности разыскать ихъ до ночи, а между тѣмъ онъ слышалъ, что первые ряды креселъ взяты казачьими офицерами и что букеты уже заказаны ими; офицеровъ же въ обоихъ казачьихъ полкахъ насчитывалось тогда до цѣлой сотни. Съ своей стороны, театральная дирекція, получивъ свѣдѣніе о задуманной казачьими офицерами букетной демонстраціи, отдала капельдинерамъ театра строгій приказъ—не пропускать въ театральную залу съ букетами никого, а тѣмъ болѣе казачьихъ офицеровъ. Приказаніе театральной дирекціи исполнено: ни одинъ офицеръ не прошелъ съ букетомъ. Директорская ложа успокоилась и оттуда устремлялись на казаковъ саркастическія улыбки; а казаки сидѣли скромно, смиренно. Но, вотъ взвилась занавѣсь, появилась Гвоздецкая — послышалось шиканье... директорская ложа морщится; появляется на сценѣ Турчановичъ—раздаются громкіе аплодисменты... директорская ложа покрылась тучами. Кончился первый актъ, занавѣсь опустилась... раздались громовые вызовы Турчановичъ... Директорская ложа, вѣроятно, думала: это ничего, пусть себѣ пошалятъ—вызовъ не запрещается; занавѣсь поднята до половины высоты; на сцену вылетѣла Турчановичъ и, въ нѣсколько секундъ, она, буквально, стояла въ цвѣтахъ: болѣе 700 букетовъ окружали ее. Турчановичъ была глубоко тронута и, выражая свою благодарность, растерялась,—что̀ дѣлать съ этою массою цвѣтовъ; поднять эту импровизированную оранжерею потребовалась бы цѣлая телѣга... Тучи директорской ложи разразились громомъ неудовольствія на капельдинеровъ: ка̀къ смѣли они, вопреки отданнаго приказанія, пропускать офицеровъ съ букетами! Капельдинеры клянутся всѣми святыми, что ни одинъ офицеръ не прошелъ съ букетомъ въ рукахъ.

Дѣло объяснилось просто: казачье обмундированіе, какъ извѣстно, чрезвычайно удобно. Тогда, въ Варшавѣ, офицеры ѣздили въ городской формѣ; въ киверѣ ихъ есть тулья, на киверѣ мѣшокъ, называемый „шлыкомъ“; распустивши тулью, можно положить въ киверъ съ мѣшкомъ до 8-ми букетовъ, а когда тулья затянется имѣющимся у ней шнуркомъ, то ни одного лепестка не потеряется изъ спрятанныхъ въ киверъ букетовъ. Такъ казачьи офицеры и сдѣлали.

Когда комендантъ донесъ государю о „событіи“ въ театрѣ, его величество сказалъ только флигель-адъютанту Шамшеву:

— „Скажи офицерамъ, что я ни одного приказанія, отданнаго здѣсь фельдмаршаломъ, измѣнять не намѣренъ, и чтобы на будущее время ничего подобнаго не было“.

И. И. Шамшёвъ.

Андрей Петровичъ Бобровъ.

Собраніе бывшихъ воспитанниковъ Перваго Кадетскаго корпуса въ день основанія этого заведенія, 17-го февраля 1877 г., вызвало воспоминаніе о времени, проведенномъ мною въ стѣнахъ корпуса въ теченіе 12-ти лѣтъ, съ 1816-го по 1828-й годъ. При этомъ представились мнѣ живо многія начальствовавшія тамъ лица, давно уже окончившія свое земное поприще. Изъ числа ихъ особенно выдаются, по своимъ возвышеннымъ качествамъ, двѣ личности, оставившія въ моемъ сердцѣ самыя отрадныя впечатлѣнія и вызвавшія чувства признательности за ихъ доброту и истинно отеческія попеченія о юныхъ питомцахъ.

Первый изъ нихъ—бывшій экономъ Андрей Петровичъ Бобровъ, пріобрѣвшій извѣстность по своему безкорыстію и оригинальности характера; а вторая, начальница малолѣтняго отдѣленія и «мадамъ» 1-й каморы—Марья Антоновна Бертгольдъ, умная и добрѣйшая наставница.

По сохранившимся воспоминаніямъ, я составилъ объ этихъ двухъ замѣчательныхъ личностяхъ краткіе характеристическіе очерки и читалъ ихъ въ кругу тѣхъ изъ моихъ совоспитанниковъ, которые во время своего пребыванія въ корпусѣ застали поименованныхъ особъ дѣятелями въ корпусѣ.

Память о подобныхъ безкорыстныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ и добрыхъ людяхъ заслуживаетъ того, чтобы ее сохранить. **А. П.**

Андрей Петровичъ Бобровъ, бывшій весьма продолжительное время экономомъ 1-го кадетскаго корпуса, умершій въ 1836 году, представлялъ весьма оригинальную личность, какъ по своей наружности, такъ по природному уму и нравственнымъ качествамъ. Происходя изъ дѣтей корпусныхъ служителей или, какъ тогда выражались „изъ корпусныхъ душъ“, онъ всю свою жизнь посвятилъ этому заведенію; отъ писаря дослужился до чина 5-го класса; имѣлъ ордена: св. Владиміра 3-й степ. и св. Анны 2-й степ. съ алмазными украшеніями. Онъ былъ небольшаго роста толстякъ, съ весьма комическою наружностью. Каждый Божій день, съ ранняго утра и до поздней ночи, все время проводилъ онъ на кухнѣ, суетясь между котлами и наблюдая за поварами, приготовлявшими пищу. Отлучался оттуда только для посѣщенія пекарни, швальни и другихъ бывшихъ въ его вѣденіи хозяйственныхъ заведеній, помѣщавшихся въ отдѣльныхъ отъ кухни зданіяхъ, и для обычнаго утренняго рапорта директору корпуса. Въ свободныя минуты онъ отдыхалъ въ своемъ креслѣ, поставленномъ

въ той же кухнѣ у окна, и занимался чтеніемъ газетъ. Здѣсь онъ и обѣдалъ. Дома же, у себя на квартирѣ, только проводилъ ночь, а въ другіе часы посѣщалъ ее весьма рѣдко; да и нечего ему было тамъ дѣлать, какъ совершенно одинокому человѣку.

Обыкновенный костюмъ Андрея Петровича состоялъ изъ форменнаго темнозеленаго мундира съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, безъ всякой вышивки, съ желтыми металлическими пуговицами, темнозеленыхъ панталонъ и надѣтыхъ сверхъ ихъ длинныхъ смазныхъ сапоговъ безъ шпоръ. При этомъ у бедра его была прицѣплена какая-то старинная шпага. На окнѣ, у котораго стояло кресло отдохновенія эконома, лежали: треугольная шляпа съ кокардою и золотымъ генеральскимъ шнуромъ, употреблявшаяся при торжественныхъ или форменныхъ выходахъ, какъ, напримѣръ, къ директору для рапорта и тому подобныхъ, а также фуражка, надѣваемая въ случаяхъ отправленія для посѣщенія хозяйственныхъ заведеній. Вся эта незатѣйливая обмундировка, отъ безпрестаннаго пребыванія носившаго ее на кухнѣ, между котлами, была достаточно пропитана жиромъ, отъ котораго лоснилась.

Благоразумными распоряженіями по хозяйственной части 1-го кадетскаго корпуса въ теченіе многихъ лѣтъ управленія ею Бобровымъ— онъ доставилъ казнѣ значительную экономію. Говоря о Бобровѣ словами М. Розенгейма:

Онъ царское добро стерегъ какъ вѣрный песъ.....

Самъ же онъ жилъ совершенно скромно и просто; ничего не пріобрѣлъ и по смерти его не осталось никакого состоянія, даже на столько, чтобы было чѣмъ похоронить.

Полвѣка экономъ, наслѣдья твоего
Не стало, смѣхъ сказать! и на покупку гроба....

Доброту этого человѣка почти каждый изъ кадетъ имѣлъ случаи испытывать. Придетъ ли прежде опредѣленнаго срока въ неисправность какая либо часть одежды воспитанника—онъ прямо обращается къ Андрею Петровичу о перемѣнѣ ея. Сначала этотъ почтенный экономъ, желая показать свою строгость, сдѣлаетъ выговоръ за небрежливость къ сохраненію платья отъ порчи, но кончится тѣмъ, что отправитъ просителя въ швальню или сапожную мастерскую, гдѣ прикажетъ дать ему новый мундиръ, или сапоги, на перемѣну старыхъ. Случится ли кому быть подъ арестомъ и остаться безъ обѣда или ужина, тотъ послѣ стола тотчасъ же отправляется на кухню и объясняетъ свое голодное состояніе эконому, который, пожуривъ воспитанника за проступки, доведшіе до сдѣланнаго взысканія, велитъ накормить его, поручивъ это обыкновенно своему наперснику Ивану

Петровичу, бывшему унтеръ-офицеру, распоряжавшемуся на кухнѣ подъ руководствомъ эконома, въ качествѣ его помощника.

Однажды три или четыре кадета пришли къ нему на кухню и, объяснивъ, что они за свои шалости были оставлены безъ ужина, просили накормить ихъ. Поворчавъ на нихъ по заведенному порядку, Андрей Петровичъ закричалъ: „Иванъ Петровъ, дай имъ по пирогу“.—Мало! кричатъ въ одинъ голосъ шалуны. „Дай имъ по два“.—Мало! повторяютъ они. „Иванъ Петровъ! дай имъ по три, накорми всѣмъ, чего они хотятъ, и гони ихъ потомъ вонъ!“

Все это, конечно, было исполнено и такимъ образомъ шалуны поужинали лучше всѣхъ своихъ благонравныхъ товарищей.

Когда же случалось, что воспитанники, не возлюбивъ какого либо кушанья, не хотѣли его ѣсть и отсылали почти непочатыя миски или блюда обратно на кухню, то это до слезъ огорчало почтеннаго эконома; онъ старался развѣдать причину этого и, для устраненія повторенія подобныхъ неудовольствій, избѣгалъ приготовлять кушанья, неподходящіе подъ кадетскій вкусъ. Словомъ сказать, онъ былъ

Чудакъ диковинный! и думалъ лишь о томъ,
Чтобъ всѣ вокругъ него до-нельзя были сыты....

Но болѣе всего благодѣянія Боброва оказывали свое благотворное дѣйствіе въ призрѣніи и поддержаніи, на первое время до опредѣленія въ службу, безродныхъ воспитанниковъ, выпускаемыхъ изъ корпуса съ гражданскими чинами. Всякій кадетъ, выпускаемый офицеромъ, хотя и не имѣвшій никакого посторонняго пособія, попеченіемъ правительства былъ, такъ сказать, поставленъ на ноги, чтобы начать свое поприще въ жизни. Кромѣ положеннаго пособія на обмундировку и прогоновъ на проѣздъ до мѣста расположенія той части войскъ, въ которую онъ, по своему экзамену въ наукахъ, назначенъ, молодой офицеръ былъ обезпеченъ тѣмъ, что имѣлъ право на полученіе присвоеннаго ему содержанія по чину съ самаго дня производства его въ оный. Не то ожидало воспитанниковъ, выпускаемыхъ съ гражданскими чинами. Хотя они не были лишены пособія на одежду и прогоновъ до пункта избраннаго ими мѣста жительства, но крайне были затруднены пріисканіемъ себѣ мѣстъ въ гражданской службѣ, что не относилось до обязанности заведеній, въ коихъ они получили образованіе. Въ особенности страдали отъ этого тѣ, у которыхъ не было никого родственниковъ и такимъ образомъ они на первомъ же шагѣ своей жизни не имѣли угла, гдѣ преклонить свою голову и не знали чѣмъ питаться до тѣхъ поръ, пока судьба не пристроитъ ихъ на службу съ жалованіемъ, что было также не легко получить молодымъ людямъ безъ родства и даже знакомства. Эти-

то бѣдняки пользовались особеннымъ попеченіемъ человѣколюбиваго Андрея Петровича. Нисколько не по обязанности своего званія, но единственно по добротѣ своего сердца, онъ помѣщалъ этихъ молодыхъ людей у себя въ квартирѣ, кормилъ и содержалъ ихъ такимъ образомъ на свой счетъ до пріисканія ими мѣстъ въ гражданской службѣ, о чемъ и самъ хлопоталъ лично [1]).

А. П. Петровъ.

Заботы императора Николая Павловича о сохраненіи памятниковъ отечественныхъ древностей и старины

1853 г.

Извѣстно, что императоръ Николай Павдовичъ очень дорожилъ отечественными древностями и стариной, заботился о возстановленіи и сохраненіи памятниковъ живописи, зодчества и ваянія, основалъ Археографическую коммисію, Археологическое общество и нѣкоторыя другія учрежденія, на которыя возложено было собраніе, храненіе и изданіе старинныхъ документовъ и лѣтописей, производство раскопокъ и вообще приведеніе въ извѣстность памятниковъ отечественной старины. Не задолго до своей кончины государь обратилъ вниманіе на неудовлетворительное храненіе историческихъ памятниковъ въ церквахъ и монастыряхъ, по преимуществу, московскихъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ собственноручный рескриптъ императора. написанный въ мартѣ мѣсяцѣ 1853 г. оберъ-прокурору св. синода, графу Протасову, слѣдующаго содержанія:

— „Дошло до моего свѣдѣнія, что будто въ Москвѣ, по монастырямъ, не водится подробныхъ описей церковному имуществу, отчего многое драгоцѣнное, по древности и исторической цѣнности, пропадаетъ, любителями такихъ предметовъ пріобрѣтается разными способами, переходитъ изъ рукъ въ руки, и то, что должно бы оставаться церковною драгоцѣнностію, тамъ исчезаетъ и переходитъ въ частныя собранія. Находя это въ высшей степени неприличнымъ, поручаю вамъ лично съѣздить въ Москву неожиданно, и повѣрить, точно-ли такъ? и ежели, къ крайнему стыду и сожалѣнію, окажется, что сихъ описей нѣтъ, то немедля распорядиться завести шнуровыя книги, за печатью митрополита, въ которыя все церковное имущество каждаго монастыря или церкви внесть въ точности, съ строжайшимъ запре-

[1]) Въ обширномъ собраніи портретовъ русскихъ людей, принадлежащемъ П. А. Ефремову, есть очень типическій портретъ А. П. Боброва, мастерски сдѣланный однимъ изъ воспитанниковъ I-го корпуса и отлитографированный.

щеніемъ что-либо изъ онаго имущества сбывать въ сторону, безъ разрѣшенія самого митрополита. Н".

По полученіи этого рескрипта, Протасовъ немедленно отправился въ Москву и, по прибытіи туда, 11-го марта, приступилъ къ обозрѣнію хранилищъ церковныхъ древностей и прочаго имущества въ тамошнихъ соборахъ, ставропигіальныхъ и другихъ монастыряхъ, начавъ съ разсмотрѣнія описей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, представленныхъ ему въ количествѣ 51-й книги. Это разсмотрѣніе произведено имъ вмѣстѣ съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

— „По этимъ обозрѣніямъ открылось, что дѣйствія официальныхъ описей, сдѣланныхъ прежде 1812 года, бо̀льшею частію, прекратились симъ годомъ, такъ какъ въономъ тѣ монастыри потерпѣли совершенное разстройство; — что въ 1813 г. заведены были новыя описи, коихъ дѣйствіе и до сихъ поръ (т. е. до марта 1853 г.) продолжалось; — что сіи описи, по мѣрѣ надобности, возобновлялись съ разрѣшенія начальства; — что относительно выбывшихъ изъ описей вещей, за ветхостію или по другимъ причинамъ, дѣлались въ оныхъ надлежащія отмѣтки, — и что по симъ описямъ производились какъ сдача упомянутыхъ имуществъ отъ одного лица другому, такъ и опредѣленное, по существующимъ постановленіямъ, свидѣтельство онаго въ установленныя на то времена". О чемъ и составлены митрополитомъ Филаретомъ особые журналы, за его подписаніемъ, въ которыхъ, между прочимъ, упомянуто, что всѣ вышеозначенныя распоряженія относительно описей дѣлались по разсмотрѣніи и утвержденіи начальства, и что, поэтому, не представлялось никакого повода къ подозрѣнію, чтобы въ недавнія времена какая-либо вещь выбыла по злоупотребленію. Но какъ, за всѣмъ тѣмъ, усмотрѣно было, что описи составлялись не единообразно, болѣе или менѣе пространно, въ скрѣпѣ и свидѣтельствѣ не имѣли положительной формы, и возобновлялись въ разное время: то, въ исполненіе высочайшей воли, оберъ-прокуроръ вошелъ въ сношеніе съ митрополитомъ Филаретомъ касательно введенія по симъ предметамъ болѣе точнаго и единообразнаго порядка.

Вслѣдствіе этого, митрополитъ составилъ записку, въ которой подробно изложилъ положеніе настоящаго дѣла и препроводилъ ее гр. Протасову.

Представивъ эту записку въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе государя, вмѣстѣ съ приложенною при ней новою формою составленія описей, оберъ-прокуроръ св. синода испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія: если изложенныя въ сей запискѣ предположенія къ вящшему обезпеченію сохранности церковнаго достоянія удостоятся высочайшаго одобренія, привесть оныя немедленно въ исполненіе по

всѣмъ московскимъ церквамъ и монастырямъ. и затѣмъ предложить св. синоду объ учиненіи и въ прочихъ епархіяхъ надлежащихъ и по возможности сообразныхъ съ вышеозначенными предположеніями распоряженій.

Императоръ Николай Павловичъ обративъ вниманіе на записку митрополита Филарета, одобрилъ всѣ заключающіяся въ ней предположенія и повелѣлъ привесть оныя немедленно въ исполненіе. Извѣщая объ этомъ митрополита, оберъ-прокуроръ писалъ ему: „Е. И. В-ву благоугодно было повелѣть мнѣ объявить вашему высокопреосвященству отъ имени Его В-ва совершенную благодарность за столь полезный трудъ вашъ, и притомъ изъяснить, что Его В-ву особенно было пріятно, что мысли ваши по сему предмету встрѣтились съ мыслями Его В-ва“.

Вслѣдствіе помянутаго высочайшаго повелѣнія, синодъ постановилъ:

1) Записку московскаго митрополита Филарета „о введеніи по всѣмъ московскимъ, какъ ставропигіальнымъ, такъ и прочимъ монастырямъ и церквамъ, единообразной формы для составленія описей церковному достоянію и порядка завѣдыванія онымъ, а также и образецъ веденія главной церковной и ризничной описи“, отослать къ нему, преосвященному, и въ московскую св. синода контору, для исполненія, равно какъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ.

„При этомъ св. синодъ, принимая въ соображеніе, что изъясненная высочайше одобренная форма составленія новыхъ описей церковному достоянію объемлетъ собою преимущественно подробное описаніе внутреннихъ принадлежностей храмовъ, ихъ ризницъ и книгохранилищъ, со включеніемъ рукописей, грамотъ, древнихъ актовъ и другихъ документовъ, и имѣя въ виду, что въ монастыряхъ, кромѣ вещей, прямо относящихся къ богослуженію, хранится много и такихъ предметовъ, которые, не принадлежа къ числу богослужебныхъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ особенную важность и значеніе въ отношеніи историческомъ и археологическомъ, какъ-то: разнаго рода оружіе, воинскіе доспѣхи, монеты, древніе сосуды и утвари, употреблявшіеся въ общежитіи и жертвованные въ даръ монастырямъ, также картины, портреты, древнія мебели и проч., каковые предметы въ описи показаны подъ общимъ названіемъ: Древности, не принадлежащія къ богослуженію, призналъ нужнымъ предписать преосвященнымъ, чтобы они поручили лицамъ, на коихъ возложено будетъ составленіе новыхъ описей церковному достоянію вообще, составить отдѣльно подробныя описи упомянутыхъ выше предметовъ и, по надлежащемъ сличеніи оныхъ описей съ наличностію, представили бы оныя св. синоду въ засвидѣтельствованныхъ спискахъ. Для подробнаго же раз-

смотрѣнія таковыхъ описей, св. синодъ положилъ учредить особый комитетъ".

Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ это опредѣленіе св. синода и съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣлъ, чтобы древностямъ составлены были археологическія описанія, начавъ съ древностей Успенскаго собора и прочихъ московскихъ монастырей и церквей.

Затѣмъ, въ іюлѣ 1853 г., св. синодъ опредѣлилъ:

1) „Составить для разсмотрѣнія присылаемыхъ изъ епархій описей комитетъ, подъ предсѣдательствомъ синодальнаго члена, преосвященнаго Григорія, архіепископа Казанскаго [1]), изъ преосвященныхъ — викарія С.-Петербургской епархіи Христофора [2]), ректора С.-Петербургской духовной академіи Макарія [3]) и архимандрита Іоанникія, ректора С.-Петербургской духовной семинаріи [4]),—а также изъ гражданскихъ чиновниковъ по назначенію оберъ-прокурора св. синода, которому предоставить назначить въ комитетъ и дѣлопроизводителя".

2) Всѣ епархіальныя по этому дѣлу донесенія доставлять въ учреждаемый комитетъ. Комитету вмѣнено было въ обязанность: „а) повѣрять—точно ли представленныя описи составлены по высочайше утвержденной формѣ, и въ чемъ заключаются отступленія отъ оной, требующія непремѣннаго исправленія или дополненія, и о каждой представлять синоду для дальнѣйшихъ распоряженій; б) обращать вниманіе на то—составлено-ли археологическое описаніе древностямъ церковнаго хранилища или еще составляется; в) обращать вниманіе на вѣрность и древность означенныхъ въ сихъ описяхъ предметовъ, равно какъ и на число ихъ; г) на семъ основаніи опредѣлить относительное значеніе хранилищъ".

3) „Независимо отъ наряженныхъ въ каждой епархіи коммисій для ревизіи церковныхъ имуществъ и составленія описей, командировать изъ С.-Петербурга духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ для обозрѣнія извѣстнѣйшихъ, по важности своей, книгохранилищъ. Для исполненія сего предположенія: а) на первый разъ назначить инспектора Пермской духовной семинаріи, игумена Макарія; б) въ помощь ему командировать чиновниковъ духовнаго или духовно-училищнаго вѣдомства, по распоряженію оберъ-прокурора св. синода; в) лицамъ симъ вмѣнить въ обязанность, по прибытіи въ монастыри, кои будутъ имъ указаны, прежде всего осмотрѣть мѣста храненія рукопи-

---

[1]) Бывшаго потомъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ.

[2]) Бывшаго въ послѣдствіи епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ и † въ Тотемскомъ Спасо-Суморинномъ монастырѣ.

[3]) Нынѣшняго архіепископа Литовскаго.

[4]) Нынѣ архіепископъ Херсонскій.

сей и другихъ предметовъ церковной древности; удостовѣриться—имѣются ли оные въ описи; повѣрить предметы по описямъ; составить особую опись предметамъ, въ описи не внесеннымъ, и утвердить какъ первыя, такъ и вторыя описи своими подписями, какъ документы и вмѣстѣ матеріалы къ составленію подробной описи посредствомъ особой коммисіи, которая нарочно для сего будетъ въ каждой епархіи назначена". Вслѣдствіе этого, гр. Протасовъ назначилъ составить комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: Изъ меня (Сербиновича), бывшаго директора канцеляріи оберъ-прокурора [1]) и управлявшаго канцеляріею св. синода тайнаго совѣтника Войцеховича [2]). Въ послѣдствіи оберъ-прокуроръ призналъ необходимымъ назначить членомъ этого комитета и начальника художественной экспедиціи (?) въ хозяйственномъ управленіи при св. синодѣ, коллежскаго ассесора Львова, а дѣлопроизводителемъ—служившаго въ синодальной типографіи, коллежскаго секретаря Вигеля.

Для обозрѣнія извѣстнѣйшихъ, по важности своей, ризницъ и книгохранилищъ, кромѣ инспектора Пермской семинаріи игумена Макарія, командированы: профессоръ С.-Петербургской духовной семинаріи П. И. Савваитовъ, переводчикъ синодальной канцеляріи, губерн. секр. князь Голицынъ и коллежскій секретарь Вигель, при чемъ имъ было внушено, чтобы они возложенныя на нихъ порученія содержали въ полномъ секретѣ.

Эти лица должны были „обозрѣть церковныя хранилища Вологодской епархіи—въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ; Костромской епархіи—въ Ипатіевскомъ монастырѣ; Ярославской епархіи — въ тамошнемъ соборѣ и Ростовскихъ монастыряхъ; Владимірской епархіи — въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Кромѣ этихъ мѣстъ, имѣлись еще въ виду: Новгородской епархіи—Хутынь монастырь, Антонія Римлянина монастырь, Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, Софійскій соборъ; Московской—Святотроицкая Сергіева лавра, Іосифовъ Волоколамскій монастырь, Саввы Звенигородскаго монастырь, Успенскій Московскій соборъ; Архангельской — Соловецкій монастырь, Антоніевъ Сійскій монастырь; Псковской—Псковопечерскій монастырь.

По обозрѣніи этихъ хранилищъ, какъ игуменъ Макарій, такъ и командированныя оберъ-прокуроромъ лица представили донесенія, изъ которыхъ оказалось, что хотя внесенные въ церковныя и монастырскія описи предметы находятся въ цѣлости, но въ самыхъ

[1]) Въ послѣдствіи членъ въ коммисіи прошеній на высочайшее имя.
[2]) Нынѣ членъ государственнаго совѣта.

описяхъ замѣчена: а) неполнота. Такъ, напримѣръ, по донесенію трехъ членовъ, въ пяти хранилищахъ, осмотрѣнныхъ ими, оказались не внесенными въ описи до 267-ми №№; а по донесенію игумена Макарія, обозрѣвшаго еще пять Ростовскихъ монастырей, число такихъ предметовъ доходило до 359. При этомъ надобно замѣтить, что, въ числѣ 359 №№, подъ многими означено по нѣскольку однородныхъ предметовъ; напримѣръ, въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ подъ однимъ № означены 3 пушки боевыя и 3 пищали, подъ другимъ 20 бердышей и части кольчугъ; въ Ипатіевскомъ монастырѣ подъ однимъ № означено 485 актовъ, состоящихъ изъ царскихъ и патріаршихъ грамотъ, древнихъ описей, сказаній и другихъ матеріаловъ для описанія Костромской епархіи; б) неточность. Напримѣръ, въ описи Спасоприлуцкаго монастыря значится, что замѣчательный харатейный „Прологъ" писанъ преподобнымъ Димитріемъ Прилуцкимъ, между тѣмъ какъ изъ приписки къ этому „Прологу" видно, что онъ писанъ Ѳеодотомъ; въ описи Петровскаго монастыря (1828 г.) подъ № 149 значится: „ящичекъ серебреной непробной въ 10 золотниковъ, въ которомъ хранятся изъданныхъ преподобному Петру царевичу св. Апостолами златицъ семь, изъ коихъ три на-двое разломаны, и сребреницъ четыре"; но явленіе Апостоловъ царевичу относится къ XIII вѣку, а монеты оказываются чеканенными при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Петрѣ Великомъ, и мн. др.; в) пропуски въ описаніяхъ предметовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ археологическое и историческое значеніе. Для примѣра можно указать пропущенные въ описяхъ Спасо-Яковлевскаго монастыря „Труды православнаго и христолюбиваго архіепископа Лаврентія, зовомаго Горки, Вяцкаго и Великопермскаго, иже бысть соученикъ и братъ во вторыхъ преосвященнаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича, отъ жизни сей временной прейде на вѣчную 1735 г., лѣта отъ рожденія своего имяше 55"; „Повѣсть о житіи и подвизѣхъ св. Ѳеодора, архіепископа Ростовскаго"; „Плачъ и слово на новый 1753 годъ"; псалмы и канты, положенные на ноты и другія. Въ Ипатіевскомъ монастырѣ множество крюковыхъ и нотныхъ книгъ, очень важныхъ для исторіи и практики церковнаго пѣнія въ Россіи, между которыми можно упомянуть, напр., „Трезвоны Іоанну Златоусту" и „на усѣкновеніе главы Предтечевой"; „Трезвонъ Іоанну Богослову греческаго роспѣву"; всенощное бдѣніе и разныя божественныя службы „болгарскаго, греческаго и другихъ роспѣвовъ"— для 4, 6, 8, 12, 16 и 24-хъ голосовъ и проч. и проч.

Донесенія профессора Савваитова, кн. Голицына и Вителя и послѣ нихъ игумена Макарія представлены были въ учрежденный при св. синодѣ комитетъ, который и принялъ ихъ — къ свѣдѣнію.

Епархіальные архіереи, видимо, не особенно торопились представ-

лять въ комитетъ надлежащія описи археологическимъ а историческимъ предметамъ, находящимся въ разныхъ древнихъ церквахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ, къ сентябрю 1867 г. доставлено было не болѣе 567 списковъ съ описей, изъ 41-й епархіи.

Сообщ. въ 1873 г. **К. С—чъ.**

Суворовъ.

Въ дополненіе къ статьѣ П. С. Лебедева: «Преобразователи русскаго войска въ царствованіе императора Павла I», собственно къ замѣткамъ автора этой статьи о положеніи Суворова въ Россіи, послѣ славной для русскаго оружія войны въ Италіи и Швейцаріи, приводимъ малоизвѣстное постановленіе о запрещеніи именоваться знаменитому полководцу, князю Суворову, титуломъ свѣтлости.

„1799 года, декабря 1-го (четвертокъ) въ присутствіе С.-Петербургскаго губернскаго правленія прибыли: гражданскій губернаторъ г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Дмитрій Өедоровичъ Глинка, въ десятомъ часу, совѣтники коллежскіе совѣтники: Гавріилъ Григорьевичъ Борисовъ и Андрей Алексѣевичъ Карцовъ, по полунощи въ 8 часовъ.

„Слушали..... предложеніе здѣшняго г. гражданскаго губернатора и кавалера, при коемъ, для надлежащаго исполненія и распубликованія, предложилъ въ копіи предписаніе, полученное отъ г. генерала-прокурора, съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія, „чтобы указомъ не утвержденнаго титула князю Италійскому графу Суворову Рымникскому—его свѣтлости—не давалось“. Приказали: списать списки съ предписанія г. генерала-прокурора, разослать въ палаты, къ г. кронштадтскому коменданту, городничимъ и въ прочія подчиненныя мѣста здѣшней губерніи къ исполненію высочайшей воли, имъ предлежащей. Подписали: Д. Глинка, Гавріилъ Борисовъ“.

Примѣчаніе. **Александръ Васильевичъ Суворовъ возведенъ въ графское** Россійской Имперіи достоинство—6-го октября 1789 г., съ титуломъ графа Суворова Рымникскаго. За изгнаніе французовъ изъ Италіи, король Сардинскій Карлъ-Эммануилъ IV возвелъ его, въ 1799 году, въ достоинство князя королевства Сардинскаго по порядку первородства и съ титуломъ «cousin du roi». Императоръ Павелъ возвелъ его, 8-го августа 1799 г., въ княжеское Россійской Имперіи достоинство съ титломъ князя Италійскаго, но Высочайшая грамота на это достоинство пожалована только императоромъ Николаемъ Павловичемъ, именно 29-го марта 1851 г.; въ ней князьямъ Италійскимъ, графамъ Суворовымъ-Рымникскимъ предоставленъ титулъ: Свѣтлости.

Сообщ. **Г. С.**

Діомидъ Пассекъ.

Кавказская солдатская пѣсня.

1843 г.

Въ прекрасныхъ „Воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ" прочитавъ статью, посвященную памяти родственнаго ей славнаго нашего кавказскаго героя Діомида Пассека [1]) мнѣ вспомнилась вывезенная мною съ Кавказа солдатская пѣсня, сложенная его соратниками по геройской защитѣ Зирянскаго укрѣпленія,—которую и помѣщаю на страницахъ „Русской Старины", въ добавленіе тѣхъ воспоминаній. Эта простая солдатская пѣсня знаменательно характеризуетъ какъ событіе злополучной катастрофы, стойко выдержанной, такъ и отношенія къ генералу Пассеку обожавшихъ его подчиненныхъ.

Нутка, вспомните, ребята,
Какъ стояли въ Зирянахъ,
Какъ не разъ Хаджи-Мурата
Мы пугали на горахъ.

Ужъ тогда и было время:
Ухъ! куда не хорошо!
Всё татарское вѣдь племя
Возмутилось заодно.

Вотъ они какъ налегали
На Аварскій нашъ отрядъ...
Пули, ядра осыпали
И картечей, ровно градъ.

Но намъ ядра всѣмъ знакомы,
Пули были ни почемъ—
Апшеронцы всѣ готовы
Встрѣтить нехристя штыкомъ.

Тутъ проклятый бусурманинъ
Вздумалъ штуку отмочить:
Постъ держать онъ насъ заставилъ,
Хотѣлъ всѣхъ переморить.

Но кавказскіе солдаты
Ходятъ объ руку съ нуждой
Они горемъ всѣ богаты,
Носятъ его за спиной.

По привычкѣ—наторѣли:
Доставалось всё узнать.
Съ бѣдой справиться съумѣли.
Стали горю пособлять:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 309—350.

Мы рогатую скотину
Всю начисто перевели—
Стали ѣсть мы лошадину,
И варили, и пекли.

Вмѣсто соли мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ,
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ;

Обносились, оборвались,
Всё свалилось съ плечъ долой;
Тутъ хлопотъ мы понабрались—
Какъ бы справиться съ зимой:

Мы рогожи надѣвали,
Вмѣсто буровъ и плащей,
Ноги въ кожи зашивали,
Послѣ съѣденыхъ коней.

Но морозъ—плоха расправа,
И французы знаютъ всѣ
Какова есть переправа
На Березиной рѣкѣ.

Ну, ужъ долго мы, ребята,
Помнить будемъ Зиряны,
Приходилось плоховато
Намъ и съ гладу и съ зимы.

Тутъ проклятый бусурманинъ
Сталъ въ умѣ себѣ держать.....
Много спѣси намъ убавилъ,
Могъ живыхъ насъ всѣхъ забрать.

Ровно мухи съ комарами,
Налетѣлъ со всѣхъ сторонъ,
Но мы встрѣтили штыками
И задали имъ трезвонъ.

Врагъ не зналъ, что нами правитъ
Храбрый Пассекъ командиръ!
Онъ лицомъ въ грязь не ударитъ,
Гдѣ велитъ—вездѣ пройдемъ!

Только скажетъ одно слово:
—«Молодцы мои! впередъ!»
Лѣзть на чорта мы готовы..
Троихъ каждый уберетъ.

Сообщ. **Павелъ Семеновъ**.

1829-й годъ.

Изъ всѣхъ прежнихъ русско-турецкихъ войнъ, болѣе прочихъ, по обстановкѣ своей, подходитъ къ переживаемому нами теперь времени достопамятная кампанія 1829 года.—Быстрыя и рѣшительныя дѣйствія русскаго главнокомандующаго доставили ему титулъ Забалканскаго и открыли нашимъ войскамъ врата Адріанополя и путь къ Царьграду.

Располагая нѣкоторыми матеріалами, относящимися до войны 1829 года, которыя послѣдовательно помѣщены будутъ въ книгахъ «Русской Старины», мы предпошлемъ имъ, для удобства читателей, краткій перечень главнѣйшихъ событій этой блистательной кампаніи, увѣнчавшей славою русское оружіе.

Любопытенъ перечень наградъ, полученныхъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ графомъ Дибичемъ отъ императора Николая:

За покореніе крѣпости Силистріи онъ назначенъ былъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка; за Кулевчинское сраженіе награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени; за переходъ черезъ Балканы получилъ титулъ Забалканскаго, а Черниговскому полку повелѣно именоваться полкомъ графа Дибича-Забалканскаго; за покореніе Адріанополя награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго; за заключеніе мира съ Оттоманской Портой орденъ св. Георгія 1-й степени и фельдмаршальскій жезлъ.—Сверхъ сего, государь императоръ пожаловалъ супругу его, графиню Анну Егоровну, въ статсъ-дамы.—Король прусскій удостоилъ графа Дибича алмазными знаками Чернаго Орла и богато украшенною алмазами шпагою съ вензелемъ.

Не менѣе интересно вспомнить необыкновенныя щедроты, которыми императрица Екатерина II вознаградила побѣды графа Румянцева, увѣнчавшіяся въ 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ.—Въ день мирнаго торжества, 10-го іюля 1775 г., Румянцеву было пожаловано: 1) Наименованіе Задунайскаго, для прославленія черезъ то опаснаго перехода его черезъ Дунай. 2) Грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его. 3) За разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршальскій жезлъ. 4) За храбрыя предпріятія: шпагу, алмазами обложенную. 5) За побѣды: лавровый вѣнокъ, осыпанный алмазами. 6) За заключеніе мира: масличную вѣтвь, осыпанную алмазами. 7) Въ знакъ монаршаго благоволенія: крестъ и

звѣзду ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, осыпанные алмазами. 8) Въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства: медаль съ его изображеніемъ. 9) Для увеселенія его: деревню въ 5,000 душъ въ Бѣлоруссіи. 10) На построеніе дома: 100,000 р. изъ кабинета. 11) Для стола: серебряный сервизъ, и 12) на убранство дома: картины.

Кромѣ того, императрица Екатерина желала, чтобы Румянцевъ, по примѣру римскихъ полководцевъ, имѣлъ въѣздъ въ столицу черезъ тріумфальныя ворота на колесницѣ, но Задунайскій отказался отъ этой почести.

Кампанія 1829 года открыта въ Европейской Турціи въ январѣ мѣсяцѣ, наступательными дѣйствіями для совершеннаго очищенія Валахіи. 13-го января взята приступомъ крѣпостца Кале, 30-го января принуждена къ сдачѣ крѣпостца Турно (противъ Никополя). Въ февралѣ экспедиція, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, овладѣла крѣпостцою Сизополемъ, и, наконецъ, съ наступленіемъ благопріятнаго времени для военныхъ дѣйствій, графъ Дибичъ, сосредоточивъ къ 31-му апрѣля часть войскъ при Черноводахъ, выступилъ къ крѣпости Силистріи и обложилъ ее 5-го мая.

30-го мая послѣдовала знаменитая битва при Кулевчахъ, въ которой верховный визирь былъ разбитъ близъ Шумлы.

5-го, 6-го и 8-го іюля совершенъ, славный въ военныхъ лѣтописяхъ, переходъ черезъ хребетъ дотолѣ неприступныхъ Балканъ.

11-го іюля заняты Мисемврія и Анхіола, 12-го іюля — Бургасъ.

Слѣдуя по направленію къ Адріанополю, войска наши овладѣли: 13-го іюля—Айдосомъ, 15-го—Карнабатомъ, 21-го—Ямболемъ, 31-го — Сливно.

8-го августа, древняя столица султановъ, Адріанополь покорился русскому оружію и, въ первый разъ со времени паденія древней Византійской имперіи, отворилъ врата свои для христіанскихъ знаменъ.

Вслѣдъ за симъ войска наши заняли, 9-го августа, Моле-Бургасъ; крѣпость Иніада покорена черноморскимъ флотомъ, Демотика сдалась добровольно, и 26-го августа занятъ городъ Эносъ.

Побѣды эти потрясли Оттоманскую имперію въ основаніи; турки просили мира и съ открытіемъ переговоровъ русскія войска остановились на пути къ Царьграду.

2-го сентября заключенъ миръ въ Адріанополѣ. Онъ до-

ставилъ Россіи плоды изобильные, существенные. Дарданеллы и Босфоръ открыты для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность россійскихъ предѣловъ, особенно съ азіятской стороны, совершенно ограждена присоединеніемъ крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ахцура и Ахалхалаки, чѣмъ упрочено вліяніе Россіи на судьбу горскихъ народовъ и подготовлено окончательное покореніе Кавказа. Прежніе трактаты съ Портою признаны во всей ихъ силѣ и обезпечено вознагражденіе убытковъ отъ войны, понесенныхъ Россіею. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены и благосостояніе этихъ народовъ упрочено и возвышено. Наконецъ, политическое бытіе единовѣрной намъ Греціи, возведенной изъ праха мощной волею русскаго царя и его союзниковъ, признано Портой безусловно.

Въ январѣ 1830 г. графъ Дибичъ, удостовѣрясь въ искренности и совершенной готовности турецкаго правительства къ выполненію условій мирнаго трактата, назначилъ, съ разрѣшенія императора Николая, возвратить въ Россію всѣ войска 2-й арміи, за исключеніемъ 17-й пѣхотной и 5-й уланской дивизіи, которыя заняли княжества и Силистрію.

Всѣ русскія войска окончательно возвратились въ предѣлы имперіи къ концу іюля 1830 года.

Приказъ по 2-й арміи графа Дибича

1829 г.

Государю императору угодно было препоручить мнѣ главное начальство надъ вами. Чувствуя всю важность монаршаго довѣрія, я уповаю въ успѣхѣ на благость Всевышняго Бога и имѣю полную довѣренность къ вамъ. Возросши въ рядахъ вашихъ, будучи всѣмъ обязанъ подвигамъ вашимъ, я знаю, что̀ отъ васъ ожидать можно, и не страшусь затрудненій. Постараюсь доказать, что въ любви къ вамъ не отстану отъ примѣра любимаго полководца [1]), коего нездоровье лишаетъ насъ счастія побѣждать вновь враговъ отечества подъ начальствомъ его, подъ коимъ столь многократно былъ свидѣтелемъ доблестей вашихъ, и надѣюсь, что строгая справедливость пріобрѣтетъ и мнѣ вашу довѣренность. Да докажемъ съ помощію Всевышняго, что для русскихъ воиновъ нѣтъ ничего непреодолимаго въ подвигахъ за вѣру, государя и отечество.

---

[1]) Фельдмаршалъ гр. Витгенштейнъ, командовавшій арміею въ кампанію 1828 года.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Дибича.

Адріанополь.—9-го августа 1829 г.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести В. И. В—ву, что я со ввѣренною мнѣ арміею 8-го августа занялъ второ-столичный имперіи Оттоманской городъ Адріанополь. Войска непріятельскія и жители сего города такъ сильно поражены были быстрымъ движеніемъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ къ оному и въ такое пришли смятеніе, что, при самомъ приближеніи побѣдоносныхъ знаменъ В. И. В—ва, высланы были парламентеры для заключенія капитуляціи, хотя впрочемъ всѣ пути для отступленія непріятеля были ему еще открыты. Вслѣдствіе сей капитуляціи, непріятель, въ числѣ, простирающемся до 10,000, положилъ оружіе, оставя намъ артиллерію, знамена и все казенное имущество. До сихъ поръ доставлено 20 знаменъ, 5 бунчуковъ и 54 полевыхъ, въ числѣ коихъ 6 осадныхъ, орудій. Запасы, какъ продовольственные, такъ и артиллерійскіе, по краткости времени, не приведены еще въ извѣстность, хотя, по предварительнымъ свѣдѣніямъ, запасы сіи весьма значительны. Войсками въ Адріанополѣ командовали: два трехъ-бунчужные паши Галиль-паша и Ибрагимъ-паша; начальникъ города, паша Адріанопольскій Каймаканъ-Мегеметъ. Я дозволилъ всѣмъ чинамъ вообще, по сдачѣ оружія, идти въ свои семейства и обратиться къ мирнымъ занятіямъ, воспретя имъ всякое направленіе въ отступленіи своемъ на Константинополь.

Донося о семъ В. И. В—ву, долгомъ себѣ поставляю всеподданнѣйше засвидѣтельствовать, что войска В. И. В—ва съ тою неустрашимостію, которою они отличались во все время сей дѣятельной кампаніи, преодолѣли, и при семъ случаѣ, всѣ затрудненія, встрѣченныя ими на пути къ Адріанополю, который они должны были совершить усиленными маршами, по весьма каменистой дорогѣ, при чрезвычайномъ знoѣ въ сіе время года. Хорошее устройство войскъ В. И. В—ва, строгая дисциплина, ихъ всегда отличающая, пріобрѣла намъ полную довѣренность всѣхъ жителей вообще, какъ христіанскихъ, такъ и магометанскихъ. Первые вооружаются охотно для защищенія своихъ жилищъ и семействъ, и обще съ казаками нашими ходятъ на поиски, если гдѣ только узнаютъ скопленіе разсѣянныхъ войскъ непріятельскихъ; а послѣдніе, опасаясь собственныхъ своихъ необузданныхъ войскъ, съ радостію, при появленіи нашемъ, предаются покровительству нашему, что и случилось нынѣ при занятіи Адріанополя.

Вслѣдъ за симъ, при подробномъ донесеніи, я буду имѣть счастіе представить В. И. В—ву знамена и бунчуки, а нынѣ повергаю къ стопамъ вашимъ ключи города Адріанополя.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Царское Село.—28-го августа 1829 г.

Послѣ 17-ти тревожныхъ дней, я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адріанополя![1]). Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ нашъ за сію новую милость, вы же примите мою живѣйшую и искренюю признательность за блестящій и прочный результатъ, полученный превосходными вашими распоряженіями и вслѣдствіе точнѣйшаго къ нимъ приложеннаго исполненія. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и оно прославитъ наши военныя лѣтописи. Одобряю, во всѣхъ отношеніяхъ, мѣропріятія ваши; но настаиваю на томъ, чтобы, въ томъ случаѣ, буде переговоры прервутся, вы направили корпусъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть въ увѣренности, что „незванные гости" не явятся тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что вы такъ и поступили бы при малѣйшемъ къ тому поводѣ, судя по самому смыслу вашего письма и по мнѣнію, вами выраженному о новостяхъ, сообщенныхъ вамъ всѣми посланниками въ Константинополѣ. Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то положительно откажете въ пропускѣ всякому иному флоту кромѣ нашего. Если будутъ къ тому понуждать—вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ.

Какъ нельзя лучше вы обсудили полученныя вами депеши и предусмотрѣли мои отвѣты; впрочемъ, Орловъ доставилъ вамъ все[2]), чего еще не доставало бы къ вашимъ инструкціямъ.

(Подлинникъ). Après 17 jours d'inquiétude j'ai reçu hier, cher ami, votre excellente lettre du 9 d'Adrianople! Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette nouvelle grâce et vous recevez toute ma vive et sincère reconnaissance pour le résultat brillant et solide obtenu par vos excellentes dispositions et par suite de l'éxécution parfaite qui y fut apportée. Votre nom, cher ami, appartient désormais à jamais à l'histoire et il illustrera les fastes de notre armée. J'approuve en tout point vos mesures; mais j'insiste pour qu'au cas que les négociations soient rompues, vous poussiez un corps vers les Dardanelles, pour être sûr que des незванные гости ne s'y présentent pour se meler et gâter nos affaires. Au reste je suis persuadé que vous l'aurez fait pour peu que cela soit le cas, d'après le sens même de votre lettre et du jugement que vous portez sur les nouvelles qui vous sont communiquées par les ambassadeurs à Constantinople. Enfin si vous en êtes aux Dardanelles, vous refuserez positivement le passage à toute autre flotte qu'à la notre. Et si l'on for-

---

[1]) Строки и слова, напечатанныя разрядкою, подчеркнуты въ подлинникѣ.
[2]) Въ подлинникѣ это слово подчеркнуто три раза.

Надѣюсь, что резервы немножко поприбавили вамъ силъ, противу бывшихъ у васъ въ Адріанополѣ 8-го числа; ибо кромѣ таковыхъ у васъ не было и трехъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ кавалерійскихъ бригадъ; поэтому, расчитываю, что въ общей сложности у васъ наберется до 50,000 человѣкъ. Бѣдственно то, что васъ преслѣдуютъ болѣзни; лишь бы чума не примѣшалась къ нимъ.

Ничего не понимаю въ Гейсмарѣ и надѣюсь, что Киселевъ приведетъ дѣла въ порядокъ. Вижу, что вы не имѣли вѣстей о насъ; въ эти дни мы были въ большомъ безпокойствѣ, ибо съ 11-го числа не получали новостей изъ арміи и послѣднее донесеніе изъ Землина было доставлено къ намъ въ девять дней; эта проволочка превзошла всѣ наши расчеты и всетаки я въ ней ничего понять не могу; и опять же чрезъ Одессу до насъ дошли первые слухи о занятіи Адріанополя.

Еще слово о греческомъ дѣлѣ: какое рѣшеніе ни было-бы принято посланниками въ Константинополѣ, ни на какую иную границу кромѣ Арты и Вало я не соглашаюсь; надѣюсь, что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то французы меня поддержатъ; а если даже нѣтъ — я стою на своемъ. Мы въ правѣ не нарушать нашего слова и положеніе наше таково, что мы можемъ, наконецъ, сказать— „я такъ хочу", благодаря успѣхамъ вашимъ—въ Европѣ, успѣхамъ Паскевича—въ Азіи. На случай возможности мира, полагаю оставить,

---

çait, vous repondrez par des coups de canon. Mais que Dieu nous en préserve.

Vous avez parfaitement jugé les dépêches que vous avez reçu et vous avez prévu mes réponses; au reste Orlof vous aura porté tout ce qui pourait encore manquer à vos instructions.

J'espère que les reserves vous auront porté à un peu plus de forces que vous n'en avez eu à Adrianople le 8; car outre celles-là vous n'y aviez pas trois de vos divisions d'infanterie et deux brigades de cavalerie; j'estime donc que le tout vous portera pour le moins à 50.000 hommes. — Il est désastreux que les maladies vous poursuivent; pourvu que la peste ne s'en mèle.

Je n'en comprend rien à Geismar, et j'espère que Kisséléf remettra les choses. — Je vois que Vous manquiez de nos nouvelles; nous avons été bien inquiets ces jours-ci, car depuis le 11 nous n'avions pas reçu de nouvelles de l'armée et le dernier paquet nous étant parvenu de Sélimno en neuf jours, ce retard passait tous les calculs et encore je ne puis rien y comprendre, et c'est encore par Odessa que nous avons eu les premiers bruits sur l'occupation d'Andrianople.

Un mot encore sur l'affaire Grecque; telle détermination qu'ayant pris les ambassadeurs à Constantinople, je ne consens à aucune autre limite qu'Arta et Walo; je me flatte que quand l'on le saura à Paris, les Français me sou-

если это допущено будетъ условіями, 8 дивизій пѣхоты и 4 кавалеріи для занатія областей, которыя мы должны удержать какъ залогъ гарантій, а именно: изъ 9-й, 10-й, 11-й и 12-й дивизій сформировать впредь третій корпусъ подъ начальствомъ Красовскаго, или Ридигера—по вашему выбору; а изъ 16-й, 17-й, 18-й и 19-й—будущій пятый корпусъ подъ командою Ротта, съ 3-ю гусарскою, 4-ю уланскою и четвертымъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ. 12-ю дивизію можно было-бы назначить въ мѣстности по ту сторону Бургаса, 11-ю къ Бургасскому заливу и къ Варнѣ, 15-ю въ Булгарію, а 9-ю въ Силистрію; 5-й корпусъ занялъ бы княжества, или, на оборотъ, т. е. 5-й корпусъ—въ области по ту сторону Дуная, а 3-й корпусъ для княжествъ; остальныя части арміи, т. е. будущій 2-й корпусъ и одна дивизія перваго (4-я) могли бы возвратиться. Въ этой надеждѣ приказываю все приготовить для (карантиннаго) очищенія имѣющихъ возвратиться.

До заключенія письма, вмѣняю себѣ въ удовольствіе, любезный другъ, самолично увѣдомить васъ, что я пожаловалъ графиню, супругу вашу, статсъ-дамою; но отчаиваюсь видѣть ее, ибо она постоянно никуда не показывается.

Поклоны Толю, Палену и Орлову; желалъ-бы, чтобы вы имѣли случай быть довольны послѣднимъ; я-же въ немъ былъ постоянно увѣренъ и удовлетворенъ имъ.

Прощайте, любезный другъ, Господь да направляетъ васъ и по-

---

tiendront; mais quand même j'y reste. Nous sommes en droit de ne pas fausser notre parole et notre situation est telle que nous pouvons dire enfin je le veux, et cela grâce à vos succès en Europe et à ceux de Paskéwitch en Asie. Pour le cas possible de la paix, je suppose laisser, si telle le portent les conditions, 8 divisions d'infanterie et 4 de cavalerie, pour l'occupation des pays que nous devons garder en otage aux garanties, et nomément les 9, 10, 11 et 12 forment dorénavant le 3-e corps sous Krassofsky ou Rüdiger à votre choix et les 16, 17, 18 et 19 du 5-e corps futur sous Rott, avec les 3-e hussards, 4-e lanciers et le 4-e corps de cavalerie de reserve. La 12-e division serait pour les places au-delà de Bourgas, la 11-e pour le golfe de Bourgas et Warna, la 15-e pour la Bulgarie et la 9-e pour Silistrie; le 5-e corps occuperait les Principautés ou bien l'inverse, c. a. d. le 5-e corps pour les provinces au-delà du Danube, et le 3-e corps pour les Principautés; le reste de l'armée c. a. d. le futur 2-e corps et une division du 1-r (la 4-e) pourraient revenir. C'est dans cet espoir que je fais tout préparer pour la purification de ce qui doit rentrer.

Avant de finir, je me fais un plaisir, cher ami, de Vous informer moi-même, que j'ai nommé la Comtesse votre épouse—Dame-à-portrait; mais je désespère de la voir, car elle fait constamment l'invisible.

Mille choses à Toll, Pahlen et Orlof; je désire que vous ayez lieu d'être content de celui-ci; j'en ai été toujours parfaitement sûr et satisfait.

могаетъ вамъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да дозволитъ онъ вамъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный миръ Адріанопольскій. На всю жизнь вашъ, искренно вамъ благосклонный

Николай.

Жена моя поздравляетъ васъ съ славными успѣхами и кланяется вамъ.

Adieu, mon cher ami, que Dieu vous guide et vous assiste dans vos dernières oeuvres et vous permette le plus tôt possible de signer une belle paix d'Andrianople. A Vous pour la vie. Votre sincèrement affectionné Nicolas.

Ma femme vous offre ses félicitations pour vos glorieux succès et vous dit mille choses.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Полковникъ И. О. Рышковъ.

Въ XVI-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1876 г. на стр. 191—193 помѣщенъ разсказъ И. П. Ежевскаго, со словъ курскаго помѣщика Рышкова, о бывшемъ съ нимъ случаѣ въ царствованіе императора Павла. Въ исправленіе вкравшихся въ этомъ разсказѣ невѣрностей, С. Д. Слатинъ сообщаетъ изъ г. Щигры слѣдующія свѣдѣнія: Рышковъ происходитъ не изъ однодворцевъ не существующаго въ Щигровскомъ уѣздѣ села Рышкова, а изъ рода, который пользуется дворянскимъ достоинствомъ съ начала XVII-го вѣка, если не ранѣе. Полковникъ Иванъ Онуфріевичъ Рышковъ награжденъ императоромъ Павломъ не двумя стами, а только сотнею душъ и не въ Щигровскомъ уѣздѣ, а въ Сѣвскомъ, Орловской губерніи. Отзыва о мѣстныхъ чиновникахъ, якобы сдѣланнаго имъ при одной изъ губернаторскихъ ревизій присутственныхъ мѣстъ въ Щигровскомъ уѣздѣ, Рышковъ, вопреки разсказу г. Ежевскаго, не дѣлалъ.

«Я близко зналъ полковника Рышкова, пишетъ г. Слатинъ, былъ знакомъ съ нимъ съ 1832 г. до самой его кончины; около сорока лѣтъ почти постоянно жилъ въ г. Щиграхъ, видѣлъ ревизіи всѣхъ губернаторовъ съ 1835 года, именно: Муравьева, Флиге, Устимовича, Казадаева, Зорина, Лужина, Бибикова, Дена и положительно утверждаю, что Рышковъ не въ одной изъ всѣхъ этихъ ревизій не участвовалъ и не былъ приглашаемъ предводителемъ. Онъ умеръ въ 1867-мъ году, имѣя свыше 100 лѣтъ отъ роду, причемъ лѣтъ 20-ть изъ своего села Озерны, Щигровскаго уѣзда, никуда не выѣзжалъ».

Имѣя въ виду, что редакція «Русской Старины» никогда не отказывается исправлять случайно дѣлаемыя въ этомъ журналѣ погрѣшности, я счелъ не лишнимъ сообщить настоящую мою замѣтку, на полной истинѣ основанную.

Сообщ. С. Д. Слатинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

осталось 55 экземпляровъ и можно получить съ 1-й книги:

12-ть кн. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1876 года.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» **1876 г.**, двѣнадцать книгъ, между прочими статьями напечатаны:

Записки Михаила Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.,—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гт.—Домашній памятникъ т. е. записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I-го.—Автобіографія и переписка академика А. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гт.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Ѳедора Григорьевича Солнцева: Академія художествъ до 1820-хъ гт.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста Н. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч. Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профессора Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг. статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова. Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ пока-

заніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг., статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профессоромъ Я. А. Чистовичемъ.—Т. Θ. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волынскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, Г. А. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Θ. Паскевича, о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Въ отдѣлѣ листковъ изъ записной книжки въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. Относительно художниковъ и артистовъ, въ этомъ же изданіи 1876 г., напечатанъ разсказъ о М. И. Глинкѣ, очерки и замѣтки о музыкѣ—А. Н. Сѣрова и проч.

Къ «Русской Старинѣ» 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ; потреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг.; портретъ Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.—Крестьянинъ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора (чертежи).

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, восемь рублей съ доставкою и съ пересылкою.

„РУССКАЯ СТАРИНА" 1870 Г.

третье изданіе „Русской Старины", годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины" 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриллiанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Корабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію „Русской Старины" **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвирован. акад. Л. **Сѣряковымъ** рисунками и виньетами.

Цѣна третьяго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

[*Имѣется немного экземпляровъ*].

ства въ г. Павловскѣ. Л. Стефани. Спб. 1872. 1012 экз. 1 р. 25 к.

Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ (1698—1715), сочиненіе капитана Джона Перри. Пер. съ англ. кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ и подъ ред. М. И. Семевскаго. Изд. Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1871. In-8°. 200 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и Списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Составилъ Григорій Геннади. Т. I. А—Е. Берлинъ. 1876. In-8°. VI и 351 стр. Ц.

Суворовъ и его походы въ Италіи и Швейцаріи. Спб. 1873. 5000 экз. Ц. 10 к.

Указатель достопримѣчательностей г. Казани. Составленъ С. М. Шпилевскимъ. Казань. 1873. 1200 экз. Ц. 30 к.

Указатель духовнаго учено-литературнаго журнала «Странникъ» за 3-ье пятилѣтіе его изданія (1870—75). П. В. Г. Спб. 1876. 105 стр.

Указатель къ Олонецкимъ губернскимъ вѣдомостямъ за 1838—1870 гг. Составилъ К. М. Петровъ. Петрозаводскъ. 1871. In-8°. 52 и 4 нен. стр.

Указатель выставки при третьемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, 1874 г. 2—22 августа. Кіевъ 1874. 600 экз. Ц. 50 к.

Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876. In-8°. VI и 398 стр., съ портретомъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Изд. подъ наблюденіемъ кн. Дм. А. Оболенскаго. Ц. 3 р.

Часы Москвы къ 200-лѣтнему юбилею Петра I. П. Хавскаго. М. 1872. 500 экз. Тоже. Изд. 3-е. 1000 экз. Ц. 15 к.

Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ. Біографич. очеркъ И. С. Аксакова. М. 1874. 125 экз. (Отдѣльный оттискъ № 10-го «Русск. Архива» 1874 г.).

Актъ Зографскаго монастыря на Аѳонѣ, 980—981 г. О. М. Бодянскаго. М. 1873. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 100 экз.

Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомуч. и цѣлителя Пантелеймона. Кіевъ. 1874. Ц. 3 р.

Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви. Соч. профессора Кіевск. дух. акад. Ив. Малышевскаго. Т. I. Кіевъ. 1872.

Апокрифическія сказанія о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Изслѣдованіе И. Порфирьева. Казань. 1873. Ц. съ пер. 2 р.

Арсеній, патріархъ Никейскій и Константинопольскій, и Арсениты. И. Е. Троицкаго. Спб. 1873.

Аѳонская гора и ея святыни. Съ рисункомъ. Изд. редакціи «Мірскаго Вѣстника». Спб. 1870. Ц. 10 к.

Библейскій атласъ и библейскій историко-географическій словарь. Л. Петрова. Спб. 1872. (1000 экземпл.). Ц. 2 р.

Библейскій Словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности, хронологію и пр. А. Верховскаго. Т. I, выпускъ 1-й. Спб 1870. Ц. 80 к. Тоже. Т. I, в. 2-й. Спб. 1871—72. Ц. 80 к. Тоже. Т. I, в. 3-й. Спб. 1873. Ц. 80 к. Тоже. Т. I, в. 4-й. Спб. 1874. Ц. 80 к.

Біографическіе очерки. III. Платонъ, митрополитъ Московскій. (Съ портретомъ Платона). Влад. Новаковскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1870. Ц. 40 к.

Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія. Изслѣдованіе, начатое Д. И. Голохвастовымъ и доконченное архимандритомъ Леонидомъ. М. 1874. 300 экз.

Блаженной памяти отецъ Іоаннъ Борисовъ, священникъ Преображенской церкви въ г. Ельцѣ. Луки Ефремова. М. 1870. 2000 экз. In-8°. 35 стр. Ц. 50 к.

Братство св. равноапостольной Маріи въ Москвѣ. М. 1871. 3600 экз. Ц. 20 к.

Бывшаго полковаго священника, магистра Генриха Седерберга замѣтки о религіи и нравахъ русскаго народа, во время пребыванія его въ Россіи, съ 1700 по 1718 гг. Пер. съ шведск. А. Чумиковъ. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1873. 300 экз.

Великія Минеи-Четіи, собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. (Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою коммисіею). Октябрь, дни 1—3. Спб. 1870. In-4°, въ 2 столбца (VI+1—792 столбцы). 675 экз. Ц. 3 р., съ перес.—3 р. 50 к.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. ІЮНЬ. **1877 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ прилагаются: I. Рисунокъ галеры **«Тверь»**, на которой совершено въ 1767 г. Императрицею Екатериною II-ю плаваніе по Волгѣ.—II. Рисунокъ **медали на рожденіе** Великаго Князя **Константина Павловича**, 27-го апрѣля 1779 года.— III. **Рисунокъ памятника** рядовому Архипу Осипову и шт.-кап. Лико, героямъ 22-го марта 1840 года,—рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня.

Выборное начало въ духовенствѣ. Свящ. М. Морошкина. Спб. 1870. Ц. 20 к.

Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря. Т. И. Филиппова. Спб. 1870. In-8°. 110 стр. 300 экз. Ц. 80 к.

Евсевія, архіеп. Могилевскаго, Слова (14 словъ). Спб. 1870. Тип. журн. «Странникъ». In-18°. 24+35+24+31+57 стр. 1500 экз.

Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря игумена Антонія. М. 1870. In-8°, III+204 стр. 2000 экз. Ц. 75 к.

Жизнь Андрея Христа ради юродиваго, Мещовскаго. Сер. Архангельскаго. М. 1870. Ц. 30 к.

Жизнь и дѣятельность основателя церковныхъ братствъ на Руси, въ новѣйшее время, свящ. А. В. Гумилевскаго. Съ приложеніемъ портрета покойнаго пастыря, рѣчей и слова, посвященныхъ его памяти. Очеркъ И. С—ова. Спб. 1870. In-12°. 64 стр. Ц. 50 к.

Жизнь и чудеса св. Николая, архіеп. Мирликійскаго. Гр. М. Толстаго. Изд. 5-е. М. 1870. 12000 экз. Ц. 50 к.

Жизнь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго. М. 1870. In-18°. 36 стр. 7200 экз. Ц. 40 к.

Жизнь преподобнаго отца нашего Алексія, человѣка Божія. Изд. книгопр. Манухина. М. 1870. In-18°. 36 стр. 12000 экз.—Ц. 20 к.

Жизнь св. Григорія Богослова, архіепископа Константинопольскаго, и его пастырская дѣятельность. Спб. 1870. Ц. 1 р.

Жизнь святыхъ, составл. по руководству: Четь-Миней, Патристики, Русскихъ святыхъ, богослужебныхъ дней правосл. церкви и др. книгъ, съ описаніемъ праздниковъ. Петра Виноградова. М. 1870. 4800 экз.

Житіе преподобнаго отца нашего Василія Новаго и сказаніе о преподобной Ѳеодорѣ, проходившей воздушныя мытарства. М. 1870. Изд. Глушкова. In-18°. 36 стр. 4200 экз. Ц. 40 к.

Житіе преп. отца нашего Макарія, Калязинскаго чудотворца, пр. Виктора. Изд. 3-е. М. 1870. In-12°. 31 стр. Ц. 40 к.

Житіе святыя праведныя великія княгини Россійскія Ольги, нареченныя во св. крещеніи Еленою. Ив. Оріентова. М. 1870. In-18°. 36 стр. 4800 экз. Ц. 40 к.

Житіе св. Прокопія, Устюжскаго чудотв. Изд. Манухина. М. 1870. In-18°. 35 стр. 12000 экз. Ц. 40 к.

Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ-Миней. А. Н. Бахметевой. Изд. 5-е. М. 1870. In-16°:—Январь. 203 стр. 4800 экз. Ц. 15 к.—Февраль. 148 стр. 4800 экз. 15 к.—Мартъ. 4800 экз. Ц. 15 к.—Апрѣль. 4800 экз. Ц. 15 к.—Май. 197 стр. 3600 экз. Ц. 15 к.—Іюнь. 190 стр. 3600 экз. Ц. 15 к.—Іюль. 178 стр. 4800 экз. Ц. 15 к.—Августъ. Ц. 15 к.—Сентябрь, Октябрь. 4800 экз. 169 и 161 стр. Ц. 30 к.—Ноябрь, Декабрь. 186 и 175 стр. 4800 экз. Ц. 30 к.

Избранныя изреченія св. иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя епиcк. Игнатіемъ (Брянчаниновымъ), съ прилож. портрета преосв. Игнатія и снимка съ его рукописи. Спб. 1870. In-8°. 658 стр. Ц. 3 р.

Истина. Повременное изданіе русскихъ старообрядцевъ въ Пруссіи, перенесенное нынѣ въ Псковъ. Изд. К. Е. Голубова. Псковъ. 1869—1876 (вышло 48 книжекъ).

Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода. (1721—1821). Николая Розанова. Ч. 2-я, кн. 1-я, М. 1870. Синод. тип. In-8°. X + 181 + 199 стр. 600 экз. Ц. 1 р. (Ч. 1-я вышла въ 1869 г.).

Исторія русской церкви. Архіепископа Макарія. Томъ VI. Спб. 1870 In-8°. VIII + 383 стр. 1850 экз. Ц. 2 р. Т. VII. Спб. 1875. Ц. 2 р. (Первые V т. вышли до 1870 г.).

Исторія церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на Старомъ Симоновѣ въ Москвѣ. Къ ея пятисотлѣтію (1370—1870). Николая Розанова. М. 1870. In-8°. 24 стр. 1200 экз.

Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи. 6 частей. Черниговъ. 1873. Ц. 3 р.

Историческое описаніе Мещевскаго Георгіевскаго мужскаго монастыря. Сост. А. Л. 1864. М. 1870. In-8°. 189 стр.

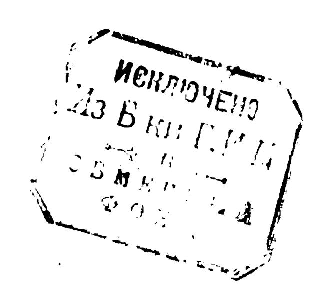
РЯДОВОЙ АРХИПЪ ОСИПОВЪ и ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ ЛИКО

22-го марта 1840 г.

[ПРОЕКТЪ ПАМЯТНИКА НА КАВКАЗѢ.]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" ИЗД. 1877 Г. ТОМЪ XIX.

Дозволено цензурою. Спб. 29 Апрѣля 1877 г. Экспедиція заготовленія государств. бумагъ.

НЕВѢСТЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

I.

Принцессы: Луиза Саксенъ-Готская и Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская.

1768—1773 гг.

Императрица Екатерина II, выбирая людей для осуществленія своихъ предначертаній, подобно знаменитому французскому писателю (Мольеру), «брала свое добро вездѣ, гдѣ его находила», руководствуясь при этомъ исключительно личными заслугами и способностями тѣхъ, на кого падалъ ея выборъ. Иногда, не довольствуясь матеріаломъ, который находился у нея подъ рукой на родной почвѣ, она заимствовала его на сторонѣ и съ успѣхомъ приспособляла къ дѣлу, которое въ данную минуту намѣревалась осуществить.

Въ ряду иностранцевъ, обратившихъ на себя вниманіе императрицы, и, въ свою очередь, подъ вліяніемъ удивленія къ ея личности посвятившихъ себя служенію ей, а слѣдовательно, и Россіи, занимаетъ видное мѣсто дипломатъ Ассебургъ. Сначала датскій посланникъ при русскомъ дворѣ, онъ потомъ перешелъ на русскую службу и въ числѣ другихъ услугъ Россіи еще оказалъ и ту, что, при выборѣ невѣсты для великаго князя Павла Петровича, впервые указалъ Екатеринѣ на Виртембергскую принцессу Доротею-Августу-Софію, въ послѣдствіи императрицу Марію Ѳеодоровну, качества ума и сердца которой, не смотря на ея тогда еще дѣтскій возрастъ, не ускользнули отъ его проницательности.

Ахатцъ-Фердинандъ фонъ-деръ-Ассебургъ родился 20-го іюля 1724 г. въ подвластномъ Пруссіи герцогствѣ Гальберштадтѣ, въ Мейсдорфѣ, родовомъ имѣніи семейства Ассебурговъ. Отецъ его, Іоганъ-Лудвигъ фонъ-деръ-Ассебургъ, состоялъ въ званіи камергера при прусскомъ дворѣ; мать, Анна-Марія фонъ-Шуленбургъ, была изъ фамиліи Аппенбурговъ.

Ассебургъ рано лишился отца, но воспитаніе его, повидимому, отъ этого нисколько не пострадало. Дѣтство свое и первые годы юности онъ провелъ въ Гальберштадтѣ; затѣмъ, уже на двадцать второмъ году, отправился въ Іену, гдѣ и прошелъ трехгодичный университетскій курсъ.

Не только въ зрѣломъ возрастѣ, когда опытъ жизни и общественныя условія уже успѣли наложить на него свою печать, но и въ ранней молодости Ассебургъ отличался большимъ достоинствомъ, сдержанностью и такой пріятностью обращенія, что всѣхъ невольно располагалъ въ свою пользу. По окончаніи университетскаго курса, онъ, благодаря протекціи одного изъ своихъ родственниковъ, былъ принятъ гофъ-юнкеромъ на службу Гессенъ-Кассельскаго ландграфа, а вскорѣ затѣмъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Мюнхенъ. Это было первымъ шагомъ Ассебурга на дипломатическомъ поприщѣ, гдѣ онъ въ послѣдствіи заслужилъ почетную извѣстность. Дипломатическая его дѣятельность дѣлится на три эпохи: на службу при Гессенъ-Кассельскомъ ландграфскомъ дворѣ, въ Даніи и, наконецъ, въ Россіи.

На службѣ Гессенъ-Кассельской Ассебургъ пробылъ десять лѣтъ. Этотъ періодъ дѣятельности Ассебурга замѣчателенъ только тѣмъ, что онъ въ это время находился въ частыхъ сношеніяхъ со всѣми мелкими германскими дворами, что дало ему возможность близко съ ними познакомиться, и поэтому самому послужило въ послѣдствіи поводомъ Екатеринѣ II возложить на Ассебурга порученіе касательно выбора невѣсты для в. к. Павла Петровича.

Во время одного изъ своихъ путешествій во Францію, Ассебургъ былъ представленъ въ Парижѣ датскому посланнику, барону Бернсторфу, который скоро замѣтилъ всё, чего можно было ожидать отъ этого начинающаго дипломата и тогда же рѣшилъ обратить его способности на пользу своего отечества. Дѣйствительно, ставъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ

Даніи, Бернсторфъ, въ 1753 г., обратился къ Ассебургу съ предложеніями, вслѣдствіе которыхъ тотъ перешелъ на датскую службу, при чемъ отъ него потребовалось честное слово, что онъ никогда произвольно не оставитъ ея.

Здѣсь, какъ и въ Гассенъ-Касселѣ, Ассебургъ пріобрѣлъ довѣріе и уваженіе, такъ что въ 1755 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ, а три года спустя къ нему дважды обращались съ предложеніемъ взять на себя воспитаніе втораго сына датскаго короля, принца Фридриха, въ послѣдствіи отца короля Христіана VIII. Но отъ этой должности Ассебургъ рѣшительно отказался, чувствуя себя исключительно призваннымъ къ дипломатической сферѣ.

По окончаніи посольства въ Стокгольмѣ, Ассебургъ удалился въ свое имѣніе для поправленія разстроеннаго здоровья. Датскій дворъ, признательный къ услугамъ Ассебурга, производилъ ему пенсію, которою онъ спокойно пользовался до 1762 г. Когда Данія внезапно очутилась въ затруднительномъ положеніи, угрожавшемъ ей войной въ близкомъ будущемъ, тогда Ассебургъ выразилъ желаніе, чтобы выдача ему пенсіи была пріостановлена, такъ какъ онъ не хотѣлъ быть въ тягость уже и безъ того обремененному государству; но король, съ неменьшимъ великодушіемъ съ своей стороны, отказался принять эту жертву.

Кризисъ, угрожавшій Даніи, былъ слѣдствіемъ крутаго поворота, происшедшаго въ русской политикѣ со смертью императрицы Елисаветы Петровны. Наслѣдникъ ея, императоръ Петръ III всегда враждебно относившійся къ личности и политикѣ тетки, въ особенности касательно Гольштейнъ-Готторпскаго вопроса, немедленно по вступленіи на престолъ, обратился къ Даніи, въ качествѣ Гольштейнъ-Готторпскаго герцога, съ требованіями, которыя повергли это королевство въ крайнее затрудненіе. Ассебургъ не замедлилъ при столь усложненныхъ обстоятельствахъ явиться къ своему посту въ Копенгагенъ и получилъ назначеніе ѣхать въ Берлинъ отстаивать интересы Даніи на конференціи, которая должна была состояться при посредничествѣ короля прусскаго. Переговоры открылись между Ассебургомъ со стороны Даніи и двумя уполномоченными со стороны Россіи, изъ которыхъ одинъ былъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, баронъ Корфъ, а другой Гольштейнъ-Готторпскій тайный совѣтникъ фонъ Саль-

дернъ. При враждебномъ настроеніи русскаго двора къ датскому, послѣдній мало надѣялся на благопріятный исходъ переговоровъ и уже приступилъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, какъ внезапно въ Россіи совершился новый переворотъ, который мгновенно опять перетянулъ вѣсы въ пользу Даніи. На престолѣ русскомъ снова воцарилась императрица, дружески расположенная къ Даніи и желавшая миролюбиваго разрѣшенія вопроса, который въ противномъ случаѣ грозилъ еще долго оставаться яблокомъ раздора между двумя сосѣдними державами. Въ виду важности продолженія переговоровъ, датскій дворъ, давно желавшій воспользоваться способностями Ассебурга, тогда же намѣревался отправить его въ Россію. Но императрица Екатерина II, старавшаяся главнымъ образомъ только доказать, что она намѣрена въ отношеніи Даніи придерживаться политики своей предшественницы, изъявила датскому двору желаніе, чтобы въ Петербургъ вернулся баронъ д'Остенъ, бывшій посланникомъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Такимъ образомъ назначеніе Ассебурга въ эту новую должность до времени было отложено. Когда же въ 1765 г. Гольштейнъ-Готторпскій вопросъ окончательно былъ поставленъ на очередь, датскій дворъ, почему-то считая барона д'Остена неспособнымъ его вести, рѣшительно послалъ ему на смѣну Ассебурга. Это казалось тѣмъ болѣе кстати, что Ассебургъ, въ бытность свою въ Стокгольмѣ, чрезвычайно сблизился съ тогдашнимъ русскимъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ, Никитой Ивановичемъ Панинымъ, который съ тѣхъ поръ успѣлъ сдѣлаться оберъ-гофмейстеромъ в. к. Павла Петровича и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этой должности онъ не разъ выражалъ желаніе о назначеніи Ассебурга датскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу уполномоченный министръ прусскаго короля въ Петербургѣ, графъ Сольмсъ, связанный узами тѣсной дружбы съ Ассебургомъ и съ Панинымъ и взявшій на себя въ настоящемъ случаѣ быть между ними посредникомъ:

«.....Мнѣ поручено предложить вамъ быть его (д'Остена) преемникомъ, или по крайней мѣрѣ склонить васъ къ тому, чтобы вы не отказывались отъ этой должности, если ее вамъ предложатъ. Вы легко отгадаете, кто въ здѣшней странѣ такъ сильно желаетъ видѣть васъ при себѣ (Панинъ). Онъ искренній другъ вамъ; вы—ему. Вы одновременно подвизались на одномъ поприщѣ. Онъ очень желалъ бы опять увидѣться съ вами, продолжая жить вмѣстѣ

какъ съ своимъ другомъ и повѣреннымъ. Онъ извиняется передъ вами за климатъ своего отечества, который суровъ и часто непріятенъ: другъ нашъ слишкомъ правдивъ, чтобы это отъ васъ скрыть, однако, полагаетъ, что вы уже нѣсколько закалены, извѣдавъ суровый климатъ нашихъ сосѣдей. Въ замѣну онъ указываетъ вамъ на хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ, чтобы развлекать васъ и заставить забыть въ хорошо натопленныхъ комнатахъ дурную погоду, какая можетъ въ то время быть на улицѣ. Вамъ слѣдуетъ, любезный другъ, подумать объ этомъ предложеніи и приготовить отвѣтъ, такъ какъ изъ того, что мнѣ говорили, легко можетъ случиться, что къ вамъ обратятся съ письменнымъ запросомъ».

Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ дружескимъ предувѣдомленіемъ состоялось и оффиціальное назначеніе Ассебурга въ Россію, какъ это видно изъ слѣдующей къ нему депеши барона Бернсторфа.

5-го января 1765 г.

«Мы готовимся возобновить нашъ союзъ съ Россіей и рѣшено, что какъ только будетъ сдѣланъ этотъ первый шагъ, то будетъ приступлено къ обработкѣ предварительнаго договора, для приведенія въ порядокъ и опредѣленія условій, на которыхъ при наступленіи совершеннолѣтія великаго князя долженъ совершиться обмѣнъ герцогства Гольштинскаго на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Переговоры объ этомъ, я полагаю, будутъ начаты и ведены въ Копенгагенѣ; но для короля въ высшей степени важно въ теченіе ихъ имѣть въ Петербургѣ умнаго, ловкаго и осторожнаго министра, который могъ бы поддерживать при русскомъ министерствѣ наши предложенія здѣсь и тѣ доводы, какими мы станемъ ихъ подкрѣплять, — министра, который былъ бы въ состояніи склонить московскихъ уполномоченныхъ къ успѣшному соглашенію. Господинъ д'Остенъ не могъ бы быть таковымъ, ибо причины, которыя я въ другой разъ вамъ подробнѣе объясню, побуждаютъ короля согласиться на его просьбу объ отозваніи».

Ассебурга ожидалъ въ Петербургѣ самый благосклонный пріемъ. Панинъ, на первыхъ же порахъ, въ дружеской бесѣдѣ высказалъ ему свои цѣли и намѣренія, обѣщаясь дѣйствовать въ духѣ интересовъ обѣихъ державъ. Донесеніе Ассебурга датскому двору, отъ 6-го декабря 1765 г., о его свиданіи съ русскимъ министромъ характеризуетъ Панина:

— «Гольштинскій вопросъ», сказалъ мнѣ Панинъ, «въ вашихъ рукахъ; я уже вамъ это говорилъ, опять повторяю и докажу. Лишь только императрица удостоила меня своимъ довѣріемъ и пожелала, чтобы я взялъ на себя управленіе государственными дѣлами, я немедленно начерталъ для нихъ общіе и частные планы. Тотъ изъ нихъ, который служилъ руководствомъ при нашихъ

сношеніяхъ съ Даніею, былъ однимъ изъ первыхъ, такъ какъ отъ него зависѣло опредѣленіе системы сѣвера. Я предложилъ обмѣнъ столь часто волнуемой страны; доказывалъ, что императоръ россійскій не долженъ имѣть владѣній внѣ предѣловъ своей имперіи и что необходимо заблаговременно распорядиться тѣми изъ нихъ, которыя принадлежатъ великому князю, по праву его наслѣдія, въ Германіи. Мое мнѣніе не только было одобрено, но я еще замѣтилъ, что императрица думала обо всѣхъ подробностяхъ моей системы такъ же точно, какъ и я, и что слѣдованіе ея идеямъ есть уясненіе моихъ собственныхъ. Ея величество нисколько не наслѣдовала ненависти Гольштинскаго дома къ датскому королевскому семейству. Она безпристрастно относится къ обѣимъ сторонамъ, но, желая упрочить спокойствіе сѣвера, готова всѣмъ пожертвовать. Однако у меня оставалось еще сомнѣніе: она мать государя той страны, о которой будетъ рѣчь въ нашихъ переговорахъ. Она могла опасаться упрековъ по поводу уменьшенія его наслѣдія. Я не хотѣлъ дѣлать вещей на половину и написалъ собственноручно весь планъ обмѣна Гольштиніи, подписалъ его какъ проектъ, составленный мною однимъ, за который я стану отвѣчать въ будущемъ, и вручилъ его императрицѣ, прося ее спрятать его къ себѣ въ столъ, какъ актъ—оправдательный для нея, обвинительный для меня, еслибы когда либо объ этомъ зашла рѣчь. Я слишкомъ многое вамъ говорю,—продолжалъ господинъ Панинъ,—но, довѣряясь вашей скромности и честности, я доскажу и остальное. Я приготовляю своего воспитанника къ одобренію дѣла, которое сдѣлалось моимъ собственнымъ, и разсуждаю съ нимъ о выгодахъ и невыгодахъ его, не какъ наставникъ, но какъ другъ и довѣренное лицо. Я отъ него ничего не скрываю, такъ какъ не хочу ни застигнуть его врасплохъ, ни надѣть на его глаза повязку; желаю, чтобы онъ видѣлъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ и могъ современемъ сказать мнѣ, что подписываетъ ратификацію нашего трактата съ полнымъ убѣжденіемъ въ выгодахъ, какія отъ него получитъ, и чтобы онъ меня вполнѣ оправдалъ въ томъ, что я его склонилъ на это дѣло. Вотъ,—прибавилъ господинъ Панинъ,—на какихъ основаніяхъ я буду дѣйствовать, до конца нашихъ переговоровъ. Я ищу одной заслуги—той, что я служилъ моему отечеству и въ то же время оказалъ услугу Даніи. Ничто иное не руководитъ мною; я никогда никого не обманывалъ; вы, болѣе нежели кто либо, могли бы упрекать меня, если бы я былъ способенъ забыться въ отношеніи васъ. Будьте увѣрены, что все пойдетъ хорошо, если этого пожелаетъ вашъ дворъ и если онъ меня не лишитъ возможности окончить, какъ я началъ. Мы его просимъ только объ одномъ: чтобы на прямодушіе, съ которымъ императрица намѣрена дѣйствовать, онъ отвѣчалъ таковымъ же. Отъ него и васъ зависитъ избавить меня отъ непріятности неудачи при самыхъ лучшихъ когда либо существовавшихъ намѣреніяхъ. Надѣюсь, что

мы достигнемъ цѣли,—въ противномъ случаѣ, знайте, что это никакъ не по моей винѣ и не потому, чтобы моя государыня была дурно настроена».

Ассебургъ занималъ свою должность лишь нѣсколько мѣсяцевъ, когда умеръ король датскій, Фридрихъ V, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ «бывшій для него скорѣе другомъ и благодѣтелемъ, нежели повелителемъ». Событіе это глубоко огорчило не только датскаго министра, но и русскую императрицу, со слезами на глазахъ слушавшую чтеніе о послѣднихъ минутахъ короля, «котораго она», по собственнымъ ея словамъ, «считала другомъ и которому была обязана благодарностью».

Смерть эта, впрочемъ, ни мало не измѣнила дружескихъ отношеній между Даніей и Россіей. Переговоры по поводу обмѣна Гольштиніи продолжали идти своимъ чередомъ и хотя между договаривавшимися сторонами возникло было затрудненіе, однако и оно вскорѣ устранилось, благодаря искреннему желанію, какъ обоихъ государей, такъ и ихъ уполномоченныхъ, все устроить къ обоюдному удовлетворенію.

Россія, сдѣлавшая въ этомъ случаѣ значительныя уступки Даніи, въ лицѣ Никиты Ивановича Панина сочла справедливымъ и нужнымъ, для обезпеченія въ будущемъ прочности настоящаго договора, потребовать себѣ за свою уступчивость законнаго вознагражденія. Послѣднее заключалось въ отмѣнѣ для русскихъ судовъ зундской пошлины. Но датскій дворъ, не смотря на все свое желаніе угодить Россіи, нашелъ такое требованіе слишкомъ для себя тягостнымъ по послѣдствіямъ, которыя оно могло повлечь за собою. Тогда Панинъ, желая, съ одной стороны, выставить на видъ причины, побудившія его къ этому шагу, и подкрѣпить ихъ равносильными доводами, съ другой — успокоить встревожившуюся Данію, обратился къ Ассебургу съ слѣдующимъ объясненіемъ.

—«Мнѣ хорошо извѣстна вся важность нашего требованія. Я знаю, что Данія должна ревниво относиться къ своимъ преимуществамъ въ Зундѣ. Моя приверженность къ ней уяснила мнѣ смыслъ предложенія, которое поручено сдѣлать нашему министру въ Копенгагенѣ. До сихъ поръ я имѣю счастье пользоваться полнымъ довѣріемъ императрицы относительно государственныхъ дѣлъ. Льщусь надеждой, что пользуюсь также и довѣріемъ великаго князя, ея сына. Но могу ли я быть увѣренъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, въ срокъ, назначенный для осуществленія предварительнаго договора, кто нибудь другой не замѣнитъ меня въ довѣріи великаго князя и не вызоветъ въ немъ

предубѣжденія противъ постановленія, которое со старой враждой уничтожаетъ и старинныя притязанія; которое, вслѣдствіе обмѣна владѣній, всегда будетъ имѣть какъ бы невыгодную для его императорскаго величества сторону. Лицо, такъ думающее или склонное только провѣрять то, что не оно само дѣлало, легко можетъ внушить великому князю такого рода мысль, что отъ Даніи по крайней мѣрѣ слѣдовало бы потребовать какого либо вознагражденія для русской имперіи. Вотъ ключъ къ моимъ дѣйствіямъ. Этимъ освобожденіемъ отъ зундской пошлины я желаю упрочить дѣло своихъ рукъ. Я полагалъ, что такая жертва окажется наименѣе тягостной для вашего двора и болѣе всякой другой будетъ въ состояніи отклонить нареканія отъ нашего трактата. Но мои намѣренія, добрыя и честныя, хотя, можетъ быть, и дурно обдуманныя, не станутъ меня ослѣплять. Будемъ дѣйствовать какъ друзья; пусть довѣріе между нашими дворами и ихъ министрами не ослабѣваетъ вслѣдствіе этого затрудненія. Объяснимся. Ваше дѣло по прежнему близко моему сердцу. Я человѣкъ, на котораго вы можете расчитывать съ наибольшей вѣроятностью. Вы мнѣ указываете на договоры, заключенные между вашими королями и различными торговыми націями на Балтійскомъ морѣ. Мнѣ неизвѣстны ни сущность этихъ договоровъ, ни обязательства, какія они на васъ налагаютъ. Я ничего не знаю о равенствѣ, какое они предписываютъ вамъ при взиманіи пошлины съ кораблей, проходящихъ черезъ проливъ. Еслибъ вы склонили вашъ дворъ сообщить мнѣ конфиденціально, въ видѣ меморій, сущность этихъ отношеній между Даніей и державами, съ которыми она прежде вступила въ договоры, — вы этимъ меня успокоили бы. Я съ удовольствіемъ готовъ воспользоваться сообщеніями, охотно освобожусь отъ всякаго пристрастія къ своему плану, и мы будемъ съ вами толковать, не какъ люди, которые стараются одинъ другаго провести, но какъ желающіе сблизиться навсегда. Вы и я, мы будетъ разсматривать это дѣло здѣсь и я надѣюсь, что мы легко прійдемъ къ соглашенію, между тѣмъ какъ въ Копенгагенѣ будутъ трудиться надъ Гольштинскимъ вопросомъ».

Датскій министръ не замедлилъ исполнить желаніе Панина и прислалъ ему всѣ свѣдѣнія, о которыхъ тотъ просилъ. Бернсторфъ между прочимъ доказывалъ, что уничтоженіе зундской пошлины въ пользу русскихъ судовъ не доставило бы никакой выгоды русской торговлѣ, а только нанесло бы жестокій ударъ финансовымъ средствамъ Даніи, такъ какъ, въ силу предшествующихъ договоровъ, это преимущество немедленно должно бы было перейти и на всѣ другія торговыя націи, плавающія и торгующія въ Балтійскихъ водахъ. Ясно, что прерогатива, распространенная на всѣхъ, переставала быть таковой, и въ концѣ концовъ, не принеся никакой пользы Россіи, только раззорила бы Данію.

Обсудивъ всесторонне этотъ вопросъ, Екатерина убѣдилась въ справедливости доводовъ датскаго министра и объявила, «что не желаетъ болѣе настаивать тамъ, гдѣ невозможность очевидна».

Затѣмъ Панинъ представилъ новыя, болѣе умѣренныя требованія на счетъ обезпеченія русской торговли въ Балтійскомъ морѣ и они были приняты барономъ Бернсторфомъ уже безъ всякихъ затрудненій. Императрица осталась очень довольна готовностью датскаго правительства быть ей пріятнымъ, лишь бы это не шло въ разрѣзъ съ интересами его собственной націи, и поспѣшила выразить свое удовольствіе Ассебургу, который по этому случаю писалъ Бернсторфу:

«На послѣднемъ выходѣ при дворѣ, императрица подошла ко мнѣ и сказала съ одушевленіемъ и любезностью, какими отличаются всѣ ея слова, что она съ большимъ удовольствіемъ узнала о согласіи короля принять безъ всякаго измѣненія послѣдній предложенный ею сепаратный актъ. Въ этомъ поступкѣ она видѣла увеличеніе довѣрія къ ней его величества и она была ему за то столько же благодарна, сколько расположена все болѣе и болѣе съ нимъ сближаться».

Въ февралѣ 1767 г. русскій дворъ переселился въ Москву. За нимъ послѣдовали и иностранные министры, изъ которыхъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Ассебургъ, были приглашены сопровождать императрицу и далѣе, въ ея поѣздкѣ на юго-востокъ Россіи. Изъ Москвы до Твери ѣхали сухимъ путемъ, затѣмъ водою по Волгѣ, и эту послѣднюю часть своего путешествія Ассебургъ описываетъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

«Ея величеству угодно было дозволить мнѣ и нѣкоторымъ другимъ иностраннымъ министрамъ сопровождать ее изъ Ярославля въ Кострому, городъ, построенный при впаденіи рѣки того же имени въ Волгу, и отстоящій отъ Ярославля на 70 верстъ. Не признаю моего пера на столько искуснымъ, чтобы изобразить все удовольствіе и всѣ отличія, намъ оказанныя въ этомъ случаѣ, гдѣ мы имѣли честь быть допущенными въ число ближайшихъ лицъ частнаго общества ея величества. Въ теченіе двухъ дней, мы пользовались преимуществомъ находиться на ея собственной галерѣ, и не проходило минуты, чтобы не представлялся случай восхищаться этой великою монархиней, которая умѣетъ, слагая съ себя весь блескъ царскаго величія, придавать своему частному обществу такую веселость, пріятность и свободу, какія нигдѣ не встрѣчаются, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она. Кромѣ времени обѣда и ужина, на которые мы постоянно были приглашаемы на галеру ея величества, она удерживала насъ и послѣ полудня въ своихъ покояхъ, разговаривая почти исключительно съ

нами и разливая на всѣхъ ту доброту и участіе, которыя ей одной свойственны.

«Въ деревняхъ, по Волгѣ, крестьяне съ женами и дѣтьми стояли на берегу и напутствовали ее радостными криками, быстро переходившими изъ одной деревни въ другую.

«Во вторникъ, 25-го мая, ея величество изволила насъ отъ себя отпустить. Въ эту послѣднюю минуту, каждый изъ насъ еще получилъ новыя доказательства ея благосклонности. Можно было подумать, что не мы ей благодарны, а она благодарна намъ за честь, которую она оказала, позволивъ себя сопровождать...

«Эскадра ея величества состояла изъ десяти галеръ различной постройки и величины. Всѣ онѣ крытыя, раздѣлены на покои и меблированы. Кромѣ того, за эскадрой слѣдуютъ суда съ грузомъ, а вдоль береговъ, на разстояніи 80-ти верстъ одинъ отъ другаго, расположены склады всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, такъ что столъ ея величества повсюду такъ же хорошъ, какъ еслибъ она находилась въ своей резиденціи. Нѣтъ недостатка ни въ одномъ изъ тѣхъ удобствъ, которыя можно было бы имѣть только въ столицѣ. На галерѣ ея величества, называемой «Тверь», находится полное помѣщеніе съ комнатой въ родѣ залы, гдѣ она свободно обѣдаетъ съ двѣнадцатью собесѣдниками [1]). Другія галеры расположены иначе. Каждый изъ насъ имѣлъ весьма удобную комнату на той, которая носитъ названіе «Волга».

Наконецъ, 22-го апрѣля 1767 г., былъ подписанъ въ Копенгагенѣ временной трактатъ касательно обмѣна Гольштиніи. Императрица тогда еще не возвратилась изъ путешествія и замѣчательно, что донесеніе, посланное ей въ дорогу, было собственноручно написано самымъ главнымъ лицомъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, юнымъ Гольштейнъ-Готторпскимъ герцогомъ, Павломъ Петровичемъ, которому тогда было только тринадцать лѣтъ.

Такимъ образомъ, къ обоюдному удовлетворенію Даніи и Россіи, былъ наконецъ рѣшенъ вопросъ, по словамъ Бернсторфа, «самый трудный изо всѣхъ тогда существовавшихъ въ Европѣ вопросовъ». Датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, за успѣшное веденіе переговоровъ, получилъ графское достоинство, которымъ не за долго передъ тѣмъ императрица, съ своей стороны, наградила Панина; Ассебургъ былъ возведенъ въ званіе тайнаго совѣтника.

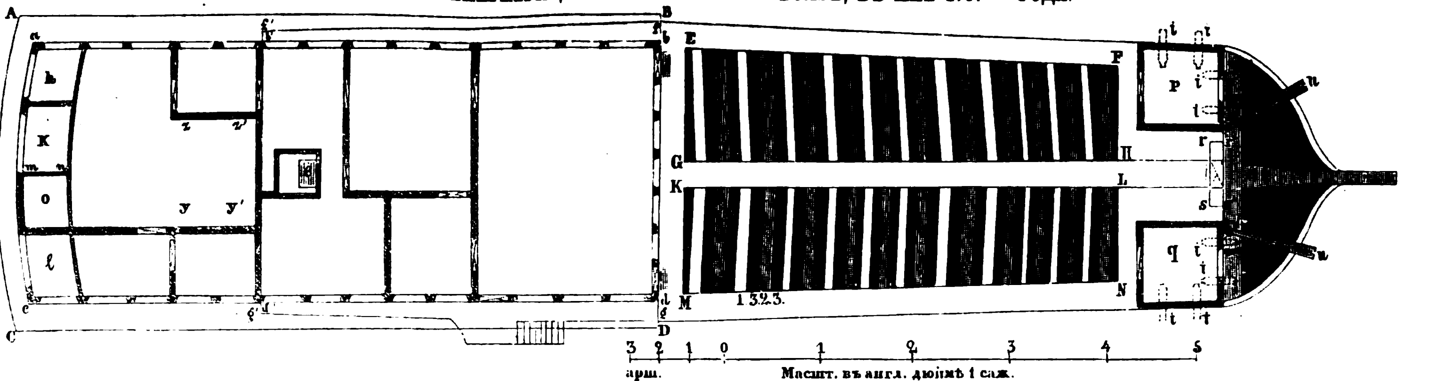
---

[1]) На прилагаемомъ рисункѣ, обязательно сообщенномъ П. К. Щебальскимъ, изображенъ планъ, бокъ и корма галеры «Тверь», на которой совершено императрицею Екатериною II плаваніе по Волгѣ, въ 1767 году.

ГАЛЕРА ТВЕРЬ.

ПЛАВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ВОЛГѢ, ВЪ МАѢ 1767-го ГОДА.

ВИДЪ КОРМЫ.

ABCD — крыша каютъ Императрицы.
abcd — планъ ——— ———
c — лѣстница въ люкъ, гдѣ до стѣнки fg расположены спальни фрейлинъ и статсъ-дамъ Императрицы.
h, k и l ларчики отъ полу до нижнихъ рамъ оконъ.
m-n дверца, отъ крышки ларчика до потолка, ведущая въ каюту капитана.
o — каюта капитана.

fbf'b' и dgd'g' крылья.
■ ходъ въ люкъ, гдѣ расположены отъ стѣнки fg спальни матросовъ.
p и q отхожія мѣста.
▭ мѣста пушекъ, которыя находились на крышѣ.
rr'ss' малая арка, ведущая на носъ.
tu и t'u' бревна, посредствомъ которыхъ спускался и подымался якорь.

Примѣчаніе: 1) Отъ BD на право: чѣмъ ниже мѣсто, тѣмъ оно покрыто темнѣе.
2) Въ фигурахъ EFGH и KLMN — бѣлое пространство означаетъ скамьи изъ нихъ пошире доски, а уже балки: на первыхъ сидѣли иногда гребцы, а на вторыхъ — всегда.

ВИДЪ ГАЛЕРЫ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ", ИЗД. 1877 г., томъ XIX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 апрѣля 1877 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Во время пребыванія своего въ Россіи, Ассебургу пришлось быть свидѣтелемъ многихъ важныхъ событій въ средѣ русскаго, еще не совсѣмъ сложившагося общества, которое, подъ вліяніемъ разныхъ правительственныхъ мѣръ, во многихъ своихъ частяхъ, такъ сказать, преобразовывалось и слагалось на его глазахъ. Особенно сильное впечатлѣніе, какъ и слѣдовало ожидать, произвели на него труды императрицы по части изданія законовъ. По этому поводу Ассебургъ, въ донесеніяхъ своему двору, осыпалъ Екатерину восторженными похвалами.

Въ письмѣ отъ 13-го августа 1767 г. Ассебургъ описываетъ торжественное открытіе извѣстной коммисіи изъ 500 депутатовъ, собранныхъ со всѣхъ краевъ Россійской Имперіи.

Интересуясь всѣмъ, что происходило у него на глазахъ, Ассебургъ не могъ, между прочимъ, оставить безъ вниманія и судьбы Брауншвейгскаго принца Антона-Ульриха съ семьей. О нихъ онъ сообщилъ своему правительству нѣсколько любопытныхъ подробностей.....

Ассебургъ пробылъ въ Россіи три года, постоянно поддерживая самыя пріязненныя отношенія между русскимъ и датскимъ дворами. Собираясь уѣхать изъ Москвы, онъ, послѣ прощальной аудіенціи у императрицы, пожелалъ еще откланяться и в. к. Павлу Петровичу. Четырнадцатилѣтній царственный отрокъ произвелъ на него весьма пріятное впечатлѣніе, которымъ онъ, по обыкновенію, не замедлилъ подѣлиться съ графомъ Бернсторфомъ.

«Не могу пріятнѣе закончить моей корреспонденціи изъ Москвы, какъ отдавъ вамъ отчетъ объ аудіенціи, которою меня вчера въ полдень удостоилъ великій князь. Въ отвѣтъ на рѣчь, которую я имѣлъ честь ему произнести, Е. И. Выс—во не только съ большимъ уваженіемъ и любезностью упомянулъ о королѣ, но коснулся еще и самой сущности договора, недавно заключеннаго въ Копенгагенѣ. Замѣтилъ, что съ удовольствіемъ смотритъ на удаленіе всякихъ поводовъ къ распрямъ на сѣверѣ и что усилія императрицы, его августѣйшей родительницы, къ упроченію добрыхъ отношеній сѣверныхъ державъ, встрѣтятъ съ его стороны полное расположеніе и готовность имъ содѣйствовать. Великій князь, умѣющій придавать пріятность всему, что̀ говоритъ,—прибавилъ еще нѣсколько весьма лестныхъ для меня словъ и заставилъ меня глубоко почувствовать печаль при разлукѣ съ нимъ. Трудно соединять въ себѣ болѣе ума, кротости и прелести, чѣмъ выражается въ его дѣйствіяхъ и лицѣ».

Императрица, прощаясь съ Ассебургомъ въ Москвѣ, выразила надежду видѣться съ нимъ еще въ Петербургѣ, куда вскорѣ собирался возвратиться весь дворъ. Вслѣдствіе этого Ассебургъ еще на нѣсколько времени отсрочилъ своей отъѣздъ изъ Россіи. Его вторая прощальная аудіенція у императрицы происходила 20-го февраля 1768 г.

«Я отправился въ пріемную императрицы, куда, чрезъ нѣсколько минутъ, за мной явился вице-канцлеръ и повелъ меня, сначала въ кабинетъ, а потомъ въ уборную императрицы. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно составляетъ единственное отличіе отъ церемоній, соблюдаемыхъ при обыкновенныхъ пріемахъ иностранныхъ министровъ, для которыхъ предназначена тронная зала. Императрица была одна съ вице-канцлеромъ. Послѣ того, какъ я имѣлъ честь произнести небольшую рѣчь по поводу письма короля, которое она оставила при себѣ, она отвѣчала мнѣ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ей очень пріятно узнать, что желанія короля и его подданныхъ исполнились по случаю рожденія наслѣднаго принца; она принимаетъ живѣйшее участіе въ прирощеніи благоденствія его величества и желаетъ не оставить его и въ малѣйшемъ сомнѣніи на счетъ расположенія и сочувствія, съ которыми она совершенно сроднилась въ отношеніи короля, ея друга и союзника. Ея императорское величество была, повидимому, очень тронута вниманіемъ короля, приславшаго ей курьера. Возвратясь послѣ этой аудіенціи въ залу, гдѣ всѣ собрались въ ожиданіи выхода, она приказала графу Григорію Орлову показать мнѣ всѣ свои комнаты, которыхъ я до сихъ поръ еще не видѣлъ. По возвращеніи моемъ въ залъ, гдѣ она находилась, она пригласила меня за свой карточный столъ, а потомъ и къ ужину, въ чемъ обыкновенно принимаютъ участіе только дежурныя лица или тѣ, которыя составляютъ ея интимное общество. Считаю излишнимъ упоминать о томъ, что это отличіе здѣсь большая рѣдкость. Но не долженъ умолчать, что ея величество постоянно обращалась ко мнѣ съ разговоромъ и такъ какъ она въ высшей степени обладаетъ способностью возбуждать интересъ ко всему, о чемъ говоритъ, то и доставила мнѣ не одинъ случай удивляться ей. Этотъ день я считаю однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ моей жизни. Я имѣлъ еще честь хорошо видѣть государыню на балу, гдѣ снова получилъ отъ нея разныя доказательства ея благоволенія. Однимъ словомъ, невозможно было бы еще что либо прибавить къ любезному пріему, оказанному мнѣ этой монархиней съ первой минуты моего пріѣзда къ ея двору и до послѣдней. Важнѣйшіе сановники ея имперіи прибавили къ этому еще столько дружескаго расположенія и вниманія ко мнѣ, что я имѣю всѣ поводы къ сожалѣнію, уѣзжая изъ Россіи».

Такимъ образомъ Ассебургъ, по собственному признанію, съ

грустью покидалъ русскій дворъ, не подозрѣвая, что въ самомъ скоромъ времени будетъ имѣть новыя и болѣе основательныя причины любить Россію и быть благодарнымъ обласкавшей его государынѣ.

Въ составѣ датскаго министерства, вслѣдствіе интригъ, внезапно возвысившагося и овладѣвшаго довѣріемъ короля,—авантюриста Струензе, произошли важныя перемѣны. Кредитъ графа Бернсторфа сильно понизился и онъ былъ уволенъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ, которую въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ съ такимъ блескомъ. Обстоятельство это, совершенно естественно, не замедлило отразиться на его любимцѣ и приверженцѣ—Ассебургѣ. Послѣдній сначала былъ лишенъ производимой ему пенсіи, а затѣмъ, вслѣдствіе отказа своего отъ занятія должности посла въ Голландіи, отстраненъ отъ дѣлъ и оставленъ въ полномъ пренебреженіи. Положеніе Ассебурга было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ себя связаннымъ честнымъ словомъ—никогда не покидать датской службы. Къ счастію для опальнаго дипломата, у него были друзья и могучіе покровители въ Россіи. Въ лицѣ графа Никиты Ивановича Панина, Ассебургъ имѣлъ надежнаго за себя ходатая предъ Екатериною II, и помимо того, три года, проведенные Ассебургомъ при нашемъ дворѣ, дали возможность императрицѣ вполнѣ оцѣнить умъ и благородство характера бывшаго датскаго посланника. Эти высокія качества Ассебурга внушили императрицѣ избрать его себѣ въ сотрудники въ весьма важномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, щекотливомъ дѣлѣ: оно касалось выбора невѣсты для великаго князя цесаревича Павла Петровича. Еще въ 1768 году, когда Ассебургъ выѣзжалъ изъ Москвы, на него, съ согласія Бернсторфа, императрицею возложено было порученіе поближе ознакомиться съ семействами второстепенныхъ германскихъ государей, въ которыхъ находились принцессы, возрастомъ соотвѣтствовавшія возрасту в. к. Павла Петровича. На разъѣзды Ассебургу было ассигновано императрицею 4,000 рублей ежегоднаго содержанія.

Вслѣдствіе этого порученія, между Ассебургомъ и русскимъ дворомъ возникла дѣятельная переписка, въ которой нерѣдко принимала участіе и сама императрица.

Въ первомъ же своемъ донесеніи по этому дѣлу Ассебургъ уже

упомянулъ о маленькой, тогда еще восьмилѣтней, принцессѣ Виртембергской, которая, по возрасту своему, хотя и не могла стать въ ряды претендентокъ на званіе Наслѣдницы русскаго престола, но, по волѣ Провидѣнія, въ послѣдствіи заняла это высокое мѣсто и вполнѣ оправдала надежды, запавшія въ душу Ассебурга, а черезъ него возбужденныя и въ Екатеринѣ II. Русскій уполномоченный уже давно пользовался расположеніемъ Виртембергскаго дома, и въ настоящемъ случаѣ, проѣзжая черезъ Трентовъ въ Помераніи, остановился на нѣсколько дней у представителя этой фамиліи, герцога Фридриха-Евгенія, начальствовавшаго тамошнимъ гарнизономъ въ качествѣ королевско-прусскаго генералъ-лейтенанта. Семейство герцога находилось при немъ и Ассебургъ, допущенный въ кругъ близкихъ людей, могъ вполнѣ обстоятельно оцѣнить всѣ задатки будущей красоты и достоинствъ, которые съ перваго же взгляда поразили его въ маленькой принцессѣ Доротеѣ-Августѣ-Софіи. Онъ такъ плѣнился малюткою, что въ теченіе всего времени, пока длилось его порученіе, постоянно упоминалъ о ней въ своихъ донесеніяхъ. Похвалы его не пропали безслѣдно, и, при выборѣ второй супруги Павлу Петровичу, Екатерина II остановила свое вниманіе на Доротеѣ Виртембергской. Но пока дѣло это еще далеко не было рѣшено и Ассебургъ, переѣзжая отъ одного изъ мелкихъ германскихъ дворовъ къ другому, тщательно изучалъ нравы и наклонности молодыхъ принцессъ. Въ этомъ предварительномъ обзорѣ прошло около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ не переставалъ увѣдомлять русскій дворъ о результатѣ своихъ наблюденій и однажды прислалъ императрицѣ даже портреты трехъ принцессъ, особенно обратившихъ на себя его вниманіе. То были: Луиза, принцесса Саксенъ-Готская, Вильгельмина—Гессенъ-Дармштадтская и Доротея-Августа-Софія — Виртембергская.

Охлажденіе датскаго двора къ Ассебургу и ослабленіе его значенія совпали съ эпохою, въ которую императрица Екатерина II задумала приступить къ исполненію мысли о бракосочетаніи цесаревича Павла Петровича съ одною изъ принцессъ, на которыхъ указывалъ Ассебургъ. Съ исхода января мѣсяца 1771 года, переписка между русскою императрицею и датскимъ дипломатомъ усилилась. Здѣсь, въ своихъ письмахъ, Екатерина II является, хотя и не въ одинаковой степени, заботливою матерью,

осмотрительною свекровью и, съ тѣмъ вмѣстѣ — горделивою властительницею сѣвера, сознающею и внушающею будущей избранницѣ и ея семейству — счастіе, которымъ онѣ будутъ взысканы. Слѣдующій рядъ писемъ [1]) представляетъ двоякій интересъ — выясняя, во первыхъ, близкія отношенія Ассебурга къ нашему двору, во вторыхъ, многія черты характера Екатерины II [2]).

С.-Петербургъ. - 30-го января 1771.

„Господинъ Ассебургъ! Такъ какъ приближается время серьезно подумать о предстоящемъ мнѣ выборѣ, и такъ какъ изъ всѣхъ принцессъ, о которыхъ вы намъ говорили, самая для меня подходящая въ эту минуту (разумѣется, что вы возобновите ваши наблюденія) могла-бы быть принцесса Луиза Саксенъ-Готская, то мнѣ пришло на мысль, что лучшимъ для насъ средствомъ убѣдиться, на сколько этотъ выборъ можетъ прійтись по нашему вкусу, было-бы стараніе ваше, если то возможно, убѣдить принцессу, вдову принца Іоанна Августа Саксенъ-Готскаго, предпринять—подъ предлогомъ, какой вамъ будетъ угодно измыслить (кромѣ настоящаго, потому что я не хочу связывать себя никакимъ обязательствомъ не видавъ ихъ)—путешествіе въ Россію; обѣ принцессы ея дочери могли бы ей сопутствовать. Вы могли бы, къ слову, сдѣлать легкій намекъ на выдачу замужъ одной изъ принцессъ, если религія тому не воспрепятствуетъ, и повывѣдать ихъ мысли на этотъ счетъ. Мать принца Іоанна Августа Саксенъ-Готскаго была изъ Ангальтъ-Цербстскаго дома и доводилась двоюродною сестрою моему отцу. Братъ этого принца Іоанна Августа, принцъ Вильгельмъ, былъ женатъ на моей теткѣ, принцессѣ Аннѣ Гольштейнъ-Готторпской. И такъ, это двойное родство могло-бы прежде всего побудить принцессу пріѣхать меня навѣстить и попытаться, посредствомъ этого путешествія, улучшить свое собственное положеніе и судьбу своихъ двухъ дочерей. Худшее, что могло бы изъ этого выйти, если-бы случилась неудача—ни одна изъ нихъ не оказалась для насъ пригодною. Но что онѣ потеряли бы отъ этого? Она же между тѣмъ выиграла бы для своихъ дочерей приданое, съ помощью котораго могла бы ихъ пристроить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Къ тому же, путешествіе не разорило бы ея, такъ какъ издержки на него были-бы ей возвращены отсюда и она могла бы сохранять инкогнито до самыхъ предѣловъ Россіи, гдѣ ей не предстоитъ никакихъ расходовъ. Кромѣ того, если эта принцесса, привыкшая къ уединенію, не любитъ большаго свѣта, то она можетъ выбрать для своего пріѣзда въ Россію лѣтнее время, когда дворъ на дачѣ, а если

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были напечатаны въ томѣ XII-мъ «Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества».

[2]) Всѣ подлинники писаны по французски.

путешествіе сухимъ путемъ ей кажется слишкомъ утомительнымъ, то пусть она ѣдетъ моремъ, черезъ Любекъ или Ростокъ. Мы выслали бы за ней снабженныя всякими удобствами суда и всѣ эти переговоры могли бы быть окончены къ зимѣ. Вотъ что я считаю нужнымъ сообщить вамъ въ настоящее время. Я буду съ нетерпѣніемъ ждать вашего отвѣта и мнѣнія на счетъ того, можетъ ли этотъ планъ быть приведенъ въ исполненіе. Признаюсь вамъ, что я съ грустью отказываюсь отъ принцессы Виртембергской, но разсудокъ беретъ верхъ надъ чувствомъ: она слишкомъ молода. Постарайтесь, если возможно, что-бы принцесса Луиза еще не конфирмовалась до своего путешествія, если конфирмаціи еще не было, потому что протестанты дѣлаются упорны только съ минуты конфирмаціи, до того же времени имъ предоставляется выборъ вѣроисповѣданія: это было-бы однимъ удобствомъ больше. Если вамъ нуженъ будетъ примѣръ, чтобы склонить принцессу на это путешествіе, можете указать ей на меня. Моя мать пріѣхала сюда подъ предлогомъ—отъ имени всей своей семьи поблагодарить покойную императрицу за различныя милости, государынею имъ оказанныя. Мнѣ знакомъ кроткій нравъ и разсудительность принца Вильгельма Саксенъ-Готскаго, который былъ женатъ на моей теткѣ. Я увѣрена, что, если вы, не найдя къ тому никакихъ мѣстныхъ препятствій, привлечете его на нашу сторону, то онъ охотно будетъ содѣйствовать склонить свою невѣстку на это путешествіе. Онъ постоянно поддерживаетъ со мной сношенія и разъ или два въ годъ пишетъ мнѣ поздравительныя письма; я думаю, что назвавъ меня вы заставите его дѣйствовать за одно съ нами. Предоставляю все это вашему обсужденію: это матеріалы, которыми вы воспользуетесь сообразуясь съ положеніемъ дѣлъ и тѣми удобствами, которыя тамъ найдете. Заключаю такого рода размышленіемъ: думаю, чѣмъ меньше будетъ повѣренныхъ въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ удобнѣе будетъ его окончить, какой бы оборотъ оно ни приняло, ко взаимному нашему удовольствію. Трудно что либо прибавить къ тому уваженію и довѣрію, которыя имѣетъ къ вамъ (вмѣсто подписи заглавная буква имени Catherine)».

Уваженіе и довѣріе, которыми императрица удостаивала Ассебурга, побудили Екатерину позаботиться объ упроченіи его будущности и объ улучшеніи весьма сомнительнаго его положенія при датскомъ дворѣ. Въ маѣ 1771 года государыня рѣшилась предложить Ассебургу перейти въ русскую службу. Екатерина II, поручая графу Н. И. Панину сообщить Ассебургу ея предложеніе, передала ему записку, въ которой изложила слѣдующія свои соображенія о положеніи Ассебурга.

«— Находясь съ нимъ лицомъ къ лицу, я сказала бы ему:

— Имѣете-ли вы довѣріе къ вашему государю? Имѣете-ли довѣріе къ его полномоченнымъ?

Если-бы на мои вопросы онъ отвѣтилъ: да, я сказала-бы: «такъ оставайтесь съ ними».

Но если-бы онъ сказалъ мнѣ нѣтъ и если-бы это нѣтъ существовало даже не будучи выговорено, я посовѣтовала-бы ему покинуть ихъ; на это вы, другъ его, отвѣтите мнѣ, что его частныя и семейныя дѣла ставятъ его въ необходимость остаться на ихъ службѣ. Вы полагаете, вѣроятно, что на это я не найдусь что́ отвѣчать?

Но если дѣла, въ сущности, не въ такомъ именно положеніи, я сказала-бы вашему другу:

— Освободитесь благороднымъ образомъ отъ узъ, связующихъ васъ съ людьми, повидимому, не умѣющими цѣнить ваши достоинства. Вы питаете нѣкоторое уваженіе и привязанность къ Е. (Екатеринѣ) В. (Второй); гр. П. (Панинъ) — вашъ давній другъ; обоимъ знакомы ваши достоинства; оба будутъ болѣе и болѣе дорожить вами: вы видите, что хотя находитесь и на иностранной службѣ, однако-же Е. В. (Екатерина Вторая) только вамъ довѣрила важное дѣло, нынѣ на васъ возложенное. У имперіи Россійской есть всегда важныя дѣла внѣ страны и внутри ея — выбирайте. Дѣло, которымъ вы заняты, еще не такъ скоро кончится. Но не подумайте, чтобы Е. В. (Екатерина Вторая) избрала графа Рантцау и Струэнзе повѣренными драгоцѣннѣйшихъ своихъ тайнъ: она ихъ не знаетъ и видѣла слишкомъ много зла, ими содѣяннаго, что-бы удостоила принять ихъ въ кругъ своихъ близкихъ людей. Пронырливый духъ г. д'Остена былъ-бы такъ же не кстати при бракосочетаніи наслѣдника имперіи Россійской. Желаю имѣть повѣренныхъ лишь по собственному моему выбору. Таковъ былъ графъ Бернсторфъ. Его датское величество смѣнилъ министра, но довѣріе мое не идетъ по слѣдамъ его выбора».

Спустя нѣсколько дней гр. Н. И. Панинъ, руководствуясь инструкціею императрицы, послалъ по эстафетѣ, чрезъ г. Гросса, нижеслѣдующее:

10-го (21-го) мая 1771 года.

«Милостивый государь! Я повергалъ на благоусмотрѣніе императрицы три письма, которыя ваше превосходительство изволили писать мнѣ въ послѣднее время. Письмо отъ 26-го (15-го) марта слѣдовало за вашимъ отвѣтомъ ея величеству. Съ чувствами живѣйшаго и истиннаго удовольствія, долженъ я отдать вамъ отчетъ, государь мой, о совершенно отличномъ и милостивѣйшемъ пріемѣ, оказанномъ августѣйшею моею государынею выраженіямъ вашей признательности и усердія, прилагаемаго къ исполненію важнаго порученія, ею вамъ довѣреннаго и столь близко касающагося блага ея имперіи.

«Позвольте мнѣ присовокупить къ сему, по двойному праву — друга, искренно къ вамъ привязаннаго, и министра, сущаго орудіемъ своей государыни, — что нельзя было придумать лучшаго, вами составленнаго плана дѣйствій, по не-

посредственнымъ повелѣніямъ императрицы. Теперь она ожидаетъ съ нетерпѣливостію, но съ тѣмъ вмѣстѣ и съ довѣріемъ, «результата, соотвѣтствующаго ея желаніямъ отъ сообщеній, сдѣланныхъ вами вдовствующей принцессѣ Саксенъ-Готской о приглашеніи прибыть съ принцессами, дочерьми ея, въ Россію» (противъ этихъ строкъ въ копіи, рукою императрицы, приписано: въ письмѣ моемъ не сказано: отъ моего имени, но говорится, чтобы склонять, убѣждать и ни къ чему меня не обязывать), разумѣется, если вы найдете ихъ обѣихъ, или, по крайней мѣрѣ, младшую соотвѣтствующими видамъ Ея В—ва. Ваша проницательность, ваши дарованія, самая честность ваша, всѣми признанная, служатъ ей вѣрными поруками, что вами не будетъ ничѣмъ пренебрежено для скорѣйшаго къ тому достиженія; а съ другой—никто лучше васъ не съумѣетъ привести вдовствующую принцессу Саксенъ-Готскую къ желаемой цѣли, состоящей въ ея прибытіи въ Россію вмѣстѣ съ дочерьми, подъ тѣмъ предлогомъ, какой вы сочтете наиболѣе приличнымъ ея положенію по смыслу письма императрицы. Вы съумѣете также превозмочь и тѣ предразсудки, которые могли-бы поколебать ея рѣшимость, противупоставивъ имъ существенныя выгоды, на которыя ей укажете, какъ-бы сами отъ себя, и вслѣдствіе размышленія, что выгоды эти, разумѣется, зависятъ отъ ея прибытія сюда и пребыванія здѣсь, такъ какъ между прочими могъ бы представиться случай ознакомиться со всѣми прекрасными качествами принцессъ, ея дочерей, слѣдствіемъ чего можетъ быть бракосочетаніе одной изъ нихъ съ великимъ княземъ, если только вѣроисповѣданіе тому не попрепятствуетъ, о чемъ слѣдуетъ вывѣдать заблаговременно, дабы знать, на что расчитывать. Ея Имп—ое Вел—во повелѣла мнѣ повторить вамъ именно всѣ тѣ условія, которыя она допустила относительно упомянутаго путешествія, дабы принцесса не имѣла ни сомнѣній, ни затрудненій во всемъ, что касается до ея путевыхъ издержекъ, пріятностей ея пребыванія при русскомъ дворѣ и очевидныхъ выгодъ, которыя она можетъ извлечь изъ этой поѣздки относительно брака принцессъ, ея дочерей.

«Само собою разумѣется, что если упомянутыя внушенія будутъ отклонены или если ваше прев—во найдете, сверхъ всякаго чаянія, въ личностяхъ или въ характерахъ принцессъ Саксенъ-Готскихъ, особенно въ принцессѣ Луизѣ—замѣчательные и важные недостатки, которые при первыхъ наблюденіяхъ ускользнули отъ вашего вниманія, тогда необходимо будетъ—какъ оно входило и въ вашъ собственный планъ,—продолжать ваши наблюденія при посѣщеніи другихъ принцессъ, дабы, наконецъ, найти между ними достойную наслѣдника величайшей имперіи.

«Замѣчу, при семъ случаѣ, по нарочитому повелѣнію Ея И. В—ва, въ отвѣтъ на различные вопросы, которые вы сочли нужнымъ сдѣлать мнѣ въ одномъ изъ вашихъ писемъ отъ 1-го (12-го) марта:

«Во 1-хъ, установленное правило—чтобы принцесса, невѣста великаго

князя была дочерью протестантскихъ родителей и вѣроисповѣданія протестантскаго—должно быть принято за непреложное и, вслѣдствіе этого, принцессы-католички ipso facto—совершенно изъемлятся.

«Во 2-хъ, при совершенномъ отсутствіи принцессъ владѣтельныхъ домовъ, могутъ быть предложены графини знаменитыхъ фамилій, за исключеніемъ де-Линанжъ, Штольбергъ и Изембургъ, извѣстныхъ наслѣдственными недостатками въ ихъ семействахъ.

«Въ 3-хъ, требуемый для принцессы возрастъ не долженъ превышать возраста великаго князя, но чтобы впрочемъ она уже могла вступить въ бракъ въ непродолжительномъ времени; по этому правилу и по соотношенію лѣтъ—принцессы Виртембергская, Мекленбургская и даже Нассауская, не могли бы, повидимому, быть включены въ число невѣстъ, такъ какъ двѣ первыя слишкомъ молоды, а послѣдняя старѣе, нежели нужно.

«Вотъ, мой достойный и почтенный другъ, что я имѣлъ сказать вамъ касательно важнѣйшаго предмета нашей переписки; императрица, слѣдящая за нею шагъ за шагомъ, умѣетъ отдавать справедливость вашимъ стараніямъ и усердію и вполнѣ одобряетъ все, что вами донынѣ сдѣлано.

«Въ отплату за то, будьте увѣрены, что вы пріобрѣли полное ея благоволеніе и покровительство; что она вполнѣ входитъ въ затруднительность вашего теперешняго положенія предъ Копенгагенскимъ дворомъ и что не за нею станетъ дѣло, чтобы отнынѣ же оградить васъ отъ всѣхъ превратностей судьбы.

«Говоря вамъ все это такъ положительно, я только передаю вамъ собственныя слова императрицы.....

«.....Чѣмъ болѣе вы оправдываете ея выборъ мудростью вашихъ дѣйствій и розысканій, тѣмъ пріятнѣе ей быть вамъ за то признательною и желать видѣть васъ на службѣ при собственной ея особѣ, столько же затѣмъ, чтобы устроить вашу судьбу сообразно со своею щедростью, сколько и затѣмъ, чтобы примѣнить ваши великія дарованія ко благу своей имперіи.

«Не осмѣлюсь высказать вамъ моего сужденія по поводу предложеній императрицы: вы слишкомъ хорошо знаете мое сердце и мой о васъ образъ мыслей, чтобы не понимать моихъ желаній. Они рѣшительны и будутъ всегда въ пользу нѣжной дружбы, уже такъ давно связующей насъ.

«Не скажу болѣе ничего, чтобы не показаться вамъ слишкомъ пристрастнымъ. Вашъ просвѣщенный разумъ, чувства приличія и привязанности вашей къ императрицѣ, на которую она такъ полагается, должны побудить васъ на рѣшеніе, которое тѣмъ болѣе придастъ вамъ заслуги, если будетъ согласно съ ея желаніями.

«Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего отвѣта на это письмо, такъ какъ онъ долженъ разъяснить намъ и успѣхъ вашихъ переговоровъ со вдовствующею принцессою Саксенъ-Готскою и ваше рѣшеніе относительно

лично васъ. Я предупредилъ г. Гросса, министра императрицы въ Гамбургѣ, чтобы онъ доставилъ это письмо вашему прев—ву по эстафетѣ въ Бланкенбургъ, точно также и переслалъ мнѣ отвѣтъ съ нарочнымъ. Заканчиваю», и проч.

Предполагаемое сватовство и, разумѣется, поѣздка вдовствующей принцессы Саксенъ-Готской не состоялись. Какъ сама принцесса, такъ и ея дочери, были, повидимому, слишкомъ ревностными протестантками, чтобы согласиться на переходъ одной изъ нихъ въ православіе. Къ тому же онѣ вовсе не были честолюбивы и не искали болѣе высокаго положенія, кромѣ занимаемаго ими по праву рожденія. Молодая принцесса Луиза, на которую преимущественно указывалъ Ассебургъ, рѣшительно объявила: «что скорѣе умреть, нежели рѣшится только подумать о возможности перемѣны религіи. Это было однимъ препятствіемъ; съ другой стороны, Ассебургъ, снова посѣтивъ дворъ Саксенъ-Готскій, разочаровался въ свою очередь въ принцессѣ Луизѣ, найдя въ ней, послѣ двухлѣтняго отсутствія, большую перемѣну къ худшему. «На видъ ей можно дать скорѣе тридцать нежели пятнадцать лѣтъ», пишетъ онъ и прибавляетъ, что умственныя и нравственныя ея свойства развились сообразно физическимъ. Въ отвѣтъ на это неутѣшительное извѣстіе Екатерина писала:

Царское Село.—14-го (25-го) мая 1771 г.

«Господинъ Ассебургъ! Весьма довольная усердіемъ и привязанностію, доказываемыми вами способомъ выполненія важнаго возложеннаго на васъ порученія, симъ отвѣтствую на ваше письмо изъ Мейссдорфа отъ 23-го апрѣля (4-го мая) и вотъ что имѣю сказать вамъ. Такъ какъ принцесса Луиза Саксенъ-Готская сильно измѣнилась къ худшему въ чертахъ лица и въ фигурѣ; такъ какъ принцесса, ея родительница, выражаетъ нерасположеніе къ проекту ея возвышенія, смотря на перемѣну вѣроисповѣданія принцессы, ея дочери, какъ на неизгладимый упрекъ на ея совѣсти; такъ какъ провинціальное воспитаніе послѣдней не возвысило тѣхъ достоинствъ, которыя могли внушить ей окружающія ее приличіе и скромность, вмѣстѣ съ ея непомѣрною полнотою—очень мало соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ принцесса, по своимъ годамъ, при отсутствіи соперницъ могла бы, на время, занять мѣсто, предназначенное ей по предположеніямъ вашимъ два года тому назадъ—вслѣдствіе всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ и по зрѣломъ размышленіи, я весьма одобряю благоразумно принятое вами рѣшеніе пріостановить дальнѣйшіе ваши переговоры съ этими принцессами до тѣхъ поръ, пока не написали мнѣ и не получили моего отвѣта. Вотъ онъ: не думайте

больше о принцессѣ Луизѣ Саксенъ-Готской. Она именно такова, какою слѣдуетъ быть, чтобы намъ не понравиться. Кротость ея ума едва-ли вознаградила бы за другія непріятныя стороны подобнаго союза. Согласно этому рѣшенію, я и не посылаю вамъ предлагаемаго вами отъ меня письма къ принцу Вильгельму, дурное состояніе здоровья котораго меня сильно огорчаетъ.

«Принцессу Вильгельмину Дарміштадтскую мнѣ описываютъ, особенно со стороны доброты сердца, какъ совершенство природы; но помимо того, что совершенства, на сколько мнѣ извѣстно, въ этомъ мірѣ не существуетъ, вы говорите, что у нея опрометчивый умъ, склонный къ раздору. Это въ соединеніи съ умомъ ея сударя-батюшки и съ большимъ количествомъ сестеръ и братьевъ, частью уже пристроенныхъ, а частью еще ожидающихъ чтобы ихъ пристроили, побуждаетъ меня въ этомъ отношеніи къ осторожности. Однако я васъ прошу взять на себя трудъ возобновить ваши наблюденія.

«Затѣмъ я возвращаюсь къ моей любимицѣ, принцессѣ Виртембергской, которой въ будущемъ октябрѣ минетъ двѣнадцать лѣтъ. Мнѣніе доктора о ея здоровьѣ и о крѣпости ея сложенія еще болѣе усиливаетъ мою склонность къ ней. У нея, правда, тоже тотъ порокъ, что есть одиннадцать братьевъ и сестеръ, но всѣ они еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Постараемся, если возможно, отыскать въ этомъ недостаткѣ необходимое намъ лекарство. Вы согласились въ одномъ изъ вашихъ предъидущихъ писемъ, что лучшій способъ удостовѣриться въ нашемъ дѣлѣ—призвать въ Россію принцессу, на которую можетъ пасть предполагаемый выборъ. Принцъ Фридрихъ-Евгеній Виртембергскій, отецъ этой принцессы, не упускаетъ ни малѣйшаго случая выказать мнѣ свое вниманіе и даже довѣріе. Не считаете ли вы возможнымъ, чтобы онъ рѣшился довѣрить мнѣ кого либо изъ своихъ многочисленныхъ дѣтей? И какъ вы думаете, что легче: получить-ли отъ него нѣсколькихъ изъ нихъ, или одного? Еслибъ онъ мнѣ довѣрилъ одного, по моему выбору, я взяла бы его старшую дочь. Но, если бы для полученія послѣдней, пришлось присоединить къ ней и еще кого-нибудь, то я взяла бы опять же старшую дочь и одного или двухъ его сыновей, изъ которыхъ одинъ уже и безъ того числится у меня на службѣ. Воспитаніе Гольштинскихъ принцевъ, сыновей моего дяди, принца Георга-Лудвига, которые находились на моемъ попеченіи, приходитъ къ концу. Они удались: это говоритъ въ мою пользу. Еслибъ Виртембергскій принцъ довѣрилъ мнѣ своихъ дѣтей, я заботилась бы о нихъ не менѣе, чѣмъ о вышеупомянутыхъ принцахъ Гольштинскихъ. Вы понимаете, что если онъ предпочтетъ отдать мнѣ одну или нѣсколькихъ изъ своихъ дочерей, то я потребую, чтобы онѣ были привезены сюда. Но это предложеніе дѣлается мною съ исключительною цѣлью получить старшую. Я окружила бы ихъ всевозможными

попеченіями и взялась бы ихъ современемъ пристроить: вотъ все, на что я обязуюсь. Если ихъ мать захочетъ сама привезти мнѣ своихъ дочерей, то она можетъ быть увѣрена, что ей будетъ оказанъ самый почетный пріемъ. Я даже согласилась бы, если ей то больше понравится, чтобъ она мнѣ привезла только одну изъ дочерей, лишь бы то была старшая. О мальчикахъ мы позаботились бы тамъ, на мѣстѣ. Предлогъ для путешествія принцессы-матери не трудно найти. Въ скоромъ времени за войною послѣдуютъ празднества, такъ какъ близко заключеніе мира: вотъ достаточный къ тому поводъ, а въ моемъ предложеніи на счетъ дѣтей является еще и другой. Къ тому же дѣти пока еще такъ малы, что почти находятся внѣ возможности обратить на себя общественное вниманіе.

«Прошу васъ, милостивый государь, сообщить мнѣ ваше мнѣніе на счетъ этого предложенія и находите ли вы мой планъ осуществимымъ по мѣстнымъ условіямъ, которыя вамъ хорошо извѣстны. Если увидите надежду на успѣхъ, то обяжете меня, не упустивъ удобной минуты.

«Я отказываюсь отъ принцессы Нассауской вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя вы мнѣ указали, а отъ принцессы Цвейбрюккенской по тремъ другимъ причинамъ: 1) ей восемнадцать лѣтъ, слѣдовательно, она тремя годами старѣе; 2) она католичка; 3) поведеніе ея сестры не говоритъ въ ея пользу.

«Поговоривъ съ вами такъ подробно о моихъ дѣлахъ, я, по справедливости, должна поговорить о вашихъ. Покиньте службу тѣхъ, которые не умѣютъ цѣнить ни добродѣтелей вашихъ, ни стольких лѣтъ, пожертвованныхъ имъ на пользу. Объятья друзей вашихъ вамъ открыты, бросьтесь въ нихъ смѣло и будьте увѣрены, что есть въ мірѣ страны, въ которыхъ за славу поставляютъ умѣть цѣнить, отличать и уважать людей достойныхъ. Графъ Панинъ объяснится съ вами подробнѣе объ этомъ предметѣ; убѣдительно прошу васъ полагаться на него и на меня; мы охотно будемъ отвѣчать другъ за друга. Екатерина».

Отвѣтъ Ассебурга послѣдовалъ почти черезъ мѣсяцъ:

«Мейсторфъ 9-го (20-го) іюня 1771 г. Государыня! одобреніе вашего императорскаго величества, коимъ удостоиваете образъ моихъ дѣйствій, изложенный въ почтительнѣйшихъ донесеніяхъ моихъ отъ 4-го минувшаго мая, преисполнило меня гордостью, удовольствіемъ и внушило мнѣ новое довѣріе къ важному порученію, благостію вашею на меня возложенному. До самого своего конца оно будетъ единственнымъ предметомъ моихъ заботъ, прилежанія и изученія. Вижу, что̀ отъ него зависитъ, и я трепеталъ-бы за самого себя, еслибы ваше императорское величество не благоволили руководить меня.....

«Такъ какъ принцессы: Луиза Саксенъ-Готская, Цвейбрюккенская и Нассауская не обращаютъ на себя вниманіе вашего императорскаго величества, то согласно велѣніямъ вашимъ я приложу стараніе къ разоблаченію характера принцессы Вильгельмины Дармштадтской отъ сомнѣній, приписываю-

щихъ ему то всевозможныя добродѣтели, то смѣсь мало пріятныхъ недостатковъ. Что я имѣлъ честь писать касательно этого предмета въ предъидущихъ моихъ донесеніяхъ было взято мною со словъ маркграфини Дурлахской, ея тетки, принцессы съ умомъ, способнымъ проникнуть во всякій другой и уловить его хорошія и дурныя стороны. Спѣшу замѣтить, что маркграфиня не часто видаетъ свою племянницу, и потому весьма возможно, что свѣдѣнія свои, хотя отчасти, она почерпаетъ отъ лицъ предубѣжденныхъ противъ принцессы и, можетъ быть, даже ко всему ея дому, которыя могли затемнить или даже исказить черты нравственнаго ея портрета. Это соображеніе, оправдываемое недостаткомъ согласія между старшею линіею и семействомъ принца Георга Дармштадтскаго, не было мною упущено изъ виду въ послѣдній разъ. Тѣмъ не менѣе, на меня имѣло вліяніе имя, благоразуміе и правдивость маркграфини и я долгомъ, себѣ поставилъ не обойти молчаніемъ подобнаго мнѣнія, которому нынѣ обязанъ противопоставить другое, ему діаметрально-противное. Вдова Камеке (Катеске), женщина разумная, состоявшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при особѣ ландграфини Дармштадтской, до прибытія своего въ Брауншвейгъ, гдѣ она нынѣ находится, зная все семейство съ тѣхъ поръ какъ себя помнитъ, прослѣдивъ за его развитіемъ и высказываясь безпристрастно, отозвалась съ самой выгодной стороны о сердцѣ и о нравѣ принцессы Вильгельмины.

«Это разнорѣчіе въ мнѣніи двухъ лицъ, одинаково способныхъ отличать истинное отъ ложнаго, доказываетъ мнѣ какъ трудно будетъ разрѣшить этотъ вопросъ, столь щекотливый и однако же весьма важный, возникающій о нравственномъ складѣ этой принцессы, имѣющей, впрочемъ, надъ всѣми своими совмѣстницами великія преимущества—возрастомъ, наружностью, воспитаніемъ и умомъ. Не забываю теперь, какъ и никогда не забывалъ, какихъ соображеній заслуживаетъ мрачный характеръ ландграфа, ея отца, и я приложилъ особенное стараніе, чтобы убѣдиться, что эта мрачность еще не привилась ни къ одному изъ его дѣтей, такъ какъ всѣ они обладаютъ характеромъ ихъ матери—открытымъ, сообщительнымъ и чуждымъ предразсудковъ.

«Сближаясь снова съ этимъ семействомъ, что я теперь же сдѣлаю, также какъ и съ лицами, которыя, проживая внѣ Дармштадта, знаютъ лучше ландграфскую фамилію — не могу ни скрыть отъ себя, ни утаить отъ вашего императорскаго величества, что эти изслѣдованія потребуютъ не мало времени. Для глубокаго изученія характера принцессы недостаточно ее видѣть, говорить съ нею: надобно вызнать ее еще изъ отзывовъ правдивыхъ людей, видающихъ ее за-просто, знакомыхъ съ ея семейнымъ бытомъ. Число ея братьевъ и сестеръ велико, что изволили замѣтить и ваше императорское величество, а средства къ ихъ содержанію малы; домъ этотъ раззоренъ до того, что потребно полвѣка строжайшей экономіи, чтобы его возстановить.

При всемъ томъ не думаю ошибиться заявляя, что честолюбіе ландграфини никогда ни дозволитъ ей быть докучливой относительно устройства судьбы ея дѣтей. Изъ сыновей еще ни одинъ не находится на прусской службѣ, не смотря на родственный союзъ между обоими домами, не смотря на особенное уваженіе, которое ландграфиня съумѣла заслужить со стороны короля. Наслѣдный принцъ даже торгуетъ себѣ полкъ въ Голландіи. Эту статью закончу другимъ размышленіемъ: на сколько я знаю ландграфиню, она не затруднится рѣшеніемъ прибыть въ Санктпетербургъ, въ особенности если возвращеніе герцогини Курляндской, ея племянницы, можетъ послужить поводомъ къ поѣздкѣ ея въ Митаву.

«Семейство принца Фридриха Евгенія Виртембергскаго умножилось рожденіемъ седьмаго сына. Теперь у него десять человѣкъ дѣтей и мало надежды, чтобы пристроить котораго-либо изъ нихъ. Стеченіе нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ дало возможность родителямъ позаботиться объ удобствахъ ихъ воспитанія и четырехъ старшихъ принцевъ содержать въ Лозаннѣ. Младшіе вмѣстѣ съ принцессами находятся въ Монбельярѣ,—всѣ здоровые, крѣпкіе, подающіе надежды. Не имѣю ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ томъ, что родительница ихъ будетъ весьма польщена честью представиться вашему императорскому величеству, въ какое время и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, даже и не подозрѣвая о безконечномъ счастіи, которое отъ того можетъ послѣдовать для принцессы, старшей ея дочери. Она любитъ свѣтъ, почести, въ особенности же ласкается мыслію, что государи Европы принимаютъ нѣкоторое участіе въ судьбѣ ея дѣтей. Принцъ, ея супругъ, за исключеніемъ его привязанности къ большому свѣту, того же образа мыслей и такъ сильно озабоченъ устройствомъ счастія своего дома, что готовъ идти на встрѣчу всѣмъ предложеніямъ, къ тому клонящимся. Какъ тотъ, такъ и другая, выкажутся скорѣе болѣе требовательными нежели неуступчивыми, скорѣе готовыми привезти съ собою нѣсколькихъ дѣтей, нежели склонными быть умѣренными въ ихъ желаніи пристроить одного или двухъ изъ нихъ—и, чтобы досказать мою мысль, всегда покорную высокой прозорливости вашего императорскаго величества, было бы, можетъ быть, лучше или въ Дармштадтѣ, или въ Монбельярѣ, говорить о путешествіи въ С.-Петербургъ лишь съ условіемъ, чтобы кромѣ принцессы, которую вы желаете видѣть, былъ привезенъ лишь одинъ изъ прочихъ членовъ семейства, нежели предоставить этотъ вопросъ чуждому рѣшенію. Не великодушіе вашего императорскаго величества затруднено имъ; я думаю лишь о средствахъ отвратить употребленіе его во зло и замедленіе, которое могутъ повлечь за собою выборъ и здоровье нѣсколькихъ дѣтей къ свершенію этого путешествія. Изъ всего вышеизложеннаго ваше императорское величество благоволите усмотрѣть, что, по моему мнѣнію, предложе-

ніе это будетъ легко принято и сочтено лестнымъ, какъ ландграфинею, такъ и принцессою Виртембергскою.

«Однако же, такъ какъ къ этому вопросу еще не прикасались, ни близко — ни издалека, то я могу ручаться лишь за справедливость предположеній, на которыхъ основываю все мое размышленіе, и заключаю почтительнѣйшею просьбою къ вашему императорскому величеству о сообщеніи мнѣ намѣреній вашихъ, если время, посвященное изслѣдованіемъ въ Дарміштадтѣ, согласуется съ велѣніями вашими, выраженными въ рескриптѣ отъ 10-го (21-го) мая, и если мнѣ блеснетъ лучъ надежды на приглашеніе принцессы Виртембергской къ путешествію въ С.-Петербургъ, я бы не могъ упустить благопріятной минуты. Я не буду безполезно терять времени при моихъ наблюденіяхъ и надѣюсь подвинуться въ нихъ по возвращеніи сего нарочнаго, который, какъ я опасаюсь, привезетъ вашему императорскому величеству первое извѣстіе, или, по крайней мѣрѣ, подтвержденіе о кончинѣ принца Вильгельма Саксенъ-Готскаго. Принцъ этотъ, скончавшійся ранѣе нежели того ожидали, 31-го мая по новому стилю, былъ другомъ и опорою честныхъ людей. Принцесса, вдова принца Іоанна Августа, много въ немъ потеряла и еще того болѣе потеряетъ съ кончиною владѣтельнаго герцога, которая, по видимому, не далека.

(Письмо свое Ассебургъ оканчиваетъ изъясненіемъ въ чувствахъ преданности и признательности къ императрицѣ за благоволеніе, ему оказываемое).

Для полнаго ознакомленія читателя со всѣми фазисами этого долговременнаго, многими препятствіями усложненнаго сватовства, приводимъ письма Екатерины:

27-го іюля 1771 года.

(Писано по французски; при черновомъ, препровожденномъ къ гр. Н. И. Панину, замѣтка на особомъ листкѣ: «Если вы довольны этимъ письмомъ, то, снявъ съ него копію, вамъ остается лишь его отправить»).

«Г. Ассебургъ! Я получила ваше письмо отъ 9-го (20-го) іюня за нѣсколько дней до ужасной болѣзни, постигшей моего сына, отъ которой теперь онъ, слава Богу, поправляется. Легко можете понять, что при томъ состояніи безпокойства, въ которомъ я находилась, я не улучила времени писать къ вамъ. Принимаюсь за это сегодня.

«Во первыхъ, я должна выразить вамъ удовольствіе, доставляемое мнѣ всѣми вашими письмами; между ними нѣтъ ни одного, въ которомъ я не находила бы самыхъ ясныхъ доказательствъ чувствъ привязанности, вами мнѣ всегда высказываемыхъ и для меня столь пріятныхъ въ васъ. Будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить заботы, прилагаемыя вами о дѣлѣ, столь близко меня касающемся, и, чтобы снова дать вамъ возможность продолжать его,

вотъ что я имѣю сказать вамъ для разсѣянія, какъ надѣюсь, сомнѣній, возбужденныхъ въ васъ моимъ послѣднимъ письмомъ.

«Въ виду разнорѣчивыхъ мнѣній, дошедшихъ до насъ, до васъ и до меня, о характерѣ принцессы Вильгельмины Дармштадтской, я бы желала, чтобы вы изслѣдовали, на сколько это будетъ вамъ возможно, которое изъ двухъ мнѣній ближе къ правдѣ, и чтобы въ этомъ случаѣ вы болѣе вѣрили себѣ самому и собственнымъ глазамъ, нежели всѣмъ толкамъ на ея счетъ, могущимъ доходить до васъ. Дѣтскій возрастъ принцессы Виртембергской даетъ намъ достаточно времени на изученіе ея соперницы, ибо, если эта окажется намъ неподходящею, намъ придется всетаки отложить по крайней мѣрѣ на годъ исполненіе нашего намѣренія относительно моей фаворитки, которой минетъ лишь двѣнадцать лѣтъ въ будущемъ октябрѣ. Если мрачное настроеніе духа ландграфа, отца принцессы Вильгельмины, заставляетъ насъ призадуматься, то, я полагаю, мы не должны также забывать, что маркграфъ Бранденбургъ-Шведтъ, недавно скончавшійся, былъ дѣдомъ принцессы Виртембергской, и что у нея въ родствѣ были лица, которыя стоили ландграфа. То, что вы сообщаете мнѣ объ образѣ мыслей обѣихъ фамилій касательно устройства судьбы ихъ многочисленнаго потомства, достаточно выясняетъ мнѣ, какихъ правилъ должна я кстати и у мѣста придерживаться для удовлетворенія обѣихъ сторонъ. Смерть принца Вильгельма Саксенъ-Готскаго меня по-истиннѣ огорчила: я не думала, что онъ былъ такъ близокъ къ ней.

«Что касается до васъ, сударь, я ссылаюсь на то, что вамъ скажетъ графъ Панинъ; будьте только увѣрены, что я есмь съ искреннимъ расположеніемъ и уваженіемъ несомнѣннымъ Екатерина».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

V [1]).

Дѣйствія графа Витгенштейна.

Въ первой трети ноября мѣсяца 1812 г. обстоятельства сложились такъ, что планъ военныхъ дѣйствій, начертанный въ Петербургѣ и наканунѣ вступленія французовъ въ Москву отправленный императоромъ кн. Кутузову, оказался возможнымъ для осуществленія на дѣлѣ и даже близился къ исполненію. Составленный послѣ извѣстій о Бородинскомъ сраженіи, онъ былъ расчитанъ на отступленіе непріятеля по Смоленской дорогѣ. Преслѣдуемый войсками кн. Кутузова, послѣ продолжительнаго отступленія въ позднее время года, по опустошенной дорогѣ, ослабленный непріятель долженъ былъ встрѣтить соединенныя силы адмирала Чичагова, гр. Витгенштейна, гр. Штейнгеля, и Ертеля. Прервавъ его сообщенія, они должны были преградить ему переправу черезъ Березину. Для достиженія этой цѣли, корпусъ графа Витгенштейна былъ значительно усиленъ. Къ концу сентября должны были прибыть въ Себежъ 11 тысячъ Петербургскаго ополченія и въ Великіе Луки 8 тыс. Новгородскаго и 9 тыс. резервныхъ войскъ пѣхоты и конницы съ артиллеріею. Присоединивъ эти войска и раздѣливъ свою армію на два корпуса, гр. Витгенштейнъ долженъ былъ съ однимъ изъ нихъ, въ 35 тыс., перейти на лѣвый берегъ Двины. „Предвидя трудности преодолѣть Полоцкъ спереди,—писалъ ему императоръ, — и избѣгая траты людей въ атакѣ укрѣпленій, сею переправою не только Полоцкъ возьмете съ тыла, но и корпусъ Удино отрѣжете непремѣнно отъ большой непріятельской арміи“. Въ то время,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307; 419—453; 609—640.

когда гр. Витгенштейнъ совершитъ это движеніе, другой корпусъ его арміи, подъ начальствомъ кн. Яшвиля, подступитъ къ Полоцку отъ праваго берега Двины. Онъ долженъ былъ скрыть отъ непріятеля свои намѣренія, показывая различными движеніями видъ, что предполагаетъ напасть на Полоцкъ съ праваго берега этой рѣки. Овладѣвъ Полоцкомъ съ тыла и соединившись съ корпусомъ кн. Яшвиля, гр. Витгенштейну предписывалъ императоръ: „устремиться, какъ можно быстрѣе, на истребленіе отрѣзаннаго Удино отъ главной непріятельской арміи, отбросивъ его на войска Штейнгеля, который къ тому же времени, при успѣхахъ надъ Макдональдомъ, уже сблизится къ Видзямъ и Свѣнцанамъ".

Предоставивъ гр. Штейнгелю дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, гр. Витгенштейнъ долженъ былъ двинуться къ Докшицѣ, куда, по предположенію императора, онъ могъ достигнуть къ 15-му октября, и потомъ „открывъ сообщенія съ Минскомъ и соединясь съ Чичаговымъ, долженъ былъ занять Леппель и все теченіе Улы, отъ Березины до ея впаденія въ Двину, и укрѣпить всѣ дефилеи самымъ сильнымъ образомъ, потому что нельзя предвидѣть куда непріятель, при отступленіи изъ-за Днѣпра, устремиться вздумаетъ".

Предписанныя гр. Витгенштейну дѣйствія находились въ непосредственной связи съ дѣйствіями гр. Штейнгеля, который, въ свой чередъ, долженъ былъ дѣйствовать совокупно съ 20-ти тысячнымъ гарнизономъ Риги, находившимся подъ начальствомъ Эссена. Корпусъ гр. Штейнгеля долженъ былъ прибыть моремъ изъ Финляндіи въ Ревель и оттуда быстро слѣдовать, черезъ Перновъ, въ Ригу. Между тѣмъ, Эссенъ долженъ былъ отправить Рижскій гарнизонъ, подъ начальствомъ генерала Левиза, на лѣвый берегъ Двины. Слѣдуя по дорогѣ черезъ Экзау къ Фридрихштадту, онъ долженъ былъ очистить отъ непріятеля „не менѣе двухъ переходовъ отъ этого города и будетъ стараться истреблять все приходящее къ тому городу, чтобы, до прибытія Финляндскаго корпуса въ Ригу, привлечь на себя вниманіе Макдональда, и тѣмъ отвлечь его отъ гр. Витгенштейна". По прибытіи съ своимъ корпусомъ въ Ригу, гр. Штейнгелю предписывалъ императоръ соображать свои дѣйствія съ тѣми извѣстіями изъ-за Двины которыя онъ получитъ отъ Эссена. „Если, — писалъ императоръ, — въ случаѣ соединенія въ большемъ количествѣ непріятелей противъ Левиза, ему было бы трудно производить отдѣльно нападеніе внутрь Виленской губерніи, то, при выступленіи вашемъ изъ Риги до Экзау, не теряя изъ виду истребленій непріятельской артиллеріи, или соединитесь съ корпусомъ Левиза, если бы соединеніе непріятеля въ превосходныхъ силахъ того потребовало, или обратитесь чрезъ Баусскъ

въ Биржу, приказавъ Левизу, равняясь съ вами, перейти изъ Фридрихштадта въ Нерфтъ. Въ такомъ положеніи, бывъ неразрывно соединены между собою, снабдивъ себя всѣми потребностями, подвижнымъ запаснымъ паркомъ и провіантскимъ магазиномъ, съ 20-го сентября откройте наисильнѣйшія наступательныя дѣйствія, соображая ихъ такъ, чтобы наиболѣе отвлечь вниманіе и силы Макдональда отъ гр. Витгенштейна".

Въ этомъ заключалась главная цѣль всѣхъ дѣйствій гр. Штейнгеля и Эссена, хотя имъ и предписывалось удерживать Макдональда и разбивать отдѣльныя части непріятеля, котораго въ этомъ случаѣ императоръ не предполагалъ значительно сильнымъ. Достигнувъ этой цѣли, гр. Штейнгель, оставивъ противъ него Левиза, долженъ былъ подвинуться къ Видзамъ и Свѣнцанамъ, чтобы встрѣтить Удино, „разбитаго и преслѣдуемаго гр. Витгенштейномъ, смѣнить его, истреблять непріятеля и, прогнавъ остатки его войскъ за Нѣманъ, остановиться въ Вильнѣ и оттуда наблюдать Нѣманъ отъ пруссаковъ для охраненія Риги. Въ этомъ положеніи,—писалъ ему императоръ,—ваши войска будутъ служить резервомъ для трехъ соединенныхъ армій у Березины" [1]).

Конечно, предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ, расчитанныя напередъ на нѣсколько мѣсяцевъ для отдѣльныхъ корпусовъ и армій, съ опредѣленіемъ даже чиселъ дней, въ которыя каждое изъ нихъ должно совершиться, почти никогда не удаются при исполненіи ихъ на дѣлѣ, въ томъ видѣ какъ предполагались. Притомъ мѣста, изъ которыхъ должны были выступить эти арміи, и корпуса находились въ различныхъ разстояніяхъ отъ Борисова, куда направлялись ихъ движенія, и „не возможно было и ожидать совершеннаго согласія въ движеніяхъ такъ растянутыхъ, и потому подверженныхъ многимъ затрудненіямъ" [2]). Во время военныхъ дѣйствій обстоятельства быстро измѣняются и напередъ невозможно предвидѣть всѣхъ измѣненій, которыя могутъ оказать, однако же, значительное вліяніе на ходъ дѣйствій воюющихъ сторонъ. Что касается до чиселъ дней, то ихъ пришлось уже измѣнить кн. Кутузову, при самомъ отправленіи предписаній императора начальникамъ отдѣльными корпусами и арміями, по той простой причинѣ, что самъ кн. Кутузовъ получилъ ихъ позднѣе, нежели слѣдовало. Полковникъ Чернышевъ, отправленный изъ Петербурга въ то время, когда тамъ не имѣли еще извѣстій о заня-

[1]) Инструкціи гр. Витгенштейну и графу Штейнгелю, присланныя съ Чернышевымъ кн. Кутузову съ рескриптомъ императора отъ 31-го августа.

[2]) Г. Окуневъ, Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г., стр. 229.

тіи Москвы непріятелями, долженъ былъ промедлить нѣсколько дней въ пути, объѣзжая окружными дорогами столицу, чтобы прибыть въ главную квартиру фельдмаршала въ Тарутино. Но кромѣ того, было обстоятельство, неупущенное изъ вниманія и самимъ императоромъ, и указанное въ его предписаніи гр. Штейнгелю. Ему предписывалъ императоръ дѣйствовать на основаніи своего повелѣнія въ томъ случаѣ, „если собирающійся въ Тильзитѣ корпусъ Виктора не заставитъ принять другихъ мѣръ". Какое получитъ назначеніе этотъ корпусъ еще не было извѣстно въ то время и, конечно, еслибъ онъ соединился съ корпусами маршаловъ Удино и Сенъ-Сира, то военныя дѣйствія на нашемъ правомъ флангѣ приняли бы иное направленіе. Но послѣ Бородинскаго сраженія императоръ Наполеонъ предписалъ маршалу Виктору идти къ Смоленску и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній о его движеніи [1]). Эта возможная случайность устранилась на время, но за то возникли другія. Финляндскій корпусъ прибылъ въ Ригу не въ томъ количествѣ, какъ было предположено: два корабля съ войсками погибли въ морѣ, разбитые бурей, а два полка съ острова Аланда вовсе не были перевезены. Представилось и новое обстоятельство, значительно препятствовавшее единству въ дѣйствіяхъ. По смыслу предписаній, полученныхъ гр. Штейнгелемъ, онъ долженъ былъ понять, что часть Рижскаго гарнизона, предназначаемая для наступательныхъ дѣйствій подъ предводительствомъ генерала Левиза, должна поступить подъ его начальство. Но генералъ Левизъ былъ подчиненъ начальнику Риги — Эссену, который не получилъ никакихъ предписаній въ этомъ смыслѣ, и, будучи старше по службѣ гр. Штейнгеля, желалъ не только генерала Левиза, но и его подчинить своему начальству и руководить военными дѣйствіями. Притомъ, различіе во взглядахъ между нимъ и гр. Штейнгелемъ дошло до того, что Эссенъ просилъ уволить его отъ службы, а Штейнгель принужденъ былъ дѣлать уступки, чтобы совершенно не остановить военныхъ дѣйствій, что, безъ сомнѣнія, оказало бы весьма вредное вліяніе на дѣйствія гр. Витгенштейна [2]).

Исполняя повелѣнія императора, гр. Штейнгель предполагалъ начать наступательныя дѣйствія съ тою прежде всего цѣлію, чтобы захватить и истребить осадный паркъ, находившійся у Руенталя, близъ Бауска. Эссенъ, напротивъ, считалъ нужнымъ дѣйствовать на Митаву,

[1]) Приказъ м. Бертье изъ Можайска отъ 11-го сентября н. ст. Chambray, Hist. de l'éxpedition, т. III, прилож., стр. 403—404.

[2]) Высочайшее предписаніе гр. Штейнгелю отъ 18-го августа; донесеніе Штейнгеля изъ Риги, отъ 27-го авг.; рескриптъ Эссену о назначеніи Штейнгеля, отъ 1-го сент.; прошеніе Эссена объ отставкѣ, отъ 4-го сент., изъ Риги.

какъ на средоточіе французскаго управленія въ Курляндіи, тогда какъ тамъ вовсе не было непріятельскихъ войскъ. Это разногласіе повело къ раздробленію войскъ, и такъ уже оказавшихся далеко не въ томъ числѣ (22 тыс.), какъ предполагалъ императоръ (т. е. 35 тыс.). Генералъ Іоркъ, напротивъ, узнавъ о движеніи Штейнгеля и Левиза, сосредоточилъ свои силы и съ успѣхомъ отразилъ ихъ нападеніе. Они должны были отступать къ Ригѣ. Нападеніе на Митаву не встрѣтило противодѣйствія и окончилось тѣмъ, что были сожжены непріятельскіе въ ней магазины съ продовольственными и другими запасами. Когда всѣ войска возвратились къ Ригѣ, при совѣщаніи о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, вновь возникли разномыслія между Штейнгелемъ и Эссеномъ. Императоръ былъ недоволенъ гр. Штейнгелемъ, и предписалъ ему: „при наступательныхъ дѣйствіяхъ, въ силу предписанія моего отъ 1-го сентября, обязаны вы дѣлать ваши донесенія рижскому военному губернатору Эссену, какъ главному начальнику всѣхъ войскъ, въ Лифляндіи расположенныхъ". Онъ отклонилъ просьбу объ отставкѣ, поданную Эссеномъ, и писалъ ему, что онъ „на дѣйствія Штейнгеля смотритъ съ той же точки зрѣнія, какъ на дѣйствія генерала Левиза", — состоявшаго подъ начальствомъ Эссена. Получивъ извѣстія объ экспедиціи къ Бауску и Митавѣ, императоръ писалъ гр. Штейнгелю: „усмотрѣвъ изъ донесенія генералъ-лейтенанта Эссена, отъ 20-го сентября, о неудачномъ дѣйствіи ввѣренныхъ вамъ войскъ при г. Бауск֝ѣ, не могу скрыть отъ васъ моего неудовольствія", и считалъ причиною неудачныхъ дѣйствій именно „раздробленіе силъ", отдѣленіе отрядовъ къ Митавѣ и Шлокамъ, что произошло по настоянію Эссена и противъ желанія гр. Штейнгеля. Императоръ узналъ объ этомъ и, вѣроятно, потому вскорѣ маркизъ Паулуччи занялъ мѣсто генерала Эссена, а государь снисходительно отнесся къ произвольному движенію, предпринятому гр. Штейнгелемъ. Онъ доносилъ императору, что не можетъ дѣйствовать отдѣльно съ однимъ своимъ корпусомъ безъ помощи Рижскаго гарнизона, и потому рѣшился идти по правой сторонѣ Двины къ Придруйску и тамъ переправиться на лѣвый ея берегъ и соединиться съ гр. Витгенштейномъ [1]). Эти извѣстія, конечно, не были пріятны императору, но онъ писалъ гр. Штейнгелю: „по отдаленности, въ коей я нахожусь, и по неудобности перемѣнить нынѣшнее ваше направленіе, не могу вамъ дать инаго разрѣшенія, какъ изъявить мое желаніе, дабы новыя дѣйствія ваши увѣнчаны были лучшимъ успѣхомъ, а безъ сего и самое выполненіе общаго опе-

[1]) Высочайшія повелѣнія гр. Штейнгелю, 7-го, 24-го и 26-го сентября; рескриптъ Эссену, 8-го сент.; донесенія Эссена отъ 20-го и 22-го сент., изъ Риги, и гр. Штейнгеля отъ 22-го сент.

раціоннаго плана не достигнетъ настоящей своей цѣли" [1]). Слова императора, вѣрно оцѣнившаго дѣйствія войскъ Штейнгеля и Рижскаго гарнизона, и въ то же время снисходительно отнесшагося къ нимъ, объясняются и тѣмъ, что онъ не имѣлъ поводовъ опасаться въ это время корпуса Макдональда. Осада Риги, замедленная прибытіемъ осаднаго парка, не могла быть начата въ такое позднее время года и была бы совершенно неумѣстна, послѣ того какъ непріятельская армія взяла направленіе не къ Петербургу, а къ Москвѣ, и оттуда должна была начать отступленіе. Конечно, ему было извѣстно, что генералъ Іоркъ, замѣнившій ген. Граверта, не только не былъ поклонникомъ Наполеона, какъ его предмѣстникъ, но врагомъ, и готовилъ измѣну тому, подъ чьими знаменами дрались прусскія войска, находившіяся подъ его начальствомъ. Можетъ быть, это подозрѣніе въ отношеніи къ прусскимъ войскамъ и сдерживало дѣятельность маршала Макдональда; но она объясняется и другими причинами. Маршалы Наполеона дѣйствовали не самостоятельно, они исполняли только его приказанія, выходившія изъ главнаго штаба его войскъ. Они не рѣшались помогать одинъ другому по собственному усмотрѣнію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда считали количество войскъ, находившихся въ ихъ распоряженіи, едва достаточнымъ для исполненія возложенныхъ на каждаго изъ нихъ порученій. Осада Риги, составлявшая главную цѣль дѣйствій для корпуса Макдональда, сдѣлавшись невозможною, поставила его въ оборонительное положеніе. Онъ былъ обреченъ на бездѣйствіе силою обстоятельствъ. Идти на помощь Сенъ-Сиру онъ не могъ потому, что открылъ бы Курляндію для вторженій Рижскому гарнизону. Онъ могъ послать часть своихъ войскъ, но въ такомъ незначительномъ, по его соображеніямъ, количествѣ (5-ти тыс.), что они, во всякомъ случаѣ ослабляя его силы, не могли оказать особенной помощи маршалу Сенъ-Сиру [2]). Маршалъ Макдональдъ тяготился своимъ положеніемъ, видя, что не можетъ оказать „важной услуги императору", писалъ объ этомъ начальнику главнаго штаба; но вывесть его изъ такого положенія возможно было только увеличивъ его боевыя силы. Послѣ того назначенія, которое получилъ корпусъ маршала Виктора, представлялось только одно средство—обратиться съ просьбою къ прусскому королю, чтобы онъ усилилъ корпусъ генерала Іорка. Императоръ Наполеонъ и воспользовался этимъ средствомъ, но безуспѣшно [3]).

---

[1]) Высочайшее повелѣніе гр. Штейнгелю отъ 26-го сент.; рескриптъ маркизу Паулуччи отъ 17-го сент.

[2]) Письмо маршала Макдональда къ Сенъ-Сиру отъ 21-го сентября н. ст. Mémoires du M. Saint-Syr, т. III, стр. 301—304.

[3]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 133.

При такомъ положеніи маршала Макдональда, гр. Штейнгель могъ удалиться отъ Риги, удачно совершить свое движеніе и соединиться съ войсками Витгенштейна, который послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ (съ 11-го августа по 4-е октября) не могъ дѣйствовать наступательно; его партизаны, изъ которыхъ наиболѣе отличался полковникъ Бедряга, стѣсняли только Сенъ-Сира въ добываніи фуража и провіанта, въ которыхъ онъ сильно нуждался. Но въ это время получая постепенно значительныя подкрѣпленія, онъ намѣревался приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Находившіяся подъ его начальствомъ войска простирались уже до 40 тысячъ, тогда какъ маршалъ Сенъ-Сиръ не имѣлъ болѣе 29-ти [1]). Соображаясь съ предписаніями императора, Витгенштейнъ раздѣлилъ свои войска на два корпуса и второй отдалъ подъ начальство кн. Яшвиля и, не имѣя понтоновъ, предписалъ инженерному полковнику гр. Сиверсу заготовить необходимые матеріалы для постройки двухъ мостовъ и подводы у Сивошина, чтобы не обнаружить своего намѣренія непріятелю, и оттуда потомъ перевести ихъ къ селу Горяны, при впаденіи Обола въ Двину, гдѣ предполагалъ переправиться на лѣвый берегъ этой рѣки и напасть на Полоцкъ съ тыла. Маршалъ Сенъ-Сиръ, зная о подошедшихъ къ гр. Витгенштейну подкрѣпленіяхъ, придавшихъ значительный перевѣсъ русскимъ войскамъ надъ тѣми, которыя оставались въ его распоряженіи, употребилъ всѣ способы, чтобы воздвигнуть полевыя укрѣпленія, которыя дали бы ему возможность сильной обороны противъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы принудить его очистить Полоцкъ. Въ виду этого обстоятельства, нападеніе гр. Витгенштейна на Полоцкъ съ тыла избавило бы его отъ значительныхъ потерь, неминуемыхъ при взятіи укрѣпленій. Но для того, чтобы только отвлечь вниманіе непріятеля, онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на укрѣпленія передъ Полоцкомъ. Съ 4-го октября начались движенія. Гр. Витгенштейнъ перевелъ свой корпусъ на лѣвую сторону р. Полоты, оставилъ кн. Яшвиля на правой и послалъ отрядъ. подъ предводительствомъ ген. Алексѣева, къ Городку за р. Оболъ, въ обходъ непріятельскаго отряда, находившагося у Козянъ для прикрытія фуражировъ. Съ ранняго утра начались военныя дѣйствія по всей линіи между Полотою и Двиною и сильныя нападенія на укрѣпленія передъ Полоцкомъ, встрѣчавшія повсюду упорное сопротивленіе. Цѣль дѣйствій перваго корпуса, находившагося подъ начальствомъ гр. Виттенштейна, заключалась въ томъ, чтобы очистить отъ непріятеля все пространство между Полоцкими укрѣпленіями и с. Горяны, гдѣ онъ намѣревался устроить мосты

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 105.

и переправиться черезъ Двину. Она была достигнута къ 4-мъ часамъ по полудни, когда гр. Витгенштейнъ прекратилъ сраженіе и отвелъ войска къ с. Громамъ, куда перевелъ и свою главную квартиру. Но въ то же время предписалъ кн. Яшвилю начать нападенія на непріятельскія укрѣпленія по правой сторонѣ Полоты.

Пока кн. Яшвиль отвлекалъ вниманіе непріятеля, гр. Витгенштейнъ намѣревался приступить къ устройству переправы на Двинѣ. Но лѣсъ, заготовленный для мостовъ у Сивошина, оказалось невозможнымъ доставить къ Горянамъ такъ скоро, какъ предполагалось и какъ требовали обстоятельства, потому что дожди, не перестававшіе въ продолженіе цѣлой недѣли, до такой степени испортили дороги, что никакія перевозочныя средства не могли бы пособить въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ, въ это время гр. Витгенштейнъ получилъ извѣстія о приближеніи гр. Штейнгеля.

Его корпусъ безъ всякихъ препятствій прибылъ 5-го октября въ Дисну. Маршалъ Макдональдъ не только не препятствовалъ его движенію, но, вѣроятно, и не зналъ о немъ, потому что не извѣстилъ маршала Сенъ-Сира, для котораго появленіе корпуса гр. Штейнгеля подъ Полоцкомъ было совершенно неожиданно. Если бы гр. Витгенштейнъ остановилъ военныя дѣйствія въ ожиданіи постройки мостовъ черезъ Двину, то подвергъ бы корпусъ Штейнгеля большой опасности. Маршалъ Сенъ-Сиръ могъ бы обратить на него значительную часть своихъ силъ, предупредить его соединеніе съ арміею Витгенштейна и разбить. На другой день, 6-го октября, Штейнгель подвинулся къ Полюдичамъ, а на слѣдующій долженъ былъ подойти къ Полоцку. Поэтому гр. Витгенштейнъ, оставивъ мысль о переправѣ, которую подозрѣвалъ маршалъ Сенъ-Сиръ и которой весьма опасался [1]), рѣшился 7-го октября начать уже дѣйствительное нападеніе на укрѣпленія маршала Сенъ-Сира.

День 6-го октября этотъ маршалъ считалъ побѣдоноснымъ для своихъ войскъ. „Непріятель,—говоритъ онъ,—не смотря на свою храбрость и превосходство силъ, не только нигдѣ не имѣлъ успѣха, но, напротивъ, повсюду былъ отраженъ“, и удивлялся почему кн. Яшвиль не дѣйствовалъ въ одно время съ первымъ корпусомъ гр. Витгенштейна [2]). Маршалъ былъ совершенно правъ, не зная, что нападеніе русскихъ вовсе не имѣло цѣлью непремѣнно взять укрѣпленія и тѣмъ заставить его очистить Полоцкъ. Что же касается до превосходства нашихъ силъ, то оно значительно ослаблялось именно неодновремен-

---

[1]) Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 131, 156.

[2]) Тамъ же, стр. 149, 156.

нымъ дѣйствіемъ двухъ корпусовъ арміи Витгенштейна и тѣмъ обстоятельствомъ, что войска Сенъ-Сира были сосредоточены и дѣйствовали на протяженіи пяти, а русскія войска—восьми слишкомъ верстъ [1]). Но оба предводителя враждебныхъ силъ одинаково отдаютъ справедливость храбрости войскъ, силѣ нападеній съ одной стороны и упорству обороны съ другой. Но особенно поразили французскаго маршала на слѣдующій день смѣлость и храбрость бородатыхъ воиновъ, т. е. ратниковъ Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, въ первый разъ бывшихъ въ дѣлѣ (les hommes à grande barbe). „Тутъ бы я могъ убѣдиться,—говоритъ онъ,—въ томъ, если бы не былъ всегда увѣренъ, что какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, какъ бы ни были различны формы правленія и общественное положеніе народовъ, нигдѣ не будетъ недостатка въ хорошихъ воинахъ, чтобы защищать отечество, въ которое вторгнулись иностранцы“ [2]).

Гр. Витгенштейнъ, извѣстивъ гр. Штейнгеля, что въ то время, какъ онъ будетъ приближаться къ Полоцку, онъ немедленно откроетъ наступательныя дѣйствія на укрѣпленія на лѣвой сторонѣ Двины, на другой день вывелъ свои войска изъ села Громовъ и расположилъ ихъ сзади своего авангарда; а кн. Яшвилю, находившемуся по прежнему на лѣвомъ берегу Полоты, послалъ Дибича объявить, чтобы онъ, лишь только замѣтитъ приближеніе корпуса гр. Штейнгеля къ Полоцку или увидитъ, что французы очищаютъ городъ, немедленно открылъ огонь изъ всѣхъ батарей по укрѣпленіямъ [3]).

Маршалъ Сенъ-Сиръ еще наканунѣ, 6-го октября, послалъ два отряда кавалеріи для наблюденія по теченію Двины, одинъ подъ начальствомъ ген. Дюмерка—до Бѣшенковичей, другой ген. Корбино—до Дриссы. Донесенія, полученныя имъ въ тотъ же день вечеромъ отъ обоихъ отрядныхъ начальниковъ, его успокоили. Первый не примѣтилъ никакихъ приготовленій со стороны русскихъ, другой, подвигаясь медленно, дошелъ до Ушача, гдѣ встрѣтилъ только нѣсколько эскадроновъ Изюмскихъ гусаръ отряда полковника Бедряги. Но на другой день Корбино увѣдомлялъ, что онъ ошибся, передъ нимъ находятся значительныя силы, которыя разбили его, отбросили къ Полоцку, и просилъ подкрѣпленій. Только въ это время, когда всѣ войска гр. Витгенштейна стояли въ боевомъ порядкѣ передъ его укрѣпленіями, готовыя начать приступъ, маршалъ Сенъ-Сиръ узналъ, что весь корпусъ гр. Штейнгеля приближается къ Полоцку. Очевидно, ему ни-

---

[1]) Г. Окуневъ, Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г., стр. 224—225.

[2]) Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 170—171.

[3]) Журн. воен. дѣйствій 1-го корпуса.

чего не оставалось болѣе, какъ оставить городъ и отступать. Въ этомъ убѣждали его всѣ генералы, это онъ сознавалъ и самъ; но, чтобы избѣжать важныхъ потерь, преслѣдуемый по пятамъ сильнѣйшимъ противникомъ, онъ рѣшился держаться до вечера и начать отступленіе съ началомъ ночи. Съ этою цѣлію онъ отправилъ подкрѣпленія къ ген. Корбино, предписывая ему до вечера удерживать наступленіе гр. Штейнгеля, а самъ занялся распоряженіемъ о вывозѣ всѣхъ тяжестей изъ города. Ему пособили медленность и нерѣшительность дѣйствій Штейнгеля. Громъ его пушекъ былъ слышенъ въ войскахъ гр. Витгенштейна, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ боя. Съ такимъ же нетерпѣніемъ Сенъ-Сиръ ожидалъ наступленія ночи, часто посматривая на часы. Туманъ, начавшій подыматься передъ сумерками, далъ ему возможность ускорить отступленіе. Около четырехъ часовъ онъ распорядился вывозить артиллерію и вслѣдъ затѣмъ велѣлъ дивизіи Леграна, наиболѣе отдаленной, приближаться къ городу. Въ это время кн. Яшвиль, замѣтивъ движеніе войскъ по правую сторону Двины, въ той сторонѣ, откуда двигался корпусъ Штейнгеля, и въ самомъ городѣ, открылъ огонь изъ всѣхъ орудій по укрѣпленіямъ; вслѣдъ за нимъ раздался громъ артиллеріи гр. Витгенштейна. Во время отступленія дивизіи Леграна, кому-то „по невѣроятной глупости", по выраженію маршала Сенъ-Сира, вздумалось поджечь лагерь. Пожаръ освѣтилъ отступленіе французскихъ войскъ. Гр. Витгенштейнъ велѣлъ бросать каленыя ядра въ городъ, который и загорѣлся во многихъ мѣстахъ. При освѣщеніи пожаромъ, въ 2 часа по полуночи, онъ повелъ войска на приступъ и до разсвѣта вошелъ побѣдителемъ въ Полоцкъ [1]. Въ тотъ же день онъ выразилъ, въ дневномъ приказѣ, „искреннѣйшую благодарность всѣмъ, какъ регулярнымъ войскамъ, такъ особенно дружинамъ Петербургскаго ополченія, которыя, бывъ отторжены отъ сельскихъ работъ своихъ и поднявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества, которыя въ его виду оправдали надежду на себя соотечественниковъ и заслужили лестное наименованіе защитниковъ Россіи". На другой день только возможно было отслужить благодарственный молебенъ и панихиду по убитымъ—въ соборѣ. Святыня храмовъ была поругана непріятелями въ Полоцкѣ такъ же какъ повсюду, куда они ни являлись. По свидѣтельству очевидца, „невозможно описать того чувства, которое произвелъ видъ жалостнаго состоянія храма Божія и его служителей". Двери и окна собора были выломаны, полы раскиданы, иконы пробиты пулями или разбиты, царскія врата

[1]) Донесеніе гр. Витгенштейна отъ 8-го окт., изъ Полоцка; Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 131, 163—164.

разломаны, престолъ обнаженъ и на немъ рубили мясо для пищи; священнослужители ограблены. „Архимандритъ, совершавшій богослуженіе, едва двигался отъ увѣчья, причиненнаго ему непріятелями, выпытывавшими отъ него денегъ“.—Дѣло взятія Полоцка принадлежитъ исключительно войскамъ гр. Витгенштейна. Гр. Штейнгель не оказалъ никакого прямаго содѣйствія. Его приближеніе вынудило только маршала Сенъ-Сира отдѣлить незначительную часть своихъ войскъ для подкрѣпленія ген. Корбино. Получивъ эти подкрѣпленія, онъ двинулся къ Руднѣ и при рѣчкѣ Ушачѣ встрѣтилъ авангардъ Штейнгеля и завязалъ съ нимъ перестрѣлку. Штейнгель стоялъ въ Бононіи и не подавался впередъ. На другой день маршалъ Сенъ-Сиръ не опасался быстраго преслѣдованія со стороны гр. Витгенштейна, потому что, отступая изъ Полоцка на лѣвый берегъ Двины, уничтожилъ мостъ, а для того, чтобы соорудить новый, требовалось время. Но онъ опасался нападенія со стороны гр. Штейнгеля съ свѣжимъ войскомъ на остатки его корпуса, истомленные двухдневнымъ упорнымъ боемъ и затруднительнымъ отступленіемъ. Онъ считалъ необходимымъ послать новыя подкрѣпленія генералу Корбино къ Руднѣ. Но никто изъ генераловъ не взялся исполнить этого порученія по причинѣ сильнаго утомленія войскъ и еслибы не вызвался генералъ Вреде, то, по признанію самого маршала, некому было бы поручить начальство надъ этими войсками [1]). Въ четыре съ половиною часа утра, 8-го окт., Вреде двинулся противъ Финляндскаго корпуса. При селѣ Екиманіи онъ встрѣтилъ его авангардъ и вступилъ въ бой. Затруднительное положеніе впереди дефилеи и малочисленность авангарда дали возможность ген. Вреде разбить его и отбросить къ войскамъ Штейнгеля, который, полагая, что противъ него направлены всѣ силы маршала Сенъ-Сира, отступилъ къ Диснѣ и перевелъ войска на правый берегъ Двины, съ цѣлію соединиться съ арміею Витгенштейна.—Озабоченный устройствомъ моста на Двинѣ, гр. Витгенштейнъ лишь только получилъ извѣстіе, 9-го октября, о движеніи Финляндскаго корпуса, немедленно послалъ ему въ подкрѣпленіе 12 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ ген. Сазонова, и предписалъ вновь переправиться на лѣвый берегъ Двины. Маршалъ Сенъ-Сиръ не считалъ возможнымъ дѣйствовать противъ этого корпуса, получившаго такое значительное подкрѣпленіе, и началъ отступленіе, не ожидая болѣе никакой помощи со стороны Макдональда. Онъ рѣшился отступить за р. Улу по дорогѣ къ Витебску, чтобы сблизиться съ маршаломъ Викторомъ, если его корпусъ будетъ направленъ на соединеніе съ нимъ. Между тѣмъ, отправивъ къ ге-

[1]) Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 175—176.

нералу Вреде незначительные отряды баварцевъ, находившіеся еще при его войскахъ, онъ требовалъ возвращенія тѣхъ, которыя послалъ ему въ подкрѣпленіе 7-го октября; оставляя при немъ только конную бригаду Корбино, предписывалъ держаться у Рудни на р. Ушачѣ. Г. Вреде понялъ, что, обезсиливая и такъ уже слабый его отрядъ, французскій маршалъ обрекалъ баварцевъ на жертву, заставляя удерживать соединенныя силы гр. Штейнгеля и Сазонова, тогда какъ онъ самъ, зная ихъ разстройство, считалъ ихъ неспособными къ бою. Ген. Вреде удержалъ подкрѣпленія и поѣхалъ въ главную квартиру маршала Сенъ-Сира, чтобы лично объясниться съ нимъ; но маршалъ, страдая отъ раны, полученной въ первый день битвы передъ Полоцкомъ, оставилъ ее и сдалъ начальство на время ген. Леграну. Переговоры гр. Вреде окончились только ссорою, и ген. Легранъ сложилъ съ себя начальство, а ген. Мерль принялъ его съ условіемъ не входить ни въ какія сношенія съ ген. Вреде. Самъ маршалъ Сенъ-Сиръ, не смотря на болѣзненное состояніе, долженъ былъ отдавать ему приказанія. Но г. Вреде не исполнялъ ихъ. Возвративъ подкрѣпленія, онъ удерживалъ однако же бригаду Корбино, принадлежавшую также ко 2-му корпусу, не смотря на требованія, повторенныя и маршаломъ Удино,—принявшимъ снова надъ нимъ начальство, излечившись отъ раны,—и не держался въ связи съ лѣвымъ флангомъ французскихъ войскъ, а повелъ свои войска къ Ореховичамъ, по направленію къ Вильнѣ; но потомъ повернулъ на Бобиничи, вѣроятно, желая исполнить приказанія маршаловъ, и отправилъ обозъ кратчайшею дорогою на Ушачъ. При Бобиничахъ его настигъ и разбилъ авангардъ гр. Штейнгеля. Онъ потерялъ обозъ, казну и полковыя знамена всѣхъ баварскихъ полковъ, собранныя въ одной изъ повозокъ. Ему приходилось уже думать не о побѣдахъ, но спасать отъ совершеннаго разрушенія жалкіе остатки баварскаго корпуса, разбитаго снова авангардомъ гр. Штейнгеля у с. Коблучи и потерявшаго 8 орудій. Онъ отвелъ его по дорогѣ къ Вильно и потерялъ связь съ корпусами Удино и Сенъ-Сира.

Къ 11-му октября былъ построенъ мостъ въ Полоцкѣ и гр. Витгенштейнъ перевелъ войска на лѣвый берегъ Двины. Непріятель отступалъ. Въ то время, когда переправлялись наши войска, онъ находился между Ушачомъ и Череею. Тѣснимый авангардомъ гр. Витгенштейна, предводимымъ кн. Яшвилемъ, онъ отступилъ до Леппеля и оттуда повернулъ на Чашники, по направленію къ Витебску. Въ Леппелѣ, 16-го октября, войска гр. Витгенштейна и гр. Штейнгеля соединились; а черезъ день, 18-го октября, у Чашниковъ соединился корпусъ маршала Виктора съ непріятельскими войсками, отступав-

шими отъ Полоцка. Изнуренные, упавшіе духомъ, они ободрились, получивъ такое сильное подкрѣпленіе. Не бывшія еще въ дѣлѣ войска маршала Виктора показались Сенъ-Сиру образцомъ совершенства. „Невозможно видѣть лучшихъ войскъ,—говоритъ онъ,—и болѣе устроенныхъ. Они поразительно отличались отъ моихъ, которыя состояли изъ людей страшно исхудалыхъ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, съ почернѣлыми лицами отъ бивуачнаго дыма. Они не узнавали сами себя, ихъ одежда была изорвана и загрязнена, потому что имъ приходилось спать на землѣ, въ грязи. Но это были самые крѣпкіе люди, перенесшіе всѣ затрудненія и свыкнувшіеся съ побѣдами“ [1]). Возникла надежда на возможность наступательныхъ дѣйствій.

Корпусъ маршала Виктора выступилъ, по приказанію императора Наполеона [2]), изъ Тильзита 29-го августа (10-го сентября), и 15-го сентября (27-го) прибылъ въ Смоленскъ. Въ концѣ сентября, извѣщая его, что онъ не сдѣлалъ никакого назначенія о его дальнѣйшихъ движеніяхъ, потому что это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ движеній русскихъ войскъ, онъ предписывалъ ему быть готовымъ или двинуться къ Москвѣ, или на помощь гр. Шварценбергу, или маршалу Сенъ-Сиру и ожидать его приказаній [3]). Но въ то же время ему дозволялось двинуть свои войска по собственному усмотрѣнію, но только въ томъ случаѣ, если бы русскія войска угрожали Вильнѣ или Минску, чтобы прикрыть главные запасы, заготовленные тамъ для арміи; поэтому онъ долженъ былъ расположить свой корпусъ такъ, чтобы одна дивизія оставалась у Смоленска, другая была расположена у Орши, а третья въ срединѣ между той и другой. Получивъ извѣстія, что къ гр. Витгенштейну подходятъ значительныя подкрѣпленія, и опасаясь, чтобы онъ не двинулъ часть силъ на Витебскъ, онъ отправилъ дивизію Дендельса съ однимъ коннымъ полкомъ къ Бабиновичамъ и потомъ подвинулъ его далѣе, въ Витебскъ, оставивъ четыре баталіона въ Бѣшенковичахъ для наблюденія Двины; дивизіи Жирара, Партуно и всю конницу расположилъ въ Сенно и Оршѣ, занявъ пространство между ними. Оставивъ въ Смоленскѣ вновь составленную дивизію Бараге-д'Илье, онъ перенесъ свою главную квартиру въ Оршу. Извѣстія о потерѣ Полоцка, о затруднительномъ положеніи корпусовъ Сенъ-Сира и Удино, вынудили его дивизію Дендельса возвратить къ Бѣшенковичамъ на соединеніе съ отступавшими туда войсками Сенъ-Сира. Соединеніе французскихъ корпусовъ послѣдовало 18-го и 19-го октября. Но прежде нежели оно было окончено, гр. Витгенштейнъ, 18-го числа,

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 198—200.
[2]) Приказъ отъ 11-го сентября н. ст., изъ Можайска.
[3]) Приказъ 6-го октября н. ст., изъ Москвы.

напалъ на нихъ при Чашникахъ. Послѣ довольно упорной защиты, непріятели отступили за р. Лукомлю и на другой день къ Сенно,— не смотря на то, что въ это время соединился уже весь корпусъ маршала Виктора,—и отъ Сенно, послѣ двухдневнаго отдыха, къ Череѣ, чтобы прикрыть дорогу отъ Орши къ Борисову.

Только послѣ сраженія при Чашникахъ, отъ плѣнныхъ непріятельскихъ офицеровъ, гр. Витгенштейнъ узналъ, что корпусъ Виктора соединился съ Сенъ-Сиромъ и Удино и дѣйствовалъ противъ него. Онъ точно такъ же не зналъ до самой битвы о его соединеніи, какъ и маршалъ Сенъ-Сиръ не зналъ о приближеніи корпуса Штейнгеля до тѣхъ поръ, пока его наблюдательный отрядъ не былъ имъ разбитъ подъ самымъ Полоцкомъ. Съ появленіемъ корпуса Виктора на поприщѣ военныхъ дѣйствій противъ гр. Витгенштейна, отношеніе воюющихъ сторонъ измѣнилось. Послѣ потерь при Чашникахъ, хотя и незначительныхъ, войска гр. Витгенштейна составляли менѣе 30 тысячъ человѣкъ со 114 орудіями. Войска, находившіяся подъ начальствомъ маршала Виктора, простиравшіяся до 25,000, соединившись съ остатками корпусовъ маршаловъ Сенъ-Сира и Удино, значительно превышали его силы [1]). Онъ счелъ нужнымъ дѣйствовать съ большею осторожностію, тѣмъ болѣе, что опасался, чтобы большая армія Наполеона не соединилась съ войсками, дѣйствовавшими противъ него, и не разбила его арміи прежде нежели они сблизятся какъ съ войсками кн. Кутузова, такъ и адмирала Чичагова. Эта мысль нѣкоторое время занимала и самого императора Наполеона [2]). Объ отступленіи великой арміи Наполеона изъ Москвы къ Смоленску, въ войскахъ гр. Витгенштейна узнали отъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ. Это извѣстіе подтвердилъ курьеръ, прибывшій въ главную его квартиру послѣ окончанія битвы при Чашникахъ отъ кн. Кутузова, который привезъ знаменитый приказъ фельдмаршала отъ 20-го октября „къ общему свѣдѣнію всѣхъ предводительствуемыхъ“ имъ армій. Послѣ того, какъ онъ получилъ извѣстія, что войска Наполеона повернули на дорогу отъ Можайска къ Смоленску, онъ объявлялъ уже всѣмъ войскамъ о ихъ бѣгствѣ и былъ увѣренъ въ „конечномъ истребленіи врага, дерзнувшаго угрожать Россіи“. По прочтеніи этого приказа, говоритъ очевидецъ, „закаленныя груди воиновъ исполнились чистѣйшей благодарности Всевышнему; истинная радость, развиваясь въ сердцахъ, изгоняла на мужественныя ихъ лица слезы душевнаго удовольствія.

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 198—202.

[2]) Приказъ маршалу Виктору изъ Смоленска, отъ 11-го ноября н. ст. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 342—343.

Подобно дѣтямъ, они веселились о возвращеніи своей матери (Москвы) и геройскій ихъ духъ получилъ новое оживленіе, новую силу" [1]).

Вѣроятно, слухи о положеніи бѣжавшей изъ Москвы великой арміи уже доходили до маршала Виктора, недавно оставившаго Смоленскъ и находившагося въ постоянномъ сношеніи съ дивизіею Бараге-д'Илье. Это обстоятельство уже вполнѣ достаточно для объясненія нерѣшительности его дѣйствій противъ арміи Витгенштейна, менѣе многочисленной и болѣе утомленной непрерывными битвами. Первоначальное его назначеніе—служить резервомъ великой арміи и даже идти къ ней на подкрѣпленіе къ Москвѣ—не было отмѣнено. Имѣя также назначеніе, если обстоятельства потребуютъ, помогать и корпусамъ, дѣйствовавшимъ на ея флангахъ, и дозволеніе по собственному усмотрѣнію двинуться на эту помощь въ случаѣ крайней нужды, онъ соединился съ Сенъ-Сиромъ и Удино; но зналъ и объ отступленіи гр. Шварценберга, нуждавшагося въ подкрѣпленіяхъ, и если не зналъ вполнѣ, то могъ догадываться о положеніи великой арміи. Во всякомъ случаѣ, маршалы Наполеона рѣдко рѣшались дѣйствовать на свой страхъ, когда онъ самъ распоряжался военными дѣйствіями до мельчайшихъ подробностей. Но этой осторожности не одобрилъ императоръ Наполеонъ. Изъ Вязьмы онъ писалъ генералу Шарпантье въ Смоленскъ, чтобы онъ немедленно извѣстилъ маршаловъ Виктора и Сенъ-Сира, что армія достигла Вязьмы и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ нихъ извѣстій. „Императоръ,—писалъ ему маршалъ Бертье,—увѣренъ, что герцогъ Беллюнскій уже началъ наступательныя дѣйствія и прогналъ непріятеля изъ Полоцка" [2]). Но лишь только онъ выступилъ изъ Вязьмы, на другой день получилъ извѣстія отъ маршала Виктора о его соединеніи съ Сенъ-Сиромъ и Удино, сраженіи при Чашникахъ и отступленіи къ Сенно. Маршалъ Бертье писалъ ему въ отвѣтъ на это донесеніе, что „императоръ не понимаетъ почему вы не начали наступательныхъ дѣйствій. Оставаясь въ бездѣйствіи передъ непріятелемъ, вы только можете потерять, потому что, располагая болѣе многочисленною легкою конницею, онъ можетъ перерѣзать ваши сообщенія. Императоръ приказываетъ вамъ двинуться на гр. Витгенштейна, отбросить его за Двину и снова взять Полоцкъ. Послѣ завтра императоръ будетъ въ Смоленскѣ, увѣдомьте его о побѣдѣ, она не подлежитъ сомнѣнію" [3]). Озабоченный положеніемъ дѣлъ

---

[1]) Записки барона В. И. Штейнгеля, т. I, стр. 157—160.

[2]) Приказъ ген. Шарпантье, 1-го ноября н. ст., изъ Вязьмы. Chambray, Hist. de l'éxped., т. III, стр. 449—550.

[3]) Тамъ же, т. III, стр. 452, приказъ отъ 6-го ноября н. ст., изъ Михалевки.

на флангахъ, онъ на другой же день поручилъ начальнику своего штаба написать ему снова, чтобы онъ непремѣнно отбросилъ непріятеля за Двину, но въ то же время не потерялъ сообщеній съ великою арміею.

Получивъ такое приказаніе императора, маршалъ Викторъ рѣшился напасть на довольно сильную позицію гр. Витгенштейна, при Чашникахъ. Но обстоятельства уже измѣнились, „бездѣйствіе маршала Виктора доставило гр. Витгенштейну такія выгоды, какія можетъ доставить выигранное сраженіе", — говоритъ маркизъ Шамбре[1]). Сраженіе дѣйствительно было выиграно; гр. Витгенштейнъ отразилъ всѣ нападенія противника и заставилъ его отступить. Занявъ крѣпкую позицію на лѣвомъ берегу Улы и устроивъ свою главную квартиру въ Чашникахъ, онъ писалъ, на другой день послѣ сраженія при этомъ мѣстечкѣ, императору, что его цѣль заключается въ томъ, чтобы узнать—гдѣ находится дунайская армія, войти въ сообщеніе и потомъ соединиться съ нею. Затѣмъ, писалъ онъ: „оставлю отрядъ на Улѣ, начну опять наступательныя дѣйствія, пойду къ Вильнѣ, чтобы истребить собирающуюся тамъ конфедерацію, послѣ обращусь на Макдональда, если онъ еще не отступилъ, и, очистивъ весь этотъ край, надѣюсь тогда выполнить планъ, полученный мною отъ вашего императорскаго величества". Общій планъ для военныхъ дѣйствій всѣхъ армій, начертанный два мѣсяца тому назадъ, которому въ подробностяхъ не соотвѣтствовали уже предшедшія дѣйствія гр. Витгенштейна, занималъ его. Но желая способствовать достиженію общей цѣли, въ немъ предположенной, въ виду хотя уже и не отдаленныхъ, но всетаки будущихъ событій, онъ не упускалъ изъ вида настоящаго своего положенія и воспользовался имъ. Отрядъ Властова находился въ дефилеяхъ между Друею и Брацлавомъ, наблюдая за Макдональдомъ, который могъ угрожать правому флангу гр. Витгенштейна. Оставляя его въ этомъ направленіи, онъ отрядилъ нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны[2]). Одинъ, подъ начальствомъ ген. Гарпе, по занятіи Бѣшенковичей, онъ отправилъ на Витебскъ; другой—полковника Гернгросса, долженъ былъ наблюдать за движеніями г. Вреде, находившагося съ остатками баварскаго корпуса въ Глубокомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть сообщеніе съ арміею адмирала Чичагова. Генералъ Гарпе успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Витебскъ былъ занятъ (26-го октября). При этомъ взяты значительное количество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были непріятельскій губернаторъ города и комендантъ,

---

[1]) Hist. de l'éxpedition, т. II, стр. 348.

[2]) Донесеніе отъ 20-го октября, изъ Чашниковъ.

и запасные магазины съ значительнымъ количествомъ провіанта и фуража [1]). Взятіемъ Витебска гр. Витгенштейнъ исполнилъ одно изъ предписаній общаго плана дѣйствій, но совершенно при другихъ условіяхъ, нежели въ немъ предполагалось. „Поискъ на Витебскъ ему предписывалось сдѣлать войдя уже въ сообщеніе съ другими арміями, чтобы отнять у врага всякую точку, гдѣ бы онъ при отступленіи своемъ могъ опереться". Гр. Витгенштейнъ въ это время не зналъ гдѣ находятся войска кн. Кутузова и Дунайская армія; но, конечно, не могъ не захватить слабо охраняемаго Витебска, гдѣ находились значительные непріятельскіе магазины. Тамъ присоединился къ его войскамъ отрядъ кн. Волконскаго, приблизившійся къ Витебску изъ Осташкова.

Убѣдясь, что со стороны Макдональда можно не опасаться наступательныхъ дѣйствій, по удаленіи отряда Гернгросса къ Борисову, чтобы развѣдать, гдѣ находится Дунайская армія, гр. Витгенштейнъ предписалъ Властову придвинуться къ Лушкамъ; для наблюденія за баварцами, оставался только незначительный конный отрядъ при Друѣ. Онъ опасался, что баварцы, отступившіе отъ Глубокаго къ Докшицамъ, могутъ соединиться съ литовскими конфедератами и, подкрѣпленные частію войскъ Макдональда, не только угрожать его правому крылу, но и отрѣзать его отъ Двины [2]). Съ цѣлію предупредить подобное движеніе, онъ придвинулъ свой резервъ, подъ начальствомъ генерала Фока, отъ мѣстечка Камень къ Лепелю. Очевидно, гр. Витгенштейнъ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній ни о положеніи баварцевъ, не думавшихъ о новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но единственно о своемъ спасеніи, ни о ничтожномъ количествѣ литовскихъ конфедератовъ, не устроенныхъ и ничѣмъ не снабженныхъ. Но во всякомъ случаѣ, при такомъ опасеніи, не войдя въ соотношеніе съ войсками адмирала Чичагова, о которомъ не добылъ никакихъ свѣдѣній, имѣя передъ собою превосходныя силы маршала Виктора,—онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно и потому не рѣшался наступать на непріятеля, а приготовлялся отражать его нападенія въ крѣпкой позиціи на берегу р. Улы.

Между тѣмъ, императоръ Наполеонъ, озабоченный обезпеченіемъ пути отступленія для своихъ войскъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о дѣйствіяхъ своихъ корпусовъ на флангахъ. Едва достигъ онъ Смоленска, какъ снова писалъ маршалу Виктору, чтобы, не теряя времени, онъ дѣйствовалъ рѣшительно противъ Витгенштейна, указывая ему на то, что главная его задача заключается въ томъ, что-

[1]) Донесенія отъ 22-го и 28-го октября.

[2]) Донесеніе кн. Кутузову отъ 30-го октября.

бы защищать Вильну и Минскъ. Но маршалъ уже началъ свои дѣйствія и двинулся къ Лукомлю. Послѣ перваго нападенія на авангардъ Витгенштейна, онъ послалъ своего адъютанта Шато извѣстить объ этомъ императора Наполеона. Шато представился ему въ Смоленскѣ и донесъ о началѣ наступательныхъ дѣйствій.

— „Я иду съ частію моихъ войскъ на Оршу,—поручилъ ему императоръ Наполеонъ объявить маршалу Виктору. Этотъ походъ будетъ медленъ и потому необходимо въ это время напасть на Витгенштейна. Если онъ занялъ выгодное положеніе и трудно будетъ вступить съ нимъ въ битву, то слѣдуетъ маневрировать такъ, чтобы угрожать его сообщеніямъ съ Двиною и пути его отступленія. Маршалъ Викторъ долженъ быть убѣжденъ, что Витгенштейнъ не допуститъ отрѣзать себя отъ этой рѣки. Зная войска маршала, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; а этотъ успѣхъ будетъ имѣть огромныя послѣдствія, если онъ только будетъ одержанъ скоро. Тогда мы можемъ занять Витебскъ и помѣститься на квартирахъ между этимъ городомъ, Оршею, Могилевомъ и Двиною. Если мы тамъ остановимся, то въ продолженіе зимы или будетъ заключенъ миръ, или мы приготовимся къ новой кампаніи весною, угрожая Петербургу. Если, наоборотъ, маршалъ Викторъ замедлитъ разбить русскихъ, Кутузовъ будетъ имѣть время соединиться съ Виттенштейномъ въ Витебскѣ; а чтобы вытѣснить ихъ оттуда, необходимо дать генеральное сраженіе, что невозможно въ продолженіе этой зимы. Поэтому мы будемъ вынуждены искать далѣе зимнихъ квартиръ, оставивъ во власти непріятеля теченіе Двины и часть Литвы. Въ такомъ-же случаѣ, положеніе русскихъ въ военномъ отношеніи будетъ лучше нашего въ предстоящую кампанію. Обѣ большія арміи, — французская и русская, утомлены. Онѣ могутъ занять позиціи, посредствомъ передвиженій, но не въ состояніи войти въ генеральное сраженіе, чтобы съ боя взять позицію. Напротивъ, войска маршала Виктора и гр. Витгенштейна должны драться, прежде нежели занять зимнія квартиры, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ это будетъ лучше. На сторонѣ маршала будетъ полная побѣда, если онъ принудитъ гр. Витгенштейна перейти за Двину; а если бы мы были побиты, что невѣроятно, послѣдствія не могутъ быть хуже тѣхъ, которыя произойдутъ отъ бездѣйствія продолжительнаго и неопредѣленнаго. Тогда придется намъ отступать еще далѣе, чтобы провесть эту зиму. Наконецъ, для Витгенштейна представляются всѣ выгоды стоять и ожидать, а для маршала Виктора—совершенныя потери“.

Въ этомъ же смыслѣ императоръ Наполеонъ поручалъ начальнику своего штаба объявить его приказанія маршалу, прибавивъ, чтобы онъ показалъ этотъ приказъ и маршалу Удино и, по соглашенію съ

нимъ, приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Витгенштейна. Но на другой день прибылъ въ Дубровну адъютантъ маршала Удино и сообщилъ всѣ подробности о сраженіи при Смолянцахъ [1]).

Вызванный на дѣйствія наступательныя нѣсколькими повелѣніями императора Наполеона, маршалъ Викторъ рѣшился выйти изъ бездѣйствія. Маршалъ Удино предлагалъ прямо напасть на русскія войска въ ихъ позиціи; маршалъ Викторъ считалъ эту позицію слишкомъ крѣпкою, и предполагалъ, наоборотъ, обойти ее. Но, уступая своему товарищу, двинулся прямо на Витгенштейна, принудилъ къ отступленію часть его авангарда, подъ начальствомъ генерала Алексѣева, который, однакоже, получивъ подкрѣпленія, удержался въ новой позиціи, въ трехъ верстахъ отъ Смолянцевъ, до новаго наступленія (1-го ноября). Объ этомъ незначительномъ дѣлѣ, какъ о началѣ своихъ успѣховъ, маршалъ Викторъ отправилъ своего адъютанта Шато извѣстить императора Наполеона. На другой день онъ возобновилъ нападеніе. Авангардъ гр. Витгенштейна, подъ начальствомъ кн. Яшвиля, по его „приказанію, отступилъ къ корпусу на позицію при мызѣ Смолянцы, въ большомъ порядкѣ, какъ бы то было на маневрахъ“ [2]). Значеніе этого дѣла подтвердилось на другой день, когда всѣ попытки французскихъ маршаловъ, противъ центра и фланговъ войскъ Витгенштейна, остались безъ успѣха, и послѣ значительныхъ потерь они должны были отступить. „Сраженіе весьма важное“, по словамъ Витгенштейна, и продолжалось цѣлый день. Деревня Смолянцы шесть разъ переходила изъ рукъ въ руки, шесть разъ ее занимали французы и каждый разъ ихъ выбивали изъ нея русскіе штыки. Послѣ усиленныхъ нападеній на центръ гр. Витгенштейна, маршалъ Викторъ угрожалъ обходомъ и его флангамъ, чтобы вынудить его оставить крѣпкую позицію, которую онъ занималъ. Съ значительною частію войскъ онъ двинулся „вправо по берегу Улы на Бойченково; но встрѣченный тамъ неожиданно,—говоритъ гр. Витгенштейнъ,—моимъ резервомъ, подъ начальствомъ генерала Фока, остановился ночевать“. Предвидя возможность такого движенія, онъ заранѣе отъ села Камень придвинулъ свой резервъ къ Чашникамъ. Въ то же время маршалъ Викторъ показывалъ намѣреніе обойти и съ другаго фланга, дѣлалъ мосты по р. Лукомлѣ и направлялъ туда войска. Но и тутъ не одержалъ успѣха и не принудилъ гр. Витгенштейна оставить свою позицію, хотя непріятельскія ядра долетали уже до главной его квартиры

---

[1]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 290—291; Denniée, Itineraire, стр. 142; M. Chambray, Hist. de l'éxped. т. II, стр. 421—424; приказы маршала Бертье изъ Смоленска отъ 9-го и 11-го ноября н. ст.

[2]) Донесеніе императору гр. Витгенштейна отъ 5-го ноября.

въ Чашникахъ и производили смятеніе въ жителяхъ этого мѣстечка. Новая попытка французскихъ маршаловъ окончилась ихъ отступленіемъ. На другой день (3-го ноября), въ 8 часовъ утра, они отступили къ Череѣ; вечеромъ за ними послѣдовалъ ихъ аріергардъ.

Императора Наполеона озабочивала только одна мысль, какъ обезпечить свой переходъ черезъ Березину. Узнавъ о новомъ пораженіи, онъ не упрекалъ уже болѣе своего маршала; но, приближаясь къ Оршѣ, далъ приказанія маршалу Удино направиться къ Борисову, а Виктору заслонять его движеніе отъ русскихъ, распуская слухъ, что императоръ идетъ на гр. Витгенштейна. „Движеніе, впрочемъ, довольно естественное (manoeuvre assez naturelle),—писалъ Бертье; но императоръ направится на Минскъ и когда овладѣетъ этимъ городомъ, то займетъ линію Березины. Очень можетъ быть, что и вы получите предписаніе двинуться на Березину, прикрывать дорогу въ Вильну и войти въ сообщеніе съ корпусомъ маршала Сенъ-Сира" [1]). Вслѣдъ за маршаломъ Сенъ-Сиромъ, нѣкоторые изъ французскихъ писателей укоряютъ маршала Виктора и г. Вреде за ихъ дѣйствія, придавая имъ важное значеніе [2]). Что касается до баварскаго генерала, то, съ точки зрѣнія военной дисциплины, образъ его дѣйствій, конечно, не можетъ быть оправданъ. Подчиненный, не исполняющій приказаній маршаловъ и дѣйствующій вопреки имъ, конечно, оправданъ быть не можетъ. Но французскій маршалъ, зная состояніе баварскаго корпуса, оставляя его противодѣйствовать непріятелю, несравненно превышающему его силами, очевидно приносилъ его въ жертву, желая спасти свои войска. Если бы на мѣстѣ Вреде былъ французскій генералъ, то его поступокъ былъ бы измѣною: онъ долженъ былъ пожертвовать собою для общаго блага; но Вреде былъ баварецъ и желалъ сохранить хотя бы и слабые остатки корпуса, составленнаго изъ его соплеменниковъ. Чувство воинскаго долга не могло не бороться въ немъ съ чувствомъ самосохраненія. Положеніе этого корпуса, разрушеннаго голодомъ и болѣзнями, самъ маршалъ Сенъ-Сиръ описываетъ въ ужасномъ видѣ. Еще въ началѣ августа, послѣ перваго сраженія подъ Полоцкомъ, на смотрѣ этого корпуса, по свидѣтельству докторовъ, назначенныхъ самимъ маршаломъ, онъ оказался доведеннымъ „до совершенной невозможности исправлять дѣятельную службу и находился почти въ совершенномъ разрушеніи". Во время втораго сраженія, окончившагося изгнаніемъ французовъ изъ Полоцка, онъ самъ признается, что баварскій корпусъ „находился въ гораздо болѣе жалкомъ состояніи, нежели

---

[1]) Приказъ изъ Дубровны, 19-го ноября н. ст. M. Chambray, т. III, стр. 459—460.

[2]) Шапюи, Водонкуръ, Гурго.

возможно было предполагать" [1]). Очевидно ошибаются тѣ, которые полагають, что содѣйствіе баварскаго корпуса могло бы оказать какое нибудь вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій и предотвратить или уменьшить неудачи. Отъ 5-ти до 6-ти тысячъ подобныхъ войскъ скорѣе могли бы стѣснять главнокомандующаго, потому что не могли выдержать никакого нападенія со стороны непріятеля.

Совершенно въ иномъ видѣ могутъ представляться дѣйствія маршала Виктора, очевидно не соотвѣтствовавшія ни ожиданіямъ, ни приказаніямъ Наполеона. Маршалъ Сенъ-Сиръ выдержалъ трудную борьбу не только съ русскими войсками, которыхъ храбрости и мужеству отдаетъ полную справедливость, но и съ голодомъ и всѣми возможными лишеніями и трудами. Его войска нуждались въ продовольствіи и сами должны были добывать себѣ пищу и кормъ для лошадей. Послѣ первой Полоцкой битвы, когда войска Витгенштейна, не получивъ подкрѣпленій, еще не приступали къ наступательнымъ дѣйствіямъ, его партизаны вели дѣятельную войну противъ мародеровъ и фуражировъ корпусовъ Сенъ-Сира и Удино. Кругъ ихъ дѣятельности все болѣе стѣснялся, а ходить далеко, отдѣляя значительные отряды, было опасно. Съ стѣсненіемъ этого круга увеличивался голодъ и болѣзни, ослаблявшія и такъ уже не многочисленныя французскія войска. Доставка запасовъ изъ Вильны была незначительна и далеко не удовлетворяла потребностямъ. При такомъ положеніи, маршалъ Сенъ-Сиръ на соединеніе съ корпусомъ Виктора смотрѣлъ какъ на свое спасеніе и надѣялся, вынужденный оставить Полоцкъ и отступать, возстановить честь оружія. Очевидно, какое долженъ былъ произвесть на него впечатлѣніе нерѣшительный образъ дѣйствій маршала Виктора. Послѣ того какъ гр. Витгенштейнъ разбилъ французскія войска и завладѣлъ Чашниками, „мѣстомъ чрезвычайно важнымъ для французскихъ войскъ,—говоритъ онъ,—многіе выражали удивленіе маршалу Виктору, что онъ не приступаетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ гр. Витгенштейна; но онъ отвѣчалъ, что ожидаетъ выхода русскихъ войскъ на долину, чтобы судить о ихъ силахъ и сдѣлать нападеніе съ большею увѣренностію въ успѣхѣ". Войска Витгенштейна доставили ему то, чего онъ желалъ. Подъ защитою своей многочисленной артиллеріи, они перешли Улу, заняли Чашники и вновь напали на 2-й корпусъ, который отступилъ. Преслѣдуя его, русскіе вышли на долину. „Вотъ другой благопріятный случай,—говоритъ маршалъ Сенъ-Сиръ,—чтобы вступить въ сраженіе, которое предвидѣли, и если упустить подобный случай, то нельзя расчитывать на то, что-

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 105—106, 133.

бы онъ могъ повториться". — Эти битвы выдержалъ одинъ корпусъ Сенъ-Сира. Витгенштейнъ еще не зналъ о присоединеніи къ нему Виктора, который въ бездѣйствіи стоялъ за нимъ. „Если бы онъ былъ введенъ въ дѣло,—продолжаетъ маршалъ Сенъ-Сиръ,—то я не сомнѣвался бы въ успѣхѣ, который, можетъ быть, прекратилъ бы тѣ бѣдствія, которыя испытали наши войска, или по крайней мѣрѣ уменьшилъ бы ихъ. Мнѣ казалось, а равно и многимъ другимъ, что тѣ огромныя выгоды, которыя могъ доставить рѣшительный образъ дѣйствій при тогдашнихъ обстоятельствахъ, должно бы предпочесть всѣмъ инымъ соображеніямъ, которыя помѣшали дѣйствовать наступательно. Но не смотря на то, не пытаясь даже утвердиться на Улѣ, что̀ обезпечивало бы движеніе великой арміи, которая, какъ было уже извѣстно, выступила изъ Москвы и усиленными переходами приближалась, удовольствовались только тѣмъ, что приказали отступать" [1]). „Точно такъ же,—говоритъ другой писатель, участникъ въ событіяхъ войны 1812 года,—какъ при Чашникахъ, маршалъ Викторъ повторилъ тотъ же образъ дѣйствій и при Смолянцахъ. Въ Чашникахъ онъ зналъ, по письму императора Наполеона изъ Москвы (6-го октября), что долженъ былъ препятствовать гр. Витгенштейну, завладѣвъ сообщеніями съ Вильно; но въ Смолянцахъ ему предстояло исполнить возложенное на него порученіе, послѣдующими приказаніями императора Наполеона, отбросить русскихъ за Двину и снова овладѣть Полоцкомъ. Вмѣсто того, чтобы сильно напасть во многихъ пунктахъ, вынудить непріятеля принять сраженіе или отступить за Двину, онъ ограничился нападеніемъ на мѣстечко Смолянцы, что не обнаруживало явнаго намѣренія начать рѣшительное сраженіе съ непріятелемъ. Изъ этого произошло то, что это сраженіе, которое должно было измѣнить печальное положеніе великой арміи, нисколько его не улучшило, потому что сраженіе было не важное" [2]).

Маршалъ Сенъ-Сиръ, страдавшій въ это время отъ раны и скоро удалившійся изъ арміи, естественно скорбѣлъ, что не осуществились его надежды (les illusions)—съ помощію корпуса маршала Виктора, новыми успѣхами загладить тѣ пораженія, которыя онъ потерпѣлъ. Капитанъ Шапюи и не былъ участникомъ въ битвѣ при Смолянцахъ и едва ли правильно приписываетъ ей значеніе почти не важнаго авангарднаго дѣла. Значительныя потери, понесенныя маршаломъ Викторомъ, и его отступленіе доказываютъ однакоже противное. Очевидно, онъ не ожидалъ встрѣтить такое упорное сопротивленіе и, не

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 200—204.
[2]) Chapuis, Beresina, стр. 26—29.

вынудивъ гр. Витгенштейна оставить свою крѣпкую позицію, не рѣшился продолжать наступательныя дѣйствія.

Къ этой нерѣшительности маршала съ бо́льшею снисходительностію относятся другіе французскіе писатели. Если не оправдываютъ ея рѣшительно, то во всякомъ случаѣ объясняютъ образъ его дѣйствій общимъ положеніемъ военныхъ дѣлъ въ то время и не считаютъ ихъ одною изъ причинъ тѣхъ бѣдствій, которыя пришлось испытать Наполеону при переправѣ черезъ Березину. Его противники основываютъ всѣ свои обвиненія выходя изъ той мысли, что онъ непремѣнно разбилъ бы гр. Витгенштейна и отбросилъ бы за Двину. Но на чемъ же основана эта увѣренность? Если его силы по количеству были не одинаковы съ силами маршала Виктора, то положеніе войскъ совершенно иное. Вѣсти о бѣдствіяхъ великой арміи, гонимой по Смоленской дорогѣ, уже доходили до ихъ слуха; наступавшая зима, при недостаточномъ продовольствіи и неимѣніи теплой одежды, усилила въ нихъ болѣзни и смертность; они искали не новыхъ битвъ, а теплыхъ зимнихъ квартиръ и скорѣйшаго возвращенія на родину. Передъ этими войсками, въ твердой позиціи, съ рѣшимостію не отступать, стояли русскія войска, предводимыя вождемъ, уже доказавшимъ непріятелю рѣшительность, мужество и храбрость, хорошо одѣтыя, сытыя, одушевленныя извѣстіемъ о бѣгствѣ непріятеля и готовыя довершить дѣло изгнанія его изъ предѣловъ отечества. Почему же, съ одинаковою вѣроятностію, не предположить, что маршалъ Викторъ будетъ разбитъ? Что бы тогда случилось? Конечно, онъ не могъ бы оказать той важной услуги, которую оказалъ Наполеону при переправѣ черезъ Березину. Но и то и другое—лишь простыя предположенія, на которыхъ не можетъ останавливаться исторія. Объясняя совершившіяся событія, она не должна гадать о томъ, что бы могло случиться, если бы совершились иныя событія, нежели тѣ, которыя совершились дѣйствительно. Общее состояніе военныхъ дѣйствій французскихъ войскъ, въ это время, конечно, должно было имѣть вліяніе и на дѣйствія маршала Виктора. Онъ находился въ болѣе близкомъ разстояніи отъ великой арміи, нежели другіе маршалы. Его главная квартира была въ Смоленскѣ до послѣдняго времени. Туда доходили болѣе вѣрныя извѣстія о дѣйствительномъ состояніи войскъ Наполеона, какъ въ Москвѣ, такъ и во время отступленія. Первоначальное назначеніе его корпуса—служить резервомъ великой арміи—не было отмѣнено. Въ отношеніи къ войскамъ, дѣйствовавшимъ на флангахъ, въ приказаніяхъ императора Наполеона ему поручалось обращать особенное вниманіе на дѣйствія Шварценберга и Ренье и двинуться по собственному усмотрѣнію только въ томъ случаѣ, если Минску и Вильнѣ будетъ угро-

жать опасность. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ долженъ былъ ожидать приказаній императора. Хотя его корпусъ долженъ былъ въ случаѣ нужды помочь и маршалу Сенъ-Сиру, но онъ предпринялъ это движеніе на собственный страхъ, что̀, безъ сомнѣнія, стѣсняло его дѣятельность и ставило въ нерѣшительное положеніе. Нѣсколько разъ повторенное потомъ приказаніе Наполеона разбить Витгенштейна, отбросить русскихъ за Двину, взять обратно Полоцкъ, конечно, измѣняло его положеніе. Но императоръ Наполеонъ, или умышленно, или самъ обманываясь, преувеличивалъ его силы и уменьшалъ силы его противника, если не въ отношеніи къ количеству, то—качеству войскъ. Онъ говорилъ, что у Витгенштейна находится значительное число неопытныхъ рекрутовъ, т. е. ополченцевъ, но его маршалы, Сенъ-Сиръ и Викторъ, испытали на дѣлѣ, какъ дрались эти неопытные люди, не уступая испытаннымъ въ бояхъ воинамъ. Какъ мало зналъ Наполеонъ о состояніи арміи гр. Витгенштейна, такъ же и о томъ, гдѣ находится армія кн. Кутузова. „Или онъ заблуждался самъ въ этомъ случаѣ,—говоритъ М. Шамбре,—или считалъ нужнымъ обманывать маршала Виктора. Опасеніе, что Кутузовъ можетъ соединиться съ Витгенштейномъ и идти на Витебскъ, было совершенно неразумно. Кутузовъ былъ на лѣвой сторонѣ дороги отъ Москвы въ Смоленскъ и потому не иначе могъ пройти къ Витебску, какъ на этотъ городъ“ [1]). Великая армія уже приближалась, необходимо было прикрывать ея отступленіе къ Оршѣ. Могъ ли бы исполнить это назначеніе маршалъ Викторъ, если бы даже не былъ разбитъ гр. Витгенштейномъ, но значительно обезсиленъ потерями, которыхъ онъ могъ опасаться, испытавъ упорное сопротивленіе со стороны гр. Витгенштейна.

Послѣ сраженія при Смолянцахъ, наканунѣ молебна, 4-го ноября, гр. Витгенштейнъ получилъ слѣдующее письмо отъ кн. Кутузова: „Блистательные успѣхи ваши доставляютъ важныя выгоды общимъ всѣхъ армій движеніямъ. Поздравляя васъ съ побѣдою 19-го числа, спѣшу васъ увѣдомить, что 26-го октября, при Дорогобужѣ, непріятельской арміи аріергардъ былъ разбитъ нашимъ авангардомъ, гдѣ взято въ плѣнъ 600 человѣкъ и шесть орудій. 27-го казаки нагнали бѣгущаго непріятеля по Духовщинской дорогѣ, разбили 4-й корпусъ и взяли въ плѣнъ генерала Сансона, 3,500 нижнихъ чиновъ и 62 орудія. Непріятель бѣжитъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Его положеніе самое бѣдственное, до такой крайности, что французскіе офицеры, взятые въ плѣнъ, просятъ о принятіи въ россійскую службу“ [2]). Объявляя его письмо, въ приказѣ войскамъ, 4-го ноября, гр. Витген-

[1]) Hist. de l'éxpedition de Russie, т. II, стр. 402, 424—425.
[2]) Отношеніе изъ Ельни, отъ 25-го октября.

штейнъ говорилъ, что „спѣшитъ раздѣлить свою радость со всѣми своими храбрыми сослуживцами, и воздать вмѣстѣ съ ними благодареніе Богу". Онъ заявлялъ прямо: „мы уже близки къ цѣли желаній нашихъ", призывалъ своихъ сотоварищей „совершать великій подвигъ" и отдалъ, какъ отзывъ на этотъ день войскамъ: ура!" [1]).

На другой день въ русскомъ станѣ, 5-го ноября, былъ отпѣтъ благодарственный молебенъ передъ иконою св. князя Всеволода-Гавріила Псковскаго. Послѣ первыхъ побѣдъ гр. Витгенштейна, когда наступательнымъ дѣйствіямъ на лѣвомъ флангѣ непріятеля положенъ былъ предѣлъ въ Полоцкѣ, успокоенные жители Пскова поднесли ему эту икону. Императоръ, дозволяя принять этотъ даръ, писалъ ему: „Поднесенный вамъ отъ общества Псковскаго купечества образъ Гавріила чудотворца съ надписью: „Защитнику Пскова", я не только принять вамъ дозволяю, но и купцовъ, изъявившихъ вамъ свою благодарность, за сей поступокъ ихъ похваляю. Святый и благовѣрный князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ надпись: „Чести моей никому не отдамъ". Вы со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и отечество, оказали себя ревностнымъ сему правилу его послѣдователемъ; а потому не сомнѣваюсь, что сей угодникъ Божій, видя образъ сей въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осѣнилъ васъ свыше" [2]). Эта икона постоянно сопутствовала гр. Витгенштейну и передъ нею пѣлись благодарственные молебны. Молебенъ 5-го ноября получилъ особенное значеніе, потому что наканунѣ этого дня гр. Витгенштейнъ получилъ письмо отъ кн. Кутузова, а при самомъ молебнѣ присутствовали только что прибывшіе въ станъ русскихъ войскъ баронъ Винценгероде и Нарышкинъ, спасенные изъ плѣна полковникомъ Чернышевымъ.

На пути въ Минскъ изъ Слонима, 25-го октября, адмиралъ Чичаговъ отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Чернышева, только что возвратившагося изъ поиска въ герцогство Варшавское, съ цѣлію собрать свѣдѣнія о положеніи французской арміи и особенно корпуса маршала Виктора и войти въ сообщенія съ арміею гр. Витгенштейна. Ему предписано было слѣдовать къ Деречину и Зельвѣ, къ большой дорогѣ. Около села Дуброва, онъ захватилъ конный непріятельскій пикетъ изъ 20-ти человѣкъ. „Отъ нихъ я узналъ,—доносилъ онъ потомъ гр. Витгенштейну,—объ отступленіи большой французской арміи къ Смоленску и слѣдованіе всѣхъ непріятельскихъ силъ или къ Минску

---

[1]) Барона В. И. Штейнгеля Записки о С.-Петербургскомъ ополченіи, т. I, стр. 167—169.

[2]) Письмо псковскихъ купцовъ гр. Витгенштейну отъ 1-го сентября; его донесеніе государю 7-го сентября; рескриптъ государя 14-го сентября 1812 г.

или къ Могилеву, что умножало еще опасность въ перерѣзаніи большой дороги отъ Минска до Вильны. Хотя я шелъ съ полкомъ день и ночь и сдѣлалъ въ эти сутки уже болѣе девяти миль, но желая воспользоваться ночною порою и переѣхать черезъ дорогу безопаснѣе, потому что днемъ слѣдовали по ней сильныя непріятельскія колонны, переправился черезъ нее не теряя времени и остановился въ трехъ верстахъ отъ нея, въ скрытомъ мѣстѣ, дабы наблюдать и захватывать курьеровъ". Счастье и на этотъ разъ послужило „счастливому" Чернышеву, какъ называлъ его императоръ Александръ Павловичъ. Ему удалось отбить нашихъ плѣнныхъ, барона Винценгероде, Нарышкина, генерала Свѣчина и есаула Князева, котораго посылалъ гр. Штейнгель для открытія арміи адмирала Чичагова, и взять нѣсколькихъ курьеровъ императора Наполеона. Подходя къ Березинѣ, онъ встрѣтилъ хорунжаго Демидова съ отрядомъ, слѣдовавшимъ отъ гр. Витгенштейна въ армію адмирала; далъ ему надлежащія наставленія и указанія и привелъ благополучно казачій полкъ Пантѣлеева, который адмиралъ поручилъ ему присоединить къ корпусу гр. Витгенштейна. Увѣдомляя объ этомъ движеніи Чернышева, императоръ называлъ его въ письмѣ къ наслѣдному принцу шведскому „самымъ смѣлымъ, какіе только извѣстны въ военной исторіи". Въ день прибытія Чернышева и освобожденныхъ плѣнныхъ, гр. Витгенштейнъ зналъ уже о движеніи Чичагова и могъ предполагать, что его армія достигла Березины. Письмо фельдмаршала объяснило ему положеніе непріятеля и движеніе нашихъ войскъ отъ Ельни къ Красному, на перерѣзъ его пути отступленія. Съ этого времени открылись непосредственныя его сношенія съ большою арміею и вслѣдъ за этимъ письмомъ, одно за другимъ, предписанія кн. Кутузова направляли его движенія. Онъ долженъ былъ отложить намѣреніе дѣйствовать на Вильну и противъ маршала Макдональда, и идти на соединеніе съ Дунайскою арміею. И такъ, хотя ходъ дѣлъ не далъ возможности привесть въ исполненіе всѣ подробности предначертаннаго для него плана дѣйствій, но главная цѣль, къ которой онѣ стремились, казалась уже возможною для достиженія и притомъ въ непродолжительномъ времени. Войска кн. Кутузова преслѣдовали съ тыла и лѣваго фланга, предупреждая на пути, непріятеля, сильными нападеніями разстраивали его движеніе; гр. Витгенштейнъ могъ преслѣдовать непріятеля съ праваго фланга, подвигаясь къ Березинѣ для соединенія съ Чичаговымъ, который долженъ былъ встрѣтить непріятеля на этой рѣкѣ. Окончательная удача въ исполненіи плана зависѣла отъ дѣйствій адмирала Чичагова.

А. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

1779—1831.

Для настоящей статьи служили источниками: «Русская Старина», «Русскій Архивъ», «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», «Архивъ князя Воронцова», «XVIII-й и XIX-й вѣкъ», «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей», «Матеріалы для новѣйшей исторіи» изд. Каширева. Записки: Ермолова и Д. Давыдова, «Дневникъ Храповицкаго», «Полное Собраніе Законовъ», «Dziennic Zakonow», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго», «Исторія войны 1799 года» Милютина, «Царствованіе императора Александра I» Богдановича, «Исторія войнъ 1813 и 1814 годовъ», «Сочиненія Державина» съ примѣчаніями Я. К. Грота; Masson «Mémoires inedites», «Hystorija Powstania narodu Polskiego» przeze I. Mochnackiego, «Histoire de la Revolution polonaise» par Miroslawski, «Война 1831 года» Смита, «Восшествіе на престолъ императора Николая» барона Корфа, «Encyklopedija Polska», «Herbarz Nesiekiego» wyd. Bobrowicza, «Histoire de la vie et du règne de l'empereur Nicolas» I. Lacroix, «Академическія Извѣстія» и другія разныя книги и брошюры.

Кромѣ этихъ печатныхъ матеріаловъ, редакціею «Русской Старины» были сообщены автору статьи слѣдующіе рукописные источники: «Отчеты Лагарпа», не появившіеся еще въ печати; «Записки Веригина»—матеріалъ чрезвычайно любопытный для знакомства съ бытомъ и духомъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича; «Дневникъ П. А. Колзакова», относящійся ко времени отступленія русскихъ войскъ изъ Варшавы и къ обстоятельствамъ кончины цесаревича; «Дневникъ К. Ѳ. Опочинина за 1830 г.», заключающій въ себѣ много интересныхъ фактовъ, очевидцемъ которыхъ былъ покойный Опочининъ, тогда 22-хъ лѣтній юноша; «Замѣтки о польской кампаніи А. Г. Замятнина»; «Записки каноника Буткевича»; «Замѣтка о распространеніи мистицизма въ царствованіе императора Александра I», сообщенная И. И. Оранъ. Письма о бракоразводномъ дѣлѣ цесаревича; «Записка Волицкаго», сообщенная Н. П. Барышниковымъ, и многія другія различныя рукописныя замѣтки и матеріалы. Среди всѣхъ рукописныхъ матеріаловъ наиболѣе драгоцѣннымъ слѣдуетъ считать переписку между великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и самымъ близкимъ его другомъ и повѣреннымъ его тайнъ, Ѳ. П. Опочининымъ, который, съ своей стороны, съ благородною откровенно-

стію передавалъ цесаревичу свои взгляды на образъ его дѣйствій и, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ самыя трудныя минуты доброе на него вліяніе. Что же касается монографій о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, то до сихъ поръ существовала только изданная въ 1831 году въ Москвѣ небольшая книжка подъ заглавіемъ «Жизнь Е. И. В. цесаревича великаго князя Константина Павловича», не имѣющая въ настоящее время никакого значенія, не только какъ самостоятельное сочиненіе, но и какъ историческій матеріалъ. Книжка эта въ 1833 году появилась въ Варшавѣ, въ польскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: «Rys Życia J. C. W. Wielkego Kieca Konstantego Pawlowicza. Книгъ на другихъ иностранныхъ языкахъ, относящихся исключительно къ личности Константина Павловича, весьма не много, и бóльшую ихъ часть составляютъ стихотворныя произведенія по случаю брака его съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. Изъ книгъ же, имѣющихъ значеніе біографическихъ источниковъ, можно указать только на двѣ слѣдующія книги: Grossfürst Constantin, 1833 года, и Grand-Duc Constantin à Varsovie pendant le congrès de Wienne, par M. d'Egron. Paris. 1847. Е. К.

I.

Приближался къ концу семнадцатый годъ царствованія императрицы Екатерины II. Къ этому времени верховная власть, перешедшая къ ней 28-го іюля 1762 года, окончательно упрочилась. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, представитель потомства царя Алексѣя Михайловича по старшей женской линіи дома Романовыхъ, погибъ въ 1764 году въ шлиссельбургскомъ заточеніи; пугачевщина была подавлена, а съ нею исчезъ и призракъ покойнаго императора Петра III, взволновавшій всю Россію. Впрочемъ, къ тому времени, съ котораго начинается настоящій біографическій очеркъ, не только упрочилось самодержавіе Екатерины, но упрочилось и наслѣдіе послѣ нея престола въ двухъ нисходящихъ поколѣніяхъ, такъ какъ у нея кромѣ сына, былъ уже и внукъ, великій князь Александръ Павловичъ, на которомъ Екатерина сосредоточивала, какъ нѣжная бабушка, свои заботы, попеченія и надежды.

Хотя прямой наслѣдникъ русскаго престола, великій князь Павелъ Петровичъ, достигъ уже совершеннолѣтія, которое и было торжественно отпраздновано 29-го сентября 1773 года, но Екатерина не только не думала передать ему державныя права, но, напротивъ, даже, по нелюбви къ нему, намѣревалась устранить его вовсе отъ престола, объявивъ непосредственнымъ своимъ преемникомъ старшаго своего внука, великаго князя Александра Павловича.

Если Александру Павловичу, и по праву рожденія и по особому предназначенію императрицы, предстояло въ послѣдствіи царствовать въ Россіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ императрица относительно другаго внука, который былъ бы у нея, имѣла особые величавые замыслы. Въ эту

пору ея жизни изъ окружавшихъ императрицу вельможъ и царедворцевъ ближе всѣхъ былъ къ ней князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Въ пылкомъ его воображеніи зародился, такъ называвшійся, „греческій проектъ“, сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы, изгнавъ турокъ изъ Европы, овладѣть Константинополемъ и, возстановивъ тамъ древній престолъ восточно-римскихъ или византійскихъ императоровъ—посадить на него одного изъ великихъ князей русскаго императорскаго дома. При тогдашнемъ положеніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, осуществленіе подобнаго плана, какъ казалось, не представляло неодолимыхъ затрудненій: разрозненная Германія не могла, да и не видѣла никакой надобности вмѣшиваться въ дѣла европейскаго востока; Англія еще не утвердила тамъ своего рѣшительнаго вліянія, да притомъ на каждомъ шагу встрѣчала она опасную для себя соперницу—Францію, борьба съ которою всего болѣе занимала англійское правительство. Что же касается Австріи и Франціи, то, при господствовавшей между ними вѣковой враждѣ, не трудно было отвлечь ихъ вниманіе отъ Турціи, возбудивъ между ними войну. Независимо отъ всего этого, тогда имѣлась еще въ виду совершенно уже ослабленная Рѣчь Посполитая и на счетъ ея владѣній можно было устроить такую территоріальную сдѣлку, которая удовлетворила бы Австрію и даже Пруссію, если бы и та и другая—или вмѣстѣ, или каждая изъ нихъ порознь, вздумали воспрепятствовать Екатеринѣ завоевать Европейскую Турцію, изъ владѣній которой можно было, впрочемъ, и помимо Польши, удовлетворить Австрію. Что же касается самой Турціи, то послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, доставившаго такой громадный перевѣсъ Россіи надъ Портою и утвердившаго вліяніе Екатерины на христіанскихъ подданныхъ султана, расправа съ османлисами, проектированная княземъ Потемкинымъ, представлялась задачею не особенно трудной.

Въ то время, когда Екатерину занимала мысль о возстановленіи византійской имперіи, явился на свѣтъ, 27-го апрѣля 1779 года, въ девятомъ часу по полуночи, въ Царскомъ Селѣ, второй ея внукъ, предназначавшійся ею занять престолъ равноапостольнаго Константина. Державинъ хвалился тѣмъ, что предрекъ его рожденіе: когда, 24-го іюня 1778 года, происходило освященіе построеннаго на счетъ великаго князя Павла Петровича, въ Петербургѣ, на Каменномъ островѣ, инвалиднаго дома, то по этому случаю Державинъ написалъ оду, въ которой, упоминая объ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, говорилъ, что она „еще носителя дастъ шлема“. Предсказаніе это смѣло можно было сдѣлать въ отношеніи молодой и цвѣтущей здоровьемъ женщины.

Появленіе на свѣтъ втораго внука Екатерины было привѣтство-

вано, по тогдашнему обычаю, поэзіею; во второмъ томѣ „Академическихъ Извѣстій" за 1779 годъ была напечатана: „Пѣснь на рожденіе Е. И. В. благовѣрнаго государя В. К. Константина Павловича"; подписано это стихотвореніе К. Ф. Г., но изъ записокъ князя Ѳедора Сергѣевича Голицына видно, что пѣснь эта было произведеніе его пера. Поэтъ заявляетъ, что „пріемлясь первый разъ за лиру, дерзаетъ идти во слѣдъ росскому піиту", воспѣвавшему „Петрову дщерь Екатерину", восхваленію которой собственно и посвящена ея пѣснь съ упоминаніемъ, что

Богъ вѣтвь отъ корени Петрова
Во Константинѣ произвелъ.

Затѣмъ заявляется о Павлѣ какъ о примѣрѣ щедрости и кротости и говорится объ Александрѣ, который уже и въ пеленкахъ возвѣщаетъ, что онъ достойный потомокъ Екатерины, и что

Воинскій жаръ примѣтенъ въ немъ,
Забавы дѣтски оставляетъ
И взоръ ко стражѣ обращаетъ
Какъ дѣйствовать начнетъ ружьемъ.

Собственно же къ новорожденному относятся слѣдующіе стихи:

Въ часы рожденья Константина,
Воздушно премѣнясь, страна
Являетъ какова судьбина
Отъ Промысла ему дана.
Ликуетъ съ нами естество:
Зефиры мраки прогоняютъ,
Весны пріятность водворяютъ,
Повсюду вижду торжество.....

Таково было поэтическое заявленіе о рожденіи Константина Павловича; офиціальное же объ этомъ извѣщеніе заключалось въ манифестѣ, подписанномъ императрицею 5-го мая. Въ немъ она объявляла всѣмъ вѣрноподданнымъ, что „со вторымъ отъ бремени разрѣшеніемъ нашей любезной невѣстки, ея императорскаго высочества великой княгини, въ 27-й день апрѣля, благословилъ насъ Господь Богъ вожделѣнною радостію имѣть втораго рожденнаго намъ внука, который нареченъ Константиномъ".

„Мы и въ семъ случаѣ,—говорилось далѣе въ манифестѣ,—съ достодолжнымъ благодареніемъ ощущаемъ Промыслъ Всевышняго, судьбу царствъ зиждущій, что симъ новымъ приращеніемъ нашего императорскаго дома даетъ Онъ вящшій залогъ благоволенія Своего, на оный и на всю имперію изливаемаго. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ нами къ Подателю всѣхъ благъ усердныя молитвы о благо-

получномъ возрастѣ сего любезнаго намъ внука въ расширеніе славы дома нашего и пользы отечества".

Манифестъ оканчивался повелѣніемъ именовать новорожденнаго великимъ княземъ и императорскимъ высочествомъ.

Крестины новорожденнаго великаго князя происходили 5-го мая, въ Царскомъ Селѣ. Изъ церемоніала этого торжества не видно, кто были его воспреемниками. Къ купели же несла его герцогиня Курляндская, на золотой глазетовой подушкѣ, поддерживаемой справа оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ, а слѣва генералъ-аншефомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ. Крестилъ его членъ синода, духовникъ государыни, протоіерей Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.

Безошибочно можно предполагать, что государыня, подписывая манифестъ о рожденіи великаго князя Константина, подъ словами „въ расширеніе славы дома нашего" подразумѣвала не тѣ только доблести, которыми могъ прославить себя въ послѣдствіи ея новорожденный внукъ, какъ русскій великій князь, но подразумѣвала и заранѣе намѣченное его предназначеніе—быть повелителемъ греческаго народа. Въ виду этого, младенцу дали при крещеніи имя Константина—имя перваго основателя Константинополя на мѣстѣ древней Византіи, и имя, которое носилъ также и послѣдній греческій императоръ изъ дома Палеологовъ, павшій въ отчаянной битвѣ при взятіи турками Царьграда. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Мельсбюри, сообщилъ въ Лондонъ, что императрица тотчасъ послѣ рожденія Константина Павловича стала говорить въ кругу близкихъ къ ней людей о возведеніи вторага ея внука на престолъ византійскихъ императоровъ.

Потемкинъ, устроивъ въ честь новорожденнаго великаго князя блестащій праздникъ на своей дачѣ, не упустилъ случая сдѣлать намекъ на приготовляемую Константину судьбу. Празднество это началось маскарадомъ, на который гости приглашены были по билетамъ. Балъ перервался фейерверкомъ, устроеннымъ на большомъ озерѣ, а въ саду зажжена была великолѣпная иллюминація. Для государыни была приуготовлена „гостепріимная вечеря у подошвы горъ Кавказскихъ, въ пещерѣ, одѣтой миртовыми и лавровыми деревьями", и во время этой вечери, хоръ пѣвцовъ пѣлъ строфы на „елинно-греческомъ" языкѣ; въ нихъ, среди восхваленій Екатеринѣ, собственно къ новорожденному относились слѣдующія строки:

Ος εὔπνοον Θαλλει
Λεῖμων ανθηρον Κρὶνον,
Ειχελος xᾶλλει σιλβει
Σπαργανοῖς Κονσταντὶνος

т. е., какъ на цвѣтущей долинѣ растетъ благоухающій кринъ, подобной красотой блистаетъ Константинъ въ колыбели.

Греки явились у колыбели новорожденнаго русскаго великаго князя; кормилицею его была гречанка, по имени Елена, и первымъ его слугою былъ грекъ Дмитрій Курута. Когда же Константинъ сталъ подростать, то товарищами его дѣтскихъ игръ были избраны греки. Въ числѣ ихъ находился нѣкто Калагеоргій, бывшій въ послѣдствіи Екатеринославскимъ губернаторомъ. Все это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы Константинъ съ первыхъ же дней своего дѣтства могъ ознакомиться съ греческимъ языкомъ, на которомъ онъ и говорилъ потомъ очень недурно.

Въ планы Потемкина, вполнѣ раздѣляемые Екатериною, входила мечта только о возстановленіи греческаго господства на Балканскомъ полуостровѣ, объ участи же славянъ, его населявшихъ, вовсе не было помину, такъ что собственно они должны были только перейти изъ-подъ владычества турокъ подъ господство грековъ. Такое предпочтеніе, оказанное со стороны Екатерины грекамъ въ ущербъ политическому положенію племени родственному и единовѣрному съ русскими, объясняется господствовавшими въ то время понятіями и взглядами. Вѣра наша, называемая нынѣ у насъ „православною", называлась въ ту пору „греческою". Въ высшемъ образованіи, въ поэзіи, въ живописи, въ театрахъ, преобладало классическое направленіе, руководительницею котораго была древняя Греція. Такимъ образомъ и языческая и христіанская Греція, начиная съ церкви и кончая театрами, или, говоря иначе, и въ религіозной, и въ умственной, и въ артистической жизни того времени была первенствующею представительницею. Были даже съ давнихъ поръ попытки сблизить языческую Грецію съ христіанскою: такъ, у насъ былъ допущенъ церковью обычай изображать на иконахъ Гомера, какъ одного изъ языческихъ мужей, безсознательно предрекавшихъ пришествіе Христово.

Между тѣмъ славянскіе элементы не имѣли рѣшительно никакого значенія въ общественномъ нашемъ развитіи. Понятно, что, поэтому, симпатіи всѣхъ образованныхъ классовъ и всѣхъ людей религіозныхъ были на сторонѣ эллинизма, но не славянства. Кромѣ того, честолюбивой русской царицѣ должно было казаться болѣе обаятельнымъ подвигомъ—возстановить знаменитый престолъ греческихъ кесарей, прямыхъ наслѣдниковъ римскихъ императоровъ, нежели сооружать какое либо новое славянское государство, неимѣвшее за собою прошедшей славы.

Мысль о томъ, чтобы сдѣлать Константина главою греческаго народа, не покидала императрицу и въ послѣдующіе годы, и для пер-

ваго шага къ осуществленію этой мысли придуманъ былъ даже довольно-странный способъ. Такъ, статсъ-секретарь государыни, Храповицкій, въ „Дневникѣ" своемъ подъ 17-мъ августа 1787 года, пишетъ: „въ сундукѣ отыскалъ для себя и читалъ секретный проектъ Потемкина, чтобъ, воспользовавшись персидскими неустройствами, занять Баку и Дербентъ и, присоединя Гилань, назвать Албаніею для будущаго наслѣдника великаго князя Константина Павловича"; а 7-го іюня 1788 года, Храповицкій передаетъ мысль Екатерины о томъ, чтобъ „Молдавію и Валахію оставить независимыми для будущей греческой имперіи подъ названіемъ Дакіи". Спустя нѣкоторое время, 7-го іюня того же года, Екатерина „съ твердостію и видомъ удовольствія" говорила Храповицкому, что „пусть турки идутъ, куда хотятъ; греки могутъ составить монархію для Константина Павловича", а однажды, въ 1789 году, сообщила ему, что, подѣливъ Турцію, можно дать „куски" Англіи, Франціи и Гишпаніи, „а остатка, — добавила она,—довольно для великаго князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison".

Намѣреніе государыни сдѣлать Константина греческимъ императоромъ мы встрѣтили и въ одномъ изъ писемъ ея къ князю Потемкину, отъ 10-го октября 1788 года [1]). Надобно полагать, что Потемкинъ въ это время предлагалъ Екатеринѣ возвести Константина на шведскій престолъ, а она въ отвѣтъ писала ему: „Константину не быть на сѣверѣ; естьли быть не можетъ на полуднѣ, то остаться ему гдѣ нынѣ. Константинъ со шведами не единаго закона".

Мечтая о возстановленіи для втораго своего внука греческой имперіи, Екатерина не торопилась, однако, осуществленіемъ этого плана и въ 1789 году говорила: „грековъ можно оживить; Константинъ — мальчикъ хорошъ, онъ черезъ 30 лѣтъ пріѣдетъ изъ Севастополя въ Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда ужъ будутъ сломаны, для него легче". Только подъ конецъ жизни, когда революціонныя потрясенія на западѣ Европы отвлекли вниманіе Екатерины отъ востока, она покинула свою излюбленную мечту о возстановленіи греческой имперіи. Мечту императрицы раздѣляли и близкіе къ ней люди. Такъ въ 1792 году, какъ пишетъ Храповицкій: „Суворовъ и Мордвиновъ спятъ и видятъ, чтобъ войски въ Царьградъ; турки тотчасъ убѣгутъ, тамъ останется 300,000 грековъ, и вотъ наслѣдство великаго князя Константина Павловича".

Въ свою очередь, и греки начинали смотрѣть на Константина Павловича, какъ на будущаго своего государя. Когда былъ убитъ суліо-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 586.

тами сынъ извѣстнаго Али-паши, то они отправили въ Петербургъ депутацію, которая должна была поднести это оружіе, какъ трофей, Константину Павловичу и выразить ему желаніе грековъ, чтобъ онъ занялъ престолъ Константина Палеолога. На рѣчь этой депутаціи маленькій Константинъ отвѣчалъ по гречески. Кромѣ того, въ бумагахъ его воспитателя, гр. Н. И. Салтыкова, сохранилось письмо, вложенное въ конвертъ, съ слѣдующею надписью: „Его высочеству, кротчайшему греческому самодержцу Константину III". Авторъ этого письма, Николай Пангалъ, выражая желаніе, чтобы Всевышній хранилъ великаго князя Константина въ вожделѣнномъ здравіи, писалъ: „Провидѣніе современемъ, при помощи стихіевъ, да поспѣшествуетъ, согласно сердечнымъ желаніямъ вашихъ слугъ, истребить тирана, несправедливо владѣющаго трономъ предка вашего Константина Великаго; да прославится симъ высочайшее имя вашего императорскаго высочества; къ тому Божьею помощію все приготовлено, все распоряжено; всѣ подъ варварскимъ игомъ стенающіе греки инымъ не дышутъ какъ истребленіемъ варвара и славою помазанника, нареченнаго свыше къ избавленію ихъ". Письмо это оканчивалось слѣдующими строками: „теперь настоитъ наиспособнѣйшее время къ истребленію врага православія и мучителя человѣчества и къ возвышенію на престолѣ Константина, тебя, кротчайшаго государя нашего". На письмѣ этомъ Екатерина сдѣлала надпись такого содержанія: „Нѣтъ ничего живѣе какъ греческое воображеніе; они мысленно видятъ и сіе имъ кажется сице существуетъ. Если письмо по почтѣ пришло, то на почтѣ и пропасть могло, и для того оставить можно яко неполученное; а естьли съ кѣмъ прислано, то словесно сказать, что содержаніе письма сего есть рановременное".

Къ которому, впрочемъ, времени относится это письмо, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ", того не видно.

Дѣлалась однако подготовка къ исполненію упомянутаго проекта: великій князь выросталъ на рукахъ грековъ и окруженный ими.

По случаю рожденія Константина Павловича была выбита медаль, указывавшая на будущее его назначеніе. На лицевой сторонѣ этой медали— величиною болѣе тогдашняго серебрянаго рубля, въ подписи: „Божіею милостію Екатерина II, императрица и самодержица всероссійская" помѣщено изображеніе государыни, вправо обращенное, въ малой коронѣ и лавровомъ вѣнкѣ. На оборотной сторонѣ медали между фигурами вѣры и надежды, помѣщена любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются свыше лучами. Вдали, направо, видѣнъ константинопольскій соборъ св. Софіи, налѣво на горизонтѣ море и выходящая звѣзда. Въ обрѣзѣ надпись; „Вел. кн.

НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА
27-го АПРѢЛЯ 1779 ГОДА.

СНИМОКЪ СЪ РѢДКОЙ МЕДАЛИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" ИЗДАНІЕ 1877 Г. ТОМЪ XIX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 20 АПРѢЛЯ 1877 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

Константинъ Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ апрѣля 27-го дня 1779 года".

Чтобъ приручить грековъ къ Россіи, въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ.

Екатерина заказывала художникамъ изобразить старшаго внука разсѣкающимъ гордіевъ узелъ; а младшаго, въ одеждѣ византійскихъ кесарей—осѣненнаго крестомъ изъ семи звѣздъ, который, по сказаніямъ, явился императору Константину Великому на небѣ, въ ночь передъ битвой его съ Максенціемъ на Мильвійскомъ мосту. Въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ Россію при Черномъ морѣ, на пути къ Константинополю, учреждались города съ громкими греческими названіями. Города эти какъ будто должны были служить переходною полосой между двумя сосѣдними имперіями—русской и греческой.

Сама императрица стала носить и ввела въ моду дамскій нарядъ, называвшійся „гречанкою".

Добавимъ къ этому, что мысль о возстановленіи для Константина Павловича престола византійскихъ императоровъ промелькнула еще разъ, спустя четверть столѣтія послѣ кончины императрицы Екатерины. Такъ, графъ Ростопчинъ въ письмѣ своемъ къ графу М. С. Воронцову, изъ Парижа, отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1821 г., приписывалъ императору Александру Павловичу намѣреніе овладѣть Константинополемъ, сдѣлать его столицею своего брата Константина, такъ чтобы русская императорская корона перешла къ великому князю Николаю Павловичу.

Наконецъ, даже въ 1830 году, въ бумагахъ польскаго генерала Князевича, найденъ былъ проектъ польской патріотической партіи о предоставленіи Константину Павловичу императорскаго греческаго престола, съ тѣмъ, чтобы, въ возмездіе за это, Польша получила политическую независимость въ своихъ давнихъ границахъ.

II.

Еще въ воспитаніи Павла Петровича Екатерина—молодая въ тѣ годы женщина—принимала дѣятельное участіе, давая педагогическія наставленія воспитателю великаго князя, гр. Н. И. Панину. Съ рожденіемъ же внуковъ, умудрившаяся жизнью и опытомъ, императрица считала себя еще болѣе, чѣмъ прежде, способною—быть первою высшею наставницею обоихъ будущихъ императоровъ, русскаго и греческаго. Императрица, поручивъ ихъ ближайшему и постоянному надзору генерала (въ послѣдствіи графа, а за тѣмъ и свѣтлѣйшаго князя) Николая Ивановича Салтыкова, сама взялась быть главною руководительницею ихъ

сановнаго воспитателя. Увлеченная идеями Локка и Жанъ-Жака Руссо, она начертала планъ воспитанія будущихъ вѣнценосцевъ съ самой ихъ колыбели, не разобравъ, впрочемъ, при помощи строгой и разносторонней критики, вопроса: до какой степени педагогическіе идеалы этихъ знаменитыхъ мыслителей могутъ быть примѣнимы даже и къ обыкновеннымъ смертнымъ, а тѣмъ болѣе къ ихъ императорскимъ высочествамъ и при томъ еще предназначеннымъ современемъ занять два славные въ цѣломъ мірѣ престола? Плодомъ размышленій государыни надъ мудреными задачами педагогіи была написанная ею и данная въ руководство Салтыкову инструкція, при точномъ соблюденіи которой должно было начаться воспитаніе великихъ князей Александра и Константина. Въ инструкціи этой высказывалось, между прочимъ, чтобы платье дѣтей было проще и легче; чтобы пища давалась имъ простая и буде захотятъ кушать между обѣдомъ и ужиномъ, то давать имъ кусокъ хлѣба; чтобъ они были чаще на свѣжемъ воздухѣ, оставались бы на вѣтру, чтобы въ комнатѣ у нихъ было не болѣе 13° и 14° по Реомюру; чтобъ они купались сколько хотятъ, спали не мягко, подъ легкими одѣялами, и не оставались бы праздными; чтобы въ игрѣ давалась имъ полная свобода, „безъ униманія малыхъ неисправностей“. Несомнѣнно, что всѣ эти наставленія по части физическаго воспитанія удовлетворяли какъ нельзя болѣе требованіямъ гигіены и эти наставленія въ отношеніи великаго князя Константина Павловича, быть можетъ, независимо отъ его здороваго сложенія, принесли ему большую пользу, такъ какъ онъ въ зрѣлыхъ годахъ отличался и крѣпкимъ здоровьемъ и замѣчательною физическою силою, которою онъ любилъ хвастаться и которую уважалъ въ другихъ.

Что касается нравственнаго и умственнаго воспитанія, то требованія относительно этого были заявлены на основаніи тогдашнихъ теоретическихъ воззрѣній, въ которыхъ смутные идеалы о совершенствѣ человѣка брали громадный перевѣсъ надъ условіями обыденной жизни. Такого рода неудобоисполнимыми требованіями была наполнена бо̀льшая часть инструкціи, написанной Екатериною, и по этой инструкціи внуки ея должны были бы явиться образцами совершенства среди человѣчества. Требованія были предъявлены слишкомъ высокія, а потому, конечно, и осуществленіе ихъ должно было представляться задачею слишкомъ трудною и даже, въ бо̀льшей части случаевъ, совершенно неисполнимою.

Болѣе положительныя требованія относительно нравственнаго воспитанія высказывались слѣдующія: стараться вселять въ дѣтяхъ человѣколюбіе и чувство состраданія ко всякой твари; о религіи отзы-

ваться при дѣтяхъ „не иначе какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ"; „пріучать ихъ къ безпрекословному повиновенію, да будетъ то, что̀ бабушка приказала, непрекословно исполнено, что̀ запретила—того отнюдь не дѣлать и чтобы казалось дѣтямъ столько же труднымъ нарушить то, сколько перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію"; „чего повелительнымъ голосомъ будутъ требовать—того не давать"; „отъучать отъ страха и пріучать къ учтивости".

Наконецъ, касательно обученія великихъ князей Александра и Константина Павловичей, преподаны были императрицею Салтыкову слѣдующія главныя наставленія:

Учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявятъ къ тому охоту, и не болѣе получаса сряду; за ученіе не бранить, но если учатся хорошо—похвалить. Языкамъ учить не иначе какъ въ разговорѣ. Обучать всему тому, что̀ тѣлу придаетъ поворотливость и силу. Въ заключеніе этихъ наставленій высказывалось слѣдующее: „Ученіе должно служить единственно къ отвращенію праздности". Учить музыкѣ и „поэзіи" не полагалось въ виду того, что посвященное на изученіе этихъ предметовъ время можетъ быть съ большею пользою употреблено на другія занятія.

Подъ дѣйствіемъ этихъ наставленій долженъ былъ начать развиваться и физически, и нравственно, и умственно, будущій византійскій императоръ Константинъ. Императрица написанной ею инструкціи для воспитанія своихъ внуковъ придавала чрезвычайно важное значеніе. Инструкція эта была переведена на всѣ европейскіе языки, а въ кабинетѣ государыни постоянно находилось нѣсколько тщательно переписанныхъ экземпляровъ инструкціи, которые она раздавала вельможамъ и посѣщавшимъ ее знатнымъ иностранцамъ.

О непосредственномъ блюстителѣ этой инструкціи, графѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ, нѣкоторые изъ его современниковъ отзываются какъ о человѣкѣ, отличавшемся добротою и религіознымъ чувствомъ, умомъ яснымъ и проницательнымъ, хотя это послѣднее качество относилось собственно только къ придворной жизни. При такихъ хорошихъ качествахъ, онъ былъ, однако, извѣстенъ своею скупостью и слабостью характера, такъ что не только всѣми его домашними, но въ тихомолку и служебными его дѣлами заправляла его бойкая и крутонравная сожительница [1]), имѣвшая на него громадное вліяніе. Кромѣ того, графа Салтыкова укоряли въ раболѣпствѣ „случайнымъ" людямъ, а также и въ томъ, что онъ чуждался лицъ, впавшихъ при дворѣ въ немилость.

---

[1]) О ней находятся свѣдѣнія въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 567, 568; 675—677.

Въ одной изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ, извѣстный литераторъ Воейковъ писалъ о Салтыковѣ слѣдующее: „Русскіе не умѣли цѣнить высокія качества души Салтыкова. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора". По записи Воейкова, добродѣтели его были слѣдующія: „вѣрный супругъ, нѣжный отецъ, честный гражданинъ, бережливый хозяинъ (но не скупецъ, не скряга, какъ думали многіе), щедрый на благодѣянія и—что важнѣе всего—посредникъ въ семейныхъ неудовольствіяхъ между державною матерью и царственнымъ сыномъ, благоразумный, хладнокровный, прекрасно исполнилъ свою щекотливую обязанность".

Неизвѣстно въ точности чѣмъ—собственно съ педагогической точки зрѣнія—руководилась императрица при выборѣ Салтыкова на должность первенствующаго воспитателя своихъ внуковъ, но, зная умѣніе императрицы выбирать обыкновенно людей способныхъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, какія на нихъ она возлагала, слѣдуетъ предположить, что Николай Ивановичъ Салтыковъ имѣлъ за собою необходимыя качества для того, чтобъ оправдать своимъ образомъ дѣйствій то важное назначеніе, какое было дано ему по волѣ императрицы.

Едва ли мы ошибемся если скажемъ, что главными достоинствами Салтыкова Екатерина считала бдительность и исполнительность. Еще въ 1773 году она назначила Николая Ивановича гофмаршаломъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, котораго и старалась сблизить съ нимъ. По поводу этого назначенія, императрица писала своему сыну, что Салтыковъ будетъ находиться при немъ какъ значительное лицо, не для того, чтобы придавать важность его выходамъ, но для того, чтобы „держать въ порядкѣ людей, ко двору великаго князя назначенныхъ". Разумѣется, что такого рода, собственно полицейскія, обязанности были слишкомъ далеки отъ той педагогической дѣятельности, которая выпала на долю Салтыкову. Въ этомъ же письмѣ къ сыну Екатерина отзывалась о Салтыковѣ, какъ о человѣкѣ, „исполненномъ честности и кротости", добавляя, что „вездѣ, гдѣ онъ служилъ, были имъ довольны".

Назначеніе Салтыкова воспитателемъ послѣдовало въ такомъ порядкѣ:

Въ 1783 году онъ находился за границею и туда, 1-го апрѣля, Екатерина писала ему: „Мнѣ теперь осталось ожидать благополучнаго возвращенія вашего, чтобъ приступить къ рѣшительнымъ распоряженіямъ, о коихъ я съ вами самолично объяснялась, по намѣренію моему ввѣрить вамъ наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей, моихъ внуковъ". Съ своей стороны, и в. к. Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на такое назначеніе Салтыкова, котораго называлъ

„любезнымъ другомъ", и радовался, услышавъ намѣреніе государыни „приставить" его къ великимъ князьямъ.

Быть можетъ, умѣнье Салтыкова быть посредникомъ между матерью и сыномъ — умѣніе, о которомъ говоритъ Воейковъ, и было главною причиною выбора Салтыкова, тѣмъ болѣе, что — какъ надобно было ожидать—воспитаніе великихъ князей сдѣлается предметомъ столкновеній и пререканій между ихъ родителями и бабушкою.

Императрица очень желала, чтобъ Салтыковъ поскорѣе вступилъ въ отправленіе возложенныхъ на него обязанностей. Отъ 22-го апрѣля 1783 года, она письменно просила его, чтобы онъ поспѣшилъ окончить свои дѣла такъ, чтобы къ осени быть въ Петербургѣ, потому что ему извѣстно уже намѣреніе ея поручить ему „главное надзираніе" при воспитаніи внуковъ, лѣта которыхъ требуютъ уже неотлагательнаго о томъ попеченія.

4-го сентября того же года императрица писала Салтыкову: „Николай Ивановичъ, вы меня всекрайнѣйше одолжите, буде немѣшкавъ возвратитесь сюда. Внуки мои лишились призрѣнія кончиною Софьи Ивановны Бенкендорфши. Время приспѣло ужъ отнять отъ нихъ женскій надзоръ".

Вернувшись по настоянію государыни изъ-за границы въ Петербургъ, Салтыковъ, въ исходѣ 1783 года, началъ завѣдывать воспитаніемъ Александра и Константина Павловичей.

Надобно впрочемъ замѣтить, что еще до порученія Салтыкову „главнаго надзиранія" надъ воспитаніемъ великихъ князей, онъ наблюдалъ за хозяйственною при нихъ частью и указомъ императрицы, подписаннымъ въ одинъ день съ манифестомъ о рожденіи Константина Павловича, въ распоряженіе Салтыкова повелѣно было отдавать 30,000 рублей, назначенныхъ ежегодно на содержаніе новорожденнаго великаго князя, изъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ статсъ-контору. Кромѣ этой суммы, указомъ, даннымъ статсъ-конторѣ, повелѣно было также отпускать ежегодно по 17,433 рубля на содержаніе экипажей великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

III.

Когда Константину шелъ пятый годъ отъ рожденія, онъ, въ 1783 г., поступилъ подъ ближайшій педагогическій надзоръ Лагарпа.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ—прозванный въ Россіи Петромъ Ивановичемъ—родился въ 1754 году въ Швейцаріи, въ Водузскомъ кантонѣ, и первоначально занимался адвокатурою; въ 1782 году онъ оставилъ

родину и пріѣхалъ въ Петербургъ, занявъ здѣсь мѣсто домашняго учителя. Вскорѣ однако, пользовавшійся въ то время особенною благосклонностію императрицы, генералъ-адъютантъ Ланской указалъ ей на Лагарпа какъ на личность вполнѣ способную занять должность воспитателя при ея внукахъ. Рекомендація Ланскаго была уважена и Лагарпъ сдѣлался наставникомъ обоихъ великихъ князей подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Салтыкова, которому онъ и представлялъ отчеты объ успѣхахъ и поведеніи своихъ питомцевъ. Такія біографическія свѣдѣнія сообщались о Лагарпѣ на основаніи прежнихъ о немъ источниковъ. Изъ напечатаннаго же въ „Русскомъ Архивѣ" извлеченія изъ его автобіографіи оказывается, что онъ, путешествуя съ какимъ-то русскимъ вельможею по Италіи, получилъ въ Римѣ отъ извѣстнаго ученаго барона Гримма приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ Екатерина обѣщала доставить ему занятія, куда онъ и прибылъ въ 1782 году. Военный чинъ, который онъ имѣлъ въ швейцарской службѣ, былъ утвержденъ за нимъ императрицею, и въ 1783 году онъ былъ назначенъ кавалеромъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ.

Разница въ лѣтахъ между старшимъ и младшимъ внуками императрицы была на одинъ годъ, семь мѣсяцевъ и двѣнадцать дней. Разница эта, болѣе или менѣе незамѣтная въ юношескихъ годахъ, была однако чрезвычайно чувствительна въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ находились тогда два брата. На разницу эту не было однако обращено особаго вниманія съ педагогической точки зрѣнія.

Хотя Екатерина и находила, что уже пришло старшему внуку время „перейти изъ присмотра, младенчеству сходственнаго, въ руководство, отроку приличное", но тѣмъ не менѣе постановила, что братъ его, по привычкѣ и горячей любви, будетъ неразлученъ со старшимъ братомъ, котораго примѣръ ему нуженъ и полезенъ". Такимъ образомъ оба брата должны были совмѣстно учиться у Лагарпа, а такая совмѣстность естественно должна была неблагопріятно отражаться на младшемъ изъ нихъ, даже при совершенномъ равенствѣ ихъ врожденныхъ способностей.

Первый изъ отчетовъ, представленныхъ Лагарпомъ Салтыкову, напечатанный въ „Русской Старинѣ" за 1870 годъ [1]), помѣченъ 20-мъ сентября 1786 года. Въ отчетѣ этомъ Лагарпъ, говоря, что великій князь Александръ внимателенъ и что онъ въ состояніи читать, хотя и неправильно, но по крайней мѣрѣ такъ, что его можно понять и что ему не достаетъ еще практики, пишетъ: „я желалъ бы сказать

---

[1]) См. третье изданіе «Русской Старины» 1870 г., томъ I, стр. 153—204.

то же самое и о великомъ князѣ Константинѣ, но живость и недостатокъ вниманія много помѣшали его успѣхамъ; онъ еще, такъ сказать, колеблется". Этотъ, сравнительно неблагопріятный, для Константина отзывъ не могъ, однако, по той причинѣ, о которой мы сказали выше, указывать на безусловную слабость способностей къ ученію младшаго брата въ сравненіи со способностями старшаго. Далѣе Лагарпъ сообщалъ, что великій князь Константинъ пишетъ иногда довольно скоро; если занимается со вниманіемъ, не затрудняется запомнить цѣлую фразу, такъ что придерживается звуковой орѳографіи. Ея,—скажемъ кстати,—держался онъ и всю жизнь, такъ что его и русская и французская письменность отличается значительными ошибками правописанія. Лагарпъ началъ учить великихъ князей и первымъ правиламъ ариѳметики, но и въ этомъ случаѣ Константинъ поотсталъ отъ старшаго брата, испытывая затрудненіе при выучкѣ на память таблицы умноженія и высказывая вообще отвращеніе отъ того, что̀ должно было остановить его вниманіе на нѣсколько минутъ сряду.

Въ томъ же, 1786 году, оба великіе князья не только что учились географіи, но успѣли даже пройти первый ея курсъ, который—какъ говоритъ въ своемъ отчетѣ Лагарпъ—далъ имъ самыя общія понятія о землѣ и познакомилъ ихъ съ главнѣйшими ея раздѣленіями. Лагарпъ, однако, не удовлетворился этимъ и, ознакомивъ своихъ учениковъ въ бо̀льшей подробности съ Россіею, перешелъ къ Польшѣ, Пруссіи, Швеціи, Даніи и Германіи. При этомъ онъ разсказывалъ имъ о возникновеніи различныхъ государствъ и о началѣ династій царствующихъ государей, упоминалъ о знаменитыхъ людяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ, ограничиваясь только самыми общими замѣчаніями и вдаваясь въ подробности лишь тогда, когда вызывало его на это любопытство его питомцевъ.

Не удовольствовался, однако, Лагарпъ и географіей, и принялся обучать своихъ питомцевъ исторіи Греціи и Рима, причемъ, по словамъ его, молодость и живость великаго князя Константина не дозволила ему, Лагарпу, вдаваться въ бо̀льшія подробности, такъ что и по этому предмету младшій братъ значительно отсталъ отъ старшаго.

О томъ, съ какою постепенностію подвигалось впередъ обученіе внуковъ Екатерины, можно до нѣкоторой степени судить по другому отчету, представленному Лагарпомъ Салтыкову 31-го марта 1789 года. Не смотря на раздѣлявшій оба отчета почти трехлѣтній промежутокъ, успѣхи великаго князя Константина мало подвинулись впередъ: онъ, и по прошествіи этого времени, при чтеніи останавливался и ошибался, и читалъ внятно только тогда, когда бывалъ спокоенъ и внимателенъ, что̀ съ нимъ случалось, впрочемъ, весьма рѣдко. Кромѣ того, у него

обнаружился физическій недостатокъ—онъ сталъ заикаться. Ко времени представленія втораго отчета ученики Лагарпа начали третій курсъ географіи, а по исторіи приблизились: по древней къ IV вѣку до Рождества Христова, а по новой—до 1630 года. Кромѣ занятій на урокахъ, они читали исторію аббата Милота, сочиненіе аббата Верто „Революціи въ Римѣ", выдержки изъ сочиненій: Жилле „Исторія Греціи", Фергюсона „О возвышеніи и упадкѣ Римской имперіи" и Гиббона „Объ упадкѣ Римской имперіи", сообразуясь при такомъ чтеніи съ историческимъ курсомъ Кондильяка. Сверхъ того Лагарпъ знакомилъ ихъ съ отрывками изъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Тита Ливія и другихъ древнихъ классическихъ историковъ. Не были забыты Демосфенъ и Цицеронъ, въ переводахъ аббата Ожье. Вообще, судя по отчетамъ Лагарпа, надобно полагать, что у него исторія была главнымъ предметомъ преподаванія, при чемъ онъ обращалъ вниманіе только на нравственную сторону, такъ что преподаваніе его имѣло видъ курса нравственности, основаннаго на историческихъ фактахъ. Слѣдуя такой системѣ, Лагарпъ держался взгляда самой Екатерины на значеніе исторіи, какъ одного изъ предметовъ изученія. По поводу вопроса о преподаваніи исторіи императрица писала: „исторія есть описаніе дѣйствій и ихъ дѣяній, она учитъ добро творить и отъ дурнаго остерегаться". Съ своей стороны, Лагарпъ, убѣжденный въ томъ, что общественный дѣятель долженъ искать въ исторіи не безплодные разсказы о битвахъ или событіяхъ—видимыя послѣдствія которыхъ не шли далѣе ихъ вѣка, а нѣчто другое,—слегка касался древностей греческихъ и римскихъ, стараясь, въ замѣнъ ихъ, ознакомить своихъ учениковъ съ замѣчательными историческими событіями и въ особенности съ тѣми выходящими изъ ряда людьми, добродѣтели которыхъ, достойныя дѣла или ошибки должны служить главнымъ наставленіемъ для призванныхъ играть роль на театрѣ свѣта. Лагарпъ былъ преисполненъ республиканскихъ правилъ и, преподавая великимъ князьямъ древнюю и новую исторію, старался объяснять и оправдывать внушаемыя имъ принципы такими примѣрами, которые всего бы лучше могли подѣйствовать на здравый смыслъ и сердце его учениковъ.

Ко времени представленія Лагарпомъ графу Салтыкову втораго упомянутаго нами отчета, великіе князья по ариѳметикѣ не пошли далѣе пропорцій. Въ геометріи не оказывали они особыхъ успѣховъ и медленность ихъ по обоимъ этимъ предметамъ Лагарпъ объяснялъ живостію и рѣзвостью Константина. И въ эту пору Константинъ, имѣвшій уже десять лѣтъ, не могъ еще читать безошибочно. Неуспѣхи Константина, въ виду врожденныхъ его способностей, Лагарпъ приписывалъ тому, что онъ весьма рѣдко или, вѣрнѣе сказать, никогда не упраж-

няетъ своихъ способностей внѣ классного времени. Имѣя возможность пренебрегать вовсе той малой работой, которая задается ему время отъ времени, или исполнять ее—когда и какъ ему заблагоразсудится, онъ и теперь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, постоянно былъ занятъ только „своими ружьями, знаменами и алебардами и думаетъ только объ играхъ въ солдатики, какъ во время, такъ и послѣ урока".

Дальнѣйшіе отчеты Лагарпа Салтыкову объ учебныхъ занятіяхъ Константина Павловича продолжались въ томъ же тонѣ, въ какомъ были писаны прежніе.

Въ рукописномъ отчетѣ Лагарпа отъ 22-го декабря 1791 года, находящемся въ обширномъ собраніи рукописей, принадлежащихъ редакціи „Русской Старины", Лагарпъ упоминаетъ, что великій князь Константинъ при чтеніи запинался такъ, какъ не слѣдовало бы ожидать въ его возрастѣ; что съ нимъ необходимо повторять пройденное; что онъ не можетъ имѣть яснаго пониманія при занятіяхъ алгеброю, такъ какъ при этомъ дѣлаетъ скачки. Лагарпъ находилъ нужнымъ, чтобы Константинъ въ слѣдующемъ, 1792 году, сдѣлалъ бо́льшіе успѣхи, нежели въ предъидущемъ, и заключилъ свой отчетъ о немъ слѣдующимъ отзывомъ: „у него превосходное сердце; у него есть дарованія и находчивость, но онъ не считаетъ себя еще обязаннымъ дѣлать изъ этихъ качествъ какое либо употребленіе. Онъ представляетъ изъ себя ребенка, которому позволительно еще заниматься игрушками, и желаетъ, чтобъ съ нимъ занимались ими и другіе. Отъ этого происходитъ, что онъ очень часто, при видѣ своихъ игрушекъ, забываетъ то, что́ онъ худо исполнилъ во время уроковъ и что̀, поэтому, онъ долженъ былъ сдѣлать послѣ нихъ". Вообще Лагарпъ замѣчаетъ, что в. кн. Константинъ, для своего возраста, т. е. для 12-ти лѣтъ, слишкомъ много отсталъ, если принять въ соображеніе тѣ заботы, которыми окружаютъ его. Въ виду всего этого, Лагарпъ предлагалъ Салтыкову принять противъ Константина нѣкоторыя мѣры, которыя заставили бы его учиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1794 года, Лагарпъ представилъ Салтыкову снова отчетъ, или вѣрнѣе сказать, скорбный листъ объ ученіи Константина. По словамъ Лагарпа, успѣхи великаго князя были такъ незначительны, что представляли ровно нуль; что уроки, которые должны были начинаться въ 8 часовъ, начинались только въ 9 часовъ утра и очень часто еще позже; что учебныя его занятія оканчиваются къ 11-ти часамъ, а иногда и въ $10^1/_2$. „Если бы еще это короткое время,—писалъ Лагарпъ,—было хорошо употреблено, то я не говорилъ бы ничего противъ непродолжительности уроковъ, но тѣ перерывы, которые допускаются сверхъ того, производятъ чрезвычайно вредное вліяніе".

Ученикъ оказывался крайне лѣнивымъ и находилъ разные предлоги чтобы выбѣгать изъ учебной комнаты и слишкомъ долго завтракалъ во время перерыва уроковъ. Во время же ихъ онъ слѣдилъ постоянно за часовою стрѣлкою и какъ только она показывала $10^1/_2$ часовъ, онъ радостно сообщалъ объ этомъ Лагарпу, и если наставникъ не обращалъ на это вниманія, то ученикъ находилъ разные предлоги для прекращенія классныхъ занятій. Занятія эти становились такъ рѣдки, что, напримѣръ, Лагарпъ въ теченіе цѣлаго апрѣля мѣсяца 1794 года могъ дать Константину только четыре урока. Лагарпъ писалъ, что онъ не знаетъ на что именно употребляетъ великій князь свободное время; можетъ только сказать, что онъ занимается въ это время „ружейными пріемами“, ходитъ изъ угла въ уголъ или болтаетъ съ кѣмъ нибудь, не заботясь о томъ, какъ онъ себя держитъ и что̀ говоритъ. Лагарпъ надѣялся-было, что Константинъ, сознавъ пользу и необходимость ученія, станетъ заниматься какъ слѣдуетъ, но наконецъ наставнику пришлось разочароваться въ этихъ надеждахъ и онъ писалъ Салтыкову, что хотя великій князь и прежде не очень любилъ учиться, но въ послѣдній годъ у него проявилось сильное отвращеніе ко всему, что̀ имѣетъ видъ учебныхъ занятій, по всѣмъ предметамъ, безъ всякаго исключенія. Ростопчинъ въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову наклонность великаго князя Константина къ ружейнымъ пріемамъ объяснялъ тѣмъ, что изъ него хотѣли сдѣлать воина, и сообщалъ, что въ распоряженіе его даны 15 человѣкъ гренадеровъ, которыхъ помѣстили въ Царскомъ Селѣ и которыми онъ занимался цѣлые дни, что къ такимъ занятіямъ направлялъ его отецъ, очень недовольный тою утонченностію, съ какою обращалась императрица съ старшимъ братомъ Константина Павловича.

Въ виду всего этого, Лагарпъ прямо заявлялъ, что онъ признаетъ безполезность занятій съ Константиномъ, и просилъ увольненія отъ такихъ занятій, желая предупредить ту минуту, когда онъ, Лагарпъ, будетъ въ тягость, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ когда прекратятся его номинальныя обязанности, такъ какъ дѣйствительныя его обязанности уже прекратились.

По мѣрѣ того какъ подрастали великіе князья, императрица давала имъ другихъ наставниковъ. Съ 1785 года протоіерей Самборскій былъ назначенъ законоучителемъ великаго князя Константина, а такъ какъ онъ, состоя долгое время при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, изучилъ тамъ отлично англійскій языкъ, то ему же поручено было преподавать этотъ языкъ Константину Павловичу. Въ исходѣ 1789 г. великіе князья начали учиться у академика Крафта экспериментальной физикѣ, а въ 1791 году—натуральной исторіи у пользовавшагося

большою славою за свою ученость академика Палласа, съ которымъ они дѣлали ботаническія экскурсіи въ Павловскѣ. Математикѣ и военнымъ наукамъ ихъ сталъ обучать полковникъ Массонъ и извѣстный въ ту пору преподаватель штыкъ-юнкеръ Войтяховскій; изданная имъ ариѳметика долгое время была единственнымъ руководствомъ во всѣхъ нашихъ училищахъ. Греческому языку обучалъ Константина Бальдани, родомъ изъ Ѳессаліи, человѣкъ замѣчательно образованный.

Неизвѣстно, какіе успѣхи оказывалъ Константинъ у этихъ преподавателей; сохранились только краткія извѣстія о томъ, что великимъ князьямъ по временамъ производились экзамены въ присутствіи ихъ бабушки, отца и нѣкоторыхъ вельможъ. При этомъ великій князь Павелъ Петровичъ обращалъ преимущественное вниманіе на успѣхи своихъ сыновей по математикѣ и оказывалъ особенное расположеніе преподавателю этого предмета Войтяховскому, котораго онъ, по восшествіи своемъ на престолъ, наградилъ съ свойственною ему необыкновенною щедростью. Съ своей стороны, Массонъ упоминаетъ о неудовлетворительности воспитанія Константина, осуждаетъ небрежность его наставниковъ и изъ нихъ отзывается съ похвалою только о Лагарпѣ, обоихъ Муравьевыхъ и Тутолминѣ.

Лично Екатерина была вполнѣ довольна занятіями Лагарпа и какъ нельзя болѣе цѣнила его нравственныя достоинства и педагогическія способности. Во время своего путешествія въ Крымъ, Екатерина показывала сопровождавшему ее англійскому посланнику Фицъ-Герберту роспись ученія великихъ князей, составленную Лагарпомъ. Она и Фицъ-Гербертъ находили, что роспись эта такъ хороша, что другой лучшей нельзя и составить. Событія, происходившія во Франціи, давали однако недоброжелателямъ Лагарпа достаточно поводовъ для того, чтобы подрывать довѣренность къ нему императрицы. Такъ какъ Водуэскій кантонъ былъ подвластенъ Бернскому кантону и Лагарпъ протестовалъ противъ такого политическаго положенія своей родины, то въ Бернѣ составилась противъ него сильная партія. Нѣсколько дружескихъ писемъ Лагарпа къ его двоюродному брату, генералу французской республиканской службы, были перехвачены бернцами и представлены императрицѣ, которая, впрочемъ, отозвалась на этотъ разъ самымъ сочувственнымъ образомъ о воспитателѣ своихъ внуковъ. Но интриги противъ него не унимались и враги его, во главѣ которыхъ былъ состоявшій въ русской службѣ принцъ Нассау и представитель королевской Франціи въ Петербургѣ, графъ Эстергази, наконецъ достигли того, что императрица рѣшилась, въ 1795 году, удалить Лагарпа. Впрочемъ, къ этому времени занятія его, какъ наставника и воспитателя великихъ князей, были уже кончены, такъ какъ стар-

шій изъ нихъ, наслѣдникъ престола, не смотря на то, что ему было только шестнадцать лѣтъ, вступилъ еще 28-го сентября 1793 года въ бракъ съ великою княжною Елисаветою Алексѣевною, а въ 1795 году, когда исполнилось Константину шестнадцать лѣтъ, императрица начала заботиться и объ его женитьбѣ.

Вліяніе Лагарпа, какъ обыкновенно полагаютъ, чрезвычайно сильно отразилось на старшемъ его воспитанникѣ, который, изучивъ подъ его руководствомъ государственные порядки въ западной Европѣ и подъ вліяніемъ республиканскаго духа своего наставника, мечталъ въ молодые годы и о введеніи въ Россіи иныхъ условій государственнаго строя. Но вліяніе такого направленія не было вовсе замѣтно на младшемъ питомцѣ Лагарпа—Константинѣ. Оба они однако, въ особенности Александръ Павловичъ, оказывали въ послѣдствіи постоянное уваженіе Лагарпу, жившему по отъѣздѣ изъ Россіи въ Швейцаріи и умершему тамъ въ 1838 году, въ чинѣ полковника русской службы, утвержденномъ за нимъ Екатериною II, и кавалеромъ ордена св. Андрея, который пожаловалъ ему императоръ Александръ Павловичъ.

IV.

Въ дѣтскіе годы великій князь Константинъ Павловичъ, какъ намъ уже пришлось замѣтить, отличался, по отзыву Лагарпа, живостію характера, рѣзвостью и недостаткомъ вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ превосходное сердце, много прямоты, находивость и высказывалъ природныя дарованія. „Эти счастливые задатки,—писалъ въ своемъ отчетѣ Лагарпъ,—даютъ, конечно, блестящія надежды, но напрасно было бы льстить себя ожиданіемъ осуществленія ихъ, если не удастся обуздать въ немъ избытокъ живости, пріучить сосредоточивать его вниманіе на извѣстномъ предметѣ и побѣдить его упрямство“.

Далѣе Лагарпъ сообщалъ графу Салтыкову, что рѣдко можно встрѣтить дѣтей до такой степени живыхъ, какъ великій князь Константинъ. У него не было ни одной минуты покоя, онъ былъ всегда въ движеніи, не замѣчая куда онъ идетъ и куда ставитъ ногу и, по словамъ Лагарпа, онъ непремѣнно выпрыгнулъ бы изъ окна, если бы не слѣдили за нимъ. Минуты, въ которыя можно было сосредоточить на чемъ нибудь его вниманіе, выдавались очень рѣдко и, въ виду этого, Лагарпъ не удивлялся, что Константинъ забывалъ по мѣрѣ того, какъ выучивалъ. Лагарпъ предсказывалъ, что младшій изъ его питомцевъ никогда не будетъ имѣть памяти, если онъ не сдѣлается болѣе внимательнымъ, но предсказаніе это не сбылось, такъ какъ Константинъ Павловичъ отличался превосходною памятью. Невниманіе же его въ

дѣтствѣ было такъ велико, что онъ безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому и интересовался только разнообразіемъ и быстротой перемѣнъ въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ окружающими его предметами. Кромѣ того, по наблюденію Лагарпа, въ немъ каждодневно замѣчалось колебаніе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ, и его вѣтреность должна была внушать опасеніе за его будущій характеръ. Этого слѣдовало ожидать въ виду того, что маленькій Константинъ отличался капризами, нетерпѣніемъ и упрямствомъ; что вспышки раздраженія проявлялись у него часто и неожиданно и сопровождались такими припадками злобы, что ихъ нельзя было оставлять безъ вниманія. Онъ часто поступалъ наперекоръ своему наставнику; прямо отказывался исполнять его приказанія; бросалъ книги, бумагу и перья на полъ, стиралъ ариѳметическія задачи, написанныя на его черномъ столѣ, и эти проявленія непослушанія сопровождались гнѣвными движеніями и сильною яростью. Лагарпъ старался пересилить упрямство и злобу ребенка, хладнокровно настаивая на однажды отданномъ ему приказаніи, не смотря на крики и плачъ маленькаго грубіана-упрямца.

Дѣйствуя съ крайнимъ терпѣніемъ, Лагарпъ сообщилъ однако Салтыкову, что хладнокровіемъ и терпѣніемъ можно только затянуть дѣло, которое между тѣмъ требуетъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, и находилъ, что нужно прибѣгнуть къ средствамъ, способнымъ побѣдить упрямство великаго князя. Лагарпъ убѣдился наконецъ, что лаской и снисходительностію съ нимъ ничего подѣлать нельзя и что нужно дать ему почувствовать съ самаго ранняго возраста существующую надъ нимъ власть, которой нельзя было бы ослушаться безнаказанно. Лагарпъ не опредѣлялъ самъ рода наказаній, которыми можно было бы обуздать непокорнаго питомца, онъ только заявлялъ, впрочемъ весьма настоятельно, что безъ нихъ въ отношеніи къ Константину обойтись нельзя, тогда какъ они вовсе не нужны въ отношеніи къ Александру, отличавшемуся „тактомъ".

Въ свою очередь и бабушка-императрица видѣла большую разницу въ наклонностяхъ и въ характерѣ своихъ внуковъ. Любимцемъ ея былъ Александръ. Во время своего путешествія въ Крымъ, въ 1787 году, она переписывалась съ ними обоими и вела постоянную о нихъ корреспонденцію съ Салтыковымъ. Въ одной изъ этихъ корреспонденцій, отъ 9-го января 1787 года, она писала ему: „Константину скажите мое сожалѣніе, что онъ такъ долго страдаетъ скучною сыпью; во всемъ онъ проворенъ, но съ нею раздѣлаться не умѣетъ". Въ другомъ письмѣ къ Салтыкову, она, оставшись довольна длиннымъ письмомъ къ ней Константина, писала: „для меня онъ труда не жалѣетъ, прошу

кланяться ему и другу моему Александру; сей вездѣ и повсюду всегда одинаковъ, да и единствененъ", добавляя при этомъ, что въ Александрѣ „скромность и модестія чрезвычайныя". Вообще между обоими братьями существовала не только физическая и психическая разница, но и разница въ будущемъ положеніи ихъ обоихъ. А. Ѳ. Воейковъ, въ рукописныхъ своихъ замѣткахъ, разсказываетъ, что однажды Салтыковъ, дѣлая замѣчаніе Константину Павловичу, поставилъ ему въ примѣръ подражанія его старшаго брата. „Онъ царь, а я солдатъ; что мнѣ перенимать у него?" отвѣчалъ Константинъ на это внушеніе со стороны своего воспитателя. Въ 1791 году, передавая Храповицкому годовой отчетъ Салтыкова о воспитаніи великихъ князей, императрица Екатерина сказала ему: „Александръ Павловичъ сколько ростомъ, столько же и остротою превзошелъ Константина Павловича, который и въ ростѣ и въ ученіи отъ него отсталъ". Замѣтимъ кстати, что въ послѣдствіи Костантинъ былъ ростомъ ниже всѣхъ своихъ братьевъ, а изъ нихъ императоръ Николай Павловичъ былъ выше его цѣлою головою.

Константинъ, подъ надзоромъ Салтыкова и Лагарпа, не исправлялся, и этотъ послѣдній, пробывъ при немъ слишкомъ шесть лѣтъ, потерялъ всякую надежду передѣлать его безъ употребленія строгихъ мѣръ.

„Я нашелъ въ великомъ князѣ Константинѣ,—писалъ Лагарпъ Салтыкову въ сентябрѣ 1789 года,—задатки тѣхъ добродѣтелей и талантовъ, которые проглядываютъ въ великихъ людяхъ; но замѣченные мною въ то же время недостатки—такого свойства, что мѣшаютъ развитію этихъ счастливыхъ задатковъ. Главнымъ недостаткомъ я считаю нерадивость и упрямство, которое перерождается въ неодолимое упорство". Далѣе Лагарпъ сообщалъ Салтыкову, что у Константина припадки вспыльчивости проявляются такъ быстро, что „предупредить ихъ весьма трудно и даже вовсе не возможно".

Изъ письма Лагарпа, между прочимъ, оказывалось, что Константинъ, 15-го сентября 1789 года, сдѣлалъ надъ своимъ наставникомъ рѣшительный экспериментъ. Великій князь два часа сряду употреблялъ во зло терпѣніе хладнокровнаго педагога, не желая исполнить такую работу, которая могла быть окончена въ пять минутъ. Когда же Лагарпъ, по поводу того, пожаловался Салтыкову, то Константинъ, въ отместку за полученный имъ выговоръ, „въ припадкѣ бѣшенства укусилъ Лагарпу руку", [см. „Русскую Старину" изд. 1870 г., изд. третье, т. I. 198].

По этому случаю Лагарпъ въ письмѣ своемъ разсуждаетъ такъ:

„Упорство, гнѣвъ и насиліе побѣждаются въ частномъ человѣкѣ общественнымъ воспитаніемъ, столкновеніемъ съ другими людьми, си-

лою общественнаго мнѣнія, въ особенности законами, такъ что общество не будетъ потрясено взрывами его страстей; членъ же царской семьи находится въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ: высокое положеніе его въ обществѣ лишаетъ его высшихъ, равныхъ и друзей; онъ чаще всего въ окружающихъ его встрѣчаетъ толпу, созданную для него и подчиненную его капризу. Привыкая дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ не замѣчаетъ даже наносимыхъ имъ смертельныхъ обидъ и убѣжденъ въ томъ, что оскорбленія со стороны лицъ, подобныхъ ему, забываются обиженными; онъ не знаетъ, что молчаніе угнетаемыхъ представляетъ еще весьма сомнительный признакъ забвенія обидъ и что, подобно молніи, которая блеснетъ и нанесетъ смертельный ударъ въ одно мгновеніе—месть оскорбленныхъ людей такъ же быстра, жестока и неумолима". (Р. С. 1870 г. т. I, 198.)

Въ виду всего этого и указывая на жестокость въ дѣтствѣ Домиціана и Нерона, Лагарпъ настаивалъ на рѣшительныхъ мѣрахъ противъ Константина. „Далѣе откладывать уже невозможно,—писалъ онъ,—потому что послѣ десяти лѣтъ характеръ ребенка получаетъ опредѣленный складъ, и надобно опасаться, чтобы привычки, пріобрѣтаемыя въ это время, не повліяли на человѣка до конца жизни. Лагарпъ требовалъ введенія въ систему воспитанія Константина строгихъ наказаній, предлагая, чтобы, кромѣ уроковъ, ему въ теченіе времени отъ четырехъ до пятнадцати дней не позволяли бы никакого занятія, которое могло бы развлечь его или разсѣять его скуку.

Разница въ нравственномъ развитіи обоихъ братьевъ, подраставшихъ, по видимому, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, можетъ быть объяснена тѣмъ, что Екатерина сосредоточивала всѣ свои симпатіи и заботы на старшемъ внукѣ, такъ какъ въ понятіяхъ ея объ ихъ воспитаніи Константинъ отодвигался на задній планъ, и такая неравномѣрность ея заботъ должна была различно отразиться на обоихъ братьяхъ.

Извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ передаетъ въ своихъ „Запискахъ", что однажды великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ: „не смѣю обвинять отца и не могу, однако, не сказать, что императрица Екатерина, обративъ все свое вниманіе на брата Александра, вовсе не занималась мною". Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ каждомъ изъ этихъ братьевъ проявлялось не столько первоначальное ихъ воспитаніе, сколько природныя несходныя въ каждомъ изъ нихъ черты характера: очевидно было, что Александръ наслѣдовалъ по природѣ качества матери, а Константинъ свойства отца.

Для болѣе точнаго объясненія причинъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которыми отличался Константинъ, не лишнимъ будетъ

остановиться на выборѣ лицъ, ближайшимъ образомъ окружавшихъ его въ дѣтствѣ. Когда, въ 1783 году, великіе князья, послѣ смерти первой ихъ воспитательницы Софіи Ивановны Бенкендорфъ, рожденной Левенштернъ, поступили подъ „главное надзираніе“ Салтыкова, то ближайшее наблюденіе за младшимъ изъ нихъ поручено было барону, въ послѣдствіи графу, Карлу Ивановичу Остенъ-Сакену, котораго Ростопчинъ, въ письмахъ къ графу С. Р. Воронцову, называлъ „дуракомъ, интриганомъ и завистникомъ“ и который—по отзыву Массона—хотя и былъ во всѣхъ отношеніяхъ выше генерала Протасова, назначеннаго для исполненія такихъ же обязанностей при Александрѣ, но, по своей мягкости, снисходительности и недостатку характера, не могъ внушить къ себѣ уваженія со стороны своего питомца. Нельзя не согласиться, что, при такихъ качествахъ, Остенъ-Сакенъ не могъ быть надежнымъ воспитателемъ разнузданнаго до крайности мальчика, который и не замедлилъ воспользоваться мягкосердіемъ своего педагога, позволяя себѣ передъ нимъ самыя рѣзкія выходки. Будучи уже женихомъ, Константинъ Павловичъ, бесѣдуя съ матерью своей невѣсты, говорилъ ей въ присутствіи генерала Будберга, указывая на него: „я ужасно боюсь его и только одного его и боялся, а съ Сакеномъ дѣлалъ чтó хотѣлъ“.

Будбергъ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ чести состоять при его высочествѣ.

— Это правда, но вѣдь за вами посылали, когда мнѣ нужно было дать головомойку.

До чего доходило своеволіе питомца съ своимъ воспитателемъ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа Массона [1]).

Однажды Остенъ-Сакенъ заставлялъ великаго князя читать.

— Не хочу читать,—говорилъ Константинъ,—и не хочу потому именно, что вижу, какъ вы, постоянно читая, глупѣете день-ото-дня.

Такая выходка не только осталась безъ всякаго взысканія и даже замѣчанія, но еще вызвала веселый смѣхъ и одобреніе остроумію и находчивости мальчика—одобреніе, разумѣется, льстившее его дѣтскому самолюбію.

Сообщая объ этомъ случаѣ, Массонъ отзывался о Константинѣ такъ: „безоглядность замѣняетъ у великаго князя Константина умъ, и выходками онъ замѣняетъ популярность. Въ немъ были однако задатки ума и сердца, которыми пренебрегали его первые воспитатели и которые тщетно хотѣлъ развить Лагарпъ. Онъ храбръ, щедръ и любитъ оказывать услуги друзьямъ. Его дѣятельность неутомима и

---

[1]) См. Записки Массона въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XV, стр. 548—585.

онъ отличается откровенностію — этимъ рѣдкимъ качествомъ высокопоставленныхъ особъ". Не такъ однако отзывался въ то же время о Константинѣ гр. Ростопчинъ. Онъ въ 1795 году писалъ С. Р. Воронцову, что великій князь воспріимчивъ, живъ, воинственненъ въ душѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно вспыльчивъ и въ этомъ отношеніи характеръ его проявляетъ сходство съ отцомъ. Онъ, по словамъ Ростопчина, не сдерживаетъ свою мысль, никогда не слушается и имѣетъ замашки шалуна. Нѣсколько позднѣе, въ 1796 году, Ростопчинъ еще болѣе неодобрительно отзывался о наклонностяхъ в. кн. Константина Павловича. „Съ каждымъ днемъ,—замѣчаетъ Ростопчинъ,—онъ обнаруживаетъ все болѣе и болѣе не добрыхъ качествъ и обѣщаетъ уподобиться Петру Жестокому [1]) и Діонисію Сиракузскому. Въ маскарадѣ, данномъ по случаю его брака, онъ позволялъ себѣ выходки и дерзости, а во дворцѣ, назначенномъ для его жительства послѣ свадьбы, отвелъ холодную комнату для того, чтобы сажать туда подъ арестъ своихъ неисправныхъ придворныхъ кавалеровъ". (см. „Архивъ кн. Воронцова", Москва, изд. 1875 г. томъ VIII.)

Даже великій князь Александръ Павловичъ, чрезвычайно любившій Константина, и тотъ, отъ 21-го февраля 1796 года, писалъ о немъ Лагарпу: „онъ меня часто огорчаетъ, онъ теперь горячъ болѣе чѣмъ когда нибудь, весьма своеволенъ и часто прихоти его не согласуются съ здравымъ разсудкомъ. Военное ремесло вскружило ему голову и онъ иногда жестоко обращается съ солдатами своей роты, которую онъ образовалъ и начало которой вы видѣли". (Сборн. Им. Р. Истор. Об.).

Впрочемъ, не одинъ Сакенъ, но и всѣ окружавшіе Константина и вообще всѣ придворные за-частую испытывали на себѣ безцеремонное обращеніе съ ними втораго внука Великой Екатерины. Графъ Сегюръ въ „Запискахъ" своихъ разсказываетъ, что на одномъ изъ бывшихъ у императрицы вечернихъ собраній, отличавшихся, какъ извѣстно, при полной свободѣ обращенія, чрезвычайною вѣжливостію и утонченнымъ обхожденіемъ, Константинъ Павловичъ, бывши уже взрослымъ мальчикомъ, вздумалъ бороться съ графомъ Штакельбергомъ. Пользуясь своею физическою силою, онъ обошелся съ этимъ старикомъ слишкомъ немилосердно: грохнулъ его на полъ и сломалъ ему руку.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, въ 1796 году, шведскаго короля Густава IV, Константинъ Павловичъ при всякомъ случаѣ позволялъ себѣ самыя странныя выходки.....

Въ это время неудовольствіе императрицы противъ Константина

[1]) Королю аррагонскому.

Павловича было чрезвычайно сильно. Въ письмѣ къ графу Н. И. Салтыкову, отъ 29-го августа 1796 года, она писала, что хотѣла переговорить съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, „дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу .... и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется". Между тѣмъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ, а императрица находила, что „нужно унять" внука сколь возможно скорѣе, почему и поручила Салтыкову сказать ему отъ ея имени, чтобы онъ „воздержался впередъ отъ злословія, сквернословія .... буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобы она сдѣлала надъ нимъ примѣръ". „Мнѣ извѣстно,—писала императрица,—безчинное,—и непристойное его поведеніе въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мущину, ни женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося и васъ и жену вашу". Вѣроятно, въ этомъ случаѣ — неизвѣстно, впрочемъ, въ какомъ именно,—великій князь уже слишкомъ сильно расходился, такъ какъ его—по словамъ императрицы—„не токмо многіе изъ нашихъ, но и шведы безъ соблазна, и содроганія—слушать не могли. Сверхъ того, — продолжала разгнѣванная бабушка, — онъ со всякою подлостію вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойной фамиліарностію, что я того и смотрю, ... къ стыду и крайней непріятности". Въ заключеніе письма императрица приказывала Салтыкову напомнить Константину Павловичу, чтобы исправился и не заставилъ ее принять противу него строгія мѣры. На первый разъ онъ былъ за все это посаженъ императрицею подъ арестъ, и тотчасъ же послѣ этого наказанія смирился и захворалъ. (См. Сборникъ Императорскаго Русск. Историч. Общества.)

Великая княгиня Марія Өеодоровна, въ письмѣ къ мужу отъ 5-го сентября 1796 года, писала: „императрица говорила мнѣ о Константинѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и раскаивается. Она надѣется, что это послужитъ ему урокомъ на всю жизнь, но что надобно дѣйствовать всѣмъ за одно для исправленія его недостатковъ". Въ концѣ письма великая княгиня прибавляла: „У Константина лихорадка; императрица говоритъ, что это у него отъ страха".

Доводя безцеремонность своего обращенія со всѣми до послѣдней крайности, Константинъ Павловичъ, однако, не только побаивался князя Зубова, но и угождалъ ему. Зубовъ впрочемъ пользовался благосклонностію не одного только Константина, но и Александра. Герцогиня Кобургская писала, между прочимъ, своему мужу: „только съ однимъ Зубовымъ они (великіе князья) въ близкихъ отношеніяхъ и уклоненіе ихъ отъ прочихъ придворныхъ,—добавляла не совсѣмъ кстати

ея свѣтлость,—помогаетъ имъ соблюсти чистоту душевную". Въ другомъ письмѣ къ мужу герцогиня сообщала: „князь Зубовъ другъ и довѣренный великихъ князей, они могутъ расчитывать на его доброе расположеніе и услугу. Теперь Константинъ постоянно ходитъ съ нимъ рука объ руку".

Не смотря на неудачное воспитаніе Константина, императрица чрезвычайно цѣнила заслуги Салтыкова по педагогической части. 21-го мая 1788 года, въ день имянинъ Константина, она пожаловала его воспитателю орденъ св. Владиміра 1-й степени большаго креста, за усердную службу и ревностные труды, подъемлемые при воспитаніи ея внуковъ. „Такою наградою императрица,—по выраженію рескрипта,—вниманіе и милость свою желала заявить „передъ цѣлымъ свѣтомъ". Когда же Салтыковъ окончилъ воспитаніе великаго князя Александра Павловича, то Екатерина, 22-го сентября 1793 года, сверхъ получаемаго Салтыковымъ жалованья и столовыхъ денегъ, назначила ему ежегодной пожизненной пенсіи по 25,000 рублей.

3-го февраля 1796 года она дала на имя Салтыкова рескриптъ, начинавшійся слѣдующими строками:

„По совершеніи съ помощію Всевышняго воспитанія любезнаго внука нашего великаго князя Константина Павловича, по правиламъ, отъ насъ предначертаннымъ, и подъ собственнымъ смотрѣніемъ нашимъ, восхотѣли мы изъявить монаршее наше признаніе къ вашей ревности въ исполненіе воли нашей къ трудамъ, вами тутъ понесеннымъ", Затѣмъ, государыня сообщила Салтыкову о пожалованіи ему: въ вѣчное и потомственное владѣніе дома въ Петербургѣ со столовымъ серебрянымъ сервизомъ и единовременно на заведеніе домашнее 60,000 рублей. Тайному совѣтнику барону Остенъ-Сакену, „трудившемуся подъ руководствомъ Салтыкова"—и, слѣдовало бы прибавить, не мало натерпѣвшемуся отъ своего августѣйшаго питомца,—была пожалована деревня въ вѣчное потомственное владѣніе и назначено было, сверхъ полнаго по чину жалованья, пожизненной пенсіи по 3,000 рублей въ годъ и единовременно 10,000 рублей. Состоявшимъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ генералъ-маіорамъ Ламсдорфу и Кошелеву, полковнику Муравьеву и подполковникамъ Будбергу, Муравьеву и Христовскому—по смерть пенсіи по 2,000 рублей въ годъ и кромѣ того: полковнику Муравьеву чинъ бригадира, подполковнику Муравьеву званіе камергера при обрученной невѣстѣ великаго князя; подполковникамъ Будбергу и Христовскому слѣдующіе чины; бригадиру Торсукову, занимавшемуся съ великимъ княземъ по фронтовой части, деревню въ вѣчное потомственное владѣніе и, наконецъ, всѣмъ этимъ лицамъ назначено было выдать единовременно по 6,000 рублей.

Лучшимъ дополненіемъ въ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя здѣсь сообщены о дѣтскихъ и юношескихъ лѣтахъ Константина Павловича, могутъ служить писанныя имъ въ то время, по французски, нетвердымъ, ребяческимъ почеркомъ, письма къ Лагарпу. Письма эти, нѣсколько впрочемъ странныя, дышатъ въ то же время такимъ простодушіемъ за которое можно было прощать многое шаловливому, лѣнивому и упрямому мальчику.

Въ одномъ изъ такихъ писемъ, безъ означенія числа и года, Константинъ прямо заявляетъ, что онъ не только не хотѣлъ дать себѣ труда, отвѣчать, но довелъ свою лѣнь до того, что не старался вспомнить урока и говорилъ, не зная что̀ говоритъ. Къ этому онъ прибавляетъ: „Я увѣренъ, что, продолжая такимъ образомъ, я сдѣлаюсь весьма смышленнымъ человѣкомъ, потому что это не стоитъ никакого труда, и лишь бы на мои глаза я былъ совершеннымъ (parfai) и мнѣ дѣла нѣтъ, если разсудительные (résonables) люди будутъ сожалѣть о моемъ невѣжествѣ“. Затѣмъ, онъ прибавляетъ: „Такъ пріятно нисколько не трудиться, что я желалъ бы даже, чтобъ другіе могли за меня ходить, ѣсть, пить и говорить; ничего такъ не желаю, какъ быть похожимъ на статую“.

Въ другомъ письмѣ онъ напрямки пишетъ: „я такой же невѣжда, какимъ былъ въ началѣ, чего мнѣ нисколько не стыдно. Лишь бы я съѣлъ свой хлѣбъ и я буду очень доволенъ“.

Еще безцеремоннѣе объяснялся подраставшій великій князь съ своимъ наставникомъ, въ письмѣ, относящемся къ 1792 году. Въ этомъ письмѣ онъ заявлялъ: „въ двѣнадцать лѣтъ я ничего не знаю, не умѣю даже читать. Быть грубымъ, невѣжливымъ, дерзкимъ—вотъ къ чему я стремлюсь. Знаніе мое и прилежаніе достойны армейскаго барабанщика. Словомъ, изъ меня ничего не выйдетъ во всю мою жизнь“.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что такая неутѣшительная для Лагарпа переписка перемежалась порою выраженіемъ покорности Константина, просьбами объ извиненіи, о прощеніи, о дозволеніи присутствовать на урокахъ, обѣщаніемъ исправиться, но вслѣдъ за тѣмъ Лагарпъ получалъ письма совершенно въ иномъ тонѣ. (Сбор. И. Р. Историч. Общ.)

Ничего нѣтъ страннаго, что Петръ Ивановичъ, получая подобныя цидулки отъ своего питомца, приходилъ въ отчаяніе. За то, въ послѣдствіи, великій князь, войдя опять въ переписку съ своимъ бывшимъ наставникомъ, утѣшилъ его не только выраженіемъ глубокой почтительности и привязанности, но и многими дѣльными сужденіями.

11-го (22-го) марта 1796 года, онъ писалъ Лагарпу, въ Швейцарію, почтительное и любезное письмо, увѣряя, что сталъ читать книги по военной части, но и въ этомъ письмѣ проявилась его обыч-

ная безцеремонная откровенность. Подъ письмомъ онъ весьма своеобразно подписался ...., а въ припискѣ къ этому письму, говоря о себѣ самомъ, шутливо добавилъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія [1]).

V.

Желая упрочить наслѣдованіе русскаго императорскаго престола въ нисходящихъ поколѣніяхъ своего потомства, Екатерина II,—какъ видѣли читатели изъ монографіи, напечатанной выше, въ этой же книгѣ „Русской Старины",—весьма рано озабочивалась отысканіемъ невѣсты для цесаревича Павла Петровича и женила его на 19-мъ году отъ рожденія. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ императрица желала обвѣнчать и своихъ внуковъ въ раннемъ возрастѣ. Великій князь Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ великою княжною Елисаветою Алексѣевною въ 1793 году, не достигнувъ еще полныхъ шестнадцати лѣтъ отъ роду. Послѣ его брака очередь была за Константиномъ. Ему не было еще четырнадцати лѣтъ, когда возникло первое предположеніе объ его женитьбѣ. Предположеніе это было сдѣлано со стороны его августѣйшей бабки.

Въ бумагахъ Екатерины, относящихся къ 1793 году, найдена одна черновая рукопись императрицы. Рукопись эта, по всей вѣроятности, была проектомъ дипломатической ноты.

„Изъ письма графа Разумовскаго,—говорится въ этой рукописи,— слѣдуетъ заключить, что неаполитанскому двору пришла охота весьма не кстати наградить насъ однимъ изъ своихъ уродцевъ (petits monstres). Я говорю: уродцевъ, потому что всѣ дѣти ихъ дряблые, подвержены падучей болѣзни, безобразныя и плохо воспитанныя. Этотъ дворъ не дождался отвѣта на свой первый зазывъ черезъ графа Скавронскаго и вотъ снова посланникъ, маркизъ Галль, убѣдилъ графа Разумовскаго сдѣлать мнѣ это предложеніе весьма хорошее и полезное и будто имъ самимъ придуманное".

Для объясненія этихъ строкъ, надо замѣтить, что въ ту пору, когда возникло это предположеніе, въ Неаполѣ царствовали Бурбоны, въ лицѣ короля Фердинанда IV, женатаго на дочери императрицы Маріи-Терезіи, эрцгерцогинѣ Каролинѣ-Маріи, извѣстной своимъ развратомъ и своими жестокостями. Эта королевская чета и задумала пристроить одну изъ своихъ дочерей за Константина Павловича. Переговоры по этому дѣлу повелъ первоначально, по желанію королевы,

---

[1]) Письма великаго князя Константина Павловича и императрицы Екатерины II, изъ которыхъ выше приведены отрывки, вполнѣ напечатаны въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

но безуспѣшно, графъ Мартынъ Павловичъ Скавронскій, бывшій русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ и умершій тамъ въ ноябрѣ 1793 г. Королева Каролина, потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу, возобновила сватовство косвеннымъ путемъ, въ Вѣнѣ, черезъ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, бывшаго тамъ въ то время русскимъ посломъ. Передъ назначеніемъ же въ Вѣну, Разумовскій находился на такой же должности въ Неаполѣ и былъ фаворитомъ королевы. По старой къ ней пріязни, онъ принялся усердно хлопотать о бракѣ одной изъ ея дочерей съ Константиномъ Павловичемъ, сославшись на то, что такое предложеніе сдѣлано ему маркизомъ Галлемъ, неаполитанскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Предложеніе это обусловливалось однако со стороны неаполитанскаго двора тѣмъ, чтобы Константинъ до вступленія въ бракъ съ неаполитанскою принцессою былъ объявленъ независимымъ государемъ, получивъ для себя удѣлъ изъ владѣній русской имперіи.

На такое предложеніе императрица смотрѣла какъ на „вредную, хитросплетенную несообразность" и съ неудовольствіемъ отвергала проектъ объ объявленіи великаго князя Константина Павловича самостоятельнымъ государемъ, ссылаясь на то, что римско-нѣмецкій императоръ Леопольдъ II выдалъ свою дочь за самаго младшаго принца изъ Саксонскаго дома и не заключалъ условія, чтобы принцъ этотъ былъ объявленъ независимымъ владѣтелемъ, и что король сардинскій поступилъ точно такъ же какъ поступилъ императоръ. „Стало быть,— писала Екатерина,—самая младшая принцесса неаполитанская весьма удобно могла бы выйти за самаго младшаго русскаго великаго князя, тѣмъ болѣе, что такъ желаетъ она или ея родители".

Отвергая условіе объ объявленіи Константина независимымъ государемъ, Екатерина не признавала удобнымъ женитьбу его на неаполитанской принцессѣ и по другимъ еще соображеніямъ. „Ихъ величества, — замѣчала императрица, — вѣроятно не знаютъ, что Россія столь же привержена къ восточной греческой вѣрѣ, какъ они къ латинской, и латинское или греколатинское наслѣдіе, пока я жива, никогда не будетъ допущено". Императрица винила папу въ интригахъ, добавляя, что ихъ неаполитанскія величества вольны входить въ соображенія съ своимъ духовникомъ, но что не ему дѣлать рѣшенія о выгодахъ ея государства, ея семьи и о будущемъ счастьи ея внука. Въ заключеніе Екатерина пишетъ: „что же касается до меня, то я не желала бы видѣть моего внука женатымъ, пока онъ совсѣмъ не образуется, тѣмъ болѣе, что ему теперь всего 14 лѣтъ и онъ еще не развился вполнѣ. Покамѣстъ ихъ величества могутъ выдать принцессъ дочерей своихъ за кого имъ вздумается".

Отстраняя бракъ Константина съ принцессою изъ Бурбонскаго дома, Екатерина предпочитала выбрать для своего внука невѣсту изъ германскихъ принцессъ. Въ то время Германія, раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, изобиловала подроставшими дочерьми курфирстовъ, герцоговъ, князей, пфальцграфовъ, бургграфовъ, ландграфовъ и маркграфовъ. Русскій императорскій домъ не разъ уже роднился съ германскими владѣтельными домами, съ тѣхъ поръ, какъ царь Петръ Алексѣевичъ женилъ сына своего, царевича Алексѣя Петровича, на принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельской. Другая принцесса, Анна Леопольдовна Мекленбургская, была не только матерью императора Іоанна Антоновича, но и сама правила русскою имперіею. Императоръ Павелъ Петровичъ былъ женатъ послѣдовательно на двухъ нѣмецкихъ принцессахъ: сперва на Дармштадтской, а потомъ на Виртембергской. Супруга великаго князя Александра Павловича была принцесса Баденъ-Дурлахская и, наконецъ, въ ту пору, когда шелъ вопросъ о женитьбѣ великаго князя Константина, на русскомъ престолѣ сидѣла бѣдная нѣмецкая принцесса подъ прославленнымъ ею именемъ Екатерины Великой.

Такія родственныя связи семейства Екатерины съ Германіею побуждали ее вообще предпочесть и новый брачный союзъ съ какимъ-либо владѣтельнымъ нѣмецкимъ домомъ союзу съ домомъ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Кромѣ того, въ первомъ случаѣ представлялись еще и другія удобства. Германскія принцессы, небогатыя и скромно воспитанныя, не могли предъявлять такихъ притязаній, на которыя считали бы себя въ правѣ представительницы могущественныхъ и знаменитыхъ европейскихъ династій. Наконецъ, и религіозный вопросъ въ отношеніи германскихъ принцессъ протестантскаго исповѣданія не представлялъ тѣхъ затрудненій, какія являлись въ отношеніи принцессъ католической религіи. Хотя Петръ I при сочетаніи бракомъ царевича Алексѣя и не потребовалъ отъ его невѣсты перемѣны вѣроисповѣданія, но, затѣмъ, какъ принцесса Анна Леопольдовна, такъ и всѣ прочія нѣмецкія принцессы-протестантки, вступавшія въ браки съ членами русской императорской фамиліи, принимали православіе, на что едва-ли можно было бы склонить принцессу-католичку.

Пріискивая для своего сына, а потомъ и для своихъ внуковъ, невѣстъ изъ германскихъ принцессъ, Екатерина нисколько не стѣснялась съ этими послѣдними. Она приглашала ихъ въ Петербургъ на смотрины. Для этого перебывало при ея дворѣ одиннадцать принцессъ; послѣднія три изъ нихъ были дочери наслѣднаго принца (въ послѣдствіи владѣтельнаго герцога) Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургскаго, отъ

брака его съ графиней Рейсской. Изъ этихъ трехъ молоденькихъ и хорошенькихъ принцессъ Саксенъ-Кобургскихъ и предположено было Екатериною выбрать невѣсту Константину Павловичу.

Невѣстъ этихъ прiискалъ и пригласилъ ихъ мать прiѣхать въ Петербургъ генералъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ, пользовавшiйся у императрицы большимъ кредитомъ и уже устроившiй бракъ великаго князя Александра съ принцессою Баденскою. Въ Кобургѣ Будбергъ встрѣтилъ полную готовность принять предложенiе государыни. Никакое проявленiе самолюбiя или гордости не воспрепятствовало его успѣху.

Принцессы Кобургскiя принадлежали къ одной изъ знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ династiй въ Германiи. Домъ Саксонскiй, изъ котораго онѣ происходили, велъ начало отъ Витекинда, одного изъ предводителей саксовъ, мужественнаго и упорнаго противника императора Карла Великаго. Слѣдовательно, родословное древо молодыхъ принцессъ поднималось высоко отъ своего родоначальника, жившаго въ исходѣ VIII вѣка. Линiя Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская составляла младшую отрасль Саксонскаго дома; владѣнiя ея были незначительны, но ей суждено было въ послѣдствiи, въ весьма близкое отъ насъ время, стать на весьма видное мѣсто среди европейскихъ династiй, такъ какъ представители этой линiи занимаютъ нынѣ три королевскiе престола: бельгiйскiй, португальскiй и великобританскiй.

Принцессы, прiѣхавъ въ Петербургъ съ матерью, направились отъ заставы прямо къ Зимнему дворцу, гдѣ для нихъ было приготовлено особое помѣщенiе. Когда онѣ подъѣзжали ко дворцу, императрица смотрѣла въ окно. Старшая изъ принцессъ быстро выскочила у дворцоваго подъѣзда изъ экипажа на лѣстницу; вторая хотѣла сдѣлать то же, но оступилась и упала, а самая младшая вышла изъ экипажа не торопливо и взошла на лѣстницу спокойно и съ достоинствомъ. Екатеринѣ чрезвычайно понравилось это и она сказала себѣ самой: „c'est la dernière!“ Нѣмецкiя гостьи были поражены блескомъ и великолѣпiемъ русскаго двора, а между тѣмъ сами онѣ своими неизысканными и старомодными костюмами вызвали насмѣшки со стороны придворныхъ нашихъ щеголихъ. Императрица сочла нужнымъ прежде всего привести въ надлежащiй порядокъ ихъ слишкомъ скромные туалеты, и для этого прислала имъ двѣ большiя корзины великолѣпныхъ шелковыхъ матерiй и полдюжины портнихъ, которыя тотчасъ принялись за работу. 20-го октября императрица вручила матери и дочерямъ брилліантовые знаки ордена св. Екатерины, и въ тотъ же день привела къ нимъ великаго князя Константина.

Вотъ какъ герцогиня, въ письмѣ къ своему мужу, описываетъ жениха своихъ дочерей:

„Константинъ кажется съ виду не менѣе 23-хъ лѣтъ (ему было тогда только 16 лѣтъ) и видно, что онъ еще подростетъ. У него широкое круглое лицо, и если бы онъ не былъ курносъ, то былъ бы очень красивъ; у него большіе голубые глаза, въ которыхъ много ума и огня; рѣсницы и брови почти совсѣмъ черные; небольшіе ротъ и губы совсѣмъ пунцовыя; очень пріятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжій цвѣтъ лица. У обоихъ братьевъ такія здоровыя лица, такое крѣпкое, мускулистое тѣлосложеніе, что они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ ясномъ взглядѣ ихъ видны благородная кровь и душа неиспорченная. Константинъ, кажется, воинъ и душой и тѣломъ, со всею военною ловкостью". Сравнивая обоихъ братьевъ, герцогиня замѣчала, что у старшаго изъ нихъ выраженіе лица гораздо прелестнѣе, но что у Константина болѣе блеску въ глазахъ и глаза красивѣе; но за то у Александра черты лица совершенно правильныя; что у него придворныя, располагающія манеры и онъ разговорчивѣе брата въ обществѣ. Далѣе, герцогиня сообщала, что братья чрезвычайно привязаны другъ къ другу и постоянно вмѣстѣ, что у Константина болѣе характера и отъ того онъ совершенно владѣетъ старшимъ братомъ, что не мѣшаетъ, однако, ихъ взаимному довѣрію. Описывая наружность жениха своихъ дочерей, герцогиня не безъ самодовольства прибавляетъ, что при дворѣ всѣ удивляются красотѣ молоденькихъ принцессъ.

О душевныхъ качествахъ Константина она сообщала: „у него такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствія ко всему великому, и въ то же время столько скромности!"

Великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Гатчины, чтобы познакомиться съ герцогиней, которая, въ благодарность за такое вниманіе его высочества, должна была пойти къ нему съ своими дочерьми для перваго знакомства, и только послѣ этого онъ пришелъ къ нимъ, чтобы отдать визитъ.

Изъ трехъ сестеръ, Константину Павловичу болѣе всего понравилась младшая, Юліана-Генріэтта-Ульрика, родившаяся 23-го сентября 1781 года. Она была брюнетка, небольшаго роста, умненькая и находчивая дѣвушка. Вопросъ о бракѣ ея былъ улаженъ очень скоро, и 24-го октября герцогиня писала мужу: „все рѣшено и рѣшено такъ, какъ ты ожидалъ. Звѣзда Юліи взяла верхъ и лучше, что такъ вышло. У нея больше достоинства и характера, нежели у нашей милой, доброй Натты. На взглядъ императрицы всѣхъ красивѣе Софія и она сказала другу нашему, генералу Будбергу: „если бы можно было,

я оставила бы всѣхъ трехъ, но такъ какъ Константину жениться, то пусть онъ и выбираетъ".

Женихъ стѣснялся съ невѣстой и однажды, показывая принцессамъ, по приказанію императрицы, эрмитажъ, разговаривалъ съ герцогинею безъ перерыва, но „съ дѣвицами—по ея замѣчанію—не имѣлъ духу сказать ни одного слова". Послѣ осмотра эрмитажа, герцогиня пригласила его къ себѣ на чай, онъ „покраснѣлъ до ушей, но съ большимъ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе"; однако и въ гостяхъ у герцогини онъ не рѣшался заговорить съ дѣвицами.

Передъ ужиномъ женихъ взялся за трость и за шляпу и хотѣлъ уходить, но когда герцогиня пригласила его остаться ужинать, то замѣтно было, что онъ очень обрадовался этому приглашенію. На другой день вечеромъ, Константинъ пришелъ къ герцогинѣ и принесъ съ собою гравированный портретъ императрицы. Въ этотъ вечеръ онъ совершенно занялся разговорами съ принцессами, но смотрѣлъ постоянно на одну только Юлію. Она въ этотъ вечеръ была чрезвычайно хороша. въ атласной туникѣ небесно-голубаго цвѣта и съ гирляндою изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. Константинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ принцессы играли на клавикордахъ и пѣли. Принцесса Софія стала рисовать пирожницу, которая стоитъ на улицѣ, но Константину хотѣлось, чтобъ она нарисовала двухъ гусаровъ. Принцесса исполнила его желаніе и онъ былъ въ восторгѣ отъ этого рисунка. Въ этотъ вечеръ онъ постоянно говорилъ понѣмецки, замѣтивъ, что его ломанная нѣмецкая рѣчь забавляетъ дѣвушекъ. Онъ шутилъ безпрестанно съ двумя старшими изъ нихъ, но не затрогивалъ Юлію. И въ этотъ вечеръ, какъ и въ предшествовавшій, онъ остался ужинать у герцогини. Великій князь хотѣлъ придти къ ней и на слѣдующій день, но Будбергъ не разрѣшилъ ему этого, въ виду того, что молодому человѣку не слѣдуетъ слишкомъ часто пользоваться предстоящимъ ему счастьемъ, такъ какъ онъ скоро привыкнетъ къ нему.

24-го октября, вечеромъ около 6 часовъ, пришелъ Константинъ къ принцессѣ-матери, чтобъ сдѣлать формальное предложеніе. Онъ цѣлый этотъ день провелъ съ Зубовымъ, который, вмѣстѣ съ Будбергомъ, дѣлалъ ему наставленія по поводу его живости. Онъ вошелъ къ герцогинѣ блѣдный и, потупивъ глаза, дрожащимъ голосомъ сказалъ ей:

— „Madame, je viens vous demander la main de votre fille".

Герцогиня, знавшая уже заранѣе о цѣли его посѣщенія, приготовила было—какъ она сама разсказывала—торжественную рѣчь, но вмѣсто того, чтобъ начать говорить ее, громко зарыдала. Женихъ прослезился и прижалъ къ губамъ руку своей будущей тещи. Когда герцогиня успокоилась, то стала говорить Константину Павловичу,

что его попеченію ввѣряетъ судьбу своей дочери, что чувства къ нему невѣсты дадутъ ему возможность составить ея счастіе и въ заключеніе сказала, что съ этой минуты судьба и счастіе ея дочери зависятъ отъ него.

Послали за Юліей; съ блѣднымъ личикомъ вошла она въ комнату къ матери. Константинъ Павловичъ молча поцѣловалъ ея руку, а она, не говоря ни слова, заплакала.

— Не правда-ли, вы современемъ полюбите меня?—проговорилъ Константинъ Павловичъ.

Юлія, съ выраженіемъ нѣжности взглянувъ на него, прошептала: „да̀, я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ“.

— Боже мой! отчего отецъ не можетъ видѣть всего этого!— невольно вскрикнула герцогиня, и при упоминаніи объ отцѣ Юлія заплакала навзрыдъ. Константинъ Павловичъ взялъ ее за обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и сказалъ по французски: „клянусь вамъ передъ Богомъ, что вы увидите вашего батюшку; обѣщаю, что повезу васъ въ Германію; не знаю только когда, потому что это будетъ зависѣть отъ ея величества, но что̀ я обѣщаю, того я крѣпко держусь— вы увидите вашего батюшку и я увижу его“. Потомъ, обратясь къ принцессѣ-матери, сказалъ ей: „вы ее увидите, обѣщаю вамъ это“.

Весь вечеръ Константинъ Павловичъ провелъ у невѣсты и, сидя подлѣ ея матери, на ручкѣ дивана, цѣловалъ руку у своей будущей тещи, повторяя: „какъ я люблю васъ“, а самъ взглядывалъ на Юлію, давая тѣмъ самымъ понять ей къ кому должны относиться эти нѣжности.

На другой день невѣста и мать ея посѣтили императрицу, которую застали за окончаніемъ туалета. Она приняла своихъ гостей чрезвычайно любезно, по крайней мѣрѣ разъ двадцать поцѣловала Юлію и сказала ея матери: „могу вамъ сообщить, что дочь ваша столько же нравится Константину, сколько и публикѣ“.

Помолвка Константина Павловича послѣдовала 25-го октября, а 7-го ноября былъ назначенъ выѣздъ герцогини изъ Петербурга. Отпуская отъ себя ее и ея двухъ старшихъ дочерей, императрица прислала ей цѣлый ящикъ съ бриліантовыми вещами: ей самой—бриліантовое ожерелье, серьги, цвѣтокъ на голову, пару жемчужныхъ браслетовъ и кольцо съ огромнымъ бриліантомъ; двумъ старшимъ дочерямъ—каждой: ожерелье, серьги, кольцо и цвѣтокъ на голову; невѣстѣ—бриліантовой головной уборъ и великолѣпные браслеты. Придворной ихъ дамѣ—кольцо и серьги. Кромѣ того, герцогинѣ былъ присланъ вексель для полученія въ Лейпцигѣ 80,000 рублей для нея самой, и для каждой изъ двухъ ея дочерей по 50,000 рублей. При-

дворной ихъ дамѣ, сверхъ упомянутыхъ выше подарковъ, дано было 3,000 рублей, а прислуга принцессы получила дорогіе подарки.

30-го октября былъ спектакль въ эрмитажѣ; 31-го ужинъ у великаго князя Александра Павловича; 1-го ноября принцесса и ея дочери провели цѣлый день съ императрицею въ Таврическомъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни гостьи императрицы осматривали достопримѣчательности Петербурга. 5-го ноября былъ во дворцѣ великолѣпный маскарадъ, въ которомъ явились костюмированные представители всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію. 6-го ноября, послѣ вечерняго собранія въ эрмитажѣ, герцогиня простилась съ императрицею и ея семействомъ, а въ слѣдующій день утромъ отправилась съ двумя своими дочерьми въ обратный путь.

Герцогиня не только была чрезвычайно довольна тѣмъ, что для дочери представилась такая блестящая партія, но и была увѣрена, что Юлія въ бракѣ съ Константиномъ Павловичемъ найдетъ семейное счастіе. Герцогиня чувствовала безпредѣльную радость при мысли, что она оставляетъ свою дочь въ семействѣ Екатерины; о Константинѣ же Павловичѣ она говорила, что ни одного зятя она не будетъ любить столько какъ этого, добавляя, что нельзя найти другаго такого умнаго и съ такимъ честнымъ сердцемъ; она твердо надѣялась, что Юлія будетъ вполнѣ счастлива въ томъ семействѣ, въ которое она вступила при такой благопріятной обстановкѣ. Не всѣ, однако, раздѣляли розовыя надежды герцогини, а Ростопчинъ, въ письмѣ къ Воронцову, уже и тогда жалѣлъ о молодой дѣвушкѣ, не предсказывая ей сладкой доли съ ея своенравнымъ женихомъ.

По отъѣздѣ матери, Юлію помѣстили на жительство съ великими княжнами, подъ попеченіемъ баронессы Ливенъ. Она стала обучаться закону Божьему православнаго исповѣданія и русскому языку, преподавателемъ котораго былъ назначенъ состоявшій при великомъ князѣ Константинѣ маіоръ Муравьевъ. 2-го февраля 1796 г. принцесса приняла православную вѣру.

Въ офиціальномъ „Описаніи мvропомазанія ея свѣтлости Юліаны-Генріэтты“ упоминается, что всѣ молитвы читаны были ею съ точностію и ясностію. Воспреемницею ея была великая княжна Александра Павловна, таинство мvропомазанія совершалъ митрополитъ Гавріилъ, причемъ принцесса была наречена Анною Θеодоровною. 3-го февраля происходило въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе великой княжны съ Константиномъ Павловичемъ. Обручалъ ихъ митрополитъ Гавріилъ; послѣ обмѣна перстней обручавшіеся приносили государынѣ „съ колѣнопреклоненіемъ достодолжную свою благодарность“. По обрученіи повелѣно было именовать невѣсту великою княжною. 15-го февраля про-

исходило бракосочетаніе Константина Павловича. Наличныя войска, бывшія въ Петербургѣ, въ числѣ 8,672 человѣкъ, находились въ строю на Дворцовой площади и въ прилегающихъ къ ней улицахъ. Во дворецъ съѣхались приглашенные и знатное духовенство. Статсъ-дамы одѣвали подъ вѣнецъ невѣсту. Духовникъ императрицы совершалъ обрядъ вѣнчанія, а вѣнцы, которые были поднесены придворными священниками, держали: надъ женихомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, а надъ невѣстою генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. По окончаніи параднаго обѣда, начался въ шесть часовъ вечера балъ, предъ окончаніемъ котораго великій князь Александръ Павловичъ съ великою княгинею Елисаветою Алексѣевною уѣхали въ Мраморный дворецъ для встрѣчи молодыхъ, которые отправились туда торжественнымъ поѣздомъ, въ сопровожденіи придворнаго штата, лейбъ-гусаровъ и конвоя отъ Конногвардейскаго полка. Шесть гусаръ ѣхали съ зажженными факелами около поѣзда. Молодые, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, отправились изъ Зимняго дворца въ Мраморный, въ парадной каретѣ, заложенной осемью лошадьми. Петропавловская и Адмиралтейская крѣпости и весь городъ были иллюминованы. Разумѣется, что всѣ выходы императрицы и важные моменты этихъ торжествъ сопровождались „играніемъ на трубахъ при битіи литавръ“ и пушечною пальбою, а за обѣдомъ играла „камерная вокальная и инструментальная музыка“.

18-го февраля былъ устроенъ передъ Зимнимъ дворцомъ народный праздникъ. Онъ состоялъ въ томъ, что жареные быки были положены на двухъ возвышенныхъ пирамидахъ, украшенныхъ позолотою, лентами, цвѣтами, и покрыты шелковымъ покровомъ; а вино бѣлое и красное било изъ двухъ фонтановъ, украшенныхъ также роскошно, какъ и пирамиды. Празднества различнаго рода съ нѣкоторыми промежуточными днями продолжались при дворѣ до 27-го февраля. Въ этотъ день они закончились великолѣпнымъ фейерверкомъ, сожженнымъ на Невѣ, противъ Зимняго дворца.

По случаю этого брака, въ Петербургѣ, нѣкто де-Люси написалъ торжественное стихотвореніе, на французскомъ языкѣ. То же сдѣлалъ въ Москвѣ нѣкто Бодуэнъ. Изъ нѣмцевъ Рейнбекъ напечаталъ, и въ Готѣ и въ Петербургѣ, драматическое представленіе, примѣнительно къ настоящему торжеству, а какой-то г. *** издалъ въ Петербургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, разсказъ о добродѣтельной женщинѣ, съ прозрачнымъ указаніемъ, что подъ этою женщиною подразумѣвается юная супруга великаго князя. Понятно, что всѣ эти произведенія не имѣ-

ютъ никакого историческаго значенія, и не только поэтическихъ, но и вообще никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Придворный штатъ молодыхъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ лицъ: трехъ фрейлинъ при великой княгинѣ и трехъ при ней камергеровъ и трехъ камеръ-юнкеровъ; столько же камергеровъ и камеръ-юнкеровъ положено было и при великомъ князѣ. Гофмаршаломъ ихъ двора назначенъ полковникъ князь Борисъ Голицынъ.

Е. П. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСОЛЬСТВО А. П. ЕРМОЛОВА ВЪ ПЕРСІЮ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

[Посвящаю Михаилу Ивановичу Семевскому].

Представляя настоящую статью читателямъ «Русской Старины», я далекъ отъ того убѣжденія, что сообщаемый мною историческій фактъ не былъ извѣстенъ имъ изъ другихъ источниковъ. Мнѣ хотѣлось только разсказать его въ бо̀льшей послѣдовательности и дополнить тѣми подробностями, которыя я считалъ особенно необходимыми. Взглядъ этотъ обусловливается самою важностью событія. Начать съ того, что изъ всѣхъ посольствъ, когда либо отправленныхъ изъ Россіи въ Персію, посольство ген. Ермолова было, безспорно, самымъ блестящимъ какъ по своему личному составу, такъ и по денежнымъ на него затратамъ. Но помимо этой, такъ сказать, внѣшней обстановки, оно имѣло особенное значеніе и по самой цѣли своей, направленной, главнымъ образомъ, къ удержанію за Россіею земель, отошедшихъ къ ней по Гюлистанскому трактату, и ослабленію вліянія англичанъ въ Персіи, путемъ установленія съ этою державою постоянныхъ дипломатическихъ сношеній. Наконецъ, только пребываніемъ Ермолова между персіянами и личнымъ съ ними знакомствомъ могутъ объясниться тѣ отношенія его къ персидскому правительству, которымъ онъ неизмѣнно слѣдовалъ въ теченіе своего слишкомъ 10-ти-лѣтняго командованія на Кавказѣ.

При составленіи статьи, у меня находились слѣдующіе матеріалы: Два описанія посольства: авторомъ одного изъ нихъ самъ Алексѣй Петровичъ (Записка о посольствѣ въ Персію, помѣщенная во 2-й части его „Записокъ". Москва, 1868), а другаго, весьма, впрочемъ, слабаго,—членъ посольства В. Бороздна (Краткое описаніе путешествія Россійско-Императорскаго посольства въ Персію, въ 1817 г. Спб. 1821) и 2-я часть VI тома изданныхъ мною Актовъ Кавказской Археографической Коммисіи. Кромѣ того, я пользовался рукописнымъ дневникомъ

шт.-к. Коцебу и нѣкоторыми изъ собственныхъ замѣтокъ, частію напечатанныхъ, частію-же сохранившихся у меня въ рукописи.

Біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ персидскихъ сановникахъ заимствованы изъ исторіи Персіи, составленной Риза-Кули-ханомъ.

I.

Отношенія Россіи къ Персіи. — Гюлистанскій договоръ. — Посольство Мирза-Абуль-Хасан-хана. — Назначеніе Ермолова чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. — Высочайшая инструкція. — Прибытіе Ермолова въ Тифлисъ. — Отъѣздъ въ Карабагъ. — Возвращеніе. — Тревожные слухи о непріязненныхъ замыслахъ Персіи и Турціи противъ Россіи. — Штатъ посольства. — Императорскіе дары. — Денежныя средства.

Походъ, предпринятый Петромъ I въ 1722 году, и дѣйствія нашихъ войскъ по полуденную сторону Кавказскаго хребта въ теченіе прошлаго столѣтія не могли не внушить Персіи весьма справедливыхъ опасеній на счетъ прочности ея вліянія на Закавказскія ханства, гдѣ, хозяйничая какъ у себя дома, она всегда находила богатую для себя наживу. Съ утвержденіемъ-же нашимъ въ Грузіи и съ распространеніемъ нашего владычества внѣ предѣловъ этой страны, опасенія персидскаго правительства обратились въ открытую противъ насъ вражду. Начиная съ 1806 года, не проходило почти ни одного года безъ переговоровъ о мирѣ или перемиріи, при чемъ главнымъ предложеніемъ съ нашей стороны всегда было постановленіе границы по рр. Курѣ, Араксу и Арпачаю. Переговоры эти, оканчиваясь, по обыкновенію, новыми непріятельскими дѣйствіями, употреблялись нерѣдко Персіею для того только, чтобы собраться съ новыми силами, а иногда и просто съ намѣреніемъ осуществить какіе либо вредные для насъ замыслы. Погромъ персидской арміи при Асландузѣ и взятіе вслѣдъ затѣмъ штурмомъ Ленкоранской крѣпости (1812 г.) какъ бы отрезвили Персію, вынудивъ ее возобновить искательство о мирѣ. Послѣ долгой переписки о томъ, чтобы предложенные вновь переговоры велись не черезъ Аббас-мирзу, котораго окружали люди недоброжелательствовавшіе Россіи и изъ личныхъ выгодъ желавшіе продолженія войны, а непосредственно съ тегеранскимъ кабинетомъ, тогдашній главнокомандовавшій на Кавказѣ ген.-отъ-инф. Ртищевъ (1812—1816) заключилъ, 1-го октября 1813 года, перемиріе на 50 дней, а 12-го того-же мѣсяца подписалъ мирный договоръ въ Гюлистанѣ. Прямымъ и важнѣйшимъ послѣдствіемъ его была уступка навсегда Россіи ханствъ: Карабагскаго, Шекинскаго, Ганджинскаго, Ширванскаго, Дербентскаго, Кубинскаго, Бакинскаго и Талышинскаго. Но такая уступка, вынужденная превосходствомъ нашего оружія, не

могла не быть слишкомъ чувствительною для персидскаго правительства, которое, еще до заключенія договора, постановило особый сепаратный актъ, въ которомъ выговорило себѣ право просить государя императора о возвращеніи ей нѣкоторыхъ изъ уступленныхъ земель. Съ этимъ именно порученіемъ былъ отправленъ въ Петербургъ, подписавшій вмѣстѣ съ Ртищевымъ Гюлистанскій договоръ, Мирза-Абуль-Хасан-ханъ. Онъ прибылъ въ столицу въ то самое время, когда императоръ Александръ находился заграницею, озабоченный успокоеніемъ Европы и освобожденіемъ ея отъ ига Наполеона. По возвращеніи государя, посолъ представилъ просьбу шаха, но, вмѣсто удовлетворенія, получилъ въ отвѣтъ, что въ доказательство искренней пріязни Его В—вомъ отправляется къ шаху чрезвычайнымъ посломъ вновь назначенный на Кавказъ корпуснымъ командиромъ А. П. Ермоловъ, которому высочайше повелѣно во всемъ, сколько возможно, споспѣшествовать желанію шаха и сохранить его дружбу. Съ тѣмъ посолъ и выѣхалъ изъ Петербурга. Вскорѣ за нимъ отправился и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

По смыслу высочайшей инструкціи, данной Ермолову, на обязанность его возлагалось:

1) Увѣриться, нельзя-ли въ Талышинскомъ и Карабагскомъ ханствахъ найти средство къ удовлетворенію домогательствъ Персіи въ возвращеніи ей нѣкоторыхъ земель, отошедшихъ къ Россіи по Гюлистанскому договору, чрезъ проведеніе новой черты границъ, и полученіе, во взаимство того, другихъ выгодъ.

2) Открыть торговыя конторы въ Энзели, а особенно въ Астрабадѣ.

3) Въ вопросѣ о признаніи Аббас-мирзы наслѣдникомъ престола держаться политики Англіи, которая хотя и даетъ ему титулъ наслѣдника, но не принимаетъ на себя никакого въ томъ ручательства.

4) Заключить съ Персіею такое постановленіе, по которому она, съ своей стороны, обязалась-бы наблюдать наистрожайшій нейтралитетъ, во взаимство чего Россія обязалась-бы оставаться совершенно безучастною во всѣхъ войнахъ, кои Персія вести будетъ съ сопредѣльными ей или иными государствами.

5) Остановить перевѣсъ англійскаго вліянія въ Персіи, ослабить оное непримѣтнымъ образомъ и, наконецъ, вовсе истребить его.

6) Расположить Персію, для ея блага, къ миру съ Россіею.

7) Собрать подробныя свѣдѣнія о правленіи сей земли и ея способахъ, о ея статистикѣ и топографіи, а также о состояніи и силѣ войскъ ея, и

8) По отъѣздѣ изъ Тегерана учредить тамъ всегдашнюю миссію.

Ермоловъ прибылъ въ Тифлисъ 10-го октября 1816 года и уже

въ ноябрѣ, озабоченный дѣлами своего посольства, задумалъ личное обозрѣніе вновь пріобрѣтенныхъ по Гюлистанскому договору областей. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Карабагъ, котораго обратной уступки въ особенности домогался шахъ, обнадеженный въ успѣхѣ самимъ ген. Ртищевымъ. Между тѣмъ, едва только онъ возвратился изъ поѣздки, какъ до него начали доходить тревожные слухи, что персіяне и турки скрываютъ противъ насъ какія-то враждебныя намѣренія. Обстоятельство это вынудило его тотчасъ-же отправить къ государю донесеніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, упомянулъ, что, въ виду возникшихъ затрудненій, отсутствіе его въ Персію можетъ имѣть крайне непріятныя послѣдствія. Но, еще до полученія изъ Петербурга отвѣта [1]), подозрѣнія разсѣялись и Ермоловъ, рѣшившись отправиться къ шаху, началъ готовиться къ выѣзду.

Штатъ посольства, высочайше утвержденный, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Совѣтниковъ посольства: дѣйств. ст. совѣтниковъ Негри и Соколова.

Секретаря колл. сов. Худобашева.

Маршала л.-гв. Семеновскаго полка кап. Ермолова.

Кавалеровъ: л.-гв. Семеновскаго полка шт.-к. кн. Бебутова, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщика графа Самойлова и свиты Е. И. В., по квартирмейстерской части, поручика Боборыкина.

Чиновниковъ посольской канцеляріи: колл. секретаря Бороздна, 12-го класса Рикорда, магистра Ярцова и подпор. Мадатова.

Докторовъ: колл. сов. Мазаровича и 7-го класса Миллера.

Аптекаря Ауфмордта.

Живописцевъ: академика Машкова и барона Корфа.

Грузинскаго корпуса оберъ-квартирмейстера полк. Иванова.

Офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба: шт.-к. Муравлева, поручика Ренненкампфа и подпор. Щербинина.

Офицеровъ по квартирмейстерской части: шт.-к. Коцебу, прапор. Воейкова и колоновожатаго Лачинова.

Адъютантовъ А. Ермолова л.-гв. казачьяго полка шт.-ротмистра князя Бековича-Черкасскаго и л.-гв. артиллерійской бригады поручика Попова.

Священнослужителя протоіерея Авраамова.

Капельмейстера кол. регистр. Парижскаго.

Фельдъегерей: Матвѣева и поручика Стабуша.

---

[1]) Отвѣтною бумагою этою Ермолову разрѣшалось на случай усложненія политическихъ обстоятельствъ, отправить вмѣсто себя въ Персію одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ.

Толмачей: кап. Назарова, прапорщиковъ Беглярова и Али-Ханова, и хорунжаго Мещерякова.

Полиціймейстера подпор. Θедорова.

При подаркахъ: губерн. секр. Лепіошинскаго.

Черкесовъ: князя Джембулата Джанхотова и при немъ четырехъ узденей.

Конвоя: 12-ти донскихъ и 12-ти линейныхъ казаковъ.

Воинской команды: 24-хъ гренадеръ и 24-хъ музыкантовъ.

Всего-же, съ прислугою, болѣе 200 человѣкъ.

Между прочими обязанностями, Ермолову было поручено представить шаху и разнымъ высшимъ сановникамъ Персіи подарки отъ имени государя императора и обѣихъ императрицъ: Елисаветы Алексѣевны и Маріи Θеодоровны. Дары эти, отличаясь богатствомъ и изяществомъ отдѣлки, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Фетх-Али-шаху: перо бриллiантовое съ сафирами, кинжалъ въ золотой оправѣ, осыпанный бриллiантами и сафирами и съ двумя жемчужными кистями на золотыхъ шнурахъ; кальянъ хрустальный, оправленный богато золотомъ, часы бронзовые, изображающіе слона, осыпанные по мѣстамъ каменьями и жемчугами; парчи разныхъ дессейновъ 6 кусковъ, бархату разныхъ цвѣтовъ 3 куска, мѣховъ собольихъ 2, горностаевыхъ 4, соболей 80; фарфоровый десертный и столовый сервизъ, чайный приборъ. Стеклянныхъ вещей: 2 зеркала въ рамахъ, набранныхъ стекломъ, столовый и десертный сервизъ и ящикъ (краснаго дерева), въ коемъ сабля, ружье и пара пистолетовъ, съ принадлежащимъ приборомъ.

Старшей супругѣ шаха. Отъ высочайшаго имени государя императора: парчи разныхъ дессейновъ 4 куска, бархату разныхъ цвѣтовъ 2 куска, мѣховъ собольихъ 2, горностаевыхъ 2, соболей 80; фарфоровыхъ вещей: 2 цвѣтника съ живописью на плинтахъ черныхъ, умывальникъ съ блюдомъ, чайный и кофейный приборъ. Отъ имени Ея В—ва Елисаветы Алексѣевны: пряжка, украшенная алмазами и сафирами, пирамида, изъ разныхъ деревъ сдѣланная, съ приборомъ дамскихъ упражненій, туалетное большое зеркало въ рамѣ краснаго дерева, съ бронзовымъ украшеніемъ, и при немъ 2 богатые бронзовые канделябра, 2 вазы фарфоровыя, высокія, съ живописными видами. Отъ Ея В—ва Маріи Θеодоровны: перо бриллiантовое съ рубинами; стеклянныхъ вещей: плато бронзовое, съ шлифованными зеркальными стеклами, и къ нему принадлежащій сервизъ.

Старшему сыну шаха Мамед-Али-мирзѣ. Золотая зрительная трубка, украшенная бриллiантами, алмазами и рубинами; ружье съ принадлежащимъ приборомъ, въ ящикѣ; парчи разныхъ дессейновъ

2 куска, бархату разныхъ цвѣтовъ 2 куска, мѣхъ соболій, 40 соболей якутскихъ, ваза или цвѣтникъ, чайный приборъ и кальянъ.

Младшему сыну шаха Аббас-мирзѣ. Кинжалъ въ золотой оправѣ, осыпанный брилліантами, алмазами и изумрудами, золотая зрительная трубка, украшенная алмазами и гранатами, парчи разныхъ дессейновъ 2 куска, бархату разныхъ цвѣтовъ 2 куска, мѣхъ соболій, 40 соболей якутскихъ; фарфоровыя вещи: большой голубой цвѣтникъ, 2 цвѣтника розовые съ живописью, кальянъ и разныя стеклянныя вещи.

Верховному визирю Мирза-Шефи. Перо брилліантовое съ изумрудомъ, табакерка золотая, украшенная брилліантами и съ рубиномъ, парчи разныхъ дессейновъ 2 куска, мѣхъ соболій, 40 соболей.

Второму визирю Хаджи-Мамед-Хусейн-хану. Перстень съ солитеромъ, парчи разныхъ дессейновъ 2 куска, мѣхъ соболій, 40 соболей; цвѣтникъ зеленый, 2 цвѣтника съ живописью и съ плинтами; приборъ чайный; кальянъ голубой и съ золотомъ.

Каймакаму Мирза-Безюргу. Перстень съ солитеромъ, парчи разныхъ дессейновъ 2 куска, мѣхъ соболій, 40 соболей; фарфоровыя вещи: цвѣтникъ, умывальникъ съ приборомъ, приборъ чайный, розовый, и кальянъ.

Управляющему казною Абдулла-хану. Часы съ цѣпочкою, осыпанные жемчугами и мелкими брилліантами, парчи разныхъ дессейновъ 2 куска, бархату 20 арш., мѣхъ соболій, 20 соболей.

Министру Мирза Абдул-Вехабу. Перстень брилліантовый съ изумрудомъ, часы золотые съ репетиціею и съ цѣпочкою, мѣхъ соболій, 20 соболей.

Ген.-адъют. Фетх-Али-шаха и его зятю Аллах-Яр-хану. Кинжалъ въ золотыхъ ножнахъ, украшенный алмазами и съ 2-мя жемчужными кистями на золотыхъ шнурахъ, золотая зрительная трубка, украшенная алмазами и изумрудами.

Шахскому Мирзѣ. Перстень брилліантовый съ сафиромъ, парчи 24 арш., бархату 24 арш., мѣхъ соболій, 20 соболей.

Хаджи-Мамед-Хусейн-хану Мервскому, находящемуся всегда при шахѣ: часы золотые съ репетиціею и цѣпочкою.

Насакчи-баши Фарадж-Уллах-хану: перстень брилліантовый.

Кромѣ исчисленныхъ предметовъ, Ермолову было отпущено изъ кабинета для раздачи, по его усмотрѣнію, разнымъ лицамъ: мѣховъ, сукна, парчи, бархату, золотыхъ и другихъ вещей — всего на сумму 49,341 р. 50 к.

Доставленіе въ Персію подарковъ, кромѣ драгоцѣнностей, было возложено на вѣдомства стекляннаго завода Г. С. Летошинскаго и скульптора фарфороваго завода Захарова. Они выѣхали изъ Петербурга въ августѣ

1816 года и, на наёмныхъ лошадяхъ, направились къ Астрахани, откуда дальнѣйшая ихъ отправка уже зависѣла отъ Ермолова.

Что касается денежныхъ расходовъ на содержаніе и снаряженіе посольства, то они представляютъ слѣдующія цифры:

А. П. Ермолову:		
на подъёмъ	30,000 р. асс.	
содержанія въ мѣсяцъ.	— „ „	5,000 р. с.
на чрезвычайные расходы	20,000 „ „	25,000 „ „
Членамъ посольства:		
въ единовременную выдачу	23,750 „ „	5,050 „ „
ежемѣсячное жалованье и содержаніе посольства (6,825 р. с.), примѣрно за 6 мѣсяцевъ	— „ „	40,950 „ „

Въ половинѣ апрѣля 1817 г., посольство находилось въ полномъ сборѣ и готовности къ выступленію. Но прежде чѣмъ прослѣдить его путешествіе, перенесемся на почву Персіи и познакомимся въ бѣгломъ очеркѣ какъ съ государственнымъ строемъ этой державы при Фетх-Али-шахѣ, такъ и съ тѣми личностями, которыя въ пріѣздъ Ермолова стояли во главѣ тогдашняго управленія.

II.

Фетх-Али-шахъ.—Положеніе Персіи и внутреннее ея устройство.—Полигамія.— Нигаристанъ и шахскія потѣхи.—Характеръ Фетх-Али-шаха и его смерть.— Наслѣдникъ престола Аббас-Мирза.—Мирза-Шефи и Мамед-Хусейн-ханъ.— Абдулла-ханъ.—Мирза-Абдул-Вехабъ.—Зять шаха Аллах-Яр-ханъ.—Мирза-Мамед-Хусейн-ханъ Мервскій.—Евнухъ Манучехр-ханъ.—Мирза-Безюргъ и его сыновья: Мирза-Абуль-Касимъ и Муса-ханъ.—Беглербегъ Фетх-Али-ханъ и придворный поэтъ.—Хусейн-ханъ, сердарь Эриванскій и его братъ Хасан-ханъ. — Келб-Али-ханъ Нахичеванскій.

Послѣ убіенія Ага-Мамед-хана [1]), родоначальника нынѣшней династіи Каджаровъ, на престолъ Персіи вступилъ родной его племянникъ Фетх-Али-шахъ, сынъ Хусейн-Кули-хана. Онъ родился въ 1762 году и, лишившись въ раннемъ возрастѣ отца, долгое время жилъ въ Астрабадѣ, при матери, отъ которой былъ взятъ дядею и въ послѣдствіи назначенъ правителемъ Шираза. Званіе это онъ сохранилъ до полученія извѣстія о смерти Ага-Мамед-хана, что его заставило поспѣшить въ Тегеранъ, гдѣ онъ, въ 1797 году, и короновался шахомъ.

Персія въ томъ видѣ, въ какомъ ее наслѣдовалъ Фетх-Али-шахъ, не сохранила и тѣни своего прежняго величія. Славныя времена Сефевадовъ давно перешли въ область воспоминаній и если Надир-

[1]) Въ 1796 году, въ Шушѣ.

шаху удалось возвратить странѣ утраченное ею значеніе, то при его преемникахъ она снова дошла до состоянія едвали не худшаго того, въ какомъ мы находимъ современную Турцію. Не доискиваясь причинъ, подготовлявшихъ такое положеніе Персіи, которой еще суждено играть важную роль въ будущей исторіи Востока, обратимся къ ея государственному строю при Фетх-Али-шахѣ, сохранившемуся, безъ особыхъ измѣненій, до настоящаго времени.

Правленіе персидское, не опираясь ни на какихъ законахъ, основано на полнѣйшемъ произволѣ. Въ рукахъ шаха власть безпредѣльная: онъ неограниченный властелинъ надъ своими подданными и ихъ имуществомъ.

Высшаго, аристократическаго сословія въ Персіи никогда не существовало и не существуетъ. Да и можетъ ли быть аристократія тамъ, гдѣ первые сановники,—разумѣя надъ этимъ словомъ лицъ, временно и совершенно случайно возвысившихся,—думаютъ только о томъ, чтобы всѣми средствами грабить казну и народъ, дабы, въ случаѣ нужды, откупаться отъ палочныхъ ударовъ, отъ которыхъ не освобождаютъ ихъ ни происхожденіе, ни личныя заслуги? При отсутствіи аристократіи, нѣтъ и простаго дворянскаго сословія. Если же въ персидскомъ языкѣ употребительны слова неджабетъ (дворянство) и неджибъ (дворянинъ), то болѣе для обозначенія положенія, занимаемаго извѣстнымъ лицомъ въ обществѣ. Высшій титулъ есть шах-задѐ, т. е. принцъ царствующей династіи. Отличительнымъ признакомъ такого происхожденія служитъ слово мирза, которое ставится непосредственно за именемъ собственнымъ, напримѣръ, Аббас-мирза, Ферхад-мирза, Тахмасиб-мирза и пр. Но какъ потомство Фетх-Али-шаха въ продолженіе нынѣшняго столѣтія возрасло слишкомъ до 2 т. душъ мужскаго пола, то для отличія дѣтей Аббас-мирзы отъ дѣтей прочихъ сыновей шаха, первые считаются ближайшими родственниками царствующаго и занимаютъ высшія должности въ государствѣ, тогда какъ послѣдніе, пользуясь самою ничтожною пенсіею и будучи бѣдны, находятся въ пренебреженіи и не допускаются до занятія важныхъ должностей, изъ опасенія какихъ либо притязаній съ ихъ стороны на корону.

Потомки прежнихъ династій: Сефевадовъ, Надир-шаха († 1747) и Керим-хана († 1779) носятъ титулъ мир-задѐ.

Настоящій-же дворянскій титулъ, обозначаемый словомъ ханъ, которое тоже ставится за именемъ собственнымъ (Ибрагим-ханъ, Мехти-ханъ и пр.), дается или шахомъ, или переходитъ по наслѣдству, или, наконецъ, присвоивается по произволу людьми, достигшими извѣстнаго благосостоянія. Но титулъ этотъ утратилъ нынѣ свое прежнее значеніе. Въ особенности же уважается такъ называемый Секев—

почетный титулъ, который правительство жалуетъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, ad personam: столбъ, подпора, рука, колыбель государства и пр. и пр.

Всѣ вообще подданные шаха раздѣляются на нукеровъ и раіетовъ. Къ первымъ относятся всѣ служащіе, отъ перваго министра до послѣдняго сарбаза (солдата) и ферраша (служителя). Самъ наслѣдникъ престола считается только первымъ шахскимъ нукеромъ. Ко второму разряду принадлежатъ купцы, ремесленники, сельскіе жители и духовенство. Только муджтехиды и другія высшія духовныя особы состоятъ до нѣкоторой степени въ независимости отъ правительства, которое, въ извѣстныхъ случаяхъ, не принимая противъ нихъ энергическихъ мѣръ, предпочитаетъ удалять ихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ Кербелай, Неджевъ и другія священныя мѣста, съ воспрещеніемъ возврата безъ особаго на то разрѣшенія шаха.

Персія, какъ нынѣ, такъ и въ былое время, раздѣлялась на провинціи, коихъ управленіе ввѣрялось беглербегамъ или хакимамъ (губернаторамъ), съ предоставленіемъ имъ права суда и расправы, взиманія доходовъ, производства расходовъ на общественныя нужды,—словомъ, всего внутренняго управленія. Должности губернаторовъ предоставлялись преимущественно принцамъ (шах-задѐ).

Доходы и расходы по каждой провинціи были установлены по особой росписи, равно опредѣлены и суммы, которыя каждые 6 мѣсяцевъ должны были представляться въ шахскую казну. Согласно такому порядку, Фетх-Али-шахъ получалъ ежегодно со всѣхъ провинцій, за исключеніемъ Адербейджанской, до 2 милліоновъ червонцевъ, составлявшихся главнымъ образомъ изъ налоговъ и податей съ имѣній и доходовъ поземельныхъ и таможенныхъ. Доходы же съ Адербейджана (около 800 т. черв.) поступали цѣликомъ въ распоряженіе наслѣдника. Такимъ точно образомъ доходъ съ Эриванской области (около 90 т. черв.) составлялъ собственность сердаря Хусейн-хана, ничего не удѣлявшаго изъ этой суммы шаху, но подносившаго ему ежегодно значительный, по цѣнности, подарокъ.

Кромѣ обыкновенныхъ налоговъ, существовали еще налоги чрезвычайные. Они состояли изъ: 1) садыря—самаго тягостнаго налога для населенія, такъ какъ размѣры его были совершенно произвольны. Онъ взыскивался при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, съ провинившихся губернаторовъ, съ возмутившихся племенъ и деревень, при рожденіи или бракѣ принца и пр. и достигалъ ежегодной цифры 1.500,000 черв., и 2) подарковъ, поступавшихъ къ шаху отъ высшихъ сановниковъ государства въ день новаго года (ноуруза), смотря по состоянію каждаго, и составлявшихъ въ сложности сумму въ 1 милліонъ

червонцевъ. Такого рода приношенія ожидались, хотя не въ срочное время, и отъ купечества, которое собственно было изъято отъ налоговъ.

Но все это еще далеко не освобождало населеніе отъ разнаго рода платежей, такъ какъ губернаторы всегда находили средства на многое увеличивать доходы противъ государственной росписи: изъ нихъ одни, большинство, грабежомъ народа, а другіе, меньшинство, развитіемъ земледѣлія. Послѣдніе обыкновенно удерживались на своихъ мѣстахъ, тогда какъ первые весьма скоро ихъ лишались, вслѣдствіе приносимыхъ жалобъ, которыя всегда и охотно принимались Фетх-Али-шахомъ, имѣвшимъ въ виду сорвать полновѣсный подарокъ съ являвшихся во множествѣ новыхъ кандидатовъ на губернаторскую должность. Подобная система управленія провинціями, имѣвшая скорѣе видъ откупа, примѣнялась и къ булюкамъ или округамъ, которые губернаторами ввѣрялись тѣмъ, кто больше платилъ, а сими послѣдними соблюдалась въ отношеніи деревенскихъ старшинъ и пр.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, что населеніе Персіи далеко не благоденствовало при Фетх-Али-шахѣ. И дѣйствительно, найти человѣка довольнаго своею судьбою въ то время было не менѣе рѣдко, какъ и теперь.

Въ странѣ, которой правительство беретъ, вмѣсто того, чтобы занимать, само собою разумѣется, нельзя предполагать народнаго долга (dette publique). Персія его не имѣетъ. Что же касается казны Фетх-Али-шаха въ деньгахъ и драгоцѣнностяхъ, то, по мнѣнію Амбургера, бывшаго консула нашего въ Тавризѣ, ее можно было оцѣнить въ то время въ 300 куруровъ (куруръ=500 т. черв.) или въ 150 милліоновъ р. с. (?).

Расходы Фетх-Али-шаха, соотвѣтственно его доходамъ, были вообще очень умѣренны. Они не превышали 2 милліоновъ черв. и обращались на удовлетвореніе 10-ти баталіоновъ пѣхоты, артиллеристовъ, министровъ, чиновниковъ его канцеляріи и, главнымъ образомъ, на содержаніе гарема.

Нигдѣ на Востокѣ полигамія не развилась въ такой силѣ, какъ въ Персіи. Въ Турціи она несравненно слабѣе. Что касается собственно Фетх-Али-шаха, то можно положительно сказать, что со времени Ислама ни одинъ вѣнценосецъ подобно ему не могъ похвалиться такимъ громаднымъ гаремомъ и мы имѣемъ полное право назвать его—и разумѣется—только въ этомъ отношеніи—Соломономъ [1]) новѣйшаго

[1]) Склонность къ утѣхамъ чувственнымъ поработила и Соломона—мудрѣйшаго изъ царей. Онъ имѣлъ 700 женъ и 300 наложницъ, хотя это было запрещено особымъ закономъ (Второзаконія гл. XVII, ст. 17). Между женами Соломона первая упоминается дочь Фараона (3 кн. Царств. XI. I).

времени. У Фетх-Али-шаха было слишкомъ 300 женъ. Среди этой-то ближайшей своей обстановки, онъ любилъ предаваться самымъ неожиданнымъ прихотямъ чувственныхъ наслажденій, которыя поглощали, можно сказать, всѣ его мысли, все его существо.... Разскажу для примѣра слѣдующее:

.....Это было въ Тегеранѣ. Въ одинъ іюльскій день, когда полуденный зной значительно ослабѣлъ и въ воздухѣ замѣтно стала разливаться прохлада, я приказалъ осѣдлать лошадь и отправился за городъ. Я ѣхалъ на этотъ разъ съ цѣлью посѣтить Нигаристанъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ загородныхъ дворцовъ, построенный Фетх-Али-шахомъ.

Подъѣхавъ къ саду, я черезъ полуразрушенныя ворота вступилъ въ главную аллею. Она тянется на довольно большое протяженіе и, упираясь на самой серединѣ въ прекрасную ротонду, съ обширнымъ бассейномъ, раздѣляется на-двое. За ротондою боковыя аллеи опять сходятся въ главную, которая оканчивается у самаго дворца, стоящаго въ концѣ сада.

Дворецъ со всѣми къ нему пристройками довольно обширенъ. Изъ имѣющихся въ немъ двухъ залъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя тронная—своею стѣнописью. Прямо противъ входа изображенъ на стѣнѣ Фетх-Али-шахъ съ нѣсколькими стоящими по сторонамъ его сыновьями; на боковыхъ-же стѣнахъ—знатнѣйшіе вельможи Ирана и нѣсколько европейцевъ: въ числѣ послѣднихъ Малькольмъ, сэръ Узлей и Моріеръ, авторъ „Хажди-Бабы".

Съ правой стороны отъ главнаго фасада есть низкій проходъ подъ сводомъ, ведущій на небольшой дворикъ, сообщающійся съ другимъ—бо́льшимъ, на которомъ находятся гаремныя помѣщенія. На первомъ дворикѣ, противъ устроеннаго посреди бассейна, возвышается искусственная, подъ сводомъ, и весьма крутая гора, вершина которой сообщается съ гаремомъ. О гаремныхъ собственно помѣщеніяхъ сказать нечего: это небольшія комнаты, ничѣмъ не отличающіяся одна отъ другой и состоящія изъ голыхъ стѣнъ, безъ всякихъ украшеній.

Что касается дворцоваго сада, то онъ принадлежитъ къ лучшимъ, какіе мнѣ случалось видѣть въ окрестностяхъ Тегерана. Роскошныя деревья, доставляющія чудную тѣнь, и разлитое въ воздухѣ благоуханіе отъ безчисленныхъ цвѣтовъ дѣлаютъ его безподобнымъ пріютомъ среди пустынной мѣстности, отъ палящаго зноя иранскаго солнца.

Во время пребыванія Фетх-Али-шаха въ Нигаристанѣ, описанный мною выше дворикъ съ бассейномъ обыкновенно устилался богатѣйшими коврами, и повелитель Персіи, сидя предъ бассейномъ и не выпуская изъ рукъ кальяна, со всею отличавшею его страстностью

слѣдилъ за своими женами, которыя, скатываясь съ горы въ бассейнъ, одна передъ другою старались очаровать его сердце. Гора въ этихъ случаяхъ покрывалась дорогимъ бархатомъ....

Но прошли годы: всесокрушающее время наложило печать разрушенія на Нигаристанъ и только потѣхи его соорудителя, живя въ устахъ народа, служатъ и понынѣ предметомъ для разсказовъ....

Отличительною чертою характера Фетх-Али-шаха была непомѣрная жадность къ деньгамъ. Страсть эта развилась въ немъ до громадныхъ размѣровъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, она была слѣдствіемъ той бѣдности, которою сопровождалось его дѣтство. Разсказываютъ, что мать его зачастую не знала чѣмъ покрыть расходъ на денную пищу. Ближе же всего склонность Фетх-Али-шаха къ деньгамъ можно объяснить тѣми расходами, которые поглощались его гаремомъ.

Государственными дѣлами онъ занимался мало, чтобы не сказать, что вовсе ими не занимался. Предоставивъ все управленіе государствомъ своимъ сыновьямъ и назначивъ ихъ въ губернаторы разныхъ провинцій, онъ, не входя въ самый образъ ихъ дѣйствій и мало заботясь объ участи своихъ подданныхъ, изнывавшихъ подъ бременемъ безграничнаго деспотизма, требовалъ отъ нихъ только денегъ. Но въ послѣдніе годы царствованія Фетх-Али-шаха, сыновья его, ожидавшіе со дня на день кончины отца, прекратили отправленіе денегъ, такъ что на одномъ правителѣ Шираза, Хусейн-Али-мирзѣ, считалось недоимки въ 600,000 тумановъ (1.800,000 р. с.). Такое поведеніе послѣдняго навлекло на него гнѣвъ отца, который и выступилъ противъ непокорнаго сына. Но походъ этотъ имѣлъ для Фетх-Али-шаха весьма грустный исходъ: онъ занемогъ въ Испагани, гдѣ и умеръ отъ истощенія силъ, 13-го октября 1834 года, на 72-мъ году отъ рожденія.

Наслѣдникомъ престола Фетх-Али-шахъ избралъ, помимо двухъ старшихъ сыновей, своего любимца Аббас-мирзу. Воспитанный въ нѣгѣ и роскоши, принцъ этотъ былъ, однако же, врагомъ всякой пышности и держалъ себя менѣе гордо чѣмъ другіе. Обращеніе его отличалось простотою и любезностію. Главнымъ недостаткомъ его было чрезмѣрное властолюбіе. Къ Россіи и русскимъ Аббас-мирза питалъ непримиримую вражду, которую въ немъ въ особенности поддерживали англичане, смотрѣвшіе далеко неравнодушно на возраставшее вліяніе наше въ этой части Азіи.

Резиденціею Аббас-мирзы былъ Тавризъ, главный городъ ввѣренной его управленію Адербейджанской провинціи. Онъ умеръ годомъ раньше Фетх-Али-шаха, а именно 10-го октября 1833 года, въ Мешедѣ, во время Хорасанскаго похода.

Первымъ лицомъ при шахѣ былъ Мирза-Шефи. Сынъ Мирза-Ахмед-хана, когда-то служившаго въ войскахъ Надир-шаха, онъ родился въ Испагани, откуда еще въ молодыхъ лѣтахъ удалился въ Мазандеранскую область, гдѣ и поселился въ Бендипеѣ. Тамъ онъ нѣкоторое время состоялъ при начальникѣ мѣстечка Хаджи-Джан-ханѣ, отъ котораго перешелъ къ Ага-Мамед-хану, сдѣлавшему его визиремъ и оказывавшему ему особенное расположеніе и довѣріе. Въ день его смерти, Мирза-Шефи находился въ Тегеранѣ и вмѣстѣ съ губернаторомъ города Мирза-Мухаммед-ханомъ-Каджаромъ способствовалъ восшествію на престолъ Фетх-Али-шаха. Когда же вслѣдъ затѣмъ тогдашній первый министръ Мирза-Ибрагим-ханъ былъ убитъ, онъ занялъ его мѣсто съ титуломъ садри-азама.

Мирза-Шефи отличался непомѣрною скупостію и, какъ отъявленный взяточникъ, нажилъ себѣ громадное состояніе. Онъ имѣлъ нѣсколько сыновей, но они всѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ; на единственной же дочери его женился сынъ Фетх-Али-шаха, Хумаюн-мирза, къ которому и перешло все его состояніе.

Въ пріѣздъ Ермолова Мирзѣ-Шефи было 80 лѣтъ. Онъ скончался 19-го рамазана 1234 (1818—1819) года, въ городѣ Казвинѣ, на возвратномъ пути изъ Султаніэ, и погребенъ въ Кербелаѣ.

Преемникомъ его, по должности перваго министра, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ низам-уд-доулэ-Мамед-Хусейн-ханъ. Онъ началъ службу при Ага-Мамед-ханѣ и былъ въ разное время правителемъ Кашана, Кума и Испагани, гдѣ о немъ сохранились самыя добрыя воспоминанія. Душою преданный земледѣлію и нерѣдко личнымъ примѣромъ поощряя крестьянина къ труду, онъ наживалъ большія деньги, которыя сполна тратилъ на бѣдныхъ и жертвовалъ на дѣла благотворительныя. Щедрость его дошла до того, что его сравнивали съ Хатемомъ, начальникомъ одного изъ арабскихъ племенъ, и съ эмиромъ Омаядовъ Мени-Заидэ, а въ раздачѣ милостыни съ Кааномъ, сыномъ Чингиз-хана. Занимая уже высокое мѣсто въ государствѣ, онъ зачастую переодѣвался въ простое платье и въ сумеркахъ, никѣмъ не замѣченный, бродилъ по тегеранскимъ улицамъ и трущобамъ, отыскивая бѣдныхъ и нуждающихся. Надѣляя ихъ деньгами и вещами, онъ просилъ только молиться о немъ и не осуждать за то, что не можетъ доставить имъ полнаго обезпеченія. Придворнымъ чинамъ онъ назначилъ лично отъ себя ежегодныя субсидіи. Столъ его былъ открытъ для всѣхъ и каждаго. Въ Персіи разсказываютъ, что однажды ночью, въ водѣ, въ которой въ домѣ его отваривался пловъ, утонуло три человѣка (?). Въ Кербелай, Неджефъ и другія священныя мѣста онъ отправилъ въ теченіе своей жизни свыше 100 т. червонцевъ.

Мамед-Хусейн-ханъ умеръ въ Тегеранѣ въ 1238 (1822—1823) г. Его замѣнилъ старшій сынъ его Абдулла-хан-эмин-уд-доулэ. Другой сынъ его, Ибрагим-ханъ, женился на дочери [1]) Фетх-Али-шаха и жилъ постоянно въ Тегеранѣ; наконецъ, третій, Мирза-Абдул-Хусейн-ханъ, былъ одно время правителемъ Семнана, а потомъ придворнымъ казначеемъ. Въ послѣдствіи онъ поселился въ Испагани, гдѣ заслужилъ всеобщее уваженіе за высокую нравственность и пользовался репутаціею отличнаго медика.

Особеннымъ уваженіемъ Фетх-Али-шаха пользовался муэтемид-уд-доулэ (т. е. опора государства), Мирза-Абдул-Вехабъ. Урожеенецъ Испагани, онъ, благодаря глубокому знанію языковъ арабскаго, персидскаго и турецкаго, а главное—особенному умѣнію сочинять бумаги, успѣлъ достигнуть степени государственнаго секретаря. Состоя болѣе 30-ти лѣтъ при особѣ шаха, онъ нерѣдко принималъ участіе въ обсужденіи обще-государственныхъ вопросовъ, подлежавшихъ вѣденію перваго министра.

Мирза Абдул-Вехабъ скончался въ 1244 (1828—1829) году, отъ чахотки.

Въ персидской литературѣ извѣстенъ его Письмовникъ, служащій образцомъ высокаго и изящнаго слога и изданный имъ подъ псевдонимомъ нишатъ, т. е. радость. Слово это, по смерти автора, дало поводъ къ слѣдующему каламбуру: „съ кончиною Мирза-Абдул-Вехаба народъ лишился радости“.

Изъ ближайшихъ родныхъ шаха, назовемъ перваго его адъютанта Аллах-Яр-хана [2]), сына Мирза-Мамед-хана рукн-уд-доулэ (столбъ государства), одного изъ первостепенныхъ хановъ каджарскаго племени. Фетх-Али-шахъ выдалъ за него дочь свою Марьям-ханумъ, а сына Аббас-мирзу женилъ на его сестрѣ. Отъ этого брака у Аббас-мирзы родились три сына: Мамед-шахъ, Бехмен-мирза [3]) и Кахраман-мирза.

Аллах-Яр-ханъ нѣкоторое время имѣлъ званіе министра, а послѣ смерти Фетх-Али-шаха былъ правителемъ Хорасана. Въ началѣ 40-хъ годовъ, вслѣдствіе разныхъ интригъ и открыто выраженнаго имъ неудовольствія противъ тогдашняго министра Хаджи-мирза-Агаси, ему было поручено, въ видахъ удаленія его изъ Персіи, сопровождать сестру свою, мать Мамед-шаха, на богомолье въ Мекку. На возврат-

[1]) По имени Исмет-доулэ.

[2]) Онъ имѣлъ титулъ Асиф-уд-доулэ, т. е. Асифъ государства. Асифъ, по преданіямъ восточнымъ, былъ визиремъ Соломона и не уступалъ ему въ мудрости.

[3]) Онъ живетъ въ Шушѣ, подъ покровительствомъ русскаго правительства.

номъ пути оттуда Аллах-Яр-ханъ занемогъ и умеръ въ Кербелаѣ, не видавъ болѣе своей родины.

Весьма видное мѣсто въ ряду придворныхъ занималъ Мамед-Хусейн-ханъ Мервскій, сынъ Байрам-Али-хана изъ каджарскаго поколѣнія Изид-динлу. Отецъ его, унаслѣдовавъ отъ предковъ управленіе Мервомъ, былъ убитъ Бейджан-ханомъ Туркменскимъ. Послѣ его смерти Мамед-Хусейн-ханъ удалился было въ Испагань, но вскорѣ возвратился въ Мервъ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ Наср-Эддиномъ-Тюрэ и отвезенъ въ Бухару. Въ послѣдствіи ему удалось бѣжать въ Хорасанъ къ Ага-Мамед-хану и послѣ умерщвленія его устроиться при Фетх-Али-шахѣ, который навсегда сохранилъ къ нему доброе расположеніе.

Мамед-Хусейн-ханъ имѣлъ титулъ фехр-уд-доулэ, т. е. „гордость государства" и умеръ въ 1233 (1817—1818) году.

Здѣсь же упомянемъ о Манучехр-ханѣ, шахскомъ евнухѣ, знакомомъ читателямъ „Русской Старины" изъ статьи моей „Смерть А. С. Грибоѣдова" (см. т. VI, изд. 1872 г., стр. 163—207); Манучехрханъ, изъ армянской фамиліи Ениколоповыхъ, въ послѣдствіи правитель Испагани, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами во время осады кн. Цицiановымъ (1802—1806) крѣпости Эривани, привезенъ въ Тавризъ и тамъ оскопленъ. Онъ имѣлъ титулъ муэтемид-уд-доулэ, т. е. „опора государства".

Что касается Мирза-Абуль-Хасан-хана, бывшаго посла при петербургскомъ дворѣ, въ послѣдствіи министра иностранныхъ дѣлъ и пользовавшагося особеннымъ почетомъ въ Персіи, а также Абдуллаширзы, правителя Зенгана, его визиря Мирзы-Таги, валія Курдистана Аман-Уллах-хана, 2-го шахскаго адъютанта Махмуд-хана и посольскаго михмандаря Аскер-хана Авшара, то мы считаемъ излишнимъ вдаваться въ біографическія о нихъ подробности, такъ какъ они въ сношеніяхъ посольства Ермолова съ высшими властями имѣли весьма малое значеніе.

При наслѣдникѣ былъ своего рода садри-азамъ, въ лицѣ каймакама [1]) Мирза-Безюрга. Уроженецъ Ферахана и происхожденія сеидскаго, т. е. изъ потомковъ пророка, онъ былъ, по значенію своему, вторымъ лицомъ въ государствѣ и пользовался особеннымъ довѣріемъ шаха. Ему было поручено воспитаніе Аббас-мирзы, надъ которымъ онъ имѣлъ неотразимое вліяніе. Не обладая особеннымъ умомъ и будучи скорѣе „une grande tête pour les petites affaires", какъ о немъ выразился Мазаровичъ, нашъ повѣренный (1818—1827) въ Теге-

[1]) Почетный титулъ, жалуемый товарищу перваго министра.

ранѣ, Мирза-Безюргъ отличался хитростію, а главное, непримиримою враждою къ Россіи, которой изыскивалъ всѣ способы наносить вредъ. Онъ оставался при Аббас-мирзѣ до самой смерти, имѣвъ преемникомъ по себѣ старшаго сына визиря Мирза-Абуль-Касима, къ которому перешелъ и титулъ каймакама. Превосходя отца столько же хитростію, сколько умомъ, и пользуясь репутаціею поэта, Мирза-Абуль-Касимъ въ особенности извѣстенъ своею безнравственностію, страстію къ деньгамъ и безмѣрнымъ честолюбіемъ. Персія дрожала при одномъ его имени и глубоко его ненавидѣла. Онъ былъ убитъ, по повелѣнію Мамед-шаха, вслѣдствіе обнаруженнаго замысла свергнуть его съ престола и самому царствовать именемъ малолѣтняго Наср-Эддина, нынѣшняго шаха Персіи.

Другой сынъ Мирза-Безюрга, по имени Муса-ханъ, былъ женатъ на Шемс-баз-ханумѣ, дочери Фетх-Али-шаха, но онъ въ пріѣздъ Ермолова имѣлъ не болѣе 17-ти лѣтъ и никакой должности не занималъ.

Губернаторомъ или беглербегомъ Тавриза былъ Фетх-Али-ханъ, сынъ Хидхет-хана Рештскаго, убитаго по повелѣнію Ага-Мамед-хана. Фетх-Али-ханъ въ душѣ ненавидѣлъ каджарскую династію и былъ отъявленный пьяница. Онъ умеръ вскорѣ послѣ послѣдней войны нашей съ Персіей.

Однофамилецъ Фетх-Али-хана былъ придворнымъ поэтомъ и умеръ въ 1238 (1822—1823) году, въ Тегеранѣ.

Одною изъ пограничныхъ съ нашими Закавказскими владѣніями персидскою областью была Эриванская. Она находилась подъ управленіемъ сердаря Хусейн-хана, уроженца Казвина и по происхожденію землепашца. Положеніемъ же своимъ онъ былъ обязанъ, равно какъ и братъ его Хасан-ханъ, личной храбрости, оказанной во время Хорасанскаго похода, предпринятаго Фетх-Али-шахомъ вскорѣ по восшествіи на престолъ. Сердарь былъ человѣкъ необыкновенныхъ дарованій и считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Персіи, хотя ни читать, ни писать не умѣлъ. Онъ управлялъ областью почти самовластно и, обращая главное вниманіе на сельское хозяйство, привелъ ее въ то цвѣтущее положеніе, какимъ ни одна провинція Персіи похвалиться не могла.

Война, предпринятая въ 1826 году Аббас-мирзой противъ Россіи вопреки самымъ убѣдительнымъ увѣщаніямъ сердаря, предвидѣвшаго печальный ея исходъ для Персіи, послужила къ гибели и самого Хусейн-хана. Возвратившись послѣ взятія Эривани въ Казвинъ, онъ былъ потребованъ къ отвѣту въ Тегеранъ, гдѣ скрылся въ шахской конюшнѣ, считающейся однимъ изъ заповѣдныхъ убѣжищъ отъ

преслѣдованія, и тамъ черезъ нѣсколько дней кончилъ жизнь, на 70-мъ году отъ рожденія.

Братъ же его Хасанъ-ханъ, состоявшій при немъ начальникомъ конницы и пользовавшійся репутаціей горькаго пьяницы, ушелъ въ Кербелай, гдѣ и умеръ, посвятивъ послѣдніе дни посту и молитвѣ.

Наконецъ, мнѣ остается въ заключеніе этой главы упомянуть о Келб-Али, ханѣ Нахичеванскомъ. Онъ управлялъ провинціею съ конца XVIII вѣка и былъ столько же замѣчателенъ умомъ и хитростію, сколько жестокостію и коварствомъ. Когда Ага-Мамед-ханъ, въ послѣдніе годы царствованія, занятый мыслью объ упроченіи престола за своимъ племянникомъ Фетх-Али, началъ преслѣдовать подозрѣваемыхъ имъ въ неблагонадежности и опасныхъ по своему вліянію при исполненіи лучшей его мечты, онъ въ числѣ прочихъ приказалъ выколоть глаза Келб-Али-хану, отпустивъ его по прежнему управлять ханствомъ.

Звѣрскій поступокъ этотъ, само собою разумѣется, поставилъ несчастнаго хана въ числѣ смертельныхъ враговъ владѣтеля Персіи. Онъ затаилъ чувство мщенія и, оказывая Персіи наружную преданность, въ душѣ сталъ искать сближенія съ Россіею. Но завѣтная мысль его осталась безъ осуществленія: Келб-Али-ханъ скончался въ 1823 году, дѣятельно управлявъ ханствомъ 28 лѣтъ послѣ своего ослѣпленія.

Мстителемъ за отца явился родной сынъ его Эксан-ханъ. Едва только началась война 1826 года, онъ передался Россіи, оказавъ ей громадныя услуги противъ персіянъ.

III.

Выѣздъ посольства изъ Тифлиса.—Гумры.—Талынь.—Эчміадзинъ.—Патріархъ Ефремъ.—Эривань.—Хасан-ханъ и Хусейн-ханъ сердарь. — Обѣдъ въ сердарскомъ саду.—Давалу.—Нахичевань.—Лагерь на Араксѣ.—Согланъ.—Въѣздъ въ Тавризъ.—Таинственный всадникъ.

Выѣздъ посольства изъ Тифлиса былъ назначенъ на 17-е апрѣля 1817 г. Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, Сіонскій соборъ началъ наполняться народомъ; къ тому же времени собрались туда и всѣ члены посольства. Священнодѣйствовалъ митрополитъ Варлаамъ [1]). По окончаніи молебствія, отъѣзжающіе вышли изъ-подъ сводовъ древняго храма, тутъ же сѣли на лошадей и, напутствуемые всевозможными пожеланіями населенія, выѣхали изъ города. Погода стала ясная и теплая. Первые два переѣзда черезъ сел. Коды до дер.

[1]) Скончался въ томъ-же, 1817-мъ, году.

Эмир-Айвазло, куда посольство сопровождали генералы Кутузовъ [1]) и Сталь [2]), совершились благополучно; дальнѣйшее же путешествіе черезъ кр. Лори и сел. Караклисъ на Гумры, нынѣшній Александрополь, представляло довольно большія затрудненія, особенно при переѣздѣ черезъ р. Джелал-оглу и гору Безобдалъ, гдѣ еще лежалъ глубокій снѣгъ. Пробывъ въ Гумрахъ два дня, Ермоловъ 28-го числа прибылъ въ Талынь,—первое селеніе на персидской границѣ, гдѣ его ожидали чиновникъ эриванскаго сердаря и назначенный къ нему отъ персидскаго правительства, въ качествѣ михмандаря [3]), Аскеръ-ханъ, нѣкогда состоявшій посломъ при Наполеонѣ. За Талынью слѣдовалъ Эчміадзинъ. Въ недальнемъ отъ него разстояніи, на встрѣчу посольства выѣхали архіепископъ и три епископа, а нѣсколько далѣе, на прекрасной лошади, въ золотой збруѣ, самъ патріархъ Ефремъ [4]). Остальное духовенство, въ полномъ облаченіи и съ хоругвями, ожидало его у самыхъ монастырскихъ воротъ, откуда проводило, при колокольномъ звонѣ и стрѣльбѣ изъ фальконетовъ, до приготовленныхъ для него покоевъ. На слѣдующій день Ермоловъ принималъ у себя патріарха и затѣмъ присутствовалъ при богослуженіи, кончившемся краткою его рѣчью объ упроченіи мира между Россіею и Персіею и объ успѣшномъ исполненіи порученія, возложеннаго государемъ императоромъ на посольство. Пожеланія эти были высказаны тѣмъ съ бо́льшею искренностію, что эчміадзинское духовенство всегда находило въ заступничествѣ Россіи вѣрнѣйшую защиту противъ всѣхъ насилій и притѣсненій персидскаго правительства.

День кончился обѣдомъ у Ермолова, на которомъ патріархъ, однако же, не присутствовалъ, и надо полагать—изъ опасенія какихъ либо навѣтовъ отъ множества шпіоновъ, приставленныхъ сердаремъ для наблюденія за нашимъ съ нимъ обращеніемъ.

---

[1]) Генералъ-маіоръ Александръ Петровичъ Кутузовъ, начальникъ дивизіи въ Грузіи. Онъ оставался въ 1817 г. главнымъ здѣсь начальникомъ на время отсутствія Ермолова въ Персію и умеръ наканунѣ его возвращенія.

[2]) Генералъ-маіоръ Карлъ Ѳедоровичъ Сталь 2-й, изъ лифляндскихъ дворянъ, началъ службу въ 1790 году вахмистромъ, а въ 1801 принималъ участіе въ прекращеніи безпорядковъ въ Большой Кабардѣ. Посвятивъ всю службу Кавказу, онъ занималъ разныя должности и, между прочимъ, грузинскаго губернатора и командующаго войсками на Линіи, гдѣ и скончался въ 1824 году.

[3]) Чиновникъ, назначаемый правительствомъ для встрѣчи на границѣ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса и сопровожденія ихъ до Тегерана или другаго города Персіи. Обязанность его заключается въ наблюденіи за безопасностію порученныхъ его попеченію лицъ и доставленія имъ всевозможныхъ облегченій въ пути.

[4]) Скончался въ Эчміадзинѣ, 16-го іюля 1835 года.

3-го мая посольство оставило Эчміадзинъ и направилось къ Эривани. На половинѣ дороги его встрѣтилъ родной братъ сердаря Эриванскаго Хасан-ханъ, во главѣ 5,000 куртинскихъ всадниковъ, а не доѣзжая версты полторы до города и самъ сердарь Хусейн-ханъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что вѣжливость, на которую этотъ старикъ былъ вызванъ вслѣдствіе приказанія свыше, пришлась ему далеко не по сердцу. Проливной-же дождь, шедшій въ это время и пробравшій его до костей, довершилъ его неудовольствіе. А потому, лишь только онъ вступилъ въ черту города, какъ тотчасъ откланялся; Ермоловъ же отправился на форштадтъ, гдѣ и помѣстился въ домѣ баталіоннаго командира серхенга (полковника) Мамед-бека.

Между тѣмъ, дождь не только не стихалъ, но, напротивъ, до того усилился на слѣдующій день, что Ермоловъ и сердарь могли обмѣняться визитами не ранѣе 5-го числа, при чемъ первое посѣщеніе послѣдовало со стороны Хусейн-хана. Во время этихъ свиданій ни съ той, ни съ другой стороны не было и помину о какихъ бы то ни было дѣлахъ, но все ограничилось изъявленіями однихъ лишь чувствъ взаимнаго расположенія и непоколебимой дружбы. Какъ въ этотъ, такъ и на другой день, посольство обѣдало у сердаря: первый разъ въ его дворцѣ, на берегу р. Занги, а другой въ саду, гдѣ игралъ хоръ нашей музыки и угощали нашимъ виномъ и десертомъ. „Крѣпкіе напитки и пуншевое мороженое,—говоритъ Ермоловъ въ своей запискѣ о Персіи,—были въ общемъ вкусѣ. Изъ благопристойности то и другое называли мы цѣлительнымъ для желудка составомъ. Отъ наименованія сего наморщились рожи персіянъ, но пріятный вкусъ, а паче очаровательная сила оживили ихъ веселіемъ, и въ честь закона твоего, великій пророкъ, не вырвался и одинъ вздохъ раскаянія. Главный докторъ сердаря болѣе всѣхъ вкусилъ цѣлительнаго состава, а имъ ободренный сердарь далъ примѣръ прочимъ собесѣдникамъ. Долго на лицѣ одного изъ священнослужителей изображался упрекъ въ невоздержаніи, но розовый ликеръ смягчилъ ожесточеніе мусульманина и усладилъ горесть его“.

Солнце стояло еще довольно высоко, когда Ермоловъ простился съ сердаремъ. На слѣдующее утро онъ оставилъ Эривань и, слѣдуя черезъ сел. Давалу, гдѣ генералъ Котляревскій при князѣ Циціановѣ (1802—1806 гг.) съ 700 человѣкъ разбилъ 30-ти тысячный корпусъ персіянъ, прибылъ 11-го мая въ Нахичевань, радушно принятый Келб-Али-ханомъ [1]). 13-го числа онъ переправился черезъ Араксъ, на правомъ берегу котораго былъ разбитъ лагерь. Дальнѣйшій путь

[1]) Ханъ Нахичеванскій, лишенный зрѣнія Ага-Мамед-ханомъ-Каджаромъ.

на Марандъ и Софіянъ до самаго Соглана не представлялъ ничего достойнаго вниманія. Около послѣдняго пункта былъ сдѣланъ привалъ и начались приготовленія посольства къ въѣзду въ Тавризъ, до котораго оставалось около 15-ти верстъ. Въ Согланѣ Ермолова ожидалъ племянникъ каймакама, отправленный Аббас-мирзою съ пышнымъ привѣтствіемъ, коего смыслъ заключался въ желаніи его, чтобы знакомство ихъ было бы столько же сладко, какъ и присланные имъ фрукты. Наконецъ, наступило 19-е мая—день въѣзда въ резиденцію наслѣдника. По мѣрѣ приближенія къ городу, къ посольству начали присоединяться разнаго званія и степени лица, спѣшившія одинъ передъ другимъ привѣтствовать и поздравить Алексѣя Петровича съ счастливымъ прибытіемъ въ столицу Адербейджана. Въ числѣ другихъ его встрѣтили Тавризскій беглербегъ (губернаторъ) Фетх-Алиханъ, а за нимъ, окруженный блестящею свитою, сынъ Мирза-Безюрга, визирь Мирза-Абуль-Касимъ. Нѣсколько далѣе отъ мѣста ихъ встрѣчи было собрано около 16 т. войска, выстроеннаго по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго Тавриза; впереди фронта стояли обучавшіе ихъ офицеры Индѣйской компаніи: одни въ англійскихъ мундирахъ, другіе въ костюмахъ собственнаго изобрѣтенія. Съ приближеніемъ посольства началась пушечная пальба. Стеченіе народа при этомъ было громадное. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Ермоловъ, предшествуемый хоромъ нашей музыки и окруженный свитою, проѣзжалъ войска, отдававшія ему воинскія почести, позади фронта, сквозь густую толпу любопытныхъ пробирался на прекрасномъ конѣ всадникъ, тщательно закрывавшій лицо черною епанчою. Незнакомецъ, какъ было замѣтно, не сводилъ глазъ съ Ермолова и зорко слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, какъ бы желая проникнуть въ его душу, узнать его мысли и все то, что онъ чувствовалъ въ данную минуту. Передъ самымъ городомъ таинственный всадникъ скрылся и никто его болѣе уже не видѣлъ. То былъ Аббас-мирза, наслѣдникъ персидскаго престола....

Ад. П. Берже.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАЩИТА МИХАЙЛОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ

22-го марта 1840 г.

I.

Турція по Адріанопольскому трактату хотя и отказалась отъ территоріальныхъ правъ своихъ на сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, но втайнѣ она не переставала поддерживать противъ насъ религіозный фанатизмъ черкесскихъ племенъ и въ изобиліи снабжать ихъ порохомъ, желѣзомъ, свинцомъ и другими припасами. Эти именно недружелюбныя отношенія къ намъ сосѣдственной державы вызвали мысль о возведеніи вдоль восточнаго берега Чернаго моря цѣлаго ряда укрѣпленій, съ цѣлью не только прекращенія свободнаго сообщенія съ горцами, но и уничтоженія торговли черкесскими невольницами, такъ выгодно сбывавшимися на главныхъ рынкахъ мусульманскаго Востока. При назначеніи на Кавказъ корпуснымъ командиромъ генерала Головина (1837—1842), Черноморская береговая линія, можно сказать, только что возникала. Укрѣпленіе Новотроицкое было крайнею его точкою на сѣверной оконечности, а укрѣпленіе Св. Духа на южной; все же пространство между этими пунктами оставалось открытымъ для Турціи. Въ концѣ 1830-хъ годовъ были построены укрѣпленія: Навагинское, Тенгинское, Головинское, Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и другія. Замѣняя у насъ такъ называемые camp retranché французовъ въ Алжирѣ, укрѣпленія эти были ничто иное, какъ небольшіе редуты, окруженные рвомъ и насыпнымъ валомъ, за которымъ находились казармы, офицерскіе домики и церковь. Защита каждаго изъ нихъ была ввѣрена двумъ, рѣдко тремъ или четыремъ ротамъ,

которыя, при крайне неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, почти никогда не находились въ полномъ боевомъ составѣ. Сообщеніе между укрѣпленіями происходило моремъ, на небольшихъ гребныхъ судахъ; о сухопутномъ же сообщеніи берегомъ нельзя было и помыслить, въ виду неустройства дороги и большой опасности отъ горцевъ. При такихъ условіяхъ становится понятною жизнь нашихъ гарнизоновъ. Брошенные на глухой и пустынный берегъ моря, на которомъ располагали лишь ничтожнымъ клочкомъ земли въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ возведеннаго на немъ укрѣпленія, они были обречены на самую тяжелую, полную тревогъ службу, безъ всякой надежды, въ случаѣ нужды, на какую либо помощь извнѣ. Если къ этому прибавить тѣ еще моральныя испытанія, которымъ они подвергались вслѣдствіе постояннаго опасенія за жизнь отъ нерѣдкихъ въ тѣхъ мѣстахъ эпидемическихъ болѣзней, или фанатизма горцевъ, а также дурную пищу и другія лишенія, то нельзя не согласиться, что болѣе безотраднаго положенія не могло бы придумать и самое пылкое воображеніе. Съ открытіемъ навигаціи и съ приходомъ нашей эскадры для снабженія укрѣпленій свѣжими съѣстными припасами, гарнизоны нѣсколько оживали, но эти мгновенныя вспышки, съ уходомъ судовъ въ Севастополь и съ наступленіемъ зимнихъ мѣсяцевъ, еще сильнѣе давали имъ чувствовать всю безвыходность ихъ положенія въ этихъ дикихъ захолустьяхъ морскаго побережья.

Въ боевыхъ лѣтописяхъ Черноморской береговой линіи въ особенности памятенъ 1840-й годъ. Сильная смертность, отъ свирѣпствовавшихъ тамъ съ осени 1839 года дизентеріи и злокачественныхъ лихорадокъ, до того ослабила наши гарнизоны, что они сдѣлались вполнѣ несостоятельными къ оборонѣ; о значительномъ-же подкрѣпленіи извнѣ нечего было думать. Въ горахъ еще того было хуже. Продолжавшіеся тамъ нѣсколько лѣтъ сряду неурожаи подготовили между черкесскими племенами небывалый до того голодъ, произведшій между ними всеобщее возстаніе. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, почетнѣйшія и болѣе вліятельныя лица изъ шапсуговъ, убыховъ и джигетовъ на общей сходкѣ постановили воспользоваться продовольственными запасами въ нашихъ приморскихъ укрѣпленіяхъ, которыми и рѣшились овладѣть открытою силою. Осуществленіе

этого предпріятія не могло представить имъ особыхъ затрудненій, такъ какъ они зорко слѣдили за всѣмъ происходившимъ въ укрѣпленіяхъ и всегда получали самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ гарнизоновъ отъ поляковъ-перебѣжчиковъ.

Прежде всего они обратились къ форту Лазарева при рѣкѣ Псезуапе, которымъ овладѣли безъ труда, изрубивъ, 7-го февраля, воинскаго начальника капитана Марченко и уничтоживъ почти весь его гарнизонъ. Ободренные успѣхомъ, горцы собрались снова и въ бóльшихъ силахъ и взяли (29-го февраля) фортъ Вельяминовскій, на рѣкѣ Туапсѣ, а 21-го марта направились къ укрѣпленію Михайловскому, расположенному между укрѣпленіями Новотроицкимъ и Тенгинскимъ, на рѣкѣ Вуланѣ. Но на этотъ разъ они были менѣе счастливы. — Подробности происшедшаго здѣсь дѣла, завершившаго управленіе Черноморскою береговою линіей ген.-л. Раевскаго [1]), передавались въ разное время и съ разными варіантами; самое же вѣрное ихъ изложеніе принадлежитъ современнику событія, ген.-м. фонъ-Бринку [2]), котораго разсказъ,

---

[1]) Ген.-л. Николай Николаевичъ Раевскій 3-й, изъ дворянъ Кіевской губерніи. Онъ началъ службу въ 1811 году подпрапорщикомъ въ Орловскомъ пѣхотномъ полку, изъ котораго былъ переведенъ сначала въ 5-й егерскій, а въ 1814 г. — л.-гв. въ гусарскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-адъют. Васильчикову. Въ 1821 году онъ состоялъ въ той-же должности при баронѣ Дибичѣ, а два года спустя, въ чинѣ полковника, былъ переведенъ въ Сумскій гусарскій полкъ, затѣмъ поочередно – въ Курляндскій, Харьковскій драгунскіе полки и, наконецъ, въ 1826 году, полковымъ командиромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Николай Николаевичъ принималъ дѣятельное участіе въ отечественной войнѣ; а съ переводомъ его на Кавказъ, въ кампаніяхъ Персидской и Турецкой; во время послѣдней онъ, за взятіе Ахалцыха, произведенъ въ ген.-маіоры. Въ 1837 году онъ состоялъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, а въ январѣ 1839 года, въ чинѣ ген.-лейтенанта и имѣя орденъ Бѣлаго Орла, былъ назначенъ начальникомъ всей береговой линіи. Въ январѣ слѣдующаго года Раевскому пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени; въ мартѣ-же 1841 года онъ уволенъ отъ должности, съ состояніемъ по кавалеріи.

[2]) Ген.-м. Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ былъ въ то время комендантомъ Анапы. Назначенный начальникомъ всей дѣйствующей кавалеріи въ экспедиціи 1841 года, онъ прежде выступленія отряда изъ лагеря при укрѣпленіи Св. Духа къ укрѣпленію Навагинскому, послѣ четырехдневныхъ страданій, скончался 5-го сентября. Онъ, можетъ быть, первый доказалъ, что мѣрами кротости и строгой справедливости можно побѣдить самаго непримиримаго врага и покорить его своей волѣ. Шапсугскіе и Натухайскіе старшины, съ которыми онъ постоянно приходилъ въ столкновеніе, уважали въ немъ безкорыстіе, радушное гостепріимство, строгую справедливость въ разбирательствѣ жалобъ и споровъ

сообщенный намъ старымъ кавказскимъ ветераномъ М. Ѳ. Ѳедоровымъ [1]), мы приводимъ здѣсь дословно:

II.

«Гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія состоялъ изъ роты Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона, подъ командою шт.-кап. Лико (онъ-же былъ и воинскимъ начальникомъ) и роты Тенгинскаго полка, которою завѣдывалъ подпоручикъ Краумзгольдъ; въ ротѣ состояли: прапорщикъ Гаевскій, подпрапорщикъ Корецкій, фельдфебель Комлевъ. Нижнихъ чиновъ въ ротѣ хотя числилось по списку 250 человѣкъ, но, за убылью отъ болѣзней и по другимъ случаямъ, подъ ружьемъ въ это время не было и половины; всего-же гарнизона, въ обѣихъ ротахъ, съ артиллеристами, считалось до 500 человѣкъ, вмѣстѣ съ больными. Когда за убылью этихъ послѣднихъ изъ фронта, нельзя было, въ случаѣ нападенія, занять все протяженіе огневой линіи, шт.-кап. Лико раздѣлилъ укрѣпленіе углубленнымъ ретраншаментомъ, съ амбразурою въ передовой насыпи для орудія, снятаго съ оставленнаго имъ бастіона, обращеннаго къ ущелью, откуда скорѣе всего можно было ожидать нападенія. Извѣстившись о взятіи форта Лазарева, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, объявилъ объ угрожающей имъ опасности, при чемъ напомнилъ долгъ присяги и данное ими обѣщаніе ген. Раевскому «не сдаваться живыми, въ крайности взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріятелемъ». На это на-

---

между ними и анапскими поселянами; неустрашимость же его или, лучше, довѣренность къ горцамъ—изумляла ихъ. Случалось, что человѣкъ по 30 вооруженныхъ черкесовъ ночевали въ его комнатахъ; онъ былъ между ними одинъ и всегда безъ оружія. Нельзя не удивляться, что своими разсказами онъ умѣлъ заставить горцевъ благоговѣть предъ именемъ Государя Императора. 1-го декабря 1840 г., 26 почетныхъ натухайцевъ и шапсуговъ, за особеннымъ столомъ, обѣдали у Егора Егоровича, пили шампанское за здоровье Государя и съ другими кричали «ура!» при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ; вечеромъ они присутствовали на балу и по окончаніи его танцовали лезгинку, чего никакъ не хотѣли исполнить въ присутствіи дамъ. Во время управленія фонъ-Бринка крѣпостью и Анапскимъ поселеніемъ, пять ближайшихъ ауловъ изъявили покорность и дали присягу и аманатовъ: покорность эта не стоила ни одной капли крови. (Изъ разсказовъ М. Ѳ. Ѳедорова).

[1]) Состоялъ въ 1840 году въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку.

поминаніе офицеры и солдаты отозвались единодушнымъ согласіемъ. Затѣмъ, распредѣливъ гарнизонъ по бастіонамъ той части укрѣпленія, которую отдѣлили ретраншаментомъ, условились при неустойкѣ отступать къ бастіону, въ которомъ находился пороховой погребъ, и въ крайности привести въ исполненіе данное слово. Ожидая нападенія, весь гарнизонъ постоянно былъ на готовѣ встрѣтить непріятеля и потому, въ ночное время, въ казармахъ никто не оставался.

«Въ ночь съ 21-го на 22-е марта 1840-го года, съ четверга на пятницу, съ той стороны, откуда именно ожидали нападенія, съ 10-ти часовъ вечера слышенъ былъ лай солдатскихъ собакъ, которыхъ на ночь выгоняли за укрѣпленіе; этого было достаточно, чтобы именно въ эту ночь ожидать нападенія, а потому самъ Лико, за нимъ офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ надѣли чистое бѣлье, а офицеры даже принарядились въ лучшіе свои мундиры; во всѣ орудія заложили картечь. Къ утру, часу въ четвертомъ, лай собакъ послышался во рву укрѣпленія. Тогда съ фланга сѣвернаго бастіона сдѣланъ былъ выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ раздался гикъ непріятеля, появившагося на всемъ протяженіи огневой линіи. Удачные выстрѣлы картечью хотя на время его задерживали, но, постоянно усиливаясь, онъ наконецъ ворвался въ укрѣпленіе. Тутъ началась рукопашная свалка. Лико былъ изрубленъ въ числѣ первыхъ; гарнизонъ защищался, отступая къ погребу, двери котораго были отворены. Горцы бросились грабить порохъ; изъ погреба повалила пыль. Тогда-то рядовой роты Краумзгольда, Архипъ Осиповъ, закричалъ:

— «Пора, братцы! кто останется въ живыхъ — помните Осипова!» и съ этими словами вбѣжалъ въ погребъ, сдѣлалъ выстрѣлъ,—послѣдовалъ страшный взрывъ; все смолкло — и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія».

Вотъ разсказъ полковника фонъ-Бринка, составленный имъ изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ, при посредствѣ лазутчика, линейнаго казака, бѣжавшаго изъ отряда полковника Засса, во время наѣздовъ его на Егерукаевскіе аулы. Этого бѣглаго фонъ-Бринкъ никогда не хотѣлъ наименовать, да и въ Анапѣ, кромѣ его, никто не зналъ именъ лазутчиковъ.

Какъ необходимое дополненіе къ приведенному разсказу, помѣщаемъ ниже сего два документа: проектъ приказа и, вслѣдъ за тѣмъ, самый приказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, въ свое время, былъ объявленъ по арміи. Первоначальный проектъ собственноручно написанъ императоромъ Николаемъ такъ:

— «Въ лѣтописяхъ подвиговъ Россійской арміи много громкихъ славою дѣлъ, много личныхъ подвиговъ, сохранившихся въ памяти потомства. Кавказскій корпусъ, по назначенію своему, чаще другихъ имѣетъ случай стяжать новые лавры. Но досель не было примѣра, подобнаго въ недавнемъ времени свершившемуся.

«На Черноморскомъ берегу, населенномъ черкесами, постепенно нами занимаемому, воздвигнуты были полевыя укрѣпленія, для возможнаго обезпеченія гарнизоновъ отъ внезапныхъ нападеній горцевъ. Укрѣпленія сіи, построенныя наскоро и изъ мѣстныхъ матеріаловъ, часто весьма непрочныхъ, не представляли покуда сильнаго прикрытія. Зимняя погода и сильные дожди разрушили еще болѣе иныя изъ оныхъ, въ томъ числѣ укрѣпленіе Михайловское, въ которомъ помѣщены были постояннымъ гарнизономъ двѣ роты Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона. Болѣзненное состояніе сего гарнизона вынудило усилить оный на время ротою Тенгинскаго и ротою Навагинскаго полковъ. Другой помощи дать укрѣпленію не было возможности, ибо время года не дозволяло сего. Между тѣмъ, всегда враждебные намъ горцы, замѣтивъ слабое состояніе укрѣпленія, рѣшились собраться со всѣхъ племенъ въ значительныхъ силахъ и овладѣть онымъ.

«Начальнику укрѣпленія, линейнаго № 5-й баталіона шт.-кап. Лико, намѣреніе сіе было извѣстно; извѣстна была и невозможность получить помощь извнѣ. Тогда, собравъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, онъ имъ объявилъ о рѣшимости защищаться до послѣдней крайности, а въ случаѣ одолѣнія превосходствомъ непріятеля, о твердомъ намѣреніи поднять себя на воздухъ взрывомъ пороховаго погреба. Весь гарнизонъ съ восторгомъ принялъ сіе предложеніе. Вскорѣ за симъ, горцы, въ числѣ 10-ти или 11-ти тысячъ, сдѣлали всеобщее нападеніе и, не смотря на отчаянное сопротивленіе и значительную потерю, ворвались въ укрѣпленіе. Гарнизонъ предалъ пламени всѣ запасы, сложенные внутри укрѣпленія, и отступилъ за завалъ, наскоро набросанный въ од-

ной сторонѣ; но видя невозможность выгнать столь превосходнаго числомъ непріятеля, геройски исполнилъ свою рѣшимость и поднялъ себя на воздухъ, погибши весь и истребивъ значительную часть ворвавшихся горцевъ.

«Сколь ни прискорбна потеря стольких храбрыхъ, но подвигъ ихъ останется безсмертнымъ въ бытописаніяхъ Россійской арміи, въ примѣръ другимъ.

«Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: вдовамъ, матерямъ, или дѣтямъ славно погибшихъ—обратить въ пенсіонъ содержаніе умершихъ мужей, сыновей или отцовъ; дѣтей же ихъ принять на казенное содержаніе въ учебныя заведенія.

«Имена гг. офицеровъ, участвовавшихъ въ семъ безпримѣрномъ подвигѣ, суть слѣдующія:

Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона:

Воинскій начальникъ шт.-кап. Лико, поручикъ Безносовъ и лекарь Сомовичъ.

11-й гарнизонной артиллерійской бригады прапорщикъ Ермолаевъ.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Краумзгольдъ, и

Навагинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Тимченко и прапорщики Земборскій и Смирновъ».

Приказъ гр. Чернышева, помѣченный 8-мъ ноября 1840 года, № 79, заключался въ слѣдующемъ:

«Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами, и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіе весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщеній, ни отколь никакой помощи получить не могли, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами; но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали повсюду самое мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшимость пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою; изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго

явилъ примѣръ рѣдкой неустрашивости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ въ продолженіе двухъ часовъ выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11-ти тысячъ горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ сбивалъ ихъ съ валу и принуждалъ къ отступленію, но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою бо̀льшую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю, въ двадцать разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами. На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто либо изъ нихъ останется въ живыхъ.

«Это желаніе Осипова исполнилось.

«Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и погибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали.

«Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія-же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Архипа Осипова, который семейства не имѣетъ, Е. И. В. высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ перекличкахъ, при спросѣ этого имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать:

— «Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи».

«Высочайшее соизволеніе сіе объявляю по арміи и всему военному вѣдомству».

Передавая на страницахъ «Русской Старины» одно изъ достопамятнѣйшихъ событій за время нашего владычества на Кавказѣ, мы, къ крайнему сожалѣнію, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, лишены возможности прослѣдить дальнѣйшую судьбу тѣхъ немногихъ изъ защитниковъ Михайловскаго укрѣп-

ленія, которые, вслѣдствіе болѣе или менѣе счастливыхъ обстоятельствъ, сохранивъ жизнь, избѣгли участи своихъ злосчастныхъ товарищей. Не болѣе, если не менѣе, мы знакомы съ біографіей главныхъ дѣятелей: шт.-кап. Лико и рядоваго Архипа Осипова. Впрочемъ, пробѣлы эти, хотя частью, могутъ быть пополнены тѣми немногими, но любопытными свѣдѣніями, какія передаетъ Тенгинскаго полка маіоръ Бѣлевичъ въ своей монографіи: «Оборона Черноморскихъ береговыхъ укрѣпленій въ 1840 году» (стр. 51—54), напечатанной въ изданной имъ небольшой книгѣ: «Нѣсколько картинъ изъ Кавказской войны и нравовъ горцевъ.— Спб. 1872 г.». Такъ онъ, между прочимъ, сообщаетъ, что изъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія взято въ плѣнъ всего 80 человѣкъ; въ числѣ ихъ два офицера и іеромонахъ Паисій. Послѣдняго горцы почему-то приняли за плотника, и, при обратномъ движеніи въ горы, навьючили награбленными пожитками. Когда же узнали о духовномъ его санѣ, то продали за полтора рубля горскимъ армянамъ, которые и доставили его на Линію.

Изъ убитыхъ: шт.-кап. Лико происходилъ изъ дворянъ Таврической губерніи и первоначально служилъ въ Балаклавскомъ греческомъ баталіонѣ; Архипъ Осиповъ же числился прежде въ Крымскомъ пѣхотномъ полку, въ рядахъ котораго участвовалъ въ послѣдней персидской войнѣ и въ турецкой кампаніи 1828 года. Въ память этихъ войнъ онъ имѣлъ медаль, которая, вмѣстѣ съ вещами покойнаго, оставалась въ ротномъ цейхгаузѣ, въ Черноморіи, а нынѣ украшаетъ въ полковой церкви икону св. Николая Чудотворца (покровителя 9-й мушкетерской роты, что теперь 12-я), поновленную усердіемъ нижнихъ чиновъ, въ память о рядовомъ Архипѣ Осиповѣ, погибшемъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи.

Другихъ подробностей объ Осиповѣ не имѣется, да и самое дѣло о защитѣ Михайловскаго укрѣпленія, хранившееся въ штабѣ Кавказскаго военнаго округа, дивно и неизвѣстно куда дѣвалось.

Приведенными свѣдѣніями ограничивается все, что мы можемъ сообщить о доблестныхъ участникахъ въ извѣстномъ событіи 1840 года, имѣющемъ составить одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ нашей боевой лѣтописи вообще, и Кавказской въ особенности. Что касается черкесовъ, то они послѣ раззоренія Михайловскаго укрѣпленія и безуспѣшныхъ покушеній на другіе

приморскіе наши пункты, обратились на сообщеніе береговой линіи съ Кубанью и 2-го апрѣля 1840 г. овладѣли фортомъ Николаевскимъ. Спустя нѣсколько недѣль, они, 26-го мая, атаковали укрѣпленіе Абинское, но здѣсь потерпѣли столь сильное пораженіе, что, разойдясь по домамъ, болѣе уже ничего противъ насъ предпринять не осмѣлились. Береговая же линія продолжала существовать по прежнему и, поступивъ, въ 1841 г., послѣ увольненія ген. Раевскаго, подъ начальство ген-адъют. Анрепа [1]), быстро стала приближаться къ цѣли своего назначенія: уничтоженію контрабандной торговли съ Турціею, сближенію съ нами горцевъ путемъ политическихъ и торговыхъ съ ними сношеній, и, наконецъ, споспѣшествованію въ исполненіи общихъ предначертаній нашихъ дѣйствій на Кавказѣ.

III.

29-го іюня 1873 года, въ день св. Петра и Павла, во Владикавказѣ, 77-й пѣхотный Тенгинскій полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Послѣ обычныхъ заздравныхъ тостовъ, начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи ген.-л. Гейманъ, перечисливъ боевыя заслуги Тенгинцевъ, провозгласилъ тостъ за вѣчную память рядоваго Архипа Осипова, при чемъ предложилъ подписку на сооруженіе ему памятника. На это предложеніе всѣ присутствовавшіе отозвались съ полнымъ сочувствіемъ. Составленіе же проекта памятника и самую его отливку принялъ на себя Фе-

---

[1]) Ген.-адъют. Іосифъ Романовичъ Анрепъ, изъ лифляндскихъ дворянъ, переименованный изъ камеръ-пажей въ корнеты Кавалергардскаго полка, началъ боевую службу въ 1815 г. Съ 1818 года онъ состоялъ адъютантомъ при баронѣ Дибичѣ, а въ 1826 году, съ производствомъ въ полковники, былъ назначенъ командиромъ Харьковскаго уланскаго полка. Въ 1831 году ему пожалованъ чинъ ген.-маіора, а спустя четыре года, онъ, за ранами, вышелъ въ отставку, но въ 1839 г. снова поступилъ на службу съ зачисленіемъ по кавалеріи при Кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ. Въ ноябрѣ того-же года, Анрепу было поручено управленіе Джаро-Белоканскою областью, а въ 1841—начальствованіе надъ Черноморскою береговою линіей, съ пожалованіемъ его въ ген.-адъютанты.

І. Р. Анрепъ во время турецкой войны 1828 г. былъ раненъ подъ Силистріей двумя пулями, въ грудь и въ лѣвую руку; въ 1831 году, при усмиреніи польскаго мятежа, онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Гроховымъ и въ дѣлѣ при Раціонжѣ, получилъ за послѣднее золотую саблю «за храбрость», украшенную алмазами; за штурмъ-же Варшавы ему пожалованъ орденъ св. Анны I ст., и, наконецъ, въ 1840 г. за усердную службу — св. Владиміра 2-й степени.

ликсъ Игнатьевичъ Ходоровичъ, ученикъ нашего извѣстнаго скульптора, нынѣ покойнаго, Николая Александровича Рамазанова. Одаренный несомнѣннымъ талантомъ и всецѣло преданный своему дѣлу, Ходоровичъ еще въ 1863 году избралъ Кавказъ поприщемъ своей художественной дѣятельности. Въ 1864 году, онъ для ближайшаго изученія типовъ, столь разнообразныхъ въ томъ краѣ, поступилъ волонтеромъ въ одинъ изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ землѣ черкесовъ, а по окончаніи войны поселился, на всегдашнее пребываніе, въ Тифлисѣ, гдѣ и открылъ мастерскую. Выполненныя имъ съ того времени работы частью хранятся въ Тифлисскомъ музеумѣ, частью-же украшаютъ художественныя собранія высшей нашей аристократіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, отправленныя въ 1872 г. на Московскую политехническую выставку, были удостоены золотой медали.

Въ 1874 году онъ вылѣпилъ группу, изображавшую взятіе драгунами Тверскаго полка турецкой батареи во время Курюкдаринскаго дѣла, въ 1854 году. Прекрасная работа эта была въ послѣдствіи отлита изъ бронзы въ извѣстной мастерской Шопена въ С.-Петербургѣ и поднесена въ день юбилея шефу полка, великому князю Николаю Николаевичу Старшему.

Въ 1875 году Ходоровичъ кончилъ модель памятника Архипу Осипову, съ которой здѣсь прилагается рисунокъ, исполненный художникомъ К. О. Брожемъ и награвированный въ Ницѣ, извѣстнымъ Академикомъ граверомъ Л. А. Сѣряковымъ.

Знаменитый герой представленъ съ фитилемъ въ правой рукѣ, а лѣвою—поддерживающимъ умирающаго Лико; на четырехъ барельефахъ вокругъ пьедестала изображены: на первомъ — отецъ Осипова благословляетъ сына на службу царю и отечеству; на второмъ—Архипъ Осиповъ вызывается поджечь пороховой погребъ; на третьемъ — штурмъ Михайловскаго укрѣпленія, и на четвертомъ — послѣдній моментъ передъ взрывомъ. Памятникъ предполагается поставить на пьедесталъ изъ сѣраго гранита, а фигуры и детальныя части отлить изъ бронзы. Стоимость всей работы исчислена въ 75,000 руб.; изъ этой суммы по подпискѣ собрано около 8,000 р. Отливка будетъ произведена въ Петербургѣ или въ Тифлисѣ; въ послѣднемъ случаѣ памятникъ обойдется на половину дешевле, если на отливку фигуръ, согласно предложенію Ходоровича, будутъ отданы негодныя орудія, хранящіяся въ Тиф-

лисскомъ арсеналѣ. Въ какомъ именно мѣстѣ предполагается соорудить памятникъ—неизвѣстно; выборъ же, по нашему мнѣнію, возможенъ только между Тифлисомъ и Владикавказомъ. Вообще нельзя не пожелать, чтобы лица, вѣдающія дѣло о памятникѣ, поспѣшили осуществить предложеніе ген. Геймана, не останавливаясь ни передъ значительностью денежныхъ затратъ, ни передъ другими какими препятствіями. Да проникнутся они въ данномъ случаѣ убѣжденіемъ, что въ лицѣ Архипа Осипова признательное потомство воздвигаетъ памятникъ всему доблестному воинству, въ теченіе стольких вѣковъ свято охраняющему честь и достоинство Россіи, въ назиданіе другимъ поколѣніямъ и народамъ.

8-го января 1877 г.
г. Тифлисъ. **Ад. П. Берже.**

Примѣчаніе. Статья нашего уважаемаго сотрудника, написанная въ январѣ 1877 г., не могла явиться до сихъ поръ въ печати потому, что Академикъ Л. А. Сѣряковъ, находясь за границей, по болѣзни, не могъ, къ сожалѣнію, своевременно окончить прилагаемую нынѣ гравюру проекта памятника Лико и Архипу Осипову. Ред.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1854.

XIV [1]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 г. князь Меншиковъ очень безпокоился, опасаясь за недостатокъ провіанта. Онъ писалъ князю М. Д. Горчакову, прося его пособить горю. Вслѣдствіе этого изъ южной арміи высланы были сухари, которыхъ мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Около этого времени, когда подвозы были почти невозможны и въ арміи ощущался до извѣстной степени голодъ, сухари, послѣ частыхъ задержекъ въ пути, наконецъ прибыли. Прибыли, но какъ? ихъ подтаскивали частицами, и многіе подводчики, истинные мученики, похоронивъ въ грязи воловъ или лошадей, подлѣ погрязнувшихъ возовъ, приходили въ штабъ, спрашивая, что̀ имъ дѣлать?

— Что дѣлать? отвѣчали имъ, да ничего: такъ и идите домой пѣшими, какъ есть. Вотъ вамъ и все. Война, братцы, одно слово — война, ничего не сдѣлаешь. Идите съ Богомъ и спасибо, что хоть сами уцѣлѣли.

— Такъ, батюшки, такъ! отвѣчали горемыки и уходили, а потомъ возвращались съ грузомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Иной бѣднякъ вторично загубитъ скотинку и опять придетъ.

— Ты, говорятъ ему, другой разъ здѣсь—и грязи не побоялся?

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80.

— Да чего, батюшки, бояться? Мы видали какой есть Севастополь, такъ вдругорядь смѣлѣй.

— Вѣдь ты ужъ разъ поморилъ лошадей, зналъ какова дорога...

— Какъ не знать, родимые, знали; только мы теперь съ „боньбами“. Значитъ—надо везти...

Невольно подивишься, что это за славный народъ! онъ своимъ не дорожитъ, лишь бы сдать въ исправности кладь, и очень доволенъ тѣмъ, что ему не вмѣнили въ преступленіе его бѣдствія. Ни разу не случилось мнѣ услышать жалобу или требованіе за убытки. Этотъ народъ какъ будто былъ радъ, что и на его долю выпадало принесеніе жертвъ на защиту Севастополя; но самъ онъ своего подвига не сознавалъ, да и гдѣ ему было отрыть въ себѣ эти похвальныя чувства. Они проявлялись въ немъ проблесками, именно въ томъ спокойствіи, съ которымъ мужичекъ принимался за вторичный подвозъ боевыхъ снарядовъ или продовольствія.

Расчитывали подводчиковъ щедро; но они брали деньги, не зная имъ счета, только благодарили за неожиданную плату и потомъ, когда опять собирались со средствами, жертвовали ими на новую перевозку.

При всѣхъ затрудненіяхъ, сухарей навезли въ большомъ количествѣ, чему главнокомандующій былъ очень радъ. Команды, нарочно для того наряжаемыя, разбирали сухари съ брошенныхъ подводъ и пѣшіе приносили ихъ на себѣ, дѣлая такимъ образомъ сами пріемку ихъ довольствія.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, главнокомандующій, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ войскамъ, расположеннымъ на Инкерманскихъ высотахъ. Проѣзжая мимо бивуака казаковъ, еще близь главной квартиры, мы замѣтили на разостланныхъ рогожахъ какіе-то черные комки, которые сушили казаки. Принявъ это за табакъ, вытащенный изъ моря съ разбитыхъ судовъ, мы съ княземъ еще посмѣялись этой добычѣ.

Дорогою, кн. Александръ Сергѣевичъ жаловался на неудачи и неурядицы въ различныхъ особенно важныхъ распоряженіяхъ по военному вѣдомству.

— Какъ же было въ прежнія войны, ваша свѣтлость?

Князь махнулъ рукой и, не взглянувъ на меня, проговорилъ:

— „То же самое было; такъ же воевали“.

Потомъ, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— „Войны не каждый день бываютъ. Начнется—всѣмъ ново; путаютъ, попадаются въ просакъ, дѣлаютъ ошибки за ошибками... наконецъ выучиваются, дѣло пойдетъ на ладъ, а война кончается. Съ окончаніемъ войны все забываютъ; историки врутъ; наука не по-

дается впередъ; ошибки, безпорядки — шиты и крыты. Новая война: новыя ошибки на старый ладъ, или наоборотъ—старыя ошибки на новый ладъ—и ловко сочиненныя реляціи обманываютъ не только безучастныхъ, но убаюкиваютъ вниманіе и самыхъ вліятельныхъ лицъ; имъ пріятнѣе выслушивать слова утѣшенія и они не только не добираются до истины, но, напротивъ, какъ бы отворачиваются отъ нея. Утихаетъ война и шумно подымается рой писакъ и валяютъ, кто во что гораздъ! Разсказы очевидцевъ отрывчаты и всегда клонятся къ украшенію частныхъ эпизодовъ боя; общаго хода дѣлъ въ горячее время никто не выслѣживаетъ; событія смѣняются событіями и нить этой послѣдовательной смѣны утрачивается. Проходятъ годы: являются историки, собираютъ матеріалы и зарываются въ ихъ лабиринтѣ; были смѣшиваются съ небылицами, провѣрить нѣтъ возможности—и историкъ въ затрудненіи. При томъ, часто не будучи практикомъ военнаго дѣла, онъ начнетъ пригонять факты по теоріи вѣроятія, заблуждается и невольно искажаетъ сущность происшествія. Въ горячей работѣ своей, распаляя воображеніе, онъ представляетъ себя полководцемъ и двигаетъ полки по картѣ, быть можетъ и такъ, какъ бы оно должно было быть на самомъ дѣлѣ. Однако, въ сущности этого не случилось и непосвященный въ таинства военной науки читатель остается въ заблужденіи... Да этого мало: самъ авторъ сочиненной имъ исторіи, увлекаясь удачной пригонкой и ловкимъ изложеніемъ происшествій, доходитъ до того, что совершенно добросовѣстно вѣритъ въ свой же вымыселъ!"

Произнося эти памятныя для меня слова, кн. Меншиковъ оживился: онъ рѣдко высказывался, особенно когда приходилось разочаровывать слушателя. Потомъ онъ опустилъ голову и долго ѣхалъ молча, задумавшись. Наконецъ, какъ бы продолжая рѣчь, произнесъ:

— „Я не доживу, но ты будешь читать исторію!"

Въ благоговѣніи слушалъ я мудраго старца, который лучшіе и самые впечатлительные годы жизни посвятилъ служенію на ратномъ полѣ и пролилъ на немъ не мало своей крови [1]). Я не проронилъ ни

---

[1]) Во все время службы кн. Меншиковъ былъ раненъ три раза. Первый разъ пулею въ правую ногу, подъ Рущукомъ, въ 1810 году; второй—пулею же въ лѣвое бедро, подъ Парижемъ, въ 1814 г. Отъ этой раны бокъ его остался на всю жизнь искривленнымъ. Третій разъ, при осадѣ Варны въ 1828 году, князь получилъ жесточайшую рану ядромъ, которое, пролетѣвъ у него между ногъ, вырвало мускулы обѣихъ лядвей. Болѣе году онъ вылежалъ въ постели и потомъ страдалъ всю жизнь; еще въ 1854 г., въ Крыму, для предохраненія пораненныхъ мѣстъ отъ прикосновенія къ сѣдлу, пристегивалъ къ нимъ лубки. Кромѣ того, организмъ его со времени полученія раны былъ такъ потрясенъ, что князь подвергался частымъ и продолжительнымъ кровотеченіямъ. Этотъ хроническій не-

одного слова изъ его рѣчи, и не могло быть иначе: я слушалъ образованнѣйшаго государственнаго мужа въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ юныхъ лѣтъ, независимо отъ военнаго поприща, онъ подвизался на разнообразныхъ постахъ дѣятельности государственной и всегда былъ неусыпнымъ стражемъ чести и славы Россіи. Его уму каждый образованный человѣкъ отдавалъ преимущество, но не чувствовалъ стѣсненія въ присутствіи князя Александра Сергѣевича, который не только не кичился своими способностями передъ людьми, но скорѣе дѣлился ими.

Объѣхавъ бивуакъ, князь обозрѣлъ аванпосты, выставленные отъ Инкерманскаго отряда генерала Липранди; провѣрилъ направленіе цѣпи. Возвращаясь по линіи резервовъ, мы застали въ послѣднемъ резервѣ ужинавшихъ солдатъ: они черпали изъ манерокъ какую-то жидкость, похожую на кофе, вылавливая въ ней кусочки, черные какъ угольки. Эта похлебка обратила на себя вниманіе князя; онъ привѣтствовалъ людей обычнымъ пожеланіемъ „хлѣба-соли“, пристально посмотрѣлъ на кушанье и проѣхалъ мимо, приказавъ мнѣ слѣзть съ лошади и попробовать пищу. Я исполнилъ приказаніе князя и крайне удивился, когда, отвѣдавъ, увидалъ, что это былъ не кофе, а вода, окрашенная сухарями послѣдней пріемки. Опредѣлить вкусъ этой жидкости было невозможно: она пахла гнилью и драла горло.

Догнавъ главнокомандующаго, я доложилъ ему о томъ, чѣмъ питаются солдаты. Его какъ бы передернуло и онъ почти вскрикнулъ:

— „Ахъ, это вѣрно изъ южной арміи намъ прислали тѣ самые сухари, которые во множествѣ были забракованы войсками Горчакова. Интендантство сбыло ихъ ко мнѣ и то, что мы давеча видѣли съ тобой на рогожахъ, былъ не тютюнъ, какъ ты мнѣ сказалъ, а тѣ же несчастные сухари!“

Стиснувъ зубы, Меншиковъ погналъ лошадь чрезъ кусты и рытвины, напрямки домой. Было уже темно, когда мы прибыли въ главную квартиру. Князь немедленно послалъ за Вуншемъ и долго съ нимъ

дугъ сопровождался лихорадочными и другими припадками. Въ февралѣ 1855 г. развитіе этой болѣзни лишило, наконецъ, князя возможности оставаться въ Крыму. Онъ уѣхалъ и надобно еще подивиться, какъ его натура могла такъ долго бороться съ нравственными и физическими потрясеніями; какъ на бивуакахъ, въ свои 68 лѣтъ, имѣя сломанными, въ 1847 г., два ребра, съ фонтанелями на обѣихъ рукахъ и подверженный наслѣдственной подагрѣ, кн. Меншиковъ такъ счастливо все перенесъ. Даже въ теплыхъ покояхъ ему трудно было уберечься отъ приступовъ подагры,—тутъ же искать спасенія было негдѣ. Однако, во все военное время подагра его не безпокоила, чему, вѣроятно, способствовала необыкновенно дѣятельная жизнь князя. А. П.

совѣщался. На другой день главнокомандующій, очень разстроенный, призвалъ меня:

— „Поѣзжай къ Липранди и попроси его научить меня, что мнѣ дѣлать съ этими негодными сухарями? Липранди—человѣкъ практичный и бывалый: авось что нибудь придумаетъ, а я растерялся. Какъ, цѣлая армія должна ѣсть гнилушки!“

Пріѣхавъ къ Липранди, я передалъ ему о томъ тревожномъ положеніи, въ которомъ оставилъ князя. Липранди, выслушавъ меня очень спокойно, отвѣтилъ:

— Видѣлъ и знаю эти сухари: съѣдятъ! Скажите князю, чтобъ онъ не безпокоился и, главное, не примѣчалъ бы ихъ, да не подымалъ исторіи. Другихъ нѣтъ: на нѣтъ и суда нѣтъ! Солдаты видятъ, чего стоило и эти-то сухари привезти; они не жалуются. Не надо показывать и виду, что вы ихъ жалѣете. Ну, какъ нибудь подправимъ; въ ротахъ это сдѣлаютъ.... И я вамъ скажу: чѣмъ солдатъ голоднѣе, тѣмъ онъ злѣе; намъ того и нужно: лучше будетъ драться. Дайте-ка имъ теперь непріятеля: разорвутъ!

. . . .

Спокойствіе, съ которымъ говорилъ Липранди о неизбѣжныхъ тягостяхъ арміи въ военное время, заставило смотрѣть на эти дѣла равнодушно. Когда я передалъ главнокомандующему отзывъ Липранди, Меншиковъ съ грустною улыбкою сказалъ:

— „Липранди правъ; исторіи затѣвать не надо. Замѣнить этого провіанта нечѣмъ, по неволѣ приходится его ѣсть. Но какую-же шутку сыграло со мною интендантство южной арміи: ловко же оно воспользовалось нашей крайностью“.

Горю помогали какъ могли и ропота въ войскахъ не было слышно.

Въ другой разъ князь посылалъ меня къ Липранди въ одинъ изъ морозныхъ дней декабря (числа не помню). Съ вечера выпалъ снѣгъ и стало крѣпко морозить. Главнокомандующій тревожился всю ночь и посылалъ по бивуакамъ приказаніе къ начальникамъ частей—наблюдать, чтобы солдаты не спали, а грѣлись тѣлодвиженіями, и чтобы фельдфебеля и взводные не теряли изъ виду своихъ людей. Между тѣмъ морозъ возрасталъ и къ утру, если не ошибаюсь, достигъ до 7°. Рано утромъ Меншиковъ послалъ меня провѣдать бивуаки. Стужа была такъ сильна, что я опасался найти ознобленныхъ, однако ничего не бывало. На бивуакахъ Инкерманскаго отряда я засталъ солдатъ веселыхъ и довольныхъ морозомъ; о себѣ они не думали, а радовались, что союзникамъ, людямъ непривычнымъ, вѣроятно, приходится жутко. У насъ пострадавшихъ отъ морозу не было.

— Доложите князю, что у насъ и тепло и все благополучно,

сказалъ Липранди. На морозъ мы не жалуемся: онъ высушилъ нашъ лагерь.

Затѣмъ, генералъ повелъ меня въ ближайшій баталіонъ, дабы я, лично убѣдясь въ томъ, какъ грѣется нашъ народъ, могъ успокоить князя. Шалашики, покрытые снѣгомъ, казались миніатюрными палатками; сдѣланные изъ вѣтвей кустарника, они были прикрыты землей, которая теперь замерзла какъ кора и образовала плотную кровлю. Внутри шалашей, посрединѣ, въ ямкѣ, горѣлъ огонекъ и было тепло: въ верху кровли у многихъ продѣланы были отверстія, чтобы выходилъ дымъ; искусники съумѣли даже устроить нѣчто въ родѣ трубъ, чтобы дымъ лучше тянуло.

— Видите, — сказалъ Липранди, — мы не замерзнемъ; успокойте князя.

Вообще этотъ дѣльный генералъ вселялъ къ себѣ довѣренность, какъ войскъ, такъ и главнокомандующаго: на Липранди можно было положиться. Вездѣ, гдѣ только онъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ начальникомъ, былъ исполнителенъ, какъ нельзя лучше. За то, сознавая себя подначальнымъ, чего онъ крайне не любилъ, онъ какъ-бы умывалъ руки и содѣйствія его ближайшій начальникъ уже не ожидай. Меншиковъ его хорошо понялъ и говорилъ ему въ глаза: „вы — прекрасный начальникъ, но плохой подчиненный“. Эти соображенія побудили главнокомандующаго перемѣстить Липранди изъ Чургунскаго отряда, гдѣ старшимъ былъ князь П. Д. Горчаковъ, на Инкерманъ.

По отъѣздѣ Великихъ Князей въ Петербургъ, въ первыхъ числахъ декабря, Меншиковъ расположился на зимовку опять въ инженерномъ домикѣ. Тутъ у него было двѣ комнатки: одна служила ему спальной, другая—пріемной.

Разъ, вечеромъ, князь, жалуясь на свои недуги, сообщилъ мнѣ, что онъ просилъ ихъ высочества доложить Государю о его разстроенномъ здоровьи, вслѣдствіе чего онъ полагаетъ, что состоится Высочайшее повелѣніе, по которому вмѣсто него будетъ назначенъ другой. Не ожидая подобнаго извѣстія, я вытаращилъ глаза и произнесъ какъ бы про себя:

— Да кого же могутъ назначить сюда? Кто можетъ здѣсь замѣнить вашу свѣтлость?

Замѣтивъ мое удивленіе, князь поспѣшилъ отвѣтомъ:

— „А князь Михаилъ Дмитріевичъ? Вѣроятно, его пришлютъ и дѣла пойдутъ лучше; у него организованная армія. Вмѣсто того, чтобы отрывать у нея части на подкрѣпленіе къ намъ, полезнѣе ввести всю его армію и задавить врага, что̀ онъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ“.

— Но, ваша свѣтлость, непріятель будетъ торжествовать, если вамъ придется оставить Севастополь.

— „Отчего это?"

— Оттого, ваша свѣтлость, что имя князя Горчакова не внушаетъ опасеній непріятелю. Въ Алминскомъ сраженіи, англичане, зная, что князь Горчаковъ былъ противу нихъ, лѣзли на мостъ съ большимъ упорствомъ. Принимая Петра Дмитріевича за Михаила Дмитріевича, они говорили, какъ вы сами изволите помнить, что у нихъ сложилось мнѣніе: тамъ, гдѣ войсками предводительствуетъ князь Горчаковъ—бой не страшенъ.

— „Не знаю, почему англичане сдѣлали о князѣ Горчаковѣ такое заключеніе,—возразилъ свѣтлѣйшій. Горчаковъ былъ всегда храбрымъ и удалымъ офицеромъ, а въ молодости бывалъ смѣлымъ предводителемъ охотниковъ. Не разъ пускался въ отчаянныя предпріятія".

Послѣ этого разговора князь долго стоялъ задумавшись надъ картою. Видя, что во мнѣ болѣе нѣтъ надобности, я откланялся и хотѣлъ уйти, но князь, повернувшись ко мнѣ, сказалъ съ улыбкою:

— „Прощай. Такъ ты не желаешь, чтобы сюда пріѣхалъ князь Горчаковъ?"

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость; я думаю только, что онъ не согласится. Какъ тутъ управиться новому человѣку? Ему все будетъ дико.... Вѣдь это совершенно исключительное положеніе.

— „А я такъ думаю напротивъ: онъ будетъ доволенъ назначеніемъ".

Выйдя отъ князя, я не придавалъ особеннаго значенія этому разговору, полагая замѣщеніе князя несбыточнымъ, надѣясь на поправленіе его здоровья. Такъ какъ дѣятельность Меншикова не ослабѣвала, то я вскорѣ позабылъ сдѣланный мнѣ намекъ и былъ совершенно спокоенъ.

Около этого времени пріѣзжалъ къ намъ изъ южной арміи генералъ-интендантъ Затлеръ. Полезными своими совѣтами онъ успокоилъ князя и снискалъ себѣ его расположеніе. Пріѣхалъ и знаменитый нашъ операторъ Н. И. Пироговъ, дѣятельность котораго была почтена всею Россіей. Штабъ главнокомандующаго былъ въ самомъ ограниченномъ составѣ—импровизованный, менѣе корпуснаго. Будучи облеченъ въ званіе главнокомандующаго только 8-го октября 1854 г., князь Меншиковъ неоднократно письменно просилъ военнаго министра о присылкѣ ему хотя главныхъ чиновниковъ, въ особенности генералъ-интенданта и генералъ-квартирмейстера, указать же самъ ни на кого не брался, потому что оставилъ сухопутное вѣдомство болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ. Послѣ долгихъ ожиданій, онъ получилъ увѣдомленіе военнаго министра, что на должность генералъ-интенданта ему

посылается генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, вице-директоръ коммисаріатскаго департамента. На сколько князь уважалъ брата его, Николая Ивановича, долгое время служившаго у него, на столько зналъ малозначительность посылаемаго.

— „Что я буду съ нимъ дѣлать,—сказалъ князь Крылову,—онъ старъ (болѣе 70-ти лѣтъ), мало свѣдущъ и тученъ такъ, что не войдетъ въ мою избушку. Пошлите пожалуйста на встрѣчу ему фельдъегеря, чтобы онъ вернулъ его обратно"—что и было исполнено.

Для облегченія перевозки провіанта и фуража устроены были двѣ большія команды. Надъ этимъ дѣломъ весьма усердно трудился полковникъ Д. К. Гербель.

Изъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ главную квартиру, князь оставлялъ при себѣ весьма немногихъ, обращая вниманіе лишь на способнѣйшихъ. Штабъ его почти не увеличивался, отчего каждому работы было вдоволь и трудились всѣ безъ устали. Умѣя цѣнить и ободрять полезныхъ своихъ сотрудниковъ, Меншиковъ, однако же, не спѣшилъ награждать ихъ матеріально, хотя и не упускалъ случая высказывать имъ свое удовольствіе и свидѣтельствовать о ихъ трудахъ Государю Императору. Къ чести лицъ, отличаемыхъ княземъ, можно по совѣсти сказать, что ни въ одномъ изъ нихъ не было замѣтно алчности къ наградамъ: никто не искалъ ихъ и не домогался; каждый довольствовался сознаніемъ исполненія своего долга, довѣренностію и расположеніемъ главнокомандующаго, который, какъ извѣстно, даромъ ихъ не расточалъ.

Такъ какъ въ это время все вниманіе было устремлено на снабженіе арміи необходимымъ, то, понятно, что у насъ перебывало множество пріѣзжихъ, какъ изъ Петербурга, такъ и изъ другихъ мѣстъ Россіи. Не мало было и такихъ посѣтителей, которые чаяли тутъ кстати что нибудь и заполучить, на что у князя была удивительная проницательность, и таковыхъ гостей онъ спѣшилъ спроваживать, съ подобнаго рода предисловіями:

— „Не смѣю васъ удерживать: васъ ожидаютъ съ отвѣтомъ" или: „ахъ, какъ вы кстати пріѣхали! у меня совсѣмъ готово донесеніе.... Вы, вѣроятно, проголодались съ дороги? Закусите у насъ хорошенько, покуда вамъ приготовятъ лошадей".

На кормленіе курьеровъ обращалъ особенное вниманіе А. Д. Камовскій. „А то посланный скажетъ",—замѣчалъ онъ,—„что армія умираетъ съ голоду!" Бывало, онъ намекалъ князю, чтобы онъ послалъ гостя хоть проѣхаться по оборонительной линіи.

— „Нѣтъ!—отвѣтитъ Меншиковъ,—онъ только запасется матеріалами для бо́льшаго вранья; пусть себѣ съ Богомъ ѣдетъ!"

Толкамъ, судамъ-пересудамъ и сплетнямъ въ Петербургѣ не было конца; переходя изъ устъ въ уста, они проникали даже во дворецъ и совершенно напрасно тревожили покойнаго Императора, и безъ того душою скорбѣвшаго за Севастополь и за армію. Каждое неблагопріятное извѣстіе вредно вліяло на здоровье Государя. Справедливость частныхъ слуховъ не всегда можно было провѣрить; нелѣпая сплетня, укореняясь въ общественномъ мнѣніи, принимала обманчивое подобіе истины и какъ червь подтачивала довѣріе къ главнокомандующему. Меншиковъ очень хорошо это понималъ. Не говоря уже о томъ, чего стоило ему отписываться по этому предмету, сколько тратилось понапрасну и заботъ и времени,—замѣтимъ только, что оно вліяло на самый ходъ дѣлъ, ослабляло въ князѣ энергію, самое же главное — тревожило Императора. Вотъ почему главнокомандующему были ненавистны органы пустыхъ толковъ, именно частныя переписки о военныхъ дѣйствіяхъ, съ неумѣстными заключеніями.

Считая — и не безъ основанія—орудіями сплетенъ прибывавшихъ тогда въ армію изъ Петербурга сестеръ милосердія, князь ихъ не слишкомъ-то жаловалъ, отзываясь, что ихъ услуги, расточаемыя раненымъ, бѣдственно вліяютъ на духъ здоровыхъ частей арміи. „Женщины",—говорилъ онъ,—„не зная сущности военныхъ дѣлъ, на лету подхватываютъ всякій вздорный слухъ, дѣлаютъ изъ мухи слона, пишутъ въ Петербургъ кумушкамъ—а тѣ бьютъ въ набатъ и производятъ кутерьму. Женскіе языки подлиннѣе и поворотливѣе нашихъ. Уходъ севастопольскихъ женщинъ за ранеными — дѣло другое: это свои и сору изъ избы не вынесутъ!"

Отзывъ князя былъ рѣзокъ, но быть можетъ справедливъ. Дѣйствительно, севастопольскія женщины, прослѣдивъ съ самаго начала ходъ военныхъ дѣйствій, хорошо ознакомились со средствами и нуждами войны; имъ она была уже не въ диковинку; онѣ втянулись во всѣ бѣдствія и были проникнуты тѣми же самыми чувствами самопожертвованія, которыми были одушевлены и всѣ защитники Севастополя. Пріѣхавшія изъ Петербурга сестры милосердія, послѣ удобствъ столичныхъ больницъ, встрѣтили у насъ, говоря сравнительно, цѣлый омутъ ужасовъ: онѣ не могли не быть подавлены тяжкими впечатлѣніями; не могли, конечно, утерпѣть, чтобы не подѣлиться этими впечатлѣніями со своими, оставшимися въ столицѣ, родными и знакомыми. Можно себѣ вообразить, въ какихъ выраженіяхъ писались ихъ письма, заключавшія въ себѣ разсказы о кровавыхъ событіяхъ на театрѣ войны и за его кулисами—куда сестры милосердія вдругъ были перенесены изъ мирной столицы! До сего времени всѣ ихъ представленія о войнѣ были и ниже и безцвѣтнѣе дѣйствительности.

20*

Многія лица, пріѣзжавшія изъ Петербурга въ главную квартиру, добивались позволенія съѣздить посмотрѣть Севастополь и при этомъ чистосердечно признавались князю, что имъ совѣстно возвратиться въ столицу не повидавъ Севастополя.

— Чтó же мы будемъ разсказывать? говорили они. Вѣдь насъ атакуютъ распросами, ваша свѣтлость; да и самимъ-то обидно уѣхать, не побывавъ на укрѣпленіяхъ: подумаютъ, что мы побоялись....

Сочувствуя такому естественному желанію, кн. Александръ Сергѣевичъ многимъ изъ пріѣзжавшихъ дозволялъ осмотрѣть городъ, давая имъ даже спутниковъ, знакомыхъ съ условіями подобныхъ поѣздокъ. Нерѣдко онъ поручалъ посѣтителямъ отвезти въ Петербургъ какіе нибудь предметы вооруженія непріятельскихъ войскъ.

Такъ, разъ, одинъ изъ чиновниковъ военнаго министерства, маіоръ Денисовъ (славный такой человѣкъ), не удосужась побывать въ Севастополѣ, очень этимъ сокрушался и, выражая мнѣ свое горе, просилъ сообщить ему „что нибудь интересное", какъ матеріалъ для разсказовъ. Не будучи расположенъ снабжать его сюжетами для разсказовъ, я уклонился и тѣмъ болѣе, что уже для Денисова приготовлены были лошади.

— Да какъ же это я поѣду съ пустыми руками? Дайте мнѣ отвезти хоть что нибудь,—упрашивалъ онъ.

— Что нибудь? Да вотъ, возьмите трехпудовую бомбу и везите! сказалъ я ему шутя.

Денисовъ обрадовался: схватилъ бомбу, потащилъ ее на перекладную, и поскакалъ въ Петербургъ. „Угоститъ она его дорогой", подумалъ я. Бомба эта, правда, была разряжена, но формы конической и весьма неуклюжая для укладки. Воображаю, чтò она выдѣлывала на перекладной телѣгѣ и какъ отъ нея доставалось ногамъ Денисова. „Вѣроятно, онъ ее броситъ дорогой".... Пожалѣлъ я—о бомбѣ.

Но Денисовъ бомбы не бросилъ, а упорно боролся съ нею цѣлую дорогу. Курьерскія несутся во весь духъ; бомба прыгаетъ, катается въ телѣгѣ, но храбрый Денисовъ, преодолѣвая всѣ неудобства, няньчится съ бомбой и бережетъ ее какъ сокровище. Наконецъ, на одной станціи, гдѣ-то уже въ Малороссіи, бомба успокоилась, телѣгу по грязной черноземной дорогѣ не колыхало и Денисовъ задремалъ... Вдругъ, о ужасъ! Онъ пробуждается, ощупываетъ дно телѣги—бомбы нѣтъ! У Денисова волосы стали дыбомъ: въ телѣгѣ оказалась дыра и бомба въ нее улизнула. „Стой, стой! бомба пропала"! Денисовъ спрыгиваетъ съ телѣги, подлѣзаетъ подъ нее, шаритъ, ощупываетъ... а ночь—хоть глазъ выколи, дорога черная, грязь глубокая. Въ совершенномъ отчаяніи топчется Денисовъ кругомъ телѣги, не зная на что рѣшиться: не

бросить-же бомбу! Опять принимается за поиски: побрелъ назадъ, ощупывая грязь на каждомъ шагу руками и ногами, въ томъ предположеніи, что бомба ушла въ нее съ ушами. Но „усердіе все превозмогаетъ“: отважный Денисовъ нашелъ, наконецъ, бомбу, но успѣхомъ своихъ поисковъ едва-ли кому похвастался. Не легко было вытащить бомбу изъ грязи; пришлось, просто, руками откапывать, потомъ—тащить ее до телѣги, а бомба-бестія изъ рукъ скользитъ, едва удержишь... Теперь и въ телѣгу ее нельзя положить, а до станціи вези на колѣняхъ!...

Помаялся Денисовъ съ бомбой порядкомъ; прикатилъ въ Москву и прямо на станцію желѣзной дороги. Внесъ бомбу въ залу: его обступили, стали расправшивать... а Денисовъ и сболтни: везу-молъ бомбу въ Петербургъ, на показъ Государю! Не успѣлъ опомниться, его—въ экстренный поѣздъ, и въ Петербургъ: здѣсь уже ждетъ его фельдъегерь, выхватилъ изъ поѣзда и во дворецъ; бомба съ нимъ.

По этому полу-комическому эпизоду, разсказанному мнѣ потомъ самимъ Денисовымъ, можно судить съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили тогда за событіями въ Севастополѣ; какъ жаждали получить изъ этого города и ничтожнѣйшую вѣсть.

XV.

Насталъ роковой 1855-й годъ....

Въ ожиданіи возвращенія Великихъ Князей изъ Петербурга, имъ приготовлялось помѣщеніе въ Сухой-балкѣ, въ домѣ таможеннаго вѣдомства. Штабъ главнокомандующаго, до этого времени здѣсь помѣщавшійся, перевели къ сторонѣ Сѣвернаго укрѣпленія. Меншиковъ страшно перемогался, но работалъ неустанно; опасаясь слечь, онъ спѣшилъ исполнить и распорядиться важнѣйшими дѣлами, а таковыхъ была бездна. Наконецъ, непомѣрные труды и заботы свалили его, но не прекратили его занятій. Семякинъ, бывая у князя по дѣламъ, сообщалъ мнѣ свои опасенія, чтобы князь въ конецъ себя не замучилъ.

То оправляясь, то опять заболѣвая, Александръ Сергѣевичъ кое-какъ поддерживалъ свое здоровье. Съ пріѣздомъ ихъ высочествъ, 15-го января, бытъ нашъ снова оживился. Великіе Князья, въ милостивомъ вниманіи къ ихъ ратнымъ сослуживцамъ, пригласили къ себѣ, разъ и навсегда, къ завтракамъ, къ обѣду и къ чаю всѣхъ лицъ, состоявшихъ въ штабѣ главнокомандующаго, и пріѣзжавшихъ изъ Севастополя начальствующихъ чиновъ. Всѣ спѣшили, конечно, воспользоваться этимъ и многіе бывали у ихъ высочествъ ежедневно. Радушіе и гостепріимство Великихъ Князей образовали у насъ, на Сѣверной, отдѣльный центръ, къ которому направлены были общія стремленія; другой центръ состав-

лялъ главнокомандующій и къ нему направлялись лица должностныя съ вопросами, донесеніями, докладами. Доброе, веселое расположеніе Великихъ Князей влекло къ себѣ всѣхъ жаждавшихъ отрады и отдыха послѣ трудовъ. Многіе, исполнивъ служебныя обязанности въ одномъ центрѣ, спѣшили отвести душу въ другомъ. Меншиковъ, вполнѣ понимая подобное стремленіе, былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы посѣтители неумѣстными разсказами не тревожили юнаго воображенія Великихъ Князей, и, помнится, говаривалъ:

— „Теперь вы пойдете къ ихъ высочествамъ: всего имъ не говорите; есть вещи, которыя не должны выходить изъ главной квартиры“.

Бывали дни, когда припадки болѣзни приводили князя Меншикова въ такое изнеможеніе, что онъ былъ вынужденъ заниматься дѣлами лежа, и даже такъ принималъ штабныхъ лицъ. Не одинъ разъ случалось, что директоръ канцеляріи Александръ Дмитріевичъ Крыловъ, очень разстроенный по выходѣ отъ князя, дѣлился со мною тяжкими впечатлѣніями, которыя онъ выносилъ изъ пріемнаго покоя, гдѣ, чуть живой, распростертый на старенькомъ, плохенькомъ диванишкѣ, лежалъ главнокомандующій, диктуя Крылову донесеніе свое Государю.

— „Вообразите себѣ мое положеніе,—разсказывалъ онъ,—я, съ картономъ и карандашомъ, сижу противъ князя; онъ лежитъ навзничь и говоритъ чуть слышно, такъ, что я принужденъ наклоняться, чтобы ловить звуки его голоса... Вдругъ замолчитъ, закроетъ глаза, блѣдный какъ смерть, и, кажется, не дышетъ: и я недоумѣваю, сижу-ли я передъ живымъ, или уже передъ мертвымъ. Это мимолетное недоумѣніе надрываетъ душу: пошевельнуться не смѣю, звать на помощь не рѣшаюсь, изъ опасенія потревожить, можетъ быть, дремоту. Обморокъ смѣняется обморокомъ, но каждый разъ, очнувшись, князь продолжаетъ диктовать, только спроситъ, на чемъ мы остановились? Иногда обморокъ длится до получасу, и, надобно полагать, что страдалецъ борется съ этимъ состояніемъ, потому что, когда мощная его натура преодолѣетъ, наконецъ, забытье, то онъ съ нервнымъ усиліемъ откроетъ глаза и ротъ, какъ-бы отъ электрическаго толчка, такъ что я невольно каждый разъ вздрогну“.

Здѣсь замѣчу, что Крыловъ прибылъ изъ Петербурга къ намъ, въ армію, съ порученіемъ отъ Его Высочества, Генералъ-Адмирала. Изъ нижеслѣдующаго предписанія Великаго Князя, въ свое время напечатаннаго въ „Морскомъ С—кѣ“, усматривается, въ чемъ именно заключалось это порученіе:

— 2-го ноября 1854 г. № 85. „Предписываю вамъ, по полученіи сего, отправиться въ Крымъ, къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову, вручить его свѣтлости прилагаемое письмо и, получивъ его указанія,

заняться слѣдующимъ важнымъ порученіемъ, которое возлагаю на васъ, какъ особенную награду и доказательство моей довѣренности:

1) Посѣтить въ Крыму всѣхъ раненыхъ чиновъ морскаго вѣдомства, отъ адмирала до матроса, и семейства убитыхъ.

2) Собрать подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ: гдѣ, когда и какъ раненъ, гдѣ и въ какомъ положеніи находится, въ чемъ нуждается, чего желалъ бы для себя, или родныхъ, какъ идетъ леченіе ранъ и т. п.

3) Узнать, кто составляетъ семейства убитыхъ, чего желали бы?

4) Объявить всѣмъ помянутымъ лицамъ отъ моего имени, что все, что возможно, постараюсь сдѣлать для нихъ.

5) По мѣрѣ собранія помянутыхъ свѣдѣній о каждомъ, отъ адмирала до матроса,—доставлять оныя мнѣ, съ каждой почтой или курьеромъ, надписывая донесенія ваши на мое имя: въ собственныя руки.

6) По обозрѣніи такимъ образомъ всѣхъ раненыхъ, продолжать слѣдить за постепеннымъ выздоровленіемъ ихъ и доносить мнѣ о ходѣ леченія впредь до предписанія возвратиться въ Петербургъ.

7) Затѣмъ, поручается вамъ присылать въ инспекторскій департаментъ морскаго министерства письма раненыхъ къ ихъ роднымъ и друзьямъ, для немедленной разсылки.

Для облегченія васъ въ матеріальномъ трудѣ, вы можете взять съ собой состоящаго въ военно-походной канцеляріи писаря.

Прилагаю тысячу рублей для раздачи раненымъ и употребленія въ ихъ пользу, по собственному вашему усмотрѣнію, независимо той суммы, которая посылается съ вами въ распоряженіе князя Александра Сергѣевича, на этотъ же предметъ.

Мнѣ остается присовокупить, что вы постараетесь, конечно, исполнить это порученіе, по долгу христіанина, проникнутаго святою обязанностію помогать ближнему. Управляющій морскимъ министерствомъ „Константинъ".

Благодаря заботамъ Его Высочества Генералъ-Адмирала,—вполнѣ выяснилось количество раненыхъ морскаго вѣдомства и приступлено было къ размѣщенію раненыхъ по Таврической губерніи. Ихъ во множествѣ отправляли въ Симферополь и Николаевъ; приглашены были колонисты, которые пріѣзжали на своихъ фурахъ и увозили къ себѣ раненыхъ. Для семействъ убитыхъ Крыловъ выхлопоталъ помѣщенія въ Симферополѣ и другихъ мѣстахъ Таврической губерніи.

Отчеты, присылаемые Крыловымъ, Его Императорское Высочество Великій Князь дѣлалъ извѣстными публикѣ черезъ напечатаніе ихъ въ „Морскомъ Сборникѣ", въ этомъ почтенномъ журналѣ, которому, кстати сказать, русская печать, русская мысль, русская жизнь—такъ много и много обязаны. Кто не знаетъ, что „Морской Сборникъ"

положилъ начало гласнаго обсужденія весьма многихъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ было тѣсно связано благосостояніе и развитіе нашего отечества.

XVI.

Перехожу къ разсказу о Евпаторійскомъ дѣлѣ.

Еще 18-го декабря 1854 года, флигель-адъютантъ, полковникъ Петръ Николаевичъ Волковъ, вручилъ кн. Меншикову рескриптъ Государя отъ 10-го декабря, и потомъ немедленно уѣхалъ въ Евпаторійскій отрядъ къ генералу Врангелю. Содержаніе рескрипта было слѣдующее:

— „Собирался отвѣчать на донесеніе твое отъ 1-го декабря, любезный Меншиковъ, какъ вчера вечеромъ получилъ увѣдомленіе отъ князя Горчакова, что онъ распорядился уже не только отправленіемъ въ Крымъ десяти баталіоновъ 10-й и 11-й дивизій, но, вслѣдъ за оными, и всей 8-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею. Совершенно одобряя эти распоряженія, остается мнѣ требовать, чтобы этому значительному и послѣднему [1]) подкрѣпленію было сдѣлано полезное употребленіе. Ежели справедливо свѣдѣніе, что непріятель готовитъ высадку у Евпаторіи или у Качи, то самое опасное дѣйствіе можетъ быть у тебя въ тылу; оно можетъ быть, однако, замедлено дѣйствіемъ кавалеріи, ежели генералъ Врангель пойметъ хорошо свою обязанность. Поэтому я передалъ флигель-адъютанту Волкову мои мысли, и желаю, чтобы онъ, передавъ ихъ тебѣ, сейчасъ ѣхалъ къ Врангелю и при немъ остался, покуда это дѣло не объяснится. Намѣреніе же слѣдовать на Перекопъ кажется мнѣ менѣе удобоисполнимымъ и по отдаленіи отъ Евпаторіи и по трудности высадиться ближе къ Перекопу. Но ежели это сбудется, то необходимо, чтобы первая пѣхота, которая подойдетъ, была обращена на подкрѣпленіе кавалеріи. Желательно, чтобы оно послѣдовало не ранѣе прибытія 8-й дивизіи, болѣе боевой, чѣмъ резервная бригада. Во всякомъ случаѣ я хочу, чтобы флигель-адъютантъ Герштенцвейгъ тамъ остался, въ случаѣ, если бы высадка совершилась, чтобъ смотрѣть за порядкомъ и за тѣмъ, чтобъ прибывающая пѣхота употреблена была дѣльно. Ежели непріятель будетъ напирать къ Перекопу въ большихъ силахъ, тогда, вѣроятно, надо будетъ соединить резервные баталіоны съ 8-й дивизіей, чтобъ не быть разбиту по частямъ, и тогда всѣми 26-ю баталіонами при 48-ми орудіяхъ пѣшихъ, соединясь съ кавалеріею Врангеля, отбросить непріятеля и возстановить прерванное, быть можетъ, временно, съ тобой сообщеніе.

---

[1]) Разрядкой напечатаны слова, подчеркнутыя въ подлинникѣ. А. П.

„Будемъ надѣяться, что всего этого не будетъ, или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро. Тогда, я полагаю, что надо, чтобы резервные баталіоны 10-й и 11-й дивизій шли не останавливаясь къ тебѣ въ Севастополь. Тамъ ты обрати ихъ сейчасъ на пополненіе дѣйствующихъ баталіоновъ своихъ полковъ, и отдѣли не медля кадры резервныхъ баталіоновъ съ ихъ знаменами и баталіонными командирами и, по крайней мѣрѣ, съ половиннымъ числомъ офицеровъ и, сведя въ сводные баталіоны, отправь, какъ скоро можно, назадъ, на первый случай въ Николаевъ. Что-же касается до 8-й дивизіи, я нахожу, чтобы ты ее непремѣнно оставилъ у Перекопа въ резервѣ, ибо за будущее никакъ ручаться нельзя, а безъ значительной пѣхоты тутъ все можетъ быть потеряно.

По свѣдѣніямъ черезъ Вѣну,—полагать должно, что бомбардировка или возобновилась, или скоро это будетъ. Да поможетъ Господь милосердый и на сей разъ столь же славно отстояться. Будетъ ли штурмъ— не говорятъ. Когда все, что выше писалъ про пѣхоту, будетъ устроено, возврати мнѣ Герштенцвейга, онъ мнѣ нуженъ.

„Объ сыновьяхъ послѣ 1-го ничего не знаю; дай Богъ, чтобъ отъѣздъ ихъ не сдѣлалъ на войска дурнаго впечатлѣнія. Женѣ моей нѣсколько лучше, но еще очень слаба и бо́льшую часть дня въ постелѣ; сыновей возвращу къ вамъ сколь можно скорѣе.

„Резервные баталіоны Минскаго и Волынскаго полковъ полагалъ-бы тоже обратить на пополненіе своихъ полковъ, а кадры ихъ отослать назадъ.—Вотъ покуда и все. Обнимаю. Навсегда твой искренній доброжелатель Н".

(Собственноручная приписка). „Сейчасъ по телеграфу изъ Москвы узналъ, что дѣти сегодня туда прибыли, а завтра должны быть здѣсь, и что у васъ по 3-е число все было благополучно. Слава Богу!

„Ф. А. (т. е. флигель-адъютанта) Волкова тогда мнѣ возврати, когда если высадки не будетъ, или отъ ней отбились; этихъ двухъ Ф. А. тебѣ отрекомендую, какъ самыхъ отличныхъ, способныхъ и вѣрныхъ офицеровъ, которыхъ душевно люблю, знаю ихъ и не охотно ихъ отъ себя удаляю, потому что они мнѣ очень нужны. Но теперь дѣло слишкомъ важно и на нихъ ты вполнѣ [1]) положиться можешь".

Въ началѣ января поручено было очень дѣльному офицеру генеральнаго штаба, состоявшему тогда при Врангелѣ, подполковнику Батезатулу, обдумать проектъ нападенія на Евпаторію.

Однажды утромъ, въ первые дни по возвращеніи ихъ высочествъ изъ Петербурга, князь потребовалъ меня; я вошелъ и засталъ у него

---

[1]) Въ подлинникѣ это слово два раза подчеркнуто А. П.

Волкова, только что прибывшаго изъ-подъ Евпаторіи. По случаю болѣзни, Меншиковъ былъ принужденъ принять его въ спальнѣ. Озабоченный Волковъ при мнѣ откланялся, а князь, видимо взволнованный, приподнялся съ постели и, съ трудомъ утвердившись на ногахъ, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— „Государь все настаиваетъ на взятіи и разрушеніи Евпаторіи; поручилъ Волкову присутствовать при этой экспедиціи и дозволяетъ мнѣ на этотъ предметъ располагать 8-й дивизіей. Надо исполнить монаршую волю. Хотя бы намъ и удалось разрушить Евпаторію, но удержать ее за собой мы не можемъ: она совершенно открыта съ моря! Наряди расторопнаго вѣстоваго",—заключилъ свѣтлѣйшій,—„который повезетъ приказаніе Врангелю; оно у меня будетъ скоро готово. Я вызываю Врангеля сюда".

Врангель не замедлилъ прибыть въ главную квартиру и послѣ объясненія съ главнокомандующимъ тотчасъ-же уѣхалъ обратно. Проводивъ его, князь въ этотъ день вышелъ на воздухъ и, встрѣтясь со мною, разсказалъ, что Врангель, находя дѣло взятія Евпаторіи слишкомъ труднымъ, отклоняетъ отъ себя начальство надъ экспедиціей; онъ представляетъ на видъ, что ему, какъ кавалерійскому генералу, опасно взяться за такое дѣло, какова атака укрѣпленнаго города, тѣмъ болѣе, что въ прежнюю кампанію, онъ, Врангель, былъ еще только эскадроннымъ командиромъ.

—„Это хорошо, что онъ остороженъ",—заключилъ Меншиковъ,— „но я всетаки послалъ его—хорошенько, на мѣстѣ, обдумать атаку, и, обсудивъ это дѣло вмѣстѣ съ Батезатуломъ, возвратиться съ нимъ сюда".

Врангель и Батезатулъ пріѣхали къ главнокомандующему и оба, не видя шансовъ на успѣхъ взятія Евпаторіи, просили князя устранить ихъ отъ вліятельнаго участія на дѣло. Тогда главнокомандующій вызвалъ генерала Степана Александровича Хрулева и, не отстраняя добросовѣстнаго и осторожнаго Врангеля, предложилъ Хрулеву, независимо отъ соображеній, представленныхъ Врангелемъ,—сдѣлать свое заключеніе о вопросѣ нападенія на Евпаторію, и затѣмъ, въ качествѣ начальника артиллеріи Евпаторійскаго отряда, пособить Врангелю при устройствѣ нападенія. Хрулевъ охотно согласился, поѣхалъ на мѣсто, а Меншиковъ, обнадеженный, что теперь атака на Евпаторію состоится, уже послалъ Волкова и меня присутствовать при этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, мнѣ было замѣтно, что главнокомандующій, употребляя съ своей стороны все, что отъ него зависѣло, для исполненія предначертаній Государя, какъ будто желалъ внутренно, чтобы генералы, не смотря на всѣ его возбужденія къ Евпаторійскому дѣлу, всетаки отказались отъ этого предпріятія. Авторитетъ двухъ военачаль-

никовъ, одного—осторожнаго, другаго—предпріимчиваго, подтвердилъ бы собственное мнѣніе князя, что Евпаторію брать не стоитъ, и такимъ образомъ онъ могъ бы имѣть поддержку для убѣжденія и успокоенія Государя.

Осмотрѣвъ подробно укрѣпленія Евпаторіи, помощію неоднократныхъ и послѣдовательныхъ рекогносцировокъ въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, Хрулевъ донесъ главнокомандующему, что онъ надѣется овладѣть Евпаторіей. Между тѣмъ, Врангель, всетаки не раздѣляя надеждъ Хрулева, писалъ главнокомандующему, что безъ формальнаго его предписанія онъ не беретъ на себя отвѣтственности за рѣшеніе вопроса о нападеніи на Евпаторію.

Уваживъ очень основательныя представленія Врангеля, главнокомандующій отмѣнилъ предпріятіе; но, получивъ донесеніе Хрулева, рѣшился передать командованіе Евпаторійскимъ отрядомъ сему послѣднему.

Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ минутъ передачи командованія отрядомъ барона Врангеля Хрулеву, я никогда не забуду того отраднаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня при этомъ почтенный предшественникъ Степана Александровича. Отъ души желая успѣха Хрулеву, Врангель просилъ забыть старшинство по службѣ и имѣть его, Врангеля, въ виду только какъ начальника драгунъ. Въ свою очередь и Хрулевъ деликатностію и уваженіемъ, съ которыми обращался къ Врангелю, выказалъ себя съ прекраснѣйшей стороны. Этого мало: Врангель, во время приготовленій къ бою и при самомъ дѣлѣ, не только свято соблюдалъ свой долгъ и спѣшилъ выполнять распоряженія Хрулева, но еще предупреждалъ ихъ и не оставлялъ его своими совѣтами. Поступокъ—достойный глубокаго уваженія и подражанія! Такъ какъ Хрулевъ пользовался славою запальчиваго въ бою, то Меншиковъ, назначая его въ отрядъ къ Врангелю, какъ-бы для совмѣстныхъ распоряженій, имѣлъ въ виду уравновѣсить предпріимчивость одного осторожностію другаго. Когда Врангель отказался, князь былъ не совсѣмъ покоенъ; но, какъ въ послѣдствіи оказалось, совершенно напрасно.

26-го января 1855 г., послѣ обѣда, Хрулевъ, Волковъ и я выѣхали изъ главной квартиры. За Алмой, въ деревнѣ Бурлюкъ, мы переночевали у общаго нашего товарища артиллериста Мартынова, а на другой день, рано утромъ, поѣхали верхомъ къ Евпаторійскому отряду. Дорога была очень вязкая и нашимъ лошадямъ было не легко подаваться впередъ; когда же мы для сокращенія пути свернули на-прямки на пахатныя поля, то грязь до такой степени налипала къ ногамъ лошадей, что онѣ едва двигались. Казаки, часто слѣзая съ своихъ ло-

шадей, оскабливали грязь отъ ихъ ногъ; мы же на туземныхъ лошадяхъ ѣхали безостановочно, такъ какъ онѣ обладали снаровкою опускать и выдергивать ноги изъ вязкаго грунта такъ ловко, что грязь къ нимъ не прилипала. Желая выслѣдить эту особенность поступи, я, впереди себя, пустилъ очень маленькую и самую легкую изъ своихъ крымскихъ лошадокъ и наблюдалъ за ея ходомъ. Постановка ноги и ея подъемъ составляли у лошадки какъ бы одинъ темпъ: только что касаясь земли, она тотчасъ же коротко и быстро выхватывала ногу изъ грязи. На поспѣшномъ ходу лошадка подавала грудь на столько впередъ, что ей приходилось вырывать ноги изъ грязи съ наклономъ по направленію пути и этимъ она какъ бы вытирала ихъ о почву, оставляя косой отпечатокъ слѣда. Кромѣ того, ставя ногу передъ ногой, она оттискивала слѣдъ, какъ говорится, веревочкой, на подобіе лисьяго. Благодаря ловкости этой лошадки, мнѣ вскорѣ удалось увернуться отъ преслѣдовавшаго меня татарскаго пикета.

Приближаясь къ Евпаторіи, мы обогнули соляныя озера и противу праваго фланга города усмотрѣли большой курганъ, съ котораго можно было видѣть очертаніе Евпаторійскихъ укрѣпленій. Хрулевъ послалъ меня на этотъ курганъ. Я пересѣлъ на вышеупомянутую лошадку и, вмѣстѣ съ Балаклавскимъ грекомъ Димитріемъ Подпати, подъѣхалъ къ кургану и, у его подошвы отдавъ моему спутнику подержать мою лошадь, сталъ карабкаться по крутому и скользкому подъему. Достигнувъ вершины, я невдалекѣ отъ себя замѣтилъ непріятельскій пикетъ, который встревожился, бросился къ лошадямъ и погнался за мной. Сбѣжавъ съ кургана, я вскочилъ на мою лошадку и былъ таковъ. Слѣдомъ за мною соскользнуло съ кургана нѣсколько верховыхъ татаръ и пустились въ погоню; не тутъ-то было: моя лошадка, по топкому полю, неслась какъ стрѣла. Татары отстали, крикнувъ мнѣ во слѣдъ, по русски: „хорошо, что у тебя наша лошадь, а то-бы не ушелъ!“ Пустивъ нѣсколько выстрѣловъ, они возвратились на прежнее мѣсто. Грекъ мой, чтобы раздвоить вниманіе преслѣдовавшихъ, понесся въ другую сторону и тоже ускользнулъ.

Расположась за гнилымъ солянымъ озеромъ, въ деревнѣ Типъ-Мамай, Хрулевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, при немъ состоявшихъ, сдѣлалъ нѣсколько рекогносцировокъ вблизи укрѣпленій Евпаторіи: вызывая этимъ пальбу изъ города, онъ провѣрялъ число орудій, выставленныхъ по оборонительной линіи. Получивъ приказаніе атаковать Евпаторію, онъ перенесъ свою квартиру въ экономію (мызу) помѣщика Августиновича, Оразъ, близь деревни Хаджи-Торханъ, и здѣсь приступилъ къ составленію диспозиціи и къ другимъ предваритель-

нымъ распоряженіямъ. Оразъ, въ 9-ти верстахъ отъ Евпаторіи, былъ ближе къ центру расположенія войскъ, нежели Тюпъ-Мамай.

Ревностными помощниками Хрулева были состоявшіе при немъ: за начальника штаба—флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ, начальникомъ артиллеріи—полковникъ Шейдеманъ, дежурнымъ штабъ-офицеромъ—ротмистръ Линденеръ, оберъ-квартирмейстеромъ—капитанъ Цитовичъ, за старшаго адъютанта—уланскаго полка поручикъ Михалевъ[1]), для особыхъ порученій—артиллеріи штабсъ-капитанъ Мартыновъ.

XVII.

Продолжая свои рекогносцировки изъ Ораза, Хрулевъ работалъ неутомимо, кромѣ диспозиціи, еще надъ многими письменными приказаніями и наставленіями по войскамъ; составлялъ подробныя инструкціи для уборки раненыхъ и для поданія имъ первоначальной помощи.

По диспозиціи, атаку должны были произвести три колонны: центральною наносился главный ударъ; фланговыя-же, предварительными атаками, должны были отвлечь вниманіе непріятеля отъ центра; начинать дѣло должна была лѣвая колонна. Въ приказаніяхъ, кромѣ порядка, изъяснялись правила движенія войскъ къ мѣсту боя; ихъ размѣщеніе въ боевой линіи, дѣйствія пріуготовительныя; натискъ, штурмъ, занятіе города; наставленіе войскамъ на случай успѣха, или неудачи; поведеніе и дѣйствія войскъ въ захваченномъ городѣ и проч. и проч. Словомъ, все было предусмотрѣно и подробно письменно изложено во множествѣ экземпляровъ для раздачи въ каждую часть войскъ. Такъ какъ главная сила отряда, 8-я дивизія, еще не прибыла, то, кромѣ этого, во избѣжаніе проволочекъ во времени и для облегченія лицъ начальствовавшихъ въ частяхъ 8-й дивизіи, были заранѣе заготовлены приказанія, какія имъ слѣдовало отдать по своимъ частямъ во исполненіе общихъ распоряженій по отряду.

Дѣятельность Хрулева была необыкновенна. Утромъ, возвращаясь съ рекогносцировокъ, онъ скидавалъ мундиръ, и на распашку, чтобы быть совершенно на просторѣ, отдавалъ приказанія, диктовалъ, прослушивалъ написанное, повѣрялъ, сличалъ распоряженія, принималъ начальниковъ частей, знакомился съ ними; заставлялъ ихъ прочитывать приказанія при себѣ, потомъ переспрашивалъ ихъ, чтобы убѣдиться, такъ-ли они понимаютъ предстоящія имъ дѣла. Кому изъ нихъ приходи-

[1]) По служенію моему въ лейбъ-гвардіи уланскомъ его высочества полку, я знавалъ Михалева унтеръ-офицеромъ, исправлявшимъ должность писаря 3-го эскадрона, А. П.

лось въ бою дѣйствовать совмѣстно, того онъ при себѣ заставлялъ сличать распоряженія между собою, исправлялъ встрѣчавшіяся неудобства; вытребовывая адъютантовъ и ординарцевъ, онъ втолковывалъ имъ ихъ обязанности, потомъ—проэкзаменовывалъ. Все это дѣлалъ Хрулевъ переходя отъ стола къ столу, или отъ одного лица къ другому... наконецъ, утомясь, ложился на диванъ навзничь и, заложивъ руки за голову и подогнувъ ноги, продолжалъ свое дѣло, не теряя ни минуты времени. Если онъ внушалъ что нибудь, то непремѣнно стоя, а повѣряя кого либо и выспрашивая—ложился опять. Эта кипучая дѣятельность длилась нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Хрулевъ, можно сказать, почти ничего не ѣлъ, не пилъ и едва-ли спалъ. Бывало, мы сядемъ за обѣдъ, а онъ объ немъ и не думаетъ: проходя мимо стола, возьметъ кусокъ чего нибудь, ляжетъ на диванъ, на̀-скоро жуетъ, и диктуетъ. Чай пилъ по̀ходя: о своемъ стаканѣ не заботился, а гдѣ нибудь увидитъ стаканъ, хлебнетъ и отойдетъ въ сторону. Если кого встрѣтитъ безъ дѣла, того непремѣнно засадитъ за работу. Его дружеское, привѣтливое обхожденіе со всѣми придавало рвеніе всѣмъ намъ и, проникнутые его дѣятельностью, трудились и мы, кто во что горазлъ. Мнѣ Хрулевъ поручилъ составить планъ Евпаторіи, который могъ-бы ознакомить начальниковъ частей съ городомъ. Не бывъ никогда въ Евпаторіи, я былъ принужденъ составлять ея планъ по словеснымъ показаніямъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ расположеніемъ города; при этомъ мнѣ много посодѣйствовалъ помѣщикъ Августиновичъ. Такимъ образомъ я намалевалъ яркими красками 12 экземпляровъ: Хрулевъ ихъ одобрилъ и разослалъ въ войска.

Работая день и ночь, не зная отдыха, Хрулевъ не обнаруживалъ утомленія, благодаря неистощимымъ запасамъ энергіи въ своей богатырской душѣ. Точная, опредѣленная, подробная, обстоятельнѣйшая диспозиція была готова: она разрѣшала всѣ возможные вопросы во всѣ моменты дѣйствія. Общій характеръ, какъ диспозиціи, такъ и приказаній, былъ тотъ, чтобы воодушевить войска увѣренностью во взятіи Евпаторіи; объ отступленіи не было и рѣчи; войска возбуждались и на непріятеля и на добычу, которую могъ представить завоеванный и на раззореніе обреченный городъ. Указаны были площади для сноса добычи, требовался извѣстный порядокъ для опустошенія города, но пожары были строжайше воспрещены; самымъ первымъ дѣломъ приказано было спасать образа и утварь изъ городской православной церкви. По взятіи города, лишнимъ войскамъ было приказано возвратиться на прежнюю позицію, къ приготовленному для нихъ обѣду.

— „Ничѣмъ такъ не натравишь войска на непріятеля, какъ обѣ-

щаніемъ добычи",—говорилъ Хрулевъ,—„позволь солдату поживиться на счетъ непріятеля и онъ полѣзетъ чортъ знаетъ куда!"

Дѣйствительно, за все время кампаніи, мнѣ не случилось видѣть такого веселаго настроенія духа солдатъ, такого рвенія въ дѣлѣ, какія я подмѣтилъ при сборахъ на штурмъ Евпаторіи.

Порядокъ, съ которымъ шли приготовленія къ бою, внушая полное довѣріе къ начальнику отряда, придавалъ и увѣренности въ успѣхѣ. Мы достовѣрно не знали настоящаго состава Евпаторійскаго гарнизона; видѣли только укрѣпленія, еще не совсѣмъ возведенныя и вооруженныя незначительнымъ количествомъ орудій. Необходимо было скрыть отъ непріятеля наши намѣренія, для чего были, разумѣется, приняты всевозможныя мѣры. Пѣхота была еще на походѣ, а кавалеріи еще ничего не сообщалось формально; между тѣмъ, на 4-е февраля 1855 г., тотчасъ по прибытіи 8-й дивизіи, дѣло было назначено, требовалось заготовить штурмовыя лѣстницы, что поручено было исполнить тайно эскадронамъ уланской дивизіи генерала Корфа. Эскадронные командиры распорядились приготовленіемъ лѣстницъ на своихъ дворахъ, въ закрытыхъ сараяхъ и не выпускали рабочихъ, изъ опасенія неумѣстныхъ толковъ.

Въ это время Елисаветградскаго уланскаго полка 3-го эскадрона рядовой, изъ старыхъ служивыхъ, родомъ полякъ, находившійся на эскадронномъ дворѣ при лошадяхъ своего командира, ротмистра Добровольскаго, замысливъ измѣну, прикинулся обиженнымъ тѣмъ, что-де его товарищи употребляются на дѣйствительную службу, онъ-же, какъ вѣстовой, постоянно лишенъ этой чести. „Хоть-бы разъ",—говорилъ онъ,—„мнѣ пришлось постоять на аванпостахъ"! Добровольскій, поощряя это похвальное рвеніе, въ тотъ-же вечеръ велѣлъ нарядить просителя на аванпосты. Поставленный на ведетѣ, предатель ускакалъ въ Евпаторію и тамъ сообщилъ непріятелямъ о нашемъ намѣреніи и о заготовленіи штурмовыхъ лѣстницъ. Въ Евпаторіи были, разумѣется, приняты самыя дѣятельныя мѣры къ усиленію гарнизона, къ исправленію укрѣпленій и прибавкѣ орудій; самое-же главное: ровъ былъ соединенъ съ моремъ и наполненъ водою.

Главная сила отряда, 8-я дивизія, медлила приходомъ по случаю глубокой грязи по дорогамъ. Между тѣмъ, 2-го февраля, рано утромъ, изъ южной арміи, къ намъ подъ Евпаторію прибыли пять ротъ греческихъ волонтеровъ: они шли на-легкѣ и потому опередили другія войска. Ротные командиры явились къ Хрулеву всѣ вмѣстѣ. Весело и бодро, въ національныхъ своихъ костюмахъ, вошли они въ залу дома, занимаемаго Хрулевымъ со всѣмъ его штабомъ. Командиръ первой роты былъ Николай Карайско, второй — Стамати Карамоди, третьей—

Аристидо Христовери, четвертой—Мимико Таидо-Лиди, пятой—числившійся маіоромъ Антоній Гене Папа-Дука (т. е. священникъ). Одѣтый щеголеватѣе другихъ, онъ былъ и благообразнѣе наружностью: блондинъ съ голубыми глазами и красивой бородой; первые-же четыре капитана, въ особенности командиръ первой роты, были атлетическаго тѣлосложенія, съ удалыми, раскаленными лицами. Всѣ они, какъ было замѣтно, не слишкомъ-то жаловали Папу-Дука, такъ рѣзко отъ нихъ отличавшагося. Широкіе шалевые кушаки, ихъ перепоясывавшіе, были обвѣшаны и утыканы богато оправленнымъ оружіемъ; кромѣ турецкихъ сабель при бедрѣ, у каждаго изъ-за пояса торчало по нѣскольку пистолетовъ, кинжаловъ и ятагановъ.

Хрулевъ ласково ихъ принялъ. Еще въ южной арміи онъ встрѣчался съ этими удальцами; они знали Хрулева и рады были находиться въ его распоряженіи. Баталіонъ этотъ, сколько мнѣ помнится, былъ первоначально направленъ къ Севастополю; но, узнавъ на дорогѣ, что подъ Евпаторіею готовится дѣло подъ начальствомъ Хрулева, греки-волонтеры свернули къ нашему отряду и явились нежданные. До ихъ прибытія, я ничего не слыхалъ о грекахъ, и въ боевыхъ распоряженіяхъ имъ еще не было назначено и мѣста. Довольный ихъ приходомъ, Хрулевъ тотчасъ-же нашелъ имъ примѣненіе, согласно ихъ боевой своеобразности, выработанной единственно практикою. Предувѣдомляя греческихъ ротныхъ командировъ о замышленномъ штурмѣ, Хрулевъ сообщилъ имъ, что ихъ назначеніе въ дѣлѣ: броситься, первыми, на укрѣпленіе праваго фланга города, овладѣть или засѣсть въ ближайшихъ домахъ и, обстрѣливая батареи съ тыла, содѣйствовать успѣху общаго штурма.

Въ храбрыхъ капитанахъ не было замѣтно и мысли объ опасностяхъ такого отважнаго порученія; они, напротивъ, видѣли въ немъ предоставленную имъ честь первыми ворваться въ Евпаторію и только просили Хрулева указать мѣсто атаки каждой ротѣ отдѣльно. На это Степанъ Александровичъ предложилъ молодцамъ, по ихъ усмотрѣнію, выбрать изъ среды своей одного капитана, чтобы ему быть за баталіоннаго командира, который, подведя роты, распредѣлилъ бы на мѣстѣ пункты атаки для каждой. Но греки рѣшительно отказались подчиняться одному изъ своихъ товарищей.

— Мы всѣ равны,—говорили они,—и старшинства между нами нѣтъ!

Хрулевъ указалъ имъ на доблестнаго капитана Христовери, уже отличавшагося на Дунаѣ; но и самъ онъ отказывался, и товарищи не уступали ему преимущества надъ ними. Послѣ того Хрулевъ предложилъ выбрать Папу-Дука:

— Чего вамъ лучше,—сказалъ онъ,—Папы-Дука, вашего священника; онъ пойдетъ впереди васъ, съ крестомъ и мечомъ!

Но и Папу-Дука единогласно отвергли, хотя онъ самъ былъ бы и не прочь. Не состоялся выборъ и Карайско, командира 1-й роты, истаго атлета, суроваго видомъ. Не порѣшивъ ничѣмъ, Хрулевъ отпустилъ грековъ, совѣтуя имъ подумать. Они возвратились черезъ часъ, прося генерала назначить имъ въ баталіонные командиры одного изъ штабъ-офицеровъ русскихъ войскъ, обѣщая подчиниться ему безусловно. Видя, что греки между собою не поладятъ, Хрулевъ назначилъ меня имъ въ командиры. Узнавъ, что я адъютантъ главнокомандующаго, греки были очень довольны. Въ помощь мнѣ Хрулевъ оставилъ при ротахъ капитана Алексапольскаго полка Степанова, который сопровождалъ грековъ изъ дунайской арміи въ нашу.

Переводчикомъ при переговорахъ Хрулева съ греками служилъ, состоявшій при мнѣ, Димитрій Подпати. Послѣ того, каждый изъ капитановъ, подходя съ нимъ ко мнѣ, говорилъ привѣтствіе. Окруживъ меня, они стали разсказывать о своихъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, обѣщаясь и здѣсь выказать свою преданность и благодарность государю. При этомъ они выражали сожалѣніе, что только пять греческихъ ротъ успѣли прорваться за Дунай, во время отступленія южной арміи черезъ мостъ; другимъ же и многимъ ротамъ греческихъ волонтеровъ это не посчастливилось. Они расчитывали перейти мостъ въ хвостѣ арміи, какъ внезапно переправа была прекращена, мостъ былъ разобранъ, и греки остались на противоположномъ берегу одни противъ турокъ, со множествомъ болгарскихъ семействъ, искавшихъ спасенія въ покровительствѣ нашихъ войскъ.... И греки и болгары—брошенные нами—были перерѣзаны турками.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Дѣло съ греками было улажено. Вечеромъ того же дня, пріѣхалъ давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемый командиръ 8-й дивизіи, князь Урусовъ. Не теряя времени, Хрулевъ спѣшилъ посвятить его во всѣ распоряженія, приготовленныя для частей войскъ. Съ своей стороны, Урусовъ охлаждалъ горячность Хрулева, представляя ему на видъ, что дѣло необходимо отсрочить, такъ какъ войска 8-й дивизіи еще бѣдствуютъ на пути и прибудутъ лишь на другой день. Не сразу соглашаясь отложить назначенный для боя день (4-го февраля), Хрулевъ просилъ князя Урусова прежде прослушать диспозицію, сообщая ему, что непріятель предувѣдомленъ измѣнникомъ-уланомъ о нашемъ намѣреніи и потому надо спѣшить дѣломъ.

Князь Урусовъ сѣлъ, мы всѣ размѣстились вокругъ него, чтеніе диспозиціи началось. На первыхъ же строкахъ князь остановилъ чтеца

и, взявъ отъ него тетрадь, внимательно прочиталъ вступленіе, и произнесъ:

— Постой, братецъ Степанъ Александровичъ: ты пишешь это мнѣ въ формѣ предписанія; ты забылъ, что я старше тебя. Вели переписать.

— Да, точно, я упустилъ это изъ виду,—отвѣчалъ Хрулевъ,—но не въ этомъ дѣло! Слушай дальше....

— И не думай! отвѣчалъ Урусовъ,—перепиши, тогда буду слушать.

— Помилуй, когда тутъ переписывать! Что за формальности!.. На это понадобится цѣлая ночь. Послѣ перепишемъ...

— Нѣтъ, вели переписать теперь, а то и слушать не хочу!..

Никакія убѣжденія Хрулева не дѣйствовали; князь Урусовъ непреклонно стоялъ на своемъ. Намъ казалась не ко времени подобная щекотливость; князь, разумѣется, не зналъ чего намъ стоило и это-то написать: писарей не было, мы всѣ писали подъ диктовку Хрулева.

Дѣлать было нечего, пришлось уступить требованію Урусова. Шт.-кап. Цитовичъ уже взялся было за перо, какъ князь смиловался: взялъ опять тетрадь въ руки, перелистовалъ ее, и убѣдясь, что по объему диспозиціи на ея переписку дѣйствительно потребуется много времени, согласился на переписку только одного заглавнаго листа.

Мы, не расходясь, молча сидѣли въ кружкѣ, пока Цитовичъ писалъ; Степанъ Александровичъ призадумался; князь Урусовъ, довольный тѣмъ, что настоялъ на своемъ, весело что-то разсказывалъ, утѣшая насъ тѣмъ, что, покуда переписываютъ диспозицію, мы успѣемъ напиться чаю.

Заглавный листъ былъ переписанъ и диспозиція прочитана; князь Урусовъ все одобрилъ, но сказалъ въ заключеніе, что покуда всѣ до одного орудія въ укрѣпленіи не будутъ сбиты, онъ своихъ войскъ на штурмъ не поведетъ. Хрулевъ его обнадежилъ; всѣ разошлись и мы всѣ полегли спать, а утромъ приступлено было къ „исправленію" тѣхъ изъ остальныхъ бумагъ, которыя были адресованы прямо князю Урусову.

Приступъ къ Евпаторіи былъ отложенъ на 5-е февраля. Наканунѣ утромъ, войска, расположенныя вблизи Ораза, собрались возлѣ деревни Хаджи-Тарханъ. Къ нимъ выѣхалъ Хрулевъ съ Урусовымъ и былъ отслуженъ молебенъ. Всѣ пять ротъ греческихъ волонтеровъ присутствовали тутъ же, въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за кушакомъ у каждаго волонтера.

Такъ какъ они ранѣе просили меня снабдить ихъ для штурма еще нашими пѣхотными ружьями со штыками, то я тутъ же сообщилъ имъ о сдѣланномъ по этому предмету распоряженіи по войскамъ.

Между тѣмъ, такъ какъ для атаки укрѣпленій, прикрывавшихъ пра-

вый флангъ Евпаторіи, собственно для грековъ назначались два главнѣйшіе пункта, то Хрулевъ счелъ за удобнѣйшее раздѣлить пять ротъ на два полубаталіона: первыя три роты на штурмъ долженъ былъ вести я, остальныя двѣ—Степановъ; при этомъ отъ меня не устранялось общее командованіе греками. Адъютантами были: первой половины—Димитрій Николаиди, второй—Ліодасъ Вульгарисъ.

Вечеромъ, около 5-ти часовъ, когда греки опять собрались для выступленія на позицію, у нихъ во фронтѣ поднялся ропотъ, выражавшій сомнѣніе, что ихъ пошлютъ на штурмъ только съ ихъ собственными ружьями, не имѣвшими штыковъ. Они не довѣряли тому, что ружья имъ раздадутъ по прибытіи всѣхъ войскъ на позицію, въ эту же ночь. Подпати, переводя мнѣ буйный говоръ волонтеровъ, выражалъ безпокойство, что они и своихъ командировъ не ставятъ въ грошъ.

— Я, на вашемъ мѣстѣ, отказался бы отъ этихъ сорванцовъ, ваше высокоблагородіе! — заключилъ онъ, — не стоитъ съ ними возиться.. они васъ бросятъ!

Войска тронулись; греки шли въ головѣ колонны, рядомъ съ Хрулевымъ. Дорогою онъ объяснялъ мнѣ разныя уловки, къ которымъ надобно прибѣгать при штурмѣ и при занятіи строеній, повторяя не разъ, что греки на это молодцы.

Мы шли прикрытые отъ наблюденія непріятелей лощиной и вечернимъ сумракомъ. Двигаясь почти параллельно Евпаторіи, мы держали направленіе къ известковому колодцу, у моста чрезъ отрогъ гнилаго солянаго озера, въ трехъ верстахъ отъ Евпаторіи. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Хрулевъ остановился подъ бугромъ близь упомянутаго колодца и тѣмъ опредѣлилъ крайній пунктъ лѣваго фланга нашего пѣшаго отряда. Я же съ греками, перевалившись чрезъ бугоръ, расположилъ свой баталіонъ въ лощинѣ, по скату къ сторонѣ сказаннаго отрога.

Мѣсто своего ночлега Хрулевъ избралъ при лѣвой колоннѣ потому, что отъ ея частей назначался первый приступъ, и Степанъ Александровичъ желалъ быть возлѣ, чтобы самому направить атаку.

XVIII.

Наступила ночь и довольно холодная, такъ что грунтъ подстылъ, чѣмъ облегчено было передвиженіе войскъ: почва окрѣпла, держала, но не гремѣла, именно такъ, какъ намъ было нужно. Когда, по расчету времени, рабочіе для устройства эполементовъ для батарей и ямъ для штуцерныхъ—должны были находиться на мѣстахъ,

Хрулевъ самъ поѣхалъ повѣрять эти работы. Ночь была до того темна, что ему приходилось ѣхать, такъ сказать, ощупью; но артиллерійскій полковникъ Шейдеманъ, его сопровождавшій, не терялъ направленія и безошибочно проводилъ по линіи работъ. Прикрытія эти приготовлялись затѣмъ, что по диспозиціи канонада наша должна была открыться на довольно близкомъ разстояніи отъ укрѣпленій и поэтому необходимо было укрыть наши орудія отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Разбивка, разстановка рабочихъ и наблюденіе за ними возложены были на Шейдемана. Темнота и недальнее разстояніе отъ города не мало затрудняли этого распорядительнаго полковника; при всемъ томъ, онъ совершилъ это дѣло очень успѣшно, сохраняя глубокую тишину, и скрылъ работы отъ наблюденій непріятеля. Цѣпь казачьихъ аванпостовъ и стрѣлки, выставленные впереди линіи рабочихъ, тоже съумѣли своею осторожностію сохранить въ тайнѣ наши приготовленія къ приступу.

Какъ движеніе нашихъ войскъ, такъ и самое бивуакированіе совершились съ большими предосторожностями; между прочимъ, въ нашемъ отрядѣ былъ строжайше воспрещенъ всякій признакъ огня. Поэтому не только о самоварахъ, даже о куреніи табаку не могло быть и помину.

Порядкомъ продрогнувъ и мучимый жаждою и искусительной мечтой о запрещенномъ плодѣ—въ видѣ стакана чаю, я бродилъ въ сторонѣ отъ баталіона взадъ и впередъ, карауля подносившихъ ружья и подсумки, присылаемые грекамъ изъ частей войскъ, и направлялъ носильщиковъ въ баталіонъ. Вдругъ вижу, въ темнотѣ, мелькнула тѣнь, одна, другая, третья; тамъ еще кто-то пробирается и всѣ къ одному пункту, и возвращаются оттуда съ какимъ-то самодовольнымъ чмоканьемъ и покрякиваніемъ. „Что тамъ такое?“ подумалъ я, направился туда и вижу — толпа окружаетъ маркитанта, тайкомъ разливающаго чай.... Ага, попался! мелькнуло у меня въ мысляхъ и я протянулъ руку, чтобы схватить ослушника за шиворотъ, но онъ, не струся, проворно сунулъ мнѣ въ распростертую руку стаканъ чаю — и я смягчился, шепнувъ на ухо благодѣтелю, чтобы онъ приберегъ стаканъ чайку для Хрулева. При этомъ не могъ не подивиться необыкновенной ловкости промышленника, съумѣвшаго скрыть отъ всѣхъ глазъ громадный, горячій самоваръ и тѣмъ заслужить, вмѣсто нареканія, всеобщую благодарность.

Возвратясь къ прежнему своему мѣсту, я заслышалъ непонятный мнѣ шумъ у меня въ баталіонѣ... Бросаюсь туда, а мнѣ на встрѣчу, въ сильнѣйшемъ перепугѣ, бѣжитъ Подпати:

— Въ баталіонѣ бунтъ, ваше выс—діе,—едва могъ онъ проговорить задыхаясь,—требуютъ васъ!

Бѣгу къ грекамъ. Подпати за мной, ухватилъ меня за полу.

— Не ходите,—твердилъ онъ мнѣ,—они остервенѣли! Я вамъ говорилъ: опасный народъ!

Что же оказалось? Греки, и въ домашней ихъ жизни свыкшіеся съ опасностями, хорошо знали цѣну исправности оружія. Какъ только роздали имъ ружья и подсумки, принесенныя изъ ротъ ефрейторами, волонтеры, какъ истинные знатоки въ оружіи, начали его осматривать, ощупывать; примыкать, отмыкать штыки; пробовать спуски; вынимать и вставлять шомпола, считать, осматривать патроны и мѣрять подсумки... словомъ, дѣлали все, что нашъ солдатъ не всегда догадается своевременно сдѣлать. Впрочемъ, тогда, даже замѣтивъ неисправность оружія, онъ мирился съ нею, такъ какъ не умѣлъ его цѣнить; къ тому же, въ наши времена для щегольства ружейныхъ пріемовъ солдаты сами нарочно расшатывали штыки, шомпола и ослабляли гайки, чтобы ружье—по солдатскому выраженію—было „по-темпистѣе". Съ подобными ружьями наши и на войну пошли. Когда было отдано приказаніе пѣхотѣ снабдить греческихъ волонтеровъ ружьями и подсумками, ефрейтора весьма расчетливо придумали воспользоваться „удобнымъ случаемъ" сбыть съ рукъ негодныя ружья, порванные подсумки и неполные патроны. По освидѣтельствованіи греками принесенныхъ имъ боевыхъ предметовъ, оказалось, что у большинства ружей не взводились курки, или вовсе не было собачекъ; штыки не примыкались, или не держались на стволѣ; шомполы у многихъ ружей были растеряны; полнаго количества патроновъ не было, между ними попадались отсыпанные и—что всего ужаснѣе, и кто повѣритъ? въ нѣкоторыхъ патронахъ, вмѣсто пороху, насыпано было просо!

Ничего не подозрѣвая, я прибѣжалъ въ баталіонъ. Съ крикомъ, ругательствами и проклятіями окружили меня греки, причемъ каждый, спѣша показать мнѣ найденную имъ неисправность, кричалъ: „измѣна! измѣна!! насъ и здѣсь, какъ на Дунаѣ, рѣшились погубить!"... Показавъ мнѣ негодныя ружья, греки разбивали ихъ о камни и бросали въ кучу, равно и подсумки. Ружей я не жалѣлъ: туда имъ и дорога! но когда волонтеры стали высыпать мнѣ на ладонь просяныя зерна изъ патроновъ—я рѣшительно остолбенѣлъ: гляжу, глазамъ не вѣрю; беру въ ротъ, разжевываю—не вѣрю вкусу.

Подпати едва поспѣвалъ переводить мнѣ слова грековъ, полныя яростнаго негодованія.

— Мы пришли вамъ помогать,—говорили они,— не жалѣемъ жизни, а вы даете намъ негодныя ружья и первыхъ посылаете на штурмъ!

Возьмите ваши дубины назадъ; мы и безъ штыковъ, съ ятаганами, сдѣлаемъ свое дѣло. Ружья наши не колятъ, за то выпалятъ, когда будетъ надо; они не обманутъ насъ, какъ вы обманывали насъ вездѣ! На Дунаѣ сколько нашихъ погибло отъ вашего обмана!

Тутъ они съ ругательствами припомнили рѣзню при переправѣ черезъ Дунай.

Я, сколько могъ, старался успокоить ихъ. Съ помощью переводчика объяснилъ имъ, что умысла тутъ никакого быть не могло; что виною тому ефрейторы, которые, принимая ружья, не осматривали ихъ; солдаты же, не зная, что эти ружья достанутся грекамъ, сдавали неисправныя. Въ заключеніе я совѣтовалъ волонтерамъ выбрать годныя; остальныя же собрать и поставить при нихъ караулъ, чтобы послѣ розыскать виновныхъ, которые будутъ наказаны. Теперь же шумѣть нельзя, такъ какъ мы стоимъ вблизи непріятеля; онъ можетъ услышать крики и, такимъ образомъ, греки могутъ быть причиною неудачи нашего нечаяннаго нападенія на городъ.

Послѣдній доводъ подѣйствовалъ на нихъ убѣдительнѣе всѣхъ прочихъ; они утихли и занялись выборомъ ружей и сортировкою патроновъ, при чемъ я замѣтилъ, что патроновъ съ просомъ они не бросали, а тщательно припрятывали. Въ послѣдствіи, когда греческіе волонтеры шли на присоединеніе къ севастопольскому гарнизону, то на сѣверной сторонѣ бухты они не преминули показать патроны съ просомъ князю Меншикову. Предупрежденный мною, князь заранѣе сдѣлалъ надлежащія распоряженія чрезъ начальника штаба.

Шумъ, произведенный греческимъ баталіономъ, не былъ услышанъ передовыми постами Евпаторіи, чему, вѣроятно, способствовала глубина лощины, въ которой происходила эта сумятица. Успокоивъ грековъ, я выбрался изъ балки и встрѣтилъ показавшагося изъ тьмы Хрулева. Онъ возвращался съ объѣзда, очень довольный распоряженіями Шейдемана. Донесеніе мое о безпорядкѣ не слишкомъ-то его удивило: онъ, какъ видно, былъ съ нимъ знакомъ. Отдавъ мнѣ послѣднія наставленія на завтрашній день, онъ спустился къ известковому колодцу; я, присѣвъ на камень, продремалъ до зари.

Чуть забрежжило, бивуакъ зашевелился. Хрулевъ, на бѣломъ статномъ конѣ, котораго онъ выбралъ съ цѣлію быть видимымъ въ бою— желая встрѣтить разсвѣтъ яснаго и веселаго утра, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда было назначено дѣлать первый приступъ. Греки поднялись и двинулись за Хрулевымъ. Ихъ ротные командиры, верхами, лихо гарцовали передъ своими отрядами, съ удалью помахивая саблями. Одинъ передъ другимъ хотѣлъ щегольнуть ловкостью, дабы тѣмъ возбудить гордость своей команды. Рядовые, въ свою очередь,

пріосанясь подтрунивали надъ другими ротами и ихъ капитанами. Весело было смотрѣть на движеніе баталіона: греки шли не колоннами, а развернутымъ фронтомъ и каждый изъ нихъ казался самостоятельнымъ бойцомъ. Къ локтю они не держались, шли не въ ногу, но выходилъ строй, каждый солдатъ котораго былъ отдѣльно видѣнъ, не будучи замаскированъ плотностью массы. Каждый стремился впередъ и оттого выходилъ развернутый фронтъ. Съ любопытствомъ заглядывалъ впередъ каждый греческій рядовой, желалъ знать, куда его ведутъ, что на пути, что въ сторонѣ, что впереди. Походка волонтеровъ была легкая и быстрая; поворачивая головы во всѣ стороны, подымая ихъ вверхъ, они старались проникнуть въ даль. Для меня было ново видѣть подобный отрядъ и я наблюдалъ за нимъ.

Когда мы поравнялись съ курганомъ, на которомъ я, въ день прибытія подъ Евпаторію, наткнулся на татарскій пикетъ,—то Хрулевъ, со мною и съ пятью капитанами волонтеровъ, поскакалъ впередъ и остановился вблизи укрѣпленій, чтобы указать намъ на мѣста болѣе удобныя для приступа. Татарскій пикетъ стоялъ на курганѣ и теперь; но на этотъ разъ мы его спугнули и онъ ускакалъ въ городъ.

Въ Евпаторіи поднялась тревога: войска становились въ ружье, прислуга къ орудіямъ... Вотъ грянула пушка, за ней другая, и поднялась канонада съ обѣихъ сторонъ.

Хрулевъ запылалъ, глаза его засверкали, щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ. Повернувъ коня въ полъ-оборота къ Евпаторіи, онъ ждалъ грековъ, пославъ между тѣмъ меня съ войсковымъ старшиною Савельевымъ и съ Христовери подъѣхать, со стороны озера, поближе къ стѣнамъ Евпаторіи, и осмотрѣть мѣстность, прилежащую ко рву. Проскакавъ обратно вдоль линіи укрѣпленій до кургана, на которомъ ожидалъ насъ Хрулевъ, я едва успѣлъ сообщить ему отвѣтъ, какъ показались греки. Они спѣшили, а Хрулевъ между тѣмъ, приподнявъ грудь, выправившись на сѣдлѣ, поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону, и въ ожиданіи боя жадно втягивалъ въ себя сладкій ему пороховой дымъ.

Нельзя было не любоваться и не гордиться такимъ полководцемъ. Глядя на Хрулева, я понялъ обаятельную власть предводителя надъ войсками. Узнавъ Хрулева въ его предусмотрительныхъ распоряженіяхъ передъ боемъ и въ самомъ бою, я не удивлялся, что солдаты такъ охотно и довѣрчиво шли за нимъ повсюду. Это былъ бы Суворовъ нашего времени, если бы ему встрѣтилось поприще вполнѣ достойное его военныхъ способностей. Когда онъ бывалъ съ войсками, они объ опасностяхъ не думали и были „ради стараться"—во-истину.

И черезъ два года послѣ этого, въ мирной жизни, довелось мнѣ

увидѣть того же полководца, скромно промышляющаго квасомъ—подъ заманчивымъ этикетомъ „севастопольскаго"......

И такъ, греки не заставили себя дожидаться: они толпой окружили Хрулева и, выслушавъ нѣсколько краткихъ его наставленій и ободрительныхъ словъ, въ единый мигъ разсыпались, по командѣ своихъ командировъ, и составивъ множество линій разсыпнаго строя, такъ мастерски пошли впередъ, что каждый стрѣлокъ, даже изъ заднихъ линій, имѣлъ предъ собою свободное пространство для выстрѣла. Быстро подавались они впередъ, послѣдовательнымъ перебѣганіемъ линіями, такъ что задніе попеременно дѣлались передними. Когда же, въ близкомъ разстояніи отъ рва, окружавшаго Евпаторію, турки изъ-за бруствера какъ варомъ обдали насъ жеребьями (на четверо перерубленными пулями), греки, какъ одинъ, всѣ ринулись на землю и притаились недвижно за разными мѣстными неровностями, пользуясь камнями, рытвинами, буграми, промоинами и тому подобными защитами, не пренебрегая ничѣмъ. что̀ только могло ихъ укрыть отъ непріятельскаго огня.

Я не сразу понялъ этотъ маневръ; оставшись на виду одинъ, верхомъ, вмѣстѣ съ Подпати, я, сначала, не зналъ, на что рѣшиться; это мнѣ не совсѣмъ понравилось и я уже хотѣлъ поднять ихъ, какъ вдругъ вижу, послѣ минутнаго совершеннаго спокойствія, греки зашевелились, осторожно выправили ружья, мѣтко выпалили и, перебѣжавъ впередъ, перемѣнились мѣстами. Опять притаились на минуту, повторили то же самое нѣсколько разъ и, наконецъ, почти достигли рва: передніе стрѣлки уже не подавались, за то задніе постепенно примыкали къ переднимъ. При мнѣ были первыя три роты, а 4-я и 5-я, отдѣлясь, съ капитаномъ Степановымъ, точно также поспѣшили влѣво, къ сторонѣ кладбища. Лѣвѣе Степанова двинулись четыре сотни спѣшенныхъ казаковъ, при старшинѣ Савельевѣ. Слѣдовательно, всѣ мы залегли вблизи рва, прикрываясь кто чѣмъ могъ; мѣтко и не торопясь палили изъ ружей, выжидая минуты штурма. Турки, не умолкая, обстрѣливали насъ изъ ружей, большею частію жеребьями и круглыми пулями; штуцерныхъ было не много. Греки, ловко укрываясь, мало страдали отъ непріятельскаго огня. Взявъ съ нихъ примѣръ, я съ лошадью спрыгнулъ въ яму и, соскочивъ съ сѣдла, прислонился къ наружной ея стѣнкѣ: жеребьи, какъ горсти гороху, перекидываемыя черезъ яму, пролетали надо мною. Ко мнѣ притащился жестоко раненый капитанъ 2-й роты Стамати Карамоди, за нимъ Христовери. Послѣдній, осматривая свою раненную ногу, неосторожно сѣлъ на внутренній край ямы, и въ ту же минуту былъ вторично раненъ, въ животъ. Ко мнѣ подползали и перебѣгали, изъ-за прикрытій, еще нѣкоторые раненые. Время шло, а о штурмѣ не было

слышно; канонада не умолкала, по временамъ грохотали взрывы... наконецъ, гулъ выстрѣловъ сталъ громче, что заставило предполагать, что батареи перешли на ближнюю дистанцію, потомъ пальба затихла... Штурмъ!

Греки, вскочивъ, разомъ бросились къ спуску, готовились спрыгнуть въ ровъ, и не тутъ-то было: ровъ наполненъ водой! Забѣгали туда, сюда, но дѣлать было нечего; хватились за лѣстницы, опустили—плывутъ, а тутъ еще изъ-за бруствера въ нихъ чѣмъ попало, и картечью, и пулями, и жеребьями. Греки—назадъ и опять притаились. Въ это самое время на поддержку къ грекамъ подоспѣли спѣшенные драгуны Московскаго полка. „Что-молъ, вы?“ Ничего, лежимъ. „Какъ же такъ, а штурмъ?“ Мы были. „Что же тамъ?“ Ничего; идите, посмотрите—увидите. Такъ можно было перевести мимическіе переговоры подошедшихъ драгунъ съ греками. Видя драгунъ, бодро и весело подходящихъ твердымъ фронтомъ въ колоннѣ, я выскочилъ изъ ямы, побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, предупреждая, чему они подвергаются, представляя для турецкихъ стрѣлковъ такую сплошную мишень. При этомъ я указывалъ имъ на практическій способъ подступа разсыпнымъ строемъ, и совѣтовалъ пользоваться мѣстными прикрытіями и послѣдовать примѣру грековъ въ подобнаго рода маневрахъ. Но драгуны, какъ неопытные въ бою, гордо отвергли мое предостереженіе и стали издѣваться надъ тѣмъ, что греки прячутся за камни; помню, какой-то удалой офицеръ крикнулъ мнѣ изъ колонны острое двустишіе:

A la grecque лежать не будемъ,
Своего долга не забудемъ!

Любо—и съ тѣмъ вмѣстѣ—грустно было смотрѣть на молодцовъ, идущихъ на явную и совершенно безполезную погибель. Они въ это самое время вступили на мѣста, занимаемыя греками, и покрикивали на нихъ; тѣ, понявъ, что имъ пора, уступивъ свои прикрытія драгунамъ, разомъ выскочили. Лошадь моя, которую я держалъ за поводъ, испугавшись мгновеннаго ихъ появленія, бросилась и крѣпко наступила мнѣ на ногу: я захромалъ, а въ отрядѣ предположили, что я раненъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что въ этотъ самый мигъ съ укрѣпленія изъ полевыхъ орудій, на драгунъ и на вскочившихъ грековъ, ударилъ градъ картечи, отъ которой послѣдніе потерпѣли болѣе нежели у рва. За это греки долго досадовали на драгунъ, заставившихъ ихъ не во-время и безъ нужды оставить прикрытія, не послужившія на пользу и самихъ драгунъ, которые поспѣшили ко рву. Больно было смотрѣть какъ они гибли напрасно и принуждены были вскорѣ воротиться, конечно, въ разстройствѣ и съ большою потерею. Я, со Степановымъ, собралъ наши пять греческихъ ротъ у кладбища, подъ

прикрытіемъ ограды. Роты Степанова, точно такъ же какъ и мои, при общемъ движеніи на штурмъ, сунулись ко рву и натолкнулись на ту же воду; только у него потеря была значительнѣе: у него было двое убитыхъ, и, къ сокрушенію товарищей, тѣлъ ихъ не успѣли выхватить. Въ общей сложности, изъ греческаго отряда выбыло до 25-ти человѣкъ. Не особенно великій процентъ на 600 слишкомъ человѣкъ, правда, но для грековъ онъ былъ ощутителенъ, по непроизводительности затраты: мы ничего не заняли. Придавая цѣну каждому выпущенному заряду, греки избѣгали всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ могли сами быть ранены, такъ сказать, безъ пути, приберегая себя къ моменту дѣйствительнаго удара.

Азовскій полкъ, какъ уже испытанный въ Балаклавскомъ дѣлѣ при штурмѣ редута, былъ нарочно присланъ главнокомандующимъ къ Хрулеву въ его отрядъ. Третій и четвертый батальоны этого полка пошли было молодцами на штурмъ, правѣе волонтеровъ, на пунктъ еще труднѣе нашего, но, кромѣ ружейнаго, попали еще подъ убійственный картечный огонь и потерпѣли порядочно: вода остановила ихъ точно также какъ грековъ и драгунъ, и потому, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ воспользоваться лѣстницами, они были принуждены возвратиться на свои мѣста.

Признавая это неожиданное встрѣченное нами препятствіе непреодолимымъ, Хрулевъ поспѣшилъ остановить дальнѣйшія попытки къ штурму и поскакалъ ко мнѣ. Завидѣвъ его издали, я пустился къ нему на встрѣчу и мы съѣхались около дальняго угла кладбища, за которымъ теперь стояли 5-й и 6-й резервные батальоны Подольскаго полка.

— Евпаторію взять нельзя! громко сказалъ мнѣ Хрулевъ. Ничего не сдѣлаешь: выводите ваши команды, отступить!

Затѣмъ онъ скомандовалъ резервнымъ баталіонамъ Подольскаго полка „на лѣво кругомъ!“ но они, не трогаясь, въ одинъ голосъ заговорили:

— Ваше превосходительство! Позвольте: мы возьмемъ... только прикажите!...

Хрулевъ остановился. Молодые солдатики такъ жалостно просили и, стоя подъ огнемъ, не заботясь объ утратахъ, съ такой улыбкой надежды смотрѣли ему въ глаза, что онъ, видимо, колебался. Лицо его пылало, молодецкая кровь кипѣла, слово согласія изъ глубины сердца рвалось на уста... но благоразуміе взяло верхъ: глубоко вздохнувъ, Хрулевъ переломилъ себя.

— Спасибо, спасибо вамъ, молодцы!—произнесъ онъ нетвердымъ

голосомъ. Мы пойдемъ, только не сейчасъ! Мы много потратили патроновъ, надо опять запастись, а пока пойдемъ обѣдать!

Затѣмъ, махнувъ рукой, въ знакъ отступленія, онъ поѣхалъ назадъ, весело улыбаясь. Приказавъ грекамъ, спѣшеннымъ казакамъ и другимъ выбираться изъ огня, я послѣдовалъ за Хрулевымъ. Отъѣхавъ немного, мы были настигнуты княземъ Урусовымъ, прискакавшимъ изъ центральной колонны.

— Какъ! что! ты велишь отступать?—началъ онъ,—помилуй, братецъ, зачѣмъ? мы такъ славно пошли... Напрасно, напрасно! Мы бы непремѣнно взяли Евпаторію...

— Игра не стоитъ свѣчъ, братецъ; ты это хорошо самъ знаешь! сухо отвѣчалъ Хрулевъ.

— Солдаты рвутся! я ихъ поведу. Какъ же это—отступать въ такую благопріятную минуту?

Но Степанъ Александровичъ, вмѣсто отвѣта, въѣхавъ на бугоръ, бывшій возлѣ расположенія центральной колонны, громко скомандовалъ: „отступленіе въ шахматномъ порядкѣ, первые баталіоны, начинай!“

И поднявъ саблю вверхъ, выждалъ покуда команда передавалась баталіонными командирами, потомъ опустилъ ее, съ возгласомъ „маршъ!“

И отступленіе началось такъ же чисто, какъ оно обыкновенно дѣлается на линейномъ ученьи. Когда первые баталіоны отошли на извѣстное разстояніе, Хрулевъ возобновилъ команду для вторыхъ и такъ далѣе; шли мы вплоть до мѣста нашего ночлега. При началѣ отступленія, флигель-адъютантъ Волковъ, прискакавшій къ Хрулеву, сообщилъ ему, что часть турецкой конницы и пѣхоты выходила изъ Евпаторіи съ цѣлію преслѣдованія, но, устрашась нашихъ двухъ баталіоновъ Азовскаго полка при батареѣ артиллеріи, воротилась вспять; при этомъ турки осмѣливались подскакивать довольно близко къ нашимъ каре. Когда мы и съ мѣста тронулись, въ насъ палили таки и съ укрѣпленій Евпаторіи, и съ пароходовъ, но мы скоро спустились за высоту—и все умолкло.

Отступивъ отъ Евпаторіи, Хрулевъ довелъ отрядъ и приказалъ дать обѣдать людямъ и пополнить убыль въ патронахъ; слѣзъ съ лошади на тотъ самый камень, на которомъ провелъ ночь, и заснулъ глубокимъ сномъ.

Я отправился къ греческому баталіону провѣрить убыль и навѣстить раненыхъ; рядовые были на перевязочномъ пунктѣ, а капитаны при своихъ ротахъ. Христовери сидѣлъ въ кибиткѣ и, благодаря за участіе, весело успокоивалъ меня на счетъ послѣдствій ранъ; Карайско, лежа на телѣгѣ, жестоко страдалъ: раны своей онъ не пережилъ.

По первымъ свѣдѣніямъ на самомъ полѣ битвы, насчитали раненыхъ нѣсколько болѣе 500 человѣкъ; раны, въ большинствѣ случаевъ, были легкія, круглыми пулями или жеребьями; многіе солдаты не вышли даже изъ фронта; но самую ощутительную потерю понесъ Азовскій полкъ: кромѣ многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, былъ раненъ довольно серьезно въ берцовую кость командиръ полка, храбрый генералъ Криднеръ.

Блестящій результатъ предварительныхъ распоряженій Хрулева отразился въ томъ примѣрномъ порядкѣ, съ которымъ убирали съ поля и перевязывали раненыхъ. Когда они доставлены были въ Симферопольскій госпиталь, то старшій докторъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать главнокомандующему о той образцовой исправности перевязокъ, которую онъ нашелъ у раненыхъ, прибывшихъ съ поля Евпаторійскаго сраженія, при чемъ онъ присовокупилъ, что и въ госпиталѣ въ настоящее время трудно было бы сдѣлать перевязки подобнымъ образомъ. Вся честь и заслуга въ данномъ случаѣ принадлежала хирургу Евпаторійскаго отряда, надворному совѣтнику Райскому; честь и слава благоразумнымъ распоряженіямъ Хрулева! Подъ Евпаторіей начальники частей артиллеріи отличались распорядительностью какъ передъ боемъ, такъ и въ самомъ бою. Артиллерія работала на славу и много положила враговъ въ Евпаторіи. Штуцерники дѣйствовали тоже мастерски. Пѣхотѣ и кавалеріи правой и центральной колоннъ не довелось приложить ихъ готовности къ дѣлу; онѣ отступили, съ надеждою возобновить бой послѣ обѣда [1]).

Пообѣдали, позапаслись сколько было возможно патронами и снарядами, осмотрѣлись и ожидали приказанія. Никому не было извѣстно рѣшеніе Хрулева; онъ спалъ глубокимъ сномъ и добудиться не было

---

[1]) Въ Евпаторійскомъ дѣлѣ участвовали: Въ правой колоннѣ: 8-я дивизія 1-й бригады ген.-маіора Замарина; полки: Забалканскій—полк. Тимашева, Полтавскій—ген.-м. Голвачевскаго; резервная уланская дивизія г.-м. Бобылева; полки: эрцг. австр. Леопольда—г.-м. Терпелевскаго, Новоархангельскій—полк. Рословлева; двѣ сотни казаковъ; батареи: пѣшая легкая № 3-й, 3-й бр.—полк. Ѳедюхина, конная № 21-й—полк. Колобова, легкія: № 20-й—Эйлера, № 19-й—шт.-кап. Колмыкова. Въ центральной колоннѣ: 8-я дивизія 1-й бригады ген.-м. Тетеревникова; полки: Алексопольскій—ген.-м. фонъ-Бусе, Кременчугскій—барона Менгдена; одна сотня казаковъ; батареи: пѣшая № 3-й 2-й бр.—полк. Алексѣева, легкія: № 4-й—подполк. Лаленевича, № 5-й—Минина. Въ лѣвой колоннѣ: 12-й дивизіи Азовскій пѣх. полкъ—г.-м. Криднера, 5-й и 6-й резеревные баталіоны Подольскаго полка, баталіонъ греческихъ волонтеровъ, спѣшившіеся драгуны Московскаго полка—г.-м. Кроника,

никакой возможности. Этотъ сонъ похожъ былъ на какую-то летаргію. Послѣ стольких безсонныхъ ночей и голодныхъ дней, при сильнѣйшемъ напряженіи всей нервной системы, послѣ увлеченія боевыми минутами, сопровождавшимися цѣлымъ роемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній,—Хрулевъ, подъ гнетомъ утомленія, погрузился въ совершенное забытье.

Возвратясь изъ баталіона, возлѣ Хрулева я засталъ Волкова и Шейдемана.

— Степанъ Александровичъ! Степанъ Александровичъ!!—будили они его,—батюшка, проснитесь... что намъ дѣлать съ войсками? Они готовы, управились!...

Видя, что всѣ усилія ихъ напрасны, Волковъ и Шейдеманъ пошли къ войскамъ; посовѣтовались; опять возвратились къ Хрулеву: будили, будили... наконецъ, онъ открылъ глаза.

— По домамъ! — произнесъ онъ, — дайте лошадь!

И опять погрузился въ прежній сонъ.

Подали лошадь: Хрулевъ спалъ сидя на камнѣ. Съ трудомъ усадили мы его, полусоннаго, на лошадь и поѣхали. Я съ правой стороны, Волковъ — съ лѣвой, держась какъ можно ближе къ его стремени. Степанъ Александровичъ машинально держалъ поводья и сильно дремалъ.

Нагнавъ азовцевъ, мы съ Волковымъ замѣтили, что многіе, легко раненые, идутъ во фронтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Мы разговорились о молодцахъ, и Волковъ вполголоса поощрялъ ихъ. Хрулевъ, заслышавъ говоръ людей, очнулся.

— Азовцы?! А, молодцы, спасибо, спасибо!—заговорилъ онъ, обгоняя баталіоны.

— Когда же, ваше прево—во, опять?—съ нетерпѣніемъ спрашивали азовцы.

три сотни казаковъ № 61-й Жирова полка, одна сотня казаковъ № 55-й Филинова; батареи: пѣшая легкая № 3-й 11-й бр.—кап. Савича, № 4-й—шт.-кап. Коренницкаго, № 4-й 12-й бр.—пор. Вейерлока, № 3-й 14-й бр.—кап. Ельчанинова, № 4-й—кап. Недосѣкина, конная легкая № 23-й—пор. Кузена. Сводной бригадой Азовскаго и Подольскаго полковъ командовалъ ген.-м. Огаревъ 3-й; начальникъ всей пѣхоты ген.-лейт. князь Урусовъ. Начальники колоннъ: правой—ген.-м. Бобылевъ, средней—ген.-м. Тетеревниковъ, лѣвой—ген.-м. Огаревъ 3-й. Начальникъ всей артиллеріи: полков. Шейдеманъ. Начальники артиллеріи: Правой колонны—полк. Колобовъ, средней—полк. Сегеркранцъ, лѣвой—полк. Пущинъ.

— А вотъ, подождите, дайте срокъ; управимся!—отвѣчалъ Хрулевъ, и, обогнавъ полкъ, опять заснулъ.

Мы съ Волковымъ ѣхали молча, поглядывая другъ на друга и карауля Хрулева, чтобы онъ не упалъ; но Степанъ Александровичъ, по привычкѣ, свойственной кавалеристамъ, и спящій твердо держался на сѣдлѣ.

Образцовый порядокъ въ дѣлѣ и стройное отступленіе войскъ, живописно освѣщенныхъ солнечными лучами, оставили въ насъ не только не тяжелое, но, можно сказать, пріятное впечатлѣніе боя подъ Евпаторіей. Всѣ мы сознавали себя правыми, не смотря на то, что отступали. Каждый чувствовалъ, что сдѣлалъ все бывшее въ его силахъ и понималъ, что естественное, встрѣченное нами препятствіе было непреодолимо. Гдѣ же та безрасудная запальчивость, въ которой обвиняютъ Хрулева? Здѣсь ему представлялся случай предаться ей: взявъ дѣло на свой страхъ, Степанъ Александровичъ развивалъ, лелѣялъ мысль—овладѣть Евпаторіей и порадовать государя; изготовился къ дѣлу какъ нельзя лучше; настроилъ умы солдатъ, одушевилъ ихъ, увлекъ на приступъ и, когда они устремились на добычу, онъ оторвалъ ихъ отъ нея единымъ словомъ: „отступить!" Войска рвутся въ бой, Хрулевъ—ведетъ ихъ обѣдать, жертвуя личною своею отвагою требованіямъ благоразумія.

Доѣхавъ до Тюкъ-Мамая, куда заблаговременно было назначено перейти обозамъ штаба, Хрулевъ машинально спустился съ лошади и, поддерживаемый нами, взошелъ на крыльцо. Въ комнатѣ онъ направился къ широкому оттоману и, опустясь на него, захрапѣлъ.

А. А. Панаевъ.

Замѣтка къ разсказамъ А. А. Панаева.

Редакція «Русской Старины» постоянно соблюдала полнѣйшее безпристрастіе по отношенію къ историческимъ лицамъ, разсмотрѣніе государственной или вообще общественной дѣятельности которыхъ составляетъ предметъ тѣхъ или другихъ монографій, историко-біографическихъ очерковъ, или Записокъ (мемуаровъ) и Воспоминаній, напечатанныхъ на страницахъ этого изданія. Съ другой стороны, каждое изъ упоминаемыхъ во всѣхъ этихъ статьяхъ лицо—можетъ быть твердо убѣждено, что редакціей «Рус. Стар.» никогда не руководитъ какое либо при-

страстіе къ авторамъ статей и монографій, печатаемыхъ на страницахъ этого изданія. Это-же ненарушимое правило заставляетъ насъ напечатать и нижеслѣдующую статью Войска Донскаго генерала А. Е. Попова. Ред.

II.

Мой пріѣздъ къ кн. А. С. Меншикову.

Сентябрь 1854 года.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины" изданія 1877 года напечатана IX-я глава Записокъ А. А. Панаева о князѣ Меншиковѣ. Въ ней упомянуто (томъ XVIII, стр. 710—711) о моемъ пріѣздѣ въ армію, къ князю, безъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ подробностей, которыя считаю не лишнимъ сообщить, въ видахъ возстановленія истины, извлекая ихъ изъ моего дневника:

„19-го сентября 1854 года посѣтилъ меня флигель-адъютантъ Альбединскій, только что прибывшій изъ Крыма, чтобы, по порученію князя Меншикова, сообщить мнѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ особымъ письмомъ просилъ Государя Императора о командировкѣ меня въ Крымскую армію.

Въ это время совершилось уже вторженіе въ Крымъ союзниковъ; Алминское сраженіе было проиграно нами и Севастополь обложенъ непріятелемъ. Я состоялъ въ должности начальника штаба резервныхъ гвардейскихъ корпусовъ, назначавшихся для обороны Петербурга и его окрестностей и формировавшихся подъ начальствомъ меня любившаго и удостоивавшаго особеннымъ довѣріемъ генералъ-адъютанта А. Ѳ. Арбузова.

„Въ послѣдствіи Виллебрандтъ (въ то время адъютантъ князя Меншикова) говорилъ мнѣ, что онъ считаетъ себя виновникомъ вызова меня въ Крымъ, потому что въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ онъ напомнилъ обо мнѣ; но очевидно, что даже искренняя похвала не могла породить въ князѣ той настойчивости желанія, съ которою онъ обратился къ Государю Императору о присылкѣ моей въ Крымъ".

Засимъ, А. Е. Поповъ излагаетъ, что въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1843 году, онъ писалъ оттуда своему сослуживцу и однокашнику, Н. Ф. Козлянинову, письмо о Кавказской войнѣ вообще и о неудачной Аварской экспедиціи въ особенности. Изъ этого письма генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ приказалъ сдѣлать выписки къ дѣламъ, самое же подлинное письмо было доставлено Государю Императору и, по его желанію, послужило къ составленію особой записки, Высочайше одобренной и препровожденой въ Кавказскій комитетъ.

„По поводу изложеннаго мною, — продолжаетъ г. Поповъ,—нашъ оберъ-квартирмейстеръ С. И. Волковъ передалъ мнѣ, въ 1844 году,

просьбу князя Меншикова посѣтить его, прося и со своей стороны не отказать въ этомъ. Въ томъ-же, 1844 г., назначенный день и часъ я былъ у князя и провелъ съ нимъ часа три; разговоръ шелъ о Кавказѣ.......

Обращаюсь къ эпохѣ Крымской кампаніи, 1854 года.

„Отправленіе мое въ Крымъ еще не было готово, и 23-го сентября 1854 г., по моей должности, я находился въ Царскомъ Селѣ при распредѣленіи Государемъ Императоромъ рекрутъ. По окончаніи распредѣленія я былъ позванъ къ Государю Императору. Его величество сѣлъ уже въ коляску съ однимъ изъ августѣйшихъ особъ и, обратясь ко мнѣ, изволилъ выразить:

— „Я посылаю тебя въ Крымъ; когда прибудешь туда, передай мой поклонъ князю Меншикову, а онъ—чтобы передалъ войскамъ, всѣмъ и каждому—мое спасибо. Корнилову тоже передай поклонъ мой и скажи, что я увѣренъ, что онъ употребитъ все для спасенія Севастополя, а въ случаѣ неизбѣжности потери его, не оставитъ въ немъ камня на камнѣ, и изъ батарей Сѣверной стороны будетъ громить его остатки и бухту. Если увидишь Хомутова, и ему передай поклонъ мой“.

Послѣ минутной остановки, Государь продолжалъ: „Затѣмъ, желаю тебѣ благополучнаго пути и желаю, чтобы ты засталъ въ Крыму все благополучно; но если-бы и не такъ случилось, то я на тебя надѣюсь, ты мнѣ изъ чернаго — сдѣлаешь свѣтлый и радостный день“.

Я глубоко поклонился при этихъ словахъ Государя. Въ нихъ было слишкомъ много милости, и нравственная отвѣтственность, налагаемая ими,—была слишкомъ велика; по этому, для выясненія себѣ мысли Государя, я позволилъ себѣ обратиться къ его величеству съ вопросомъ:

— Преимущество вооруженія союзныхъ войскъ въ Крыму,—сказалъ я,—во многихъ случаяхъ можетъ ставить войска наши въ невыгодное положеніе, но правило великаго Суворова: пуля дура—штыкъ молодецъ,—съ прежнею вѣрностію можетъ прилагаться и нынѣ, и уничтожить выгоды вооруженія, но для этого необходимы неожиданныя и ночныя нападенія. Поэтому, что̀ прикажете доложить князю Меншикову, при возбужденіи вопроса о способѣ дѣйствій?

— „Я одобряю и смѣлыя дѣйствія, и—все, что ты найдешь нужнымъ сдѣлать. Счастливаго пути“,—отвѣчалъ Государь.

25-го сентября 1854 года я выѣхалъ изъ Петербурга.

1-го октября, около 10-ти часовъ вечера, я и свиты Его В — ва князь Радзивилъ прибыли въ штабъ квартиру арміи, на р. Бельбекѣ. Князь Меншиковъ немедленно принялъ насъ въ своей палаткѣ. Онъ высказалъ свое удовольствіе по случаю моего пріѣзда, а затѣмъ прибавилъ:

— „Теперь уже поздно и вы утомлены; пріютитесь въ одной изъ палатокъ штаба, а завтра мы поговоримъ о дѣлѣ“.

Передавъ князю относившіяся къ нему слова Государя Императора и привезенныя мною бумаги, я удалился; князь Радзивилъ остался съ нимъ нѣсколько долѣе.

На слѣдующій день, часовъ въ 7 утра, князь Меншиковъ вышелъ изъ своей палатки и, увидя меня, направился ко мнѣ.

— „Такъ какъ вы мнѣ не нужны,—сказалъ князь,—то я назначаю васъ къ князю П. Д. Горчакову“.

При этихъ словахъ къ намъ подошелъ и князь Горчаковъ; тогда князь Меншиковъ, обратясь къ нему, продолжалъ:

— „Вотъ вновь прибывшій къ намъ полковникъ Поповъ, котораго я назначаю къ вамъ“.

Я былъ взволнованъ и возмущенъ словами князя: „такъ какъ вы мнѣ не нужны“. Мое устраненіе отъ дѣлъ и все мое будущее ясно очертилось.

Въ это время войска, которыми командовалъ кн. П. Д. Горчаковъ, были расположены частію въ Севастополѣ, частію на позиціяхъ, для охраненія нашего операціоннаго пути; самъ же кн. Горчаковъ съ корпуснымъ штабомъ и однимъ пѣхотнымъ (Волынскимъ) полкомъ находился при штабъ-квартирѣ арміи. Поэтому, мое назначеніе къ нему не имѣло никакого смысла.

Тутъ же представившись князю Горчакову, я спросилъ, что́ его сіятельству угодно будетъ возложить на меня?

— Вы будете состоять въ распоряженіи начальника штаба,—отвѣчалъ князь.

— Но начальникъ штаба вашего сіятельства,—сказалъ я,—моложе меня въ чинѣ, и ему неловко будетъ распоряжаться мною, такъ что я по неволѣ останусь внѣ всякаго дѣла.

Князь Меншиковъ, какъ бы желая прекратить завязавшійся разговоръ нашъ, торопливо произнесъ:

— „Впрочемъ, я еще не окончательно остановился на этомъ,—я подумаю“.

Но князь Горчаковъ, не обращая вниманія на послѣднія слова князя Меншикова, продолжалъ:

— Начальникъ моего штаба—флигель-адъютантъ; къ тому же, для пользы отечества, нечего разсматривать старшинство, и, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, многіе изъ старшихъ и заслуженныхъ генераловъ охотно подчиняются младшимъ.

— Конечно,—возразилъ я,—для пользы службы и старшіе подчиняются младшимъ,—по неспособности ихъ; я же высочайше коман-

дированъ сюда вслѣдствіе настоятельной просьбы о томъ самого главнокомандующаго.

Князь Горчаковъ удалился, видимо недовольный моимъ отвѣтомъ. Тогда, обратясь къ князю Меншикову, я сказалъ ему: я ничего не имѣю противъ назначенія моего къ князю Горчакову, такъ же, какъ и противъ всякаго другаго, которое в. с—ти угодно будетъ дать мнѣ: я желаю только быть полезнымъ; но во всякомъ случаѣ, прежде всего, мнѣ необходимо познакомиться съ мѣстностію и расположеніемъ, какъ нашихъ, такъ, по возможности, и непріятельскихъ войскъ.

Быть можетъ, читающіе мои выписки найдутъ, что я былъ слишкомъ рѣзокъ въ разговорѣ съ княземъ Горчаковымъ, непослѣдователенъ въ словахъ, затѣмъ обращенныхъ къ князю Меншикову, и даже безтактенъ—вызываясь на осмотръ мѣстности безъ вызова къ тому со стороны князя. Согласенъ: я и не хочу убѣлять себя, прошу только принять во вниманіе то нравственное настроеніе, въ которомъ я находился послѣ словъ ко мнѣ: „такъ какъ вы мнѣ не нужны". Сжаться и выжидать я могъ, что я и сдѣлалъ; но сократиться и даже не выяснить себѣ нашего положенія я не имѣлъ права.

Князь Меншиковъ предложилъ мнѣ для рекогносцировки одну изъ своихъ лошадей и проводника, и повторилъ, что о моемъ назначеніи онъ подумаетъ.

Въ тотъ же день, часу во второмъ, я отправился на осмотръ мѣстности. Объѣздъ Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотъ былъ достаточенъ, чтобы дать общее понятіе о расположеніи силъ обѣихъ сторонъ. Характеристика мѣстности очертывалась рельефно. Съ одной стороны—союзники, занимая обширныя высоты Сапунъ-горы, находились въ трудно-доступной позиціи, широко опирались на море, и, по командованію мѣстности, такъ сказать, давили Севастополь со всѣхъ сторонъ; съ другой стороны—наше положеніе было не только не выгодно, но вполнѣ опасно. Севастополь, сжатый осаждающимъ съ сухаго пути, имѣлъ сообщеніе съ дѣйствующею арміею только водою, черезъ бухту, и въ случаѣ надобности не могъ своевременно ни быть подкрѣпленнымъ, ни подкрѣпить другихъ. Дѣйствующая армія должна была содержать сообщеніе съ Севастополемъ и охранять нашъ операціонный путь на Бакчисарай, для чего должна была занимать Инкерманскія и Мекензіевыя высоты, отдаленныя около 10-ти верстъ одна отъ другой и имѣвшія для сообщенія между ними только одну дорогу чрезъ густой лѣсъ, составлявшую собою лѣсное дефиле. Поэтому правое и лѣвое крыло нашей дѣйствующей арміи были тоже разъединены между собою.

3-го октября утромъ, я передалъ князю Меншикову о сдѣлан-

номъ мною осмотрѣ и, на вопросъ его, изложилъ мои заключенія по общему положенію силъ.

Князь высказалъ на это, что въ настоящее время его болѣе тревожитъ мысль, что непріятель, сдѣлавши съ 6-ю или 7-ю тысячами высадку у устьевъ Качи или Бельбека, — можетъ отрѣзать Севастополю послѣдній путь сообщеній.

Я отвѣчалъ, что не вижу въ подобномъ покушеніи особенной для насъ опасности, потому что такое предпріятіе не можетъ совершиться для насъ неожиданно. При совершеніи же высадки, мы можемъ самый десантъ поставить въ опасное положеніе, и, наконецъ, по совершеніи десанта, даже съ значительными силами, намъ удобно занять фланговую позицію по опушкѣ Мекензіева лѣса, выдвинувъ всю нашу кавалерію на открытыя высоты нашего праваго фланга, для дѣйствія на флангъ и тылъ непріятеля, при его движеніи. Въ такомъ положеніи, мы сохраняемъ вполнѣ наши сообщенія съ Бакчисараемъ и дѣлаемъ невозможнымъ покушеніе на наши укрѣпленія Сѣверной стороны.

Высказанное мною было видимо пріятно князю, хотя онъ не вымолвилъ ни слова. Тутъ же князь разрѣшилъ мнѣ съѣздить въ Севастополь, при чемъ прибавилъ:

— „Цѣль непріятеля овладѣть Севастополемъ, и я думаю назначить васъ туда".

Послѣ обѣда, въ тотъ же день, я отправился въ Севастополь, сначала на почтовыхъ до укрѣпленія № 4, на Сѣверной сторонѣ (9 вер.), затѣмъ на лодкѣ черезъ бухту, и далѣе по городу пѣшкомъ.

4-го октября 1854 г., утромъ, увидѣвшись съ княземъ Меншиковымъ, я передалъ ему мое впечатлѣніе, что осадныя батареи близки къ окончанію, и поэтому, ежели онъ рѣшилъ назначить меня въ Севастополь, то не слѣдуетъ медлить, чтобы я могъ своевременно ознакомиться со средствами обороны. Князь выразилъ на это, что онъ еще окончательно не рѣшилъ моего назначенія, а что̀ до непріятельскихъ работъ, то онѣ далеко не готовы для начатія дѣйствій.

— Не знаю положенія работъ противъ Корабельной стороны,—отвѣчалъ я,—но судя по тому, что̀ я видѣлъ, огонь можетъ быть открытъ и завтра.

— „Если вы такъ увѣрены, то я прикажу сегодня же приготовить предписаніе о вашемъ назначеніи".

Неопредѣленность положенія моего при арміи, при неблагосклонной встрѣчѣ меня главнокомандующимъ, сковывала меня во всемъ.

Я не зналъ въ точности ни состава, ни расположенія нашихъ

войскъ, и воздерживался обратиться къ кому либо съ такими вопросами, изъ опасенія возбудить улегавшуюся раздражительность князя.

Въ 4 часа пополудни, того же 4-го октября, я получилъ предписаніе, которымъ назначался начальникомъ штаба къ командующему войсками въ Севастополѣ. Немедленно я отправился къ князю, чтобы откланяться, при чемъ получилъ отъ него наставленіе: согласовать отношенія сухопутнаго и морскаго вѣдомства, и, по возможности, не задѣвать щекотливости моряковъ, такъ какъ всѣ средства обороны заключаются въ ихъ учрежденіяхъ.

Того же 4-го октября, князь Меншиковъ писалъ Корнилову.

— „Ко мнѣ прибылъ полковникъ Поповъ генеральнаго штаба, почитаемый васьма дѣльнымъ офицеромъ и на лучшемъ въ Петербургѣ счету. Я полагаю назначить его начальникомъ штаба къ командующему войсками въ Севастополѣ, такъ какъ по управленію ими безпрестанно оказываются недопуски и недоразумѣнія, и, наконецъ, потому, что при генералъ-лейтенантѣ Моллерѣ нѣтъ офицера генеральнаго штаба. Я пришлю его къ вамъ".

Въ тотъ же вечеръ я прибылъ въ Севастополь и явился какъ къ генералъ-лейтенанту Моллеру, такъ и къ генералъ-адъютанту Корнилову, а 30-го сентября послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи князя Меншикова главнокомандующимъ, а меня—исправляющимъ должность начальника штаба военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, въ Крыму находящихся. Но, по отношенію ко мнѣ, высочайшій приказъ этотъ остался мертвою буквою, такъ какъ о назначеніи моемъ князь Меншиковъ не объявилъ по арміи, и даже мнѣ не сообщилъ объ этомъ....

Въ свое время я самъ жаждалъ выясненія тяжелаго и горестнаго для меня эпизода моей жизни въ Крымской арміи, жаждалъ потому, что онъ былъ въ прямой связи съ ходомъ событій. Я и теперь радуюсь возврату на давнопрошедшее, единственно для возстановленія истины.

Изъ сдѣланной мною выписки изъ моего дневника, доказательно видно:

1) Что пріѣздъ мой въ Крымскую армію не былъ не только неожиданнымъ, но былъ слѣдствіемъ желанія и настоятельной просьбы самого князя Меншикова.

2) Что первое мое свиданіе съ княземъ продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и все время въ присутствіи князя Радзивила,—поэтому весь разсказъ А. А. Панаева не совсѣмъ согласенъ съ истиною. Не говорю уже о тонѣ разсказа, который могъ бы быть нѣсколько вѣжливѣе. Что̀ князь Радзивилъ сообщилъ кн. Меншикову, оставшись съ нимъ одинъ на одинъ, или что̀ заключала въ себѣ приве-

зенная нами князю переписка?—это мнѣ совершенно неизвѣстно; но что князь Меншиковъ, именно въ это время, получилъ извѣщенія, возмутившія его самолюбіе и сдѣлавшія мое пребываніе въ арміи для него не выносимымъ, это было ясно изъ первыхъ словъ его ко мнѣ, при встрѣчѣ нашей на другой день; кого желаютъ и просятъ, тому не говорятъ: „вы мнѣ не нужны". Повода къ этому я не только не подалъ, но и не могъ подать; поэтому не князь Меншиковъ „былъ пораженъ", какъ излагаетъ А. А. Панаевъ, но я былъ и пораженъ и глубоко оскорбленъ княземъ.

3) Что я зналъ князя Меншикова гораздо прежде свиданія съ нимъ на Бельбекѣ, зналъ участіе его въ сухопутныхъ дѣлахъ въ Турецкую войну, зналъ его глубокую эрудицію въ военномъ дѣлѣ, изъ продолжительной бесѣды съ нимъ въ 1844 году; поэтому указаніе А. А. Панаева, что я зналъ про князя, „только то, что онъ адмиралъ—стало, на сушѣ ничего не смыслитъ", а тѣмъ болѣе мои мысли и выводы на этомъ основаніи, которыхъ я ни г. Панаеву, ни кому-либо другому никогда не передавалъ—составляютъ вполнѣ произвольное измышленіе автора разсказовъ.

Наконецъ—4) Что я оставался въ штабъ-квартирѣ арміи не на одинъ только ночлегъ, какъ говоритъ г. Панаевъ, но трое сутокъ, въ теченіе которыхъ князь Меншиковъ, можно сказать, испытывалъ мой взглядъ на положеніе дѣлъ. Онъ боролся самъ съ собою, не рѣшаясь какъ поступить со мною; но самолюбіе его взяло верхъ надъ дѣломъ—въ чемъ едва-ли кто обвинитъ меня.

А. Е. Поповъ.

Г. Вильна.

КОНСТАНТИНЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЧЕВКИНЪ

Замѣтки къ его біографіи.

I. Отецъ Константина Владиміровича, вступивъ въ военную службу, принималъ участіе не только въ первой Турецкой войнѣ, какъ сказано въ первой главѣ біографіи К. В. Чевкина («Русская Старина», томъ XIX, стр. 3), но и въ Польской войнѣ 1794 г., и былъ, подъ начальствомъ Суворова, на штурмѣ Праги. Константинъ Владиміровичъ самъ мнѣ говорилъ: «отецъ мой былъ на штурмѣ Праги, а я—на штурмѣ Варшавы». На портретѣ онъ изображенъ съ крестами Владимірскимъ и Георгіевскимъ.

II. По поводу отношеній К. В. Чевкина къ декабристамъ («Русская Старина», изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 4) считаю необходимымъ замѣтить слѣдующее:

Въ описаніи событій 14-го декабря, составленномъ барономъ, въ последствіи графомъ М. А. Корфомъ, и затѣмъ въ «Запискахъ Декабриста» барона А. Е. Розена, сказано, что Чевкинъ былъ арестованъ и содержался на гауптвахтѣ Зимняго дворца, гдѣ, какъ показалось Розену, онъ и видѣлъ его: «Чевкинъ спалъ и подъ его головою былъ мундиръ генеральнаго штаба».

Въ дѣйствительности-же хотя и былъ арестованъ Чевкинъ, но не Константинъ Владиміровичъ, а его старшій братъ, Александръ, котораго не выпустили со двора казармъ Преображенскаго полка унтеръ-офицеры, замѣтившіе его, А. Чевкина, въ подговорѣ солдатъ. Мундиръ-же былъ вовсе не генеральнаго штаба, а гвардейскій конно-піонерный. На томъ и другомъ воротникъ черный бархатный и шитье серебряное, что, конечно, и ввело въ ошибку сочинителя «Записокъ Декабриста»; а котораго именно Чевкина судили—ему некогда было слѣдить изъ Сибири. Александръ Чевкинъ былъ сужденъ, по большимъ стараніямъ не сосланъ, а, кажется, отставленъ или оставленъ въ подозрѣніи, и только когда Константинъ Владиміровичъ былъ сенаторомъ и даже затѣмъ главноуправляющимъ путями сообщеній, онъ успѣлъ доставить ему мѣсто консула въ Палермо, а послѣ въ Римѣ. Онъ жилъ нѣкоторое время у насъ въ домѣ, и я близко былъ знакомъ съ нимъ.

III. На стр. 7-й «Р. С.» т. XIX, сказано, что въ Турецкую войну, при переправѣ чрезъ Дунай у мѣстечка Сатунова, въ схваткѣ Чевкинъ былъ замѣченъ Государемъ, и пожалованъ во флигель-адъютанты.

Вотъ подробности этого весьма важнаго въ жизни К. В. Чевкина эпизода.

Когда мнѣ, какъ директору канцеляріи главноуправлявшаго, нужно было внести въ формуляръ Чевкина пожалованіе его орденомъ Св. Андрея, то я остановился на словахъ, что Чевкинъ на мѣстѣ сраженія при переходѣ Дуная у Сатунова назначенъ флигель-адъютантомъ. Я доложилъ Чевкину, не ошибка-ли тутъ какая-нибудь? Онъ отвѣчалъ, что не ошибка, и вотъ что разсказалъ:

— Когда назначенъ былъ штурмъ укрѣпленія Сатуновой, пріѣхалъ Государь. Вести двѣ колонны назначены Чевкинъ и, кажется, Фридрихсъ. Передъ укрѣпленіемъ былъ валъ. Чевкинъ и Фридрихсъ шли нѣсколько впереди колоннъ; съ вала они, какъ молодые люди, сбѣжали. Вслѣдъ за ними послѣдовалъ взрывъ: валъ былъ минированъ, и наши баталіоны взлетѣли на воздухъ. Видя, что за спиною смерть, а отъ крѣпостной стѣны было недалеко, Чевкинъ и Фридрихсъ побѣжали къ ней; по счастію, пули изъ крѣпости не попали въ нихъ, и они прижались къ стѣнѣ между амбразурами, чтобъ изъ ружья чрезъ амбразуру нельзя было убить ихъ. Государь считалъ всѣхъ погибшими; но, когда улеглась земля отъ взрыва вала, увидѣлъ въ трубку, что два человѣка прижались къ стѣнѣ, и тотчасъ послалъ новые баталіоны на штурмъ. Укрѣпленіе было взято, Чевкинъ и Фридрихсъ призваны къ Государю и тамъ-же на полѣ передъ Сатуновою пожалованы во флигель-адъютанты за ихъ геройскую храбрость.

Примѣчаніе. Настоящія замѣтки г. Б—го весьма обязательно сообщены редакціи «Русской Старины» — Н. Н. Селифонтовымъ.

1854-й годъ.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

Варшава.—29-го августа 1854 г.

....„По свѣдѣніямъ изъ Австріи, о коихъ милостиво писать изволите, равно какъ по извѣстіямъ изъ Вѣны, можно, кажется, утвердительно сказать, что Австрія теперь насъ не атакуетъ ... Отъ ген.-ад. князя Горчакова, вчера получилъ я также извѣстія весьма удовлетворительныя. Онъ отходитъ безпрепятственно, забирая больныхъ и запасы.—Кампанію англо-французовъ [1]) трудно себѣ объяснить. Кажется, что союзники, съ обыкновеннымъ французамъ легкомысліемъ, думали, что въ Турціи могутъ сдѣлать такую же кампанію, какъ на

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ объ экспедиціи генерала Эспинаса въ Добруджѣ Чтобы занять чѣмъ нибудь союзныя войска, до осуществленія высадки въ Крымъ, французы рѣшились двинуться въ Добруджу, съ тою цѣлію, чтобы встрѣчею съ русскими войсками, отступившими за Дунай, ободрить армію, терпѣвшую въ Варнѣ, отъ непривычнаго климата, весьма много отъ болѣзней. Три дивизія и отрядъ спаговъ двинулись 9-го (21-го) іюля въ Добруджу; передовыя войска дошли 16-го (28-го) іюля до Кагарлыка. Между тѣмъ встрѣчи съ русскими войсками не произошло—французы столкнулись только съ незначительными казачьими отрядами, отступавшими передъ непріятелемъ и завлекавшими ихъ все глубже въ Бабадагскую область. Но французамъ пришлось только бороться съ нездоровою мѣстностію; холера усилилась въ страшной степени, и 18-го (30-го) іюля до 500 человѣкъ вдругъ поражены были этой страшной эпидеміей; въ тотъ же вечеръ изъ нихъ умерло 150, остальные же лежали въ предсмертныхъ страданіяхъ. Для довершенія всѣхъ бѣдствій, постигшихъ экспедиціонный отрядъ, интендантство не озаботилось снабдить войска достаточнымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ. Истощивъ черезъ восемь дней весь провіантъ, войска подвергались голоду.— Союзникамъ пришлось отказаться отъ атаки нашего отряда у Бабадага и отступить къ Варнѣ. Вообще въ продолженіи 6-ти недѣль, съ 21-го іюня (3-го іюля) по 8-е (20-е) августа, заболѣло у французовъ холерою 8,142 человѣка, изъ числа коихъ умерло 5,183. (Rélation medico-chirurgicale de l'armée d'Orient). Ред.

Рейнѣ. Не довѣряя опытамъ стольких нашихъ войнъ и не подумавъ о всегдашнихъ трудностяхъ войны въ Булгаріи, они дорого платятъ за хвастовство.

Здѣсь у насъ все спокойно. Къ сожалѣнію, болѣзни въ войскахъ продолжаются [1]), не смотря на всевозможное принатіе мѣръ: пища людей улучшена, какъ нельзя болѣе; мясо и водка отпускаются имъ ежедневно. Но болѣзни сильны не только въ войскахъ, но и вообще въ краѣ. Болѣзни сіи ничему иному приписать нельзя, какъ причинамъ атмосферическимъ. — Если бы обстоятельства позволили, то въ концѣ сентября, думаю, весьма полезно бы расположить войска по квартирамъ и дать имъ отдыхъ.

Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова.

Севастополь.—1-го сентября 1854 г.

Непріятельскіе флоты прибыли сегодня къ крымскимъ берегамъ, и теперь въ виду мыса Лукулла находится 106 судовъ.

По этому числу нѣтъ сомнѣнія, что везется на нихъ десантная экспедиція, но мѣсто высадки положительно еще не обозначилось.

Войска наши между тѣмъ сосредоточиваются на пространствѣ отъ Качи къ Алмѣ [2]).

Всеподданнѣйшее донесеніе князя А. С. Меншикова.

Бивуакъ на р. Алма, при д. Бурлюкъ.—6-го сентября 1854 г.

Взаимное положеніе наше съ непріятелемъ еще не измѣнилось.

Къ завтрашнему дню прибудетъ сюда первый эшелонъ Углицкаго егерскаго полка.

Генералъ Хомутовъ высылаетъ ко мнѣ Московскій полкъ двумя эшелонами, изъ коихъ первый, надѣюсь, прибудетъ сюда также завтра, а второй на слѣдующій день, равно какъ и Донской казачій полкъ и Донская конная батарея.

Ген.-ад. Кноррингу я предписалъ двинуть въ Крымъ находящіеся

---

[2]) Въ Царствѣ Польскомъ.

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 5-го сентября, изъ Скулянъ, кн. Горчаковъ писалъ о высадкѣ въ Крыму: «Сейчасъ получилъ я отъ кн. Меншикова извѣстіе, что 106 непріятельскихъ вымпеловъ показались у Эвпаторіи 1-го сентября и намѣрены дѣлать десантъ. Да поможетъ намъ Богъ отбить со стыдомъ пришлецовъ».

Военному министру кн. Горчаковъ писалъ о томъ же 5-го сентября:

— «Je comptais partir demain pour Khotin, mais la nouvelle que je viens de recevoir de l'apparition de la flotte ennemie près d'Eupatorie, m'a décidé à aller sans retard à Kichéneff».

у него два сводные кавалерійскіе полка, которые должны быть ужъ въ походѣ.

Военный непріятельскій флотъ, при которомъ находятся пять кораблей подъ турецкимъ флагомъ,—остается въ положеніи, фланкирующемъ его армію.

Въ Севастополѣ оборонительныя работы производятся усиленно и всѣми способами, какъ мѣстными, такъ и флота.

Одинъ сводный флотскій баталіонъ присоединенъ къ здѣшнему отряду въ позицію на р. Алмѣ, а остальные содержатъ караулъ въ Севастополѣ.

Схваченные казаками въ плѣнъ 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ французовъ въ допросахъ объявили, что цѣль ихъ экспедиціи—Севастополь; что войскъ высажено, по показанію однихъ, всего до 100,000 человѣкъ при 200 орудіяхъ; а по показанію другихъ: отъ 25 до 30,000 французовъ, отъ 15 до 20,000 англичанъ и тысячъ до 10-ти турокъ, всѣхъ при 48 орудіяхъ большаго калибра.

По произведенной же рекогносцировкѣ полагать должно, что послѣднее показаніе едва-ли не менѣе настоящей числительности высаженныхъ войскъ.

Въ противность всѣмъ извѣданнымъ законамъ здѣшняго климата, погода стоитъ тихая и для враговъ нашихъ благопріятная.

Въ крымскомъ полуостровѣ доселѣ все спокойно.

Здоровье войскъ В. И. В—ва совершенно удовлетворительно. Рвеніе ихъ—только усиливается.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Кишиневъ.—10-го сентября 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Свѣдѣнія, мною вчера полученныя изъ Вѣны и изъ Крыма, побудили меня взять на себя сдѣлать распоряженія [1]), изложенныя въ запискѣ военному министру, препровожаемой для доклада В. И. В—ву, не получивъ еще указаній вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ томъ вниманіи, что теперь каждая минута дорога для успѣха дѣйствій нашихъ въ Крыму. Осмѣливаюсь просить милостиваго прощенія В. И. В—ва, если мнѣ не удалось угадать мыслей вашихъ. Я поступилъ въ семъ случаѣ по крайнему разумѣнію моему.

Извѣстія о холерѣ въ Измаильскомъ госпиталѣ успокоительны: можетъ быть, что и не настоящая холера.

---

[1]) Всѣ распоряженія кн. Горчакова были одобрены Императоромъ Николаемъ. Ред.

На счетъ дѣйствій турокъ и дѣйствій австрійцевъ въ княжествахъ ничего новаго нѣтъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Записка кн. Горчакова—военному министру кн. Долгорукову.

Кишиневъ.—10-го сентября 1854 г.

Изъ записки моей, препровожденной 7-го сентября, в. с—ву извѣстно, что непріятель, высадившійся въ Евпаторіи, численностію вообще превышаетъ насъ, что ген.-адъютантъ кн. Меншиковъ потребовалъ изъ Николаева къ Симферополю два кавалерійскіе полка, и что, вслѣдствіе этого, я пріостановилъ движеніе ввѣренныхъ мнѣ войскъ на кантониръ квартиры и направилъ 12-ю пѣхотную дивизію къ Одессѣ.

Вчера я получилъ слѣдующія свѣдѣнія:

1) Изъ Вѣны, что по тамошнимъ извѣстіямъ численность непріятеля, приготовленнаго для десанта, простирается до 90,000 и что по ходу дѣлъ съ Австріею не предвидится войны съ этою державою въ нынѣшнемъ году; 2) показанія французскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Крыму, что при первомъ десантѣ высаживается 50,000 непріятеля съ 48-ю орудіями и ожидается еще 20,000; 3) что ген.-адъютантъ кн. Меншиковъ предписалъ отъ 6-го сентября генералу Кноррингу выслать въ Перекопъ два резервныхъ баталіона; вслѣдствіе чего генералъ сей, считая, что 6,800 человѣкъ, въ его распоряженіи остающихся, недостаточны для охраненія Николаева, проситъ меня выслать къ сему городу одну пѣхотную или кавалерійскую бригаду.

Находя, что собственно для Николаевскаго пункта достаточно сказаннаго числа войскъ, но заключая изъ всего помянутаго выше, что подкрѣпленія кн. Меншикову могутъ быть крайне полезны, я направляю форсированными маршами въ распоряженіе его:

а) изъ Одессы резервную уланскую дивизію съ двумя батареями—войска эти придутъ въ Николаевъ 18-го и 20-го сентября, и b) 12-ю пѣхотную дивизію съ четырьмя батареями: три полка этой дивизіи съ тремя батареями прибудутъ въ Николаевъ около 22-го сентября, а четвертый полкъ (Украинскій егерскій) и 8-я легкая батарея, не соединившіеся еще съ дивизіей—30-го сентября. Резервная уланская дивизія и три полка 12-й дивизіи идутъ въ Николаевъ по береговой дорогѣ, четвертый же полкъ 12-й дивизіи—чрезъ Тирасполь, Жеребково и Березовку.

Начальникамъ: резервной уланской дивизіи—ген.-лейтенанту Корфу и 12-й пѣхотной дивизіи—ген.-лейтенанту Липранди, я предписываю

по прибытіи въ Николаевъ поступить въ распоряженіе ген.-адъютанта кн. Меншикова. Если же до времени прихода ихъ туда не получатъ другаго повелѣнія, то расположиться тамъ на тѣсныхъ квартирахъ, по соглашенію съ ген.-адъютантомъ Кноррингомъ, и ожидать дальнѣйшаго приказанія отъ князя Меншикова.

Имѣя въ виду, что помянутыя войска будутъ идти весьма форсированными маршами, я предписалъ ген.-адъютанту Анненкову снабдить ихъ достаточнымъ числомъ обывательскихъ подводъ, для облегченія ихъ слѣдованія, руководствуясь для пѣхоты тѣмъ, что было сдѣлано, по распоряженію кн. Меншикова, для 16-й пѣхотной дивизіи. Для лучшаго поддержанія здоровья людей, я приказалъ во время слѣдованія до Николаева производить имъ ежедневно по $^3/_4$ фунта мяса, по одной чаркѣ водки и двойную порцію крупъ. Генералъ-интенданту ввѣренныхъ мнѣ войскъ велѣно распорядиться довольствіемъ резервной уланской и 12-й пѣхотной дивизій, какъ во время слѣдованія, такъ и на случай пребыванія около Николаева, и сверхъ того принять нужныя мѣры для обезпеченія слѣдованія этихъ войскъ до Перекопа, въ случаѣ если князь Меншиковъ направитъ ихъ туда.

Сообщая о всемъ вышеизложенномъ в. с—ву для всеподданнѣйшаго доклада государю императору, имѣю честь присовокупить, что я прошу князя Меншикова увѣдомить меня сколь возможно поспѣшнѣе: какое дальнѣйшее назначеніе угодно будетъ ему дать симъ двумъ дивизіямъ, къ нему мной отправляемымъ, и если войска сіи или часть оныхъ ему не нужна, то возвратить пѣхоту, которая ему не будетъ необходима, обыкновенными маршами къ Одессѣ, кавалерію же оставить у Николаева.

Императоръ Николай—князю А. С. Меншикову.

Гатчино.—12-го сентября 1854 г.

Сейчасъ я получилъ твое второе донесеніе, любезный Меншиковъ, отъ 6-го числа, и ты можешь легко себѣ вообразить съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаю послѣдствій. Моя надежда на милость Божію непоколебима, равно какъ довѣріе къ тебѣ и храбрымъ и вѣрнымъ войскамъ сухопутнымъ и морскимъ. Вѣрю и надѣюсь, что возможное каждымъ исполнено будетъ и за симъ спокойно ожидаю что̀ Всевышній Промыслъ опредѣлитъ!

Ожидаемый новый десантъ у Ѳеодосіи меня заботитъ,—Хомутовъ, отправивъ къ тебѣ свой резервъ, остался весьма слабъ, даже для защиты Керчи, а объ Ѳеодосіи уже не говорю. Потому я приказалъ ему стараться взять съ Тамани все, что только можно, не бросая

Анапы, даже оставя, ежели необходимо, Новороссійскъ, сколь ни жаль, но дабы спасти Крымъ.

Ежели это удастся, ему велѣлъ дѣйствовать во флангъ и тылъ тому, что̀, высадя сьвъ Өеодосіи, пошло бы въ глубь края, и далѣе, въ тылъ тому, что̀ еще противъ Севастополя.

Ежели, чего Боже сохрани, Севастополь палъ бы, тогда стараться соединиться съ тобой и выручить что̀ съ тобою оставаться еще будетъ. Горчакову же уже три дня какъ писалъ, чтобъ по своему усмотрѣнію распорядился дать тебѣ возможную помощь изъ войскъ, ему подчиненныхъ, не зная здѣсь что̀ удобнѣе.

Ежели Богъ опредѣлилъ, что намъ Севастополь не спасти, надѣюсь, что флотъ даромъ не оставишь и самъ истребишь, когда уже явно не будетъ спасенія. Тогда, экипажи снявъ, присоедини къ себѣ и старайся или удержаться на южной сторонѣ или пробиваться къ Симферополю. Разумѣется, что всѣ усилія употребить надо будетъ, чтобъ непріятелю не давать утвердиться въ Севастополѣ, но изгнать его, даже ежели бы овладѣлъ имъ.—Вотъ для крайняго случая, отъ котораго Боже насъ упаси.

Неужели бурь не будетъ?

Такъ какъ мнѣ совершенно неизвѣстно расположеніе непріятельскихъ силъ, то ничего не могу сказать, какъ бы полагалъ дѣйствовать на нихъ. Но вообще положеніе, ими избранное, дастъ, кажется возможность угрожать ихъ лѣвому флангу и тылу, отъ Симферополя, въ особенности кавалеріею и конной артиллеріею.

Движеніе ихъ отъ Евпаторіи скорѣе быть не можетъ, при способахъ перевозокъ и безъ сильной кавалеріи.—Не представится ли, быть можетъ, случай симъ воспользоваться хотя бы для замедленія ихъ подступа. Каждый день дорогъ и приближаетъ къ сильнымъ бурямъ.

Да сохранитъ и подкрѣпитъ тебя Господь, а съ тобой и молодцовъ, тебѣ подчиненныхъ. Съ нами Богъ и буди Его святая воля.

На вѣки твой доброжелательный „Николай“.

Всѣмъ нашимъ мой поклонъ, отеческое благословеніе на предстоящіе подвиги и увѣренность въ общее усердіе, Богъ съ вами!

Императоръ Николай—кн. Меншикову.

Гатчино.—12-го сентября 1854 г.

Буди воля Божія; ты и твои подчиненные исполнили долгъ свой какъ смогли; больно неудачи, но еще больнѣе потеря! Будемъ надѣяться на милость Божію и не терять надежды на свѣтлые дни. Но довѣріе мое ни къ тебѣ, ни къ войскамъ не уменьшилось,—авось придетъ и наша очередь! Хорошимъ сему началомъ принимаю от-

лично придуманный тобой фланговой переходъ, которымъ ты вышелъ изъ отчаяннаго положенія и очутился тамъ, гдѣ, признаюсь, полагалъ, что настоящее твое мѣсто, гдѣ сообщенія твои свободны и съ подкрѣпленіями, и съ подвозами тебѣ нужными, и, что также весьма важно, откуда ты, въ свою очередь, угрожаешь флангу и даже тылу непріятеля. Опасаюсь очень за Севастополь; достаточенъ ли гарнизонъ будетъ противъ столь смѣлыхъ, предпріимчивыхъ непріятелей? Долго ли въ состояніи будемъ оборонять Сѣверную сторону? Вотъ тяжелые вопросы, которые желалъ бы разрѣшить себѣ успокоительно. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что, съ прибытіемъ отрядовъ Хомутова и Рыжова, крайне желательно предпринять рѣшительное дѣйствіе, которымъ бы возможно было удалить непріятеля отъ Севастополя. Ежели слухъ о прибытіи новой дивизіи французовъ справедливъ, то они еще сильнѣе будутъ, и твои подкрѣпленія, т. е. 12-я дивизія и резервная уланская едва ли уравновѣсятъ силы. Казалось бы, что не должно сего дожидаться, но попытаться, буде возможность есть, атаковать въ томъ выгодномъ направленіи, въ которомъ ты это теперь исполнить можешь.

Ежели слухи объ укрѣпленіи лагеря въ Евпаторіи справедливы, то, вѣроятно, это дѣлается съ намѣреніемъ оттоль дѣйствовать на Перекопъ, что очень быть можетъ. Въ такомъ случаѣ Липранди не понадобится ли туда, дабы уничтожить эти замыслы.

16-ю дивизію предлагаю тебѣ вручить ген.-маіору Жабокрицкому; постараюсь дать тебѣ новыхъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ надежныхъ, но время пройдетъ въ ихъ присылкѣ. Альбединскаго возвращаю по желанію твоему; посылаю съ этимъ письмомъ Левашева, равно и Радзивила. Офицеровъ генеральнаго штаба постараемся прислать, но ихъ не много и собрать трудно.

Прошу тебя, пиши мнѣ чаще, мое положеніе самое трудное и тяжелое: мнѣ нужны частыя извѣстія, чтобъ все сообразить и ко всему приготовиться.

Да благословитъ тебя Господь и всѣ войска; скажи имъ, что по прежнему вполнѣ на нихъ надѣюсь и увѣренъ, что скоро мнѣ вновь докажутъ, что упованіе мое не напрасно. Пошли мой поклонъ и благословеніе Корнилову и нашимъ храбрымъ морякамъ; ихъ положеніе меня крайне озабачиваетъ. Богъ милостивъ, унывать мы не должны. Есть ли у тебя съ Севастополемъ какое либо еще сообщеніе? Желательно-бъ было хоть кругомъ, чрезъ Балаклаву, греками или караимами.

Береги свой правый флангъ отъ какого либо внезапнаго нападенія изъ ущелій подъ проводомъ татаръ. Обнимаю.

Князь Меншиковъ—ген.-ад. Анненкову [1]).

Бивуакъ при р. Бельбекѣ у д. Старкой.—13-го сентября 1854 г.

Искренно благодарю в. пр—во за желаніе содѣйствовать къ направленію сюда войскъ, которыя здѣсь крайне необходимы, и въ весьма не малыхъ силахъ; непріятель со всѣми силами подступилъ къ Севастополю; между тѣмъ турецкій паша въ Евпаторіи приводитъ къ присягѣ татаръ и требуетъ общаго возстанія; такимъ образомъ всѣ сообщенія съ Крымомъ могутъ быть прерваны, тѣмъ, что въ Евпаторійскомъ уѣздѣ татары начинаютъ уже грабить. Съ настоящими моими средствами мнѣ трудно бороться съ непріятелемъ и остается думать едва лишь о удержаніи за нами Крыма.

Вотъ краткое начертаніе нашего положенія, изъ котораго видна необходимость въ войскахъ, числительность которыхъ должна быть значительна, ибо войска нужны для занятія Перекопа, для сохраненія сообщенія, для успокоенія края, и наконецъ, можетъ быть, для пораженія непріятеля, если бы даже и удалось ему уничтожить Севастополь, а потому посылайте все, что можете, и дайте средства прибыть имъ сюда какъ можно скорѣе. Примите и пр.

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова.

Бивуакъ при дер. Отаркой.—16-го сентября 1854 г.

Третьяго дня я отправилъ къ В. И. В.—ву флигель-адъютанта Альбединскаго. Положеніе наше въ теченіе протекшихъ сутокъ измѣнилось только тѣмъ, что высадкою съ непріятельскихъ пароходовъ занята Балаклава.

Ожидаю прибытія слѣдующаго ко мнѣ подкрѣпленія и подвоза выпекаемыхъ въ тылу нашихъ войскъ сухарей, чтобы двинуться на непріятеля.

Въ Евпаторіи находится турецкій гарнизонъ, подкрѣпляемый военными судами, которыя обстрѣливаютъ подходы къ городу.

Одинъ изъ казачьихъ полковъ, идущихъ изъ Маріуполя, будетъ направленъ къ Евпаторіи для наблюденій; но полки эти лишь къ 24-му ч. сего сентября могутъ прибыть въ Перекопъ.

Изъ татаръ, сколько до сего времени оказывается, мы находимъ много намъ преданныхъ, но наиболѣе между стариками. Молодыхъ же весьма много перешло на сторону непріятеля, которому они служатъ какъ проводниками, такъ и ведетами на вершинахъ горъ.

Настоящее мое донесеніе отправляю съ курьерскою почтою.

[1]) Новороссійскому генералъ-губернатору.

Императоръ Николай—кн. Горчакову.

Гатчино.—17-го сентября 1854 г.

Въ одно время почти, когда прибылъ твой фельдъегерь, любезный Горчаковъ, изъ Кишинева отъ 10-го числа, пріѣхалъ другой отъ князя Меншикова, отъ того же числа, съ подтвержденіемъ несчастныхъ свѣдѣній, которыя словесно мнѣ привезъ адъютантъ его Грейгъ. Буди воля Божія; роптать не буду и покорюсь святой Его волѣ. Но больно и стыдно мнѣ, что причиной поставляется малодушіе войскъ. Непонятно для меня, зная какъ хороши были, и по общему слуху, и донесеніямъ самого князя какой духъ ими господствовалъ [1]). Но поздно о семъ говорить, надо помышлять о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ [2]).

Во первыхъ, избранная Меншиковымъ позиція не спасетъ ни флота, котораго потеря неизбѣжна; врядъ ли спасетъ и Севастополь, а быть можетъ, и поведетъ къ истребленію всего отряда. Не льщу себя надеждой, чтобъ могъ быть иной исходъ. Хотя Меншиковъ надѣется еще перейти въ наступленіе, но сему мало вѣрю, ибо, откуда онъ стоитъ, считаю это дѣло невозможнымъ. Быть можетъ, что отрядъ, сбираемый у Симферополя и назначаемый, какъ кажется, Меншиковымъ дѣйствовать въ тылъ непріятеля, нѣсколько облегчитъ это отчаянное положеніе; но большихъ послѣдствій не предвижу, ибо непріятель, удалясь отъ Евпаторіи, пріобрѣлъ у Качи и Бельбека другое удобное и близкое мѣсто высадки. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро и легко съ тылу овладѣетъ нашими приморскими укрѣпленіями сѣвернаго берега и тогда однѣ батареи южнаго берега не удержатъ его вторгнуться въ рейду и довершить наше пораженіе.

Сколь все это ни горько, но надо вѣроятное умѣть себѣ высказать и мѣры наши брать согласно тому.

---

[1]) Мнѣніе это распространилось вслѣдствіе перваго краткаго всеподданнѣйшаго донесенія кн. Меншикова, въ которомъ онъ говорилъ, что причиною оставленія позиціи, занимаемой на Алмѣ, была недостаточная стойкость войскъ. Союзныя войска между тѣмъ нисколько не замѣчали отсутствія стойкости въ своемъ противникѣ.—Безпристрастная исторія потребуетъ еще у кн. Меншикова отчета за несправедливое оскорбленіе чести арміи.

[2]) Объ Алминскомъ сраженіи кн. Долгоруковъ писалъ кн. Горчакову нижеслѣдующее:

«Je Vous communique, cher Prince, par le porteur de la présente une bien triste nouvelle.—Le Prince Menchikoff a été délogé de sa position sur l'Alma et se trouvait en pleine retraite au moment ou son aide de camp Greigh a été expédié par lui pour nous transmettre le récit verbal de l'échec qu'il avait essuyé. C'est le $^{8}/_{20}$ que ce combat a eu lieu; il parait que la troupe c. à d. l'infanterie s'est mal conduite».

Съ потерей Севастополя, флота и уничтоженіемъ корпуса Меншикова, Крымъ для насъ потерянъ будетъ ранѣе, чѣмъ наши резервы прибудутъ.

Дѣло предстоитъ уже не въ сохраненіи, а въ обратномъ завоеваніи Крыма, а потому и способы должны быть соразмѣрно цѣли.

Соображая все это, мнѣ кажется, что кромѣ мѣръ, тобой принятыхъ, совершенно правильныхъ мѣръ, необходимо еще слѣдующее:

1) Возложить защиту Бессарабіи на 7-ю, 15-ю бригаду 14-й и быть 9-ю пѣхотныя дивизіи, съ 4-ю и 5-ю легкими кавалерійскими.

2) Оставить Сакена въ Подоліи съ 6-ю и 8-ю пѣхотными дивизіями и 3-й легкой.

3) Корпусъ Гельфрейха имѣть за Сакеномъ въ резервѣ, а Шабельскаго съ драгунами оставить какъ есть на Днѣстрѣ резервомъ, какъ для войскъ, въ Бендерахъ находящихся, такъ и для войскъ Анненкова, ежелибъ однимъ или другимъ скорая помощь была нужна.

4) Послать немедля двѣ дивизіи пѣхоты,—я бы полагалъ 10-ю и 11-ю—въ Крыму, такъ чтобъ съ 12-ю дивизіею весь 4-й корпусъ былъ у Перекопа.

5) Начальство надъ войскомъ, назначаемымъ въ Крымъ, и тѣми, которыя бы отрѣзаны были отъ князя Меншикова, поручить г. Лидерсу и приступить при первой возможности къ обратному овладѣнію Крымомъ. До того же отстаивать Перекопъ, прикрывая и Николаевъ.

Вѣроломство австрійцевъ меня не удивитъ и быть можетъ, что они это выкажутъ на дѣлѣ, воспользовавшись отвлеченіемъ части силъ нашихъ въ Крыму, чтобъ начать наступать на насъ. Тогда будетъ намъ еще тяжелѣе; но въ такомъ случаѣ и мы изъ Польши должны будемъ наступать на нихъ и быть можетъ, что одинъ уже видъ къ сему ихъ удержитъ отъ дальнѣйшихъ замысловъ.

Къ сему еще долженъ прибавить, что я намѣренъ двинуть резервную бригаду 8-й дивизіи изъ Кіева въ Луцкъ, котораго укрѣпленія кончаются. Бригада эта будетъ связью между лѣвымъ флангомъ 2-го корпуса и правымъ Сакена. Когда же резервная дивизія 6-го корпуса нѣсколько болѣе созрѣетъ, что будетъ, надѣюсь, скоро, намѣренъ я передвинуть ее въ Елисаветградъ, для общаго резерва прибрежью.

Ежели ты согласенъ со мной и обстоятельства не приняли, вовсе неожиданно, лучшій оборотъ, то приступи сейчасъ къ исполненію.

Здѣсь все по прежнему, гвардія вся выступила къ Ломжѣ и Бѣлостоку; на дняхъ смотрю здѣсь остающійся резервный корпусъ, въ составѣ 42-хъ баталіоновъ и 18-ти батарей. Вездѣ резервы усердно формируются и по обороту дѣлъ ничего, вѣроятно, лишняго не останется.

Спѣши мнѣ отвѣтомъ. Снабди Лидерса нужными наставленіями на всѣ предвидимые случаи.

Богъ съ тобою, обнимаю душевно; на вѣки твой искренно доброжелательный Николай.

Въ газетахъ говорятъ, что войска Омеръ-паши должны въ Кюстенджи быть посажены на суда для перевозки въ Крымъ или Батумъ; я такъ жду скорѣе—Анапу.

„РУССКАЯ СТАРИНА" 1870 Г.

третье изданіе „Русской Старины", годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины" 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пикара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Бакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Ѳ. Корабанова. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины" 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ Л. Сѣряковымъ рисунками и виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ" **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[*Имѣется немного экземпляровъ*].

Кіево-печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1870. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Кагала. Я. Брафмана. Вильно. 1870. Ц. 2 р.

Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ. И. П. Липранди. М. 1870. In-8°. 77 стр. 300 экз.

Краткое сказаніе о жизни и чудесахъ св. блаженнаго Василія, Христа ради юродиваго Московскаго чудотворца. Изд. Абрамова. М. 1870. In-18°. 33 стр. Ц. 25 к.

Лѣтопись церковныхъ событій. Выпускъ 2-й. Спб. 1870. Ц. 1 р. (Вып. 1-й вышелъ въ 1869 г.).

Матеріалы для исторіи Вологодской семинаріи. Краткія біографическія свѣдѣнія о наставникахъ и начальникахъ Вологодской семинаріи, со времени ея преобразованія, въ 1814 г., до настоящаго времени. Составилъ Н. И. Суворовъ. Вологда. 1870. In-8°. 67 стр. Ц. 50 к.

Новый методъ въ Богословіи. По поводу богословскихъ сочиненій Хомякова, изданныхъ въ Прагѣ г. Самаринымъ, и нѣкоторыхъ другихъ произведеній современной духовной литературы. Николая Барсова. Спб. 1870. In-8°. 109 стр. 100 экз. Ц. 1 р.

Нѣсколько словъ въ память о почившемъ въ Бозѣ высокопреосвященнѣйшемъ Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ. Съ портретомъ. Луки Ефремова. Изд. 2-е. М. 1870. In-8°. 28 стр. 1000 экз.

Объ иконѣ Божія Матери неопалимыя купины. Ильи Протопопова. М. 1870. In-8°. 16 стр. 1200 экз. Ц. 20 к.

О евангеліяхъ и евангельской исторіи. По поводу книги: «Жизнь Іисуса, соч. Э. Ренана (Vie de Jesus, par E. Renan). Опытъ обзора и разбора такъ называемой отрицательной критики евангелій и евангельской исторіи. Архимандрита Михаила. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. М. 1870. (Напеч. 2400 экземпл.). In-8°. 362 стр. Ц. 1 р. 75 к.

О неизданныхъ канонахъ въ служебной февральской греческой Минеи, конца X вѣка, Московской синодальной библіотеки. М. 1870. II и 24 стр. 400 экз. Ц. 50 к.

Описаніе Арсеніево-Комельскаго монастыря, Вологодской епархіи, съ присовокупл. свѣдѣній о двухъ основанныхъ преп. Арсеніемъ, нынѣ упраздненныхъ, пустыняхъ: Арсеніево - Маслянской и Александро - Коровиной. Сост. Н. Суворовымъ. Вологда. 1870. In-8°. 35 стр. Ц. 50 к.

Описаніе Семигородской Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго Николаевскаго монастыря, составленное П. И. Савваитовымъ. Изд. 2, испр. и доп. Вологда. 1870. In-8°. 47 стр. Ц. 50 к.

Описаніе соборнаго храма Воскресенія Христова въ Воскресенскомъ, «Новой Іерусалимъ» именуемомъ, монастырѣ. М. 1870. In-8°. 86 стр. 1200 экз. Ц. 30 к.

О празднованіи въ Москвѣ въ честь иконы Пресвятыя Богородицы, именуемой Боголюбская, съ изображеніемъ Богоматери и съ приложеніемъ очерка жизни великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. Изд. 3-е. М. 1870. In-12°. 35 стр. Ц. 25 к.

Опытъ исторіи библейской женщины. Прот. К. Л. Кустодіева. Спб. 1870. Ц. 1 р.; на лучшей бумагѣ—1 р. 20 к.

О чудотворной иконѣ Богоматери въ Геѳсиманскомъ скитѣ. М. 1870. 22 стр. 1200 экз. Ц. 20 к.

Памятники историко-полемической литературы юго-западной Руси съ конца XVI-го вѣка. Т. I. Апокрисисъ Христофора Филалета, изданный Кіевскою Духовною Академіею, по случаю 50-лѣтняго ея юбилея, въ переводѣ на современный русскій языкъ съ изданія 1597 года. Съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями. Кіевъ. 1870. In-8°. 596 стр. Ц. 3. р. съ перес.

Расколъ и его значеніе въ русской исторіи. В. В. Андреева. (Исторія и библіографія раскола, довед. до 1870 г., съ общедоступн. излож. исторіи раскола, какъ земскаго и политич. явленія, и обстоят. указанія на всѣ сколько нибудь замѣч. сочиненія и журн. статьи по исторіи раскола). Спб. 1870. In-8°. VIII+412 стр. 2000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. ІЮЛЬ. **1877 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ прилагается портретъ Ивана Алексѣевича **Яковлева,** гравированный академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, въ Ниццѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля.

Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Н. Каптерева. М. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Святитель Христовъ Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій. Новое изд. М. 1870. In-18°. 35 стр. 4800 экз. Ц. 40 к.

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи. А. Смирнова. М. 1874. 233 стр. In-8°.

Сказаніе объ иконѣ Казанскія Божія Матери, находящейся въ Вознесенской церкви Стерлитамацкаго уѣзда, села Табынска. Гуменскаго. Уфа. 1870. In-24°. 73 стр.

Сказаніе, и страсть, и похвала святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. По харатейнымъ спискамъ XII-го и XIV-го стол. Изд. Имп. Общ — ва Исторіи и Древн. Рос. М. 1870. In 8°. 96 стр. и 3 листа литогр. снимковъ. 600 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Уроки изъ жизни святителя и чудотворца Митрофана, епископа Воронежскаго и Задонскаго. Прот. Луки Ефремова. М. 1870. In-8°. 47 стр. 2000 экз. Ц. 40 к.

Церковная археологія. А. Ладинскаго. Спб. 1873. 900 экз. Ц. 40 к.

Чудеса бывшія отъ святыхъ мощей св. Благовѣрнаго царевича Дмитрія. М. 1870. In-18°. 35 стр. 4800 экз. Ц. 40 к.

Архивъ юго-западной Россіи, изд. временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Часть III. Акты о гайдамакахъ (1700—1768). Т. III. Кіевъ. 1875. 128 + 837 стр. 600 экз. Ц. 3 р. 25 к.

Вопросъ объ употребленіи евреями-сектаторами христіанской крови для религіозныхъ цѣлей, въ связи съ вопросомъ объ отношеніи еврейства къ христіанству вообще. И. Лютостанскаго. М. 1875. 8 д. л. XII+285 стр. 1200 экз.

Житіе просвѣтителей славянъ св. Кирилла и Меѳодія. Спб. 1875. 8 д. л. 31 стр. 5000 экз.

Записки о плаваніи П. И. Рикорда къ Японскимъ берегамъ въ 1812 и 1813 годахъ и сношеніяхъ съ японцами. Изд. Л. И. Рикордъ. Спб. 1875. 8 д. л. II+III стр. 2 портр. и 4 листа плановъ. 200 экз.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. Общества. Т. II за 1874 г. Кіевъ. 1875. 8 д. л. 617 стр. и 1 карта. 600 экз. Ц. 1 р. 80 к.

Земная жизнь Пресвятыя Богородицы, сост. на основаніи священнаго писанія, свящ. преданія и писаній отцовъ церкви. М. 1875. 8 д. л. 88 стр. 7200 экз.

Историческіе и статистическіе очерки Тверской губ. Вып. II. Тверь. 1875. Изд. Тверск. губ. земск. управы. 8 д. л. 100 стр. Ц. 25 к.

Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Архим. Леонида. М. 1875. In-8°. IV+767 стр. 600 экз.

Историческіе очерки города Болхова и его святыни. Г. Пясецкаго. Орелъ. 1875. In-8°. 170 стр. Ц. 1 р.

Исторія архангельскаго порта. С. Огородникова. Спб. 1875. In-8°. V + 377 стр. и 3 плана. 600 экз.

Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Алексѣя Накко. Ч. II. Отъ нашествія Батыя до Букарестскаго мира. 1241—1812. Одесса. 1876. In-8°. II+448 стр. 175 экз. Ц. 2 р.

Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. М. Яблочкова. Спб. 1876. In-8°. XL+680 стр. 2400 экз.

Исторія лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка. Сост. офицерами полка. Спб. 1876. In-8°. III + 634 + X стр. 800 экз.

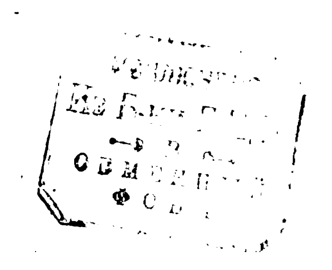
Исторія лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. 1726—1875. Воронова и П. Бутовскаго. Спб. 1875. In-8°. 3 + 474 + 110 + VIII стр. 300 экз.

Исторія лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка. В. Крестовскаго. Спб. 1876. In-18°. III+354+176+X стр. 600 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія русской словесности древней и новой. А. Галахова. Т. II. Вторая половина (отъ Карамзина до Пушкина). Спб. 1875. In-4°. IV и 337 — 472 и VII стр. 600 экз.

Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ

НЕВѢСТЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЦЕСАРЕВИЧА
ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

1772—1776 гг.

С.-Петербургъ.—16-го (27-го) января 1772 года.

«Господинъ Ассебургъ! Я получила ваше письмо отъ 9-го (20-го) декабря минувшаго года; вижу съ чувствительностью и признательностью заботы, усердіе и осторожность, прилагаемыя вами при вашихъ изысканіяхъ; отъ вниманія нашего не укрылись труды и безпокойства, ими вамъ причиняемыя; они однако-же ведутъ къ желанной цѣли и единственнымъ ихъ слѣдствіемъ можетъ быть лишь взаимное наше удовольствіе.

«Охотно снисхожу на вашу просьбу продолжить двойственное изслѣдованіе ваше до марта мѣсяца, до окончательнаго моего рѣшенія въ пользу одной изъ двухъ кандидатокъ, т. е. принцессы Виртембергской или также принцессы Вильгельмины Гессенъ-Дармштадтской. Портретъ этой послѣдней, присланный вами, выгодно располагаетъ въ ея пользу и надобно быть очень взыскательнымъ, чтобы найти какой нибудь недостатокъ въ этомъ лицѣ. Черты лица правильныя; я сравнила этотъ портретъ принцессы съ первымъ, присланнымъ вами ранѣе, и опять прочитала описаніе тѣхъ особенностей, которыхъ, какъ вы находите, не уловилъ живописецъ. Изъ этого обзора я вывела заключеніе, что веселость и пріятность (всегдашняя спутница веселости) исчезли съ этого лица и, быть можетъ, замѣнилась натяжкою строгаго воспитанія и стѣсненнаго образа жизни. Это скоро исчезло-бы, если-бы эта молодая особа была менѣе стѣснена и если-бы она знала, что напыщенный и слишкомъ угрюмый видъ плохое средство успѣть согласно видамъ или побужденіямъ ея честолюбія.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 165—190.

«Когда вы возвратитесь къ ней, я совѣтовала-бы вамъ проронить какъ бы неумышленно, при разговорѣ съ нею, нѣсколько словъ о томъ, что при русскомъ дворѣ особенно цѣнятся веселость, привѣтливое и любезное обхожденіе; что я сама нрава веселаго и сынъ мой также. Можетъ статься, если честолюбіе ея главный двигатель, что она въ тотъ же вечеръ, или на другой день перемѣнится, ибо таковы молодые люди и даже такова половина рода человѣческаго. Мало по малу она отвыкнетъ отъ своихъ непріятныхъ и жеманныхъ манеръ, вами за нею замѣченныхъ. Все, что вы говорите намъ о ея нравственности, все не во вредъ ей и изъ нея можетъ сложиться характеръ твердый и достойный. Но надобно доискаться: откуда идутъ слухи о ея склонности къ раздорамъ? приводятъ-ли какой-либо фактъ? Ландграфиня Дурлахская, ея тетка, обвиняющая ее въ этомъ, можетъ-ли это чѣмъ доказать? Не судитъ-ли она о племянницѣ пристрастно, или вслѣдствіе склонности, свойственной ея собственному нраву? А другія лица, эти слухи распускающія, чѣмъ они ихъ оправдываютъ? Прошу васъ, постарайтесь дойти до источника и изслѣдуйте безъ всякаго предубѣжденія, заслуживаютъ-ли эти подозрѣнія какого нибудь вниманія, или это пошлости, презрѣнія достойныя? Самый невинный ребенокъ, по довѣрчивости или нескромности, можетъ повторить слово, которое поссоритъ двухъ лицъ; третье лицо, ума недальняго, крикнетъ: «этотъ ребенокъ безпокойнаго нрава», а на самомъ дѣлѣ ребенокъ покуда ничто иное какъ вѣтренная голова; а вѣтренность, при живомъ характерѣ, неизбѣжна. Вы не желаете, чтобы мы обратили вниманіе на портретъ принцессы Виртембергской и прислали его только затѣмъ, чтобы показать намъ высоту ея роста. Что-же! Скажу вамъ, что мы находимъ ее для ея лѣтъ очень развитою, а болѣе этого сказать ничего не можемъ, ибо это дитя, о которой ожидаемъ отъ васъ подробнаго описанія; но мнѣ кажется, судя по ея чертамъ, что доброта будетъ единственнымъ ея достоинствомъ. Принцесса Луиза Дармштадтская, судя по ея портрету, повидимому уступаетъ старшей своей сестрѣ.

«Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, сударь, распоряженія, сдѣланныя мною при первомъ извѣстіи, что вы избавились отъ службы королю датскому. Будьте увѣрены, что мое довѣріе равняется моему уваженію и дружбѣ къ вамъ. Екатерина».

Въ дѣлѣ сватовства усердный Ассебургъ былъ стѣсняемъ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, весьма желавшимъ, чтобы бракъ цесаревича съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою состоялся. Не давая ландграфинѣ никакихъ положительныхъ обѣщаній и, въ то же время, не ослабляя своихъ наблюденій надъ характеромъ ея дочери, Ассебургъ не утаилъ однако намѣреній императрицы. Вслѣдствіе этого между ними возникло нѣчто въ родѣ секретной

переписки, въ которой подъ разными условными названіями подразумѣвались заинтересованныя лица. Екатерина II—книгопродавецъ (le libraire), Фридрихъ II—товарищъ книгопродавца, предполагаемый бракъ—подписка на готовящееся къ изданію сочиненіе (la souscription d'un ouvrage à publier); дочери ландграфини—томы этого сочиненія. Съ этимъ ключомъ можетъ быть понятенъ слѣдующій образчикъ этой замысловатой переписки:

— «Товарищъ книгопродавца увѣдомляетъ, что одна статья едва не испугала книгопродавца: именно, поведеніе невѣстки [1]), матери героини романа, и старшей дочери [2]) этой невѣстки, но товарищъ книгопродавца разъяснилъ это дѣло».

Недовольная вмѣшательствомъ прусскаго короля въ ея семейныя дѣла, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ желала скорѣйшаго окончанія сватовства цесаревича. Имѣя виды на принцессу Вильгельмину, императрица въ то же время не скрывала отъ Ассебурга, что у нея какъ-то особенно лежитъ сердце къ принцессѣ Виртембергской, о которой государыня упоминала почти въ каждомъ своемъ письмѣ. Когда Ассебургу удалось наконецъ убѣдиться въ лживости слуховъ о характерѣ принцессы Вильгельмины, будто бы склонномъ поселять раздоръ кругъ себя, о чемъ онъ и увѣдомилъ императрицу—Екатерина приступила къ окончательному рѣшенію. Въ началѣ октября 1772 года она писала графу Н. И. Панину:

— «Мы не мало похожи на того осла въ баснѣ, который умиралъ отъ голоду между нѣсколькими охапками сѣна, потому что не умѣлъ рѣшиться, которую начать ѣсть.

«Я читала и перечитывала письма г. Ассебурга и вотъ что мнѣ пришло на умъ, чтобы намъ наконецъ достигнуть цѣли. У ландграфини, слава Богу, есть еще три дочери на выданьи: попросимъ ее пріѣхать сюда съ этимъ роемъ дочерей; мы будемъ очень несчастливы, если изъ трехъ не выберемъ ни одной, намъ подходящей. Посмотримъ на нихъ, а потомъ рѣшимъ. Дочери эти, по Берлинскому календарю: 1) Амалія Фредерика—18-ти лѣтъ; 2) Вильгельмина—17-ти, 3) Луиза—15-ти лѣтъ. Принцессу Виртемберг-

[1]) Вдова принца Фридриха Цвейбрюккенскаго, брата ландграфини, урожденная принцесса Пфальцъ-Зульцбахъ, распространявшая невыгодные слухи о характерѣ принцессы Вильгельмины.

[2]) Курфюрстина Саксонская, пользовавшаяся дурной репутаціей.

скую отчаяваюсь видѣть, потому что показать здѣсь отца и мать въ томъ состояніи, въ которомъ они, по донесенію г. Ассебурга, находятся, невозможно: это значило бы съ перваго же шага поставить дѣвочку въ неизгладимое смѣшное положеніе, ей же, наконецъ, лишь 13 лѣтъ и то еще минетъ черезъ восемь дней. Не особенно останавливаюсь я на похвалахъ, расточаемыхъ старшей изъ принцессъ Гессенскихъ королемъ прусскимъ, потому что я знаю и какъ онъ выбираетъ и какія ему нужны, и та, которая ему нравится, едва-ли могла бы понравиться намъ. По его мнѣнію—которыя глупѣе, тѣ и лучше: я видала и знавала выбранныхъ имъ.

«Вы понимаете, разумѣется, что это путешествіе я предложу совершить на мой счетъ и мы уже предполагали подобное два года тому назадъ для принцессы Саксенъ-Готской, которое однако не состоялось, не безъ причины».

Графъ Панинъ немедленно увѣдомилъ Ассебурга о рѣшеніи императрицы и приглашеніе государыни было охотно принято ландграфинею, которая — не зная, что всѣ расходы по путешествію Екатерина II принимаетъ на свой счетъ—крайне затруднялась денежными средствами. Хотя ежегодный доходъ Гессенъ-Дармштадтскаго дома и простирался до милліона гульденовъ, однако, вслѣдствіе громаднаго государственнаго долга, семейство ландграфа нерѣдко терпѣло недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Къ этому затрудненію совершенно некстати поднятъ былъ вопросъ о переходѣ въ православіе будущей супруги наслѣдника россійскаго престола. Не утруждая государыни, Ассебургъ увѣдомилъ о томъ графа Панина:

Дармштадтъ.—12-го февраля 1773 г.

«...Со времени отправленія моихъ всепокорнѣйшихъ донесеній отъ 5-го (16-го) декабря минувшаго года, происходили тайныя совѣщанія между ландграфинею и принцессами, ея дочерьми, касательно вопроса о вѣроисповѣданіи. Мнѣ кажется, что обѣ старшія отнеслись къ нему съ бо́льшею уступчивостію, нежели младшая, Луиза, которая, не желая вполнѣ высказаться, объявила, что не сознаетъ въ себѣ ни кротости, ни благоразумія, необходимаго при домогательствѣ того положенія, которое отъ нея всего этого потребовало-бы, и что, если бы когда нибудь могъ быть поднятъ вопросъ о брачномъ союзѣ внѣ тѣхъ, на которые она можетъ расчитывать, то будетъ очень рада если о ней и не подумаютъ. Было бы слишкомъ щекотливо разработывать вопросъ, котораго нельзя обсуждать не разоблачивъ секрета о бракосочетаніи, и потому относительно этого предмета ваше прев—во не можете ожидать отъ меня точныхъ донесеній. Однако же, мнѣ кажется, не-

обходимо проникнуть въ этотъ секретъ до времени. Ваше прев—во благоволите руководить меня вашею осмотрительностію и совѣтами. Старанія герцогини Цвейбрюккенской неусыпны, чтобы особенно привязать принцессъ ея внучекъ къ исповѣдуемой ими религіи. Но на мой взглядъ, ея старанія не произведутъ одинаковаго дѣйствія на всѣхъ трехъ принцессъ и что старшая, по моему мнѣнію, болѣе покорная ея волѣ, такъ же мало послушаетъ совѣтовъ герцогини, какъ и средняя сестра, принцесса Вильгельмина, и еще неизвѣстно не перемѣнитъ ли образа мыслей принцесса Луиза, если съ ними вступитъ въ борьбу такая масса заманчивыхъ почестей»....

Предсказанія Ассебурга вполнѣ оправдались, и вопросъ о вѣроисповѣданіи былъ рѣшенъ согласно видамъ императрицы. Денежныя средства ландграфини, щедротами Екатерины, были вполнѣ обезпечены.

— «Ландграфиня,—писалъ Ассебургъ,—болѣе слезами и смущеніемъ, нежели прямыми выраженіями, дала мнѣ понять, что на это путешествіе не въ состояніи ничего назначить. Считаю себя тѣмъ болѣе обязаннымъ выставить вещи въ настоящемъ свѣтѣ, что ландграфиня, конечно, чужда всякаго корыстолюбія и рѣшительно неспособна употреблять во зло великодушіе ея императорскаго величества».

Императрица отвѣчала увѣдомленіемъ, что за семействомъ ландграфа, въ одну изъ нѣмецкихъ гаваней, будетъ высланъ русскій военный корабль, который доставитъ принцессъ въ Россію безъ всякихъ затрудненій. На подъемъ выслано было государынею 80,000 гульденовъ.

Затѣмъ императрица дѣятельно занялась распоряженіями къ пріему ландграфской фамиліи: мѣстомъ отплытія избранъ былъ Любекъ; для встрѣчи ландграфини съ дочерьми въ этотъ городъ былъ командированъ генералъ-маіоръ Густавъ Христіанъ Ребиндеръ, снабженный (23-го апрѣля 1773 г.) особенною инструкціею. Въ ней, по пунктамъ, посланному предписывалось: плыть на эскадрѣ, подъ командою кавалера Александра Ивановича Круза, изъ Кронштадта въ Любекъ и, по прибытіи въ этотъ городъ, немедленно отправить въ Берлинъ къ ландграфинѣ собственноручное приглашеніе императрицы, ожидая въ Любекѣ ея прибытія; поздравить съ таковымъ ландграфиню и принцессъ, отъ имени императрицы, и, по возможности, занимать ихъ во время плаванія. Самую же сущность инструкціи составляли слѣдующіе секретнѣйшіе пункты:

10) «Г. генералъ-маіоръ приложитъ стараніе, во время пути и въ продолженіе пребыванія въ Любекѣ, на сколько то позволитъ краткость времени (изслѣдовать—зачеркнуто), вызнать свойства, какъ самой ландграфини, такъ и ея дочерей, и въ особенности наблюдать, къ чему та или другія выкажутъ наиболѣе склонности: напримѣръ, доброту ихъ сердецъ, веселость нрава, пристойность или веселость обращенія, боязливость или присутствіе духа во время плаванія и другія важныя свойства нрава, которыя, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, не легко ускользнутъ отъ проницательнаго взгляда. При подобныхъ (случаяхъ) событіяхъ обнаруживаются обыкновенно сокровеннѣйшія страсти. Не трудно будетъ также открыть, которая изъ дочерей любимица матери и каково, на взглядъ, согласіе дочерей между собою и кто изъ лицъ свиты пользуется особеннымъ довѣріемъ. Копія съ приложеннаго у сего письма можетъ къ тому послужить нѣкоторымъ уясненіемъ.

11) «При ежедневномъ обхожденіи и удобныхъ случаяхъ г. генералъ-маіоръ не преминетъ намекнуть, какъ ландграфинѣ, ея дочерямъ, такъ и разумнѣйшимъ лицамъ ихъ свиты, что нѣтъ въ мірѣ того двора, при которомъ всѣ люди могли быть одинаковаго образа мыслей, и потому мнѣ было бы невыразимо пріятно, чтобы ландграфиня при прибытіи своемъ была вообще со всѣми одинаковаго обхожденія и поведенія, чѣмъ весьма къ себѣ расположитъ; чтобы склонностью къ однимъ лицамъ не возбудила въ другихъ мысли надѣяться на снисканіе особеннаго ея расположенія, ибо я постоянно того мнѣнія, что лучше обладать всѣми сердцами, нежели немногими: этому благоразумному образу дѣйствій обязана я той высокой ступенью, свидѣтельницею которой вся Европа. По моимъ, уже неоднократно устно выраженнымъ правиламъ, люди, избранные Богомъ для владычества надъ народами, должны постоянно заботиться о томъ, чтобы не царствовать надъ одною токмо частію своихъ подданныхъ, и оборони Богъ государя низойти съ высокой ступени монарха на степень приверженца партіи, выказывая пристрастіе къ той или другой, или зависимость отъ нихъ — и, еще того болѣе, играть печальную роль главы партій... Напротивъ, всегда должно скорѣе стараться привлечь къ себѣ расположеніе всѣхъ подданныхъ: оно должно быть достойнымъ предметомъ заботливости государя.

12) «Къ этому, г. генералъ-маіоръ, вы можете присовокупить, что ничто въ мірѣ не производитъ на меня сильнѣйшаго впечатлѣнія, какъ откровенность и довѣріе, и что я, замѣтивъ это, никому—отъ первыхъ до послѣднихъ—не отказываю въ добромъ совѣтѣ, покуда вижу, что онъ не предпочитаетъ ему какихъ либо другихъ. Сказавъ «другихъ», я говорю безъ изъятья и чѣмъ болѣе они касаются до политики, тѣмъ они мнѣ непріятнѣе, ибо совѣты эти, при ихъ неистощимости и при ихъ изворотливомъ остроуміи, по моему мнѣнію, безуспѣшны тамъ, гдѣ честная и откровенная

личность ее своимъ добрымъ сердцемъ доходитъ прямо до цѣли; противоположнымъ образомъ дѣйствій многіе уже утратили и ежедневно утрачиваютъ мое довѣріе.

13) «Такъ какъ при большомъ дворѣ ландграфиня, конечно, никогда не будетъ имѣть недостатка въ совѣтникахъ, то, по моему мнѣнію, ей необходимо соблюдать три пункта, безъ которыхъ ей трудно будетъ сообразоваться съ моимъ образомъ мыслей. Во первыхъ—никакого лицепріятія, но въ обхожденіи съ каждымъ ровное, ласковое поведеніе; во вторыхъ—довѣріе ко мнѣ; въ третьихъ—уваженіе къ моему сыну и ко всей націи [1]); не слушать никакихъ навѣтовъ чужихъ дворовъ и еще того менѣе не имѣть разныхъ наушниковъ, которые постоянно домогаются выйти въ люди путемъ ремесла тревожить умы. Впрочемъ, вы можете ее увѣрить, что если я замѣчу, что поведеніе въ отношеніи меня будетъ согласно моимъ желаніямъ и ни чей совѣтъ не будетъ ею предпочтенъ моему чистосердечному, то и она можетъ ожидать не только величайшей предупредительности съ моей стороны, но доставитъ тѣмъ въ высшей степени удовольствіе націи, которая издавна не любитъ ни лицепріятія, ни всего, что къ нему относится».

Въ особой запискѣ, приложенной къ инструкціи, данной государынею барону Черкасову (10-го мая 1773 г.), Екатерина II съ большими подробностями изложила свой образъ мыслей объ отношеніяхъ будущей невѣстки къ ней самой, къ цесаревичу, ко всему двору и къ націи.

«Краткія правила для принцессы, которая будетъ имѣть счастіе сдѣлаться невѣсткою ея императорскаго величества императрицы Россійской и супругою его императорскаго высочества великаго князя.

1) «Одна изъ несомнѣнныхъ обязанностей—любовь и дружба къ князю, за котораго она выйдетъ, согласоваться съ его наклонностями и привычками, вести дѣла свои въ порядкѣ, присущемъ его дѣламъ, и подчиняться тому образу жизни, который донынѣ былъ ему привыченъ.

2) «Почтительность и уваженіе, которыми обязаны государю, должны быть соединены въ ней съ нѣжнѣйшею привязанностью къ императрицѣ, ея свекрови; это должно быть источникомъ искреннѣйшаго довѣрія къ супругу, довѣрія къ его матери; однимъ словомъ, все ея попеченіе должно быть о томъ, чтобы сіи три составляли единое.

3) «Въ согласіи—благополучіе общества: всякое согласное семейство, имѣющее, такъ сказать, одинъ разумъ и одну душу—счастливо. Счастье это тѣмъ больше, когда оно существуетъ въ семействахъ вѣнценосцевъ: оно услаждаетъ всю ихъ жизнь и предъ согласіемъ частныхъ лицъ имѣетъ еще то преимущество, что въ этомъ согласіи заключаются ихъ сила и обоюдная

[1]) Слова, напечатанныя разрядкой, въ подлинникѣ подчеркнуты.

опора. Подданный отклоняется иногда отъ соблюденія долга своему государю и обязанностей въ отношеніи какого либо члена его семьи, но онъ никогда не забудется если увидитъ, что эта семья тѣсно связана узами дружбы. Вотъ почему принцесса должна не только чуждаться, но никогда не слушать тѣхъ, которые злобными своими навѣтами пожелали бы разстроить согласіе императорскаго семейства. Принцессѣ, которой суждено скрѣпить его узы, вмѣняется въ обязанность изобличать предъ императрицею и великимъ княземъ, своимъ супругомъ, тѣхъ, которые по нескромности или низости дерзнули мыслить внушить ей чувства, противныя долгу привязанности къ императрицѣ и къ великому князю-супругу.

4) «Изъ сего правила она должна заключить, что довѣріемъ своимъ и уваженіемъ она можетъ удостоивать лишь только тѣхъ лицъ, которыя будутъ избраны императрицею,—лицъ извѣстныхъ доказанною своею привязанностью къ императрицѣ и къ великому князю.

5) «Весьма естественно, что молодости пріятно сообщество лицъ одинаковаго возраста, жаждущаго удовольствій. Принцесса должна быть въ полной увѣренности, что она найдетъ всякаго рода развлеченія и забавы при дворѣ, въ который будетъ имѣть счастіе вступить. Она, однакоже, никогда не должна забывать занимаемаго ею при немъ положенія и, находясь на балахъ, прогулкахъ и при разговорахъ, она должна помнить, что короткость обхожденія можетъ повлечь за собою недостатокъ почтительности, даже подобающаго ей уваженія, слѣдствіемъ чего нерѣдко бываетъ и презрѣніе.

6) «Есть еще опасность, которой должны избѣгать всѣ лица близкія престолу. Это доказано опытомъ, но молодости невѣдомо. Избѣгать всякихъ навѣтовъ, могущихъ быть со стороны министровъ иностранныхъ дворовъ; противъ подобнаго рода наушниковъ самая твердая опора—есть твердое рѣшеніе не вмѣшиваться въ тѣ дѣла, къ которымъ насъ не призываетъ долгъ нашъ; предоставить государю заботу о союзахъ и обязательствахъ, которые онъ желаетъ заключать, и одобрять всѣ, имъ заключаемые; никогда не слушать тѣхъ, которые льстивыми совѣтами желали бы выставить частныя выгоды подъ личиною общественнаго блага.

7) «Милостію императрицы и дружбою великаго князя, принцесса призвана въ Имперію: поэтому принцесса должна чтить ту націю, къ которой будетъ присоединена, никогда не отзываться о ней дурно, не только въ ея цѣлости, но даже и объ отдѣльной личности; соблюдать вѣжливость со всѣми, еще того бо́льшую оказывать лицамъ высокопоставленнымъ, въ особенности тѣмъ, которыя предпочтительно удостоены уваженія императрицы и великаго князя.

8) «Это должно побудить къ крайнему прилежанію соображаться съ обычаями націи и рѣшительной склонности говорить на языкѣ этой обширной монархіи, который долженъ быть предметомъ изученія, и съ самаго дня при-

бытія своего въ С.-Петербургъ принцесса должна непрестанно учиться говорить по русски.

9) «Хотя при положеніи, которое должна занять принцесса, все вокругъ нея будетъ казаться ей изобиліемъ, она однако-же должна быть тѣхъ мыслей, что порядокъ и распорядительность—истинныя основы богатства. Вслѣдствіе этого, управленіе частными ея доходами должно быть ведено съ благоразуміемъ, безъ излишней расточительности; но съ тѣмъ вмѣстѣ такъ, чтобы соблюдаемая ею бережливость не была замѣтна: при случаѣ—быть щедрою, никогда не расточительною, всегда осторожною, чтобы не дѣлать долговъ.

10) «Такъ какъ въ настоящемъ своемъ возрастѣ принцесса не можетъ быть коротко знакома съ веденіемъ хозяйственныхъ дѣлъ, то она всего лучше поступитъ, если попроситъ императрицу или великаго князя назначить къ ней особу, которая могла-бы помочь ей по этой части.

11) «Праздность влечетъ за собою скуку; скука нерѣдко порождаетъ хандру и своенравіе. Къ отклоненію этого зла, избѣгать котораго необходимо, слѣдуетъ особенно прилежно исполнять свои обязанности, послѣ чего стараться найти себѣ занятіе въ досужіе часы. Чтеніе развиваетъ вкусъ, сердце и умъ; если принцесса съумѣетъ извлечь изъ него пользу, это было-бы всего лучше; но она можетъ разнообразить свои досуги музыкою, или всякаго рода рукодѣльями; разнообразя занятія, она никогда не будетъ чувствовать праздныхъ часовъ.

12) «Одинаково опасно чуждаться свѣта и слишкомъ любить его. Если она имѣетъ ту власть надъ собою, которая должна быть свойственна каждому просвѣщенному уму, необходимо, что-бы она не скучала въ свѣтѣ каждый разъ, когда по обязанности должна будетъ его посѣщать, что будетъ ей не трудно, если она пожелаетъ образовывать себя бесѣдами съ людьми просвѣщеннѣйшими и образованнѣйшими. Она должна умѣть также обходиться и безъ общества, прибѣгая тогда къ занятіямъ и забавамъ, украшающимъ ея умъ, укрѣпляющимъ чувства, занимающимъ руки.

13) «Слѣдуя этимъ правиламъ, принцесса должна ожидать себѣ счастливѣйшей будущности. У нея будетъ нѣжнѣйшій супругъ, котораго счастіе она составитъ, точно такъ же какъ и онъ, вѣроятно, составитъ ее счастіе; она будетъ имѣть выгоду именоваться дочерью императрицы, наиболѣе прославляющей нашъ вѣкъ, быть любимой ею, быть отрадою народа, который съ новою силою подвинулся впередъ подъ управленіемъ Екатерины, содѣлающей его день-ото-дня почтеннѣе, и принцессѣ не останется желать ничего инаго кромѣ продленія дней ея императорскаго величества и его императорскаго высочества великаго князя, въ полной увѣренности и въ убѣжденіи, что ея благоденствіе будетъ непоколебимо, покуда она будетъ жить въ зависимости отъ нихъ».

Щадя довольно щекотливое честолюбіе ландграфини Гессенъ-

Дармштадтской, Екатерина пригласила ее съ принцессами въ Россію, слѣдующимъ офиціальнымъ письмомъ:

Царское Село.—28-го апрѣля 1773.

«Милостивая государыня и кузина! Лишь только дозволило время года, какъ я поспѣшила отправить корабли мои въ Любекъ. Ихъ повелъ туда генералъ Ребиндеръ, которому мною повелѣно не только переслать это письмо вашей свѣтлости для увѣдомленія о прибытіи кораблей въ эту гавань, но назначенъ мною и для сопровожденія васъ, милостивая государыня, если вы соизволите, до моихъ владѣній. Пріѣзжайте, государыня моя, пріѣзжайте; ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ; будьте увѣрены въ живѣйшемъ моемъ желаніи видѣть васъ съ тремя принцессами, дочерьми вашими, при моемъ дворѣ, коего вы будете отрадами. Я въ восхищеніи при мысли принять васъ познакомиться съ вами, оказать вамъ знаки моего благорасположенія и засвидѣтельствовать уваженіе и пріязнь, съ которыми есмь, милостивая государыня моя кузина, вашей свѣтлости добрая кузина. Екатерина».

Нетерпѣливое ожиданіе императрицы, выраженное въ этомъ письмѣ, было вполнѣ искренно. Повидимому, всѣ ея мысли заняты были предстоящимъ свиданіемъ съ дочерьми маркграфини, ихъ наружностью, умомъ, характеромъ.

Ландграфиня съ дочерьми выѣхала изъ Дармштадта въ маѣ мѣсяцѣ и чрезъ Берлинъ держала путь въ Любекъ. Ассебургъ, сопровождавшій ее до Лейпцига, дорогою поддерживалъ въ ландграфинѣ бодрость духа, дружескимъ своимъ участіемъ, а при прощаніи напутствовалъ письменно изложенными пожеланіями и почтительнѣйшими совѣтами. Онъ особенно настаивалъ на необходимости, чтобы та изъ принцессъ, на которую падетъ окончательный выборъ, вступила въ новую ей предстоящую жизнь бодро и весело, со спокойнымъ духомъ и невозмутимою совѣстью относительно перехода въ другое вѣроисповѣданіе. «Ее ожидаетъ (писалъ Ассебургъ между прочимъ) борьба со многими затрудненіями. Она переселяется на чужбину, подъ новое небо, въ народъ ей невѣдомый, который обязана изучать, къ нравамъ и обычаямъ котораго должна примѣняться, чтобы заслужить его довѣріе. Ей предстоитъ снискать любовь мужа, одареннаго чувствомъ деликатности; кротостью она должна заслужить нѣжность императрицы и также съумѣть хорошо себя поставить съ главными лицами обоихъ дворовъ. Словомъ, быть отрадою императорской фамиліи и всего народа».

Ландграфиня не замедлила отвѣтомъ:

«...Да, милостивый государь, у меня достанетъ мужества скорѣе уѣхать изъ С.-Петербурга съ моими тремя дочерьми, нежели которую нибудь изъ нихъ сдѣлать несчастною. Донынѣ я не была безчеловѣчною матерью и никогда ею не буду. При моей нѣжности къ нимъ, никакія соображенія не заставили бы меня рѣшиться на тотъ шагъ, который я дѣлаю; неужели меня не поймутъ? Не подумаютъ ли, можетъ быть, что я только о себѣ хлопочу, когда, вѣроятно, мнѣ уже немного лѣтъ и жить остается? Знаетъ Богъ, что всѣ старанія мои въ этомъ дѣлѣ не имѣютъ иной цѣли, кромѣ счастія дочери, которая будетъ избрана, и счастія имперіи Россійской».

Ландграфиня съ принцессами прибыла въ Любекъ въ первыхъ числахъ іюня 1773 г. Здѣсь ожидали ихъ три русскіе фрегата: «Св. Маркъ», «Соколъ» и «Быстрый». Принцессы помѣстились на первомъ, на остальныхъ расположилась ихъ свита. Благополучно прибывъ въ Ревель, высокія путешественницы продолжали слѣдованіе сухимъ путемъ и 15-го іюня были уже въ Царскомъ Селѣ. Самый правдивый и любопытный разсказъ о встрѣчѣ императрицы съ ландграфинею находимъ въ одномъ изъ писемъ Екатерины II къ г-жѣ Бьельке [1]).

Петергофъ.—7-го іюля 1773 г.

«.......15-го іюня 1773 г. ландграфиня съ дочерьми прибыла въ Царское Село; во избѣжаніе затрудненій при первомъ свиданіи, князь Орловъ отправился на встрѣчу ландграфини съ приглашеніемъ пожаловать къ нему откушать въ его Гатчинское помѣстье, которое хотя и лежитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, однакоже же на нѣсколько верстъ сократило путь ландграфини. Она прибыла въ Гатчину въ третьемъ часу. Князь, высадивъ ее изъ кареты и ведя на лѣстницу, сказалъ, что она найдетъ у него нѣсколькихъ дамъ. Каково-же было удивленіе ландграфини, когда, войдя въ комнату, она увидѣла меня съ одною лишь графинею Брюсъ. Она отскочила и громко вскрикнула. Я подошла къ ней, говоря: «Я дѣлаю вамъ сюрпризъ, государыня моя; не знаю будетъ-ли онъ вамъ пріятенъ, но я сочла его необходимымъ, чтобы убавить затрудненій перваго свиданія». Тутъ мы обнялись; пришли принцессы, немножко удивленныя, немножко дрожащія. Князь Орловъ сократилъ

[1]) Въ біографіи Ассебурга приведенъ вялый, безцвѣтный разсказъ находившагося въ свитѣ ландграфини барона Шраутенбаха, не заслуживающій никакого вниманія.

эту сцену: онъ попросилъ меня удалиться въ другую комнату; принцессы пошли оправиться. Подали обѣдъ и мы сѣли за столъ, какъ будто и всю жизнь обѣдывали вмѣстѣ. По выходѣ изъ-за стола, я предложила ландграфинѣ ѣхать со мною въ шестимѣстной каретѣ, весьма удобной, которую я нарочно приказала привезти; она согласилась и мы размѣстились: она, ея три дочери, графиня Брюсъ и я.

«Гатчина въ 22-хъ верстахъ (по 500 сажень) отъ Царскаго Села; въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ этого дворца мы встрѣтились съ великимъ княземъ, который вышелъ изъ своего открытаго восьмимѣстнаго фаэтона; мы также вышли изъ нашей кареты; я представила однихъ другимъ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, мы умѣстились съ великимъ княземъ и графомъ Панинымъ и прибыли очень скоро, черезъ полчаса, около семи часовъ вечера, въ Царское Село. Мой сынъ съ первой же встрѣчи полюбилъ принцессу Вильгельмину; я дала ему три дня сроку, чтобы посмотрѣть не колеблется-ли онъ, и такъ какъ эта принцесса во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ своихъ сестеръ, то на четвертый день я обратилась къ ландграфинѣ, которая, точно также какъ и принцесса, безъ особенныхъ околичностей, дала свое согласіе. Принцесса учится (русскому) языку и рѣшилась перемѣнить вѣроисповѣданіе. Теперь ждемъ согласія ландграфа. Съ его супругою пріятно познакомиться: у нея возвышенные умъ и сердце; во всѣхъ отношеніяхъ это заслуживающая уваженіе женщина и съ большими достоинствами; разговоръ ея занимателенъ и повидимому ни ей, ни дочерямъ ея у насъ не скучно. Старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; въ средней всѣ нами желаемыя качества: личико у нея прелестное, черты правильныя, она ласкова, умна; я ею очень довольна и сынъ мой очень влюбленъ».

Графъ Панинъ, письмомъ (отъ 26-го іюля) увѣдомляя Ассебурга о благополучномъ рѣшеніи вопроса бракосочетанія цесаревича съ принцессою Вильгельминою, поздравлялъ усерднаго исполнителя воли императрицы, обѣщая ему богатыя и щедрыя милости Екатерины. Другой доброжелатель Ассебурга, графъ Сольмсъ, увѣдомлялъ его о высокомъ назначеніи, которое тогда имѣла въ виду государыня, для доказательства совершеннаго своего благоволенія къ Ассебургу:

«. . . Намѣреваются назначить васъ къ молодому двору, когда онъ образуется, въ качествѣ довѣреннаго лица, способнаго давать добрые совѣты въ домѣ молодыхъ, которымъ суждено, современемъ, возсѣсть на престолъ первой имперіи въ Европѣ. Назначеніе весьма почетное, весьма удовлетворительное человѣку прямодушному. Оно щекотливо, признаюсь; но имѣя въ рукахъ мягкій воскъ, на которомъ зло еще не отпечатлѣлось, воскъ, отлитый на добро—то работать не трудно, потому что не придется преодолѣвать мно-

гихъ препятствій. Надѣются и искренно желаютъ, чтобы нѣмецкій восгь былъ также уступчивъ, какъ и русскій... Вы порадуетесь способствуя этому».

Однако же осторожный Ассебургъ уклонился отъ этой чести. Въ письмѣ своемъ къ графу Никитѣ Панину, ссылаясь на свое разстроенное здоровье, онъ, взамѣну готовившагося ему мѣста, просилъ о другомъ — «поспокойнѣе и не слишкомъ обремененномъ занятіями»; намекнулъ на скудость денежныхъ своихъ средствъ. Это заключеніе письма плохо согласовалось съ его началомъ, въ которомъ Ассебургъ выразился, что онъ «чуждъ корыстолюбія»...

Между тѣмъ императрица съ полною заботливостью занялась образованіемъ будущей своей невѣстки, при изученіи принцессою русскаго языка и основныхъ догматовъ православія.

4-го августа Екатерина повелѣла написать и оправить золотомъ двѣ иконы: св. пророка Елисея, Адріана и Наталіи; Петра и Павла и Евстафія—для предстоящаго благословенія цесаревича и его нареченной невѣсты [1]). 15-го числа принцесса восприяла св. муропомазаніе съ титуломъ и именемъ великой княжны Наталіи Алексѣевны, а на другой день происходило ея торжественное обрученіе съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ; бракосочетаніе было предположено въ исходѣ сентября.

Въ промежутокъ времени отъ обрученія до свадьбы, путемъ происковъ и каверзъ нѣкоторыхъ придворныхъ и иностранцевъ, въ числѣ ихъ—Сальдерна, графъ Н. И. Панинъ едва не лишился благорасположенія императрицы. Первое извѣстіе о томъ Ассебургъ получилъ отъ графа Сольмса:

С.-Петербургъ.—20-го (31-го) августа 1773 г.

«... Достойный мой Панинъ въ разладѣ съ императрицею. Его желали удалить отъ великаго князя послѣ свадьбы, изъ опасенія, чтобы теперь онъ не поддерживалъ въ немъ недовѣрія къ императрицѣ и къ Орловымъ. Императрица допустила увлечь себя и боится своего сына и Панина послѣ ложныхъ извѣтовъ князя Орлова. Панинъ не хочетъ разстаться съ великимъ княземъ, дабы наблюдать, чтобы онъ не попалъ въ дурныя руки, и молодой князь желаетъ удержать его при себѣ, чтобы въ его лицѣ сберечь при особѣ

[1]) Память святыхъ, изображенныхъ на первой иконѣ, празднуется 14-го іюня и 26-го августа (дни рожденія и тезоименитства великой княгини); 29-е іюня и 20-е сентября—дни тезоименитства и рожденія цесаревича Павла Петровича.

своей истиннаго друга, ибо онъ его чрезвычайно любитъ. Сальдернъ поступилъ предательски, имѣя виды самъ на полученіе перваго мѣста при великомъ князѣ. Онъ приверженецъ Орловыхъ въ дѣлѣ удаленія Панина. Если бы ему удалось, онъ произведь бы революцію. Дѣло дознанное, но еще невѣдомое императрицѣ. Давъ промахъ, онъ уѣхалъ съ яростью въ сердцѣ. Но зло сдѣлано; императрица вооружена противъ Панина, который невиненъ и по добротѣ сердца не хочетъ того погубить. Надобно, однако, надѣяться, что дѣло уладится. Послѣ отъѣзда Сальдерна, нѣтъ болѣе человѣка на столько дѣятельнаго, чтобы продолжать интригу».

Черезъ двѣ недѣли послѣ обрученія цесаревича, Ассебургъ получилъ отъ императрицы, отъ цесаревича и его супруги слѣдующія письма:

С.-Петербургъ.—28-го августа 1773 г.

«Г. Ассебургъ! Жалуя васъ нынѣ въ кавалеры ордена св. Александра Невскаго, съ сего дня-же подписывая ваше назначеніе моимъ полномочнымъ министромъ въ Регенсбургѣ, на мѣсто, которое, какъ я сужу по собственному вашему письму, наиболѣе соотвѣтствующее вашимъ склонностямъ, я желала симъ всенародно выразить вамъ мое удовольствіе, по поводу благопріятнаго окончанія порученія, возлежавшаго на васъ въ теченіе шести лѣтъ, именно—повидать и изучать нравъ многихъ принцессъ Германіи, съ цѣлію остановить мой выборъ на той, которая, по достоинствамъ своимъ, заслужитъ предпочтеніе. Но такъ какъ довольствованіе мое этимъ благополучно оконченнымъ выборомъ не есть токмо внѣшнее, но я живо ощущаю его и въ моемъ сердцѣ, то мнѣ весьма пріятно извѣстить васъ, симъ частнымъ письмомъ, и поблагодарить за приложенные вами труды по этому предмету; они увѣнчаны успѣхомъ: сладостное утѣшеніе для души честной, исполнившей долгъ свой съ такимъ счастіемъ, которымъ вы, безъ сомнѣнія, должны наслаждаться. Вамъ извѣстенъ выборъ, сдѣланный мною и моимъ сыномъ: яблоко предпочтенія отдано принцессѣ Вильгельминѣ. . . . . . . [1]). Выборъ этотъ единогласно одобренъ. Ландграфиня ея родительница съ первыхъ-же дней снискала мое уваженіе, дружбу и надѣюсь, не раскаивается въ томъ поступкѣ, на который она рѣшилась, прибывъ сюда, ни въ довѣріи, тѣмъ мнѣ оказанномъ; надѣюсь, что она возвратится веселая, довольная и спокойная. Побесѣдовавъ съ вами о пріятныхъ плодахъ вашихъ трудовъ, мнѣ остается лишь увѣрить васъ въ продолженіи извѣстныхъ вамъ чувствъ моего благорасположенія, на которыя вы въ семъ случаѣ пріобрѣли новыя права. Екатерина».

---

[1]) Слѣдуютъ сообщенія о мvропомазаніи, обрученіи и о бракосочетаніи, предполагаемомъ въ исходѣ сентября.

С.-Петербургъ.—30-го августа (10-го сентября).

«Милостивый государь! Въ минуту довершенія моего счастія бракосочетаніемъ моимъ съ принцессою Вильгельминою, или вѣрнѣе Наталіею (ибо теперь она такъ именуется), я почитаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить вамъ мою искреннюю признательность за то участіе, которое вы постоянно принимали во всемъ, что до меня касается, и за услугу, вами мнѣ оказанную. Повѣрьте, любезный мой господинъ, что я весьма чувствую цѣну тому, что вы для меня сдѣлали, и что вы, уже съ давняго времени пользуясь моимъ уваженіемъ, теперь пріобрѣли вполнѣ мою искреннюю дружбу. Она тѣмъ сильнѣе теперь, что я чувствую всю сладость настоящаго моего положенія и что ежедневно убѣждаюсь собственными глазами въ томъ, что вы часто писали о нравѣ той, которая составляетъ и составитъ мое счастіе. Не могу не смотрѣть на васъ по справедливости, какъ на перваго виновника—послѣ друга моего графа Панина—всего счастія, которымъ я въ настоящую минуту взысканъ. Принужденъ окончить мое письмо за недостаткомъ времени, дѣлаю это съ сожалѣніемъ; предполагаю въ другой разъ написать вамъ подробнѣе, покуда съ удовольствіемъ именуюсь другомъ вашимъ. Павелъ».

(Того-же числа).

«Милостивый государь! Если я замедлила нѣсколько времени письмомъ къ вамъ, чтобы лично увѣдомить васъ о моей свадьбѣ, не припишите того, государь мой, недостатку довѣрія къ принимаемому вами въ томъ участію. Нѣтъ, государь мой, вы дали слишкомъ много доказательствъ вашей привязанности, вы прилагали слишкомъ много трудовъ къ способствованію моему счастію, чтобы я могла въ томъ сомнѣваться. Повѣрьте также, государь мой, что признательность моя весьма истинна и искренна, и я сочту себя счастливою, если представится случай ее вамъ засвидѣтельствовать. Я точно также никогда не забуду добрыхъ совѣтовъ, данныхъ вами мнѣ до нашего отъѣзда, и буду всегда съ удовольствіемъ ихъ помнить какъ о совѣтахъ, данныхъ мнѣ особою, столь мною уважаемою, какъ вы, сударь, и къ которой я буду всю мою жизнь съ отмѣннымъ уваженіемъ, доброжелательнѣйшею. Наталія».

Одновременно съ этими письмами, Ассебургъ получилъ отъ графа Сольмса подробности о проискахъ Сальдерна къ паденію графа Н. И. Панина.

С.-Петербургъ.—31-го августа (11-го сентября).

«Приходится высказать вамъ въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ то, чего вы не увидали изъ моего послѣдняго письма отъ 20-го (31-го) августа. Достойный и почтенный менторъ, уважаемый другъ нашъ, едва не сдѣлался жертвою великой своей привязанности къ своему августѣйшему воспитаннику.

Ревность, обнаруженная имъ, чтобы не разстаться съ великимъ княземъ даже въ первую пору послѣ его свадьбы, дабы оградить его отъ искушеній злонамѣренныхъ умовъ, которые, ради собственнаго повышенія, постарались бы извратить и заглушить начатки добрыхъ сѣмянъ, давшихъ ростки въ его чистомъ и невинномъ сердцѣ; столь прямыя и честныя чувства, въ которыхъ онъ, однако же, не могъ сознаться, не были поняты и усердіе Панина постарались выставить какъ слѣдствіе тайныхъ его замысловъ къ возмущенію спокойствія царствующей государыни, къ тому, чтобы подъ именемъ юнаго князя быть полновластнымъ правителемъ и главою имперіи. Неудивительно, что человѣкъ (Орловъ), который могъ имѣть причины на него обижаться, который принималъ его (хотя и напрасно) за главную пружину своего удаленія и мимолетной опалы, который, поэтому, смотрѣлъ на него какъ на врага—изыскивалъ способы къ отмщенію, желалъ его удаленія, чтобы избавиться отъ строгаго порицателя своихъ поступковъ, чтобы самому себѣ расчистить дорогу къ тому мѣсту, которое онъ полагалъ цѣлью желаній другаго, котораго, можетъ быть, самъ домогался прежде. Но его извѣты и недовѣріе, которое онъ хотѣлъ внушить слишкомъ неловко и слишкомъ грубо, вѣроятно не могли бы нанести удара, если бы въ это дѣло не вмѣшался человѣкъ болѣе хитрый, способный къ проискамъ и каверзамъ, злой, съ черной душою и болѣе свыкшійся съ преступленіемъ. Этотъ человѣкъ, котораго я описываю вамъ столь гнусными красками — это тайный совѣтникъ Сальдернъ. Этотъ человѣкъ, развращенный счастьемъ и избалованный благополучіемъ, не видалъ болѣе предѣловъ своимъ желаніямъ; привыкшій тиранить Польшу, онъ устремилъ честолюбивые свои замыслы на управленіе Россіею. Такъ какъ поведеніе его въ Польшѣ не могло быть одобрено дворомъ, при которомъ человѣколюбіе и кротость служатъ основами правительства, то онъ и не былъ принятъ по возвращеніи своемъ сюда съ знаками удовольствія и благоволенія, оказываемыми лицу, заслуги котораго пріятны; однако же ему ничего не сказали, не потребовали отчета въ его переговорахъ и онъ спокойно занялъ свое мѣсто гольштинскаго министра. Это равнодушіе затронуло его самолюбіе; не наказанный за зло, надѣланное въ Польшѣ, онъ себѣ вообразилъ, что дѣйствія его были безукоризненны. Оказанную ему кротость онъ принялъ за презрѣніе, за неблагодарность; онъ нашелъ, что его наградили не по заслугамъ, что ему заплатили не по трудамъ: въ его пылкомъ и заносчивомъ умѣ зародилась мысль—сильнымъ ударомъ отмстить за нанесенную ему обиду и самому составить себѣ состояніе, которое вознаградило бы его за отказъ въ томъ со стороны другихъ. Первыя дѣйствія его озлобленія были направлены противъ самой императрицы: онъ задумалъ выставить ее въ невыгодномъ свѣтѣ въ мнѣніи великаго князя, ея сына, и породить въ его мысляхъ желаніе обмѣнить положеніе перваго подданнаго на соучастника въ правленіи имперіею. Это намѣреніе, нескрытое Сальдерномъ отъ графа Па-

нина, было съ негодованіемъ отвергнуто человѣкомъ столь прямодушнымъ какъ графъ, изощрявшимъ все свое вниманіе на то, чтобы внушить августѣйшему своему питомцу совершеннѣйшую привязанность и покорнѣйшее послушаніе къ его родительницѣ и государынѣ. Негодуя на Сальдерна, Панинъ утратилъ хорошее о немъ мнѣніе, которое до того времени сохранялъ о немъ. Онъ сталъ держать себя съ нимъ осторожнѣе и перестал оказывать довѣріе. Вмѣсто того, чтобы смириться, злое сердце Сальдерна пуще ожесточилось и, отказавшись отъ надежды совратить Панина и вовлечь его въ свои замыслы, онъ задумалъ руководить лишь великимъ княземъ, чтобы тотъ усвоилъ его виды. Свободный доступъ къ особѣ его высочества не былъ воспрещенъ Сальдерну и онъ выбралъ дни совѣта,—въ которые графъ обязанъ оставлять великаго князя на нѣсколько часовъ одного,—чтобы, посѣщая его высочество, внушать ему свои правила, чтобы увѣрить его, что права рожденія дозволяютъ ему имѣть притязаніе на иное положеніе. Онъ постарался возбудить въ великомъ князѣ отвращеніе къ графу Панину; измѣнить его расположеніе къ принцессѣ, которую намѣревались привезти; внушить ему недовѣріе ко всѣмъ окружающимъ—и добился до того, что этотъ юный умъ, не подозрѣвая вѣроломства въ человѣкѣ, котораго всегда считалъ своимъ другомъ, на столько подался на его сторону, что ему удалось поставить его въ осторожныя и недовѣрчивыя отношенія даже къ самому графу Панину. Доброта сердца великаго князя не долго могла выдерживать столь насильственное положеніе, и графъ Панинъ, замѣтившій перемѣну и помышлявшій о средствахъ къ ея разъясненію, былъ пріятно удивленъ, видя, что великій князь, самъ собою, пришелъ къ нему, чтобы открыть свое положеніе, обратиться къ его совѣтамъ для исхода и опять найти утраченное спокойствіе. Объясненіе было нѣжно, примѣреніе искренно и слѣдствіями его былъ союзъ обоихъ, чтобы избѣгать злобы ихъ общаго врага и совершенно лишить его ихъ довѣрія. Это переполнило мѣру ярости Сальдерна и заставило его рѣшиться занести своего друга, благодѣтеля и покровителя—самого графа Панина—на списокъ жертвъ своего мщенія и ненависти. Онъ принялъ сторону того, кто былъ врагомъ графа, сталъ заискивать дружбы его и всѣхъ желавшихъ его возврата и совершеннаго возстановленія: его совѣты, можетъ быть, способствовали сокращенію годичнаго срока удаленія Орлова. Послѣдній, самъ и чрезъ своихъ сторонниковъ, возвратилъ Сальдерну уваженіе императрицы, перешедшее вскорѣ въ особенное и искреннее довѣріе; несомнѣнно, что прошедшимъ лѣтомъ государыня была въ его сѣтяхъ до самаго его отъѣзда, до такой степени, что съ нимъ совѣщалась обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ; онъ же воспользовался этою благосклонностью, чтобы обнести предъ императрицею министра (графа Панина), такъ что тотъ съ каждымъ днемъ сталъ понижаться въ ея мнѣніи и дошелъ до того, что императрица перестала говорить съ нимъ и не обращала никакого вниманія на его до-

клады. Цѣль его заключалась въ удаленіи Панина отъ великаго князя; онъ надѣялся занять его мѣсто и если бы того достигъ, то опять принялся бы за первые замыслы, льстясь, разумѣется тщетно, успѣть въ нихъ; однако же могъ бы возбудить недоразумѣнія и смуты, которыя, содѣлавъ несчастіе имперіи, окончились бы катастрофою гибельною для него самого. Знакъ попеченія Промысла, что онъ не устоялъ, но, вслѣдствіе страха, угрызеній совѣсти, или естественной тревоги, внушаемой преступленіемъ, онъ самъ пожелалъ удалиться и, притворясь, будто боится интригъ и происковъ молодаго двора, поспѣшилъ, чтобы ему дали порученіе окончить дѣло обмѣна Гольштиніи и, по счастію, уѣхалъ для его исполненія. Можетъ быть также, онъ счелъ необходимымъ такъ устроить свои дѣла, съ той мыслію, что удаленіе графа Панина произойдетъ въ его отсутствіе, и что онъ будетъ вызванъ, чтобы тѣмъ воспользоваться. Но я надѣюсь, что этого болѣе не будетъ. Интрига, за отсутствіемъ лица способнаго ее одушевлять и вести, утратила всю свою живость. Императрица снова сдѣлалась ласковѣе къ этому (т. е. къ Панину) достойному министру и я надѣюсь, что гроза утихнетъ скоро сама собою. Со времени отъѣзда этого злаго человѣка (Сальдерна), открываются черты его гнусности или, какъ я думаю, доказательства его поврежденія въ умѣ. Онъ старался запутать всѣ дѣла, которымъ былъ причастенъ! Онъ, подъ рукою, породилъ въ Даніи сомнѣнія въ прямодушіи здѣшняго двора въ Гольштинскомъ дѣлѣ и увѣрилъ, что прусскій король тому противится, и дѣлалъ попытки успѣху дѣла попрепятствовать; при этомъ, выставляя на видъ свою заслугу въ доведеніи дѣла, не смотря на то, до конца, Сальдернъ требовалъ награжденій, которыя и были ему уплачены. Онъ требовалъ, подъ именемъ графа Панина, 10,000 рублей и получилъ ихъ незадолго до отъѣзда. Здѣсь онъ возбудилъ однихъ противъ другихъ ложными извѣтами и, прикидываясь другомъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ описывалъ имъ другихъ, что возбудилъ всеобщее недовѣріе, особенно къ лицамъ, составляющимъ дворъ великаго князя. Короче, разсказамъ моимъ не будетъ конца, если я въ подробностяхъ стану описывать вамъ всю злобу, всю черноту души, употребленныя имъ къ удаленію графа Панина, съ цѣлью занять его мѣсто при великомъ князѣ.

«.... Императрицѣ еще неизвѣстны эти происки; чувства человѣколюбія графа Панина, его щекотливость, чтобы не компрометировать великаго князя— невинно и безъ собственнаго вѣдома участвовавшаго въ этихъ интригахъ, донынѣ удерживали его отъ ихъ разоблаченія; но необходимость предупредить то зло, которое Сальдернъ можетъ еще надѣлать въ Германіи, должны, наконецъ, принудить графа открыть глаза государынѣ и я надѣюсь, что на это онъ скоро рѣшится».

«Гроза разсѣялась сама собою», какъ предсказывалъ графъ Сольмсъ; большой и малый дворъ, на время, слились въ одну

добрую семью, для празднованія свадьбы великаго князя. Бракосочетаніе, съ подобающею торжественностью, происходило 23-го сентября 1773 года. Щедрость Екатерины была велика, распространяясь не только на ландграфиню и на обѣихъ ея дочерей, но даже и на всѣхъ лицъ, составлявшихъ ихъ свиту. Ландграфинѣ было подарено 100,000 р. и сверхъ того 20,000 р. на издержки въ обратномъ пути; каждая изъ принцессъ получила по 50,000 р.[1]), каждый кавалеръ и дама изъ свиты — по 3,000 руб. Ландграфиня, довольная устройствомъ судьбы одной изъ своихъ дочерей, успокоилась на счетъ участи двухъ другихъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что, благодаря милостямъ Екатерины, приданое принцессъ было обезпечено. Однако же ландграфиня не долго наслаждалась счастіемъ дочерей и, черезъ полгода послѣ свадьбы великой княгини Наталіи Алексѣевны, скончалась въ Дармштадтѣ, въ мартѣ 1774 года. Предъ кончиною она исходатайствовала у императрицы, чтобы ко всѣмъ наградамъ, которыми былъ осыпанъ Ассебургъ, прибавлено было 20,000 гульденовъ въ видѣ единовременнаго подарка. Желаніе ландграфини было исполнено.

Что касается до графа Н. И. Панина, то Екатерина также особенно щедро наградила графа. Изъ письма графа Сольмса къ Ассебургу (отъ 5-го октября 1773 г.) видимъ, что за графомъ было оставлено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и хотя онъ отказался отъ титула великаго канцлера, тѣмъ не менѣе ему были предоставлены всѣ права и преимущества, этому знанію присвоенныя. Въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, онъ былъ причисленъ къ первому классу, заурядъ съ генералъ-фельдмаршалами. Ежегодное жалованье было увеличено до 44,000 руб., подарено 100,000 р. и 9,500 душъ крестьянъ,

[1]) Младшая изъ нихъ, принцесса Луиза, горячо преданная протестантизму, женщина высокихъ качествъ ума, была въ послѣдствіи замужемъ за великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Она пользовалась всеобщимъ, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и замѣчательна, между прочимъ, по дружбѣ своей съ Гёте и по достопамятному свиданію съ Наполеономъ, когда, упоенный славою, гордый побѣдитель долженъ былъ преклониться предъ нравственнымъ величіемъ великой герцогини Луизы. Старшая ее сестра, Амалія-Фридерика, черезъ годъ послѣ нея вышла за наслѣднаго принца Карла-Лудвига Дурлахъ-Баденскаго. Отъ этого брака, въ 1779 году, родилась принцесса Луиза-Марія-Августа, въ послѣдствіи Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I.

приносившихъ 28,000 р. ежегоднаго дохода; сверхъ того, подарено 20,000 р. на покупку серебряной посуды, представлено выбрать въ столицѣ любой домъ для жительства, съ тѣмъ, что онъ будетъ для него купленъ и обмеблированъ казною и на цѣлый годъ снабженъ отъ двора всевозможною провизіею. Изъ подаренныхъ ему 9,000 крестьянскихъ душъ, графъ Никита Ивановичъ отдѣлилъ 4,000 и, въ свою очередь, подарилъ ихъ главнымъ своимъ тремъ чиновникамъ: Убри, Бакунину и Фонъ-Визину [1]).

Вполнѣ довольная счастіемъ сына, императрица, хотя уже и озабоченная первыми раскатами грозы-Пугачевщины—6-го октября 1774 года, писала къ г-жѣ Бьельке шутливое письмо, въ которомъ отразилось самое отрадное настроеніе духа:

— «Я получила ваше письмо отъ 1-го октября, въ которомъ вы меня поздравляете съ бракосочетаніемъ моего сына, обвѣнчанномъ восемь дней тому назадъ. И такъ, онъ обзавелся своимъ домомъ; намѣревается жить на мѣщанскій ладъ, ни на шагъ не отходить отъ своей супруги, и между ними нѣжнѣйшая дружба. Дай Богъ, чтобы это продлилось, ибо, какъ сказалъ кто-то, жизнь человѣческая долга. Съ удовольствіемъ принимаю пожеланіе ваше—маленькаго великаго князя черезъ годъ; мы не отказались бы и отъ маленькой великой княжны. Для меня все равно, то или другое, лишь бы дѣла шли на ладъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Графъ Н. И. Панинъ имѣлъ на то особыя причины. Эти 4,000 душъ находились во вновь пріобрѣтенныхъ польскихъ областяхъ. Противникъ раздѣла Польши, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, Панинъ не желалъ пользоваться доходами съ тѣхъ провинцій, присоединеніе которыхъ къ Россіи не признавалъ для нея полезнымъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

1779—1831.

VI [1]).

Съ самаго своего рожденія, Константинъ Павловичъ, какъ и старшій его братъ, былъ отлученъ отъ своихъ родителей, жившихъ попостоянно въ Гатчинѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, отчужденность эта доходила до того, что подросшіе великіе князья не видали отца и матери по цѣлымъ мѣсяцамъ. Павелъ Петровичъ могъ по собственному своему желанію видѣться съ ними не иначе, какъ испросивъ предварительно на то разрѣшеніе у Салтыкова; онъ былъ весьма огорченъ этимъ распоряженіемъ, доходившемъ до того, что однажды въ теченіе цѣлаго года Павелъ Петровичъ не видался съ своими сыновьями.

Да и вообще онъ рѣдко ѣздилъ для свиданія съ нимъ въ Петербургъ и въ Царское Село. Въ случаѣ же его пріѣзда туда, вниманіе къ нему сыновей выражалось въ томъ, что великіе князья облекались въ длинные кафтаны стариннаго прусскаго покроя, подвѣшивали сзади между фалдами огромныя шпаги, надѣвали узкіе галстухи, а на головахъ у нихъ являлись большія пудренныя букли.

Императрица Екатерина II приближая къ себѣ своихъ внуковъ держала ихъ, въ тоже время, какъ уже замѣчено выше, въ постоянномъ отдаленіи отъ отца. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, въ своихъ письмахъ къ графу Семену Романовичу Воронцову, хотя и вдается иногда въ сообщеніе придворныхъ только сплетень, тѣмъ не менѣе сообщаетъ нѣсколько не безъинтересныхъ подробностей объ отношеніяхъ великаго князя Константина Павловича, въ 1794—1796 годахъ, къ близкимъ къ нему людямъ. (См. VIII-й томъ „Архива кн. Воронцова").

Кончина Императрицы сразу измѣнила такія отношенія между великими князьями и ихъ родителями. Павелъ Петровичъ тотчасъ при-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254.

близилъ къ себѣ ихъ обоихъ и относился къ нимъ какъ къ самымъ преданнымъ друзьямъ. Довѣренность Павла къ Константину на первый разъ выразилась въ томъ, что онъ приказалъ ему присутствовать при разборѣ графомъ Безбородко бумагъ покойной Государыни и опечатать бумаги князя Зубова. Матеріальное положеніе Константина Павловича также измѣнилось къ лучшему. Щедрая на награды своимъ любимцамъ, Екатерина была крайне расчетлива тамъ, гдѣ дѣло касалось ея семейства. Великій князь Павелъ Петровичъ во все время ея царствованія находился въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. При Екатеринѣ Константинъ получалъ 100,000 рублей, а супруга его по 70,000 рублей. Павелъ же хотя и назначилъ, 28-го декабря 1796 года, великой княгинѣ только по 60,000 рублей, но за то довелъ сумму содержанія, назначеннаго Константину, до 500,000 рублей. 2-го іюля 1797 года, императоръ пожаловалъ ему въ собственность „Стрѣльную мызу" со всѣми деревнями и угодьями, а 21-го іюля 1797 года повелѣлъ приписать къ этой мызѣ еще 1,490 душъ изъ деревень, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Кабинета. Императоръ назначилъ великихъ князей командирами гвардейскихъ полковъ, причемъ Константину Павловичу былъ ввѣренъ Измайловскій полкъ. Перемѣна ихъ положенія выразилась прежде всего въ измѣненіи ихъ внѣшности и, по словамъ очевидца Саблукова, оставившаго записки о временахъ Павла Петровича, они, явившись въ мундирахъ гатчинской формы, напоминали собою „старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ". На другой день воцаренія Павла, Константинъ вступилъ въ Петербургъ во главѣ командуемаго имъ полка, составившаго, по повелѣнію императора, часть стараго, настоящаго Измайловскаго полка. Не смотря на ту любовь, которую выражалъ Павелъ своимъ сыновьямъ, оба они смертельно боялись своего отца и, когда онъ хоть сколько-нибудь сердито смотрѣлъ на нихъ, они блѣднѣли и дрожали. Опасаясь за себя, они искали покровительства у лицъ, приближенныхъ къ императору, вмѣсто того, чтобы имъ самимъ, по ихъ высокому положенію, пользоваться значеніемъ у государя. Вслѣдствіе этого они мало внушали къ себѣ сочувствія и не пріобрѣтали никакой популярности даже и въ войскѣ. Князья Чарторижскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ; изъ нихъ Константинъ поступилъ на эту должность къ своему тезкѣ. Назначеніе это возбудило, однако, множество толковъ, кончившихся тѣмъ, что оба Чарторижскіе испросили себѣ увольненіе отъ своихъ должностей...

Съ воцареніемъ Павла участь обоихъ великихъ князей сдѣлалась одинакова: для него Александръ не былъ „единственнымъ", какимъ

онъ былъ въ глазахъ баловавшей его бабушки, и, даже напротивъ, по словамъ Ростопчина, императоръ отдавалъ предпочтеніе Константину, что́, какъ мы увидимъ, подтверждаетъ и другой современникъ, графъ Е. Θ. Комаровскій. Въ свою очередь, какъ замѣчаетъ Ростопчинъ, и Константинъ восторгался своимъ отцомъ. Теперь оба брата, будучи командирами гвардейскихъ полковъ, почти-что ежедневно, за малѣйшія ошибки командуемыхъ ими войскъ, сдѣланныя на парадахъ и ученьяхъ, выслушивали выговоры, внушенія и замѣчанія, вслѣдствіе чего они, съ своей стороны, подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ и сажали офицеровъ подъ арестъ. Вскорѣ Александръ Павловичъ былъ назначенъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ Павловичъ высказалъ желаніе быть инспекторомъ всей кавалеріи. Званіе это не было, однако, предоставлено ему тотчасъ и онъ, для полученія этой обязанности, долженъ былъ заняться подготовкой, для чего подъ начальство его было отдано пять эскадроновъ Конногвардейскаго полка, удаленныхъ изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ онъ и обучалъ ихъ гарнизонной службѣ.

Послѣ увольненія отъ должности адъютанта князя Константина Чарторижскаго, къ Константану Павловичу былъ назначенъ на его мѣсто офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Евграфъ Θедотовичъ Комаровскій (въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ), оставившій послѣ себя „Записки“, въ которыхъ встрѣчаются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о Константинѣ Павловичѣ. Кромѣ Комаровскаго, императоръ Павелъ Петровичъ приставилъ къ великому князю, подъ видомъ адъютанта, дядьку — пожилаго офицера Измайловскаго полка, Сафонова, обязанность котораго была: доносить государю о всѣхъ дѣйствіяхъ Константина Павловича и ничего не скрывать. Переговоривъ предварительно съ глазу-на-глазъ съ Сафоновымъ, Павелъ Петровичъ привелъ его къ своему сыну и сказалъ ему:

— Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю. Онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ видѣть въ немъ довѣренную мою особу.

Послѣ того императоръ съ веселымъ видомъ пошелъ къ императрицѣ Маріи Θедоровнѣ и, представивъ ей Сафонова, котораго держалъ за руку, сказалъ ей:

— Я нашелъ такого человѣка, какого я искалъ для Константина.

Рекомендуя своего новаго адъютанта Комаровскому, великій князь съ притворно-веселымъ лицомъ сказалъ ему: „прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу. Онъ—хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но для меня гораздо болѣе этого званія“. Вскорѣ, однако, по словамъ Комаровскаго, великій князь взялъ надъ своимъ подда-

тливымъ приставникомъ такой верхъ, что Сафоновъ сдѣлался его льстецомъ и ни разу не донесъ на него императору.

Когда императоръ Павелъ Петровичъ поѣхалъ, послѣ своей коронаціи, изъ Москвы по Россіи, то онъ взялъ съ собою Константина Павловича и по возвращеніи изъ этого путешествія назначилъ его начальникомъ 1-го кадетскаго корпуса. Великій князь съ чрезвычайнымъ усердіемъ принялся за свои новыя обязанности и каждый день, утромъ въ 5 часовъ, являлся въ корпусъ, гдѣ въ это время нѣсколько сотъ дѣтей вставало и одѣвалось по барабану. Главнымъ, впрочемъ, занятіемъ Константина Павловича въ царствованіе его отца была фронтовая, а отчасти и гарнизонная служба. Ежедневно онъ и старшій его братъ обязаны были являться на вахтъ-парады и ученья. Такія занятія для великаго князя, любившаго, какъ мы уже видѣли изъ отчетовъ Лагарпа, военное дѣло, не были нисколько отяготительны. Онъ съ жаромъ предавался имъ и, по выраженію Комаровскаго, „радость великаго князя бывала чрезмѣрная“, когда императоръ оставался доволенъ его командою, и онъ приходилъ въ отчаяніе, когда навлекалъ на себя гнѣвъ родителя.

Въ 1798 году, онъ былъ назначенъ, во время пребыванія государя въ Петергофѣ, тамошнимъ генералъ-губернаторомъ. Главная обязанность великаго князя по этой временной должности состояла въ томъ, чтобъ находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ ежедневно императору. Однажды Павелъ Петровичъ, до принятія имъ такого рапорта, распростился съ Константиномъ Павловичемъ, который, полагая поэтому, что государь отпустилъ его окончательно, сѣлъ въ кабріолетъ и поѣхалъ кататься по Петергофу. Между тѣмъ, когда явился караульный офицеръ, императоръ не захотѣлъ принимать отъ него рапортъ, требуя, чтобы при этомъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ. Кинулись искать великаго князя повсюду, но нигдѣ не могли найти его. Государь былъ внѣ себя отъ гнѣва и только послѣ долгаго упорства принялъ представляемый ему рапортъ. Узнавъ объ этомъ, но уже поздно, Константинъ былъ чрезвычайно встревоженъ и сказалъ явившемуся къ нему на другой день утромъ адъютанту Комаровскому: „я цѣлую ночь почти не спалъ“. Онъ рѣшился написать письмо къ государю, но письмо было возвращено нераспечатаннымъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ къ великому князю полковникъ Обрѣзковъ и сказалъ ему: „Государь знаетъ, что ваше высочество сегодня не здоровы, а потому и изволилъ приказать мнѣ подать ему вашъ рапортъ“. Константинъ понялъ, что находился въ страшной опалѣ, и эта мысль, по словамъ Комаровскаго, „довершила его отчаяніе“. Затруднительное положеніе его еще болѣе усилилось,

когда онъ получилъ отъ императора приглашеніе прогуляться съ его величествомъ въ колясочкѣ, что́ было, конечно, насмѣшкою надъ вчерашнею его неисправностью. Комаровскій разсказываетъ, что Константинъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и потомъ, бросившись къ нему на шею, вскрикнулъ: „мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, исполни ее: пойди сейчасъ къ Кутайсову, скажи ему, въ какомъ я отчаяніи, и чтобъ онъ испросилъ у государя одной милости— выслушать меня". Кутайсовъ, узнавъ отъ Комаровскаго, въ чемъ дѣло, обѣщался исполнить просьбу великаго князя. Когда же Комаровскій, погодя немного, пошелъ къ Кутайсову за отвѣтомъ, то встрѣтилъ на дорогѣ императора, который, разговорившись съ адъютантомъ своего сына, сказалъ ему между прочимъ: „я расчитывалъ на привязанность одного только Константина, но сдѣланный имъ наканунѣ поступокъ заставилъ меня думать, что и онъ предался противной партіи". Наконецъ, выслушавъ объясненіе Комаровскаго, онъ простилъ великаго князя и позволилъ ему подать рапортъ при разводѣ.

Сдѣлавшись самъ усерднымъ служакою, Константинъ Павловичъ былъ крайне требователенъ къ своимъ подчиненнымъ во всемъ, что́ относилось къ исполненію службы, строевому обученію и къ формѣ въ одеждѣ. О томъ—какими понятіями о значеніи военной службы руководствовался онъ около этой поры, можно лучше всего заключить изъ собственноручныхъ его замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ Лагарпа, относящихся къ 1794 году и напечатанныхъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества". Въ нихъ пятнадцатилѣтній „носитель шлема" высказывалъ: „офицеръ есть ничто иное какъ машина; все, что̀ командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость". Въ силу этого правила несовершеннолѣтній юноша вдавался въ самые крайніе выводы о необходимости поддержанія дисциплины, давая просторъ,—въ своихъ фантастическихъ замѣткахъ, самому неограниченному произволу начальниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Павловичъ полагалъ, что „фантазія начальника можетъ сдѣлать подчиненнаго своимъ слугою, который и можетъ быть употребляемъ на все".

При исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ иногда, примѣнялъ къ дѣлу свои теоретическія воззрѣнія, будучи чрезвычайно строгъ и вспыльчивъ въ обращеніи со всѣми. На ученіяхъ онъ поворачивалъ каждаго рекрута налѣво и направо, заставлялъ шагать его взадъ и впередъ, приподнималъ ему подбородокъ, подтягивалъ портупею и ремни у ранца, поправлялъ на головѣ его шляпу, давая по временамъ чувствительно понять неудовольствіе свое противъ неуклюжихъ или неповорот-

ливыхъ служивыхъ. То же самое, кромѣ развѣ послѣдней прибавки онъ дѣлалъ и съ офицерами, при чемъ переходилъ очень часто границы предоставленныхъ ему по „военному уставу“ правъ. Бывшій въ ту пору въ Петербургѣ по дѣламъ Малтійскаго ордена, іезуитъ аббатъ Жоржель писалъ о Константинѣ Павловичѣ, что онъ является противоположностію своему брату, что онъ не имѣетъ привлекательной и располагающей наружности, извѣстенъ въ публикѣ своимъ отвращеніемъ къ наукамъ, странностями, вспыльчивостію, и что военные его не любятъ. Допуская со своей стороны нарушенія „воинскаго устава“ въ пользу своей личной власти и въ то же время зная, что императоръ крайне не любилъ подобныхъ нарушеній, Константинъ Павловичъ побаивался попасть за это подъ военный судъ. Саблуковъ разсказываетъ, что эта боязнь великаго князя служила ему, Саблукову, щитомъ противъ вспыльчивости и горячности Константина. „Одно упоминаніе о военномъ судѣ было, по словамъ Саблукова, для великаго князя Медузиною головою, которое оцѣпеняло ужасомъ его императорское высочество“. Въ послѣдствіи, однако, когда, въ 1829 году, Саблуковъ встрѣтился съ нимъ въ Дрезденѣ, великій князь благородно признался, что былъ постоянно не правъ передъ нимъ. „Мнѣ очень пріятно,—пишетъ Саблуковъ,—засвидѣтельствовать, что великій князь Константинъ Павловичъ,—хотя и подвергавшійся строгому осужденію, не былъ, однако, какъ представляютъ его многіе, лишенъ добродѣтели, и прежде всего смиренія и доброжелательства“.

Жизнь Константина Павловича въ царствованіе его родителя проходила хотя и весьма хлопотливо и весьма дѣятельно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно однообразно. Во время пребыванія императора въ Петербургѣ, онъ каждый день раннимъ утромъ долженъ былъ являться на вахтъ-парады, послѣ того онъ ѣздилъ по ввѣреннымъ ему частямъ гвардіи на ученія, на смотры, готовился къ парадамъ, отбывалъ ихъ, а лѣтомъ и осенью велъ лагерную и бивуачную жизнь на продолжительныхъ маневрахъ, происходившихъ преимущественно въ окрестностяхъ Гатчины. Довольствуясь, повидимому, фронтовыми занятіями и военными экзерциціями, онъ тѣмъ не менѣе,—какъ сообщалъ объ этомъ еще и прежде герцогинѣ Саксенъ-Кобургской,—очень желалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и случай этотъ ему представился, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, были отправлены въ Италію для завоеванія ея у овладѣвшихъ ею французовъ.

Императоръ Павелъ посылалъ Константина въ Италію какъ для того, чтобы придать болѣе важности этой кампаніи, такъ и для того, чтобы удовлетворить его желаніе. Что Константинъ Павловичъ желалъ

участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, это можно заключить и изъ письма императора Павла, писаннаго къ нему, по французски, отъ 30-го декабря 1798 года.

„Мнѣ очень пріятно,—писалъ Павелъ,—имѣть сына съ такими чувствами, каковы ваши, мой любезный Константинъ. При этомъ скажу вамъ, мой дорогой другъ, что Голицынъ ведетъ только вспомогательный корпусъ, состоящій на жалованьи у Англіи, а корпусъ Розенберга состоитъ на жалованьи у Австріи. Я вовсе не желалъ бы, чтобъ русскій великій князь участвовалъ въ такомъ походѣ. Впрочемъ, быть можетъ, обстоятельства будутъ таковы, что для насъ представится случай отправиться въ походъ на нашъ собственный счетъ".

Теперь такой случай оказался и притомъ случай самый блестящій: армія Суворова шла въ Италію не наемницею, но спасительницею царей и императору Павлу представились теперь самыя благопріятныя обстоятельства для того, чтобы сдѣлать Константина участникомъ этого похода. Великому князю не было дано никакого опредѣленнаго назначенія, а дозволено только было находиться волонтеромъ при фельдмаршалѣ графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія Константина Павловича въ предстоящемъ ему пути, а также для попеченія о немъ въ бытность его при арміи, былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ екатерининскихъ генераловъ—генералъ-отъ-инфантеріи Дерфельденъ. Константинъ Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 11-го марта с. с. 1799 года. Ростопчинъ писалъ Воронцову, что Измайловскій полкъ плакалъ разставаясь съ своимъ шефомъ, который, однако, для полка былъ такимъ требовательнымъ и строгимъ начальникомъ. Свиту великаго князя, кромѣ Дерфельдена, составляли: генералъ-маіоръ Сафоновъ, находившійся при немъ въ родѣ дядьки, адъютанты его: полковникъ Комаровскій и Лангъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Озеровъ, и адъютантъ Дерфельдена — поручикъ Перскій, докторъ великаго князя Вельценъ, хирургъ Линдстремъ, два пажа: Храповицкій и князь Гагаринъ, и берейторъ Штраубе. Экономической частью завѣдывалъ Сафоновъ, письменною Комаровскій. Великій князь, Дерфельденъ, Сафоновъ и Комаровскій ѣхали въ одной каретѣ.

На другой день по отъѣздѣ Константина Павловича изъ Петербурга, выѣхала къ своимъ родителямъ въ Кобургъ супруга великаго князя, Анна Ѳедоровна. Ее сопровождали: шталмейстеръ Тутолминъ съ женою, каммергеръ Чичаговъ, статсъ-дама Ренне съ дочерью и фрейлина графиня Воронцова.

Мѣстомъ первой остановки великаго князя, ѣхавшаго подъ именемъ графа Романова, была Митава. Здѣсь жилъ тогда братъ погибшаго на эшафотѣ короля Людовика XVI, признаваемый европейскими держа-

вами, а въ числѣ ихъ и Россіею, королемъ французскимъ подъ именемъ Людовика XVIII. Король съ чрезвычайнымъ вниманіемъ встрѣтилъ представившагося ему Константина Павловича, взялъ его за руку и, введя въ гостиннную, указалъ на портретъ Павла-Петровича, сказавъ: „c'est mon bienfaiteur“. Великій князь обѣдалъ у короля и, отправившись послѣ того изъ Митавы, ѣхалъ довольно медленно, по причинѣ весенней распутицы.

На австрійской границѣ его встрѣтилъ и привѣтствовалъ отъ имени римско-нѣмецкаго императора молодой князь Эстергази, а во время проѣзда великаго князя, оставившаго вскорѣ прежнее инкогнито, по австрійскимъ владѣніямъ, ему отдавались всевозможныя воинскія почести. На послѣднюю станцію передъ Вѣною выѣхалъ ему на встрѣчу его дядя, герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, состоявшій въ службѣ нѣмецкаго императора и бывшій въ то время губернаторомъ Вѣны. Въ столицѣ императора встрѣтили великаго князя съ большимъ почетомъ, а когда онъ появился въ ложѣ въ оперномъ театрѣ, то раздались общія громкія и продолжительныя рукоплесканія. Великому князю было приготовлено помѣщеніе въ Бургѣ, императорскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и остановился. Обѣдалъ постоянно съ императоромъ, а свита его за гофмаршальскимъ столомъ. Бывшій тогда въ Вѣнѣ русскимъ посланникомъ, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій давалъ въ честь великаго князя роскошные завтраки и обѣды и устраивалъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Пратерѣ блестящіе балы. Императоръ, по случаю войны, не давалъ празднествъ, но въ замѣнъ ихъ угощалъ своего гостя парадами и смотрами. Императоръ далъ ему чинъ генералъ-фельдцейхмейстера и назначилъ его шефомъ гусарскаго полка. Великій князь зажился въ Вѣнѣ, а между тѣмъ туда доходили безпрестанно вѣсти объ успѣхахъ Суворова въ верхней Италіи. Главный приставникъ Константина Павловича, генералъ Дерфельденъ, поторапливалъ великаго князя, говоря, что онъ, Дерфельденъ, знаетъ хорошо Суворова, который такъ скоро порѣшитъ дѣло, что они, пожалуй, ничего не застанутъ. Во время пребыванія великаго князя въ столицѣ Австріи, императоромъ Францемъ былъ утвержденъ договоръ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, который и былъ при этомъ назначенъ главнокомандующимъ цесарскою арміею, дѣйствовавшею на Рейнѣ.

Въ виду этого назначенія, императоръ предложилъ Константину Павловичу, не пожелаетъ-ли онъ отмѣнить поѣздку въ Италію и ѣхать на Рейнъ, чтобъ участвовать тамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ командою своего будущаго зятя. Великій князь не рѣшился принять предложеніе императора, ссылаясь на то, что онъ не можетъ сдѣлать это

безъ соизволенія своего родителя. Оказалось, что великій князь поступилъ въ этомъ случаѣ весьма осмотрительно, такъ какъ, когда обо всемъ этомъ узналъ Павелъ, то онъ, благодаря черезъ графа Разумовскаго императора за предложеніе, сдѣланное Константину Павловичу, прибавилъ: „но какъ я поручилъ его попеченіямъ генерала Дерфельдена, которому назначено принять начальство надъ корпусомъ Розенберга, а въ случаѣ нужды, заступить даже мѣсто фельдмаршала графа Суворова, то я предпочитаю, чтобъ великій князь Константинъ Павловичъ продолжалъ путь по прежнему своему назначенію въ Италію, откуда, въ послѣдствіи, судя по обстоятельствамъ, онъ можетъ отправиться и къ рейнской арміи".

Великій князь пробылъ въ Вѣнѣ съ 15-го по 19-е апрѣля н. с. и, уѣзжая оттуда, роздалъ много дорогихъ подарковъ австрійскимъ вельможамъ, по росписанію, составленному заранѣе въ Петербургѣ канцлеромъ княземъ Безбородко. Князю Эстергази приказано было императоромъ сопровождать Константина Павловича до главной квартиры союзной арміи. 24-го апрѣля великій князь прибылъ въ Верону. Генералъ Край, начальствовавшій австрійскими войсками на Минчіо, пригласилъ его на открытіе траншей противъ крѣпости Пескіеры, но Константину Павловичу не привелось быть свидѣтелемъ или участникомъ осады этой крѣпости, такъ какъ на другой день Пескіера сдалась безъ боя и онъ торжественно въѣхалъ въ Пескіеру съ австрійскими войсками, вступившими въ эту крѣпость. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ нея, направляясь чрезъ Бресшію, Кремону и Лоди. Всюду на пути великаго князя собирались жители и привѣтствовали его радостными восклицаніями. 26-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Вочеру, спустя только часъ по прибытіи туда Суворова, которому онъ и представился немедленно. На другой день фельдмаршалъ явился къ своему высокому волонтеру и представилъ ему строевой рапортъ о состояніи русскихъ и австрійскихъ войскъ. Отобѣдавъ у Суворова, Константинъ Павловичъ отправился въ русскій лагерь, расположенный у рѣки Дорно, и здѣсь остался въ главной квартирѣ генерала Розенберга.

Съ этого времени начинается боевое поприще будущаго цесаревича.

VII.

Участники побѣдъ Суворова въ Италіи и его похода въ Швейцарію справедливо покрыты въ военной нашей исторіи заслуженною ими славою — всѣ, начиная отъ главнаго полководца до послѣдняго солдата. Къ числу такихъ участниковъ, или—говоря нѣсколько торжественнѣе—сподвижниковъ Суворова, принадлежалъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Въ историческихъ нашихъ сочиненіяхъ, личность его замѣтно выдвигается впередъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ участниковъ суворовской кампаніи находились лица, не только равнявшіяся своими подвигами съ Константиномъ Павловичемъ, но, можетъ быть, и превосходившія его; но исключительное или, вѣрнѣе сказать, привиллегированное положеніе великаго князя, конечно, заставляло обращать на него особенное вниманіе и упоминать о немъ даже въ такихъ случаяхъ, которые въ отношеніи другихъ соратниковъ знаменитаго нашего полководца прошли бы совершенно безслѣдно. По всему этому въ душу историка могло-бы закрасться какое-то невольное сомнѣніе при чтеніи засвидѣтельствованій о подвигахъ такого волонтера, который былъ окруженъ блестящею свитою, которому воздавались почти царскія почести и которому, какъ „сыну природнаго своего Государя“, верховный вождь союзныхъ армій, Суворовъ, съ благоговѣйною почтительностью представлялъ рапорты. Но все это не даетъ безпристрастному историку права сомнѣваться безусловно въ похвальныхъ отзывахъ о храбрости и мужествѣ великаго князя Константина Павловича. Если исключительное его положеніе доставляло ему, сравнительно съ боевыми сотоварищами, съ бо̀льшею легкостью похвалы военнымъ его доблестямъ, то, съ другой стороны, то же самое положеніе и умѣряло пылкость двадцатилѣтняго юноши, готоваго кинуться, неосмотрительно, въ отчаянный бой. Суворовъ дѣйствительно берегъ великаго князя. Онъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: „опасности, которымъ ваше высочество можете быть подвержены, заставляютъ меня думать, что я не переживу васъ, если съ вами случится какое-нибудь несчастіе“. Суворовъ высказывалъ, между прочимъ, опасеніе, что если великій князь будетъ взятъ въ плѣнъ, то Россія, для избавленія его, должна будетъ подписать тяжелый для нея миръ съ Франціею. Понятно, что такія высокія особы, хотя бы и являющіяся въ качествѣ волонтеровъ, своимъ присутствіемъ въ арміи стѣсняютъ какъ полководца, распоряжающагося общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій

такъ и начальниковъ тѣхъ отдѣльныхъ частей, къ которымъ примкнутъ эти особы, и не подлежитъ сомнѣнію, что великій князь Константинъ Павловичъ — говоря по-просту — составлялъ для Суворова не малое затрудненіе. Онъ съ горячностью молодаго воина рвался въ самый пылъ битвы, а это, конечно, составляетъ одинъ изъ признаковъ безотчетной храбрости, свойственной тому возрасту, въ которомъ тогда находился великій князь. Но Суворову такіе именно отважные порывы царственнаго волонтера и приходились не по вкусу: великій князь могъ и самъ очутиться въ опасномъ положеніи, и увлечь съ собою другихъ на вѣрную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безполезную погибель.

Главными описателями подвиговъ великаго князя въ италіано-швейцарской кампаніи являются: во-первыхъ, Суворовъ въ своихъ реляціяхъ и въ приказахъ по арміи и, во-вторыхъ, Комаровскій, адъютантъ и неразлучный спутникъ Константина Павловича въ этомъ походѣ. Комаровскій въ 1811 году напечаталъ, безъ подписи своего имени, въ издававшемся тогда „Военномъ Журналѣ“ описаніе похода русскихъ въ Италію и разумѣется, что въ этомъ описаніи первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Константинъ Павловичъ. Конечно, суровая историческая критика можетъ отнестись недовѣрчиво къ этимъ главнымъ источникамъ, но едва ли позволительно сдѣлать это не только при отсутствіи какихъ-либо противъ нихъ опроверженій, и особенно въ виду тѣхъ отзывовъ о личной храбрости Константина Павловича, которые въ послѣдствіи долго, хотя и не безъ нѣкоторыхъ противорѣчій — напримѣръ, со стороны партизана Давыдова—слышались среди его сотоварищей по оружію.

Мы приведемъ тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились объ участіи великаго князя въ италіанской кампаніи, совершенной имъ подъ начальствомъ и вблизи Суворова. Въ разсказахъ объ этомъ нѣтъ ничего чудеснаго и невѣроятнаго, и великій князь представляется только храбрымъ и, порою, запальчивымъ офицеромъ-юношей, а въ такихъ его качествахъ, конечно, никто и никогда не могъ сомнѣваться.

Боевая служба великаго князя началась 16-го (27-го) апрѣля поѣздкою къ городку Валенца, около котораго стояли французы, и безстрашіе Константина Павловича въ этомъ случаѣ выразилось въ томъ, что онъ приблизился къ непріятельской линіи на ружейный выстрѣлъ, такъ что кругомъ его летали пули. 19-го (30-го) апрѣля въ окрестностяхъ Валенцы, при Бассиньяно, онъ, во главѣ двухъ ротъ, бросился въ атаку противъ деревеньки Пиччето, занятой непріятелемъ, и подъ сильнымъ огнемъ указалъ мѣсто, гдѣ по-

ставить орудіе. Позиція эта, по словамъ Комаровскаго, была выбрана такъ удачно, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ французская артиллерія замолчала. Не смотря на нѣкоторыя счастливыя частности, общій исходъ сраженія при Бассиньяно былъ, однако, для насъ неудаченъ. Во время этого сраженія царственный волонтеръ рвался въ бой и генералъ Розенбергъ, оправдываясь передъ Суворовымъ въ своей неудачѣ, ссылался на то, что онъ рѣшился вступить въ дѣло только по просьбѣ и по желанію великаго князя. Профессоръ, нынѣ военный министръ, Д. А. Милютинъ, въ „Исторіи войны 1799 года", удивляется такой неумѣстной ссылкѣ заслуженнаго и стараго генерала и не упоминаетъ о дѣйствительномъ виновникѣ неудачи русскихъ при Бассиньяно—о Константинѣ Павловичѣ. Это, конечно, произошло не отъ пристрастія автора, но отъ того, что генералъ Милютинъ не могъ имѣть въ виду неизданныхъ еще, во время составленія его исторіи, „Записокъ" графа Комаровскаго, напечатанныхъ только въ 1867 году, такъ что въ этомъ случаѣ почтенный историкъ руководствовался не всѣми свѣдѣніями. А между тѣмъ графъ Комаровскій сообщаетъ, что Константинъ Павловичъ былъ дѣйствительно виноватъ въ нашей неудачѣ при Бассиньяно, вздумавъ распорядиться слишкомъ энергически и насказавъ горячихъ словъ и рѣзкостей своему командиру, генералу Розенбергу. Когда Розенбергъ не рѣшался вступить въ бой, великій князь, укоряя его въ трусости, сказалъ ему, между прочимъ:

— Вы привыкли служить въ Крыму, тамъ были покойны и непріятеля въ глаза не видѣли...

Понятно, что послѣ такой странной выходки Константина Павловича, съ которымъ не приходилось тягаться хотя бы и заслуженному и храброму генералу, этому послѣднему не оставалось ничего болѣе, какъ только, вступивъ въ бой, доказать несправедливость мнѣнія, высказаннаго на счетъ его августѣйшимъ волонтеромъ.

Въ сраженіи при Бассиньяно Константинъ Павловичъ подвергся большой опасности. Когда началось отступленіе русскихъ войскъ и когда они, среди общей суматохи, столпились у переправы, лошадь великаго князя чего-то испугалась и со всѣхъ ногъ бросилась въ рѣку. Бывшій около него казакъ Пантелѣевъ остановилъ и вывелъ ее на берегъ. Послѣ этого великій князь переправился черезъ рѣку на маленькой лодкѣ, провелъ ночь въ Мадонна-дель-Граціа и только на другой день утромъ присоединился къ своему отряду.

Фельдмаршалъ былъ встревоженъ этимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздосадованъ исходомъ сраженія при Бассиньяно. Узнавъ, что великій князь подвергался опасности въ этомъ сраженіи, онъ прика-

залъ окружавшимъ великаго князя не допускать его до подобнаго случая, грозилъ сковать ихъ и отослать на расправу къ императору Павлу. Онъ распорядился усилить число конвойныхъ великаго князя, вмѣнивъ имъ въ обязанность быть его тѣлохранителями. При свиданіи же съ нимъ, Суворовъ строго выговаривалъ ему и, какъ разсказываетъ Комаровскій, хотѣлъ-было отдать приказъ по арміи, въ которомъ вся неудача сраженія при Бассиньяно была бы отнесена къ „запальчивости и неопытности юности". „Молодо-зелено, и не въ свое дѣло прошу не вмѣшиваться", повторялъ Суворовъ, когда заходила рѣчь о сраженіи при Бассиньяно въ присутствіи Константина Павловича, не относя прямо къ нему этого поученія.

Мы видѣли, что Саблуковъ сдерживалъ нѣкоторыя выходки Константина Павловича страхомъ военнаго суда. Онъ блѣднѣлъ при одномъ строгомъ словѣ своего отца, а императрица Екатерина замѣтила однажды, что у него отъ страху сдѣлалась лихорадка, и теперь, когда Суворовъ заговорилъ съ нимъ неблагосклоннымъ тономъ, великій князь началъ оказывать ему особенное уваженіе. Великій князь почтительно просилъ у фельдмаршала позволенія присутствовать въ его кабинетѣ во время доклада бумагъ. Суворовъ согласился на это съ условіемъ, чтобы не мѣшать другъ другу и держать себя каждому изъ нихъ такъ, какъ будто одинъ не видитъ другаго. Допущенный подъ этимъ условіемъ въ кабинетъ главнокомандующаго, Константинъ Павловичъ въ точности исполнялъ уговоръ. Войдя къ фельдмаршалу во время его занятій, онъ не кланялся ему, пробирался на цыпочкахъ въ уголокъ, тамъ сидѣлъ смирно, и молча слушалъ доклады и резолюціи Суворова, который и съ своей стороны дѣлалъ видъ будто вовсе не замѣчаетъ его.

Когда 15-го (26-го) мая союзныя войска вступили въ Туринъ, столицу сардинскаго короля, очищенную отъ французовъ, Константинъ Павловичъ находился при австрійскомъ полку князя Лобковича. Для него въ этомъ городѣ приготовленъ былъ великолѣпный дворецъ Кариньяно, но онъ не пожелалъ остаться въ городѣ и отправился въ Орбассано къ расположенной тамъ русской дивизіи. Изъ Турина союзныя войска двинулись на Алессандрію; во время этого движенія, Константинъ Павловичъ находился постоянно при авангардѣ князя Багратіона и, не смотря на проливной дождь, шелъ почти всю дорогу пѣшкомъ, а на привалахъ отдыхалъ вмѣстѣ съ солдатами на мокрой травѣ. Немедленно по прибытіи, 1-го іюня н. с., въ Алессандрію, онъ посѣтилъ Суворова, который пріѣхалъ туда наканунѣ.

Между тѣмъ генералъ Макдональдъ наступалъ на союзниковъ. Противъ него вышелъ изъ Алессандріи Суворовъ, при которомъ дол-

женъ былъ находиться князь Багратіонъ. Вслѣдствіе этого, начальство надъ войсками авангарда принялъ, вмѣсто Багратіона, Константинъ Павловичъ, которому Суворовъ приказалъ вести авангардъ какъ можно поспѣшнѣе, а вслѣдъ за нимъ идти безостановочно и всей арміи, чтобы поспѣть на помощь войскамъ, тѣснимымъ французами на рѣкѣ Тидоне. Такое порученіе было съ руки запальчивому и кипучему Константину Павловичу и онъ отлично исполнилъ его, приведя колонну на позицію съ необыкновенною быстротою. По поводу этого Суворовъ въ донесеніи своемъ къ императору Павлу писалъ слѣдующее:

— „Благовѣрный государь великій князь Константинъ Павловичъ, изъ усердія къ пользѣ общаго блага, быстро привелъ съ неутомимостію передовыя вашего императорскаго величества войска, внушая имъ храбрость и расторопность, командировалъ оныя къ подкрѣпленію слабой части и тѣмъ способствовалъ побѣдѣ“.

Французы были отброшены за Тидоне и отступили къ Треббіи. Это произошло 6-го іюня н. с. 1799 года.

На другой день, въ 10 часовъ прекраснѣйшаго италіанскаго утра, русскія войска двинулись къ Треббіи. Константинъ Павловичъ вмѣстѣ съ Суворовымъ находился при правой колоннѣ. Войска перешли вбродъ Тидоне и тогда, при палящемъ знoѣ, завязалось упорное сраженіе, по окончаніи котораго великій князь, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, ночевалъ въ сельскомъ домикѣ, верстахъ въ двухъ отъ поля битвы. На другой день сраженіе возобновилось и союзныя войска заняли снова лѣвый берегъ Тидоне. Великій князь и эту ночь провелъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ. Русскіе готовились къ новой схваткѣ съ непріятелемъ, но въ ночь съ 8-го на 9-е іюня н. с. французы отступили отъ Треббіи, а 10-го іюня армія Суворова, окончательно оттѣснивъ непріятеля съ занятой имъ позиціи, расположилась на дневку при рѣкѣ Арданѣ.

Послѣ пораженія Макдональда при Треббіи, Суворовъ возвратился въ Алессандрію и, въ виду медленности австрійцевъ, долженъ былъ провести тамъ четыре недѣли, занимаясь маневрами. На одномъ изъ этихъ маневровъ, онъ приказалъ великому князю произвести примѣрный приступъ къ стѣнамъ городка. Во все это время Константинъ Павловичъ, находясь въ авангардѣ русскихъ войскъ, жилъ за городомъ, въ лагерѣ, гдѣ для него и для его свиты были разбиты офицерскія и солдатскія палатки. Онъ принималъ постоянное и живое участіе во всѣхъ учебныхъ занятіяхъ войска, присутствовалъ на смотрахъ, командуя частями, осматривалъ осадныя работы, которыя велись противъ Алессандрійской цитадели, и по поводу ихъ бесѣдовалъ

съ инженерами. Пользуясь настоящею, а не учебною только военною обстановкою, онъ внимательно вникалъ въ бытъ австрійскихъ и русскихъ солдатъ и требовалъ поддержанія строгой дисциплины.

Алессандрійская цитадель сдалась 11-го (22-го) іюля и тогда Суворовъ приступилъ къ осадѣ Тортоны. Между тѣмъ, въ планѣ исполняемой имъ кампаніи главное значеніе имѣла сильно укрѣпленная Мантуя, обложенная австрійскими войсками. Сдача этой крѣпости замедлилась вслѣдствіе вялыхъ дѣйствій австрійцевъ и русскій военачальникъ долженъ былъ измѣнить свои первоначальныя предположенія, такъ какъ онъ могъ начать дѣйствовать по своимъ соображеніямъ только послѣ паденія Мантуи, сдавшейся австрійцамъ 17-го іюля.

Что касается собственно Константина Павловича, то онъ 25-го іюля (5-го августа) и въ слѣдующіе за тѣмъ дни присутствовалъ при осадѣ Серравалле, а 1-го (12-го) августа, принявъ опять начальство надъ авангардомъ Багратіона, внимательно слѣдилъ за движеніемъ непріятеля. Поручивъ передовую цѣпь генералу Чубарову и полковнику Грекову, Константинъ Павловичъ безпрестанно посылалъ къ нимъ предписанія и снабжалъ ихъ наставленіями, самъ очень часто ѣздилъ въ цѣпь и почти не сходилъ съ коня въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. 2-го (13-го) августа показалась передъ русскимъ авангардомъ сильная непріятельская колонна, направлявшаяся къ городку Нови. Великому князю не пришлось, однако, остаться въ эту важную минуту во главѣ авангарда, такъ какъ къ авангарду прибылъ тогда настоящій его начальникъ, князь Багратіонъ, а Константинъ Павловичъ, оставшійся послѣ этого при авангардѣ безъ опредѣленнаго назначенія, отправился въ главную квартиру фельдмаршала, расположенную въ Поцолло-Формигаро.

4-го (15-го) августа произошла кровопролитная битва при Нови. Съ двухъ часовъ ночи, Константинъ Павловичъ,—какъ разсказываетъ Комаровскій,—былъ уже на конѣ, наблюдалъ за движеніями непріятеля, разставлялъ цѣпь застрѣльщиковъ и указывалъ мѣста для постановки орудій. Въ сраженіи при Нови великій князь подвергался большой опасности; объ этомъ можно заключить изъ того, что у нѣкоторыхъ лицъ изъ его свиты были ранены лошади. Употребивъ неимовѣрныя усилія, русскіе, наконецъ, ворвались въ Нови и послѣ упорнаго боя вытѣснили оттуда французовъ. Побѣда при Нови была одною изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Италіи Суворовымъ.

Когда, послѣ этой битвы, Суворовъ дѣлалъ императору представленіе о наградахъ, то въ списокъ отличившихся былъ внесенъ и

Константинъ Павловичъ, съ слѣдующимъ о немъ отзывомъ фельдмаршала: „обрѣтался при передовыхъ войскахъ и когда выступили они на баталію, въ боевомъ порядкѣ, то великій князь Константинъ Павловичъ изволилъ идти съ ними и во все время баталіи присутствовалъ, гдѣ, мужествомъ своимъ поощряя войска, приводилъ ихъ къ неустрашимости“. Съ своей стороны, Комаровскій, упоминая объ участіи великаго князя въ битвѣ при Нови, разсказываетъ, что, по вступленіи въ этотъ городъ Константина Павловича, „фельдмаршалъ учинилъ поздравленіе его высочеству съ одержанною побѣдою и съ справедливостію изъявлялъ величайшую похвалу мужеству и неутомимости, которыя его императорское высочество въ сей день явить изволилъ и коими наипаче войска ободряемы были“.

Битва при Нови почти оканчивала кампанію Суворова въ верхней Италіи, такъ какъ со времени ея начала, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, русскіе успѣли вытѣснить французовъ изъ всѣхъ владѣній Венеціанской республики, Ломбардіи и Піемонта. Въ то время, когда русское оружіе покрылось здѣсь такою славою, въ Швейцаріи русская и французская арміи стояли почти неподвижно одна передъ другою на тѣхъ мѣстахъ, которыя онѣ заняли по отступленіи Массены отъ Цюриха. Причиною этому было бездѣйствіе главнокомандующаго австрійскою арміею въ Швейцаріи, эрцгерцога Карла, а между тѣмъ непріятель, занявъ Симплонъ и С. Готаръ, угрожалъ тылу союзной арміи въ Италіи. Извѣстіе о такой опасности дошло до Суворова тотчасъ по взятіи Нови и онъ, прикрывъ по возможности свой тылъ, ожидалъ сдачи Тортонской цитадели, расположившись лагеремъ при Асти. Здѣсь онъ обучалъ свои войска военнымъ эволюціямъ, въ чемъ принималъ дѣятельное участіе и великій князь Константинъ Павловичъ.

17-го (28-го) августа былъ отслуженъ въ лагерѣ благодарственный молебенъ за побѣду при Нови, послѣ чего Суворовъ въ походной церкви раздавалъ награды, присланныя изъ Петербурга императоромъ Павломъ, по представленію фельдмаршала, за отличія, оказанныя въ битвѣ при Треббіи. Въ числѣ награжденныхъ былъ и Константинъ Павловичъ, которому императоръ пожаловалъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпанный бриллiантами. Такая награда считалась въ ту пору чрезвычайно важною, такъ какъ въ царствованіе Павла орденъ этотъ давался вмѣсто ордена св. Георгія за военныя заслуги. Кромѣ ордена, великому князю дано было 50,000 рублей.

Отношенія Россіи къ Австріи между тѣмъ запутывались все болѣе и болѣе; Павелъ Петровичъ былъ крайне недоволенъ образомъ дѣйствій вѣнскаго кабинета, и Суворовъ, во время своей стоянки ла-

геремъ при Асти, получилъ отъ государя повелѣніе выступить изъ Италіи и перейти въ Швейцарію, которую русскій императоръ намѣревался освободить отъ господства французовъ.

Наканунѣ выступленія русскихъ войскъ изъ Италіи, представились Константину Павловичу австрійскіе генералы, „изъявляя,—какъ передаетъ Комаровскій,—свое соболѣзнованіе о томъ, что лишаются счастья служить долѣе съ его высочествомъ и россійскими войсками, имѣвшими главное участіе въ пріобрѣтенной въ сію кампанію славѣ". Послѣ генераловъ явился къ Константину Павловичу офицеръ драгунскаго полка Карачая, для принесенія ему признательности всего полка, который во время сраженія при Нови состоялъ подъ начальствомъ великаго князя. „Такою честью полкъ навсегда будетъ гордиться,—заявлялъ офицеръ отъ имени своихъ сотоварищей,—и весь полкъ готовъ свидѣтельствовать о мужествѣ и храбрости, оказанныхъ его высочествомъ въ этомъ дѣлѣ".

VIII.

18-го (29-го) августа 1799 года, раннимъ утромъ, русскія войска двинулись изъ лагеря при Асти въ Швейцарію. Когда они подошли къ горнымъ ущельямъ, то Суворовъ узналъ, что для перевозки артиллеріи и вьюковъ не было еще заготовлено муловъ. Тогда Константинъ Павловичъ предложилъ, взамѣнъ муловъ, употребить казацкихъ лошадей, такъ какъ въ горахъ въ конныхъ казакахъ не было никакой надобности, да и кромѣ того спѣшенные казаки были бы тамъ полезнѣе конныхъ. Предложеніе это было принято Суворовымъ съ большимъ одобреніемъ, но такъ какъ въ скоромъ времени было поставлено для русской арміи 650 муловъ, то и не оказалось надобности воспользоваться имъ на дѣлѣ. Къ 10-му сентября н. с. все было готово и Суворовъ двинулся въ горы, направляясь къ С. Готару. Походъ этотъ былъ крайне труденъ, такъ какъ, кромѣ затрудненій, встрѣчаемыхъ по дорогѣ на каждомъ шагу, пришлось двигаться подъ проливнымъ дождемъ и при холодномъ рѣзкомъ вѣтрѣ.

Великій князь находился по прежнему при авангардѣ князя Багратіона и шелъ все время пѣшкомъ. Онъ теперь такъ же твердо переносилъ непогоду и холодъ, какъ переносилъ на равнинахъ Италіи палящій лѣтній зной. На крутизнахъ С. Готара русскіе были встрѣчены и два раза сбиты французами. При этихъ битвахъ присутствовалъ Константинъ Павловичъ, „одушевлявшій" войска. Не смотря на отчаянное сопротивленіе французовъ, русскіе взобрались на снѣжную

вершину С. Готара. Между тѣмъ, французы заняли тѣснину, ведшую чрезъ Урзернскій проходъ по Чортову мосту. Пришлось вступить здѣсь съ ними въ отчаянный бой и русскіе, одолѣвъ ихъ, спустились по скату горы въ долину и пришли къ деревнѣ Муттену, гдѣ и были окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ ихъ по своей численности. Суворовъ былъ поставленъ, повидимому, въ безъисходное положеніе; оно было такъ безнадежно, что генералъ Массена, узнавъ объ этомъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Цюриха. обѣщалъ находившимся тамъ въ плѣну русскимъ офицерамъ привезти къ нимъ черезъ нѣсколько дней и фельдмаршала Суворова и его неразлучнаго спутника, великаго князя Константина Павловича. Бѣдствія русскихъ увеличивались все болѣе и болѣе, провіанта у нихъ въ запасѣ не было и великій князь скупалъ у муттенскихъ жителей на свои собственныя деньги всѣ съѣстные припасы, какіе только можно было найти, какъ для того, чтобы прокормить солдатъ, такъ и для того, чтобы спасти мѣстное населеніе отъ мародерства проголодавшагося войска.

Въ виду такого бѣдственнаго положенія, Суворовъ собралъ военный совѣтъ. Въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на этомъ совѣтѣ, находился и великій князь, который,—по разсказу Комаровскаго,—принималъ въ происходившихъ здѣсь совѣщаніяхъ самое живое участіе. Въ то время, когда въ совѣтѣ обсуждался вопросъ: какъ слѣдуетъ поступить при настоящихъ условіяхъ?—Суворовъ, „придя въ какое-то восторженное состояніе", вскрикнулъ, обратившись къ присутствующимъ: „Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!" и съ этими словами онъ бросился къ ногамъ великаго князя, и со слезами обнималъ ихъ. Константинъ Павловичъ въ сильномъ смущеніи поспѣшилъ поднять съ полу старика-фельдмаршала, и, въ свою очередь, обнималъ, цѣловалъ его и, громко рыдая, не могъ произнести ни одного слова.

Когда прошло сильное волненіе, въ какомъ находился великій князь, то онъ, съ своей стороны, самымъ убѣдительнымъ образомъ сталъ опровергать предложенное австрійскими штабными чинами, бывшими также на совѣтѣ,—движеніе арміи къ Швицу. „Если бы намъ и удалось выполнить это движеніе,—говорилъ великій князь,—если бы даже и дѣйствительно мы вышли въ тылу у непріятельской арміи, то какія будутъ отъ того выгоды? Мы еще болѣе отдалимся отъ главной нашей цѣли, то есть, отъ соединенія со всѣми частями союзныхъ силъ. Напротивъ того, если мы пойдемъ къ Гларису и пробьемся чрезъ непріятельскія войска, преграждающія намъ дорогу къ Линте, то мы немедленно соединимся съ Линкеномъ, получимъ чрезъ него нѣкото-

рыя средства продовольствія и, умноживъ силы свои, можемъ легче предпринять всякое дальнѣйшее движеніе для соединенія съ прочими частями".

Суворовъ одобрилъ этотъ планъ, и всѣ члены совѣта приняли предложеніе великаго князя—идти къ Гларису.

19-го (30-го) сентября русскіе выступили изъ Муттена. Имъ предстоялъ страшный переходъ для того, чтобъ, взобравшись на горныя вершины, спуститься снова въ равнину. Перевалъ этотъ былъ совершенъ удачно. Выйдя на равнину, русское войско начало строиться въ боевой порядокъ. Въ это время нѣкоторые изъ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба приблизились къ великому князю и сочли нужнымъ предупредить его о томъ, что союзныя войска могутъ быть поставлены маневромъ непріятеля въ самое опасное положеніе, почему и предлагали ему отъѣхать назадъ за боевую линію. Великій князь съ сильнымъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, сказавъ, что присутствіе его въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть въ особенности полезно. Затѣмъ, выѣхавъ передъ боевую линію, онъ сказалъ войску: „мы со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ, но вспомните, что завтра день радостный для цѣлой Россіи—день рожденія нашего государя и моего родителя. Мы должны прославить этотъ день побѣдою или умереть со славою". Приведя эту рѣчь, Комаровскій добавляетъ, что русскій отрядъ, воодушевленный ею, смѣло двинулся впередъ. Вскорѣ завязался упорный бой, въ которомъ былъ смертельно раненъ одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, полковникъ Лангъ. Битва кончилась къ вечеру; русскіе подались впередъ и фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, ночевалъ въ овечьемъ хлѣву.

Послѣ труднаго похода по крутизнамъ, покрытымъ гололедицею, армія Суворова съ значительною потерею людей выбралась наконецъ изъ горныхъ тѣснинъ и, достигнувъ Иланца, могла уже считать себя въ безопасности.

Объ участіи Константина Павловича въ этомъ трудномъ походѣ, продолжавшемся шестнадцать дней, Суворовъ доносилъ императору слѣдующее:

— „Его высочество всю нынѣшнюю многотрудную кампанію и нынѣ на вершинахъ страшныхъ швейцарскихъ горъ—гдѣ проходилъ мужественно всѣ опасности, поощряя войско своимъ примѣромъ къ преодолѣванію трудностей и неустрашимой храбрости—изволилъ преподавать полезные и спасительные совѣты. Всегдашнее присутствіе его высочества передъ войсками и на гибельныхъ стремнинахъ горъ оживляетъ ихъ духъ и бодрость. Исторія увѣковѣчитъ его похвальные подвиги, которыхъ я имѣлъ счастье быть очевидцемъ".

По полученіи такого отзыва отъ фельдмаршала о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, императоръ, 28-го октября 1799 года, подписалъ въ Гатчинѣ слѣдующій манифестъ:

— „Видя съ сердечнымъ наслажденіемъ, яко государь и отецъ, отличные подвиги храбрости и примѣрное мужество, которые во все продолженіе нынѣшней кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣры оказывалъ любезнѣйшій сынъ нашъ его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ, во мзду и вящшее отличіе жалуемъ ему титулъ Цесаревича".

Давая безъ всякихъ поясненій этотъ титулъ второму своему сыну, императоръ Павелъ Петровичъ какъ бы отмѣнялъ изданное имъ и прочитанное имъ при коронаціи, 5-го апрѣля 1797 года, „Учрежденіе императорской фамиліи", въ силу котораго титулъ цесаревича долженъ былъ быть всегда соединенъ съ тою особою, которая „дѣйствительно въ то время наслѣдникомъ престола назначена". Давъ Константину Павловичу титулъ цесаревича, государь въ тотъ же день собственноручно написалъ ему: „Герой, пріѣзжай назадъ. Вкуси съ нами плоды дѣлъ твоихъ".

Иностранные государи, въ пользу которыхъ бились русскіе, почтили подвиги великаго князя. Король сардинскій прислалъ ему орденъ Анунціады съ цѣпью, а императоръ римско-нѣмецкій—военный орденъ Маріи-Терезіи съ лентою.

Въ полной справедливости похвальныхъ отзывовъ Суворова о Константинѣ Павловичѣ, во время бытности его въ походахъ, невозможно сомнѣваться, въ особенности если принять въ соображеніе, что Ростопчинъ, который прежде такъ неблагосклонно отзывался о великомъ князѣ, по поводу полученія имъ ордена Маріи-Терезіи писалъ, 25-го іюля 1799 года, къ графу Воронцову, что Константинъ заслужилъ этотъ орденъ. „Нужно вамъ сказать,—добавляетъ Ростопчинъ,—что великій князь, противъ моего ожиданія, ведетъ себя какъ ангелъ; онъ преисполненъ храбрости и думаетъ только о томъ, чтобъ дѣлать добро".

Державинъ въ длиннѣйшей одѣ, подъ заглавіемъ „На переходъ Альпійскихъ горъ", воспѣлъ подвиги мужественнаго цесаревича въ слѣдующей строфѣ:

Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ,
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Вослѣдъ младой птенецъ орлинъ.
Кто витязь сей багрянородный,
Сонменитый и подобный
Владыкѣ византійскихъ странъ?

Еще Россъ выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константинъ воинскій санъ.

Другой, неизвѣстный піита, въ которомъ, какъ кажется, надобно предполагать графа Хвостова, воспѣлъ также подвиги Константина Павловича подъ заглавіемъ „Путешествіе его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича".

Въ своихъ стихахъ онъ заявлялъ, что съ прибытіемъ великаго князя къ арміи:

Звучняе пушки загремѣли.
Ярчае пули зашумѣли,
Летитъ за шаромъ шаръ, огню вослѣдъ огонь,
Напорнѣй рветъ пѣшецъ, борзяе топчетъ конь.
Частитъ разы копье, и глубже въ Галлахъ тонетъ, и т. д.

Сильно раздраженный политикою вѣнскаго кабинета, императоръ расторгъ союзъ съ Австріею и повелѣлъ арміи Суворова возвратиться въ Россію черезъ Германію, минуя австрійскія владѣнія. Суворовъ далъ своимъ войскамъ необходимый отдыхъ, послѣ чего русскіе и австрійцы разошлись въ разныя стороны. Великій князь принялъ подъ свое начальство кирасирскій ея величества полкъ и, какъ инспекторъ всей кавалеріи, осматривалъ другіе полки, входившіе въ составъ арміи Суворова. По пріѣздѣ его въ Аугсбургъ, сюда неожиданно явился къ нему, встрѣчавшій его на границахъ Австріи и нѣкоторое время сопутствовавшій ему тамъ, князь Эстергази. Онъ имѣлъ отъ вѣнскаго двора секретное порученіе—склонить Константина Павловича къ тому, чтобы онъ сдѣлался посредникомъ между двумя императорами, Францемъ и Павломъ, такъ какъ, по объясненію Эстергази, всѣ бывшія между этими государями недоумѣнія происходили собственно оттого, что министры ихъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ союзныхъ державъ. Великій князь на предложеніе, сдѣланное ему Эстергази, отвѣчалъ, что онъ находится въ арміи не болѣе какъ въ званіи волонтера; что дипломатическія отношенія между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами ему вовсе не извѣстны; что онъ не можетъ войти въ какое либо посредничество безъ воли своего родителя и что онъ теперь, видя въ князѣ Эстергази дипломатическое лицо, долженъ, къ сожалѣнію, измѣнить образъ прежняго съ нимъ обращенія.

Испросивъ у Суворова разрѣшеніе отлучиться изъ арміи, великій князь отправился изъ Аугсбурга въ Кобургъ, гдѣ въ это время находилась его супруга великая княгиня Анна Ѳедоровна, и оттуда, черезъ

Прагу, миновавъ Вѣну, пріѣхалъ 27-го ноября 1799 въ Петербургъ, гдѣ и былъ восторженно встрѣченъ императоромъ Павломъ. Въ честь его устраивались празднества и общественныя увеселенія, а на эрмитажномъ театрѣ былъ поставленъ балетъ подъ названіемъ: „Le rétour de l'elioctète“.

IX.

Въ Петербургѣ жизнь цесаревича пошла прежнимъ порядкомъ, но вскорѣ онъ навлекъ на себя гнѣвъ государя.

Императоръ разговорился съ нимъ однажды объ одеждѣ солдатъ и цесаревичъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣніе, вынесенное имъ изъ опыта, что башмаки, штиблеты и въ особенности унтеръ-офицерскія алебарды вышиною въ четыре аршина чрезвычайно неудобны въ походѣ и что въ Италіи древки этихъ алебардъ были употребляемы на дрова. Павелъ Петровичъ внимательно выслушалъ доводы своего сына и приказалъ, чтобъ цесаревичъ представилъ для образца рядоваго и унтеръ-офицера, одѣтыхъ и вооруженныхъ такъ, какъ по соображеніямъ его, цесаревича, было бы всего удобнѣе. Константинъ Павловичъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе и. черезъ нѣсколько дней представилъ обмундированныхъ имъ нижнихъ чиновъ на показъ государю. Лишь только взглянулъ на нихъ Павелъ Петровичъ, какъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, увидя, что придуманная цесаревичемъ форма подходила нѣсколько къ той формѣ, какая была введена въ русскомъ войскѣ въ царствованіе Екатерины II. Обратясь къ цесаревичу, онъ съ сильнымъ негодованіемъ сказалъ ему:

„Я вижу, что ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію; чтобъ они шли съ глазъ моихъ долой!“

Проговоривъ это, императоръ быстро вышелъ изъ той комнаты, гдѣ находились приведенные къ нему на показъ рядовые.

Вскорѣ послѣ этого, случилось слѣдующее: на крещенскомъ парадѣ, 6-го января 1800 года, императоръ остался чрезвычайно недоволенъ Конногвардейскимъ полкомъ, приказавъ ему въ тотъ же день, какъ прогнанному съ глазъ его величества, отправиться на стоянку въ Царское Село. Вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное начальство надъ этимъ полкомъ государь поручилъ цесаревичу, который и долженъ былъ довести конногвардейцевъ до желаемаго государемъ совершенства. Вслѣдствіе такого распоряженія, Константину Павловичу пришлось переселиться немедленно на постоянное житье въ Царское Село, гдѣ у него былъ собственный дворецъ, купленный для него императрицею Екатериною у Ланскаго. Въ продолженіе цѣлой зимы, дворецъ этотъ не

топили, и потому въ немъ былъ страшный холодъ; но нужно было немедленно исполнить повелѣніе государя и цесаревичъ поселился въ этомъ домѣ, гдѣ онъ и вся его свита должны были ходить нѣсколько дней неиначе какъ въ теплыхъ шинеляхъ. Съ цесаревичемъ переѣхала сюда и его супруга; тамъ она жестоко простудилась и едва не умерла отъ горячки.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, государь, производя конногвардейцамъ смотръ, остался ими доволенъ и возвратилъ ихъ въ Петербургъ. Цесаревичу все болѣе и болѣе начинала нравиться кавалерійская служба; онъ ревностно занимался ею по своимъ обязанностямъ инспектора кавалеріи, и осенью 1800 года былъ посланъ государемъ инспектировать полки легкой кавалеріи, расположенные на австрійской границѣ.

У насъ не имѣется въ виду никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Константина Павловича къ его отцу въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла Петровича, но, судя по тому настроенію, какое все болѣе и болѣе принималъ характеръ вспыльчиваго, раздражительнаго и подозрительнаго государя, надобно полагать, что отношенія эти были не очень пріятны для цесаревича, всегда сильно боявшагося родительскаго гнѣва.

Справедливость такого предположенія подтверждается „Записками" генерала Саблукова [1]).

Саблуковъ, бывшій въ ту пору полковникомъ и эскадроннымъ командиромъ въ Конногвардейскомъ полку, разсказываетъ, что 11-го марта, т. е. наканунѣ кончины императора, всѣ присутствующіе утромъ этого числа на разводѣ были чрезвычайно удивлены отсутствіемъ великаго князя Александра и его брата, цесаревича. Такъ какъ отсутствіе ихъ въ этомъ случаѣ выходило изъ ряда обычныхъ явленій, то оно въ военной средѣ породило разные догадки и толки. Вечеромъ же, когда Саблуковъ, будучи дежурнымъ по полку, пріѣхалъ съ рапортомъ къ своему начальнику, Константину Павловичу, — который, какъ и Александръ Павловичъ, жилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Михайловскомъ замкѣ. — то встрѣтившій Саблукова камеръ-лакей, на заявленіе полковника, что онъ идетъ къ цесаревичу, сказалъ: „пожалуйста не ходите, такъ какъ я тотчасъ же долженъ донести о томъ государю". Саблуковъ, ссылаясь на то, что онъ дежурный по полку, настаивалъ на необходимости видѣть Константина Павловича, и когда онъ пошелъ по одной сто-

---

[1]) Записки Саблукова были напечатаны въ англійскомъ изданіи «Frazer's Magazin», а также и въ «Русскомъ Архивѣ».

ронѣ лѣстницы, то камеръ-лакей сталъ подниматься по другой ея сторонѣ, направляясь въ покой государя.

Когда Саблуковъ поднялся во второй этажъ, то тамъ встрѣтилъ его другой лакей и съ удивленіемъ спросилъ полковника, зачѣмъ онъ пришелъ? Когда же Саблуковъ отвѣтилъ, что онъ дежурный по полку и пріѣхалъ къ цесаревичу съ рапортомъ, то лакей молча отворилъ ему дверь.

Саблуковъ засталъ цесаревича вблизи этой двери. Константинъ Павловичъ былъ страшно взволнованъ. Саблуковъ началъ рапортовать ему о состояніи полка и въ это время изъ другой двери вышелъ Александръ Павловичъ, а вслѣдъ за тѣмъ отворилась третья, бывшая по той же стѣнѣ, дверь и въ ней показался Павелъ Петровичъ, бывшій въ сапогахъ со шпорами, со шляпою въ одной и съ генеральскою тростью въ другой рукѣ. Онъ, по разсказу Саблукова, церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ, направился къ великимъ князьямъ и Саблукову. Александръ поспѣшно удалился въ свой аппартаментъ, а Константинъ стоялъ какъ пораженный, опущенныя его руки бились по боковымъ карманамъ мундира и онъ въ это время казался Саблукову обезоруженнымъ человѣкомъ, которому грозитъ неизбѣжная опасность. Саблуковъ представилъ рапортъ императору, который, кивнувъ головою, вышелъ изъ комнаты. Цесаревичъ стоялъ неподвижно, а Александръ, услышавъ, что дверь сильно хлопнула, догадался, что государь удалился, и выбѣжалъ къ своему брату. Александръ сказалъ Саблукову, что онъ и Константинъ подъ арестомъ и что генералъ-прокуроръ Обольяниновъ водилъ ихъ обоихъ въ церковь къ присягѣ. Цесаревичъ вслѣдъ за тѣмъ отпустилъ Саблукова, сказавъ ему: „смотрите, будьте осторожны".

Разсказъ Саблукова, повидимому, не совсѣмъ сходится съ записью, сдѣланною о вечерѣ 11-го марта въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. Изъ этого журнала, между прочимъ, видно, что императоръ въ этотъ вечеръ ужиналъ въ довольно большомъ обществѣ и что въ числѣ лицъ, бывшихъ за ужиномъ, присутствовали великіе князья Александръ и Константинъ, что̀, повидимому, едва-ли могло бы быть, если бы они дѣйствительно находились подъ арестомъ. Разсказъ Саблукова — подозрѣвать правдивость котораго нѣтъ никакого основанія — можно однако согласить съ гофъ-фурьерскою записью, предположивъ одно изъ двухъ, а именно: или что арестъ великихъ князей былъ домашній, препятствовавшій имъ только выходить изъ за̀мка, или что, быть можетъ, уже послѣ свиданія съ ними Саблукова, государь освободилъ ихъ изъ-подъ ареста. Притомъ вообще, такъ какъ арестъ былъ навлеченъ на нихъ подозрительностію со стороны императора,

то присутствіе ихъ вечеромъ на глазахъ Павла Петровича не только не ослабляло существенной цѣли ареста, но, напротивъ, даже какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ей. Что же касается приведенія, 11-го марта 1801 года, Александра и Константина къ присягѣ, то достовѣрность этого факта подтверждается и „Записками" графа Комаровскаго.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ часу по полуночи 12-го марта, великій князь Константинъ Павловичъ прислалъ къ Саблукову, какъ къ дежурному по полку, слѣдующую записку: „собрать тотчасъ же полкъ верхомъ какъ можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи, и ждать моихъ приказаній". Но прежде чѣмъ пришли въ полкъ какія-либо новыя приказанія отъ цесаревича, тамъ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Павла и полкъ принесъ присягу въ вѣрности новому государю.

Вѣсть о кончинѣ отца застала цесаревича въ его покояхъ; онъ былъ потрясенъ ею, и сохранилось сказаніе, будто бы онъ въ порывѣ горести высказалъ, что никогда не приметъ короны, еслибъ очередь дошла до него. Этотъ порывъ былъ первымъ проявленіемъ желанія цесаревича отказаться отъ верховной власти, въ случаѣ перехода къ нему правъ на наслѣдованіе императорскаго престола.

X.

Со вступленіемъ, 12-го марта 1801 года, на престолъ Александра Павловича, началась для цесаревича иная, совершенно привольная жизнь: онъ могъ по прежнему предаваться своей страсти къ военной службѣ, но съ тѣмъ новымъ удобствомъ, что ему теперь не приходилось переносить тѣ непріятности, какія онъ, по роду своихъ служебныхъ занятій, испытывалъ безпрестанно отъ вспыльчиваго и прихотливо-требовательнаго Павла Петровича. Теперь Константинъ Павловичъ могъ въ ввѣренныхъ ему частяхъ распоряжаться почти произвольно, не имѣя уже надъ собою прежняго грознаго начальника. Отношенія обоихъ братьевъ были самыя дружескія, причемъ, однако, смѣлый и порывистый Константинъ бралъ перевѣсъ надъ старшимъ своимъ братомъ, отличавшимся сдержанностію и мягкостію характера. Константинъ чрезвычайно любилъ Александра и однажды, въ разговорѣ съ герцогинею Саксенъ-Кобургскою, матерью своей невѣсты, сказалъ: „я не знаю, можетъ-ли братъ обойтись безъ меня, но я не могу жить безъ него". До какой степени доходила сильная привязанность Константина къ брату, можно судить по слѣдующему разсказу лейбъ-

хирурга Тарасова, находящемуся въ его „Воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г.

Въ февралѣ 1824 года, пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ. Императоръ страдалъ тогда болью въ ногѣ и Тарасовъ дѣлалъ ему перевязку, когда вошедшій въ уборную государя камердинеръ Онисимовъ доложилъ ему о пріѣздѣ цесаревича, котораго онъ вовсе не ожидалъ. „Какъ только камердинеръ отворилъ двери, цесаревичъ,—разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Тарасовъ,—въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана, и, залившись слезами, цѣловалъ государя въ губы, въ глаза и грудь и, наконецъ, наклонясь къ ногамъ императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную его ногу. Эта сцена,—добавляетъ Тарасовъ,—была столь трогательна, что и я не могъ удержаться отъ слезъ, и поспѣшилъ выйти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ“.

Причина такой сцены въ послѣдствіи объяснилась. До цесаревича въ Варшаву дошли слухи, что императоръ находится къ самомъ опасномъ положеніи и что болѣзнь его приняла такой оборотъ, что врачи не надѣются на его выздоровленіе.

Въ свою очередь, Александръ отзывался герцогинѣ Саксенъ-Кобургской о братѣ въ такихъ словахъ: „онъ немного легкомысленъ, но за то какъ онъ добръ!“ О взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ братьевъ встрѣчается нѣсколько строкъ и въ „Запискахъ“ извѣстнаго князя Адама Чарторижскаго. Желая подражать и угодить императрицѣ Екатеринѣ, чрезвычайно благоволившей къ семейству Чарторижскихъ, Константинъ Павловичъ свелъ дружбу съ младшимъ изъ нихъ, княземъ Константиномъ. Александръ просилъ молодаго князя не удаляться отъ такого сближенія, но только скрывать тайные его, Александра, разговоры съ Чарторижскими отъ Константина, къ которому, впрочемъ — по словамъ князя Адама — онъ питалъ самыя братскія чувства.

Послѣ кончины Александра, котораго великій князь называлъ постоянно своимъ благодѣтелемъ, цесаревичъ сохранялъ о немъ благоговѣйную память, выражавшуюся во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ случаяхъ, касавшихся покойнаго государя, и писалъ Лагарпу, что не можетъ свыкнуться съ мыслью о кончинѣ Александра, который для него будетъ жить вѣчно.

До вступленія на престолъ Александра Павловича произошло, впрочемъ, неудовольствіе между братьями, по слѣдующему поводу. Въ числѣ адъютантовъ великаго князя Константина былъ баронъ Винценгероде, одолѣваемый охотою побывать на войнѣ. Провѣдавъ, что

Россія не будетъ воевать съ Франціею, баронъ Винценгероде вздумалъ просить у императора Павла Петровича позволеніе вступить въ службу римско-нѣмецкаго императора, который сбирался начать войну съ французами. Павелъ Петровичъ отказалъ барону въ его просьбѣ, но Константинъ Павловичъ обо всемъ этомъ не вѣдалъ ровно ничего и только во время похода въ Италію онъ, узнавъ о намѣреніяхъ барона Винценгероде, былъ не столько взволнованъ такимъ поступкомъ своего адъютанта, сколько огорчился тѣмъ, что посредникомъ между барономъ и государемъ былъ въ этомъ случаѣ великій князь Александръ Павловичъ, не сказавшій ни слова своему брату о томъ, что дѣлалъ втихомолку его адъютантъ.

По всей, однако, вѣроятности, случай этотъ не повліялъ въ послѣдствіи нисколько на взаимныя братскія отношенія великихъ князей, которые, какъ казалось всѣмъ, жили постоянно душа въ душу. Константинъ не стремился вовсе къ тому, чтобъ принимать участіе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, и довольствовался тѣмъ, что управлялъ нѣкоторыми частями военнаго вѣдомства, по которымъ ему былъ предоставленъ полный просторъ, и кромѣ того являлся порою въ числѣ сотрудниковъ императора по тѣмъ вопросамъ, которые вообще касались организаціи русскаго войска, и по этимъ вопросамъ было у него въ первые годы царствованія Александра Павловича довольно занятій. Кромѣ того, онъ, будучи начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, старался о томъ, чтобъ съ своей точки зрѣнія довести эти учрежденія до высшей степени улучшенія.

Лѣтомъ онъ жилъ большею частію въ своемъ имѣніи Стрѣльнѣ и тамъ усердно занимался военными упражненіями съ расположенными около Стрѣльны войсками. Проживавшій въ 1803 году, въ недальномъ разстояніи отъ Стрѣльны, у Сергія, въ ту пору іеромонахъ, въ послѣдствіи извѣстный митрополитъ кіевскій Евгеній Болховитиновъ, терпѣлъ неудобства отъ военныхъ упражненій цесаревича. Въ письмѣ къ своему пріятелю Македонцу, мирный инокъ Евгеній жаловался на то, что Константинъ Павловичъ не даетъ ему спать, открывая у себя по ночамъ съ 11-ти или 12-ти часовъ страшнѣйшую пушечную пальбу. „Ужасный охотникъ до пальбы и до экзерцицій", замѣчаетъ Евгеній о своемъ безпокойномъ сосѣдѣ.

О томъ, какъ держалъ себя Константинъ въ первые годы царствованія Александра, свѣдѣній у насъ не имѣется, но судя по одному письму графа С. Р. Воронцова изъ Англіи къ брату его Александру Романовичу, приходится заключить, что о Константинѣ Павловичѣ шла въ эту пору не вполнѣ добрая молва. Графъ Семенъ Романовичъ, 14-го іюня 1801 года, писалъ, что „императору слѣдуетъ наблюдать за своимъ семей-

ствомъ, потому что, если Константинъ не будетъ слѣдовать примѣру брата и не удалитъ тѣхъ негодяевъ, которые окружаютъ цесаревича, то въ государствѣ будутъ двѣ партіи: одна изъ людей хорошихъ, а другая изъ людей безнравственныхъ, и такъ какъ эти послѣдніе, по обыкновенію, будутъ болѣе дѣятельны, то они ниспровергнутъ и государя и государство".

Въ другомъ письмѣ, отъ 6-го (18-го) мая, къ Новосильцеву графъ Семенъ Воронцовъ, коснувшись лицъ, окружавшихъ императора Александра, писалъ: „они предоставили Константину инспекцію, т. е. начальство надъ южною арміею, составляющею $^2/_3$ войска, для того, чтобы въ случаѣ нужды противопоставить его — брату. Они хотятъ господствовать надъ старшимъ братомъ, пугая его возмущеніемъ младшаго. Однимъ словомъ, я полагаю, что государство въ опасности".

Мы увидимъ, что и въ послѣдствіи Константинъ Павловичъ былъ предметомъ подобныхъ неосновательныхъ соображеній, такъ какъ его, неимѣвшаго никакихъ притязаній на верховную власть, старались выставить противникомъ его старшаго брата.

Независимо, впрочемъ, отъ этихъ нелѣпыхъ догадокъ, окружающіе цесаревича, около того времени, къ которому относятся письма Воронцова, возбудили толки въ обществѣ, для погашенія которыхъ императоръ Александръ Павловичъ, 30-го марта 1802 г., повелѣлъ напечатать и разослать по Петербургу особое объявленіе. Оно уже извѣстно читателямъ „Русской Старины" изъ перепечатки его въ изд. 1874 г., томъ XII, стр. 629.

Е. П. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСОЛЬСТВО А. П. ЕРМОЛОВА ВЪ ПЕРСІЮ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

[Посвящаю Михаилу Ивановичу Семевскому].

IV [1]).

Пребываніе въ Тавризѣ.—Строгій надзоръ за посольствомъ.—Каймакамъ Мирза-Безюргъ.—Англійскіе офицеры.—Тезоименитство вел. кн. Константина Павловича.—Придворный этикетъ въ Персіи.—Аудіенція у Аббас-мирзы.—Высочайшая грамота. — Смотръ войску. — Прогулка въ садъ наслѣдника. — Мирза Абуль-Касимъ и его братъ Муса-ханъ.—Фейерверкъ.—Письма изъ Тегерана.—Ермоловъ отказывается отъ прощальной аудіенціи.—Выѣздъ изъ Тавриза.

Домъ, отведенный посольству въ Тавризѣ, составлялъ собственность Мирза-Безюрга. Не представляя ни по внутренному расположенію, ни по внѣшней архитектурѣ ничего особеннаго, онъ, какъ и всѣ постройки въ Персіи, былъ обращенъ фасадомъ во внутрь и состоялъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ дворовъ съ флигелями, соединенныхъ тѣсными и узкими проходами; вообще былъ опрятенъ, но безъ украшеній. Съ самаго пріѣзда посольства, къ нему былъ приставленъ почетный караулъ, съ строгимъ приказаніемъ никого не впускать къ Ермолову, подъ предлогомъ не безпокоить его своимъ любопытствомъ. Но такое объясненіе, сколько неумѣстное, столько и обидное, было одною лишь хитрою уловкою, такъ какъ истинная цѣль персидскаго правительства заключалась въ томъ, чтобы, по возможности, скрыть отъ посольства дѣйствительное положеніе страны и, по выраженію Ермолова: „обманчивою наружностью похитить у насъ сколько нибудь уваженія".

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 255—274.

Между тѣмъ, персидская стража не только исполняла строгое приказаніе, но даже превзошла себя въ усердіи, заарестовывая нерѣдко состоявшихъ при посольствѣ татаръ и грузинъ, которыхъ одежда походила на персидскую. Въ домѣ-же употреблены были туземцы, знавшіе русскій языкъ и передававшіе все, что видѣли и слышали. Мало того: чиновники наши не могли показываться на улицахъ, чтобы каждый шагъ ихъ тотчасъ не былъ извѣстенъ мѣстнымъ властямъ; за городъ же вовсе ихъ не выпускали. Словомъ, посольство содержалось какъ-бы въ крѣпости. Такой образъ дѣйствія, само собою разумѣется, не могъ не вызвать на первыхъ-же порахъ крайняго неудовольствія Ермолова, и онъ прямо объявилъ каймакаму, что если мѣстная власть не измѣнитъ своего оскорбительнаго поведенія, то онъ сочтетъ то за нарушеніе дружескихъ обязанностей и предприметъ соотвѣтствующія мѣры. Предупрежденіе это образумило персіянъ и заставило ихъ быть осторожнѣе.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда, Ермоловъ обмѣнялся визитомъ съ Мирза-Безюргомъ и принималъ у себя, состоявшихъ въ персидской службѣ, по иррегулярнымъ войскамъ, англійскихъ офицеровъ: маіоровъ Линдзея и Макинтоша, кап. Гарта, поручика Виллока и доктора при наслѣдникѣ Кормика.

21-го мая было тезоименитство великаго князя Константина Павловича. По этому случаю въ присутствіи всего посольства былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго начали собираться на аудіенцію къ Аббас-мирзѣ.

Всякому, бывавшему въ Персіи, извѣстны обычаи и церемоніи, существующіе у тамошняго двора при пріемѣ дипломатическихъ агентовъ внѣшнихъ державъ. Точное исполненіе ихъ иностранцами всегда строго наблюдалось правительствомъ и малѣйшее отступленіе влекло за собою нерѣдко серьезныя недоразумѣнія. Изъ такихъ обычаевъ, обусловленныхъ придворнымъ этикетомъ, самымъ стѣснительнымъ, чтобы не сказать—унизительнымъ, было надѣваніе красныхъ чулокъ, безъ которыхъ ко двору никто не допускался. Тѣмъ не менѣе, европейцы до прибытія Ермолова безпрекословно ему подчинялись: „одни съ корыстною цѣлью вкрасться въ довѣренность персіянъ, какъ это случилось съ присланнымъ отъ Наполеона генераломъ Гарданомъ; другіе съ иными видами, какъ англичане, искавшіе тѣсною связью пріобрѣсти исключительныя права для торговли“ и уничтожить наше вліяніе въ Персіи. Когда-же съ подобнымъ требованіемъ обратились къ Ермолову, то онъ, какъ „не пріѣхавшій ни съ чувствами Наполеонова шпіона, ни съ прибыточными расчетами купечествующей націи“, на-отрѣзъ отказался не только отъ соблюденія унизительнаго

этикета, но не принялъ и того, чтобы войти въ комнату Аббас-мирзы съ одними лишь совѣтниками, при чемъ прочіе члены посольства должны были остаться на дворѣ, и другіе не менѣе странныя предупрежденія.

На такой отвѣтъ не послѣдовало со стороны персіянъ дальнѣйшихъ возраженій, такъ какъ склонить Ермолова въ данномъ случаѣ на какую либо уступку не предвидѣлось никакой надежды. Но за то и Аббас-мирза не желалъ нарушеніемъ установившагося при его дворѣ этикета сдѣлать угодное русскому послу, а чтобы не довести дѣла до окончательнаго разногласія, рѣшился принять его не въ комнатѣ, а передъ домомъ, и не на коврахъ, которыхъ не дерзалъ попирать и одинъ сапогъ, а на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, подъ портретомъ своего родителя.

Аудіенція была назначена ровно въ полдень. Отъ самаго дома, занимаемаго посольствомъ, вплоть до дворца, по узкимъ и кривымъ улицамъ, были разставлены войска. Ермоловъ ѣхалъ на лошади наслѣдника, которая, по выраженію его, „безъ уваженія смотрѣла на воиновъ и, безпрерывно толкая ихъ, заставляла опасаться, что онъ пріѣдетъ во дворецъ по трупамъ половины ополченія персидской монархіи“.

Достигнувъ дворца, посольство въѣхало на большой дворъ, гдѣ Алексѣй Петровичъ и вся его свита слѣзли съ лошадей. За первымъ дворомъ вышли на другой, нѣсколько меньшій, и затѣмъ, темными проходами подъ сводами, гдѣ за рѣшетками, какъ бы въ норахъ, сидѣла ближайшая домашняя челядь (animaux domestiques), на третій, большой дворъ, опрятно вымощенный и съ нѣсколькими бассейнами. На краю этого-то двора, надъ палаточнымъ навѣсомъ, стоялъ Аббасмирза. Онъ былъ одѣтъ просто, имѣя сверхъ каба [1]), изъ синей матеріи, темно-краснаго сукна джуббэ [2]), на головѣ каджарскую шапку, и украшенный алмазами кинжалъ за шалевымъ поясомъ. По лѣвую его сторону стояли три мальчика: братъ его, меньшой сынъ и племянникъ. Послѣдніе были въ парчевыхъ костюмахъ, съ поясами, нарукавниками и кинжалами, украшенными драгоцѣнными каменьями. Изъ персидскихъ чиновниковъ на аудіенціи присутствовали Мирза-Безюргъ, церемоніймейстеръ и Аскер-ханъ.

Причина, побудившая Аббас-мирзу принять посла на дворѣ, не скрылась отъ Ермолова и онъ рѣшился отплатить персіянамъ не меньшою невѣжливостью. Остановившись въ шести шагахъ отъ принца и дѣлая видъ, что его не знаетъ, онъ обратился къ провожатымъ съ вопросомъ: „Гдѣ же его высочество“? и только послѣ полученнаго

---

[1]) Каба—родъ подрясника.

[2]) Джуббэ—родъ плаща съ длинными рукавами.

отвѣта снялъ шляпу, чему послѣдовала и вся свита. Аббас-мирза же, сдѣлавъ шага три впередъ, протянулъ Ермолову руку. Послѣ обычнаго привѣтствія, Алексѣй Петровичъ передалъ принцу высочайшую грамату слѣдующаго содержанія:

«Вслѣдствіе вѣчно-мирнаго договора, заключеннаго между Нами и его шаховымъ величествомъ, а также искреннѣйшаго и твердаго намѣренія нашего, чтобы столь счастливо возстановленныя между обоими государствами сосѣдственная дружба и доброе согласіе какъ можно болѣе утвердились, отправленъ отъ Насъ къ его шахову величеству, нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ вашъ отъ артиллеріи ген.-лейтенантъ, командиръ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, главноуправляющій гражданскою частью въ Грузіи и губернаторъ Астраханскій и Кавказскій, высоко-благоурожденный и нашъ любезновѣрный Алексѣй Ермоловъ, которому мы особенно поручили наикрѣпчайше удостовѣрить вашу свѣтлость какъ въ такомъ непремѣнномъ расположеніи нашемъ по взаимнымъ государственнымъ сношеніямъ, такъ и въ отличномъ нашемъ уваженіи собственно къ вашей свѣтлости и въ искреннѣйшемъ участіи, кое мы всегда принимать будемъ во всемъ, лично до васъ относящемся. Для Насъ пріятно вѣрить, что, во взаимство сего, ваша свѣтлость не только не оставите принять онаго чрезвычайнаго и полномочнаго нашего посла въ ваше благорасположеніе, но по извѣстному усердію вашему къ пользамъ государственнымъ не отречетесь споспѣшествовать ему съ вашей стороны во всемъ, что относиться можетъ къ утвержденію и умноженію съ обѣихъ сторонъ постоянной дружбы для пользы обоихъ государствъ и для блага обоюдныхъ подданныхъ. С.-П.-Бургъ. 5-го августа 1816 года».

Аббас-мирза принялъ грамату, поднесъ ее съ почтеніемъ къ головѣ, и положилъ на пристѣнокъ залы, возлѣ которой стоялъ. Послѣ довольно продолжительнаго затѣмъ разговора съ Алексѣемъ Петровичемъ, онъ весьма любезно отнесся къ представленнымъ ему чиновникамъ и кабардинскимъ князьямъ и узденямъ посольской свиты. Вслѣдъ за симъ Ермоловъ раскланялся съ принцемъ, повернулся, тутъ же надѣлъ шляпу, что сдѣлали и прочіе, и прежнимъ путемъ отправился домой.

На слѣдующій день послѣ описанной аудіенціи, у Ермолова обѣдали англійскіе офицеры, которые, по выраженію Мазаровича, играютъ въ Персіи ту же роль, какую въ древности играли греки у сатраповъ Малой Азіи въ эпоху Павзаніевъ. Вообще замѣтимъ, что посольство наше, поддерживая съ англичанами самыя дружескія отношенія, любило въ ихъ сообществѣ коротать время и мало думало о другихъ развлеченіяхъ среди далеко несимпатичнаго ему населенія.

Послѣ обѣда Ермоловъ отправился, по приглашенію наслѣдника, за городъ, гдѣ присутствовалъ на кавалерійскомъ и артиллерійскомъ ученіи. Въ особенности отличалась конница, заслужившая всеобщее одобреніе. Объ артиллеріи же, которою командовалъ Линдзей, нельзя было сказать того же; напротивъ, Аббас-мирза высказалъ ей полное

неудовольствіе, такъ какъ изъ 18-ти орудій, изъ коихъ каждое сдѣлало по 6-ти выстрѣловъ, ни одно не попало въ цѣль. Но не смотря на непріятное впечатлѣніе, произведенное этою неудачею, наслѣдникъ всетаки былъ высокаго мнѣнія объ артиллеріи и на вопросъ, сдѣланный послу, ожидалъ, повидимому, вполнѣ удовлетворительнаго отзыва. И дѣйствительно, Ермоловъ отнесся къ образованію артиллеріи и заведенію регулярныхъ войскъ съ большою похвалою, но, не желая упустить случая задѣть самолюбіе Аббас-мирзы, прибавилъ, какъ бы между прочимъ, что и кочующія племена, каковы туркмены, просили главнокомандующаго въ Грузіи снабдить ихъ нѣсколькими орудіями. Услышавъ это, Аббас-мирза не могъ скрыть своего смущенія, чѣмъ явно обнаружилось, сколько ему былъ непріятенъ прогрессъ въ военномъ дѣлѣ у давнишнихъ и злѣйшихъ враговъ Персіи.

По окончаніи ученія, наслѣдникъ пригласилъ Ермолова въ собственный свой садъ, гдѣ въ бесѣдкѣ, изъ которой открывался превосходный видъ на городъ и его окрестности, былъ сервированъ чай и шербетъ. Свита посольская находилась тутъ же, что крайне было непріятно Аббас-мирзѣ, искавшему всегда случай унизить, въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, русскихъ, и возвысить въ нихъ понятіе о собственномъ величіи и могуществѣ. Но Ермоловъ слишкомъ хорошо понималъ персіянъ, а потому всякую гордость и надменность съ ихъ стороны, въ ущербъ нашей чести и нашего достоинства, наказывалъ полнѣйшимъ и самымъ жестокимъ презрѣніемъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Когда всѣ собрались въ бесѣдкѣ и Аббас-мирза выразилъ желаніе, чтобы посольская свита помѣстилась въ сосѣдней комнатѣ, то Ермоловъ объявилъ, что онъ не только готовъ исполнить волю его, но выйдетъ съ прочими и самъ, при чемъ отказался отъ чаю, подъ предлогомъ, что онъ у насъ въ такое время не въ употребленіи. Затѣмъ, когда принцъ, раскланявшись, непремѣнно хотѣлъ выѣхать изъ воротъ сада первымъ, нашъ ординарецъ, по данному ему знаку, подвелъ лошадь одновременно и Ермолову, и они выѣхали черезъ ворота вмѣстѣ. Такъ прослѣдовали они до города, гдѣ и разъѣхались по домамъ. Все это, разумѣется, не мало бѣсило персіянъ, но они умѣли скрывать свое неудовольствіе, хотя не отставали отъ старыхъ привычекъ.

Утромъ 23-го мая Алексѣй Петровичъ, послѣ пріема Фетх-Али-хана беглербега, ѣздилъ съ визитами къ Мирза-Абуль-Касиму и брату его Муса-хану, сыновьямъ Мирза-Безюрга; вечеромъ же отправился смотрѣть фейерверкъ, устроенный въ его честь въ замкѣ наслѣдника, котораго самого при этомъ не было, потому, какъ было объявлено, что онъ никого не желаетъ стѣснять своимъ присутствіемъ. Зрѣлище

продолжалось, впрочемъ, нѣсколько только минутъ, такъ какъ ракеты, вензеля, фонтаны и разныя другія вещи, отъ слишкомъ тѣснаго и дурнаго ихъ расположенія, вспыхнули всѣ вдругъ, при чемъ произвели страшный трескъ и шумъ, а главное—заставили всѣхъ вдоволь наглотаться дымомъ. Персіяне, однакоже, не сознали своей ошибки и происшедшую неудачу оправдывали тѣмъ, что не желали испытывать терпѣнія посла.

Между тѣмъ время шло и Ермоловъ видимо сталъ томиться пребываніемъ въ Тавризѣ; извѣстій же о томъ, гдѣ и когда шаху угодно будетъ его принять — не имѣлось. Только 24-го мая было получено письмо Мирза-Шефи, коимъ посольство приглашалось въ Тегеранъ къ свадьбѣ двухъ принцевъ, или, если по расчету времени оно не поспѣетъ къ сроку, то въ Султаніэ, лѣтнюю резиденцію шаха. Письмо было написано въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ и ясно свидѣтельствовало о томъ нетерпѣніи, съ коимъ пріѣздъ Ермолова ожидался при дворѣ и вообще всѣми высшими лицами государства. То же самое подтвердилось и другими извѣстіями отъ Мирза-Абуль-Хасан-хана. который писалъ слѣдующее:

«До тѣхъ поръ, пока золотое знамя солнца будетъ освѣщать небесный станъ, до тѣхъ самыхъ поръ да украсится лагерь вашей высокосановности знаменемъ могущества и да наполнится чаша вашей души виномъ радости и веселія!

«По изъявленіи вамъ множества привѣтствій и по отправленіи о вашемъ благополучіи тысячи молитвъ, я рукою искренности снимаю фату съ ланиты красавицы цѣли. Послѣ долгаго приковыванія ока надежды къ дорогѣ ожиданія, я денно и нощно не переставалъ мечтать о радостномъ съ вами свиданіи, какъ вдругъ пришла благая вѣсть о приближающемся блаженствѣ вашего присутствія. Восторгъ мой отъ этой вѣсти не знаетъ границъ и стремленіе къ нашей встрѣчѣ, постоянно усиливаясь, заставляетъ меня снова приковать глаза къ дорогѣ и ожидать вашего прибытія.

«Благодаря извѣстнымъ похвальнымъ качествамъ и прославленнымъ добродѣтелямъ вашимъ, всѣ наши вельможи горятъ пламеннымъ желаніемъ увидѣться съ вами, въ особенности же великій садри-азамъ (Мирза-Шефи).

«Въ присутствіи шахин-шаха неоднократно заводилась рѣчь о вашихъ достоинствахъ и доблестяхъ, и это до той степени усилило довѣренность высочайшаго сердца къ вашимъ добродѣтелямъ, что я не нахожу словъ его описать. Что же касается желанія его величества видѣть васъ въ своемъ, раю подобномъ, присутствіи, то въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія» и проч.

Но ѣхать въ Тегеранъ Ермолову не хотѣлось, а потому, остановившись на Султаніэ, онъ, въ отвѣтномъ письмѣ къ Мирза-Шефи, оправдывалъ выборъ свой тѣмъ, что въ виду скораго выѣзда шаха изъ резиденціи, а также усилившихся жаровъ, онъ рѣшительно не имѣетъ возможности поспѣть къ бракосочетанію его сыновей. Самъ же онъ рѣшился оставить Тавризъ 26-го мая. Наканунѣ этого дня

Аббас-мирза приглашалъ его на загородную прогулку, но онъ, черезъ каймакама, отозвался, что, выѣзжая на слѣдующее утро и страдая отъ боли въ глазахъ, не можетъ исполнить его желанія. Кромѣ того,— прибавилъ Ермоловъ,—„не бывъ принятъ наслѣдникомъ приличнымъ образомъ, а встрѣтившись съ нимъ на дворѣ, онъ того за аудіенцію принять не можетъ, а потому и не полагаетъ себя въ обязанности откланиваться ему, но что, впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, желалъ бы еще разъ гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться".

Такой неожиданный отвѣтъ какъ громомъ поразилъ Мирза-Безюрга. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить Ермолова, что пріемъ на дворѣ есть доказательство величайшаго къ нему уваженія и что до него всѣ посланники, будучи принимаемы въ комнатахъ, были обязаны надѣвать красные чулки. Но Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ въ сравненіе съ другими идти не намѣренъ, а что если безъ красныхъ чулокъ обойтись нельзя, то онъ просилъ каймакама предупредить шаха, что онъ ихъ не надѣнетъ, а между тѣмъ, чтобы не дѣлать безполезно излишняго пути, онъ на дорогѣ будетъ ожидать отвѣта: ѣхать-ли ему далѣе или возвратиться въ Россію? Извѣстіе это окончательно ужаснуло каймакама, давъ ему въ то же время понять, что Ермоловъ имѣлъ о немъ мнѣніе какъ о величайшемъ плутѣ и мошенникѣ, и что отъ него не скрылась ненависть его къ Россіи.

Съ такого рода объясненіями Алексѣй Петровичъ передъ самымъ выѣздомъ отправилъ къ Аббас-мирзѣ совѣтника посольства Соколова. Въ народѣ сдѣлалась суматоха, но Ермолова, съ восходомъ солнца, уже не было въ городѣ.

V.

Караванная дорога изъ Тавриза въ Тегеранъ.—Замокъ Шах-гюли и загородные дворцы въ Персіи.—Пріѣздъ Муса-хана.—Шингиль-абадъ.—Посѣщеніе англичанъ.—Развлеченіе посольской свиты.—Мазаровичъ.—День св. Петра и Павла.—Зенганъ.—Принцъ Абдулла-мирза.—Саман-архи.—Пріѣздъ Мирза-Абдуй-Вехаба.—Прибытіе императорскихъ даровъ въ Султаніэ.

Главный караванный путь изъ Тавриза въ Тегеранъ, направляясь къ ю.-в., идетъ между Сехендомъ и хребтомъ Карадагскихъ горъ черезъ высокую Уджанскую плоскость и между селеніями Міано и Ахкендомъ, переваливши черезъ Кафланкухъ, отдѣляющій Адербейджанъ отъ Ирака, принимаетъ в.-ю.-в. направленіе вплоть до самаго Тегерана, оставляя слѣва Эльбурзскій хребетъ. На всемъ этомъ протяженіи, въ 500 слишкомъ верстъ, мѣстность въ отношеніи природныхъ красотъ ничѣмъ почти не замѣчательна: только Султанійская

долина и раскошные сады, въ которыхъ утопаетъ Казвинъ, нарушаютъ утомительное однообразіе, составляющее отличительный характеръ этой части Персіи, въ противуположность чудной природѣ по сѣверную сторону Эльбурза, въ при-каспійскихъ провинціяхъ.

Выѣхавъ описаннымъ трактомъ изъ Тавриза, Ермоловъ направился черезъ Басминджъ и Сеид-абадъ къ Уджану и въ двухъ верстахъ отъ этой деревни остановился въ небольшомъ замкѣ, извѣстномъ подъ именемъ Шах-гюли, т. е. „царская роза" и построенномъ Аббас-мирзою для своего царственнаго родителя. Подобные замки встрѣчаются въ Персіи чуть ли не на каждомъ шагу. Воздвигаемые вслѣдствіе разнаго рода побужденій, главнымъ-же образомъ съ цѣлью оставить по себѣ память, или изъ простой привязанности къ мѣстности, персидскіе шахи, а за ними и правители провинціи, затрачивали на ихъ постройку значительные капиталы, тогда какъ архитектура и живопись Персіи истощали на нихъ всю изысканность затѣйливаго своего вкуса. Въ лучшее время года замки служили мѣстопребываніемъ виновниковъ своего существованія, которые предавались въ нихъ всѣмъ ухищреніямъ восточной нѣги, являвшейся здѣсь въ полномъ своемъ объемѣ. Прогулки, охота, разнаго рода увеселенія, сопровождаемыя звуками кеманчэ [1]) и даирэ [2]), пѣніемъ и пляскою мутрибовъ [3]), были безпрерывны и почти не умолкали. Но вмѣстѣ со смертью шаха, принца или губернатора, въ этихъ зданіяхъ навсегда угасала и шумная жизнь: оставленныя на произволъ судьбы, они обращались въ развалины и болѣе уже не возникали. Такъ случилось въ послѣдствіи и съ замкомъ Шах-гюли, постройка котораго стоила, говорятъ, около 30,000 червонцевъ. Достаточно было только на минуту забыть эту розу, разсыпавшую щедрой рукою благоуханіе, и она увяла навсегда.

Впрочемъ, уже въ пребываніе Ермолова, убранство замка было весьма бѣдно, хотя строитель его и самъ шахъ были еще живы. Кромѣ самаго необходимаго, здѣсь все было просто и только на стѣнахъ главной залы висѣло нѣсколько картинъ. Одна изъ нихъ изображала представленіе наслѣдникомъ шаху регулярныхъ войскъ и артиллеріи, а самого Аббас-мирзу растянутымъ на землѣ у переднихъ ногъ шахской лошади; другая—побѣду персіянъ надъ русскими. Смотря на нее, Ермоловъ спросилъ бывшихъ при этомъ персіянъ: не Асландузское-ли это сраженіе? „Наморщились рожи ихъ и страхъ, изобразившійся на лицахъ ихъ отъ одного объ ономъ воспоминанія, заставилъ его не требовать отвѣта". Наконецъ, тутъ же висѣли портреты

[1]) Кеманчэ—скрипка.

[2]) Даирэ—бубны.

[3]) Мутрибы—танцовщики и пѣвцы. Они большею частью цыгане.

императоровъ Александра Павловича и Наполеона, но тотъ и другой до того неудачно выполненные, что вселяли невольное сожалѣніе къ таланту писавшаго ихъ художника.

Ермоловъ оставался въ Уджанѣ ровно недѣлю. Изъ болѣе или менѣе знатныхъ персіянъ, его посѣтилъ здѣсь Мирза-Муса-ханъ, сынъ Мирза-Безюрга, юноша лѣтъ 17-ти, женатый на дочери шаха. При немъ находился мулла, учившій его чтенію и письму, что заставило Алексѣя Петровича предположить, что его прислали для того собственно, чтобы отдалить отъ молодой супруги, которою онъ, казалось, болѣе занимался, нежели азбукой".

5-го іюня посольство продолжало путь въ Султаніэ, дѣлая иногда довольно продолжительныя остановки, какъ, напримѣръ, въ рощѣ близь дер. Шингиль-абадъ, гдѣ оно пробыло ровно 12 дней. Въ теченіе этого времени Ермолова посѣтили, одинъ за другимъ, возвращавшіеся въ Англію, чрезъ Россію, послѣ многолѣтняго пребыванія въ Индіи: начальникъ штаба англійскихъ войскъ въ Бомбаѣ, полк. Джонсонъ, кап. Салтеръ и резидентъ при одномъ изъ Маратскихъ владѣтелей, Стречай. Разсказы этихъ путешественниковъ о крайнемъ Востокѣ слушались съ большимъ любопытствомъ; но не менѣе интересны были наблюденія Джонсона надъ самою Персіею, не смотря на то, что онъ видѣлъ ее какъ бы на лету, въ проѣздъ свой изъ Бендер-Бушира. Съ отъѣздомъ англичанъ, въ посольскомъ лагерѣ все пошло по прежнему: то же однообразіе, та же неотвязчивая скука. Но молодежь наша не унывала, развлекаясь то музыкою, то устройствомъ иллюминаціи, разнаго рода игръ и даже танцами съ переодѣваніемъ, какъ это случилось 16-го іюня, при угощеніи посольскаго михмандаря Аскер-хана: гр. Самойловъ нарядился въ костюмъ одного изъ кабардинскихъ узденей, а подпоручики Щербининъ и Бобарыкинъ въ женскія платья, которыя они какъ бы нарочно для подобныхъ случаевъ захватили съ собою изъ Тифлиса.

Изъ Шингиль-абада посольство, 19-го іюня, направилось къ Варзигану, гдѣ къ нему присоединился пріѣхавшій изъ Тегерана к. с. Мазаровичъ, а оттуда черезъ Туркмен-чай, Міанэ и Джемал-абадъ къ дер. Янгиджэ, куда оно, по случаю невыносимыхъ жаровъ, могло прибыть только наканунѣ дня св. Петра и Павла. По случаю этого праздника въ посольской палаткѣ служили всенощную, а 29-го числа литургію, безъ совершенія таинствъ.

На слѣдующій день посольство имѣло въѣздъ въ Зенганъ, принятое правителемъ города юнымъ Абдулла-мирзою, сыномъ Фетх-Али-шаха, съ тою предупредительностью и готовностью на всякія услуги, какое оно еще ни отъ кого не встрѣчало съ самаго вступленія на

почву Персии. Обстоятельство это было тѣмъ пріятнѣе Ермолову, что открывало ему удобный случай доказать Аббас-мирзѣ на сколько онъ умѣетъ цѣнить дружбу: сдѣлавъ принцу два посѣщенія, онъ оба раза, передъ тѣмъ, чтобы войти въ комнату, приказывалъ обтирать сапоги, а бесѣдою и любезностью въ обращеніи далъ почувствовать, на сколько онъ признателенъ за сдѣланный ему пріемъ.

Въ продолженіе всего пребыванія въ Зенганѣ, хоръ нашъ каждый вечеръ игралъ на балконѣ занимаемаго посольствомъ дома, составлявшаго собственность визиря Мирза-Мамед-Таги, который былъ посланъ Абдулла-мирзою на встрѣчу Ермолову передъ въѣздомъ въ городъ.

4-го іюля, Абдулла-мирза получилъ извѣстіе о выступленіи шаха изъ Тегерана, что его заставило тотчасъ же поспѣшить къ нему на встрѣчу. Вслѣдъ за нимъ выѣхалъ и Ермоловъ,—но, не доѣзжая 10-ти верстъ до Султаніэ, остановился на уроч. Саман-архи, гдѣ на обширной равнинѣ, на берегу Зенган-чая, было разбито два лагеря: одинъ для посольства, а другой для Мирза-Абдул-Вехаба, встрѣтившаго здѣсь Ермолова и имѣвшаго порученіе начать переговоры, для узнанія, въ чемъ собственно будутъ состоять требованія посла. Но Ермоловъ на всѣ домогательства Мирза-Абдул-Вехаба отвѣчалъ, что онъ можетъ говорить съ нимъ только какъ съ частнымъ человѣкомъ, въ офиціальные же переговоры, до личнаго свиданія съ шахомъ, вдаваться не намѣренъ.

Тѣмъ не менѣе между ними происходило нѣсколько засѣданій, сопровождавшихся нерѣдко весьма горячими возраженіями: Абдул-Вехабъ стращалъ ужасными ополченіями Персіи и войною; Ермоловъ же говорилъ, что если замѣтитъ малѣйшую холодность въ пріемѣ его шахомъ и намѣреніе прервать съ Россіею дружбу, то, охраняя достоинство своей родины, онъ предупредитъ объявленіемъ войны и не кончитъ оной, не имѣя Араксъ границею между двумя государствами. Званіе главнокомандующаго въ Грузіи давало особенное значеніе словамъ его и то, что, по мнѣнію его, должно было бы ему вредить, принесло величайшую пользу [1]). Но какъ бы шумны ни были совѣщанія, они всегда оканчивались со стороны Мирза-Абдул-Вехаба всевозможными персидскими любезностями, „отъ которыхъ“ у Ермолова „болѣла голова и отъ которыхъ, въ отчаяніи, онъ еще болѣе высказывалъ вѣжливостей въ ихъ нелѣпомъ родѣ“.

Одновременно съ прибытіемъ посольства въ Саман-архи, были доставлены въ Султаніэ императорскіе подарки, не потерпѣвшіе въ пути

[1]) См. Акты, т. VI, ч. 2, стр. 179.

ни малѣйшаго поврежденія. Они были помѣщены въ большихъ палаткахъ среди посольскаго лагеря и разставлялись подъ надзоромъ самого Алексѣя Петровича, ѣздившаго туда нѣсколько разъ съ этою цѣлью.

Такъ прошло время до 19-го іюля,—день прибытія Фехт-Али-шаха въ Султаніэ. Зрѣлище это обѣщало много любопытнаго, а потому посолъ и нѣкоторые чиновники отправились туда инкогнито.

VI.

Въѣздъ Фетх-Али-шаха въ Султаніэ.—Прибытіе Ермолова.—Англійскій повѣренный Виллокъ и докторъ Кембель.—Ермоловъ отправляется къ шаху.

Едва только на востокѣ занялась заря, какъ въ Султанійскомъ лагерѣ уже все было на ногахъ. Наступило ясное, прохладное утро. Часовъ около 9-ти, на дальнемъ горизонтѣ показалось шахское шествіе, медленно, почти незамѣтно приближавшееся къ Султаніэ. Но вотъ оно подошло къ джамбазамъ (регулярная пѣхота), выстроеннымъ отъ дворца вверхъ, по обѣимъ сторонамъ тегеранской дороги. Впереди шествія вели слона, имѣвшаго на себѣ балдахинъ, за нимъ слѣдовали 500 верблюдовъ съ фальконетами и знаменами, затѣмъ, также на верблюдахъ, 50 музыкантовъ съ трубами, балалайками, бубнами, литаврами и прочими инструментами, изъ которыхъ они извлекали какіе-то безсвязные звуки, сливавшіеся въ одинъ нескончаемый гулъ, заставлявшій непривычныхъ къ такой музыкѣ затыкать себѣ уши. За музыкантами ѣхали шесть куртинскихъ всадниковъ, въ богатыхъ костюмахъ и на превосходныхъ лошадяхъ, принадлежавшихъ Мамед-Али-мирзѣ, который и командовалъ этимъ войскомъ. Непосредственно за конницею, вели 16 богато убранныхъ верховыхъ лошадей изъ придворной конюшни; далѣе слѣдовали 40 скороходовъ, шутовски одѣтые въ чалмахъ, на подобіе небольшихъ коронъ, и съ короткими палками въ рукахъ, а за ними, на сѣрой лошади, которой ноги, животъ, хвостъ и грива были выкрашены оранжевою краскою, ѣхалъ Фетх-Али-шахъ, имѣя около себя садри-азама Мирза-Шефи, а вслѣдъ за собою толпу сыновей, чиновниковъ и разнаго рода персіянъ; отрядъ войскъ замыкалъ шествіе. По временамъ къ шаху подъѣзжали или принцъ Мамед-Али-мирза, или зять его Аллах-Яр-ханъ. На каждыхъ трехъ верстахъ артиллеристы производили залпы изъ орудій, при чемъ по необходимости должны были останавливаться и потомъ рысью, на верблюдахъ же, обгонять шаха, чтобы по прежнему занять свои мѣста. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Султаніэ былъ заколотъ верблюдъ и голова его брошена подъ ноги шаха, въ знакъ жертвоприношенія.

Толпа любопытныхъ, собравшаяся на это зрѣлище, хранила глубокое молчаніе и, скрестивъ руки на поверхности груди, съ невыразимымъ смиреніемъ взирала на своего повелителя.

Завидѣвъ среди народа нашихъ офицеровъ, шахъ привсталъ на стременахъ и, обратившись къ нимъ, привѣтствовалъ ихъ словами: „Селямун-аляйкумъ! хош-амедидъ!" (здравствуйте! добро пожаловать). На англійскаго же повѣреннаго Виллока, бывшаго тутъ же въ полной парадной формѣ, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Нѣсколько далѣе шествіе повернуло ко дворцу. Зданіе это, носящее, Богъ вѣсть почему, такое громкое названіе, начато Ага-Мамед-ханомъ и окончено Фетх-Али-шахомъ. Оно расположено на холмѣ, близь грязнаго ручья, и имѣетъ видъ невзрачнаго, выстроеннаго на глинѣ, дома и столь тѣсно, что съ трудомъ могло вмѣстить въ себѣ привезенныхъ изъ Тегерана 40 шахскихъ женъ.

Сошедъ съ лошади, шахъ поднялся во дворецъ и, посидѣвъ нѣсколько въ открытой комнатѣ, противъ которой въ величайшемъ благоговѣніи выстроились сыновья его, министры и другіе чиновники, удалился въ свой гаремъ.

Спустя шесть дней послѣ прибытія, онъ отправилъ одного изъ отрядныхъ начальниковъ, по имени Сафіар-ханъ, пригласить Ермолова въ Султаніэ, гдѣ для него былъ устроенъ особый лагерь. Въѣздъ посольства совершился 26-го іюля, въ 4 часа пополудни, со всѣмъ приличествующимъ случаю торжествомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

12 донскихъ казаковъ, въ красныхъ мундирахъ, по три въ рядъ, подъ командою шт.-к. кн. Бековича.

Полк. Ермоловъ съ шт.-к. кн. Бебутовымъ и поручикомъ Поповымъ.

Хоръ музыкантовъ, въ гвардейскихъ мундирахъ.

Гренадеры Тифлисскаго полка, подъ командою поручика Ѳедорова.

Шт.-к. Муравьевъ, поручикъ Ренненкампфъ, подпор. Щербининъ и пор. Бобарыкинъ, по два въ рядъ.

Кн. Джембулатъ Джанхатовъ съ четырьмя узденями, въ костюмахъ изъ малиноваго бархата и въ кольчугахъ.

Фельдъегери Стабушъ и Лукьяненко.

Два курьера иностранной коллегіи.

Посолъ на лошади шаха, подъ чепракомъ, шитымъ золотомъ и серебромъ, и съ изумруднымъ уборомъ; по сторонамъ его ѣхали Негри и Соколовъ.

Полк. Ивановъ, Мазаровичъ, Рыхлевскій и Худобашевъ.

Чиновники Рикардъ, Бороздна, Ауфмордтъ, Машковъ, баронъ Корфъ, и наконецъ

12 линейныхъ казаковъ.

Шт.-к. Коцебу, Лачиновъ и фельдъегерь Матвѣевъ оставались въ Саман-архи и въ церемоніи не участвовали.

Въ дорогѣ посольство было встрѣчено валіемъ Курдистана Аман-Уллах-ханомъ съ 1,200 всадниками, съ которыми оно и прослѣдовало до самаго почти лагеря своего. Между тѣмъ, въ тотъ самый моментъ, когда Ермоловъ подъѣзжалъ къ посольской палаткѣ, устланной коврами и наполненной фруктами и персидскими конфектами, надъ нею былъ поднятъ флагъ съ россійскимъ гербомъ. Здѣсь же его привѣтствовалъ отъ имени шаха 2-й его адъютантъ Махмуд-ханъ.

На слѣдующее утро Ермоловъ отправился къ Мирза-Шефи, для врученія ему императорской грамоты, и остался у него не болѣе четверти часа. Возвратившись въ лагерь, онъ принималъ Мирза-Абдул-Вехаба и нѣкоторыхъ чиновниковъ Мирза-Шефи, а также англійскаго повѣреннаго Виллока и доктора Кемпбеля; вечеромъ же, въ сопровожденіи 6-ти донскихъ казаковъ, обоихъ совѣтниковъ и секретаря, вторично ѣздилъ къ Мирза-Шефи, котораго на другой день принималъ у себя вмѣстѣ съ Мирза-Абуль-Хасан-ханомъ.

31-го же іюля состоялась первая аудіенція у Фетх-Али-шаха. По этому случаю все пространство отъ посольскаго лагеря до шахской палатки, составлявшее около 1,000 шаговъ, было занято шестью баталіонами персидской пѣхоты, построенной въ двѣ линіи, фронтомъ во внутрь и съ развернутыми знаменами. Ровно въ 11 часовъ утра пріѣхалъ за Ермоловымъ Махмуд-ханъ.

Въ вышеприведенномъ разсказѣ нашемъ, мы имѣли уже случай коснуться тѣхъ затрудненій, которыя придворный этикетъ въ Персіи противопоставлялъ европейцамъ. Случившееся въ Тавридѣ повторилось и въ Султаніэ, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ. Не смотря на то, что на взаимное соглашеніе о церемоніалѣ представленія посольства Фетх-Али-шаху былъ посвященъ цѣлый день 30-го іюля и что послу, между прочимъ, было разрѣшено имѣть при себѣ свиту изъ 20-ти человѣкъ, персидское министерство, вопреки этого условія, вздумало построить чиновниковъ въ шахской палаткѣ въ одну линію, при чемъ половина ихъ оказалась бы стоящею внѣ оной, подъ открытымъ небомъ. Когда такое распоряженіе сдѣлалось извѣстнымъ, Ермоловъ объявилъ, что если не послѣдуетъ немедленной отмѣны диспозиціи, то онъ оставитъ всѣхъ чиновниковъ въ лагерѣ и отправится къ шаху только съ однимъ переводчикомъ.

Обстоятельство это вызвало новые переговоры. Наконецъ, спустя около двухъ часовъ, послѣдовало разрѣшеніе всѣмъ чиновникамъ быть въ палаткѣ и посольство оставило лагерь.

Шествіе открывали музыканты, игравшіе разные марши; затѣмъ слѣдовали: 24 гренадера подъ командою гр. Самойлова, 12 официантовъ въ богатыхъ ливреяхъ съ золотыми галунами, 2 конныхъ ѣздовые иностранной коллегіи; посолъ на прекрасномъ жеребцѣ въ сопровожденіи Махмуд-хана и двухъ совѣтниковъ; за ними Худобашевъ, Мазаровичъ, адъютанты, свитскіе офицеры (исключая Воейкова и Лачинова), полк. Ермоловъ, Машковъ, кн. Джанхатовъ съ узденями и въ заключеніе линейные и донскіе казаки. Въ такомъ порядкѣ посольство достигло до Кишик-ханэ или палатки тѣлохранителей, въ которой его ожидали Аллах-Яр-ханъ, Аман-Уллах-ханъ, мирза-Абуль-Хасан-ханъ, чиновникъ Мамед-Али-мирзы и еще какой-то старикъ. Тамъ же, для посла было поставлено особое кресло, но Ермоловъ воспользовался имъ только вслѣдствіе убѣдительной просьбы Аллах-Яр-хана, такъ какъ сначала, войдя въ палатку и ни съ кѣмъ не раскланявшись, онъ сѣлъ было на одинъ изъ попавшихся ему стульевъ, замѣтивъ, что „въ караульнѣ каждый можетъ сидѣть гдѣ ему угодно“. За симъ былъ сервированъ чай и подавались кальяны.

Нѣсколько спустя, дали знать, что шахъ ожидаетъ посольство: всѣ встали и начали готовиться къ аудіенціи.

VII.

Пріемная палатка. – Фетх-Али-шахъ. — Аллах-Яр-ханъ. — Первая аудіенція. — Рѣчь Ермолова. — Высочайшая грамота шаху. — Представленіе посольской свиты. — Шт.-к. Коцебу. — Перенесеніе императорскихъ даровъ изъ посольскаго лагеря. — Вторая аудіенція. — Осмотръ подарковъ.

Передъ нами обширная, обнесенная парусинною оградою, площадь. Прямо противъ входа на нее, на противуположномъ концѣ, стоитъ довольно большая, но не богатая палатка. Внутри ея, на устроенномъ изъ кирпичей возвышеніи, устланномъ шалевыми коврами, поставленъ тронъ, на подножіи котораго изображенъ отдыхающій левъ. По правую сторону трона, на коврикѣ, обшитымъ по каймамъ жемчугомъ, лежатъ около стѣнки двѣ круглыя, обтянутыя малиновымъ бархатомъ и унизанныя крупнымъ жемчугомъ подушки (мутаки), на четырехъ же углахъ коврика поставлены небольшіе сосуды, въ родѣ курильницъ, а по серединѣ украшенный алмазами и другими камнями кальянъ.

За нѣсколько минутъ до начала аудіенціи, въ палатку вошелъ Фетх-Али-шахъ и занялъ мѣсто на тронѣ. Онъ былъ въ кеянид-

ской [1]) коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней, съ богатѣйшимъ алмазнымъ перомъ впереди. Отъ плечъ до локтей на немъ были нарукавники, осыпанные рубинами, сафирами, яхонтами и алмазами, сливавшими свѣтъ свой съ ослѣпительнымъ блескомъ „горы свѣта“ [2]), чтобы затѣмъ въ тысячи блесткахъ разсыпаться по поверхности „моря свѣта“ [3]). Не менѣе богатъ былъ и накладной воротникъ, поясъ и украшенный алмазами и брилліантами кинжалъ.

Въ глубинѣ палатки, около задней стѣнки, по правую сторону отъ трона, стояли 14 шахскихъ сыновей, а въ концѣ ихъ чиновникъ съ блюдомъ, покрытымъ золотою парчою, на которомъ лежала малая шахская корона. По лѣвую же сторону трона, внѣ палатки, стояли 4 гулям-пишхидмета [4]), державшіе шахскія регаліи: щитъ, саблю, скипетръ и государственную печать.

Отъ входа на площадь до самой палатки, по обѣимъ сторонамъ, размѣстились вельможи и высшіе чины государства, а передъ палаткою, за бассейномъ, 4 насакчи-баши [5]), съ топориками (теберзинъ) изъ желѣза, съ золотою насѣчкою и осыпанными драгоцѣнными камнями рукоятками.

Но вотъ показался Ермоловъ, сопровождаемый Аллах-Яр-ханомъ и двумя совѣтниками, изъ которыхъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ императорскую грамоту. Свита же посольская съ Махмуд-ханомъ осталась въ кишик-ханэ. При самомъ входѣ на площадь, Ермоловъ остановился и сдѣлалъ первый поклонъ, затѣмъ, на серединѣ — второй, а передъ палаткою—третій. Въ это время Аллах-Яр-ханъ громогласно произнесъ:

„Чрезвычайный и полномочный россійско-императорскій посолъ желаетъ имѣть счастіе представиться средоточію вселенной и убѣжищу міра“.

— „Хош-гельди“ (добро пожаловать), — отвѣчалъ шахъ, — и жестомъ руки пригласилъ посла въ палатку.

Ермоловъ вошелъ, поклонился и произнесъ:

— „Императоръ россійскій, великій государь мой, равно постоянный

---

[1]) Кеяниды — древняя персидская династія, которой родоначальникомъ Кай-Кобадъ.

[2]) и [3]) «Гора свѣта» (кух-и-нуръ) и «Море свѣта» (дерья-и-нуръ)—два знаменитые алмаза. Послѣдній изъ нихъ въ то время, когда Тавернье его видѣлъ въ Голкондѣ, вѣсилъ 243 крата и былъ оцѣненъ въ 6 м. рублей.

[4]) Гулям-пишхидметы—стража, охраняющая особу шаха. Они поступаютъ въ это званіе большею частію изъ лучшихъ фамилій Персіи.

[5]) Насакчи-баши—исполнители казни, палачи. Они всегда предшествуютъ шаху, когда онъ куда-либо отправляется.

въ правилахъ своихъ и чувствахъ, уважая отличныя качества в. в—ва и любя славу вашу, желаетъ существующій нынѣ миръ утвердить навсегда съ Персіею, царствованіемъ вашимъ благополучною.

„Я имѣю счастіе быть удостоенъ порученія представить предъ в. в—мъ желаніе моего государя. Въ искренности его предъ лицомъ Персіи призываю я Бога во свидѣтели".

Затѣмъ, Ермоловъ взялъ съ подноса грамату и поднесъ ее шаху. Императоръ Александръ писалъ:

«Вашему шахову величеству нашего императорскаго величества пріятельское поздравленіе. По благополучно заключенномъ между нами и вашимъ величествомъ и обоими государствами вѣчномъ мирѣ, дружба и доброе согласіе счастливо возстановлены и онаго блаженнаго мира трактатъ обоюдно нашего и вашего шахова величества ратификаціями торжественно укрѣпленъ. Вслѣдствіе чего мы, имѣя истинное намѣреніе къ твердѣйшему содержанію сосѣдственной доброй дружбы и къ точному наблюденію всего того, что къ взаимному благу, пользамъ и выгодамъ обоихъ государствъ и подданныхъ нашихъ споспѣшествовать можетъ, а равномѣрно и во взаимство чрезвычайнаго посольства, отъ вашего шахова величества къ намъ отправленнаго и отъ насъ съ подобающею честью обратно отпущеннаго, отправили къ вашему шахову величеству нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ нашего отъ артиллеріи ген.-лейтенанта, командира отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, главноуправляющаго гражданскою частью въ Грузіи и губерніяхъ Астраханской и Кавказской, орденовъ россійскихъ: св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, св. Георгія 2-го кл., св. Анны 1-й и 4-й ст., имѣющаго золотую саблю съ надписью «за храбрость», иностранныхъ: императорскаго австрійскаго Маріи Терезіи, королевско-прусскихъ Краснаго Орла 1-й ст. и военнаго ордена за заслуги и великаго герцогства Баденскаго военнаго ордена 1-й ст. кавалера, высоко-благоурожденнаго и намъ любезно-вѣрнаго Алексѣя Ермолова, которому мы повелѣли ваше шахово величество именемъ нашимъ наикрѣпчайше удостовѣрить, что съ нашей стороны оный возстановленный между обоими государствами блаженный вѣчный миръ всегда свято и ненарушимо содержанъ будетъ и ни малѣйшаго повода никогда не подастся къ какимъ либо противнымъ оному и сосѣдственной дружбѣ дѣйствіямъ. Пребываемъ въ несомнѣнной надеждѣ, что столько же взаимно и ваше шахово величество въ такихъ же доброжелательныхъ и миролюбивыхъ расположеніяхъ къ намъ всегда пребудете и со стороны вашей и персидскаго государства съ равномѣрною истинною склонностью и чистымъ намѣреніемъ въ ненарушимомъ содержаніи сего блаженнаго вѣчнаго мира поступлено будетъ, каковыя съ обѣихъ сторонъ благоугодныя дѣянія послужатъ впередъ къ наивящшему утвержденію онаго и счастливо возстановленной сосѣдственной дружбы, также и къ умноженію

благоденствія и пользы обоюдныхъ подданныхъ. Того ради мы ваше шахово величество дружелюбно просимъ означеннаго нашего чрезвычайнаго и полномочнаго посла ген.-лейтенанта Ермолова благосклонно къ себѣ на аудіенцію, сходно съ характеромъ его, допустить и всему тому, что онъ на той аудіенціи и въ послѣдствіи потомъ вашему шахову величеству именемъ нашимъ представлять и предлагать честь имѣть будетъ, полную вѣру подавать и на оное благопріятными отвѣтами и резолюціями съ вашей стороны его снабдѣвать, какъ того настоящая, возстановленная между обоими государствами, совершенная вѣчная дружба требуетъ. А по исправленіи сего торжественнаго посольства имъ, нашимъ ген.-лейтенантомъ Ермоловымъ, обратно его со всякимъ дружелюбнымъ благоволеніемъ и принадлежащимъ характеру его достоинствомъ отпустить. Впрочемъ, мы вашему шахову величеству желаемъ отъ всемогущаго Бога долголѣтняго здравія. С.-Петербургъ, 5-го августа 1816 года».

Принявъ грамату, Фетх-Али-шахъ положилъ ее около себя на тронъ, а Ермоловъ, отошедъ на свое мѣсто, по приглашенію его, сѣлъ въ приготовленное для него кресло.

Затѣмъ шахъ освѣдомился о его здоровьи.

— „Счастливѣйшимъ,— отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ,— почитаю для себя день сей, въ который предсталъ передъ государя Персіи, могущественнаго и знаменитаго, уважаемаго россійскимъ императоромъ, моимъ государемъ“.

Послѣ того, подозвавъ снова Ермолова, шахъ спросилъ его о здоровьи императора и о томъ, гдѣ государь находился, когда онъ отправился въ Персію.

Давъ приличный отвѣтъ, Алексѣй Петровичъ опять возвратился на свое мѣсто и, по вторичному приглашенію, сѣлъ; но при всякомъ обращеніи къ нему шаха, бесѣдовалъ съ нимъ стоя.

Спустя нѣсколько минутъ, шахъ спросилъ о мѣстѣ пребыванія государя въ данную минуту, причемъ упомянулъ, что было-бы желательно, чтобы россійскій императоръ, равно какъ и государь Персіи, могли посѣщать другъ друга, подобно европейскимъ государямъ, и заключилъ пожеланіемъ, дабы гнѣвъ Аллаха разразился надъ могущими дерзнуть поколебать миръ и тишину, въ коихъ пребываютъ обѣ державы.

Но вотъ предстала посольская свита.

Представляя каждаго чиновника отдѣльно, Ермоловъ упомянулъ, что они лучшаго дворянскаго происхожденія, служатъ или въ гвардіи или при государѣ, и что всѣ одинаково почитаютъ себя счастливыми явиться передъ повелителемъ Ирана, ибо предприняли столь

далекое путешествіе единственно съ цѣлью узрѣть кроткаго монарха, прославившагося отличными свойствами, мудростью и величіемъ.

Выслушавъ это, Фетх-Али-шахъ выразилъ удовольствіе, что ему представился случай познакомиться съ отличными офицерами русскаго императора, дорогаго своего союзника.

Между чиновниками свиты находился шт.-кап. Коцебу. Называя его, Ермоловъ замѣтилъ, что этотъ офицеръ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, былъ, подобно другимъ, порываемъ желаніемъ видѣть Персію и великаго Фетх-Али-шаха.

— „Теперь, — съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ шахъ, — онъ, конечно, все видѣлъ", и тутъ же выразилъ желаніе, чтобы чиновники посольской свиты, по возвращеніи въ Россію, были произведены въ слѣдующіе чины.

Вскорѣ за симъ Ермоловъ оставилъ палатку и, сдѣлавъ на площади три поклона, вышелъ за ограду, гдѣ сѣлъ на лошадь, и, не возвращаясь болѣе въ кишик-ханэ, отправился въ свой лагерь.

Слѣдующіе два дня послѣ аудіенціи были исключительно посвящены перенесенію императорскихъ даровъ изъ посольскаго лагеря и размѣщенію ихъ въ особой, нарочно для того поставленной палаткѣ, рядомъ съ той, въ которой происходилъ пріемъ посла. Для представленія же ихъ была испрошена особая аудіенція, которую и назначили на 3-е августа, день праздника байрама, которымъ заключился постъ рамазанъ.

Около 10-ти часовъ утра, Ермоловъ, въ сопровожденіи Махмуд-хана и небольшой свиты, выѣхалъ изъ лагеря. У самаго дворца онъ сошелъ съ лошади и съ совѣтникомъ Негри поднялся на террасу, гдѣ былъ принятъ Мирзою-Шефи, и подъ небольшимъ навѣсомъ сталъ ожидать шахскаго выхода. Прочіе чиновники свиты отправились въ палатку съ императорскими дарами.

Съ террасы открывался превосходный видъ на весь Султанійскій лагерь. Прямо противъ дворца, на площадкѣ, ниже террасы, собрались вельможи и высшіе члены государства въ полной парадной одеждѣ; за площадкою были выстроены войска, а за ними вся мѣстность покрыта густыми массами любопытныхъ. На другой же площадкѣ, по правую сторону дворца, было разставлено около 500 фальконетовъ и орудій. Наконецъ, тутъ же, передъ дворцомъ, находилась цѣлая толпа музыкантовъ, плясуновъ и другихъ комедіантовъ.

Послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла показался въ диван-ханэ (аудіенцъ-залѣ) Фетх-Али-шахъ. Онъ былъ въ знакомомъ намъ нарядѣ. Съ появленіемъ его, всѣ преклонили головы. Наступило глубокое

безмолвіе, среди котораго слышался только голосъ глашатая, выкрикивавшаго изо всей горловой мочи хвалу своему повелителю и молившаго Аллаха о его долгоденствіи и благополучномъ царствованіи. Когда онъ кончилъ, шахъ обратился къ Мамед-Хусейн-хану Мервскому, знатному вельможѣ и присяжному піитѣ, котораго обязанность, при подобныхъ торжествахъ, состояла въ воспѣваніи и прославленіи шахскихъ доблестей въ самыхъ пышныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Ермоловъ былъ приглашенъ въ диван-ханэ, гдѣ поздравилъ шаха съ праздникомъ, а потомъ—къ открытой галлереѣ, чтобы удобнѣе любоваться зрѣлищемъ. Между различными потѣхами, въ родѣ плясокъ со всевозможными кривляніями и гимнастическихъ упражненій на канатѣ, особенное вниманіе обратили на себя три слона, съ испещренными листовымъ золотомъ и серебромъ хоботами, которые очень искусно всходили по лѣстницѣ на террасу и снова по ней спускались.

Любуясь и потѣшаясь этими забавами, Фетх-Али-шахъ вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ съ Ермоловымъ самый любезный разговоръ, увѣривъ его, между прочимъ, что довѣренность, какою онъ пользуется отъ своего государя, а равно и личныя его достоинства, даютъ ему полное право на такую же довѣренность шаха.

Кончивъ бесѣду, шахъ удалился въ свой гаремъ, съ тѣмъ, чтобы, спустя часъ, посѣтить палатку съ царскими дарами, куда, въ ожиданіи его, и отправились Ермоловъ и Мирза-Шефи. Въ этотъ короткій промежутокъ времени поднялся такой сильный вихрь, что едва не разметалъ всѣ дары, спасенные только благодаря величайшимъ усиліямъ цѣлой сотни феррашей [1]), успѣвшихъ ухватиться за веревки и удержать палатку. Когда вѣтеръ стихъ, шахъ послалъ главнаго своего евнуха Манучехр-хана узнать, не потерпѣли ли подарки какого повреждения, а вскорѣ и самъ показался на дворцовой лѣстницѣ, сопровождаемый нѣсколькими сыновьями и между ними Мамед-Али-мирзой. Но едва только онъ дошелъ до пріемной палатки, какъ долженъ былъ въ ней укрыться, за страшною пылью, поднятою новымъ, несравненно сильнѣйшимъ, чѣмъ въ первый разъ, порывомъ вѣтра. Но вотъ пыль улеглась, воздухъ по-прежнему сталъ чистъ и прозраченъ, и шахъ перешелъ въ близь стоявшую палатку. Пораженный богатствомъ и изяществомъ представившихся ему даровъ, онъ какъ-то невольно остановился у самаго входа и, только послѣ изъявленія Ермолову полнаго своего удовольствія, сталъ пере-

---

[1]) Феррашъ—собственно постельничій; нынѣ же они исполняютъ всѣ обязанности прислуги.

ходить отъ одного предмета къ другому, разсматривая каждую вещь до мельчайшихъ подробностей. Начавъ съ хрустальныхъ сервизовъ и взявъ рюмку, онъ нашелъ, что она до того отчетливо и превосходно отдѣлана, что можетъ возбудить страсть къ вину, даже въ мусульманинѣ, которому оно такъ строго запрещено пророкомъ. Увидѣвъ тутъ же фарфоровую тарелку, съ изображеніемъ на ней русской дѣвушки, онъ спросилъ: „Неужели въ Россіи и въ самомъ дѣлѣ такъ хороши женщины?“ Отъ фарфора онъ опять обратился къ сервизамъ и, остановившись на подносѣ, выразилъ удивленіе, что такая большая вещь можетъ быть отлита изъ стекла.

Но ничто, повидимому, не поразило такъ сильно Фетх-Али-шаха, какъ громадныхъ размѣровъ зеркала. Никогда еще въ жизни онъ не видѣлъ себя такъ хорошо, какъ въ этотъ разъ, и ничто, казалось, не могло сравниться съ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, подъ которымъ онъ находился въ данную минуту. „Мнѣ было несравненно легче,—произнесъ онъ,—пріобрѣсти милліоны, чѣмъ этотъ подарокъ русскаго вѣнценосца, который не промѣняю ни на какія сокровища въ мірѣ“. И долго еще, и неподвижно всматривался онъ въ себя и въ обливавшіе его алмазы и брилліанты, въ безчисленныхъ сіяніяхъ отражавшіеся въ глубинѣ волшебнаго трюмо. Всѣ молчали и никто не нарушалъ его самосозерцанія. Но вотъ, какъ бы очнувшись, онъ думалъ-было обратиться къ другимъ вещамъ, но какая-то невѣдомая сила снова приковала его къ мѣсту. Прошло еще нѣсколько минутъ. Наконецъ, превозмогая себя, онъ сдѣлалъ легкое движеніе въ сторону, еще мигъ, еще одинъ только взглядъ на зеркальную поверхность... и очарованіе исчезло...

На очереди были парчи и мѣха. Послѣдніе показались шаху не натурально темнаго цвѣта. Но сомнѣніе это тотчасъ разсѣялось, когда Ермоловъ объяснилъ, что они выбраны самимъ государемъ.

— „Значитъ,—спросилъ онъ, —къ нимъ коснулась рука императора?“ и, не дождавшись отвѣта, положилъ на одинъ изъ мѣховъ руку, какъ бы въ залогъ того, сколь ему дорогъ союзъ съ государемъ.

Полюбовавшись послѣ того пирамидой съ безчисленными ящиками, наполненными разными предметами женскаго туалета, а также бронзовыми часами, изображавшими слона съ механизмомъ, который, по его просьбѣ, три раза былъ приводимъ въ движеніе, онъ обратился въ заключеніе къ брилліантамъ. Затѣмъ, изъявивъ желаніе, чтобы перевозка вещей въ Тегеранъ была поручена тому же чиновнику, который ихъ доставилъ вь Султаніэ, онъ простился съ посломъ и удалился во дворецъ, куда за нимъ послѣдовалъ и Мирза-Шефи.

VIII.

Отсылка подарковъ къ Мирза-Шефи. — Визиты Ермолова. — Мамед-Али-мирза. — Переговоры по дѣламъ. — Конференція 12-го августа. — Отзывъ Ермолова о Мирзѣ-Безюргѣ. — Аудіенція у шаха. — Праздникъ въ честь Ермолова. — Прощальный обѣдъ въ посольствѣ и связанныя съ нимъ затрудненія. — Осмотръ шахскихъ сокровищъ. — Новая аудіенція у шаха. — Обѣдъ у низам-уд-доулэ.

Заря уже угасала на западѣ, когда Ермоловъ возвратился въ свой лагерь. Первою его заботою по пріѣздѣ было немедленное отправленіе къ Мирза-Шефи назначенныхъ ему отъ имени государя подарковъ. Пріятно было такое вниманіе дряхлому премьеру и онъ пожалѣлъ о томъ только, что ночь помѣшала народу быть свидѣтелемъ оказанныхъ ему императоромъ милостей.

Слѣдующіе дни были посвящены посѣщенію находившихся въ Султаніэ шахскихъ сыновей и высшихъ государственныхъ чиновъ. Ермоловъ началъ съ Мамед-Али-мирзы. Принявъ посла со всею любезностью и предупредительностью, принцъ долго и съ видимою искренностью говорилъ о томъ удовольствіи, которое онъ ощущаетъ при болѣе и болѣе утверждающихся добрыхъ сношеніяхъ между Россіей и Персіей, вполнѣ сознавая пользу, какую родина его можетъ извлечь отъ такого положенія дѣлъ въ будущемъ. Во время этой бесѣды, Ермоловъ, желая оказать особенное уваженіе принцу, нѣсколько разъ порывался отвѣчать ему стоя, но Мамед-Али-мирза каждый разъ предупреждалъ его просьбой не оставлять кресла. Когда же бывшій при этомъ михмандаръ Аскер-ханъ заявилъ, что такова обязанность посла и что онъ напрасно ей противится, то принцъ строгимъ взглядомъ заставилъ его молчать, замѣтивъ, что знаетъ съ кѣмъ говоритъ.

Отъ Мамед-Али-мирзы Ермоловъ отправился къ другимъ принцамъ и, между прочимъ, къ Абдулла-мирзѣ, знакомому намъ изъ Зенгана. Но, исполняя долгъ вѣжливости, онъ не забывалъ главной цѣли своего посольства. Едва только кончилась вторая аудіенція, онъ при ближайшемъ же свиданіи съ Мирза-Шефи предложилъ приступить къ переговорамъ, причемъ, не довѣряя словеснымъ объясненіямъ и обѣщаніямъ персіянъ, условился вести ихъ на бумагѣ. Кстати замѣтимъ, что вся возникшая за симъ переписка велась собственноручно самимъ Ермоловымъ и это потому, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо промаховъ, не подвергать нареканіямъ или упрекамъ другихъ, а за все отвѣчать самому. Характеристическая и рѣдкая черта въ начальникѣ!

Сначала Ермоловъ думалъ, что переговоры затянутся и что ему еще не скоро удастся выѣхать изъ Султаніэ, но по особенному счастію, а главное, благодаря энергическимъ объясненіямъ, которыми онъ отнялъ у персіянъ всякую охоту на частыя совѣщанія, все ограничилось нѣсколькими бумагами и одною конференціею. Она происходила 12-го августа. Кромѣ Мирза-Шефи и Ермолова, въ ней приняли участіе Мирза-Абдул-Вехабъ и совѣтники Негри и Соколовъ. Первый и важнѣйшій вопросъ, подлежавшій объясненію, относился до областей, отошедшихъ къ Россіи въ силу Гюлистанскаго договора. Во время преній, которыя съ обѣихъ сторонъ велись одинаково горячо, Мирза-Шефи и Мирза-Абдул-Вехабъ истощили все свое красноречіе и всю силу своихъ убѣжденій, чтобы склонить Ермолова на какую-либо уступку. Видя же его непреклонность, они объявили, что отказъ по дѣлу, не допускавшему и малѣйшаго сомнѣнія на благопріятное его разрѣшеніе для Персіи, послѣдовалъ для нихъ столь неожиданно, что они страшатся одной мысли заявить о немъ шаху. „Въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Ермоловъ, — я готовъ вывести васъ изъ затрудненія и лично объяснюсь съ его величествомъ". Услышавъ такія рѣчи, министры пришли въ ужасъ и, долго не думая, чистосердечно сознались, что всѣ предложенія съ ихъ стороны были сдѣланы безъ предварительной воли шаха, но что если они расчитывали на какую уступку, то единственно потому, что считали ее вполнѣ справедливою. Но Ермоловъ не подавался, отвѣтивъ, что имъ уже донесено государю о положительной невозможности отдать Персіи и самаго ничтожнаго клочка изъ уступленныхъ областей и что если онъ послѣ этого даже во снѣ увидитъ, что ей возвращаются земли, то, вѣроятно, не проснется и во вѣки. Слова эти были столь убѣдительны, что устранили всякія дальнѣйшія настоянія со стороны министровъ и самый вопросъ о земляхъ началъ мало по малу предаваться забвенію.

Затѣмъ, зашла рѣчь о назначеніи повѣреннаго въ дѣлахъ при шахѣ и консуловъ въ Гилянѣ и Астрабадѣ, а также объ учрежденіи въ тѣхъ мѣстахъ торговыхъ обществъ и конторъ. Хотя въ разрѣшеніи этого ходатайства со стороны министровъ не встрѣтилось особыхъ затрудненій, но оно не могло быть удовлетворено тогда же, такъ какъ потребовалось предварительное мнѣніе Аббас-мирзы, въ ближайшее вѣденіе котораго поступали пограничныя провинціи.

Наконецъ, третій предметъ обсужденія заключался въ испрошеніи шахскаго фирмана на возвращеніе плѣнныхъ и непрепятствованіе тѣмъ изъ бѣглыхъ солдатъ нашихъ, которые изъявятъ желаніе оставить Персію, возвратиться въ Россію. Дѣло это также было пе-

редано на ближайшее разсмотрѣніе Аббас-мирзы, съ тѣмъ, чтобы онъ въ рѣшеніи своемъ руководствовался мирнымъ договоромъ и дѣйствовалъ согласно существующимъ между обѣими державами доброму согласію и дружбѣ.

Во время совѣщаній по послѣднему пункту, Ермоловъ не упустилъ случая высказаться на счетъ Мирза-Безюрга какъ о величайшемъ плутѣ и мошенникѣ, котораго вражда къ русскимъ и подстрекательство противъ насъ населенія сосѣдственныхъ съ Персіей областей могутъ подать поводъ къ войнѣ, но что тогда всякое раскаяніе будетъ поздно. Министры, какъ и слѣдовало ожидать, противъ такого аргумента не посмѣли возражать, такъ какъ и у нихъ, какъ говорится, „пушокъ на рыльцахъ былъ". Отзывомъ своимъ Ермолову удалось, однакоже, устранить Мирза-Безюрга, прибывшаго въ то время въ Султаніэ, отъ всякаго участія въ переговорахъ.

16-го августа Ермоловъ, въ сопровожденіи Негри, былъ на аудіенціи у шаха и затѣмъ присутствовалъ на селямѣ [1]). Здѣсь повторилось все то, что происходило 3-го августа, съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что принцъ Мамед-Али-мирза, черезъ сына, поднесъ своему родителю довольно значительные подарки, состоявшіе изъ шалей, парчей, денегъ и множества ковровъ, и что шаху представлялся посланецъ изъ Синда, привезшій, кромѣ подарковъ, еще письмо отъ своего владѣтеля, которое тутъ же удостоилось громогласнаго прочтенія.

При этой встрѣчѣ съ Ермоловымъ, Фетх-Али-шахъ лично ему объявилъ, что онъ считаетъ вопросъ объ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи по Гюлистанскому договору, оконченнымъ и что земли тѣ впредь въ возвратъ требованы не будутъ, такъ какъ онъ изъ-за нихъ дружбы съ государемъ прерывать не намѣренъ.

Вскорѣ послѣ послѣдняго свиданія, а именно 21-го числа, состоялась четвертая аудіенція, а 22-го Ермоловъ со всею свитою былъ приглашенъ шахомъ на особое, устроенное въ честь посольства, празднество. Стеченіе народа, по обыкновенію, было значительное. Не доставало только англичанъ, которые, во избѣжаніе надѣванія чулокъ, вообще не показывались тамъ, куда бывалъ приглашаемъ Ермоловъ. Въ заключеніе праздника былъ сожженъ фейерверкъ, состоявшій изъ множества фонтановъ и нѣсколькихъ тысячъ ракетъ. Онъ продолжался около 40 минутъ, сливаясь въ одинъ непрерывный оглушительный трескъ и грохотъ съ производившеюся одновременно паль-

[1]) Селямъ — пріемъ у шаха.

бою изъ всѣхъ артиллерійскихъ орудій, бывшихъ въ Султаніэ, и не менѣе 300 фальконетовъ.

Между тѣмъ дни уходили за днями и Ермоловъ сталъ собираться въ отъѣздъ. Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ задумалъ устроить прощальный обѣдъ, дабы выразить высшимъ представителямъ власти признательность за ихъ радушіе, а также за тѣ расходы по пріему посольства вообще, которые персидское правительство нашло для себя болѣе выгоднымъ обратить на ихъ карманы. Едва только намѣреніе это огласилось, какъ изъ задуманнаго празднества вышло дѣло государственное. „Вмѣшался Мирза-Шефи; былъ внесенъ докладъ на высочайшее воззрѣніе. Бо́льшая часть приглашенныхъ была исключена по неравенству съ прочими, такъ что изъ 50 оставлено всего только 15. Кромѣ того, было созвано духовенство, чтобы пріискать въ коранѣ, какимъ образомъ, не оскорбляя закона, разрѣшить трапезу у невѣрнаго". Начались справки, но разрѣшающей статьи не оказывалось: всѣ пришли въ недоумѣніе, не зная что́ дѣлать. Наконецъ, послѣ долгаго размышленія и въ виду сколько шахскаго позволенія, столько боязни оскорбить посла, улемы постановили принять приглашеніе Ермолова, но съ тѣмъ, чтобы за столомъ прислуживала ихъ прислуга и чтобы она же накладывала и рѣзала кушанья. Условіе это было принято, а вечеромъ 25-го числа состоялся и самый обѣдъ. Лагерь на этотъ случай былъ превосходно иллюминованъ, а палатки освѣщены люстрами и жирандолями. Въ числѣ приглашенныхъ находились: Мирза-Шефи, Мирза-Безюргъ, Мирза-Абдул-Вехабъ, Хаджи-Мамед-Хусейн-ханъ, Аман-Уллах-ханъ, Махмуд-ханъ и визирь Зенганскій Мирза-Тачи. Гости были, впрочемъ, весьма воздержны и кромѣ фруктовъ почти ни до чего не дотрогивались. Когда же встали изъза стола, то каждый изъ нихъ, выбравъ себѣ кушанье, которое по внѣшнему виду казалось ему лучшимъ, просилъ о присылкѣ его къ нему на домъ.

Утромъ того же дня, посольство, пользуясь отсутствіемъ шаха на охотѣ, отправилось во дворецъ, гдѣ Аллах-Яр-ханъ показывалъ ему шахскія драгоцѣнности, при чемъ поднесъ Ермолову два портрета Фетх-Али-шаха, изъ коихъ одинъ предназначался собственно ему, а другой государю императору. Оба портрета были написаны крайне безобразно, но обстоятельство это нисколько не помѣшало принять ихъ съ выраженіемъ полнѣйшей признательности и съ почетомъ доставить въ нашъ лагерь.

На слѣдующее утро, шахъ, возвратившійся еще наканунѣ въ Султаніэ, опять принималъ Ермолова и на этотъ разъ до того любезно, что при самомъ его приходѣ, подарилъ ему изъ собственныхъ рукъ

11 огурцовъ и маковый букетъ. Въ происшедшей затѣмъ бесѣдѣ, онъ совершенно неожиданно и въ шутку, намекая на отошедшія къ Россіи области, сталъ говорить о томъ, какъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и какъ не исполнились тѣ надежды, которыя онъ такъ долго лелѣялъ въ душѣ. „Взгляни на посла, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія Аллах-Яр-хану, — какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я, съ своей стороны, готовъ сдѣлать все угодное его государю. Онъ не имѣетъ что̀ сказать противъ этого. Я же въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно". Произнеся это, шахъ спросилъ Ермолова: „Скажи по правдѣ, ты передашь разговоръ нашъ государю?" Ермоловъ отвѣтилъ утвердительно.

Затѣмъ, шахъ завелъ рѣчь о своей власти, которую считалъ несравненно выше власти всѣхъ прочихъ вѣнценосцевъ, уподобляя себя тѣни Аллаха на землѣ.

— „Пріятна, — возразилъ Ермоловъ, — тѣнь отъ человѣка, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ народа, считающаго дни его благотвореніями", и послѣ того, какъ бы мимоходомъ, спросилъ: „А какова была тѣнь Ага-Мамед-хана?" Извѣстно, что Ермоловъ сравнивалъ послѣдняго съ жидомъ, взявшимъ въ аренду землю персидскую.

Шахъ принялъ вопросъ безъ неудовольствія и улыбнулся.

Вечеромъ того же дня посольство обѣдало у низам-уд-доулэ. Когда собрались приглашенные, хозяинъ взялъ Ермолова подъ руку, чтобы вести его изъ пріемной палатки въ столовую, и въ это время весьма страннымъ образомъ сталъ перебирать пальцы его лѣвой руки. Думая, что таковъ, вѣроятно, одинъ изъ восточныхъ обычаевъ изъявлять дружбу, Ермоловъ сначала было не обратилъ на то никакого вниманія, но когда онъ почувствовалъ на пальцѣ громадный перстень, то тотчасъ же отдернулъ руку, замѣтивъ, что такихъ подарковъ и такимъ образомъ предлагаемыхъ онъ не принимаетъ. Хозяинъ было обидѣлся, но потомъ, за обѣдомъ, вздумалъ, вмѣсто перстня, предложить большой величины неоправленный камень, но Ермоловъ отказался и отъ камня. На слѣдующій день низам-уд-доулэ повторилъ свой маневръ, предлагая вмѣсто камня синій яхонтъ, но потерпѣлъ и на этотъ разъ такую же неудачу, какую понесъ Мирза-Шефи, желая поднести послу нитку крупнаго жемчугу.

Обѣдъ у низам-уд-доулэ продолжался около двухъ часовъ. Вставъ изъ-за стола, Ермоловъ простился съ хозяиномъ и, сопутствуемый Мирзою-Шефи, немедленно направился въ свой лагерь.

IX.

Подарки шаха и принца Мамед-Али-Мирзы.—Прощальная аудіенція.—Рѣчь Ермолова.—Отвѣтное письмо Фетх-Али-шаха государю императору.—Граматы императрицъ старшей женѣ шаха и отвѣты на нихъ.

Въ промежутокъ времени между послѣднею аудіенціею и обѣдомъ у низам-уд-доулэ, въ посольскомъ лагерѣ шли дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ шахскихъ наградъ и подарковъ, которые, однакоже, вслѣдствіе отмѣны первоначальнаго распоряженія персидскаго правительства, были доставлены лишь утромъ 27-го августа. Они состояли въ слѣдующемъ:

Ермолову: Льва и Солнца 1-й ст. съ бриллiантами, сабля Измаил-шаха съ богатѣйшею портупеею, 10 дорогихъ шалей и 17 кусковъ парчи.

Совѣтникамъ: Льва и Солнца 2-й ст., по 3 шали и столько же кусковъ парчи; кромѣ того, Негри получилъ украшенный драгоцѣнными камнями кинжалъ, а Соколовъ жеребца.

Полк. Ермолову и Коцебу также Льва и Солнца 2-й ст., по 2 шали и по 2-же куска парчи.

Прочимъ офицерамъ и чиновникамъ посольской свиты—разныхъ степеней орденъ Льва и Солнца, а штабъ-офицерамъ, сверхъ того, по шали и по 2 куска парчи; наконецъ

Людямъ посольства 1,500 червонцевъ [1]).

По принятіи подарковъ, Ермоловъ пожаловалъ принесшему ихъ чиновнику соболій мѣхъ и золотые часы, а бывшей съ нимъ прислугѣ 600 червонцевъ.

Вслѣдъ за уходомъ чиновника, Ермолову были присланы подарки отъ принца Мамед-Али-Мирзы; они заключались въ 4-хъ дорогихъ шаляхъ, нѣсколькихъ кускахъ парчи и 2-хъ арабскихъ лошадяхъ (кобылы и жеребца).

Вечеромъ того же дня посольство въ полномъ составѣ было на прощальной аудіенціи, куда отправилось въ томъ же порядкѣ и съ тою же церемоніею, какъ и въ первый разъ. Откланиваясь шаху, Ермоловъ началъ съ изъявленія признательности за оказанныя ему милости и предоставленіе посольству тѣхъ выгодъ, какими оно пользовалось какъ въ дорогѣ, такъ и въ Султаніэ, и кончилъ слѣдующею рѣчью:

— „Съ первымъ шагомъ моимъ на землю персидскую, принесъ я въ

---

[1]) Изъ этихъ денегъ унтеръ-офицеры получили по 20, официанты по 14, солдаты и казаки по 12, а прислуга по 10 червонцевъ.

душѣ моей почтеніе къ знаменитымъ дѣламъ и славѣ вашего величества, и сіе чувство почерпнулъ я въ истинной дружбѣ и уваженіи, которое великій государь мой сохраняетъ къ особѣ вашей. Нынѣ, имѣвъ счастіе познать лично высокія добродѣтели вашего величества, возвращаюсь я, исполненный удивленія. И благополучно утвержденный миръ, и милостивый благосклонный пріемъ, котораго удостоились Россіяне, будутъ новымъ поводомъ дружбы и бо́льшей привязанности великаго государя ихъ къ великому обладателю Персіи. Молю Бога да продолжитъ доброе согласіе для блага обоихъ народовъ!

„Благополучное царствованіе и слава вашего величества есть желаніе сердца каждаго Россіянина".

Выслушавъ эти немногія слова, шахъ собственноручно вручилъ Ермолову отвѣтное письмо государю, слѣдующаго содержанія:

«Связанные сердечною дружбою и пріязнью, первое слово наше должно быть посвящено прославленію Всевышняго, утвердившаго между нами доброе согласіе. Затѣмъ, хвала пророкамъ и имамамъ, свидѣтельствующимъ единство Аллаха и ведущимъ насъ по пути истины и правды.

«Великому государю, знаменитому и счастливому монарху, возвышенной вѣтви сада имперіи, животворящей водѣ источника могущества, великолѣпному и прославленному самодержцу Россійскихъ областей и безчисленныхъ земель—да превознесется онъ похвалами по мѣрѣ своей славы и силы—посылаемъ привѣтъ, сіяющій какъ свѣтило его разума, пожеланія столь же стремительныя какъ стрѣлы его преднамѣреній, восхваленія, въ прочности, не уступающія основамъ его престола, и благоговѣніе, усугубляющееся подъ вліяніемъ звѣзды его счастія и благополучія.

«Симъ доводится до благосклоннаго свѣдѣнія вашего величества, что истолкователь сердечныхъ чувствъ вашихъ, высокоблагородный, проницательный, вѣрный, преданный, лучшій изъ христіанскихъ князей, одаренный превосходнѣйшими качествами души, ген.-лейтенантъ Ермоловъ, прибывъ въ эту землю, передалъ намъ счастливое письмо своего государя, скрѣпленное печатью дружбы и имѣющее очистить путь ко взаимнымъ сношеніямъ.

«Ваше величество сообщаете, что, одушевляемые желаніемъ поддержать и упрочить союзъ дружбы и единства, плоды послѣдняго трактата, вы обезпечиваете съ своей стороны точное соблюденіе его постановленій и правила добраго согласія и сосѣдства. Такія увѣренія требуютъ взаимности. Но вашему величеству извѣстно, что еще съ того времени, какъ нашъ повѣренный, избранный между ханами Мирза-Абуль-Хасан-ханъ, подтвердилъ намъ о дружескомъ расположеніи вашемъ, сердце наше было приведено въ восхищеніе и что, поставивъ себѣ правиломъ угождать вашему величеству, мы слѣдовали побужденіямъ собственнаго сердца.

«Подобно тому, какъ роза мирнаго трактата, распустившаяся въ цвѣт-

никѣ (гюлистанъ)[1]) на равнинѣ Карабага, благодатію Всевышняго предохранится отъ урагана осени на улыбающейся полянѣ нашего сердца и въ вѣчно цвѣтущемъ саду души, не помрачится въ своей чистотѣ и вѣчная постоянно-усугубляющаяся дружба.

«И такъ, послѣдствія добраго согласія выяснены и сердечныя пожеланія высказаны. А потому, отпуская нынѣ, съ подобающими почестями, упомянутаго генерала, заслужившаго своимъ поведеніемъ и качествами души наше благоволеніе, намъ остается утѣшаться расположеніемъ вашего величества.

«Благодаря Всевышнему, связи дружбы и искренности нынѣ взаимно скрѣплены и основы согласія упрочены, счастливый же миръ увѣковѣчится и благотворныя послѣдствія пріязни день ото дня будутъ усугубляться. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, въ силу установившейся неразрывной дружбы, пріятнаго отвѣта и осуществленія надеждъ нашихъ.

«Да будутъ дни счастія и могущества вашего величества вѣчны!»

Обратившись затѣмъ лично къ Ермолову, шахъ сказалъ, что разстается съ нимъ съ полнымъ сожалѣніемъ. „Ты,—произнесъ онъ,—до того расположилъ меня къ себѣ, что языкъ мой не хочетъ произнести, что я отпускаю тебя“. Отъ посла онъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ отнесся къ чиновникамъ посольской свиты, упомянувъ, что доброе поведеніе ихъ, давая имъ полное право на его благоволеніе, заставляетъ его, въ то же время, перемѣнить составившееся у него превратное мнѣніе о русскихъ. Въ дальнѣйшей, довольно продолжительной бесѣдѣ, онъ, между прочимъ, выразилъ желаніе послать государю что-либо изъ мѣстныхъ издѣлій и произведеній Персіи, причемъ, со своей стороны, поручилъ просить императора о присылкѣ ему хорошихъ люстръ и фарфороваго сервиза въ персидскомъ вкусѣ. Затѣмъ, онъ отпустилъ Ермолова, пожелавъ ему благополучнаго возвращенія въ Грузію и полнаго счастія въ будущемъ.

Вечеромъ у Ермолова обѣдали англичане. Это было послѣднее съ ними свиданіе, такъ какъ весь день 28-го августа былъ посвященъ прощальнымъ визитамъ, а 29-го посольство оставило Султаніэ. Наканунѣ отъѣзда всѣ министры прислали послу подарки, но онъ отъ бо̀льшей части отказался, удержавъ изъ всего только 9 лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ермолову были доставлены письма старшей жены шаха къ императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Θеодоровнѣ, въ отвѣтъ на высочайшія къ ней граматы, переданныя Мирзѣ-Шефи,

---

[1]) Здѣсь авторъ письма допустилъ игру словъ: Гюлистанъ въ переводѣ значитъ «цвѣтникъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ есть названіе урочища, лежащаго въ Карабагской провинціи, на рѣчкѣ Зейвѣ, и памятнаго по заключенному въ немъ договору.

еще 3-го августа, въ той самой палаткѣ, въ которой находились императорскіе дары, передъ посѣщеніемъ ея Фетх-Али-шахомъ.

Намъ неизвѣстно, которая именно изъ женъ шаха была признана старшею; да и едва-ли кто въ цѣлой Персіи, кромѣ развѣ обитательницъ гарема, о томъ что нибудь зналъ. Недоумѣніе это могло бы разъясниться изъ отвѣтныхъ писемъ, но въ приложенныхъ къ нимъ печатяхъ, къ сожалѣнію, не было показано имени.

Когда въ Тегеранъ прибыло отъ англійскаго короля Георга первое посольство, то оно также имѣло порученіе передать старшей женѣ шаха письмо и богатѣйшій подарокъ королевы. Сначала были въ недоумѣніи, которую изъ женъ признать старшею, но въ собравшемся по этому поводу особенномъ засѣданіи первенство осталось за Агабегюмою. Она получила подарокъ и сама написала отвѣтъ королевѣ. Ага-бегюмъ была дочь Ибрагим-хана карабагскаго и дѣйствительно пользовалась особенною преданностью и уваженіемъ Фетх-Али-шаха, на что ей главнымъ образомъ давало право высокое ея происхожденіе. Изъ другихъ женъ, пользовавшихся хотя меньшимъ уваженіемъ, но за то бо́льшею привязанностью шаха, извѣстна дочь одного кебабчи [1]), удостоившаяся даже получить титулъ тадж-и-доулетъ, т. е. „вѣнецъ государства". Но мы склоняемся къ тому предположенію, что и на этотъ разъ предпочтеніе было дано Ага-бегюмѣ.

Граматы императрицъ, помѣченныя однимъ и тѣмъ же числомъ (5-го августа 1816 года) и отвѣтныя на нихъ письма заключались въ слѣдующемъ:

Грамата государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны:

«Нашего императорскаго величества дружеское поздравленіе. Видѣвъ изъ письма вашего высочества, коль усердно желали вы, чтобы возстановленные между обоими государствами миръ и согласіе какъ можно больше утвердились, мы съ истиннымъ удовольствіемъ увѣдомляемъ ваше высочество, что точно съ таковымъ намѣреніемъ нынѣ отправляется со стороны Е. И. В., любезнѣйшаго супруга нашего, чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ его шахову величеству превосходительный и благо-урожденный ген.-лейтенантъ Ермоловъ, которому поручили мы, кромѣ сей грамоты, доставить вашему высочеству отъ насъ дары, какъ во взаимство таковыхъ же отъ васъ къ намъ присланныхъ, такъ и въ доказательство искреннѣйшей нашей дружбы къ вамъ, съ каковою желаемъ вашему высочеству совершеннаго благоденствія и многихъ радостей».

Отвѣтное письмо:

«До тѣхъ поръ, когда весною сады облекутся въ одежду листьевъ и цвѣ-

---

[1]) Кебабчи—продавецъ жареннаго мяса на базарахъ.

товъ, а безчисленные голоса утреннихъ соловьевъ станутъ оживлять сидящихъ за завѣсою беѣды въ паркѣ розъ, до тѣхъ самыхъ поръ, цвѣтникъ счастія знаменитой госпожи великаго государства, Билкалса[1]) величія, Маріи[2]) подобной, колыбели совершенства, очаровательнаго ожерелья царства, счастливаго рудника жемчуга славы и блестящей звѣзды на высокомъ небосклонѣ—да благоухаетъ розами вѣчности и да пребудетъ отраднымъ пиршествомъ къ утоленію жажды питьемъ вожделѣнія!

«По изъясненіи пріязни высокому уму, подобному лунѣ, представляется, что упитанный амброю запахъ виноградника постоянства и мускусное благоуханіе сада дружбы, т. е. счастливое дружеское письмо, или высокая записка, счастливымъ прибытіемъ распространила благовоніе въ бесѣдѣ сердца и умножила пріятнымъ содержаніемъ радость души дружбы. Она была преисполнена отъ конца до начала постоянною дружбою и отъ начала до конца отличалась остроуміемъ; цвѣтникъ ея выраженій былъ украшенъ розами единодушія и согласія, а съ розы содержанія снята пыль непріязни. Очаровательныя доказательства твердой дружбы отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ, а зеркало сердца неизмѣнныхъ друзей рукой пріязни очистилось отъ всякой вражды; содержимыя въ ней мысли породили славу, благополучіе и веселіе, а обнаруженіе желаннаго согласія, вытекающаго изъ ея изреченій, доставило великую радость. Мы благодаримъ Аллаха, покровителя дружбы, что онъ связалъ обѣ державы узами того согласія, которое даетъ намъ возможность развлекаться дружескою перепискою, и соединилъ оба знаменитыя государства тѣмъ согласіемъ, котораго нить всегда въ рукахъ нашихъ. Хотя любимое лицо свиданія повидимому и скрыто за занавѣсью, но она не препятствуетъ проявленію искренности сердецъ; дальность же разстоянія хотя устраняетъ возможность взаимнаго соединенія, но, стремясь по пути дружбы, мы не знаемъ препонъ. Есть надежда, что основаніе этого соединенія прочно и что способы къ нашему сближенію будутъ постоянно увеличиваться. Такъ какъ высокостепенный, основаніе князей и избранный между вельможами христіанства, могущественный главнокомандующій и чрезвычайный посолъ той вѣчной державы (т. е. Россіи), храбрый ген.-лейтенантъ Ермоловъ, по врученіи императорской грамоты, возвращался отъ благополучнаго двора великаго государя, то оказалось нужнымъ начертать это дружеское посланіе. Правила дружбы требуютъ, чтобы единодушіе вящше украшалось разноцвѣтными розами переписки, а радость пріязненнаго сердца усугублялась пріятельскими порученіями.

«Впрочемъ, да текутъ дни по желанію!».

Въ печати написано: «О ты, бегюмъ (госпожа), содѣлавшаяся цѣломудріемъ второю Венерою и звѣздою шаха, покровителя міра!»

---

[1]) Одна изъ женъ царя Соломона.

[2]) Богородица.

Грамата государыни императрицы Маріи Өеодоровны:

«Нашего императорскаго величества дружеское поздравленіе. Пользуясь отправленіемъ ген.-лейтенанта Ермолова, назначеннаго чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ со стороны Е. И. В., любезнѣйшаго сына нашего, къ его шахову величеству, мы съ истиннымъ удовольствіемъ повторяемъ вашему высочеству увѣреніе въ искреннѣйшей нашей дружбѣ къ вамъ и въ полномъ доброжелательствѣ. Мы поручили сему послу также доставить вашему высочеству разные отъ насъ дары, будучи увѣрены, что вы ихъ примете доказательствомъ, сколь пріятны для насъ были дары ваши, а также той пріязни, съ коею мы желаемъ вашему высочеству постояннаго благоденствія и многихъ радостей».

Отвѣтное письмо:

«Пока цѣна и свѣжесть госпожъ, скрывающихся въ разныхъ мѣстахъ цвѣтника розъ, усугубляется благоуханіемъ весны и почки розъ запахомъ животворящаго вѣтерка Мессіи [1]) склоняются къ поламъ Маріи [2]), кустарникъ розъ, край завѣсы веселія и почка кустарника розъ счастія благополучной госпожи, уединенной палаты великой державы, финиковаго дерева величія, плода сада высоты, полной луны совершенства и сіянія неба благополучія, счастливой коробки перла государства, благополучнаго созвѣздія звѣзды знанія, Маріи, колыбели величія, высокосановной сестрицы—да будутъ предохранены отъ всякой нечистоты горестей и вреда знойнаго вихря печалей!

«При сплетеніи пучка розъ, да откроется пріязненному уму, что дышащій амброю запахъ виноградника постоянства и мускусное благоуханіе сада дружбы, т. е. счастливое дружеское посланіе, означающее соединеніе, счастливымъ полученіемъ распространило благоуханіе въ бесѣдѣ сердца и пріятнымъ содержаніемъ вящше возрадовало душу. Оно дышало дружбою и отъ начала до конца было преисполнено остроумія; цвѣтникъ его выраженій былъ украшенъ розами единодушія и согласія, а розы содержанія очищены отъ пыли непріязни. Залоги твердой пріязни отражаются въ немъ какъ въ зеркалѣ, и зеркало сердца постоянныхъ друзей рукою дружбы очистилось отъ всякой вражды; вложенныя въ него мысли доставили славу, благополучіе и веселіе и изреченія дружбы, которыми оно дышало, возродили неописанную радость. Мы обязаны благодарить Аллаха, покровителя дружбы, за то, что онъ связалъ обѣ высокія державы тою пріязнью, что мы можемъ развлекаться дружескою перепискою» и т. д. (какъ въ предъидущемъ письмѣ), а въ заключеніе:

«Впрочемъ, да будутъ дни искренности вѣчны!»

Печать какъ и въ первомъ письмѣ.

---

1) Іисусъ Христосъ.

2) Богоматерь.

Вечеромъ въ посольскомъ лагерѣ все было занято приготовленіемъ къ выѣзду.

X.

Выѣздъ изъ Султаніэ.—Прибытіе въ Тавризъ.—Французъ Мерше.—Аудіенція у Аббас-мирзы.—Переговоры съ Мирза-Безюргомъ.—Вражда между Аббас-мирзою и Мамед-Али-мирзой за наслѣдство.—Отказъ Ермолова въ офиціальномъ признаніи наслѣдника.—Свиданія съ Аббас-мирзою.—Сердарь Эриванскій Хусейн-ханъ.—Прощальная аудіенція.—Отвѣтное письмо Аббас-мирзы къ государю.—Подарки наслѣдника.—Послѣднее свиданіе съ Мирза-Безюргомъ и выѣздъ изъ Тавриза.—Встрѣча посольства на границѣ и прибытіе Ермолова въ Тифлисъ.—Заключеніе.

Былъ ясный и свѣтлый день. Солнце хотя пекло, но менѣе, чѣмъ въ предъидущіе дни, такъ что посольство могло выступить изъ лагеря въ самый полдень. Оставляя безъ сожалѣнія Султаніэ, Ермоловъ уносилъ, однакоже, съ собою не мало пріятныхъ воспоминаній, которыя почти исключительно сосредоточивались на Фетх-Али-шахѣ. Найдя въ немъ человѣка умнаго, благонамѣреннаго, кроткаго и великодушнаго, онъ полюбилъ его, не столько вслѣдствіе сдѣланнаго ему ласковаго пріема, или особаго къ себѣ вниманія, сколько за чистосердечное расположеніе къ Государю и полную готовность скрѣпить съ нимъ узы добраго согласія и дружбы. Но не могъ онъ того же сказать объ Аббас-мирзѣ, къ которому теперь направлялъ путь свой и съ которымъ ему предстояло пережить еще нѣсколько тревожныхъ дней. При одной мысли объ этомъ близкомъ будущемъ, имъ овладѣвало какое-то непріятное чувство и онъ дорого заплатилъ бы, чтобы миновать Тавризъ и не встрѣчаться болѣе ни съ наслѣдникомъ, ни, въ особенности, съ ненавистнымъ ему каймакамомъ. Между тѣмъ, желаніе такъ или иначе кончить дѣла своей миссіи и, въ виду приближавшейся осени, скорѣе выѣхать изъ Персіи, влекло его впередъ и онъ спѣшилъ, избѣгая частыхъ и продолжительныхъ остановокъ въ дорогѣ. Послѣ отпразднованія тезоименитства государя императора въ Зенганѣ, посольство имѣло только двѣ дневки, такъ что 9-го сентября оно уже вступило въ резиденцію Аббас-мирзы.

Съ прибытіемъ въ Тавризъ, совершившимся безъ всякой церемоніальной встрѣчи, отъ которой Ермоловъ отказался еще наканунѣ, посольство расположилось по прежнему въ домѣ Мирза-Безюрга, и на этотъ разъ не безъ нѣкотораго скандала. Вотъ что случилось. Когда музыканты наши собирались занять отведенныя имъ комнаты, то жившій на томъ же дворѣ французъ Мерше, полковникъ Наполеоновой гвардіи, служившій въ войскахъ Аббас-мирзы, выгналъ ихъ вонъ, при чемъ двумъ музыкантамъ нанесъ сабельные удары. Дерзость эта

взорвала Ермолова. Онъ потребовалъ немедленнаго удовлетворенія. Когда же мѣстная власть отъ того уклонилась, то приказалъ арестовать и наказать плетьми француза, саблю же его отправилъ къ Аббас-мирзѣ, поручивъ передать ему, что подобнаго негодяя, вѣроятно, уже болѣе на службѣ терпѣть не будутъ.

Милостивый и ласковый пріемъ, сдѣланный Фетх-Али-шахомъ Ермолову, произвелъ глубокое впечатлѣніе на наслѣдника. О прежнихъ требованіяхъ въ соблюденіи придворнаго этикета не могло быть рѣчи и посолъ каждый разъ былъ принимаемъ въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ для него всегда стояло кресло и куда вмѣстѣ съ нимъ входила и вся его свита. Но выигравъ на одномъ, Ермоловъ потерялъ на другомъ.

Мы упомянули выше, что рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, предложенныхъ на конференціи въ Султаніэ, было возложено на наслѣдника. Переговоры по нимъ открылись тотчасъ послѣ свиданія съ Аббас-мирзою и предоставленія ему императорскихъ даровъ, и велись непосредственно между посломъ и Мирза-Безюргомъ.

Первый пунктъ, подлежавшій обсужденію и касавшійся собственно опредѣленія времени для постановленія границы между Россіею и Персіею, кончился благополучно, такъ какъ онъ въ сущности не представлялъ особыхъ затрудненій. Не менѣе благопріятно былъ рѣшенъ и другой вопросъ: о допущеніи Россіи имѣть при тегеранскомъ кабинетѣ своего повѣреннаго въ дѣлахъ. Сначала Мирза-Безюргъ думалъ возражать, но долженъ былъ уступить въ виду сдѣланнаго Ермоловымъ заявленія, что назначеніе повѣреннаго зависитъ единственно отъ шаха, при особѣ котораго должно состоять акредитованное Государемъ Императоромъ лицо. Въ отношеніи же допущенія нашихъ консуловъ и учрежденія купеческихъ конторъ въ Гилянѣ и Астрабадѣ, послѣдовалъ отказъ, который Мирза-Безюргъ формулировалъ очень просто тѣмъ, что какъ Аббас-мирза, „по скромности своей", управленія Гилянскою областью на себя не принималъ, да и принять не намѣренъ, то и согласія дать не можетъ.

Но вотъ коснулись самаго щекотливаго и труднаго вопроса: возвращенія нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ. Когда Ермоловъ предъявилъ свои требованія, основанныя на VI ст. Гюлистанскаго трактата, Мирза-Безюргъ отвѣчалъ, что какъ со времени его заключенія прошло почти 4 года, а по смыслу приведенной статьи плѣнныхъ и бѣглыхъ должно было возвратить въ трехмѣсячный срокъ, но хотя, за давностью времени правительство и имѣло бы право считать себя свободнымъ отъ того, чтобы удерживать на чужой землѣ „рабовъ Аллаха и созданій единаго Творца", оно готово, по возвращеніи русскаго баталіона изъ похода, о чемъ уже сдѣлано распоряженіе, возвратить всѣхъ тѣхъ,

которые изъявятъ желаніе оставить Персію, при чемъ проситъ окончаніе самаго дѣла поручить особенному повѣренному. Послѣ такого отзыва, повидимому, не оставалось бы желать ничего лучшаго, но не такъ понималъ каймакама Ермоловъ. Зная, что баталіонъ за нѣсколько только часовъ до его прибытія былъ высланъ изъ Тавриза подъ предлогомъ усмиренія возмутившихся будто бы курдовъ и что вмѣсто него поставлены другія войска, онъ не могъ не видѣть явнаго обмана и мошенничества со стороны Мирза-Безюрга, а потому на всѣ его клятвы и увѣренія отвѣчалъ въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ.

— „Разсказывайте все то дѣтямъ,—говорилъ онъ,—не мнѣ. Клятвамъ вашимъ не вѣрю: онѣ для васъ тоже, что для меня понюхать табаку. Мнѣ извѣстна вся низость вашихъ поступковъ; извѣстны и тѣ мѣры, которыя приняты, чтобы не допустить до меня плѣнныхъ. Не дерзайте оправдываться: еще сегодня одинъ изъ такихъ несчастныхъ бросился съ крыши къ стоявшему у нашего обоза караулу. Подлое поведеніе ваше я опубликую во всеобщее свѣдѣніе. Попробуйте заставить меня молчать. Насъ здѣсь 200 человѣкъ среди войскъ вашихъ; прибавьте къ нимъ еще 100 баталіоновъ и я не болѣе васъ буду уважать. Наслѣдника же вашего предупредите, что если во дворцѣ, въ числѣ его тѣлохранителей, узнаю русскаго солдата, то, не взирая на его присутствіе, я вырву его у васъ“.

Слова эти и грозный тонъ, въ которомъ они были произнесены, привели каймакама въ крайнее замѣшательство. Онъ думалъ-было оправдываться, но напрасно: Ермоловъ разбивалъ его на каждомъ шагу и, насказавъ ему въ заключеніе еще много горькихъ истинъ, прекратилъ переговоры и удалился.

Слѣдующее засѣданіе имѣло тотъ же характеръ.

Но противодѣйствіе, встрѣченное въ освобожденіи плѣнныхъ и, бѣглыхъ, не осталось безъ достойнаго отмщенія.

Извѣстно, что Аббас-мирза находился въ непримиримой враждѣ за наслѣдство съ старшимъ своимъ братомъ Мамед-Али-мирзою, лишеннымъ этого права потому, что мать его была не каджарскаго племени, а христіанкою, которая у персіянъ можетъ быть только невольницею. Столь очевидное возвышеніе каджаровъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ высшей власти и занимавшихъ лучшія должности въ государствѣ, возбудило къ нимъ ненависть народа, въ которомъ образовались двѣ партіи: каджарская, сосредоточившая всѣ свои надежды на Аббас-мирзѣ, и партія недовольныхъ, принявшая сторону обиженнаго Мамед-Али-мирзы. Къ поддержанію и постоянному разжиганію вражды двухъ братьевъ не мало способствовала и собственная неосмотрительность шаха, ввѣрившаго Аббас-мирзѣ управ-

леніе провинціями, нѣкогда отторгнутыми отъ Турціи жители которыхъ не успѣли слиться съ персіянами, тогда какъ Мамед-Али-мирзѣ отдалъ области, въ коихъ жили знатнѣйшія и коренныя фамиліи Персіи, которыхъ онъ привязывалъ щедротою и отвращеніемъ отъ всего, что было противно древнимъ обычаямъ народа. Въ послѣдствіи, чтобы ослабить старшаго сына, шахъ поставилъ его въ нѣкоторую зависимость отъ Аббас-мирзы, разрѣшивъ послѣднему образовать у себя регулярныя войска и лишивъ этого преимущества Мамед-Али-мирзу. Съ тою же цѣлью, при заключеніи Гюлистанскаго трактата, была предложена IV статья, принятая генераломъ Ртищевымъ, разсудившимъ за благо давать Аббас-мирзѣ титулъ наслѣдника.

Этого-то послѣдняго признанія, порученнаго по инструкціи ближайшему усмотрѣнію Ермолова, самымъ настойчивымъ образомъ добивался Аббас-мирза, на что его въ особенности побуждали англичане, хорошо знавшіе, что вліяніе ихъ можетъ существовать только въ его царствованіе и что при Мамед-Али-мирзѣ имъ трудно будетъ удержаться въ Персіи, такъ какъ онъ питаетъ къ нимъ полнѣйшую ненависть.

Но усилія Аббас-мирзы на этотъ разъ не достигли цѣли и Ермоловъ оставилъ Тавризъ, не поддавшись на удочку, будучи глубоко убѣжденъ, что уступкою наслѣднику онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ бы важную услугу англичанамъ, упрочивъ ихъ вліяніе въ Персіи въ ущербъ собственныхъ нашихъ интересовъ.

Рядомъ съ переговорами происходили почти ежедневныя свиданія съ Аббас-мирзою. Вниманію его и любезностямъ не было конца. То онъ приглашалъ Ермолова на загородную прогулку, то на смотръ какой-либо отдѣльной части войска, а однажды даже на обѣдъ—случай небывалый, чтобы христіанинъ ѣлъ въ одной комнатѣ и въ одно время съ наслѣдникомъ.

Кромѣ обычныхъ визитовъ со стороны вельможъ и частыхъ посѣщеній англичанъ, Ермолова навѣстилъ сердарь Эриванскій, вызванный въ Тавризъ по какому-то важному дѣлу.

15-го сентября посольство праздновало день коронаціи государя, а 19-го — имѣло прощальную аудіенцію у Аббас-мирзы, вручившаго при этомъ случаѣ Ермолову свое отвѣтное письмо на высочайшую грамату. Вотъ его содержаніе:

«Украшеніемъ пера и началомъ письма служитъ имя Аллаха міродержца, единаго Творца (да будетъ священно имя Его!), который, сдѣлавъ согласіе сердецъ государей спокойствіемъ земель свѣта, смываетъ пыль несогласія сладкою водою пріязни и наставляетъ племена рабовъ на путь истины.

«Потомъ блистательные перлы похвалы, въ коей находитъ удовольствіе

священная бесѣда и которая сіяетъ въ собраніи людей, представляются его высокому величеству, великому императору, величественному дядѣ, въ великолѣпіи подобному Александру, государю, коего слава возвышена до степени Сатурна и котораго престолъ — небо, покорителю государствъ и украшающему справедливость, счастливому и блистающему въ коронѣ.

«За симъ представляется зеркалу ума, украшающаго свѣтъ, что счастливая грамата чрезъ высокостепеннаго, знаменитаго посла, кавалера, генерала, начальника артиллеріи Алексѣя Ермолова, доставила украшеніе своимъ полученіемъ и государственный смыслъ оной умножилъ душевную дружбу и пріязнь. Вышеозначенный высокостепенный посолъ довольно объяснилъ склонность блистательнаго сердца Е. В—ва ко мнѣ, просителю, чѣмъ и удостовѣрился я въ благосклонности высокой души, ибо вѣрность сердца меня, просителя, въ томъ убѣждаетъ, а отъ сердца къ сердцу дорога одна. Добрыя качества Е. И. В—ва стали извѣстны всему свѣту, равно какъ и благосклонность его ко всѣмъ пріятелямъ ясна подобно солнцу.

«Хотя прежде сего произошло нѣсколько непріятностей, но нынѣ, волею единаго Аллаха, основанія несогласія совершенно уничтожены и правила согласія устранили узлы раздора; съ обѣихъ сторонъ языкъ каждаго произноситъ дружбу, а старанія всѣхъ принимаются за пріязнь, и если-бы послѣ сего утвержденнаго согласія какое нибудь дѣло въ глазахъ судящихъ по наружности было показано въ другомъ видѣ, исправленіе того всегда легко при высокой волѣ Е. И. В—ва, потому что ежеминутно зефиръ постоянства въ дружбѣ несетъ благоуханіе соединенія до обонянія обѣихъ державъ; дружелюбіе изгладитъ изъ сердца несогласіе и ежедневно станетъ являться то, что желательно душѣ. Воля Аллаха высказалась въ окончательномъ утвержденіи сей дружбы и заключеніе оной совершилось съ обоюднаго согласія обоихъ государствъ. Того ради и дабы сдѣлать угодное высокой императорской волѣ, сей проситель, какъ подобало, также споспѣшествовалъ своими стараніями соглашенію и посолъ Е. В—ва отпущенъ отъ двора великаго государства довольнымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ.

«Какъ вышеозначенный посолъ, исполнивъ должности посольства при е. в—вѣ государѣ и при семъ просителѣ надлежащимъ образомъ, отправляется нынѣ обратно, то искренняя пріязнь требовала, чтобы я письменно исполнилъ долгъ дружбы.

«Время счастія да будетъ соединено съ веселіемъ и радостію!

«Другъ чистосердечный и вѣрный въ пріязни, наслѣдникъ знаменитаго персидскаго государства Аббас-мирза.

«Писано въ хранимомъ городѣ Тавризѣ».

Въ печати написано: «Перлъ шахова моря — Аббасъ».

Особенный листъ, приложенный къ письму Аббас-мирзы къ государю императору:

«Е. И. В—ва извѣщается, что императорскіе подарки, которые по совершенной пріязни сдѣлали честь послать, доставлены такъ, какъ надлежало, чрезвычайнымъ посломъ знаменитой Россійской державы. Всякая вещь изъ оныхъ, смотря по дружбѣ, показалась пріятнѣе самыхъ лучшихъ вещей свѣта, и въ самомъ дѣлѣ онѣ достойны славы Е. И. В—ва и приличны меня, просителя. Посолъ хорошимъ обхожденіемъ своимъ также возрадовалъ мое сердце, исполненное вѣрностью, и обязанности посольства исполнилъ дружески».

Въ печати написано: «надѣющійся рабъ Божій — Аббасъ».

Вскорѣ послѣ аудіенціи посольству были присланы отъ наслѣдника подарки: Ермолову шесть дорогихъ шалей и осыпанная драгоцѣнными камнями сабля, а совѣтникамъ и прочимъ чиновникамъ его свиты шали и парчи.

Наконецъ, наступило 20-е число. Еще съ ранняго утра въ посольствѣ все было готово къ отъѣзду; ожидали только Ермолова, отправившагося къ каймакаму для окончательныхъ переговоровъ по дѣламъ. Но Мирза-Безюргъ, какъ оказалось, и на этотъ разъ не оставилъ своихъ обычныхъ мошенническихъ увертокъ. Объявивъ, что ему нужно по нѣкоторымъ вопросамъ заручиться согласіемъ наслѣдника, онъ оставилъ посла, обѣщаясь немедленно возвратиться съ отвѣтомъ. Но едва только онъ скрылся, какъ Ермоловъ, не дождавшись его и не желая напрасно тратить время, возвратился къ своей свитѣ и немедленно выѣхалъ изъ города.

День этотъ, по собственному его признанію, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ его жизни, и онъ не иначе соглашался снова увидѣть Персію, какъ развѣ съ оружіемъ въ рукахъ.

Прибывъ поздно ночью въ Софьянъ, посольство было настигнуто въ этомъ селеніи мирзою наслѣдника, его адъютантомъ и Аскер-ханомъ михмандаремъ, съ которымъ оно простилось еще въ Тавризѣ. Цѣль ихъ пріѣзда, какъ обнаружилось на слѣдующій день, состояла въ томъ, чтобы добиться офиціальнаго признанія Аббас-мирзы наслѣдникомъ и присылки повѣреннаго для спроса нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ. Но Ермоловъ отклонилъ оба домогательства и, отпустивъ присланныхъ, тотчасъ же отправился и самъ въ дальнѣйшій путь, боясь встрѣтить новыя какія-либо задержки.

22-го сентября онъ получилъ извѣстіе изъ Тифлиса о скоропостижной смерти генералъ-маіора Кутузова, что его крайне огорчило, такъ какъ онъ лишился въ немъ не только добраго друга, но и рѣдкаго сотрудника, котораго замѣнить было весьма трудно.

Спустя два дня, посольство переѣхало Араксъ и, направившись черезъ Нахичевань и Эривань къ Баш-Абарани, въ нѣкоторомъ раз-

стоянiи отъ этого селенiя было встрѣчено командою донскихъ казаковъ, а нѣсколько далѣе—двумя ротами пѣхоты съ пушкою, изъ которой, въ честь его благополучнаго прибытiя на границу, было произведено семь выстрѣловъ.

Изъ Баш-Абараны Ермоловъ двинулся на Амамлы, откуда черезъ Эмир-Айвазло, 10-го октября, достигъ Тифлиса. Съ этого-то собственно времени онъ вступаетъ въ дѣйствительное управленiе краемъ, открывающее новую, блестящую эпоху въ военной лѣтописи Кавказа...

Такъ кончилось посольство Ермолова въ Персiю. Разсказъ нашъ остается дополнить нѣкоторыми только подробностями относительно тѣхъ средствъ, которыми располагалъ Алексѣй Петровичъ для внушенiя къ себѣ должнаго уваженiя со стороны персiянъ и ихъ правительства, а равно для осуществленiя высочайше возложенныхъ на него порученiй. Въ этомъ случаѣ намъ ближе всего обратиться къ подлиннымъ его разсказамъ. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ:

„Я увѣрилъ персiянъ, что предки мои были татары и выдалъ себя за потомка Чингиз-хана, удивляя ихъ замѣчанiемъ, что въ той самой странѣ, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружiю, я нахожусь посломъ, утверждающимъ миръ и дружбу. Доказательствомъ происхожденiя моего служилъ, бывшiй въ числѣ чиновниковъ посольства, двоюродный братъ мой, полк. Ермоловъ, которому, къ счастiю моему, природа дала черные, подслѣповатые глаза и, выдвинувъ впередъ скуластыя щеки, расширила лицо на подобiе калмыцкаго. Шаху было донесено о сихъ явныхъ признакахъ моей породы и онъ, съ уваженiемъ смотря на потомка столь ужаснаго завоевателя, приказалъ показать себѣ моего брата. Я видѣлъ, что мнѣ легко было быть потомкомъ даже Тамерлана. Одинъ изъ вельможей спросилъ меня, сохранилъ ли я родословную? Рѣшительный отвѣтъ, что она хранится у старшаго фамилiи нашей, утвердилъ навсегда принадлежность мою Чингиз-хану“ [1]).

Не малую пользу оказала Ермолову и самая внѣшность его.

„Угрюмая рожа моя, — писалъ онъ къ гр. Арсенiю Андреевичу Закревскому [2]), — всегда хорошо изображала чувства мои и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала на себя выраженiе чувствъ человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастiю ихъ, я замѣтилъ, что они того не любятъ, и тогда всякiй разъ, когда не доставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное дѣй-

---

[1]) См. «Записку» Ермолова о посольствѣ его въ Персiю, стр. 66—67.

[2]) См. М. Погодина «А. П. Ермоловъ», стр. 231—232.

ствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я человѣкъ-звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ, я отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня, и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не можетъ".

Въ сношеніяхъ съ людьми вліятельными, Алексѣй Петровичъ прибѣгалъ въ крайнихъ случаяхъ къ другимъ, не менѣе хитрымъ уловкамъ. Такъ, напримѣръ, упоминая о своихъ сношеніяхъ съ Мирза-Шефи, онъ говоритъ:

„Въ знакъ бо̀льшей къ нему привязанности я далъ ему названіе отца и, какъ сынъ покорный, обѣщалъ ему откровенность во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. И такъ, о чемъ невыгодно мнѣ было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему, какъ къ отцу; когда же надобно было возражать ему, или даже пострашать, то, храня почтеніе какъ сынъ, я облекаюсь въ образъ посла. Сею эгидою покрывалъ я себя въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующимъ" [1]).

Что касается общаго впечатлѣнія, вывезеннаго Ермоловымъ изъ Персіи, то оно резюмировано въ слѣдующихъ его словахъ, которыми онъ заканчиваетъ свою „Записку":

„Тебѣ, Персія, не дерзающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которыя налагаетъ ненасытная власть, никакихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлыя свойства народа уничтожаютъ достоинство человѣка и отъемлютъ познаніе правъ его; гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителю; гдѣ самая вѣра научаетъ злодѣяніямъ и дѣла добрыя не получаютъ возмездія: тебѣ посвящаю я ненависть мою и, отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое" [2]).

Но думалъ ли тогда Ермоловъ, что то именно государство, надъ которымъ онъ произноситъ суровый приговоръ свой, прежде чѣмъ распасться самому, подготовитъ его собственную гибель?

И кому же, если не Персіи, обязанъ онъ своимъ паденіемъ?..

Ад. П. Берже.

---

[1]) См. «Записку» Ермолова о посольствѣ его въ Персію, стр. 38—39.

[2]) См. «Записку» Ермолова о посольствѣ его въ Персію, стр. 73.

ВОСПОМИНАНІЕ О БАРОНѢ Н. В. МЕДЕМѢ.

Въ настоящее время, когда Императорская военная академія (нынѣ—Николаевская академія генеральнаго штаба) дала Россіи столь многихъ полезныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной службы, было бы несправедливо предать незаслуженному забвенію того, кто положилъ основаніе всей ученой части этого въ высшей степени замѣчательнаго заведенія.

Не смотря на то, что, и до основанія академіи, нашъ генеральный штабъ имѣлъ право гордиться такими офицерами, каковы были Дибичъ, Толь, Сухтеленъ и проч., комплектованіе этого вѣдомства представляло большія затрудненія, и въ особенности по упраздненіи въ 1826 году училища колонновожатыхъ, бывшаго разсадникомъ генеральнаго штаба. Возвратиться къ прежней системѣ—перевода изъ фронта въ генеральный штабъ наиболѣе способныхъ къ этому роду службы офицеровъ—было немыслимо по малочисленности ихъ и по тогдашнему недостатку въ средствахъ къ самообразованію по военной части. Въ виду всего этого императоръ Николай Павловичъ предпринялъ учредить спеціальное училище, для образованія офицеровъ генеральнаго штаба, и поручилъ составленіе проекта этого заведенія извѣстному во всей Европѣ глубокими свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ и опытностью, пріобрѣтенною въ Наполеоновскихъ войнахъ, генералъ-адъютанту барону Жомини. Исполняя волю государя, генералъ Жомини представилъ на высочайшее усмотрѣніе записку объ учрежденіи центральной школы стратегіи и высшей тактики. Чтобы отдать полную справедливость этому превосходному труду, достаточно сказать, что многія идеи, въ немъ заключавшіяся, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій и отступленій, снова послужили, въ ближайшее къ намъ время, главными основаніями учебной части Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Въ 1829 году, по высочайшему повелѣнію, была составлена особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ генерала Жомини, для составленія устава высшаго военно-учебнаго заведенія, котораго назна-

ченіемъ было, кромѣ распространенія въ арміи военныхъ свѣдѣній, комплектованіе генеральнаго штаба офицерами, спеціально подготовленными къ службѣ этого вѣдомства. Результатомъ трудовъ коммисіи былъ проектъ устава Императорской военной академіи, утвержденный государемъ 4-го октября 1830 года.

Но приведеніе въ дѣйствительность этого устава замедлилось на два года польскою войною и, можетъ быть, еще болѣе, трудностью исполненія проекта, составленнаго генераломъ Жомини. Въ то время у насъ не было ни преподавателей военныхъ наукъ, ни учебныхъ книгъ по военной части (кромѣ немногихъ руководствъ по артиллеріи и фортификаціи). Это обстоятельство заставило коммисію на первыхъ порахъ предложить, чтобы преподаваніе стратегіи, тактики и военной исторіи было предоставлено иностраннымъ профессорамъ, вызваннымъ съ этою цѣлью изъ-за границы, сходно тому, какъ прежде былъ сдѣланъ подобный вызовъ для института путей сообщенія. Еслибы исполнилось такое предположеніе, то, съ одной стороны, не могли бы поступать въ военную академію офицеры способные, но не совершенно свѣдущіе въ иностранныхъ языкахъ, а съ другой—что́ еще важнѣе—наша военная наука, лишенная всякаго самостоятельнаго развитія, тянулась бы рабски по колеѣ, проложенной иностранцами.

Къ счастью для нашего высшаго военнаго образованія, высочайше назначенный директоромъ ново-учрежденной академіи генералъ Сухозанетъ имѣлъ случай узнать съ весьма хорошей стороны одного изъ преподавателей артиллерійскаго училища, полковника Медема. Дѣйствительно, баронъ Медемъ, съ молодыхъ лѣтъ, сознавъ свое призваніе, проводилъ все свободное отъ службы время въ занятіяхъ военными науками и составилъ тактику для училища,—первый опытъ въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ. Но генералъ Сухозанетъ, предложивъ молодому ученому весьма выгодное по его служебному положенію мѣсто профессора тактики и стратегіи въ военной академіи, встрѣтилъ неожиданное препятствіе: полковникъ Медемъ, столь же скромный, сколько даровитый, считалъ себя недостойнымъ занять каѳедру въ высшемъ военно-учебномъ заведеніи, и только лишь послѣ усиленныхъ настояній начальника, не терпѣвшаго противорѣчій, согласился исполнить его волю. Впрочемъ, репутація Медема была уже такъ упрочена, что его первыя лекціи въ академіи немедленно привлекли и постороннихъ посѣтителей, въ особенности же тѣхъ, которые готовились быть сотрудниками профессора въ академическомъ преподаваніи; въ числѣ ихъ были: И. Ѳ. Веймарнъ, И. С. Фроловъ и князь Н. С. Голицынъ. Съ первыхъ же дней своей профессуры, Ни-

колай Васильевичъ сдѣлался какъ бы хозяиномъ военной науки; усвоивая тяжкимъ, продолжительнымъ трудомъ факты и выводы изъ военной исторіи, онъ излагалъ ихъ такъ легко, такъ просто, что его лекціи были столь же пріятны, сколько и поучительны для его слушателей. „Le style—c'est l'homme" (слогъ тожественъ человѣку), сказалъ знаменитый Бюфонъ, и дѣйствительно Медемъ былъ такъ же увлекателенъ на профессорской каѳедрѣ, какъ въ семейномъ быту и въ общественныхъ сношеніяхъ. Излагая военную исторію, онъ постоянно имѣлъ въ виду важныя истины: что относительныя силы войскъ не могутъ быть выражены однѣми лишь цифрами ихъ численности; что главное искусство полководца состоитъ въ умѣньи владѣть душами своихъ подчиненныхъ; что военачальникъ, встрѣчая затрудненія, кажущіяся непреодолимыми, не долженъ забывать, что и противникъ его встрѣчаетъ такія же, а можетъ быть, еще бóльшія препятствія при исполненіи задуманнаго имъ плана дѣйствій и проч.

Не менѣе дарованія выказалъ Николай Васильевичъ и въ занятіяхъ по военной литературѣ. Его „Тактика", вышедшая въ свѣтъ въ 1837 году, написанная яснымъ и привлекательнымъ слогомъ, представляетъ множество поучительныхъ примѣровъ, большею частью извлеченныхъ изъ русской военной исторіи, и хотя это сочиненіе, вслѣдствіе важныхъ измѣненій въ технической части военнаго искусства, не можетъ нынѣ служить прямымъ руководствомъ нашимъ военнымъ людямъ, однакоже не утратило своего достоинства, какъ образецъ для будущихъ составителей тактики. Другой трудъ генерала Медема: „Обзоръ замѣчательнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи", изданный въ 1836 году, можетъ служить образцомъ яснаго изложенія науки. Авторъ, уклоняясь отъ систематическаго способа, принятаго предшествовавшими ему писателями, извлекаетъ изъ ихъ сочиненій основныя идеи и очевидно доказываетъ, что стратегія, какъ искусство, въ примѣненіи своемъ къ дѣйствительнымъ случаямъ, на войнѣ встрѣчающимся, не можетъ давать положительныхъ правилъ, а должна служить только къ тому, чтобы, на основаніи зрѣлаго обсужденія фактовъ военной исторіи, развить природныя способности военнаго человѣка и необходимую увѣренность въ непогрѣшимости его собственныхъ соображеній.

Таковы заслуги генерала Медема на поприщѣ высшаго преподаванія военныхъ наукъ и нашей отечественной военной литературы.

М. И. Богдановичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ

1840—1845 г.

ГЛАВА XXIX [1]).

Дума мрачная проснулась
Въ грустномъ сердцѣ,—я душой
На былое оглянулась.
Въ даль смотрю и—предо мной
Жизни повѣсть развернулась
Тучей мрачной—громовой. Р.

1840—1842.

Въ туманную, сырую осень 1840 года, мы съ Вадимомъ и двумя нашими дѣтьми отправились въ Корчеву повидаться съ родными. Тамъ помѣстились въ покинутомъ домѣ моего отца, и, когда устроились, Вадимъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда, черезъ нѣсколько дней, писалъ мнѣ:

«Вотъ я и въ Петербургѣ, другъ мой, пріѣхалъ на разсвѣтѣ. Видѣлъ Новгородъ, видѣлъ Волховъ, все стихло и стало русломъ великаго моря. Верстъ за сто отъ Петербурга—пустыня, лѣса, болота, деревень почти нѣтъ, одни ямскіе дворы; холодно, пасмурно, сыро, и—вдругъ—громада зданій, прекрасныя улицы, каналы, корабли, паровозы, монументы, войско — все это помноженное само на себя—вотъ Петербургъ...

«Прокатился по желѣзной дорогѣ въ Царское Село и Павловскъ. Сначала дико, потомъ дремалъ подъ вечерокъ. Удобствъ много. Теперь ты спокойна, я не поѣду больше, чтобы ты не тревожилась.

«Былъ у книгопродавцевъ. Съ министромъ надѣюсь видѣться завтра.

Вадимъ».

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852. Томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670. Томъ XVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682.

Цѣль поѣздки Вадима въ Петербургъ была, кромѣ литературныхъ плановъ, представить министру внутреннихъ дѣлъ «Очерки Россіи» и черезъ Константина Ивановича Арсеньева напомнить въ томъ же министерствѣ, гдѣ онъ считался на службѣ, объ обѣщанномъ ему первомъ открывшемся штатномъ мѣстѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ.

«Вчера обѣдалъ у Александра,—писалъ мнѣ Вадимъ 11-го октября,—и условились повторять это каждый день. Онъ живетъ съ Сережей Львицкимъ, платитъ за квартиру 2,500, 100 рублей за воду и почти столько же, чтобы носили имъ дрова на третій этажъ; но не думай, чтобы этотъ этажъ былъ слишкомъ высокъ; есть и четвертый, и пятый, и шестой. Комнаты высоки, и такъ отдѣланы, какъ не много въ лучшихъ московскихъ домахъ. Былъ и у Алексѣя Николаевича Савича. Онъ здѣсь профессоромъ, и все тотъ же, только еще больше отдѣлился отъ людей; была бы на небѣ одна звѣзда, да на землѣ на чемъ стоять, такъ для него и довольно...

Вадимъ».

Письмо это, повидимому, писано изъ квартиры Александра; въ концѣ прибавлено было имъ:

«Ну, вотъ, Вадимъ и въ Питерѣ, и мы съ нимъ по прежнему толкуемъ, да толкуемъ, и между прочимъ вспоминаемъ васъ и дѣтокъ. Что Корчева? нѣкогда мы съ вами переписывались безпрестанно, и именно—когда еще, во времена допотопныя, вы жили дома, а я былъ полуребенкомъ и полуюношей. Остальное, вѣроятно, все написалъ вамъ Вадимъ. Остается только обнять васъ и малютокъ, передать дружескій поцѣлуй отъ Наташи и подписаться—Александръ».

Въ Петербургѣ дѣла Вадима шли успѣшно. Былъ у Арсеньева, представлялся министру, вездѣ приняли хорошо. «Всѣ чаявшіе видѣть министра и говорить съ нимъ,—писалъ Вадимъ,—были со звѣздами, а я одинъ съ «Очерками Россіи». Министръ поручилъ Арсеньеву сдѣлать представленіе о Вадимѣ. Арсеньевъ немедленно съ участіемъ принялся за дѣло. Спустя недѣлю, Вадиму мѣсто было обѣщано въ непродолжительномъ времени; сверхъ того дано предписаніе завѣдывать составленіемъ статистическихъ свѣдѣній о Московской губерніи, казенная подорожная, и награда за прежде представленныя имъ статистическія свѣдѣнія о Таврической губерніи [1]).

[1]) Въ 1838 году Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, былъ въ Крыму, для сбора статистическихъ свѣдѣній о Таврической губерніи.

Съ извѣстными литераторами того времени онъ видался почти со всѣми. Гречъ предлагалъ ему участвовать въ журналѣ, который предполагалъ издавать съ новаго года, вмѣстѣ съ Кукольникомъ, Полевымъ и другими; обѣщалъ всѣ статьи его принимать, съ платою по 150 рублей за листъ ассигнаціями. Александръ уговаривалъ его писать въ «Отечественныя Записки». Съ Александромъ Вадимъ видался каждый день, ихъ прежнія интимныя отношенія возстановились; они вмѣстѣ проводили вечера, вмѣстѣ осматривали Эрмитажъ, вмѣстѣ въ театрѣ восхищались танцами Тальони, и видались съ А. Н. Савичемъ.

Въ ноябрѣ Вадимъ возвратился въ Корчеву, откуда черезъ нѣсколько дней, по зимнему пути, уѣхали мы въ Москву.

Въ продолженіе этой зимы Вадимъ окончательно сблизился съ кругомъ Александра Ѳомича Вельтмана, особенно же близко сошелся съ самимъ Вельтманомъ, человѣкомъ чрезвычайно симпатичнымъ, обладавшимъ оригинальнымъ талантомъ, исполненнымъ самой причудливой, поэтической фантазіи. Къ этому кругу принадлежали: Владиміръ Ивановичъ Даль, прославившійся въ литературѣ, подъ именемъ Казака Луганскаго, народными сказками и физіологическими очерками, выразившими глубокое знаніе русскаго человѣка и самобытный, сильный талантъ; Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, производившій, одно время, всеобщій восторгъ своимъ «Юріемъ Милославскимъ»; художникъ академикъ Карлъ Ивановичъ Рабусъ, извѣстный талантливыми произведеніями живописи, особенно большаго размѣра картиной, изображающей Московскій Кремль при лунномъ освѣщеніи; офицеръ главнаго штаба Неѣловъ, ботаникъ Максимовичъ, М. Н. Лихонинъ и другія болѣе или менѣе извѣстныя личности, болѣе или менѣе близкія къ этому кругу. На вечерахъ у Вельтмана, мнѣ случалось видать людей замѣчательныхъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, съ Кавказа и другихъ мѣстностей; одни были изъ его сослуживцевъ, другіе—желавшіе познакомиться съ даровитымъ писателемъ, извѣстнымъ сверхъ того безукоризненнымъ благородствомъ и честнымъ направленіемъ, независимымъ отъ партій, возбуждавшихъ страсти.

На вечерахъ Рабуса, кромѣ людей науки, бывали и художники; чаще всѣхъ встрѣчала я тамъ скульптора Рамазанова и поэта Ѳ. И. Миллера. Вечера Рабуса всегда оживлялись при-

вѣтливымъ пріемомъ его высокообразованнаго семейства и простосердечной, игривой веселостію самого хозяина.

Понедѣльники были наши. Кромѣ упомянутыхъ личностей, у насъ бывали: Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, профессоръ Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, знаменитый романистъ того времени Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, когда пріѣзжалъ въ Москву; Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, историко-археологъ круга Карамзина; де-Сангленъ — бывшій начальникъ тайной полиціи при императорѣ Александрѣ I-мъ въ 1802 году и, кажется, въ 12-мъ — генералъ-полиціймейстеромъ при 1-й арміи. Положеніе это давало ему возможность знать пропасть событій и анекдотовъ того времени, которое хотя и нельзя назвать завиднымъ, но въ немъ виднѣется что-то благородное, что-то человѣчное, отражавшееся въ самомъ правительствѣ. Де-Сангленъ разсказывалъ энергично, рельефно, — живой, остроумный, съ огромной памятью, онъ представлялъ собою живую хронику. Временами посѣщала насъ дѣвица-кавалеристъ—Дурова. Она была уже въ пожилыхъ лѣтахъ, роста средняго, съ женскимъ, добродушнымъ кругловатымъ лицомъ, одѣвалась въ сюртукъ съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ. Бывали также молодые люди статистическаго комитета, отдѣлъ котораго причислялся къ управленію московскаго губернатора, И. Г. Сенявина, и находился подъ завѣдываніемъ Вадима. Въ числѣ статистиковъ былъ Зыковъ, получившій извѣстность тѣмъ, что поступилъ послушникомъ въ монастырь и убилъ княгиню Голицыну, за что былъ сосланъ въ Сибирь. Въ началѣ 1841 года нѣсколько разъ пріѣзжали къ намъ вечерами Т. Н. Грановскій и П. Г. Рѣдкинъ, но, принадлежа къ другому кругу, вскорѣ перестали у насъ бывать, хотя и относились къ намъ симпатично. Изъ прежнихъ товарищей Вадима, въ Москвѣ находился только Н. Х. Кетчеръ; но и онъ, не смотря на прежнюю близость съ Вадимомъ, вѣроятно, по распавшимся взглядамъ на нѣкоторые предметы, посѣщалъ насъ очень рѣдко, и то лишь утрами. Никъ и Сатинъ жили за границей, Александръ—въ Петербургѣ, потомъ въ Новгородѣ, Лахтинъ умиралъ въ чахоткѣ на Уралѣ. Нерѣдко Вадимъ видался съ С. П. Шевыревымъ и М. П. Погодинымъ; послѣдняго, онъ очень уважалъ и любилъ.—Въ послѣдствіи сблизился нѣсколько съ Н. М. Языковымъ и А. С. Хомяковымъ.

Средства наши въ то время были самыя стѣсненныя, хотя мы квартиру занимали и хорошую; домъ этотъ въ концѣ 40-хъ годовъ былъ мною купленъ, мы прожили въ немъ до 70-хъ годовъ.

Недостаточность средствъ отзывалась и на нашихъ понедѣльникахъ. Кромѣ чая съ самыми простыми принадлежностями, ничего не подавалось, но, не смотря на это, на понедѣльники нерѣдко сбиралось до двадцати пяти человѣкъ, а иногда и гораздо больше. Бѣдность обстановки искупалась искренностію пріема и свободой. Входя къ намъ, каждый чувствовалъ себя какъ бы у себя, не стѣсняясь высказывалъ свое мнѣніе, не раздражаясь выслушивалъ противоположное воззрѣніе. Вадимъ умѣлъ сообщить всѣмъ свою терпимость, свое чувство мѣры и симпатичность; рѣчь его была спокойна, ясна, проста, безъ преувеличенныхъ идей и чувствъ—и безъ пылкой заносчивости.

Бесѣды этого круга касались, большей частію, литературы, умственнаго движенія, общественныхъ новостей и политики. Часто темой служили жалобы на цензуру, доходившую, временами, до крайности. Иногда разговоры прерывались чтеніемъ еще не изданныхъ произведеній, или только что появившихся въ печати, и произносился надъ ними судъ. Вообще же бесѣды эти были проникнуты знаніемъ жизни и тономъ людей образованныхъ, — это былъ не заколдованый кружокъ, но сближеніе людей, принадлежащихъ къ общественной интелигенціи періода того времени, которые въ опредѣленные вечера сбирались вмѣстѣ, чтобы подѣлиться идеями, впечатлѣніями, новостями, отдохнуть отъ трудовъ, и остальное время недѣли имѣть свободнымъ для дѣла.

Въ началѣ зимы 1841 года Ивана Ивановича Лажечникова въ Москвѣ еще не было. Онъ жилъ въ своей деревнѣ «Коноплинѣ», и 14-го января писалъ намъ изъ деревни:

«Знаю, вы сѣтуете на меня, милые друзья мои, Вадимъ Васильевичъ и Татьяна Петровна, за неприсылку портрета. Посылаю его теперь, чтобы исполнить только дружеское желаніе ваше, но посылаю неохотно, да, неохотно, потому что портретъ несхожъ съ оригиналомъ; потому что въ немъ нѣтъ души; весь характеръ вялый, болѣзненный, смятый, а я этого не люблю, и потому портретъ мнѣ противенъ.

«При свиданіи съ Петромъ Ивановичемъ, разумѣется, первый вопросъ мой былъ о васъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что вамъ въ Петербургѣ было хорошо; что вы исполнили свои надежды. А мои лучшія—видѣть васъ, пожить съ

вами—не исполняются. Дороговизна московская меня пугаетъ; а если бы вы знали какъ скучно, грустно жить зимой въ деревнѣ, подъ снѣжными сугробами, гдѣ, по неволѣ, разсѣиваешься уѣздными сплетнями и преферансомъ—какова эта жизнь!

«Въ газетахъ читаю изумительную для меня новость, что мой «Колдунъ» конченъ и уже отпечатанъ, между тѣмъ, какъ онъ едва будетъ конченъ въ нынѣшнемъ году. Пишу его лѣниво, какъ будто по неволѣ. Знаете ли что? я пишу теперь трагедію, и удивитесь—стихами. Суставъ Ваза герой моей піесы. Коцебу, говорятъ, написалъ драму подъ этимъ именемъ; любопытно ее прочесть. Планъ мой.... слѣдовательно она мнѣ не помѣшаетъ.

«Сдѣлайте одолженіе, возьмите у Ширяева тотъ томъ сочиненій Коцебу, гдѣ она находится, и пришлите мнѣ съ первой почтой...

«Пишите намъ чтó вы дѣлаете? какія у васъ литературныя, художественныя вѣсти? каково идетъ «Москвитянинъ»? а болѣе всего любите насъ по прежнему. Весь вашъ И. Лажечниковъ».

23-го января, Александръ увѣдомлялъ насъ изъ Петербурга, что bongré malgré поселяется въ Новгородъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

«Любезнѣйшій Вадимъ,—писалъ онъ,—много и много прожито съ тѣхъ поръ, какъ ты отъ Серапина присылалъ кучера за забытымъ бумажникомъ. Впрочемъ, все въ порядкѣ вещей. Вотъ Котошихина книга о XVII столѣтіи. Ничто не ново подъ луною! умилительная книга, я думаю, ты плакалъ надъ нею—и я плачу.

«Статья о Витберговомъ храмѣ готова, да хочется у себя оставить копію. Онъ въ ужасномъ положеніи, и въ дополненіе — нездоровъ [1]).

«Ѣду въ Новгородъ. Зачѣмъ не тебя Богъ шлетъ въ этотъ городъ стертыхъ надписей, перестроенныхъ монастырей, ганзеатическихъ воспоминаній и православнаго либерализма. Ты ожилъ бы смертью его. Ты разобралъ бы надпись надъ архіереемъ Іосафомъ, лѣта 7415 почившаго; а я, профанъ, буду съ досадой смотрѣть на туманное небо, на трескучіе морозы, и не вспомню, что отъ нихъ дрожали ганзеатическіе купцы. Переберусь въ Тверь черезъ годъ. Тверь лучше. И ты, Корчева—городъ моей древней исторіи—открой свои объятія.

«Читала ли твоя жена, чтò объ ней писалъ кто-то въ XVII-мъ № «Отечественныхъ записокъ? [2]).

«Теперь отъ Львитскаго (С. Л. Левицкаго) порученіе:

---

[1]) Эта статья—тѣ самыя записки, составленныя со словъ А. А. Витберга Александромъ Г*., которыя напечатаны мною въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 16—32, 159—192 и 519—582. Т. П.

[2]) «Записки одного молодаго человѣка».

1) Онъ проситъ вручить Вельтману рукопись для исправленія.

2) Такъ какъ онъ сбирается ѣхать за границу, то проситъ васъ самихъ распорядиться о печати и о прочемъ. Онъ готовъ даже отступиться отъ своихъ 500 р., лишь бы не платить вторыхъ. Я полагаю, вы должны принять такой патріотическій порывъ, и прислать ему послѣ, по лавочной цѣнѣ, на 500 р. сновъ въ лѣтнюю ночь. Вѣдь дѣло-то въ томъ, что Сатинъ напечатаетъ, ежели уже не напечаталъ свой переводъ, и тогда пойдетъ конкуренція довольно опасная. Въ умилительной, патріархальной странѣ... [1]) Шекспира знаютъ 20 человѣкъ, въ томъ числѣ и блаженной памяти Сумароковъ переводилъ «Гамлета датскаго принеца».

3) Должно быть, № 3-й твой отвѣтъ.

«Прощайте-съ, цѣлую вашихъ дѣтокъ.

«А твоя жена не пишетъ никогда болѣе одной строчки. Богъ ей судья! Все отъ того, что о татарахъ думаетъ [2]) и о дивныхъ судьбахъ патріархальнаго племени. Ахъ, чортъ возьми! да она писала когда-то о свинцовыхъ водахъ Волхова, или объ оловянныхъ,—какъ бишь?

«Наташа не очень здорова, вѣроятно, въ началѣ февраля Богъ дастъ намъ второй № Шушки.

«Доставь приложенную записку Сатину. Вотъ умная догадка переписываться черезъ меня. Какъ не похвалить!

«Картинки посылаются черезъ контору Т.: Африка ѣдетъ въ Корчеву.

«Трубочки взяты офицеромъ. Александръ».

Въ продолженіе этого лѣта Вадимъ составилъ статистическое описаніе Московской губерніи. Зимой Иванъ Григорьевичъ Сенявинъ представилъ его въ статистическій комитетъ; оно было одобрено и признано образцовымъ. Сенявину дали за него въ награду 6,000 р. сер., изъ числа которыхъ онъ удѣлилъ Вадиму тысячу рублей.

Кромѣ этихъ занятій, Вадимъ составилъ «Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ», и хлопоталъ съ изданіемъ «Очерковъ Россіи». Изданіе становилось дорого—средствъ не было никакихъ: что выручалось за напечатаніе одной книги, то уходило на изданіе другой. Служба Вадима считалась, — жалованья не давали. Временами гнетущая нужда тяготѣла надъ нами, но никогда не раздражала, не разъединяла насъ, напротивъ, какъ бы больше и больше сближала другъ съ другомъ. Погрустимъ, бывало, вмѣстѣ, да подумаемъ какъ бы дѣлу помочь и что нибудь при-

---

[1]) Тутъ слово въ письмѣ вырвано.

[2]) Очерки Россіи: «Поѣздка въ Бахчисарай».

думается,—мы довольствовались немногимъ. Внутренняя жизнь наша была такъ полна и давала столько счастія, что я даже боялась матеріальнаго улучшенія—это было бы слишкомъ. Ни горькаго слова, ни холоднаго взгляда не пало между нами въ продолженіе десяти лѣтъ нашей жизни вмѣстѣ.

Однажды, весной 1842 года, пріѣхалъ къ намъ архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ, и пробылъ довольно долго съ Вадимомъ въ залѣ; когда онъ уѣхалъ, Вадимъ позвалъ меня къ себѣ, и сказалъ, что Мельхиседекъ предложилъ ему сдѣлать историческое описаніе Симонова монастыря за 300 рублей серебромъ. «Ты знаешь, продолжалъ онъ, какъ я люблю эту обитель; понятно, что съ радостію принялъ предложеніе, только, вмѣсто платы деньгами, просилъ за мой трудъ отвести мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ, для погребенія всѣхъ насъ».

У меня болѣзненно сжалось сердце, какъ бы предчувствіемъ.

— Зачѣмъ такое условіе,—сказала я,—можно не брать платы и безъ него. Не все ли равно гдѣ бы ни пришлось лежать. Неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ кому изъ насъ приведется умереть.

— Мнѣ показалось такъ лучше,—отвѣчалъ Вадимъ спокойно и даже весело. Что же отъ этого можетъ случиться? только мѣсто будетъ готово.

— Богъ знаетъ!—съ какой-то невольной тоской въ груди, возразила я.

Мельхиседекъ привезъ матеріалы для исторіи Симоновой обители. Работа началась и скоро была кончена. Рабусъ сдѣлалъ къ описанію—виды монастыря. Мельхиседекъ остался доволенъ. Изданіе быстро разошлось и доставило монастырю нѣкоторыя выгоды.

Въ 1843 году, въ XXXII т. «Современника» появилась объ этой книгѣ весьма одобрительная рецензія:

Въ маѣ мѣсяцѣ заболѣла наша трехлѣтняя дочь, Катенька. Близкій пріятель Вадима, Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, лечилъ ее и не помогъ. Когда дитя кончалось, случайно пріѣхалъ Мельхиседекъ и вошелъ въ дѣтскую, гдѣ мы, обливаясь слезами, стояли на колѣняхъ у кроватки умирающей. Мельхиседекъ прочиталъ молитву, благословилъ ее, и, обращаясь къ Вадиму, сказалъ: «что же, Вадимъ Васильевичъ, къ намъ, въ обитель, вашего ангела». Черезъ часъ малютка наша лежала въ залѣ на столѣ,

въ бѣлой рубашечкѣ, розовыхъ лентахъ и цвѣтахъ, съ своей милой улыбкой, застывшей съ послѣднимъ вздохомъ на ея ротикѣ. Какому видѣнію она улыбнулась отходя?

Въ раскрытыя окна вѣяло весной. Какія-то птички чирикали въ вѣткахъ акаціи, распускавшейся подъ окнами залы со двора. Солнце свѣтило весело, лучи его играли съ пламенемъ свѣчей, горѣвшихъ вокругъ умершей.

Рабусъ снималъ съ нея портретъ карандашомъ, Кампіони снялъ маску. Ночами Вадимъ плакалъ у гроба дочери. Черезъ три дня она первая легла на мѣстѣ, заработанномъ ея отцомъ, и—не послѣдняя.

Пусто стало въ домѣ.

— Что ты все плачешь? часто говорилъ мнѣ Вадимъ, сдерживая слезы.

— Дѣти у меня не всѣ,—холодно мнѣ, Вадимъ, холодно.

А тутъ ея платьица, ея игрушки, въ кармашкѣ фартучка вырѣзанныя изъ бумаги звѣрки, цвѣточки.

Все это она сама, передъ болѣзнію, уложила въ свой ящичекъ, стоявшій въ дѣтской на полу.

Сколько горькихъ слезъ было пролито подлѣ этого ящичка!

На девятый день мы поѣхали къ нашей малюткѣ,—тихо подошли къ маленькому холмику — зеленѣетъ, юная жизнь вездѣ пробивается—въ листочки, въ бутоны, въ ландыши, въ душистыя цвѣты черемухи, склоненной надъ холмикомъ. Мы прислонились къ черемухѣ. Тишина непробудная, солнечные лучи, пробираясь сквозь гибкія вѣтки деревьевъ, опушенныя молодыми листочками, мелькаютъ по надгробнымъ памятникамъ. Постояли мы подлѣ маленькаго, зеленаго холмика, — какъ-то странно, тихо; сказали, почему-то, нѣсколько словъ, совсѣмъ о постороннемъ, да вдругъ я зарыдала и обняла землю, покрывавшую мое дитя—не отозвалась на мои слезы. Она была уже не наша. Оставалось, склонивъ колѣна, покориться неизмѣняемому. Въ такія минуты человѣкъ ищетъ примиренія. Примиряетъ одна религія.

Я не предвидѣла какое несчастіе ожидало меня.

Въ іюнѣ 1842 г. мы переѣхали на дачу въ Красное Село; Вадимъ чувствовалъ себя не хорошо, похудѣлъ. Онъ простудился, а мы относили его «не по себѣ» къ разстройству нервъ. Въ іюлѣ прибылъ изъ Новгорода въ Москву Александръ, и вскорѣ посѣтилъ

насъ на дачѣ. Онъ нашелъ въ Вадимѣ большую перемѣну, но не сказалъ намъ объ этомъ ни слова, напротивъ, старался разнообразить разговоры. Между прочимъ, съ большимъ сожалѣніемъ говорилъ о кончинѣ Михаила Ѳедоровича Орлова. Онъ бывалъ у Орлова еще студентомъ, любилъ его, и всегда съ восторгомъ разсказывалъ о его мужественной, привлекательной наружности и его юношескомъ сочувствіи современности. Большая часть молодаго поколѣнія того времени поклонялась ему, правительство смотрѣло на него какъ на либерала; либералы находили, что онъ слишкомъ легко наказанъ сравнительно съ другими декабристами. Онъ былъ возвращенъ, но не прощенъ. Энергичный и честолюбивый М. Ѳ. Орловъ чувствовалъ необходимость дѣлать дѣло, выразить себя; искалъ занять высшія правительственныя должности — и принужденъ былъ ограничиваться общественной жизнію да устройствомъ своего дома и состоянія.

Въ Москвѣ Михаила Ѳедоровича любили, цѣнили его возвышенную честность, его рыцарское благородство, и когда онъ заболѣлъ, то все, что только было достойнаго уваженія, выразило ему свое сочувствіе. Многочисленная толпа провожала его до послѣдняго пристанища.

Изъ числа небольшаго интимнаго круга знакомыхъ Орлова, ближе всѣхъ къ нему и замѣчательнѣе былъ П. Я. Чаадаевъ. Умный и талантливый, онъ также тратилъ свои способности на разговоры, едва ли удовлетворявшіе его жажду дѣятельности.

Александръ былъ счастливъ своимъ переселеніемъ въ Москву; еще изъ писемъ его къ роднымъ видно было, что служба, а потомъ и безъ службы жизнь въ Новгородѣ тяготитъ его. Онъ рвался въ столицу, къ людямъ ему симпатичнымъ, къ жизни умственной и артистической, къ возможности употребить въ дѣло множество силъ своихъ. Только разъ, въ началѣ лѣта, онъ былъ оживленъ пріѣздомъ Ника, и привезенными имъ, только что вышедшими тогда «Мертвыми душами» Гоголя. Александръ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ, и потомъ всегда говорилъ, что находитъ названіе этой поэмы чрезвычайно удачнымъ, не только потому, что Чичиковъ скупаетъ мертвыя души, но что и всѣ души, выступающія на сцену — души мертвыя; одинъ человѣкъ живой — Чичиковъ, да и тотъ — плутъ. «Утѣшеніе — въ будущемъ», добавлялъ онъ.

О «Мертвыхъ душахъ» говорили вездѣ. Кто бранилъ, кто восторгался ими.

Отца своего Александръ нашелъ состарившимся, совсѣмъ вдавшимся въ мелочи и дѣйствительно нездоровымъ, хотя преувеличенно, воображеніемъ. Возвращеніе его нарушило безмолвіе и однообразіе дома Ивана Алексѣевича. Онъ и семейство его проводили съ нимъ по нѣсколько часовъ ежедневно; сосредоточиться на жизни семейной Александръ не могъ. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Москву, онъ собралъ вокругъ себя прежній кругъ друзей, расширилъ его новыми личностями, и горячо отдался товарищеской жизни и литературной дѣятельности.

25-го августа Вадимъ еще могъ быть у Наташи на имянинахъ. Всѣ находившіеся у нихъ въ этотъ день отнеслись къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ, а Александръ—съ прежнимъ юношескимъ чувствомъ любви, забывши, что они противоположно смотрятъ на многіе предметы, и, вѣроятно, не разошлись бы больше никогда: они понимали вполнѣ другъ друга и многіе изъ интересовъ этого круга составляли интересы и Вадима.

Въ исходѣ сентября силы Вадима стали упадать. Я видѣла это, но не понимала—я далека была отъ истины; навѣщавшіе насъ понимали, но никто ничего не говорилъ мнѣ, а когда сказали.... что было тогда—думала-было пережить еще разъ въ воспоминаніяхъ и—не могла...

25-го октября 1842 года, въ 8 часовъ утра, Вадимъ Васильевичъ Пассекъ кончилъ жизнь, отъ скоротечной чахотки, на 34-мъ году отъ рожденія, тихо, въ полномъ сознаніи, причастившись Святыхъ Таинъ, благословивши дѣтей своихъ. Погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ, рядомъ съ дочерью.

XXX.

1842—1843.

Encore une étoile qui file, qui file, file et disparait.

Beranger.

На колѣняхъ передъ крестомъ молила себѣ смерти, при видѣ малютокъ сиротъ чувствовала — жить надобно. Третій просился въ жизнь. Кто же ихъ любить будетъ? холодно на свѣтѣ сиротамъ.

Долго не могла отчетливо сообразить совершившагося, порой точно удивлялась, спрашивала себя—что это, не сонъ ли.—какъ, зачѣмъ?

Многіе посѣщали насъ. Помню, всѣхъ встрѣчала спокойно. Горемъ своимъ ни съ кѣмъ дѣлиться не хотѣла. Траура не надѣвала, носила только тѣ платья, которыя онъ видѣлъ на мнѣ. Слезъ моихъ не видалъ никто, плакала я оставаясь одна, да когда смотрѣла на дѣтей и видѣла, что они весело играютъ. Не разъ дѣти бросали игрушки и съ удивленіемъ смотрѣли на мои градомъ катившіяся слезы; не разъ, съ огорченіемъ въ дѣтскомъ личикѣ, отирали рученками мое мокрое отъ слезъ лицо.

Вечерами, уложивши дѣтей спать, я уходила въ пустую залу, садилась у окна, смотрѣла на безчисленныя звѣзды и думала: что̀ же наша звѣздочка-земля среди этого океана звѣздъ, что̀ же наше горе передъ вѣчностію—и какъ бы успокаивалась или, скорѣе, смирялась. Опускался взоръ на землю и снова встрѣчался съ своимъ безъисходнымъ горемъ.

Средствъ къ жизни у насъ не осталось никакихъ, а остался долгъ въ пять тысячъ серебромъ, большею частію въ типографію и литографію, да сдѣланный въ болѣзнь Вадима, и 1,700 руб. по поручительству за моего брата; оба послѣдніе долга — съ значительными процентами. Первое время послѣ нашей утраты мнѣ было ни до чего: передъ моимъ несчастіемъ все мнѣ казалось ничтожно. Какъ и чѣмъ намъ жить—меня не тревожило и не заботило. Сегодня есть и прекрасно, а откуда—мнѣ было все равно. Съ нами жилъ старшій братъ Вадима, Егоръ Васильевичъ; должно быть, онъ заботился. Вадимъ любилъ его; думаю, умирая, на-

дѣялся на него и его дружбѣ поручалъ сиротъ своихъ. Спустя нѣсколько недѣль по кончинѣ Вадима, братъ получилъ извѣстіе изъ Смоленской губерніи, что тетушка наша Наталья Ивановна Пассекъ [1]) больна при смерти, то немедленно бы ѣхалъ къ ней въ ея имѣніе Яковлевичи. Братъ немедленно уѣхалъ. Тетушка вскорѣ скончалась; половину имѣнія она оставила сводному брату своего покойнаго мужа, Михаилу Александровичу Салтыкову, а другую Егору и Валеріяну Васильевичамъ Пассекъ. Братъ Егоръ Васильевичъ обо всемъ этомъ сообщилъ мнѣ; вмѣстѣ съ письмомъ прислалъ дѣтямъ вязаныя шерстяныя одѣяльца и нѣсколько столоваго серебра, отказаннаго намъ тетушкой; сверхъ того, обѣщалъ высылать дѣтямъ ежегодно по 300 руб. сер. Столовое серебро я продала за 700 руб., и уплатила имп часть долга въ типографію и литографію. Выплатить все за Вадима стало моей мечтой, моей святой цѣлью. Когда литераторы издали въ память его сборникъ подъ названіемъ «Литературный вечеръ», то полученныя за него деньги отданы были мною въ уплату этого долга. Всѣ экземпляры сборника были раскуплены мгновенно, не за достоинство его содержанія, а изъ желанія помочь сиротамъ человѣка, оставившаго по себѣ самую свѣтлую, самую прекрасную память.

1844 г. въ 35-мъ томѣ «Современника» появилась слѣдующая рецензія:

Литературный вечеръ.

«Преждевременная кончина Вадима Васильевича Пассека, литератора трудолюбиваго, образованнаго, благороднаго, который особенно извѣстенъ изданіемъ «Очерковъ Россіи», соединило его товарищей на пріятное дѣло благотворительности: они составили и напечатали въ пользу семейства покойнаго разсматриваемую здѣсь книгу. Участниками въ ней были: Н. Горчаковъ, Н. М. Снегиревъ, А. Вельтманъ, М. Н. Загоскинъ, г. Ригельманъ, М. Н. Макаровъ, Н. Огаревъ, С. П. Шевыревъ, Н. М. Языковъ, г-жи Павлова и Бакунина, гг. Сатинъ, Полонскій и Подолинскій, Ѳ. Н. Глинка, Неѣловъ и И. Бороздна. Пріятное разнообразіе составляетъ отличительный характеръ этого новаго сборника. Литераторы, сообщившіе въ него свои сочиненія, такъ уже извѣстны у насъ своими талантами, что никто не обманется въ

[1]) Рожденная Оленина, жена П. П. Пассекъ, побочнаго сына П. Б. Пассека.

надеждѣ, если, съ прекраснымъ побужденіемъ участвовать въ добромъ дѣлѣ, будетъ ожидать съ покупкою книги и занимательнаго для себя чтенія.

Между пьесами поименованныхъ нами писателей, помѣщена небольшая статья покойнаго В. В. Пассека подъ названіемъ: «Странное желаніе». Есть еще не конченная имъ статья «Малороссійская свадьба». Послѣдняя особенно любопытна, какъ подробное изображеніе всѣхъ обрядовъ у малороссіянъ при свадьбахъ. Это остатокъ сочиненій, которыя преимущественно любилъ обрабатывать В. В. Пассекъ, и которымъ онъ умѣлъ сообщать истинное достоинство литературное и ученое. Посвятивъ свои занятія и любовь этимъ патріотическимъ занятіямъ, не увлекаясь господствующею нынѣ гибельною для талантовъ модою переходить безпрестанно отъ одного рода сочиненій къ другому (болѣе прибыточному), В. В. Пассекъ представилъ собою образецъ литератора въ истинно-достойномъ его значеніи.

Сердечное сочувствіе къ нашему несчастію показала намъ Елисавета Григорьевна Черткова, рожденная графиня Чернышева, женщина исполненная чувства и благородства, съ которой Вадимъ и я дружески сблизились за два послѣдніе года его жизни, и графъ Александръ Никитичъ Панинъ. Александръ Никитичъ былъ очень расположенъ къ Вадиму, и чувство этой привязанности перенесъ на его осиротѣлое семейство. Понимая безвыходность нашего положенія, онъ съ врожденной ему деликатностію помогалъ намъ: въ большіе праздники и имянины дѣтей привозилъ имъ на игрушки по сту и по двѣсти руб. сер. Намъ-ли было думать объ игрушкахъ!

1843 г. 25-го марта, у меня родилась дочь; крестный отецъ ея, Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, на другой день крестинъ подарилъ новорожденной серебряную вазу—и вазу продали, чтобы на это жить.

Несмотря на неутомимый трудъ мой надъ переводами въ разныя изданія и отъ времени до времени помощь графа Панина, порой приходилось терпѣть такую крайность, что я дня по два ѣла только хлѣбъ съ водой, оставляя дѣтямъ лишнюю тарелку супа и лишній кусокъ мяса отъ нашего бѣднаго обѣда. Новорожденная сиротка росла,—осенью ея не стало, должно быть, молоко мое отравило—и ее положили на столъ въ бѣлой рубашечкѣ, розовыхъ лентахъ и цвѣтахъ, а черезъ три дня отвезли въ Симоновъ монастырь, къ отцу и сестрѣ, на заработанное мѣсто. Въ залѣ прибрали, колыбель вынесли, чисто, вымыто, какъ

будто и не было ничего, только ладаномъ попахиваетъ, да что-то холодно въ груди, да какъ-то слишкомъ просторно въ домѣ. Робко смотрѣла я на двухъ оставшихся у меня сыновей. Сердце, напуганное утратами, дрожало и за нихъ. На нихъ сосредоточилась вся любовь моя, всѣ заботы мои. Оставляя на свою долю труды и лишенія, старалась сдѣлать жизнь ихъ по возможности такъ радостной, чтобы они, обращаясь къ своему дѣтству, встрѣчали только улыбающіеся дни и исполненные безконечной любви взоры матери; такимъ образомъ жизнь наша текла вмѣстѣ, но по двумъ параллельнымъ линіямъ.

Чаще всѣхъ навѣщали меня Е. Г. Черткова, мать Александра и самъ Александръ; жизнь Александра шла также не по розамъ: при блестящемъ умѣ и любящемъ сердцѣ, онъ, по избалованности и необдуманности,—одной изъ чертъ его характера,—впадалъ иногда въ такіе ошибки и промахи, которые разрушительно отзывались не только на его личной жизни, но и на жизни его семейства. По пріѣздѣ въ Москву, онъ временно увлекся, не по сердечному чувству, а по легкомыслію, и это увлеченіе сдѣлалось для него источникомъ продолжительныхъ страданій. Наташа не могла ни забыть, ни простить; другой бы помучился, да и рукой махнулъ, а онъ страдалъ, каялся, успокаивался, когда она примирялась, и снова терялся при видѣ ея слезъ; въ безсиліи обращался къ друзьямъ за совѣтомъ и участіемъ и то винилъ себя, полагая, что не умѣлъ достаточно счастливо обставить жизнь жены своей, то находилъ весь вредъ въ томъ, что она удаляется общества и ведетъ слишкомъ отшельническую жизнь. Вообще же основу ея разстройства видѣлъ въ ея воспитаніи и характерѣ, и что онъ не умѣлъ измѣнить этого по своей безпечности и по слишкомъ поглощающимъ его умственнымъ занятіямъ.

Когда тишина и свѣтлые дни возвращались, Александръ отдыхалъ, и ловилъ эти минуты, чтобы жить и жить. Полное возстановленіе семейнаго спокойствія онъ возлагалъ на путешествіе, на теплый край, на море, на жизнь только съ своей семьей, и чрезъ посредство графа С. Г. Строганова, хорошо расположеннаго къ нему, попросился за границу — ему отказали. Въ то время рѣдко кого отпускали въ чужіе краи.

Попортивши себѣ семейную жизнь, Александръ еще съ бо́льшимъ жаромъ отдался книгамъ, занятіямъ, друзьямъ—и съ рвеніемъ сталъ

изучать Гегеля; восторгаясь его живымъ ученіемъ, писалъ статью для альманаха, который предполагалъ издавать Грановскій, и намѣревался начать какой-то продолжительный трудъ. Призваніе свое онъ видѣлъ въ литературной дѣятельности. Интимный кругъ его былъ извѣстенъ подъ названіемъ «круга западниковъ». Западники вскорѣ вступили въ борьбу съ кругомъ, извѣстнымъ тогда подъ названіемъ славянофиловъ. Они встрѣчались на вечерахъ у Елагиныхъ и Свербѣевыхъ съ Киреевскими, Аксаковыми, Самаринымъ и другими. Не смотря на противоположность воззрѣній, корифеи западниковъ относились съ большимъ уваженіемъ къ нѣкоторымъ личностямъ изъ славянофиловъ. Они высоко ставили братьевъ Аксаковыхъ; Петра Васильевича Киреевскаго уважали за широту и искренность принятаго убѣжденія; въ Иванѣ Васильевичѣ Киреевскомъ находили даровитую, сильно экзальтированную натуру; въ Хомяковѣ увлекались блескомъ ума, логикой и объемистымъ пониманіемъ. Бесѣды и споры обѣихъ партій послужили къ уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, и взаимно сдѣланы были уступки. Западники соглашались, что противники ихъ не безъ основанія вѣрили въ великую будущность славянъ, и что призваніе этого племени соотвѣтствуетъ логически-историческому вопросу, выработанному Европой.

Москва тогда дѣлилась на много партій, связанныхъ однимъ убѣжденіемъ, что настоящее тяжело. Выходъ изъ такого состоянія каждый видѣлъ на свой образецъ.

Къ числу западниковъ принадлежали: Чаадаевъ, Свербѣевъ, Н. Н. Боборыкинъ, Сологубъ, А. А. Тучковъ. Въ послѣдствіи къ нимъ присоединился Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Прелестные разсказы его о своихъ прошлыхъ годахъ, исполненные своего рода ироніей, послужили предметомъ къ одной изъ интересныхъ повѣстей Александра.

Лѣто 1843 года я съ дѣтьми прожила въ Москвѣ; Александръ съ семействомъ уѣхалъ въ Покровское, откуда писалъ мнѣ какія чувства эти мѣста и совершенная ими поѣздка въ Васильевское— воскресили въ душѣ его.

«Цѣлый рядъ картинъ,—писалъ онъ,—мелькнулъ передо мной между 27-мъ и 38-мъ годами. Съ Покровскимъ, съ Васильевскимъ, съ ихъ лѣсами, горами, рѣкою—связано мое дѣтство, мое отрочество, время—когда вѣрилось въ зорю счастія, когда увле-

кали древнія республиканскія идеи и идеалы Шиллера. Тутъ, лежа подъ деревомъ, читался Плутархъ; тамъ билось свѣжее отроческое сердце; въ 1837 году жизнь раскрывалась всѣмъ блаженствомъ своимъ; лежала впереди всею прелестію своей, и проч., и вотъ, кончалъ онъ, измученный, разочарованный, у тѣхъ же полей ищу участія»....

XXXI.

1843—1844.

Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества—далека была отъ его наукообразнаго взгляда; онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ.

1843 года 23-го ноября начались публичныя чтенія Тимоѳея Николаевича Грановскаго. «Блестящая, многочисленная аудиторія окружила каѳедру молодаго доцента, обѣщавшаго ей передать величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка,—этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Благороднѣйшіе представители московскаго общества сѣли на скамьяхъ студентовъ, и слушали—и слушали въ самомъ дѣлѣ».

Александръ написалъ статью о первой лекціи, отвезъ ее графу С. Г. Строганову и просилъ помѣстить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Графъ принялъ статью, съ условіемъ, чтобы въ ней не было рѣчи о Гегелѣ, и приказалъ напечатать въ 142 № «Московскихъ вѣдомостей» 1843 года [1]).

Публичныя чтенія Т. Н. Грановскаго.

(Письмо въ Петербургъ).

Новаго въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ не много. Предвижу вашу улыбку при этомъ словѣ. «Въ Москвѣ лѣнятся, въ Москвѣ отдыхаютъ передъ трудомъ». Такъ—и нѣтъ. Правда, въ Москвѣ говорятъ больше, нежели пишутъ, думаютъ больше, не-

[1]) Помѣщаемъ это письмо и слѣдующее, съ печатныхъ оттисковъ, полученныхъ Т. П. Пассекъ отъ самого автора. Оттиски, сохранившіеся въ библіотекѣ П. А. Ефремова, также весьма обязательно сообщены имъ «Русской Старинѣ». Ред.

жели работаютъ, въ Москвѣ иногда лучше любятъ ничего недѣлать, нежели дѣлать ничего. Правда и то, что иной разъ сквозь видимую апатію прорывается вдругъ какое нибудь явленіе прекрасное и глубоко-знаменательное, трудъ разумный и отчетливый, не механическій продуктъ фабрично-искусственной дѣятельности, а дѣяніе поэтическое и свободное. Къ такимъ явленіямъ отношу я публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ г. Грановскаго. Въ самомъ событіи этого курса есть что-то чрезвычайно поэтическое: въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивилизаціи къ нашему историческому развитію занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего университета на каѳедрѣ, чтобъ передать живымъ словомъ исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра германо-католическаго, котораго самобытно развивающаяся Россія не имѣла. Г. Грановскій, года три тому назадъ оставившій скамьи лучшихъ германскихъ университетовъ, посвятившій жизнь свою глубокому изученію европейской исторіи, выходитъ передъ московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ среднихъ вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда событій, въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества; его чтенія не могутъ быть разрѣшеніемъ вопроса, не должны внести въ него новыя данныя; онъ вправѣ требовать, чтобъ, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества — выслушали по крайней мѣрѣ симпатическій разсказъ о ней. Благородную симпатію къ своему предмету мы видѣли, глубокотронутые, въ первыхъ прекрасныхъ словахъ, которыми открылъ г. Грановскій курсъ свой. Эта симпатія великое дѣло: въ наше время глубокое уваженіе къ народности не изъято характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на европейское какъ на чужое, почти какъ на враждебное, многіе боятся въ общечеловѣческомъ утратить русское. Генезисъ такого воззрѣнія понятенъ,— но и неправда его очевидна. Человѣкъ, любящій другаго, не перестаетъ быть самимъ собою, а расширяется всѣмъ бытіемъ другаго; человѣкъ, уважающій и признающій права ближняго, не лишается своихъ правъ, а незыблемо укрѣпляетъ ихъ. Мы должны уважить и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство, которое рас-

крываетъ въ мнимомъ врагѣ—брата, въ расторженіи—миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный потомъ и кровью—западомъ; это сознаніе съ нашей стороны есть вмѣстѣ мысль и любовь—оттого оно такъ легко; логика и симпатія всего менѣе тѣснятъ человѣка: человѣкъ созданъ, чтобъ думать и любить. Первыя слова Грановскаго, проникнутыя любовью, проникнутыя мыслію, заставили меня ожидать многаго отъ его чтеній!—И какою блестящей аудиторіею окружила Москва человѣка, обѣщавшаго ей передать величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка,—этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Да, московское общество самымъ лестнымъ образомъ оцѣнило приглашеніе доцента: благороднѣйшіе представители этого общества (мы говоримъ о дамахъ образованнѣйшаго круга) сѣли на скамьяхъ студентовъ и слушали—и слушали въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли это. И послѣ этого говорите, что всеобщіе интересы не имѣютъ глубокихъ корней въ публикѣ: она съ необыкновеннымъ тактомъ всю современность живой, всенародной рѣчи объ исторіи. Въ наше время исторія поглотила вниманіе всего человѣчества, и тѣмъ сильнѣе развивается жадное пытанье прошедшаго, чѣмъ яснѣе видятъ, что былое пророчествуетъ, что, устремляя взглядъ назадъ—мы, какъ Янусъ, смотримъ впередъ. Духъ, понимая свое достоинство, хочетъ оправдать свою біографію, освѣтить ее восходящимъ солнцемъ мысли, освободить отъ могильнаго тлѣна безсмертную душу прошедшаго, какъ то̀ наслѣдіе его, которое не точится молью. Исторія, если не страшный судъ человѣчества, то—страшное оправданіе, всѣхъ-скорбящее прощеніе его; исторія—чистилище, въ которомъ мало по малу временное и случайное воскресаетъ вѣчнымъ и необходимымъ, тѣло смертное преображается въ тѣло безсмертное. Память человѣка есть память человѣчества, есть память поэта и мыслителя, въ которой прошедшее живетъ какъ художественное произведеніе. Но, что же новаго скажетъ г. Грановскій? Развѣ мало писано объ исторіи среднихъ вѣковъ, начиная съ французовъ XVIII столѣтія, не понимавшихъ прошедшаго, и до Лео, который не понимаетъ настоящаго? Человѣчество въ разныя эпохи, въ разныхъ странахъ, оглядываясь назадъ, видитъ прошедшее, но самымъ образомъ вос-

принимания и отраженія его раскрываетъ само себя. Чтобъ привести первый примѣръ, попавшійся въ голову, вспомните, какимъ рядомъ метемпсихозъ гомерическіе и софокловскіе герои перешли сквозь душу Сенеки, Расина, Альфіери, Гёте. Самъ Грановскій сказалъ, что ни въ чемъ такъ ярко не выражается характеръ народа, какъ въ пониманіи исторіи; я совершенно согласенъ съ нимъ и потому именно придаю такое значеніе его чтеніямъ. Для насъ, вѣка готическіе не имѣютъ того смысла, какъ для западнаго европейца: архитектура огивы не напоминаетъ намъ ни отчаго дома, ни храма Божія; рыцарскія поэмы и западныя легенды не похожи на наши колыбельныя пѣсни; для насъ средніе вѣка имѣютъ иной интересъ, чисто человѣческій, безкорыстный, отрѣшенный отъ всякой непосредственности. Мы породнились съ Европой, когда феодализмъ, послѣдовательный и неумолимый въ консеквентности, своими ногами сталъ себѣ на грудь, своимъ языкомъ громогласно отрекся отъ своихъ родителей и, забывъ свое сердце, положилъ краеугольнымъ камнемъ новаго зданія свою голову, посѣдѣлую отъ мысли. Мы сначала узнали новую Европу, а потомъ справились о ея происхожденіи. Оттого нашъ взглядъ на прошедшее Европы не можетъ быть взглядомъ старшихъ — европейцевъ. Западно-европейскій историкъ—судья и тяжущійся вмѣстѣ, въ немъ не умерли семейныя ненависти и распри, онъ человѣкъ какой-нибудь стороны—иначе онъ апатическій эгоистъ, онъ слишкомъ вросъ въ послѣднюю страницу исторіи европейской, чтобъ не имѣть непосредственнаго сочувствія съ первою страницей и со всѣми остальными. Нѣтъ положенія объективнѣе относительно западной исторіи, какъ положеніе русскаго. На сколько Грановскій въ своихъ чтеніяхъ удовлетворитъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя я предъявляю— увидимъ въ послѣдствіи; но первая лекція—ключъ къ курсу; онъ благородно и прямо указалъ основанія, на которыхъ будетъ читать: они широки, современны и проникнуты любовью.

Первая лекція была посвящена изложенію развитія науки исторіи; г. Грановскій остановился, кажется, на Фихте. Два частныя замѣчанія я сдѣлалъ бы ему: онъ слишкомъ скудно опредѣлилъ вліяніе Канта на исторію и все еще по старой привычкѣ слишкомъ много приписываетъ Гердеру. Гердеръ былъ прекрасное явленіе въ германской беллетристикѣ, симпатическій человѣкъ, открытый всѣмъ

интересамъ искусства и науки, всему сочувствовавшій и ничего не знавшій основательно; окруженный толпою нѣмецкихъ педантовъ и цеховыхъ ученыхъ того времени, онъ могъ сосредоточить на себѣ любовь современниковъ и даже заставить ихъ повѣрить въ свое глубокомысліе, но онъ мыслилъ фантазіей, онъ былъ поэтъ и дилетантъ въ наукѣ — и оттого не былъ двигателемъ. Что же касается до Канта, то дѣло совѣмъ не въ томъ, что̀ онъ писалъ объ исторіи, но какой онъ далъ мощный толчекъ всему разумѣнію человѣческому; кантіанизмъ отразился во всѣхъ сферахъ мысли—и во всѣхъ сдѣлалъ переворотъ. Исторія не могла быть изъята, и, дѣйствительно, Шиллеръ пошелъ отъ кантіанизма—и развилъ его до своихъ Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества. А эта диссертація въ письмахъ — колоссальный шагъ въ развитіи идеи исторіи.

Но на сей разъ довольно. Если что нибудь не воспрепятствуетъ, я доставлю вамъ общій обзоръ лекцій и нѣсколько частныхъ замѣчаній. Надѣюсь, что г. Грановскій не подастъ на меня въ судъ челобитную, какъ Шеллингъ на Паулуса. Мы, русскіе, какъ-то не привыкли свою мысль, свое слово считать товаромъ, личной собственностью. Грановскій читаетъ довольно тихо, органъ его бѣденъ, но какъ богато искупается этотъ физическій недостатокъ прекраснымъ языкомъ, огнемъ, связующимъ его рѣчь, полнотою мысли и полнотою любви, которыя очевидны не только въ словахъ, но и въ самой благородной наружности доцента. Въ слабомъ голосѣ его есть нѣчто проникающее въ душу, вызывающее вниманіе. Въ его рѣчи много поэзіи и ни малѣйшей изысканности, ничего для эффекта; на его задумчивомъ лицѣ видна внутренняя добросовѣстная работа. Вотъ все, что я могу вамъ сообщить.

Рама, назначенная г. Грановскимъ, обширна: онъ хочетъ прочесть исторію среднихъ вѣковъ до конца, т. е. до того времени, какъ католицизмъ развился въ Лютера, феодальная раздробленность въ самодержавную централизацію, и Европа стала до того тѣсна вновь развивающемуся міру, что великій генуэзецъ отправился искать Новый Свѣтъ.

Прощайте!—жду извѣстія о вашихъ университетскихъ и литературныхъ событіяхъ.

А.

Въ первой лекціи Грановскій изложилъ развитіе науки исторіи. Во второй, говорилъ о философіи исторіи, защищая философію. Главный характеръ его чтеній было развитіе человѣчности, сочувствіе всему живому, поэтическому — любовь къ возникающему и отходящему.

Изложеніе его было смѣло, откровенно, языкъ благороденъ, рѣчь, исполненная ясности и теплоты, порой восходила до вдохновенія.

Публика увлекалась до восторга.

Когда Грановскій пришелъ на слѣдующую лекцію, толпа была такъ велика, что онъ съ трудомъ пробирался до каѳедры; когда онъ поровнялся съ Александромъ, тотъ всталъ съ своего мѣста и, почтительно поклонившись ему, сказалъ: «дальше пройти нельзя—все занято». Находившіеся вблизи засмѣялись, Грановскій, улыбаясь и конфузясь, остановился на минуту, сказалъ нѣсколько словъ съ Александромъ, и сталъ пробираться дальше. Толпа, тѣснясь, разступалась и молодой доцентъ взошелъ на каѳедру. Его встрѣтилъ громъ рукоплесканій. Онъ ждалъ — и не вдругъ пришелъ въ нормальное состояніе.

Въ «Москвитянинѣ» сдѣлано было замѣчаніе Грановскому, почему онъ, читая о среднихъ вѣкахъ Европы, ничего не сказалъ о Россіи? стоитъ со стороны западной науки и, слышно, что намѣренъ держаться Гегеля?

Замѣчаніе «Москвитянина» заставило опасаться закрытія публичныхъ лекцій Грановскаго, тѣмъ больше, что увлеченіе публики расло. Желая предупредить это и оправдаться, на первой же лекціи, послѣ сдѣланнаго ему замѣчанія, Грановскій, обратясь къ слушателямъ, сказалъ: «Считаю необходимымъ оправдаться передъ вами: меня обвиняютъ въ пристрастіи къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, и не вижу почему долженъ читать ее съ ненавистію. Западъ кровавымъ пòтомъ выработалъ свою исторію, плоды ея достались намъ почти даромъ, нѣтъ права не любить ея. Если бы я взялся читать нашу исторію—и въ нее принесъ бы ту же любовь. Меня обвиняютъ въ пристрастіи къ системамъ—я имѣю свои ученыя убѣжденія, и только во имя ихъ явился на этой каѳедрѣ. Разсказывать рядъ событій и анекдотовъ—не входило въ мой планъ, проникнутъ ихъ мыслію»... рукоплесканія не дали ему кончить рѣчь и проводили изъ аудиторіи.

Грановскій въ своихъ лекціяхъ касался вопросовъ волнующихъ душу. Когда онъ говорилъ о славянскомъ мірѣ, трепетъ пробѣгалъ по аудиторіи, слезы блестѣли на глазахъ. Грановскій, сильно тронутый, благодарилъ просто, замолкалъ, когда рѣчь его прерывалась рукоплесканіями, и кланялся. Крики, шумъ, аплодисменты, торжественный безпорядокъ, доценту жали руки — онъ вышелъ въ лихорадкѣ.

Публика вкусила упоеніе всенародной, энергической рѣчи. Друзья сдѣлали Грановскому обѣдъ. Весело, шумно, пьяно окончился этотъ день.

Александръ написалъ вторую статью о лекціяхъ Грановскаго— и также просилъ графа Строганова напечатать ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—графъ отказалъ. Тогда Александръ помѣстилъ ее въ «Москвитянинъ». Она вышла въ 7-мъ нумерѣ 1844 года, 22-го іюля.

О публичныхъ чтеніяхъ г. Грановскаго.

(ПИСЬМО ВТОРОЕ).

Публичныя чтенія Грановскаго кончились: въ ушахъ моихъ еще раздается дрожащій отъ внутренняго волненія, глубоко потрясенный отъ сильнаго чувства, голосъ, которымъ онъ благодарилъ слушателей, и дружный, громкій, продолжительный отвѣтъ, которымъ аудиторія прогремѣла ему свою благодарность.— «Благодарю еще разъ, благодарю тѣхъ, которые, сочувствуя мнѣ, раздѣлили добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность!» Этими прекрасными словами заключилъ Грановскій свой курсъ. Вы помните, что, послѣ перваго чтенія, я рѣшился назвать событіемъ замѣчательнымъ этотъ курсъ,—теперь я имѣю нѣкоторое право сказать, что не ошибся. Участіе къ чтеніямъ г. Грановскаго безпрерывно возрастало, его каѳедра была постоянно окружена тройнымъ вѣнкомъ дамъ, и замѣтьте, доцентъ читалъ свой предметъ со всею важностью науки, не разсыпая ненужныхъ цвѣтовъ, не

жертвуя глубиною для пріятной легкости. Мнѣ кажется, ничѣмъ не могъ онъ болѣе выразить своего уваженія и благодарности слушательницамъ, посѣщавшимъ его чтенія,—и онѣ были ему признательны. Слава Богу, проходитъ время того оскорбительнаго вниманія къ женщинѣ, когда для нея, рядомъ съ дѣльнымъ изложеніемъ науки, излагали предметъ намѣренно-искаженнымъ образомъ, считая одинъ мужеской умъ способнымъ къ глубокомыслію.

Московское общество узнало, сидя на университетскихъ скамьяхъ, новое увлекательное и сильно-занимающее наслажденіе, преподавателямъ открылась очевидная возможность новаго дѣйствованія и указанъ путь, по которому достигается сочувствіе. Я увѣренъ, что съ легкой руки Грановскаго начнутся въ нашемъ университетѣ публичныя чтенія о предметахъ, равно исполненныхъ общаго интереса — новое сближеніе города съ университетомъ. У насъ не можетъ быть науки разъединенной съ жизнію: это противно нашему характеру; потому всякое сближеніе университета съ обществомъ имѣетъ значеніе и важно для обоихъ. Преподаваніе, для пріобрѣтенія сочувствія, должно очиститься отъ школьнаго формализма, оно должно изъ холодной замкнутости сухихъ односторонностей выйти въ жизнь дѣйствительности, взволноваться ея вопросами, устремиться къ ея стремленіямъ. Общество должно забыть суету ежедневности и подняться въ среду общихъ интересовъ для того, чтобъ слушать преподаваніе. Оно готово это сдѣлать. Тактъ общества вѣренъ: все живое и сочувствующее ему находитъ въ немъ неминуемое признаніе: курсъ Грановскаго—лучшее доказательство. У насъ публичныя чтенія въ такомъ родѣ—новость. Весьма можетъ быть, что часть публики сначала явилась полушутя, ради новости; но послѣ первыхъ трехъ, четырехъ чтеній аудиторія была совершенно симпатично настроена, вниманіе дѣятельное, напряженное, виднѣлось на всѣхъ лицахъ; это сочувствіе сильно отразилось на преподаваніи. Между слушателями и преподавателемъ (если въ самомъ дѣлѣ одни слушаютъ, а другой преподаетъ) образуется необходимо магнитическая связь, съ обѣихъ сторонъ дѣятельная; сначала они будто чужіе другу; но мало по малу между ними устанавливается уровень, и когда онъ приходитъ въ сознаніе обоихъ, тогда взаимно-дѣйствіе растетъ быстро, слова увлекаютъ слушателей, и

аудиторія, сростающаяся въ одно нравственное лицо, увлекаетъ говорящаго. Скажу прямо, и знаю, что Грановскій не обидится этимъ: онъ видимо развивался читая, онъ росъ, крѣпнулъ на каѳедрѣ. Слушатели не отстали отъ него: аудиторія и доцентъ разстались друзьями, глубоко-тронутые, глубоко-уважающіе другъ друга, они разстались со слезами на глазахъ.

Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ, ничему, не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ; онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ,—но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества—далека была отъ его наукообразнаго взгляда; онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ. Мнѣ кажется, что именно этотъ характеръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе общества къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть, во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ, найти съ любовію родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть, сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т. е. вѣчной цѣли—великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Гораціо, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ, возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Гораціо и мысли нѣтъ воскресить принца; смерть Гамлета для него событіе, онъ самъ сквозь слезы указываетъ на юнаго Фортинбраса, которому завѣщана кровавая порфира, но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему;—такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающагося назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному—верхъ побѣды. Неподвижныя тѣни, забытыя отшедшимъ міромъ на почвѣ новаго, всего менѣе могутъ устоять противъ теплаго дыханія любви; онѣ распускаются въ свѣтлую влагу, отдавая себя на утоленіе жажды новыхъ поколѣній. Но эта любовь не легко достигается. Русскій историкъ стоитъ

на почвѣ, которая ему чрезвычайно облегчаетъ объективное симпатическое воззрѣніе на западную исторію. Незакупленная мысль наша можетъ, освѣщая средневѣковыя событія, сохранить высокій характеръ кротости и милосердія, явиться примиряющею и вселюбящей: мы были чужды феодальной жизни Европы, мы ни наслѣдій не стяжали отъ этого времени, ни родовыхъ болѣзней. Мы цаловальники, взятые изъ другаго края, у которыхъ не можетъ быть личностей ни противъ кого, ни за кого. Не такъ для германца: онъ въ борьбѣ съ своимъ воспоминаніемъ, онъ чувствуетъ родственную любовь и родственную ненависть къ нему, онъ или падетъ подъ бременемъ богатаго наслѣдія, или долженъ отречься отъ отца съ матерью. Былое Европы для него еще живо: онъ, выходя на арену, не можетъ сохранить спокойствіе судьи; вмѣсто благотворной теплоты, въ душѣ его является пристрастіе или пожирающій пламень критики—безпощадный и неотступный. Ошибаться не надобно: этотъ гнѣвъ, эта критика—тоже любовь, но любовь, доведенная до крайности, ревнивая, карающая, оскорбленная. Страстная односторонность въ исторіи Запада простительна западному человѣку, и была бы странна въ русскомъ. Откуда взять увлеченному въ омутъ событій, въ самомъ круговоротѣ ихъ, ровное и мудрое безпристрастіе зрителя; не будетъ ли это ниже или выше достоинства человѣческаго, не надобно ли для этого сдѣлаться Талейраномъ или Гёте.—Sine ira et studio! не ужели вы вѣрите, что Тацитъ писалъ sine ira?—Повторяю сказанное въ первомъ письмѣ: нѣтъ положенія объективнѣе относительно прошедшаго Европы, какъ положеніе русскаго. Конечно, чтобъ воспользоваться имъ, недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть общечеловѣческаго развитія, надобно именно не быть исключительно русскимъ, т. е. понимать себя не противоположнымъ западной Европѣ, а братственнымъ. Понятіе братства не поглощаетъ самобытности братій, но и самобытность ихъ, какъ лицъ, не противополагаетъ ихъ другъ другу врагами, что уничтожило бы братство. Отталкивающее противоположеніе себя чему нибудь не можетъ достигнуть объяснительной точки; вражда въ основѣ своей субъективна; быть въ противоположности значитъ отказаться отъ пониманья противоположнаго, потому что пониманье есть именно снятіе противоположности. Доколѣ мысль ревниво отталкиваетъ противуположное, она ограничена имъ,

какъ чуждымъ, и это чуждое дѣлается камнемъ преткновенія, брошеннымъ на всѣхъ путяхъ ея. Въ уложеніи сказано: «А будетъ который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ, и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судьѣ не судить». Намъ чрезвычайно легко достигнуть этой юридической состоятельности: стоитъ хотѣть и умѣть воспользоваться нашимъ положеніемъ. Прошедшее Европы не тревожитъ насъ ни какъ утрата, ни какъ угрызеніе совѣсти: оно имѣетъ для насъ иной великій интересъ

Dich stört nicht im Innern,
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

Грановскій (не смотря на упреки, дѣланные ему въ началѣ курса) прекрасно понялъ, каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ на катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того взята была имъ въ руки запыленная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвеститура, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю полноту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи; событія, не сгнетаемыя ни какой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно ожившими. Мнѣ случалось много разъ слышать нелѣпые вопросы, почему онъ не высказывается яснѣе, что̀ онъ хочетъ доказать, какая цѣль его? онъ и любитъ феодализмъ и радъ его паденію—и пр. Всѣ эти вопросы, впрочемъ, послѣдовательнѣе, нежели думаютъ: все живое чрезвычайно трудно уловимо, именно потому, что въ немъ скипѣлось безчисленное множество элементовъ и сторонъ въ одинъ движущійся процессъ; живое приводится въ сознаніе только спекуляціей или созерцаніемъ, а благоразумная разсудочность видитъ въ немъ одинъ безпорядокъ, жизнь ускользаетъ отъ ея грубыхъ рукъ. Многосторонность живаго наводитъ страхъ и уныніе на одностороннихъ людей, они требуютъ du positif! Такъ полипы, лишенные собственнаго движенія, липнутъ всю жизнь на одной сторонѣ камня и гложутъ мохъ, его покрывающій. Этимъ безпозвоночнымъ умамъ легче было бы въ десять разъ понять

исторію, подтасованную съ какой бы то ни было точки зрѣнія; но Грановскій слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность и не воспользоваться прекраснымъ положеніемъ. Исторія очень легко дѣлается орудіемъ партіи. События былыя нѣмы и темны; люди настоящаго освѣщаютъ ихъ какъ хотятъ; прошедшее, чтобъ получить гласность, переходитъ черезъ гортань настоящаго поколѣнія, а оно часто хочетъ быть не просто органомъ чужой рѣчи, а суфлёромъ; оно заставляетъ прошедшее лжесвидѣтельствовать въ пользу своихъ интересовъ. Такое вызываніе прошедшаго изъ могилы унизительно,—но есть возможность извинить эти чернокнижныя попытки при извѣстныхъ обстоятельствахъ: феодализмъ, папская власть, аристократія, среднее состояніе и проч. не просто предметы изученія и науки для Запада, а знамена партій, вопросы на жизнь и смерть Умершій порядокъ дѣлъ имѣетъ въ Европѣ своихъ повѣренныхъ, продолжающихъ тяжбу; но къ этой тяжбѣ мы менѣе, гораздо менѣе прикосновенны нежели даже Сѣверо-Американскіе Штаты. Это не наши споры и не наша вражда; мы вступаемъ въ общеніе съ Европой не во имя ея частныхъ и прошедшихъ интересовъ, а во имя великой общечеловѣческой среды, къ которой стремится она и мы; наше сочувствіе есть собственно предчувствіе грядущаго, которое равно распуститъ въ себѣ все исключительное—романо-германское-ли или славянское оно.

Грановскій миновалъ другой подводный камень, опаснѣйшій, нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія. Знакомый съ писаніями великихъ германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе философіи исторіи во 2-мъ чтеніи, но не подчинилъ живаго развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ; Грановскій смотритъ на современное состояніе жизни, какъ на великій историческій моментъ, котораго не знать, котораго миновать безнаказанно нельзя, такъ какъ нельзя и остаться въ немъ на вѣки не окоченѣвши. Чтобъ очевидно указать глубокій историческій смыслъ нашего доцента, достаточно сказать, что, принимая исторію за правильно-развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенной мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій

Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разгулъ жизни. Величайшіе мыслители Германіи не миновали соблазна насильственнаго построенія исторіи, основаннаго на недостаточныхъ документахъ и одностороннихъ теоріяхъ — это понятно: сторона спекулятивнаго мышленія была ближе ихъ душѣ, нежели живое историческое воззрѣніе. Ихъ теоретическая и тягостная необходимость явилась доведенною до нелѣпости въ сочиненіяхъ нѣкогда очень извѣстнаго Кузеня. Въ Кузенѣ я вижу Немезиду, мстящую нѣмцамъ за ихъ любовь къ отвлеченности, къ сухому формализму. Нѣмцы должны были сами расхохотаться, читая, куда они завели добраго и безхитростнаго галла, ввѣрившагося имъ. Онъ такимъ внѣшнимъ образомъ понялъ необходимость, что чуть не выводилъ изъ общей формулы развитія человѣчества кривую шею Александра Македонскаго. Это была реакція Вольтеровскому воззрѣнію, которое, наоборотъ, приводило судьбы міра въ зависимость отъ очертанія носа у Клеопатры.

Грановскій обѣщаетъ напечатать свои чтенія; тогда, посылая вамъ книгу, я попытаюсь разобрать самый курсъ, поговорить объ немъ подробно. Теперь позвольте кончить—надѣюсь, что вы противъ этого ничего не имѣете. А.

Въ іюнѣ 1844 года, Александръ съ своимъ семействомъ уѣхалъ въ Покровское. Лѣто этого года стояло дождливое, пасмурное, грозное—онъ писалъ изъ Покровскаго: «Дождь льетъ день и ночь, вѣтеръ рветъ ставни, шагу нельзя сдѣлать изъ комнаты, и, странное дѣло! я ожилъ, поправился, веселѣе вздохнулъ... Выйдешь подъвечеръ на балконъ, ничто не мѣшаетъ взгляду; вздохнешь въ себя влажно-живой, насыщенный дыханіемъ лѣса и луговъ воздухъ, прислушаешься къ дубравному шуму — и на душѣ легче, благороднѣе, свѣтлѣе, какая-то благочестивая тишина кругомъ успокаиваетъ, примиряетъ... Кажется, годы не выѣхалъ бы отсюда...».

Почти этими словами онъ началъ писать, въ Покровскомъ, рядъ писемъ объ изученіи природы, обращенный къ друзьямъ.

Не смотря на дурную погоду и непроѣздныя дороги въ экипажѣ въ сорока верстахъ отъ Москвы, друзья навѣщали ихъ. Разъ ночью, въ страшную грозу, пріѣхалъ къ нимъ Коршъ съ женой и ребенкомъ; вслѣдъ за ними явились и еще посѣтители и провели у нихъ нѣсколько дней весьма оживленно.

По возвращеніи Александра въ Москву, Иванъ Алексѣевичъ сталъ совѣтоваться съ нимъ на счетъ духовнаго завѣщанія. Весь капиталъ свой и два дома въ Москвѣ, со всѣмъ, что въ нихъ находится, онъ оставлялъ Александру, его матери и Егору Ивановичу. Сверхъ того, Александру—саратовское имѣнье. Подмосковное село Покровское, доставшееся Ивану Алексѣевичу послѣ брата его, Льва Алексѣевича, назначалъ родному племяннику своему по сестрѣ, Дмитрію Павловичу Голохвастову, съ условіемъ выплатить значительную сумму: Александру, дѣтямъ Льва Алексѣевича и разныя мелкія награды, въ числѣ которыхъ назначено было мнѣ три тысячи.

Всѣ эти выдачи вмѣстѣ чуть не равнялись стоимости самаго имѣнія, главная цѣнность котораго, какъ я слыхала, состояла въ лѣсѣ.

Дмитрій Павловичъ отказался и отъ наслѣдства и отъ участія въ распоряженіи по духовному завѣщанію; вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ бывать у дяди. Иванъ Алексѣевичъ нѣсколько встревожился, но не растерялся,—онъ позвалъ къ себѣ Александра и сказалъ ему:

— Митя не желаетъ Покровскаго, въ такомъ случаѣ передаю его тебѣ.

Александръ отказался въ свою очередь.

Иванъ Алексѣевичъ нашелся и тутъ:

— Не думай, любезный,—сказалъ онъ ему,—чтобы Митинъ и твой отказъ отъ моего имѣнія очень огорчили меня, я найду ему мѣсто—отдамъ на богадѣльню.

Александръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Дмитріемъ Павловичемъ, продолжалъ съ нимъ видаться—и дѣло по наслѣдству, мало по малу, было улажено. Иванъ Алексѣевичъ, увидавши, что несообразность его распоряженій поняли,—согласился на разумныя уступки. Покровское осталось за Дмитріемъ Павловичемъ, сколько помню, безъ всякихъ уплатъ. Мелкія награды переведены были на капиталъ Ивана Алексѣевича, только уплату назначаемыхъ мнѣ трехъ тысячъ рублей серебромъ Дмитрій Павловичъ пожелалъ удержать за собою.

Я случайно пришла въ домъ Ивана Алексѣевича въ самый тотъ день, какъ онъ кончался. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, на вольтеровскихъ креслахъ, передъ небольшимъ письменнымъ

столикомъ—закрывши глаза, съ предсмертной блѣдностію на лицѣ. Подлѣ него стоялъ Александръ, и поддерживалъ его голову. Въ комнатѣ, въ глубокомъ молчаніи, сидѣли всѣ домашніе, Г. И. Ключаревъ и Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Увидавши меня, Дмитрій Павловичъ указалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя, и, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣта, въ полголоса сказалъ: «вы не забыты въ духовномъ завѣщаніи, вамъ назначено три тысячи».

Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Ивана Алексѣевича, деньги эти мнѣ были выданы [1]).

Новоселье съ Уходовымъ давно было продано. Керченскую деревню Иванъ Алексѣевичъ, еще при жизни, отдалъ дочери Льва Алексѣевича—Софьѣ Львовнѣ, бывшей замужемъ за инженернымъ полковникомъ А. В. Полѣновымъ; Васильевское съ деревнями продано было Николаю Павловичу Голохвастову. Новоселье съ Уходовымъ—Гурьеву, сколько помню, за сумму между 500 и 800 тысячъ р. ассигнаціями.

Весь капиталъ, полученный за проданныя родовыя имѣнія, Иванъ Алексѣевичъ, по духовному завѣщанію, передалъ дѣтямъ своимъ: Егору Ивановичу 150,000 р. сер., Александру—300,000 р. сер., матери его—200,000 р. серебромъ.

Устроивши дѣла по наслѣдству, Александръ уѣхалъ въ Соколово. Тамъ же по сосѣдству наняли себѣ помѣщенія нѣкоторые изъ друзей его—и каждый день всѣ собирались вмѣстѣ. Я была у Александра одинъ разъ въ Соколовѣ, и видѣла весь ихъ кругъ въ сборѣ. Не смотря на кратковременность моего тамъ пребыванія, я замѣтила, что въ ихъ кругъ забрались недоразумѣнія, мелкая обидчивость, вслѣдствіе которыхъ начиналось внутреннее распаденіе.

Съ славянофилами, въ это время, они совсѣмъ разошлись. Стихи Языкова едва не повели къ дуэли Петра Васильевича Киреевскаго съ Грановскимъ,—послѣ чего разстаться сдѣлалось неизбѣжно.

Они и разстались, но со взаимнымъ уваженіемъ.

---

[1]) На эти 3,000 р., съ присоединеніемъ къ нимъ 1,000 р., полученныхъ мною отъ княгини Хованской, и 1,000 р. отъ моей тетки Смаланъ, въ 1844 году купила я на Остоженкѣ домъ, тотъ самый, который мы занимали съ Вадимомъ, и прожила въ немъ, послѣ его смерти съ дѣтьми до начала 1870-хъ годовъ.

Въ 1845 году, 25-го февраля, Т. Н. Грановскій защищалъ свою диссертацію на степень магистра. Я не была на диссертаціи, но слышала, что его встрѣтили оваціями, возражали съ ожесточеніемъ, а онъ отвѣчалъ кротко, съ полнымъ обладаніемъ своего предмета.

По окончаніи диспута, графъ Строгановъ поздравилъ Грановскаго,—раздались виватъ, рукоплесканія, на лѣстницѣ новые апплодисменты. Передъ университетомъ ожидала толпа; едва уговорили ее разойтиться.

Слышно было, что на первую лекцію Грановскаго готовятся сильныя оваціи. Инспекторъ, узнавши объ этомъ, просилъ его предупредить, чтобы никакихъ демонстрацій не было.

Войдя на каѳедру, Тимофей Николаевичъ, стоя, обратясь къ студентамъ, сказалъ:

—«Милостивые государи! позвольте поблагодарить васъ за 21-е февраля. Этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывно. Я получилъ отъ васъ самую прекрасную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ; вполнѣ чувствую ее, и еще съ большей ревностію посвящу жизнь мою Московскому университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою. Я осмѣливаюсь просить васъ, милостивые государи, не изъявлять больше наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ другу, чтобы надобны были такія доказательства. Я прошу васъ объ этомъ не потому, чтобы считалъ опасными для васъ или для себя такія изъявленія вашей симпатіи. Она останется на всю жизнь моимъ лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію. У насъ общее прекрасное дѣло — посвятить наши занятія серьезному изученію, служенію Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I-го, удаляясь равно и отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и отъ старческаго, дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности».

Студенты не аплодировали. Они слушали въ благоговѣйномъ молчаніи.

Все, что дѣлалъ Грановскій, было исполнено благородства и такта, указывавшаго ему границы, въ которыхъ надобно держаться.

Въ продолженіе этого періода времени, Александръ пріобрѣлъ

извѣстность въ литературѣ. О немъ сказано было въ отдѣлѣ критики одного изъ журналовъ: «какъ чудно авторъ умѣлъ довести умъ до поэзіи! какая глубокая мысль, какое единство дѣйствія, какъ все соразмѣрно — ничего лишняго, ничего недосказаннаго, какая оригинальность слога, сколько ума, юмора, остроумія, души, чувства... Если это залогъ цѣлаго ряда такихъ произведеній въ будущемъ, то мы смѣло можемъ поздравить публику съ пріобрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта, совершенно въ новомъ родѣ».

Не взирая на мою близость съ домомъ Александра, внутренняя семейная жизнь его—этого времени,—мнѣ была извѣстна только отчасти, и, можно сказать, односторонно, иногда изъ сдѣланной имъ мнѣ довѣренности, а чаще изъ разсказа его матери. Записки Т. А. А—ой пополняютъ этотъ недостатокъ и освѣщаютъ нѣкоторыя событія, касающіяся ихъ внутренней жизни и характера Наташи, — поэтому и позволяю себѣ дѣлать изъ нихъ выписки.

Александръ,—сказано въ Запискахъ Т. А. А—ой,—желалъ ввести жену свою въ кругъ тогдашнихъ дамъ ученыхъ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ А—ой и А. П. Е—ной, собирались славянофилы и западники, литераторы и ученые. Изъ числа извѣстныхъ дамъ тамъ бывали: Ховрины, баронесса Карлсгофъ (въ послѣдствіи вышедшая за профессора Драшусова), К. К. Павлова (ученица Баратынскаго), Васильчиковы, Новосильцевы (ученицы Грановскаго) и другія.

Наташа отказалась отъ этихъ вечеровъ. Она любила тишину домашняго круга и бесѣду друзей Александра, порой серьезную, порой шутливую,—всегда задушевную.

Не смотря на то, что Наташа почти нигдѣ не бывала, многія изъ дамъ ученаго круга, различной среды и различныхъ взглядовъ, бывали у нея; но она относила ихъ посѣщенія къ желанію сдѣлать пріятное Александру, и не сближалась съ ними.

Когда объявлены были публичныя лекціи Грановскаго, весь кругъ Александра пришелъ въ сильную ажитацію—какъ примутъ? что будетъ? всеобщій интересъ, всѣ разговоры сосредоточивались на лекціяхъ, всѣ отрѣшались самихъ себя.

Наконецъ, лекціи начались. Замѣчательно, что, кромѣ достоинства самыхъ лекцій, всѣ мало-мальски знакомые съ университетскимъ образованіемъ какъ бы стыдились не бывать на чтеніяхъ Грановскаго. Аудиторія во время чтенія бывала биткомъ

набита. Дамы всѣхъ возрастовъ считались десятками, не только тѣ, которыя принадлежали къ ученому кругу, но и не заявившія никакихъ притязаній на ученость. Профессора, студенты, штатскіе, военные—наполняли аудиторію.

Всѣ слушали внимательно, съ интересомъ. Всѣ лица были одушевлены, ни на одномъ не было и тѣни скуки или утомленія. Появленіе Грановскаго на каѳедрѣ встрѣчалось шумно, рукоплесканіямъ не было конца. Грановскій—впечатлительный и нѣжный—растрогивался, смущаясь раскланивался; одною рукой вынималъ изъ кармана платокъ, другой имъ утирался, прокашливался; снова вынималъ платокъ,—пока приходилъ въ себя. Тогда все умолкало, всѣ взоры устремлялись на молодаго доцента и онъ тихо, плавно начиналъ читать; чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ рѣчь его становилась сильнѣе, интереснѣе и, наконецъ, совсѣмъ поглощала вниманіе слушателей; слушали задыхаясь отъ восторга. Александръ и тутъ не могъ оставаться покоенъ. Лицо его горѣло, онъ переглядывался съ знакомыми, то взорами выражалъ восторгъ, то острилъ на ухо сосѣду. Конецъ лекціи бывалъ еще шумнѣе начала. Поднимался крикъ, стукъ, гамъ такой, что стекла дребезжали въ окнахъ. Разъ я была на лекціи съ Александромъ,—говоритъ Т. А. А—ва,—другой съ Полуденскимъ; по ихъ приглашенію, вмѣстѣ съ ними, заходила въ профессорскую комнату. Тутъ я видала Грановскаго послѣ лекціи—онъ былъ взволнованъ до того, что почти не могъ говорить, на глазахъ у него свѣтились слезы, онъ садился, вставалъ, улыбался, снова садился—онъ былъ счастливъ. Не многимъ выпадаетъ на долю переживать такія минуты.

Наташа была нездорова и не могла бывать на лекціяхъ Грановскаго, на которыхъ исключительно былъ сосредоточенъ всеобщій интересъ. Какъ ни старался Александръ объяснять ей содержаніе этихъ чтеній, все было не то, что слушать самой; тогда Грановскій предложилъ прочитать нѣсколько лекцій изъ средней исторіи у нихъ на дому. Онъ читалъ въ кабинетѣ Наташи; слушали, кромѣ его товарищей, я, Наташа, Марья Каспаровна Эрнъ, она же и записывала эти лекціи, и Марья Ѳедоровна Коршъ. Нестѣсненный ни цензурой, ни публикой, Грановскій читалъ полно, живо и до того увлекательно, что присутствовавшіе превращались въ слухъ и наслажденіе; нерѣдко по лицу иныхъ

скатывались слезы. Кончивши чтеніе, Грановскій, растроганный всеобщимъ восторгомъ и сочувствіемъ—спѣшилъ уйти.

Кто только зналъ Грановскаго, тотъ и любилъ его. Это былъ человѣкъ не только замѣчательно умный, но и въ высшей степени добрый, чистый, благородный, безкорыстный. Послѣднее качество я испытала на себѣ,—сказано у Т. А. А—ой,—и видала на другихъ. По смерти отца своего, Грановскій получилъ небольшое наслѣдство (кажется, въ концѣ 1847 года); когда понабралось у него около 2,000 рублей, онъ началъ навязывать деньги своимъ друзьямъ, въ томъ числѣ и моему брату, Сергѣю Ивановичу,—это было при мнѣ.

— «Не надобно ли вамъ, батюшка,—говорилъ онъ,—денегъ? возьмите пожалуйста у меня сколько требуется, я получилъ наслѣдство».

— Благодарю васъ, Тимофей Николаевичъ,—отвѣчалъ братъ,— мнѣ денегъ не надобно теперь.

— «Полноте, вздоръ какой,—возразилъ Грановскій,—деньги всегда надобны; возьмите-ка, возьмите».

— Да право же не надобно,—говорилъ Сергѣй Ивановичъ,— поберегите лучше себѣ, Тимофей Николаевичъ.

— «Мнѣ беречь деньги,—сказалъ Грановскій,—Богъ съ вами! да и на что онѣ мнѣ? пожалуйста возьмите, а то, какъ вамъ понадобятся, у меня тогда, пожалуй, и не будетъ. Не люблю и не умѣю беречь деньги,—какъ камень на душѣ, когда ихъ много».

Братъ принужденъ былъ взять у него 150 р. и, когда, въ послѣдствіи, сталъ отдавать ихъ, Грановскій удивился: онъ позабылъ, что давалъ. Деньги—оселокъ внутренняго достоинства человѣка, не многіе понимаютъ это такъ, какъ понималъ Грановскій.

Если можно въ чемъ упрекнуть Грановскаго, такъ это въ лѣни и въ страсти къ картамъ. Иногда онъ проигрывалъ на пролетъ ночи, не вставая съ мѣста, все забывая, ни о чемъ, кромѣ картъ, не думая. Страсть къ игрѣ развилась въ немъ съ удвоенной силою, когда Александръ уѣхалъ за-границу и дружескій кругъ ихъ сталъ распадаться.

Весь этотъ товарищескій кругъ сбирался большей частію у Александра, и не рѣдко у Лабади; тамъ, на полной свободѣ, они оставались далеко за полночь. Иногда съѣзжались у Грановскаго или у Корша.

Изъ числа товарищей Александра весьма пріятное впечатлѣній производилъ Иванъ Павловичъ Галаховъ — милою простотой, искренностію и остроуміемъ безъ желчи и оскорбленія. Такое же хорошее воспоминаніе оставилъ по себѣ Крюковъ. Серьезный, какъ бы сосредоточенный только на наукѣ, въ обществѣ онъ былъ чрезвычайно милъ. Точно теперь вижу его, какъ на одномъ вечерѣ у Александра вздумали сдѣлать жженку. Въ залѣ приготовили серебряную вазу, зажгли въ ней спиртъ и загасили свѣчи; Крюковъ взялся варить жженку. Всѣ присутствующіе размѣстились кругомъ стѣнъ. Крюковъ сѣлъ посреди залы. Освѣщенный синеватымъ огнемъ, серьезный, помѣшивая серебрянымъ ковшомъ кипящую влагу, онъ походилъ на прорицателя. Всѣ сидѣли молча, не спуская взоровъ съ Крюкова... подлѣ меня была Наташа; наклонясь ко мнѣ, она сказала вполголоса: «мнѣ кажется, не жилецъ на свѣтѣ Крюковъ, въ немъ отражается что-то неземное, не наше»,—слова ея скоро сбылись.

Изъ числа частыхъ посѣтителей былъ нашъ знаменитый артистъ—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Однажды я видѣла какъ онъ художнически играетъ своей физіономіей. Я сидѣла вмѣстѣ съ нимъ у Наташи въ кабинетѣ,—она держала на рукахъ Колю. Чтобы позабавить ребенка, Михаилъ Семеновичъ сдѣлалъ веселое лицо и хохоталъ такъ заразительно, что ребенокъ, глядя на него, помиралъ со смѣха и радостно прыгалъ. Мы съ Наташей хохотали до упада. Вдругъ у Щепкина лице измѣнилось въ печальное и онъ заплакалъ настоящими слезами, — ребенокъ удивился, серьезно посмотрѣлъ на него, нахмурился и заплакалъ. Щепкинъ расхотался,—Коля тоже; такъ повторилось раза три. Наташа побоялась вредныхъ послѣдствій такой игры и прекратила ее.

Изрѣдка бывалъ у Александра и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, но держался больше какъ-то въ сторонѣ. Говорили, что его «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» списанъ съ этого кружка.

Посѣщали его иногда: Свербѣевъ, Чаадаевъ и Сологубъ. Послѣдняго,—пишетъ Т. А. А—ва,—я видала мелькомъ: Александръ принималъ его всегда въ своемъ кабинетѣ, тамъ они и ужинали. Одинъ разъ онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Чаадаева и Боборыкина: для этого обѣда купилъ два серебряные канделябра съ четырьмя или пятью подсвѣчниками каждый. Мы по-

смѣялись такому пышному приготовленію къ ихъ пріему; не смотря на это, Александръ простеръ измѣненіе въ ихъ обычномъ образѣ жизни еще далѣе. Столъ къ обѣду былъ накрытъ посреди залы, на восемь человѣкъ, а въ простѣнкѣ между двухъ оконъ накрыли на четыре прибора столъ ломберный. За большимъ столомъ обѣдали, кромѣ Александра, Чаадаева и Боборыкина, Коршъ, Грановскій, Кетчеръ, Сатинъ, Астраковъ. За ломбернымъ—мать Александра, жена его, я и Марья Каспаровна Эрнъ. Отдѣленныя — мы не могли участвовать и не участвовали въ разговорахъ, происходившихъ за большимъ столомъ.

Когда обѣдъ кончился, всѣ разошлись по разнымъ комнатамъ. Мы съ Сатинымъ помѣстились въ Наташиномъ кабинетѣ и разговорились о ея характерѣ. Сатинъ находилъ, что у нея характеръ слабый и живетъ она умомъ мужа. Я же утверждала, что она уступаетъ ему не изъ слабости характера, а не затѣвать же войну. Что же ей въ немъ не нравится—она высказываетъ прямо и старается его сдерживать. Вотъ, напримѣръ, сегодня, она очень недовольна измѣненіями въ порядкѣ ихъ жизни ради Чаадаева и Боборыкина. Она при мнѣ говорила ему: «я не понимаю твоихъ поступковъ, Александръ: къ чему эти исключенія и перемѣны? развѣ до сихъ поръ у насъ было не такъ какъ надобно—не хорошо? Я бы такъ не сдѣлала, впрочемъ, если тебѣ такъ нравится, какъ знаешь». Наташа не дѣлала различія въ пріемѣ знакомыхъ и обращеніи съ ними. Эта рѣдкая черта деликатности и сердечнаго такта была въ Никѣ—и только,—даже въ Грановскомъ только слегка проявлялась.

Въ Шацкѣ жилъ родной братъ Наташи, Петръ Александровичъ Захарьинъ, и сестра по отцѣ, Катерина Александровна. Услыхавши, что сестра ихъ вышла замужъ за Александра, они пріѣхали подъ ея покровительство. Брата Наташи Александръ помѣстилъ къ моему мужу,—сказано у Т. А. А—ой,—готовить къ поступленію въ университетъ, но у него было больше наклонности къ рисованію; получивши оставленныя ему отцомъ три тысячи рублей, онъ поступилъ въ академію художествъ и занялся исключительно живописью. Въ сестрѣ Наташи приняли участіе Луиза Ивановна и Егоръ Ивановичъ.

Кромѣ брата и сестры, пріѣхала мать ея съ груднымъ ребенкомъ. Это была простая, но еще красивая женщина, на кото-

рую Наташа походила какъ двѣ капли воды. Она очень обрадовалась матери, помѣстила ее въ дѣтской и познакомила съ нею меня. Александръ былъ не очень доволенъ этимъ посѣщеніемъ и говорилъ шутя: «да, если всѣ родные Наташи вздумаютъ посѣщать насъ, то и самимъ намъ жить будетъ негдѣ».

Слушая это, Наташа вспыхивала, молчала и страдала, потомъ старалась увѣрить, что Александръ самъ пригласилъ ея мать.

Александръ, при рѣдкомъ, блестящемъ умѣ, былъ до крайности добръ и простодушенъ; вмѣстѣ съ этимъ, до крайности самолюбивъ, до мелочи дорожилъ чужимъ мнѣніемъ, и боялся нарушенія comme il faut. Вслѣдствіе избалованности съ дѣтства—въ немъ развилось себялюбіе до того, что онъ не выносилъ ни противорѣчія, ни замѣчаній, и не могъ представить себѣ возможности, чтобы кто нибудь могъ замѣтить въ немъ что нибудь не такъ. Лестью можно было покорить его себѣ совершенно. Въ этомъ особенно ловко упражнялась одна изъ часто посѣщавшихъ ихъ дамъ: улыбкой, взглядомъ, фразой, сказанной съ извѣстнымъ акцентомъ: «ахъ Г-нъ!» или «ахъ! ахъ! Александръ Ивановичъ!»

Я уважала,—пишетъ Т. А. А—ва,—въ Александрѣ умъ, энергію, доброту и довѣрчивость, но не выносила себялюбія и никогда не потворствовала ему, не могла воздержаться, чтобы не ловить его на словѣ и дѣлѣ, и всегда указывала разладъ его пера съ его дѣйствительною жизнію. Поэтому мы съ нимъ были хороши, но не дружны. Только живость характеровъ сближала насъ въ иныхъ случаяхъ, и онъ любилъ вмѣстѣ со мною поострить надъ кѣмъ нибудь изъ друзей-флегматиковъ.

Зная мою дружбу съ Наташей, онъ всегда—при горѣ-ли ея, при нездоровьи-ль—тотчасъ присылалъ за мною, и первую меня извѣщалъ когда у нихъ рождался ребенокъ. О рожденіи дочери Наташи онъ писалъ мнѣ: «Наталья Александровна № 1-й извѣщаетъ о рожденіи Натальи Александровны № 2-й, проситъ посѣтить ее, а № 2-й проситъ принять ее въ свое расположеніе».

Александръ до того дорожилъ условіями comme il faut, что разъ тревожно и торопливо упрашивалъ меня не выходить въ гостиную, когда къ нимъ пріѣхала жена Дмитрія Павловича Голохвастова, потому что я была безъ воротничковъ и рукавчиковъ.

На сколько вліяло на него чужое мнѣніе, показалъ одинъ случай со мною. Какъ-то пришлось ему сопровождать меня,—говоритъ Т. А.,—на лекцію Грановскаго. Онъ видимо стѣснялся, такъ какъ я была женщина не свѣтская и не извѣстная. Усадивши меня, онъ тотчасъ отошелъ къ свѣтскимъ дамамъ. Кому-то вздумалось спросить его, кто интересная женщина, чтò съ нимъ пріѣхала. Это его восхитило до того, что онъ сталъ подходить ко мнѣ и разговаривать. Вниманіе его удивило меня, я просила его не затрудняться мной, и совѣтовала не терять со мною золотаго времени; и только пріѣхавши домой, онъ разсказалъ о вопросахъ обо мнѣ. Я поняла въ чемъ дѣло, и высказала свою догадку; онъ отрицалъ ее, конфузился, говорилъ, что это не такъ — но это было такъ.

По непривычкѣ обдумывать свои поступки и сдерживать себя, онъ дѣлалъ иногда такіе промахи, что Наташу коробило. Такъ, увлекаясь посредственной красотою, а болѣе кокетствомъ одной изъ дамъ ихъ круга, крайне ограниченной и мало образованной, онъ иногда садился у ея ногъ, и разъ, умѣстившись съ нею въ уголкѣ, сталъ ей читать что-то изъ своихъ сочиненій. Послѣднее возмутило Наташу до того, что она не вытерпѣла и сказала ему: «помилуй, Александръ, если тебѣ кажется, что она красавица и ты покланяешься ея красотѣ, это я еще понимаю, но какъ ты можешь читать ей свои сочиненія и ждать ея оцѣнки?»

Александръ растерялся и сознался, что поступки его дѣйствительно неразумны, и извинялъ себя тѣмъ, что она его просила, а онъ не умѣлъ отказаться.

Въ это время въ ихъ дамскій кружокъ закралось направленіе, сильно возмущавшее Наташу: направленіе это состояло въ какомъ-то невинномъ волокитствѣ. Только бывало и слышалось— та влюблена въ того-то, эта въ этого; въ сущности же ничего такого не было, все это были одни пустыя слова. «Право же,—говаривала Наташа,—поговоривши о вздорѣ, не мѣшаетъ заняться чѣмъ нибудь и посерьезнѣе», но слова ея вели только къ внутреннему распаденію.

Пока былъ живъ Иванъ Алексѣевичъ, Александръ съ семействомъ своимъ занималъ домъ Тучкова, а весной переѣзжалъ въ подмосковное село Покровское или въ Соколово, принадлежавшее Дивову. Тамъ онъ нанималъ барскій домъ съ прелестнымъ, обшир-

нымъ паркомъ, подлѣ котораго протекала рѣка. Друзья часто навѣщали его въ Соколовѣ, вмѣстѣ съ ними пріѣзжалъ иногда къ нимъ П. В. Анненковъ, издатель Пушкина. Всѣ любили и уважали его—онъ этого и стоилъ. Однажды при Анненковѣ всѣ друзья отправились полежать на берегу рѣки подъ деревьями, велѣли принести себѣ туда шампанскаго. Подъ горой, на которой они расположились, текла рѣка, а за рѣкой виднѣлись поля, на которыхъ золотились рожь и овесъ. Жара была страшная. Въ полѣ работали крестьяне. Анненковъ, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго и указывая на работавшихъ, шутя сказалъ: «а право пріятно лежать подъ деревьями, попивать шампанское, и глядѣть какъ въ полѣ идутъ работы;—жарко имъ, должно быть! ну, да за то намъ хорошо». — Право отлично, — подтвердили другіе,— захохотали, да вдругъ и стихли. Всѣ почувствовали себя неловко. Грановскій бросилъ бокалъ и отвернулся.

— Ну, братецъ,—сказалъ Е. Ѳ. Коршъ, обращаясь къ Анненкову,—отравилъ ты намъ жизнь.

Эти шутя сказанныя слова развеселили всѣхъ, и они принялись разсуждать о томъ, какъ бы устроить дѣла такъ, чтобы всѣмъ жилось такъ же хорошо, какъ хорошо живется имъ.

Никъ также жилъ въ Соколовѣ. Онъ помѣщался вмѣстѣ съ Н. Х. Кетчеромъ въ небольшомъ флигелѣ въ концѣ парка. Одно лѣто около Соколова занимали дачи Грановскій, Коршъ и Щепкины.

Въ послѣдней половинѣ 1840-хъ годовъ, дружескій кругъ этотъ сталъ внутренно распадаться, не смотря на то, что по прежнему собирались вмѣстѣ, и попрежнему шла чаша круговая; но при этомъ царила уже не веселость, а какая то-строптивость. Въ бесѣды ихъ закрались недоразумѣніе, легкая щекотливость, обидчивость, ошибки.

Наташу это огорчало.

Между тѣмъ новое горе посѣтило ее. Разъ Грановскій, лежа на полу и играя съ своимъ крестникомъ, Колей, поднесъ ему къ уху часы и удивился, что ребенокъ оставался равнодушнымъ къ ихъ бою. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ подносить ему часы къ уху, и убѣдился, что Коля глухъ. Грановскій испугался, позвалъ Александра, и они вдвоемъ начали дѣлать разные опыты, стучали, звѣнѣли, и убѣдились, что Коля ничего не слышитъ. Александръ

растерялся и долго не говорилъ Наташѣ; наконецъ, надобно было сказать. Ей сказали.

Весной 1846 года кончилъ жизнь Иванъ Алексѣевичъ. Александръ получилъ послѣ отца большое наслѣдство, перешелъ въ большой домъ, и расширилъ свой образъ жизни. Не смотря на то, что въ нихъ проявилось больше роскоши, Александръ былъ очень бережливъ; деньги держалъ у себя и самъ ими распоряжался. На домашніе расходы выдавалъ женѣ опредѣленную сумму, и строго замѣчалъ ей, если къ 1-му числу оказывался недостатокъ. «Въ это время, по домашнимъ обстоятельствамъ, я переѣхала (говоритъ Т. А.) къ Наташѣ, и прожила у нее около трехъ недѣль, въ продолженіе которыхъ убѣдилась, что Александру надобна была жена не такая, какъ она. Ему надобна была женщина, которая блестѣла бы въ обществѣ и умомъ и тѣмъ, что она жена Г-на. А Наташа и съ перемѣною ихъ состоянія осталась при своемъ скромномъ образѣ жизни, что не рѣдко служило поводомъ къ размолвкамъ. Живши у нихъ, я видѣла что жизнь Наташи не красива. Кромѣ здоровья, разстроеннаго петербургскими событіями, она страдала не столько физически, сколько нравственно. Ее утѣшало и примиряло съ мужемъ только роскошное проявленіе его умственныхъ и общественныхъ достоинствъ».

Въ концѣ 1846 года, заболѣла ихъ маленькая дочь Лиза, и, не смотря на леченіе и успокоеніе Альфонскаго, умерла. Александръ прислалъ мнѣ записку, что Лизы нѣтъ. Я поспѣшила къ нимъ. Наташа сидѣла подлѣ ребенка, она была тверда, холодна, избѣгала разговора и походила на статую. Лизу похоронили въ Дѣвичьемъ монастырѣ, подлѣ Вани. Когда возвратились домой и всѣ разъѣхались, Наташа попросила меня и Александра также куда нибудь съѣздить, вздохнуть чистымъ воздухомъ. Мы поѣхали въ саняхъ П. Ѳ. Рѣдкина, къ Коршамъ. П. Ѳ. усѣлся кучеромъ, и всю дорогу смѣялся и шутилъ съ Александромъ. Меня бѣсило, что Александръ въ такую минуту могъ потѣшаться вздоромъ. Завернувшись въ шубу, я старалась не обращать на нихъ вниманія, и грустно думала какъ онъ всегда увлекается и подается впечатлѣнію настоящей минуты. Часа черезъ три мы возвратились.—«Тоска давитъ,—сказала Наташа встрѣчая насъ, пожавши намъ руки; дѣти спятъ, пусто, тяжело». Онъ, по обыкновенію,

растерялся, сталъ приставать къ ней съ распросами. Мы уговорили ее лечь и сѣли около нея.

Послѣ жизни въ Петербургѣ и Новгородѣ, Наташа не воскресала болѣе. Утрата троихъ дѣтей, глухота и нѣмота сына, открывшаяся ей невѣрность мужа и, наконецъ, смерть дочери, изнурили ея силы.

Въ дополненіе она увидала, что многіе изъ дорогихъ ей людей— не то, чѣмъ она воображала ихъ, и что тѣ, которыхъ она болѣе любила, первые отклонились отъ нея.

Послѣднее лѣто, проведенное Наташей въ Соколовѣ, было для нея пыткой. Я часто бывала у нея и всегда заставала больной, измученной, въ слезахъ. На мои вопросы—что съ нею—она отвѣчала: «пора намъ, другъ мой, уѣхать! все распалось, все рухнуло, отдохнуть надобно. Видишь ли, всѣ какъ-то не взлюбили насъ, за что? не знаю. Можетъ, и за дѣло, но никто не высказывается искренно. Одинъ честный, благородный Грановскій сказалъ, что его возмущаетъ себялюбіе Александра. Можетъ, онъ и правъ; но не смотря на это, тяжело хоронить свои привязанности»,—и зарыдала. Что могла я сказать ей въ утѣшеніе? Успокоившись, она продолжала: «зачѣмъ плакать, что люди не таковы, какъ намъ хочется ихъ видѣть. Будемъ любить ихъ за хорошее, чего въ другихъ нѣтъ; а что мы имъ не нравимся, не плакать же объ этомъ, насильно милъ не будешь». При этомъ она разсказала одинъ случай, бывшій у нихъ въ Соколовѣ.

— На дняхъ,—говорила Наташа,—собрались всѣ у насъ; какъ и всегда, разсуждали и пили; къ чему-то Александръ сказалъ: «теперь я имѣю безбѣдное состояніе, и прошу васъ всѣхъ, друзей моихъ, твердо расчитывать на мою помощь. Каждый изъ васъ всегда найдетъ у меня для себя 500 рублей, но не больше».

При послѣднемъ словѣ, Грановскій вспыхнулъ, вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ: «какъ ты смѣлъ торговаться! ты смѣлъ сказать не больше, ты оцѣнилъ друзей своихъ только въ 500 рублей. Стало быть, если понадобится кому, чтобы не умереть съ голода, тысяча или двѣ, ты не дашь, и тотъ умретъ на твоихъ глазахъ? это низко! я первый никогда не попрошу у тебя, хотя бы умиралъ съ голода... Такъ низко, Александръ!»

Всѣ были поражены. Александръ пробовалъ объясниться, го-

ворилъ, что имѣетъ право располагать только процентами, капиталъ же не его, а дѣтскій. При этихъ словахъ кто-то въ полголоса сказалъ: «бѣдный Прудонъ», кто-то пошутилъ надъ тѣмъ, что и Грановскій умѣетъ вспылить.

Наконецъ общими силами успѣли перевести разговоръ на другой предметъ, даже шутили, смѣялись; но Грановскій оставался серьезенъ и мраченъ и всѣ были не въ своей тарелкѣ.

Разсказавши это, Наташа добавила печально: «такого горькаго, тяжелаго дня мы, кажется, не переживали никогда. Александръ виноватъ, сказавши необдуманно, я признаю это, но назвать необдуманное слово низостью — это незаслуженно, это жестоко».

Мы молча легли спать. На утро Александръ сказалъ: «да пора ѣхать и ѣхать». Что до меня касается, я давно думала объ этомъ, давно все клонилось къ разрыву.

Какъ ни старались всѣ маскироваться въ костюмъ дружества, какъ ни старались пить круговую чашу и веселиться, во всемъ проглядывала натяжка, каждое слово, каждый шагъ расчитывался.

Наташа страдала отъ промаховъ мужа, между тѣмъ какъ ихъ относили къ ея вліянію на него; вина ея была только въ томъ, что она не жаловалась и старалась извинять его.

Никъ и Грановскій больше всѣхъ понимали Наташу. Между ею и Никомъ, нѣжнымъ, деликатнымъ, съ любящимъ сердцемъ, не было и тѣни недоразумѣнія.

Грановскій довѣрялъ ей все, даже свои домашнія невзгоды, и если бы не роковое вліяніе одной изъ ихъ круга, то навсегда остался бы ея другомъ.

Наташа, заранѣе подготовленная отзывами Александра о Кетчерѣ, какъ о личности замѣчательно честной, доброй и благородной, и благодарная за его помощь при ихъ женитьбѣ, за его участіе во время болѣзни ея дѣтей, любила и уважала его до того, что самыя рѣзкія замѣчанія его принимала кротко и покорно и даже за нѣсколько дней до смерти своей писала Т. А. А—ой: «для меня воспоминаніе о васъ, друзья моего счастія, свято; не смотря ни на что, люблю Кетчера—и порой смотрю на его соломенную шляпу... Я берегу ее какъ воспоминаніе о прошломъ!»

1848 годъ она не жила для себя, душа ея была растерзана. Это можно будетъ видѣть изъ ея писемъ изъ Парижа.

Такимъ образомъ, событія въ средѣ дружескаго кружка Александра рѣшили его отъѣздъ за-границу. Предстоящая разлука съ Наташей была тяжела и горька Т. А—ой. Она утѣшала ее скорымъ свиданіемъ. Александръ располагалъ черезъ годъ возвратиться. «Поѣздка наша,—говорили они,—какъ намъ, такъ и друзьямъ нашимъ, принесетъ много пользы. Мы отдохнемъ, освѣжимся, они одумаются, больше оцѣнятъ насъ и простятъ наши невольные проступки».

Когда рѣшено было, что Александръ съ семействомъ ѣдетъ за-границу, и онъ передъ отъѣздомъ объявилъ это уже серьезно, какъ дѣло неизмѣнное, всѣ какъ бы встрепенулись и почувствовали, что съ отъѣздомъ его измѣняется и общая жизнь этого кружка.

Т. П. Пассекъ.

Портретъ Ивана Алексѣевича Яковлева.

При настоящей книжкѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Ивана Алексѣевича Яковлева—этого типичнаго представителя довольно замкнутаго кружка родовитаго дворянства, въ самый развалъ крѣпостнаго права. Подлинникъ, сообщенный Татьяною Петровною Пассекъ—рѣдкая литографія исполненная извѣстнымъ въ свое время, въ Москвѣ, художникомъ, академикомъ Горбуновымъ. Къ работамъ его принадлежитъ не менѣе рѣдкій нынѣ, литографированный въ началѣ 40-хъ годовъ портретъ Александра Г—а, такъ часто упоминаемаго въ запискахъ Т. П. Пассекъ.

Портретъ И. А. Яковлева, для «Русской Старины», гравированъ на деревѣ, въ Ниццѣ, академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1855.

XIX [1]).

Чтобы не терять времени, я, по возвращеніи въ Тюкъ-Мамай, распорядился всѣмъ для отъѣзда: выслалъ верховыхъ лошадей на три подставы и ожидалъ. Сѣли обѣдать; будили Хрулева—не встаетъ; подали чай—спитъ по прежнему. Въ страшномъ нетерпѣніи я ходилъ изъ угла въ уголъ, отъ окошка къ окошку; то выйду на крыльцо, то забѣгу въ конюшню. „Свѣтлѣйшій,—думаю,—ждетъ меня съ часу на часъ, а я еще и не думалъ трогаться. И зачѣмъ только я спросилъ Хрулева о порученіи? Мнѣ ѣхать бы просто съ докладомъ очевидца и я былъ бы правъ... а теперь, когда Хрулевъ приказалъ мнѣ подождать письменнаго донесенія, уѣхать не дождавшись значило бы оскорбить полководца. Самое главное: никто не былъ увѣренъ въ томъ, дѣйствительно ли Хрулевъ отказался отъ мысли взять Евпаторію и не намѣревается ли онъ съ утра возобновить приступъ. Общій голосъ лицъ, состоявшихъ при Степанѣ Александровичѣ, рѣшилъ, чтобы я переночевалъ.

Я остался; Хрулевъ проснулся лишь послѣ полудня, проспавъ, такимъ образомъ, цѣлыя сутки. Первыми его словами было:

— Дайте ѣсть! Я голоденъ, какъ собака!

---

[1]) См. томъ XVIII, стр. 109–137; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80; 237—322.

На̀-скоро перекусивъ, Степанъ Александровичъ сталъ диктовать донесеніе главнокомандующему. Покуда писали, переписывали, запечатывали давно мною ожидаемый конвертъ, было уже 6 часовъ вечера. Уложивъ донесеніе за пазуху, я поскакалъ, но не надолго: вскорѣ стемнѣло и я былъ принужденъ умѣрить свою прыть. На небѣ темно, на землѣ черно и, только благодаря необыкновенной смѣтливости казаковъ и способности лошадей чуять дорогу, я, послѣ двухъ перемѣнъ, прибылъ на послѣднюю подставу. Уже брезжило, когда я пересѣлъ на добраго иноходца и пустилъ его во весь махъ, уже по знакомой, мнѣ и лошади, дорогѣ. Я несся совсѣмъ сонный и скоро достигъ Сѣверной. Здѣсь всѣ еще спали и я присѣлъ на завалинку, въ безпокойномъ ожиданіи пробужденія князя. Я промедлилъ болѣе сутокъ и меня мучила совѣсть за мою ненаходчивость.

Когда я, сконфуженный, наконецъ подалъ князю конвертъ, онъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня, сказалъ:

— „Ахъ, батюшка, я думалъ ты раненъ? Что же ты такъ долго?"

Сознавая себя кругомъ виноватымъ, я пробормоталъ:

— Хрулевъ спалъ,—велѣлъ подождать...

Этотъ отвѣтъ видимо не удовлетворилъ князя. Пробѣжавъ на̀скоро донесеніе Хрулева, онъ произнесъ:

— „Реляція!" и бросилъ тетрадь на нижнюю полку походной этажерки.

При подробномъ изложеніи хода дѣлъ, Хрулевъ прислалъ со мною копіи съ диспозицій и приказаній; даже приложилъ экземпляръ намалеваннаго мною плана Евпаторіи. Все это не утѣшило князя: онъ видѣлъ только опять и опять неудачу.

Черезъ нѣсколько дней воротился изъ командировки и Волковъ, котораго князь послалъ въ Петербургъ съ объясненіемъ дѣла государю.

Между тѣмъ, еще ранѣе, въ день моего возвращенія изъ Евпаторіи, 7-го февраля, князь отправилъ въ Петербургъ курьера съ донесеніемъ его величеству (за № 541), гдѣ, вкратцѣ сообщая объ Евпаторійскомъ дѣлѣ, придалъ ему смыслъ усиленной рекогносцировки. Жаль, что донесеніе это не запоздало: оно имѣло великое несчастіе огорчить императора въ послѣдніе дни его жизни!

Какъ ни маловажна была неудача Евпаторійскаго дѣла по своимъ послѣдствіямъ и по сравненію его съ предшествовавшими дѣлами, она тяжелымъ камнемъ легла на воспоминанія всей Россіи. Такъ дѣло какъ бы и заглохло: никто о немъ не вспоминалъ; образцовое его подготовленіе и маневрированіе остались лишь въ документахъ. Князь

Меншиковъ никогда не говорилъ о немъ; никогда меня о немъ не разспрашивалъ.

8-го февраля, утромъ, была заслышана пушечная пальба отъ стороны Чургуна. Оказалось, что непріятель, пользуясь вьюгой, сдѣлалъ отъ Балаклавы къ сторонѣ Чургуна нѣчто въ родѣ рекогносцировки, но скоро былъ замѣченъ нашими и своевременно остановленъ. Перепалка еще изрѣдка продолжалась, когда я, посланный свѣтлѣйшимъ, отыскалъ въ мятелицѣ нашъ отрядъ, осторожно преслѣдовавшій союзниковъ. Когда все успокоилось, я возвратился къ князю и засталъ у него Тотлебена, съ докладомъ о выборѣ мѣста для редута за Киленъ-балкою. 9-го числа вечеромъ, Тотлебенъ его уже разбилъ, а ночью открылъ работы, помощью нѣсколькихъ баталіоновъ Селенгинскаго и подъ прикрытіемъ всего Волынскаго полковъ, подъ общею командою отрядомъ генерала А. П. Хрущева. 10-го февраля, около полудня, главнокомандующій, сопровождаемый мною, поѣхалъ осмотрѣть работы. Найдя, что онѣ настолько подвинулись, что оставленныя на день нѣсколько ротъ селенгинцевъ уже могли укрываться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, князь былъ очень доволенъ и, въ поощреніе трудившихся, назвалъ этотъ редутъ „Селенгинскимъ"; ободрялъ молодцовъ, указывалъ какъ имъ удобнѣе работать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрываться отъ непріятельскихъ штуцерныхъ пуль. Самъ онъ однако же очень рисковалъ, будучи верхомъ и тѣмъ представляя хорошую цѣль стрѣлкамъ. Хрущевъ, днемъ вмѣстѣ съ полкомъ укрывавшійся въ балкѣ, завидя князя, присоединился къ нему и указалъ мѣсто ночной своей позиціи.

Возвращаясь, въ хорошемъ расположеніи духа, на Сѣверную, дорогою князь объяснялъ мнѣ ту пользу, которую наступленіе редутами можетъ принести оборонѣ Севастополя. Онъ прибавилъ къ этому, что еслибы Инкерманское дѣло удалось, то теперь намъ не пришлось бы занимать позицію на Сапунъ-горѣ такимъ медленнымъ способомъ, каково наступленіе редутами, и что теперь, кромѣ затрудненій въ работахъ, намъ предстоитъ, чуть ли не ежедневно, вступать въ бой съ непріятелемъ. Мысль укрѣпиться на Сапунъ-горѣ была еще у князя 24-го октября, въ день Инкерманской битвы. Припоминая о томъ, князь заключилъ разговоръ словами:

— „Открытою силою намъ что-то не удается двигаться впередъ... Попробую контръ-апрошами".

Я замѣтилъ, что мысль выступленія на Сапунъ-гору, съ нѣкотораго времени, особенно часто посѣщала князя и стала его любимою. Желая лично наблюдать за работами, свѣтлѣйшій надѣялся поддержать въ себѣ энергію и возстановить силы.

11-го и 12-го февраля работы на редутѣ порядочно успѣвали, хотя каменистый грунтъ очень затруднялъ селенгинцевъ и непріятельскіе выстрѣлы не умолкали.

Съ 12-го на 13-е февраля я заслышалъ громъ пальбы съ пароходовъ. Окно занимаемой мною лачужки выходило какъ разъ противъ Киленъ-балки, прямо на Селенгинскій редутъ. Пробужденный пальбою, гляжу въ окно и вижу, на Киленбалкской высотѣ, какъ на небѣ, сверкаютъ огоньки, въ видѣ перекрещивающихся нитей. Эти огоньки, кучками, то подавались впередъ, то двигались назадъ; то вправо, то влѣво; либо, показываясь въ сторонѣ — то исчезали, то вспыхивали опять. Выбѣжавъ на берегъ бухты, я тамъ уже нашелъ князя; дѣло несомнѣнное: непріятель атаковалъ Селенгинскій редутъ! Вотъ, вижу, огоньки раздвоились: опять сошлись; со стороны противниковъ погасли, съ нашей стороны побѣжали впередъ... затѣмъ все стемнѣло. Отбили? нѣтъ: видимъ, огоньки опять устремились въ нашу сторону, перепутались кучками, то тамъ, то здѣсь, сливаясь, разбѣгаясь... мѣстами огоньки вспыхиваютъ залпами: видно, тамъ жаркія схватки. Князь, притаивъ дыханіе, впился взорами въ темноту и проговорилъ въ волненіи:

— „Хрущеву тамъ жарко!"

Въ третій разъ огоньки со всѣхъ сторонъ устремились на нашихъ.

— „Наши отступаютъ!.. проговорилъ-было князь.—Нѣтъ, нѣтъ! отбили!" произнесъ онъ, радостно переводя духъ.

Тутъ уже можно было, судя по направленію огоньковъ, вѣрно опредѣлить, какъ наши, взявъ перевѣсъ, преслѣдуя бѣгущихъ непріятелей, далеко забрались. Наконецъ, все утихло, огоньки погасли и не возобновлялись болѣе. Во время дѣла, пальба съ пароходовъ прорѣзывала мракъ съ оглушительнымъ грохотомъ. Соображаясь съ огнями ружейныхъ выстрѣловъ, наши комендоры удачно направляли орудія и тѣмъ много содѣйствовали успѣшному отбитію приступа, извѣстіе о которомъ, чуть-свѣтъ, привезъ главнокомандующему прапорщикъ Волынскаго полка Маклаковъ, ординарецъ и воспитанникъ Хрущева. Онъ разсказалъ, что Селенгинскій редутъ атаковали зуавы: что волынцы, при содѣйствіи селенгинцевъ, ставшихъ по первой тревогѣ въ ружье, отбили французовъ. Заслышавъ ихъ приближеніе, волынцы встрѣтили непріятелей хотя и горячо, но натискъ зуавовъ былъ такъ друженъ, что одну минуту волынцы смутились; но Хрущевъ отважно бросился впередъ, крикнувъ своимъ: „ребята, не выдавайте!" и волынцы ринулись за нимъ, защитили командира и лихо отразили непріятелей. Три раза французы возобновляли нападеніе и три раза были отбиты; наконецъ, послѣ отчаянной крова-

вой схватки, отступились отъ редута. Тогда селенгинцы опять принялись за работу, а волынцы занялись уборкою раненыхъ и погребеніемъ убитыхъ, которыхъ насчитали множество: около сотни труповъ насчитали еще до прибытія къ намъ Маклакова. Съ нашей стороны потеря была на половину менѣе.

Князь былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ успѣхомъ, въ особенности доволенъ тѣмъ, что отличился его любимый полкъ. Подавая мнѣ связку георгіевскихъ крестовъ на лентахъ, онъ сказалъ:

— „Тутъ двадцать пять знаковъ; отвези Хрущеву и обними его за меня. Пусть раздастъ, кому знаетъ!"

Сѣвъ на лошадь, въ сопровожденіи торжествующаго Маклакова, я поѣхалъ въ Троицкую балку, на позицію Волынскаго полка. Пріѣхавъ на бивуакъ, я засталъ командира и солдатъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Поздравивъ Хрущева отъ имени главнокомандующаго, я подалъ ему георгіевскіе кресты. Радующійся Александръ Петровичъ вынесъ ихъ изъ палатки, стоявшей надъ бивуакомъ, и, поднявъ надъ головами солдатъ, крикнулъ:

— Главнокомандующій прислалъ васъ поздравить, ребята! Вотъ георгіевскіе кресты... Ура!!

Лишь только Хрущевъ возвратился въ палатку, какъ новый взрывъ радостныхъ кликовъ загремѣлъ по бивуаку...

Хрущевъ выглянулъ и, схвативъ каску, проговорилъ:

— Великіе князья!

Посѣщеніе бивуака ихъ высочествами усилило радость ликовавшихъ побѣдителей.

Въ теченіе послѣдующихъ дней Селенгинскій редутъ былъ оконченъ и вооруженъ; а съ 16-го на 17-е февраля былъ заложенъ волынцами еще новый редутъ впереди и нѣсколько лѣвѣе Селенгинскаго. Этимъ временемъ князь весьма сожалѣлъ, что, по болѣзни, не можетъ посѣтить волынцевъ и лично поблагодарить ихъ. Затѣмъ онъ до того расхворался, что докторъ Таубе уговорилъ его переѣхать на время подальше отъ Севастополя, чтобы отдохнуть и поправиться. 17-го февраля князь рѣшился, наконецъ, отправиться въ Симферополь, сообщилъ мнѣ объ этомъ и послалъ его величеству слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе, за № 552:

— «Физическія силы мои совершенно ослабѣли, а недуги, коими я одержимъ, ожесточаются и уничтожаютъ совершенно мою служебную дѣятельность. Недуги эти такого рода, что всякое усиливаніе припадковъ лишаетъ меня способности командованія.

«Преступно было бы мнѣ долѣе умалчивать вашему императорскому величеству о моемъ положеніи, въ которомъ ежели застанетъ меня необходи-

мость маневрировать, отражать или вести въ бой войска, они будутъ безъ главнаго начальника, ибо онъ не въ состояніи найдется не только вести ихъ, но даже и сопровождать.

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ испрашиваю соизволенія вашего императорскаго величества сдать, кому повелѣно будетъ, начальство надъ войсками, въ Крыму расположенными, а мнѣ дозволить отъѣхать въ Николаевъ и Одессу для пользованія».

18-го февраля 1855 года, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, безъ особенныхъ сборовъ и передавъ начальство барону Дмитрію Ерофѣевичу Остенъ-Сакену, сѣлъ въ легкую бричку вмѣстѣ со мною, перекрестился, и, вынувъ серебряную коробочку, въ которой врѣзаны были двое часовъ, посмотрѣлъ и сказалъ, видимо, чтобы запомнить время:

— „Тридцать три минуты перваго".

Этотъ часъ, по градусамъ, минутамъ и секундамъ петербургскаго меридіана, соотвѣтствовалъ двадцати минутамъ перваго — роковому часу кончины императора Николая Павловича[1]).

Экипажъ тронулся; я и не подозрѣвалъ, что мы окончательно выѣзжаемъ изъ Севастополя и что князь Меншиковъ въ близкомъ будущемъ сложитъ съ себя званіе главнокомандующаго. Когда мы проѣхали Бельбекъ и тянулись на гору, насъ охватилъ пронзительный вѣтеръ. Князь сталъ жаловаться на ломоту въ рукѣ и что онъ ею какъ-то плохо дѣйствуетъ.

— „Хорошо, — замѣтилъ онъ, — что, предчувствуя эту боль, я велѣлъ себѣ сшить рукавъ изъ заячьей шкурки и надѣлъ его; а то-бы этотъ холодный вѣтеръ меня донялъ".

Проѣхавъ еще немного, князь сталъ утомляться и поговаривать, что не худо было бы ему въ Бахчисараѣ отдохнуть, только онъ не знаетъ, гдѣ ему тамъ пріютиться, такъ чтобы никого не обезпокоить. Тогда я предложилъ ему расположиться въ маленькомъ домикѣ унтеръ-офицера грека Василья Подпати, куда я уже отправилъ передовой экипажъ. Князь ничѣмъ не рѣшилъ; но, пріѣхавъ въ Бахчисарай, нашелъ въ тепломъ, уютномъ домикѣ грека такую опрятность и такое радушіе хозяевъ, что почувствовалъ отраду, какой давно не испытывалъ.

Когда, утромъ, я вышелъ къ нему, онъ съ чувствомъ довольства сказалъ мнѣ:

---

[1]) Восточная долгота Петербурга (отъ Ферро) 47° 58′ 13″, Севастополя — 51° 10′ 8″; разность въ часахъ 12 минутъ 59 (почти 60) секундъ, т. е. 13 минутъ. А. П.

— „Ахъ, братецъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо; я бы не выѣхалъ! Останемся здѣсь подольше, съѣздимъ въ Чуфутъ-Кале. Мнѣ гораздо лучше".

Заложили лошадей, мы выѣхали за городъ по дорогѣ въ Чуфутъ-Кале; но, не доѣхавъ до него, воротились. Князь не понадѣялся на свои силы, такъ какъ на скалистую гору Чуфутъ-Кале возможно взобраться лишь верхомъ на лошакѣ. По возвращеніи въ Бахчисарай, князь велѣлъ подать себѣ верховую лошадь, желая осмотрѣть расположеніе города. Лошадь стояла уже у крыльца, какъ изъ Севастополя пріѣхалъ Константинъ Романовичъ Семякинъ. Отложивъ свою поѣздку, свѣтлѣйшій предоставилъ мнѣ осмотрѣть Бахчисарай одному. Семякинъ, 17-го и 18-го февраля находившійся въ командировкѣ, ничего не зналъ объ отъѣздѣ князя и, по возвращеніи своемъ, нашелъ приказаніе догнать Александра Сергѣевича въ Симферополѣ. Князь цѣлый день занимался съ Семякинымъ и распростился съ нимъ лишь поздно вечеромъ, предупредивъ меня, что завтра мы выѣзжаемъ въ Симферополь. Семякинъ вышелъ отъ князя растроганный и, обнявъ меня, сказалъ:

— Прощайте, Панаевъ; воротится ли князь? А мнѣ такого командира не нажить.

Такъ и не удалось князю воспользоваться отдыхомъ, который могъ бы весьма быть полезенъ для его здоровья. Здѣсь, въ Бахчисараѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ добрыхъ, радушныхъ людей, князю такъ отрадны были мельчайшія заботы и попеченія о его спокойствіи простой и съ тѣмъ вмѣстѣ деликатной женщины. На другой день, 20-го февраля, мы выѣхали изъ дома Подпати.

Въ Симферополѣ князю отвели офиціальную квартиру въ прекрасномъ домѣ; но здѣсь было уже не то, что̀ подъ мирнымъ кровомъ Подпати. Здѣсь присутствіе должностныхъ лицъ и городскихъ властей, донесенія, запросы изъ Севастополя — опять растревожили князя. Онъ спѣшилъ уѣхать въ Николаевъ; приказалъ мнѣ изготовиться къ 23-му февраля, но прибытіе наканунѣ курьера изъ Петербурга заставило его отложить поѣздку. Получена была печальная вѣсть о тяжкой болѣзни государя; великіе князья вызывались въ Петербургъ. Князь Меншиковъ, встревоженный самъ, но, чтобы не повергнуть въ уныніе войска, тщательно скрывая полученное извѣстіе, поручилъ барону Остенъ-Сакену содѣйствовать ему въ томъ. Вслѣдствіе этого, ихъ высочествамъ было сообщено, что они призываются въ Петербургъ по случаю нездоровья августѣйшей ихъ родительницы. Великіе князья понеслись въ Петербургъ; въ Симферополѣ они не успѣли повидаться съ княземъ; на̀-скоро пообѣдали у губернатора. Одинъ

А. Д. Крыловъ, знавщій истину, обѣдалъ въ этотъ день съ ихъ высочествами и разсказалъ намъ о тревожномъ состояніи духа и о той поспѣшности, съ которыми великіе князья неслись въ столицу. Окружавшіе Меншикова все еще ничего положительнаго не знали, но разстроенное состояніе духа и принужденность, съ которыми князь и Крыловъ говорили съ нами, не предвѣщали ничего добраго. Въ уныніи бродили мы изъ угла въ уголъ, мало разговаривая другъ съ другомъ, не въ силахъ будучи чѣмъ-либо заняться...

Вдругъ — зловѣщій посланный изъ Севастополя: баронъ Остенъ-Сакенъ извѣщаетъ князя Меншикова, что союзники, вызвавъ парламентера, сообщили ему прискорбное извѣстіе о кончинѣ императора Николая I!

Какъ громомъ пораженные, мы не знали чему вѣрить: болѣзни ли императрицы, или кончинѣ императора? Насъ обдало ужасомъ; князь слегъ — у него открылась жестокая лихорадка; доктора настаивали на безотлагательномъ выѣздѣ князя изъ Крыма.

Тогда князь поручилъ мнѣ расформировать нижнихъ чиновъ состава главной квартиры. Въ то же время онъ вкратцѣ сообщилъ мнѣ смыслъ полученнаго имъ, 22-го февраля, рескрипта Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ 15-го февраля, которымъ князь, за болѣзнію, увольнялся отъ званія главнокомандующаго.

Вотъ содержаніе упомянутаго рескрипта [1]):

— «Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать вамъ его именемъ на послѣдняго вашего курьера, отъ 7-го февраля.

«Его величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ, на Евпаторію, и значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками без всякаго результата.

«Его величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ три мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда, по всѣмъ

---

[1]) Какъ этотъ документъ, такъ и послѣдующіе, были напечатаны частію въ недавно вышедшемъ сочиненіи М. И. Богдановича «Восточная война 1853—56 годовъ», частію гораздо ранѣе въ другихъ офиціальныхъ изданіяхъ, каковы: «Русскій Инвалидъ», «Военный» и «Морской» Сборники. Тѣмъ не менѣе, они помѣщены здѣсь, по тѣсной связи ихъ съ излагаемыми событіями, причемъ печатаются по точнымъ копіямъ, снятымъ съ подлинниковъ въ свое время, съ разрѣшенія князя А. С. Меншикова, составителемъ разсказовъ.

свѣдѣніямъ, достовѣрно было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашой. Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

«Изъ журнала осадныхъ работъ подъ Севастополемъ, его величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устраивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что также подтверждается всѣми газетными статьями.

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, вы рѣшительно считаете всякое наступательное движеніе невозможнымъ, его величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ отбиться, то не медля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чургуна на Кадыкіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь возможно большее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то его величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами, на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и столь сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія 3-хъ линейныхъ кораблей для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія севастопольскаго рейда, его величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ, однако, не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое, государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до высочайшаго его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средства поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда, его величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность вами доселѣ занимаемую.

«Извѣстясь также о болѣзненномъ состоянiи сына вашего, вслѣдствiе сильной контузiи, его величество разрѣшаетъ ему воротиться сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ, государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченiе о братьяхъ моихъ».

XX.

По полученiи рескрипта, князь Меншиковъ написалъ Его Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу слѣдующее донесенiе отъ 24-го февраля 1855 года (за № 553).

— «Рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества отъ 15-го сего истекающаго февраля мѣсяца съ изложенiемъ высочайшаго увольненiя меня отъ командованiя войсками въ Крыму, засталъ меня уже въ Симферополѣ, куда я прибылъ по сдачѣ начальства генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену, и въ положенiи здоровья столь разстроеннаго, что я лишенъ всякой физической возможности принимать участiе въ дѣйствующей армiи.

«Не съумѣю выразить Вашему Высочеству сколь глубоко чувствую и высоко цѣню я то лестное вниманiе, которое оказано мнѣ при этомъ.

«Убѣжденный искренно, что въ выполненiи всего, требуемаго настоящими событiями, одного усердiя недостаточно—нужны силы и разумѣнiе,—я, съ благоговѣйною признательностью прiемлю высочайше дарованный мнѣ отдыхъ, такъ существенно моимъ ослабѣвшимъ силамъ необходимый.

«Священнымъ долгомъ поставляю себѣ, при свиданiи съ княземъ Горчаковымъ, передать ему все, что̀ знаю, не только съ откровенностiю, но и съ чувствомъ той дружбы, которая взаимно связываетъ насъ съ юныхъ лѣтъ.

«При всеподданнѣйшемъ донесенiи Вашему Высочеству объ этомъ, да будетъ мнѣ дозволено обратить вниманiе Ваше, на—осмѣлюсь такъ выразиться — существенную необходимость дать преемнику моему разрѣшенiе двигать войска по своему ближайшему мѣстному усмотрѣнiю въ то время, когда прiйдется ему маневрировать изъ одного края полуострова въ другой и обращать головныя войска наступательныхъ колоннъ, тѣ войска, которыя будутъ ближе подъ рукой, для стратегическаго направленiя ихъ отъ турокъ къ сардинцамъ, либо къ французамъ, или къ англичанамъ, и обратно, смотря куда и какъ понадобится.

«Въ такомъ передвиженiи могутъ быть войска 6-го корпуса и 8-я дивизiя. Уполномочiе — своевременно и по своему усмотрѣнiю распоряжаться сею послѣднею—необходимо дать моему преемнику потому, что ихъ импе-

раторскія высочества государи великіе князья, между переданными мнѣ высочайшими указаніями, изволили, также именемъ государя, объявить запрещеніе сближать къ себѣ 8-ю дивизію. Разрѣшено было мнѣ только одну бригаду передвинуть въ случаѣ крайней надобности и то не далѣе какъ до высоты Симферополя.

«Вышеизложенное соображеніе мое повергаю милостивому воззрѣнію Вашего Императорскаго Высочества.

«Тяжкое состояніе моего здоровья вынуждаетъ меня, по настоятельному требованію медиковъ, не оставаться долго въ Крыму».

Въ бытность нашу въ Севастополѣ, составъ нижнихъ чиновъ при главной квартирѣ былъ не великъ; насчитывалось всего-на-все 58 человѣкъ; въ этомъ числѣ были: 4 сапера, 39 казаковъ, 8 балаклавскихъ грековъ, 5 писарей, курьеръ и фельдшеръ. Въ послѣдствіи, при болѣе обширномъ сформированіи штаба, прибавилось еще человѣкъ 12 казаковъ для ухода за лошадьми пріѣзжавшихъ лицъ, да еще на Сѣверной, при штабѣ, бивуакировали, на всякій случай, полсотни казаковъ и полуэскадронъ крымскихъ татаръ. Въ Симферополь, за княземъ, пришло, конечно, и того менѣе, такъ что расформированіе состава не было сопряжено съ особенными затрудненіями. Всѣ рядовые изъ нижнихъ чиновъ были произведены княземъ въ унтеръ-офицеры и возвращены въ свои части съ заслуженными ими хорошими аттестаціями. Нѣкоторымъ князь подарилъ лошадей, лошаковъ, верблюдовъ; роздалъ также и денежныя награды [1]).

Кроткимъ своимъ обращеніемъ, необыкновеннымъ терпѣніемъ и рѣдкою снисходительностію, князь, безъ всякихъ матеріальныхъ поощреній, умѣлъ привязать къ себѣ людей, не возбуждая въ нихъ корыстныхъ видовъ. При награжденіяхъ онъ не забылъ и тѣхъ изъ отличныхъ казаковъ, которые не могли слѣдовать за нимъ въ Симферополь.

Скоро все было готово къ отъѣзду князя и 26-го февраля онъ выѣхалъ изъ Симферополя. Я сѣлъ съ нимъ въ одинъ экипажъ, и когда мы проѣхали первую станцію, Сарабузъ, князь сказалъ:

— „Надо ожидать встрѣчи съ петербургскимъ курьеромъ; посматривай впередъ, чтобы намъ съ нимъ какъ не разъѣхаться!“

---

[1]) Помню имена всѣхъ этихъ людей. Саперы: Лукьянъ Ивановъ, Максимъ Ивановъ, Иванъ Николаевъ, Сергѣй Егоровъ. Казаки: лихой юнкеръ Хоперскій, вѣстовые Шанинъ и Долговъ; находившіеся при лошадяхъ князя, не разлучный со свѣтлѣйшимъ Кузьма Кудрявцевъ, Осипъ Алимовъ, Григорій Поповъ и Корнѣй Деминъ; изъ Балаклавскаго греческаго баталіона: Георгій Панаго, Семенъ Бамбукъ и Михаилъ Спаи. Послѣдній былъ замѣчательный и опытный проводникъ. А. П.

Проѣхавъ 65 верстъ отъ Симферополя до станціи Айбары, князь, утомившись, вышелъ изъ экипажа и, не будучи въ силахъ продолжать путь, остался ночевать на станціи. На другой день, раннимъ утромъ, мы опять тронулись въ путь и за Ишюнью, послѣднею станціею до Перекопа, встрѣтились съ ожидаемымъ курьеромъ: это былъ генералъ князь Ѳ. И. Паскевичъ, сынъ фельдмаршала. Онъ ѣхалъ въ Севастополь съ повелѣніемъ привести войска къ присягѣ новому Императору Александру II и везъ депеши князю Меншикову.

Прочитавъ депеши, Александръ Сергѣевичъ перекрестился и, разспросивъ Паскевича о подробностяхъ послѣднихъ минутъ жизни покойнаго государя, отправился въ дальнѣйшій путь.

Содержаніе перваго рескрипта Императора князю Меншикову, отъ 18-го февраля 1855 года, было слѣдующее:

— «Исполнивъ въ послѣднемъ письмѣ по словамъ незабвеннаго Государя нашего и благодѣтеля, Я хочу сегодня выразить вамъ, любезный князь, мою искреннюю благодарность отъ его имени за вашу всегдашнюю ревностную службу.

«Будьте увѣрены, что всѣ тѣ, которыхъ любилъ и уважалъ незабвенный мой родитель, всегда останутся близки моему сердцу, а вы знаете, что онъ называлъ васъ своимъ другомъ.

«Уволивая васъ, для поправленія разстроеннаго на службѣ вашего здоровья, отъ всѣхъ занимаемыхъ вами должностей, вы остаетесь моимъ генералъ-адъютантомъ и Я радъ буду видѣть васъ при мнѣ. Если-же вы предпочтете остаться въ Севастополѣ, то я вамъ въ этомъ не препятствую.

«Послѣднее извѣстіе о построеніи редута на Сапунъ-горѣ, привезенное сыномъ вашимъ за нѣсколько часовъ до кончины нашего государя, было ему послѣднимъ утѣшеніемъ.

«Да благословитъ Богъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя! — Васъ искренно любящій Александръ».

Второй рескриптъ, отъ 19-го февраля, былъ таковаго содержанія:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Августѣйшій родитель мой извѣстился съ искреннимъ сожалѣніемъ въ послѣдніе дни неусыпныхъ его попеченій о защитѣ церкви и отечества, что разстроенное здоровье ваше не можетъ возстановиться среди неусыпныхъ трудовъ, подъемлемыхъ вами по званію главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму. Согласно просьбѣ вашей и всемилостивѣйшему предположенію въ Бозѣ почившаго государя, увольняя васъ отъ сей должности и званія начальника главнаго морскаго штаба и финляндскаго генералъ - губернатора, дабы предоставить вамъ необходимый для леченія отдыхъ, но оставляя васъ генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта, Я отдаю полную справедливость самоотверженію, съ какимъ, не взирая на болѣзнен-

ное состояніе, вы исполняли доселѣ важныя и многочисленныя обязанности, на васъ лежавшія.

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ нашего благодѣтеля да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ.

«Поблагодарите отъ Меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи. Перешедшій въ жизнь вѣчную царственный вождь православнаго воинства благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ (подписано) Александръ».

Проѣхавъ нѣсколько времени съ грустно поникшей головой, князь обратился ко мнѣ:

— „Я уволенъ отъ всѣхъ должностей съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, поэтому уже не имѣю права на адъютантовъ. Ваша судьба меня безпокоитъ: нѣкоторыхъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ перечислитъ, вѣроятно, къ себѣ, какъ, напримѣръ, Грейга; Виллебрандтъ останется у Горчакова; Веригинъ, я знаю, послѣ кампаніи, не останется на службѣ... а ты, какъ про себя думаешь?“

Такъ какъ я еще ничего не сообразилъ, то и отвѣтилъ князю, что покуда онъ мнѣ позволитъ сопровождать себя, то я не желаю ничего лучшаго, а тамъ, Богъ дастъ, война скоро кончится и я оставлю службу, чтобы вполнѣ предаться занятію кавалерійскимъ искусствомъ.

Особенное, высокое уваженіе къ князю Александру Сергѣевичу не допускало во мнѣ мысли видѣть въ ближайшемъ моемъ начальникѣ кого-либо другаго, кромѣ его. Лица, состоявшія при князѣ, подчинялись ему невольно, по глубокому внутреннему убѣжденію въ его превосходствѣ надъ собою........

Послѣ краткаго разсужденія о размѣщеніи своихъ адъютантовъ, князь замолкъ, и, склоняясь то къ одному, то къ другому боку экипажа, искалъ удобнѣйшаго положенія, но все напрасно: его душевныя и тѣлесныя страданія были слишкомъ ощутительны. Къ тому-же дорога отъ Симферополя все время шла очень грязная; легкій экипажъ князя шестерикомъ и сзади тарантасъ четверкой съ большимъ трудомъ, но всетаки подавались впередъ, тогда какъ встрѣчавшіеся намъ обозы страшно маялись. Усилія подводчиковъ были неимовѣрны: многіе изъ нихъ, потерявъ надежду вытащить изъ грязи свои телѣги, бросали ихъ и уводили лошадей на отдыхъ, въ ожиданіи просухи. По мѣрѣ приближенія къ Перекопу, солонцеватый грунтъ низменности до того растворился, что представлялъ непрерывную топь, широко изъѣзженную по всѣмъ направленіямъ. Движущихся подводъ было мало,

бо́льшая ихъ часть была брошена и утопала въ грязи безъ лошадей, которыя, въ свою очередь, трупами валялись на пути: подъ слоемъ грязи едва можно было различить очертанія членовъ несчастныхъ животныхъ. Не мало попадалось и такихъ подводъ, которыя, какъ казалось, уже давнымъ давно ожидали своего спасенія, а между тѣмъ онѣ были нагружены предметами насущной необходимости для арміи. Видъ этого плачевнаго подвоза тревожилъ князя: онъ сокрушался объ участи войскъ; безпрестанно выглядывалъ изъ брички, чтобы узнать какая кладь была на погрязнувшей подводѣ; а такъ какъ мы и сами-то едва-едва двигались шагомъ, то и не трудно было даже сосчитать число подводъ. Вдругъ наша бричка стала! Шестерня не могла ее стащить. Выйдя изъ экипажа, вижу, что ея колеса превратились въ сплошные валы отъ плотно налипнувшей на нихъ грязи. Пользуясь моимъ большимъ кинжаломъ, я съ ямщикомъ принялся срѣзывать съ колесъ цѣлыя глыбы грязи—и признаюсь, не малаго труда стоило намъ привести колеса въ такое состояніе, чтобы они могли вертѣться. Проѣхавъ немного, лошади опять стали; мы опять принялись за ту же работу... и такъ, очищая колеса, мы чуть-чуть подавались впередъ, при чемъ, каждый разъ, налипшая грязь отдѣлялась труднѣе: вѣтеръ, обдувая землю, начиналъ ее просушивать, грязь густѣла и, по особому свойству липкости своей, все плотнѣе и плотнѣе приставала къ колесамъ. Наконецъ, за три версты до Перекопа, колеса до такой степени слились съ почвой, что составили какъ бы нераздѣльную съ нею массу и лишь лопатами еще можно было что нибудь сдѣлать: ни моего кинжала, ни нашихъ силъ уже не хватало![1]). Разуваевъ, камердинеръ князя, былъ очень боленъ; изнуренный припадками чахотки, онъ лежалъ въ тарантасѣ и не могъ намъ пособлять. Добрый шестерикъ напрягалъ всѣ свои усилія, но не могъ даже сдвинуть съ мѣста нашу нетычанку. Пришлось послать ямщика верхомъ, въ Перекопъ, за помощью.... Въ степи водворилась мертвая тишина. Замѣтивъ, что князь дремлетъ, я оставилъ его одного въ бричкѣ, прикрылъ ее запономъ и спустилъ зонтикъ. Князь крѣпко уснулъ.

Уже вечерѣло, когда изъ Перекопа пригнали десять паръ воловъ и пришли рабочіе съ лопатами; свѣтлѣйшій все еще спалъ. Безъ шума откопали колеса брички, запрягли въ нее всѣ десять паръ воловъ, которые и поволокли экипажъ.

---

[1]) Кто не имѣетъ понятія о подобныхъ липкихъ грязяхъ нашего южнаго края, тому разсказъ нашъ покажется невѣроятнымъ—однако-же, онъ буквально правдивъ. А. П.

По неимѣнію воловъ для тарантаса, мы были принуждены оставить его ночевать въ степи, вмѣстѣ съ больнымъ Разуваевымъ.

Когда мы, наконецъ, втащились въ городъ, то здѣсь грязь оказалась пожиже; экипажъ задвигался пошибче, заколыхался и князь проснулся.

— „Гдѣ мы остановимся?“

— Въ домѣ соляннаго пристава,—отвѣчалъ я,—тамъ все приготовлено.

Князь поморщился и замѣтилъ мнѣ, что онъ не любитъ никого стѣснять.

Однако, радушный пріемъ, ему оказанный, расположилъ Александра Сергѣевича въ пользу гостепріимнаго хозяина. Выражая ему свою искреннюю признательность, князь ему говорилъ:

— „Мнѣ такъ у васъ хорошо, Петръ Петровичъ, что, откладывая всякую церемонію, я покоряюсь вашему задушевному обо мнѣ попеченію. Дѣлайте со мной что́ хотите; я вижу ясно, что вы не тяготитесь мной“.

Дѣйствительно, нашъ хозяинъ, соляной приставъ Озерецковскій, съ такимъ непринужденнымъ тактомъ держалъ себя и съ такой простотою, безъ всякаго отступленія отъ обыденной своей жизни, угощалъ насъ, что въ его домѣ мы чувствовали себя очень легко.

Петръ Петровичъ Озерецковскій былъ человѣкъ умный и образованный; князь съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ и, по свойственной ему любознательности, знакомился съ соляными промыслами Крыма. Князь намѣревался дождаться здѣсь встрѣчи съ княземъ М. Д. Горчаковымъ и писалъ къ нему въ Кишиневъ узнать о времени его выѣзда.

Безпокоясь объ участи оставшагося въ степи Разуваева, утромъ 28-го февраля, я поѣхалъ верхомъ къ нему на встрѣчу. Прождавъ довольно долго, я подумалъ, не умеръ-ли нашъ больной. Однако, часу въ одиннадцатомъ, камердинеръ князя, очень веселый и довольный, въѣхалъ въ Перекопъ, влекомый въ тарантасѣ десятью парами воловъ. Бодрое состояніе духа и здоровья камердинера меня удивило; въ послѣдствіи князь объяснилъ мнѣ, что чахоточные, вообще, на влажномъ и открытомъ воздухѣ дышатъ свободнѣе. Такъ и Разуваева подкрѣпила ночь, проведенная имъ въ степи; но князь съ грустью замѣтилъ при этомъ, что самый этотъ признакъ подтверждаетъ неизлечимость болѣзни его камердинера.

Въ Перекопѣ и самъ князь нѣсколько оправился здоровьемъ; онъ былъ въ состояніи принимать начальниковъ проходившихъ мимо частей войскъ; давалъ имъ свои наставленія; написалъ прощальный приказъ по крымскимъ войскамъ и, пробывъ въ домѣ Озерецковскаго до

5-го марта, выѣхалъ далѣе, располагая встрѣтиться съ княземъ Горчаковымъ въ Херсонѣ.

Отрадный пріютъ въ Перекопѣ подкрѣпилъ силы Александра Сергѣевича, но надобно было поспѣшить въ Херсонъ. Князь Горчаковъ уже выѣхалъ изъ Кишинева, а отъ Перекопа до Херсона еще 90 верстъ; въ послѣднемъ всего удобнѣе будетъ съѣхаться обоимъ главнокомандующимъ. При этомъ кн. Меншиковъ заботился, чтобы, для проѣзда князя Горчакова, лошади на станціяхъ послѣ нашего перегону успѣли отдохнуть, чѣмъ облегчалось прибытіе Михаила Дмитріевича къ Севастополю.

XXI.

За Перекопомъ дорога пошла лучше, мѣстность была возвышеннѣе; вѣтеркомъ обдувало дорогу и за время, проведенное нами въ Перекопѣ, она успѣла пообсохнуть. Ѣхали мы шибко и около двухъ часовъ по полудни достигли Алешекъ. Дорогой мы встрѣтили нѣсколько дормезовъ, въ которыхъ ѣхали передовые изъ южной арміи: ясно было, что проѣзжавшіе и не подозрѣвали, какой сюрпризъ озадачитъ ихъ экипажи за Перекопомъ, и мы не мало удивились непредусмотрительности ѣхавшихъ.

Городъ Алешки расположенъ на луговой сторонѣ Днѣпра; Херсонъ—насупротивъ, на правомъ, нагорномъ его берегу. Тотчасъ по прибытіи въ Алешки, князь послалъ въ Херсонъ просить князя Горчакова, ежели онъ уже тамъ, то подождать его прибытія; самъ-же, изъ опасенія разъѣхаться съ нимъ на Днѣпрѣ, рѣшился дождаться точныхъ свѣдѣній въ Алешкахъ. Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ очень широкъ и отъ стороны Алешекъ покрытъ густыми камышами, почему разъѣхаться было немудрено.

Со своей стороны, князь Горчаковъ, чрезъ посланнаго изъ Херсона, просилъ князя Александра Сергѣевича не переѣзжать Днѣпра, такъ какъ онъ уже находился на пути въ Алешки. Эта торопливость князя Горчакова обезпокоила кн. Меншикова: онъ расчитывалъ на просторѣ заняться со своимъ преемникомъ обсужденіемъ столь важнаго вопроса, какова передача всѣхъ военныхъ соображеній защиты Крыма и Севастополя. Изъ предложенія-же Горчакова Александръ Сергѣевичъ заключилъ, что Михаилъ Дмитріевичъ не расположенъ обсуждать съ нимъ предметъ, такъ горячо озабочивавшій бывшаго главнокомандующаго.

Въ ожиданіи прибытія князя Горчакова, я бродилъ по берегу. Завидѣвъ лодку, нагруженную чиновными людьми, я доложилъ кн. Меншикову; онъ вышелъ на берегъ и сѣлъ на камень, видимо въ

нервномъ настроеніи. Ставъ поодаль, я думалъ о той укоризнѣ, которую предстояло намъ встрѣтить въ глазахъ новаго главнокомандующаго и всѣхъ его спутниковъ. Тяжелое, гнетущее душу впечатлѣніе, вынесенное нами изъ Севастополя, ожидало всѣхъ, туда ѣхавшихъ; они могли выразить намъ справедливый укоръ за то, что мы „подвели ихъ подъ сюркупъ". И я ждалъ, что князь Горчаковъ начнетъ съ того, что выразитъ неудовольствіе своему предшественнику.

Не могу описать моего удивленія, когда я увидѣлъ, что князь Михаилъ Дмитріевичъ, стоявшій пріосанясь въ лодкѣ среди генералитета, причалилъ къ берегу въ самомъ веселомъ настроеніи духа, и едва лодка коснулась пристани, какъ онъ выскочилъ изъ нея и съ восторженными тѣлодвиженіями поспѣшилъ на встрѣчу князя Меншикова, въ это время тихо и задумчиво спускавшагося къ берегу. Встрѣча двухъ главнокомандующихъ при ихъ смѣнѣ—минута торжественная.

Я отошелъ въ сторону.

Изъ разговора князя съ его преемникомъ я не могъ слышать ни слова, однако же замѣтно было, что обоюдныя отношенія ихъ самыя дружественныя. Послѣ обычныхъ привѣтствій, сдѣланныхъ Александру Сергѣевичу свитою князя Горчакова, князь Меншиковъ подозвалъ меня и представилъ его сіятельству Михаилу Дмитріевичу; потомъ они вошли въ домикъ на берегу, занятый Меншиковымъ. Я присѣлъ возлѣ домика. До того дня никого изъ вновь прибывшихъ я никогда не видалъ; всѣ они были бодры и веселы... Свѣжія силы, ѣхавшія въ Севастополь, не вѣдали, что̀ ихъ тамъ ожидаетъ.

Когда смерклось, я вошелъ въ домикъ, чтобы отыскать людей изъ прислуги и приказать имъ подать свѣчи въ ту комнату, въ которой занимались главнокомандующіе. Въ это время князь Александръ Сергѣевичъ растворилъ двери мнѣ на встрѣчу и въ амфиладѣ двухъ покоевъ я увидѣлъ князя Михаила Дмитріевича, который, сидя бокомъ къ столу, кушалъ пряники. Притворивъ дверь, князь Александръ Сергѣевичъ подошелъ ко мнѣ.

— „Ты, что?"

Я отвѣтилъ; князь, понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ:

— „Удивляюсь настроенію Михаила Дмитріевича! Онъ рѣшительно не входитъ въ планъ моихъ распоряженій, а пріѣхалъ со своими предвзятыми идеями, которыя хочетъ исполнить. Я старался расположить его къ продолженію уже успѣшно начатаго плана наступленія редутами, но онъ меня не слушаетъ и говоритъ, что не напрасно слѣдилъ за ходомъ севастопольскихъ дѣлъ и на просторѣ, тамъ, въ Кишиневѣ, у него созрѣлъ чудный планъ, помощью котораго и съ тѣми

средствами, которыя онъ вноситъ для обороны Севастополя, онъ увѣренъ, что вскорѣ вытѣснитъ непріятеля съ полуострова".

Я не могъ удержаться отъ изумленія; но князь продолжалъ:

— „Подожди; я тебѣ покажу планъ, который Горчаковъ привезъ съ собой!"

Затѣмъ онъ ввелъ меня въ боковую комнату и, подойдя къ столу, по секрету показалъ карту, на которой я увидалъ нанесенные редуты въ шахматномъ порядкѣ, вдоль сѣвернаго берега глубины бухты и по Инкерманскимъ высотамъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было то, что редутовъ оказывалась масса и размѣщены они были въ симметрическомъ порядкѣ, такъ что приходились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно было ихъ и построить. Взглянувъ на меня, князь, тихо и скороговоркой, произнесъ:

— „Ты хорошо знаешь эти мѣста. Посмотри—гдѣ редуты приходятся, какая ихъ цѣль, каковы должны быть силы, чтобы ихъ занимать и можно-ли ими изгнать непріятеля?"

Спѣша положить карту на прежнее мѣсто, князь шепнулъ:

— „Не уходи".

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять вышелъ; прошелся по комнатѣ; опять воротился... и такъ дѣлалъ нѣсколько разъ: въ немъ были замѣтны волненіе и безпокойство, которыя онъ старался преодолѣть.

— „Не могу, — произнесъ онъ, наконецъ, въ полголоса, — никакъ не могу настроить Горчакова на серьезный тонъ! Онъ ничего не слушаетъ, а ходитъ отъ одной тарелки къ другой и ѣстъ пряники... Я все дожидался: „вотъ — думаю — съѣстъ всѣ пряники, займется дѣломъ", — не тутъ-то было: онъ приказалъ подать себѣ еще; ужъ не знаю, сколько онъ ихъ тамъ привезъ, только я теряю всякое терпѣніе и надежду наладить его на дѣло. Боюсь, онъ заболѣетъ! Постой..."

И князь вышелъ, не притворивъ за собою дверей, такъ что мнѣ было видно, какъ человѣкъ Горчакова вошелъ и поставилъ двѣ тарелки, наполненныя пряниками, одну на одномъ столѣ, другую на другомъ.

Поискавъ въ своихъ бумагахъ, Александръ Сергѣевичъ вынесъ какую-то записку и, выводя меня въ прихожую, сказалъ:

— „Отнеси эту записку къ Коцебу, она ему нужна; но подъ этимъ предлогомъ постарайся разговориться и узнать, въ какомъ онъ настроеніи?"

Квартира Павла Евстафіевича Коцебу находилась на другомъ концѣ Алешекъ; я засталъ его въ занятіяхъ съ начальникомъ артиллеріи Сержпутовскимъ. Принявъ меня, Коцебу просилъ обождать,

пока онъ кончитъ объясненіе съ генераломъ. Потомъ, пробѣжавъ записку, которую я принесъ, поручилъ благодарить его свѣтлость и спросилъ, что я дѣлаю при князѣ? Когда же узналъ, что я все время находился при немъ безотлучно и что передвиженія и хозяйственныя распоряженія по главной квартирѣ были въ моемъ вѣденіи, то предложилъ мнѣ сѣсть и разсказать обо всемъ томъ, что могло быть полезно для его соображеній, предупредивъ меня, что они, изъ Кишинева, тронулись большимъ штабомъ, какого у князя Меншикова не было и что теперь онъ озабоченъ вопросомъ о размѣщеніи и содержаніи этого штаба. Разспрашивая меня о всѣхъ подробностяхъ и узнавъ о затрудненіяхъ, которыя я встрѣчалъ, Коцебу выразилъ безпокойство и удивленіе тому, что имъ, въ Кишиневѣ, не было извѣстно сообщеннаго мною.

Обстоятельные разспросы и вниманіе, съ которымъ начальникъ штаба южной арміи выслушивалъ мои отвѣты, расположили меня къ откровенности. Время пролетѣло незамѣтно, такъ что я около двухъ часовъ пользовался почтенной бесѣдою съ генераломъ Коцебу и заинтересованнымъ Сержпутовскимъ, который, не торопясь уходомъ, предлагалъ мнѣ съ своей стороны многіе вопросы.

Докладъ мой о благопріятномъ результатѣ даннаго мнѣ порученія видимо успокоилъ князя, и главнокомандующіе разошлись почивать.

Въ этотъ день князь Александръ Сергѣевичъ удостоился получить собственноручный рескриптъ Государя Императора, отъ 25-го февраля, слѣдующаго содержанія:

— «Изъ донесенія вашего, отъ 17-го февраля, полученнаго вчера вечеромъ съ флигель-адъютантомъ Левашевымъ, усмотрѣлъ Я, любезный князь, что усилившіеся ваши недуги принудили васъ сдать командованіе надъ Крымскою арміею генералъ-адъютанту Сакену.

«Сожалѣя искренно о причинѣ, не могу однако не одобрить вашу рѣшимость, предугадавшую какъ-бы волю незабвеннаго нашего благодѣтеля.

«Еще разъ благодарю васъ его именемъ за всю вашу долговременную и полезную службу.

«Надѣюсь, что совершенное спокойствіе и душевное, и физическое укрѣпитъ снова службою разстроенное ваше здоровье.

«Обнимаю васъ отъ души, васъ искренно любящій Александръ.

«На счетъ мѣста вашего пребыванія, предоставляю совершенно на вашу волю».

Кончилась тяжкая роль князя Александра Сергѣевича Меншикова: онъ сошелъ со сцены кроваваго театра войны; военное по-

прище закрылось для него и князь, чувствуя, что сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, былъ спокоенъ совѣстью.

Надобно полагать, что отбытіе князя Меншикова ободрило союзниковъ: они боялись и цѣнили его дороже, нежели мы. „Нигдѣ нѣтъ пророку меньше чести, какъ въ отечествѣ своемъ и въ домѣ своемъ“ (Матѳея, гл. XIII), сказалъ Спаситель и въ этихъ словахъ истина непреложная. Союзники отзывались о главнокомандующемъ, что для нихъ самая опасная голова въ Россіи — голова князя Меншикова; они страшились его способностей; не смотрѣли на мундиръ, имъ носимый, но дорожили даже и пуговицей съ этого мундира [1])! А у насъ армія не могла простить князю его флотскаго мундира, а флотъ косился на его сухопутный мундиръ. Въ такомъ положеніи, да еще до назначенія своего главнокомандующимъ по арміи и по флоту, не легко было князю идти на встрѣчу громадной союзной арміи, противопоставляя ей обрывки войскъ; не легко было предоставить и Севастополь защитѣ моряковъ, нерасположенныхъ къ главному военачальнику. Ожидать назначенія, повелѣній, приказаній князь, по совѣсти, не могъ, и, не страшась нареканій, принялъ на себя всю тяжесть отвѣтственности. Онъ вымаливалъ себѣ войскъ отовсюду; разыскивалъ, откуда-бы добыть пороху, снарядовъ, продовольствія; боролся съ интригами до послѣдней степени. Оставилъ Севастополь, но непріятелю его не отдалъ. Еще ли не наступило время выставить этого дѣятеля въ истинномъ свѣтѣ, хотя бы во избѣжаніе упрековъ намъ, его современникамъ, отъ нашихъ правнуковъ.

Опустѣли Алешки: раннимъ утромъ 6-го марта, главнокомандующіе распростились: одинъ, новый, по грязной, едва проѣзжаемой дорогѣ, выѣхалъ изъ воротъ налѣво; другой — бывшій, спустился на чистыя воды Днѣпра и, переправясь чрезъ рѣку, вышелъ на берегъ, какъ изъ купели, въ которой омылся отъ тяготѣвшаго на немъ бремени заботъ, тревогъ и попеченій!

Послѣ обѣда въ Херсонѣ, князь сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ, братецъ, пошляться по городу“.

Состояніе духа князя Меншикова тогда напоминало то, въ кото-

---

[1]) Въ одномъ письмѣ, попавшемся въ наши руки и адресованномъ плѣнному французскому офицеру его невѣстой, мы прочли, что она проситъ своего жениха прислать ей пуговицу съ мундира князя Меншикова, когда французы возьмутъ въ плѣнъ такого великаго человѣка. Свѣтлѣйшій послалъ пуговицу французу, поручивъ ему сказать, что такъ какъ французамъ взять его въ плѣнъ не удастся, то онъ, не желая лишить удовольствія невѣсту плѣнника, дозволяетъ ему послать эту пуговицу въ Парижъ, французамъ на забаву, но что болѣе этого онъ ничего не отдастъ имъ. **А. П.**

ромъ находится студентъ, сдавшій окончательный экзаменъ: послѣ неустанныхъ занятій, властелинъ своего времени, не вѣря наступившему отдыху, онъ не спѣшитъ домой, но, безъ цѣли фланируя по улицамъ, обращаетъ вниманіе на самыя ничтожныя бездѣлицы, находя въ нихъ и забаву и развлеченіе.

Пошли мы по городу; день былъ ясный и теплый. До сей поры мнѣ еще ни разу не случалось прогуливаться съ княземъ безъ цѣли. Переходя изъ улицы въ улицу, подошли къ памятнику Потемкина [1]). Александръ Сергѣевичъ, пріостановясь, разсматривалъ его нѣсколько минутъ, потомъ, какъ бы про себя, произнесъ въ задумчивости:

— „Потемкину... памятникъ!" Потомъ предложилъ мнѣ пройти въ лавки, для покупки черного сургучу.

Войдя въ первую попавшуюся лавку канцелярскихъ принадлежностей, онъ обратилъ вниманіе на огромныя жестяныя песочницы, низенькія, шириною въ поперечникѣ болѣе трехъ вершковъ и чистенько окрашенныя синею краскою. Онѣ такъ ему понравились, что онъ скупилъ ихъ всѣ, находившіяся въ лавкѣ, до полудюжины, и замѣтилъ при этомъ:

— „Первый разъ вижу такія практичныя песочницы! Тутъ песку мимо не просыплешь; а главное—просто!"

На другой день мы выѣхали изъ Херсона и, проѣхавъ 62 версты, 7-го марта [2]), къ обѣду, прибыли въ Николаевъ.

Настали теплые, весенніе дни, которые, въ соединеніи съ совершеннымъ спокойствіемъ, которымъ князь пользовался въ Николаевѣ, благотворно подѣйствовали на его здоровье. Первый его выходъ съ квартиры былъ къ адмиралу Морицу Борисовичу Берху, тогдашнему главному командиру Черноморскаго флота, бывшему, по преклонности лѣтъ, такъ сказать, лишь номинальнымъ командиромъ. Вся работа по управленію флотомъ была возложена прежде на способнѣйшаго начальника штаба Черноморскаго флота В. А. Корнилова; потомъ же, въ Николаевѣ, вся дѣятельность была въ рукахъ адмирала Николая Ѳедоровича Мѣтлина, оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ. Морицъ Борисовичъ Берхъ былъ расположенъ ввѣряться способностямъ Корнилова и потому, въ назначеніи его въ главные командиры, послѣ смерти Михаила Петровича Лазарева, легко было усмотрѣть мысль—доставить Корнилову обширнѣйшій кругъ дѣятельности

---

[1]) Рисунокъ его напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 267.

[2]) Въ этотъ самый день, въ Севастополѣ, ядромъ оторвало голову незабвенному и незамѣнимому командиру Малахова кургана, адмиралу Владиміру Ивановичу Истомину. А. П.

по Черноморскому флоту, въ духѣ чтимаго моряками покойнаго Михаила Петровича. Такимъ образомъ, князь Меншиковъ, какъ начальникъ главнаго морскаго штаба, не замедлилъ обратить вниманіе на способности Корнилова.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Николаевъ, кн. Меншиковъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, отъ 3-го марта:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Во все продолженіе долговременнаго управленія вашего морскою частью, неусыпными вашими трудами вы постоянно заслуживали одобреніе и благодарность въ Бозѣ почившаго государя императора и Мнѣ вполнѣ извѣстно, какъ онъ высоко цѣнилъ васъ. Нынѣ, при увольненіи васъ, согласно желанію вашему, по разстроенному здоровью, отъ многотрудныхъ лежавшихъ на васъ обязанностей, Я вспоминаю съ благодарностію, сколь часто незабвенный родитель мой бывалъ радостенъ при видѣ своего флота и признателенъ вамъ, какъ главному своему помощнику при трудахъ на пользу флота. Выражая вамъ мою искреннюю признательность за постоянныя старанія ваши облегчать труды и въ точности исполнять предначертанія въ Бозѣ почившаго государя императора, Я желаю душевно, чтобы необходимый отдыхъ поправилъ здоровье ваше и чтобы своими познаніями и опытностью вы приносили отечеству ту пользу, которую оно вправѣ ожидать отъ сановника, бывшаго въ продолженіе четверти вѣка въ главѣ одного изъ важнѣйшихъ управленій и снискавшаго довѣріе блаженной памяти императора Николая.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ—Александръ».

XXII.

Въ это время въ Николаевѣ строилась въ защиту отъ непріятеля оборонительная стѣна, между Бугомъ и Ингуломъ. Князь, лишь только оправился силами, сталъ посѣщать постройку, не оставляя строителей своими совѣтами. Осматривалъ адмиралтейскія работы всегда въ сопровожденіи Мѣтлина, заботившагося о снабженіи всѣмъ необходимымъ для обороны Севастополя. Принималъ и знакомился съ начальниками частей войскъ, проходившихъ чрезъ Николаевъ, и снабжалъ ихъ наставленіями. Навѣщалъ и учебныя заведенія.

Тихо и однообразно князь проводилъ время въ Николаевѣ: изрѣдка бывалъ у Берха, или у коменданта Павла Карловича Мердера; верхомъ выѣзжалъ не часто; по вечерамъ разсказывалъ мнѣ эпизоды изъ минувшихъ войнъ, въ которыхъ участвовалъ.

Наступила шестая недѣля Великаго поста (Пасха была ранняя: 27-го марта) и князь, намѣреваясь говѣть, пригласилъ исполнить съ нимъ вмѣстѣ христіанскій долгъ тѣхъ изъ числа близкихъ къ нему лицъ, которыя случились тогда при немъ въ Николаевѣ. Вообще

Александръ Сергѣевичъ говѣлъ аккуратно каждый годъ; послѣднее же время жизни, чувствуя ослабленіе физическихъ силъ, говѣлъ въ годъ и по два раза. Духовникомъ его, въ теченіе около тридцати лѣтъ, въ Петербургѣ былъ все одинъ и тотъ же отецъ **Александръ**, протоіерей церкви при арестантскихъ ротахъ морскаго вѣдомства, что въ Новой Голландіи. Въ Севастополѣ же и въ Николаевѣ священники были изъ флотскихъ экипажей: они такъ же, какъ это дѣлалось обыкновенно и въ Петербургѣ, служили корабельную **обѣдницу**[1]) и всенощную у князя на дому. Причащался онъ всегда за ранней обѣдней.

Странно, что къ числу неосновательныхъ и незаслуженныхъ обвиненій, которыми недоброжелатели князя Меншикова пытались его очернить, присоединилось нареканіе, будто онъ не почитаетъ церковныхъ обрядовъ. Это совершенно несправедливо: князь, чуждый ханжества, былъ религіозенъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку образованному, и хорошо зналъ всѣ догматы православія. Для своей библіотеки онъ собралъ громадный отдѣлъ духовныхъ сочиненій и былъ знакомъ съ содержаніемъ этихъ книгъ. Бесѣды его съ с.-петербургскимъ митрополитомъ, высокопреосвященнѣйшимъ **Никаноромъ**, были необыкновенно интересны и поучительны. Я не разъ имѣлъ счастіе присутствовать при нихъ, когда митрополитъ обѣдывалъ у князя. Не менѣе удивительно, что и въ высшихъ слояхъ общества очень мало была знакома нравственная сторона князя Александра Сергѣевича; что и тамъ его почитали безбожникомъ. Однажды былъ такого рода случай. Лѣтъ черезъ пять послѣ крымской кампаніи, мнѣ пришлось быть на крестинахъ, гдѣ воспреемникомъ былъ гр. П—скій, обрядъ же совершалъ вышеупомянутый отецъ **Александръ**. Въ разговорѣ съ крестнымъ отцомъ, онъ сказалъ, что вотъ уже около 30-ти лѣтъ какъ онъ духовникъ князя Меншикова.

— Какъ?—воскликнулъ гр. П.,—у князя Меншикова есть духовникъ? Первый разъ слышу! Да развѣ онъ въ Бога вѣруетъ?

Священникъ такъ и остолбенѣлъ отъ этихъ словъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—воскликнулъ онъ,—отчего же вы такъ полагаете, что князь въ Бога не вѣруетъ? Онъ, правда, шутитъ иногда надъ нашимъ братомъ, попомъ, только ужъ надъ такимъ, который того и заслуживаетъ; но самой религіи князь никогда не касается. Да вотъ, я,—продолжалъ отецъ Александръ,—въ 30 лѣтъ только разъ и слышалъ отъ него шутку, да и то было давно,

---

[1]) Такъ называется служимая на корабляхъ литургія безъ совершенія таинства. **А. П.**

въ первые годы какъ онъ избралъ меня въ свои духовники. Вынесъ онъ тогда показать мнѣ огромный походный крестъ прадѣда своего Александра Даниловича: крестъ этотъ водружали въ землю подлѣ ставки сподвижника Петра Великаго; крестъ желѣзный и очень тяжелый, такъ что князь Александръ Сергѣевичъ едва могъ удержать его въ обѣихъ рукахъ. Я, разсматривая, дивился его исторической рѣдкости, а его свѣтлость и скажи:

— „Не правда ли, батюшка, этимъ крестомъ можно благословить!"

— Вотъ только одинъ разъ, во всѣ тридцать лѣтъ, я и слышалъ отъ него вольное слово,—заключилъ священникъ,—и не знаю, право не знаю, почему сложилось о князѣ такое дурное мнѣніе? Говѣетъ онъ каждый годъ; въ храмъ ходитъ; только не любитъ, чтобы на него обращали вниманіе и для этого всегда становится сзади всѣхъ, у стѣночки, по лѣвую сторону входа.

Радуясь, что отецъ Александръ такъ горячо вступился за князя, и я, въ свою очередь, подтвердилъ сказанное священникомъ и добавилъ къ тому, что набожность князя проявляется еще и въ томъ, что, проѣзжая мимо церквей, онъ никогда не забудетъ перекреститься.

Вечеромъ 26-го марта, въ страстную субботу, я былъ одинъ съ княземъ и помню, какъ онъ мнѣ подробно объяснялъ Бородинское дѣло, набрасывая моменты битвы и расположеніе войскъ на лоскуткѣ бумаги. При его словахъ, что люнетъ, который, по ошибкѣ, былъ поставленъ тыломъ къ непріятелю, нынѣ вошелъ въ ограду церкви на полѣ Бородинскомъ и что о безполезности его сооруженія онъ и до сихъ поръ можетъ свидѣтельствовать своимъ очертаніемъ,—въ комнату вошелъ курьеръ изъ Петербурга. Я всталъ и отошелъ отъ стола. Князь вскрылъ депеши, съ волненіемъ прочиталъ рескриптъ Государя; потомъ подозвалъ меня къ столу, и, положивъ бумагу передъ моими глазами, сказалъ:

— „Прочитай этотъ милостивый рескриптъ Государя".

С.-Петербургъ, 18-го (30-го) марта 1855 г.

«Благодарю васъ искренно, любезный князь, за всѣ чувства, которыя вы Мнѣ выразили въ письмѣ вашемъ отъ 28-го февраля; въ нихъ Я никогда не сомнѣвался. Общую горесть Россіи и мою должны въ особенности раздѣлять ближайшіе сотрудники незабвеннаго отца моего, удостоенные его довѣріемъ и дружбою.

«Душевно сожалѣю, что ваша болѣзнь не дозволяетъ вамъ еще прибыть сюда; желаю, чтобы курсъ леченія въ Николаевѣ и Одессѣ ускорилъ вы-

здоровленіе ваше. По возстановленіи вашихъ силъ, Мнѣ пріятно будетъ васъ видѣть здѣсь и пользоваться вашею опытностью въ кругѣ подлежащихъ вамъ дѣйствій.

«Остаюсь навсегда къ вамъ доброжелательнымъ (подписано) Александръ».

— „Въ Одессу я уже не поѣду,—сказалъ князь, пряча рескриптъ въ старинный, темно-краснаго сафьяна портфель. Вели осмотрѣть дормезъ. Думаю, что на Ѳоминой недѣлѣ буду въ силахъ пуститься въ дорогу; мнѣ теперь какъ-то лучше. Поѣдемъ въ Петербургъ!"

Замѣтно было, что милостивое желаніе Государя видѣть князя въ столицѣ и пользоваться его опытностью благодѣтельно на него подѣйствовало: онъ повеселѣлъ, оживился и день ото дня укрѣплялся въ силахъ. Уже со втораго дня Пасхи я заставалъ его за сборами къ отъѣзду: въ кабинетѣ онъ понемногу сортировалъ бумаги, прочіе предметы и началъ укладываться. Сборы были непродолжительны. Покуда исправляли дормезъ, я успѣлъ отправить впередъ транспортъ съ вещами и съ частію любимыхъ верховыхъ лошадей князя. 15-го апрѣля мы уже оставили Николаевъ: князь сѣлъ одинъ въ дормезъ, а я въ тарантасѣ поѣхалъ сзади его. Покойный экипажъ далъ возможность князю ѣхать день и ночь, такъ что до Харькова онъ нигдѣ не ночевалъ и вообще спѣшилъ прибытіемъ своимъ въ Петербургъ.

Еще не доѣзжая Харькова, князь обратилъ вниманіе на большое сборище народа, на нѣкоторыхъ станціяхъ встрѣчавшаго и окружавшаго его экипажъ; ежели князь выглядывалъ изъ окна или выходилъ изъ дормеза, народъ привѣтствовалъ его радостными кликами. Не понимая тому причины, князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о поводѣ къ подобнымъ сборищамъ. Я спрашивалъ у станціонныхъ смотрителей, которые всѣ отозвались, что народъ этотъ пришелъ издалека и уже нѣсколько дней ожидаетъ проѣзда князя Меншикова. Какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, для насъ было и осталось необъяснимымъ, какимъ образомъ народъ могъ провѣдать о проѣздѣ князя. Курьеръ Шаровъ, ѣхавшій отъ насъ за одну станцію впередъ, никакъ не могъ быть причиною стеченія народа изъ окрестностей большой дороги... Такъ какъ подобныя сборища и привѣтствія возобновлялись послѣдовательно на станціяхъ, то князь приказывалъ экипажу въѣзжать во дворъ станціонныхъ домовъ и здѣсь перепрягать лошадей, спуская въ это время сторы у оконъ дормеза. Онъ сказалъ мнѣ, что ему весьма непріятны подобныя оваціи, которыя могутъ быть приняты за демонстрацію съ его стороны. Опасаясь, что и въ Харьковѣ его можетъ ожидать подобная же встрѣча, онъ въ этомъ городѣ до тѣхъ поръ не вышелъ изъ экипажа, покуда не затворили воротъ

дома гостинницы, въ которой мы остановились. И выѣзжая изъ Харькова, князь велѣлъ тоже затворить ворота двора, пока не запрягли лошадей и онъ не усѣлся въ дормезъ. Кромѣ того, отъ Харькова онъ впередъ себя курьера уже не послалъ, а поручилъ мнѣ расчитываться съ станціонными смотрителями.

Помню еще одно обстоятельство въ дорогѣ. Въ прекрасную, тихую ночь, когда мы еще приближались къ границѣ Харьковской губерніи, князь пересѣлъ ко мнѣ въ тарантасъ, а Разуваева, съ которымъ я ѣхалъ, посадилъ въ дормезъ. Степь миновалась и вдругъ князь завидѣлъ первую березу... Я еще не успѣлъ ее порядкомъ разглядѣть, какъ онъ радостно воскликнулъ:

— „Берева!.. береза!! Слава Тебѣ Господи,—онъ перекрестился. Вотъ мы и въ Россіи!"

Послѣ этого князь повеселѣлъ, шутилъ и разсказывалъ мнѣ о той тоскѣ, которую каждый русскій чувствуетъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ березы, ржанаго хлѣба, снѣгу и морозовъ. Сердечный порывъ князя Александра Сергѣевича, въ его годы и при его серьезномъ настроеніи, поразилъ меня неожиданностью и такъ радостно отозвался въ моемъ сердцѣ, что я, отложивъ въ сторону мою обыкновенную и, признаюсь, невольную сдержанность въ разговорахъ съ княземъ, весело разговорился съ нимъ, такъ что и ночь промелькнула незамѣтно.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

История старой Казанской духовной академии (1797—1808). А. Благовѣщенскаго. Казань. 1876. In-8°. 207 стр.

История Тверскаго княжества. В. С. Борзаковскаго. Спб. 1876. In-8°. IV+269+152 стр. и 1 табл. 1200 экз. Ц. 3 р.

Литература русской географии, статистики и этнографии за 1873 г. В. И. Межова. Т. IV. Вып. 1-й. Спб. 1876. In-8°. XIII+279 стр. 700 экз.

Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Изд. Костромскаго губ. стат. комитета подъ ред. В. Пирогова. Вып. III й. Кострома. 1875. In-8°. V+328+II стр. и 2 л. таблицъ.

Митрополитъ Филиппъ, біографическій очеркъ. Т. Толычевой. М. 1875. In-12°. 64 стр. 2400 экз. Ц. 20 к.

Нилова пустынь въ первые полутораста лѣтъ ея существованія. А. В. Рачинскаго. М. 1875. In-8°. 62 стр. 500 экз.

О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ. Н. А. Лебедева. Спб. 1876. In-8°. 10 стр. 1000 экз.

Описаніе Воскресенской ново-іерусалимской библіотеки. Архим. Амфилохія. М. 1875. In-4°. 214 стр. 390 экз.

Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 годъ объ отечественной войнѣ 1812 года. И. П. Липранди. М. 1875. In-8°. VI+116 стр. 300 экз.

Особенно замѣчательные случаи дѣйствія благодати Божіей чрезъ святителя Филарета, митрополита московскаго, бывшіе при жизни его. М. 1876. In-8°. 24 стр. 2400 экз.

Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія. А. С. Клеванова. 2 тома. М. 1875. In-8°. II+1028 стр. 300 экз. (Изд. Имп. общ. ист. и древн. россійскихъ).

Повѣствованія о святыхъ чудотворныхъ иконахъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. М. 1875. In-18°. 72 стр. 7200 экз.

Путеводитель по горѣ Почаевской. Тип. Почаевской лавры. 1876. In-16°. 156+IV стр. 1600 экз.

Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммисіею. Т. III. Спб. 1876. In-4°, въ два столбца. VIII+1502 стр. 600 экз. Ц. 2 р.

Русская родословная книга. Т. II. Изд. «Русской Старины». Спб. 1876. In-8°. 222 стр. Ц. 2 р.

Русскій энциклопедическій словарь, издаваемый И. Н. Березинымъ. Годъ третій. Отд. III. В. Н. О. Вып. VIII. Тетр. II. Спб. In-4°. 192 и 481—496 и 593, 671 стр. 3000 экз.

Русскій энциклопедическій словарь. И. Н. Березина. Годъ третій. Отд. I. В. Вып. IX. Тетр. I. Спб. 1876. In-4°. 289—480 стр. 3000 экз.

Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. I. Спб. 1875. In-8°. 25 л. 24+42+44+68+16+24+16+11 стр. и 1 карта. 500 экз. Ц. 5 р.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. Срезневскаго. Спб. 1875. In-8°. 391—560 стр. 200 экз. Ц. 65 к.

Сказаніе о Боголюбской иконѣ Божіей Матери, что у Варварскихъ воротъ въ Москвѣ. М. 1875. In-18°. 35 стр. 12000 экз.

165 лѣтъ Кексгольмскаго гренадерскаго Императора Австрійскаго полка (1710—1875). В. Ѳ. Мередиха. Съ рисунками. Варшава. 1876. In-8°. VI+V+361+141 стр. 300 экз.

Тверская Старина. И. Красницкаго. Вып. I. Городъ Торжокъ. Спб. 1876. In-8°. I+96 стр. и 2 вида. 1000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Труды втораго археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ. Вып. I, съ рисунками въ особой тетради. Спб. 1876. In-2°. 50+59+24+42+125+103 стр. и 22 лист. рис., съ портр. 600 экз.

Южные славяне и Византія въ X в. М. С. Дринова. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. россійскихъ. М. 1875. In-8°. 152 стр. 300 экз.

Александръ Невскій. Спб. 1876. In-16°. 31 стр. 4800 экз. Ц. 15 к.

Архивъ князя Воронцова. Книга XI. М. 1877. In-8°. 514 стр. 800 экз. Ц. 3р .

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. АВГУСТЪ. 1877 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Н. Н. Муравьева-Карсскаго**, гравированъ на деревѣ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. — II. Алфавитный указатель личныхъ именъ въ XIX томѣ «Русской Старины».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа.

Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Н. Каптерева. М. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Святитель Христовъ Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій. Новое изд. М. 1870. In-18°. 35 стр. 4800 экз. Ц. 40 к.

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи. А. Смирнова. М. 1874. 233 стр. In-8°.

Сказаніе объ иконѣ Казанскія Божія Матери, находящейся въ Вознесенской церкви Стерлитамацкаго уѣзда, села Табынска. Гуменскаго. Уфа. 1870. In-24°. 73 стр.

Сказаніе, и страсть, и похвала святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. По харатейнымъ спискамъ XII-го и XIV-го стол. Изд. Имп. Общ—ва Исторіи и Древн. Рос. М. 1870. In-8°. 96 стр. и 3 листа литогр. снимковъ. 600 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Уроки изъ жизни святителя и чудотворца Митрофана, епископа Воронежскаго и Задонскаго. Прот. Луки Ефремова. М. 1870. In-8°. 47 стр. 2000 экз. Ц. 40 к.

Церковная археологія. А. Ладинскаго. Спб. 1873. 900 экз. Ц. 40 к.

Чудеса, бывшія отъ святыхъ мощей св. Благовѣрнаго царевича Дмитрія. М. 1870. In-18°. 35 стр. 4800 экз. Ц. 40 к.

Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI и XVII ст. С. Голубева. Кіевъ. 1876. 8 д. л. 80 стр.

Виды и описаніе Коневскаго монастыря. Спб. 1877. 4 д. л. 32 стр. 1000 экз.

Война за Кавказомъ въ 1855 г. Н. Н. Муравьева. Атласъ, планъ и гравюры. Спб. 1877. 4 д. л. 4 стр. текста, 17 гравюръ и 10 картъ. 1000 экз.

Воспоминанія о Камчаткѣ и Амурѣ (1854—1855). Ю. Завойко. М. 1876. 8 д. л. 64 стр. 100 экз.

Восточная война 1853—1856 годовъ. М. И. Богдановича. Томъ I. Спб. 1876. 8 д. л. III+278+40 стр. и 7 картъ. 1200 экз. Т. II. 271+77 стр. и 12 картъ. Т. III. IV+48+44 стр. и 3 карты Т. IV. VI+439+71+III стр. и 3 карты.

Восточный Сборникъ. Томъ I. Изд. Азіятскаго департамента мин. иностр. дѣлъ. Спб. 1877. III+448 стр. 8 д. л.

Десятилѣтіе русскаго земства. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1877. 8 д. л. II+VI+374 стр. Ц. 2 р.

Древности Казанской губерніи, съ 2 археологическими картами. Е. Т. Соловьева. Казань. 1877. 8 д. л. 78+II стр.

Житія святыхъ. Мѣсяцъ май. Составлено по Четьи-Минеи. Сергѣя Извольскаго. М. 1877. 8 д. л. 258 стр. Мѣсяцъ іюнь—227 стр.; сентябрь—143 стр.; октябрь—84 стр.

Записка о пособіяхъ къ изученію южнорусской земли, находящихся въ военноученомъ архивѣ главнаго штаба. В. Григоровича. Одесса. 1876. 8 д. л. 45 стр. и 1 карта. 300 экз.

Зарницы Руси за скифскимъ горизонтомъ розысканій о ея началѣ. А. С. Великанова. Одесса. 1877. 8. л. 85+VII стр.

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII ст. до 1859 г. К. Герца. Москва. 1876. 4 д. л. 118 стр. и 1 карта. 200 экз.

Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г. (1710—1876). Л. Весина. Спб. 1876. 8 д. л. III+176 стр. 450 экз.

Историческое описаніе Крестовой Рождество-богородицкой пустыни. Спб. 1876. 8 д. л. 217 стр. 1200 экз.

Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Н. Кондакова. Одесса. 1876. 8 д. л. 276 стр. 285 экз. XIV таблицъ рисунковъ in-fol. 250 экз.

Исторія Византійскаго права. Томъ I ч. I. Дмитрія Азаревича. Ярославль. 1876. 8 д. л. XV+118 стр.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XXVI. Исторія Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. II. Москва. 1876. 8 д. л. 357 стр. 2400 экз. Ц. 2 р. с.

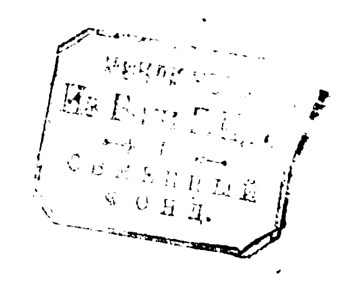
Дозволено цензурою спб. 15 Іюня 1877 г. Экспедиція заготовленія государств. бумагъ.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ [КАРСКІЙ].

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1877 Г. ТОМЪ XIX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ СПБ. 15 ІЮНЯ 1877 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

СЕЛЬСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ

во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ настоящее время мы еще слишкомъ мало знаемъ экономическую и домашнюю жизнь русскаго народа въ прошломъ столѣтіи. Болѣе всего данныхъ, благодаря мемуарамъ современниковъ, мы имѣемъ о бытѣ дворянства; но что намъ извѣстно о жизни купцовъ и мѣщанъ; достаточно ли мы изучили экономическое положеніе крестьянъ; много ли свѣдѣній имѣемъ мы о домашней жизни и нравахъ сельскаго духовенства? Правда, относительно послѣдняго сословія въ нашей литературѣ есть прекрасное сочиненіе г. Знаменскаго [1]), въ которомъ онъ, воспользовавшись почти всѣми печатными данными по этому предмету и, между прочимъ, свѣдѣніями, разбросанными въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, разсмотрѣлъ приходскіе выборы членовъ клира, развитіе наслѣдственности духовнаго званія и выходъ изъ него, гражданскія права духовенства, отношенія его къ духовной власти и, наконецъ, способы содержанія приходскаго духовенства; но домашняя жизнь сельскаго священника осталась совершенно не затронутою, да и объ экономическомъ его положеніи болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ лишь относительно южной Россіи. Въ этомъ никакъ нельзя винить автора: онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и неполнота эта объясняется крайнею скудостію, или, лучше сказать, почти полнымъ отсутствіемъ изданныхъ по этому предмету матеріаловъ. Можно думать, что едва ли и въ будущемъ найдутся такіе превосходные источники для характеристики жизни и нравовъ сельскаго духовенства, какіе для изученія быта высшаго сословія представляютъ записки Данилова, Державина, Болотова и мног. др.: сельскому священнику, находившемуся въ незавидномъ экономиче-

[1]) «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформъ Петра». Казань, 1873 г.

скомъ положеніи, подавленному разными поборами въ пользу своего начальства, подвергавшемуся (по крайней мѣрѣ до Екатерины II) самымъ суровымъ наказаніямъ, совершенно зависѣвшему, наконецъ, отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, было не до того, чтобы вести подробные мемуары; для этого у него не хватало необходимаго развитія, не было и достаточно свободнаго времени, такъ какъ ему наравнѣ съ крестьянами приходилось заниматься земледѣльческими работами.

Въ виду этого недостатка источниковъ для характеристики быта сельскаго духовенства въ прошломъ столѣтіи, значительный интересъ представляетъ неизданная „Записная книга священника Іоанна Матусевича", веденная имъ съ 1774 по 1780 г. въ лежащемъ неподалеку (въ 8-ми верстахъ) отъ Ярославля селѣ Иваньковѣ. Эта записная книга есть нѣчто среднее между дневникомъ и приходо-расходною книгою; отъ времени до времени поденная записка прерывается списками родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся или перечнями полученныхъ указовъ; главное же содержаніе ея составляютъ отмѣтки: сколько вознагражденія получено за требы, какія приношенія натурою сдѣлали прихожане, что̀ истрачено для домашняго обихода. Отмѣчается также прибытіе духовныхъ властей и разныя событія, интересующія тотъ деревенскій міръ, въ которомъ живетъ священникъ. Матусевичъ заноситъ все это исключительно для себя, безъ всякихъ претензій на какія либо литературныя достоинства; но его книга, заключающая въ себѣ болѣе 400 страницъ, даетъ не мало интересныхъ фактовъ не только для характеристики быта сельскаго духовенства во вторую половину XVIII вѣка, но и вообще знакомитъ насъ съ нѣкоторыми сторонами жизни деревенскаго захолустья. Нужно помнить, что духовныя лица были сплошь и рядомъ единственными грамотными людьми въ нашихъ деревняхъ, и потому сельскій священникъ, занося для памяти все его интересующее, дѣлался лѣтописцемъ незамысловатой деревенской жизни.

Воспользовавшись преимущественно дневникомъ Матусевича, а также и нѣкоторыми другими источниками, мы остановимся на слѣдующихъ вопросахъ: разсмотримъ, во-первыхъ, матеріальное положеніе священника, при чемъ всего подробнѣе придется сказать о томъ, какъ велика была плата за требы,—и такъ какъ въ сельскихъ приходахъ, за исключеніемъ немногихъ помѣщиковъ, прихожанами были только крестьяне, то обзоръ натуральныхъ и денежныхъ поборовъ въ пользу приходскаго духовенства познакомитъ насъ съ нѣкоторыми любопытными сторонами жизни народа; во вторыхъ, мы разберемъ отношенія священника къ мѣстному духовному начальству и, наконецъ, въ третьихъ, познакомимся съ домашнею жизнію духовенства.

I.

Предписанія правительства объ исповѣди, крещеніи и бракосочетаніи.—Плата за требы, установленная правительствомъ.—Дѣйствительная плата за произнесеніе молитвы, свадьбу, погребеніе, исповѣдь, молебны, панихиды и проч.—Обходы духовенства по деревнямъ въ праздники.—Раздѣлъ доходовъ между членами причта.—Годовой доходъ священника деньгами.—Сборъ натурою.—Сборы на церковь.—Сколько въ годъ падаетъ сборовъ на каждаго крестьянина.—Земля, находящаяся во владѣніи причта.

Обязанности, налагаемыя религіею, исполнялись русскими крестьянами въ прошломъ столѣтіи не по одному только внутреннему побужденію; въ силу правительственныхъ указовъ, онъ былъ точно также обязанъ посѣщать церковную службу, являться на исповѣдь, какъ обязанъ былъ исправно платить подати. Въ указѣ, изданномъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1722 г., были даже перечислены всѣ тѣ праздники, въ которые прихожане должны были непремѣнно являться во храмъ на вечерню, утреню, литургію. Что касается воскресныхъ дней, то большинство жителей также должны были приходить въ церковь, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ приходилось оставаться для охраненія домовъ [1]). Въ царствованіе Екатерины II сотскимъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы крестьяне по воскресеньямъ, праздникамъ и царскимъ днямъ не работали и ходили въ церковь [2]). Особенно ревниво правительство слѣдило за тѣмъ, чтобы весь народъ ходилъ на исповѣдь; это объясняется, главнымъ образомъ, опасеніями распространенія раскола, а кромѣ того правительство преслѣдовало при этомъ и цѣли финансовыя: упорно неходившій на исповѣдь признавался раскольникомъ и долженъ былъ, слѣдовательно, платить двойной подушный окладъ. Въ 1718 г. имяннымъ указомъ было предписано всѣмъ ежегодно исповѣдываться; за аккуратнымъ исполненіемъ этой религіозной обязанности должны были слѣдить священники и съ неисправныхъ брать штрафъ, а именно съ крестьянъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1-й разъ—5 коп., во 2-й—по гривнѣ и въ 3-й—по 15 коп.; да кромѣ того было приказано о тѣхъ, „которые въ таковыхъ противностяхъ явятся,... подавать вѣдомости въ губерніяхъ губернаторамъ и ландратамъ, и имъ, по тѣмъ вѣдомостямъ, таковымъ чинить наказанія“. Небываніе на исповѣди влекло за собою также ограниченіе нѣкоторыхъ правъ, а именно: такихъ лю-

[1]) П. С. З., т. VI, № 4052. Кромѣ воскресеній, въ этомъ указѣ было перечислено 28 праздничныхъ дней. Срав. т. VIII, № 5518.

[2]) П. С. З., т. XIX, № 14231, п. I.

дей нельзя было избирать ни въ какія должности. Для оброчныхъ крестьянъ, занимавшихся торговлею, штрафъ былъ скоро значительно повышенъ: они должны были платить половину того, что платятъ купцы, т. е. 50 к. въ первый разъ, 1 р. во второй и полтора рубля въ третій [1]). Въ указѣ 1718 г. не совсѣмъ ясно: слѣдовало ли неявившихся на исповѣдь отсылать для наказанія къ гражданскому начальству уже при первой неявкѣ? Черезъ 4 года это было разъяснено такимъ образомъ, что для наказанія слѣдовало присылать къ начальству только въ третій разъ, но и тутъ не опредѣлено, каково должно быть это наказаніе [2]).

Не менѣе усердія въ этомъ направленіи обнаружила и императрица Анна. Имяннымъ указомъ 1737 г. она подтвердила, чтобы всѣ православные отъ семилѣтняго возраста ежегодно исповѣдывались и причащались въ Великомъ посту, въ противномъ случаѣ велѣла брать штрафы безъ послабленія. Тогда синодъ предписалъ приходскому духовенству составить росписи прихожанъ и отмѣчать въ нихъ всѣхъ бывшихъ на исповѣди, а потомъ сообщать эти свѣдѣнія своему духовному начальству. На основаніи всѣхъ этихъ росписей доставлялись генеральныя вѣдомости въ синодъ для составленія экстракта, который долженъ былъ подноситься государынѣ [3]). Во избѣжаніе укрывательства отъ исповѣди и причащенія, давались самыя мелочныя предписанія: такъ, напримѣръ, исповѣдаться еще можно было въ другомъ приходѣ, но причащаться слѣдовало непремѣнно въ своемъ, представивъ свидѣтельство о бытіи на исповѣди отъ того священника, у котораго исповѣдывался [4]). Всѣ эти правила вызывали громадную канцелярскую переписку: подавалъ священникъ росписи о бывшихъ у него на исповѣди въ Великомъ посту, а потомъ являлись исповѣдники въ другое время и онъ долженъ былъ подавать дополнительныя росписи; духовныя власти сличали ихъ съ прежними и затѣмъ о неявившихся ни въ Великій, ни въ Петровъ, ни въ Успенскій посты со-

[1]) П. С. З., т. V, № 3169; т. VI, № 3854. Резол. на п. 15.

[2]) П. С. З., т. VI, № 3963. Резол. на доклад. п. синода 12-го апр. 1722 г., п. 24.

[3]) Въ 1742 г. синодъ приказалъ присылать ему только генеральные экстракты, а подлинныя имянныя вѣдомости хранить въ архіерейскихъ домахъ. П. С. З., т. XI, № 8553. Въ 1764 г. было велѣно такія же «перечневыя вѣдомости», какъ присылали въ синодъ, отправлять и въ главный кригсъ-коммисаріатъ. П. С. З., т. XX, № 15096.

[4]) Если кто находился въ отлучкѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ это время исповѣдывался у мѣстнаго священника, то, по возвращеніи домой, даже представивъ свидѣтельство о бытіи на исповѣди, онъ долженъ былъ, «дабы въ правовѣріи не былъ сомнителенъ», вновь исповѣдываться у своего священника. Если же, по случаю такихъ отъѣздовъ, кто либо 3 года не будетъ исповѣдываться въ своемъ приходѣ, такого записывать въ расколъ.

общали свѣтскому начальству для взысканія штрафовъ съ виновныхъ. Штрафныя деньги отсылались потомъ въ военную коллегію. Священники, оказывавшіе послабленіе своимъ прихожанамъ, сами подвергались денежнымъ штрафамъ [1]).

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II явились нѣкоторыя недоумѣнія по вопросу о взысканіи штрафныхъ денегъ съ небывшихъ у исповѣди. Оказывалось, во 1-хъ, что нѣкоторые не могли заплатить штрафа; въ такомъ случаѣ деньги велѣно было взыскивать за помѣщичьихъ крестьянъ съ ихъ владѣльцевъ или, въ ихъ отсутствіе, съ прикащиковъ и старостъ, а за дворцовыхъ и экономическихъ—съ управителей, казначеевъ и старостъ. Были и такіе, что не являлись на исповѣдь лѣтъ по 15-ти, а иные и во всю жизнь, и вовсе не потому, чтобъ они были раскольники, а вслѣдствіе отлучекъ изъ домовъ или даже по своей „простотѣ". Вотъ и являлись изъ губерній запросы въ сенатъ: какіе штрафы брать съ нихъ, или не подвергать ли ихъ тѣлесному наказанію. Сенатъ рѣшилъ, что за небытіе у исповѣди болѣе 3-хъ лѣтъ тѣлеснаго наказанія не чинить, а „наказывать ихъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ—молитвою и постомъ", а если кто и послѣ того не исправится, тѣхъ сажать на нѣкоторое время въ тюрьму на хлѣбъ и на воду, а потомъ заставлять публично въ церквахъ приносить покаяніе и давать присягу въ правовѣріи, указанную духовнымъ регламентомъ [2]).

Несмотря на всѣ эти подтвердительные указы, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ множество людей не приходило на исповѣдь. Такъ. архангельскій архіерей сообщилъ ярославскому и вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову вѣдомость о неявившихся въ 1783 г. на исповѣдь по его епархіи, изъ которой оказалось, что, при населеніи епархіи въ 215,762 души обоего пола, на исповѣдь не пришло 79,243 души, т. е. болѣе 1/3, между тѣмъ изъ нихъ записанныхъ въ расколъ было лишь около полуторы тысячи. Архіерей требовалъ, чтобы со всѣхъ неявившихся на исповѣдь не только взяты были штрафы, но, кромѣ того, чтобы они были подвергнуты публичному покаянію, между тѣмъ какъ въ указѣ 1765 г., приведенномъ нами выше, публичное покаяніе назначалось только тѣмъ, которые не были на исповѣди болѣе 3-хъ лѣтъ. Мельгуновъ приказалъ взыскать съ нихъ штрафу по 5 к., но отсылать на покаяніе такое огромное число людей находилъ не только крайне затруднительнымъ и убыточнымъ

1) П. С. З., т. X., № 7226, 16-го апр. 1737 г.

2) П. С. З., т. XVII, № 12483, ук. 30-го сентября 1765 г. Сотскіе по инструкціи, данной имъ въ 1774 г., должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне ходили на исповѣдь. П. С. З., т. XIX, № 14231, п. I.

для народа, такъ какъ это отвлекло бы его отъ обычныхъ промысловъ, но даже и опаснымъ, потому что вслѣдствіе этого распоряженія могло бы усилиться обращеніе въ расколъ. Это „удаленіе отъ церкви" Мельгуновъ приписывалъ недостатку ученыхъ священниковъ, которые могли бы имѣть вліяніе на народъ, и въ подтвержденіе своей мысли ссылался на то, что и среди самихъ духовныхъ лицъ Архангельской губерніи нашлось 67 человѣкъ, неявнившихся къ исповѣди. Сенатъ согласился съ тѣмъ, что отсылать къ покаянію болѣе 70,000 человѣкъ невозможно и предоставилъ синоду подумать о томъ, какими средствами можно предотвратить подобное явленіе, а особенно рекомендовалъ ему позаботиться объ увеличеніи числа образованныхъ священниковъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такое огромное количество неявившихся на исповѣдь было, вѣроятно, въ весьма немногихъ губерніяхъ: такъ, напримѣръ, въ то же время въ вологодской епархіи не было на исповѣди только 225 человѣкъ. Въ Архангельской же губерніи это явленіе объясняется, вѣроятно, разбросанностію селеній и затруднительностію посѣщенія церквей, а также, быть можетъ, и распространеніемъ тайнаго раскола [1]).

Таинство крещенія также было обязательно; священники должны были заносить имена крещаемыхъ въ метрическія книги, какъ это было имъ предписано въ духовномъ регламентѣ. Крещеніе должно было совершаться въ церкви, а не на дому, за исключеніемъ случаевъ крайней нужды [2]).

При совершеніи брака до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II взималась особенная пошлина за вѣнечныя памяти, которыя были отмѣнены только въ 1765 г. Вѣнчаться должно было непремѣнно въ своемъ приходѣ [3]), а слѣдовательно, до установленія таксы за требы при Екатеринѣ II приходилось платить за совершеніе брака столько, сколько потребуетъ свой приходскій священникъ: конкуренціи въ этомъ случаѣ не существовало.

Мы остановились на всѣхъ этихъ постановленіяхъ правительства прежде, чѣмъ перейти къ изученію матеріальнаго положенія сельскаго священника, для того, чтобы показать, что ежегодный денежный доходъ причта, состоявшій главнымъ образомъ въ платѣ за требы, былъ до нѣкоторой степени гарантированъ правительственными указами, обязывавшими прихожанъ исполнять тѣ или другія духовныя требы. Правда, норма вознагражденія не была опредѣлена до начала

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла правит. сен. 1784 г. № 787/4353, л. 487—489.

[2]) П. С. З., т. VI, № 3718. Дух. регл., ч. II о мірск. особ., п. 9; № 4022, приб. къ дух. регл. п. 29.

[3]) П. С. З., т. III, № 1612, ст. 61, 66; т. XVII, № 12433; т. VIII, № 5892 п. 4.

1760-хъ годовъ, но это было выгодно для духовенства: оно могло назначать плату, какую ему вздумается. Исполненіе другихъ требъ, напримѣръ панихиды, не предписывалось прямо закономъ, но оно и безъ того обусловливалось народными вѣрованіями.

Правительство уже давно сознавало необходимость установить закономъ размѣръ вознагражденія за требы, но это было сдѣлано только при Екатеринѣ II. Въ 1765 г. явился сенатскій указъ, которымъ предписывалось, чтобы священно и церковно-служители брали съ крестьянъ за молитву родильницѣ 2 к., крещеніе младенца 3 к., за свадьбу 10 к., за погребеніе взрослыхъ 10 к., за погребеніе младенцевъ 3 к., за исповѣдь же и причащеніе отнюдь ничего не брали; а за молебны и поминовеніе родителей каждый могъ давать по своему желанію и средствамъ. Правительство сдѣлало, впрочемъ, оговорку, что правила эти устанавливаются въ интересахъ крестьянъ и людей неимущихъ, людямъ же достаточнымъ не запрещается давать и болѣе, лишь бы только „священно и церковно-служители ни подъ какимъ видомъ бо̀льшаго себѣ за оныя требы не домогались, а довольны бы были таковымъ указнымъ и доброхотнымъ подаяніемъ". Правила эти приказано было вывѣсить во всѣхъ церквахъ для всеобщаго свѣдѣнія [1]).

Указъ этотъ не остался мертвою буквою. Мы знаемъ, что въ Малороссіи прихожане во многихъ мѣстахъ перестали давать духовенству прежде установленную плату, и потому малороссійскіе архіереи просили синодъ, чтобы онъ требовалъ отъ коммисіи новаго уложенія отмѣны правилъ, изданныхъ въ 1765 г. [2]). Однакоже не вездѣ прихожане воспользовались этимъ указомъ. Посмотримъ, какая плата за требы существовала въ Ярославской губерніи въ приходѣ Іоанна Матусевича.

За молитву родильницѣ давали священнику отъ 1—6 к.; всего чаще, впрочемъ, платили по 2, 3 и по 5 к. Эта плата шла одному священнику. Сверхъ денегъ иногда давали какихъ-нибудь припасовъ натурою; такъ, однажды священникъ получилъ 3 к. и 8 рѣдекъ, въ другой разъ 2 к. и полъ-рѣшета гороху; въ третій 3 к. и мѣшечекъ рѣпы; былъ, наконецъ, такой случай, что въ вознагражденіе за произнесеніе молитвы дали чашку клюквы и ячный каравай. Кромѣ того, въ баню, гдѣ всего чаще разрѣшалась отъ бремени родильница, прино-

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12378. Этотъ указъ есть почти дословное повтореніе доклада, представленнаго императрицѣ коммисіею о церковныхъ имѣніяхъ, а коммисія занялась этимъ вопросомъ по приказанію государыни. Докладъ этотъ напечатанъ во «Влад. Губ. Вѣд.» 1868 г., № 19.

[2]) «Христ. Чен.» 1876 г., т. II, стр. 238.

сили иногда пива и тутъ же угощали священника. И такъ, въ большинствѣ случаевъ, за молитву священникъ получалъ болѣе, чѣмъ было назначено правилами 1765 года. [1]).

За крестины, по закону, слѣдовало платить 3 коп., но всегда давали болѣе, отъ 5—10 коп., всего же чаще по 8 коп. Только въ одномъ, совершенно особенномъ, случаѣ за крестины у выборнаго, человѣка богатаго, было дано священнику 1 рубль и причетникамъ 25 коп. Деньги за крестины дѣлились между всѣмъ причтомъ.

Чрезъ 40 дней послѣ разрѣшенія отъ бремени, родильница приходитъ въ храмъ со своимъ младенцемъ для совершенія обряда воцерковленія. За произносимую при этомъ такъ называемую „сороковую“ молитву священникъ села Иванькова, въ большинствѣ случаевъ, получалъ по 2 коп. и лишь изрѣдка по 1 коп. Въ законѣ же о платѣ за эту молитву ничего не упоминается. Эти деньги шли исключительно въ пользу священника. Когда понадобилось дать „сороковую“ молитву для жены самого Матусевича, то вмѣсто вознагражденія приглашенному для этого священнику было поднесено вина на 10 коп.

Священникъ произносилъ своимъ прихожанамъ еще одну молитву, такъ-называемую „страшную“, о которой также не упоминается въ указѣ 1765 года. Всего чаще ее читали надъ младенцемъ; иногда для одной и той же женщины одновременно произносились «сороковая“ и „страшная“ молитвы; однажды священникъ причащалъ мальчика и въ то-же время прочелъ ему „страшную“; наконецъ, разъ онъ читалъ эту молитву взрослой дѣвушкѣ. Сопоставивъ всѣ мѣста дневника Матусевича, гдѣ упоминается объ этой молитвѣ, мы полагаемъ, что „страшная“, вѣроятно, читалась въ случаѣ болѣзни; платили за нее отъ 2 до 6 коп. Вознагражденіе это шло исключительно священнику.

За свадьбу, по закону, назначено было платить 10 коп. Платилось же на дѣлѣ отъ 10 до 50 коп., всего чаще 20 и 25 коп. Однажды, впрочемъ, женившійся мѣщанинъ заплатилъ 1 рубль. Свадьбы всего чаще происходили въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ въ это время, по окончаніи полевыхъ работъ, крестьяне бываютъ всего свободнѣе и зажиточнѣе; напротивъ, въ іюлѣ и августѣ—самое рабочее время—мы не встрѣтили ни одной свадьбы. Иногда весь причтъ участвовалъ въ крестьянскомъ свадебномъ пиру.

За погребеніе взрослыхъ слѣдовало платить 10 коп., а за мла-

---

[1]) Когда у самого Матусевича родился ребенокъ, онъ заплатилъ другому священнику за молитву 3 коп.

денцевъ 3 к. Въ Ярославской губерніи платили за дѣтей отъ 5 до 10 коп., за взрослыхъ отъ 10 до 30 коп. Вознагражденіе дѣлилось между всѣмъ причтомъ. Любопытно, что священникъ считалъ себя въ правѣ получить вознагражденіе даже и тогда, если, во время его отсутствія, погребеніе совершалъ священникъ какого-либо сосѣдняго прихода: покойники были, такъ сказать, „мертвыя души", съ которыхъ онъ получалъ оброкъ. Однажды Матусевичъ замѣчаетъ: „домой пріѣхали, а безъ насъ Иванъ Тарасовъ умре сельскій, погребалъ Норскій попъ... ему дано отъ нихъ 10 коп., а намъ еще ничего". Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи мертваго провожали изъ дома съ хлѣбомъ и солью, гробъ его покрывали кусками полотна; эти предметы, по окончаніи обряда, доставались причту (Знаменскій). Что касается Ярославской губерніи, то въ запискахъ Матусевича мы не нашли указаній на такое обыкновеніе; только однажды онъ упоминаетъ, что при погребеніи „сестра покойницы дарила всѣхъ по плату".

За исповѣдь и причащеніе сенатскій указъ 1765 года вовсе запрещалъ брать вознагражденіе; но это запрещеніе не повело ни къ чему. Не получая опредѣленнаго жалованья, священники, чтобы имѣть возможность существовать, не могли отказаться отъ вознагражденія за эту обязательную требу. За исповѣдь почти всегда платилось 2 или 3 коп.; въ рѣдкихъ случаяхъ плата доходила до 5 к., а когда одинъ крестьянинъ далъ 13 к., то Матусевичъ отмѣчаетъ это какъ исключительный случай. Въ приходѣ Матусевича крестьяне исповѣдывались всегда въ Великомъ посту; въ остальное время встрѣчаются только отдѣльные случаи исповѣди и причащенія больныхъ. За причащеніе отдѣльной платы не брали. Плата, получаемая за причащеніе и исповѣдь больнаго, шла нераздѣльно одному священнику, и это совершенно естественно, такъ какъ ему для этого сплошь и рядомъ приходилось ѣхать въ другую деревню. Что же касается денегъ, собираемыхъ въ Великомъ посту отъ исповѣдниковъ, то, сопоставивъ всѣ записи объ исповѣди въ дневникѣ Матусевича, мы приходимъ къ заключенію, что деньги за эту исповѣдь также шли священнику, а причетники, быть можетъ, получали, какъ и въ настоящее время, особую плату за записку исповѣдниковъ въ исповѣдальныя росписи или за „теплоту"—запиваніе послѣ причастія.

Размѣры вознагражденія за молебны и поминовеніе родителей не были вовсе опредѣлены закономъ и совершенно зависѣли отъ желанія прихожанъ. За простой молебенъ платили отъ 3 до 5 коп.; за молебенъ съ акаѳистомъ — отъ 10 до 25 коп. При закладкѣ новой

избы крестьяне всегда звали священника отслужить молебенъ, иногда съ водоосвященіемъ, за что платили отъ 5 до 20 коп.

Требы, связанныя съ воспоминаніемъ объ умершихъ, весьма разнообразны: сюда относятся, во-первыхъ, простое поминовеніе во время службы и затѣмъ панихида и заупокойная обѣдня. Служба въ третій день по смерти называлась третинами, въ 9-й—девятинами, въ 20-й — полусорочинами, въ 40-й—сорочинами. Заказывали иногда сорокоустъ. т. е. 40 обѣденъ по усопшему, наконецъ, просили занести въ синодикъ. Оберъ-прокуроръ синода Мелисино, отличавшійся, какъ извѣстно, весьма свободнымъ образомъ мыслей въ вопросахъ религіозныхъ, предлагалъ уничтожить поминовеніе. Въ числѣ предложеній. сдѣланныхъ имъ синоду во время составленія послѣднимъ наказа своему депутату въ коммисіи новаго уложенія, Мелисино писалъ: „очистилища, такъ какъ у римлянъ, по нашему закону нѣтъ, но чрезъ введеніе отъ греческихъ духовныхъ въ народное мнѣніе мытарствъ, бываемыя поминовенія попамъ подаютъ поводъ къ вымогательствамъ для своего интереса, а слабовѣрнымъ открывается чрезъ то путь къ заблужденію; то не надлежитъ ли онаго поминовенія оставить?“ [1]). Но синодъ не обратилъ вниманія на это предложеніе. На поминовеніе разныхъ лицъ и поминовеніе „родителей“ крестьяне давали отъ 1 до 50 коп., всего чаще отъ 2 до 10 коп. Вмѣстѣ съ деньгами подавали иногда калачи, блюдо киселя. Деньги за поминовеніе шли всему причту. Особенно обильны были денежныя приношенія въ родительскія субботы, которыхъ нѣсколько въ году; за одинъ разъ въ эти дни получалось на поминовеніе болѣе рубля да калачей всѣмъ на 50, на 60 коп. Бывали, впрочемъ, случаи, что въ родительскую субботу „на родителяхъ“ никого не было: но это случилось въ началѣ іюня, въ рабочую пору. За запись въ синодикъ давали 25, 50 коп. За большую панихиду платилось всѣмъ отъ 6 до 10 коп.. чаще всего 6 коп. За заупокойныя обѣдни и, между прочимъ, за третины, девятины, полусорочины и сорочины платилось, отъ 8 до 20 коп., но самою обычною платою было 10 коп. Деньги эти дѣлились между всѣмъ причтомъ [2]). Кромѣ денегъ, при заупокойныхъ обѣдняхъ приносили калачи. За сорокоустъ низшая плата, какую мы встрѣтили, была 1 рубль, но брали съ крестьянъ и по 3 рубля. За полсорокоуста даже съ пономаря своего причта взяли полтора рубля. У крестьянъ не было обычая давать деньги на поминовеніе о ихъ здравіи и спасеніи, какъ это дѣлали нѣкоторые помѣ-

[1]) Чтеніе въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1871 г., кн. 3-я, смѣсь, стр. 118.

[2]) Такъ какъ въ то время говорили не «заказать» обѣдню, а «нарядить» обѣдню, то заказная обѣдня называлась также короче: «нарядъ».

щики, но литургіи они заказывали нерѣдко и платили за нихъ отъ 8 до 20 коп., а чаще всего по 10 коп. За соборованіе масломъ больныхъ давали обыкновенно 20 к. всѣмъ [1]).

Мы упоминали уже, что плата за требы вносилась отчасти натурою; давали горохъ, рѣпу, рѣдьку, клюкву, кисель, калачи, ячный каравай. За соборованіе масломъ, сверхъ 20 коп., было однажды дано еще всѣмъ 2 арш. холста и немного ячменя. За поминовеніе родителей, сверхъ 3 к., былъ данъ однажды „ставчикъ волженицы на домъ". Разъ даже послѣ обѣдни одинъ крестьянинъ въ церкви преподнесъ поросенка. Въ нѣкоторыхъ московскихъ приходахъ причты получали хлѣбъ и пирогъ при отправленіи въ праздничные дни молебновъ на дому.

Не довольствуясь доходами съ церкви и вообще платою за исполненіе требъ, сельское духовенство пополняло свой бюджетъ обходами по селу и всѣмъ деревнямъ извѣстнаго прихода въ большіе праздники. Синодъ, въ пунктахъ, данныхъ своему депутату въ коммисіи для составленія новаго уложенія, предлагалъ „запретить священникамъ бродить по разнымъ приходамъ для славленья и со святою водою безъ позыву; а только позволить для славленья ходить въ день Рождества Христова въ своемъ приходѣ и другихъ приходахъ къ вкладчикамъ, дѣтямъ духовнымъ и къ прочимъ знакомымъ, а во Святую недѣлю со крестомъ и въ день Богоявленія Господня и въ храмовые праздники со святою водою въ однихъ только своихъ приходахъ" [2]). Причтъ села Иванькова, при обходахъ по домамъ, ограничивался своимъ приходомъ [3]) и лишь въ Рождество и Пасху ѣздилъ славить въ сосѣдній городъ Ярославль. Всего болѣе доходу приносили славленья въ Рождество и Пасху. Въ Рождество священнику обыкновенно удавалось выславить отъ 2 р. до 2 р. 50 к., а въ Пасху даже до 4 р., да столько же двумъ причетникамъ. Духовенство отъ себя платило крестьянамъ, помогавшимъ носить иконы; такъ, однажды за славленье было дано одному крестьянину 1 к., другому 2 к.; ребятишкамъ, очевидно также игравшимъ при этомъ какую нибудь роль, 1 к.; столь же скромныя затраты дѣлались на покупку свѣчей къ образамъ. Начинали славить съ перваго дня Пасхи или Рождества и продолжали

[1]) Для сравненія, приводимъ платы за требы въ Москвѣ во второй половинѣ XVIII в. За славленіе 5—25 к. Крестины 25 к.—1 р. За вѣнчаніе 1—2 р. Погребеніе 50 к.—2 р. Сорокоустъ 1—5 р. (Розановъ, Истор. Моск. епарх. упр.) Понятно, что въ столичныхъ городахъ плата должна была быть выше чѣмъ въ деревняхъ.

[2]) «Христ. Чт.» 1876 г., т. II, стр. 252.

[3]) Къ приходу села Иванькова, гдѣ былъ священникомъ Матусевичъ, принадлежало еще 14 деревень.

цѣлую недѣлю; но въ 1776 году былъ полученъ указъ, чтобъ въ первый день Пасхи „молебновъ не пѣть, по домамъ съ св. иконами не ходить", „а въ прочіе не запрещено", — радостно прибавляетъ въ своемъ дневникѣ отецъ Іоаннъ. Въ Пасху, кромѣ приношенія деньгами, духовенство получало много яицъ [1]), которыя священникъ иногда въ тотъ же день раздавалъ крестьянамъ взаймы. Даже въ случаѣ болѣзни попъ не прекращалъ славленья: это было бы слишкомъ невыгодно.

Кромѣ того, духовенство ходило по селу и деревнямъ еще нѣсколько разъ въ году съ крестомъ и святою водою, или какою нибудь чтимою иконою: именно, 6-го января въ Крещенье, 23-го іюня въ канунъ Иванова дня, 16-го августа по случаю престольнаго праздника въ мѣстномъ храмѣ и т. п. Доходы въ такіе праздники были меньше, чѣмъ въ Рождество и Пасху, а именно—всѣмъ доставалось каждый разъ отъ 80 к. до 1 р. 60 к., а священнику шла половина этого сбора. 23-го іюня, кромѣ денегъ, духовенству давали еще яйца; такъ, въ 1779 году въ этотъ день одному священнику досталось 180 яицъ. Обычай этотъ весьма любопытенъ; онъ навѣрное имѣетъ связь съ языческимъ почитаніемъ дня Купалы. Въ дни Николая Чудотворца, 6-го декабря и 9-го мая, причтъ ходилъ по домамъ и пѣлъ молебны; такъ, напримѣръ, 9-го мая 1775 года, въ церкви и на домахъ было отпѣто 35 молебновъ; за нихъ платили не болѣе чѣмъ по 3 коп.; 6-го декабря отъ молебновъ причту досталось однажды 1 р. 80 к. Кромѣ того, въ первые дни Великаго поста ѣздили по деревнямъ „съ постною молитвою". Деньги, собираемыя во время всѣхъ этихъ обходовъ, которые обыкновенно продолжались нѣсколько дней, дѣлились между причтомъ.

Изъ подробнаго разбора всѣхъ требъ мы видимъ, что плата за крестины, свадьбу, погребеніе, молебны, поминовеніе, панихиды, заупокойныя обѣдни и за сорокоустъ, а также деньги, собираемыя во время славленья и обходовъ въ праздники по деревнямъ, дѣлились между членами причта. Плата за молитвы: родильницѣ, сороковую и страшную шли одному священнику; что касается платы за исповѣдь, то она шла одному священнику, но, вѣроятно, причетники получали особое вознагражденіе за записку бывшихъ у исповѣди или за „теплоту".

Теперь является вопросъ: какимъ образомъ производился раздѣлъ тѣхъ денегъ, которыя должны были дѣлиться? Относительно этого не существовало общихъ постановленій, и въ различныхъ епар-

[1]) Однажды причтъ въ теченіе Пасхи собралъ 400 штукъ.

хіяхъ установлялись различные обычаи. Способъ раздѣла зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ числа членовъ причта. Въ приходѣ священника Матусевича причтъ состоялъ только изъ 3-хъ человѣкъ: его самого, дьячка и пономаря. Московскій архіепископъ Платонъ издалъ въ 1776 году подробное учрежденіе о раздѣлѣ церковныхъ доходовъ и предписалъ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ были только священникъ, дьячекъ и пономарь, священнику брать 6 частей дохода, а дьячку и пономарю по 2 части [1]). Но въ приходѣ, гдѣ служилъ о. Матусевичъ, былъ обычай, болѣе выгодный для низшихъ членовъ клира: именно священникъ получалъ $^1/_2$, а не $^6/_{10}$, какъ въ московской епархіи, а остальное дѣлили пополамъ дьячекъ и пономарь [2]).

Одинъ разъ въ годъ священникъ получалъ также особенный доходъ вслѣдствіе обычая приходить въ воскресенье на Масляной, наканунѣ Великаго поста, „прощаться", т. е. просить прощенія во грѣхахъ. При этомъ обыкновенно крестьяне дарили священника деньгами, всего отъ 70 к. до 1 р. 40 к., и кромѣ того подносили ему нѣсколько саекъ, пряниковъ, калачей; одинъ разъ подарили даже нѣмецкіе чулки, новины на рубахи и фунтовъ 30 соли, а въ другой разъ поднесли полъ-осьмухи вина. Само собою разумѣется, что всѣ эти деньги и припасы шли одному священнику; ходили ли прихожане прощаться съ другими членами причта, мы не знаемъ. Иногда священникъ не сразу давалъ прощенье: приказывалъ кланяться себѣ въ ноги, заставлялъ за провинившагося просить другихъ и только тогда отпускалъ его „погрѣшность".

Какъ же великъ былъ весь годовой доходъ священника? Прежде всего тутъ важно знать величину прихода. Въ одномъ мѣстѣ Матусевичъ отмѣчаетъ: „нововыбранный закащикъ, попъ Степанъ Пажицкій, былъ и взялъ подможныхъ денегъ 37 к. по 10 к. со ста, а у насъ 368 душъ". Такимъ образомъ, въ приходѣ было 368 душъ мужескаго пола. Такой приходъ въ XVIII в. былъ не великъ. По штатамъ 1722 года, одинъ причтъ (изъ священника и 2-хъ причетниковъ) полагался на 100—200 дворовъ, а такъ какъ въ прошломъ столѣтіи во дворѣ обыкновенно считали по 4 души, то тогда въ приходѣ было отъ 400 до 800 душъ. Въ 1778 году синодъ постановилъ, чтобы одинъ священникъ былъ на 150 и 200 дворовъ [3]). Но на дѣлѣ приходы за-

---

[1]) Розановъ Ист. Моск. епарх. управл., ч. III, кн. I, стр. 127—128.

[2]) Въ вологодской епархіи съ 1793 года былъ установленъ такой же порядокъ для тѣхъ приходовъ, гдѣ были только священникъ и 2 причетника. «Вологод. Епарх. Вѣдом.» 1867 г., № 21.

[3]) Бѣликовъ. Отношеніе госуд. власти къ церкви при Екатеринѣ II-й. «Чтен. Общ. любит. дух. просв.» 1875 г., т. III, стр. 248, 255—256.

ключали въ себѣ нерѣдко не болѣе 400 душъ. Въ Малороссіи, въ тѣхъ приходахъ, гдѣ было болѣе 100 дворовъ, было обыкновенно уже 2 священника [1]). Въ Архангельской епархіи, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, также каждый приходъ среднимъ числомъ имѣлъ по 400 душъ [2]). И такъ, приходъ въ 368 душъ былъ не изъ большихъ; но за то онъ лежалъ вблизи города Ярославля, среди населенія, уже въ то время въ значительномъ числѣ уходившаго на отхожіе промыслы и, слѣдовательно, болѣе зажиточнаго. И такъ, какой же денежный доходъ получалъ священникъ такого прихода? Для опредѣленія этого мы воспользовались итогами, подведенными священникомъ Матусевичемъ за многіе мѣсяцы, а за остальные подвели сами, и оказалось, что 40 рублей можно принять за maximum годоваго денежнаго дохода священника съ требъ. Слѣдовательно, причетники должны были получать отъ 15 до 20 рублей каждый. Если мы примемъ, что оба они получали 35 р., то доходъ всего причта за требы равнялся 75 рублямъ, что̀ съ 368 душъ составитъ денежный налогъ болѣе, чѣмъ по 20 к. съ души.

Кромѣ того бывали денежныя приношенія въ нѣкоторыхъ экстраординарныхъ случахъ, которыхъ мы поэтому и не вводимъ въ расчетъ. Такъ, когда 12-го октября 1774 года была освящена каменная церковь [3]), то прихожане приходили къ священнику „съ гостинцами“ и надавали ему деньгами 4 р. 25 к.

Важною статьею въ бюджетѣ священника была „новь“, т. е. новый хлѣбъ, который онъ собиралъ съ крестьянъ осенью, съ конца сентября по конецъ ноября. Въ 1779 году, относительно котораго мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о сборѣ нови, съ села Иванькова и 4-хъ деревень онъ получилъ 6 четвертей разнаго хлѣба, а въ его приходѣ было еще 10 деревень. Въ настоящее время въ пяти селеніяхъ, названныхъ при сборѣ нови въ 1779 году, было 162 души мужскаго пола, а въ остальныхъ 10-ти деревняхъ болѣе 370 душъ; слѣдовательно, если въ первыхъ было собрано 6 четвертей, то съ остальныхъ священникъ могъ получить еще 12, а всего 18 четвертей, но такъ какъ изъ нѣкоторыхъ отмѣтокъ въ дневникѣ видно, что сборъ нови въ 1779 году былъ болѣе обильный, чѣмъ въ другіе годы, то мы примемъ, что, въ среднемъ, священникъ получалъ нови 12 четвертей въ годъ. Предположимъ, что тутъ было поровну — ржи, ячменя и овса (о пшеницѣ не упоминается при собираніи нови) и вы-

[1]) Крыжановскій, Очерки быта малоросс. духовенства въ XVIII в. «Руков. для сельск. пастырей» 1861 г. № 39, стр. 135.

[2]) Арх. Мин. Юст., дѣла сената №№ 787/4358, лист. 487.

[3]) Съ этого дня и начинается дневникъ.

разимъ цѣнность этого хлѣба въ деньгахъ, воспользовавшись подробною таблицею цѣнъ хлѣба въ Ярославской губерніи за вторую половину прошлаго столѣтія, помѣщенною въ одномъ неизданномъ описаніи этой губерніи. Средняя цѣна четверти ржи въ 1775—1779 годахъ была 2 р. 20 к., овса—1 р. 40 к., ячменя 1 р. 70 к., слѣдовательно цѣнность 12-ти четвертей всего хлѣба—21 руб. 20 коп. Такимъ образомъ сборъ нови увеличивалъ доходъ священника на 20 р. ежегодно [1]).

Кромѣ обычнаго сбора нови, который дѣлалъ священникъ, сами прихожане отъ времени до времени приносили ему какихъ нибудь припасовъ. Матусевичъ довольно аккуратно отмѣчаетъ всѣ эти приношенія: „подали кувшинъ молока", „подано соли мѣшокъ фунтовъ 10 или болѣе", „пріѣхалъ Василій Кувалда и привезъ мнѣ 2 четверика муки оржаной, да солоду фунтовъ съ 10", „выборный подалъ 2 головки, грудину, да бочекъ бараньи", „бурачекъ волженокъ подали", „Ефимъ Сѣряковъ кулечикъ рыбы принесъ не очень крупной, фунта съ 3" (въ благодарность за то, что попъ не взялъ съ него денегъ за исповѣдь), „дали мнѣ каравай яшный", „подали киселя блюдо, да не очень удашенъ (удаченъ)", подали буракъ (въ другой разъ ведро) сулою, „отъ Васютки Егорьева имянинника пирогъ прислали". Всѣ эти припасы приносили священнику къ окошку; разъ онъ отмѣтилъ: „подъ окошкомъ мало кто былъ, да забылъ записать"; о приношеніи саекъ, калачей и пряниковъ въ воскресенье наканунѣ Великаго поста и надѣленіи духовенства яйцами въ Пасху и наканунѣ Иванова дня (23-го іюня) мы уже упоминали. Приносили не только съѣстные припасы: разъ записано, что принесли „соломы вязаницу". Понятно, что всѣ эти приношенія должны были уменьшать расходы священника.

Нерѣдко крестьяне радушно угощали своего попа. Все это также аккуратно отмѣчено въ дневникѣ. „Андрей Ильинъ пришелъ ко мнѣ и послалъ съ дядей Ѳедоромъ на вино 10 к.: онъ имянинникъ. Я одну выпилъ, ему свое поднесъ; они съ дядей по двѣ выпили и тако пошли домой". „Послѣ вечерни ходилъ было пивца испить на 2 копѣйки, да, спаси Богъ, Никита Нестерычъ купилъ". Нерѣдко священникъ заходитъ обѣдать или ужинать къ крестьянину. „У выборнаго обѣдали и вина по стаканчику поднесъ". — „У Егорья Иванова былъ въ гостяхъ, вино пилъ, клюкву съ медомъ ѣлъ".—„Въ вечеру у Родивона ужиналъ, куплено вина про меня на 15 к."—„Послѣ обѣдни у имянинницы обѣдали, у тетки Ульяны, вина съ 3 рюмки выпилъ, жена

---

[1]) Кромѣ „нови", священникъ собиралъ также „мякину"; объ этомъ упоминается только одинъ разъ и то вскользь, въ ноябрѣ 1779 года. Не означаетъ ли это сборъ хлѣба послѣ совершеннаго окончанія молотьбы?

моя одну; въ гостинцы снесла ей 5 к.". Обращаясь съ какою нибудь просьбою къ священнику, крестьяне обыкновенно угощали его виномъ. Мы упоминали уже, что за нѣкоторыя требы священникъ получалъ плату отчасти натурою. Точно такъ же его нерѣдко угощали послѣ исполненія требы. Такъ однажды, послѣ того какъ онъ произнесъ въ банѣ молитву ребенку, поставили четверть ведра пива. Въ другой разъ, когда священникъ давалъ молитву въ банѣ, „вина и пива было довольно", пива и на домъ кувшинъ дали. Приглашали духовенство также на поминки, иногда и съ семьями. Нужно думать, что священника звали также на смотрины и подносили ему тамъ подарки. На эту мысль наводятъ слѣдующія слова: „Ѳедоръ Ласкинъ приходилъ и просилъ, чтобы обвѣнчалъ племянника его въ самый праздникъ и подарилъ 20 к. за смотровые дары, понеже я не былъ, да полъ-осьмухи вина про всѣхъ принесъ".

Нѣкоторый доходъ натурою священникъ могъ получать еще вслѣдствіе слѣдующаго обычая. Русскій крестьянинъ считалъ необходимымъ освятить молитвою вновь добытые припасы, прежде чѣмъ употреблять ихъ въ пищу; вновь сдѣланныя вещи, прежде чѣмъ пользоваться ими; наконецъ, вновь отстроенный домъ, прежде чѣмъ жить въ немъ. Вознагражденіе за такую молитву священникъ получалъ или натурою, или деньгами, а иногда и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ денежное вознагражденіе было всегда весьма не велико. Изъ припасовъ, которымъ давалась молитва, въ дневникѣ Матусевича упоминаются: рыба, клюква, мясо и молоко. Если платятъ за это священнику деньгами, то даютъ обыкновенно 1 и 2 копѣйки; напримѣръ, „послѣ вечерни приходила Матвѣевна Гончина съ молокомъ, молитву давалъ, дано 2 к.", — отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ о. Матусевичъ, — а иначе отдѣляютъ часть припасовъ: „У Ивана Рѣпина", — записываетъ онъ въ другой день, — „клюквѣ молитву давалъ; за то чашку клюквы наклали, да каравай яшной дали". Или: „мясу молитву давалъ; дано за то 2 к., да полгрудины мяса". Освящали молитвой и новыя вещи, напримѣръ: „отъ Василья Борисова приносила Катерина сито новое, молитву давать, и посулилась на св. Пасху избу мыть; за молитву—1 к." Мы уже знаемъ, что при закладкѣ новаго дома звали священника отслужить молебенъ; точно также онъ давалъ молитву и новому колодезю.

Крестьяне не ограничивали свою помощь священнику платою за требы и единовременными приношеніями деньгами или натурою; они иногда помогали ему, кромѣ того, своимъ личнымъ трудомъ: такъ, мы видимъ, что одна женщина обѣщаетъ вымыть полъ, другая помогаетъ мыть бѣлье; нѣсколько крестьянъ возятъ попу бревна. Наконецъ, для

нѣкоторыхъ земледѣльческихъ работъ священникъ сзываетъ крестьянъ на „помочь“, и они довольствуются при этомъ весьма скромнымъ угощеніемъ. Такъ, однажды лѣтомъ, въ воскресенье, были приглашены крестьяне на сѣнокосъ; собралось 11 человѣкъ, и на угощенье всѣхъ ихъ было куплено только на четвертакъ вина да задокъ баранины въ 17 к. Такимъ образомъ, 42-мя копѣйками было заплачено за дневной трудъ 11-ти человѣкъ въ самое рабочее время.

Нужно замѣтить, что вообще въ приходѣ Матусевича существовали, повидимому, довольно хорошія отношенія между прихожанами и священникомъ [1]); такое согласіе существовало не вездѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1767 г. въ Москвѣ одинъ фельдшеръ жаловался консисторіи, что его приходскій причтъ, во время пасхальнаго хожденія по приходу, не довольствуясь 14-ю коп., данными попу на всѣхъ, требовалъ еще 10 к., печенаго хлѣба и пирога, а когда онъ не далъ, то бранили его скверными словами, потомъ били смертно, а попъ едва не откусилъ ему палецъ [2]). Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія одинъ священникъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ сильно притѣснялъ крестьянъ: съ одной крестьянки за погребеніе ея брата требовалъ рѣзной складень цѣною въ 2 р. 50 к., а съ другой за погребеніе мужа 50 к., и, не получивъ требуемой платы, цѣлую недѣлю не хоронилъ мертвыхъ, такъ что въ церковной трапезѣ, гдѣ лежали трупы, на лавкахъ и по полу текла пересадная кровь; на тѣлахъ показались черви и по всей церкви было страшное зловоніе. Свидѣтели (103 человѣка, въ томъ числѣ приходскій дьячекъ) приложили къ своимъ показаніямъ длинный реестръ незаконныхъ поборовъ священника при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи. Синодъ лишилъ его священства [3]).

Чтобы покончить со всѣми поборами съ крестьянъ, связанными съ ихъ обязанностями по отношенію къ религіи, нужно упомянуть, что имъ приходилось исполнять нѣкоторыя работы и давать денежные поборы на самую церковь. Такъ, однажды, ихъ сзываютъ возить церковный кирпичъ; въ другой разъ священникъ со старостою (вѣроятно, церковнымъ) ходитъ по селу „сбирать въ церковь по окладу по 10 к. съ души, и тѣхъ денегъ по селу набрали 18 р. 26 к. да

---

[1]) Матусевичъ, до нѣкоторой степени, входилъ въ положеніе своихъ прихожанъ и иногда не бралъ съ нихъ платы за требу. Такъ, однажды, онъ отмѣчаетъ: «За свадьбу не бралъ: не богати, такъ Богъ проститъ»; въ другой разъ онъ не взялъ за исповѣдь съ 4-хъ человѣкъ.

[2]) Розановъ. Ист. Моск. епарх. управ.; ч. II, кн. 2, прим. 345.

[3]) П. С. З., т. XIX, № 13910.

въ починку ризъ я собралъ", пишетъ Матусевичъ, 1 руб. 54 к. [1]). Наконецъ, были сборы при составленіи священникомъ какихъ-то росписей: „ходили переписывать по деревнямъ, выходили 60 к.". Подведемъ теперь итогъ всему, что уплачивалъ крестьянинъ на содержаніе церкви и причта. Со всего прихода: 75 р. деньгами причту за исполненіе разныхъ требъ, 20 р. хлѣбомъ при сборѣ „нови", одному священнику да, вѣроятно, столько же причту; наконецъ, положимъ, что разныхъ мелкихъ приношеній натурою и помощи трудомъ на 15 р. Итого на причтъ 130 р., т. е. при 368 душахъ въ приходѣ—по 35 к. съ души, да еще на содержаніе церкви по 10 к. Итого по 45 к. съ души, а съ семьи въ 4 души м. п. 1 р. 80 к., т. е. цѣна почти цѣлой четверти ржи. Вотъ во что обходилось каждый годъ крестьянской семьѣ спасеніе души!

Мы перечислили всѣ поборы съ крестьянъ на поддержаніе культа, существовавшіе въ разсматриваемой нами мѣстности, но еще не исчерпали средствъ содержанія сельскаго священника. Кромѣ платы за требы, сельское духовенство имѣло 2 источника дохода: опредѣленное содержаніе (такъ называемая руга), получаемое деньгами или хлѣбомъ отъ прихода или мѣстныхъ помѣщиковъ [2]), и земля. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходская община особымъ договоромъ со священникомъ точно опредѣляла размѣры ежегодной руги. Такъ было въ югозападной Россіи и Сибири [3]). Но въ великорусскихъ епархіяхъ, если и были опредѣленныя руги, то довольно незначительныя; такъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ въ Рыбной слободѣ (въ послѣдствіи гор. Рыбинскъ) существовала денежная руга съ прихожанъ по алтыну съ вѣнца. Въ приходѣ священника Матусевича прежде не было никакой руги отъ прихожанъ; съ 1777 г. священникъ сталъ получать по 15 р. въ годъ, но эта сумма отпускалась, какъ увидимъ ниже, по всей вѣроятности, за землю, недоданную до количества, опредѣленнаго закономъ при производившемся въ это время межеваніи.

---

[1]) Иногда сельскій сходъ отводилъ участокъ земли, нужный не для причта, а для поддержанія самой церкви: крѣпостные крестьяне помѣщика князя Бѣлосельскаго (Суздальскаго уѣзда) уступили въ 1742 г., на 2 года, 1 десятину земли для добыванія глины на постройку церкви. См. «Влад. Губерн. Вѣд.» 1867 г. № 7.

[2]) Ружныхъ церквей, получающихъ ругу изъ казны, было въ это время уже весьма мало. По свѣдѣніямъ, собраннымъ синодомъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ 21-й епархіи было всего 164 ружныхъ церкви. П. С. З., т. XXII, № 16448.

[3]) Въ одной изъ частныхъ коммисій для составленія проекта новаго уложенія разсуждали о томъ, что духовенство должно получать опредѣленное жалованье отъ прихожанъ. См. Пекарскій. Дополн. къ истор. масонства въ Россіи, стр. 17, 19.

Что касается обезпеченія причта землею, то земли у сельскаго духовенства могли быть двоякаго рода: или отведенныя правительствомъ, или данныя прихожанами. Въ XVII в. правительство предписывало отводить къ церквамъ дачи изъ помѣстныхъ и порожнихъ земель по 10, 15 и 20 четвертей въ полѣ (т. е. всего отъ 15 до 30 десятинъ). Что касается земель, отводимыхъ прихожанами, то причтъ не былъ совершенно обезпеченъ въ безпрепятственномъ пользованіи ими, такъ какъ иногда помѣщики вновь отбирали земли, данныя церкви: на это жалуется Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ извѣстномъ донесеніи синоду отъ 6-го марта 1763 г. Въ инструкціи землемѣрамъ 1766 г. было предписано въ помѣщичьихъ приходахъ отводить земли къ церквамъ по указанію самихъ владѣльцевъ не болѣе 30 дес. пашни и 3 дес. покосу [1]).

Однако во многихъ мѣстахъ приведеніе въ дѣйствіе этихъ постановленій встрѣтило противодѣйствіе со стороны помѣщиковъ, и ихъ не разъ приходилось подтверждать [2]). Ко времени вступленія на престолъ Павла, отводъ земли къ церквамъ былъ произведенъ только въ 20-ти губерніяхъ и между прочимъ въ Тульской и Ярославской. Изъ одного неизданнаго описанія Тульской губерніи, составленнаго въ 1805 году, мы знаемъ, что штатнаго бѣлаго духовенства въ ней было 3,315 душъ м. п., а земли церковной 21,612 десятинъ, т. е. по 7 десятинъ на душу; такъ какъ въ большинствѣ приходовъ причтъ, вѣроятно, состоялъ изъ 3-хъ лицъ и притомъ семейства духовныхъ лицъ бываютъ вообще весьма многочисленны, то можно думать, что здѣсь количество церковной земли непремѣнно равнялось, если еще не превосходило, установленный закономъ наибольшій надѣлъ по 30 дес. для каждой церкви. И дѣйствительно, напримѣръ, въ Одоевскомъ уѣздѣ было 3,313 десятинъ церковной земли и 76 церквей и, слѣдовательно, на каждую церковь приходится по 43 десятины. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 3,154 дес. земли и 44 церкви, слѣдовательно, на каждую церковь по 71 дес. Въ томъ приходѣ Ярославской губерніи, гдѣ жилъ священникъ Матусевичъ, земли для причта было прежде, по всей вѣроятности, менѣе, чѣмъ было назначено межевою инструкціею [3]). Во время

---

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12570, п. 69. Въ межевой инструкціи были даны болѣе подробныя опредѣленія. Къ построеннымъ въ владѣльческихъ селеніяхъ церквамъ должно было отводить отъ 15 до 30 десятинъ пашни и нѣсколько покосу, смотря по величинѣ прихода. См. Межев. инстр. № 12659, гл. X, п. 3-й и 4-й. Священно и церковно-служители имѣли также право въѣзда въ лѣса, принадлежащіе селеніямъ ихъ прихода. См. Ibid., п. 8.

[2]) Срав. П. С. З., т. XVIII № 12925; т. XX, №№ 14377, 14750.

[3]) Что причтъ села Иванькова нуждался въ землѣ, и именно покосахъ,

составленія дневника, въ этомъ краѣ производилось межеваніе и результатомъ его должно было быть увеличеніе земли, отведенной къ церкви, но крестьяне, повидимому, предпочли замѣнить отрѣзку земли отъ ихъ полей уплатой ежегодно опредѣленной денежной суммы. Мы заключаемъ это изъ слѣдующихъ мѣстъ дневника: Въ янв. 1777 г.: „о землѣ договорился съ крестьянами: по 10 р. въ годъ, а деньги получать на Петровъ день всѣ сполна". Въ іюлѣ того же года: „у выборнаго взялъ 6 р. за положенную землю", а въ августѣ: „взято у выборнаго 4 р. за землю". Эта ежегодная плата была такимъ образомъ лишь замѣною извѣстнаго участка земли, который долженъ былъ отойти въ пользованіе священника. Въ маѣ 1777 г. пріѣхала владѣтельница села Иванькова, въ которомъ былъ священникомъ Матусевичъ, госпожа Нарышкина, и приказала къ 10 руб., договореннымъ прежде, прибавить еще 5 рублей.

Мы ознакомились теперь со всѣми источниками доходовъ сельскаго духовенства; посмотримъ, какіе поборы приходилось ему самому уплачивать своему начальству.

II.

Мѣстныя духовныя власти и отношеніе къ нимъ священника.—Закащикъ, благочинный, десятоначальникъ.—Духовное правленіе.—Поборы съ сельскаго духовенства.—Подводная повинность духовенства.

До царствованія императрицы Екатерины II надъ приходскимъ духовенствомъ тяготѣло множество окладныхъ сборовъ: архіерейская или церковная дань, сборы на духовныя правленія и консисторіи, „заѣздъ" въ пользу поповскихъ старостъ, закащиковъ и благочинныхъ; подможныя деньги полковому духовенству, сборъ на содержаніе духовныхъ школъ. Въ 1764 и 1765 гг. духовенство было избавлено отъ сбора „данныхъ" денегъ, отъ сбора на семинаріи и взноса подможныхъ гривенъ на полковое духовенство. Вмѣстѣ съ тѣмъ были опредѣлены размѣры поборовъ при поставленіи въ священническій чинъ и церковный причтъ [1]). Но о поборахъ въ пользу непосредственнаго духовнаго начальства (закащика, благочиннаго, духовнаго правленія), въ распоряженіяхъ правительства ничего не было упомянуто, а между тѣмъ съ этими властями и учрежденіями всего чаще приходилось имѣть дѣло сельскому священнику.

видно изъ того, что онъ бралъ на аренду у одного сосѣдняго помѣщика пустошь съ платою по 5 р. въ годъ.

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12,060, Маниф. 2-го февраля 1764 г., п. 5-й, и т. XVII, №№ 12,596, 12,379.

Низшую степень окружнаго управленія въ епархіяхъ въ началѣ второй половины XVIII в. составляли поповскіе старосты и ихъ помощники, назначавшіеся на свою должность исключительно изъ бѣлаго духовенства, по выборамъ самихъ священно и церковно-служителей. Въ Московской епархіи, въ 1750-хъ годахъ, все духовенство округа сзывалось на съѣздъ, чтобы, для сбора окладной и неокладной денежной казны, на мѣста поповскихъ старостъ истекшаго года выбрать новыхъ на будущій годъ, и въ помощь имъ закащиковъ, и на тѣхъ нововыбранныхъ закащиковъ и старостъ учинить выборъ за руками священно-служителей всѣхъ церквей „съ такимъ обязательствомъ, что они, выборщики, тѣмъ старостамъ поповскимъ и закащикамъ въ сборѣ денежной казны вѣрятъ и оную денежную казну будутъ платить въ указные сроки и безъ всякія доимки“. Такимъ образомъ, должности старостъ имѣли преимущественно финансовый характеръ, а потому понятно, что, съ отмѣною, въ 1764 г., всѣхъ архіерейскихъ сборовъ, былъ уничтоженъ и институтъ поповскихъ старостъ [1]).

Прежніе помощники поповскихъ старостъ, такъ называемые закащики, мѣстами сохранились и послѣ 1764 г. По крайней мѣрѣ мы находимъ ихъ въ 70-хъ годахъ въ Ярославской губерніи. Познакомимся съ отношеніями сельскаго духовенства къ закащику въ этой послѣдней губерніи.

Въ 1774 г. должность закащика была въ этой мѣстности еще вполнѣ выборною, и духовенство съѣзжалось для избранія закащика; но въ 1778 г. мы находимъ въ дневникѣ Матусевича слѣдующую отмѣтку: „въ Тиханово поѣхали и были тамо до четверга; а безъ насъ былъ благочинный и выбралъ закащика Норской слободы, Троицкой церкви, священника Василія по прежнему договору“. Тутъ вліяніе благочиннаго уже сильнѣе: хотя и послѣ какихъ-то предварительныхъ переговоровъ съ духовенствомъ, но всетаки онъ самъ назначаетъ закащика.

Главная обязанность закащика въ это время состояла въ томъ, что онъ развозилъ по приходамъ указы и при этомъ или оставлялъ копіи съ нихъ, или отбиралъ подписки въ слышаніи этихъ указовъ. Въ дневникѣ Матусевича аккуратно отмѣченъ каждый пріѣздъ закащика и содержаніе привезенныхъ имъ указовъ. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: объ обученіи съ малолѣтства своихъ дѣтей, о томъ, чтобы строили или чинили церкви не иначе, какъ съ позволенія архіерея, о невѣнчаніи малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками подъ

---

[1]) Розановъ. Ист. Моск. епарх. упр., ч. II, кн. 1, прим. 234. Знаменскій. Прих. духов., стр. 520, 525.

страхомъ лишенія чиновъ [1]), о томъ, что если пропадетъ что либо изъ церкви, то отвѣчаютъ священно- и церковно-служители, объ обращеніи раскольниковъ, о томъ, чтобы носить дароносицу на груди сверхъ одежды, о некрещеніи младенцевъ въ домахъ, кромѣ крайней нужды, о невѣнчаніи солдатъ и солдатокъ безъ достовѣрнаго свидѣтельства, о невѣнчаніи браковъ малолѣтнихъ ниже 15-ти лѣтъ [2]), о томъ, чтобы священникъ и діаконъ, находящіеся при одной церкви, не были между собою въ родствѣ, о подачѣ духовныхъ книгъ въ іюнѣ, а метрическихъ въ январѣ, о томъ, чтобы на незанятыя мѣста не выбирались кандидаты, а отыскивались праздные священники и т. п. [3]).

Въ пользу закащика, не получавшаго жалованья за исполненіе своихъ обязанностей, шли съ духовенства поборы, такъ называемыя „подможныя деньги", во первыхъ, единовременно при выборѣ новаго закащика по 10 к. со ста душъ прихожанъ и затѣмъ ежегодно, по всей вѣроятности, также пропорціонально числу душъ. Съ прихода, въ которомъ находился Матусевичъ, бралось годовыхъ подможныхъ денегъ сначала 30 к., а потомъ 40 к. Половина этихъ годовыхъ взносовъ уплачивалась священникомъ, а остальное обоими причетниками; кромѣ того, при объѣздахъ закащика по своему заказу, ему взносилась плата за подписку въ слышаніи указовъ или за копіи съ нихъ; эти платежи ограничивались обыкновенно нѣсколькими копѣйками. Такъ, въ теченіе всего 1775 г., у Матусевича отмѣчено такихъ платежей на 46 к. да изъ церковныхъ денегъ 12 к. Въ 1779 г.—74 к. За 1780 г. свѣдѣнія не полны, но вотъ сколько заплачено было сразу въ январѣ мѣсяцѣ: за копіи 72 к., за подписки—8 к., за „суевѣрный репортъ" (т. е. рапортъ о суевѣріяхъ)—20 к., за рапортъ о старопечатныхъ книгахъ—25 к., итого 1 р. 25 к. (впрочемъ тутъ, повидимому, былъ и старый долгъ за 1779 г.). Иногда при проѣздахъ закащика ему давалось въ подарокъ по нѣскольку копѣекъ по какому нибудь экстраординарному случаю. Такъ, за извѣстіе, въ какомъ уѣздѣ находится приходъ по новому распредѣленію, было дано 20 к. Кромѣ платы деньгами закащику, его частенько приходилось угощать виномъ.

Нужно замѣтить, что слово закащикъ имѣло еще и другое значеніе. Въ 1737 г. синодъ предписалъ по всей Россіи „учредить закащиковъ, и

---

[1]) П. С. З., т. XIX, № 14,229.

[2]) Срав. П. С. З., т. XXI, № 15,295.

[3]) Закащику подавались также вѣдомости о церковномъ приходѣ и расходѣ. У закащика же пріобрѣтались книги, необходимыя для церковной службы или самого священника: за печатный обиходъ нотнаго пѣнія ему было заплачено 1 р. 25 к., за книгу разный поученій 3 р. 80 к., за катихизисъ 25 к.

имъ, закащикамъ, къ 10-ти церквамъ изъ священническаго чина десятоначальниковъ... какъ бы духовныхъ фискаловъ". Закащики, о которыхъ говорится въ этомъ распоряженіи синода, совершенно отличаются отъ прежнихъ должностныхъ лицъ съ тѣмъ же названіемъ; эта новая должность была почти всегда не выборная, а замѣщаемая духовною администраціею. За новою должностію постепенно упрочилось и другое названіе — такіе закащики стали называться благочинными.

Московскій архіерей Платонъ Малиновскій, вслѣдствіе указа синода, даннаго въ 1737 г., учредилъ въ 1751 г. по два благочинныхъ въ каждомъ „сорокѣ"; ихъ назначала консисторія съ утвержденія преосвященнаго. При этомъ для нихъ была составлена подробная инструкція, которая можетъ дать намъ понятіе объ обязанностяхъ благочинныхъ. Благочинный долженъ былъ прежде всего смотрѣть за внѣшнимъ порядкомъ и благообразіемъ въ церквахъ, затѣмъ наблюдать, чтобы въ опредѣленные дни отправлялось богослуженіе, чтобы священники обучали молитвамъ своихъ прихожанъ, чтобы исправно велись исповѣдныя вѣдомости, чтобы вдовые священно и церковнослужители не держали при себѣ „зазорныхъ лицъ", чтобы духовенство „въ народныя зрѣлища, какъ-то: въ оперный домъ, на конское ристаніе, на праздничныя гульбища, на качели, на мѣдвѣжьи травли, псовую охоту и прочія кощунства" отнюдь не ходило, въ карты и шахматы не играло, денегъ въ лихву не отдавало. Благочиннымъ ставилось въ обязанность „ни кому ни подъ какимъ видомъ обидъ и налоговъ не чинить и взятокъ ни за что не касаться", а разрѣшалось только на бумагу и чернила брать по 3 к. съ прихода [1]). Въ Петербургской епархіи при преосвященномъ Гавріилѣ были учреждены благочинные, которыхъ назначала консисторія; при этомъ (въ 1771 г.) Гавріилъ такъ характеризуетъ ихъ обязанности: ихъ „должность есть разбирать словесныя между священно и церковно-служителями и отъ постороннихъ на нихъ просьбы, смотрѣть, не происходитъ ли отъ кого упущенія своихъ должностей въ разсужденіи церкви, приходу и клиру... За малыя преступленія дьячковъ и пономарей дозволяется имъ штрафовать кромѣ тѣлеснаго наказанія". Въ Московской епархіи новая подробная инструкція благочиннымъ была составлена при Платонѣ Левшинѣ; здѣсь обыкновенно консисторія представляла архіерею 3-хъ или 4-хъ кандидатовъ на должность благочиннаго, изъ которыхъ тотъ и дѣлалъ выборъ. Платонъ требовалъ въ

[1]) Розановъ. Ист. Моск. епарх. упр., ч. II, кн. 1, стр. 91—93. Сравн. Инструкцію закащику въ Сибири, «Томск. Губ. Вѣд.» 1873 г., №№ 15 и 16.

своей инструкціи, чтобы благочинные обращались съ духовенствомъ съ уваженіемъ, не унижали ихъ, но въ то же время запрещали священнику надѣвать шляпу при благочинномъ, садиться при немъ безъ его позволенія. Благочинный имѣлъ право дѣлать священнику выговоры, поставить его въ алтарѣ на поклоны или даже на колѣна. Вотъ какую резолюцію положилъ м. Платонъ въ 1782 г. по жалобѣ одного благочиннаго на священника: „велѣть попу у благочиннаго испросить прощенія въ духовномъ правленіи, при собраніи всѣхъ мѣстныхъ священниковъ, и, доколѣ не испроситъ, стоя на колѣнахъ, дотолѣ не велѣть ему служить“ [1]).

И такъ, въ Московской и Петербургской епархіяхъ, благочинные (или закащики) назначались епархіальною властію; но въ югозападной Россіи благочинные были выборные. Въ Пермской епархіи, въ первой половинѣ XVIII ст. закащики также очень часто опредѣлялись по выбору священно и церковно-служителей [2])...

Въ Ярославской губерніи сельскому священнику приходилось гораздо рѣже имѣть сношенія съ благочиннымъ, чѣмъ съ закащикомъ; (напомнимъ читателямъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ закащикомъ въ старомъ смыслѣ этого слова). Благочинный наѣзжаетъ изрѣдка осматривать церковь и ему даютъ въ подарокъ 20 и 25 к. то изъ церковныхъ денегъ, то изъ своихъ. Съ теченіемъ времени благочинные, повидимому, получаютъ преобладающее вліяніе при выборѣ новыхъ закащиковъ. Мы упоминали уже объ одномъ случаѣ, когда не духовенство выбираетъ закащика, а благочинный назначаетъ его, соображаясь лишь съ прежнимъ договоромъ. По всей вѣроятности, само духовенство, тяготясь съѣздами для выборовъ въ должность, потерявшую свое прежнее значеніе, предоставляло благочинному, по истеченіи годоваго срока, вновь назначать прежде выбранное лицо. Такимъ образомъ, постепенно утратился выборный характеръ закащиковъ, а затѣмъ была упразднена и самая должность, оказавшаяся излишнею съ тѣхъ поръ, какъ упрочился и окрѣпъ новый институтъ благочинныхъ, которые находились уже въ полной зависимости отъ духовной іерархіи.

Помощниками благочинныхъ, какъ видно изъ синодскаго указа 1737 г., были десятоначальники, назначавшіеся благочиннымъ. Въ Ярославской губерніи десятоначальникъ получалъ отъ приходскаго

---

[1]) Знаменскій. Чтеніе изъ исторіи Русской церкви за время царствованія Екатерины II. Правосл. Собес. 1875 г., ноябрь—декабрь, стр. 390—393, 395—397.

[2]) Пермскія епарх. вѣд. 1870 г. Матеріалы для истор. епарх., № 31. Инстр. закащ. (1739 и 1743 гг.), № 33.

духовенства опредѣленное денежное вспомоществованіе, а именно съ прихода, гдѣ служилъ Матусевичъ—40 к. въ годъ: половину со священника, а другую половину съ причетниковъ. Объѣзжая по приходамъ, онъ между прочимъ высылалъ духовенство для выбора закащика; въ свою очередь, закащикъ, по порученію десятоначальника, отбираетъ у священниковъ подписки по различнымъ дѣламъ, а также собираетъ въ его пользу годовыя подможныя деньги; въ этомъ сказываются слѣды прежняго финансоваго характера должности закащиковъ, какъ бывшихъ помощниковъ поповскихъ старостъ. При дачѣ подписокъ у десятоначальника, священникъ платилъ ему по нѣскольку копѣекъ, какъ платилъ въ такихъ же случаяхъ и закащику. Впрочемъ, институтъ десятоначальниковъ въ Ярославской губерніи не дожилъ и до конца XVIII в.: уже въ 1778 году закащикъ получалъ отъ Матусевича маленькое приношеніе „на отмѣненіе десятоначальниковъ“.

Кромѣ указанныхъ уже нами должностныхъ лицъ, священникъ имѣлъ прямыя сношенія съ однимъ мѣстнымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ — духовнымъ правленіемъ. Въ каждой епархіи было по нѣскольку такихъ правленій. Выше ихъ стояла консисторія, состоявшая при архіереѣ, съ которою сельскому священнику рѣдко приходилось имѣть дѣло, послѣ того какъ онъ прошелъ всѣ мытарства поставленія въ свой духовный чинъ. Отсылая читателей для ознакомленія со всею процедурою ставленическаго производства къ сочиненію г. Знаменскаго, мы остановимся только на духовныхъ правленіяхъ. Духовныя правленія окончательно сдѣлались коллегіальными учрежденіями лишь въ 1744 году, когда, съ повсемѣстнымъ учрежденіемъ консисторій, во всѣхъ епархіяхъ стали заводиться и коллегіальныя духовныя правленія, смѣнившія прежнихъ духовныхъ управителей. Вотъ какъ описываетъ г. Знаменскій процессъ образованія духовныхъ правленій до 1744 года: „Коллегіальная форма центральнаго епархіальнаго управленія по мѣрѣ своего развитія отражалась и на окружномъ управленіи. Около духовнаго управителя явились товарищи изъ священниковъ и дьяконовъ. Они тоже (какъ и духовные управители) опредѣлялись или по выбору духовенства, или по назначенію епархіальной власти, или даже по назначенію самого духовныхъ дѣлъ управителя съ согласія подчиненныхъ ему причтовъ; иногда управителю поручалось выбрать къ дѣламъ двухъ, трехъ надежныхъ людей изъ окружнаго духовенства самому, но затѣмъ о самомъ опредѣленіи ихъ на должность указывалось представлять консисторіи. Духовные управители потомъ сами составляли себѣ для дѣлопроизводства канцелярію, назначая въ подъячіе и разсыльщики при

ней, кромѣ разныхъ свѣтскихъ лицъ, еще дьячковъ отъ окружныхъ церквей. Такъ составлялись мало-по-малу духовныя правленія". Послѣ 1744 года, когда эти учрежденія „сдѣлались постоянными и единственными законно-признанными органами епархіальнаго управленія округовъ, во главѣ ихъ членовъ тотчасъ же являются власти монашествующія, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда въ округѣ правленія не оказывалось ни одного болѣе или менѣе значительнаго монастыря. Само собою разумѣется, что эти первенствующіе члены правленія уже не были выборные, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало по немногу теряться выборное значеніе и другихъ членовъ. Въ началѣ второй половины XVIII ст. въ нѣкоторыхъ епархіяхъ принято было за правило составлять духовныя правленія на половину изъ выборныхъ членовъ и на половину изъ членовъ, опредѣленныхъ къ должности административнымъ путемъ; такъ, напримѣръ, было въ Воронежѣ" [1]).

Въ царствованіе императрицы Екатерины, только мѣста второстепенныхъ членовъ епархіальная власть иногда дозволяла замѣщать по выборамъ. Въ Московской епархіи при Амвросіѣ Зертисъ-Каменскомъ окружное духовенство представляло на мѣсто такихъ членовъ по 2 кандидата на утвержденіе преосвященнаго и, выбирая одного изъ нихъ, онъ иногда останавливался на лицѣ, менѣе желательномъ для духовенства. Вотъ что̀ случилось въ одной десятинѣ въ 1768 году. Духовенство выбрало двухъ кандидатовъ въ правленіе и представило ихъ Амвросію; не зная лично ни того, ни другаго, онъ по жребію назначилъ кандидата, менѣе пріятнаго для духовенства. Когда нѣкоторые священники не хотѣли принять избраннаго, Амвросій приказалъ имъ въ наказаніе положить по 50 поклоновъ при собраніи священно и церковно-служителей [2]).

Ни члены духовныхъ правленій, ни церковные служители и пристава не получали жалованья и потому, конечно, налагали разные поборы на подвѣдомственное правленію духовенство. Синодъ сознавалъ неудобство такого порядка вещей и, разсуждая объ этомъ въ 1769 году, поручилъ своему депутату, преосв. Гавріилу, стараться, чтобы при сочиненіи проекта новаго уложенія на этотъ предметъ была назначена особая сумма [3]); однако же и послѣ того общаго распоряженія по этому предмету издано не было. Въ Московской епархіи на содержаніе правленій съ священно и церковно-служителей собиралась опредѣленная сумма (въ одномъ мѣстѣ отъ 25—40 к. съ церкви [4]).

[1]) „Приходское духовенство", стр. 519—520.

[2]) Розановъ. Ч. II, кн. 2, стр. 114, прил. 237.

[3]) Христ. Чт. 1876 г., т. II, стр. 235.

[4]) Розановъ. Ч. III, кн. 1, стр. 36 прилож. 103.

Въ Ярославской губерніи опредѣленнаго сбора на духовныя правленія не было. Изъ тѣхъ мѣстъ дневника Матусевича, гдѣ упоминается объ этомъ учрежденіи, мы узнаемъ, что въ составъ его входили: во-первыхъ, лицо, называющееся всегда по имени и фамиліи и получающее наибольшее приношеніе, вѣроятно—духовный управитель; кромѣ того, упоминаются протопопъ, священникъ, дьяконъ, судьи, подъячій, канцеляристъ, пристава и сторожа. Всѣ эти лица собирали съ членовъ сельскихъ причтовъ поборы при подачѣ росписей, сказокъ, экстрактовъ и рапортовъ. Изъ относительныхъ размѣровъ приношеній видно, что преобладающимъ значеніемъ въ правленіи пользовалось одно лицо. Оно получало каждый разъ отъ 45 к. до 1 р. 20 к., протопопу давали 25 к., подъячимъ отъ 10 до 25 к., попу—10 к., судьямъ отъ 5 до 10 к., приставамъ 5—6 к., сторожу 5 к., дьякону за письмо 20—30 к., канцеляристу—45 к. [1]). Въ 1775 г. Матусевичъ уплатилъ всѣмъ этимъ лицамъ за росписи и сказку 1 р. 80 к. Въ 1777 г.—1 р. 70 к., да за экстрактъ 95 к. Въ 1779 г. всего за росписи и сказку 2 р. 46 к., да за экстрактъ 2 р. 19 к.; всего въ 1779 году было внесено поборовъ 4 р. 65 к. Относительно экстракта и рапорта намъ извѣстно, что приношенія за нихъ членамъ духовныхъ правленій падали на половину на священника и на половину на обоихъ причетниковъ; вѣроятно, тоже самое было и относительно росписей и сказокъ. Если такъ, то, взявъ итогъ приношеній за 1779 годъ, какъ наиболѣе полный, мы получимъ, что священнику прихода почти въ 400 душъ приходилось вносить въ годъ 2 р. 30 к. въ видѣ подарковъ членамъ духовныхъ правленій [2]). Само собою разумѣется, что, не сдѣлай этого священникъ, онъ подвергся бы всевозможнымъ придиркамъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что, въ свою очередь, мѣстному начальству приходилось подносить взятки членамъ консисторіи.

Въ 1778 году синодъ приказалъ перевести духовныя правленія въ монастыри; съ этого времени, разумѣется, во главѣ ихъ должны были стать настоятели монастырей, а бѣлому духовенству остались лишь второстепенныя должности.

Духовныя правленія часто посылали къ сельскимъ священникамъ по разнымъ дѣламъ своихъ приставовъ. Имъ приходилось обыкновенно давать отъ 2 до 5 к.; иногда къ этому прибавлялось еще какое-нибудь приношеніе натурою, напримѣръ, рѣшето ячменя, а не то они довольствовались обѣдомъ, угощеніемъ виномъ или даже калачомъ на до-

---

[1]) Кромѣ того, упоминается о небольшихъ денежныхъ подаркахъ за росписи закащику, за сказку десятоначальнику.

[2]) Священникъ ходилъ также на поклонъ къ игумену сосѣдняго Толгскаго монастыря и подносилъ ему то сайку, то нѣсколько копѣекъ.

рогу. Любопытно, что приставъ такъ же собиралъ новь со священниковъ, какъ священники съ прихожанъ, но только не хлѣбомъ, а деньгами. Матусевичъ однажды заплатилъ приставу и служителю, которые собирали новь, по 3 к.; другой разъ также „для нови" далъ приставу 2 к.

Кромѣ разныхъ вспоможеній и приношеній непосредственному духовному начальству, на церковномъ причтѣ лежала еще подводная повинность, подававшая поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ со стороны духовнаго начальства [1]). Всего чаще приходилось возить закащика, а затѣмъ пристава, подъячаго и, наконецъ, благочиннаго. Въ отправленіи этой повинности между чинами причта соблюдалась очередь, и такъ какъ священникъ получалъ половину доходовъ, тогда какъ оба причетника вмѣстѣ получали остальную половину, то и подводу онъ долженъ былъ давать вдвое чаще, чѣмъ каждый изъ причетниковъ; другими словами, при отправленіи подводной повинности 2 причетника считались за одно лицо; это ясно видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста дневника Матусевича: нужно везти десятоначальника, „подвода на дьячкѣ и пономарѣ; однако впрягъ было Изосимъ (пономарь) лошадь, да сбѣсился, что позамѣшкался попъ у меня; того ради и не повезъ, а возилъ я до часовни Толгской на Осиповой лошади, а тамъ ему попалъ попутчикъ. Да на моей лошади Ганюша Осиповъ возилъ закащика до Пахны, да я жъ просилъ Осипа въ Троицынъ день свезти монаха Евфимія до Норской слободы. Итого моихъ 3 подводы, а ихъ — одинъ разъ возилъ Зосимъ закащика до Пахны въ навозницу, а то былъ послѣ закащикъ, такъ на своей лошади и такъ будетъ за ними 2 подводы". Счетъ иногда былъ еще дробнѣе; считали не только кто далъ лешадь, но и отъ кого былъ проводникъ. Напримѣръ: „отселѣ до Пахны довезли на старостиной лошади верхомъ, а за лошадью ходилъ Зосимъ; впредь ихъ лошадь, а мой проводникъ". Иногда, вмѣсто подводы, по взаимному соглашенію, давали деньгами отъ 3 до 15 к., вѣроятно, смотря по разстоянію; одинъ разъ священникъ, вмѣсто своей, нанялъ подводу и заплатилъ 25 к. Нѣсколько разъ упоминается также „мірская" подвода, но мы не можемъ опредѣлить, былъ ли крестьянскій міръ обязанъ отправлять подводную повинность при разъѣздахъ духовнаго начальства. Въ огражденіе членовъ причта отъ требованія подводъ разными приказными чинами духовныхъ правленій не по дѣламъ службы, они должны были имѣть при себѣ инструкціи. Такъ какъ одинъ приставъ

---

[1]) О стараніяхъ нѣкоторыхъ архіереевъ уничтожить эти злоупотребленія см. Знаменскій. «Чтенія», Прав. Соб. 1875 г., ноябрь-декабрь, 403—405 стр.

однажды не представилъ такой инструкціи, то ему не дали проводника, чѣмъ онъ остался очень недоволенъ и „попригрозилъ", а „Богъ знаетъ чѣмъ?"—прибавляетъ Матусевичъ.

III.

Домашняя жизнь священника.—Расходы.—Образъ жизни.—Отношенія къ крестьянамъ и помѣщикамъ.—Посѣщеніе духовныхъ лицъ.—Поповскія смотрины и свадьба.—Отношеніе къ причетникамъ.

Мы подвели выше годовые итоги доходовъ священника и оказалось, что денежнаго дохода за требы онъ имѣлъ около 40 р. и кромѣ того за землю получалъ сначала 10, а потомъ 15 р. [1]). Каковы же были его расходы? Въ дневникѣ Матусевича мы находимъ итоги домашнихъ расходовъ за 8 мѣсяцевъ 1775 и 1776 годовъ. Въ эти 8 мѣсяцевъ онъ издержалъ всего на домашнія потребности, плату за росписи и т. п. около 40 р., а, слѣдовательно, во весь годъ долженъ былъ издержать до 60 р., не считая въ томъ числѣ уплаты долговъ, которые онъ сдѣлалъ, вѣроятно, при первомъ обзаведеніи, когда строилъ избу. Очевидно, что доходовъ не хватало (приношенія натурою здѣсь въ счетъ не идутъ, такъ какъ они не продавались, а потреблялись). Чѣмъ же пополнялся дефицитъ въ бюджетѣ? Матусевичу помогали, во-первыхъ, тесть и отецъ, а кромѣ того онъ зналъ ремесло, которое доставляло ему нѣкоторые заработки: умѣлъ переплетать. (Мы знаемъ, напримѣръ, что въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ 1779 года онъ заработалъ переплетомъ 3 р. 25 к.). Матусевичъ продавалъ также книги, требники, службы и проч., конечно, не безъ барыша для себя. Кромѣ того онъ взялся однажды обучить сына одного священника переплетному мастерству и получилъ за выучку 12 р.; брался также обучать грамотѣ крестьянскихъ ребятъ. Только благодаря этимъ побочнымъ доходамъ удавалось сводить концы съ концами.

При ограниченныхъ средствахъ домашняя жизнь священника отличалась большою простотою. Онъ самъ занимался земледѣльческими работами, копался въ своемъ огородѣ. „Многіе городскіе священно и церковно-служители, не имѣя отъ прихожанъ къ содержанію своему достаточныхъ доходовъ къ пропитанію себя, весьма нужно содержатъ, а въ уѣздахъ довольствуются по большей части отъ хлѣбопашества, по-

[1]) Впрочемъ, можетъ быть, эти деньги за землю шли не одному священнику, а всему причту.

чему они не столь въ званіи своемъ, сколько въ земледѣльчествѣ упражняться принуждены", писалъ синодъ въ 1767 г. въ пунктахъ, данныхъ имъ своему депутату въ коммисіи для составленія новаго уложенія...... „того ради просить, чтобы о удовольствіи по свободѣ ихъ отъ неприличныхъ званію ихъ работъ изыскать какой удобный способъ" [1]). Дневникъ Матусевича вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство синода о томъ, что сельскій священникъ самъ занимался полевыми работами. Вотъ нѣсколько замѣтокъ въ немъ на эту тему: „огородъ въ полѣ городилъ".—„Морковь, свеклу, рѣдьку, рѣпу и макъ сѣяли и лукъ посаженъ..... и противъ которыхъ грядъ тычки—въ тѣ кладенъ нынѣ навозъ, а противъ которыхъ нѣтъ, то не кладенъ: помнить надо на будущій годъ". При этомъ, правда, помогали иногда крестьяне.— „Въ сей день капустникъ Иванъ Гончинъ зоралъ (sic), а вчера навозъ съ Тимофѣемъ носили".—„Сегодня сѣнокосъ окончилъ".—„Сегодня началъ боронить".—„Ячменя овинъ садилъ: все тутъ пошло".— „Ячмень молотилъ".—„Воскресенье. 2 овина ржи моей помолотили по утру" (вѣроятно были помочи).—„Сегодня остатки измолотилъ, слава Богу".—Попадья сама ходитъ на рѣку мыть бѣлье, сама садитъ капусту, ткетъ холстъ.—„Попадья станъ въ избу внесла и поставила", отмѣчено въ дневникѣ.—„Попадья въ бердо надѣла и заткала".— „Попадья кросна доткала, а другія навила" и т. п. Попадья носитъ дома лапти, хотя въ то же время для праздничнаго наряда мужъ покупаетъ ей на полушубокъ 4 арш. тафты по 1 р. за аршинъ. Для домашняго обихода покупается лучина, но въ то же время есть въ запасѣ и свѣчи.—Жизнь очевидно распадается на двѣ несходныя между собою части: въ гостяхъ—тафтяной полушубокъ, дома—лапти; при гостяхъ свѣчи; безъ нихъ—лучина.

Мы знакомы уже съ одной стороной отношеній священника къ крестьянамъ; но, помимо исполненія требъ и обходовъ по деревнямъ для собиранія разныхъ сборовъ натурою, священникъ ежеминутно соприкасался съ крестьянами, и сами крестьяне сплошь и рядомъ помогаютъ попу своимъ трудомъ; но и онъ нерѣдко оказывался имъ полезнымъ, особенно тамъ, гдѣ требовалось содѣйствіе грамотнаго человѣка, какими не изобиловала русская деревня въ XVIII вѣкѣ. Священникъ прикладываетъ для крестьянъ руку къ виду, къ покормежному письму; за этому иногда ничего не платятъ, иногда даютъ отъ $1^1/_2$ до 3 к., а не то подносятъ угощеніе, напримѣръ, четверть ведра пива. Крестьяне угостятъ священника въ городѣ, а онъ сходитъ съ ними въ канцелярію подписать въ видахъ, что „оные крестьяне въ штрафахъ и наказаніяхъ никаковыхъ не бывали".—Понадобилось тремъ крестьянамъ написать

[1]) Христ. Чт. 1876 г., т. II, стр. 250.

вексель купцу, и вотъ идутъ къ священнику, и въ благодарность подносятъ ему полведра пива, да вина на пятиалтынный. Въ одной деревнѣ священникъ подписываетъ даже столбъ (вѣроятно, съ названіемъ селенія) и получаетъ за это 40 к.; написать списокъ родителей для подачи на поминовеніе идутъ также къ священнику. Въ особенно важныхъ дѣлахъ приглашаютъ священника и на сходъ: такъ, онъ идетъ туда разбирать межевые планы, привезенные изъ межевой канцеляріи. При поѣздкѣ священника въ городъ часто упоминается о хлопотахъ его съ паспортами; очевидно, крестьяне, отходившіе въ Петербургъ и другіе города на промыселъ, просили попа въ городѣ устроить для нихъ это дѣло. Но всего полезнѣе для крестьянъ священникъ былъ тѣмъ, что они могли отдавать къ нему дѣтей учиться грамотѣ. Изъ дневника Матусевича мы узнаемъ, сколько за это платили. „Посадилъ учить грамотѣ села Иванова Егорья Иванова сына Василья", отмѣчено въ дневникѣ: „а поряженъ за 12 р. на его хлѣбѣ на выучку. Какъ Господь дастъ". Но сходились иногда и на болѣе дешевой цѣнѣ: „договорился съ Брагинскимъ Иваномъ Ивановымъ, мальчика его взялъ обучить за 4 р. словесному (sic) и писать на выучку". Любопытно знать, сколько времени продолжалась выучка. Послѣдній договоръ состоялся 31-го декабря 1777 г., а окончилось обученіе только 4-го декабря 1779 г.; въ этотъ день въ дневникѣ отмѣчено: „Брагинскій Иванъ Ивановъ взялъ Тимоху ученика и раздѣлался честно: наддалъ 25 к.". И такъ, за 2-хъ лѣтній педагогическій трудъ платили отъ 4-хъ до 12-ти р.; но за то извѣстно, какъ хороши были пріемы этихъ сельскихъ педагоговъ при обученіи грамотѣ: стоитъ только вспомнить Брудастаго въ „Запискахъ Данилова" [1]).

Въ отношеніи къ окружающимъ помѣщикамъ сельскій священникъ находился въ весьма зависимомъ положеніи: каждый такой помѣщикъ былъ для него бариномъ (Матусевичъ такъ и называетъ ихъ въ своемъ дневникѣ), которому приходилось покланяться для полученія всякой небольшой подачки. Вотъ заѣзжаетъ Матусевичъ къ сосѣднему помѣщику Волкову, чтобы попросить у него соломы, но у того гости, „такъ другимъ временемъ приказалъ побывать"; пошелъ черезъ два дня, и Волковъ „пожаловалъ возъ соломы". Но всетаки нѣкоторые помѣщики довольно радушно угощали попа, и онъ съ благодарностію записывалъ въ дневникъ каждую поднесенную ему рюмку. Вотъ одно изъ посѣщеній къ тому же Волкову. „Пошелъ къ Николаю Андреевичу въ горницу и съ приходу чашку чаю выпилъ, а потомъ рюмку водки и посидя кушать стали; съ начала стола по колпаку водки и по оконча-

---

[1]) Иногда отдавали священнику на обученіе и на болѣе короткое время; такъ, одинъ крестьянинъ привелъ поучить своего Филюшку и далъ всего 30 к.

ніи стола изволилъ приказать пива въ бутылкахъ подать, и я выпилъ 2 стакана большихъ; да пожаловалъ мнѣ соломы". Затѣмъ, упоминается о нѣсколькихъ копѣйкахъ, данныхъ на поминовеніе и свѣчи. Въ свою очередь, и священникъ, когда Волковъ заходитъ къ нему въ гости, даритъ ему записную книгу. Помѣщики приглашаютъ къ себѣ духовенство для исполненія нѣкоторыхъ требъ, но платятъ не особенно щедро: такъ, Волковъ далъ всему причту за панихиду 12 к., у другаго помѣщика за соборную панихиду даютъ уже каждому попу по 10 к. Щедрѣе болѣе важные бары. Заѣзжаетъ къ попу одинъ помѣщикъ, родственникъ Нарышкину, владѣльцу села Иванькова. „Барыня жалуетъ 1 рубль о здравіи Бога молить и приказываетъ еще пріѣхать въ свое имѣніе". Черезъ нѣсколько дней Матусевичъ отправляется туда, служитъ тамъ въ церкви обѣдню и получаетъ еще 50 к. А вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ въ Иваньково уже настоящая барыня, его барыня столько же, сколько и крестьянъ, г-жа Нарышкина. „Въ обѣдню пріѣхала сюда ея высокопревосходительство, генеральша Анна Ивановна Нарышкина", отмѣчено въ дневникѣ; „изволила быть въ церкви и по изшествіи изъ церкви просила къ себѣ на квартиру,— а стояли у Ивана Рѣпина. И такъ приходили. Изволила жаловать меня водкой и приказала выборному прибавить по 5 р. на годъ, итого будетъ по 15 р. въ годъ, а при томъ пожаловала 25 к. на молебенъ съ акаѳистомъ"; когда пріѣхалъ одинъ изъ Нарышкиныхъ, то изъ „вобщихъ" (общихъ денегъ) была куплена сайка и поднесена ему: „въ пріѣздѣ ихъ высокородія поздравляли".

Не всегда, впрочемъ, отношенія сельскаго духовника къ помѣщикамъ были вполнѣ мирны. Нѣкоторые помѣщики, говоритъ сенатъ въ одномъ указѣ „священно-и-церковно-служителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ" [1]).

При сношеніяхъ съ помѣщиками и купцами священникъ хлопочетъ не для одного себя; онъ проситъ также о пожертвованіяхъ на церковь. „Посланная челобитна (sic) отъ меня къ барину о церкви, по которой пожаловалъ въ церковь 100 рублевъ, которыя деньги приказаны выборному безъ меня никуда не употреблять и ничего не покупать". Помѣщики жертвуютъ ризы въ церковь, нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ обѣщаютъ купить кирпичу на колокольню. Но иногда просьба о пожертвованіи удовлетворяется не вполнѣ, или встрѣчаетъ и полный отказъ. „Въ городъ ѣздилъ съ Кузьмой къ Осокину для церкви попросить на строеніе; однако и долго стояли, да ничего не дали, такъ и поѣхали".

Гораздо чаще, чѣмъ съ помѣщиками, видится священникъ съ дру-

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 13,286.

гими духовными лицами, не говоря уже объ заѣздахъ непосредственнаго духовнаго начальства. Матусевичъ отмѣчаетъ всѣ посѣщенія, которыя онъ принимаетъ и которыя дѣлаетъ. Тутъ вы знакомитесь во-очію съ нравами сельскаго духовенства. „Приставъ изъ Ростова ночевалъ Иванъ Романовъ, идетъ въ Верховье, а сказалъ о Петрѣ, Спасскомъ дьячкѣ, яко весьма пьетъ, и такъ де весь капиталъ пропилъ, только одни заклады остались [1]), и очень дерется, что уже матка на него караулъ кричала на площади“. Или: „Василій попъ съ дьякономъ Успенскимъ изъ города зашли безъ шапокъ“ (было, значитъ, сильно выпито)... „шапки у меня взяли до двора“... „Былъ Толгскій казначей да соборный дьяконъ Терентій и взято про нихъ вина на 10 к.“. — Идутъ священникъ да дьяконъ въ Ростовъ за ставлеными грамотами: „попъ обѣдалъ... да въ гостинцы 10 к. положилъ“.— „Заходилъ попъ Иванъ, именуемый Масляница, обѣдалъ; идетъ изъ Ростова съ указомъ къ Николѣ на тропу во втораго попа“.—„Протопопъ... былъ; онъ 2 рюмки выпилъ“. Заѣзжаетъ выпить винца и экзаменаторъ архіерейскаго дома, и намѣстникъ Толгскаго монастыря.—Иногда на страницы дневника заносятся цѣлыя приключенія.—„Едомскій попъ Василій пріѣхалъ съ мужикомъ къ Зосиму (пономарю), и пока попъ былъ въ избѣ, а мужикъ у него и уѣхалъ, и такъ его оставилъ, и рукавицы и деньги увезъ, кису съ указамъ и покупки много, говоритъ, а оба хмѣльны. Того ради выпросилъ у меня 10 к. въ заемъ, да 3 к. на похмѣлье ему далъ“. Въ другой день заносится и окончаніе исторіи: „попъ Василій нашелъ извощика въ городѣ, однако все пропилъ, токмо лошадь“.

Въ замѣткахъ о поѣздкахъ въ гости самого священника также на первый планъ выдвигается зелено-вино. Вотъ, напримѣръ, какъ былъ проведенъ одинъ день. „Были съ батюшкомъ у тестя, вино пили,—да къ намъ—паки вино пили и тесть былъ: да въ Сянково поѣхали съ батюшкомъ къ Михаилу Петрову, тутъ пиво было; потомъ въ Костелово—вино и пиво было, и оттолѣ домой“. Въ другой разъ: „съ игуменомъ Филимономъ въ гостяхъ были и очень упразднилися“. Количество выпитаго въ гостяхъ вина записывается такъ же аккуратно, какъ отмѣчалось число рюмокъ, поднесенныхъ гостямъ у себя; при томъ всѣ эти замѣтки отличаются самымъ наивнымъ, простодушнымъ характеромъ. „На Овинишки къ Артемью по быка ходилъ, однако не засталъ: увели на Пашуково; и такъ зашелъ къ дядѣ Өедору, у него

[1]) «Закладъ», иначе «залогъ», все равно что «зарокъ». Тутъ, очевидно, игра словъ: слово залогъ напоминаетъ о словѣ капиталъ, и отсюда вся острота, намекающая на то, что дьячекъ пьянствуетъ, несмотря на множество данныхъ имъ зароковъ.

посидѣвъ и 2 рюмки вина выпилъ, да несчастливо: рюмку ту курица разшибла, и кашки поѣлъ, и поѣхалъ на ихъ лошади на Зманово къ Никитѣ Ильеву по быка, а стужа превеликая, и сказать нельзя! У Никиты взялъ быка, а онъ не вóдокъ, такъ посадили было въ сани, анъ сани-то малы. Какъ быть? по счастью ѣдетъ Степанъ Масленниковъ изъ города на розвальняхъ; къ нему ужъ и положили да и довезли".

Иной разъ, подпивши, духовенство расходится не совсѣмъ смирно: „дьячекъ и пономарь,—разсказывается въ дневникѣ,—въ городъ поѣхали и были въ гостяхъ у протопопа и, погостя чего ни будетъ, дядюшку попъ Медягинскій подралъ за волосы. Правду говорятъ", прибавляетъ о. Матусевичъ, „не званъ въ гости,—не ходи,—такъ-то и есть!"

Печальные результаты такихъ привычекъ отлично понимало и само духовное начальство, какъ видно изъ слѣдующаго факта, записаннаго Матусевичемъ (въ ноябрѣ 1777 г.): закащикъ привезъ указъ, „чтобы намъ не отлучаться по гостямъ, не приказавъ приходу по близости другому священнику, и по торгамъ не шататься пьянымъ". Наконецъ, и нѣкоторые священники, сообща положенными зароками, пытались обуздать свою наклонность къ пьянству. Матусевичъ съ однимъ священникомъ въ февралѣ 1778 г., быть можетъ, подъ вліяніемъ недавно полученнаго указа, „положили залогъ оба на годъ не пить вина и пива въ компаніи, кромѣ въ домѣ и то одну предъ обѣдомъ". Зарокъ, повидимому, соблюдался, потому что, когда черезъ годъ къ Матусевичу заѣхалъ одинъ священникъ, и звалъ его въ кабакъ, то онъ на-отрѣзъ отказался. Мало того: онъ заботился еще и объ отрезвленіи другихъ. Упоминая объ одномъ изъ своихъ путешествій въ городъ, онъ говоритъ: „взялъ дьякона къ себѣ для истрезвленія и велъ пѣшкомъ"; черезъ полтора мѣсяца онъ отмѣчаетъ: „въ сіи дни дьякона Воскресенскаго выгуливалъ, и куплено вина ему на 12 к.".

Священникъ отмѣчаетъ не только то, что приключилось въ гостяхъ съ нимъ самимъ, но и все, что онъ узналъ тамъ интереснаго. „Въ Андреевскомъ у Ѳедора попа въ гостяхъ были съ Иваномъ Борисовымъ, а въ тотъ день у попа Алексѣя горницу покрали; мы смотрѣли: 2 коробки, обѣ открыты, а рубахи выкиданы. Попадья такъ и плачетъ, а попъ только и говоритъ: „ну, знай середу! я говорилъ: не ѣзди! такъ одно—поѣхала!"

Но самое интересное путешествіе Матусевича и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе подробно описанное—это поѣздка на смотрины и потомъ на свадьбу. Воспроизводимъ вполнѣ этотъ эпизодъ, живо рисующій намъ нравы сельскаго духовенства. „Поѣхали съ Васильемъ и съ попомъ

Ѳедоромъ Андреевскимъ къ Спасу на Волгу и такъ какъ верстъ 7 не доѣхали, и такъ встрѣчу попъ Алексѣй и паки съ нами воротился. Въ Красно пріѣхали и лошадей поставили у Осипа попа; а у него лошадь пропала. А между тѣмъ ходили въ Тихвино-Никольско смотрѣть церкви, а потомъ у дьячка тутошняго Петра Васильева ужинали, и какъ стало часа 3 ночи, пошли въ Спасское село и, не входя въ него, усмотрѣли, что еще во многихъ мѣстахъ огонь свѣтится, то пошли на берегъ на Волгу и подъ огородомъ помѣшкали съ часъ, и пошли прямо къ попу Алексѣю. По пришествіи въ домъ, отвелъ насъ въ особую горницу и подчивалъ насъ изъ напитковъ, а потомъ просили мы чтобъ намъ посмотрѣть дочь его Марью. И тако и симъ насъ почтилъ, за что его обще мы благодарили. При семъ же столомъ насъ подчивалъ, и трапеза изрядная. Потомъ сдѣлали ему почтеніе и просили его къ себѣ. И тако всѣ вмѣстѣ пошли до перевозу, а какъ переѣхали, то у Тихвинской ко всенощной стали благовѣстить... Въ Андреевское заѣхали къ попу Ѳедору; у него также были довольны. А потомъ захотѣлось намъ выпить меду по 2 к., и какъ выпили, въ то самое время сдѣлалась драка: Иванъ Алексѣевъ Орловъ Савоську врозь разбилъ, да и стоитъ того. Въ Тихоново пріѣхали да и батюшка изъ Андреевскаго хмѣльнаго привезли; и, посмотря нашего брата Павла, далъ роспись приданаго... и положено на словѣ до 10-го октября смотринамъ быть. Что ужъ Господи дастъ, а то, кажется, хороша дѣвушка".

Дѣйствительно, 10-го октября состоялись формальныя смотрины, и также ночью. „Собралися на смотры въ Спасское на Волгу, а поѣхало насъ: батюшка, матушка, я, Василій, Павелъ, тетушка Ѳекла, попъ Ѳедоръ. Заѣхали къ Благовѣщенью къ дядюшкѣ Варѳоломею, анъ какъ у него гостей разпропасть, а всѣ пьяни, да и насъ таки хорошо забрало. Однако не много мѣшкали и дядюшку Варѳоломея съ собой запросили; и пріѣхали въ Красное часа въ 2 ночи, а попъ Осипъ овинъ садилъ ржи. Лошадей выпрягли, убрали и овса дали, и пошли за Волгу часа три ночи. Пришли къ попу Алексѣю, встрѣтили насъ съ двумя маканымъ свѣчамъ и ввели въ горницу. И такъ по стаканчику вина, поднесли и по другому. А потомъ просили мы, чтобы начатое дѣло или кончить, или отстать. Въ то время сдѣлали персональное зрѣніе [1]), и братъ Павелъ его дочь видѣлъ, и она нашего брата очень. Маленько сдѣлался было развратецъ небольшой въ приданомъ, что мы его потребовали на

[1]) Въ Костромской губерніи въ настоящее время среди духовенства существуетъ такой обычай: подносятъ невѣстѣ свѣчку къ самому лицу и она должна смотрѣть прямо на нее; такимъ образомъ убѣждаются, что невѣста не косая

столъ, а имъ противно показалось, да однако все Богъ исправилъ. И такъ засвѣтили свѣчи и молились Богу о благополучіи и потомъ мы, какъ отца Алексѣя, такъ и всю его родню просили виномъ: у насъ его полведра было. И такъ съ новой родней сдѣлали сватовство. А между тѣмъ гость у него священникъ, не знаю какъ зовутъ, только свистать лихъ, со мной бился о закладъ и пробилъ осьмуху вина: не кто ему велѣлъ! Да при томъ ужинали и ночевали тутъ, да отзавтракали, и такъ насъ угостили, что на двухъ телѣгахъ до Волги везли. Съ сватомъ я не простясь уѣхалъ, да какъ быть! А о дарахъ [1]) говорить, въ томъ я толку не знаю; а кому ни покажи — всѣ хвалятъ, то и хорошо". Чрезъ нѣсколько дней Матусевичъ ѣздилъ съ братомъ Павломъ въ городъ „и покупали, что на запискѣ значитъ для свадьбы". Проѣзжая на другой день изъ города домой чрезъ деревню Овинишки, „Аѳанасьевну взяли въ повареи".

Въ воскресенье (23-го октября) была свадьба: „поѣхали на свадьбу къ невѣстѣ. Пріѣхали въ Красно, анъ Волга стала. Какъ быть? (Да еще ко Благовѣщенью пріѣхали и поѣхали всѣ, а воскресенскіе сваты—попъ Ѳедоръ и дьяконъ—отъ насъ и отстали, да и не ѣздили съ нами, а сказываютъ, что и шапки-те перетеряли). Стали умышлять, какъ бы Волгу проломать, и пробили на полыньяхъ, да и несли на себѣ лодку ту далѣ полуверсты, пониже не противъ перевозу пробили— выше, и тако переѣхали. За перевозъ дано 55 к... По насъ пріѣхала коляска да дроги, и тако довезли насъ въ Спасское. Бракъ вѣнчалъ попъ Вареоломей Благовѣщенскій. И по вѣнчаніи пришли въ домъ попа Алексѣя и обѣдали у него. И я было хотѣлъ переѣхать того же вечера, однако всѣ отговорили; такъ и ночевали. 24-го (октября) понедѣльникъ. Позавтракавъ же поѣхали домой и черезъ Волгу пѣши переходили. Сватъ Василій Кузьминъ Островской проломился у краю одной ногой и, скинувши сапогъ и чулокъ, легъ на дорогѣ и началъ просить, аки безногій, и я ему подалъ 1 к., а кто пирожка. И тако съ нами поѣхали сватовья Иванъ Борисовъ, Степанъ, Василій, сваха Любовь Ѳедоровна. А попъ Ѳедоръ Андреевскій рукавицы потерялъ и зблажился въ Красномъ, раза три ворочался, однако таки уѣхалъ и ночевалъ во Спасскомъ, а ихъ не нашелъ. Мы отъѣхали отъ Краснаго съ версту съ небольшимъ, анъ подъ молодыми-те ось передня переломилась и тако я съ Мосеемъ въ деревню поѣхалъ и купили ось, 3 к. дали. И пока дѣлали, мы съ Иваномъ Борисовымъ ушли пѣшкомъ — верстъ 6, и тако ко Благовѣщенью пріѣхали часа 4 ночи; тутъ охмѣлились и поѣли; потомъ поѣхали въ Тихоново. Отъ Кузьминскаго потеряли молодыхъ: они по другой дорогѣ прошиблися на Починки, и тако насилу нашли. А у попа овсецовскаго лошадь пристала да и колеса-те у телѣги-то потерялъ; насилу собрали. Собрались, поѣхали,—лишь въ лѣсъ въѣхали, анъ опять ось та же пере-

[1]) Которые родня невѣсты подноситъ родственникамъ жениха.

ломилась. Какъ быть? Сергѣй Кузьмичъ поѣхалъ въ Кузьминско по ось, а прочіе поѣхали впередъ. Подставили ось и поѣхали. Проѣхавши Акулинино, въ кустикахъ къ Горкамъ путаются попъ овсецовскій, да селецкій Иванъ въ одноколочкѣ возитъ попадью андреевскую, и такъ всѣ поѣхали къ Андреевскому, а меня съ овсецовскимъ попомъ оставили. Лошадь та пристала, а погода-то и сказать нельзя, на силу добились до Андреевскаго-то. И такъ ужъ, слава Богу, въ Тихоново пріѣхали, часовъ 6 и больше ночи, поужинали и легли спать. 25-го (октября) вторникъ. Пили и гуляли, и овсецовскаго попа кобылу въ лапти обули и овса дали. Только княжой столъ былъ не какъ порядкомъ, такъ хоть брось, и гостинцевъ не дѣлали, я ужъ и отступился: какъ хотятъ. 26-го (октября) среда. Стали гости разъѣзжаться, а мы у Привалова съ Ѳедоромъ Васильичемъ чай пили, а и къ батюшку на часъ пришли, водки по рюмкѣ выпили и тако разстались...".

Между собою церковный причтъ села Иванькова жилъ довольно мирно и въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ, описанныхъ въ дневникѣ, произошло только одно столкновеніе между священникомъ и пономаремъ. Вотъ какъ описываетъ Матусевичъ это любопытное событіе: „пришли въ церковь вечерню пѣть... пономарь звонилъ въ два. Я ему сталъ говорить: надлежало бы въ три звонить, а онъ—спорить. Я его взялъ за рукавъ и повелъ къ налою указать ему, а онъ вырвался и ухватилъ желѣзную клюку, и ушибъ бы, ежели бы я не отбѣжалъ къ стекляннымъ дверямъ". На другой день священникъ ѣздилъ въ городъ жаловаться на пономаря. Но и это столкновеніе кончилось мирно. Получивъ, вѣроятно, отъ начальства нагоняй за свое дерзновеніе, пономарь Зосима черезъ недѣлю послѣ ссоры кланялся священнику въ ноги и просилъ прощенія, „того ради"; рѣшилъ священникъ, „Богъ его проститъ по св. евангелію, глаголющему: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой и покается, опусти ему, и аще седмижды согрѣшитъ и седмижды покается—остави ему".

Въ дневникѣ Матусевича мы встрѣчаемъ не мало замѣтокъ, касающихся его семейной жизни: о томъ, что попадья сына родила; о крестинахъ, о томъ, что сынъ его умираетъ. Вотъ какъ описано последнее событіе: „намъ сей вторникъ такую печаль навелъ, что весь день не ѣвши были, а въ вечеру, какъ за часъ до пѣвуновъ, сынъ нашъ Павелъ предаде духъ свой ко Господу, оставилъ намъ печаль нѣкаку, Господь съ нимъ". А тамъ отмѣчено, что другаго сына „за азбуку посадилъ". Разъ въ дневникѣ записано такое приключеніе: „между тѣмъ какъ моя жена садила капусту, а я отлучился по Филипьевну и скоро пришелъ домой и засталъ въ чуланѣ Марѳушку; а ключъ она нашла въ сѣняхъ на стѣнѣ: Агафья тутъ положила. Это худо". Или вотъ что случилось съ этой самой Агафьей: она „затворяла окошко въ горницѣ и очень средній перстъ у лѣвой руки отхлопнула, и такъ оный октябрь окончился", замѣчаетъ достопочтен-

ный іерей, „не очень счастливо, а нынѣ станемъ съ Богомъ начинать ноябрь съ благополучнаго дня".

Составъ дневника отлично характеризуетъ все міросозерцаніе сельскаго священника. Кромѣ указанныхъ уже фактовъ, касающихся отношеній къ начальству, прихожанамъ и другимъ духовнымъ лицамъ, а также нѣкоторыхъ явленій домашней жизни, въ него заносятся самыя разнообразныя событія: когда Волга стала или тронулась, когда были буря и громъ; упоминается, что въ маѣ выпалъ сильный снѣгъ, монахъ проломился на льду, рекруты идутъ мимо, происходитъ „открытіе намѣстника" (т. е. намѣстничества), умеръ архіерей, икону относятъ изъ сосѣдняго монастыря въ Ярославль, подкинутъ мальчикъ, мужикъ замерзъ, нашли утопленника, и тутъ же рядомъ записывается, что отелилась корова, неизвѣстно, кто прошибъ оконницу. Мѣстами прорываются шутливыя замѣчанія: „литургія была, а доходу ни полушки, да живи не тужи!" Иногда въ дневникѣ попадаются пропуски и тогда составитель откровенно объясняетъ причину этого: „сіи мѣсяцы не писаны за домашними недосугами, а болѣе за лѣностію". Если въ теченіе дня не случилось ничего замѣчательнаго, то отдѣлывается шутливымъ замѣчаніемъ, напримѣръ: „Четвертокъ, — коекакъ перешелъ денекъ". Попадаются изрѣдка и мудрыя нравоученія: „правду умные люди говорятъ: спорь до слезъ, а ни о чемъ не закладывайся" (т. е. объ закладъ не бейся); „вотъ нынѣшняго дня я съ Зосимомъ бился о колокольнѣ: онъ говоритъ въ шестерикѣ сдѣлано, а я—въ осьмерикъ, говорилъ. Закладъ былъ четверть пива поставить. Въ томъ виноватъ: впредь наука! И аще кому случится сіе чести, прошу, такъ же, не разсмотря совершенно, въ таковые случаи не вступать".

Надѣемся, что всего сказаннаго и приведеннаго нами совершенно достаточно, чтобы читатели могли съ полною ясностію представить себѣ весь незамысловатый бытъ сельскаго священника, его матеріальное положеніе, его горе и радости, все его міросозерцаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились поборы съ крестьянъ въ пользу духовенства и вообще ихъ взаимныя отношенія. Правда, большинство приведенныхъ нами фактовъ относится къ одной мѣстности, но мы полагаемъ, что картина, набросанная нами, главнымъ образомъ, на основаніи дневника Матусевича, вѣрно представляетъ положеніе духовенства и въ другихъ частяхъ Великороссіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были, быть можетъ, нѣсколько болѣе обширные приходы, но за то съ менѣе зажиточнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, вычисленный нами бюджетъ сельскаго священника, по всей вѣроятности, весьма близокъ къ средней величинѣ, по крайней мѣрѣ для Великороссіи. Что касается міросозерцанія и нравовъ деревенскаго священника, то еще съ большимъ правомъ мы можемъ признать все указанное нами общими, типичными чертами для всего сельскаго духовенства. Въ этомъ отношеніи, при одинаковомъ матеріальномъ положеніи и одинаковой средѣ, не могло быть почти никакихъ различій.

В. И. Семевскій.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

1779—1831.

XI [1]).

Когда, въ 1805 году, началась война Россіи съ Франціею, то, между 10-мъ и 15-мъ числами августа, гвардія выступила въ походъ подъ предводительствомъ великаго князя Константина Павловича. Она шла на помощь австрійцамъ, нѣсколько поздновато, такъ какъ, въ то время, Наполеонъ заставилъ уже австрійскаго военачальника Макка сдаться на капитуляцію подъ Ульмомъ и подвигался къ Вѣнѣ, между тѣмъ какъ гвардія только что выступила изъ Бреста. Кутузовъ съ частью русской арміи соединился около Бранау съ австрійскими войсками и намѣревался преградить непріятелю путь къ Вѣнѣ, но вскорѣ Наполеонъ сталъ напирать на него и онъ, подвигаясь назадъ, перешелъ на лѣвый берегъ Дуная. Передъ сраженіемъ подъ Аустерлицемъ гвардія слѣдовала въ резервѣ; 15-го (27-го) ноября къ вечеру она расположилась, вмѣстѣ съ главною квартирою императоровъ Александра и Франца, въ Просницѣ, а 17-го (29-го) ноября цесаревичъ стоялъ съ нею по лѣвую сторону рѣки Литтау, впереди Аустерлица.

20-го ноября (2-го декабря) 1805 года происходило сраженіе подъ Аустерлицомъ. Въ этомъ сраженіи слѣдовало, между прочимъ, австрійскому генѣралу князю Лихтенштейну, по составленной диспозиціи, занять пространство между центромъ и правымъ крыломъ, а именно между Блазовицемъ и Кругомъ. Русская же гвардія, которая, подъ личнымъ начальствомъ Константина Павловича, должна была составлять резервъ праваго крыла, по неприбытію во-время князя Лихтенштейна на указанное по диспозиціи мѣсто, очутилась въ первой линіи и неожиданно встрѣтилась съ непріятелемъ. Великій князь, выступивъ отъ Аустерлица, перевелъ гвардію черезъ Раусницкій ручей и

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388.

подходилъ къ Блазовицу, когда замѣчены были впереди войска какого-то приближавшагося къ нему отряда. Сначала ихъ приняли за кавалерію изъ колонны князя Лихтенштейна. Едва только цесаревичъ, желая поддержать мнимыхъ союзниковъ, построилъ свой резервъ въ боевой порядокъ, какъ непріятель открылъ по немъ канонаду. Въ это время прибылъ дѣйствительно къ цесаревичу отрядъ князя Лихтенштейна и онъ, обрадованный такимъ сильнымъ подкрѣпленіемъ, подскакалъ къ шедшему впереди отряда уланскому полку, поздоровался съ солдатами, обнялъ полковаго командира и, обратясь къ фронту полка, который носилъ его имя, крикнулъ: „Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!" Затѣмъ, не дожидаясь построенія къ бою австрійской кавалеріи, уланскій полкъ кинулся въ атаку. Произошла страшная свалка, но русскіе уланы были отбиты французскою кавалеріею и прикрывавшею ее артиллеріею.

Великій князь въ этомъ дѣлѣ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ только 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ. Онъ былъ отрѣзанъ отъ центра союзной арміи и хотѣлъ возстановить связь между ею и своимъ отрядомъ. Для достиженія этого преображенцы ходили въ штыки, конногвардейцы, кавалергарды и лейбъ-казаки бросались въ атаку, но всѣ усилія были безполезны. Атаки эти сопровождались каждый разъ громадными потерями и Константинъ Павловичъ увидѣлъ необходимость отвести свои войска обратно за Раусницкій ручей. Французы не преслѣдовали ихъ.

Въ 11 часовъ утра правое крыло и центръ союзной арміи принуждены были оставить поле сраженія. Русскія войска, окруженныя непріятелемъ, страшно громимыя его батареями, смѣшались въ нестройную толпу. Лѣвое крыло получило приказаніе отступать и войска его, попавъ на озеро, покрытое тонкимъ льдомъ, гибли подъ картечью непріятеля. Пораженіе было полное и союзной арміи не оставалось ничего болѣе какъ только поспѣшно уходить въ предѣлы Венгріи. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, Пресбургскій миръ окончилъ войну Австріи и ея союзницы, Россіи, съ Франціей.

О дѣйствіяхъ Константина Павловича подъ Аустерлицемъ французскій писатель Егронъ разсказываетъ слѣдующее: великій князь находился противъ корпуса Бернадотта и, увидѣвъ, что непріятель атаковалъ деревню, занятую русскими войсками, оставилъ—быть можетъ, и несовсѣмъ благоразумно—занятыя имъ высоты и сталъ въ боевую линію противъ французовъ. Завязалась сильная ружейная перестрѣлка, но французы должны были отступить подъ натискомъ русскихъ штыковъ. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Константинъ Павловичъ напалъ на императорскую гвардейскую кавалерію и вслѣдствіе этого очу-

тился между ею и французскою пѣхотою. Положеніе его сдѣлалось опасно и онъ увидѣлъ необходимость отступить на прежнюю позицію; при этомъ движеніи кавалерія его удержала французскую конницу и смяла пѣхоту и только послѣ жестокаго боя онъ проложилъ себѣ дорогу къ Аустерлицу.

16-го ноября 1806 года была объявлена вторая война Франціи, на этотъ разъ въ союзѣ съ Пруссіею, и послѣ несчастнаго для союзниковъ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, императоръ Александръ приказалъ цесаревичу, въ концѣ февраля 1807 г., выступить съ гвардіею изъ Петербурга въ Юрбургъ. Походъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ. Гвардія шла, при жестокихъ морозахъ, усиленными маршами; дневки бывали только черезъ пять или шесть переходовъ. Гвардейская же артиллерія, выступившая позже пѣхоты и конницы, имѣла, на протяженіи 800 верстъ отъ Петербурга до Юрбурга, одну только дневку въ Псковѣ. Въ Юрбургѣ Константинъ Павловичъ представилъ гвардію на смотръ прибывшему туда изъ Петербурга императору. Послѣ того гвардія соединилась съ союзною арміею при Гейльсбергѣ. Константинъ Павловичъ имѣлъ главную квартиру въ Шипельбейнѣ; въ арміи,—какъ разсказываетъ Ермоловъ,—начались разводы и щегольство, а въ авангардѣ съ тощими желудками принялись за перестройку амуниціи. Надобно, однако, сказать, что когда цесаревичъ узналъ о тѣхъ недостаткахъ, какіе испытываютъ войска, то взялся заботиться объ улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ, отправленный, по его настоянію, въ авангардъ, былъ захваченъ непріятелемъ, но тѣмъ не менѣе онъ, подъ сильными конвоями, продолжалъ доставлять продовольствіе въ отрядъ князя Багратіона. Получивъ приказаніе слѣдовать съ 1-ю дивизіею въ резервѣ за главными силами на Аренсдорфъ, Константинъ Павловичъ участвовалъ въ сраженіи, происходившемъ 15-го (27-го) мая подъ Гейльсбергомъ. Въ этомъ сраженіи главнокомандующій поручилъ ему перевести пѣхоту и артиллерію авангарда за рѣку Алле на отдохновеніе, а кавалерію, менѣе утомленную или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Между тѣмъ, императоръ Александръ, пробывъ самое короткое время при арміи, предоставилъ надъ нею полное начальство Бенигсену, который, послѣ неудачнаго сраженія при Гейльсбергѣ, предпочелъ отступить за рѣку Прегель и содѣйствовать оттуда оборонѣ Кенигсберга. Цесаревичъ, которому Бенигсенъ сообщилъ свои предположенія, поѣхалъ, по его просьбѣ, въ Тильзитъ, чтобы доложить государю о положеніи дѣлъ и о стратегическихъ намѣреніяхъ главнокомандующаго.

Пріѣхавъ въ Тильзитъ, цесаревичъ,—по замѣчанію нашего военнаго

историка генерала Богдановича,—„не любившій войны", хотя и былъ ученикъ Суворова,—горячо убѣждалъ государя открыть переговоры съ Наполеономъ.

По поводу этого пріѣзда, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и вызванный императоромъ Александромъ въ Тильзитъ для участія въ переговорахъ съ Франціею, писалъ оттуда 3-го (15-го) іюля императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ слѣдующее:

— „Внезапный пріѣздъ его высочества произвелъ сильное впечатлѣніе. Предположили, и не ошиблись, что онъ прибылъ для того, чтобъ энергически и вѣрно представить государю настоящее положеніе нашей арміи и ея оставшихся резервовъ. Мысли всѣхъ соединились въ одно общее желаніе успѣховъ великому князю, когда узнали какъ онъ жалѣетъ о безполезной потерѣ столькихъ храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ и когда услышали высказанное имъ желаніе мира".

Въ Тильзитѣ великій князь пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Куракина и тайнаго совѣтника Николая Николаевича Новосильцева, находившагося также въ главной квартирѣ императора Александра. За обѣдомъ шла рѣчь о положеніи дѣлъ и Константинъ Павловичъ высказалъ при этомъ, что было бы очень хорошо, поставивъ русскую армію въ готовность дѣйствовать тотчасъ по первому призыву, въ то же время послать къ Бонапарту парламентера подъ предлогомъ открытія мирныхъ переговоровъ, съ тѣмъ, чтобы парламентеръ этотъ вывѣдалъ дальнѣйшія намѣренія Наполеона, равно какъ и тѣ условія, на которыхъ возможно было бы войти съ нимъ въ мирное соглашеніе. Высказывая это предложеніе, великій князь замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій не только былъ бы полезенъ нашимъ выгодамъ, но и одобрительно повліялъ бы на армію, которая увидѣла бы въ этомъ доказательство заботливости объ ея сбереженіи.

Положеніе наше было чрезвычайно затруднительно: на пруссаковъ, потерпѣвшихъ уже жестокія пораженія, расчетъ былъ очень плохъ, и всѣ значительныя лица, состоявшія при императорѣ Александрѣ, соглашались съ мыслію Константина Павловича о необходимости безотлагательнаго мира съ Франціею. Единственнымъ противникомъ такой благой мысли оказывался управлявшій въ ту пору министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, генералъ баронъ Будбергъ, Воинственный баронъ упорно настаивалъ на продолженіи войны, говоря, что дѣйствующая наша армія еще не разбита, что у насъ есть еще значительные резервы, и что мы можемъ опираться на вѣрность провинцій, присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, если бы намъ пришлось отступить

туда. Присутствовавшій при этомъ князь Адамъ Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ и началъ дѣлать возраженія Будбергу, увѣряя его, между прочимъ, что онъ, баронъ, сильно ошибается на счетъ настроенія польскихъ подданныхъ Россіи. Чарторижскій говорилъ при этомъ, что „сѣмя возстанія прозябаетъ между ними" и что всѣ они возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, лишь только Бонапартъ перейдетъ русскую границу.

Константинъ Павловичъ, съ своей стороны, не только поддерживалъ справедливость мнѣнія Чарторижскаго въ этомъ отношеніи, но, настаивая на необходимости мира съ Наполеономъ, добавилъ, что баронъ Будбергъ жестоко ошибается, полагая, что у насъ есть большая резервная армія. Такой арміи, по словамъ Константина Павловича, — говорившаго на этотъ разъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, — у насъ не было, такъ что весь успѣхъ русскаго оружія въ настоящей кампаніи, все наше спасеніе, всѣ наши надежды—основывались до сихъ поръ только на успѣхахъ, хотя и нерѣшительныхъ, но все же, повидимому, пріобрѣтенныхъ войсками, состоявшими подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена. Полагая всю численность нашей резервной арміи не болѣе какъ въ 35,000 человѣкъ, цесаревичъ весьма основательно указывалъ еще и на другія, слишкомъ неблагопріятныя для насъ обстоятельства. Онъ говорилъ, что у насъ оказывается недостатокъ въ деньгахъ, оружіи и припасахъ. Онъ заявлялъ, что хотя народъ русскій и извѣстенъ своею доблестію и непремѣнно возстанетъ поголовно, если только Наполеонъ вступитъ въ предѣлы Россіи, но,—совершенно-вѣрно добавлялъ онъ,—всего этого недостаточно, такъ какъ прежде всего самый народъ долженъ быть защищенъ регулярною арміею.

Такія разумныя рѣчи Суворовскаго соратника, которому, какъ казалось, должна была бы нравиться война, имѣли, конечно, сильное вліяніе, но императоръ Александръ I, отличавшійся всегда въ трудныя минуты нерѣшительностію, колебался принять доводы своего брата. Въ это время пришло въ Тильзитъ извѣстіе о новомъ жестокомъ пораженіи, нанесенномъ французами русскимъ и пруссакамъ при Фридландѣ. Наполеонъ шелъ на Кенигсбергъ, а наша армія, утомленная походомъ и ослабленная сильными ударами, нуждалась въ отдохновеніи, и при такихъ условіяхъ миръ съ Франціею представлялся положительною необходимостію.

Исполнивъ въ Тильзитѣ порученіе главнокомандующаго русскою арміею, великій князь выѣхалъ оттуда въ главную квартиру Бенигсена, но попасть туда не могъ: французскіе отряды появились уже въ окрестностяхъ этого города и, занявъ въ разныхъ мѣстахъ всѣ

дороги, отрѣзали Тильзитъ отъ сообщеній съ арміею Бенигсена, и по этому Константину Павловичу не оставалось ничего болѣе какъ только возвратиться въ этотъ городъ.

При извѣстіи о неудачѣ подъ Фридландомъ, императоръ Александръ окончательно склонился къ миру. Тогда произошло знаменитое Тильзитское свиданіе; Константинъ Павловичъ находился въ свитѣ своего брата, когда онъ и императоръ Наполеонъ свидѣлись между собою посрединѣ рѣки Нѣмана, въ устроенномъ для нихъ павильонѣ. Послѣ того завязалась большая пріязнь между обоими государями.

Миръ въ Тильзитѣ былъ подписанъ 27-го іюня 1807 года и при этомъ Константинъ Павловичъ получилъ отъ Наполеона ленту Почетнаго легіона. Изъ Тильзита онъ возвратился въ Петербургъ.

XII.

Цесаревичу было только двадцать восемь лѣтъ отъ роду, но онъ успѣлъ сдѣлать уже четыре кампаніи, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ, 1805—1806 и 1807 годовъ, великому князю, покрытому славою прежнихъ суворовскихъ походовъ, приходилось быть свидѣтелемъ пораженій, а не торжества русскаго оружія. При томъ, всѣ четыре сдѣланныя имъ кампаніи, а въ томъ числѣ даже и италіанская и швейцарская, прославленныя блестящими побѣдами русскихъ, окончились чрезвычайно неудачно; въ особенности же была печальна послѣдняя, предпринятая въ союзѣ съ Пруссіею, такъ какъ Тильзитскій миръ клонился исключительно къ выгодамъ Франціи. Великій князь съ самаго дѣтства чрезвычайно любилъ военное ремесло и въ ранней юности постояннымъ его желаніемъ было примѣнить это ремесло къ боевой практикѣ. Оказалось, однако, что такое примѣненіе не всегда сопровождается желанными результатами. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если такой прискорбный опытъ сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго великаго князя: онъ разлюбилъ войну, и въ Тильзитѣ соратникъ Суворова на равнинахъ Италіи и на вершинахъ снѣжныхъ Альпъ явился, противъ всякаго ожиданія, самымъ ревностнымъ поборникомъ мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, боевая жизнь повліяла на него въ другомъ отношеніи. До совершенныхъ имъ походовъ ему приходилось смотрѣть на солдатъ только какъ на предметъ военной техники и учебной выправки, въ походахъ же онъ сошелся съ ними при иныхъ условіяхъ—среди общихъ опасностей и лишеній, которыя всего скорѣе сближаютъ людей, не смотря на огромную разницу ихъ общественнаго и іерархическаго положенія. Узнавъ русскаго солдата вполнѣ, цесаревичъ не могъ не полюбить его, но полюбилъ его по своему, поставивъ выше чувства любви строгость дисциплины и точ-

ное соблюденіе всѣхъ воинскихъ порядковъ. Какъ начальникъ, Константинъ Павловичъ продолжалъ иногда слѣдовать тѣмъ взглядамъ, какіе онъ высказывалъ будучи еще юношей, прибавляя къ этимъ взглядамъ крайнюю неровность своего характера.

Почувствовавъ нерасположеніе къ войнѣ, Константинъ Павловичъ всетаки съ прежнимъ увлеченіемъ исполнялъ обязанность начальника мирной арміи, для усовершенствованія которой единственнымъ средствомъ считалось тогда постоянное и неутомимое занятіе строевыми эволюціями, маршировкой, выправкой, пригонкой амуниціи и вообще такими предметами, которые во время войны неизбѣжно отодвигаются на второй планъ. Великій князь не гнался за лаврами полководца, но желалъ и быть и слыть замѣчательнымъ организаторомъ арміи, къ чему влекли и его наклонности, обнаруженныя имъ съ самаго дѣтства, и привычки, усвоенныя имъ съ той же поры. Подобно тому какъ отецъ его съ беспримѣрною энергіею старался объ устройствѣ модельнаго войска изъ гатчинскихъ баталіоновъ по образцу нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ — Константинъ Павловичъ трудился надъ тѣмъ, чтобы всѣ ввѣренныя ему части войска были „модельными". Разница же въ этомъ случаѣ между занятіями отца и занятіями сына была та, что первый изъ нихъ безусловно слѣдовалъ прусскому образцу, какъ идеалу всего лучшаго по части обученія и обмундированія войскъ, тогда какъ Константинъ Павловичъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно по собственнымъ своимъ соображеніямъ, улучшая всѣ части въ тѣхъ командахъ, которыя состояли подъ его начальствомъ. Къ этому ему представлялась полная возможность, такъ какъ, въ царствованіе Александра Павловича, почти исключительно отъ него зависѣли и введеніе и отмѣна по всему войску какъ фронтовыхъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Кромѣ того, къ гвардіи изъ армейскихъ полковъ прикомандировывались офицеры, которые, живя въ Стрѣльнѣ, обучались подъ надзоромъ великаго князя фронтовымъ эволюціямъ, и по окончаніи тамъ обученія возвращались въ свои команды, которыя и перенимали черезъ нихъ все то, что было заведено въ Стрѣльнѣ.

Нелюбовью великаго князя къ войнѣ объясняется, вѣроятно, то обстоятельство, что онъ не принималъ участія ни въ австрійской, ни въ шведской, ни въ турецкихъ войнахъ, которыя вела Россія послѣ заключенія Тильзитскаго мира, но, живя то въ Петербургѣ, то въ Стрѣльнѣ, и здѣсь и тамъ занимался дѣятельно обученіемъ войска въ манежахъ, на плацъ-парадахъ и маневрахъ и былъ самымъ бдительнымъ блюстителемъ по исполненію всѣми чинами тогдашняго воинскаго устава.

Врожденное великому князю нетерпѣніе и неудержимая его вспыльчивость мѣшали, однако, ему сохранять то хладнокровіе и спокойствіе, которыя такъ необходимы для военныхъ инструкторовъ. При видѣ малѣйшей неисправности, нерѣдко ничтожнаго отступленія отъ порядка службы, неправильнаго движенія колонны, роты или взвода, онъ выходилъ изъ себя и гнѣвъ его не зналъ тогда предѣловъ. Выговоры и замѣчанія сыпались на тѣхъ, кого великій князь считалъ виновными, но послѣдствія его раздраженія отзывались обыкновенно и на тѣхъ, кто не былъ причиною его гнѣва. Веригинъ, служившій въ Варшавѣ подъ начальствомъ великаго князя, говоритъ въ своихъ „Запискахъ",—завѣщанныхъ имъ редакціи „Русской Старины",—между прочимъ, слѣдующее: „если полковой командиръ заслуживалъ гнѣвъ своего царственнаго начальника, то при первомъ ученіи весь полкъ терпѣлъ одинаково съ своимъ полковымъ командиромъ; если ротный начальникъ вызывалъ въ немъ неудовольствіе, то вся рота никуда не годилась; если прапорщикъ вдавался въ либерализмъ (?), то великій князь взыскивалъ не только съ него, но и съ его взвода. Цесаревичъ,—добавляетъ Веригинъ,—любилъ покорность безъ разсужденій".

Такое обобщеніе вины и при томъ иногда только кажущейся, а не дѣйствительной, обращало въ большой трудъ службу подъ начальствомъ Константина Павловича, личная требовательность котораго превосходила очень часто не только самыя строгія требованія военной службы, но иногда и физическую возможность. Гнѣвныя вспышки Константина Павловича поражали всѣхъ своею крайностію. Такъ, однажды, когда онъ дѣлалъ смотръ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, лошадь его чего-то испугалась и кинулась въ сторону; великій князь, выхвативъ палашъ, ударилъ имъ пугливаго коня, вообще очень сердился, и, изранивъ лошадь, слѣзъ съ нея...

Подобные неудержимые припадки гнѣва съ видоизмѣненными примѣненіями ихъ повторялись постоянно и великій князь былъ грозою ученій, смотровъ, разводовъ, карауловъ и парадовъ. Ѳаддей Булгаринъ, какъ видно изъ напечатанныхъ записокъ Н. И. Греча, описалъ въ слѣдующихъ стихахъ положеніе стрѣльнинскихъ воиновъ:

Трепещетъ Стрѣльна вся, повсюду ужасъ, страхъ.
Неужели землетрясенье?
Нѣтъ, нѣтъ!—Великій князь ведетъ насъ на ученье...

Въ началѣ царствованія императора Александра цесаревичъ завѣдывалъ Днѣпровскою дивизіею, расположенною въ юго-западныхъ

губерніяхъ, и потому нѣкоторое время квартировалъ въ мѣстечкѣ Дубно, центрѣ своей инспекціи. Здѣсь онъ могъ ознакомиться съ мирнымъ положеніемъ армейскихъ войскъ, тогда какъ прежде, живя въ Петербургѣ и въ Стрѣльнѣ, онъ не имѣлъ случая изучить хорошенько этотъ весьма важный вопросъ какъ въ военной администраціи, такъ и въ военномъ хозяйствѣ.

Въ бытность же свою въ Петербургѣ, Константинъ Павловичъ принималъ участіе въ слѣдующихъ по военному вѣдомству работахъ.

24-го іюня 1801 года, по повелѣнію императора, а очень можетъ быть, что и по мысли цесаревича, была учреждена въ Петербургѣ „воинская коммисія", въ виду того, что суммы на содержаніе сухопутныхъ войскъ съ 1796 года весьма возвысились. Коммисія должна была привести расходы по этой части въ надлежащую соразмѣрность и „пріобрѣсть способы къ народному облегченію". Предсѣдателемъ вновь образованной коммисіи былъ назначенъ Константинъ Павловичъ, а членами ея: генералы-отъ-инфантеріи князь Прозоровскій, Ламбъ, Татищевъ и Голенищевъ-Кутузовъ; генералъ-провіантмейстеръ Свѣчинъ и генералъ-лейтенанты Тормазовъ, князь Волконскій и князь Долгорукой. Предметами занятій этой коммисіи были: опредѣленіе числа войскъ и общее ихъ положеніе; опредѣленіе числа войскъ по разнымъ родамъ и именованіямъ, а также числа людей въ полку и въ ротѣ; продовольствіе войска; положеніе ремонтной службы; одежда,—при разсмотрѣніи этого послѣдняго вопроса предполагалось „дать одеждѣ видъ воинственный и прочный и не только для всѣхъ оборотовъ службы и для сохраненія здоровья и бодрости солдатъ вообще удобнѣйшій, но и каждому роду войскъ приличнѣйшій". Ко всему указанному выше присоединялись еще вопросы о вооруженіи войскъ пѣхотныхъ и конныхъ, объ устроеніи сѣделъ и вообще конской сбруи и, наконецъ, о содержаніи артиллеріи. Въ 1802 году коммисія эта приступила къ печатанію рисунковъ придуманной ею формы обмундированія.

Другой родъ занятій цесаревича по одному изъ общихъ для всего государства вопросовъ состоялъ въ занятіяхъ вопросомъ по проекту объ управленіи военно-учебными заведеніями. 29-го марта 1804 года императоръ утвердилъ докладъ великаго князя, уже давно завѣдывавшаго упомянутыми заведеніями, „объ учрежденіи совѣта о военныхъ корпусахъ". Предсѣдателемъ вновь учрежденнаго совѣта былъ назначенъ цесаревичъ, а членами его: министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, министръ военно-сухопутныхъ силъ Вязмитиновъ, инженеръ-генералъ Сухтеленъ, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ

князь Чарторижскій, товарищъ министра юстиціи Новосильцевъ и генералъ-маіоры Клингеръ и Клейнмихель. Такимъ образомъ, въ этомъ совѣтѣ явились два самыя близкія къ императору въ ту пору лица, Чарторижскій и Новосильцевъ, который въ послѣдствіи былъ главнымъ сотрудникомъ цесаревича по управленію Царствомъ Польскимъ. Совѣтъ немедленно долженъ былъ приступить къ устроенію въ назначенныхъ мѣстахъ губернскихъ военныхъ училищъ и къ преобразованію высшихъ кадетскихъ корпусовъ. Онъ долженъ былъ учредить отъ себя особый комитетъ для составленія уставовъ и штатовъ для всѣхъ означенныхъ учебныхъ заведеній. Цесаревичъ открылъ засѣданія совѣта 4-го апрѣля 1805 года и первымъ постановленіемъ совѣта было уравненіе по управленію 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ.

Непосредственныя предположенія Константина Павловича по военному вѣдомству касались самыхъ разнородныхъ и, повидимому, для неспеціалистовъ иной разъ самыхъ мелочныхъ предметовъ. Такъ, по проекту цесаревича, 21-го декабря 1803 года, были учреждены при кавалерійскихъ полкахъ запасные эскадроны и полуэскадроны; прибавлены, 17-го февраля 1804 года, въ каждый эскадронъ лейбъ-казачьяго полка по 28-ми человѣкъ для облегченія службы; назначены пастбища нѣкоторымъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкамъ; составленъ уставъ о лагерной службѣ и о продовольствіи строевыхъ лошадей подножнымъ кормомъ; о довольствѣ этихъ лошадей сухимъ фуражомъ, вмѣсто 9-ти—10 мѣсяцевъ въ году. Въ 1811 году онъ представлялъ на высочайшее утвержденіе росписаніе кавалерійскихъ полковъ по старшинству ихъ сформированія. Цѣль этого росписанія клонилась къ тому, чтобы полки, во время строя и въ другихъ случаяхъ, могли становиться по назначенному въ росписаніи порядку.

Кромѣ всего этого, черезъ руки цесаревича проходило множество другихъ вопросовъ: объ уравненіи числа людей въ баталіонахъ; о порядкѣ смѣны стоящихъ въ караулахъ эскадроновъ; о формѣ эполетъ; объ амуничныхъ вещахъ гвардейскихъ и егерскихъ полковъ; о гусарскихъ ментикахъ; о переименованіи полковъ и о нумерахъ дивизій на погонахъ; о перевязяхъ и портупеяхъ въ пѣхотныхъ полкахъ; о зимнихъ и лѣтнихъ панталонахъ; о чепракахъ; о формѣ мѣсячныхъ рапортовъ; о штандартахъ; о конскихъ потникахъ; о выключкѣ нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ; объ отверткахъ къ ружьямъ, и о пробоинахъ къ пистолетамъ. Всѣ эти вопросы въ общей системѣ военнаго управленія и хозяйства имѣли практическую важность, и несомнѣнно, что указанія цесаревича, вполнѣ знакомаго со всѣми мелочами военнаго быта и полковаго хозяйства, оказывались полезны, и, конечно, не даромъ онъ, по тогдашнимъ понятіямъ и

потребностямъ, слылъ во всей русской арміи самымъ способнымъ и самымъ дѣятельнымъ организаторомъ.

Такого рода занятія, прерываемыя двумя походами цесаревича сперва въ Австрію, а потомъ въ Пруссію, продолжались до 1812 года. Начавшаяся въ этомъ году война отвлекла его отъ обычныхъ занятій. Послѣ отечественной войны, ему, 8-го февраля 1813 года, отданъ въ команду формировавшійся тогда гвардейскій саперный баталіонъ, а въ 1814 году, подъ его руководствомъ, генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ формировалъ конно-егерскій полкъ, который долженъ былъ быть причисленъ къ составу гвардейскаго корпуса. Второй походъ во Францію и пребываніе за границею прекратили постоянныя занятія цесаревича по завѣдыванію гвардейскимъ корпусомъ и всею кавалеріею, а затѣмъ назначеніе его главнокомандующимъ польскою арміею потребовало постояннаго его присутствія въ Варшавѣ. Не смотря, однако, на это, онъ сохранялъ за собою нѣкоторое время званіе генералъ-инспектора всей кавалеріи и продолжалъ до конца жизни состоять главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а съ 1822 года въ завѣдываніи его былъ и Царскосельскій лицей. Къ исторіи управленія великимъ княземъ военно-учебными заведеніями относится слѣдующій разсказъ, заимствованный нами изъ рукописи, принадлежащей редакціи „Русской Старины“.

XIII.

Войдя, послѣ Тильзитскаго мира, въ близкія, даже дружескія отношенія съ Наполеономъ, императоръ Александръ Павловичъ направилъ русское оружіе противъ прежней своей союзницы — Австріи, но вскорѣ образъ дѣйствій со стороны императора французовъ вызвалъ въ немъ сильное неудовольствіе. Оказывая полякамъ свое покровительство, Наполеонъ къ возстановленному имъ, подъ властію короля Саксонскаго, герцогству Варшавскому прибавилъ еще значительную территорію на счетъ областей, отошедшихъ къ Австріи при бывшихъ прежде раздѣлахъ Польши. По поводу этого, канцлеръ графъ Румянцевъ писалъ состоявшему при русскомъ дворѣ французскому резиденту генералу Коленкуру, что присоединеніе до 2.000,000 новыхъ подданныхъ къ герцогству Варшавскому могло возбудить въ жителяхъ герцогства несбыточныя надежды на возстановленіе королевства Польскаго въ прежнемъ составѣ и потому требовалъ именемъ своего государя отъ представителя Франціи, чтобъ Коленкуръ испросилъ у императора Наполеона полномочіе на подписаніе

акта, который разъ навсегда обезпечилъ бы за Россіею спокойное обладаніе областями, возвращенными ей отъ Польши, и положительно удостовѣрилъ бы жителей какъ этихъ областей, такъ равно и герцогства Варшавскаго, что увеличеніе территоріи этого послѣдняго „никогда" не поведетъ къ возстановленію королевства Польскаго. Вслѣдствіе этой ноты графа Румянцева и по повелѣнію Наполеона, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи отвѣчалъ русскому канцлеру, что благодарность—первая добродѣтель монарховъ, и честь—первый законъ ихъ, воспрещаютъ императору Наполеону оставить въ рукахъ австрійцевъ страну, единодушно противъ нихъ возставшую. Его величество,—писалъ Шампаньи,—соображая свои дѣйствія съ видами своего союзника, императора Александра, присоединилъ западную Галицію къ герцогству Варшавскому, которымъ владѣетъ король Саксонскій, извѣстный миролюбіемъ и умѣренностію. Императоръ Наполеонъ не только не хочетъ возбудить чуждой ему мысли о возстановленіи Польши, но готовъ содѣйствовать императору Александру во всемъ, могущемъ изгладить о ней память и истребить имя Польши и поляковъ, не только въ государственныхъ бумагахъ, но даже и въ исторіи, чтобъ тѣмъ самымъ положить конецъ мечтаніямъ болѣе вреднымъ для самихъ поляковъ, нежели для правительствъ, которымъ они принадлежатъ.

На основаніи такого отзыва со стороны императора Наполеона, Коленкуръ, 24-го декабря 1809 (5-го января 1810), заключилъ въ Петербургѣ конвенцію, въ которой сказано было: 1) что королевство Польское никогда не будетъ возстановлено; 2) что обѣ договаривающіяся стороны употребятъ всѣ средства къ тому, чтобъ имя Польши не присвоивалось никакой изъ бывшихъ ея областей и было бы навсегда изглажено изъ государственныхъ бумагъ; 3) что ордена, существовавшіе въ Польшѣ, навсегда будутъ уничтожены; 4) что русскіе подданные изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній не будутъ принимаемы на службу въ герцогствѣ Варшавскомъ; 5) что герцогство это не будетъ увеличиваемо областями, принадлежавшими Польшѣ, и 6) что Россія и герцогство не будутъ имѣть общихъ подданныхъ.

Императоръ Александръ Павловичъ не слишкомъ однако довѣрялся политикѣ своего новаго союзника въ отношеніи поляковъ и готовился воспользоваться ими, какъ пользовался Наполеонъ. Во время войны съ Австріею, главнокомандующій русскими войсками, князь С. Ѳ. Голицынъ, предложилъ императору возстановить королевство Польское, „постановивъ при этомъ на вѣчныя времена, что государи россійскіе суть короли польскіе". Александръ Павловичъ не отвергалъ безусловно такого предположенія, но опасался только, что при этомъ:

во первыхъ, нужно будетъ отдать полякамъ принадлежавшія имъ прежде русскія области, и во вторыхъ, что при возстановленіи Польши разорвется связь между дер ми, участвовавшими въ ея раздѣлѣ. Въ виду этого, императоръ Александръ колебался нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ выразилъ желаніе, чтобы князь Голицынъ внушалъ подъ рукою полякамъ мысль объ учрежденіи изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи королевства Польскаго, „ввѣривъ скипетръ онаго русскому государю“. По приказанію императора, канцлеръ графъ Румянцевъ велъ объ этомъ дѣятельную переписку съ Голицынымъ. Между тѣмъ, война съ Австріею кончилась и предположеніе, сдѣланное Голицынымъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій. При томъ вообще мало было и надежды на успѣхъ подобнаго предпріятія, такъ какъ поляки не оказывали намъ ни малѣйшаго сочувствія и Голицынъ между прочимъ доносилъ, что наглость варшавскихъ войскъ въ отношеніи русскихъ выходитъ изъ границъ, и что обоюдная ненависть существуетъ не только между офицерами, но даже и между нижними чинами обѣихъ армій.

Во время войны 1812 года, когда Наполеонъ вышелъ изъ предѣловъ Россіи, князь Адамъ Чарторижскій,— другъ юныхъ лѣтъ императора Александра, который въ ту пору велъ съ нимъ „тайные разговоры“, тщательно скрываемые отъ Константина Павловича—отправилъ, 12-го (24-го) декабря 1812 года, къ государю чрезъ Новосильцева записку о Польшѣ, подразумѣвая подъ этой послѣдней не одно только герцогство Варшавское, но и всю Рѣчь Посполитую въ прежнихъ ея предѣлахъ. Записка эта сопровождалась письмомъ къ Новосильцеву и въ этомъ письмѣ Чарторижскій объяснялъ, что „простое возстановленіе, обошедшееся очень дорого, было бы слишкомъ мало и оставило бы все въ томъ же положеніи“. Возстановленіе Польши въ предположенномъ смыслѣ (т. е. какъ это излагалось въ запискѣ князя) необходимо и Россіи, и Англіи, и всей Европѣ. Этимъ парализировалась бы сразу—по мнѣнію Чарторижскаго—сила Наполеона на сѣверѣ, что̀ составляетъ одно изъ необходимыхъ условій всеобщаго мира. „Въ случаѣ продолженія войны,—писалъ Чарторижскій,—надобно будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ поляки жертвовали послѣднимъ грошемъ и жизнію для общаго дѣла“.

Въ заключеніе своего письма, Чарторижскій, имѣя въ виду польскихъ подданныхъ Россіи, добавлялъ: „великій князь Константинъ ихъ въ особенности пугаетъ. Они боятся, что не дождутся конституціи, которая могла бы ихъ защитить отъ жестокостей наслѣдника Александра“. Въ этомъ случаѣ подъ поляками подразумѣвались жители областей, принадлежавшихъ Польшѣ, но тогда уже подвластныхъ Россіи.

Было бы долго говорить о ходѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ вопроса о возстановленіи Польши. Довольно замѣтить, что императоръ Александръ Павловичъ, подъ дѣйствовавшимъ на него вліяніемъ сторонниковъ Польши, пошелъ совершенно въ разрѣзъ той конвенціи 1809 года, которая была ратификована имъ, да притомъ и составлена по его инціативѣ, и которая клонилась къ полному уничтоженію даже слѣдовъ бывшаго королевства Польскаго. На Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ Павловичъ сталъ однако ревностнымъ поборникомъ возстановленія падшаго королевства и, послѣ большихъ усилій, достигъ желаемой цѣли. Подъ ограниченною властью его самого и его наслѣдниковъ, явилось снова королевство или царство Польское. 20-го (8-го) іюля 1815 года громъ пушекъ возвѣстилъ Варшавѣ о торжествѣ этого событія. Въ 9 часовъ утра въ соборномъ костелѣ св. Яна собрались всѣ правительственныя лица и послѣ божественной службы, были прочитаны сперва отреченіе короля Саксонскаго отъ правъ и титула герцога Варшавскаго, а потомъ манифестъ императора Александра о возстановленіи королевства Польскаго и главныя основанія даруемой королевству конституціи. Послѣ того, члены государственнаго совѣта, сенаторы, чиновники и жители приняли присягу въ вѣрности своему новому государю. На казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ появились бѣлые орлы и завѣяло польское знамя. Въ церквахъ служили благодарственныя молебствія. Для составленія конституціи былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Владислава Островскаго. Совѣтъ управленія царствомъ явился въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателемъ его былъ назначенъ намѣстникъ царства князь Зайончекъ, государственнымъ секретаремъ графъ Соболевскій, а членами: министры — финансовъ Матушевичъ, внутреннихъ дѣлъ графъ Мостовскій, просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—Станиславъ Потоцкій, юстиціи—Вавжецкій, военнымъ—Віельгорскій. Тайный совѣтникъ Новосильцевъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ императору Александру, получилъ при государственномъ совѣтѣ царства Польскаго званіе уполномоченнаго коммисара его императорскаго величества.

Конституція, составленная для царства Польскаго и обнародованная 28-го ноября н. с. 1815 года, заключала въ себѣ 165 статей и напоминала въ главныхъ чертахъ хартію, данную Франціи королемъ Людовикомъ XVIII, съ тою разницею, что, сравнительно съ нею, предоставляла полякамъ болѣе правъ по дѣламъ муниципальнымъ и по дѣламъ мѣстнаго управленія. Государю по этой конституціи предоставлялась исполнительная власть, а законодательная принадлежала сенату и палатѣ депутатовъ, состоявшей изъ 77 представителей отъ дворянъ и изъ 51 представителя отъ городовъ. Сеймъ положено

было созывать каждые два года; засѣданія его должны были быть открыты для публики и продолжаться въ теченіе тридцати дней.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принималъ никакого участія какъ въ разрѣшеніи вопроса о возстановленіи королевства Польскаго, такъ и въ вопросѣ объ организаціи внутренняго его управленія. Имя его не находилось въ спискѣ первенствующихъ сановниковъ новаго государства. Ему предоставлено было только, какъ и всѣмъ великимъ князьямъ императорскаго дома, право засѣдать въ сенатѣ и при чтеніи тамъ конституціи, 24-го декабря 1815 года, онъ занималъ первое сенаторское мѣсто по правой сторонѣ трона. Затѣмъ онъ, съ прежнимъ званіемъ генералъ-инспектора всей кавалеріи, получилъ главное начальство надъ польскимъ войскомъ, численность котораго должна была простираться до 35,000 человѣкъ. Войско это было почти на лицо.

Поляки, увлеченные побѣдами Наполеона, надѣялись видѣть въ немъ возстановителя Польши и стали сбираться подъ его знамена. Изъ этихъ пришельцевъ генералъ Домбровскій составилъ въ Италіи первый польскій легіонъ, въ рядахъ котораго раздалась дышащая воинственностію и увѣренностію въ побѣдѣ польская пѣсня: „Jescze Polska nie zginiela, pòkï my żyejemy "(т. е. Польша еще не пропала, пока мы живемъ). Напѣвая эту пѣсню, поляки мужественно бились въ разныхъ концахъ Европы и, торжественно распѣвая ее, они вступили въ оставленную нами Москву. Но прошла пора побѣдъ и счастья Наполеона и польскіе „вояки", разочарованные въ своихъ надеждахъ на Наполеона, остались послѣ его низложенія ни при чемъ. Имъ, закаленнымъ въ бояхъ воинамъ, не предстояло теперь ничего другаго, какъ только или разойтись мирно по домамъ или, разъединившись между собою, искать службы въ рядахъ иноплеменныхъ войскъ. Вышло однако иначе; случилось то, на что, повидимому, поляки не могли вовсе надѣяться послѣ паденія Наполеона.

Еще въ 1814 году, при заключеніи Фонтенеблоскаго трактата, командовавшій польскими войсками въ арміи императора французовъ, генералъ Домбровскій испрашивалъ у императора Александра дозволеніе имъ возвратиться въ Польшу. Въ свою очередь, государь, въ бытность свою въ Парижѣ, принялъ чрезвычайно благосклонно депутацію польскихъ легіоновъ и старался успокоить ее на счетъ будущности, предстоящей польскому войску. Заявивъ депутаціи о томъ, что онъ согласенъ исполнить просьбу ихъ предводителя, Домбровскаго, императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое желаніе, чтобъ войска герцогства Варшавскаго отправились домой одновременно съ русскими войсками, заявивъ при этомъ, что служащіе въ войскахъ герцогства, по прибытіи на родину, получатъ свободу или продолжать или оставить военную

службу. За тѣмъ, указывая депутатамъ польскаго войска на присутствовавшаго при ихъ пріемѣ великаго князя Константина Павловича, добавилъ: „командовать вами будетъ братъ мой“. Сборнымъ мѣстомъ для польскихъ войскъ была назначена Познань, куда и потянулись польскіе легіонеры изъ разныхъ странъ Европы.

Принявъ главное начальство надъ польскими войсками, цесаревичъ обратился къ нимъ съ дневнымъ приказомъ, въ которомъ говорилъ имъ: „явитесь готовыми поддержать цѣною вашей крови великодушныя усилія вашего августѣйшаго монарха, заботящагося о благосостояніи вашей страны. Тѣ самые вожди, которые въ продолженіе двадцати лѣтъ указывали вамъ путь къ славѣ, снова укажутъ его вамъ. Императору извѣстна ваша храбрость. Среди бѣдствій злополучной войны, ваша доблесть пережила независившія отъ васъ обстоятельства. Вы отличались великими подвигами въ борьбѣ, нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы посвятите всѣ свои усилія защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы!“

18-го августа 1814 года находившійся въ Варшавѣ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли далъ по арміи приказъ, въ которомъ оповѣщалось, что „корпусъ войскъ польскихъ, предавшихся совершенно во власть и покровительство августѣйшаго государя нашего, имѣетъ на сихъ дняхъ, по высочайшему его императорскаго величества соизволенію, вступить въ городъ Варшаву“; вслѣдствіе этого начальникамъ было приказано: внушить всѣмъ подчиненнымъ ихъ о дружественномъ обращеніи съ сими войсками. Собравшіеся въ Познани польскіе легіоны, съ своими блуждавшими повсюду одноглавыми орлами, потянулись теперь на родину, а въ Варшавѣ сталъ ходить слухъ, что цесаревичъ будетъ имѣть здѣсь постоянное жительство, и дѣйствительно стали отдѣлывать дворцы: Брюлевскій для его зимняго, а Бельведерскій для его лѣтняго пребыванія. 17-го сентября 1814 года, русскій гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ цесаревича, торжественно вступилъ въ Варшаву. Съ этимъ корпусомъ, въ видѣ почетной гвардіи, пришли и польскіе легіоны и въ день своего вступленія это русско-польское войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли.

Съ начала 1815 года приступлено было къ формированію польской арміи на особыхъ основаніяхъ и въ размѣрѣ, постановленномъ по Вѣнскому трактату. Инструкторами въ эту армію были назначены русскіе офицеры, а въ солдаты поступали туда не одни только уроженцы царства Польскаго, но и уроженцы западныхъ губерній; изъ нихъ же преимущественно былъ составленъ и такъ называвшійся литовскій корпусъ, расположенный въ губерніяхъ, смежныхъ съ царствомъ.

Поляки съ удовольствіемъ смотрѣли на составленіе ихъ собствен-

наго войска, но въ русскихъ кружкахъ образованіе отдѣльной польской арміи было встрѣчено не совсѣмъ спокойно. Одинъ изъ высшихъ представителей этого кружка, предсѣдатель временнаго совѣта управленія царства Польскаго, В. С. Ланской, потомокъ польской фамиліи, издавна, впрочемъ, поселившейся въ Россіи, рѣшился высказать въ письмѣ своемъ къ императору Александру опасенія, возбуждаемыя этою мѣрою. Онъ писалъ, что манифестъ о созданіи царства Польскаго не произвелъ такого вліянія, какого ожидать бы можно отъ народа болѣе „чувствительнаго", что „объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституціонномъ правленіи принимается не за милость, но за опасеніе послѣдствія отъ бѣглеца изъ Эльбы". „Все благосердіе твое,— писалъ Ланской государю,—и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ вообще и войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго изліять ядъ свой". Письмо свое Ланской оканчиваетъ замѣчаніемъ, что „ни въ какомъ случаѣ считать (расчитывать) на поляковъ не можно". Дѣйствительно, „królewstwo kongressowe" или такъ называвшееся по просту поляками „congressówka" (конгрессувка) не удовлетворяло польскихъ патріотовъ.

Въ день торжественнаго объявленія въ Варшавѣ о возстановленіи королевства или царства Польскаго, бывшая армія герцогства Варшавскаго, преобразившаяся теперь въ королевско-польскую, въ присутствіи цесаревича, какъ своего главнокомандующаго, собравшись на равнинѣ близъ варшавскаго предмѣстья Воли, принесла по-баталіонно у сооруженнаго на этотъ случай алтаря присягу въ вѣрности королю или царю польскому Александру I. Устранивъ себя на первый разъ отъ всякаго участія въ гражданскомъ управленіи царства Польскаго, великій князь дѣятельно и съ любовью занимался устройствомъ польской арміи. Императоръ Александръ Павловичъ сочувственно относился къ его трудамъ по этой части и 11-го іюня 1816 года Константинъ Павловичъ писалъ изъ Стрѣльны Новосильцеву: „принятъ былъ такъ милостиво государемъ императоромъ, что даже этого никакъ не заслуживаю и, лучше сказать, государь изволилъ особенною своею ко мнѣ ласкою, будто бичомъ, подгонять, чтобъ я еще болѣе старался хлопотать".

Подъ руководствомъ цесаревича производилась дальнѣйшая организація польскихъ войскъ и литовскаго корпуса, которая была вполнѣ окончена только въ 1823 году и въ этомъ году, 17-го сентября, былъ большой смотръ упомянутымъ войскамъ и корпусу. На этотъ смотръ, происходившій подъ Брестъ-Литовскомъ, былъ приглашенъ цесареви-

чемъ императоръ Александръ, который остался чрезвычайно доволенъ организаторскими трудами своего брата.

По польскимъ войскамъ были назначены оклады, значительно превосходившіе оклады, существовавшіе въ ту пору въ русскихъ войскахъ. Оружіе всякаго рода, порохъ и военные снаряды стали въ изобиліи высылаться изъ Россіи для польской арміи. Русскій корпусъ войскъ, стоявшій на границахъ царства Польскаго, былъ названъ „отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ" и служившіе въ немъ русскіе были переведены въ другія войска, расположенныя внутри имперіи. Срокъ службы въ польскихъ войскахъ полагался для нижнихъ чиновъ восьми-годичный, такъ что постепенно все мужское населеніе Польши, побывавъ въ строю, могло ознакомиться съ военнымъ ремесломъ.

Организація военныхъ силъ возстановленнаго императоромъ Александромъ Павловичемъ королевства Польскаго не ограничилась только этимъ. Тамъ принимались, сверхъ того, мѣры для усиленія внутренней обороны края. Находившіяся въ царствѣ крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ фортификаціи, а крѣпость Замостье была возобновлена и усилена. Въ послѣдствіи поляки убѣдили Константина Павловича ходатайствовать о возведеніи крѣпости въ Тирасполѣ, какъ бы въ противоположность русской крѣпости, построенной въ Бобруйскѣ, но это было уже въ царствованіе императора Николая, который смекнулъ въ чемъ тутъ дѣло, и не согласился на такое предложеніе. Независимо отъ оружія, бывшаго въ дѣйствительномъ употребленіи въ польской арміи, главные ея представители испросили присылку новаго изъ Россіи, и когда въ Польшу было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, то тѣ же лица нашли предлогъ, чтобъ не сдавать лишняго и негоднаго оружія русскимъ властямъ и помѣстили его про запасъ въ варшавскомъ арсеналѣ. По другимъ, впрочемъ, свѣдѣніямъ, непосредственно цесаревичъ приказывалъ сдавать чуть-только испорченное оружіе въ арсеналъ и тѣмъ самымъ подготовилъ въ немъ большіе запасы. По ходатайству Константина Павловича, императоръ Александръ разрѣшилъ обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насыпью. Испрашивалось же это подъ тѣмъ благовиднымъ, вовсе не стратегическимъ предлогомъ, чтобъ затруднить ввозъ въ городъ контрабанды.

Хотя, какъ мы уже замѣчали, великій князь, получивъ званіе главнокомандующаго польскою арміею, не принималъ офиціально никакого участія во внутренней администраціи царства, но въ сущности онъ былъ тамъ, по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія краемъ, такимъ же слишкомъ почетнымъ и слишкомъ вліятельнымъ „волонтеромъ", какимъ онъ былъ нѣкогда при арміи Суворова. Нельзя пред-

положить, чтобы дряхлый намѣстникъ, князь Зайончекъ, которому отъ имени русскаго правительства было такъ трудно ладить съ поляками вообще, и съ польскою аристократіею въ особенности, а также и уполномоченный императорскій коммисаръ, человѣкъ слишкомъ близкій къ великому князю, предпринимали какія нибудь мѣры по царству безъ предварительнаго совѣщанія съ братомъ императора и безъ руководства съ его стороны. Михайловскій-Данилевскій въ „Запискахъ" своихъ сообщаетъ, что Зайончекъ не предпринималъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись предварительно съ великимъ княземъ. Авторъ „Замѣтокъ о польскомъ возстаніи въ 1830 году" („Русскій Архивъ" 1867 г.), говоритъ: „когда, въ 1815 году, великій князь принялъ во вновь созданномъ царствѣ Польскомъ верховное управленіе, онъ сразу повелъ дѣло къ цѣли, безъ уступокъ, даже круто, чего, повидимому, требовали сами обстоятельства". Такое сообщеніе съ формальной точки зрѣнія не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Константинъ Павловичъ не принималъ въ 1815 году верховнаго управленія въ царствѣ Польскомъ и вообще уклонялся отъ званія намѣстника, не желая занимать никакихъ высокихъ должностей. Несомнѣнно, однако, что его вліяніе и его рука и даже его прихоти чувствовались во всѣхъ дѣлахъ края. Съ внѣшней стороны, цесаревичъ оставался вѣренъ тому положенію, какое онъ занималъ въ Варшавѣ; во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ онъ уступалъ первый шагъ намѣстнику, а въ торжественные дни, между прочимъ и въ день празднества, установленнаго въ память учрежденія царства Польскаго, онъ, по окончаніи парада, въ полной формѣ и въ сопровожденіи всей своей свиты, являлся во дворецъ намѣстника для принесенія поздравленія князю Зайончеку, который оставался намѣстникомъ до самой своей смерти, т. е. до 18-го іюня 1826 года. Никакимъ особымъ высочайше обнародованнымъ указомъ не была предоставлена цесаревичу власть по государственному управленію царствомъ. По поводу присвоенія цесаревичу такой власти, одинъ изъ польскихъ историковъ замѣчаетъ, что Константинъ Павловичъ „otrzymal przywileje, które go wlasciwie robiły wice-królem podczas gdy Zajączek był tylko ciwilnym namiestnikiem we wszystkiem poddany forkasom Konstantēgo", т. е. получилъ такія привиллегіи, которыя собственно дѣлали его вице-королемъ въ то время, когда Зайончекъ былъ только гражданскимъ намѣстникомъ, подчиненнымъ во всемъ приказаніямъ Константина.

Е. П. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указы Петра III и Екатерины II объ имѣніяхъ графини Елисаветы Романовны Воронцовой.

1.

Указъ Правительствующему Сенату. Всемилостивѣйше пожаловали мы Двора Нашего оберъ-гофъмейстеринѣ графинѣ Воронцовой, изъ такъ названныхъ собственныхъ деревень Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны вѣчныя памяти, въ Новгородскомъ уѣздѣ Семерецкую волость, и Вкашинскомъ уѣздѣ село Кирму, со всѣми къ онымъ принадлежностями въ вѣчное и потомственное владѣніе и повелѣваемъ учинить по сему указу. Петръ. Въ Санктпетербургѣ. Февраля 14-го дня 1762 года.

2.

Вмѣсто пожалованной указомъ Нашимъ отъ 14-го числа минувшаго февраля Двора Нашего оберъ-гофмѣйстеринѣ графинѣ Воронцовой въ Новгородскомъ уѣздѣ Семерской волости, всемилостивѣйше жалуемъ ей въ томъ же уѣздѣ Силесарскую волость съ приписными къ оной, а помянутую Семерскую волость Нашему статскому дѣйствительному совѣтнику Ивану Пуговишникову въ вѣчное и потомственное владѣніе. «Петръ». Въ Санктпетербургѣ. Марта 9-го дня 1762 года.

3.

При бывшемъ послѣднемъ правленіи даны оберъ-гофмейстеринѣ Нашей графинѣ Аннѣ Воронцовой изъ собственныхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны вотчинъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ Силосарская волость; да въ Кашинскомъ уѣздѣ село Кимра. А нынѣ Мы, подтверждая оное, жалуемъ вновь всемилостивѣйше ей, графинѣ Аннѣ Воронцовой, и наслѣдникамъ ея въ вѣчное и потомственное владѣніе помянутую же Силосарскую волость съ приписными къ ней другими осмью волостями же, а именно: Озеревскою, Кривинскою, Сопинскою, Никольскою-Суглицкою, Никольскою-Сяскою, Дмитріевскою, Соцкою, Михайловскою, Черенскою, и Никольскою-Явосемскою да тоже въ Кашинскомъ уѣздѣ село Кимру со всѣми какъ къ оному селу, такъ и къ Силосарской и выше означеннымъ къ ней приписаннымъ волостямъ землями, угодьями и принадлежностями. И повелѣваемъ Нашему Сенату, изготовя на то жалованную Нашу грамоту, поднесть оную Намъ къ подписанію. Екатерина. Въ Москвѣ. 30-го октября 1762 года.

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

Примѣчаніе. Графиня Елисавета Романовна Воронцова родилась 13-го августа 1739 г. въ супружествѣ, съ 1765 г. была за А. И. Полянскимъ; скончалась 2-го февраля 1792 года. См. о ней «Русская Старина» изд. 1871 г. т. III, стр. 461—462 и стр. 674.

ШТУРМЪ, БЛОКАДА И ВЗЯТІЕ КАРСА

въ 1855 году.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ историческихъ произведеній, которыми подарилъ насъ текущій годъ, безъ сомнѣнія, надобно отнести сочиненіе покойнаго генералъ-адъютанта Николая Николаевича Муравьева, подъ заглавіемъ „Война за Кавказомъ въ 1855 году“.

Въ виду современныхъ событій на востокѣ, книга эта пріобрѣтаетъ особенный интересъ, такъ какъ нынѣшнія дѣйствія въ Азіатской Турціи, въ отношеніи стратегическомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, представятъ много аналогіи съ тѣмъ, что происходило на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій 22 года тому назадъ.

Книга эта имѣетъ еще и то важное значеніе, что она написана человѣкомъ, въ рукахъ котораго соединены были, въ то время, всѣ нити военнаго и гражданскаго управленія Кавказскимъ краемъ,—которому извѣстны были планы и виды правительства, равно какъ и всѣ, имѣющіяся для ихъ осуществленія, средства,—который, наконецъ, самолично заправлялъ всѣмъ ходомъ войны въ Малой Азіи.— Поэтому, сочиненіе Н. Н. Муравьева представляетъ трудъ во всѣхъ отношеніяхъ поучительный для современныхъ военныхъ дѣятелей,— тѣмъ болѣе, что оно вышло изъ-подъ пера человѣка замѣчательно умнаго, многосторонне-образованнаго, опытнаго въ боевомъ отношеніи и получившаго основательную военно-теоретическую подготовку.

Тонъ всего сочиненія таковъ, какого и можно было ожидать отъ личности, подобной покойному Николаю Николаевичу: серьезный, спокойный, самоувѣренный.—Муравьевъ не скрываетъ неудачъ, ни чужихъ, ни своихъ; хотя къ послѣднимъ, и именно къ капитальнѣйшей своей неудачѣ, т. е. къ несчастному приступу на Карсъ,—относится такъ, какъ будто она произошла по совершенно независившимъ отъ него обстоятельствамъ. О томъ, сколь ошибочны были его первоначальныя сужденія о кавказскихъ войскахъ (выраженныя въ столь

извѣстномъ письмѣ его къ Алексѣю Петровичу Ермолову) [1]), онъ, конечно, не упоминаетъ. О безтактности своего поведенія относительно нѣкоторыхъ изъ наиболѣе уважавшихся на Кавказѣ лицъ—и подавно умалчиваетъ.—Подобнаго сознанія въ своихъ заблужденіяхъ, да еще и печатнаго, безъ сомнѣнія, трудно ожидать отъ человѣка съ такимъ сильнымъ самолюбіемъ, какое приписывали покойному Н. Н. Муравьеву.

Вслѣдствіе этого, лицо, не ознакомившееся съ тѣмъ, что уже прежде писалось о кавказской дѣятельности Муравьева, прочитавъ помянутое сочиненіе, усвоитъ объ авторѣ онаго положительно благопріятное, но, можетъ быть,—не совсѣмъ вѣрное понятіе.

Имѣя это въ виду и желая, по мѣрѣ возможности, способствовать безпристрастнымъ сужденіямъ о нашихъ замѣчательнѣйшихъ дѣятеляхъ, мы полагаемъ своевременнымъ напомнить о той полемикѣ, которая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возникла между почитателями и порицателями Муравьева (главнымъ образомъ—на страницахъ „Русской Старины"), дабы читатель могъ сопоставить ихъ показанія и мнѣнія съ тѣмъ, что̀ онъ самъ пишетъ о своей дѣятельности за время намѣстничества на Кавказѣ. Такое сопоставленіе если и не всегда можетъ привести къ окончательнымъ выводамъ, какъ о характерѣ самого Муравьева, такъ и о его дѣятельности—то, по крайней мѣрѣ, дастъ возможность посмотрѣть на нихъ съ разныхъ сторонъ, безъ излишнихъ увлеченій.

Статьи о покойномъ Н. Н. Муравьевѣ, на которыя мы можемъ указать какъ на особенно заслуживающія вниманія, суть слѣдующія:

1) Блокада и штурмъ Карса въ 1855 году: неизданныя записки генералъ-лейтенанта Я. П. Бакланова; разсказы К. А. Ермолова, барона Е. И. Майделя и другихъ. Статья В. А. Потто („Русская Старина" 1870 г., декабрь).

2) Н. Н. Муравьевъ въ время намѣстничества его на Кавказѣ. Статья А. П. Берже. („Русская Старина" 1873 г., октябрь).

3) Н. Н. Муравьевъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Статья „Любителя Кавказа и Закавказья" („Русская Старина" 1874 г., май).

4) Графъ М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ. Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина („Русская Старина" 1874 г., сентябрь).

5) Знакомство мое съ Н. Н. Муравьевымъ. Статья И. И. Европеуса (тамъ-же).

6) По поводу полемики о князѣ Воронцовѣ и Н. Н. Муравьевѣ. Статья г. Зиссермана („Русскій Вѣстникъ" 1874 г.).

7) Статья Андрея Николаевича Муравьева („Русскій Архивъ").

---

[1]) См. «Русскую Старину» изданія 1873 года, томъ VI, стр. 542—543.

Для большей наглядности при сравниваніи фактовъ кавказской дѣятельности Муравьева,—такъ, какъ они изложены въ поименованныхъ статьяхъ,—съ тѣмъ, что́ онъ самъ пишетъ объ этой дѣятельности, считаемъ полезнымъ представить, здѣсь же, бѣглый конспектъ вновь вышедшаго сочиненія „Война за Кавказомъ въ 1855 г.“.

Каждая война Россіи съ Турціею,—говоритъ Муравьевъ въ началѣ своего сочиненія,—сопровождалась военными дѣйствіями въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ.

Въ 1853—1854 годахъ дѣйствія эти, съ нашей стороны, были весьма успѣшны и блистательныя побѣды, въ то время одержанныя, оградили Грузію отъ вторженія непріятеля. Бой подъ Курюкъ-Дере поставилъ турокъ въ невозможность начать новыя наступательныя дѣйствія въ 1854 году.

Въ 1855 г. Восточная война приняла размѣры болѣе обширные. Удвоивъ свои усилія противъ Севастополя, союзники обратили свое вниманіе и къ сторонѣ Кавказа, гдѣ военныя дѣйствія явились на трехъ отдѣльныхъ театрахъ: въ Малой Азіи, Мингреліи и близъ устьевъ Кубани,—совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга мѣстными препятствіями. Все кавказское побережье Чернаго моря, начиная отъ Новороссійска, было нами оставлено; только по берегамъ Мингреліи и Гуріи содержались слабые обывательскіе караулы.—Въ долинѣ р. Ріона стоялъ особенный отрядъ, называвшійся Гурійскимъ и имѣвшій назначеніемъ охранять Гурію и Мингрелію отъ вторженій со стороны моря и оборонять Кутаисъ, черезъ который пролегалъ единственный путь къ Тифлису. Край, составляющій долину р. Ріона, отдѣляется высокими и малодоступными Аджарскими горами отъ театра военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи и имѣлъ съ нимъ, въ то время, только одно хотя и кружное, сообщеніе: черезъ Ахалцыхъ, Биржомское ущелье, Суратъ, Имеретинскія горы и Кутаисъ.

Главныя военныя дѣйствія въ Малой Азіи, по условіямъ мѣстности, имѣли тоже два отдѣльныя поприща. Бо́льшая часть силъ нашихъ, дѣйствовавшихъ въ 1854 г. по направленію отъ Александрополя къ Карсу, была отчасти разъединена съ отрядомъ, покорившимъ Баязидъ, который находится въ долинѣ восточнаго Евфрата, отдѣленной отъ долины Аракса хребтомъ высокихъ, почти непроходимыхъ Агридагскихъ горъ. Отрядъ этотъ могъ соединяться съ главными силами, подъ Александрополемъ, только пройденнымъ имъ путемъ, черезъ перевалъ Агридага—труднымъ, но единственнымъ возможнымъ для движенія тяжестей. Другаго сообщенія между ними не было, кромѣ пути, ведущаго черезъ с. Керпи-Кёвъ, что на Араксѣ, уже вблизи Эрзрума.

Въ эпоху прибытія Муравьева на Кавказъ, т. е. въ январѣ 1855 г., какъ главныя силы, такъ и Баязидскій отрядъ, находились на зимнихъ квартирахъ въ предѣлахъ Закавказья, куда они возвращены были еще осенью, потому что и Агридагъ и возвышенныя равнины Карсскаго пашалыка въ зимнее время покрываются глубокими снѣгами, препятствующими военнымъ дѣйствіямъ. Турки, отчасти по той же причинѣ, тоже ничего не предпринимали съ этой стороны; но, готовясь на слѣдующій годъ къ новымъ дѣйствіямъ, собирали свѣжія силы въ Эрзрумѣ и снабжали Карсъ артиллеріею, снарядами и продовольствіемъ.—Въ долинѣ Ріона, гдѣ климатъ совершенно иной, военныя дѣйствія не прекращались и зимою, но также ограничивались лишь маловажными стычками.

Что касается до отрядовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Анапы и охранявшихъ черноморское и азовское прибрежья, то они, по отдаленности, подчинены были особому начальнику и главнокомандующій кавказскою арміею устранялся отъ всякаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ на означенномъ пространствѣ.

За выѣздомъ изъ Грузіи князя Воронцова, все управленіе Кавказскимъ краемъ, въ началѣ 1855 г., находилось въ распоряженіи генералъ-адъютанта Реада.

Воззрѣнія высшихъ начальниковъ кавказскихъ на ближайшее будущее были весьма неутѣшительнаго свойства. Такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Муравьева:

— „Кавказское начальство, не признавая себя въ силахъ держаться противъ ожидаемаго напора отъ внѣшняго непріятеля и горцевъ, требовало—какъ оно выражалось: для огражденія края и войскъ, ему ввѣренныхъ, непремѣнной присылки изъ Россіи, по крайней мѣрѣ, еще одной дивизіи пѣхоты съ ея артиллеріею, одного полка регулярной кавалеріи и нѣсколькихъ Донскихъ казачьихъ полковъ; въ противномъ случаѣ, оно признавало совершенною необходимостію упразднить и очистить отъ войскъ Дагестанъ, или же передовыя укрѣпленія Кавказской линіи,—предоставляя избраніе того или другаго средства высшему правительству“.

Такъ какъ подкрѣпленій изъ Россіи присылать уже не было возможности, то надобно было поискать такого человѣка, который, будучи назначенъ намѣстникомъ Кавказскимъ, съумѣлъ бы обойтись и съ тѣми силами, которыя тамъ найдутся.

Выборъ государя палъ на Муравьева.

Въ первыхъ дняхъ 1855 года, новый намѣстникъ былъ на пути въ Грузію; но, готовясь къ предстоящимъ за границею военнымъ дѣйствіямъ, онъ долженъ былъ ознакомиться съ состояніемъ дѣлъ на

Кавказской линіи и принять мѣры, какъ для огражденія той страны отъ ожидаемыхъ вторженій Шамиля, такъ и для усиленія дѣйствующихъ на турецкой границѣ войскъ.

Прибывъ въ Ставрополь, гдѣ сосредоточивалось главное управленіе линіею, и вникнувъ въ занятія войскъ, Муравьевъ нашелъ возможность отдѣлить часть оныхъ на усиленіе корпуса, находившагося на мало-азіатской границѣ. При послѣдующемъ же объѣздѣ Кавказской линіи, онъ убѣдился, что бросать передовыя линіи наши (какъ то предполагалось кавказскимъ начальствомъ) не только не было никакой надобности, но что предстояла, напротивъ того, возможность, въ теченіе 1855 г., подаваться впередъ на обоихъ флангахъ.

Но для достиженія сего неизбѣжно было отчасти измѣнить существовавшій въ кавказскихъ войскахъ обычай — отвлекать отъ службы множество людей на хозяйственныя занятія, вслѣдствіе чего въ строй выходило слишкомъ малое число.

Постоянно имѣя въ виду желаніе государя: обходиться тѣми способами, какіе найдутся на мѣстѣ, Муравьевъ усердно занялся изысканіемъ этихъ способовъ. Около мѣсяца провелъ онъ на линіи; но время это не было потеряно, и, конечно, вознаградило то, что̀ могло быть утрачено нѣсколько запоздалымъ прибытіемъ его въ центръ управленія—Тифлисъ.

Результатомъ его первыхъ распоряженій было отправленіе за Кавказъ восьми, почти комплектныхъ, баталіоновъ резервной дивизіи Кавказскаго корпуса, съ двумя пѣшими резервными батареями артиллеріи, трехъ Донскихъ казачьихъ полковъ и одной конной Донской казачьей батареи. Кромѣ того, полки Кавказской линіи послали за Кавказъ людей на усиленіе баталіоновъ, отправленныхъ ими туда же въ предъидущемъ году.

За выступленіемъ названныхъ частей, въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Козловскаго, начальствовавшаго всею линіею, оставалось для обороны края: 44 баталіона пѣхоты, 19 линейныхъ казачьихъ полковъ (по 750 всадниковъ въ каждомъ), и нѣсколько резервныхъ полковъ и сотень того же войска, сформированныхъ въ 1854 году. Конница сія еще усиливалась 10-ю Донскими казачьими полками, высылаемыми въ тотъ край на службу, и 4-мя сотнями Дунайскихъ казаковъ, приведенныхъ на линію во время начальствованія князя Воронцова. Полевой артиллеріи и гарнизона по крѣпостямъ было избыточно.

Кромѣ того, приняты были разныя мѣры для удержанія горцевъ, ободренныхъ развлеченіемъ нашихъ силъ. Относительно-спокойному ихъ поведенію способствовало и возвращеніе Шамилю его сына, вы-

даннаго въ обмѣнъ знатныхъ плѣнницъ, похищенныхъ при набѣгѣ на Кахетію, въ 1854 году. Молодой Шамиль, обласканный императоромъ Николаемъ, сохранилъ къ нему чувства благодарности и преданности, и должно полагать, что его внушенія нѣсколько повліяли и на отца.

1-го марта Муравьевъ прибылъ въ Тифлисъ. Такъ какъ равнины, отдѣляющія насъ отъ Карса, равно какъ и Агридагскій хребетъ, еще покрыты были снѣгомъ и не допускали открытія тамъ военныхъ дѣйствій, то онъ воспользовался свободнымъ временемъ для посѣщенія Мингреліи и Гуріи.

Оберегавшій эти страны отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Багратіона-Мухранскаго, былъ значительно ослабленъ болѣзнями—послѣдствіемъ пребыванія въ долинѣ нижняго Ріона, отличающейся своимъ смертоноснымъ климатомъ. Всего въ Гурійскомъ отрядѣ, весною 1855 года, можно было считать (кромѣ людей при артиллеріи) до 11-ти тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ и на конѣ, при 28-ми орудіяхъ. Подспорьемъ ему являлась мѣстная милиція, увеличивавшая силы отряда до 15-ти тысячъ. Кромѣ того, при немъ же состояла Ріонская флотилія, въ составѣ изъ семи барказовъ, съ прислугою изъ Азовскихъ пѣшихъ казаковъ. Она оказала услуги отважными набѣгами въ открытомъ морѣ, гдѣ захватывала не одинъ разъ небольшія турецкія суда съ провіантомъ.

Войскамъ Гурійскаго отряда, раздѣленнымъ Ріономъ, предписывалось, въ случаѣ сильнаго напора со стороны непріятеля, отступать обоими берегами рѣки до соединенія на Кодорской переправѣ или на границѣ Имеретіи. Тутъ, будучи сосредоточены и подкрѣплены ополченіями имеретинцевъ, они могли отразить значительныя непріятельскія силы; между тѣмъ, имѣлась въ виду возможность тревожить тылъ и фланги непріятеля посредствомъ народной войны, которую надѣялись возбудить, особенно въ Гуріи.

О турецкихъ силахъ, которыя могли дѣйствовать противъ Гурійскаго отряда, не имѣлось точныхъ свѣдѣній. Только изъ переписки англійскаго посланника въ Царьградѣ видно, что, въ началѣ лѣта 1855 г., турки считали по всему побережью, начиная отъ Батума до Сухумъ-Кале, отъ 12-ти до 15-ти тысячъ войска. Замѣтно было съ ихъ стороны стремленіе проникнуть въ наши предѣлы черезъ Аджарскія горы; но трудность мѣстоположенія и непокорный духъ жителей, не подчинявшихся никакой власти, имъ въ этомъ препятствовали. Въ долину Ріона они тоже намѣревались вторгнуться, но въ дѣйствіяхъ ихъ оказывалось всегда колебаніе. Они не могли расчитывать на содѣйствіе гурійцевъ и, повидимому, болѣе полагались на вражду къ намъ горскихъ племенъ, обитающихъ къ сѣверу. По сей причинѣ

турки, въ мартѣ мѣсяцѣ, стали перевозить войска изъ Батума въ Абхазію, владѣтель которой, князь Михаилъ Шервашидзе, вступилъ съ ними въ тайныя сношенія.

Сдѣлавъ необходимыя и возможныя распоряженія для охраненія Закавказскаго края со стороны моря, Муравьевъ обратилъ усиленное вниманіе на огражденіе Грузіи отъ нападенія горцевъ.

Къ веснѣ 1855 года оставлено было на Лезгинской линіи всего 11 баталіоновъ, которымъ приходилось охранять пространство въ нѣсколько сотъ верстъ, отъ крѣпости Нухи до р. Арагвы. Пѣхотныя войска эти, снабженныя достаточною артиллеріею, раздѣлены были на два отряда, расположенные противъ наиболѣе угрожаемыхъ выходовъ изъ горъ: въ кр. Закаталахъ и сел. Кварели. Прочія ущелья остались подъ наблюденіемъ небольшихъ карауловъ и разъѣздовъ. Въ случаѣ вторженія горцевъ черезъ одно изъ сихъ ущелій, ближайшій изъ отрядовъ долженъ былъ двинуться къ угрожаемому пункту, для отрѣзанія имъ пути отступленія. Для первой же встрѣчи горцевъ расположенъ былъ около сел. Карагачь (въ Кахетіи) кавалерійскій отрядъ съ одною батареею. Начальство надъ всѣми этими войсками поручено было тифлисскому губернатору князю Андронникову, который, по своему званію, въ случаѣ крайности, могъ для защиты границы собрать жителей въ помощь къ нѣсколькимъ грузинскимъ пѣшимъ дружинамъ, посланнымъ туда на усиленіе оборонительныхъ способовъ.

Для предупрежденія волненій въ мусульманскихъ провинціяхъ, прилегающихъ къ Персіи, расположенъ былъ близь Елисаветполя отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, съ артиллеріею и сотнею казаковъ, подъ командою генералъ-маіора Чаплица. Отрядъ сей имѣлъ также назначеніе двинуться къ Нухѣ, если бы Шамиль устремился въ ту сторону съ значительными силами. Другой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ отъ войскъ, занимавшихъ Дагестанъ, былъ выдвинутъ къ сѣверной покатости горъ, отдѣляющихъ Нуху отъ Кубы. Онъ угрожалъ тылу Шамиля, въ случаѣ нападенія его на Нуху, или, смотря по обстоятельствамъ, могъ двинуться къ самой Нухѣ.

Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ мѣръ, былъ расположенъ около Тифлиса резервный отрядъ, силою въ шесть баталіоновъ, съ двумя батареями [1]) и однимъ казачьимъ полкомъ. Войска эти не имѣли опредѣленнаго назначенія и даже не занимали карауловъ въ городѣ, такъ какъ должны были быть готовы двинуться туда, куда ихъ по-

---

[1]) Изъ числа 8-ми баталіоновъ, высланныхъ Муравьевымъ съ Кавказской линіи; остальные 2 баталіона двинуты въ Боржомское ущелье.

требуетъ главнокомандующій. Но присутствіе ихъ въ окрестностяхъ Тифлиса успокоивало жителей и давало болѣе простора въ предпринимавшихся военныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ, что не нужно было отдѣлять частей отъ главныхъ силъ при какихъ либо безпокойствахъ въ краѣ или при надобности въ войскахъ на другихъ границахъ.

Для обороны собственно города Тифлиса, на тотъ невѣроятный случай, если бы непріятель, высадившійся въ Мингреліи, проникъ въ Грузію, имѣлась въ готовности городская стража, состоявшая изъ 6-ти пѣшихъ тысячныхъ дружинъ, исполненныхъ бодрости и патріотизма. Ополченіе это, съ помощію артиллеріи, трехъ баталіоновъ тифлисскаго гарнизона и еще шести таковыхъ же дружинъ, которыя можно было собрать въ городѣ, могло, при хорошихъ распоряженіяхъ, оградить трудные доступы къ своей родинѣ и дать отпоръ непріятелю, хотя бы превосходному въ силахъ, но неизбѣжно потерпѣвшему при переходѣ черезъ Мингрелію и Имеретинскія горы, безъ продовольственныхъ и перевозочныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности обезпечивъ Закавказье отъ всякихъ враждебныхъ покушеній извнѣ, Муравьевъ имѣлъ возможность спокойно приготовиться къ предстоящимъ наступательнымъ дѣйствіямъ въ Малой Азіи.

I.

Въ Александрополь Муравьевъ прибылъ 13-го мая. Военныхъ дѣйствій еще нельзя было начинать, потому что на возвышенныхъ равнинахъ Карсскаго пашалыка мѣстами еще лежалъ снѣгъ, на многихъ мѣстахъ образовались топи и подножнаго корма нигдѣ еще не было. Войска между тѣмъ стягивались съ зимнихъ квартиръ къ Александрополю, гдѣ и сосредоточились къ концу мая.

Силы, которыми располагалъ главнокомандующій для предстоящихъ военныхъ дѣйствій, раздѣлялись на три части:

1) Центръ, при которомъ находился самъ главнокомандующій, собирался въ Александрополѣ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бриммера. Въ составъ его входили: 21½ баталіонъ, 28 эскадроновъ и 21 казачья сотня; кромѣ того, къ сему отряду присоединилось, въ началѣ кампаніи, еще 28 сотень иррегулярной конницы. Числительная сила войскъ центра простиралась до 24,500 человѣкъ, при 76-ти орудіяхъ.

2) Отрядъ праваго крыла, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, занимавшій крѣпости Ахалцыхъ и Ахалкалаки, состоялъ изъ 13-ти баталіоновъ и 15-ти сотень иррегулярной конницы—всего до 10,500 человѣкъ, при 16-ти орудіяхъ.

3) Отрядъ лѣваго крыла, подъ командою генералъ-маіора Суслова, имѣлъ назначеніемъ, перейдя Агридагскія горы, снова занять Баязидъ и дѣйствовать оттуда по большой дорогѣ на Эрзрумъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ и 16-ти сотень,— что составляло около 5,000 человѣкъ, при 8-ми орудіяхъ.

На время отсутствія намѣстника, управленіе всею Кавказскою линіею и Закавказскимъ краемъ ввѣрялось князю Бебутову, который до этого командовалъ Александропольскимъ отрядомъ.

Турецкая анатолійская армія, съ которою намъ предстояло имѣть дѣло, находилась, осенью 1854 г., въ жалкомъ состояніи. Неумѣлость, корыстолюбіе и апатія начальствующихъ лицъ чуть было не довели ее до окончательнаго разрушенія. Но когда прибылъ къ ней англійскій коммисаръ Вильямсъ, дѣла пошли иначе. Вслѣдствіе настойчивости и неутомимой энергіи его и состоявшихъ при немъ англійскихъ офицеровъ, все приняло другой видъ. Ряды войскъ были пополнены; продовольственная часть значительно улучшена; Карсъ и Эрзрумъ усилены новыми укрѣпленіями. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, и духъ солдатъ турецкихъ значительно поднялся.

При открытіи военныхъ дѣйствій, т. е. въ концѣ мая 1855 г., численность анатолійской арміи находилась въ слѣдующемъ состояніи: въ Карсѣ считалось на провіантѣ до 28 т. человѣкъ разнаго оружія. Число это вскорѣ возрасло до 33 тысячъ — болѣе сего въ Карсѣ не было во все время кампаніи. Баязидскій отрядъ состоялъ изъ 7-ми тысячъ регулярныхъ войскъ, при 22-хъ орудіяхъ; число же иррегулярныхъ войскъ при немъ часто измѣнялось и доходило отъ 5-ти до 10-ти тысячъ. Отрядъ этотъ стоялъ у сел. Учь-Килиса (на восточномъ Евфратѣ, пониже Баязида). Въ Эрзрумѣ находилось нѣсколько тысячъ человѣкъ всякаго оружія; но туда стягивались войска изъ Мосула и Діарбекира.

Въ означенную эпоху, общественное мнѣніе, не всегда руководимое полнымъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, направляло войска Кавказскаго корпуса черезъ всю Малую Азію къ Босфору, въ надеждѣ, что симъ отважнымъ движеніемъ, угрожающимъ Царьграду, союзники отвлекутся отъ главнаго предмета ихъ усилій—Севастополя. Но исполненію этой мѣры, занимавшей съ первой поры и самого Муравьева, должно было предшествовать занятіе Карса и уничтоженіе турецкой арміи, затѣмъ — овладѣніе Эрзрумомъ, откуда уже не предвидѣлось мѣстныхъ затрудненій къ дальнѣйшему слѣдованію, кромѣ разстоянія.

Можно было предвидѣть, что послѣ пораженій, понесенныхъ турками въ 1853 и 1854 годахъ, они не отважатся выйти въ поле. Надобно было поразить непріятеля въ самомъ убѣжищѣ его—Карсѣ.

Для покоренія этой крѣпости представлялось два способа: немедленный приступъ или правильная осада. По многимъ, весьма уважительнымъ, причинамъ, Муравьевъ ни на то, ни на другое не рѣшился, а предположилъ держать крѣпость въ блокадѣ сколь можно долѣе. овладѣвая продовольствіемъ, которое заготовлено было въ окрестностяхъ Карса, но которое турки не успѣли еще свезти въ крѣпость. Приступъ, по его мнѣнію, слѣдовало отложить до того времени, когда истощились бы всѣ средства къ покоренію крѣпости инымъ образомъ. Покорить же ее въ томъ же году Муравьевъ самъ признавалъ необходимымъ.

Для достиженія сего, было предположено:

1) Ставъ на главномъ сообщеніи Карса съ Эрзрумомъ, до полнаго еще обложенія крѣпости, обогнуть ее кольцомъ, посредствомъ движенія сильныхъ конныхъ отрядовъ,—что̀ должно было навести на непріятеля уныніе, стѣснивъ его сообщенія окольными путями съ Эрзрумомъ.

2) Занять кр. Ардаганъ (въ то время имѣвшую только самыя жалкія укрѣпленія) и гор. Кагызманъ. Черезъ Ардаганъ непріятель сообщался съ Батумомъ и съ Аджаріею, постоянно доставлявшею контингентъ карсскому гарнизону; кромѣ того, окрестности этой крѣпостцы изобиловали хлѣбомъ. Кагызманъ же, по положенію своему, имѣетъ значеніе между племенами курдовъ, кочующихъ на покатостяхъ Агридага. Въ Кагызманѣ же соединяются трудные горные пути, ведущіе въ долину восточнаго Евфрата и къ сел. Керпи-Кёвъ, лежащему на дорогѣ къ Эрзруму.

3) Лишить непріятеля продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ по пути къ Эрзруму.

4) Неожиданнымъ и быстрымъ движеніемъ, совокупно съ Баязидскимъ отрядомъ, напасть на стоявшій противъ отряда этого турецкій корпусъ Вели-паши.

Этимъ планомъ, получившимъ въ послѣдствіи подробнѣйшее развитіе, Муравьевъ ограничился на первыхъ порахъ.

Переходъ Александропольскаго отряда за границу совершился двумя колоннами. Первая, выступившая 24-го мая, состояла изъ 10-ти баталіоновъ, 20-ти эскадроновъ и 8-ми сотень, при 40 орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора графа Нирода. Вторая колонна выступила 26-го мая; она состояла изъ 14-ти баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ и 11-ти сотень, при 36-ти орудіяхъ, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Гагарина. Къ этой же колоннѣ присоединилась и главная квартира.

Сборный пунктъ назначенъ былъ у с. Агджа-Кама (на р. Карсъ-Чай), къ которому обѣ колонны прибыли 28-го числа. Здѣсь онѣ должны были остановиться въ ожиданіи отряда генер. Ковалевскаго, слѣдовавшаго отъ Ахалкалакъ и перешедшаго черезъ границу 27-го мая.

Ковалевскій, получивъ приказаніе, при движеніи своемъ во внутрь страны, занять Ардаганъ, двинулъ, 30-го мая, часть отряда къ означенной крѣпости; но, еще до прибытія его, непріятельскія войска, тамъ находившіяся, отступили по разнымъ направленіямъ. Вступивъ въ Ардаганъ, Ковалевскій срылъ новыя, возведенныя турками, земляныя укрѣпленія, разрушилъ часть каменной стѣны и 3-го іюня прибылъ къ авангарду главнаго отряда, выдвинутому къ с. Заиму. Въ тотъ же день прибылъ туда и летучій отрядъ генералъ-маіора Бакланова, посланный отъ главныхъ силъ, для открытія сообщеній съ Ковалевскимъ.

4-го іюня Муравьевъ предпринялъ рекогносцировку укрѣпленій Карса, при чемъ произошла довольно жаркая кавалерійская схватка; а 5-го числа Ковалевскій съ частью своего отряда выступилъ обратно въ Ахалкалаки. Ему поручено было охраненіе Ахалцыхскаго уѣзда и водвореніе новаго управленія въ занятыхъ нами турецкихъ санджакахъ.

Почти одновременно съ переходомъ главныхъ силъ за границу, начальникъ Гурійскаго отряда, кн. Мухранскій, вторгнулся, съ частію своихъ войскъ и мѣстной милиціи, въ Кобулетскій санджакъ. Поискъ этотъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ результатовъ; а затѣмъ — такъ какъ въ долинѣ Ріона начались уже сильныя жары и соединенныя съ ними смертоносныя болѣзни, то военныя дѣйствія, съ обѣихъ сторонъ, тамъ прекратились и войска заняли прежнія позиціи.

Рекогносцировка 4-го іюня дала намъ средства разсмотрѣть турецкія укрѣпленія, построенныя на Карадагской возвышенности (къ сѣверу отъ города, по правому берегу р. Карсъ-Чая), и убѣдиться въ недоступности Карса съ этой стороны.—Что касается прочихъ частей обширныхъ укрѣпленій, то съ ними мы ознакомились только въ послѣдствіи, по обходѣ ихъ съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, Муравьевъ, въ сочиненіи своемъ, предпосылаетъ описаніе оныхъ дальнѣйшему описанію дѣйствій нашихъ подъ Карсомъ, такъ какъ свѣдѣнія эти должны послужить читателю къ объясненію всей блокады.

Описаніе это, отличающееся своею полнотою и обстоятельностію, Муравьевъ заключаетъ слѣдующимъ общимъ выводомъ: „внутреннія и наружныя укрѣпленія Карса, въ общемъ объемѣ своемъ по одной внѣшней линіи, имѣли до 17-ти верстъ въ окружности—протяженіе огромное, но необходимое для охраненія сего главнаго оплота турецкихъ силъ въ Малой Азіи. Надобно отдать справедливость англича-

намъ, что укрѣпленія расположены были съ знаніемъ дѣла, ибо всѣ пункты взаимно оборонялись и вездѣ представлялся атакующему перекрестный огонь, исключая Шорахскихъ укрѣпленій [1]), которыя, по отдаленности, предоставлены были своей собственной оборонѣ. Главная сила сихъ послѣднихъ состояла въ возвышенной мѣстности, предохранявшей ихъ отъ дѣйствія артиллеріи атакующаго; но и эти укрѣпленія были такъ расположены, что отдѣльныя части ихъ другъ друга поддерживали; только лѣвый флангъ ихъ былъ недостаточно укрѣпленъ, тѣмъ, что линіи не были продолжены по покатости горы до малоприступнаго каменнаго обрыва. Послѣ штурма 17-го сентября, ошибка эта была замѣчена англичанами, которые отчасти поправили ее, построивъ на сей оконечности линіи, на верху горы, небольшой штерншанецъ".

Слѣдуя первоначальному начертанію—стать на сообщеніяхъ Карса съ Эрзрумомъ—Муравьевъ совершилъ 6-го іюня фланговое движеніе отъ Агджа-Кала къ с. Магараджикъ, мимо укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря, въ постоянной готовности встрѣтить непріятеля, если бы онъ вздумалъ атаковать насъ на походѣ. Но гарнизонъ Карса, весь день простоявшій подъ ружьемъ, не рѣшился выйти за стѣны крѣпости и войска наши безпрепятственно прибыли къ Магараджику. около котораго и расположились на позиціи.

Такъ какъ въ это время Шорахскія высоты (на западъ отъ Карса) еще не были укрѣплены, то казалось возможнымъ, на первыхъ порахъ, внезапно совершить обходное движеніе на Эрзрумскую дорогу со всѣмъ войскомъ и, сбивъ непріятеля, стать на сихъ высотахъ; но этому, по мнѣнію Муравьева, представлялись слѣдующія препятствія:

1) Съ обходнымъ движеніемъ къ Шораху увеличилось бы число этаповъ, по коимъ устраивалось новое сообщеніе съ Александрополемъ, и пришлось бы отдѣлить на нихъ значительную часть войскъ; непріятель же, имѣя тогда выгоду центральнаго положенія, могъ бы, партіями своими, нападать на длинные транспорты наши въ тѣснинахъ, гдѣ дороги еще не были разработаны.

2) Если бы намъ и удалось занять тогда Шорахскія высоты, чего достигли бы не безъ значительной потери, то мы обременили бы себя при самомъ началѣ кампаніи большимъ числомъ раненыхъ; турецкая армія, съ нами равночисленная и еще свѣжая, стала бы, не взирая

[1]) Высоты противъ с. Шорахъ командуютъ всѣми прочими укрѣпленіями. Поэтому, Вильямсъ, уже во время блокады Карса, опасаясь, чтобы мы не заняли сихъ высотъ, построилъ на нихъ два люнета, въ послѣдствіи сомкнутыхъ въ редуты: Тахмасъ-Табіе и Юксекъ-Табіе, усиленныхъ еще второстепенными окопами.

на выгоду позиціи нашей въ тактическомъ отношеніи, защищаться въ своихъ новыхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ, что связало бы насъ полною осадою; но осады именно слѣдовало избѣгать, дабы, согласно съ планомъ кампаніи, не лишать себя свободы двигаться во всѣ стороны, куда бы ни оказалась надобность; при томъ же, позиція на сихъ высотахъ не представляла удобствъ для войска, по отдаленности отъ воды.

3) Вскорѣ по прибытіи нашемъ на позицію Магараджикъ, пошли проливные дожди, продолжавшіеся цѣлую недѣлю; съ трудомъ можно было двигать артиллерію по растворившейся землѣ; рѣка же Карсъ-Чай, черезъ которую слѣдовало бы переправляться, разлилась отъ таянія снѣговъ на Саганлугскихъ горахъ и затопила равнину и дороги.

Дожди, препятствовавшіе дальнѣйшему движенію войскъ, не мѣшали однако дѣлать частные поиски летучими отрядами по Эрзрумской дорогѣ и другимъ направленіямъ, захватывая шедшіе въ Карсъ транспорты съ провіантомъ, а также и почту.—Удачнѣйшій изъ сихъ поисковъ совершенъ генералъ-маіоромъ Баклановымъ (8-го—10-го іюня), захватившимъ и частію истребившимъ значительные запасы продовольствія, сложеннаго въ с. Чиплахлы и предназначавшагося для турецкой арміи.

Во время пребыванія въ Магараджикѣ, получено было Муравьевымъ письмо военнаго министра, отъ 10-го мая (слѣдовательно, писанное за двѣ недѣли до перехода войскъ за границу), коимъ тотъ увѣдомлялъ о желаніи государя, чтобы наступательныя дѣйствія были направлены „къ скорѣйшему достиженію рѣшительныхъ успѣховъ, необходимость коихъ съ каждымъ днемъ увеличивается, при настоящемъ оборотѣ дѣлъ въ Крыму".—Тѣмъ не менѣе, Муравьевъ, по обзорѣ карсскихъ укрѣпленій, остался при прежнемъ мнѣніи, что первоначальный планъ кампаніи долженъ оставаться въ полной силѣ, т. е., что не слѣдовало еще предпринимать штурма, ни связывать себя осадою, а должно было направлять усилія сколь возможно болѣе къ сторонѣ Эрзрума.

Для предпринятія дальняго движенія къ сему городу, съ цѣлью отвлечь часть силъ союзниковъ изъ Крыма, войско, облегавшее Карсъ, должно было раздѣлиться, а чтобы раздѣленіемъ не обезсилиться, ему нужны были подкрѣпленія. Вслѣдствіе сего, Муравьевъ приказалъ двинуть въ Азіатскую Турцію, изъ числа войскъ, оставленныхъ у Тифлиса и Елисаветполя, четыре баталіона съ 8-ю орудіями и одинъ Донской казачій полкъ.

До присоединенія сихъ войскъ, идти къ Эрзруму было бы неосторожно; но можно было приступить къ 3-му пункту предположенныхъ

дѣйствій:—лишенію непріятеля продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ по пути къ Эрзруму, въ с. Энги-Кёвъ, куда до сихъ поръ не могли еще проникнуть посылавшіеся легкіе отряды.

16-го іюня, главныя силы Александропольскаго отряда оставили позицію при Магараджикѣ, направляясь къ Саганлугскимъ горамъ. Для наблюденія за Карсомъ оставленъ былъ особый отрядъ въ с. Гани-Кёвѣ. Отрядъ этотъ, ввѣренный начальству ген.-лейт. князя Гагарина, состоялъ изъ 10-ти—11-ти т. человѣкъ, при 40 орудіяхъ.

Во время движенія войскъ нашихъ къ Саганлугскимъ горамъ, получены были извѣстія, что часть войскъ Вели-паши идетъ въ Карсъ кружнымъ путемъ, черезъ селенія Пенякъ, Арпашенъ и Хева, къ Чахмахскимъ высотамъ (къ с.-зап. отъ Карса), а что самъ Вели-паша съ главными силами отступаетъ по долинѣ восточнаго Евфрата, имѣя будто бы тоже намѣреніе пробиться въ Карсъ.

Какъ ни невѣроятно было послѣднее извѣстіе — такъ какъ оно предполагало совершенное очищеніе пути, отряду Суслова, въ Эрзрумъ, но можно было ожидать, что Вели-паша покажется на эрзрумскомъ склонѣ Саганлуга, для спасенія провіантскихъ складовъ турецкой арміи. Вслѣдствіе этого, при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ, предосторожности были усугублены.

Вели-паша дѣйствительно отступилъ отъ занимаемой имъ позиціи при Сурбъ-Оганесѣ, но и не думалъ пробиваться къ Карсу, а послѣшно отступалъ по Эрзрумской дорогѣ, преслѣдуемый авангардомъ Суслова.

Движеніе войскъ главнаго отряда за Саганлугъ окончилось полнымъ успѣхомъ. Громадные склады продовольствія найдены нами въ Бардусѣ, Энги-Кёвѣ и Кара-Урганѣ. Запасами этими, къ сожалѣнію, нельзя было вполнѣ воспользоваться, по крайней недостаточности перевозочныхъ средствъ; вслѣдствіе этого, значительная часть ихъ была истреблена. Достигнувъ этого важнаго результата и опасаясь за отрядъ князя Гагарина, противъ котораго многочисленный гарнизонъ Карса могъ предпринять рѣшительныя дѣйствія, Муравьевъ спѣшилъ вернуться къ сел. Гани-Кёву, куда и прибылъ 24-го іюня. Для наблюденія за западными склонами Саганлуга, оставленъ былъ на вершинѣ онаго отрядъ изъ двухъ драгунскихъ эскадроновъ и пяти сотень иррегулярной конницы, подъ начальствомъ князя Дондукова-Корсакова. Для прикрытія же тыла сихъ войскъ и для наблюденія за дорогами, ведущими изъ Карса въ Эрзрумъ, поставленъ былъ на р. Карсъ-Чай, противъ сел. Тикмэ, другой летучій отрядъ, состоявшій изъ двухъ драгунскихъ эскадроновъ и одной сотни линейныхъ казаковъ, при одной Донской батареѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бакланова.

Изъ отряда Суслова тоже получены были благопріятныя извѣстія:

Вели-паша отступилъ за горы Драмъ-Дагъ и всѣ найденные въ долинѣ восточнаго Евфрата склады продовольствія были захвачены нашими войсками. Кочующіе въ окрестностяхъ племена курдовъ изъявили свою покорность.

Опасенія Муравьева за отрядъ князя Гагарина не оправдались: войска карсскаго гарнизона не сдѣлали противъ него ни одной попытки, что дозволило Гагарину заняться устройствомъ дорогъ, которыя и были проведены впереди и позади Гани-Кёвскаго лагеря, версты на три къ сторонѣ Александрополя, и значительно облегчили движеніе нашихъ транспортовъ.

Отрядъ Дондукова-Корсакова, по уходѣ главныхъ силъ, имѣлъ нѣсколько молодецкихъ дѣлъ съ непріятельскими партіями; но такъ какъ, по имѣвшимся слухамъ, можно было ожидать нападенія на него значительныхъ силъ изъ корпуса Вели-паши, а съ другой стороны—стоянка на дикомъ хребтѣ Саганлуга влекла за собою всякаго рода лишенія, то Муравьевъ приказалъ отряду сему вернуться къ главнымъ силамъ, оставивъ часть его для наблюденія, разъѣздами, за лѣсами и ущельями Саганлугскихъ горъ.

Съ намѣреніемъ дать отряду Бакланова опорный пунктъ, съ котораго ему было бы свободнѣе распространить свои полки въ тылу Карса, Муравьевъ усилилъ его, 27-го іюня, Тульскимъ егерскимъ полкомъ, который поставленъ былъ на лѣвомъ берегу р. Карсъ-Чай, при сел. Тикмэ. На другой день произведена была рекогносцировка неосмотрѣнныхъ еще карсскихъ укрѣпленій — мимо Шораха, къ Чахмахскимъ высотамъ — при чемъ захваченъ былъ возвращающійся въ крѣпость транспортъ съ накошенною травою и рогатымъ скотомъ.

Стремясь къ совершенному пресѣченію главнаго сообщенія Карса съ Эрзрумомъ, Муравьевъ, 30-го іюня, перевелъ свои главныя силы на лѣвый берегъ р. Карсъ-Чай и расположилъ ихъ лагеремъ при сел. Тикмэ, гдѣ присоединилъ къ себѣ и отрядъ Бакланова. На позиціи же у Гани-Кёвъ оставленъ былъ, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго, Ряжскій пѣхотный полкъ съ одною батареею; главное назначеніе этого отряда состояло въ прикрытіи горной дороги, по которой двигались къ намъ изъ Александрополя транспорты.

Всѣ кратчайшіе пути къ Эрзруму, даже черезъ Ольту, были совершенно отрѣзаны и гарнизонъ крѣпости могъ сообщаться съ помянутымъ городомъ только самыми кружными дорогами и тропинками. Главнокомандующій воспользовался настоящимъ положеніемъ для осмотра укрѣпленій, возводимыхъ турками со стороны Шораха, и остальной гористой мѣстности позади города, которая, съ перенесеніемъ лагеря на лѣвый берегъ рѣки, сдѣлалась доступнѣе для нашихъ поисковъ.

Произведены были двѣ послѣдовательныя рекогносцировки: 30-го іюня, генералъ-маіоромъ Ходзько, а 1-го іюля—самимъ главнокомандующимъ. Послѣдняя рекогносцировка привела Муравьевна къ убѣжденію, 1) что шорахская позиція турокъ не могла съ успѣхомъ обстрѣливаться нашею артиллеріею, и 2) что лѣвый флангъ оной представлялъ для приступа болѣе удобствъ, чѣмъ другіе пункты, но что приступъ можно было предпринять не иначе, какъ приблизивъ лагерь къ крѣпости. Объ осадѣ съ этой стороны, подавно, не было и помышленія.

Съ переходомъ главныхъ силъ на лѣвый берегъ Карсъ-Чая, всѣ дѣйствія блокадной войны получили полное развитіе. Летучіе отряды наши кружили около крѣпости, изучая мѣстность, захватывая турецкихъ фуражировъ и отнимая у непріятеля послѣднюю возможность получать какіе-либо значительные запасы извнѣ. Летучими отрядами нашими, съ 3-го по 15-е іюля поочередно высылаемыми для наблюденія за окрестностями Карса, командовали: графъ Ниродъ, Баклановъ, линейнаго казачьяго войска полковникъ Камковъ, полковникъ Унгернъ-Штернбергъ и генералъ-маіоръ Ковалевскій.

Прекращеніе сообщеній гарнизона съ окрестностями и истребленіе складовъ турецкаго продовольствія такъ встревожило англійское начальство въ крѣпости, что съ сего времени Вильямсъ уменьшилъ полную дачу провіанта войскамъ на одну треть. Это невыгодно повліяло на духъ гарнизона и повело къ безпорядкамъ между иррегулярными войсками, состоявшими изъ лазовъ, которые усмирены были только благодаря смѣлости и энергіи англійскихъ офицеровъ. Тѣмъ не менѣе и въ регулярныхъ войскахъ стали оказываться побѣги.

Одновременно съ дѣйствіями вышепомянутыхъ отрядовъ нашихъ около Карса, высланъ былъ въ долину Аракса особый конный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Лорисъ-Меликова. Назначеніе его состояло въ овладѣніи гор. Кагызманомъ—чтò было для насъ необходимо, какъ для прекращенія сношеній, хотя и кружныхъ, которыя карсское начальство имѣло черезъ сіе мѣсто съ Эрзрумомъ, по долинѣ Аракса, такъ и для наблюденія сколь можно дальше по сей долинѣ, черезъ которую всегда могли прокрадываться непріятельскія партіи къ намъ въ тылъ. Вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ посланъ былъ полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ приказаніемъ перебраться изъ Кагызмана, черезъ Агридагскій хребетъ, въ долину восточнаго Евфрата, къ баязидскому отряду и передать командиру онаго, генералу Суслову, изустно наставленія главнокомандующаго, секретно объяснивъ ему совокупность дѣйствій и то важное значеніе, которое баязидскій отрядъ долженъ былъ принять въ предполагавшемся тогда общемъ движеніи къ Эрзруму.

Порученія, данныя обоимъ названнымъ офицерамъ, исполнены были ими вполнѣ успѣшно. Кагызманъ занятъ былъ безъ всякаго сопротивленія; генералу Суслову переданы наставленія главнокомандующаго; въ Кагызманскомъ и Гечеванскомъ санджакахъ учреждено новое управленіе и всѣ, кочевавшія въ пройденныхъ нашими отрядами мѣстахъ, племена курдовъ заявили покорность, приславъ своихъ старшинъ въ лагерь блокаднаго корпуса подъ Карсомъ, для представленія главнокомандующему.

16-го іюля отрядъ Лорисъ-Меликова возвратился въ расположеніе войскъ нашихъ при сел. Тикмэ, а на другой день вступили туда и вытребованныя Муравьевымъ изъ Грузіи подкрѣпленія (о которыхъ упомянуто было выше); съ ними же прибыла и сформированная грузинскимъ дворянствомъ двухъ-сотенная дружина.

По прибытіи всѣхъ подкрѣпленій, Муравьевъ рѣшился, не теряя времени, предпринять вторичный походъ за Саганлугъ, для того, чтобы, совмѣстно съ баязидскимъ отрядомъ, поразить или оттѣснить корпусъ Вели-паши, прикрывавшій путь къ Эрзруму и находившійся въ то время въ укрѣпленномъ лагерѣ при сел. Керпи-Кёвъ. Взвѣсивъ всѣ соображенія относительно значенія Карса и Эрзрума, равно какъ и послѣдствія, могущія произойти для насъ отъ занятія послѣдняго города, Муравьевъ предположилъ:

1) Не устремляя усилій своихъ, въ одно время, къ достиженію двухъ предметовъ и не отклоняясь отъ единственной цѣли—разрушенія въ Карсѣ анатолійской арміи,—атаковать Вели-пашу, взирая на пораженіе или оттѣсненіе его отъ сел. Керпи-Кёвъ только какъ на средство для достиженія главной цѣли своей.

2) Въ случаѣ совершеннаго пораженія Вели-паши, послать на короткое время часть войскъ въ Эрзрумъ, и то въ такомъ только случаѣ, если бы соединились всѣ условія къ успѣху сего поиска (coup de main).

3) Не касаясь гражданскаго управленія въ Эрзрумѣ и не входя ни въ какія мѣстныя распоряженія, истребить всѣ военныя заведенія, вывезти оттуда пушки, оружіе, снаряды и, затѣмъ, безотлагательно вернуться подъ Карсъ, къ покоренію котораго должны были прежде всего клониться заботы и направиться всѣ средства въ совокупности.

Въ виду предстоящей экспедиціи, войска нашего главнаго отряда раздѣлены были на двѣ почти равныя части; изъ нихъ, выступающая (при которой былъ самъ Муравьевъ), подчинена по наружности генералу Ковалевскому, вызванному изъ Ахалцыха, гдѣ мѣсто его заступилъ генералъ Базинъ. Эта часть состояла изъ 17-ти баталіо-

новъ, 13-ти эскадроновъ, $21^1/_2$ сотни—всего около 12-ти т. человѣкъ, при 40 орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ.

Часть, оставшаяся подъ Карсомъ, ввѣрена была начальству генерала Бриммера и состояла изъ 20-ти баталіоновъ, 15-ти эскадроновъ, и $16^1/_2$ сотень—всего 14 т. человѣкъ, при 48-ми орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ.

Дабы по возможности внезапно атаковать Вели-пашу, изъ отряда Ковалевскаго отдѣленъ былъ сильный авангардъ, состоявшій почти изъ всей его кавалеріи. Авангардъ этотъ долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ къ сел. Керпи-Кёвъ, гдѣ соединиться съ отрядомъ Суслова, получившимъ приказаніе туда подвинуться и быть на-готовѣ. Авангардъ, находившійся подъ начальствомъ князя Дондукова, 21-го іюня, на разсвѣтѣ, вошелъ въ связь съ баязидскимъ отрядомъ, у сел. Команцуръ, и въ тотъ же день, по уговору Дондукова съ Сусловымъ, положено было атаковать непріятеля. Всѣ вѣроятія клонились къ тому, что турки будутъ совершенно разбиты; но въ то время, когда уже началось движеніе войскъ для атаки, Сусловъ измѣнилъ всю диспозицію, и, благодаря этому обстоятельству, Вели-паша успѣлъ ускользнуть отъ насъ — хотя въ сильномъ безпорядкѣ — и уйти въ Эрзрумъ.

Вскорѣ вслѣдъ за авангардомъ прибылъ въ сел. Керпи-Кёвъ и самъ Муравьевъ съ частью главныхъ силъ. Но такъ какъ преимущественная цѣль движенія — пораженіе корпуса Вели-паши — не была достигнута, то главнокомандующій, не увлекаясь движеніемъ на Эрзрумъ и опасаясь за вагенбургъ свой, оставленный на вершинахъ Саганлуга, а особенно — за войска, оставшіяся подъ Карсомъ, рѣшился вернуться назадъ и, 30-го числа, спустившись съ горъ, прибылъ въ сел. Тикмэ.

Экспедицію эту Муравьевъ, впрочемъ, не считалъ совершенно безплодною. Вели-паша, конечно, не былъ разбитъ, но онъ бѣжалъ въ безпорядкѣ, что повело къ разстройству его корпуса; а начальство въ Карсѣ увидѣло сколь тщетны были его ожиданія помощи со стороны Эрзрума; кромѣ того, этотъ походъ нашъ далъ новую заботу союзникамъ, которые должны были помыслить объ усиленіи войскъ, находившихся въ то время въ Крыму, чтобы имѣть возможность высадить армію Омеръ-паши на берега Закавказскаго края.

Въ то время, когда совершалась экспедиція за Саганлугъ, конные отряды изъ войскъ Бриммера не переставали рыскать около Карса и мѣшать всякимъ попыткамъ къ снабженію крѣпости продовольствіемъ. Особенно удачны были набѣги Бакланова, 23-го, 24-го и 26-го іюня. Впрочемъ, въ послѣдній день мы потерпѣли, и довольно значитель-

ный, уронъ, вслѣдствіе того, что самъ Бриммеръ, подъ предлогомъ прикрытія фуражировъ, подвелъ значительную часть своихъ войскъ на слишкомъ близкое разстояніе къ укрѣпленіямъ, съ которыхъ они были встрѣчены усиленнымъ орудійнымъ огнемъ.

1-го августа, отряды Ковалевскаго и Бриммера соединились въ одинъ общій лагерь (расположенный по обоимъ берегамъ рѣки Карсъ-Чай), при бывшемъ селеніи Чифтлигая, гдѣ и оставались до сдачи Карса.

Вслѣдъ за симъ, такъ какъ всѣ войска находились въ сборѣ, приступлено было къ полному и строгому обложенію крѣпости. Кромѣ главныхъ силъ, у Чифтлигая, доступы въ Карсъ преграждались отрядами гр. Нирода, Бакланова, кн. Дондукова и полковника Эдигарова, которые, связываясь между собою разъѣздами и партіями, почти вовсе прекратили сообщенія крѣпости съ окрестностями. Въ теченіе августа, ежедневно происходили стычки между ними и непріятельскими фуражирами; стычки эти, по превосходству нашей кавалеріи, всегда оканчивались въ нашу пользу. Въ нихъ, какъ и прежде, преимущественно отличался Баклановъ[1]). Одинъ только разъ, въ ночь съ 13-го на 14-е августа, значительной части непріятельской конницы, которой въ Карсѣ уже почти нечѣмъ было кормить лошадей, удалось пробраться между нашими разъѣздами и бѣжать. Пропускъ этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ для насъ непріятный, былъ послѣдствіемъ оплошности одного хорунжаго, оставившаго ночью ввѣренную ему заставу.

Поощренное этимъ успѣхомъ, карсское начальство сдѣлало и вторичную попытку избавить крѣпость отъ тягостной обязанности содержать теперь почти безполезную для нея кавалерію. Въ ночь съ 21-го на 22-е число, вышла изъ Карса значительная конная партія (до 1,200 чел.), съ тѣмъ, чтобы пробраться черезъ Самоватскую долину на перевалъ Кизиль-Гядукъ, гдѣ она могла считать себя почти въ безопасности. Но съ нашей стороны уже получены были извѣстія о готовившемся предпріятіи и приняты всѣ мѣры предосторожности. Турецкая конница, атакованная со всѣхъ сторонъ, была частію уничтожена, частію разсѣяна.

Въ концѣ августа стали получаться извѣстія, что въ мѣстечкахъ

---

[1]) Баклановъ былъ пугалищемъ турокъ, которыхъ много переловилъ и перебилъ. Во всякую войну у азіатцевъ являются въ непріятельскомъ лагерѣ, по ихъ понятіямъ, герои, которые получаютъ у нихъ особыя клички. Такими они признавали въ нашемъ лагерѣ трехъ, которымъ придавали болѣе значенія, чѣмъ самому сардарю, т. е. главнокомандующему, а именно: Бакланова, Дондукова и Лорисъ-Меликова. Перваго, во всѣхъ окрестностяхъ, жители называли—Species Баклань, втораго — Кенегъ, а третьяго — Меликъ, и послѣдняго разумѣли за самое довѣренное при главнокомандующемъ лицо, черезъ которое можно было всего достичь. (Собственныя слова Муравьева).

Ольтѣ и Пенякѣ собирались значительные склады продовольствія, и что къ послѣднему изъ сихъ мѣстечекъ стянулись довольно сильные турецкіе отряды, цѣль которыхъ была прорваться въ Карсъ сквозь нашу блокадную линію. Для того, чтобы съ точностію узнать, находятся-ли непріятельскія войска на ольтинской дорогѣ и, въ случаѣ если бы они тамъ были — поразить ихъ и тѣмъ разрушить надежды гарнизона, собранъ былъ при с. Башъ-Кёвъ отрядъ изъ 7-ми баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ и 10-ти сотенъ, при 20-ти орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ. Отрядъ этотъ, ввѣренный начальству генерала Ковалевскаго, долженъ былъ идти на Пенякъ, атаковать собравшагося тамъ непріятеля и, при обратномъ слѣдованіи, открыть путь, ведущій оттуда къ Карсу черезъ Гельскій санджакъ.

Предпріятіе это окончилось совершеннымъ успѣхомъ, хотя непосредственно въ дѣлѣ участвовали одни, шедшіе впереди прочихъ войскъ, казаки, съ ракетными станками. Непріятельскій отрядъ былъ совершенно разбитъ и обращенъ въ бѣгство; самъ начальникъ его, Али-паша, былъ взятъ въ плѣнъ. Весь турецкій лагерь, съ значительною добычею, достался войскамъ нашимъ.

Экспедиція Ковалевскаго была поддержана диверсіею, которую Муравьевъ заблаговременно приказалъ Суслову сдѣлать по направленію къ с. Керпи-Кёвъ, для отвлеченія вниманія эрзрумскихъ войскъ отъ предпріятія къ долинѣ Пеняка.

Постоянно перехватываемыя почты, частные успѣхи наши въ отраженіи войскъ, шедшихъ на помощь Карсу, пораженія ихъ фуражировъ, недостатки всякаго рода, терпимые гарнизономъ — были причиною, что разстройство анатолійской арміи ежедневно усугублялось. Побѣги стали учащаться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы болѣе и болѣе могли узнавать о томъ, что̀ дѣлается въ крѣпости.

Между прочимъ было узнано, что въ Карсѣ распространился слухъ объ ожиданіи изъ Батума Омера-паши съ 30-ти тысячнымъ войскомъ. Такъ какъ мы достовѣрно знали о высадкѣ въ Батумѣ свѣжихъ турецкихъ войскъ и, по заготовлявшемуся въ Аджаріи провіанту, могли заключить о намѣреніи непріятеля вторгнуться въ Ахалцыхскій край, то Муравьевъ приказалъ начальнику Гурійскаго отряда сдѣлать демонстрацію съ должною осторожностію, дабы не подвергнуть себя невыгодамъ неравнаго боя. Независимо отъ того были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи отрядовъ, блокирующихъ Карсъ съ сѣверо-западной стороны. Начальнику Ахалцыхскаго отряда, генералу Базину, даны были соотвѣтствующія обстоятельствамъ указанія.

Между тѣмъ наступили холода; въ блокадномъ корпусѣ стала развиваться холера; войска тяготились бездѣйствіемъ и хотѣли скорѣй-

шей развязки съ Карсомъ—желали приступа, къ чему еще болѣе склонялось общее мнѣніе съ тѣхъ поръ, какъ стали расходиться извѣстія о высадкѣ Омеръ-паши и о намѣреніи непріятеля атаковать Ахалцыхъ.

11-го сентября, утромъ, изъ карсской цитадели началась пальба. По звуку можно было догадаться, что то были выстрѣлы салютные; вскорѣ мы узнали, что въ крѣпости праздновали извѣстіе о взятіи союзниками Севастополя.

Больно было узнать причину этого торжества; но въ тотъ же вечеръ Баклановъ нѣсколько порадовалъ насъ удачнымъ поискомъ, совершеннымъ имъ въ окрестностяхъ с. Калаба-Килиса. Неожиданное нападеніе его было, повидимому, причиною, что турки на время пріостановили свою салютную стрѣльбу и довершили ее только передъ вечеромъ.

Восторгъ, произведенный въ Карсѣ извѣстіями о покореніи Севастополя и появленіи Омеръ-паши на восточномъ берегу Чернаго моря, служилъ поводомъ къ разнымъ предположеніямъ, коими тѣшились осажденные, въ надеждѣ на скорое избавленіе. Между ними утвердилось мнѣніе, что русскіе скоро отступятъ отъ Карса. Одинъ только Кмети (венгерскій офицеръ, изъ числа революціонеровъ 1848 года) утверждалъ, что передъ отступленіемъ мы непремѣнно предпримемъ нападеніе на Карсъ. Повидимому, Вильямсъ раздѣлялъ это мнѣніе, потому что усугубилъ дѣятельность свою и бдительность часовыхъ.

Во время послѣднихъ событій въ Малой Азіи, союзники стали постепенно распространять свои предпріятія по всему кавказскому побережью Чернаго и Азовскаго морей. Омеръ-паша изъ Батума направился съ войсками въ Абхазію, гдѣ имѣлъ уже къ 20-му сентября, около Сухума, до 10-ти т. человѣкъ. Владѣтель Абхазіи, князь Михаилъ Шервашидзе, передался туркамъ.

Послѣ бомбардированія англичанами Новороссійска, на собранномъ въ Черноморіи военномъ совѣтѣ, рѣшено было оставить и Анапу, предварительно взорвавъ ея укрѣпленія. За симъ, весь кавказскій берегъ былъ нами оставленъ.

Для усиленія праваго фланга Кавказской линіи, противъ котораго тоже могли быть направлены попытки союзниковъ, Муравьевъ приказалъ раздвинуть формировавшуюся, въ отдаленныхъ частяхъ Ставропольской губерніи, запасную дивизію, занявъ восемью баталіонами оной Ставрополь, Георгіевскъ, Пятигорскъ, Нальчикъ и нѣкоторыя станицы. Вызванные, въ 1854 г., изъ станицъ резервные полки линейныхъ казаковъ были укомплектованы и сверхъ того приступлено къ формированію въ каждой казачьей бригадѣ другихъ резервовъ.

При всемъ томъ, въ теченіе 1855 г., особенныхъ военныхъ дѣйствій на кавказской линіи не происходило, за исключеніемъ вторженія въ Карачай намѣстника Шамиля, Мегмедъ-Аминя, которое, впрочемъ, не имѣло никакихъ важныхъ результатовъ. Самъ Шамиль тоже оставался спокойнымъ и ничего не предпринималъ. Со стороны Персіи, на нейтралитетъ которой не слишкомъ много можно было расчитывать,—мы тоже не были потревожены, благодаря тому, что шахъ былъ озабоченъ внутренними безпорядками въ собственномъ государствѣ и несогласіями съ англійскимъ министромъ при его дворѣ, Мурреемъ.

Сдѣлавъ общій обзоръ того, что происходило въ Кавказскомъ краѣ осенью 1855 г.,—Муравьевъ снова возвращается къ описанію дѣйствій подъ Карсомъ и излагаетъ причины, побудившія его рѣшиться на приступъ къ сей крѣпости.

Четыре условія, которыя, по принятому плану кампаніи, должны были предшествовать приступу, были приведены въ исполненіе:

1) Мы заняли дороги, ведущія изъ Карса въ Эрзрумъ.

2) Мы обладали Ардаганомъ и Кагызманомъ.

3) Непріятель лишился запасовъ, сложенныхъ имъ въ с. Энги-Кёвъ, и—

4) Хотя Вели-паша не былъ разбитъ, но онъ былъ вытѣсненъ изъ укрѣпленнаго лагеря при с. Керпи-Кёвъ и уклонился съ корпусомъ своимъ въ Эрзрумъ.

Затѣмъ, для занятія Карса, оставалось штурмовать крѣпость, но не прежде какъ въ позднюю осень, когда въ гарнизонѣ, изнуренномъ нуждами всякаго рода, оказались бы признаки совершеннаго разслабленія и упадка духа.

Высадка Омеръ-паши, который могъ, снова появившись на Саганлугѣ, угрожать нашему тылу, и, наконецъ, вѣсть о паденіи Севастополя,—заставили ускорить предполагавшійся вначалѣ срокъ штурма. Надобно было порадовать государя и Россію безотлагательнымъ занятіемъ Карса; послѣ чего предполагалось съ частью войскъ занять Эрзрумъ, а съ другою, обратившись въ Мингрелію, втопить Омеръ-пашу съ его арміею въ море. — Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе войскъ нашихъ, духъ, оживлявшій ихъ, негодованіе, возбужденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою—служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ.

По многимъ стратегическимъ и тактическимъ соображеніямъ (весьма обстоятельно изложеннымъ въ сочиненіи Муравьева),—пунктомъ, на который должны были быть направлены, во время штурма, главныя усилія наши, избраны Шорахскія высоты.

15-го сентября, главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, на коемъ присутствовали генералы: Ковалевскій, Бриммеръ, Броневскій и исправлявшій должность начальника инженеровъ, полковникъ Константинъ Кауфманъ. По изложеніи передъ ними 1) причинъ, вызывавшихъ штурмъ Карса, и 2) состоянія анатолійской арміи, всѣ единогласно признали, что предпріятіе соотвѣтствовало обстоятельствамъ и что многія изъ видимыхъ условій подавали надежду на успѣхъ, а прочитанный имъ проектъ диспозиціи нашли согласнымъ со взглядомъ на предстоящее дѣло.

Еще до созванія этого совѣта, генералу Базину было приказано выступить съ отрядомъ своимъ изъ с. Омараги и соединиться съ Баклановымъ, стоявшимъ у с. Меликъ-Кёвъ. Оба они должны были штурмовать укрѣпленія на Чахмахскихъ высотахъ, одновременно съ главною атакою.

Приступъ назначенъ былъ на 17-е сентября—срокъ, совпадавшій съ первымъ днемъ, въ который анатолійская армія—по приблизительнымъ расчетамъ нашимъ—могла истощить свои запасы продовольствія.

16-го числа, по предложенію генер. Броневскаго, произведены были нѣкоторыя перемѣны въ первоначальной диспозиціи. Согласно онымъ, войска, назначенныя на приступъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Первая колонна, генерала Ковалевскаго (около 2,850 ч. пѣхоты и 1,400 ч. кавалеріи, при 16-ти орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ), назначена была для атаки праваго фланга шорахской позиціи.

Вторая колонна, генерала Майделя (около 5,800 ч. пѣхоты и 400 ч. кавалеріи, при 20-ти орудіяхъ), направлена въ атаку на лѣвый флангъ непріятеля.

Промежуточная колонна, генерала кн. Гагарина (2,175 ч. пѣхоты, при 4-хъ орудіяхъ), должна была служить подкрѣпленіемъ двумъ первымъ.

Третья колонна, генерала графа Нирода (около 1,350 ч. пѣхоты и 1,800 ч. кавалеріи, при 18-ти орудіяхъ), должна была угрожать низменному лагерю непріятеля съ юго-восточной стороны Карса, на правомъ берегу рѣки.

Общій резервъ сихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Бриммера, состоялъ изъ 4,700 ч. пѣхоты и 500 ч. кавалеріи, при 22-хъ орудіяхъ.

Въ отдѣльномъ отрядѣ генерала Базина (которому подчинены и войска Бакланова), собранному у с. Меликъ-Кёвъ, состояло пѣхоты около 2,400 человѣкъ и кавалеріи—около 2,350 человѣкъ, при 16-ти орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ.

И такъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ лагеряхъ частей, выдвинуто было въ поле, на всѣхъ пунктахъ, около 19,275 человѣкъ пѣхоты и 6,450 человѣкъ кавалеріи, при 96-ти орудіяхъ и 16-ти ракетныхъ станкахъ.

II.

Приступъ на Карсъ, какъ извѣстно, кончился неудачею. Всѣ отдѣльные фазисы его описаны Муравьевымъ ясно и увлекательно; но сгруппировать ихъ въ общій, бѣглый очеркъ весьма трудно. Скажемъ только, что войска Ковалевскаго, Майделя и князя Гагарина дрались съ львинымъ мужествомъ, овладѣли частію непріятельскихъ укрѣпленій, но потеряли при этомъ множество людей, почти всѣхъ главныхъ начальниковъ, и уже не въ силахъ были проникнуть въ сильные редуты: Тихмасъ-Табіе и Юксекъ-Табіе, громившіе ихъ убійственнымъ огнемъ. Что касается до войскъ Базина, то они тоже овладѣли частію турецкихъ укрѣпленій на Чахмахѣ, но когда получены были извѣстія о неуспѣшномъ ходѣ главной атаки, то и Базинъ оставилъ занятые имъ окопы и сталъ отступать. Во время этого отступленія, Бакланову, прикрывавшему оное, удалось выручить баталіонъ Рязанскаго полка, поступившій подъ начальство полковника Кауфмана. Баталіонъ этотъ, будучи отрѣзанъ отъ прочихъ войскъ, штурмовавшихъ Шорахскія высоты, долженъ былъ пробиваться, сквозь окружающія его турецкія массы и подъ огнемъ укрѣпленій, на соединеніе съ войсками Базина. Положеніе его было до крайности критическое; но своевременно высланная ему, Баклановымъ, въ помощь артиллерія спасла рязанцевъ отъ вѣроятной гибели. Подвигъ сего отряда, пронизавшаго, такъ сказать, всю турецкую армію и пробравшагося кружнымъ путемъ обратно въ лагерь—при чемъ имъ нанесенъ непріятелю значительный уронъ — подвигъ этотъ представляется однимъ изъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ приступа.

Приступъ этотъ стоилъ намъ огромныхъ потерь: кромѣ 4-хъ раненыхъ генераловъ, у насъ выбыло изъ фронта штабъ и оберъ-офицеровъ 252, а нижнихъ чиновъ 7,226, т. е. болѣе трети участвовавшихъ въ штурмѣ войскъ.

«Многіе»,—говоритъ авторъ, «не слѣдившіе за ходомъ кампаніи и порицавшіе, по мнѣнію своему, генерала Муравьева за такъ называемое ими бездѣйствіе его, требовали приступа, и тѣ же самыя лица, послѣ неудачи, стали опорочивать сіе, безъ вниманія къ причинамъ, побудившимъ къ оному главнокомандующаго, хотя причины сіи и были ясно изложены въ обнародованныхъ тогда извѣстіяхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій; пересуживая же распоряженія къ штурму, иные говорили, что не были предварительно заготовлены лѣст-

ницы и фашины. Причины, побудившія къ приступу Карса, уже изложены въ сей книгѣ. Возвышеніе непріятелемъ, за нѣсколько дней до приступа, вала, прикрывавшаго горжи двухъ сомкнутыхъ укрѣпленій на Шорахской позиціи, представилось атакующимъ, конечно, неожиданнымъ препятствіемъ; но препятствіе сіе вовсе нельзя было назвать неодолимымъ, и для преодолѣнія онаго вовсе не нужно было обременять лѣстницами и фашинами войска, во время быстраго движенія ихъ подъ сильнымъ огнемъ по крутому и каменистому горному контрфорсу; земляной валъ укрѣпленій имѣлъ талюсъ и, по вышинѣ своей, доступенъ для эскалады.

«Были-ли ошибки въ назначеніи и распредѣленіи войскъ или ихъ не было, какъ равно и въ диспозиціи къ штурму—рѣшить трудно даже послѣ событія; тѣмъ труднѣе было бы ихъ угадать до совершенія онаго. Съ необыкновенною храбростію сражались съ обѣихъ сторонъ, и турки въ сей день вполнѣ оправдали давнишнюю славу свою — стойко держаться за стѣнами. Штурмъ не удался оттого, что всѣ начальники колоннъ и бóльшая часть полковыхъ, баталіонныхъ и разныхъ командировъ, шедшихъ во главѣ своихъ частей, были убиты или ранены при самомъ началѣ дѣла, отчего части разстроились и утратили порядокъ, который уже трудно было возстановить. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего было то, что многіе изъ людей увлеклись близостію, служившаго имъ приманкою, турецкаго лагеря. Сперва въ лагерѣ семъ погибло много турокъ, а потомъ еще болѣе нашихъ, которые держались этого лагеря, какъ пріобрѣтенной добычи, и мнили прикрываться палатками отъ огня непріятельской артиллеріи, осыпавшей ихъ картечью. Въ рукопашной свалкѣ, коею рѣшается всякій приступъ и гдѣ прекращается почти всякое распоряженіе высшаго начальства, удача или неудача болѣе зависитъ отъ случайности и какого-либо частнаго обстоятельства. Прапорщикъ, коему бы удалось невредимымъ вскочить на валъ, могъ бы перемѣнить весь ходъ дѣла и обратить неудачу въ успѣхъ».

Такъ говоритъ Муравьевъ. Вообще, онъ не считалъ себя ни разбитымъ, ни побѣжденнымъ, и хотя его озабочивала въ это время высадка Омеръ-паши на берегахъ Абхазіи, но онъ и не помышлялъ объ отступленіи отъ Карса, а, напротивъ, приказалъ возобновить блокаду строже прежняго.

Послѣ отбитія приступа, осажденные сначала предавались надеждамъ на скорое отступленіе наше отъ крѣпости. Надежды эти, какъ мы видимъ, не осуществились. Временное торжество непріятеля не устранило тяготѣвшаго надъ нимъ и ежедневно усиливавшагося бѣдствія—голода, къ которому вскорѣ присоединилась и холера, особенно сильно развившаяся послѣ штурма. Между тѣмъ, желѣзное кольцо русскихъ войскъ попрежнему окружало крѣпость и до послѣдней возможности затрудняло всѣ сношенія ея съ внѣшнимъ міромъ.

Мѣры къ пополненію рядовъ блокаднаго корпуса приняты были неотлагательно. На другой же день послѣ приступа, Муравьевъ писалъ князю Бебутову съ нарочнымъ, чтобы высланы были изъ Закавказья подъ Карсъ всѣ войска, какія могутъ оказаться свободными. Всего труднѣе, конечно, было замѣстить начальниковъ во всѣхъ частяхъ войскъ. Утрата нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Ковалевскаго, была незамѣнима.

Духъ въ войскѣ продолжалъ оставаться превосходнымъ, но численность сильно убавилась. Помимо людей, выбывшихъ изъ строя во время штурма, значительное число должно было быть отдѣляемо для конвоированія транспортовъ съ ранеными, отправляемыми въ Александрополь. Расходъ этотъ былъ столь великъ, что въ одно время оставалось во всемъ лагерѣ пѣхоты, дѣйствительно могущей выйти въ строй, только 11 т. рядовыхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма, у насъ въ лагерѣ приступлено было къ постройкѣ полуземлянокъ, взамѣнъ палатокъ, въ коихъ спать становилось уже холодно. Въ скоромъ времени, на мѣстѣ лагеря возродился цѣлый городъ, лѣсъ для постройки котораго привозился съ Саганлугскихъ горъ. Холера, появившаяся у насъ въ войскахъ, значительно ослабла, а съ этимъ исчезло и всеобщее расположеніе къ болѣзненности. Съ каждымъ днемъ люди становились бодрѣе и возрастало число выздоравливавшихъ изъ госпиталей. По всему лагерю снова начали по вечерамъ раздаваться голоса пѣсенниковъ, слышны были въ разныхъ концахъ шумныя пированія на новосельи въ отстраивавшихся землянкахъ, и показались веселія всякаго рода. Все это представляло контрастъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ Карсѣ, гдѣ, по мѣрѣ исчезновенія надежды на освобожденіе и по мѣрѣ все болѣе и болѣе усиливающагося голода, распространялось уныніе; побѣги стали принимать весьма значительные размѣры, не смотря на всѣ усилія Вильямса поднять духъ разслабленнаго войска.

Между тѣмъ сроки, въ которые, по приблизительнымъ расчетамъ, должны были истощиться запасы непріятеля, проходили, а Карсъ все еще не сдавался. Вскорѣ узнали мы, что въ городѣ отысканы у жителей ямы съ пшеницею. Немедленно всѣ склады ея были Вильямсомъ конфискованы на продовольствіе войскъ; обывателей же онъ раздѣлилъ на два разряда: имущихъ и неимущихъ, отдавъ на попеченіе первыхъ—по нѣсколько семействъ другихъ, для продовольствія.

Послѣднее свѣдѣніе о состояніи продовольствія въ Карсѣ было доставлено выбѣжавшимъ въ концѣ октября нестроевымъ офицеромъ, занимавшимся по сей части. По расчету, сдѣланному какъ на основаніи данныхъ имъ показаній, такъ и другихъ соображеній, оказыва-

лось, что всего продовольствія должно было стать только до 9-го декабря.

Среди забот Муравьева о способах къ скорѣйшему покоренію крѣпости, прискакалъ къ нему, вечеромъ 31-го октября, курьеръ, отъ начальника Гурійскаго отряда, съ донесеніемъ о переходѣ Омеръ-паши черезъ р. Ингуръ и о вторженіи его въ границы Мингреліи, причемъ мы, въ неудачномъ дѣлѣ, лишились 3-хъ орудій.

Извѣстіе это, нѣсколько встревожившее главнокомандующаго, не заставило его однако отказаться отъ тѣсной блокады Карса. Сообразивъ, что съ подкрѣпленіями, которыя возможно доставить Гурійскому отряду, онъ въ состояніи будетъ удержать турокъ въ тѣснинахъ, отдѣляющихъ Имеретію отъ Карталиніи, и пославъ соотвѣтствующія этому приказанія кн. Бебутову, Муравьевъ остался подъ Карсомъ, тѣмъ болѣе, что настигнуть Омеръ-пашу, по дальности разстоянія, не представлялось возможности. Турецкій предводитель всегда имѣлъ бы время отступить къ морю и отплыть съ войсками своими совершенно безнаказанно.

Такимъ образомъ, диверсія Омеръ-паши нисколько не облегчила участи анатолійской арміи, которая день ото дня все болѣе и болѣе ослабѣвала. Изнеможеніе ея выражалось въ стычкахъ, которыя встрѣчались рѣже и въ коихъ непріятель оказывалъ уже мало сопротивленія.

По полученіи изъ Эрзрума извѣстій, что и оттуда помощи ожидать нечего, собранъ былъ въ Карсѣ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили, что на прорывъ сквозь блокадную армію, при слабости людей и недостаткѣ въ пищѣ—расчитывать нечего и что, потому, единственный исходъ есть сдача крѣпости и всего гарнизона на возможно-выгоднихъ условіяхъ.

12-го ноября явился къ Муравьеву адъютантъ Вильямса Тисдель съ запиской отъ своего генерала, которою онъ просилъ Муравьева принять его на свиданіе,—которое и назначено было главнокомандующимъ на слѣдующій день.

13-го числа опредѣлены были условія сдачи крѣпости и гарнизона, а 16-го происходила самая церемонія сложенія оружія. Часть нашихъ войскъ вступила въ Карсъ и адъютантъ Муравьева Корсаковъ отправленъ былъ для водруженія русскаго флага на вершинѣ карсской цитадели.

Съ покореніемъ Карса исчезла тридцати-тысячная анатолійская армія, коей числительность одно время, при началѣ похода, даже превосходила сію цифру. Утраты ея въ частностяхъ трудно опредѣлить; но приблизительно можно сказать, что въ теченіе лѣта взято

нами около 2,000 плѣнныхъ и перебѣжчиковъ; до 3,000 успѣло перебраться изъ крѣпости въ Эрзрумъ; $8^1/_2$ тысячъ погибло на штурмѣ, отъ холеры, голода и истощенія; близъ 2,000 осталось въ Карсѣ въ госпиталяхъ; изъ остальныхъ $14^1/_2$ тысячъ больше половины взято военно-плѣнными, а прочіе (редифъ и иррегулярныя войска) распущены по домамъ. Знаменъ и значковъ во время всей кампаніи и при сдачѣ Карса взято около 60-ти; мѣдныхъ орудій 136; пѣхотныхъ ружей французскаго и англійскаго издѣлія 18,000, въ томъ числѣ до 1,000 отличныхъ штуцеровъ. Кромѣ того, найдены въ Карсѣ значительные запасы снарядовъ, пороха и разныхъ военныхъ принадлежностей.

Паденіе Карса обезпечивало за нами власть и во всемъ карсскомъ пашалыкѣ; а пріобрѣтеніе этого пашалыка составляло предметъ особенной важности, по плодородной его почвѣ, по изобильнымъ сѣнокосамъ и по необходимымъ для насъ въ той странѣ Саганлугскимъ лѣсамъ. Пространная область эта, въ которой подрядчики наши до войны запасались дешевымъ хлѣбомъ для продовольствія части войскъ нашихъ въ Закавказьѣ, оставаясь за нами, обезпечила бы содержаніе оныхъ и удешевила бы значительные расходы, несомые на сей предметъ правительствомъ. Мы поставили бы преграду англійской торговлѣ съ Персіею черезъ Трапезунтъ и Эрзрумъ, препятствуя движенію каравановъ по сему пути.—Въ военномъ отношеніи, покореніе Карса при уничтоженіи анатолійской арміи было важно тѣмъ, что съ открытіемъ весеннихъ путей неминуемо долженъ былъ покориться намъ и Эрзрумъ—столица обширнаго управленія въ Малой Азіи, откуда, смотря по обстоятельствамъ, предстояла возможность покуситься на походъ къ Царьграду.

По сдачѣ крѣпости, Муравьевъ еще около двухъ недѣль оставался въ станѣ войскъ своихъ (названномъ Владикарсомъ), дабы распорядиться отправленіемъ плѣнныхъ, выступленіемъ войскъ, учрежденіемъ правленія въ покоренномъ краѣ и вывозомъ изъ Карса турецкой артиллеріи, оружія и казеннаго имущества. Всѣ войска не могли оставаться на зиму въ Карсѣ, какъ потому, что часть ихъ нужно было приблизить къ той сторонѣ, гдѣ еще находилась армія Омеръ-паши, такъ и по раззоренному состоянію, въ коемъ находились селенія пашалыка, послѣ трехъ кампаній, среди ихъ совершившихся. По отправленіи изъ Карса плѣнныхъ, войска стали выступать на зимнія квартиры въ свои границы, за исключеніемъ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, двухъ батарей и нѣсколькихъ сотень казаковъ, оставшихся въ Карсѣ съ ген.-маіоромъ Фетисовымъ.

Карсскій пашалыкъ получилъ названіе области и раздѣленъ былъ

на уѣзды или санджаки; областнымъ начальникомъ назначенъ былъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ.

Что касается баязидскаго отряда, то ему, послѣ покоренія Карса, тоже предписано было возвратиться въ наши предѣлы.

За тѣмъ, настоящія военныя дѣйствія въ теченіе зимы не возобновлялись.

Вся 4-я часть сочиненія Муравьева посвящена изложенію плановъ союзниковъ относительно диверсіи въ наши закавказскія владѣнія и описанію дѣйствія Гурійскаго отряда противъ десантнаго корпуса Омеръ-паши. Такъ какъ дѣйствія эти выходили изъ круга непосредственныхъ распоряженій главнокомандующаго, то мы здѣсь и не будемъ говорить о нихъ. Замѣтимъ только, что описаніе ихъ отличается тою же ясностію и обстоятельностію, которыми вообще отличается сочиненіе покойнаго И. Н. Муравьева, несомнѣнно занявшее одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нашей военно-исторической литературѣ.

И. И. Ореусъ.

Замѣтка о Ѳ. Е. Секретаревѣ.

Ѳедоръ Секретаревъ, писарь князя Потемкина, былъ посаженъ при императорѣ Павлѣ въ крѣпость и затѣмъ сосланъ на житье въ Оренбургскую губернію съ женою, подъ надзоромъ Тайной экспедиціи. Онъ освобожденъ изъ ссылки въ мартѣ 1801 г. См. о немъ напечатанный въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 153—154) разсказъ, вызвавшій нижеслѣдующую замѣтку о немъ и о его семействѣ:

— Ѳедоръ Ермолаевичъ Секретаревъ съ юныхъ лѣтъ находился при князѣ Потемкинѣ, который, встрѣтивъ его случайно въ одномъ саду, гдѣ онъ былъ помощникомъ садовника, обратилъ вниманіе на его пріятную наружность, умное выраженіе лица и бойкую находчивость въ отвѣтахъ на вопросы, предложенные ему княземъ. Тогда Потемкинъ взялъ его къ себѣ и вскорѣ сдѣлалъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ своихъ слугъ, давъ ему и фамилію Секретарева, потому что поручалъ ему вести всю свою интимную, тайную переписку (т. е., вѣроятно, онъ былъ просто писаремъ). Разсказъ о поступкѣ Секретарева по смерти князя, напечатанный въ «Русской Старинѣ», совершенно справедливъ; только остается прибавить, что поступокъ этотъ, съ воцареніемъ Павла, былъ офиціально переиначенъ въ похищеніе драгоцѣнныхъ вещей и утайку важныхъ бумагъ, остававшихся послѣ Потемкина, подъ предлогомъ чего Секретаревъ и былъ безвинно сосланъ въ

Сибирь. Тамъ онъ обогатился, черезъ участіе въ дѣлахъ извѣстнаго въ то время откупщика и золотопромышленника, —по фамиліи, кажется, Кавешникова, — у котораго служилъ сначала повѣреннымъ или агентомъ, а потомъ, за разумное и честное веденіе дѣлъ, былъ принятъ въ долю, или такъ называемый пай. На свою часть онъ получилъ весьма значительныя прибыли и нажилъ крупный капиталъ, такъ-что возвратился изъ Сибири очень богатымъ человѣкомъ.

Ѳ. Е. Секретаревъ провелъ все остальное время своей жизни въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ (на Солянкѣ, какъ разъ противъ зданія Опекунскаго совѣта). Жилъ онъ не пышно, но хлѣбосольно и открыто, имѣя довольно большой кругъ знакомыхъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ лучшему московскому обществу [1]. Старикъ Секретаревъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ знавшихъ его лицъ, за умъ и доброту сердца.

Умеръ онъ, кажется, въ 1839 или 1840 году, лѣтъ 65-ти отъ роду. Отъ брака его съ Марьею Іасоновной Струговщиковой, которую онъ пережилъ немногими годами, осталось трое дѣтей, находящихся и нынѣ въ живыхъ: единственный сынъ, Петръ Ѳедоровичъ, и двѣ дочери: Катерина Ѳедоровна въ замужствѣ за Николаемъ Фотіевичемъ Митьковымъ (роднымъ братомъ декабриста) и Варвара Ѳедоровна—за генералъ-маіоромъ Василіемъ Петровичемъ Барышниковымъ, умершимъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Одинъ изъ сыновей Петра Ѳедоровича Секретарева, Петръ Петровичъ, служитъ въ канцеляріи Государыни Цесаревны Маріи Ѳедоровны.

Сообщаемыя здѣсь подробности извѣстны мнѣ какъ родственнику этого семейства, по женѣ Петра Ѳедоровича Секретарева, родной мнѣ теткѣ со стороны моей матери.

Сообщ. Д. Д. Рябининъ.

---

[1]) Въ числѣ почти ежедневныхъ его гостей я назову памятныхъ мнѣ, въ дѣтствѣ моемъ, родителей теперешняго военнаго министра и покойнаго статсъ-секретаря Николая Алексѣевича Милютиныхъ, отца ихъ, Алексѣя Михайловича, извѣстнаго въ свое время образованностію и умомъ, и мать Елисавету Дмитріевну, рожденную Киселеву, родную сестру бывшаго министра государственныхъ имуществъ, графа Павла Дмитріевича Киселева.

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА.

Съ 1872 года я началъ помѣщать въ «Русской Старинѣ» отрывки изъ моихъ Записокъ; въ одномъ изъ этихъ отрывковъ я уже имѣлъ честь просить благосклонныхъ читателей извинить меня за хронологическій безпорядокъ, оправдываясь тѣмъ, что считалъ многое еще неудобнымъ предавать печати въ настоящее время. Теперь снова приходится мнѣ повторить прежнюю мою просьбу... Конечно, это, можетъ быть, не избавитъ меня отъ упрека за такую непослѣдовательность, и иной справедливо замѣтитъ, что я, описывая пройденное на жизненномъ моемъ пути, дѣлаю шагъ впередъ, да два назадъ... но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ я сдѣлаю отступленіе еще на большее разстояніе и, подражая Тристану Шэнди (Стерна), начну съ того времени, когда меня еще не было на свѣтѣ, а послѣ разскажу о томъ, чему приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ въ дѣтствѣ, до вступленія моего въ Театральное училище [1]).

---

[1]) Воспоминанія почтеннаго ветерана нашей отечественной сцены печатались въ «Русской Старинѣ» съ 1872 года. Донынѣ были напечатаны: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ» изд. 1872 г., т. V, стр. 423—430. «Русскій театръ при Александрѣ I—т. VI, стр. 297—308. «Театръ въ 1820-1832 годахъ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 146—180. «Театръ и драматическая труппа въ 1830—1841 годахъ—т. VIII, стр. 306—333, то-же 1822—1824 годовъ. «Наводненіе 7-го ноября 1824 г.» изд. 1874 г. т. IX, стр. 732—753. «Театръ въ царствованіе Александра I и день 14-го декабря 1825 г.» изд. 1875 г., т. XII, стр. 719—738. «Русская труппа въ 1826—1836 годахъ» изд. 1876 г. т. XV, стр. 88—108.

I.

Отецъ мой (Андрей Васильевичъ) и мать (Александра Дмитріевна) были артисты Императорскихъ театровъ; они оба воспитывались въ Театральномъ училищѣ, которое въ царствованіе Екатерины II находилось подлѣ Зимняго дворца (гдѣ теперь Преображенскія казармы); это зданіе, бывшее въ то время, называлось Лейбъ-компанскимъ корпусомъ. (Театральное училище было основано въ 1778 году, при содѣйствіи извѣстнаго артиста Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго).

Отецъ мой, поступя въ училище, готовился быть танцоромъ, и былъ любимымъ ученикомъ балетмейстера Канціани, который надѣялся сдѣлать изъ него отличнаго танцора; отецъ мой даже дебютировалъ съ успѣхомъ въ одномъ балетѣ, но въ послѣдствіи страсть къ драматическому искусству взяла верхъ надъ балетными упражненіями и онъ началъ хлопотать о переводѣ изъ одной труппы въ другую. Тогда учителемъ декламаціи былъ Ив. Аѳ. Дмитревскій, который и принялъ его подъ свое покровительство... И такимъ образомъ, по выходѣ изъ училища, отецъ мой поступилъ въ драматическую труппу и занялъ роли птиметровъ, какъ въ то время называли амплуа молодыхъ повѣсъ и щеголей. Матушка моя, въ самый день своего выхода изъ училища (въ 1794 году), вышла и замужъ; ее прямо изъ школы повезли къ вѣнцу. Она была тоже ученица Дмитревскаго и отчасти актера Крутицкаго, о которомъ всегда отзывалась съ большимъ уваженіемъ. По ея словамъ, этотъ артистъ былъ съ огромнымъ талантомъ и вполнѣ добрый и умный человѣкъ. Настоящая фамилія моей матери была Полыгалова, но Дмитревскій переименовалъ ее, ради того, что эта фамилія неблагозвучна для афиши, и назвалъ ее Перловой, по необыкновенной бѣлизнѣ лица и бѣлокурымъ ея волосамъ; подъ этой фамиліей она и была извѣстна въ Театральномъ училищѣ. Перемѣна фамилій въ театральномъ быту дѣло весьма обыкновенное; самъ Дмитревскій назывался прежде Нарыковымъ, но императрицѣ Елисаветѣ не понравилась эта фамилія и она приказала ему называться Дмитревскимъ, говорятъ, будто по сходству его съ тогдашнимъ польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, носившимъ эту фамилію. Когда императрица Екатерина II ставила на Эрми-

тажномъ театрѣ свою историческую драму: «Олегово Правленіе», моя матушка, будучи еще воспитанницей, играла роль Прекрасы, невѣсты Игоря. По словамъ ея, императрица постоянно присутствовала на репетиціяхъ и дѣлала нѣкоторыя замѣчанія артистамъ (на публичномъ театрѣ играли эту піесу 6-го сентября 1794 года). Передъ началомъ спектакля, артисты были представлены государынѣ въ одной изъ эрмитажныхъ залъ и тутъ она особенно обратила вниманіе на женскій персоналъ... и, подозвавъ мою матушку, поправила сама ея куафюру и приказала принести изъ своего гардероба нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей для пополненія наряда невѣсты Игоря. Здѣсь я нелишнимъ считаю сдѣлать небольшую выписку изъ журнала покойнаго моего отца.

«Олегово Правленіе», историческое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ (соч. Екатерины II), съ принадлежащими къ оному хорами, балетами, греческими играми, представленіемъ театра на театрѣ. Музыка всего спектакля соч. придворнаго капельмейстера г. Сарти; балеты, сраженія, марши и игры соч. балетмейстера г. Канціани и танцовщика г. Пика. Гардеробъ изъ карусели императрицы Елисаветы Петровны, костюмы г. Отто.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Олегъ—Дмитревскій, Игорь—Вальбергъ, Прекраса—Перлова, царь греческій — Гомбуровъ, царица — Иванова, сваха—Михайлова; прочіе персонажи: Соколовъ, Крутицкій, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Камышковъ, и всѣ актеры и актрисы, находящіеся въ то время на службѣ. Въ ономъ представленіи участвовали придворные и преображенскіе пѣвчіе; статистами были гвардейскіе егери, 600 человѣкъ».

Въ награду за этотъ спектакль императрица приказала выдать: старшимъ артистамъ годовые, а младшимъ полугодовые оклады ихъ жалованья...

Матушка моя, выйдя изъ училища, долгое время занимала первое амплуа въ трагедіяхъ, драмахъ, а иногда и въ комедіяхъ, и была любимою актрисою въ свое время. Отличительная черта ея таланта, по отзывамъ старинныхъ театраловъ, заключалась въ изображеніи глубокихъ чувствъ матери: въ этихъ роляхъ она тогда не имѣла соперницъ на русской сценѣ... Отецъ мой

былъ сынъ придворнаго садовника (Василья Петровича), у котораго былъ свой домишко въ Ораніенбаумѣ [1]). Коренное происхожденіе отцовской фамиліи довольно трудная задача, которую наши семейные этимологи никакъ не могли разрѣшить. Иные производили ее отъ слова каратъ, т. е. единичный вѣсъ брилліанта; другіе утверждали, что это прозвище чисто русское, отъ слова коротkій—въ просторѣчіи коротыга, или коротышко. Нѣкто изъ восточныхъ филологовъ увѣрялъ меня, что наша фамилія должна быть татарская, потому что кара̀ — значитъ черный, а тыгинъ—гора или возвышенность; стало быть, въ переводѣ мы выходимъ Черногоры, Черногорскіе, или просто Черногорцы. Прадѣдъ нашъ, по матери, былъ главный придворный пивоваръ, лично извѣстный императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и, по словамъ моей бабушки, никто лучше его не умѣлъ угодить на вкусъ государыни, которая была большая охотница до пива. Нерѣдко она сама изволила заходить въ его курень, гдѣ онъ обыкновенно варилъ пиво, призывала къ себѣ его дѣтей и милостиво ласкала ихъ. Дѣдъ нашъ, по отцовской линіи (какъ я уже упомянулъ), былъ придворный садовникъ... съ сего-то садовника и начинается наше родословное дерево.

Первые годы женитьбы, отецъ и мать мои получали очень скудное жалованье и много терпѣли нужды. При выпускѣ изъ училища матушка получала 300 р., а отецъ 250 р. Семья, на законномъ и естественномъ основаніи, начала ежегодно увеличиваться, но дирекція, разумѣется, не обязана была принимать этого въ уваженіе.

Императоръ Павелъ, также какъ и его родительница, любилъ театральное искусство и милостиво относился къ артистамъ. Однажды, въ 1800 году, былъ назначенъ придворный спектакль въ Гатчинѣ; матушка моя въ немъ также участвовала. Это было мѣсяца за четыре до рожденія моего старшаго брата. Передъ началомъ спектакля, Дмитревскій въ Арсенальной залѣ представлялъ императору артистовъ, удостоившихся чести играть въ первый разъ передъ его величествомъ. Павелъ

[1]) Братья моего отца, Василій и Димитрій, учились въ музыкальной школѣ, устроенной въ Ораніенбаумѣ Петромъ III, и были въ послѣдствіи замѣчательными музыкантами (смотри № 5 Художественной Газеты: «Матеріалы для исторіи русскаго театра»).

Петровичъ, взглянувъ на мою матушку, улыбнулся и шутливо сказалъ:

— «Я думаю, нѣкоторымъ особамъ неудобно было ѣхать по нашимъ буеракамъ?»

Матушка, конечно, переконфузилась и не нашлась что̀ отвѣчать на это замѣчаніе; но Дмитревскій поспѣшилъ выручить ее и сказалъ государю:

— «Чтобъ имѣть счастіе угодить вашему императорскому величеству, конечно, никто изъ насъ не чувствовалъ ни безпокойства, ни усталости...»

Павелъ захохоталъ и отвѣчалъ ему: «Ну, да, да, я знаю, вы старый куртизанъ матушкина двора».

Всѣмъ извѣстно высочайшее повелѣніе императора Павла, чтобы мужчины и женщины, проѣзжая по улицѣ, при встрѣчѣ съ нимъ, отдавали ему почтеніе, выходя изъ экипажей; какъ-то разъ матушка ѣхала въ казенной каретѣ, и увидя государя, ѣхавшаго навстрѣчу къ ней, поспѣшила отворить дверцы, но онъ махнулъ два раза рукой и сказалъ: «Не безпокойтесь, не безпокойтесь». Такая снисходительность грознаго и вспыльчиваго императора могла, конечно, почесться особенною милостію...

Я родился въ 1805 году, 29-го іюня, въ день апостоловъ Петра и Павла, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, въ угловомъ домѣ Корзинкина, у Харламова моста. Воспреемники мои были: Александръ Андреевичъ Жандръ, конной гвардіи подпоручикъ (въ послѣдствіи генералъ-лейтенантъ, убитый въ Варшавѣ въ 1830 году, во время польскаго мятежа), и Марья Францовна Казасси, главная надзирательница Театральнаго училища. Дѣтство свое я начинаю помнить съ трехъ лѣтъ, когда мы жили въ домѣ купца Латышова, на Торговой улицѣ, противъ Литовскаго мяснаго рынка. Этотъ домъ нанимала тогда театральная дирекція для артистовъ и другаго театральнаго люда.

Прежде наша квартира была во дворѣ, въ третьемъ этажѣ, а потомъ переведена во второй этажъ, окнами на улицу; и ту и другую квартиру я помню и теперь еще очень ясно. Помню, какъ жила тогда у насъ одна дальняя родственница, которую звали Аннушкой, какъ она лежала за ширмами больная; потомъ, когда она умерла, я живо помню, гдѣ стоялъ ея гробъ... Когда ее отпѣвали, меня поставила моя няня на стулъ у дверей, чтобъ

мнѣ было виднѣе. Всѣ окружающіе плакали и я, разумѣется, глядя на нихъ, также плакалъ, хотя не понималъ, что̀ тутъ такое дѣлается... Мнѣ было тогда съ небольшимъ три года. Непостижимо, какъ впечатлительна дѣтская память, и какъ на долго она сохраняетъ эти впечатлѣнія. Мы часто забываемъ обстоятельства, которыя были съ нами въ прошломъ мѣсяцѣ, даже на прошедшей недѣли, а можемъ помнить, что случилось съ нами болѣе 60-ти лѣтъ назадъ! Въ этотъ же періодъ времени сохранилось въ моей памяти, какъ, бывало, отецъ и мать мои ѣздили въ Гатчино или Царское Село. гдѣ иногда назначались придворные спектакли при императорѣ Александрѣ Павловичѣ; какъ они намъ привозили оттуда конфектъ, пирожковъ и какого-то краснаго меду. Помню также страшный пожаръ Большаго театра (въ 1810 г. 31-го декабря). Тогда мы жили на улицу. Въ самую полночь, страшный шумъ, крикъ и бѣготня разбудили насъ... я вскочилъ съ постели, всталъ на подоконникъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на пожаръ, который освѣщалъ противоположный рынокъ и всю нашу улицу.

Въ тотъ годъ старшіе мои братья, Александръ и Василій, отданы были въ Горный корпусъ, и я помню, какъ, бывало, съ братомъ Владиміромъ и сестрой Елисаветой ждали мы воскресенья, когда братья возвращались изъ корпуса... ихъ треугольныя шляпы и тесаки были любимыми нашими игрушками. Въ это же время Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій и Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ очень часто бывали у насъ въ гостяхъ. Дмитревскій былъ тогда уже очень старъ; онъ постоянно былъ одѣтъ въ темнозеленый бархатный кафтанъ и такой же камзолъ съ блестящими стальными пуговицами, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ; сѣдые волосы у него всегда были зачесаны назадъ. Гравированный его портретъ и бюстъ, находящійся, кажется, въ академіи художествъ, имѣетъ поразительное сходство. Яковлеву тогда было лѣтъ 35.

Знаменитая комета 1811 года также не изгладилась изъ моей памяти: она была очень ясна, съ длиннымъ, широкимъ хвостомъ. Помню, какъ бывало, въ сумерки, мы ежедневно съ няней садились у окна и ожидали ея появленія. Я любовался ею, а старая наша няня крестилась и съ грустью говаривала: «Охъ, это не передъ добромъ!... не передъ добромъ!...» и шопотомъ начинала

читать молитвы... Съ этого же времени я начинаю помнить еще одно лицо изъ нашего семейнаго кружка,—это князь Иванъ Степановичъ Сумбатовъ (о которомъ я уже упоминалъ въ прежнихъ отрывкахъ изъ моихъ Записокъ). Онъ былъ въ свѣтѣ лицо незначительное, не былъ ни художникъ, ни артистъ, не имѣлъ важнаго чина, но былъ простой, добрый и честнѣйшій человѣкъ [1]). Онъ посѣщалъ насъ почти ежедневно и былъ преданнымъ и безкорыстнымъ другомъ всего нашего семейства. Не имѣя никакого состоянія, онъ былъ готовъ всегда раздѣлить свой послѣдній рубль съ людьми, которые приходились ему по душѣ. Говорятъ, будто лицо «есть зеркало души», но его лицо, напротивъ, служило явнымъ противорѣчіемъ этой парадоксальной поговорки. Лицо кн. Сумбатова носило на себѣ рѣзкій типъ восточнаго его происхожденія: сросшіяся густыя брови, большіе черные глаза, орлиный носъ, отвислыя губы—все это было не только не привлекательно, но, вѣроятно, могло, съ перваго взгляда, поселить антипатію къ нему. Актеръ, играющій злодѣевъ, былъ бы, конечно, очень доволенъ этой рѣзкой наружностью для сценическаго эффекта. Художникъ, который бы вздумалъ представить на картинѣ какого нибудь Митридата, Ирода или Фараона, съ удовольствіемъ попросилъ бы добряка Сумбатова служить ему натурщикомъ для злодѣйской фигуры, а князь, по добротѣ души своей, конечно бы не отказалъ художнику... и если бы эта картина была, наконецъ, на выставкѣ въ академіи художествъ, то, вѣроятно, не одинъ зѣвака, съ претензіей на проницательность физіономиста, глядя на портретъ Сумбатова, сказалъ: «У! вотъ злодѣй, такъ злодѣй! На лицѣ написано, что долженъ быть бѣдовый!...» а этотъ злодѣй—во всю свою жизнь, конечно, цыпленка не обидѣлъ...

Съ закулиснымъ міромъ я познакомился съ самаго дѣтства. Бывало, поутру, отецъ или мать мои скажутъ мнѣ: «Ну, Петруша, я тебя возьму сегодня съ собою въ театръ», и я былъ внѣ себя отъ восторга; едва успѣю отобѣдать, какъ начну приставать къ своей нянькѣ, чтобы она поскорѣе меня одѣвала... сяду на подоконникъ и съ нетерпѣніемъ жду, когда пріѣдетъ за нами

---

[1]) Въ послѣдствіи онъ былъ старостой Армянской церкви, находящейся и теперь при домѣ Лазарева, на Невскомъ проспектѣ.

казенная карета. Всѣ эти спектакли я обыкновенно смотрѣлъ изъ-за кулисъ. Многаго, разумѣется, я, по своему возрасту, не понималъ, но всѣмъ готовъ былъ восхищаться.

Въ 1809 году была представлена на Большомъ театрѣ драма «Суліоты или спартанцы XVIII столѣтія», соч. Льва Александровича Неваховича. Въ этой драмѣ матушка моя играла роль Амасеки, жены правителя Сули, и, во время его плѣна у албанцевъ, предводительствовала сулютами и, какъ героиня, спасла свою отчизну. Одновременно съ представленіемъ этой драмы, пріѣхалъ въ Петербургъ тогдашній правитель Сули — просить у императора Александра Павловича защиты отъ новаго нападенія албанцевъ на его владѣнія. Онъ былъ приглашенъ на второе представленіе этой драмы въ императорскую ложу; свита правителя Сули была помѣщена во второмъ ярусѣ. Публика, узнавъ объ этомъ заранѣе, ломилась въ театръ... многіе, не получивъ билетовъ, готовы были заплатить чуть не вдесятеро, чтобы гдѣ нибудь помѣститься. Нѣкоторыя лица изъ высшаго круга просили у тогдашняго директора Нарышкина дозволеніе — посмотрѣть этотъ спектакль изъ-за кулисъ, предлагая внести въ кассу театра по 50 руб., но директоръ отвѣчалъ имъ, что дирекція не имѣетъ такихъ постановленій и не можетъ пускать постороннихъ зрителей за кулисы. Драма имѣла огромный успѣхъ, чему способствовали и современный интересъ, и прекрасное исполненіе участвующихъ въ ней артистовъ; къ тому же, вѣрность костюмовъ, декорацій и вообще вся постановка піесы были самыя тщательныя и роскошныя.

На другой день государь приказалъ объявить свое благоволеніе артистамъ, участвовавшимъ въ драмѣ, и выдать каждому изъ нихъ годовой окладъ жалованья. Самъ же правитель Сули такъ былъ восхищенъ игрою моей матушки, что просилъ позволенія у государя сдѣлать ей подарокъ. Подарокъ этотъ заключался въ жезлѣ изъ чернаго дерева съ брилліантовыми украшеніями. По піесѣ, Амасека является передъ народнымъ собраніемъ съ жезломъ, аттрибутомъ верховной власти. Государь изъявилъ на то свое согласіе и депутація знатныхъ суліотовъ поднесла моей матушкѣ этотъ драгоцѣнный подарокъ съ надписью: «Отъ правителя Сули и всего народа — Амасекѣ, предводительницѣ суліотовъ, въ знакъ благодарности».

II.

Въ домѣ Латышова, какъ я уже сказалъ, помѣщался почти весь театральный персоналъ: актеры, актрисы, фигуранты и даже портные; стало быть, дѣтей тутъ былъ полонъ дворъ. Бывало, мы, въ лѣтнюю пору, собирались на этомъ большомъ дворѣ, послѣ обѣда, и играли въ солдаты. Кто нибудь постарше возьметъ на себя команду, сдѣлаетъ изъ синей сахарной бумаги треугольную шляпу, а изъ бѣлой вырѣжетъ султанъ; дѣтскій барабанъ и какая нибудь свистулька составляли нашу военную музыку; палки отъ половыхъ щетокъ замѣняли намъ ружья; длинный шестъ, съ повязаннымъ на него полотенцемъ, служилъ намъ знаменемъ, и пойдетъ бывало возня и маршировка вдоль всего двора. Помню я, какъ, въ 1812 году, началась отечественная война; наши нянюшки, собравшись въ кружокъ, журили насъ за эти воинственныя игры, что это мы яко-бы накликали войну! «Все въ солдаты, да въ солдаты играете! Развѣ нѣтъ другой игры!»—говорили онѣ, и мы, повѣся голову, расходились по угламъ, и, въ дѣтской простотѣ, вполнѣ были увѣрены, что Наполеонъ пошелъ войною на Россію именно по нашей милости... Двѣнадцатый годъ свѣжо сохранился въ моей памяти. Помню, какъ я однажды съ моей няней пошелъ смотрѣть на ополченцевъ, которые были собраны передъ домомъ Воронцова, у Поцѣлуева моста, противъ Новой Голландіи, гдѣ теперь уголъ городской тюрьмы; какъ тогда объѣзжалъ ряды какой-то старый, толстый генералъ, въ бѣлой фуражкѣ; няня говорила мнѣ, что это былъ Кутузовъ. Помню еще конное ополченіе, которое называлось: «безсмертные гусары». На нихъ были казакины и широкіе шаровары изъ чернаго сукна; черная же высокая мѣховая шапка, въ такомъ же родѣ, какія въ то время были у французскихъ гренадеровъ; посреди шапки помѣщалась мертвая голова, а подъ нею крестообразно сложенныя двѣ кости. Говорятъ, что бо̀льшую часть этихъ несчастныхъ безсмертныхъ гусаровъ въ какомъ-то сраженіи свои же перебили, принявъ ихъ за непріятеля. Не по шерсти имъ было дано имя; вѣроятно, мѣховыя-то шапки и послужили причиной этой пагубной ошибки...

Сынъ нашей кухарки пошелъ охотникомъ въ этотъ роковой

полкъ. Я помню, какъ онъ приходилъ прощаться со своею матерью и какъ мы тогда любовались его воинственнымъ нарядомъ. Бѣднякъ не воротился домой и пропалъ безъ вѣсти. Братья мои, воспитывавшіеся въ Горномъ корпусѣ, говорили, что у нихъ сдѣлано было уже тогда приготовленіе вывозить изъ Петербурга весь минералогическій кабинетъ и другія драгоцѣнности. Всѣ классы общества, люди всѣхъ возрастовъ были страшно парализованы въ эту тяжкую годину! Реляціи о взятіи Смоленска, потомъ о Бородинской битвѣ и, наконецъ, о пожарѣ Москвы окончательно навели на всѣхъ ужасъ и панику. Въ это время труппа московскихъ артистовъ бѣжала изъ Москвы въ Петербургъ и многіе пріютились у своихъ сотоварищей; у насъ долгое время жила тогда московская актриса Борисова и разсказывала намъ всѣ подробности о своемъ побѣгѣ. Разумѣется, мы, какъ дѣти, не могли вполнѣ понимать тогда всей опасности, которая угрожала Петербургу, но, видя озабоченность и уныніе нашихъ родителей, мы тоже повѣсили головы и перестали играть въ солдатики. Народъ ежедневно собирался тогда кучками на улицахъ и разскащикамъ нечего было преувеличивать ужасныя новости: бѣда и безъ того была слишкомъ велика. Помню я тогдашнія каррикатуры на Наполеона художника Теребенева, которыя въ то время продавались на-расхватъ во всѣхъ магазинахъ и даже табачныхъ лавкахъ. Народная ненависть къ виновнику нашего бѣдствія отъ отцовъ переходила къ дѣтямъ... Наши нянюшки называли его антихристомъ, а мы всѣ душевно его ненавидѣли и проклинали. Но, странное дѣло, въ то тяжелое, безотрадное время, театральныя представленія не прерывались ни на одинъ день (разумѣется, тогдашній репертуаръ состоялъ большею частію изъ пьесъ патріотическихъ). Французская труппа, также продолжала свои спектакли. Справляясь съ журналомъ моего покойнаго отца, я отыскалъ тамъ, между прочимъ, одно курьезное представленіе: кто-то перевелъ на французскій языкъ извѣстную трагедію Озерова «Димитрій Донской» и тогдашняя французская труппа разыгрывала ее на Маломъ театрѣ, 6-го іюня 1812 года, въ бенефисъ актера Дальмаса. Знаменитая трагическая актриса m-lle Жоржъ занимала роль Ксеніи... Надо полагать, что подобный спектакль былъ очень любопытенъ и по времени, и по исполненію. «Димитрій Донской» была самая люби-

мая изъ всѣхъ трагедій Озерова, написанная имъ еще въ 1807 году, во-первыхъ, по своему историческому интересу, а во-вторыхъ, по тѣмъ трескучимъ монологамъ и эффектнымъ стихамъ, которые электризовали народный патріотизмъ. Понятно, что въ тяжкую эпоху нашей народной войны, она производила громадный эффектъ на русской сценѣ. Нашествіе Мамая на Русь имѣло тогда апликацію къ настоящему времени и Мамаемъ XIX-го вѣка подразумѣвали, конечно, Наполеона, а вмѣсто дикихъ татаръ— просвѣщенныхъ французовъ. Когда, въ 1813 году, началось бѣгство великой арміи изъ предѣловъ Россіи, легко вообразить себѣ, напримѣръ, разсказъ боярина о Куликовской битвѣ, гдѣ каждый стихъ можно было примѣнить къ событіямъ настоящаго времени. Я помню одно изъ этихъ представленій упомянутой трагедіи: когда актеръ Бобровъ, игравшій боярина, сказалъ первые два стиха своего монолога:

«Спокойся, о княжна, побѣда совершенна!
«Разбитый ханъ бѣжитъ, Россія свобождена!»

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій, всѣ зрители вскочили со своихъ мѣстъ, закричали ура! махали шляпами, платками и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ актеръ не могъ продолжать своего монолога. Каждому русскому человѣку, конечно, понятенъ этотъ энтузіазмъ, восторгъ и увлеченіе, но какъ могли рѣшиться французскіе артисты разыгрывать эту трагедію въ то же время—дѣло выходитъ очень курьезное!... По всѣмъ вѣроятіямъ, актеръ Дальмасъ, взявшій въ свой бенефисъ «Димитрія Донскаго», расчитывалъ на заманчивую афишу и, ради денежнаго интереса, пожертвовалъ своимъ пресловутымъ патріотизмомъ; а, можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и страха ради іудейска.

Въ нашемъ домѣ жилъ въ то время актеръ Жебелевъ (игравшій постоянно роли холодныхъ злодѣевъ и хитрыхъ интригановъ, но въ сущности былъ человѣкъ теплой и доброй души). У него былъ родственникъ, служившій прикащикомъ въ книжной лавкѣ Плавильщикова; черезъ его посредство онъ получалъ всѣ свѣжія новости и немедленно передавалъ ихъ своимъ жильцамъ-товарищамъ. Помню я, какъ однажды этотъ Жебелевъ прибѣжалъ съ реляціей о какой-то важной побѣдѣ надъ французами. Печатный листъ былъ у него въ рукахъ, онъ остановился

посреди двора, махалъ имъ во всѣ стороны и кричалъ во всю мочь «ура!!» Все народонаселеніе дома Латышова высыпало на середину двора и составило около него кружокъ; иные, не успѣвъ сбѣжать внизъ, повысунулись изъ растворенныхъ окошекъ, а восторженный вѣстникъ побѣды громогласно и отчетливо читалъ эту реляцію. Восторгъ былъ всеобщій. Всѣ поздравляли другъ друга. Мы, ребятишки, хотя ничего не поняли изъ его чтенія, но, видя радость старшихъ и нашихъ родителей, которые сами были рады, какъ дѣти, начали кричать вмѣстѣ съ ними «ура!» прыгать, барабанить, и снова развернули свои знамена изъ полотенецъ и носовыхъ платковъ.

Съ этого времени, сколько я помню, утѣшительныя новости дѣлались чаще и чаще; успѣхъ оружія повернулся въ нашу сторону, и, когда французы очистили Москву и началось отступленіе двунадесяти языкъ, Русь вздохнула свободнѣе, а мы, дѣти, принялись за прежнія игры и возились, кто во что гораздъ. На радостяхъ намъ прощали всякія шалости и проказы. Въ послѣдствіи часто мнѣ случалось видѣть, какъ проводили по нашей улицѣ плѣнныхъ непріятелей, больныхъ везли на телѣгахъ и толпа любопытныхъ провожала ихъ.

На театрѣ въ это время играли постоянно піесы или изъ стараго репертуара, имѣвшія аналогію къ тогдашнимъ событіямъ (какъ-то: «Пожарскій», «Димитрій Донской», «Освобожденная Москва» (Хераскова), «Казакъ Стихотворецъ»), или вновь сочиненныя на этотъ случай. Между этими послѣдними, я помню піесу Висковатаго подъ названіемъ: «Всеобщее Ополченіе», въ которой участвовалъ маститый артистъ-пенсіонеръ Ив. Аѳ. Дмитревскій, сошедшій со сцены уже лѣтъ 15 назадъ; онъ занималъ роль управителя, отставнаго унтеръ-офицера. Заслуженный ветеранъ временъ Екатерины былъ встрѣченъ публикой съ шумнымъ восторгомъ и растроганный старикъ, отъ волненія, едва могъ докончить свою роль. Куплеты въ честь Кутузова, Витгенштейна и Платова были пѣты тогда на сценѣ почти ежедневно. Изъ всѣхъ героевъ 12-го года эти три имени были самыя популярныя; но благодарность и признательность петербуржцевъ къ графу Витгенштейну, послѣ сраженія при Чашникахъ, 19-го октября 1812 года, гдѣ онъ отрѣзалъ дорогу къ Петербургу маршалу Удино и разбилъ его нá-голову, дошли до обожанія!

Стихи въ честь Витгенштейна «Защитнику Петрова града» и проч. распѣвались въ то время не только на театрѣ, но чуть-ли не на каждой улицѣ.

Помню я также, когда, въ 1813 году, ввозили тѣло покойнаго фельдмаршала Кутузова. Вся наша семья смотрѣла эту торжественную церемонію изъ дома Ефремовой (двоюродной сестры нашего отца), у Кашина моста, противъ Никольскаго собора. Народъ еще у Нарвской заставы выпрягъ лошадей и везъ траурную колесницу вплоть до Казанскаго собора. Всѣ невольно утирали слезы и я расплакался на-взрыдъ, глядя на другихъ; меня насилу могли утѣшить.

Въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, опасно захворала наша матушка воспаленіемъ легкихъ. Я помню, что это было самое грустное время въ моемъ дѣтствѣ. Спальня матушки помѣщалась рядомъ съ нашей дѣтской и намъ строго запрещались шумныя игры. Хотя мы и не понимали всей опасности, въ которой находилась тогда наша мать, но, слыша безпрестанно оханья нашихъ нянекъ и видя грусть отца, намъ веселье и на умъ не шло. Старшій братъ нашъ, Александръ, пріѣзжая изъ корпуса по праздникамъ, рисовалъ намъ солдатиковъ и мы, съ шопотомъ, разставляли ихъ на окнахъ и играли втихомолку. Такъ прошло недѣль шесть, если не болѣе. Говорятъ, будто спеціальныя наклонности обнаруживаются у насъ въ дѣтствѣ, съ первыхъ годовъ, и что по этимъ наклонностямъ можно опредѣлить направленіе или способности будущаго человѣка, т. е. къ чему больше у ребенка охоты, на то и слѣдуетъ обратить вниманіе воспитателю. Если судить по первымъ наклонностямъ о нашей будущей карьерѣ, то можно было подумать, что всѣ мои братья непремѣнно пойдутъ въ военную службу, до такой степени мы въ дѣтствѣ любили военщину; между тѣмъ, мнѣ и брату Василью пришлось нюхать порохъ только на театрѣ, а два другіе брата сдѣлались скромными чиновниками, самыми тихими тружениками, которые, кромѣ перочинныхъ ножей, не имѣли при себѣ никогда другаго оружія. Сколько мнѣ теперь припоминается, братъ мой Василій въ дѣтствѣ не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ театру. Братъ Владиміръ былъ самый рѣзвый мальчикъ, сорви-голова, какъ говорится, но, съ возрастомъ, эта энергичность стала простывать и нравъ его принялъ флегматическое направленіе,

но сердце его осталось дѣтски теплое и доброе до самой смерти. Братъ мой Александръ былъ, напротивъ, характера нѣсколько серьезнаго, сосредоточеннаго и такимъ остался во всю свою жизнь. При необыкновенной честности, онъ, кажется, не имѣлъ довѣрія къ людямъ и его трудно было вызвать на откровенность. Этимъ свойствомъ онъ больше всѣхъ насъ походилъ на нашего отца.

Болѣзнь нашей матушки все еще была опасна; ее лечили три доктора: Кауберть, Суттофъ и Газингъ, и теряли всякую надежду... но судьба послала ей врача-спасителя... Это былъ молодой докторъ Гаевскій (Семенъ Ѳедоровичъ), который тогда только еще начиналъ свою (въ послѣдствіи блистательную) карьеру. Извѣстно, что для тяжко больныхъ, при чахоточныхъ началахъ, у насъ, въ Петербургѣ, вскрытіе Невы бываетъ самое критическое время, и Гаевскій говорилъ тогда, что если Богъ поможетъ нашей матушкѣ пережить этотъ опасный періодъ, то онъ ручается за ея жизнь... Понятно, съ какимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ вся наша семья ждала этого роковаго времени... Наконецъ, Нева вскрылась... прошло нѣсколько дней благополучно... и всѣ, окружающіе больную, вздохнули свободнѣе...

Здѣсь я опять не могу не помянуть добрымъ словомъ князя Сумбатова, который, въ продолженіе болѣзни нашей матушки, бывалъ у насъ почти безвыходно, ѣздилъ за докторами, бѣгалъ самъ въ аптеку за лекарствами и вообще помогалъ всѣмъ, чѣмъ только былъ въ состояніи. Продолжительная болѣзнь нашей матушки истощила всѣ денежныя средства бѣднаго нашего отца; всѣ царскіе подарки, жезлъ, поднесенный греками, и все сколько нибудь цѣнное было или заложено въ ломбардѣ, или продано за безцѣнокъ. Въ это-то тяжелое время для нашего семейства кн. Сумбатовъ, чтобъ помочь отцу, заложилъ свои золотые часы и шубу и ходилъ зимой въ холодной шинели... Такихъ людей не много найдется въ наше время, а князей—вѣроятно—еще менѣе...

Матушка въ апрѣлѣ видимо начала поправляться... Съ наступленіемъ весны, Гаевскій совѣтовалъ отцу перевезти матушку куда нибудь на дачу. Отецъ нанялъ маленькій крестьянскій домикъ на Черной рѣчкѣ. Эта, знаменитая въ послѣдствіи, рѣчка тогда называлась просто Головинской деревней и не имѣла еще тѣхъ красивыхъ дачныхъ домиковъ, которые послѣ тамъ на-

строили. Тамъ были тогда просто одноэтажныя избы, оклеенныя внутри цвѣтной бумажкой, которыя крестьяне отдавали въ наемъ.

Десятка полтора такихъ домишковъ было по берегу Черной рѣчки; позади ихъ были огороды, огромная роща и сосновый боръ, который тянулся вплоть до нынѣшняго Лѣснаго Корпуса. Помню я, что гдѣ-то тутъ протекалъ ручеекъ чистой воды, въ которомъ мы иногда купались. Теперь, разумѣется, не осталось и слѣдовъ всего этого. Наступилъ май и мы стали собираться къ переѣздкѣ на дачу... Не могу понять, какъ отецъ нашъ былъ въ состояніи изворачиваться, получая, вмѣстѣ съ матушкой, самое незначительное жалованье... Болѣзнь матушки продолжалась девять мѣсяцевъ, лечили ее четыре доктора, стало быть, какихъ значительныхъ издержекъ все это требовало... Я помню какъ въ нашихъ комнатахъ стклянками и банками отъ лекарствъ были заставлены всѣ подоконники. Мать и отецъ въ то время были первыми артистами и вдвоемъ получали около 3,500 р. ассигнаціями въ годъ. Въ настоящее время первый актеръ у насъ получитъ въ два или три мѣсяца гораздо болѣе этого оклада. Говорятъ, что тогда жить было дешевле, но оно не совсѣмъ справедливо. Многое, напротивъ, было тогда дороже. Мы въ то время почти не имѣли ни суконныхъ, ни ситцевыхъ, ни бумажныхъ фабрикъ и всѣ эти необходимыя вещи были заграничныя, стало быть, не дешево стоили; тяжкая и изнурительная кампанія 1812 и 1813 годовъ не могла, конечно, не возвысить стоимости многихъ предметовъ, необходимыхъ въ общественномъ быту; не думаю также, чтобъ и аптекарскіе счеты были тогда снисходительнѣе нынѣшнихъ. Семья наша была довольно многочисленна: насъ, дѣтей, было пятеро, бабушка (со стороны матери), племянница, двѣ няньки, горничная, кухарка, всего 13 человѣкъ; всѣхъ надо было одѣть и накормить. И изъ этого ограниченнаго жалованья, о которомъ я упомянулъ выше, надобно было нашему отцу нанять дачу и въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ жить на два дома: по службѣ своей онъ долженъ былъ оставаться въ городѣ, потому что спектакли лѣтомъ не прекращались; къ тому же въ городѣ еще оставались съ нимъ наша бабушка и старшіе мои братья: двое поступили уже на службу, а третій ходилъ въ гимназію.

Помню я неизъяснимую нашу радость, когда наемная карета

остановилась у нашего крыльца и намъ съ сестрой велѣли собираться на дачу. Матушка въ то время могла уже сидѣть въ креслахъ. Всѣ домашніе наши засуетились; перину и подушки разложили вдоль кареты; мы съ сестрой носили узлы и всякую мелочь... Наконецъ, матушку на рукахъ снесли съ лѣстницы и уложили на перинѣ, мы съ сестрой сѣли вмѣстѣ съ нею въ карету и шагомъ поѣхали на дачу. Кн. Сумбатовъ съ отцомъ сопровождали насъ на дрожкахъ. Тогда еще въ Петербургѣ не имѣли понятія о шоссе, такъ легко себѣ вообразить, каково было везти слабую, полуживую женщину по варварской мостовой!.. Коекакъ дотянулись мы до Черной рѣчки. Матушку вынесли изъ кареты и уложили отдохнуть отъ утомительнаго пути; меня съ сестрой отецъ повелъ показать деревню. Я въ первый еще разъ былъ за городомъ; объ деревнѣ я имѣлъ понятіе только изъ дѣтскихъ книжекъ. Я былъ въ восторгѣ, все обращало мое дѣтское любопытство; я упивался сельскимъ воздухомъ, любовался Невой, рощей, Строгановымъ садомъ, безпрестанно цѣловалъ руку отца и не чувствовалъ ногъ подъ собою отъ радости!..

Часовъ въ 8 погнали стадо съ поля; на шеѣ у каждой коровы былъ тогда колокольчикъ; онѣ подняли страшную пыль, проходя мимо нашего дома. Пастухъ заигралъ въ свой берестовый рожокъ; мычанье коровъ, разнотонный звонъ и звяканье ихъ колокольчиковъ... вся эта сельская идиллія очаровала меня!

На другой день я проснулся прежде всѣхъ и побѣжалъ въ рощу. Утро было дивно хорошо! Я упивался благоуханіемъ свѣжей листвы и плавалъ въ восторгѣ! Нѣтъ, эти невинныя, чистыя наслажденія не повторятся уже въ нашей грязной жизни! да и самаго воздуха, которымъ я тогда дышалъ, не можетъ быть теперь на Черной рѣчкѣ, потому что изъ сосноваго лѣсу понадѣлали дачъ, а березу срубили на дрова... не осталось и слѣдовъ тогдашней простоты и сельскаго раздолья. Теперь тамъ гнѣздятся чиновничій и купеческій людъ; трактиры и питейные дома—чуть не на каждомъ шагу. Въ настоящее время Черная рѣчка уже отжила свою счастливую пору. Частые пожары уничтожили бо́льшую часть красивыхъ дачъ. Въ началѣ же 30-хъ годовъ она щеголяла своими обитателями: гвардейская молодежь, свѣтскія львицы тогда взметали пыль своими кавалькадами; Строгановскій садъ былъ сборищемъ петербургской аристократіи; императоръ

Николай Павловичъ живалъ тогда на Елагиномъ островѣ, стало быть, весь beau monde тянулся въ ту же окрестность. На Каменномъ островѣ постоянно жилъ великій князь Михаилъ Павловичъ и всѣ почти дачи этого острова принадлежали тогда нашимъ магнатамъ. На Черной рѣчкѣ тоже поселялись въ ту пору люди, занимающіе значительное положеніе въ обществѣ. На Каменноостровскомъ театрѣ два или три раза бывали французскіе спектакли.

Матушкѣ моей, благодаря майскому воздуху, становилось день ото дня лучше; она могла уже, хотя съ трудомъ, выходить въ небольшой палисадникъ, который былъ передъ нашимъ незатѣйливымъ домомъ. По предписанію Гаевскаго, она, по утрамъ, пила шоколадъ Имзена и парное козье молоко и почти цѣлый день проводила на воздухѣ.

Въ тотъ годъ лѣто было необыкновенно теплое. Недѣли черезъ двѣ, матушка могла уже выходить въ рощу; мы съ сестрой играли около нея и я воображаю, какія сладкія чувства наполняли ея душу въ эти отрадные часы. Какъ она благодарила Бога, который не допустилъ ея дѣтей осиротѣть въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Она любила насъ болѣе своей жизни! Она была всегда образцомъ нѣжной и чадолюбивой матери! Отецъ нашъ свободное отъ службы время проводилъ у насъ на дачѣ; но изъ города и обратно всегда ходилъ пѣшкомъ; тогда, разумѣется, не было ни пароходовъ, ни дилижансовъ, даже извощиковъ едва ли была десятая доля сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ. Изъ Коломны, гдѣ была наша квартира, до Черной рѣчки составляло верстъ около 10-ти по крайней мѣрѣ и отцу такая экскурсія была ни почемъ; онъ былъ удивительно неутомимъ и легокъ на ногу; даже подъ старость, иногда, возвращаясь съ прогулки, онъ изумлялъ насъ разсказомъ о своемъ маршрутѣ; онъ былъ необыкновенный ходокъ, только по службѣ не могъ уйти далеко. Чуждый низкопоклонства и искательства, онъ былъ строгой, безукоризненной нравственности; честная гордость его души всегда возмущалась, видя или несправедливость начальства или двуличность его закулисныхъ товарищей. Малѣйшее опущеніе по службѣ ему всегда казалось преступленіемъ, онъ былъ чистый пуританинъ; понятно, что подобные люди никогда не проложатъ себѣ выгодной дорожки.

Въ домашнемъ быту онъ былъ строгъ и точенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ. Честность, справедливость и глубокая религіозность (безъ ханжества) были лучшія его достоинства. У него постоянно была расходная книга, куда записывалась каждая истраченная трудовая копѣйка. Приведу здѣсь, для примѣра, одинъ случай: однажды умеръ портной (Разумовъ), который постоянно шилъ намъ платье. Вдова его пришла послѣ похоронъ мужа къ нашему отцу и горевала, что покойникъ, по своей безпечности, въ послѣднее время не записывалъ въ книгу своихъ должниковъ и оставилъ ее въ совершенной бѣдности. Отецъ тотчасъ же справился со своей расходной книгой, гдѣ оказалось, что и онъ еще не заплатилъ ему довольно значительную сумму, и тутъ же отдалъ ее вдовѣ, которая бросилась цѣловать его руку.

Житье наше на дачѣ было для насъ наслажденіемъ. Въ половинѣ лѣта, матушка почти совершенно поправилась. Къ намъ на дачу часто пріѣзжали товарищи отца и матери по службѣ; чаще другихъ бывала Евгенія Ивановна Колосова, съ дочерью Александрой Михайловной (которая въ послѣдствіи вышла замужъ за моего брата Василія), Самойловъ, Василій Михайловичъ, съ женою, Величкинъ, Рамазановъ, Боченковъ и другіе. Однажды, послѣдніе трое остались у насъ ночевать; имъ отвели ночлегъ на сѣновалѣ; и помню я, какъ, въ тотъ вечеръ, они у насъ на дворѣ разыгрывали сцену изъ водевиля «Казакъ Стихотворецъ», пѣли народныя пѣсни, романсы и куплеты; всѣ они были тогда люди молодые, шутливые, веселые и забавные.

Наступили каникулы; братья мои пріѣхали изъ города къ намъ погостить на дачу; тутъ мнѣ вздумалось показать имъ свое удальство и похвастать какъ я ловко умѣю грести; я пригласилъ ихъ кататься на нашей лодкѣ. Помню, что день былъ праздничный; отецъ и мать были заняты гостями, а мы, тотчасъ послѣ обѣда, взяли весла и побѣжали на берегъ Черной рѣчки; тутъ у плота была привязана наша лодка; братья сѣли въ нее, а я хотѣлъ отпихнуть лодку отъ плота, но руки у меня сорвались, я бултыхнулся въ рѣку и пошелъ, какъ ключъ, ко дну. Я чувствовалъ, какъ сталъ уже захлебываться... но, вѣроятно, на крикъ моихъ братьевъ прибѣжалъ крестьянинъ Егоръ, хозяинъ нашей дачи, схватилъ меня за волосы и вытащилъ на плотъ. Меня по-

тихоньку, чтобъ не пугать домашнихъ, принесли въ нашу комнату и переодѣли. Мать и отецъ узнали объ этомъ происшествіи уже полчаса спустя. Добрый Егоръ, разумѣется, былъ награжденъ, меня пожурили и уложили въ постель, напоивъ бузиной съ ромомъ, изъ опасенія, чтобъ я не простудился, и, слава Богу, никакихъ дурныхъ послѣдствій со мной не было. Послѣ этой катастрофы, Егоръ сдѣлался моимъ пріятелемъ, а противная Черная рѣчка непримиримымъ врагомъ. Къ тому же мнѣ строго было наказано не распоряжаться впередъ нашей флотиліей.

Благодаря превосходному лѣту, матушка совершенно выздоровѣла и въ половинѣ августа мы начали собираться въ городъ, что, конечно, намъ съ сестрой было очень непріятно. Мы переѣхали съ дачи на новую квартиру: въ Офицерскую улицу, въ домъ купца Голлидея; этотъ домъ тогда дирекція наняла для помѣщенія артистовъ русской труппы, конторы театральной и нотной конторы; тутъ же жили нѣкоторые чиновники театральнаго вѣдомства, а внизу помѣщалась типографія Похорскаго, который печаталъ афиши и былъ издателемъ многихъ театральныхъ піесъ. Во флигелѣ, который выходилъ на Екатерининскій каналъ, была репетиціонная зала. Въ верхнемъ этажѣ, выходившемъ во дворъ, были помѣщены хористы, или, какъ ихъ тогда называли, Нарышкинскіе пѣвчіе, которые были пріобрѣтены театральной дирекціей отъ оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина; ихъ было человѣкъ тридцать; изъ этого хора иные въ послѣдствіи поступили въ труппу императорскихъ артистовъ; такъ, напримѣръ, теноръ Шуваловъ, съ прекраснымъ голосомъ, нѣкоторое время пѣвалъ первыя партіи въ операхъ, но постоянно смѣшилъ публику своею неловкостію и неуклюжей фигурой; потомъ Байковъ, порядочный басъ, но плохой актеръ, Семихатовъ и Петренко; первый игралъ маленькія роли, а второй занималъ должность суфлера въ операхъ и водевиляхъ. Нижній этажъ этого дома съ давнихъ поръ занятъ былъ трактиромъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Hôtel du Nord, который и доднесь существуетъ тамъ, подъ тѣмъ же названіемъ; этотъ трактиръ въ ту пору былъ любимымъ сходбищемъ коммисаріатскихъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ тогдашнихъ актеровъ. Для холостыхъ актеровъ, не державшихъ своей кухни, подобное заведеніе было очень сподручно и удобно, но для женатыхъ, любившихъ иногда кутнуть или пощелкаться

на билліардѣ, этотъ Отель-дю-Нордъ былъ яблокомъ раздора съ ихъ дражайшими половинами, которыя сильно роптали на это непріятное сосѣдство, отвлекавшее мужей ихъ отъ домашняго очага.

Наша квартира приходилась на Офицерскую улицу, противъ тогдашняго Маріинскаго института, куда, бывало, каждую недѣлю ѣзжала вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, въ шестеркѣ цугомъ, съ двумя гусарами на запяткахъ.

Наша квартира была довольно тѣсновата, по многочисленности семейства, однакожъ мы въ ней кое-какъ размѣстились. Братъ мой Владиміръ продолжалъ учиться во Второй гимназіи, куда и меня начали приготовлять, и мѣсяца черезъ два я поступилъ въ гимназію вольно-приходящимъ, т. е. ходилъ туда ежедневно въ 7 часовъ утра и въ 6 часовъ возвращался, вмѣстѣ съ братомъ, домой; намъ обыкновенно давали нѣсколько денегъ на завтракъ, который состоялъ изъ ситнаго хлѣба съ масломъ или съ колбасой; по возвращеніи домой мы уже обѣдали... Я былъ въ гимназіи года полтора; ничего особеннаго не могу я припомнить о тогдашней моей жизни. Одинъ только разъ я былъ оставленъ тамъ ночевать, но не за лѣность, а за то, что громко разговаривалъ въ классѣ. У подвергавшихся арестованію обыкновенно отбирали тогда фуражки и шинели, а у иныхъ, которые пользовались репутаціей удалыхъ, снимали сапоги. Тутъ, какъ бы иной шалунъ ни былъ легокъ на ногу, мудрено было дать тягу. Министромъ просвѣщенія тогда былъ гр. Разумовскій, попечителемъ округа Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, а инспекторомъ Миттендорфъ. Въ 1816 году отецъ и мать мои заблагоразсудили отдать меня въ Театральное училище. И такъ, судьба спасла меня отъ горемычной труженической жизни чиновника и сдѣлала въ послѣдствіи актеромъ. Еслибъ можно было начать снова мою юношескую жизнь, я бы не задумался выбрать то же поприще, по которому прохожу болѣе 50 лѣтъ.

Въ то время, въ началѣ 1816 года, былъ директоромъ театровъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, вице-директоромъ кн. Тюфянинъ, который вскорѣ и заступилъ его мѣсто. Отецъ мой подалъ просьбу Нарышкину и меня вскорѣ приняли въ Театральное училище на казенное содержаніе. Театральное училище помѣщалось тогда въ казенномъ домѣ на Екатерининскомъ каналѣ

и выходило другой стороной на Офицерскую улицу, почти рядомъ съ домомъ Голлидея.

III.

Театральная школа того времени не отличалась особеннымъ благоустройствомъ и порядкомъ, да и денежныя средства ея были далеко не тѣ, какія она имѣла въ послѣдствіи, но, несмотря на то, почти ежегодно выходили изъ училища люди талантливые. Казалось бы: отчего же это такъ? Не оттого ли, что тогда было вообще болѣе любви къ своему искусству, больше честнаго труда и соревнованія. Бывало, когда старый заслуженный артистъ похвалитъ воспитанника, тотъ, конечно, считалъ лучшею себѣ наградою. Да, молодежь того времени была нѣсколько скромнѣе нынѣшней. Правда, и тогда, какъ въ послѣдствіи, начальство отдавало преимущество балетной части передъ другими сценическими занятіями, но нельзя сказать, чтобы тогда все шло вверхъ ногами... Полный комплектъ воспитывающихся былъ тогда 120 человѣкъ обоего пола. Воспитанницы помѣщались въ 3-мъ,—а воспитанники во 2-мъ этажѣ.

Помню я, какъ матушка благословила меня образомъ, при разставаніи съ нею, и отецъ привелъ меня, съ узелкомъ, въ школу; какъ обступили меня мои сверстники, будущіе товарищи, и осыпали разспросами. Пока отецъ былъ у инспектора Рахманова, у меня тотчасъ же нашлись друзья-скороспѣлки, которые поглядывали на мой узелокъ съ разными гостинцами. У друзей на этотъ счетъ собачье чутье; не даромъ же и собаку изображаютъ эмблемой дружбы. Но такъ какъ время тогда было передъ-обѣденное, то не мудрено, что будущіе мои друзья были сами голодны, какъ собаки.

Когда я простился съ отцомъ и онъ едва успѣлъ выйти на улицу, какъ меня чуть не на рукахъ понесли мои товарищи въ залу. Разумѣется, отъ моего узелка остался одинъ платокъ и я долженъ былъ раздать весь мой запасъ моимъ будущимъ друзьямъ.

Вскорѣ позвалъ меня къ себѣ старикъ Рахмановъ, погладилъ меня по головѣ и далъ родительское наставленіе, чтобъ я не шалилъ, учился хорошенько и прочее. Онъ былъ .необыкновенной

тучности, отъ которой, по временамъ, пыхтѣлъ и отдувался[1]). Позвонили къ обѣду; всѣ построились попарно и дядька, исправляющій должность гувернера, повелъ насъ къ столу на верхъ, въ 3-й этажъ, черезъ сѣни. Тогда воспитанники и воспитанницы обѣдали вмѣстѣ, въ одной длинной залѣ.

Лицо новаго воспитанника, разумѣется, не могло не обратить вниманіе дѣвицъ; онѣ начали перешоптываться и кивать на меня, привставали и глядѣли въ ту сторону, гдѣ я помѣстился; все это сильно меня конфузило и я за столомъ сидѣлъ какъ вареный ракъ и боялся взглянуть на женскую половину. Рахмановъ во время обѣда всегда ходилъ вдоль залы, заложа руки за спину. Этотъ патріархальный обычай того времени—сходиться двумъ поламъ за трапезой, конечно, не безгрѣшенъ: инымъ взрослымъ воспитанникамъ и воспитанницамъ было лѣтъ около двадцати, стало быть, дѣло не могло обойтись безъ нѣжной обоюдной склонности. Тутъ, можетъ быть, не одна пара, зѣвая на предметъ своей страстишки, проносила ложку мимо рта и бывала зачастую не въ своей тарелкѣ. Передать любовную записочку тутъ, конечно, былъ удобный случай... но къ чему? На репетиціяхъ и въ спектакляхъ воспитывающіеся почти ежедневно сходились и могли лично объясняться, стало быть, не зачѣмъ было убыточиться на бумагу. Къ чести того времени я долженъ сказать, что не помню ни одного случая, который могъ бы занести въ скандалезную хронику. Видно, чѣмъ болѣе строгости, тѣмъ чаще бываютъ и проступки... увы! и монастырскія стѣны не ограждаютъ отъ нихъ...

Это сближеніе молодыхъ людей съ самой юности имѣло отчасти и хорошую свою сторону: оно давало возможность узнавать короче нравственныя качества другъ друга. Чтобы узнать человѣка, говорятъ, надобно съѣсть съ нимъ три пуда соли; тутъ, конечно, во время своего воспитанія имъ удавалось извѣдать на

[1]) Рахмановъ былъ замѣчательный комическій актеръ, но въ то время находился уже въ отставкѣ. Говорятъ, однажды онъ пришелъ въ ломбардъ, закладывать кое-что. (Наканунѣ этого дня онъ игралъ «Бригадира» въ комедіи Фонъ-Визина). Народу было много и сторожъ впускалъ съ разборомъ въ комнату оцѣнщика; Рахмановъ выдвинулся впередъ, но сторожъ загородилъ ему дорогу. «Какъ же, братецъ, ты меня-то не пускаешь?»—сказалъ съ важностію Рахмановъ. «Да вы кто такіе?»—«Вчера былъ бригадиръ, а сегодня не знаю, какъ ты меня пожалуешь». «Пожалуйте, ваше превосходительство»,—сказалъ сторожъ и отворилъ ему дверь.

опытѣ эту пословицу, и въ то патріархальное время въ нашемъ закулисномъ мірѣ много составлялось удачныхъ и болѣе или менѣе счастливыхъ союзовъ. Вмѣстѣ учились, вмѣстѣ молились въ церкви, чуть не изъ одной чашки ѣли; какъ же тутъ не узнать человѣка... Тутъ ужъ маски не надѣнешь, все на лицо. Другія времена, другіе нравы. Согласенъ, что современное просвѣщеніе не можетъ допустить такое рискованное сближеніе двухъ половъ, но я говорю о нашемъ допотопномъ времени, т. е. за 16 лѣтъ до наводненія.

Нынче рѣдко услышишь, чтобы воспитанникъ и воспитанница, по выходѣ изъ училища, соединились законнымъ бракомъ, но тогда это дѣло было почти обычное. Выборъ подруги жизни изъ своего круга имѣетъ важное вліяніе на судьбу сценическаго артиста. Тутъ жена помощница мужу не по однимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Если который нибудь изъ нихъ имѣетъ болѣе таланта, въ такомъ случаѣ, онъ или она можетъ дать добрый, умный совѣтъ, откровенно указать на недостатки и ошибки другаго; если же дарованія ихъ равносильны, тутъ соревнованіе можетъ служить имъ еще къ бóльшимъ успѣхамъ и развитію своихъ способностей. Но если артистъ изберетъ жену изъ другой среды, ихъ взгляды, воспитаніе и положеніе въ обществѣ производятъ разноголосицу въ супружеской гармоніи. Предположимъ, напримѣръ, что мужъ—чиновникъ, а жена актриса, пѣвица или танцорка; ежедневныя ихъ занятія по службѣ постоянно раздѣляютъ чету: мужъ поутру въ департаментѣ, жена на репетиціи; вечеромъ мужъ остается работать дома, а жена отправляется въ спектакль и они постоянно бываютъ разлучены... и много бы можно было привести примѣровъ неудобства подобныхъ браковъ. Конечно, примѣръ не доказательство и нѣтъ правила безъ исключенія. Случается и такъ: у мужа артиста большой талантъ, а у жены никакого, или наоборотъ: жена знаменитая артистка, а мужъ совершенная бездарность... тутъ дирекція или даже антрепренеръ, изъ уваженія или снисхожденія къ одному, поневолѣ терпитъ на службѣ другаго, хотя и, въ ущербъ своимъ выгодамъ.

Таковыхъ супружествъ случалось мнѣ знать не на одномъ нашемъ русскомъ театрѣ. Но обратимся къ первой порѣ поступленія моего въ Театральное училище. Я уже прежде говорилъ, что поступилъ въ началѣ въ танцовальный классъ балетмейстера

Дидло; но до тѣхъ поръ, пока этотъ верховный жрецъ хореграфическаго искусства обратитъ свое вниманіе на неофита, слѣдовало ему пройти элементарную подготовку подъ ферулой одного изъ старшихъ воспитанниковъ. Не изгладились изъ моей памяти и теперь еще эти зимніе утренники: разбудятъ насъ, бывало, спозаранку, часовъ въ шесть, и изволь, на-тощакъ, отправляться въ холодную танцовальную залу расправлять со сна свои косточки: становишься у длинныхъ деревянныхъ шестовъ, придѣланныхъ къ четыремъ стѣнамъ, и, держась за нихъ, откалываешь свои обычные батманы, ронджамбы и прочія балетныя хитрости. На концѣ огромной залы мелькаетъ сальная свѣчка; взглянешь въ окно—тьма кромѣшная, кое-гдѣ на улицѣ виднѣется тусклый фонарь, а въ залѣ раздается мѣрный стукъ палки репетитора и въ тактъ ей отвѣчаютъ два или три десятка ногъ будущихъ фигурантовъ... бывало, сонъ клонитъ и, держась за палку, задремлешь, какъ пѣтухъ на нашестѣ, но неусыпный репетиторъ взбодритъ тебя толчкомъ подъ бокъ и послушная нога начнетъ опять, какъ вѣтренная мельница, отмахивать свою обычную работу... Но вотъ наступило утро. Въ 11 часовъ какой-то дребезжащій стукъ экипажа вдругъ раздался подъ воротами... «М-r Дидло! Дидло пріѣхалъ!» закричало все народонаселеніе Театральнаго училища. Самъ олимпійскій громовержецъ не могъ бы нагнать бо̀льшаго страха на слабыхъ смертныхъ своимъ появленіемъ!... Дверь съ шумомъ растворяется и, въ шляпѣ на затылкѣ, въ шинели, спущенной съ плечъ, входитъ грозный балетмейстеръ...

При одномъ взглядѣ на него, у учениковъ и ученицъ душа уходила въ пятки и дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Всѣ вытянулись въ струнку, поклонились ему и старшій классъ отправился за нимъ въ учебную залу. Я со страхомъ смотрѣлъ въ щелку изъ дверей... вдругъ раздается крикъ: «Новенькіе! ступайте къ m-r Дидло (новенькими назывались новобранцы, поступившіе въ школу). Насъ было человѣкъ пять, которыхъ слѣдовало представить ему на смотръ... Мы со страхомъ и трепетомъ подошли, поклонились ему и стали въ шеренгу; дошла очередь и до меня; ему назвали мою фамилію. Отецъ и мать мои были, конечно, ему извѣстны и онъ милостиво потрепалъ меня по щекѣ, перещупалъ бока, колѣнки, осмотрѣлъ ноги, плечи и нашелъ, что я хорошо сложенъ для танцора. Грозному балетмей-

стеру подали его длинную палку, тяжеловѣсный жезлъ его деспотизма; мы, новички, стали къ сторонкѣ и Дидло началъ свой обычный классъ. Тутъ я увидѣлъ во-очію, какъ онъ былъ легокъ на ногу и какъ тяжелъ на руку. Въ комъ больше находилъ онъ способностей, на того больше обращалъ и вниманія и щедрѣе надѣлялъ колотушками... Синяки часто служили знаками отличія будущихъ танцоровъ. Малѣйшая неловкость или непонятливость сопровождалась тычкомъ, пинькомъ или пощечиной.

Въ числѣ любимыхъ его учениковъ въ то время были Гольцъ, Стригаловъ, Артемьевъ и маленькій Шелеховъ; съ ними вмѣстѣ учился и единородный его сынъ, Карлъ Дидло, который готовился тогда къ дебюту. Бѣдному Карлушѣ также не было ни потачки, ни снисхожденія; онъ подвергался одинаковой участи со всѣми. Неукротимый отецъ, какъ новый Брутъ, въ минуту гнѣва, готовъ былъ бросить въ руки ликторовъ свое единственное дѣтище!... Сына, разумѣется, онъ любилъ и желалъ сдѣлать изъ него отличнаго танцора, чего и достигъ современемъ. Карлъ Дидло съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ, и года три или четыре занималъ первое амплуа въ балетѣ, но въ послѣдствіи слабость здоровья не позволила ему продолжать избранную имъ карьеру и онъ потомъ поступилъ куда-то переводчикомъ, въ гражданскую службу. Первый танцовальный классъ, который довелось видѣть, нагналъ на меня паническій страхъ и открывалъ мнѣ незавидную перспективу...

Въ ту пору, когда я поступилъ въ школу, внутреннее ея устройство было крайне тѣсно и неудобно. Домашняя наша церковь во имя Св. Троицы помѣщалась въ третьемъ этажѣ, на Офицерскую улицу и воспитанники обыкновенно туда отправлялись черезъ весь третій этажъ, гдѣ жили воспитанницы, проходили черезъ ихъ дортуары и потомъ надобно было пройти стеклянную, холодную галлерею. Лазарету было отведено мѣсто въ 4-мъ этажѣ, въ низкихъ, темныхъ комнатахъ, раздѣленныхъ на двѣ половины: одну занимали воспитанницы, другую воспитанники; дверь была заперта на ключъ и отпиралась только при визитаціи доктора. Здѣсь не лишнимъ считаю замѣтить, что смертные случаи въ нашемъ училищѣ были чрезвычайно рѣдки; ихъ было

всего три или четыре въ продолженіе девятилѣтняго моего пребыванія въ школѣ. Разумѣется, этого обстоятельства нельзя отнести ни къ особенной заботливости начальства объ нашемъ здравіи, ни къ искусству тогдашнихъ эскулаповъ; это, конечно, была счастливая случайность. Покойника обыкновенно тогда выносили въ нашу церковь и тутъ всегда находились охотники читать псалтырь по усопшемъ товарищѣ. Двое или трое, а иногда и болѣе, по-очередно читали у гроба и днемъ, и ночью.

Театральное начальство давно уже хлопотало о капитальной передѣлкѣ школы, но, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, исполненіе этого благаго намѣренія отлагалось на неопредѣленное время; наконецъ, въ 1822 году, графъ Милорадовичъ исходатайствовалъ у императора Александра Павловича значительную сумму на этотъ предметъ, и, въ началѣ мая, мы всѣ были перемѣщены въ маскарадныя залы Большаго театра. Воспитанники заняли одну половину, воспитанницы другую.

Мѣсяца четыре продолжалась передѣлка нашей школы. Тогда я уже дебютировалъ и игралъ довольно часто. Участвующимъ въ тогдашнихъ спектакляхъ было очень удобно: бывало, принесутъ костюмы намъ въ спальню и мы, одѣвшись, отправлялись прямо на сцену. Въ сентябрѣ окончили перестройку школы и мы переселились туда. Мы не узнали прежняго своего пепелища: вездѣ было чисто, просторно и удобно. Церковь возобновлена была даже съ нѣкоторою роскошью: потолокъ былъ устроенъ сводомъ и поднятъ аршина на полтора; иконостасъ, мѣстные образа и вся церковная утварь—новыя; лазаретъ перемѣщенъ и устроенъ приличнымъ образомъ; постоянный театръ, котораго до того времени у насъ никогда не было, помѣщался въ особомъ флигелѣ; спальни, кухни, комнаты для прислуги—все это было переиначено къ лучшему. Сообщеніе съ церковью устроено такъ, что намъ не нужно было ходить черезъ женскую половину; однимъ словомъ, реставрація нашей запущенной школы была вполнѣ удовлетворительна.

Въ 1816 году, я помню знаменитый (какъ тогда называли) карусель, который былъ данъ въ Павловскѣ, по случаю пріѣзда въ Петербургъ принца Оранскаго, нареченнаго жениха великой княжны Анны Павловны.

Императрица Марія Ѳедоровна, августѣйшая хозяйка Павловска, была главною распорядительницею этого великолѣпнаго праздника. Балетмейстеры Дидло и Огюстъ сочинили разнохарактерные танцы и пляски и устраивали группы. Драматическая, оперная, балетная труппы, хористы, воспитанники и воспитанницы были отправлены въ Павловскъ. Тогда, разумѣется, желѣзныхъ дорогъ нигдѣ еще не было и мы цѣлымъ караваномъ отправились туда въ казенныхъ каретахъ, линейкахъ и фургонахъ. По пріѣздѣ въ Павловскъ, школу помѣстили въ театрѣ; тамъ мы обѣдали, ужинали и ночевали. На сценѣ размѣстились воспитанницы, а воспитанники легли въ повалку въ зрительной залѣ, кто въ ложахъ, кто въ креслахъ или на скамейкахъ. Передняя занавѣсь раздѣляла насъ во время ночи. Это тоже довольно патріархально. Поутру повели насъ на репетицію. Мѣстомъ дѣйствія этого каруселя былъ извѣстный «Розовый Павильонъ». Тутъ былъ представленъ праздникъ въ станѣ союзныхъ войскъ. Военные разныхъ націй группировались на огромномъ пространствѣ передъ павильономъ, вдали виднѣлись лагерныя палатки, знамена и разноцвѣтные флаги, а послѣдняя декорація, рисованная знаменитымъ живописцемъ Гонзаго, представляла дома, швейцарскіе холмы и горы. У всѣхъ военныхъ были перевязи на правой рукѣ; тутъ наши костюмированные артисты были перемѣшаны съ побѣдоносной гвардіей, незадолго до этого воротившейся изъ славнаго своего похода.

Праздникъ начался въ 8 часовъ, до заката солнца, которое освѣщало великолѣпно эту картину. Надъ балкономъ Розоваго Павильона былъ сдѣланъ красивый шатеръ, подъ которымъ помѣщался императоръ съ царственной своей семьей, принцъ Оранскій, иностранные гости, посланники и весь дворъ. Въ дивертиссементѣ участвовали пѣвицы Сандунова и Семенова; онѣ обѣ пѣли русскія пѣсни; первая мастерски ихъ исполняла, вторая блистала въ то время своей необыкновенной красотой и граціей. Знаменитый нашъ пѣвецъ Василій Михайловичъ Самойловъ пѣлъ куплеты, сочиненные на этотъ торжественный случай. Къ сожалѣнію, объ этомъ замѣчательномъ праздникѣ я не могу дать теперь подробнаго отчета, хотя лично въ немъ и участвовалъ: мѣсто, назначенное нашему кадрилю, было довольно отдаленно отъ главнаго мѣста дѣй-

ствія; къ тому же я самъ былъ очарованъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не видавши ничего подобнаго до того времени.

Когда смерклось, по всему саду зажгли иллюминаціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были транспаранты съ вензелями императора и принца Оранскаго. Въ той сторонѣ, гдѣ помѣщался лагерь, запылали костры, военные оркестры и полковые пѣсенники разставлены были по аллеямъ. Императоръ съ высоконареченными женихомъ и невѣстой и со всей царской фамиліей катались въ линейкахъ по всему саду. Шумный, веселый праздникъ не прерывался до восхода солнца. Тихая, теплая ночь довершала очарованіе этого оригинальнаго и торжественнаго праздника.

П. А. Каратыгинъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1855—1869.

XXIII [1]).

Мы прибыли наконецъ въ Москву, часу въ шестомъ вечера, и прямо къ дому князя Александра Сергѣевича, на Якиманкѣ. Въ Москвѣ князь пользовался особенною популярностью: москвичи его любили и считали своимъ.

Когда мы въѣхали во дворъ, князь приказалъ затворить ворота и тогда мы вышли изъ экипажей. Изъ всѣхъ дверей надворныхъ строеній высыпала прислуга, видимо обрадованная пріѣздомъ барина, чего, быть можетъ, уже и не чаяла. Князь, обойдя всѣ комнаты, тотчасъ-же отправился къ дочери своей, Александрѣ Александровнѣ Вадковской, домъ которой находился стѣна о стѣну съ домомъ князя. На другой день, опять уходя къ ней, князь взялъ и меня съ собою. Какъ сама хозяйка, такъ и милыя ея дѣти (сынъ и четыре дочери) ласковымъ своимъ обращеніемъ расположили меня къ себѣ сердечно. Когда ввели внука князя, малютку Колю, то въ чертахъ его дѣтскаго личика и въ нѣкоторыхъ тѣлодвиженіяхъ и манерахъ я замѣтилъ сходство съ дѣдушкой.

— „Ты находишь? отозвался князь, когда я сказалъ ему объ этомъ,— а я такъ еще и не разглядѣлъ его... такой крошка!“

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г. томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80; 287—322; 475—500.

Когда, къ обѣду, мы возвратились въ домъ Вадковскихъ, князь посадилъ внука къ себѣ на колѣна и, пристально всмотрѣвшись въ его личико, погладилъ по головкѣ и обласкавъ отпустилъ. Съ этой минуты въ князѣ зародилась мысль, чтобы сына дочери своей, Николая Вадковскаго, приготовить къ наслѣдію и къ продолженію фамиліи Меншиковыхъ, такъ какъ у сына Александра Сергѣевича, князя Владиміра Александровича, дѣтей въ живыхъ не было.

За обѣдомъ г-жа Вадковская разсказала намъ забавный анекдотъ, случившійся у нея въ домѣ еще въ бытность князя въ Севастополѣ. Прежде всего, должно замѣтить, что у насъ тогда отличался особеннымъ удальствомъ на вылазкахъ, прославленный по всей Россіи, матросъ—Петръ Кошка. Разсказы о его лихихъ и часто потѣшныхъ подвигахъ какъ-то особенно нравились посѣтителямъ бастіоновъ, пріѣзжавшимъ въ Севастополь изъ Петербурга; они, запоминая эти разсказы и передавая ихъ съ варіяціями на всѣ лады, такъ разславили Кошку, что забавное его имя сдѣлалось популярнымъ въ обѣихъ столицахъ. Оно переходило изъ устъ въ уста и дошло, наконецъ, до того, что Кошка, при затишьи толковъ о военныхъ дѣйствіяхъ по недостатку новостей, дѣлался предметомъ всеобщихъ разговоровъ. „Ну, что Кошка?“ спѣшили спросить пріѣзжихъ изъ Севастополя— „разскажите намъ про Кошку!“ А вдругъ и самъ Кошка явился въ Москвѣ. Раненый въ грудь и въ руку, съ окровавленными повязками, притащился онъ въ домъ дочери князя Меншикова—передать ей поклонъ отъ доблестнаго родителя.

Легко себѣ вообразить какая поднялась суматоха, какая была радость въ домѣ Александры Александровны! Посланный отъ отца, да еще и кто: герой изъ героевъ—Кошка! О вниманіи, о заботахъ, оказываемыхъ ему, и говорить нечего: Кошкѣ въ глаза глядятъ, не знаютъ гдѣ усадить; въ немъ позабытъ матросъ, это гость, дорогой, почетный. Созываютъ друзей: въ честь Кошки обѣдъ; пиръ горой. Кошка не можетъ рѣзать кушанье: дамы на перерывъ спѣшатъ услужить увѣчному воину; за Кошкой рѣчь: вретъ на пропалую; провѣрять некому— и его слушаютъ, ему удивляются. Изъ всѣхъ гостей, только одинъ какъ-то хмуро посматриваетъ на Кошку; его не забавляютъ росказни матроса и онъ, какъ офицеръ, не слишкомъ-то доволенъ излишней развязностью нижняго чина.

Обѣдъ кончился; Кошка отяжелѣлъ; ему потребны отдыхъ, перемѣна повязки. Посылаютъ за докторомъ, раненаго отводятъ въ прекрасную комнату, гдѣ для него приготовлена отличная постель. Кошка отдыхаетъ и въ домѣ все затихло: разговариваютъ вполголоса, хо-

дятъ на цыпочкахъ; чуть скрипнетъ или стукнетъ дверь—всѣ шикаютъ неосторожнымъ: „не разбудите Кошку!“

Между тѣмъ, хмурый офицеръ, во ожиданіи доктора, пробрался къ окну той комнаты, въ которой отдыхалъ Кошка, и, заглянувъ чрезъ неплотно задернутыя занавѣси, увидалъ, что увѣчный герой, снявъ свои окровавленныя повязки, такъ-то ловко укладываетъ по карманамъ, изъ щегольской обстановки комнаты, все, что ни попадаетъ подъ руку. Ай, Кошка: по истиннѣ, блудливъ какъ кошка, только не труслив, какъ заяцъ!

Чтобы никого не тревожить въ домѣ, офицеръ тихонько послалъ за полиціей и, безъ шуму связавъ Кошку-самозванца, отправилъ его на расправу къ оберъ-полиціймейстеру.

Въ короткое время пребыванія своего въ Москвѣ, князь едва успѣлъ посѣтить почтенныхъ лицъ, своихъ сверстниковъ, проживавшихъ тогда въ Бѣлокаменной. Въ числѣ ихъ былъ и младшій братъ князя, отставной полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Николай Сергѣевичъ.

Кромѣ брата, князь Александръ Сергѣевичъ познакомилъ меня еще съ своею племянницею, княжною Екатериною Андреевною Гагариной. Своимъ живымъ, веселымъ характеромъ и любезностью княжна умѣла занимать и развлекать князя, всегда находившаго удовольствіе въ ея обществѣ.

Въ Москвѣ, первый выѣздъ Александра Сергѣевича былъ къ Алексѣю Петровичу Ермолову. По возвращеніи отъ него, князь сказалъ мнѣ, что Ермоловъ нездоровъ; а на другой день, посылая меня къ нему освѣдомиться о здоровьи героя Кавказа, замѣтилъ:—„Вотъ тебѣ случай увидѣть этого замѣчательнаго человѣка!“

Алексѣй Петровичъ принялъ меня въ кабинетѣ, гдѣ онъ, сидя за письменнымъ столомъ, бесѣдовалъ съ какимъ-то купцомъ, одѣтымъ въ сибирку и сидѣвшимъ напротивъ хозяина. При входѣ моемъ, Ермоловъ приподнялся и я во всемъ ея величіи увидѣлъ колоссальную, но уже одряхлѣвшую фигуру героя-полководца, въ нанковой, сѣраго цвѣта партикулярной одеждѣ: короткій сюртукъ и крупными складками осѣвшія брюки не шли къ могучимъ формамъ Алексѣя Петровича; съ представленіемъ о немъ въ моемъ воображеніи былъ неразлученъ артиллерійскій сюртукъ. Выраженіе лица маститаго старца было доброе, привѣтливое; продолжительная, мирная жизнь, вѣроятно, смягчила тотъ суровый, грозный взглядъ, который мы привыкли видѣть на его портретахъ... Но это былъ все тотъ-же левъ, хотя и состарѣвшійся!

— Поблагодари князя,—сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ,—мнѣ

сегодня лучше; а вчера я не успѣлъ съ нимъ поговорить. Подойди поближе и разскажи, что и какъ вы тамъ воевали... Начинай съ начала и иди по порядку.

Я приблизился и Ермоловъ, поставивъ меня, какъ ребенка, почти между колѣнъ, устремилъ на меня привѣтливый взоръ. Не ожидая экзамена Ермолова, при видѣ этой большой сѣдой головы, покрытой массою курчавыхъ, всклокоченныхъ волосъ, я оторопѣлъ. Но Ермоловъ заговорилъ такъ ласково, что я постепенно ободрился и началъ обстоятельно излагать свой разсказъ; мельчайшія подробности тогда еще живо сохранялись въ моей памяти. Разложивъ карту Крыма, Алексѣй Петровичъ слѣдилъ по ней за моими разсказами и внимательно меня слушалъ. Часа два длились они, почти безъ перерыва......

1-го мая 1855 года, по выходѣ изъ вагона въ Петербургѣ, князь былъ встрѣченъ на станціи чинами морскаго вѣдомства; въ тотъ же день его посѣтили Великіе Князья. На другой день, по возвращеніи изъ дворца, Александръ Сергѣевичъ послалъ за мною.

— „Государь дозволилъ мнѣ провести лѣто въ деревнѣ,— сказалъ онъ,—мы поѣдемъ въ Ивановское. Дня черезъ три я соберусь“.

Ивановское—подмосковная усадьба князя, находилось въ 25-ти верстахъ отъ станціи Подсолнечной.

Сюда, по приглашенію Александра Сергѣевича, прибыли погостить: княжна Екатерина Андреевна Гагарина и Александра Алексадровна Вадковская съ дѣтьми. Желая доставить всѣ возможныя развлеченія племянницѣ, дочери и внучатамъ, князь приказалъ сформировать верховыхъ лошадей для взрослыхъ, выписать осликовъ для дѣтей. Въ кругу семьи, князь повеселѣлъ и видимо поправился здоровьемъ; ежедневно гулялъ, катался съ дѣтьми. Разъ привели изъ Крыма лошаковъ и всѣ пошли на нихъ посмотрѣть. Дѣти обступили еще невиданныхъ ими животныхъ и тогда одинъ лошакъ какъ-то лягнулъ въ ногу старшую внучку князя. Не могу никогда забыть того испуга, который мгновенно выразился на лицѣ дѣдушки: онъ поблѣднѣлъ, руки его затряслись и, не будучи въ состояніи говорить, онъ заикался. Хотя дѣвочка и поспѣшила успокоить князя, но онъ до тѣхъ поръ не могъ опомниться, покуда гувернантка не увела ушибленную питомицу и не подала ей почти ненужной помощи. Это движеніе сердца Александра Сергѣевича можетъ свидѣтельствовать противъ обвиненій въ его сухости и черствости.

Сосѣдства у князя почти никакого не было. Въ ближайшемъ имѣніи, „Дмитровкѣ“ графа Виктора Никитича Панина, никто не жилъ; въ десяти верстахъ проживала престарѣлая княжна Долгорукова, по странной прихоти еще съ молоду отвергнувшая женскій костюмъ

и постоянно одѣвавшаяся въ мужской. Ея примѣру послѣдовала другая сосѣдка, Надежда Павловна Н—ая, преобразившая себя въ совершенную амазонку: гарцовала на конѣ, охотилась съ ружьемъ, пѣла съ аккомпаниментомъ гитары пѣсни.

Образъ жизни князя въ Ивановскомъ отличался простотою и регулярностью. Вставалъ Александръ Сергѣевичъ рано, выходилъ побродить въ садъ; потомъ уходилъ въ свой кабинетъ и занимался до самаго завтрака. Когда все наше общество собиралось, онъ спускался въ столовую, и хотя самъ не завтракалъ, но любилъ смотрѣть на семейную трапезу, принимая отчеты и провѣряя распоряженія своего управителя Андерсона, финна, въ ужасномъ рыжемъ парикѣ,—человѣка весьма исполнительнаго. До обѣда, князь, сопровождаемый мною, катался верхомъ. За обѣдомъ любилъ, чтобы блюда, подаваемыя присутствующимъ, были имъ по вкусу; въ особенности заботился о дѣтяхъ. Послѣ обѣда для всего нашего кружка придумывались прогулки, устраивались кавалькады, parties de plaisir. По возвращеніи пили чай; князь же уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и занимался до ночи. Лѣтомъ 1855 года, Александръ Сергѣевичъ почти исключительно былъ занятъ веденіемъ записокъ о своей минувшей военной дѣятельности; такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ заключить изъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ мнѣ дѣлалъ тогда, если я случайно входилъ въ его кабинетъ. Отвѣты мои онъ тотчасъ же вписывалъ въ оставленные пробѣлы на исписанныхъ имъ листахъ бумаги, особеннаго формата и цвѣта; кромѣ того, на памятномъ листкѣ у него было записано многое, необходимое для справокъ и спросовъ у меня. Въ послѣдствіи, когда кто нибудь спрашивалъ князя: нѣтъ-ли у него собственныхъ записокъ о Крымской кампаніи? онъ отвѣчалъ, что записокъ не велъ.

Прошло лѣто; князь, переѣхавъ на нѣсколько дней въ Москву, отсюда выѣхалъ въ Петербургъ. Война еще не кончилась; ожидали покушенія союзниковъ на Кронштадтъ. Князь Александръ Сергѣевичъ получилъ назначеніе быть кронштадтскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ военно-сухопутными и морскими силами въ этомъ городѣ на правахъ главнокомандующаго. 11-го января 1856 года князь вступилъ въ новую свою должность. Къ нему были назначены: начальникомъ штаба—генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ графъ Евѳимъ Васильевичъ Путятинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—полковникъ Нестеровскій; адъютантами, кромѣ меня, вновь назначены: Чевкинъ, Мейендорфъ, Акуловъ, князь Ухтомскій и Пономаревъ; директоромъ канцеляріи—опять А. Д. Крыловъ.

Для загражденій фарватера, на извѣстномъ разстояніи отъ Котлина вбивали цѣлый лѣсъ свай; на льду было наставлено безчисленное мно-

жество копровъ; сваи спускались въ небольшую прорубь во льду и забивали ихъ, на сколько было надобно, чтобы скрыть ихъ подъ водой. Работа шла успѣшно; сотрудники князя, адмиралы, по всѣмъ отдѣламъ усердствовали отъ души. Кромѣ того, въ водѣ строилось нѣсколько земляныхъ батарей на бутовыхъ фундаментахъ; работы была пропасть, но ко вскрытію залива все было окончено.

Между тѣмъ, война прекратилась; миръ былъ заключенъ и 6-го апрѣля 1856 года послѣдовалъ высочайшій приказъ объ увольненіи князя Меншикова отъ должности кронштадтскаго военнаго генералъ-губернатора и командующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Кронштадтѣ, съ оставленіемъ генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта. Адъютантовъ всѣхъ отчислили; только я одинъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, 1855 года 23-го марта состоявшагося, по ходатайству Его Высочества Генералъ-Адмирала,—былъ оставленъ при князѣ, въ видѣ исключенія.

XXIV.

Мирно потекла жизнь князя и осталась безъ официальныхъ измѣненій до самой его кончины. Онъ вошелъ въ колею обыденной жизни такъ же легко, какъ будто изъ нея никогда и не выходилъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ въ домѣ бывшемъ грузинскаго царевича, купленномъ въ казну и подаренномъ князю.

Сначала онъ занимался приведеніемъ въ извѣстность своихъ дѣлъ по собственнымъ имѣніямъ, которыми, какъ видно, будучи отвлеченъ службою, онъ не занимался. Потомъ, сталъ приводить въ порядокъ бумаги, накопившіяся у него по разнымъ отраслямъ переписки, со времени отъѣзда его въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго посла; это заняло у него не мало времени. Кромѣ того, онъ давалъ письменные отзывы и отвѣты на встрѣчавшіеся вопросы о Крымской кампаніи. Словомъ, князь сложа руки не сидѣлъ: всегда былъ занятъ, всегда все дѣлалъ аккуратно и большею частію самъ. Сколько разъ случалось мнѣ заставать его съ иголкой, или съ шиломъ въ рукахъ: прокалывая въ тетрадяхъ скважины, онъ сшивалъ ихъ тонкимъ снуркомъ. На письменномъ столѣ у него находилось все подъ рукой, такъ что не было надобности вставать съ мѣста.

Письменный столъ былъ у князя необыкновенный. Можно сказать—цѣлая платформа, флангъ которой, со стороны входовъ въ кабинетъ, былъ прикрытъ еще двумя громадными столами въ двѣ линіи съ высившимися на немъ этажерками и столиками, надъ которыми былъ поставленъ бюстикъ Суворова. Другой, противоположный край стола при-

крытъ былъ конторкой, шкафчиками, этажерками съ разными секретными помѣщеніями и надъ этими сооруженьями высилась модель монумента Петра I-го, завѣщанная князю императоромъ Николаемъ Павловичемъ и пожалованная въ знакъ особенной милости Государя къ Александру Сергѣевичу.

Самый кабинетъ былъ замѣчателенъ громадными своими размѣрами. Это былъ залъ пространствомъ 72 квадратныя сажени въ площади, въ два сквозныя свѣта, при 16-ти окнахъ, изъ которыхъ 8 нижнихъ были огромныя, съ тройными рамами для зимняго времени. Отапливался кабинетъ двумя круглыми, низенькими печами, помѣщенными посрединѣ комнаты; топка печей производилась въ подвальномъ этажѣ.

Кромѣ обыкновенныхъ дверныхъ створокъ, входъ въ кабинетъ заграждался еще желѣзными ставнями, разобщавшими его съ прочими комнатами, на случай пожара. Ставни эти были сдѣланы по повелѣнію государя послѣ бывшаго въ домѣ пожара. Такъ какъ кабинетъ помѣщался въ зданіи, которое поперегъ двора соединяло два фаса домовыхъ построекъ, то въ немъ находилось два выхода, съ обѣихъ сторонъ жилья, и приходилось такъ, что одинъ входъ изъ аванзалы былъ какъ разъ противъ другаго, изъ библіотеки. По стѣнѣ между входами было 4 окна; два среднія отдѣлялись отъ двухъ крайнихъ стеклянными ширмами, между которыми, подъ окнами, стоялъ диванъ, передъ нимъ столъ, а у ширмъ по стулу. За этимъ столомъ князь, по утрамъ, пилъ кофе и за-просто обѣдывалъ въ кругу своихъ. Подъ дальнимъ окномъ, къ сторонѣ библіотеки, стояла высокая, съ плоскимъ верхомъ, конторка, на которой всегда лежали карты тѣхъ странъ, гдѣ когда-либо происходили войны. По этимъ картамъ князь внимательно слѣдилъ за передвиженіями войскъ, отмѣчая ихъ части булавками съ разноцвѣтными головками. Такимъ образомъ онъ былъ всегда въ курсѣ войнъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара.

По стѣнамъ, отъ обоихъ входовъ въ кабинетъ, тянулись шкафы, съ помѣщеніями въ два яруса, наполненные отдѣломъ справочныхъ книгъ, важнѣйшими и подручными бумагами, атласами, картами и другими научными пособіями; кромѣ того, на шкафахъ же открыто стояли книги военнаго содержанія и лексиконы.

Въ библіотекѣ, рядомъ съ кабинетомъ, помѣщались шкафы, во всю высоту комнаты. Число ея книгъ простиралось до 30,000 томовъ, большею частію избранныхъ сочиненій. Она была окончательно разобрана и приведена въ порядокъ въ 1851 году, стараніями состоявшаго тогда при князѣ чиновникомъ особыхъ порученій, капитана 1-го ранга Бориса Давидовича Нордмана. Каталогъ для библіотеки былъ

имъ придуманъ самый удобный: на раздвижныхъ прутьяхъ, по примѣру распредѣленія справочныхъ листковъ въ адресныхъ столахъ. На эти прутья нанизывались карточки съ означеніемъ заглавнаго листа каждой книги. По алфавиту весьма легко было отыскать желаемое сочиненіе; масса прочихъ карточекъ опрокидывалась на другую половину дуги, а нужная изъ нихъ вынималась изъ раздвинутыхъ прутьевъ. На каждой карточкѣ, особыми знаками, помѣчены были нумера шкафовъ и полокъ.

Однажды, князь, показывая мнѣ свою библіотеку, сказалъ, что здѣсь еще не всѣ его книги, что множество ихъ находится въ другихъ помѣщеніяхъ; что бо́льшая часть книгъ юридическаго и статистическаго отдѣловъ, за неимѣніемъ мѣста, еще заключается въ ящикахъ; что въ кабинетахъ—по деревнямъ и въ московскомъ домѣ—наберется еще порядочная библіотека.

Любознательность развивалась въ князѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Онъ прекрасно зналъ нѣмецкій и, разумѣется, французскій языки; читалъ англійскія, латинскія и италіанскія сочиненія; въ ранней молодости пѣшкомъ обошелъ, какъ я слышалъ, главнѣйшіе университеты Германіи; имѣлъ глубокія познанія во многихъ наукахъ, хорошо былъ знакомъ съ медициной. Онъ самъ показывалъ мнѣ полученный имъ, за границею, дипломъ на ветеринара, а отъ князя Александра Аркадіевича Суворова я слышалъ однажды, что, кромѣ того, князь Меншиковъ имѣетъ степень ученаго кузнеца. Путешествуя по Германіи, Александръ Сергѣевичъ уже началъ собирать рѣдкія сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ, продолжалъ это неустанно всю свою жизнь и составилъ себѣ громадную, замѣчательную библіотеку. Люди, ему незнакомые, но сочувствовавшіе благородной страсти князя, доставляли ему рѣдкія книги въ видѣ приношенія. Узнавъ объ адресѣ подносителя, князь обыкновенно отдаривалъ его тѣмъ же, дубликатами рѣдкихъ книгъ своей библіотеки.

Князь питалъ къ книгамъ особенную страсть. Бо́льшая часть его выѣздовъ со двора имѣла цѣлію отыскиваніе какихъ нибудь особенно интересовавшихъ его сочиненій. Съ книгами онъ обходился и бережно и почтительно. До тѣхъ поръ не ставилъ новую книгу въ шкафъ, покуда не ознакомится съ ея содержаніемъ. Щеголеватыхъ переплетовъ не любилъ, предпочитая всѣмъ прочимъ англійскій способъ переплета, при которомъ книга, легко открываясь, какъ бы распадается и листы не перекидываются на открытой страницѣ. Обладая необыкновенною памятью и легко сохраняя въ ней все имъ читанное, князь умѣщалъ въ своей памяти какъ-бы конспектъ содержанія всѣхъ книгъ своей библіотеки.

Мнѣ часто случалось бывать свидѣтелемъ поразительныхъ примѣровъ этой способности Александра Сергѣевича. Заинтересованный въ разговорахъ какимъ нибудь предметомъ, князь, ссылаясь на относившееся къ нему сочиненіе, доставалъ книгу и въ ней легко находилъ желаемое мѣсто, заранѣе предупреждая о главномъ смыслѣ текста. Кромѣ того, онъ обладалъ особеннымъ даромъ—скоро пробѣгать книгу и дѣлать вѣрную оцѣнку труду автора.

Ревнуя о своей библіотекѣ, князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, любилъ снабжать книгами тѣхъ, которые особенно интересовались какимъ нибудь отдѣломъ и, кромѣ того, любилъ пріохочивать молодыхъ людей къ чтенію, всегда съ похвалою отзываясь о читающихъ много. Общество людей начитанныхъ ему особенно нравилось и въ бесѣдахъ съ ними онъ одушевлялся. Указывая на сочиненіе, незнакомое собесѣдникамъ, Александръ Сергѣевичъ тотчасъ же доставалъ книгу изъ библіотеки, рекомендовалъ для прочтенія и опредѣлялъ направленіе, искомое читателемъ. Этого онъ никогда не упускалъ изъ виду, подготовляя множество книгъ для его выбора при слѣдующемъ посѣщеніи; часто, даже, не ожидая свиданія, князь посылалъ книги желавшему ихъ прочитать. Онъ всегда радовался, если книгами его пользовались; узнавъ противное, не унывалъ и выборомъ новыхъ сочиненій пытался подстрекнуть любознательность. Библіотекою князя пользовались лица, занимавшіяся военными науками. Послѣднее время я особенно часто встрѣчалъ у князя покойнаго Петра Семеновича **Лебедева** и еще того чаще Михаила Ивановича **Драгомирова**. Послѣдній былъ съ хорошей стороны извѣстенъ князю еще бывши очень молодымъ человѣкомъ, своимъ сочиненіемъ „о высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена“. Узнавъ, кто авторъ, Александръ Сергѣевичъ не замедлилъ пригласить его къ себѣ и М. И. Драгомировъ бывалъ у князя еще до поступленія своего въ генеральный штабъ. Не взирая на юные года новаго своего знакомаго, князь бесѣдовалъ съ нимъ съ удовольствіемъ, оказывая молодому человѣку, тогда только что кончившему курсъ военной академіи, рѣдкую внимательность.

Снабжая книгами своей библіотеки лицъ, имѣвшихъ въ нихъ надобность, князь всегда интересовался знать о впечатлѣніи читателей. Возвращеніемъ книгъ не торопилъ, однако же въ этомъ дѣлѣ любилъ аккуратность и всегда записывалъ кому какая книга выдана. Въ случаѣ продолжительнаго пребыванія книги въ чужихъ рукахъ, въ особенности имѣя въ ней необходимую надобность, напоминалъ о томъ читателю всегда самымъ деликатнымъ образомъ.

При громадномъ запасѣ знаній, при обширной своей начитанности, князь не только не выдавалъ чужихъ мыслей за свой автори-

тетъ, но предполагавшихъ это всегда спѣшилъ выводить изъ заблужденія, ссылаясь на автора, даже приводя изъ него цитаты. Уважая труды мыслителей былыхъ временъ, Александръ Сергѣевичъ старался указывать на то, сколь много полезнаго можно почерпнуть изъ сочиненій почти забытыхъ.

Цѣня по достоинству свою библіотеку, князь заботился о полезнѣйшемъ ея употребленіи и постоянно сокрушался объ ожидающей ее участи, послѣ его смерти.

— „Сынъ мой не раздѣляетъ моей страсти къ книгамъ,—часто говаривалъ князь,—кому достанется моя библіотека? Ее растащутъ, разрознятъ; нахлынутъ рыночники, букинисты, станутъ покупать мои книги на̀-вѣсъ... Обидно, обидно! И не придумаю, какъ ее устроить!"

Не разъ приходило ему на мысль завѣщать библіотеку военной академіи или генеральному штабу; но при этомъ онъ затруднялся сомнѣніемъ о вѣковѣчности этихъ учрежденій, или боязнію, что многіе отдѣлы библіотеки, не любопытные для военныхъ спеціалистовъ, останутся безъ употребленія. Мысль разрознить библіотеку, завѣщая ея отдѣлы различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, всегда пугала князя. Опасенія его о библіотекѣ или, по крайней мѣрѣ, заботы о будущности ея, прекратились, когда Александръ Сергѣевичъ взялъ къ себѣ на воспитаніе своего внука, Николая Вадковскаго, который своими способностями и наклонностями подавалъ князю самыя блестящія надежды. Но внукъ этотъ умеръ на шестнадцатомъ году; эта утрата разрушила всѣ намѣренія Александра Сергѣевича: библіотека досталась прямому его наслѣднику, князю Владиміру Александровичу, которому князь успѣлъ однако же завѣщать, чтобы весь морской отдѣлъ библіотеки былъ отданъ бывшему его адъютанту, свиты Е. И. В—ва контръ-адмиралу В. А. Степенко. Послѣдній, по просьбѣ князя Владиміра Александровича, принялъ на себя трудъ разборки этого хаоса книгъ, сваленныхъ гдѣ и какъ ни попало, и отправки библіотеки на Кавказъ. Домъ князя Александра Сергѣевича потребовалъ капитальной передѣлки, и хотя помѣщеніе кабинета и библіотека донынѣ остаются въ прежнемъ видѣ—тѣмъ не менѣе изъ этихъ комнатъ все повынесли, а книги перетащили въ подвалы, изъ подваловъ на чердаки, съ чердаковъ куда-то еще. При этихъ переноскахъ томы сочиненій разрознились, отдѣлы смѣшались и вышелъ сумбуръ, въ которомъ букинисты не могли добраться толку и отказались отъ покупки „хлама". Книги валялись грудами, на которыхъ наслаивалась пыль и разстилалась паутина. Наконецъ, по исправленіи дома, князь Владиміръ Александровичъ возвратился изъ-за границы и рѣшился пожертвовать библіотеку кавказскимъ войскамъ, сосредо-

точивъ для этого всѣ книги покойнаго своего родителя въ Петербургѣ. Ихъ навезли изъ Москвы, изъ деревень князя; къ нимъ присоединили библіотеку, доставшуюся послѣ князя Николая Сергѣевича, что не мало увеличило цѣнность пожертвованія. Съ великимъ трудомъ на разборку книгъ употребили болѣе трехъ мѣсяцевъ. Послѣ разборки, книги были запакованы въ ящики, и отправлены въ Ставрополь и въ Тифлисъ, на иждивеніе князя Владиміра Александровича. Пересылка и постановка на мѣсто обошлась, какъ я слышалъ, князю В. А. тысячъ въ 25 да и самая стоимость библіотеки простиралась, по словамъ покойнаго Александра Сергѣевича, болѣе 100,000 р. сер. До 70-ти большихъ ящиковъ насчитывали однихъ ученыхъ сочиненій, кромѣ отдѣловъ морскаго и литературнаго, которые отправлены не были [1]).

Князь любилъ видѣть у себя за столомъ общество людей, которые, не стѣсняясь его присутствіемъ, свободно выражали свои мысли и кушали бы съ апетитомъ. Ежели кто изъ гостей встрѣчалъ блюдо не по вкусу, князь это запоминалъ и, ожидая это лицо опять къ обѣду, принималъ это въ соображеніе и предупреждалъ своего повара, наканунѣ заказывая ему обѣдъ, чтобы блюда, не любимаго гостемъ, за

[1]) Въ Тифлисѣ, какъ намъ извѣстно, книги были помѣщены, по предварительной ихъ разборкѣ просвѣщеннымъ и горячо преданнымъ наукѣ—Адольфомъ Петровичемъ Берже. Должно надѣяться, что библіотека покойнаго князя Меншикова современемъ будетъ источникомъ просвѣщенія на нашемъ юго-востокѣ, если въ столицахъ ей не умѣли пріискать ея достойнаго примѣненія. Но утрата «Записокъ» князя А. С. Меншикова и вообще его рукописей—утрата невознаградимая въ нашей отечественной исторіи. Здѣсь, къ слову, мы не можемъ не посѣтовать на равнодушіе потомковъ нашихъ русскихъ сановниковъ къ письменнымъ памятникамъ дѣяній ихъ предковъ. Нѣтъ правила безъ исключенія: отрадное изъятіе встрѣтили мы въ свѣтлѣйшемъ князѣ Италійскомъ, графѣ Александрѣ Аркадіевичѣ Суворовѣ-Рымникскомъ,—предоставившемъ «Русской Старинѣ» архивы знаменитаго своего дѣда. Точно такъ же отнесся и Ѳ. К. Опочининъ къ архиву своего прадѣда, свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, князь С. М. Воронцовъ—печатая архивъ своихъ предковъ, обогащаетъ нашу исторію... Высокій примѣръ любви къ отечественной исторіи и заботливости о ея всесторонней разработкѣ явилъ Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, соизволивъ на напечатаніе въ нашемъ изданіи и въ Сборникѣ И. Р. И. Общества историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ библіотекѣ дворца г. Павловска. Тѣмъ не менѣе, русская печать еще ожидаетъ многихъ и многихъ рукописныхъ матеріаловъ для исторіи, хранящихся подъ спудомъ, или—еще того прискорбнѣе—тлѣющихъ по чердакамъ и подваламъ барскихъ домовъ. Еще ли высшіе классы нашего общества не пришли къ сознанію, что обнародованіе архивовъ—прямая польза исторіи нашей родины, прямой долгъ искренно-любящихъ ее гражданъ? Ред.

столомъ не было. Необыкновенная память и внимательность князя даже и въ бездѣлицахъ его не оставляли.

Разговоры за столомъ заводились, разумѣется, сообразно кругу собравшихся гостей; расположеніе духа хозяина всегда было ровное и пріятное. Вслушиваясь въ общій говоръ, князь его поддерживалъ, дополняя своими воспоминаніями и сужденіями. Ожидая къ обѣду человѣка новаго, извѣстной спеціальности, Александръ Сергѣевичъ, помимо подбора соотвѣтствующихъ собесѣдниковъ, для пріятнаго и полезнаго развлеченія гостя, доставалъ изъ своей библіотеки самыя любопытныя и рѣдкія сочиненія по части спеціальности новаго гостя. Книги переносились въ прилегавшій къ гостинымъ комнатамъ кабинетикъ и раскладывались на большомъ столѣ, для удобства чтенія и разсматриванія рисунковъ и чертежей. Скажу о себѣ: когда я, тогда еще только уланскій штабъ-ротмистръ, былъ въ первый разъ приглашенъ княземъ къ обѣду, то совершенно неожиданно встрѣтилъ у него моего пріятеля и товарища по занятіямъ гиппологіею, Н. С. Мартынова, и еще нѣсколькихъ охотниковъ до лошадей, съ которыми князь меня познакомилъ. Приведя насъ въ кабинетикъ, Александръ Сергѣевичъ указалъ на разложенныя на столѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, совершенно мнѣ неизвѣстныя, старинныя и новѣйшія сочиненія, на разныхъ языкахъ, о кавалерійскомъ искусствѣ, начиная съ XVI столѣтія. Тутъ были почтенные фоліанты въ пергаментныхъ переплетахъ, отпечатанные готическими шрифтами, съ грубыми рисунками, похожими на наши лубочныя картинки. Гости окружили столъ, а князь, перелистывая книги по порядку, сообщалъ мнѣ о ихъ содержаніи, объ идеяхъ автора, и, такимъ образомъ, объяснивъ послѣдовательность развитія кавалерійскаго дѣла, предложилъ мнѣ выбрать на прочтеніе тѣ изъ книгъ, которыя особенно меня заинтересуютъ. Въ послѣдствіи многія изъ этихъ сочиненій перебывали у меня въ рукахъ и я возвратилъ ихъ Александру Сергѣевичу незадолго до его кончины.

При первомъ моемъ посѣщеніи дома князя Меншикова, я еще не могъ оцѣнить вниманія, оказаннаго его свѣтлостію мнѣ, незначительному специалисту. Мнѣ не могло и прійти на мысль, чтобы груда сочиненій по части гиппологіи была перенесена изъ библіотеки въ кабинетикъ единственно для меня, юнаго кавалериста; я полагалъ, что эти книги находятся тутъ постоянно.

Въ концѣ анфилады комнатъ, въ домѣ князя былъ другой маленькій кабинетикъ въ одно окно, снабженный зрительными трубами и другими оптическими снарядами. Изъ окна, выходившаго фонарикомъ на Неву, князь могъ наблюдать за движеніемъ судовъ. Тутъ же,

на полкахъ разложены были книги, объяснявшія сигналы, принадлежности флаговъ, многія морскія сочиненія и карты.

Изъ большаго кабинета князя въ парадныя комнаты, окна которыхъ были обращены на Неву, ходъ былъ чрезъ длинный, узкій залъ, освѣщенный однимъ италіанскимъ окномъ и поэтому довольно темный. При прежнемъ владѣльцѣ этого дома, грузинскомъ царевичѣ, предполагалось устроить въ этомъ залѣ домовую церковь; но предположеніе это не состоялось, а у князя этотъ залъ не имѣлъ опредѣленнаго назначенія. Меблировку его составляли плетеные стулья и большой раздвижной столъ; передъ окномъ стоялъ огромный бюстъ князя Александра Даниловича Меншикова; на противуположной стѣнѣ висѣлъ большой, во весь ростъ, портретъ императрицы Екатерины I. Въ билліардной былъ портретъ Великаго Князя Константина Николаевича въ отроческомъ возрастѣ, во весь ростъ, на палубѣ корабля, съ подзорною трубкою въ рукахъ.

До поступленія въ собственность грузинскаго царевича, домъ этотъ, вмѣстѣ съ сосѣдними, былъ занятъ орденомъ масонской ложи и князь Александръ Сергѣевичъ, припоминая однажды масонскіе обряды при пріемѣ въ ложу новыхъ лицъ, разсказывалъ, указывая на замурованную дверь, соединявшую прежде эти оба дома, какъ тогда молодому офицеру Соломкѣ приказано было великимъ мастеромъ, для испытанія его преданности и повиновенія — удариться головою въ стѣну. Рѣшительный Соломка стукнулся — и со всего размаха очутился въ сосѣдней комнатѣ: въ указанномъ ему мѣстѣ была, заклеенная шпалерами, дверь, которую онъ легко и безъ вреда для себя открылъ. За свое послушаніе посвящаемый заслужилъ общее одобреніе всѣхъ чиновъ ложи.

Когда князь, высочайшимъ рескриптомъ отъ 19-го февраля 1855 г., былъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ званія главнаго начальника морскаго штаба, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, долженъ былъ очистить и занимаемое имъ, въ домѣ морскаго вѣдомства, помѣщеніе, приспособленное къ его образу жизни. Это обстоятельство крайне озабочивало и затрудняло князя, такъ какъ въ его лѣта не легко было вновь устраиваться домомъ. Его Высочество Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, милостиво прянявъ это во вниманіе, исходатайствовалъ у Государя Императора пожалованіе помянутыхъ двухъ домовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе князю Меншикову, о чемъ Александръ Сергѣевичъ получилъ увѣдомленіе еще въ бытность свою въ Николаевѣ. Сообщая намъ объ оказанной ему монаршей милости, князь былъ проникнутъ къ Его Высочеству, за благосклонное ходатайство, чувствомъ глубокой сердечной признательности.

Остроты и анекдоты, приписываемые князю Меншикову, всѣ тѣ, въ которыхъ заключается явное оскорбленіе чьихъ-либо личностей—ему рѣшительно не принадлежатъ, по ихъ очевидной пошлости. Авторы ихъ, для приданія вѣсу своимъ шуточкамъ, относили происхожденіе собственныхъ выдумокъ издавна извѣстному своимъ остроуміемъ Александру Сергѣевичу. Мнѣ нерѣдко случалось слышать какую нибудь пущенную въ ходъ остроту, о поводѣ къ которой князь не успѣвалъ еще и узнать. Язвительныя шуточки, распространяемыя въ обществѣ подъ фирмою остротъ князя, были одною изъ главныхъ причинъ тому, что онъ нажилъ себѣ такъ много враговъ. Самъ онъ иногда отъ души смѣялся чужимъ остротамъ, выданнымъ ихъ авторами за сказанныя имъ, но никогда не говорилъ ни слова къ оправданію себя отъ незаслуженныхъ нареканій [1]). Во всю бытность мою при немъ я не могу указать ни на одну шутку, или остроту, которую онъ сказалъ бы за все это время. Какія же были именно его остроты? Не могу указать, но тѣ, которыя не его—я всегда узнаю, по языку, или по направленію. Всего справедливѣе предположить, что было время когда князь остроумной шуткой или каламбуромъ выставлялъ на видъ существенный порокъ, вредившій дѣлу или обществу. Не шуточками, не балагурствомъ, не каламбурами былъ удостоенъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ имени „друга“ Государя. Покойный Императоръ зналъ Меншикова лучше всѣхъ и понималъ его, какъ полезнаго и серьезнаго своего сподвижника: князь, ради авторской славы, никогда не былъ способенъ унизить себя измышленіемъ какого нибудь пошлаго анекдота, или натянутой остроты. Въ послѣднія 18 лѣтъ жизни князя, мнѣ не удалось подмѣтить въ немъ той склонности къ юмору, которую ему такъ настойчиво навязывали; время-ли уже его прошло—не знаю, только съ перваго моего съ нимъ знакомства и до конца его жизни не напоминалъ онъ мнѣ Меншикова, прославленнаго за его язвительныя остроты и шутки.

Александръ Сергѣевичъ многихъ, конечно, не жаловалъ, но не имѣлъ обыкновенія ни надъ кѣмъ издѣваться. Между тѣмъ ему приписывали остроты на счетъ нѣкоторыхъ сановниковъ, и тѣмъ поселяли разладъ между ними и княземъ. Правда, онъ иногда шутилъ надъ иными сановниками, но шутки эти никогда не роняли ихъ достоинства. Такъ, однажды, говоря о Сайминскомъ каналѣ, сооруженномъ его заботами, Александръ Сергѣевичъ сказалъ, что въ награду за то

---

[1]) Нѣкоторые изъ анекдотовъ, шутокъ и остротъ кн. А. С. Меншикова, по видимому, дѣйствительно ему принадлежавшихъ, были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года, томъ XII, стр. 638—652.

онъ испросилъ у государя разрѣшеніе носить мундиръ путей сообщенія, чтобы тѣмъ возбудить ревность въ ихъ главноуправляющемъ, и надѣвалъ этотъ мундиръ, чтобы подразнить П. А. Клейнмихеля, къ которому, однако же, всегда питалъ уваженіе, какъ къ человѣку преданнѣйшему государю и исполнительному, усердному служакѣ. Помню, что, во время болѣзни графа Петра Андреевича, князь, съ большимъ къ нему участіемъ, постоянно справлялся о состояніи его здоровья. Ненависть, будто бы существовавшая между Меншиковымъ и Клейнмихелемъ, болѣе нежели сомнительна. Самое благоговѣніе князя къ особѣ государя не могло дозволить Александру Сергѣевичу дерзко глумиться надъ человѣкомъ, особенно любимымъ покойнымъ императоромъ.

Былъ, правда, одинъ сановникъ и уже окончившій земное свое поприще, къ которому князь Меншиковъ питалъ непримиримую ненависть, неослабное отвращеніе; чье имя произносилъ съ презрѣніемъ, ни отъ кого не скрываемымъ. Сановникъ этотъ былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Александръ Сергѣевичъ никогда не забывалъ — 29-е мая: день годовщины кончины Дибича, приглашая къ себѣ гостей на обѣдъ. Въ этотъ день, единожды въ годъ, подавалось шампанское и, по наполненіи бокаловъ, князь произносилъ:

— „Сегодня годовщина дня, въ который издохъ Дибичъ! Въ память счастливаго дня, въ который Россія избавилась Дибича, я, разъ въ годъ, пью у себя въ домѣ шампанское!“

Слово „издохъ“ тѣмъ страннѣе звучало въ устахъ князя, что онъ, вообще, никогда не употреблялъ при разговорѣ рѣзкихъ или бранныхъ словъ. Мы, люди къ нему близкіе, знали его обычай за обѣдомъ 29-го мая и къ странному тосту въ позоръ усопшаго привыкли; но гостей постороннихъ это всегда поражало. Распространеніе въ обществѣ ненависти къ памяти Забалканскаго видимо былъ пріятно князю. Никогда не распространяясь о своихъ отношеніяхъ къ покойному, князь никогда не объяснялъ мнѣ, въ какой степени Дибичъ заслуживалъ подобнаго отзыва. Судя по офиціальности выраженія злобы къ фельдмаршалу, можно предполагать, что причины эти, въ въ свое время, не были даже и тайною [1]).

[1]) Ненависть Меншикова къ герою Балканъ, Кулевчей и Адріанополя вполнѣ раздѣлялъ покойный Денисъ Васильевичъ Давыдовъ—знаменитый нашъ партизанъ 1812 года. Вотъ что онъ говоритъ въ оправданіе этой ненависти въ своихъ запискахъ о Польской войнѣ 1831 года. (См. «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 312—313): «Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждаго россіянина, кто бы онъ ни былъ,—другъ ли его или человѣкъ,

XXV.

Послѣ Крымской кампаніи, какъ извѣстно, довольно часто стали появляться въ печати статьи, въ которыхъ о дѣятельности князя Меншикова находились не совсѣмъ для него выгодные и, самое главное, далеко не правдивые отзывы; многія изъ приближенныхъ къ нему лицъ намѣревались печатно защищать Александра Сергѣевича. Онъ, однако же, отъ этого постоянно ихъ удерживалъ, и, наконецъ, разъ и навсегда объявилъ, что, во избѣжаніе полемики, предоставляетъ своимъ недоброжелателямъ писать о немъ что кому угодно.

— „Стоитъ ли на это обращать вниманіе?—говорилъ князь,—на всякое чиханье не наздравствуешься. Для дѣльной, фактической защиты нужны документы, обнародывать которые еще не пришло время. Придетъ пора, будутъ открыты архивы и исторія свое дѣло сдѣлаетъ".

Въ числѣ первыхъ статей, написанныхъ въ тонѣ враждебномъ князю, появилась одна, написанная приверженцемъ Кирьякова. Вскорѣ по ея напечатаніи, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что къ нему приходилъ офицеръ генеральнаго штаба съ извиненіемъ, что статья написана имъ при совершенномъ невѣдѣніи подробностей о дѣй-

имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній».

. . . . . «Проступки его отразились на дѣвственную честь и славу невиннаго въ нихъ россійскаго воинства, а тутъ уже въ душѣ моей нѣтъ пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго; единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи—недовершеніемъ побѣды ея подъ Гроховымъ; нелѣпостью послѣдующихъ предначертаній и дѣйствіями ощупью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное — принятіемъ на себя, въ столь важную эпоху, обязанности выше силъ — онъ во всемъ этомъ не только виноватъ, но даже великій преступникъ».

Едва ли для произнесенія окончательнаго приговора надъ Дибичемъ можно признать за авторитетъ отзывы о немъ Д. В. Давыдова и князя А. С. Меншикова. Замѣтимъ, между прочимъ, что день смерти Дибича—29-го мая—канунъ его побѣды при Кулевчахъ въ 1829 году. Покойный К. В. Чевкинъ—убѣжденія котораго, какъ видно, діаметрально были противоположны мнѣнію Давыдова и Меншикова о графѣ Дибичѣ — ежегодно, 29-го мая, служилъ панихиду на могилѣ героя Забалканскаго на лютеранскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ. Нынѣ эта могила не только забыта, но даже, неизвѣстно чьей рукой, на надгробномъ памятникѣ заглажены гербъ и изображеніе орденовъ графа Дибича.

Ред.

ствіяхъ князя, но подъ диктовку Кирьякова. Досадуя на свою оплошность, желая ее загладить, авторъ статьи просилъ князя сообщить ему необходимыя свѣдѣнія и документы для составленія другой статьи, въ опроверженіе первой. Способности, замѣченныя княземъ въ авторѣ, расположили къ нему Александра Сергѣевича, и хотя онъ никакихъ документовъ ему не передалъ, но, въ виду намѣренія офицера собирать матеріалы для Восточной войны, предложилъ ему обратиться съ разспросами ко мнѣ, какъ къ очевидцу. Офицеръ этотъ, нѣкто Соковичъ, воспользовался предложеніемъ князя и записалъ нѣкоторыя изъ сообщенныхъ мною свѣдѣній, но не знаю, воспользовался ли онъ ими, такъ какъ мнѣ не случалось читать какой-либо статьи съ изложеніемъ фактовъ, сообщенныхъ мною.

Кромѣ упомянутаго Соковича, къ князю являлись еще многія другія лица съ настоятельными просьбами о дозволеніи воспользоваться находившимися въ рукахъ Александра Сергѣевича документами, но ни одна изъ этихъ просьбъ не была уважена. Между тѣмъ, князь самъ приводилъ всѣ свои матеріалы въ порядокъ, размѣщая ихъ въ переплеты особаго устройства. Эти переплеты состояли изъ корешковъ разныхъ форматовъ, со стальными иглами внутри, на которыя накалывались листы, перемѣщаемые въ какомъ угодно порядкѣ. Такъ были переплетены княземъ всѣ его бумаги, перевезенныя имъ постепенно въ Петербургъ, изъ Москвы и изъ его деревень. Къ концу жизни Александра Сергѣевича въ его кабинетѣ были сосредоточены всѣ важнѣйшіе документы за все время его служебной дѣятельности. Онъ сохранялъ эти драгоцѣнные для исторіи матеріалы въ особомъ помѣщеніи и при такомъ удобномъ подборѣ въ хронологическомъ порядкѣ, что при пользованіи документами не могло бы встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія. Къ сожалѣнію, при жизни князь не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно этого драгоцѣннаго собранія историческихъ матеріаловъ. Въ день его кончины, кабинетъ Александра Сергѣевича, по общему положенію для кабинетовъ государственныхъ дѣятелей, былъ опечатанъ; затѣмъ, особою коммисіею всѣ бумаги, въ немъ находившіяся, были отобраны. Коммисія, конечно, не имѣя въ виду соблюдать систему порядка, заведенную покойнымъ, невольно нарушила хронологическую связь между документами, такъ что приведеніе ихъ въ прежній порядокъ нынѣ почти немыслимо... Немаловажная утрата для отечественной исторіи.

Въ февралѣ 1860 года, тогдашній военный министръ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, изъ любезности къ князю, препроводилъ къ нему рукопись статьи генерала Ѳ. К. Затлера, для прочтенія и

дозволенія напечатать ее въ „Русскомъ Инвалидѣ". По прочтеніи статьи, князь возвратилъ ее Сухозанету при слѣдующемъ письмѣ, отъ 1-го марта 1860 года:

— «Принося мою чувствительную благодарность за препровожденіе этой статьи для моего предварительнаго прочтенія, я спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что если цензура не встрѣчаетъ препятствій къ напечатанію, то и я не вижу затрудненій къ напечатанію ея въ «Русскомъ Инвалидѣ», на томъ простомъ основаніи, что не все то истина, что печатается.

«Въ статьѣ генерала Затлера заключается предположеніе его, представленное мнѣ въ то время, когда начертанный до его прибытія планъ дѣйствій къ доставкѣ провіанта къ арміи приводился уже въ исполненіе. Объ этомъ онъ умалчиваетъ. Не совсѣмъ также правдивы его показанія о херсонскомъ губернаторѣ, который, отъ 31-го декабря 1854 года за № 16,471, увѣдомлялъ меня, что онъ уже распорядился высылкою требуемыхъ подводъ и, для личнаго наблюденія за этимъ, самъ отправился на мѣсто.

«Считаю не лишнимъ сказать при этомъ, что статья генерала Затлера своимъ рѣшительнымъ тономъ можетъ убѣдить читателя, незнакомаго съ событіями того времени, что единственно генералу Затлеру Крымская армія обязана была устройствомъ продовольственной части въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 годовъ,—между тѣмъ, въ дѣйствительности, это было не такъ, ибо онъ пробылъ всего въ Севастополѣ не болѣе сутокъ, а на Крымскомъ полуостровѣ лишь нѣсколько дней и въ то время, когда при содѣйствіи исправлявшаго должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, управлявшаго таврическою палатою государственныхъ имуществъ, и генералъ-губернатора Хомутова, находившагося въ Керчи, а также при участіи нѣмецкихъ колонистовъ, принятыя мѣры къ доставленію заготовленнаго провіанта земскимъ подвозомъ уже приводились въ исполненіе. Офиціальныя свѣдѣнія того времени удостовѣряютъ, что армія была уже тогда обезпечена продовольствіемъ на 4 мѣсяца 12 дней, да и въ теченіе всего 1855 года довольствовалась, кажется, провіантомъ, не генераломъ Затлеромъ заготовленнымъ.

«Вполнѣ сознавая пользу, проистекающую отъ гласности, я увѣренъ, что статья г. Затлера вызоветъ отвѣтъ отъ служившихъ въ то время, и, можетъ быть, удивлялся бы его самоувѣренному тону и не совсѣмъ правдивымъ показаніямъ, еслибы все это не объяснялось настоящимъ положеніемъ генерала Затлера [1]).

«Выразивъ лично для вашего высокопревосходительства взглядъ мой на статью генерала Затлера, которую имѣю честь при семъ возвратить, я поль-

---

[1]) Ѳ. К. Затлеръ находился тогда подъ слѣдствіемъ. А. П.

зуюсь симъ случаемъ засвидѣтельствовать вамъ, м. г., мое совершенное почтеніе и преданность. Князь А. Меншиковъ».

Между появлявшимися тогда статьями о Крымской войнѣ, еще не было истинно серьезныхъ; во всѣхъ нихъ высказывалось лишь стремленіе сказать что-нибудь про войну. Интересъ, съ которымъ общество спѣшило читать статьи о недавнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, поощрялъ писателей, которые, на скорую руку, набрасывали статью за статьей, не заботясь о правдивости ихъ; да, признаться сказать, и некогда имъ было свѣрять слухи съ дѣйствительностью.

Князь Александръ Сергѣевичъ не одобрялъ торопливости въ сужденіяхъ о недавней войнѣ и потому изъ круга его приближенныхъ никто не дозволялъ себѣ пускаться въ печатныя повѣствованія о событіяхъ 1854—1855 годовъ. Писали по большей части лица, бывшія въ Севастополѣ при князѣ М. Д. Горчаковѣ, которыя, по пристрастію къ бывшему ихъ начальнику, всѣ его неудачи сваливали на предшествовавшія распоряженія князя Меншикова. Изъ числа служившихъ при немъ многіе, оставаясь при князѣ Горчаковѣ на продолжительнѣйшее время, чѣмъ при князѣ Меншиковѣ, отшатнулись отъ послѣдняго. Такимъ образомъ, число лицъ, пристрастныхъ къ эпохѣ защиты Севастополя Горчаковымъ, значительно увеличилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число голосовъ, оправдывавшихъ князя Михаила Димитріевича. Оправдывали его—обвиняя Меншикова, молчаніе котораго придавало только болѣе задору его непризваннымъ судьямъ.

Поспѣшность, съ которою истолковывали тогда военныя дѣйствія, дошла до того, что еще и война не была окончена и матеріалы къ ея описанію не были разобраны, а уже нашъ почтенный профессоръ военной исторіи Модестъ Ивановичъ Богдановичъ былъ вовлеченъ въ чтеніе публичныхъ лекцій объ экспедиціи англо-французовъ. Эти лекціи имѣли цѣлію офиціальное ознакомленіе военныхъ чиновъ съ ходомъ кампаніи: главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусами генералъ-адъютантъ Ридигеръ пригласилъ къ слушанію этихъ лекцій всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Чтенія должны были происходить по субботамъ и первое изъ нихъ было 3-го декабря 1855 года. Аудиторія до того была переполнена слушателями, что для младшихъ чиновъ не доставало мѣстъ. Мнѣ удалось, однако, попасть на это чтеніе. Внимательно вслушиваясь въ разсказы почтеннаго лектора, я, какъ очевидецъ излагаемыхъ имъ событій, могъ бы возразить ему; я считалъ это даже до нѣкоторой степени моею обязанностью... и едва удержался въ виду авторитета чтеца и высокаго положенія его слушателей. Впрочемъ, чтенія ограничились лишь однимъ сеансомъ.

По окончаніи войны, когда Э. И. Тотлебенъ, уже въ генеральскомъ чинѣ, возвратился изъ Крыма и посѣтилъ князя, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ о томъ удовольствіи, съ которымъ онъ увидѣлся съ Тотлебеномъ и сообщилъ мнѣ его адресъ. Я поспѣшилъ къ Эдуарду Ивановичу; онъ принялъ меня какъ товарища. Не желая отвлекать его отъ сборовъ за границу, куда онъ отъѣзжалъ для поправленія здоровья, я распростился съ нимъ—и съ того времени мы болѣе не видались. Изъ чужихъ краевъ онъ возвратился черезъ два года, обремененный лаврами, которыми его увѣнчали иноземцы, наши недавніе враги-друзья и давніе друзья-враги. Князь Александръ Сергѣевичъ особенно радовался успѣхамъ Тотлебена въ мнѣніи европейскихъ инженеровъ и съ любопытствомъ читалъ все о немъ печатаемое въ иностранныхъ газетахъ.

Вскорѣ по возвращеніи Эдуарда Ивановича изъ-за границы, князь узналъ, что Тотлебенъ предпринялъ трудъ историческаго описанія обороны Севастополя. Вполнѣ увѣренный въ добросовѣстности автора, князь надѣялся увидѣть на страницахъ „Описанія" Тотлебена рядъ истинныхъ данныхъ для справедливой оцѣнки публикою его дѣятельности. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы Тотлебенъ, при своемъ трудѣ, могъ руководствоваться слухами, распространенными, въ 1854—1855 годахъ, въ Севастополѣ и въ столицѣ, о мнимыхъ ошибкахъ князя...

Первый томъ „Описанія обороны г. Севастополя, составленнаго подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена" вышелъ въ 1863 г. [1]).

Князь былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, прочитавшихъ эту книгу немедленно по выходѣ ея въ свѣтъ—и, не говоря ни слова о ея достоинствахъ, передалъ ее на прочтеніе мнѣ. Не имѣю смѣлости судить о трудѣ Э. И. Тотлебена, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнномъ, какъ матеріалъ для будущаго историка Крымской войны; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, нравственнымъ своимъ долгомъ поставляю привести изъ „Описанія" нѣсколько выдержекъ, рѣзко противорѣчащихъ фактамъ, а вмѣстѣ съ ними и истинѣ о дѣятельности князя Александра Сергѣевича. Сопоставляя эти выдержки съ моими разсказами, читатель безъ труда убѣдится, на сколько отзывы Э. И. Тотлебена о дѣйствіяхъ князя Меншикова противорѣчатъ исторической правдѣ и навлекаютъ на князя Александра Сергѣевича незаслуженные имъ упреки.

— Уступая господствующему въ то время мнѣнію, — говоритъ Э. И. Тотлебенъ,—о трудности производства десантовъ въ большихъ размѣрахъ, князь

---

[1]) Спб. 1863 г., въ больш. 8-ю д. л., VI—XXIX—678 и 119 стр.

Меншиковъ не считалъ вѣроятною высадку союзниковъ въ Крымъ въ значительныхъ силахъ. («Описаніе», стр. 117).

Совершенно наоборотъ: князь Меншиковъ, вопреки господствовавшему тогда мнѣнію о трудности десантовъ въ большихъ размѣрахъ, одинъ предвидѣлъ десантъ и даже опредѣлялъ его размѣры. Въ подтвержденіе ссылаюсь на подлинное письмо князя Меншикова отъ 29-го іюня 1854 года, сообщенное на страницахъ „Русской Старины" А. Д. Крыловымъ. (См. „Русская Старина" изд. 1873 г., т. VII, стр. 851).

О возможности десантовъ непріятельскихъ войскъ въ большихъ размѣрахъ, князь судилъ по собственному, тогда еще недавнему, опыту перевозки бригады 14-й дивизіи изъ Одессы въ Севастополь и одновременно съ нею всей 13-й дивизіи, съ артиллеріей и тяжестями, къ кавказскимъ берегамъ, да еще въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней, на парусныхъ судахъ, съ незначительнымъ числомъ пароходовъ и военныхъ транспортовъ. Не прибѣгая къ помощи торговыхъ судовъ, нашъ военный флотъ, при своихъ малыхъ размѣрахъ, поднялъ разомъ довольно значительный десантъ, по тогдашней численности полковъ, и высадилъ его на кавказскіе берега, представлявшіе къ тому менѣе удобствъ, нежели берега Крыма. Средства же англо-французскаго флота значительно превышали наши.

По одному мановенію Государя, первый опытъ десанта нашихъ войскъ былъ совершенъ блестящимъ образомъ, и за успѣшное выполненіе Его воли, покойный императоръ удостоилъ князя Меншикова слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ, отъ 3-го октября 1853 года:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Донесеніе ваше, отъ 25-го сентября, о благополучномъ перевозѣ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи къ кавказскимъ берегамъ, Я получилъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія, приписывая вашей распорядительности и неутомимой дѣятельности скорое и, во всѣхъ отношеніяхъ, отличное исполненіе Моей воли; Я душевно благодарю васъ.

«При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, пребываніе ваше въ Черномъ морѣ служитъ залогомъ успѣха всѣхъ мѣръ, которыя мы будемъ принуждены принять тамъ, и Я убѣжденъ, что, жертвуя своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, вы найдете награду въ мысли, что эта жертва необходима для пользы имперіи.

«Повторяя вамъ искреннюю признательность, Мы пребываемъ къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай».

— Князь Меншиковъ,—говоритъ авторъ «Описанія»,—ввѣривъ оборону Севастополя резервнымъ баталіонамъ 13-й дивизіи, флотскимъ экипажамъ и другимъ командамъ, началъ стягивать всѣ остальныя войска на Алминскую позицію. (См. стр. 151).

Тотлебену хорошо было извѣстно, что, оставляя молодыхъ солдатъ и вновь сформированныя морскія команды въ Севастополѣ, князь не могъ ввѣрить имъ обороны этого города. Онъ расчитывалъ только, что за оборонительными стѣнами и молодежь эта, на случай, пригодится; оставить же Севастополь совершенно безъ войска было нельзя; удѣлить большаго отряда для гарнизонной службы въ Севастополѣ, отъ своего, дѣйствующаго, князь не могъ.

О фланговомъ движеніи князя, зрѣло обдуманномъ и расчитанномъ, авторъ „Описанія" говоритъ какъ бы о произвольномъ отступленіи, вслѣдствіе котораго Севастополь былъ покинутъ на произволъ судьбы. Именно:

— Между тѣмъ, непріятель, 12-го числа, подошелъ уже къ Бельбеку и бивуакъ его виднѣлся съ Сѣвернаго укрѣпленія. Малочисленный гарнизонъ теперь ежеминутно ожидалъ нападенія сильнаго врага на слабыя укрѣпленія и положеніе его было тѣмъ труднѣе, что въ ночь князь Меншиковъ оставилъ Севастополь и чрезъ Мекензіеву высоту предпринялъ съ арміею движеніе къ Бахчисараю. (См. «Описаніе», стр. 209).

— Удаляясь изъ Севастополя, онъ поручилъ... и т. д. Съ удаленіемъ арміи князя Меншикова... Такимъ образомъ, Севастополь, предоставленный защитѣ моряковъ, только-что снятыхъ съ кораблей, и резервныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ часть состояла изъ новобранцевъ, долженъ былъ приготовиться къ предстоявшей борьбѣ съ сильнымъ врагомъ. («Описаніе», стр. 200—210).

Дальнѣйшій ходъ событій доказалъ, однако же, Э. И. Тотлебену, что это „удаленіе" имѣло важныя послѣдствія на дѣйствія союзниковъ, о чемъ, впрочемъ, авторъ „Описанія" не умалчиваетъ и тѣмъ только противорѣчитъ предъидущимъ своимъ разсказамъ объ „удаленіи" князя Меншикова:

— Въ то время, когда въ Севастополѣ всѣ были убѣждены, что непріятель немедленно будетъ атаковывать Сѣверную сторону, союзная армія неожиданно снялась... съ тѣмъ, чтобы, перемѣнивъ основаніе дѣйствій, «атаковать Южную сторону. («Описаніе», стр. 223—224).

Союзная армія такъ неожиданно снялась именно вслѣдствіе того, что князь Меншиковъ „не удалился" отъ Севастополя, а зорко слѣдилъ за нимъ и заботливо держалъ городъ въ объятьяхъ своихъ войскъ. Видя опасное положеніе Сѣвернаго укрѣпленія, князь поспѣшилъ предупредить нападеніе на него союзниковъ появленіемъ своимъ съ дѣйствующей арміею у нихъ въ тылу. Для этого-то онъ, съ 11-го на 12-е число, и выслалъ отрядъ генерала Кирьякова на позицію, фланкировавшую наступленіе противниковъ къ Сѣверному укрѣпленію, и, за симъ, привелъ въ исполненіе свое фланговое движеніе.

— Отъ князя Меншикова всѣ эти дни, какъ выше сказано, не было никакого извѣстія и никто въ Севастополѣ не зналъ, что дѣлалось съ нашею арміею и гдѣ она? (См. «Описаніе», стр. 243).

Съ перваго же перехода, отъ князя къ Корнилову являлся урядникъ съ извѣстіемъ, что мы на Мекензіевой горѣ; со втораго—въ Севастополь пріѣзжалъ капитанъ Лебедевъ; съ третьяго—лейтенантъ Стеценко и затѣмъ князь Меншиковъ занялъ четвертую позицію уже въ виду Севастополя.

— .... на помощь арміи защитники Севастополя расчитывать не могли... Имъ оставалось одно—честная смерть. (См. «Описаніе», стр. 243).

Пылкій Корниловъ, увлеченный лихорадочною заботливостью о судьбѣ Севастополя, сѣтовалъ на распоряженія Меншикова и охуждалъ его дѣйствія, подобно тому, какъ близкій родной трудно больнаго охуждаетъ иногда способы леченія, употребляемые опытнымъ врачомъ, обвиняя его въ медленности, а подчасъ и въ незнаніи. Корниловъ, не понявъ преимущества Севастополя имѣть, кромѣ гарнизона, еще свободный отрядъ внѣ укрѣпленій подъ личнымъ предводительствомъ дальновиднаго и находчиваго Меншикова, истолковалъ себѣ его маневрированіе, отвлекавшее вниманіе союзниковъ отъ города, совершенно въ иномъ смыслѣ противу истиннаго и тѣмъ навелъ на гарнизонъ уныніе, близкое къ отчаянію. Мнѣніе Корнилова, несправедливое въ 1854 году, нельзя принимать за авторитетъ въ 1863-мъ: въ девять лѣтъ, критическій взглядъ на дѣйствія Меншикова могъ и выясниться и стать на вѣрную точку. Въ данномъ случаѣ, личное мнѣніе автора „Описанія", какъ мнѣніе очевидца и человѣка справедливаго, имѣло бы гораздо болѣе значенія.

— Тотлебенъ приступилъ къ устройству оборонительной линіи... (См. «Описаніе», стр. 245).

Читатель, непосвященный въ дѣло, можетъ понять эти слова въ томъ смыслѣ, что, до Тотлебена, на оборонительной линіи ничего не было сдѣлано, тогда какъ Тотлебенъ, по предначертаніямъ, сообщеннымъ ему княземъ Меншиковымъ, только продолжалъ усиливать оборонительную линію Севастополя. Именно для этого Тотлебенъ прозорливостью Александра Сергѣевича и былъ посвященъ во все то, что̀ слѣдовало дѣлать въ крайнія минуты для усиленія линіи. Слова: „приступилъ къ устройству" тѣмъ несправедливѣе, что относятся къ 14-му числу сентября 1854 года, когда союзники, въ виду противопоставленныхъ имъ укрѣпленій Южной стороны, не рѣшались атаковать ихъ открытою силою. Впрочемъ, вышеприведенныя слова противорѣчатъ предъидущимъ словамъ самого же автора:

— ..... «такъ какъ всѣ средства были сосредоточены на Сѣверной сторонѣ, то на Южной работы были почти прекращены. (См. «Описаніе», стр. 234).

Слѣдовательно, работы по оборонительной линіи, до 14-го сентября, не только были начаты, но и доведены до извѣстной степени

силы, ранѣе, нежели Тотлебенъ приступилъ къ устройству оборонительной линіи.

Ограничиваясь этими выдержками изъ „Описанія", позволю себѣ замѣтить, что подобные отзывы о князѣ Меншиковѣ показались мнѣ, какъ очевидцу его распоряженій, настолько для него обидными, что я возвратилъ книгу „Описаніе" въ отсутствіе Александра Сергѣевича, дабы избѣжать разговора о ней. Вскорѣ послѣ того, случилось мнѣ, войдя въ кабинетъ князя, застать у него Э. И. Тотлебена. Эдуардъ Ивановичъ, очень смущенный, уже откланивался князю. По его уходѣ, Александръ Сергѣевичъ разсказалъ мнѣ, что Тотлебенъ приходилъ къ нему извиняться въ чемъ-то просмотрѣнномъ имъ въ „Описаніи", и намѣренъ оговориться во второмъ томѣ своего труда.

— „Я просилъ его не безпокоиться, — заключилъ князь Меншиковъ,—что написано, то написано... Пусть такъ и остается!"

XXVI.

Неосновательныя или ложныя заключенія о князѣ Меншиковѣ военныхъ писателей не очень его безпокоили и онъ не возмущался тѣмъ, что его заслуги приписывали другимъ. Считая всякія историческія сужденія тогда преждевременными, онъ только улыбался, читая иныя статьи. Писать возраженій онъ не дозволялъ никому изъ своихъ близкихъ и тѣ, поневолѣ, должны были оставаться безмолвными слушателями многоразличныхъ бредней, выдумываемыхъ про Александра Сергѣевича. Обвиненія, на него возводимыя, плодились и размножались, поощряемыя нелѣпымъ афоризмомъ: „молчаніе—знакъ согласія"; но оно же бываетъ нерѣдко знакомъ презрѣнія, или негодованія. Таково было и молчаніе князя.

Случилось, однако, что бывшій генералъ-квартирмейстеръ нашей арміи, генералъ Герсевановъ, проживавшій въ Екатеринославской губерніи, близко принимая къ сердцу напраслины на князя, затѣялъ писать статьи въ его защиту. Нуждаясь въ точныхъ свѣдѣніяхъ и документахъ, Герсевановъ нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ Александру Сергѣевичу, умоляя его о снабженіи этимъ сильнымъ оружіемъ противъ крикуновъ. Князь отказалъ ему на-отрѣзъ и просилъ не возбуждать полемики. Огорченный Герсевановъ возразилъ, что онъ, главнымъ образомъ, намѣренъ вступиться за честь князя, такъ почему бы Меншикову не дать ему документовъ?...

— „Такъ вы для меня хлопочете? сказалъ Меншиковъ. Въ такомъ случаѣ, попрошу васъ—въ особенное для меня одолженіе и разъ на-

всегда—не писать никогда и ничего въ мою защиту. Этимъ-то именно вы и сдѣлаете то, что мнѣ будетъ пріятно!"

Герсевановъ не успокоился: написалъ князю письмо; Александръ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ отвѣчать ему тѣмъ же отказомъ. Тогда Герсевановъ засыпалъ меня письмами и, не отказываясь отъ своего намѣренія, опять приходилъ къ князю, возобновляя неотступныя просьбы. Александру Сергѣевичу это наскучило и онъ приказалъ непринимать Герсеванова. Настойчивый проситель исчезъ, но, вдругъ въ 1867 году, отъ него доставили мнѣ брошюру, напечатанную имъ въ Парижѣ, которую авторъ просилъ передать князю Александру Сергѣевичу. Брошюры этой князь не принялъ; но такъ какъ Герсевановъ уже получилъ разрѣшеніе ввезти произведеніе свое въ Россію, то одинъ экземпляръ брошюры изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ препровожденъ къ Меншикову. Князь нашелъ напечатанными въ брошюрѣ нѣсколько документовъ изъ его официальной переписки временъ Крымской войны и всѣ они, до нѣкоторой степени, ограждали князя отъ несправедливыхъ нареканій. Тѣмъ не менѣе, князь досадовалъ на заступничество Герсеванова.

Эта странная черта характера князя объясняется необыкновенно строгимъ его уваженіемъ къ храненію въ тайнѣ государственной переписки. Даже у себя въ кабинетѣ князь диктовалъ подобныя бумаги не иначе, какъ въ полголоса и еще, изъ предосторожности, послѣ обхода дверей и своеручнаго ихъ затвора.

Домашній его секретарь, А. П. Іевлевъ, служившій при князѣ въ послѣднее время, разсказывалъ мнѣ, что заинтересованный, иногда, какимъ нибудь дѣломъ, онъ по выходѣ изъ кабинета записывалъ, себѣ для памяти, сужденія или предположенія князя по смыслу продиктованныхъ имъ бумагъ. Замѣтивъ, по временамъ, поздній свѣтъ въ окнахъ домашней своей канцеляріи, князь спросилъ у Іевлева, чѣмъ онъ занимается? Тотъ признался, что ведетъ для себя памятныя записки о времени своего служенія при князѣ.

— „Принеси, батюшка; интересно прочитать!" сказалъ князь.

Іевлевъ исполнилъ желаніе Александра Сергѣевича. Пересмотрѣвъ бумаги, князь бросилъ ихъ въ каминъ и сказалъ Іевлеву, чтобы впредь онъ подобныхъ замѣтокъ не писалъ, такъ какъ онѣ могутъ надѣлать бѣды.

Къ числу государственныхъ тайнъ князь относилъ всѣ распоряженія и учрежденія по военному вѣдомству. Его всегда тревожили посѣщенія иностранцами тѣхъ военныхъ заведеній или сооруженій, которыя могли бы давать случай посѣтителямъ выводить свои заключенія о средствахъ и силахъ нашей государственной защиты. Въ

особенности же онъ не любилъ когда иноземныхъ гостей возили въ Кронштадтъ, въ адмиралтейство, въ генеральный штабъ и показывали имъ наши топографическія карты. Узнавая о томъ, князь каждый разъ выказывалъ свое неудовольствіе, примѣтными лишь для его приближенныхъ, нетерпѣливыми движеніями. Эти движенія напоминаютъ мнѣ о томъ нетерпѣніи, съ какимъ князь Меншиковъ защищалъ свою коротко обстриженную голову отъ злѣйшихъ враговъ.... какихъ бы вы думали?—мухъ! Кстати же о стрижкѣ волосъ подъ гребенку. Имѣя всегда и издавна коротко-остриженные волоса, князь заслужилъ этимъ особенное къ себѣ уваженіе бывшаго, въ сороковыхъ годахъ, командиромъ образцовой пѣшей батареи, полковника Лазаревича, который, для вящшаго убѣжденія молодыхъ офицеровъ носить короткіе волоса, всегда прибавлялъ замѣчаніе — „что такая умная голова, какъ князя Меншикова, острижена совсѣмъ подъ гребенку, стало быть, и надобно ему подражать". Это маловажное, въ сущности, замѣчаніе Лазаревича, произносимое имъ очень часто и къ тому-же на своеобразномъ малороссійскомъ нарѣчіи, невольно врѣзывалось въ память молодыхъ артиллеристовъ, такъ что черезъ много лѣтъ, когда эти офицеры были уже сами батарейными командирами и нѣкоторые изъ нихъ привели свои батареи въ Севастополь, то, помня поговорку Лазаревича объ умной головѣ князя Меншикова, были первыми въ числѣ войскъ его почитателями.

Правда и то, что тогдашніе артиллеристы были развитѣе прочихъ частей войскъ и скорѣе другихъ могли оцѣнить достоинства князя и расположить его къ себѣ, какъ бывшаго артиллериста. По достоинству нашихъ орудій, по знанію дѣла своего нашими артиллеристами, на ихъ долю въ эпоху Восточной войны выпало наиболѣе успѣховъ и славы. Постояли артиллеристы и за себя и за Севастополь!

Артиллерія въ Крыму дѣйствовала превосходно и князь, повидимому, былъ ею совершенно доволенъ. Изрѣдка только онъ замѣчалъ, что иная батарея, ставъ на позицію, уже черезъ чуръ быстро выпускала свой запасъ снарядовъ, но, принимая въ соображеніе, что непріятельскіе штуцера спѣшатъ перебить прислугу и лошадей, снисходилъ къ запальчивости артиллеристовъ. Дѣйствительно, батарея, открывая огонь на разстояніи пушечнаго выстрѣла, имѣла противъ себя, кромѣ непріятельской артиллеріи, еще и штуцерныхъ, пули которыхъ поражали орудійную прислугу и офицеровъ, на выборъ, съ такой дистанціи, до которой далеко не достигали ружейныя пули нашей пѣхоты. Слѣдовательно, отъ своего прикрытія наши батареи не могли ожидать себѣ помощи и должны были стараться преодолѣть врага учащенною пальбою. Снявшись съ передковъ, онѣ

спѣшили, что называется, „откатать непріятеля на всѣ корки“ и убраться за́живо, т. е. покуда было чѣмъ и кому сняться съ позиціи. Но какъ ни трудно приходилось нашей артиллеріи, все-же она, одушевляясь задоромъ пальбы, наносившей вредъ непріятелю, находила себѣ удовлетвореніе въ видимо полезной дѣятельности, а выходя изъ дѣла—хотя нерѣдко съ большими потерями—утѣшалась тѣмъ, что не даромъ и понесла ихъ.

Не много доставалось утѣшительнаго въ сраженіяхъ на долю пѣхоты, не вооруженной штуцерами въ той мѣрѣ какъ непріятельская. Ея участіе въ битвахъ было какое-то неопредѣленное, можно сказать—пассивное. Вступая въ дѣло, пѣхота тотчасъ же встрѣчалась со штуцерными пулями непріятеля невидимаго и неуловимаго: пули летѣли со всѣхъ сторонъ и изъ такой дали, что и глазъ не достигнетъ до стрѣлковъ. Наши, изыскивая случай сблизиться съ противникомъ, неизбѣжно должны были во все время своихъ поисковъ представлять собою вѣрнѣйшую цѣль непріятелямъ, безнаказанно губившимъ нашу злосчастную пѣхоту, которая, вступая въ дѣло, порываясь изъ стороны въ сторону, чтобы помѣряться силами съ непріятельскою, въ тщетѣ своихъ порывовъ сознавалась лишь тогда, когда, по окончаніи дѣла, ей приходилось считать выбылыхъ.

Князь Меншиковъ, понимая всю тягость подобныхъ условій для участія нашей пѣхоты въ сраженіяхъ, не могъ расчитывать на ея опору въ той степени, въ какой она, по существу, должна была служить главнокомандующему. Это заставляло его смотрѣть на пѣхоту съ безотрадной, мрачной точки зрѣнія. Его не утѣшала самая ея готовность принести себя въ жертву: ему нужна была не жертва, а сила, и князь, недоумѣвая какъ извлечь эту силу, грустнымъ, непривѣтливымъ взоромъ встрѣчалъ и провожалъ пѣхоту. Подобное настроеніе духа главнокомандующаго перетолковывалось въ дурную сторону, какъ войсками, непонимавшими Александра Сергѣевича, такъ и лицами къ нему недоброжелательными. „Князь Меншиковъ,—говорили они,—не любитъ войскъ; онъ на нихъ сердится, не говоритъ съ ними; не цѣнитъ ихъ подвиговъ; рѣдко здоровается; смотровъ не дѣлаетъ!“....

Войскамъ, конечно, трудно было изучить особенности нрава этого своеобразнаго начальника, который видѣлъ во всемъ лишь сущность дѣла. На войска онъ смотрѣлъ серьезно потому, что серьезно понималъ ихъ значеніе и назначеніе. „Не говорилъ съ ними“—потому, что не любилъ представительности, которая была ему просто невыносима. Для этого князю слѣдовало обладать до нѣкоторой степени сценическимъ талантомъ; въ таковомъ же природа ему рѣшительно отказала. Голосъ

князя былъ такой дребезжащій, малозвучный, что когда онъ даже здоровался съ войсками, то и головныя части не всегда могли разслышать столь знакомую имъ, обыденную фразу: „здорово, ребята!"— и поэтому нерѣшительно отвѣчали, и князя это конфузило. Иногда онъ пробовалъ повторять—и то безуспѣшно; даже этой фразы онъ не могъ произнести общепринятымъ тономъ. Вслѣдствіе этого, въ рядахъ войскъ сложилось мнѣніе, что князь ихъ не любитъ; что онъ на нихъ сердится и не здоровается съ ними. Кромѣ того, не имѣя командирской привычки, онъ пропускалъ голову встрѣчной части и хотя здоровался съ минующимъ его строемъ, но солдаты не узнавали главнокомандующаго при его скромномъ видѣ и слабомъ голосѣ, имъ незнакомомъ. Доброе поведеніе и подвиги войскъ князь всегда цѣнилъ и не пропускалъ случая свидѣтельствовать о нихъ императору. Сморовъ прибывающимъ войскамъ онъ, правда, не дѣлалъ, но за то всматривался въ ихъ бытъ и зорко слѣдилъ за проявленіями въ нихъ должнаго духа.

Войска могли пребывать въ недоразумѣніи относительно князя; имъ это было простительно.... Непостижимо и удивительно то, что Михаилъ Дмитріевичъ **Горчаковъ**, называя себя другомъ князя Меншикова, могъ писать о немъ, въ 1855 году, военному министру, по принятіи Севастополя отъ князя:

— «Это пагубное наслѣдство, которое я получилъ» (18-го марта).

— «Россія уже довольно дорого заплатила за его безразсудства и за его наглость» (3-го апрѣля).

— «Войска заслуживаютъ удивленія въ высшей степени. Вотъ разница между мной и моимъ предшественникомъ: онъ находилъ войско скверньмъ и швырялъ его безъ разбору, какъ будто оно могло взять приступомъ небо; я, находя ихъ превосходными, требую и буду требовать отъ нихъ не болѣе, какъ возможнаго» (5-го апрѣля).

— «Не знаю, за какое преступленіе—мое, или моихъ близкихъ, досталось мнѣ злополучное наслѣдство, оставленное Меншиковымъ» (15-го апрѣля).

Вышеприведенныя выраженія князя М. Д. Горчакова свидѣтельствуютъ въ одинаковой степени—и его жестокую несправедливость къ князю Александру Сергѣевичу, и его собственную неготовность встрѣтить войну лицомъ къ лицу, со всѣми ужасами обороны Севастополя. Изъ того самообольщенія, съ которымъ князь М. Д. Горчаковъ ѣхалъ изгонять непріятелей изъ Крыма, очевидно, съ какимъ легкомысліемъ онъ смотрѣлъ на тотъ постъ, который заступалъ, и какъ мало понималъ, какъ мало сочувствовалъ положенію главнокомандующаго морскими и сухопутными силами въ Крыму. Не легко было князю Меншикову находиться со своей арміей въ постоянной

зависимости отъ южной арміи, когда всѣ подкрѣпленія и снабженія можно было всего ближе ожидать отъ князя М. Д. Горчакова, измыслившаго, будто осторожный и благоразумный князь Меншиковъ, „ненавидя войска, швыряетъ ихъ безъ разбору, заставляя приступомъ лѣзть на небо".

Другое выраженіе князя М. Д. Горчакова: „Россія уже довольно дорого заплатила за его безразсудства и за его наглость"—лишенное всякаго смысла, если его принять въ значеніи переносномъ, положительно несправедливо даже и въ буквальномъ смыслѣ. Самый строжайшій контроль безъ труда можетъ засвидѣтельствовать, что въ отношеніи денежномъ князь Меншиковъ стоилъ Россіи гораздо менѣе князя Горчакова. Въ доказательство позволю себѣ привести фактическое свидѣтельство о способахъ расходованія казенныхъ денегъ княземъ Меншиковымъ. Привожу подлинный его отчетъ по экстраординарной суммѣ съ 1-го апрѣля 1854 г. по 1-е апрѣля 1855 года. Суммы этой было получено Александромъ Сергѣевичемъ 90,435 р. 40 к. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что на дѣйствующую армію въ Крыму военное министерство смотрѣло какъ на неподлежащую его заботамъ. Довольствіе арміи провіантомъ, фуражомъ, мясными и винными порціями и порохомъ; устройство госпиталей и комплектованіе ихъ медиками—все это возлагалось на попеченія одного главнокомандующаго. Устройство путей сообщенія, даже исправленіе непроѣздныхъ дорогъ, нисколько не озабочивало подлежащія вѣдомства, которыя, казалось, и не желали знать объ этомъ. Мало того: напримѣръ, на уборку павшихъ по дорогамъ многихъ тысячъ лошадей, воловъ и верблюдовъ не отпускалось вовсе денегъ, а предлагалось главнокомандующему приказывать ихъ свозить въ одно мѣсто и сжигать — а между тѣмъ дрова доходили въ это время до 35 руб. сер. за сажень.

Въ іюлѣ 1855 года былъ представленъ Меншиковымъ всеподданнѣйшій отчетъ Государю Императору въ расходованіи вышеупомянутой экстраординарной суммы. Расходы, произведенные изъ нея, были слѣдующіе:

1) На прогоны разнымъ лицамъ, посылаемымъ какъ съ депешами, такъ и вообще по дѣламъ службы	17,003 р. 96½ к.
2) На вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ при выѣздѣ ихъ изъ Севастополя.	12,692 р. —
3) На движеніе транспортовъ съ порохомъ и артиллерійскими снарядами и принадлежностями.	9,962 р. 1½ к.

(Изъ нихъ возвращено было артиллерійскимъ департаментомъ . . . . . 5,267 р. 90 к.

Остается израсходованныхъ 4,694 р. 11½ к.).

4) На жалованье и содержаніе приглашаемымъ изъ Пруссіи хирургамъ, профессорамъ и студентамъ университета св. Владиміра. . . . . . 5,317 р. 65 к.

5) Въ пособіе доктору Сѣверо-Американскихъ штатовъ Терпенеңду . . . . 500 р. —

6) За медикаменты въ Московской аптекѣ . 1,172 р. 77 к.

7) За перевозку раненыхъ и больныхъ (устроенную А. Д. Крыловымъ во исполненіе повелѣнія Великаго Князя Константина Николаевича) изъ Севастополя въ разныя мѣста, а равно и на вспомоществованіе подводчикамъ, взявшимъ на себя эту перевозку . . . . 3,049 р. 67½ к.

8) На устройство временныхъ госпиталей. . 4,119 р. 97 к.

9) Колонистамъ въ Крыму, въ видѣ вознагражденія за содержаніе 1,800 человѣкъ раненыхъ и больныхъ . . . . 1,500 р. —

10) На пріобрѣтеніе топоровъ и лопатъ и за доставку ихъ изъ Николаева . . . . 945 р. 60 к.

11) Частнымъ работникамъ за работы по оборонительной линіи . . . . 120 р. —

12) За доставку отъ Симферополя до Севастополя амуниціи, сбруи и проч. въ количествѣ 1,655 пудовъ. . . . . 1,267 р. 25 к.

13) За доставку полушубковъ. . . . . . 1,320 р. —

14) На вознагражденіе нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ вылазкѣ при отраженіи приступовъ, за взятіе въ плѣнъ, за принесенное непріятельское оружіе, и водолазамъ. . . . . 5,345 р. —

15) За поимку дезертировъ . . . . . . 18 р. —

16) За купленный лѣсъ для устройства моста на Бельбекѣ . . . . , ... 770 р. —

17) На устройство помѣщеній для всѣхъ управленій главной квартиры, на наемъ подводъ и фургоновъ, на устройство типографіи, на пріобрѣтеніе типографскихъ станковъ, на жалованье всѣмъ служащимъ въ главномъ штабѣ и канцеляріи и жалованья типографщикамъ, съ возвра-

томъ изъ штатныхъ суммъ, которыя не были высланы . . . . 10,477 р. 68¾ к.

18) На канцелярскія принадлежности вообще 1,749 р. 18½ к.

19) На пищу писарямъ . . . . 440 р. 70 к.

20) Награды писарямъ . . . . 385 р. —

21) Порціонныя и суточныя деньги топографамъ . . . . 95 р. 94 к.

22) Заимообразно разнымъ лицамъ . . . . 200 р. —

23) Въ пособіе раненымъ . . . . 350 р. —

24) Проводнику . . . . 120 р. —

25) На устройство подводныхъ минъ . . . 40 р. —

26) На изготовленіе патроновъ, собраніе свѣдѣній о непріятелѣ, рекогносцировки, на устройство вагенбурга, на содержаніе проводниковъ и проч. . . . . 8,761 р. 4½ к.

27) На выдачу лазутчикамъ, проводникамъ и другаго званія довѣреннымъ людямъ, употреблявшимся по секретнымъ порученіямъ . . . . . 3,202 р. 45 к.

Итого въ годъ. . . 85,664 р. ¾ к.

Обратно представлено . . . . 4,681 р. 39½ к.

Какъ въ денежномъ, такъ и во всякомъ иномъ отношеніи, князь Меншиковъ не дорого обошелся Россіи. Князь М. Д. Горчаковъ, за время бытности своей главнокомандующимъ въ Крыму, израсходовалъ экстраординарной суммы 1.250,000 р. въ 10 мѣсяцевъ, да и результатами своего командованія не дешево обошелся Россіи.

Необыкновенное умѣнье князя Меншикова предупреждать излишнее расходованіе казенныхъ средствъ давало ему возможность быть неусыпнымъ блюстителемъ государственнаго интереса и поэтому онъ былъ очень неподатливъ на всякое расходованіе казенныхъ суммъ. Князь былъ чрезвычайно разборчивъ какъ къ статьямъ расхода, такъ и къ ихъ цифрамъ. Какъ бы ни были скромны требованія смѣтъ, Александръ Сергѣевичъ всегда находилъ возможнымъ сдѣлать сокращенія безъ всякаго ущерба самому дѣлу.

За это князь пріобрѣлъ репутацію скупца, но не только не огорчался этимъ, а, напротивъ, старался поддерживать сложившееся о немъ мнѣніе, предупреждая, такимъ образомъ, различныя домогательства. Князь былъ до того строгъ въ сбереженіи казеннаго интереса, что нерѣдко затруднялся разрѣшеніемъ выдачи пособія даже лицамъ,

вполнѣ того заслужившимъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ всего чаще, безъ всякой огласки, выдавалъ пособіе изъ своихъ собственныхъ денегъ.

Въ собственныхъ своихъ расходахъ Александръ Сергѣевичъ былъ бережливъ: отъ возбужденія вопросовъ о новыхъ статьяхъ расхода воздерживался, но единожды установленныхъ расходовъ не отмѣнялъ и не сокращалъ. Если ему кто-нибудь указывалъ на его рутинный способъ веденія расходовъ, который могъ быть и сокращенъ, князь отвѣчалъ, что промышленникъ уже привыкъ получать отъ него извѣстную сумму, такъ пусть же она такъ и остается въ статьяхъ расходовъ, чтобы торговецъ не былъ въ убыткѣ.

Долговъ князь не любилъ, а если случалось ему задолжать кому-либо, то всегда спѣшилъ расквитаться, отдавая деньги лично, особенно если деньги были израсходованы по его порученію. Экстренныя или неожиданныя издержки были ему непріятны, не столько по тратѣ денегъ, сколько по самому процессу выдачи и по опредѣленію цифры. Онъ всегда былъ доволенъ, если при этомъ ему кто-либо подсказывалъ размѣръ суммы.

Въ жизни своей, князь, чрезъ близкихъ ему лицъ, сдѣлалъ не мало благотвореній, скрывая ихъ отъ молвы и, по возможности, даже отъ самихъ благодѣтельствуемыхъ.

Для оцѣнки нравственныхъ сторонъ и служебной дѣятельности, конечно, недостаточно свѣдѣній, сохранившихся въ моихъ разсказахъ, тѣмъ болѣе, что я зналъ князя лишь въ послѣдніе 19 лѣтъ его жизни.

Въ 1867 году мои домашнія дѣла разлучили меня съ Александромъ Сергѣевичемъ; въ теченіе двухъ лѣтъ отсутствія моего изъ Петербурга, здоровье князя весьма разстроилось, чему много способствовала потеря внука, Николая Вадковскаго, нѣжно любимаго княземъ. Внуку этому, котораго князь взялъ къ себѣ на воспитаніе, былъ 17-й годъ и онъ оканчивалъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ; въ 1868 году онъ былъ сраженъ тифомъ. Когда, въ началѣ 1869 года, я посѣтилъ князя, котораго засталъ дома, въ кабинетѣ, то меня поразила страшная перемѣна и въ его наружности и въ расположеніи духа. Предупреждая тягостныя для него разспросы о здоровьѣ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ уже „три предостереженія“, намекая на три случившіеся съ нимъ припадка, признанные докторами за паралитическіе.

При нашемъ послѣднемъ свиданіи, я засталъ князя за утреннимъ

кофе, на обычномъ его мѣстѣ въ кабинетѣ. Взглянувъ на меня страдальческимъ взоромъ, онъ проговорилъ:

— „Плохо, братецъ!... Страдаю жестоко... ужъ мнѣ и мочи нѣтъ"...

Въ этихъ словахъ звучала предсмертная истома; въ тотъ же день князь перешелъ на верхъ, въ свою спальню, и уже болѣе не спускался въ комнаты нижняго этажа. Долго онъ боролся и съ недугомъ и съ медицинскою помощью. Когда, во время агоніи, ему подавали лекарство, онъ, слабо защищаясь отъ безполезныхъ микстуръ, говорилъ словами В. Л. Пушкина въ его „Опасномъ сосѣдѣ":

«Ахъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться!»

Сильная натура князя склонилась, наконецъ, лишь подъ ожесточающимися припадками, и въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля 1869 года онъ скончался. Мнѣ не удалось присутствовать при его послѣднихъ минутахъ, такъ какъ, по распоряженію докторовъ, къ страдальцу допускались весьма не многіе. Къ пожеланію „вѣчной памяти", которою мы напутствуемъ усопшаго, позволю себѣ присоединить другое, не менѣе искреннее: чтобы память князя Александра Сергѣевича Меншикова была, наконецъ, совершенно очищена, въ глазахъ потомства, отъ несправедливыхъ нареканій—и если я, со своей стороны, настоящими разсказами сколько нибудь тому способствовалъ,—то цѣль ихъ вполнѣ достигнута.

А. А. Панаевъ.

ЗАМѢТКИ, ПОПРАВКИ, ОПЕЧАТКИ.

I.

Въ разсказѣ епископа Буткевича «Вторженіе французовъ въ Россію въ 1812 году» («Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 597, на седьмой строкѣ сверху), ошибочно напечатано Gruché—вмѣсто Grouchy—Груши́, командовавшаго III-мъ резервнымъ корпусомъ французской кавалеріи.

II.

Въ разсказахъ профессора Ѳ. Г. Солнцева «Моя жизнь и художественно-археологическіе труды» («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 638, въ выноскѣ двѣ строки снизу), ошибочно сказано, что «П. Н. Безобразовъ служилъ совѣтникомъ въ одной изъ палатъ, во Владимірѣ», — по сообщенію К. В. Тихонравова — П. Н. Безобразовъ былъ управляющимъ удѣльною конторою.

III.

Въ статьѣ профессора Н. И. Барсова «Анна Ѳедоровна Ягужинская» («Русская Старина» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 713), первою женою П. И. Ягужинскаго показана Анна Ѳедоровна Хитрово, согласно родословію фамиліи Ягужинскихъ, напечатанному въ «Русской Родословной книгѣ» (Спб. 1873 г., томъ I, стр. 69—70). Это показаніе ошибочно. Отцомъ первой жены Ягужинскаго былъ баронъ Фридрихъ (Ѳедоръ) Ашъ, одинъ изъ сыновей котораго Ѳедоръ Фридриховичъ (1728 † въ началѣ текущаго столѣтія), признанный безумнымъ, въ 1777 году былъ заточенъ въ Динаминдскую крѣпость, откуда черезъ двадцать лѣтъ его перевели въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Изъ трехъ его сестеръ—старшая Анна, была за П. И. Ягужинскимъ. Для подробностей см. «Родословную книгу» кн. П. В. Долгорукова (часть III, стр. 303) и «Памятники новой русской исторіи», изд. А. Ѳ. Базунова, Спб., 1873 г., томъ III, стр. 1—19, статья А. П. Барсукова: «Узникъ Спасо-Евфиміева монастыря».

Изъ опечатокъ, вкравшихся въ XIX-й томъ нашего изданія, просимъ исправить слѣдующія:

СТРАН.

43—сверху 10 строка:—«за своихъ отцами»—за своими отцами.
104—20 строка: «тененькая»—тоненькая.
118—снизу 15 строка: «нарядимся»—нарядился.
147—сверху 18 строка: «дикивенный»—диковенный.
172—сверху 12 строка: «оспѣплять»—ослѣплять.
236—снизу 18 строка: «находивость»—находчивость.
277—сверху 7 строка: «вонскаго»—воинскаго.
328—сверху 12 строка: «васьма»—весьма.
400—снизу 20 строка: «популудни»—по полудни.

Въ іюльской книгѣ «Русской Старины» въ статьѣ г. Берже «Посольство А. П. Ермолова въ Персію» вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
258	12 снизу	Муравлева	Муравьева.
259	4 сверху	Лепіошинскаго	Летошинскаго.
261	2 снизу	Сефевадовъ	Сефенидовъ.
262	14 сверху	надъ	подъ.
—	8 снизу	Сефевадовъ	Сефевидовъ.
—	1 »	Секев	лекеб (leceb).
263	13 сверху	Неджевъ	Неджефъ.
270	18 »	Хидхет-хана	Хидает-хана.
395	15 »	просилъ	проситъ.
—	6 снизу	Міано	Міанэ.
—	9 »	Абдуб-Вехабъ	Абдул-Вехабъ.
399	17 »	шесть	6,000
—	10 »	Джанхатовъ	Джанхотовъ.
400	7 сверху	—	—
413	1 снизу	немедленно	медленно.
418	3 сверху	Билкалса	Билканса.
421	5—3 снизу	но хотя за давностью времени правительство и имѣло бы право считать себя свободнымъ отъ того, чтобы удерживать и пр.	то хотя за давностью времени правительство и имѣло бы право считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, но будучи далеко отъ того, чтобы удерживать и пр.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XIX ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1877 г.

(МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ).

А.

Б.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ч.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1877 года.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Историческія изслѣдованія и біографическіе очерки.

Указы, переписка, донесенія, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Петра III.

Царствованіе Екатерины II.

Портреты и снимки.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ **Исакова, Вольфа, Мамонтова, Глазунова и Анисимова,** и въ г. Павловскѣ, въ воксалѣ, продается новая книга:

ПАВЛОВСКЪ,

ОЧЕРКЪ ЕГО ИСТОРІИ и ОПИСАНІЕ.

1777—1877 гг.

Въ 8-ю долю, 600 страницъ, съ портретами: императора **Павла I**, императрицы **Маріи Ѳеодоровны**, великаго князя **Михаила Павловича** и со снимкомъ съ рисунка великой княгини (императрицы) **Маріи Ѳеодоровны** (1790 г.). Изданіе украшено 50-ю рисунками видовъ, зданій и художественныхъ памятниковъ, находящихся въ Павловскѣ. Къ книгѣ приложенъ хромолитографированный планъ города Павловска.

Рисунки исполнены съ натуры художниками К. О. Брожемъ, И. С. Пановымъ и В. С. Шпакомъ. Гравировалъ академикъ граверъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковъ.

Цѣна книги въ переплетѣ 5 р., безъ переплета 4 р.

(Складъ изданія въ канцеляріи Городоваго Правленія въ Павловскѣ; выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ).

Содержаніе книги слѣдующее: I. Очеркъ исторіи Павловска: 1) 1777—1796 гг.; 2) 1796—1801 гг.; 3) 1801—1828 гг.; 4) 1828—1849 гг.; 5) 1849—1877 гг. II. Описаніе Павловска.—Въ приложеніи, кромѣ многихъ архивныхъ документовъ, напечатаны: дневникъ императрицы Маріи Ѳеодоровны на Фермѣ (1809—1828 гг.). Письма великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны (1781—1789 гг.). Описаніе дворца въ Павловскѣ (1795 г.) составленное и собственноручно написанное великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, и духовное завѣщаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны 1827 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 Г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Корабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ **1870** г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ **Л. Сѣряковымъ** рисунками и виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[*Имѣется немного экземпляровъ*].

Исторія Россійской академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. 3. Спб. 1876. 8 д. л. II+453 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Исторія христіанской правосл. церкви П. Смирнова. 1876. 8 д. л. 136 стр. 2000 экз. Ц. 60 к. с.

Кавказскій Сборникъ. Томъ I. Тифлисъ. 1876. 8 д. л. IX+409 стр. и 5 картъ. Ц. 2 р. с.

Каталогъ изданій Императорской академіи наукъ. I. Изданія на русскомъ языкѣ. Спб. 1876. 8 д. л. I+55 стр.

Констанцскій соборъ 1414—1418. Изд. Императорскаго русск. археологич. общества. Спб. 1874. 2 д. л. III+22 стр. текста и 72 стр. рис. 1010 экз.

Къ восточному вопросу. Характеристика отношеній русскихъ евреевъ къ славянскому движенію и взглядъ ихъ на него. А. Г. Кауфманъ. Одесса. 1876. 8 д. л. 20 стр. 1000 экз.

Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи. «Приказъ артиллеріи» (1701—1720). Н. Е. Бранденбурга. Спб. 1876. 8 д. л. III+555 стр. и 3 стр.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія. Изд. редакціи «Братскаго слова». Томъ II. Москва. 1876. 8 д. л. 430 стр. 420 экз.

Матеріалы для исторіи русскаго флота. Ѳ. Веселаго. Часть VI. Спб. 1877. 8 д. л. IV+770 стр. 600 экз. Ц. 2 р.

Объ отечественной войнѣ. Изъ воспоминаній стараго финляндца. Ф. Ростковскаго. Спб. 1876. 8 д. л. 53 стр. 6000 экз.

Объ употребленіи евреями христіанской крови и нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ евреямъ вообще. Н. Д. Шигарина. Спб. 1877. 8 д. л. 161 стр. 2500 экз.

Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. В. Григоровича. Одесса. 1876. 8 д. л. 26 стр. 300 экз.

Олонецкій Сборникъ. Изданіе Олонецкаго губ. стат. комитета подъ ред. А. Иванова. Петрозаводскъ. 1876. 8 д. л. 168+92+32+9+1 стр. и 3 карты.

О Мазовецкомъ правѣ. Магистерская диссертація Карла Дунина. Часть I. Варшава. 1876. 8 д. л. IV+246 стр. 300 экз.

Описаніе Раконской Святотроицкой пустыни. Спб. 1876. 8 д. л. 60 стр. 2000 экз.

Описаніе церкви Воскресенія Христова. Свящ. Исполатова. Спб. 1876. 8 д. л. 23 стр. 300 экз.

Опись актовой книги Кіевскаго центральнаго архива. № 20. П. Новицкаго. Кіевъ. 1876. 8 д. л. 24 стр. 400 экз.

Отчеты о розысканіяхъ, произведенныхъ въ рижскомъ и ревельскомъ архивахъ по части русской исторіи. Герм. Гильдебрандта. Спб. 1877. 8 д. л. 95 стр. 200 экз. Ц. 40 к. с.

Правда о Сербіи. Кн. В. Мещерскаго. Спб. 1877. 378 и 2 стр. 8 д. л. 1500 экз. Цѣна 2 р.

Прогулка по Собственному Его Величества царскосельскому арсеналу. Е. А. Кеммерера. Спб. 1876. 8 д. л. 85 стр. 535 экз.

Римскій католицизмъ въ Россіи. Графа Дм. А. Толстаго. Томъ I. Спб. 1876. 8 д. л. VIII+538 стр. 2100 экз.

Римскій католицизмъ въ Россіи, историческое изслѣдованіе графа Дм. А. Толстаго. Томъ II. Спб. 1877. 8 д. л. III+438+139 стр. 2100 экз. Ц. 6 р. с.

Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. А. фонъ-Фрикена. Часть II. Москва. 1877. 8 д. л. 250 стр. 1200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе подвижники. Графа М. Толстаго. Москва. 1876. 8 д. л. 130 стр. 600 экз.

Русскій энциклопедич. словарь. И. Н. Березина. Годъ третій. Отд. III. П. Выпускъ IX. Тетр. II. Спб. 1876. 4 д. л. 672 и XIX—XXXVI и XIV стр. 2000 экз.

Славянская война за независимость. Свѣтопечатный сборникъ. Изд. В. С. и В. Р. Вып. 2 съ 5 рисунками. Спб. 1877. 4 д. л. 7 стр. 1500 экз. Ц. 50 к. с.

Славянскій вопросъ. В. С. Неклюдова. Москва. 1876. 8 д. л. 61 стр. 525 экз.

Сказаніе о святынѣ Петропавловскаго собора. Спб. 1876. 16 д. л. 51 стр. 1000 экз.

Сказаніе о томъ какъ была основана Троицко-Сергіева лавра. Т. Толычевой. Москва. 1876. 8 д. л. 32 стр. 6000 экз. Ц. 10 к. с.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“.**

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. —VI. Критика и библіографія рус.-исторической литературы.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Перечень новыхъ русско-историческихъ книгъ.—X. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина“ **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, **8** руб.

Семевскій.